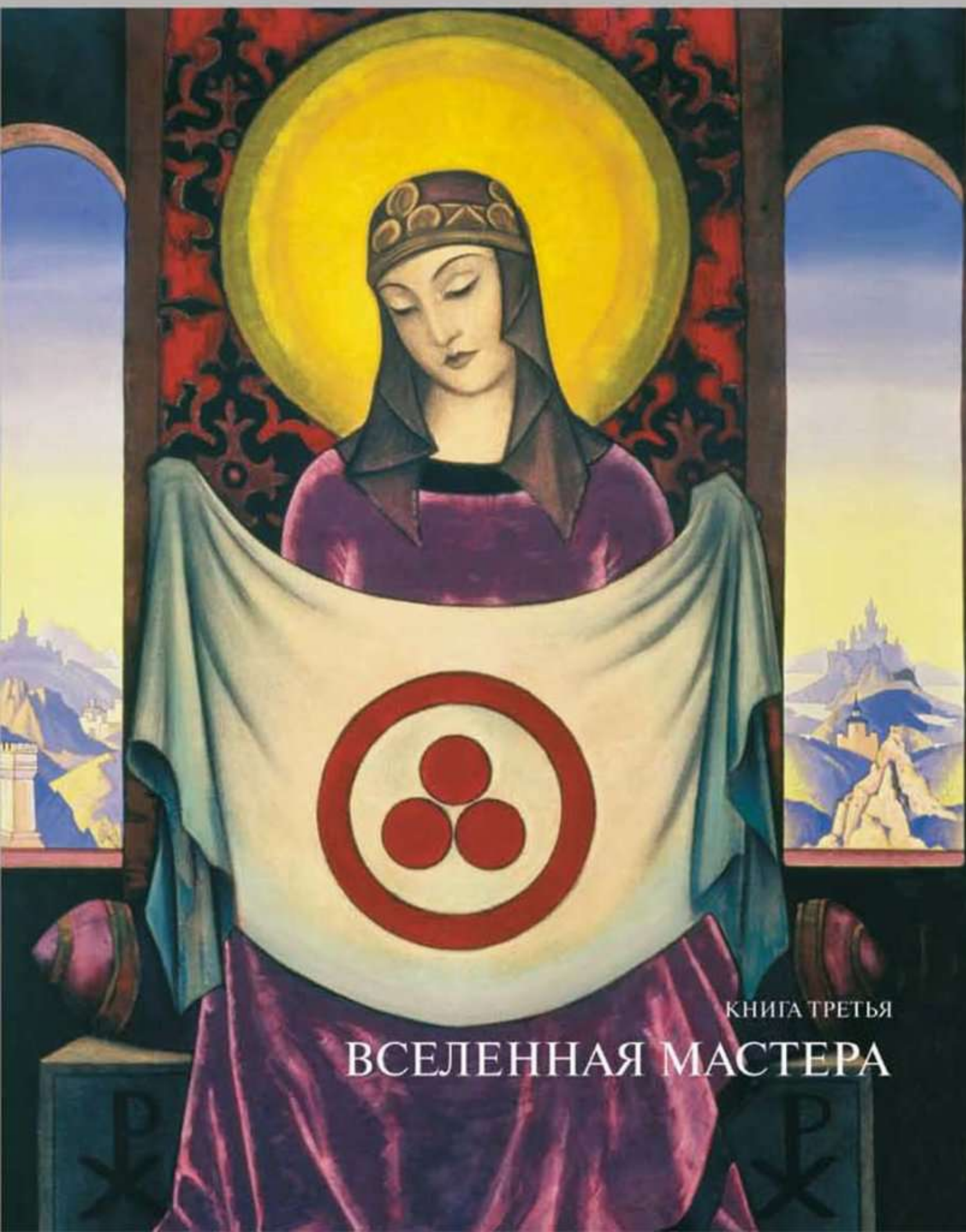

Л.В.ШАПОШНИКОВА
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВСЕЛЕННАЯ МАСТЕРА

Л.В.Шапошникова

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВСЕЛЕННАЯ МАСТЕРА

Международный Центр Рерихов
Мастер-Банк
Москва, 2005

ББК 87.3
Ш 24

Л.В.Шапошникова

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Книга третья. ВСЕЛЕННАЯ МАСТЕРА

М.: Международный Центр Рерихов, 2005. — 1088 с., илл.

Книга Л.В.Шапошниковой «Вселенная Мастера» завершает трилогию автора «Великое путешествие», посвященную гениальному художнику и мыслителю Николаю Константиновичу Рериху и его семье. Из этой книги читатель узнает об исторических корнях новой системы познания и формировании космического мышления. Именно Россия была пространством, в котором зародилось космическое сознание или, как мы его еще называем, космизм. Великие русские ученые В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский, а также выдающиеся философы Серебряного века – В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Н. и Е.Н. Трубецкие и другие стояли у истоков нового мышления человечества. Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи сыграли важнейшую роль в этом эволюционном процессе. Именно они, в сотрудничестве с группой восточных Учителей, создали философию Космической Реальности, Живую Этику, которая легла в основу космического мышления и его новой системы познания. «Вселенная Мастера» знакомит с основными особенностями этой философии и определяет ее место в космической эволюции человечества. Живая Этика – самое важное свершение во всем творчестве Рерихов.

В 1990 году младший сын Рерихов Святослав Николаевич передал России в лице Международного Центра Рерихов бесценное наследие своих родителей. Созданный на этой основе Музей имени Н.К.Рериха в Москве – главный центр научного исследования рериховского наследия и осмысления процессов, идущих в пространстве нового космического мышления.

Книга написана доступным языком, со многими иллюстрациями и, несомненно, вызовет значительный интерес у самого широкого круга российских и зарубежных читателей.

На обложке: *Н.К.Рерих*. Мадонна Орифламма

ISBN 5-86988-162-5

© Л.В.Шапошникова. Текст, составление, 2005

© Международный Центр Рерихов, 2005

ПРОЛОГ

Все разъясняется, все делается понятно – умей только хорошо обращаться с фактом, умей зорко наблюдать, изоощрять чувства, научись правильно наблюдать, тогда исчезнут перед тобой чудеса и мистерии природы, и устройство вселенной сделается таким же обыденным фактом, каким сделалось теперь для нас все то, что прежде считалось недоступным и сокровенным.

Такое убеждение с каждым днем все более проникает в сознание не только передовых людей, жрецов науки, но и целых масс.

Н.И.Пирогов

После работы он обычно возвращался в свое имение. По мере удаления от города становилось все тише и тише, на землю спускались ранние сумерки, затем наступала темнота; где-то там, в стороне от дороги, где стояла деревня, зажигались неяркие огоньки и доносился собачий лай. Коляска въезжала в ворота усадьбы, и старый слуга, помогая ему сойти, говорил свое привычное: «Пожалуйте, барин, домой», – и открывал перед ним тяжелую дверь дома. Он входил в переднюю, полную знакомых запахов и каких-то неприметных шорохов, которых, если к ним не прислушаться, как бы и не было. Домашний скрип половиц сразу начинал действовать на него успокаивающе. Там, в беспоконном шумном городе, остались все его заботы, стоны больных, кровавые бинты оперируемых, хирургические инструменты, которые он ощущал каждый день своими пальцами как привычную часть своих рук, смешанный запах лекарств, которого он, хирург, вдыхал так много, что временами даже не замечал его. Все это он не впускал в свою уютную деревенскую усадьбу, стараясь здесь оградиться от всего того, что мешало ему думать и размышлять. Эти размышления с некоторых пор все больше и больше увлекали его. Они приносили ему радость неожиданных открытий и тайных мыслей, которыми он не мог, а скорее, не хотел делиться с остальными, даже самыми близкими. Эти мысли обычно достигали его во время вечерних прогулок, удивляя своей стройностью и скрытым в них смыслом. Они противоречили всему образу его жизни, его главному делу, в котором он достиг многого. Его имя в медицинских кругах было весомым и непоколебимым. Его авторитет хирурга и ученого – непревзойденным и прочным. Но ни то ни другое не имело никакого отношения к его размышлениям во время тихих вечерних прогулок. Он всегда занимался серьезным

делом спасения жизни людей и облегчения их страданий. И это дело он считал самым главным не только для себя, но и вообще. Философия или подобные ей так называемые науки его никогда не привлекали. И вот в самом конце жизни надо же было такому случиться...

После прогулок он записывал свои размышления в толстую тетрадь, которую тщательно скрывал от посторонних взглядов. Особенно интересные мысли у него появлялись, когда погода была ясной, а над дальним лесом и его домом зажигались бесчисленные и таинственные звезды. Он делал записи каждый день, пропуская лишь те дни, когда по каким-то причинам не мог отправиться на прогулку. Потом он озаглавит свои записи – «Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой. 5 ноября 1879 – 22 октября 1881». Сам же автор дневника после своей последней записи прожил совсем немного – не более месяца и умер в том же 1881 году. Сведения о нем можно найти в энциклопедических словарях: «Советском энциклопедическом словаре» (1988) и «Малом словаре Брокгауза и Ефрона» (1994, репринтное переиздание). Если объединить информацию того и другого источника, получится небольшая справка, в которой окажется все существенное. Справка выглядит так: Пирогов Николай Иванович (1810–1881), русский хирург, основоположник военно-полевой хирургии и анатома-экспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1847). Участник Севастопольской обороны (1854–1855), франко-прусской (1870–1871) и русско-турецкой (1877–1878) войн. Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя. Кроме этого ввел неподвижную гипсовую повязку и разработал методику ряда важных хирургических операций. Применил новые методы анатомических исследований. Основал в Петербурге анатомический институт, а при нем музей. Им написаны многие тома научных работ в области медицины, среди которых и «Топографическая анатомия», получившая мировое признание. Пирогова называли «отцом русской хирургии». Он был также выдающимся общественным деятелем. Вел последовательную борьбу с сословными предрассудками в области образования, выступал за автономию университетов и всеобщее начальное образование. Кроме всего этого, он был человеком великого мужества, не менее великого самопожертвования и высочайшей скромности. По причине последнего качества и его дневник, «писанный исключительно для самого себя», так долго не находил своего читателя...

Во время прогулок-размышлений он испытывал нечто такое, что было для него новым, неожиданным и неповторимым. Он как бы отрывался от земли, от этого чернеющего вдали леса, от тропы, идущей по берегу прозрачной реки и, наконец, от своего дома, стоявшего где-то за еле видневшейся оградой. И в этом состоянии он пытался заглянуть внутрь себя, но не туда, где находились его кровеносные сосуды, органы, клетки тканей и все остальное, с чем он был знаком давно как врач и исследователь плотно-материальной оболочки человека. Он чувствовал и хорошо понимал, что внутри него, кроме всего этого, есть пространство совсем другого свойства, которое нельзя ни увидеть, ни прикоснуться к нему скальпелем. В этом пространстве жила тайна, Высшая тайна его бытия. Он ощутил это пространство в самом конце своей жизни и стремился понять его предназначение и свое место в нем. Он представлял себе достаточно четко, что нечто, существовавшее в его невидимом внутреннем мире, было, как ни странно, связано с чем-то высоким, охватывающим все Мироздание и эту сверкавшую над ним звездную Вселенную. Поначалу он никак не мог поверить в соотносимость того и другого. Но постепенно в нем возникло убеждение в такой соизмеримости, и тогда его мысли потекли легко и свободно, наполняясь иным, чем раньше, содержанием, неся еще неведомую ему информацию.

«Я представляю себе, – записывал он, – нет, это не представление, а греза – и вот мне грезится беспредельный, непрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себя всю Вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограниченных представлений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия – к разряду ли сил или бесконечно утонченного вещества, – он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам»¹.

Он всю жизнь резал и спасал эту материю, не подозревая ни о чем, существующем кроме нее. Он не был религиозным человеком, рационализм всегда возобладал в его мыслях и действиях. И вот теперь ему открылось нечто, чего как ученый и врач объяснить он не мог. Открылась умопостигаемая в глубинах Космоса материя иного, более высокого состояния, и он назвал ее «бесконечно утонченное вещество».

---

¹ *Пирогов Н.И.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 1962. Т. 8. С. 86.

Тогда, в конце XIX века, экспериментальная наука ни о чем подобном не знала. Он не мог ни объяснить, ни сформулировать тот метод, которым он постиг неведомую для него тайну иного состояния материи. Обо всем этом будет сказано и написано уже в другом веке, до которого он не доживет. Но это «бесконечно утонченное вещество» станет главным сюжетом его размышлений на вечерних прогулках. Привыкший чувственно ощущать плотную земную материю, он тем не менее не сомневался в существовании другого ее вида, хотя и не называл ее материей. Для этого у него не хватало подлинно научной информации. Будучи ортодоксальным последователем экспериментальной науки, он не мог отнести то, что интуитивно чувствовал в себе, к ее пространству. Это было что-то иное, как бы вне пределов этой науки, не поддававшееся эксперименту, которым он привык проверять истинность того или иного явления. От этого в нем возникал разлад, который и заставлял его тщательно скрывать эти тревожащие, но теперь уже неизбежные мысли. А они разрастались и уже начинали жить своей, независимой от него жизнью. Они как бы постепенно, порой даже незаметно, подводили его к идее одушевленного Космоса. И однажды он записал в дневнике: «Если же ум наш не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может не видеть самого себя, т.е. видеть разумное; и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни»¹. И он уже не отрицал мысль о том, что его индивидуальный разум может быть тесным образом связан с этим вселенским, непостижимым разумом. Он шел как бы от ступени к ступени какой-то гигантской и невидимой лестницы и начинал чем-то нематериальным в нем самом понимать, что мысли, пришедшие ему в голову, столь же истинны, как и результаты чистого эксперимента. Он столкнулся с каким-то иным, неведомым ему методом исследования, где он сам, врач Пирогов, играл странную и неожиданную для него роль своеобразного инструмента этого исследования. И это было так ощутимо и убедительно, что спустя некоторое время он перестал сомневаться в этом инструменте и только жалел о том, что подобные мысли не пришли к нему раньше, в расцвете его научной работы.

«...Ум мой не мог не усмотреть, что главные его проявления – мышление и творчество, согласны с законами целесообразности и причинности, ясно обнаруживаются и во всей мировой жизни без участия

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 86.

мозговой мякоти». И далее: «Вот это-то открытие собственным своим мозговым мышлением мышления мирового, общего и согласного с его законами причинности и целесообразности творчества Вселенной, и есть то, почему ум мой не мог остановиться на атомах, ощущающих, сознающих себя, мыслящих и действующих только посредством себя же, без участия другого, высшего начала сознания и мысли»¹.

Таким образом, старый врач, как он себя называл, пришел к идее существования в Космосе или Вселенной «высшего начала сознания и мысли», к идее, которая потом станет одной из основных в новом космическом мышлении России.

Он понимал теперь, что есть мысль Высшая и мысль его, врача Пирогова, которая казалась принадлежащей ему самому. Как они взаимодействуют между собой? Он уже знал, что существует мысль в пространстве «без мозговой мякоти», но как она влияет на материю, которую нельзя сбросить со счетов? И откуда-то из глубины его же существа на вопросы, им поставленные, приходили ответы. Этот странный механизм увлекал его, затягивал и теперь составлял самое главное в его вечерних размышлениях. Ему оставалось проверить их доступной ему логикой и записать.

«Цель и мысль, пойманные, так сказать, в сети материала, на полотне в красках живописца, в мрамор зодчего, на бумагу в условные знаки и слова поэта, живут потом целые века своей жизнью, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержащееся в них творчество. Мысль, проникая в грубый материал, делает его своим органом, способным рождать и развивать новые мысли в зрителях и читателях. Если это неоспоримый факт, то для меня не менее неоспоримо и то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом Вселенную, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала и мой мозг органом мышления. Действительно, его ни с чем нельзя лучше сравнить, как с музыкальным органом, струны и клавиши которого приводятся в постоянное колебание извне, а кто-то, ощущая их, присматриваясь, прислушиваясь к ним, сам приводя и клавиши и струны в движение, составляет из этих колебаний гармоническое целое. Этот кто-то, приводя мой орган в унисон с мировой гармонией, делается моим “я”; тогда законы целесообразности и причинности действий мировой идеи делаются и законами моего “я”, и я обретаю их в самом себе, перенося их проявления извне в себя и из себя в природу»².

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 87.

² Там же. С. 87–88.

Этот удивительный фрагмент как бы представляет собой целую концепцию того, как проявляет себя мировая мысль в материи и как она творит в ней, закладывая в материальную субстанцию свои идеи, которые, развиваясь, дают определенный эволюционный импульс тому материальному пространству, в котором действует эта высшая мысль. Проблема мышления и природы самой мысли потом, в XX веке, будет занимать умы философов, ученых и художников, но так четко сформулировать творческий процесс Высокой мысли им удастся не сразу.

«И в меня, – записывал Пирогов в своем дневнике, – невольно вселяется убеждение, что мозг мой и весь я сам есть только орган мысли мировой жизни, как картины, статуи, здания суть органы и хранилища мысли художника»¹. Это ощущение не покидало его до самой смерти. Он как бы постиг своим сознанием главную суть космического мыслетворчества и почти физически осязал ту гармонию, которая каждый раз возникала между его мыслями и пространственной Высшей мыслью, когда он начинал во время прогулки задавать кому-то неведомому и невидимому свои вопросы.

«Для вещественного проявления мировой мысли и понадобился прибор, составленный по определенному плану из группированных известным образом атомов, – это мой организм, а мировое сознание сделалось моим индивидуальным посредством особенного механизма, заключающегося в нервных центрах. Как это сделалось – конечно, ни я, ни кто другой не знаем. Но то для меня несомненно, что сознание мое, моя мысль и присущее моему уму стремление к отыскиванию целей и причин не могут быть чем-то отрывочным, единичным, не имеющим связи с мировой жизнью и чем-то законченным и заканчивающим Мироздание, т.е. не имеющим ничего выше себя»².

В тот вечер, когда он записал эти слова, он еще раз остро почувствовал свою связь и даже, можно сказать, единство с тем высоким, непостижимым, что таилось и действовало там, в звездной беспредельности Вселенной. В грядущем веке это назовут космическим мироощущением, но старый врач тогда еще не знал этих слов.

«Где орган мышления для мировой мысли? Где ее проявления без мозговой мысли? – спрашивал он себя. – В том-то и дело, – ответу на это, – что то же самое чувство, которое убеждает нас в нашем бытии, неразлучно с этим убеждением и вселяет в нас и другое – о существовании мира, т.е. о проявлениях мировой мысли. И тот же самый ум,

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 88.

² Там же. С. 88–89.

который убеждается в целесообразности наших жизненных функций, видит и целесообразность в бытии других мировых функций; другими словами, наш же собственный ум, как бы он настроен (эмпиризмом или идеализмом) ни был, не может не заметить присутствия мысли вне себя, точно так же, как не может не убедиться в присутствии вещества в нашем организме и вне его»¹. И далее: «Мозговой ум наш и находит себя, т.е. свойственное ему стремление к целесообразности и творчеству, вне себя только потому, что он сам есть не что иное, как проявление высшего мирового ума»².

Он пришел к выводу, что Мирозданием правит его основная творческая сила – Мировой разум, и его главное проявление – Мировая мысль. Убеждение человека в том, что его мозг рождает его собственные мысли, он считал, после долгих своих размышлений, иллюзией и заблуждением. Он как бы единым умственным взглядом окинул всю Вселенную и процессы, идущие в ней, и проник в ее главную тайну – связь индивидуальных функций человека со всем, что происходит в этой Вселенной, – чтобы понять источник и Мировой мысли, и источник его собственных мыслей. К счастью, он обладал тем мужеством мышления, которое позволило ему не дрогнуть и не отступить перед сделанными выводами, как, возможно, это случалось не однажды с профессиональными философами его века.

«Не потому ли ум наш, – записывал он, – и находит себя, т.е. мысль и целесообразное творчество, вне себя, что он сам есть проявление того же самого высшего, мирового, жизненного начала, которое присутствует и проявляется во всей Вселенной. Мировая мысль, присущая этому началу, совпадает, так сказать, с нашей мозговой мыслью, служащей ее проявлением, и потому те же стремления и сходные атрибуты находим мы в той и другой. Совпадение свидетельствует об одном и том же источнике, но различие неизмеримо велико, несравненно более велико, чем мы, например, полагаем между особью и родом или племенем. Наша мысль есть действительно только индивидуальная, и именно потому, что она – мозговая, органическая. Другая же мысль, проявляющаяся в жизненном начале всей Вселенной, именно потому, что она мировая, и не может быть органической. А наш, хотя бы и общечеловеческий, но, в сущности, все-таки индивидуальный ум, – и именно по причине своей индивидуальности, а следовательно, органичности и ограниченности, и не может возвыситься до понимания тех высших

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 90.

² Там же. С. 92.

целей творчества, которые присущи только уму неорганическому и неограниченному – мировому»¹. Тем не менее, ум старого врача дошел до понимания того, что он изложил выше. Ибо этот ум и сознание были много выше ординарных умов не только страны, но и планеты, и были призваны выполнить свою определенную миссию – заложить в фундамент нового космического мышления те краеугольные камни, на которых воздвигнется потом прекрасное здание космического мироощущения. Пирогов был среди тех немногих, которые почувствовали неизбежность подобного мышления и смело пошли ему навстречу. Мысль о единстве Мироздания, прозвучавшая в его дневнике, была одной из важнейших, если не самой главной, для наступающего нового мышления. Она совместилась в дневнике с другой, не менее важной – об определенной ограниченности плотной материи физического мира, которая, с одной стороны, могла взаимодействовать с высшими структурами Космоса, а с другой, в силу своей ограниченности, не достигала еще того уровня, который ей предлагали Мировой разум и Мировая мысль, материя которых была совсем другой, резко отличной от плотной. Он не мог определить эту неведомую ему материю, ибо всю свою жизнь имел дело с плотной, органической материей. Он смог только почувствовать разницу между той и другой и, таким образом, открыть дорогу к последующим изысканиям.

В этих своих размышлениях он пришел к понятию Беспредельности, в таинственных процессах которой были задействованы такие явления, как жизнь, сила, время, пространство, вещество. Иными словами, все то, что потом, в следующем веке, привлечет пристальное внимание крупнейших ученых, которые почувствуют неизбежность космического мироощущения. Они пойдут в изучении этих явлений от Земли, от плотной материи, которая долгое время была главным объектом научных исследований, – от низа к верху. Он же в своих озарениях предложил иной путь, более отвечающий реальности, – от верха к низу. Ибо интуитивно ощущал, что причина всех перечисленных выше явлений существует именно наверху, в том таинственном пространстве, материю которого он никак не мог определить. Именно там, в Беспредельности, находились все «начала» – жизни, вещества, силы, времени, пространства. Интуиция его так высоко поднялась, а сознание, расширившись, перешло на ту ступень, когда знания его возникали уже как озарения, так напоминавшие зарницы на темном

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 97.

вечернем небе. И озарения и зарницы были светом. Свет зарниц ему был понятен. В озарениях же содержался свет иной, несший другие особенности и постижения.

Жизнь... Кто, как не он, врач, хирург, видевший смерть на поле брани и на операционном столе, мог рассказать о ней. Тогда ему казалось, что начало и конец жизни находятся в его руках, и он не задумывался над тем, что такое жизнь другая, не органическая, появившаяся природным, естественным путем и таким же путем уходившая.

«И вот мне кажется, – записал он в дневнике, – что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как со светом <...> Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать через вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действием жизненного начала»¹.

Это была гениальная догадка, как могли бы сказать век спустя. Жизненное начало, подобно свету пронизывающее все вещество. Особый свет, непохожий на земной. И он вспомнил Библию, к которой относился скептически, считая ее мифом. Он читал ее только в детстве. Полученное в детстве запоминается на всю жизнь. «В начале было Слово, и Слово было Бог... И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Тот свет, в котором и содержалось жизненное начало, с чего зародился мир. Или, вернее, – проявление мира, или космическое его сотворение. Тогда он понял, что жизнь есть космическое явление. Органическая жизнь земли лишь следствие этого явления. В какой-то момент его размышлений врач и материалист взяли верх над его мыслями. А если его дневник кто-то прочтет, что он о нем, знаменитом Пирогове, подумает или скажет? Но это был лишь краткий момент колебаний. На смену ему пришла твердость убеждения, не требовавшая даже подтверждения экспериментом. Он понимал, что там, откуда приходили к нему мысли, эксперименты были не нужны. Но оттуда шло знание, как и в случае с экспериментом. Он, старый врач, не экспериментом, а убеждением своим подтверждал это знание. «Бессмысленным называется то, что противоречит нашим убеждениям, – именно убеждениям, а не знаниям, ибо убеждения влияют на нас сильнее знания»². Но основа этих убеждений – разная. Есть в ней преходящее и непреходящее. Он столкнулся с непреходящей, вечной основой. «Если смысл наш, – писал он, – зависим от наших современных убеждений, а они, в свою очередь,

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 99.

² Там же. С. 100.

преходящи и не всегда по своей силе и упорству соответствуют нашим знаниям, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направление не должны смотреть свысока на другие, им противоречащие доктрины и направления, а умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, разных кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии»¹. К последним он относил себя. «Так ли, иначе ли, – выводил он твердой рукой хирурга, – развилась животная жизнь на земле, принцип целесообразности в творчестве от этого ничего не теряет и присутствие мировой мысли и жизненного начала во вселенной не делается сомнительным»². И еще: «Если нам суждено в наших мировоззрениях подвергаться постоянно иллюзиям, то моя иллюзия, по крайней мере, утешительна. Она мне представляет вселенную разумной и деятельностью действующих в ней сил целесообразной и осмысленной, а мое “я” – не продуктом химических и гистологических элементов, а олицетворением общего, вселенского разума, который я представляю себе свободно действующим по тем же законам, которые начертаны им и для моего разума, но не стесненным нашей человечески сознательной индивидуальностью»³. Итак, у великого К.Э.Циолковского, ученого и философа, был предшественник, который так же космично воспринимал Мироздание, как и его более поздний единомышленник. Может быть, была какая-то связь между тем и другим, или Циолковский каким-то невероятным способом прочел дневник Пирогова, «писанный исключительно для самого себя»? Вряд ли. Ибо подобные мысли Циолковский изложил почти 50 лет спустя после того, как врач Пирогов писал свой дневник. Скорее, речь может пойти об общем источнике знаний, которым воспользовался и тот и другой. И, конечно, Николай Иванович Пирогов никогда не мог и подумать, что опередил на несколько десятков лет одного из основателей нового, космического мышления XX века.

Пирогов в своей деревенской глуши написал еще немало интересного. Он указал на необходимость расширенного сознания, не имея представления о Великом космическом законе причинно-следственных связей, сформулировал его основной смысл.

«Видя на каждом шагу связь между действиями и причинами, отыскивая по бессознательному (невольному) требованию рассудка везде причину, где есть действие, мы неминуемо, роковым образом,

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 101.

² Там же. С. 121.

³ Там же.

приходим к заключению, что и между всеми действиями и всеми причинами существует неразрывная, вечная связь.

При таком взгляде случай будет не более как действие, причина или причины которого нам еще неизвестны, а для многих событий, можно утверждать *a priori*, и никогда не будут известны. Это почему? А потому, что стечение обстоятельств в одну бьющую точку – случай, бывает до того сложно, что для определения его понадобилось бы невозможное знание всего прошлого и настоящего»¹. И в завершение: «Я – за предопределение. По-моему, все, что случается, должно было случиться и не быть не могло»². На этом можно было бы и остановиться. Ведь все, что записал «отец хирургии» в своем дневнике, потом найдет свое отражение в XX и в XXI веках в новом космическом мышлении, ибо этот дневник старого врача был тесно связан с теми эволюционными процессами, которые происходили в преддверии нового века, а затем и нового тысячелетия. Эволюция предопределила те процессы и энергетические тенденции, которые были необходимы для этого времени. Николай Иванович Пирогов, если можно так сказать, попал в этот эволюционный поток, и через него пошла волна в следующий век, формируя новое мышление. Естественно, может возникнуть вопрос: почему именно через него, а не кого-то другого, третьего и т.д.? Космическая эволюция в своих действиях крайне избирательна и делает свой точный выбор, связанный с ее целями и качествами ее избранника. Мужество и самопожертвование, любовь к людям, ясный ум и талант исследователя, высокая нравственность интеллигента, равнодушие к земным благам и почету – уже одного этого хватило бы, чтобы такой выбор пал на этого человека. Но вместе с этим он прошел такую школу в своей профессиональной жизни, которая и не снилась многим его коллегам. Непосредственное участие в трех войнах, операции под огнем противника, сотни раненых, тысячи убитых. В нем счастливо сочетался искусный врач-практик с талантом большого ученого. Подтверждением этому служат многие спасенные им жизни и многотомное собрание его научных трудов. Именно такая жизнь, как ни странно, подготовила его к восприятию высокой мысли об универсальной роли Космоса в жизни человека, о его единстве с этим Космосом, о влиянии на него Высших миров и необходимости сотрудничества человека с этими мирами. Обычный средний хирург, занимаясь своим делом, не имел никакого отношения к высокой мысли Космоса. И надо было быть таким талантливым, широко мыслящим ученым, ка-

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 167–168.

² Там же. С. 170.

ким являлся Николай Иванович Пирогов, чтобы интуитивно ощутить за знакомой ему во всех тонкостях плотной материей человеческого тела что-то невидимое и значительное, связанное с Высшим и в то же время имеющее прямое отношение к этой плотной материи. И не только отношение, но и определяющее закономерности ее развития и ее судьбу.

Да, он был ученым по своему призванию и занятиям, являясь авторитетом для многих в научных кругах. Его экспериментальная база всегда была безупречной. Возможно, именно поэтому он крайне удивился тому, что знание может приходить из какого-то другого, вненаучного источника, но быть таким же истинным, как и полученное экспериментальным путем. Когда удивление прошло, он обнаружил одну важную закономерность этого знания, полученного вненаучным путем. Оно, по еще неизвестным Пирогову таинственным причинам, опережало знание, подкрепленное экспериментом. К сожалению, его дневник есть единственный памятник его философской мысли, и поэтому сейчас крайне трудно решить, дошел ли он до мысли, что опережающее вненаучное знание вело за собой эмпирическую науку и влияло на ее развитие много больше, чем могли предполагать ученые, носители такой науки. Мысли, шедшие из пространства миров иного состояния материи, несли идеи, которые в определенной степени направляли развитие эмпирической науки и составляли как бы первичную материю этой самой науки.

Будучи человеком мужественным и непредвзятым, он размышлял о необходимости синтеза научных и вненаучных способов познания, который даст несомненно плодотворный результат. Знание есть знание, откуда бы оно ни пришло, каким бы путем ни появилось. Он был убежден, что «отвергать одно потому, что мы убеждены в несомненности противоположного ему другого, – дело опасное»¹. В нем самом, подчиняясь законам космической эволюции, уже жил тот неведомый синтез, в котором в каком-то новом качестве сопрягались в гармонии научный и так называемый вненаучный способы познания. Этот синтез и собственное расширенное сознание сделали «отца русской хирургии» одним из предтеч нового космического мироощущения. Но эволюция всегда обеспечивает продвижение своих идей и целей через целые группы воспринимающих эти идеи. XX век был особенно богат такими индивидуальностями, главной опоры нового мышления в самых разных областях культуры и науки. На смену Николаю Ивановичу Пирогову уже шла целая плеяда ученых, мыслителей, художников, которые

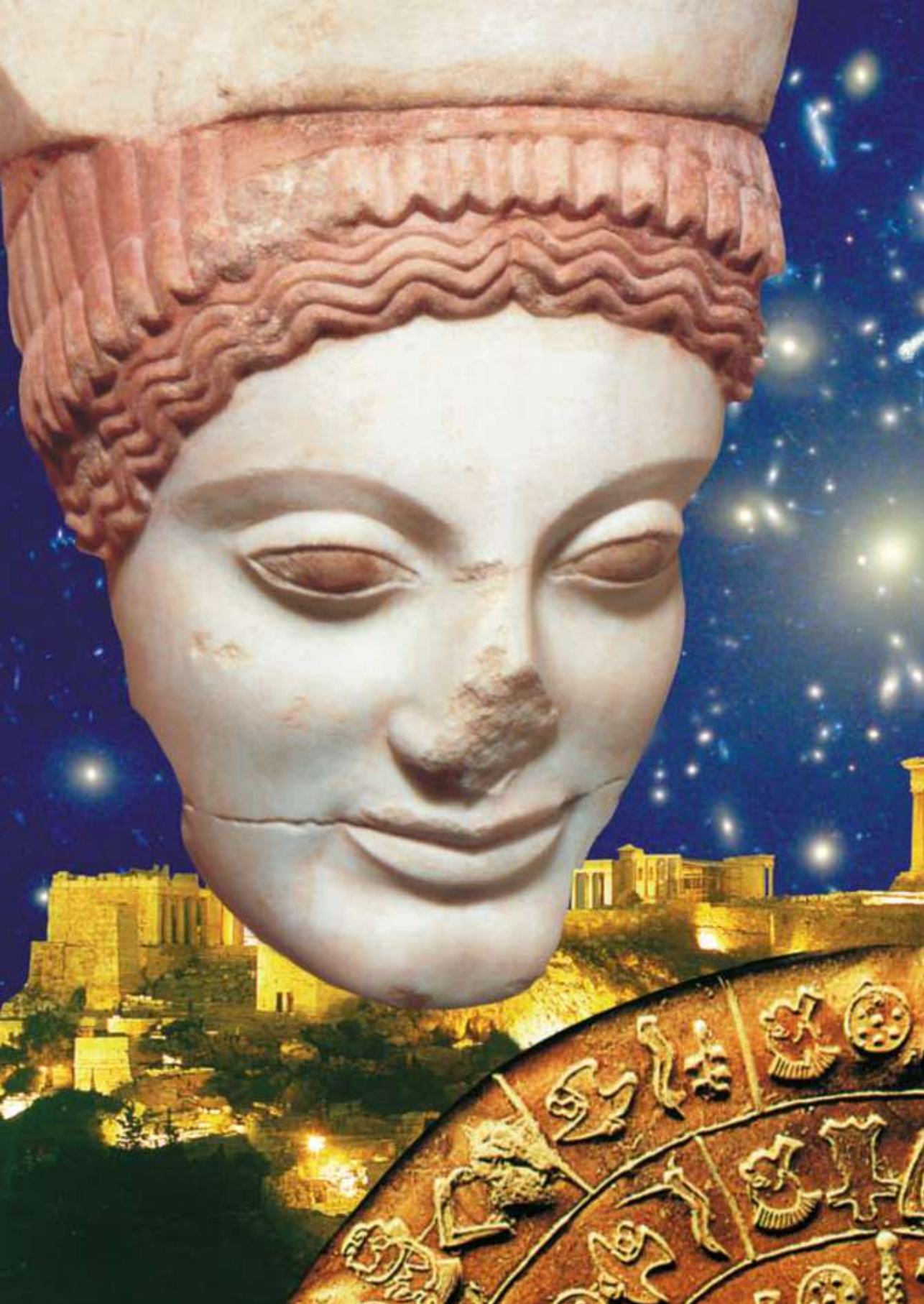
¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 182.

несли в себе различные способы познания, необходимые для формирования нового синтетического мышления. Когда он умер, Павлу Александровичу Флоренскому был 1 год, Елене Ивановне Рерих – 2 года, Николаю Константиновичу Рериху – 7 лет, Владимиру Ивановичу Вернадскому – 18 лет, Константину Эдуардовичу Циолковскому – 24 года, Александр Леонидович Чижевский родится 16 лет спустя после смерти Пирогова. Все они пришли в этот мир в XIX веке, и Николай Иванович был самым старшим среди них. Он опередил их и по возрасту, и по знаниям. Но ему не удалось передать эти знания им напрямую. Но это уже неважно, ибо знания пришедших позже явились из того же Источника, которым пользовался и старый врач.

Я хочу закончить этот очерк цитатой из того же дневника, которая свидетельствует о том, что загробный мир понимался Пироговым по-другому, нежели в христианской религии. Он сделал первую попытку объяснить его научно, вложив в это объяснение все свои знания, обретенные им во время вечерних прогулок. «Истину узнаем только за гробом; там узнаем, соответствовала ли наша жизнь ее истинной цели. Органические страсти с их увлечениями и чувственность вещественного бытия, перестав существовать, дадут возможность нам стать к истине лицом к лицу; это не то, что стоять лицом к лицу с нашей совестью здесь, живя вещественно: там придется иметь дело с самой истиной, которой мы так добиваемся здесь и вместе с тем стараемся ее избежать»¹. Николай Иванович, размышляя таким образом, сделал попытку понять, чем отличаются друг от друга восприятие в мире плотной материи от восприятия в мире тонком. Это один из важнейших и трудных вопросов в пространстве космического мироощущения. Он сумел интуитивно почувствовать эту разницу и понять главное – в мире плотном нет возможности установить непреходящую Истину. Это можно сделать лишь в тонком мире, где эманации плотной материи, обычно затрудняющие познание, отсутствуют. А если это так, то совершенное постижение Истины, как таковой, без знаний, идущих из миров иных, более высоких состояний материи, не может состояться. Оно не может состояться и в том случае, если мы не примем к сведению опережающего характера знаний, идущих к нам из глубин космической Беспредельности. Иметь мужество посмотреть Истине в лицо дано не каждому. Великому русскому хирургу Николаю Ивановичу Пирогову это удалось, о чем свидетельствует его уникальный дневник, «писанный исключительно для самого себя».

---

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. 8. С. 183.

ЧАСТЬ I
ЗВЕЗДНЫЙ
ПУТЬ ЗЕМНОГО
ЗНАНИЯ

1. СВЯЩЕННАЯ НОЧЬ ЭЛЕВСИНА

...Если твои любимые Афины, по моему мнению, создали многое исключительное и божественное и сделали это достоянием человека, то самое лучшее – те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к тайнствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на будущее.

Из письма Цицерона к другу

С ранней юности я пытаюсь доискаться, что же там некогда происходило. Надежды таяли одна за другой, потому что каменных свидетельств не было.

Много ночей я стоял на ступенях Телестериона, купаясь в волшебном-серебряном сиянии луны, и, надеясь услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну; Элевсинские мистерии разгадать невозможно.

Георгионас Милонас, греческий археолог

Миновав последние метры Священной дороги, я вошла через полуразрушенную арку древних ворот в Элевсин. Над ним стояло необычное для зимы ясное небо, глубокая синева которого придавала камням какой-то призрачный голубой оттенок. Камней было много. Они устилали все пространство некогда главного святилища древней Греции, где происходили знаменитые Элевсинские мистерии, самое загадочное явление этой удивительной страны. Вокруг стояла тишина, и только снизу, где располагался современный город Элевсин, доносился приглушенный, странно не нарушавший эту застывшую тишину шум. Какая-то птаха несколько раз попробовала свой голос и смолкла. Перед моим взором лежали руины, бывшие когда-то Акрополем, Парфеноном, Малыми и Большими Пропилями, Телестерионом, фонтанами и многими другими сооружениями – плодами древнегреческого гения, его художников, архитекторов, скульпторов. Время и люди разрушили и превратили в руины всю эту удивительную красоту, стремясь уничтожить ее дух, ее зна-

ния, ее память. Последним завершил эти чудовищные истребления король вестготов, невежественный и жестокий Аларих. Его привели в это место христианские монахи в черных сутанах, бежавшие впереди опьяненного победами и погромами чужестранного войска, подобно охотничьим псам, выслеживающим кровавую добычу. Какие причины гнали монахов на Элевсин вместе с войском варваров, теперь точно сказать нельзя. Можно предполагать, что это были невежество и нетерпимость. Все случилось на рубеже IV и V веков. После нашествия Алариха святилище Греции перестало существовать. Возникшее где-то в глубине II тысячелетия до н.э., оно достигло своего расцвета в VI–V веках до н.э., во время Духовной революции, изменившей образ мышления и мироощущения древних греков. Элевсинское святилище было пощажено, когда греки воевали с греками, потом с персами, затем с римлянами и турками. После этих войн оно еще продолжало действовать и посвящать самых отважных и подготовленных в вечную тайну мистерии.

Я ходила среди руин и камней, стараясь воспроизвести в своем воображении то, что когда-то было здесь. Мне хотелось увидеть храмы, украшенные искусными барельефами, статуи, стоявшие перед ними, мраморные фонтаны, изящно и тонко сработанные, священные колодцы, гармоничную стройность колоннад Пропилеев, Акрополя, Телестериона... Но мне это не удалось. Я увидела совсем другое: сквозь щели уцелевших каменных полов храмов пробивалась сухая, жесткая трава, фонтаны представляли груды камней, полуразрушенные каменные стены Элевсина напоминали гнилые зубы с большими проемами между ними. От главного места Элевсина – Телестериона, Дома посвящения, остались лишь широкая каменная лестница и основания мраморных колонн, похожих на пни фантастических нездешних деревьев. Полуостертые ступени лестниц поднимались в никуда по склону скалистого холма. Фундамент Дома вестников почти утонул в земле. Вокруг были разбросаны каменные останки домов жрецов, некогда правивших этим царством красоты, духа и знания. И вокруг, насколько хватало глаз – камни, камни, камни... И только древняя пещера почти не пострадала, может быть, потому, что там находился вход в Аид, царство бога Плутона, который также был причастен к Великим мистериям Элевсина, поскольку имел дело со смертью – концом и началом жизни.

Несмотря на то, что город был рядом со святилищем, воздух в последнем был удивительно чистым, с тонким, еле ощутимым ароматом каких-то растений, находящихся здесь же, в этой округе. И что-то еще

присутствовало здесь – почти неосязаемое, но в то же время заставлявшее меня на это «что-то» обратить внимание и почувствовать его. Оно неожиданно дало себя знать каким-то странным покалыванием в кончиках пальцев рук, когда я стояла в центре Телестериона. Позже я узнала, что в этом месте находилось «святая святых» Дома посвящений, и поняла, что это «что-то» было тонкой энергетикой, накопленной в течение многих веков, которую никакие вандалы не могли уничтожить, ибо это была энергетика духа, энергетика культуры. Она оставалась в людях, передавалась из поколения в поколение. Она жила даже в этих камнях, ибо они были когда-то облагорожены высоким творчеством и превратились в носителей духа Красоты, без которой не существует ни одного святого места на земле. Здесь, в Элевсине, она была Красотой скорее рукотворной, в отличие от Дельф, где природная мощная красота горы Парнас, на которой жили музы, гармонично сочеталась с великолепием храма Аполлона. Это там сидела на своем треножнике Пифия, вещавшая о судьбах страны и людей, в ней живших. В Дельфах тоже была тайна знания – знания о прошлом, настоящем и будущем, слитого в одно целое божественной интуицией. В Элевсине не было ни красоты Парнаса, ни очарования роцц пиний, окружающих Дельфийское святилище. В нем существовала лишь ровная земля, спускавшаяся уклоном к жилищам людей, да скалистые пустынные холмы, тянувшиеся к небу. И, тем не менее, именно это место было выбрано для главной, Великой мистерии. В чем же состояла тайна такого выбора? Я бродила по этим священным камням и никак не могла ее разгадать. Я поняла только одно – это была тайна пространства. Известно, что пространство – не такое простое явление, как некоторые себе представляют. В нем много сложностей и немало загадок, связанных с самыми неожиданными процессами. Я продолжала бесплодно размышлять над тайной Элевсина, пока в месте, где был когда-то древний Акрополь, не обернулась в сторону Священной дороги и не увидела несколько иной ракурс пространства. И тогда все стало ясно. Внизу был город с его людьми, своими заботами, своим образом жизни. Затем, выше него, находилось святое место Элевсинских мистерий, а над ним, не заслоненное горами или чем-либо другим, сияло огромное синее небо. И в гармоничной целостности всего этого четко прочитывалось мистериальное святилище как нерушимый мост между землей и человеком, с одной стороны, и этим бесконечным небом, с другой. Элевсин оказался редким местом, где существовал пространственный символ самих мистерий и их связи с Высшим.

Были Малые Элевсинские мистерии и Великие Элевсинские мистерии. Они были связаны с мифологией и богами. Деметра, богиня плодородия и земледелия, являлась главной участницей этих мистерий. Когда-то, как свидетельствует миф, Деметру постигло огромное несчастье. Ее дочь Персефону похитил владыка подземного царства Плутон и надежно спрятал ее там. И Деметра пошла скитаться по всем землям Эллады, ее городам и весям, пытаясь разузнать, куда делась ее любимая дочь. Во время скитаний она терпела лишения, голод и холод и совсем уже было отчаялась, как долгие поиски привели ее к пещере, в которой был вход в подземные владения Плутона, сумрачное царство мертвых под названием Аид. Там Деметра и обнаружила свою пропавшую дочь и потребовала, чтобы Плутон отпустил ее к матери. Однако сама Персефона на это не согласилась. И тогда меж богами было достигнуто компромиссное соглашение: полгода Персефона в качестве супруги Плутона и правительницы его подземных владений будет жить в царстве мертвых и полгода – в доме своей матери. Все это было внешним мифологическим событием, связанным с Элевсинскими мистериями. В то же время в мистериях существовал скрытый, тайный смысл, составлявший их сокровенную суть. К этому следует добавить, что эта суть и являлась сердцевиной древних верований Эллады в целом. Археологи, историки, литературоведы и культурологи, которых привлекали Элевсинские мистерии как духовно-культурное явление, немало потрудились над ними, чтобы восстановить не только внешнюю их сторону, но и внутреннюю, сокровенную. Вторая задача оказалась много трудней первой.

Из центра Эллады – Афин в Элевсин вела Священная дорога длиной в 20 километров. Она начиналась от холма Акрополя, пространство которого было застроено великолепными храмами, святилищами и прочими сооружениями, которые были необходимой принадлежностью любого святого места. Теперь все, что здесь осталось от великолепия древности, тонет в руинах и нагромождениях камней, и только полууцелевшие здания напоминают ту красоту человеческого рукотворчества и духа, которая когда-то царила в этом сакральном пространстве. Сама Священная дорога, которая являлась одной из важнейших святынь Древней Эллады, также с трудом угадывается среди новых построек, дымящих труб, кранов и современных зданий, занимающих всю местность, по которой когда-то в черных одеждах двигались жаждавшие посвящения и обновления своей жизни. Они пели священные гимны и, когда темнело, зажигали факелы, освещавшие

их путь. По обочинам дороги горели костры, указывающие на алтари-жертвенники и храмы. Современное шоссе Афины–Элевсин идет вдоль этой дороги. Я давно заметила, что шоссе в местах с богатым историческим прошлым, как правило, прокладываются вдоль бывших караванных путей, дорог паломников, вдоль оживленных магистралей прошлых торговых артерий.

Великим мистериям Элевсина предшествовали Малые мистерии в Аграх около Афин. Это была первая, подготовительная ступень, где еще не происходило подлинного посвящения, а лишь создавались условия для последующих испытаний. Здесь, проходя через соответствующие ритуалы, посвящаемые преодолевали в себе тьму чувственности и жестокости. После этого наиболее одаренных посещали видения, и они обретали благо воспоминаний. И в мистериях Малых и Великих использовалась накопленная в течение многих веков духовная практика. «Через десять дней, – пишет известный исследователь мистерий Д.Лауэнштайн, – после Анфестерий, трехдневного Праздника цветения с 11 по 13 анфестериона (1–3 февраля), ради глубокого одухотворения справлялись таинства на поле в Аграх»¹. Участники мистерий назывались мистами, что в переводе значит «видящие сквозь туман». Те, кто успешно прошли через ритуал посвящения, становились эпоптами – «видящими непосредственно». В этих определениях была заключена важнейшая суть мистерий – и Малых и Великих. «Видящие сквозь туман» в Аграх становились эпоптами не ранее, чем год спустя, пройдя через испытания Великих Элевсинских мистерий.

«Желающий принять посвящение в Аграх, – пишет Д.Лауэнштайн, – подавал во время Анфестерий (2 или 3 февраля) прошение в храм Кроноса и Реи, что на северном берегу Иллисса, называл свое имя и род и предъявлял дары, какие получил трехлетним ребенком в тот же самый день на том же месте, – тетраэдр, шерстяной лоскут, кубик и шар. У кого они не сохранились, того проверяли по списку граждан и вручали новые; к таинствам допускали только афинян. Причем за плату. Затем претенденту советовали надеть самое простое платье, общали ему пароль нынешнего года, например, “Мойра” или “охотница”, и снабжали соответствующей метой – скажем, красной ниткой на левом запястье, на правом плече или на правой щиколотке.

В вечерних сумерках двенадцатого февраля участники собирались возле храма Кроноса. Рослый силен (сатир) вел их к мосту через

---

¹ *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 168.

запруду, где другие сатиры проверяли у каждого адепта мету, пароль и платые и подвергали всех очищению ладаном. Освященные совершали затем омовение у речки. За мостом их обмазывали жидкой известкой – одному только лицо и руки, других почти целиком. И наконец, жрица в белых одеждах быстрым жестом опалаяла их горящим факелом с головы до ног, спереди и сзади.

Затем их поодиночке вели к Пану, где некий сатир еще раз наставлял каждого в необходимости хранить тайну и в правильном поведении этой ночью: “Ты не знаешь ни мира, ни мистерий, ни души твоей. Коли заметишь что-то новое, воспринимай это как должное; не мни себя умнее других. Коли мистерия неожиданно ошеломит тебя, ответить должна твоя душа, не ты; жди, заговорит ли она. Если нет, с тем большим вниманием наблюдай следующую часть таинств. Сокровенный разговор души и таинства непременно происходит; только он не всегда достигает твоего уха. Но то, что ты услышишь, замкни в себе! Сделай святынею в сердце своем; и пусть не будет туда доступа, дабы защитить святыню в груди твоей – вот зачем мистерии потаенны.

Теперь взгляни на это игровое поле. Оно изображает твою жизнь. Посередине находятся девять полей, по три для богов, героев и людей. Эту часть Мойры определили до твоего рождения. Но боковые поля свободней, они принадлежат титанам. В таинствах тебе дозволено осторожно к ним приблизиться. Лишь они одни способны и готовы поднять тебя на одну или две ступени, а недостойных могут и столкнуть вниз. Лишь в нижней части тебе дана свобода через усердие. В остальных они властвуют безраздельно, руководствуясь степенью пробужденности твоей души... Сейчас будут брошены твои жребии – угадай же, куда склоняется твоя душа: к какому герою, чтобы стал ты с ним схож, к какому богу, чтобы стал он звездой жизни твоей. Скажешь об этом лишь мне; никому другому не открывай священных образов в сердце твоём. Завтра утром снова придешь ко мне, не к другому сатиру”¹.

Кроме мистов, жрецов и наставников в этих мистериях участвовали «мертвые», «волки», боги и богини. У каждого из них была своя роль, свои обязанности в мистериальных ритуалах. «Мертвые» срывали с девушек украшения, недопустимые во время мистерий, и забирали их навсегда, а «волки» срывали с юношей одежду, оставляя им одну серую рубаху, и хлестали их колючими ветками. Все нападающие, благословляющие и помогающие были в масках, обозначающих

---

¹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 169–171.

принадлежность их владельцев к той или иной мистериальной группе. Во время мистерий возникал удивительный мифический мир, через который шли мисты, побеждая или терпя физическое или моральное поражение. Все это сопровождалось пением молитв, тайных гимнов Орфея и исполнением эпических поэм Гомера. Играла музыка, танцевали боги в масках. Все это представление было наполнено тайным символическим смыслом, который проникал в души и сердца тех, «кто смотрит сквозь туман», что-то менялось в них, и они начинали улавливать суть неведомой реальности, запечатленной в словах, музыке, танцах и мистериальном своеобразном спектакле, в котором смешивались в нездешнем действе живые и мертвые, люди и животные, боги и герои, жрецы и жрицы, разнообразные мифологические персонажи и неожиданно вспыхивающие знания, которые придавали таинственный смысл жизни и смерти и меняли духовный мир самих участников.

Но главными всегда оставались Великие Элевсинские мистерии, которые начинались в сентябре. Перед этим знаменательным событием в Афины прибывали два главных элевсинских жреца, носивших титулы иерофанта и дадуха. Жрецов принимал в Пестром портике на северной стороне Нового рынка верховный жрец Афин – архонт бацилевс. Последний давал разрешение элевсинцам через вестника пригласить всех афинян на мистерии в Элевсин. Те, кто хотел принять в них участие, должны были соблюсти определенные условия: «1) незапятнанные кровью руки; 2) “внятная речь”, то есть знание греческого языка, и 3) “праведная жизнь”, то есть отсутствие судимостей»¹, и, естественно, предварительное участие в Малых мистериях.

После того как вестник объявлял в многолюдных местах решение главных жрецов, вновь оживала Священная дорога, зажигались костры у придорожных храмов, готовили жертвенники к приему гостей, читали молитвы и заклинания. По дороге шли претенденты на посвящение в простых черных одеждах, грубых сандалиях, без оружия и украшений. Шли девушки и юноши, женщины и мужчины, в повозках везли стариков и старух. К концу дня процессии появлялись у ворот Элевсина, освещая себе путь факелами. Тут же на площади начинались танцы, звучали песни и до утра гремело веселье. Казалось, люди веселились в последний раз перед чем-то серьезным, что, возможно, изменит их жизнь, в которой не будет ни танцев, ни песен, ни музыки.

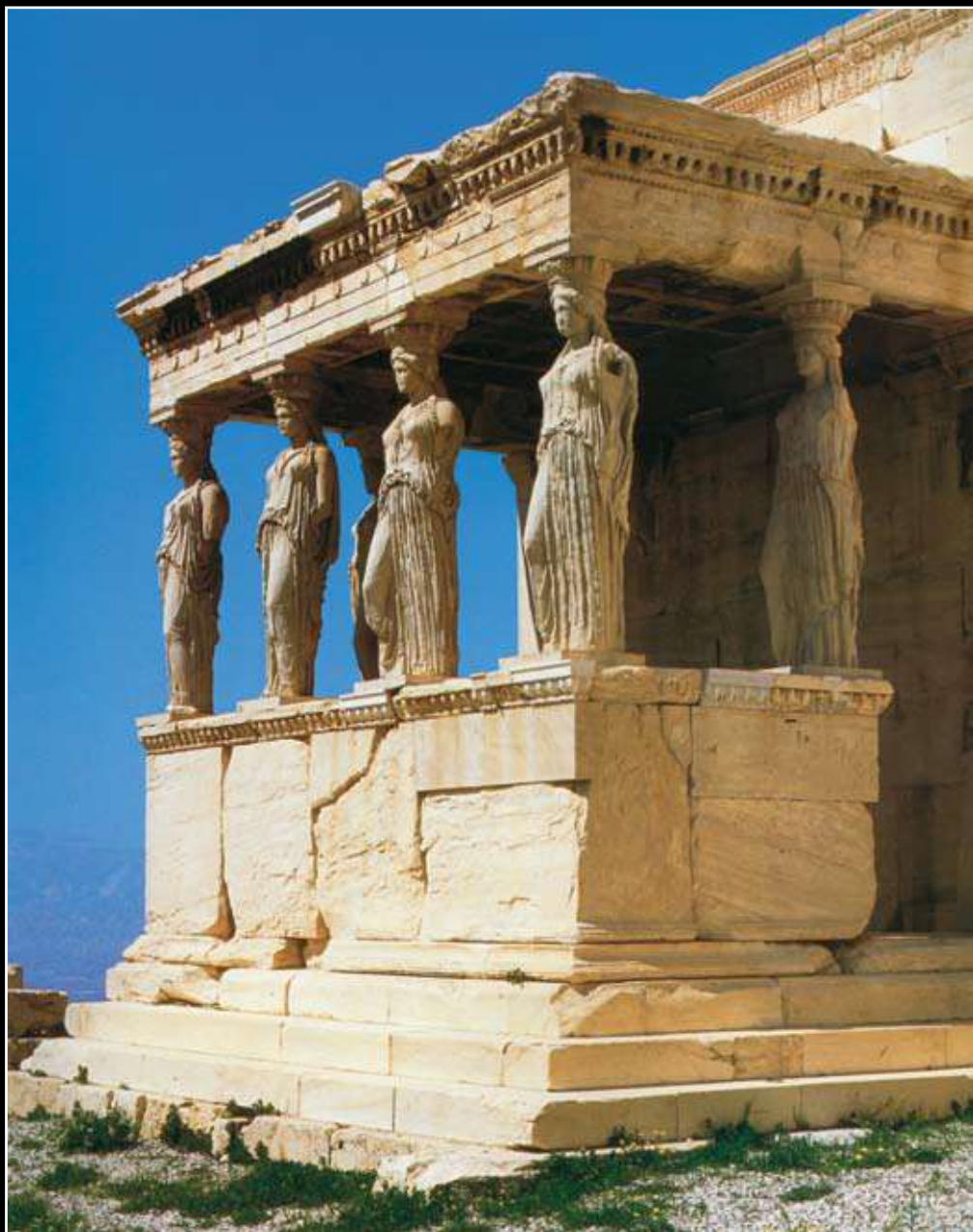
¹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 189.

Афины. Общий вид Акрополя

Афины. Акрополь. Парфенон

Афины. Акрополь. Портик Кариатид

Кора Пеплофора. Ок. 530 г. до н.э. Афины, Акрополь

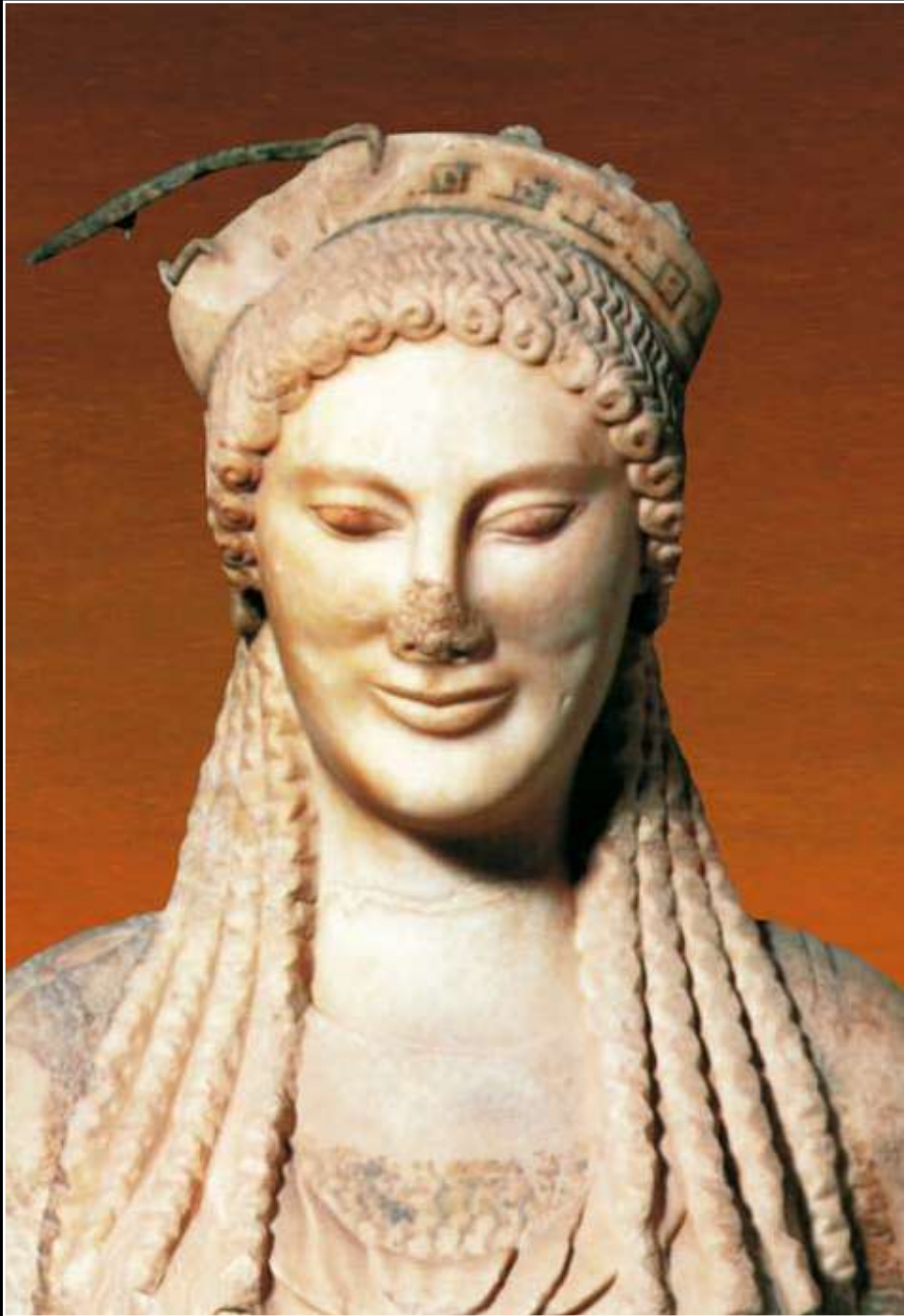
Всадник Рампэна. Ок. 550 г. до н.э. Афины, Акрополь

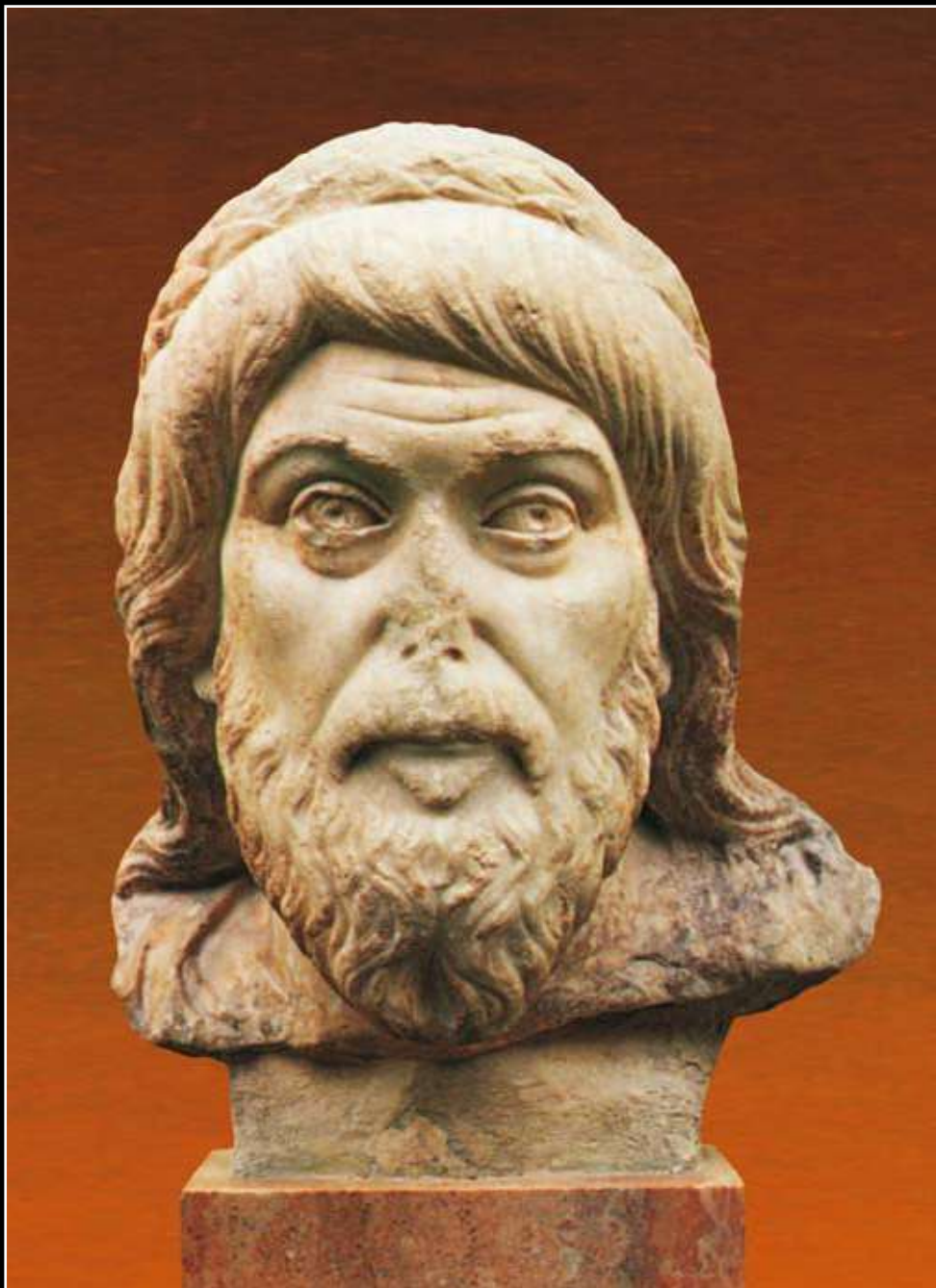
Кора. Ок. 490 г. до н.э. Афины, Акрополь

Кора. Ок. 500 г. до н.э. Афины, Акрополь

Кора. 520–510 г. до н.э. Афины, Акрополь

Голова философа. Афины, Акрополь

Маска. Афины

Маска. Афины

Элевсин. Руины храмов

Сцена из мистерии. IV в. до н.э. Элевсин

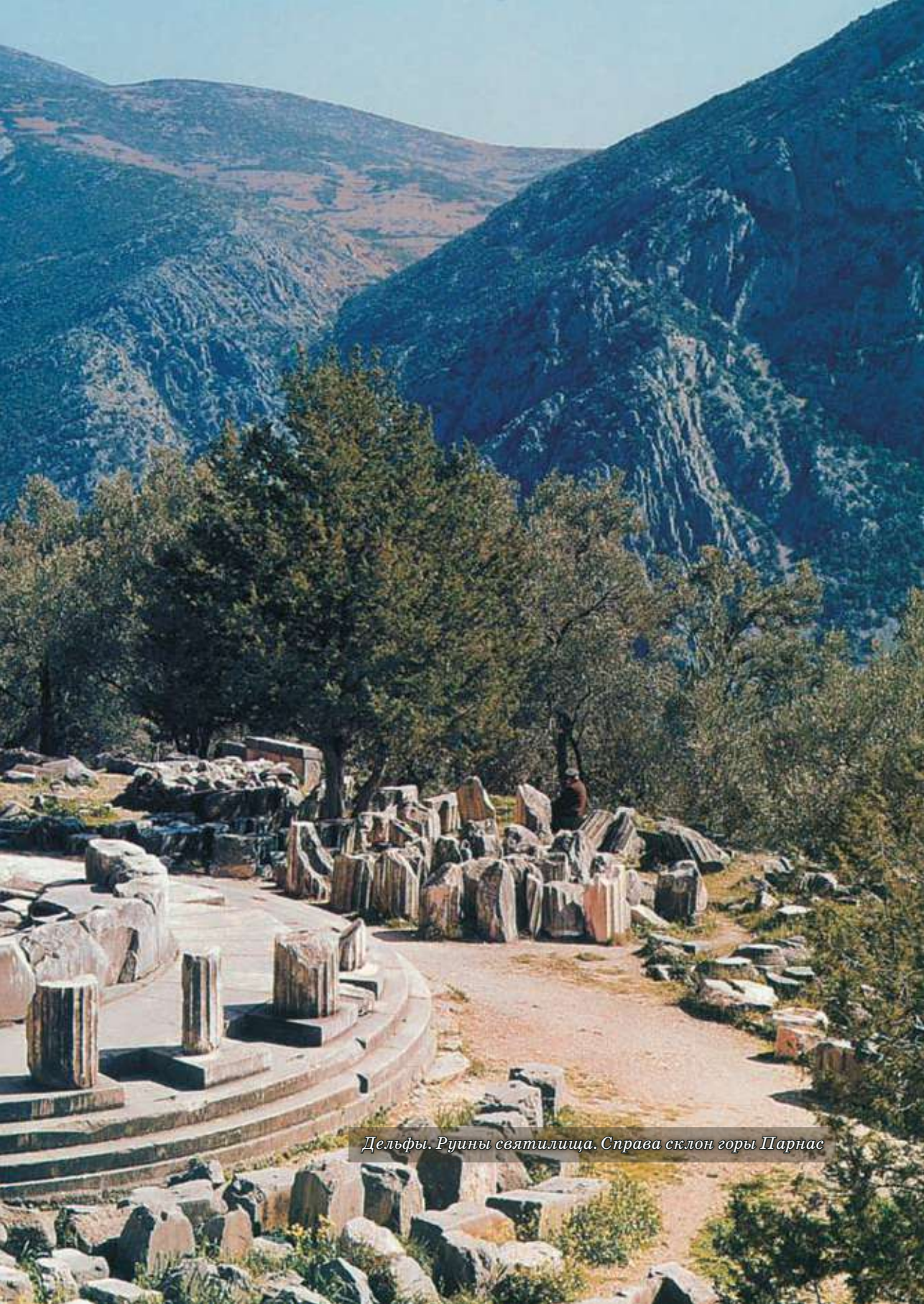

*Деметра держит колос,
обучая Триптолема,
сына царя Элевсина, земледелию.
Справа Кора. 440–430 г. до н.э.*

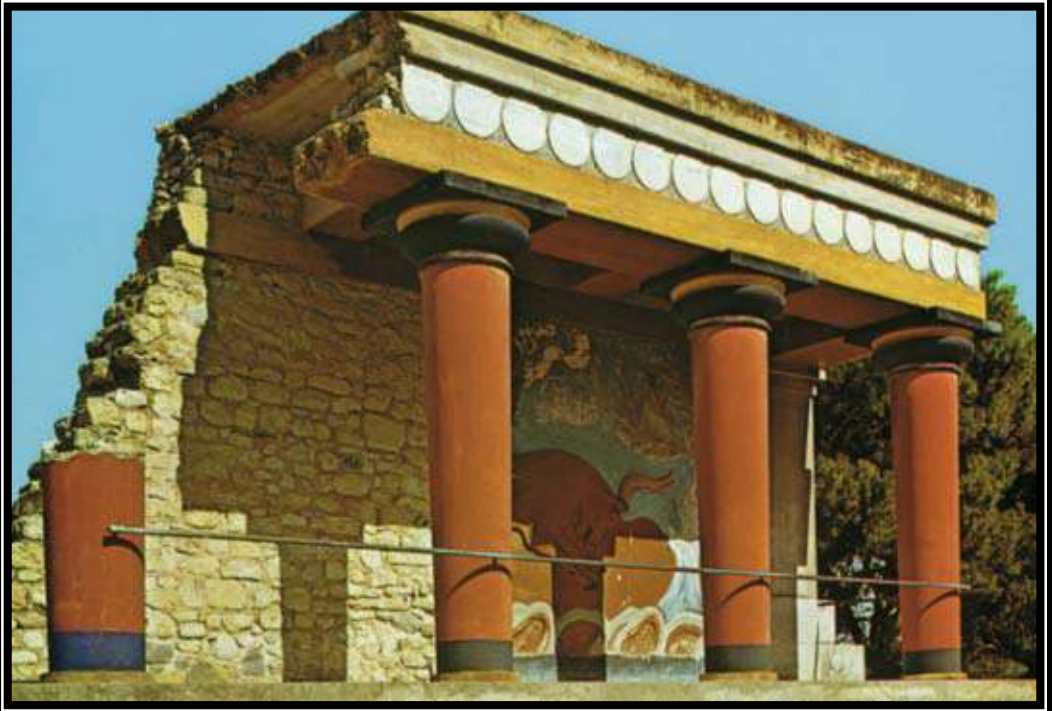

*Деметра на троне,
Кора с факелом. V в. до н.э.*

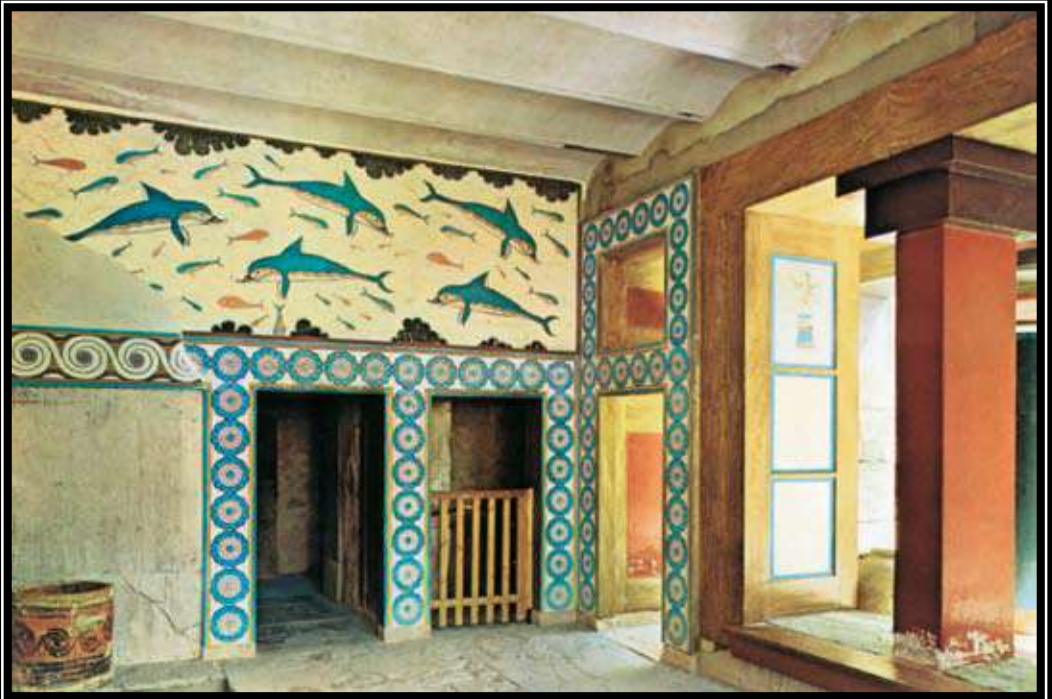

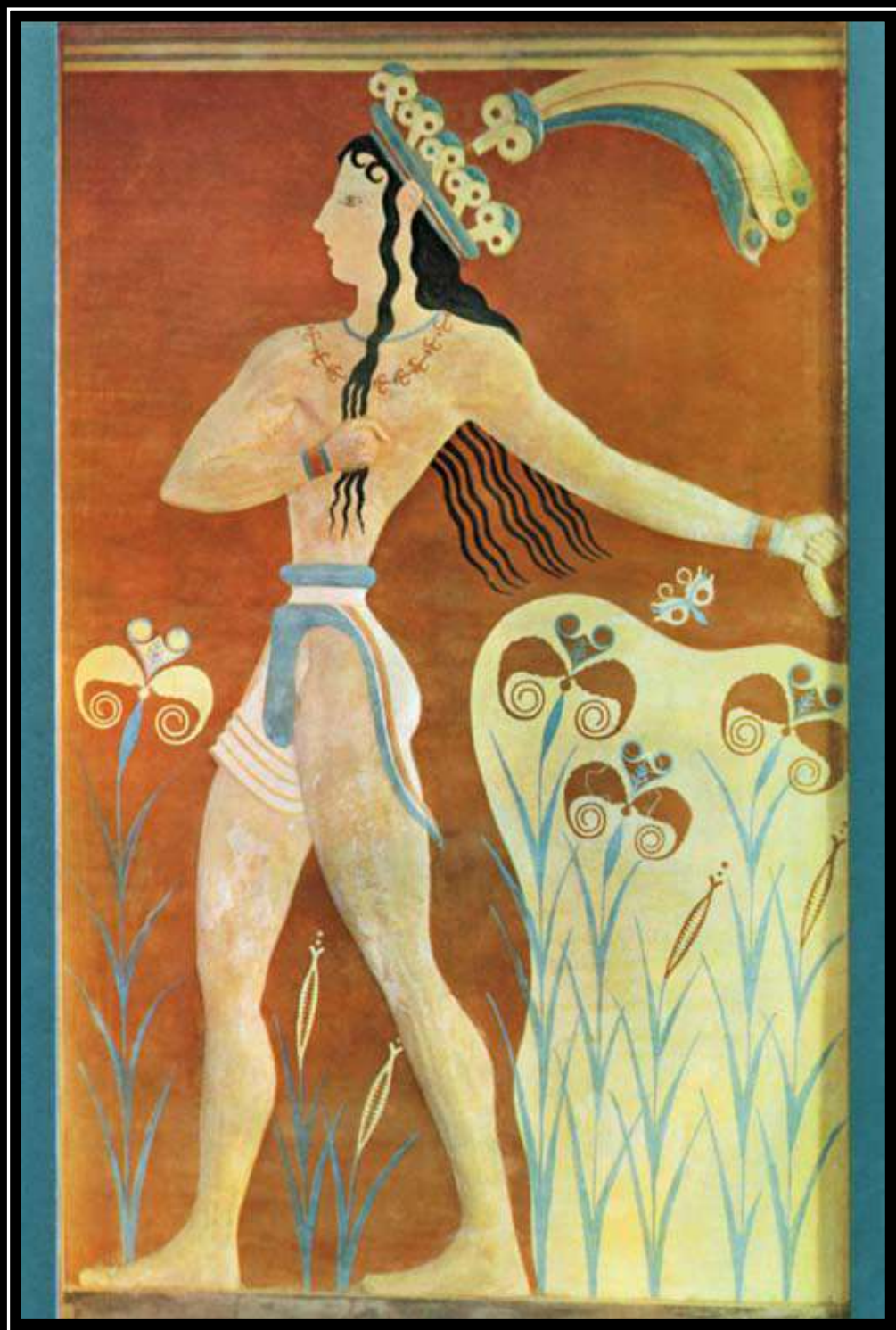
Дельфы. Руины святилища. Справа склон горы Парнас

Крит. Дворец в Кноссе. XVI в. до н.э.

Дворец в Кноссе. Апартаменты королевы

Жрец-король (или Принц). XVI в. до н.э. Крит, Кносс

Богиня со змеями (или Жрица Ариадны). Крит

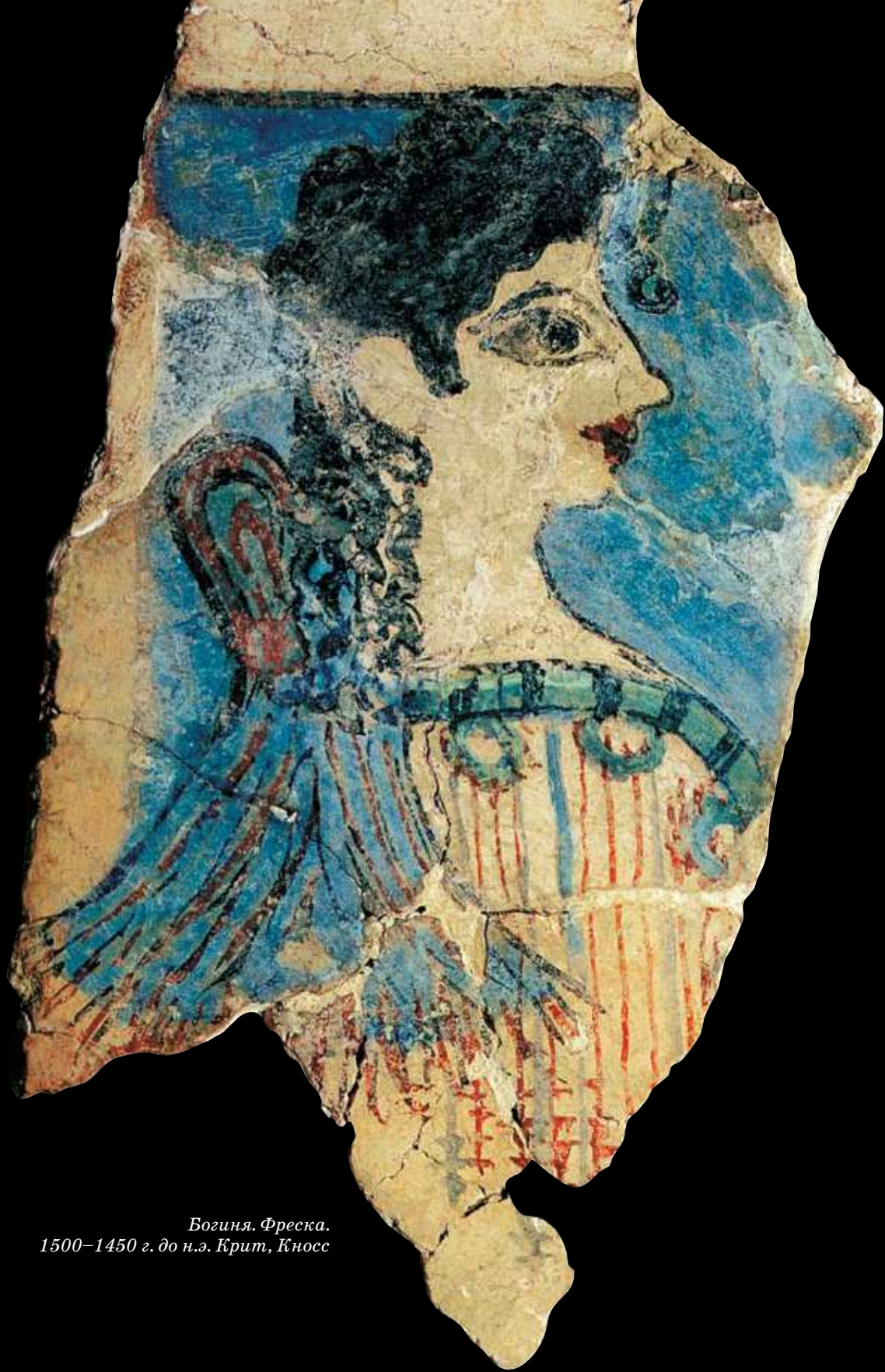

Богиня со змеями (или Жрица Ариадны). Крит

Дамы в голубом. Фреска. XVI в. до н.э. Крит

*Богиня. Фреска.
1500–1450 г. до н.э. Крит, Кнос*

Диск из Феста. Крит

Петроглифы. Гора «Спящей богини». Индия, Вайнад

И они спешили в эту ночь, освещенную факелами, насладиться всем этим. Следующие дни были временем различных ритуалов, жертвоприношений и молитв. Затем, 19 и 20 боэдромиона (10 и 11 сентября), наступали главные мистериальные дни, и все, что тогда происходило, хранилось в глубокой тайне. Известно одно, что там разворачивалось мистериальное действие много сложнее и красочней того, что было в Малых мистериях в Аграх. Смысл Великих Элевсинских мистерий состоял в преобразении низших сил «своей природы в высочайшие силы духа»¹. Иными словами, мист, пройдя через мистерии, должен был измениться и преобразить себя и, выйдя из полуживотного состояния, превратиться в человека духовного. Мистериальный ритуал был сложен. Число богов и героев значительно возрастало, драматические конфликты между ними становились напряженнее.

Таинства, которые совершались в течение Священной ночи эпоптии, или посвящения, приводили к тому, что у миста начинали действовать чакры, горловая и сердечная. Воспринимаемый им с помощью открытых центров созерцательный образ бога ли, героя или какого-либо второстепенного персонажа становился реальностью. Над святилищем поднималось подсвеченное красным облако, и, как замечает Д.Лауэнштайн, «полупробужденным мистам открывается в его отблеске то, что, как видение, вероятно, доныне от них ускользало»². Иными словами, тот туман, сквозь который смотрели на мир мисты, постепенно начинал рассеиваться, и все более и более проявлялась реальность, стоявшая за этим туманом.

Во время этой ночи менялось время, оно оказывалось как бы нездешним и вмещало в себя много больше, чем время земное. Сознание мистов, становившихся эпоптами, уже было другим. Теперь они «видели непосредственно», сбросив с себя земные эманации, которые индийские философы называли майей. Кругозор их расширялся, нужные знания возникали как бы изнутри их самих, пронизанные светом священных мистерий Элевсина. Они познавали озарения, улавливали пророческий смысл видений и снов. В них раскрывался, как редкий ночной цветок, иной мир, куда уходили души умерших и в котором уже не существовало смерти. Теперь они были готовы воспринимать «тот мир» как одно из звеньев вечности, правящей Космосом, богами и героями, а теперь, после посвящения, и ими, эпоптами, – духовными и преобразенными людьми. Пройдя через ритуалы мистерии, они

---

¹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 208.

² Там же. С. 263.

увидели свет этого преобразования как «полночное солнце в сияющем блеске», по выражению знаменитого Апулея, римского мудреца и писателя. Ничего более прекрасного они в своей жизни не лицезрели и понимали, что больше и не увидят, ибо это «полночное солнце» было теперь у них внутри.

Эпопты возвращались в Афины на рассвете следующего дня, молчаливые, бережно неся в себе тайну, подаренную им богами и героями Великих Элевсинских мистерий. По дороге, на мосту около Кефисса, их ждали любители бранных слов и скабрзностей. Они щедро забрасывали ими посвященных. В этом дозволенном простолюдинам действе была какая-то странная загадка. Они как бы компенсировали таким поведением свою неспособность пройти через мистерии, которые навсегда оставались для них тайной. Выбрал недостижимое – и стало легче. Но на посвященных бранные слова не действовали. Они молча шли мимо своих хулителей, отвечая на их крики и кривляния полным молчанием. Здесь, на мосту около Кефисса, проходило их последнее испытание, и они с успехом его выдерживали...

С разрушением и гибелью святилищ Элевсинских мистерий исчез с лица земли центр удивительных знаний и духовных озарений, где расширяли сознание человека, чтобы преобразить его в высокую духовную сущность. Древние мистерии, и прежде всего Элевсинские, были источником знаний, получаемых теми, кто проходил там посвящение и обретал через энергетiku своего духовного пространства возможность взаимодействовать с мирами иных, более высоких состояний материи. В процессе мистерий складывался тот особый способ познания, который нес в себе богатейшую суть космической эволюции человечества.

Андрей Белый, русский поэт-символист и философ, писал:

«Елевзинские мистерии сыграли огромную просветительскую роль. Но к мистериям подготавливались, очищались: там молились, там были стадии посвящения. Не всякий мог вкусить священную ночь Эпоптии. Перед золотым изображением Деметры иерофант был солнцем, иерофантита – луной, эпопты – созвездиями; там был мир, в этих душах, пресуществленных творческими переживаниями»¹.

Слова о душах, «пресуществленных творческими переживаниями», свидетельствуют о высокой духовной сути самих Элевсинских мистерий. Стержнем мистерий была мифология, и поэтому понять

---

¹ *Белый Андрей*. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 166–167.

смысл сакрального мистериального действия без осмысления мифологии как космического явления невозможно. «История естественного процесса природы, – писал Н.А.Бердяев, – космогонического образования природы, отражается и повторяется в человеческом сознании, в человеческом духе на первоначальных стадиях человеческого сознания в форме мифологии; поэтому мифологическое сознание полно космическими мифами, в них раскрывается человек как природное существо, связанное с духами природы, раскрывается связь его с тем первоначальным процессом миротворения и образования мира, который лежит глубже самого отвердения материи, того отвердения материи, с которого научное сознание начинает рассматривать процесс эволюции мира»¹.

Так сложилось, что исторический процесс в сознании человека начинался с мифологии. Эту особенность мы можем проследить в старинных исторических хрониках ряда стран, история которых насчитывает многие века. «Связь исторического начала с мифологическим, – справедливо отмечается в энциклопедическом справочнике, – истории и мифологии, несомненна уже для космологических текстов. Ряд их особенностей оказал существенное влияние на структуру и содержание раннеисторических текстов»².

Если мы посмотрим на проблему глубже, с точки зрения космической эволюции, то обнаружим в ранней истории человечества не только связь с мифом, но и увидим в нем исток всей последующей нашей культуры. Мифология содержала информацию, заключенную в образах, настолько полную и многообразную, что она и сейчас продолжает влиять на нашу культуру и мышление. «Религии, философские системы, искусство, общественные формы бытия примитивного и современного человека, первые научные и технические открытия, даже мучительные сновидения – все это вытекает из единого мифологического источника»³, – справедливо утверждает в книге «Кецалькоатль» мексиканского ученого Х.Л.Портильо. Где же, собственно, те ручейки, которые сформировали мифологию, ставшую источником для всей духовно-культурной деятельности человечества? Где находилось ее время и пространство? Как и кем складывались бессмертные и точные образы богов, космогонических действий, человеческого творчества, характеров и поведения? Следы начального процесса такого

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 63.

² Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 572.

³ Портильо Х.Л. и др. Кецалькоатль. М., 1982. С. 174.

творения мифа пока не обнаружены. В наш исторический период мы имеем дело с уже сложившимися и завершенными мифическими образами, рассыпанными по огромным пространствам нашей планеты. Несмотря на некоторые различия этих образов и явлений, их принципиальная культурно-философская и космогоническая основа оказывается общей для самых отдаленных друг от друга территорий. Возникает ощущение, что мифологическая информация появилась как-то сразу и напоминала, скорее, какой-то грандиозный одновременный «посев», нежели процесс, связанный с формированием определенных философско-художественных представлений.

Если земной исторический процесс и даже культура, как таковая, были по-земному реальны, то мифология несла в себе иную реальность. Там существовали иное время и иное пространство, а участники сакральных и космогонических действий обладали неземными возможностями. Герои мифов могли менять свои тела, превращаться в животных, легко переходили из одной сферы в другую. «В языке мифа, – писал мексиканский ученый Ф.Д.Инфанте, – нет определенных времен: прошлое переходит в настоящее, будущее сливается с прошлым; образы выступают в роли многокрасочных масок, меняющихся под воздействием сложных механизмов отрицания и забвения»¹. Из этой иной сакральной реальности выросло не только своеобразное осмысление ранней истории человечества, но и его культовая практика.

«...Религиозная правда всех преданий и мифов, – отмечал Н.А.Бердяев, – заключается вовсе не в том, что они дают какие бы то ни было естественнонаучные или исторические познания, которые могут конкурировать с современной историей, геологией, биологией и т.д., а в том, что они символически раскрывают какие-то глубочайшие процессы, совершавшиеся за гранями, отделяющими время нашего эона от другой вечной действительности»². И еще: «Миф же не есть вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности»³.

Описать энергетический процесс вхождения реальности инобытия в земную действительность крайне трудно. Определенный ориентир в этом отношении составляет феномен двойственности, который находит свое выражение в мифологии. Например, в мифологии народов Центральной Америки есть божество, которое называется Владыкой

---

¹ *Портильо Х.Л. и др.* Кецалькоатль. С. 174.

² *Бердяев Н.А.* Смысл истории. С. 65.

³ Там же. С. 18.

двойственности. Создатель ранней философии ацтеков Кецалькоатль утверждал, что «основа всего двуедина – люди и боги, небо и земля, жизнь и смерть»¹.

Диалектика энергетического процесса в Мироздании обуславливает одно парадоксальное явление – эволюция начинается с инволюции. В этом процессе смысл самой двойственности выступает ярко и необратимо. Искра духа изначально входит в материю для того, чтобы вновь подняться вместе с материей, которую эта искра одухотворяет и изменяет.

*Я – Кецалькоатль, Змей пернатый,
Дано мне ползать и летать.
Земля и ветер.
Грязь и небо.
Я пал, но поднимусь².*

Это отрывок из поэмы Х.Л.Портильо о Кецалькоатле – человеке и боге. «Я пал, но поднимусь» – есть главный смысл космической эволюции человека. Тот смысл, который проходит через все древние мистерии, проявляющие зашифрованные знания мифологических символов.

Где-то там, в пространстве энергетического процесса, несущего двойственность в своей сути, возникает та единственная точка, где эта двойственность реализуется, где сливается небесное и земное, пересекаются заповедные границы, где соединяется материя иной действительности с земной. Вот в этой точке эволюционного синтеза и возникает то пространство претворения мира и человека, которое запечатлевает мифология. И появляется на грани небесного и земного, в том «двуедином месте»³, первая страница истории земного человечества, но в своей изначальности более похожая на небесную, нежели на земную.

Сотворение мифа на основе информации «иной действительности», того первоисточника, присутствие которого всегда ощущается, есть важнейший духовно-культурный процесс, с которого и начинается эволюция земного человека и осознание им своей безусловной причастности к Космосу. «Это – первая страница повести, – пишет

---

¹ *Портильо Х.Л. и др.* Кецалькоатль. С. 36.

² Там же. С. 76–77.

³ Там же. С. 68.

Н.А.Бердяев, – о земной человеческой судьбе после его небесной судьбы, после пролога, свершившегося в небесной истории»¹.

Однако неведомый нам пока энергетический процесс вхождения духа в материю может менять качество несомой этим духом информации «иной действительности», искажать ее или и вовсе утрачивать – «забывший все, что было ранее»². И только постижение закономерностей этого процесса может дать нам возможность установить эти изменения и отклонения и проникнуть в глубину энергетики самого мифотворчества. Восприятие мифа как явления иных миров, более высокого состояния материи, сохранилось у некоторых народов, чья архаическая культура в какой-то степени оставалась долгое время не тронутой внешним влиянием. Например, австралийские аборигены называют мифическую эпоху первотворения «временем сновидений», что совершенно определенно указывает на связь этого времени с «иной действительностью», возникающей перед нами в снах, несущих нам информацию инобытия. Таков энергетический путь нашей с этим инобытием связи. Чукчи рассматривают миф как «весть эпохи начала творения»³, что тоже является в какой-то мере осознанием причастности мифа к «иной действительности».

В силу двойственного характера того энергетического пространства, где совершается мифотворчество, миф, в свою очередь, также обретает черты двойственности. Принадлежа как бы и Небу и Земле, миф закрывает последнюю страницу небесной истории человеческого духа и открывает первую страницу плотной материи земного человечества.

Мифология в сознании человека еще долго была тесно сплетена с историческим процессом, а потом еще многие века оказывала на его осмысление свое влияние, покидая поля истории медленно и неохотно. Процесс этого ухода имел свои ступени, на каждой из которых терялась определенная часть «небесного» содержания, и образовавшееся пространство заполнялось земной реальностью. Это небесное и земное не имело четко выраженной границы, и поэтому обе реальности как бы смешивались в сознании человечества. Смешение порождало мир причудливый и иногда мало узнаваемый, время и пространство которого было трудно определить. Архаическая, а потом классическая мифология постепенно переходила в исторические предания, некую переходную форму, еще тесно связанную с самим мифом, но в недрах

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 64.

² Портильо Х.Л. и др. Кецалькоатль. С. 71.

³ Мифы народов мира. Т. 1. С. 252.

которой уже рождалась земная культурно-историческая реальность. «...Все происходит, – отмечал Н.А.Бердяев, – как будто на этой нашей земной планете, в этом нашем времени, в этой нашей мировой действительности, и вместе с тем происходит в другом времени, другом мире, до возникновения нашего мирового зона»¹. Это относится и к библейским преданиям, и к таким эпическим сказаниям, как индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», греческие «Илиада» и «Одиссея», центрально-азиатское «Сказание о Гесэр-хане» и др. Понадобилось немало времени и веков, чтобы сознание человека смогло полностью оторваться от мифологического истока и перейти к тому культурно-историческому процессу, который стал осмысливаться этим человеком уже с других позиций.

Отрыв этого процесса от мифологии в сознании человека был сложным и противоречивым, как и любое земное явление. На этом пути мы чуть было не потеряли мифологию как эволюционно-историческую категорию. Согласно мысли немецкого философа Шеллинга, миф есть изначальная история человечества. И с этим трудно не согласиться. Ибо именно этот изначальный культурно-исторический процесс определил все особенности земной истории, ее природные и космические связи.

Элевсинские мистерии, главным источником которых была мифология, находились в культурно-духовном пространстве, местоположение которого можно было определить как промежуточное между небом и землей, между мифом и земной культурой. Сама же мифология, будучи по своей природе явлением «иной действительности», несла на Землю не только энергетику инобытия, но и богатейшую информацию о знаниях, заключенных в образах, слове и звуках. Это обстоятельство обусловило глубокий символизм этих знаний, гармонично перетекший в символизм мистериальных действий. Первоначальное искусство зародилось в символике мифологии, откуда оно черпало бесконечное количество образов, слов, звучаний. Искусство и творимая им Красота были главными инструментами воздействия на внутренний мир участников Элевсинских мистерий. А сами мистерии, неся в мифологических ритуалах символы инобытия, в свою очередь были своеобразным мостом между Небом и Землей, между изначальным инобытием и плотной материей человеческого существования. Если мифология была источником космических знаний, то мистерии

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 64.

делали эти знания не только доступными человеку, но и показывали их путь практической реализации. И поэтому сами мистерии были, если можно так сказать, первыми школами, в которых постигалась наука космического мироощущения, космического сознания. Именно в них зародились многие направления человеческой мысли и творчества: философии, начатки будущей науки, искусства и религиозных вдохновений – всего того, что потом легло в основу духовной культуры человечества. Это на их основе сформировалось направление, которое называлось гнозисом, что в переводе с греческого значит «знание» или «мудрость». Гностицизм оказал значительное влияние на систему познания и развивающуюся эмпирическую науку. «Многие теории древних гностиков, – пишет один из крупных исследователей так называемого вненаучного знания, – особенно в отношении научных вопросов, подтверждаются современными исследованиями»¹. И еще: «Даже сейчас можно видеть следы гностических концепций в современном мире, но они носят другие названия, и их подлинное происхождение даже не подозревается. Многие из гностических концепций были встроены в догматику христианской церкви, и наши новые интерпретации христианства часто даются в духе гностического эманационизма»².

В Элевсинских мистериях знания постигались посвященными не столько интеллектом, сколько энергетическими механизмами человека, главными из которых являлся дух, сознание, творчество, интуиция. Все это, вместе со знаниями, составляло единое целое и не существовало отдельно одно от другого. Жрецам и жрицам были хорошо известны тайны расширенного сознания, без которого невозможно было постигнуть знание как таковое. Они прекрасно знали, что высокое знание может быть воспринято только высоким сознанием. Ибо каждое знание имело различные ступени, поднимаясь по которым, человек постигал каждый раз новое и новое в этом знании. Обрести знание и уметь исследовать его с различных точек зрения, повышая и расширяя свое сознание, было главной задачей Элевсинских мистерий. Знания, которые передавались в мистериях посвященным, должны были храниться ими в тайне, ибо конкретное знание должно было соответствовать конкретному сознанию. Если этого соответствия не возникало, высокое знание могло подвергнуться профанации, искажению, осмеянию

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. В 2 т. Новосибирск, 1992. Т. 1. С. 65. (В дальнейшем: Холл М.П. Энциклопедическое изложение...)

² Там же. С. 66.

и могло принести вместо пользы лишь вред. История науки земного человечества знает немало подобных примеров. И это происходит тем чаще, чем меньше обращается внимания на уровень сознания самих ученых.

Формула «смотрящие сквозь туман» и «смотрящие непосредственно» раскрывала суть самой мистерии, давала представление о значении расширения сознания, в котором заключался важнейший эволюционный смысл.

«Мистерии, – писал М.П.Холл, – были хранителями трансцендентального знания, столь глубокого и непостижимого для всех, кроме наиболее возвышенных интеллектов, и столь мощного, что открывать его можно было только тем, чьи личные амбиции были мертвы и кто посвятил свою жизнь бескорыстному служению человечеству. Благородство этих священных институтов и обоснованность их утверждений об обладании Универсальной Мудростью присущи наиболее прославленным философам античности, которые сами были посвящены в глубины тайных учений и несли на себе отпечаток их мудрости»¹.

Элевсинские мистерии несли не только мудрость знания, как такового, но в своих сакральных драмах разыгрывали очень важный сюжет, который назывался «жизнь и смерть». Проходя через эти странные драмы, где земная жизнь смешивалась с призрачным, нездешним существованием, посвященные постигали суть смерти как иной жизни, чередующейся в спирали вечности с жизнью земной и тесно связанной с последней. Феномен «жизнь и смерть» – самое важное, что было у человека, – становился для посвященного прозрачным, и то, что раньше вызывало страх неизвестности для «смотрящих непосредственно», становилось естественным – как продолжение той же жизни, только в ином мире, мире другого, более тонкого состояния материи. Мистерии готовили посвященного для перехода в этот мир и давали знания, утверждавшие, что мир плотный и тонкий тесно связаны друг с другом и взаимозависимы. Место и достижения в тонком мире полностью зависели от поведения человека в этом мире. Это же определяло и уровень сознания попавшего в тонкий, иной мир.

«Суть элевсинского учения, – утверждал М.П.Холл, – состоит в том, что человек после смерти не умнее, не лучше, чем был при жизни. Если человек не поднялся над невежеством в этой жизни, в загробной жизни он будет осужден на вечные скитания и на те же ошибки,

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 40–41.

что и при жизни. Если он не преодолел желания земного обладания, он унесет его в другой мир, где, неспособный удовлетворить желание, он будет в вечной агонии. Дантовский *Ад* есть символическое описание страданий тех, кто не освободил свою духовную натуру от желаний, привычек, точек зрения и ограниченности их плутонической природы. Те, кто не делает попытки улучшить свою природу (чья душа спит) во время их физической жизни, попадают по смерти в Гадес, где рядами спят всю вечность, как спали в жизни земной.

Для элевсинских философов рождение в физическом мире было смертью в самом полном смысле этого слова, и единственным подлинным рождением было рождение души, освобождающейся от своей плотской природы»¹.

Мистериальное восхождение души, имеющее символический характер, в Элевсинских мистериях выглядело следующим образом: посвящаемый «проходит при инициации помещения все более блистательные, что символизирует восхождение души от низших миров к области света. Наконец он входит в сводчатую комнату, где стоит прекрасно освещенная скульптура богини Цереры (Деметры. – *Л.Ш.*). Здесь в присутствии высших жрецов Мистерий, одетых в богатые одежды, его посвящают в высшие секреты. После этого его нарекают Эпоптесом (Эпоптом. – *Л.Ш.*), что означает “видящий непосредственно”»².

Описание этого кульминационного пункта посвящения, которое имело непосредственное отношение к Элевсинским мистериям, мы находим в «Золотом осле» Апулея.

«Достиг я рубежей смерти, – пишет Апулей, – переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им»³. И это «вспять вернулся» свидетельствует достаточно точно об одном из важных моментов Элевсинских мистерий, когда происходит символическое «нисхождение–восхождение» и эмоциональное ощущение «другого мира». По сути своей это был сложный процесс, в основе которого лежали мифологические космогонические идеи и знание законов Космоса. Таким знанием обладали высшие жрецы мистерий – иерофанты, по замыслу которых и творились эти сакральные действия. Что же касается «солнца в полночь», о котором упоминает Апулей, то такой момент можно смело

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 78.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 82.

связать с процессом озарения, которым, собственно, и заканчивался мистериальный процесс. Осмысливая феномен озарения, Авторы Живой Этики писали: «Поверх формул условных, застывших в коре предрассудков, имеются знания, как бы разлитые в воздухе.

Поставь громоотвод и собери небесную стрелу. Для одного она опасна, но другому она лучшее вооружение. И все будущее основано на овладении Озарением»¹. Иными словами, путь озарения есть важнейшее средство преобразования человека из его естественного состояния в духовное. Указание «Поставь громоотвод и собери небесную стрелу» символично и точно выражает смысл мистериального действия. Иерофанты Элевсинских мистерий в достаточной степени владели процессом «собираания небесной стрелы», чтобы суметь передать эту практику посвящаемому, который и разгонял либо этой «небесной стрелой», или «солнцем полуночи» тот туман, который мешал ему видеть реальность не только земную, но и более высоких миров. Значительную роль в таком процессе играли космический ритм и качество вибрации энергетики тех, с которыми мист вступал в ходе мистерии в энергоинформационный обмен. Сказано в Живой Этике: «Много говорят о творчестве вибрациями и при этом устремляют глаза куда-то в высь, забывая, что каждый человек есть не только трансмутатор энергии, но и создатель утонченных вибраций <...> Классические Мистерии своими изысканными ритмами напоминали о значении вибраций <...> Для вибраций каждый ритм, каждое чередование, каждое качество будут основанием сотрудничества с Космосом»². Элевсинские иерофанты, мудрые и знающие, искусно направляли земное творчество мистерий в унисон с космическим ритмом, что, в свою очередь, облегчало связь с Космосом, как таковым. Жрецы, владевшие космическими законами, были мастерами ритма, и на них, собственно, и держалась вся работа Мистерий. Это давало возможность мистам слушать во время мистерий космический ритм, следовать ему и ощущать в себе этот Космос, которым была пропитана вся мифология. Над человеком в небе вращались его боги, знаменуя собой Высшие Силы, от которых зависела жизнь земного человека. Мифологический Космос был таинственен и богат. Он пронизывал древние мистерии, неся посвященным знания, которые потом сыграют немалую роль в зарождении и развитии нового космического мышления XX века.

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 2, III, 20.

² Сердце, 145.

Известно, что в таинствах Элевсинских мистерий и многих подобных им наряду с мужчинами участвовали и женщины, которые становились эпоптами, «смотрящими непосредственно», и носительницами тайных знаний, честно заработанных в мистериальных посвящениях. Обладая этими знаниями, высоким складом ума и безупречной нравственностью, они воспитывали поколение за поколением таких же людей, которые потом обогатили великолепием и тонкостью греческую культуру, повлиявшую так сильно на мировую культуру и ее духовные начала.

Элевсинские жрицы ни в чем не уступали жрецам и, более того, в некоторые моменты мистерий играли более важную роль, нежели жрецы. Это имело свои культурно-исторические основания. Дело в том, что Элевсинские мистерии создала тоже женщина. Она была одной из тех, кого мы называем культурными героями и которые обучали человечество различным умениям, ремеслам, искусствам и принесли ему нужные знания о Космосе. Если бы не было таких культурных героев, человечество до сих пор прозябало в невежестве и было бы лишено возможности продвигаться по спирали космической эволюции. Основательницей Элевсинских мистерий была Деметра, сочетавшая в себе богиню и культурного героя. Ей поклонялись как Великой Матери и Учителю, а сама она являлась главным персонажем Великих Элевсинских мистерий. Сами эти мистерии остались непревзойденными в деле преобразования человека и расширения его сознания. Они были порождением мудрости мифа и не существовали вне мифа, вне его космогонических идей, вне его образов и его сокровенной цельности. Мистерии сыграли важнейшую роль в период расцвета греческой культуры, когда в середине первого тысячелетия менялись этические и эстетические взгляды, знание становилось главной ценностью и из мистериальных таинственных глубин возникали философия, новое искусство, первые научные обобщения, ослепительные озарения и космическое мироощущение. То, что сложилось в то время в Элладе, можно назвать Духовной революцией, которую подготовили, а потом и развили Элевсинские мистерии. Они преображали человека, а человек преображал мир, который становился лучше, чище и духовней. Знание о мире тонком, а затем и мире огненном, столь необходимое для эволюции человека, вышло из глубин мистериальных представлений, где огонь играл в их таинствах ту роль, которая свидетельствовала об универсальности его энергетики и мощной творческой силе.

«...Посвященные Греции, Египта и других стран древности, – пишет М.П.Холл, – знали правильное решение тех огромных культурных, интеллектуальных, моральных и социальных проблем, с которыми не может совладать человечество в двадцатом веке <...> В Мистериях возник и был разработан метод, который подводил ум к такой степени готовности к восприятию фундаментальных истин жизни, что этот ум был способен справиться с любой неожиданностью. Таким образом, умственные способности были организованы для такой деятельности простым процессом воспитания умственной культуры <...> Мистерии явно продемонстрировали превосходство своей культуры, дав миру умы столь великие, души столь прекрасные и жизни такие безупречные, что после многих прошедших веков учения этих людей до сих пор представляют духовные, интеллектуальные и этические стандарты расы. Посвященные в различные школы Мистерий прошлых веков образовывали воистину золотую цепь сверхмужчин и сверхженщин, связывающих небо и землю <...> Сыновья и дочери Исиды представляли в самом деле великолепный род – основатели философий и наук, покровители искусств и ремесел, поддерживающие божественно данной им властью, превосходящей обычную, структуры мировых религий, воздвигнутых ими. Основатели доктрин, формировавших жизни бесчисленных поколений, эти Посвященные Учителя были подлинными свидетельствами того, что эта духовная культура, которая всегда существовала и будет существовать, есть божественный институт в мире людей.

Те, кто представляет идеалы, находящиеся за пределами понимания масс, должны столкнуться с преследованиями недумающей толпы, которая, не имея божественного идеализма, инспирирующего прогресс, не способна отличить истину от лжи. Поэтому большую часть Посвященных Учителей неизбежно ждал трагический конец. Пифагор был распят, а его университет сожжен; Гипатию сдернули с колесницы и разорвали на части; память о Жаке де Молэ пережила убивший его костер; Савонарола был сожжен на площади во Флоренции; Галилея заставили отречься на коленях; Джордано Бруно был сожжен инквизицией; Роджер Бэкон вынужден был проводить свои опыты в секрете и оставить свои знания зашифрованными; Данте Алигьери умер в изгнании, отлученный от возлюбленного им города; Фрэнсис Бэкон постоянно находился под угрозой уничтожения; Калиостро был очернен в наибольшей степени из всех людей нового времени – вот впечатляющая цепь бесконечных свидетельств бесче-

ловечности людей. Мир вечно аплодировал дуракам, преклонялся перед ними и клеветал на мыслителей»¹.

Мистериальное прошлое человечества до сих пор остается наиболее таинственной частью нашей культуры и истории.

Мистерии Крита были на тысячу лет старше Элевсинских. Уже разрушились те дворцы, где происходили эти мистерии, отошли в прошлое так и не разгаданные таинства. Но оставшаяся энергия их, как и в Элевсине, продолжает жить и действовать, удивляя и восхищая тех, кто способен ее ощутить и понять ее космический смысл.

...В Ираклионе, главном городе Крита, я села в старенький автомобиль, за рулем которого была Эвридика. Эвридика, как ни странно, хорошо говорила по-русски.

– Как насчет Орфея? – спросила я ее.

– О! – засмеялась она. – Это было так давно, может быть, в какой-то прошлой жизни.

Мы ехали с Эвридикой в древний дворец Кносса, который находился в 20 километрах от Ираклиона.

– Лучше Крита в мире трудно что-либо найти, – сказала Эвридика. – Во-первых, он очень древний и его культура намного старше греческой. Во-вторых, в Кноссе был тот самый лабиринт, где происходили удивительные мистерии и находящийся там загадочный Минотавр с головой быка требовал жертв. А в третьих, самое интересное, Крит все время трясет. Если вы почувствуете, что земля ушла из-под ваших ног, не пугайтесь. Ничего страшного не случится.

– Хорошо. Я не буду пугаться, – успокоила я Эвридику, – а вот как вы сами на таком трясущемся острове живете?

– Мы привыкли, – вновь засмеялась Эвридика. – Все эти землетрясения слабые. Вот в древности было совсем по-другому. В определенной степени древние дворцы Крита были разрушены землетрясениями. И все разрушения завершились извержением вулкана на близлежащем острове Санторин. Все произошло несколько тысяч лет назад. И часть земли Крита ушла под воду. Да, кстати, некоторые ученые считают, что Крит и был той Атлантидой, о которой писал Платон.

– А доказательства?

– О, доказательств более чем надо. – Эвридика резко и неожиданно отвернула машину в сторону.

– Что, землетрясение? – спросила я.

– Нет. Просто коза. Их тут много.

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Новосибирск, 1992. Т. 2. С. 409–412.

Кносский дворец появился как-то неожиданно и был скорее похож на целый город, примостившийся около лесистого склона невысокой горы. Отсюда, снизу, виднелись здания с красными колоннами, стены святилищ и еще какие-то массивные сооружения, сделанные из каменных блоков. На какой-то момент у меня мелькнула шальная мысль, что не было ни разрушительных землетрясений, ни кипящей лавы и пепла, превратившего день в ночь, и вулкан на Санторине никогда не извергался. Кносский же дворец-город, целый и невредимый, стоит наперекор всем стихиям под сенью роцц пиний, спускающихся с горного склона. Но по мере приближения к этому невиданному дворцу мои иллюзии рассеивались, исчезали в солнечной голубой дымке, парившей над Кноссом. Вокруг стояла тишина, и казалось, что ее, многовековую, никто никогда не нарушал и не нарушит. Воздух, напоенный тонким ароматом пиний, был удивительно свеж, легкий и упоителен. Теперь было ясно, что вокруг лежали мертвые руины, остатки бывшего величия и полнокровной жизни. Но, несмотря ни на что, время от времени здесь возникала, как призрак, нездешняя и, казалось бы, уже умершая красота. Она затаилась в колоннах, в орнаментах королевских покоев, в удивительных фресках, на которых оживали те, кто жил здесь тысячи лет назад. Женщины в изысканных одеждах, юноши и девушки, прыгающие через разъяренного быка, принцы, которых украшали причудливые головные уборы, дельфины, скользящие в голубых волнах, морские звезды, так похожие на небесные, что было трудно понять, где верх и где низ. Фрески эти свидетельствовали о культуре женщины и матери-богини, которая мудро и непреклонно устанавливала творческую гармонию между мужчиной и женщиной, возведя этот известный ей Великий закон Космоса в основание красоты и процветания древней культуры, исчезнувшей в глубинах прошлого и напоминавшей о себе только этими руинами.

– Не правда ли, – сказала Эвридика, – Кносс напоминает тот лабиринт, о котором сложили так много мифов и легенд. Вот только неясно, где здесь обитал грозный Минотавр, по каким коридорам и переходам следовал убивший его герой Тесей, ведомый по верному пути нитью Ариадны. Полагаю, что именно здесь происходила одна из величайших мистерий Средиземноморья, давшая начало всем остальным.

Мы подошли к широким ступеням, похожим на амфитеатр, спускавшимся куда-то вниз к тропе, ведущей в роццу пиний. Это был древнейший в мире театр, и, скорее, не театр а место, где завершалась мистерия человека, победившего в себе животное начало, символизи-

рованного головой быка Минотавра. И тогда я поняла, что и древняя, и современная мистерия, если таковая существует, имели всегда общую цель – преобразование человека и расширение его сознания. Так же, как в Элевсинских, в мистериях на Крите участвовали жрицы, и женщины-мисты проходили через тяжелые ритуалы самого посвящения, одним из которых были прыжки через разъяренного быка.

«...Ариадна, – пишет Д.Лауэнштайн, – была ипостасью Великой Матери, которая на средней ступени таинства превратилась в Пенорожденную (морем). На третьей, высшей ступени она стала Уранией (“небесной”); в мистическом же восприятии – звезднорожденной, вышедшей из косматой звезды. Кроме того, пониманию мистерии способствует сохранившаяся в Кносском дворце фреска, изображающая упомянутое Плутархом состязание [между военачальником царя Тавром (“быком”) и Тесеем], а также традиционное графическое представление Лабиринта в виде спиральной площадки для танцев»¹.

А вот что пишет о Лабиринте М.П.Холл:

«Знаменитый Критский лабиринт, в котором обитал Минотавр с головою быка, был, без всяких сомнений, местом инициаций в Критские Мистерии»².

Во время посвящений в мистериях в Кноссе щедро использовалась музыка, танцы и тексты стихов и молитв, то есть все то, что сопровождало мистериальное преобразование человека и ритуалы расширения его сознания.

«Таинство в Лабиринте (слово это догреческое) начиналось игрой с быком во дворе царского дворца; фрески с изображением такой игры сохранились в Кноссе донныне. Планетарно эта сцена относится еще к Земле, по стихии – к ветру, а на небе неподвижных звезд – к знаку Тельца. Разыгрываясь вечером в присутствии двора, она являла собой достаточно открытое приготовление, совершавшееся при свете дня. Все оккультное происходило ночью в Лабиринте на окруженной высокой стеною круглой площадке, которую можно приблизительно представить себе по весьма схематичным древним рисункам, хотя в натуре она по сей день не обнаружена. Учитывая предание, мы полагаем, что Лабиринт состоял всего из двух спиральных витков и круглой, открытой сверху центральной площадки, величиной немногим более низкого, мощного камня круга, который относится к эпохе неолита (3000 г. до Р.Х.)³.

---

¹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 91.

² Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 66.

³ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 92–93.

Есть сведения о том, что иерофанты Крита и Греции владели умением через определенную практику открывать так называемый третий глаз, находящийся во лбу над бровями и определяемый в мистериальных мифах о Тесее как «венки Амфитриты». «Сам лобный сверхчувственный орган, – отмечает Д.Лауэнштайн, – не развивает разум, он просто фиксирует духовное в виде образов <...> Сила чистого постижения, не опирающаяся на внешние чувства и рассудок, виделась в созерцании как звезда. Гомер в “Илиаде” так завершил этот образ: “Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает знаменем или пловцам, или воюющим ратям народов, яркую; вокруг нее несчетные сыплются искры, – в виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина пала в средину полков...”¹. После завершения мистерии жрица-царевна, которую называли Ариадной, беседовала с каждым посвященным в отдельности в своем подземном святилище. В святилище стоял стол, испещренный священными письменами. «По просьбе Ариадны, – пишет Д.Лауэнштайн, – каждый рассказывал, что видел, слышал и пережил в Лабиринте. Сама она ничего к этим сообщениям не прибавляла. Кто остался слеп и глух, от нее тоже ничего не узнавал. Если же открывалось глубинное, она повторяла и дополняла рассказ, чтобы все запомнилось правильно и надолго»². Теперь, когда я пишу эти строки и вновь возвращаюсь в своем воображении к величественным руинам Кносского дворца, я почему-то начинаю ощущать его удивительный хвойный воздух и еще что-то глубинное, что не могу определить словами, но что осталось со мной навсегда. Это «что-то», мне кажется, связано не с самим дворцом, а, скорее, с теми таинствами, которые проходили в загадочном Лабиринте и делали человека лучше, умнее и нравственнее. Над Критом шел век за веком, тысячелетие за тысячелетием, и это его время и пространство насыщалось энергетикой мистериальных таинств, которые пережили каменную твердыню Кносского дворца, его царей и жрецов, его мореплавателей и художников, творивших красоту как необходимую часть этих таинств. Сейчас вся многовековая и удивительная средиземноморская культура от Афин и Рима, от Мальты и Крита до восточных берегов Испании лежит в развалинах. Но у культуры есть одна особенность. Разрушаются творения человеческих рук, но неразрушим дух, их создавший. И кровь Элевсинских и Кносских мистерий продолжает течь в жилах тех, чьи предки создали эти удивительные мистерии, внимая своим божест-

---

¹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. С. 96–97.

² Там же. С. 101.

венным наставникам и Учителям. Кровь эта, невидимая и призрачная, текла и в Эвридике, сидящей за рулем современного автомобиля и рассказывающей о древних богах так, как будто они были ее родственниками или соседями. И эту особенность я заметила не только в Эвридике, но и в других греках. А раз это так, то можно надеяться, что время мистерий вернется, но они будут совсем другими, непохожими на те, которые знала эта земля тысячелетия назад. И эти другие окажутся так же необходимы для современного человечества, как были насущны те, которые существовали века тому назад. Но нужно только одно: чтобы мы их узнали и вспомнили их Наставников, Учителей и Богов, которые оставили нам на Земле невидимое, но крепкое царство их энергетики, их знаний, их мыслей. Придет время, и мы увидим все это воочию и поразимся его красоте и его мудрому знанию...

Можно сказать, что мифологическое сознание породило мистериальный тип культуры. Мы знаем о существовании древнеегипетских мистерий, древнеиранских, кельтских и многих других. Мистерии были не только источником культуры, как таковой, но и основой знаний. В Живой Этике мы находим описание заключительного этапа мистерий Древнего Египта, в которых важнейшую роль играл ритм самого действия.

«...Эти Мистерии были научными путями жизни. Принимаемый член должен был, не замедляя ритма, пройти до Учителя.

Перед ним лежала светящаяся черта, и он должен был следовать, не уклоняясь и не задевая черту. Помещения проходимые были освещены разными цветными огнями. Иногда черта почти исчезала. Но наконец черта начинала сверкать, и как бы ослепительный луч уходил под тяжелую запертую дверь. Дверь была как бы неприступна – без замка. Полосы и бляхи различных металлов украшали и укрепляли ее.

Робкий духом смущался и нарушал ритм шага, но знавший значение непреложности шел прочно. Но когда тело его ударялось о твердую, она распадалась, и он входил в последний Покой.

Этот непреложный удар нашей земной оболочки необходим для создания ритма восхождения.

Знание духа указывает нам, как размер цели создает размер возможностей. И символ распада тяжелой двери лучше всего показывает, как надо действовать»¹. В этом заключительном этапе решалась

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, VI, 11.

духовная судьба самого посвящаемого – быть ему посвященным или не быть. Решалась она в символических обстоятельствах, но за всем этим стояли реалии его внутреннего мира. «Мистерия должна быть рассматриваема как действие жизни ведущее»¹, – сказано в Живой Этике. Это же «действие жизни ведущее» было связано с космическим мироощущением, со знанием, расширением сознания, преображением и, наконец, с мирами иными и осознанием их важнейшей роли в нашей земной жизни.

Во время моих путешествий по Южной Индии, где я исследовала племена, сохранившие самую древнюю организацию и древнейшую систему верований, я наткнулась на явление, связанное с очень ранним мистериальным пластом культуры и архаической мифологией.

В 70-м году прошлого века я оказалась в индийском штате Керала в районе древнего Вайнада, в котором обитали сразу несколько интересовавших меня племен. Чаще всего я приходила в деревню Чингери, где жили панья. Вот именно оттуда, в той стороне, где заходило солнце, я видела большую гору, которую панья называли «Спящей богиней». И, действительно, гора напоминала спящую женщину, вытянутую на несколько миль вдоль горы. Я знала, что там, на этой горе, есть нечто такое, о чем панья говорили туманно, непонятно или просто отмалчивались. Я не буду рассказывать здесь, сколько мне пришлось сделать усилий, чтобы уговорить некоторых уважаемых представителей племен Вайнада организовать экспедицию на «Спящую богиню», да заодно прихватить и меня. Последнее обстоятельство и было, как потом выяснилось, причиной задержки предполагаемой экспедиции. Дело в том, что я не принадлежала ни к одному из племен Вайнада, хотя и находилась со всеми ними в дружеских отношениях. Задержка завершилась всевайнадским советом племен, на котором после долгого и бурного обсуждения вопрос все-таки был решен в мою пользу. Мне было разрешено присоединиться к экспедиции на «Спящую богиню», в которой участвовали по одному представителю от всех племен Вайнада. В этом решении была своя хитрость: меня как бы не было, а вожди племен, давно не посещавшие «Спящую богиню», решили исполнить свой сакральный долг. Урали-курумба представлял Боман, муллу-курумба – Чакку, панья – вездесущий Каяма. Мы вышли рано утром, когда «Спящая богиня» стояла, вся окутанная туманом. Лесная тропинка, скользкая и раз-

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, IV, 11.

² См.: Шапошникова Л.В. Австралоиды живут в Индии. М., 1976.

мытая прошедшим накануне дождем, шла все время в гору, и наша «экспедиция» вытянулась по ней медленно двигающейся цепочкой. Через час-полтора туман рассеялся, и лучи жаркого тропического солнца осветили густые заросли, валуны, разбросанные по всему пути, корни деревьев, сплетенные в причудливые узлы. Время от времени доносилось откуда-то рычание, и тогда Чакку останавливал и прикладывал палец к губам.

– Пусть они пройдут, – шептал он.

«Они» были тигры. И все мы, конечно, надеялись избежать с «ними» встречи.

Наконец лес кончился, и мы оказались у подножия «Спящей богини». Тропинка вела круто вверх и исчезала где-то среди огромных базальтовых валунов. Между валунами росли колючие кусты и редкие деревья неизвестного мне вида. От валунов струилось жаркое марево, и в этом мареве все теряло свои обычные очертания. Я не заметила, как исчезла тропинка, и мы теперь шли прямо через колючий кустарник, местами взбираясь на валуны. Солнце поднималось все выше и выше. Ни кусты, ни валуны уже не давали тени. Едкий пот заливал глаза. Заросли кустов становились все гуще. И теперь Чакку и Боман рубили их ножами-секачами, освобождая узкий проход. Через некоторое время на нашем пути встала отвесная каменная стена. Она поднималась вверх, и за ней было только небо.

– Пошли, – сказал Чакку, занося ногу на обрывистый выступ стены.

– Куда пошли? – не поняла я.

– Слушай, – назидательно сказал Чакку, – делай все так, как я, и пройдешь.

Я снова посмотрела на стену и увидела на ее гладкой поверхности чуть заметные вмятины. Чакку лег на живот и, нащупывая ногами и руками эти вмятины, медленно стал двигаться вверх по стене. Я последовала его примеру, понимая, что наступил мой последний час, но останавливаться уже было нельзя. Потом я обнаружила, что стена имела небольшой наклон, который не был замечен снизу. Вся «экспедиция», обливаясь потом, медленно ползла вверх. Мне не хотелось оглядываться назад. Я знала, что там было: крутая гладкая стена. И если соскользнуть по ней вниз, то выбоины уже не задержат. От этого могло уберечь только безостановочное движение вверх. И когда многие годы спустя я знакомялась с древними мистериями, то поняла, что это безостановочное движение вверх было главным мистериальным действием.

Я потеряла счет выбоинам, метрам и времени. Мне казалось, что я вот так ползу всю жизнь и что это никогда не кончится. В какой-то момент стали ослабевать руки. Мокрые от пота ладони предательски соскальзывали, и только ноги удерживали меня в этом противоестественном, с моей точки зрения, положении. И снова вверх, вверх – без остановки и без размышлений. Перед глазами только серо-черные крупинки камня с редкими вкраплениями слюды. Потом что-то стало неуловимо меняться. Я оторвала глаза от камня и увидела перед собой вылинявшее жаркое небо, нащупала рукой висевший надо мной валун, сделала последнее усилие и ступила на гладкую каменную площадку, венчавшую стену. Преодоленная мной стена круто уходила вниз. «Ни за что! – сказала я себе, думая об обратном пути. – Ни за что! Останусь здесь жить». Я еще не знала, что обратный путь совсем другой, короткий и легкий. И когда, увидев его, я спросила Чакку, почему нас понесло на эту стену, тот, недолго подумав, ответил:

– Легкий путь – не путь. По нему можно только спуститься. Подняться можно только по трудному пути, это и есть путь.

– Кто тебе сказал об этом? – удивилась я.

Но Чакку не снизошел до ответа.

Прямо над нами теперь возвышалась главная вершина горы – голова «Спящей богини». Между «головой» и гребнем стены повсюду были голые скалы и нагромождения базальта. Это был странный, почти лунный пейзаж. Под ногами валялись мелкие осколки горного хрусталя и куски желтоватого кварца. Мы подошли к месту, где почти соприкасались две скалы, протиснулись через узкий и темный проход между ними и оказались перед валуном. Под ним виднелся низкий ход, который терялся в темной глубине. Чакку первый лег на спину и стал таким образом, ногами вперед, вползать в темный ход.

– Только так, – сказал он нам на прощание.

Мы последовали за ним. Спину холодила сырая земля, острые камни впивались в тело и рвали одежду. Огромные каменные глыбы, поросшие мхом, нависали над головой на расстоянии не более двадцати сантиметров. Не было никакой возможности оторвать спину от земли. Мы ползли, упираясь руками в эти скользкие мшистые глыбы. Откуда-то сверху брезжил рассеянный слабый свет. Впереди было темно. Через некоторое время дно хода стало понижаться и пошло под уклон. Мне казалось, что мы вползаем в каменную утробу «Спящей богини». Но вот ход постепенно стал расширяться, и в него ворвался яркий солнечный луч. Я поднялась на ноги и увидела круто обрываю-

щуюся вниз расселину. Валуны, громоздящиеся друг на друга, создавали какое-то подобие гигантской лестницы. Лестница завершалась своеобразной природной аркой, за которой угадывалась огромная пещера. Через несколько минут мы оказались в ней. Откуда-то сверху в пещеру лился солнечный свет, а с каменного потолка капала прозрачная вода. Восточная стена пещеры была отвесной и гладкой, высотой не менее тридцати метров. Я остановилась перед этой стеной и стала рассеянно на нее смотреть. Глаза постепенно привыкали к полумраку. И вдруг неожиданно стена стала оживать. Из серого камня проступали фигуры. Они были странно лаконичными, почти геометрическими, но удивительно выразительными. На их головах покачивались перья. Танцоры в причудливых масках, изготовившись, подняли руки вверх. Охотники натянули луки. Женщины, взявшись за руки, медленно проплывали мимо них. Олени напрягли изогнутые шеи. Диски многочисленных солнц, переплетаясь с изощренным орнаментом, устремлялись куда-то вверх, пробиваясь сквозь магические знаки изогнутых свастик, крестов и спиралей. Стена сверху донизу была покрыта петроглифами, где одно было неразрывно связано с другим. Сколько тысяч лет назад были сделаны эти петроглифы, я тогда не знала, но определенно это был каменный век.

По тому, как луч солнца передвинулся по панели, я поняла, что прошло немало времени. Но за это время я не слышала ни голосов, ни движения. Куда все исчезли? Я обернулась и увидела «экспедицию», сидящую на корточках на песчаном полу пещеры. Все они, молча и не отрываясь, разглядывали петроглифы. Потом заговорил Чакку, который совмещал в одном лице обязанности вождя и жреца. И я узнала, что пещера называется Илитукалипола, что значит «место знания». В месяц каркадатам, под знаком созвездия Рака, здесь собираются боги и богини. В это время года они свободны от своих обязанностей и обучают в пещере детей. Это они, боги и богини, сделали рисунки в пещере, чтобы детям было понятно, о чем идет речь. С давних времен пещера считается самым священным местом в Вайнаде. Только чистые люди, не совершившие плохих поступков, могут приходить сюда. И я поняла, что святилище, а пещера была, несомненно, таковым, продолжает действовать. Раз в год, в месяц созвездия Водолея (январь–февраль), сюда в ночь новолуния приходят племена Вайнада. Здесь они приносят жертвы богам и танцуют, как указали боги на своих рисунках. Потом в другой пещере (Чакку указал куда-то вниз) они готовят угощение для праздничного пира. Перед рассветом

на вершине «Спящей богини» зажигается большой огонь в честь предков и древних богов. Обратный путь, как уже было упомянуто, был легким и недолгим.

Потом я узнала, что гора «Спящая богиня» – самый древний и уникальный памятник Южной Индии. Индийские археологи датировали петроглифы пещеры концом палеолита – самым началом неолита, или, иными словами, временем между концом древнего каменного века и нового каменного века, их возраст девять-двенадцать тысяч лет. Здесь, конечно, могут быть и ошибки. Важно другое. Мистериальная основа самого раннего периода нашей культуры уходила в глубокое прошлое, память о котором сохранили племена Вайнада в пещере знания на горе «Спящая богиня».

Но мистериальные следы сохраняет не только глубокое прошлое, они присутствуют и в духовных действиях, которые происходят в наше время. За многие прошедшие века мистерии эволюционировали в разные формы таких духовных действий, одним из которых является паломничество.

Паломничество и мистерии, что у них общего? Прежде всего, там и тут присутствует преодоление. Святые места для паломничества всегда находятся в труднодоступных горных районах, начиная от Гималаев и кончая Южной Индией. Многие устремляются к ним, но немногие доходят. Отбор идет как бы естественным образом. Физическое состояние в этом отборе не играет роли. Важно что-то совсем другое, то, что находится внутри человека и называется энергией духа. Если это присутствует, то побеждаются самые тяжелые трудности. На тропах этих паломничеств совершаются подчас подлинные чудеса, сродни мистериальным посвящениям.

...По небу плывут низкие облака, но в их разрывах кое-где уже просвечивает голубое небо. Дождь прекратился, и гора Священного огня нависает над городом, пряча вершину в остатки дождевых туч. Город называется Тируванамалаи, а гора – Аруначала. Отсюда до ее вершины десять миль крутой каменистой дороги. Десять миль вверх, десять миль вниз. Все это надо пройти за один день. Нас трое – мой приятель Махадева, его семидесятипятилетняя мать по имени Лакшми и я. В конце сегодняшнего дня на Аруначале вспыхнет столб священного огня, знаменующего конец дождливого сезона в Южной Индии. Те, кто поднимутся на вершину, будут причастны к мощи этого огня, составляющего одно целое с огнем духа, находящегося у нас внутри. Так утверждает индуистская философия, и в этом утверждении есть

свой резон. И поэтому десятки тысяч паломников стекаются в этот небольшой храмовый городок, чтобы стать свидетелем этого огненного таинства и послать благие мысли туда, где находится Высшая сила божественного огня, земным отражением которого является огонь на горе Аруначала. Это не первое мое паломничество, но оно в какой-то степени отличается от других. Здесь царит священный огонь, который сверкает в колесе бога Шивы, создателя Космоса. И тогда дух человека, напитавшийся огнем в священном месте, превращается в великую, преобразующую силу.

Мы идем мимо харчевен, где сидят садху¹ и санияси² и откуда доносится аппетитный запах жареных лепешек. Нескончаемый поток паломников течет мимо нас. Выбрав удобный момент, мы ныряем в этот поток, и он несет нас к каменистой тропе, которая начинается неподалеку от храма. На подъеме мои чапали³ скользят, я выскакиваю из них и съезжаю вниз. Это я-то, которой еще нет и сорока лет, хорошо тренированная на горных тропах. А как же Лакшми? – невольно думаю я. Ей семьдесят пять, и она привыкла ходить только по городскому асфальту...

Через милю мы оказываемся на крутом склоне, откуда как на ладони виден городок и величественные гопурамы⁴ храма Шивы. От храма к горе тянется, извиваясь, цепочка паломников, затем, не прерываясь, продолжается наверху, уходит к перевалу и там растворяется в низко висящем облаке. Мы идем медленно, обходя крупные валуны, и скользим по размытой, еще не успевшей просохнуть почве. Впереди идет Лакшми, которую мы с Махадевой незаметно для нее подстраховываем. Но спустя некоторое время я с удивлением начинаю замечать, что она отрывается от нас, и теперь я вижу ее синее сари, мелькающее среди паломников наверху, на значительном расстоянии от нас.

– Вот это да, – говорю я Махадеве.

– Я боялся за нее. А теперь вижу, мои опасения были напрасны, – и довольно смеется.

Мы пересекаем первый перевал. За ним сразу же встает другой. Но вершина, окутанная облаками, отодвигается все дальше. Мои чапали размокли, и теперь я гадаю, выдержат ремешки или нет. Нет, не выдержали. Ремень на правой ноге предательски лопается. Я продолжаю

---

¹ Садху – бродячие монахи.

² Санияси – святые.

³ Чапали – индийские сандалии на ремнях.

⁴ Гопурамы – пирамидальные части крыши индуистского храма.

идти в одном. Идущие рядом сочувствуют мне, дают советы и незлобиво подсмеиваются. На очередном перевале мы останавливаемся передохнуть. Мать Махадевы давно уже нас там поджидает, пристроившись к группе отдыхающих юношей.

– На гору? – спрашивают они меня.

– Да.

– Дойдете? Ведь еще очень долго. Мы решили уже спускаться.

– Я еще попробую подняться, – отвечаю я.

Они с сомнением качают головами. Поток паломников уже значительно поредел. Теперь он делится на две части – одни идут кверху, другие спускаются вниз. Я понимаю, что многие, как и эти юноши, не выдерживают подъема.

Проходим еще один перевал и попадаем в облако. Сыплется холодная изморось, клочья тумана цепляются за валуны и деревья. Тропа изрядно полита гхи¹, которое несут в горшках носильщики, чтобы напитать им священный огонь. И снова вверх. Миля за милей, туда, к вершине Священного огня. Я теряю счет милям, счет времени. Моя босая нога разбита и кровоточит. А впереди, все выше и выше, по-прежнему неумоимо мелькает синее сари 75-летней Лакшми. Долгие подъемы, короткие спуски, ложбины, облака. И, наконец, последний каменистый подъем. Мы с трудом преодолеваем его. На краю верхней площадки нас снова приветствует Лакшми. Махадева и я, утратившие чувство юмора и позабывшие о вежливости, молча, не отвечая на приветствие, смотрим на нее.

Плоская вершина Аруначалы плотно окутана туманом, и я с трудом различаю предметы, находящиеся на ней. Несколько закопченных камней, бак с монетками на дне, в котором сегодня вспыхнет священный огонь, и множество горшков с гхи, приготовленного для того, чтобы наполнить бак до краев. Дует холодный, промозглый ветер, и те, кто стоят на вершине, зябко кутаются в одеяла или просто в куски ткани. Долго оставаться здесь трудно, и мы спешим спуститься с площадки под защиту большого валуна. Я смотрю на мать Махадевы, но никаких признаков усталости на ее морщинистом лице не обнаруживаю. Мне кажется, что оно даже помолодело, а в глазах появился свет какой-то нездешней радости.

– Идемте, идемте, – торопит она нас. – Скоро зажгут священный огонь. На вершине в это время никто не должен оставаться.

---

¹ Гхи – топленое масло.

Мы начинаем спускаться. И снова те же десять миль трудной каменистой дороги. Но к заходу солнца мы уже были внизу.

– Вы устали? – спросила я Лакшми, стараясь убедиться, что никакой фантастики не было, а было физическое преодоление, после которого на земле каждый человек должен ощутить усталость.

– Нет, – бодро ответила Лакшми, – я совсем не устала. Мне помог Шива. Он поднял меня на гору Священного огня, – и засмеялась тихо и застенчиво.

– Так, – сказал Махадева, обращаясь ко мне. – Вас удовлетворяет такое объяснение?

– Конечно, нет, – ответила я.

– Тогда объясните научно то, свидетелем чего вы только что были.

– Я не могу этого сделать, – честно сказала я.

– Вот видите, значит, не все реально существующее наука может объяснить.

Махадева вернулся опять к нашему извечному спору. Постановка вопроса в этой дискуссии была сформулирована им самим – если что-то в действительности существует, но не может быть научно объяснено, значит ли, что оно не существует?

Я не смогла ответить и промолчала.

– Ну ладно, – сжалился Махадева, – может быть, Шива здесь и не при чем. Но почему он решил помочь моей матери, а не нам с вами?

– Как это не при чем? – громко возмутилась Лакшми. – Откуда такие фантазии? А то, что он вам обоим не помог, это же ясно.

– Ну и как это ясно? – сразу заинтересовался Махадева.

– Очень просто, – неожиданно сердито отозвалась всегда добродушная и вежливая Лакшми, – очень просто. Вы – молоды, и у вас еще все впереди. Я же свое прошла и достойно заканчиваю свой путь. Именно таким и помогает бог Шива, – и победно-снисходительно посмотрела на нас обоих.

Махадева крикнул. Я промолчала. В тот момент мне показалось, что Лакшми, которой было семьдесят пять лет, в чем-то права.

Когда солнце совсем село, по верхним карнизам гопурамов храма заплясали язычки светильников. Толпы паломников собрались у подножия горы и устремили взоры на ее вершину, как будто ждали какого-то небесного знамения. К тому же небо очистилось, и теперь Аруначала четко вырисовывалась на его звездном фоне. И все свершилось. Раздались три выстрела, «Ом! Ом! Ом!» – застонали вокруг, и над горой затрепетало высокое оранжево-желтое пламя священного огня.

И тотчас же вспыхнули светильники иллюминации на домах и лавках города, взлетел вверх разноцветный фейерверк, рассыпались холодные искры бенгальских огней, запрыгали, взрываясь, шутихи. Толпы возбужденных людей спешили к храму, где пламя светильников на его гопурамах перемигивалось со священным огнем на горе... Огненная мистерия, главным святилищем которой была гора Священного огня, завершилась. XX век вывел ее из тесных пещер на паломнический простор «для всех»...

Паломничеством-мистерией является и праздник, посвященный богине Вайшну Деви, в Кашмире¹.

Мистерияльными в своей основе являются и театрализованные представления – цам, сакральные танцы в масках, которые проводятся в буддийских монастырях и храмах Тибета, Монголии, Бурятии, в районах Западных и Восточных Гималаев Индии и других местах. Философия буддийских реформаторов, таких, как Падма Самбхава, Цзон-ка-па, Нагарджуна, вышла из этих мистерий, обогатив собой знания о человеке и Космосе. Буддийские мистерии олицетворяют собой важнейший процесс, когда тайное становится явным, а знания для избранных сообщаются всем, то есть становятся открытыми. С этой точки зрения очень интересен пример сакрального буддийского учения Калачакры (колесо Времени), мистерии которого еще в начале XX века были тайными и закрытыми. Практика Калачакры была связана с мифом о Шамбале, заповедной стране высоких Учителей, и имела многовековые традиции расширения сознания человека, приобщения его к знаниям «смотрящего непосредственно».

«...Тантрины высокого ранга <...> – пишет одна из известных исследователей мистерии Калачакры В.Ц.Найдакова, – ревностно следившие за точным произнесением тарни (мантр), осознавали про себя глубокий мистический смысл происходящего. Для них, йогинов, весь обряд обозначал не только динамическую медитацию очистительного характера, но и как преследующий цели достижения исполнителями некоего измененного состояния сознания. Очевидно, это был выход на прямой контакт с Высшими Космическими Силами и через выполняемые жертвоприношения испрашивание возможности дальнейшего продвижения в духовном развитии»².

---

¹ См.: Шапошникова Л.В. Великое путешествие: Кн. 2: По маршруту Мастера. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 160–171.

² Найдакова В.Ц. Буддийская мистерия цам в Бурятии. Улан-Удэ, 1997. С. 24.

Ю.Н.Рерих, один из крупнейших востоковедов нашего времени, также серьезно занимался изучением Калачакры и перевел ряд тибетских книг, связанных с этим учением. «Многие области знания объединены в Калачакре, – написано в Живой Этике, – только непредубежденный ум может разобраться в этих наслоениях всех миров»¹.

В 70-е годы прошлого века Далай-Лама XIV начал проводить ритуал «Посвящение в Калачакру» для всех желающих. Самое мистериальное и тайное учение стало «для всех». Возможно, в мире происходят какие-то важные эволюционные процессы, на которые сразу реагируют мистерии, где за много веков накопился большой запас знаний и умение ощущать космические сдвиги.

«Достижения современной научной мысли, – замечает В.Ц.Найдакова, – во многих областях знания ныне неожиданно перекликаются с древнейшими эзотерическими сведениями. Подходят, видимо, сроки и для учения Калачакры»².

Два способа познания – эмпирическое и вненаучное, или, можно сказать, метанаучное, – как бы вне зависимости от наших усилий идут навстречу друг другу, ощущая неуклонный зов космической эволюции.

Иными словами, знание, зашифрованное в мистериальных таинствах, спрятанное в святилищах, скрытое под масками мифологических персонажей в сакральных танцах, выходя на свет, превращает саму жизнь в пространство преображения человека, который трансформируется из «человека разумного» в «человека духовного», или в иной энергетический вид.

Знания, накопленные в мистериях, в паломничествах в места особой энергетики, со временем составят важнейший пласт в новой системе познания, которая формируется в пространстве космического мироощущения.

---

¹ Мир Огненный. Ч. I, 212.

² *Найдакова В.Ц.* Буддийская мистерия цам в Бурятии. С. 30.

2. УЧИТЕЛЯ – КТО ОНИ?

Учительство есть высочайшая связь, которую только возможно достичь в наших земных облачениях. Нас ведут Учителя, и мы стремимся к совершенству в нашем почитании Учителя.

Н.К.Перих

В Гималаях я столкнулась с культом нагов, самым удивительным культом в истории человечества. О нагах, людях-змеях, или поллюдях-полузмеях, повествовали мифы Азии, Европы, Америки, Австралии и Африки. Полагаю, что в древности не существовало такого места, где бы ни поклонялись могущественным нагам. Традиционно культ нагов связывали с плодородием земли, водой и производящим женским началом. Но в то же время наг был символом мудрости, культурным героем и Учителем. Именно в Западных Гималаях эта черта культа преобладала над всеми другими. В горных долинах и на перевалах стояли святилища нагов, а на их алтарях возвышались каменные и бронзовые фигуры таинственных мудрецов со змеиными капюшонами над головами. От небольшого городка Бхадрава храмы и святилища нагов тянулись к Великому Гималайскому хребту, пересекали его и уходили на восток, туда, где находились древние сапфировые шахты Падара. Веками там добывали синие и голубые сапфиры. Согласно мифам и легендам, эти сапфиры украшали короны королей нагов.

Те же мифы связывали нагов с мудрецами-риши. Они как бы перетекали друг в друга, сливаясь нередко в одно понятие, в один образ. Наги и риши были божествами Гималайской долины Кулу. Их бронзовые и золотые маски хранились в древних храмах. Тем и другим приписывалась великая мудрость, чудесные способности, знание тайн природы и всемогущество. Риши и наги наставляли людей в искусстве и ремеслах, в знаниях и обрядах. Некоторые из них оставляли после себя реальные книги, такие, как «Ниламат пурана» Синего Нага, правителя Кашмирской долины, или книга буддийского реформатора Нагарджуны, в которую вошли знания, сообщенные последнему Великим Нагом.

Сюжет культурного героя, носителя знаний и Учителя, пронизывает всю мировую мифологию. Именно они, культурные герои, были связаны с мистериальным способом познания, и многие из них стояли в основании ряда крупнейших мистерий.

«Культурный герой, – читаем мы в энциклопедии “Мифы народов мира”, – мифический персонаж, который добывает или впервые создает для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учит их охотничьим приемам, ремеслам, искусствам, вводит определенную социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники. В силу недифференцированности представлений о природе и культуре в первобытном сознании <...> культурному герою приписывается также участие в мироустройстве: вылавливание земли из первоначального океана, установление небесных светил, регулирование смены дня и ночи, времен года, приливов и отливов, участие в создании, формировании и воспитании первых людей и др.»¹.

П.Энрейх считает, что культурный герой «есть эманация высшего божества, и его первоначальная природа – астральная». П.Радин, исследуя североамериканский цикл мифов о Вакдьюнкаге, увидел в нем историю эволюции человека «от природной стихийности к героической сознательности».

Как бы ни осмысливали культурного героя исследователи, он, тем не менее, всегда являлся Учителем, просветителем, наставником жизни, проникающим в самые различные сферы человеческой деятельности, начиная от духовно-художественной и кончая исторической.

Особое место в традиции Учителя как культурного героя занимает Индия. Там до сих пор продолжает жить институт Учителей-гуру, на котором лежит отсвет мифов об Учителях, наставниках и великих мудрецах-риши. Сказания и мифы о риши уходят в глубочайшую древность, туда, где когда-то бушевали волны Великого потопа. Были это реальный земной потоп или отголосок творящей силы мирового океана, где нет ни нашего времени, ни нашего пространства, сказать трудно. Известно только, что прародитель теперешнего человечества Ману, спасая, подобно библейскому Нюю, «каждой твари по паре», прежде всего позаботился о мудрецах. Семь божественных риши вошли на корабль, влекомый огромной рыбой по бурным волнам расходящейся стихии. Сакральное созвездие Саптариши, или Семь мудрецов (по-нашему, Большая Медведица), сверкало в небе и указывало путь кораблю. И было неясно, где низ, а где верх, где мудрецы, а где звезды. После того, как сошла вода Великого потопа, семь могущественных мудрецов, познавшие тайны природы и умеющие управлять

---

¹ Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 25.

ее силами, приняли самое активное участие в жизни богов и людей. От семи божественных мудрецов-риши, как утверждает мифологическая традиция, пошли все мудрецы Индии, вплоть до живущих ныне.

Семь риши обитали на золотой горе Меру, стоявшей в центре Земли и Вселенной. Они составили Веды, передали людям священный огонь, основали жреческую касту, создали космогоническое учение, изобрели музыкальные инструменты. Последующие поколения мудрецов продолжали традиции своих предшественников. Они тоже создавали священные книги, просвещали народ и устанавливали этические нормы. Нила Наг, или Синий Наг, о котором я упомянула в самом начале, был из их числа. Покровитель Кашмирской долины был мудр, владел тайными знаниями и искусством магии. Его реально существующая книга «Ниламат пурана» содержала наставления народу долины, как жить, какие праздники отмечать, как себя вести, как относиться друг к другу.

Непрерывающаяся линия мудрецов-учителей проходит через всю историю Индии, как бы отражая в себе Великий закон Иерархии одушевленного Космоса, – Учитель есть главное лицо в духовном совершенствовании каждого из нас.

В культурном герое существует как бы две жизни – одна небесная, другая земная. В мифологии часто бывает трудно отличить бога или божество от исторической личности, которая под этим же именем действует на земле, сохраняя за собой функции культурного героя.

Известно, что за каждым мифологическим персонажем стоит своя реальность, которую необходимо правильно осмыслить. Культурный герой, от архаической до классической мифологии, проходит через сознание человека свой эволюционный путь.

«Культурные герои, – отмечается в энциклопедии «Мифы народов мира», – не обязательно сакрализованы и соотносятся аборигенами с некоторыми категориями духов и выдающимися историческими личностями прошлого. Таким образом, они отличаются от настоящих богов, но при этом подчеркивается их значительность и магическая сила, без которых были бы немыслимы их деяния»¹. Со временем из мифологического культурного героя мог возникнуть эпический герой. Черты культурного героя мы находим у некоторых богов. «С выделением пантеона высших небесных богов культурный герой иногда превращается в помощника, посланца верховного творца, исполнителя

---

¹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 26.

воли последнего <...> В ряде мифологий к высшим богам переходят цивилизующие функции (напр., к Аполлону и особенно к Афине)»¹.

Но если подходить к явлению культурного героя с эволюционной точки зрения, то мы должны понять что первично, а что вторично. Первичен ли бог с функциями культурного героя, которые потом переходят полностью к какому-то конкретному культурному герою, или первичен сам культурный герой, постепенно эволюционирующий в бога, в сущность более высокого порядка. Ответить на этот вопрос однозначно крайне трудно. Понять, где божество, где мифологический герой и где адекватная двум первым историческая личность и как одно переходило в другое, значит, открыть реальность, стоящую за мифом. А реальность эта – Учитель, во всех его ипостасях. Надо иметь в виду, что и у бога, и у мифологического культурного героя, и у исторической личности есть общие черты, которые связаны, в первую очередь, со знаниями, приносимыми всеми ими людям. И кроме чисто прикладных знаний, или, скорее, умений, таких, как обучение различным ремеслам, земледелию, охоте, искусствам и другому, каждый из них принес людям свою философскую концепцию, которая составляла основу образа жизни людей. Иными словами, вся деятельность сущностей, связанных тем или иным способом с Высшим, сводилась к самому главному – передаче знаний. Знания, как таковые, лежали в основе эволюционного продвижения человечества. И во всей его истории, несмотря на всякие коллизии, отклонения и искажения, знание ценилось выше всего, и тайна получения знаний была ведущей тайной бытия человечества. И бог и Учитель как бы сливались в единой сущности, в которой не было ничего выше бога и выше Учителя.

В течение ряда веков в мифологии народов Центральной Америки существовал бог Кецалькоатль, в переводе «Пернатый змей». Пернатый змей нес в себе два начала – небесное и земное. Небесное символизировали перья или крылья, Землю или плотную материю воплощал собой змей.

Пернатый змей в мифологии народов Центральной Америки – «одно из трех главных божеств, бог-творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий, бог утренней звезды, близнецов, покровитель жречества и науки, правитель столицы тольтеков – *Толлана*»².

Кецалькоатль создал не только человека, но и его культуру. Другие боги возлагали эту обязанность на человека, но Кецалькоатль

---

¹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 26.

² Там же. Т. 1. С. 646.

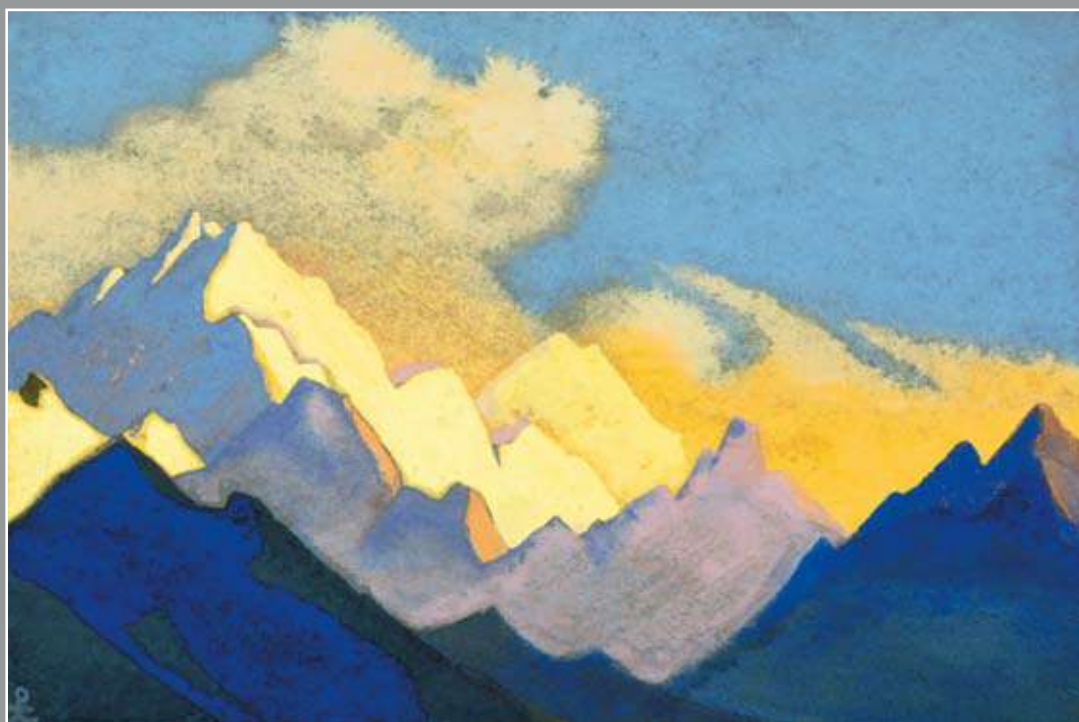
занялся этим сам. Более того, он покровительствовал не только жречеству, но и науке, что для других богов было крайне необычным. Будучи основателем культуры, этот бог, согласно сведениям мифологии, принес людям кукурузу, научил их находить и обрабатывать драгоценные камни, строить, создавать мозаики из цветных и золотистых перьев птиц, следить за движением звезд, вычислять даты по календарю. Практически Кецалькоатль взял на себя функции культурного героя, возможно, он таковым и являлся. Но эволюция восходила вверх по спирали, и сознание людей изменялось, а вместе с сознанием менялся и сам Кецалькоатль. Из покровителя жрецов он превратился в одного из них, который знал столько же, сколько и сам бог. Он был уже исторической личностью, Учителем, обучавшим мудрости жрецов и тех посвященных, которые проходили через храмовые мистерии в Чолуле. Бог Кецалькоатль как бы раздвоился на бога и жреца, на мифологическое явление и историческую личность, носившую то же имя. Исторический Кецалькоатль был так же мудр и знающ, как и бог, породивший его. Но он жил на земле, страдал и любил как человек, земные эманации нередко окутывали его плотной майей, сбивая с божественного пути. Потом он исчез. Жрецы говорили, что он уплыл на восток, в другую благодатную страну, но обязательно вернется. И тогда в сознании ацтеков Мексики смешались бог и исторический Кецалькоатль, миф и легенда. Это смешение кончилось весьма трагично. Ацтеки были почему-то уверены, что Кецалькоатль носил бороду, но какой Кецалькоатль – бог, жрец или Учитель, они не могли сказать точно. И когда с востока появились паруса испанских конкистадоров и на берег сошел бородатый Кортес, все стоявшие на берегу люди решили, что вернулся Учитель и жрец Кецалькоатль, а может быть, и сам бог – Пернатый змей. Как и любое заблуждение, оно имело печальные последствия – жестокое покорение миролюбивых последователей Кецалькоатля и разрушение государства ацтеков.

Но, как бы то ни было, философская система науатль, созданная Кецалькоатлем-Учителем, еще долгое время поддерживала дух ацтеков в их неравной борьбе с испанскими завоевателями. И как последние ни старались разрушить культуру ацтеков, созданную их богами и Учителями, тем не менее, ацтекам многое удалось уберечь от уничтожения и оставить память о Великом Учителе и философе Кецалькоатле. То, что он, как и одноименный бог, был связан с Высшим в своей созидательной деятельности, не оставляет никаких сомнений.

Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

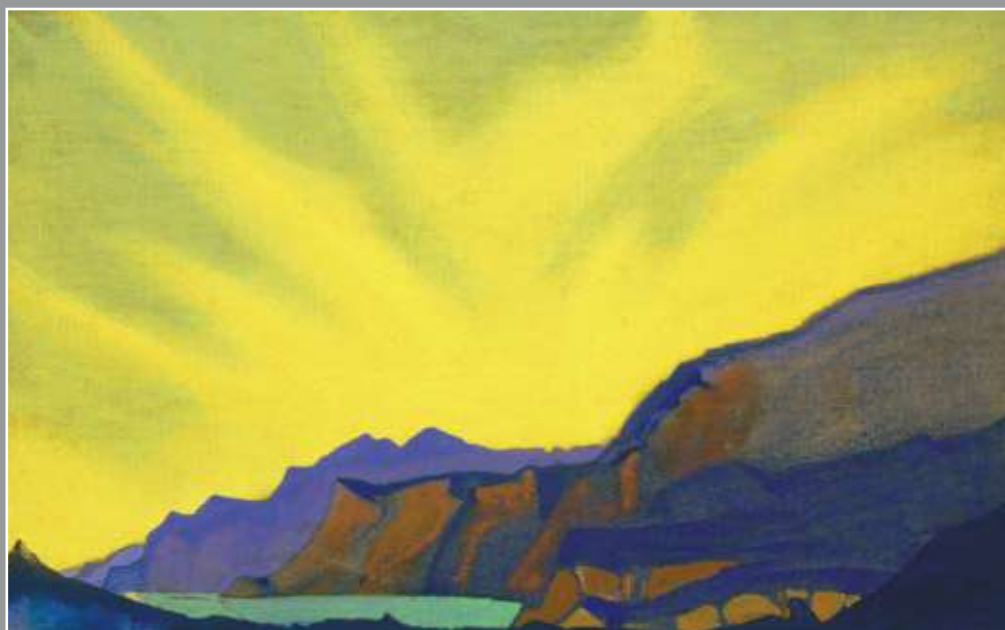
Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

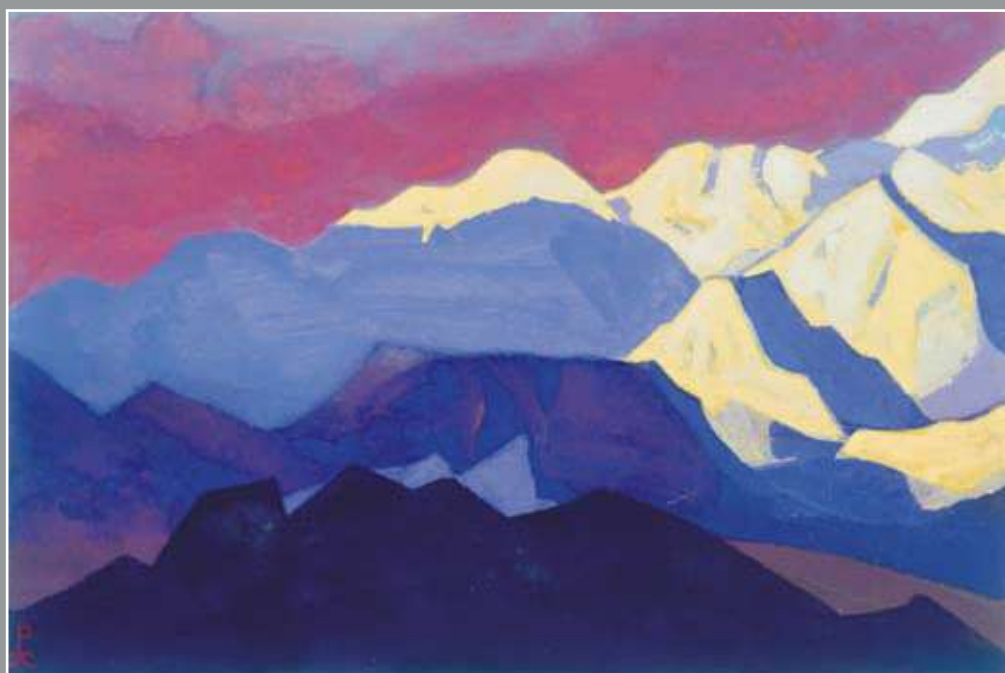
Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

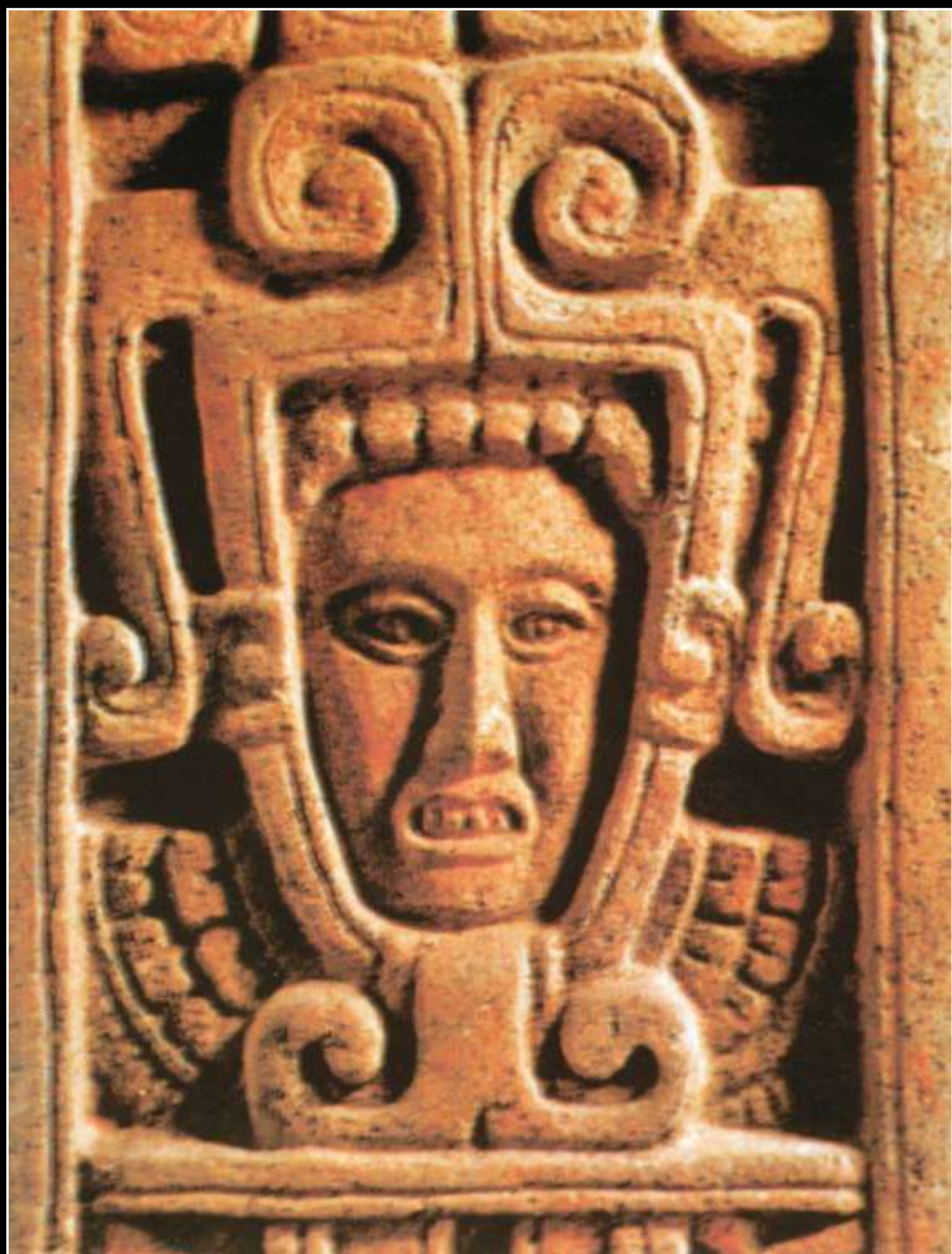
Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

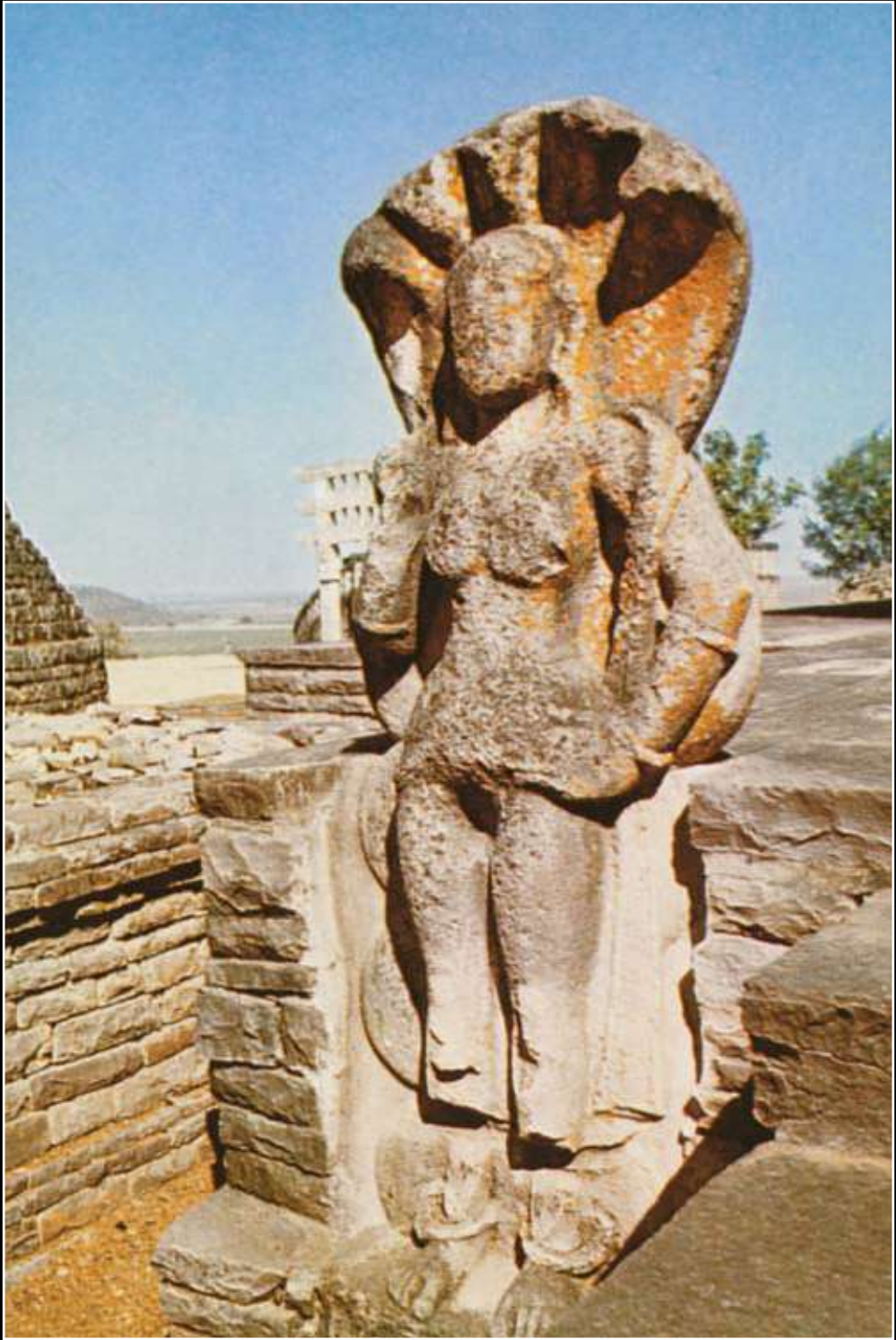
Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

Н.К.Рерих. Из серии «Гималаи». 1937–1947 гг.

Кецалькоатль – мифологический бог народов Центральной Америки

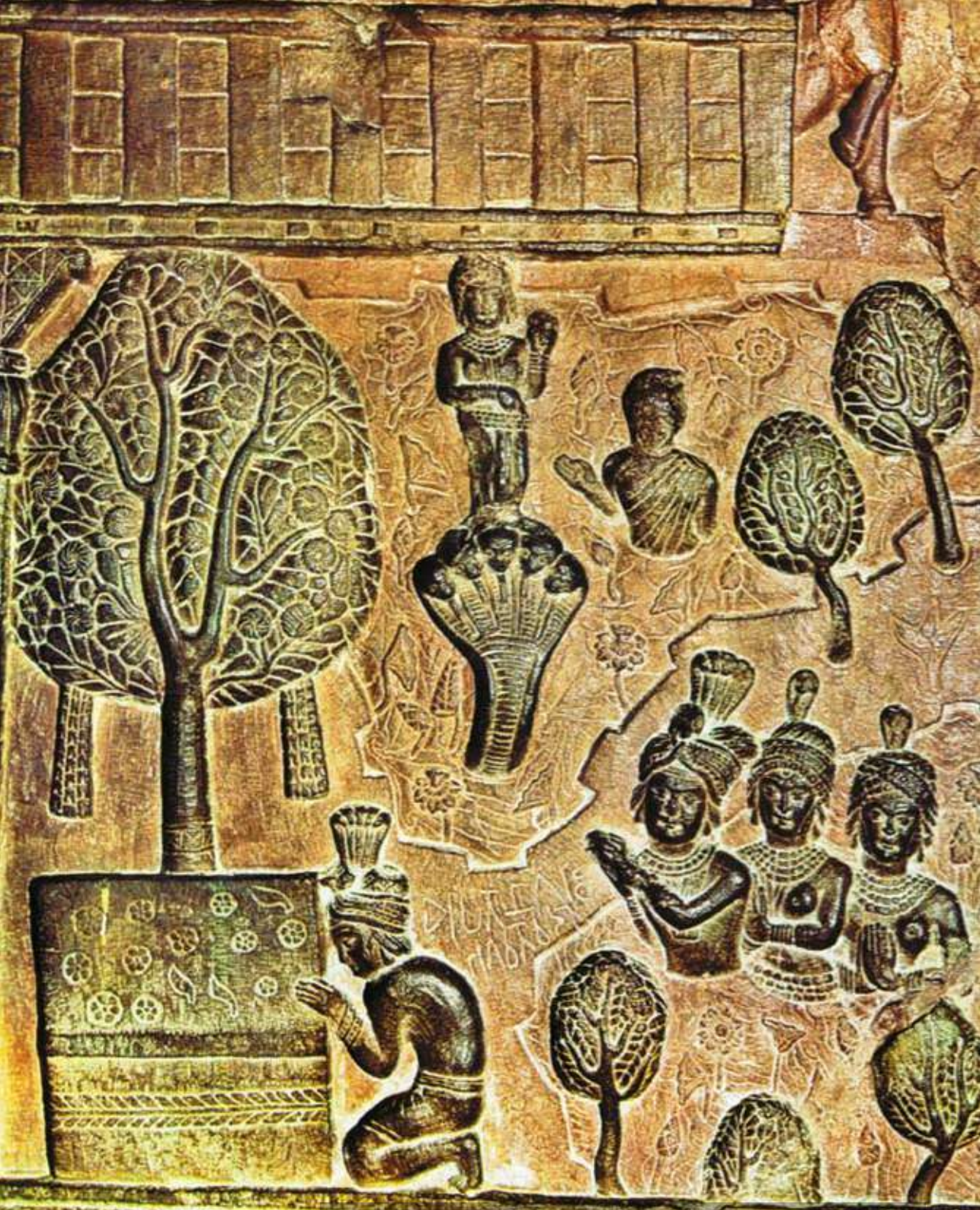
Наг из Санчи. Индия

Бог Вишну, спящий на наге Шеше. Индия

Наг Элапатра и его свита поклоняются Будде. II в. до н.э. Индия

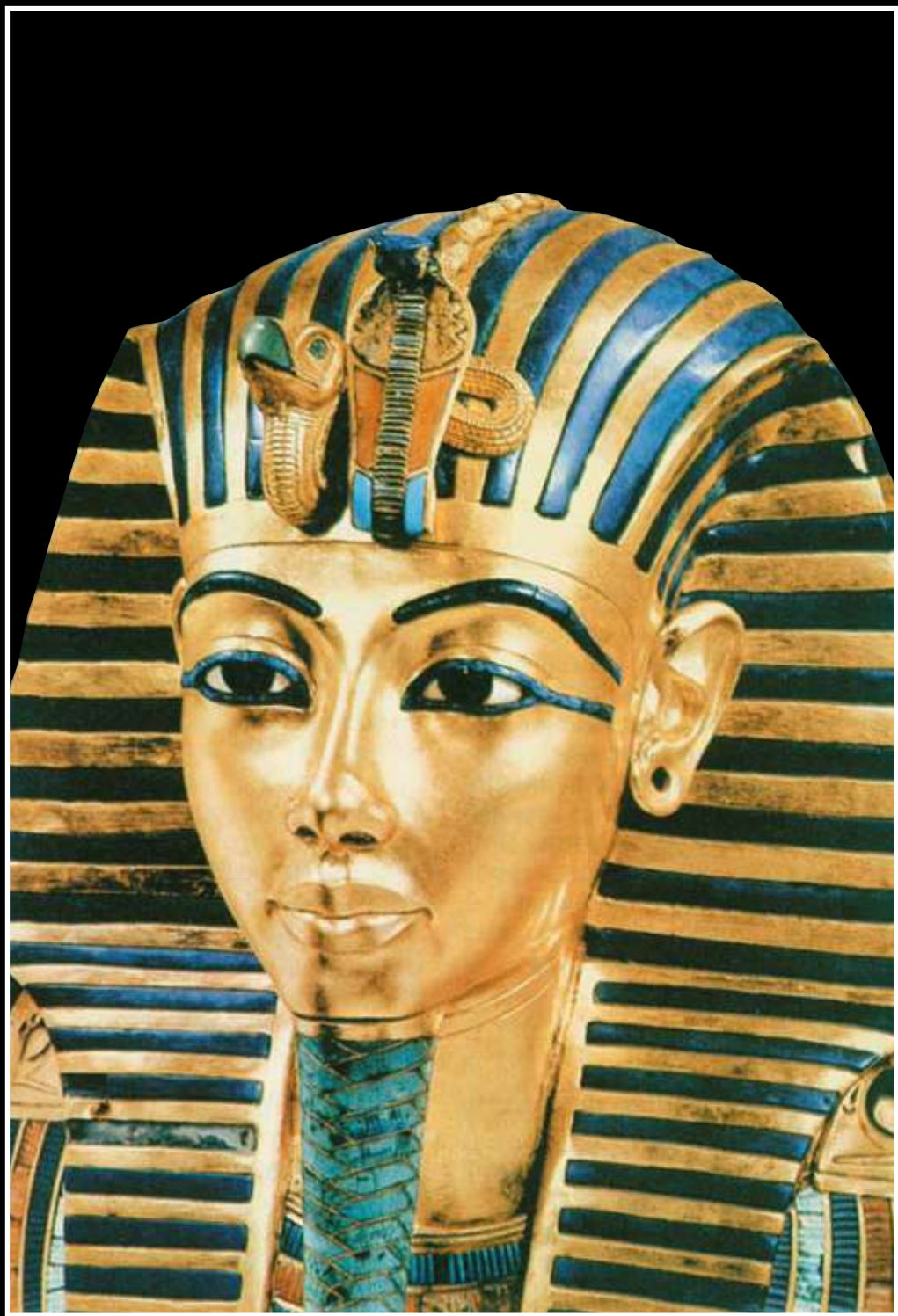
Купание бодхисатвы. Кон. I в. н.э. Индия

Богиня Мохенджо-Даро. III тыс. до н.э.

Наг и нагиня. Бронза. XVI в. н.э. Индия, Керала

Маска Тутанхамона. XIV в. до н.э. Египет

Кецалькоатль был не единственным Учителем в нашем мире плотной материи. Были и другие, которые составили самую раннюю группу божественных Учителей нашей земли. Их знания изменяли наше сознание и нашу жизнь. Одним из значительных среди них был Гермес.

«Мастер всех наук и искусств, – отмечает М.П.Холл, – знаток всех ремесел, Правитель Трех Миров, Писец Богов и Хранитель Книг Жизни, Тот Гермес Трисмегист – Трижды Великий и Величайший – “Первый Интеллигент” – считался древними египтянами воплощением Универсального Ума. По всей вероятности, великий мудрец и учитель по имени Гермес существовал на самом деле, но выделить историческое лицо из массы легендарных сведений, в которых делается попытка отождествить его с Космическим Принципом мысли, оказывается невозможным»¹.

Здесь мы сталкиваемся с тем же феноменом, что и в случае с Кецалькоатлем, – бог, культурный герой и, наконец, историческая личность, реально существовавший Учитель. И действительно, одно от другого крайне трудно отделить. Разные степени Учителя могут свидетельствовать также об эволюции этой высокой личности, безусловно, связанной с Иерархией Космоса. Ситуация с Гермесом осложняется еще одним обстоятельством: его пребыванием в различных ипостасях в разнообразных культурных пространствах – Греции, Риме и Египте времен эллинистического Востока. Наиболее определенный след Гермеса оставил как реально существовавший Учитель и основатель науки. Он дал людям знания по медицине, химии, юриспруденции, астрологии, музыке, риторике, магии, географии, математике, анатомии и ораторскому искусству. Был он и философом. После него остались труды, часть из которых погибла при пожаре в Александрийской библиотеке, часть была утеряна. Уцелели только его «Изумрудные таблицы» и «Божественный Пимандр».

Гермес сыграл большую роль в формировании духовной практики мистерий, в которых расширение сознания было главной целью. Он описал такую практику в своей «Книге Тота», которая оказалась также утерянной. «Когда определенные участки мозга стимулируются секретными процессами в Мистериях, – пишет М.П.Холл, – сознание человека расширяется, и ему позволено видеть Бессмертных и присутствовать при высших божествах. Книга Тота описывает метод, которым такая стимуляция может быть достигнута»².

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 108.

² Там же. С. 112.

Значительным событием в жизни Гермеса – исторической личности и Учителя, было откровение, после которого он смог «понять секреты невидимой вселенной»¹. Все это он изложил в книге, называвшейся «Видение», или «Помандрес».

«Основная тайна Гермеса состояла в приближении мира Астрального к земле. Можно наблюдать искры эти в Учениях Герметизма, хотя они очень прикрыты»², – сказано в Живой Этике.

Учитель, принеший знание о мире иного состояния материи и приблизивший его через мистериальное действие к земле, вышел, если можно сказать, из мифологии. Он был богом греков, римлян, египтян. Позже его стали называть Вестником или Посланцем Богов, закрепив это его предназначение жреческим званием и причастностью к мистериальным знаниям. И, наконец, когда мифология постепенно совершила переход в историю, став земной реальностью, мы встречаемся с Гермесом уже как с исторической личностью, но несущей в себе мифологические традиции и знания и как бы скрепляющей собой инобытийную мифологию и земную историю. В случае с Гермесом проблема первичности и вторичности (Бог или человек) решается вполне определенно. Мы знаем сначала Гермеса-бога, а затем Гермеса – историческую личность в виде Учителя. И здесь мы еще раз видим подтверждение взаимодействия эволюции и инволюции, проявляющегося в иерархическом принципе. Сначала бог, а потом человек, и между ними Гермес, воплотившийся в Учителя в плотном мире, чтобы, пожертвовав собственной эволюцией, поднять человека из состояния инволюции в пространство эволюции. И в этом состоянии продолжающий сохранять связь с высоким инобытием и объясняющий людям, как это важно для них самих. К нему можно добавить и других – Ниланага, Нагарджуну и им подобных исторических личностей, оказавших на нашу культуру и развитие наших знаний огромное влияние. Процесс перехода мифологического сознания в историческое, который, вне каких-либо сомнений, был связан с Учителями, крайне сложен, я бы сказала, необычен для сегодняшнего нашего мышления, оторванного от Высшего. Нам еще предстоит исследовать это время во всей его глубине и объемности. И тогда, возможно, мы поймем космическую суть таких Учителей, носивших имена богов, как Кецалькоатль, Гермес, Один, Орфей и др. Поймем не только их собственную суть, но и таинственную особенность вре-

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 112.

² Агни Йога, 594.

мени, в котором им приходилось жить и творить, проходя узкую, еле заметную границу между мифологией и историей.

Путь от божества до культурного героя, а затем и к исторической личности прошел Орфей, оставивший нам свои гимны, из которых возникло учение орфиков. «Орфей, – отмечает энциклопедия «Мифы народов мира», – славился как певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа»¹. С судьбой Орфея – божества и Орфея – исторической личности связаны различные легенды, одна из которых относится к трагической любви Орфея и Эвридики. Орфей, так же как и подобные ему Учителя, был причастен к египетским и самофракийским мистериям. Легенды об Орфее весьма противоречивы, и информация о его отношениях с богами и людьми неоднозначна. Некоторые считают, что Орфей есть обожествленная историческая личность, другие – что он мифологический бог, ставший со временем исторической личностью. Остановиться на какой-либо версии крайне трудно за недостатком информации. Но, как бы то ни было, он являлся Учителем, давшим людям знание о музыке и пении и принесшим им свою философию. Английский ученый Т.Тейлор, изучавший раннюю организацию человеческих сообществ, писал по этому поводу: «Одно можно сказать, что жил такой человек Орфей, который был истинным основателем теологии среди греков, законодателем их жизненных и моральных норм, первым из пророков и поэтов, отпрыск Муз, который учил греков ритуалам и Мистериям и от которого мудрость перешла к Гомеру, Пифагору и Платону»². К этому стоит добавить характеристику гимнов Орфея, данную А.Шапошниковым, одним из известных их исследователей. «Каковы бы ни были авторство и датировка орфических гимнов, – пишет он, – ясно одно – перед нами уникальное собрание обрядовых молитв-призываний, использовавшееся на протяжении многих веков в практике мистерий (таинств) древнегреческой языческой религии. Гимны Орфея ценны не только тем, что приоткрывают завесу таинственности над античной системой духовного посвящения, но и тем, что проявляют эзотерическую сторону богатейшей греческой мифологии»³. Сами гимны, без сомнения, являются образцом высокой поэзии своего времени, каждый из которых представляет собой жемчужину точной и вырази-

---

¹ Мифы народов мира. Т. 2. С. 262.

² Цит. по: Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 83.

³ Орфей: Языческие таинства: Мистерии восхождения. М., 2001. С. 31–32.

тельной философской мысли, связанной с космическими процессами и бытием самого человека. Вот один из таких гимнов, посвященных сновидению.

*Я призываю тебя, о блаженный, с широким размахом
крыльев, чья легкая тень возвещает покой неизбывный,
о всемогущий пророк, прорицатель грядущих событий,
отдохновение сна ты на смертных низводишь безмолвно.
О Сновиденье, в тебе – Разум Космоса, промысел божий.
С душами смертных дано говорить тебе, ум пробуждая;
и, прорицая во сне неизменную волю бессмертных,
душам притихшим являть о грядущих событиях вести.
Промысел добрый богов открываешь ты праведным людям.
О, как прекрасно, когда мы подвластны божественной воле!
Ты же – усладу несешь лишь тому, кто добра ожидает,
а у бесчестного властно отъемлешь дыханье живое.
Благочестивый богов почитает молитвой усердной
и получает от них окончанье счастливое жизни.
Злому ж не впрок ничего: ни видения, ни сновиденья,
что прорицают ему наказанье за все, что содеял.
Освобождения нам не дано от страданий грядущих.
Но, о блаженный, молю: изреки обвиненья бессмертных,
ибо ты вовремя к нам с благотворным приходишь советом.
Дай нам предвестия знак, не беду, а блаженство сулящий!¹*

Ни в одной научной книге так красиво и точно не изложена суть сна – общения с иным, более тонким миром, несущим оттуда пророчества и предупреждения. Во сне «мы подвластны божественной воле». Или – «ты вовремя к нам с благотворным приходишь советом». Этот «благотворный совет»-предупреждение известен многим, кто понимает суть самого сна. Можно цитировать гимн за гимном, и в каждом из них мы найдем крупницу высокого знания.

Метаморфозу от бога до реального Учителя прошел и скандинавский Один. Из энциклопедии «Мифы народов мира» мы узнаем, что Один в скандинавской мифологии считался верховным богом². Позже Один выступает в качестве знатока рун, преданий, является жрецом. И, конечно, как и любой другой Учитель, имевший своим предшествен-

---

¹ Орфей: Языческие таинства: Мистерии восхождения. С. 60–61.

² Мифы народов мира. Т. 2. С. 241.

ником культурного героя, был связан в первую очередь с мистериями, с тем способом познания и получения знаний, который практиковался широко в древнем мире. Как культурный герой Один наравне с богами участвовал в творении Мироздания, находил и оживлял первые образы древесных людей. Мистерии, ритуалы которых создал Один-жрец и реально существовавший человек, были крайне популярны. Ими руководили 12 дроттаров, владевших тайными знаниями.

«Ритуалы этих Мистерий, – пишет М.П.Холл, – были подобны ритуалам греческих, персидских, браминских Мистерий. Дроттары, символизировавшие знаки Зодиака, были покровителями искусств и наук, которые открывались тому, кто успешно проходил испытания посвящения»¹.

Оставил ли после себя Один какие-либо философские труды, пока неизвестно. Но его мировоззрение и космогонические взгляды нашли яркое выражение в мистериальных ритуалах.

В своем путешествии по Гималаям я столкнулась не только с культом нагов, но и встретила человека, который дал мне важные объяснения по этому культу. Он не сообщил мне своего имени, и поэтому я называю его просто Ламой. На всем протяжении моего маршрута я видела его трижды и трижды имела с ним продолжительные беседы. Заканчивая очерк об Учителях, я подумала, что читателю будет интересно познакомиться с мыслями, а через них и с личностью самого Ламы. Беседа, которую я приведу, состоялась в Чамбе, горной столице одного из бывших гималайских княжеств.

– Я начну с древнего мышления, – сказал Лама, поудобней устроиваясь в кресле, стоявшем напротив меня, – ученые сейчас его называют мифологическим. Не думаю, что надо возражать против этого термина. Дело не в названии, а в сути. То, что ученые занялись исследованием такого мышления, прекрасно. Было время, когда древние изображения трактовались языком, далеким от Знания и Истины. Древние литературные источники неправильно переводились на европейские языки. Древние символы, в которых был заложен глубочайший смысл, при таком переводе оставались мертвыми или, хуже того, искажались. Я бы мог еще много об этом говорить, ибо все это представляется мне крайне важным. Во всем этом заключены краеугольные понятия связи времен, культурной преемственности, самопознания человека на бесконечном пути его эволюции. Я хотел бы

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 71–73.

сейчас, когда у нас с вами не так много времени, остановиться на важнейших моментах древнего, или мифологического, мышления, которые, надеюсь, помогут вам разобраться в том, о чем вы хотите знать. Я хочу обратить ваше внимание на то органическое единство, которое присутствует в этом мышлении. Это единство вытекало из мироощущения древнего человека, которое так не похоже на мироощущение современного человека. Древний человек чувствовал свое неразрывное единство с Космосом, планетой, на которой он жил, с Природой, которая его окружала. Эта связь могла быть осознанной и неосознанной. Но она была для этого человека самым существенным, что формировало его по многим направлениям. Ученые правильно говорят: человек часть Космоса. Но говорить – одно, а ощущать и осознать – это другое. Многие ученые, которые пытались проникнуть в мир, психологию древнего человека, утверждали, что этот человек боялся Природы, чувствовал ее враждебность. Это – измышления. Яркий пример навязывания собственных представлений человеку прошлого. Пример полного его непонимания. Чувство враждебности возникло у современного человека, когда он отделился от Природы, противопоставил себя ей. Если бы в древнем человеке жило чувство враждебности Природе, а не ощущение полного слияния с ней, он не смог бы стать ни художником, ни творцом. Творческий труд был бы ему неведом. К счастью, этого не произошло. И мифологическое мышление, о котором мы с вами говорим, было плодом именно творческих усилий человека. В нем нашло отражение как раз то ощущение Великого Единства, с которого я начал свой рассказ. Великое Единство обусловило мироощущение древнего человека. Он познавал мир в единстве, не расчленял его, не отделял себя от него. Он создавал целостные образы этого мира, и в этом творчестве принимало участие все человеческое сообщество планеты. И эти целостные образы, помогавшие человеку познавать окружавшее его, были не менее истинными, нежели те исследования, которые ведут современные ученые в своих лабораториях. Эти ученые забывают о синтезе, который является единственным путем познания Истины. У древнего человека этот синтез был изначальным, стихийным, я бы сказал, естественным. Он познавал мир во всей его целостности как неутомимый мыслитель, как пылкий ученый и тонкий художник. Он познавал его как астроном и живописец, как математик и поэт, как геолог и скульптор, как историк и танцор. Я бы мог перечислить все области знаний, все отрасли искусств. Они были слиты воедино в нем одном.

Он был свободен и крылат, открыт небу, солнцу, звездам, деревьям и горам. Его творчество было естественным и радостным. Оно изливалось из него, как река из чистого родника, и было всемогущим.

Не подумайте, что я идеализирую этого древнего человека, уподобляю его некому богу, а землю, на которой он жил, райскому саду. То, о чем я говорил, добывалось человеком с большим трудом, слагалось в течение многих поколений, терялось и вновь обреталось. Даже тогда никаких чудес не было. Чудом был сам человек, чудом был его неутомимый, повседневный труд. Целостное, образное познание мира звучало в нем мифами и мифологическими образами. Эти образы были многогранны, сложны, но за ними всегда стояла реальность. Та реальность, к познанию которой приближался человек. В этих образах не было ни выдумки, ни того, что мы пренебрежительно называем фантазией. В них только запечатлелись художественные особенности мышления человека, методов его познания.

Но вернемся к нагам. Это мифологический, художественный, если хотите, образ, отражающий явления самых разных уровней, самого разного характера. Мы попытаемся с вами хотя бы частично расшифровать его. Мифологический образ безвременен, ибо вечен. Время, которое отражено в нем, это совсем другое время, и его не всегда можно соотносить с нашим летосчислением.

Есть еще одно важное обстоятельство. Мифологический образ связан с Законом двойственности, впрочем, как и любое другое явление в Космосе. Космические законы действуют в пределах этой двойственности, в рамках двух противоположных начал. Плюс и минус, добро и зло, мужчина и женщина, дух и материя – противоборствующие начала, но не существующие одно без другого, переходящие одно в другое. Я назвал вам примеры разных уровней, разных соотносимостей. Но Закон Великой двойственности пронизывает все – и макрокосм и микрокосм, и Вселенную и человека. Двойственность связывает, казалось бы, несоотносимые категории. Двойственность – это то, через что материя, в лице человека, познает себя. Столкновение противоположных начал предоставляет человеку такую возможность. Познание происходит только в пределах этой Великой двойственности. Иного пути пока нет. В мифологическом образе разные уровни всегда слиты воедино. Это можно сравнить со сном. Только во сне различные уровни представляют единое целое, которое живет в самом человеке.

Символика мифологического образа отражает в себе Великое единство и Великую двойственность.

Мифологический образ или символ подобен редкому бриллианту, сверкающему множеством граней. Бриллиант этот формировали и шлифовали многие века и тысячелетия. Каждая грань занимает свое место, излучает и преломляет свой свет, но неразрывно связана с основным телом и не существует в отрыве от него. Поэтому когда мы рассматриваем или любуемся какой-либо гранью, то должны всегда помнить об основном теле. Я покажу вам сейчас несколько граней мифологического образа нага, связать же их воедино – ваша задача как исследователя. Вы сами должны нащупать и понять те внутренние связи мифологического образа, которые скрепляют воедино всю структуру. Но помните, если вы неосторожно нарушите хотя бы одну из них, структура образа исказится, станет неустойчивой и может даже распасться. Я начну с Космоса, но намеренно упрощу картину, ибо не все происходящие в нем процессы, действующие в строгой взаимообусловленности, можно объяснить в краткой беседе и не все, к тому же, удастся объяснить словами. Человеческий язык далек от совершенства, субъективен и неточен. Два собеседника могут вкладывать в одни и те же слова разный внутренний смысл и не понять друг друга. Слова – это лишь размытые тени, очень приблизительно отражающие богатство и сложность Мироздания и человеческой мысли, неотделимой от Мироздания. Я напомним два изображения, канонизированные в индуизме и хорошо вам известные. Бог Вишну, спящий на огромном змее Шеше, и вспотевшие от усилий так называемые дэвы и асуры, или опять-таки боги и демоны, пахтающие океан с помощью мутовки в виде огромной горы, и приводящий в движение эту аллегорическую мутовку змей Васуки, играющий роль веревки. Асуры и дэвы сбивали усердно молоко океана, чтобы добыть амриту, напиток бессмертия. Ученый, и особенно европейский, глядя на эти изображения, сразу начинает думать о наивности древних, о примитивности их знаний и детскости их неразвитого мышления. При этом он даже не дает себе труда понять, что перед ним изображение-образ, изображение-символ. Он уверен только в одном: богов – нет, нет и огромных змей. А если так, данное изображение не имеет отношения к реальной действительности. Но реальность есть, она зашифрована в мифологическом образе, и ее надо отсюда извлечь, проявить.

В данном случае на первом изображении многоголовый змей Шеша символизирует Время, Великое космическое Время, качественно отличное от конкретного времени. И имя этому Времени – Бесконечность. Но почему, спросите вы, символ этого Времени – змея?

Почему не лошадь, не свинья, не кошка, а именно змея? Здесь мы с вами останавливаемся еще перед одной тайной. Но тайной только на первый взгляд.

Змей, или змея, и космическое Время соотносились по многим данным и на самых разных уровнях отражали друг друга. Через земной символ змеи постигалась Бесконечность. Змея, кусающая свой хвост, дает яркое и простое представление о существовании Бесконечного Времени, где нет ни начала, ни конца. Бог-творец Вишну, который знаменует созидательное, творческое начало, отдыхает на Шеше, Бесконечном Времени. И мы, если внимательно и вдумчиво будем изучать это изображение, поймем, что это творческое начало, начало созидания, неразрывно связано с Бесконечным Временем и функционирует в этом Времени. Одно другим взаимно обусловлено. Дремлет Бесконечность – Шеша, дремлет Вишну – созидающее начало. Но даже Бесконечное Время имеет свои, еще непознанные вами законы развития. Оно циклично, так же как строго циклична жизнь змеи. Я не могу удержаться от того, чтобы не отдать дань восхищения наблюдательности и интуиции древних. Я обращаю на это ваше внимание. Циклы Бесконечного Времени так же велики, как и оно само. Человеку, жизнь которого уподобляется мгновенной вспышке в темных глубинах Бесконечности, эти циклы могут тоже показаться Бесконечностью.

Вы, очевидно, слышали или читали о таком понятии, как «Ночи и Дни Брахмы». Это – мифологический образ циклов Бесконечного Времени. Я не буду подробно останавливаться на этом образе и объяснять реальность, стоящую за ним. Я отмечу только вот что. На Земле дни сменяются ночами, активность – покоем. В Космосе происходит то же самое. Но качество этого «того же самого» иное. Уровни обоих подобных процессов соотносятся, как микрокосм и макрокосм. Соотношение действует согласно объективным космическим законам. Видимая нами Вселенная сжимается, затухает, миры, ее населяющие, меняют свою форму, физическую структуру и качество. Наступает Великая Ночь Брахмы, ночь, которая длится миллиарды лет, но в Бесконечности это только один цикл. Вселенная, материя которой не исчезла и не погибла, а лишь видоизменилась, находится в состоянии покоя. Бог-творец отдыхает на заснувшем змее Шеше. Но вот подходят сроки, и Великая Ночь кончается, чтобы смениться Великим Днем творчества и активности. Наг Шеша, Бесконечное время в Бесконечном Пространстве, просыпается, и Пространство наполняется его вдохом, так же как провода наполняются энергией электричества,

когда заработает динамо-машина. Разбуженный этим вздохом и заряженный энергией, поднимается бог-творец и создатель Вишну, творческое начало Космоса. Разгорается Великий День Брахмы, создается новая Вселенная, но строительный ее материал все тот же. Вспыхивают новые миры, возникают новые созвездия. Проснувшись к творчеству Вселенная делает вдох, и ее легкие расширяются, и сама она, не в состоянии ограничить эти расширяющиеся легкие, растет в Пространстве и живет во Времени. Потом придет время выдоха, и ее легкие сожмутся, как и она сама, и вновь наступит Великая Ночь покоя. Так дышит и человек, но время и пространство этого дыхания иное, чем у Вселенной. Здесь вступает в силу закон соотношения между микрокосмосом и макрокосмосом. Короче говоря, космические циклы «Дни и Ночи Брахмы» – это дыхание Вселенной.

Видите, как много можно сказать, посмотрев на наивную картинку, где выдуманный бог Вишну дремлет на фантастическом наге Шеше. Мифологический образ, как в магическом зеркале, отражает уровень наших знаний. В разные времена, в разные эпохи мифологическую символику и образы трактовали по-разному. Это «разное» зависело от уровня наших знаний. Но трактовка эта всегда содержала зерно Истины, приближалась к ней. И как мелькнувший момент времени отражает его Бесконечность, так и сиюминутная трактовка символа отражает его относительную Истину.

Я говорил вам о мифе, связанном с Великим нагом Васуки, который был приведен в движение двумя противоположными силами – богами и демонами. Речь шла о сбивании океана и создании напитка бессмертия. Не буду на этом символе останавливаться подробно. Я пытался показать вам, как можно расшифровать мифологический образ и символ. Остальное, если сможете, сделаете сами. Я же укажу только на то, что мифологический образ сбивания, или пахтанья, океана отражает процесс творчества материи в самом Мироздании. Здесь мы имеем дело со спиральным вращением, соотнесенным с простейшими образами мутовки и веревки. За простейшим образом стоит самый сложный процесс. Это одна из особенностей мифологического образа и символа, мифологического мышления вообще. За простым сложное. За обыденным космическое. Вещество или материя, необходимая для самосоздания, накапливается спиральным движением. Для того чтобы возникла Земля или любое другое небесное тело, частицы созидающей материи должны были стать вращающейся спиралью. Той спиралью, которая так похожа на змея, или нага. Раскаленный змей изначальной мате-

рии, приводимый движением из состояния хаоса в состояние порядка, или Космоса, был первой материальной, видимой формой нашей планеты. В ней бушевали те противоположные силы, действие которых вам много лучше объяснит физик или, скорей, астрофизик. Великий Закон двойственности через материю реализовывал себя в творчестве. Результатом творчества явилась наша планета. Сначала похожая на сгусток вращающегося огненного тумана, затем более плотная, сконцентрированная, а потом остывающая, чтобы дать на своей поверхности место жизни, которая всеми своими атомами будет всегда связана и с изначальной космической материей, и с ее творческим потенциалом, и с Законом Великой двойственности, реализующим этот потенциал. И эта связь не односторонняя, а двусторонняя. Одно может переходить в другое. И мысль, вершина этой огненной эволюции, в спиральном движении может преобразовываться в вещество, в материю и обретать материальную действительность. И в этом ничего нет удивительного, ничего, как многие любят говорить, сверхъестественного.

Символ Великого нага, или змея, – одна из первых ступеней осмысливания человеком самой материи, самого Мироздания. Символ не выдуманный, не фантастический, а несущий нам Великую реальность Космоса и его эволюции. Между различными уровнями самого мифологического образа и реальностью, стоящей за ним, существует множество сложнейших переходов, объяснить которые может только сложнейшая философская система с развитой и четкой теорией познания. Существует ли такая сейчас на планете или нет, я вам не отвечу. И не отвечу преднамеренно. Ибо каждому человеку, каждому уровню его сознания сужден свой поиск. Человек должен пройти через этот поиск сам, не цепляясь за палец Старшего. Обязан пройти его своими ногами, а не чужими. Здесь действует Закон Великой эволюции. Нарушение его ни к чему хорошему, как мы все убедились, не приводит. Первую веху разгадки мифологического образа мы уже с вами прошли.

Вторая веха называется «Мудрецы». Ученые, занимающиеся мифологией, называют их культурными героями. Это прекрасное название. Память человечества донесла до наших дней имена многих из них. Мифы, легенды и сказки повествуют о мудрецах, полубогах, волшебниках, которые были могущественными, великими и для которых не было ничего невозможного. Они обучали людей земледелию и ремеслу, предписывали определенные этические нормы поведения, упорядочивали их культы. Память о культурных героях живет в каждом народе. Не было ни одного народа, где бы не действовал такой

культурный герой. Я, как вы уже заметили, не склонен к однозначному и прямолинейному анализу сложных явлений, формировавшихся в течение многих тысячелетий. Я не могу, например, вам сказать, что за каждым культурным героем стояла определенная личность, обладавшая перечисленными мною качествами. Я могу только утверждать, что за категорией культурного героя стояла реальность. И одной из них были наги-мудрецы. С древнейших времен змей, или наг, был символом мудрости.

Мифологический образ и мифологический символ формировались всегда «сверху», а не «снизу». Мысль, пронизывающая символ, шла сверху, а не снизу. Она не отталкивалась от ползающего по земле, она шла от летящего в небе. Верхний уровень, или Высший, всегда играет важнейшую роль в формировании мифологического символа. Вы знаете, полагаю, и индуистскую иконографию, и буддийскую. Вы видели изображения и у других народов. Там присутствует мифологическая символика, связанная с нагами. Кое-какие символы и образы мы с вами уже обсудили. В этом многообразии я хочу обратить ваше внимание на два изображения, вернее, на два типа изображений. Это люди, над головами которых подняты змеиные капюшоны, которые как бы составляют часть их головного убора, и люди, у которых верхняя часть тела человеческая, а нижняя змеиная. Нередко оба варианта сочетаются. И те и другие называются нагами. Они имеют свои имена, свои мифы, повествующие об истории их жизни и деяниях. Под змеиными капюшонами изображены и божества, и полубожества, и мудрецы, и волшебники, которые могли превращаться в змей, и правители. Но все они имели один символ. Символ мудрости или в виде капюшона, или в виде змеиного тела. Невежды, вззирающие на эти изображения, считали, что древние индийцы или древние китайцы обладали безудержной фантазией и были обманщиками. Они спешили разоблачить этот обман, уличить древних в фантазерстве, утверждая, что таких существ никогда не было на белом свете. Они принимали символ за реальность, чего никогда нельзя делать. Надо искать реальность, стоящую за символом, за мифологическим образом. Невежды этого не понимали и несколькими словами обесценивали бесценное. Мы можем согласиться с ними только в одном: таких существ, действительно, на белом свете не было. Их создала мифологическая символика, чтобы обозначить Мудрость, Знание, Творчество. Наги мифологии были, действительно, мудрецами, риши, сиддхи. И не зря в самих мифологических текстах такие понятия, как наги и риши, наги и сиддхи, отождествляются.

Они не были ни божествами, ни полубожествами. Они были людьми, но их развитие или, вернее, их место на лестнице человеческой эволюции было несколько выше, чем ступеньки основной массы. Их можно было бы назвать культурными героями, но не в общем смысле собирательного мифологического образа, а в частном случае реальности. Эти мудрые наги, будем их так называть, были причастны ко многим культурным моментам в истории человечества и связаны со многими духовными движениями. Короче говоря, эти мудрецы и маги, какowymi считают их мифы и легенды, проявлялись в реальной жизни людей. Они выходили из своих подводных дворцов, из потайных пещер и подземных переходов и несли людям знания. Они входили в близкие отношения с людьми. Принцессы выходили замуж за нагов, а принцы женились на нагинях. Я преднамеренно смешиваю сейчас реальные понятия с легендарными. Но в моем выборе этих легендарных понятий есть своя цель. Я беру легенды или элементы этих легенд наиболее близкие к реальности. Почему я это делаю, вы потом поймете. Благородный Элапатра, царь мудрых нагов, вместе со своими приближенными помогал Будде распространять его учение. Нагарджуна получил свою Книгу мудрости у Великого нага озера Манасаровар. Китайский император Фу-си сам был мудрым нагом. История, особенно легендарная или так называемая мифическая, знает немало примеров таких правителей в самых разных странах. Мудрые наги своим знанием и умением на людей простодушных и наивных производили впечатление магов и волшебников. Я бы вам мог привести много различных историй и примеров, связанных с мудрыми нагами, над головами которых поднимались змеиные капюшоны. Но вы и сами достаточно об этом слышаны и немало прочли.

Мудрым нагам, владевшим Знанием, это Знание не сваливалось, как чудо, на голову, не возникало само собой в результате какого-то волшебства или магии. Они были людьми, и на них как на людей распространялись закономерности, свойственные остальному человечеству. Их знания были результатом огромного труда. Рядом со знанием шла мудрость. Накопление происходило в течение бесчисленных поколений, в течение бесчисленных веков и тысячелетий. Мудрость нагов состояла и в том, что они свято соблюдали закон Великой преемственности. Они поддерживали огонь этой преемственности, как поддерживают однажды зажженный огонь в очаге, когда нет больше иного источника пламени, чем этот огонь в очаге. Исчезали народы, тонули континенты, но мудрые наги передавали во Времени огонь

преемственности, как драгоценную эстафету. А Время было огромно, намного больше того, которое представляете вы или ваши коллеги-историки. И если говорить об этом факте преемственности, то мы должны помнить и о той Ночи, через которую несли его мудрые наги. Я имею в виду долгую Ночь Великих катастроф и гибели континентов. Вы должны знать, что факел Знания и Великой преемственности загло не наше человечество. Он горел и до нас на тех континентах, которые сейчас спят под толщей океанских вод. Даже грандиозные геологические катастрофы не смогли погасить этот факел, не смогли прервать той культурной традиции, которая тянулась от тех, кто был до нас, к нам. Люди, ушедшие в далекую мглу небытия, в незапамятные времена передали эту традицию или, вернее, остатки этой традиции грядущим поколениям, стоящим у истоков формирования нового облика планеты, нового человечества. Но культурная традиция, нравственная основа человечества, еще не есть знание. Она является только лишь фундаментом, на котором зарождается знание. И это знание предыдущего человечества спасли мудрые наги, чтобы передать его новому, грядущему человечеству. И в Ночи катастроф и бедствий, наводнений и извержений, землетрясений и горообразований, то уменьшаясь, то увеличиваясь, горел факел преемственности главного Знания, горел ровно и спокойно. Круг, который он освещал, иногда сужался до минимальных, ничтожных размеров. Слабели руки, державшие факел, но мудрые наги, идя подвижническим путем, продолжали нести его. Огонь факела мудрых нагов уже коснулся и вас. Вы его если и не увидели, то ощутили. Этим объясняется ваш жгучий интерес к ним. Мудрые наги не были каким-либо этническим объединением, не были какой-то особой кастой. Они не представляли определенного класса общества, как вы любите говорить. Они были единомышленниками, движимыми общей целью накопления и сохранения Знания. Они знали пути эволюции человека, развития планеты и Великие законы Космоса. Сейчас нам с вами трудно представить, как все происходило в этой Ночи Великих катастроф. Мудрые наги готовили убежища, в которых спаслись те, кто должен был спастись. Они знали эти места, ибо понимали закономерности этих катастроф. Это были вновь возникшие и преображенные горы. Они казались страшными и неприступными, их еще била лихорадка землетрясений. Но они были менее опасны, нежели бушующие волны океана, заливавшего равнины и низкие места. Мудрые наги уводили не только людей. Они спасали древнее гибнущее Знание. Они уносили с собой рукописи, реликвии, образцы искусства.

Знайте же, что самый первый музей на земле создали мудрые наги. Но этот музей не размещался в одном здании, где вы спокойно переходите из зала в зал, созерцая выставленные там в определенном порядке экспонаты. Такого здания не было. Но были горные убежища. Естественные пещеры с огромными залами и потолками, похожими на каменное небо, помещения, вырубленные в скальном основании гор, никому не известные тайники – все это использовалось, чтобы сохранить все, что удалось спасти. И сами Гималаи превратились в огромный музей, которого не знал еще ни один народ. Горы продолжали греметь землетрясениями, и раскаленная лава извергалась там, где возникали тонкие места в земной коре. Горы меняли свои очертания, подножья становились вершинами, а сдвинутые плато вздымались пиками. Пещеры рушились, камни забивали их ходы, и снега покрывали подступы к ним. Но вы хорошо знаете, что до сих пор люди в горах случайно натываются на большие и маленькие залы этого музея, находят его реликвии, но не могут понять их смысла. Они считают, что эти реликвии принадлежат богам, и иногда помещают их на алтари своих святилищ. Но такое случается редко, многие из реликвий хранятся в тайных сокровищницах храмов и монастырей.

В наших горах рассказывают легенды о таинственных пещерах и подземных ходах, ведущих в неизвестность. Легенды нередко связывают эти пещеры и подземелья с нагами. Подземное царство нагов Патала в этих легендах становится реальностью. Так думают те, кто рассказывает эти легенды, и те, кто их слушает. Но таинственные пещеры и подземелья лишь одна из граней мифологического образа Пталы. Сам же образ много сложнее.

Вы, наверное, уже заметили, что я все время предостерегаю вас от прямолинейных связей между мифологическим образом и реальностью, от упрощенного толкования этой реальности. Не упрощайте! Упрощение ведет ко многим заблуждениям. Мы же должны постараться истолковывать наследие нашего прошлого без этих заблуждений. Иначе они могут стать заблуждениями нашего будущего. Великое Время разять нельзя. Нельзя отделить прошлое от настоящего и будущего. Нельзя перекрыть в каком-либо месте его единый, слитный поток. Нужно осознать и понять это и почувствовать огромную ответственность, которая лежит на человеке, занимающимся нашим прошлым. Заблуждения о прошлом могут стать заблуждениями о будущем. Помните это. Если вы все это понимаете или хотя бы ощущаете, мы перейдем с вами к следующей вехе. Вы, очевидно, заметили,

что в том, как я ставлю эти вехи, есть своя закономерность. Мы спускаемся сверху вниз, следуя логике самого мифологического образа, и с этим спуском сужается поле нашего обозрения, в нем появляются конкретные категории обычного, вполне доступного уровня. Но еще раз напоминаю, что даже этот уровень составляет единое целое со всем тем, о чем я говорил. Вы знаете, что существовали народы, которые называли себя нагами. В понятие народ я сейчас не вкладываю ни этнографического, ни социально-экономического смысла. Я имею в виду всего-навсего группу людей. Возможно, с вашей точки зрения, это легковесно и даже бессмысленно. Когда вы поймете все, вы так считать не будете. Вы уже встречались с некоторыми из них. Они называли себя нагами. Вот вам и предстоит разобраться в том, кто же это такие – наги, которых вы встретили в Бхадрава, и как они соотносятся со всем тем, что вы знаете о нагах. А сейчас мы займемся последней вехой, стоящей на нашем пути.

Веха называется «Культ нагов» и является самой низкой вехой, но в то же время и самой сложной. Дело в том, что в культе, как нигде, различные уровни мифологического образа спутаны. И это неизбежно. Ибо сам образ находится все время в движении, повторяя динамику человеческого общества во всех ее аспектах, включая и политический. Вы прошли уже немало дорог. Видели святилища и храмы нагов. Говорили со жрецами. Пытались выявить какие-то закономерности. Вы обнаружили тесные связи культа нагов с культурами солнца и богинь-матерей. Вы правильно в своих размышлениях соотнесли этот культ с землей, циклами ее обработки, с ее плодородием. Сквозь разноцветную завесу различных ритуалов вы уловили извечную идею цикличности жизни и смерти, умирания и воскрешения. Теперь вам во всем этом предстоит разобраться самой. И когда вы это начнете делать, имейте в виду всегда изначальный мифологический образ и тот подход к расшифровке его, о котором я говорил. Вас, конечно, удивили отличия этого культа от всего остального, что вы видели до сих пор, и его широкая распространенность в горах. Считайте, что вы посетили один из обширных залов Гималайского музея, освещенный факелом Великой преемственности. И сам культ является одним из языков пламени этого Факела.

Я чувствую, что не смог вам до конца, если конец вообще существует, объяснить сложности такого явления, как мифологический образ нага. Я не мог этого сделать не потому, что я не представляю себе его сложности, а потому, что вы сами еще многого не знаете, многое

вам предстоит еще постигнуть. И многое понять. И на этом пути вы каждый раз по-новому будете осмысливать то, что я вам сказал, будете открывать для себя новые глубины, мимо которых вы прошли во время долгой нашей беседы. Желаю вам успеха.

Лама гибко поднялся, и я поняла, что наша беседа окончена. Мы попрощались, и я спустилась вниз по крутой узкой лестнице и вышла на улицу. Предрассветный, прохладный ветер дул с гор. Над горами стояло странное зеленоватое небо, и розовые тени лежали на снегах вершин. Совсем неожиданно пришли на память стихи Николая Константиновича Рериха:

*...Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли¹.*

У дверей моего гостиничного номера, прислонившись к обшарпанной стене, дремал мальчик-горец. Разбуженный звуком поворота ключа в двери, он вскочил на ноги.

– Мадам, – хриплым шепотом произнес он, – я думал, что вы совсем пропали и больше никогда не вернетесь. Я хотел разбудить короля и сообщить ему об этом.

– Не надо будить короля, – сказала я. – Пусть спит. Я вернулась.

Индия была одной из редких стран, где наг играл важную роль в мифологии и легендах. Сначала осторожно, а потом смелее я пошла по вехам, обозначенным Ламой, и остановилась на сюжетах, носивших глубоко символический характер. Одним из них был миф о противостоянии, а иногда и жестокой борьбе между Нагом-змеей и солнечной птицей Гарудой. Исследуя этот странный символ, я постепенно стала понимать, что наг в своей изначальности представлял плотную материю Земли, а Гаруда – крылатый дух. Полем же сражения плотного и тонкого, низшего и высшего, был внутренний мир самого человека. А если это так, то реальность, стоящая за таким мифологическим

---

¹ Рерих Николай. Письмена. М., 1974. С. 69.

символом, была теснейшим образом связана с самосовершенствованием человека в процессе космической эволюции, с его преображением, когда дух в нем побеждал низшее земное начало, представленное змеем. Из этого сюжета возникала богатейшая палитра, связанная с космогоническими символами мифов и особенностями и закономерностями самой космической эволюции. Но, как говорил Лама, расшифровка мифологического символа была занятием нелегким и сложным. Мне предстояло выбрать самое важное направление в этой работе, каковым, с моей точки зрения, являлись мудрые наги, культ которых сохранился в Западных Гималаях во всей его чистоте. Во второй книге этой трилогии я упоминала о храмах и алтарях, посвященных этим мудрым и многое умеющим нагам. Не было сомнения, что здесь я имела дело с обожествленными культурными героями. Над их головами возвышались змеиные капюшоны. Такие же капюшоны я встречала у индуистских богов Шивы и Вишну, у Будды и его последователей. Каким же образом символ низшей природы человека и Земли стал знаком мудрости? И что, в конце концов, означала победа над драконом или нагом и их уничтожение в древних мистериях? Я догадывалась, что победа эта означала одоление низшей природы и ее преображение в высшую. Но сам символ змеиного капюшона над головами богов, культурных героев, мудрецов тем не менее продолжал ставить меня в тупик. Необходимо было выяснить два момента: сколь древен этот символ и каковой может быть его философская концепция.

Во время своего путешествия по Западным Гималаям я нашла некоторые связи между культом нагов и древнейшей культурой Индии Мохенджо-Даро и Хараппы. Речь шла об общем в храмовых масках Читрари с маскоидами Мохенджо-Даро. Но маскоиды были очень слабым доказательством того, что пять тысяч лет тому назад в Мохенджо-Даро был культ нагов. И опять я сидела за книгами и альбомами, рассматривая фотографии археологических находок. И постепенно эта культура входила в меня, становясь как бы моей частью. Я уже представляла ее города, видела лица людей, живших в том необозримо далеком прошлом, понимала, чем они занимались. Но все чаще и чаще среди археологических находок попадались терракотовые фигурки. На них были изысканные украшения, чуть-чуть намеренные одежды и странные высокие головные уборы. Исследователи культуры Мохенджо-Даро и Хараппы называли их богинями. Я разглядывала их подолгу и наконец заметила, что на богинях, от фигурки к фигурке, менялись украшения и одежды, но головные уборы

оставались теми же самыми. И, вглядываясь внимательно в них, я заметила, что они мне напоминают нечто весьма знакомое. А дальше как озарение – змеиные капюшоны над головами индийских богов и культурных героев. Теперь не было сомнения – над головами богинь Мохенджо-Даро были вознесены змеиные капюшоны. Культура Инда была современницей Древнего Египта, на коронах фараонов которого был известный всем урей – раздутый капюшон кобры. Итак, все сходилось, все связывалось, неясным оставалось только одно – значение символа змеиного капюшона. Но когда мне открылся смысл древних мистерий, я поняла значение древнего мифологического символа: змеиный капюшон, вознесенный над головой богов, культурных героев, мудрецов, древних богинь Мохенджо-Даро, над Буддой и его последователями, есть особый знак победы духа над плотной материей, символ преобразования, признак расширенного сознания, мудрости и владения высокими знаниями. Иными словами, носившие над головой змеиный капюшон стояли на более высокой ступени космической эволюции и выступали в качестве Учителей по отношению к человечеству. Именно Индия больше, чем другие страны, сохранила не только культ Учителей, мудрых нагов, но и живую о них память. Грандиозный индийский музей продолжает действовать и творить, напоминая нам о тех, кто принес знания на планету Земля и передал их нам в той или иной форме, сохранив для нас самую важную эволюционную традицию Учительства. Принесенные ими знания расширяли наше сознание, инициировали философию и науку, показывали нам смысл искусства и высокого творчества, укрепляли наш духовный кругозор и ступень за ступенью открывали тайны Мироздания и самого человека. Век за веком, капля за каплей проливались на Землю из Космоса, через посредников или напрямую, сокровенные знания, помогавшие нам преодолевать эволюционные восхождения и дававшие нам возможность понять смысл нашей жизни и смысл нашей эволюции.

3. ШАМБАЛА – МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сюжет Шамбалы был последним в наших беседах с Ламой, который определил его как самый сложный.

– Вы, наверное, не раз слышали, – начал он, – что есть Шамбала земная и Шамбала небесная, или, вернее, точка, где сходятся два мира – мир плотный и мир Тонкий. Эта точка не постоянна. Ее расположение зависит от многих природных условий, возникающих на Земле. Зависит от ее вибраций, направленности линий ее магнитного поля, ее геологического состояния и от многого другого, что еще пока вам трудно объяснить. Геологические катаклизмы и катастрофы меняют облик Земли и, соответственно, меняют координаты этой точки. В период существования Четвертого материка она находилась в районе теперешней пустыни Гоби, где когда-то бушевало море. Она располагалась на острове, который назывался Священным и о котором до сих пор сохранились отголоски легенд и сказаний. Белый остров, Беловодье, Священный остров и т.д. Белого острова давно уже не существует. Он был разрушен во время гибели Четвертого материка и формирования Пятого. Правда, о нем в теперешней пустыне Гоби осталась память. Небольшое озеро с небольшим островом – своеобразная музейная реликвия планеты Земля. Путь к нему через пески пустыни крайне затруднен. Возможно, что кто-нибудь и забредал в это место, но не придал ему особого значения, приняв за неожиданный оазис. Но, самое главное, на Земле остались те, которых мифы называли мудрецами и мудрыми нагами и которые смогли обнаружить то единственное место, куда передвинулась главная точка изменившейся планеты. Она оказалась в Гималаях, молодых горах, катаклизмом выдавленных из земных недр и вознесенных стихией к самому небу. На эту точку указал метеорит, занесенный на Землю из беспредельных глубин созвездия Орион. Я был бы не прав, если бы приписал появление метеорита полностью природным причинам. Деятельность человека здесь тоже сыграла свою немалую роль. Планета получила реликвию из Космоса как своеобразное благословение ее обновлению и ручательство дальнейшего сотрудничества с Космосом. В метеорите заключен минерал, в котором содержится неизвестный вам вид энергии. Но это потенциальная энергия. Сам же минерал – внеземного происхождения и на Земле никогда не был найден. Потенциальная энергия, заключенная в нем, активизируется энергетическим полем Земли и больше всего психической энергией самого человека. При этом магнитные свойства метеоро-

рита усиливаются и нередко меняют свое качество. Короче говоря, он является магнитом или, вернее сказать, своеобразным инструментом, излучающим особые магнитные вибрации. Я говорю «особые», потому что не в состоянии вам объяснить, с вашей научной точки зрения, свойства данных магнитных вибраций. Это лучше объяснит наука будущего. Поэтому нам с вами придется подождать.

Эти вибрации, действующие в унисон с вибрациями планеты, Космоса, других миров, о существовании которых вы даже не подозреваете, и психической энергией человека, были не только исследованы теми, назовем их пока простым словом «мудрецы», но были найдены и пути их применения. И это практическое применение оказалось неограниченным, а в ряде случаев и неожиданным. Данный метеорит, или, как его называют, Камень, имеет несколько осколков, которые могут находиться в разных частях планеты, но всегда будут связаны с основным телом. Энергетика метеорита может влиять на человека, его культуру, его действия, его творчество, а следовательно, воздействовать на эволюционные моменты планеты и человека. Владеющий таким осколком может претворять идеи пространства в действие и ускорять или тормозить эволюцию. Есть выражение «заложить магнит», что значит активизировать природное магнитное поле данного места. Это можно сделать с помощью осколка самого Камня или предмета, который касался его. А иногда бывает достаточно энергии высокого напряжения самого человека. На протяжении длительной истории человечества не раз возникали люди, выполнявшие веления космической эволюции. И если проследить их пути во Времени и Пространстве, то получится интереснейшая картина. Вы уловите как бы мелодию, которую исполняет Космос на струнах эволюции человечества. Эта мелодия звучит то спокойно и благозвучно, то взрывается драматизмом, то поднимается до трагических высот. Проследите за передвижениями Великих странников, за маршрутами некоторых путешественников, просмотрите мифы и сказания, исследуйте религиозные культы. Вы найдете много интересного для себя. Сказания о Граале, о Чаше Будды – это отражение Камня в религиозном мышлении Азии и Европы. Вы найдете его следы и в древней мифологии. Теперь настало время ввести Камень, как вы выражаетесь, в научный оборот. Материала и информации для этого более чем достаточно. Ваших ученых Камень должен заинтересовать и как вид еще неизвестной им связи. Обладатель осколка всегда находится на связи с основным метеоритом и его хранителями. Эта связь напоминает ваши радио- и телесвязь, но отнюдь не является их тождеством.

Явление Камня легло в основание того, что вы и многие из вас называют Шамбалой и еще сердцем планеты. Возможно, в самом начале все выглядело вполне обыденно и прозаично. Когда первый из мудрецов сумел определить эту точку, жизненный нерв планеты, он и обнаружил там этот метеорит. Говорят, в тот момент синее, холодное пламя вырвалось из Камня. Мудрец остался на этом месте и построил себе шалаш. Впоследствии там соорудили Большую Башню, соединенную со многими регионами подземными ходами. Эту Башню сейчас называют Башней Шамбалы, в пространстве которой находятся, кроме того первого, и другие мудрецы. Я опять употребляю мифологическое слово. Вы знаете, их также называют Махатмами, или Великими душами, а также Старшими Братьями человечества. Короче, это те, кто, пройдя через многие ступени космической эволюции, вернулись вновь в мир плотной материи, в инволюцию, чтобы помочь человечеству в его эволюционном восхождении. Они отличаются от земного человечества уровнем своего сознания, а соответственно и знания, напряженностью энергетики и частотой ее вибраций. Они могут появляться в плотных и тонких телах. Они представляют собой часть Космической Иерархии Света, Учителей, и тех, кто ведет человечество по ступеням космической эволюции. Они являются связью между нашим плотным миром и мирами более высоких состояний материи.

Надо сказать, что эволюция – это очень сложный космический процесс, в котором человек, представляющий собой неповторимую и индивидуальную комбинацию материи нескольких состояний, является одним из важных участников. Эти разные состояния материи, тесно связанные друг с другом и взаимно обуславливающие друг друга в условных рамках явления, которое называется «человек», по-разному соотносятся со временем и пространством. Я схематично очерчу три вида такой материи: так называемую физическую, или плотную, так называемую тонкую и так называемую огненную. Термины, которые я вынужден употреблять, крайне неточны. Но пока у нас с вами нет выхода из положения. В этом моем «пока» звучит отголосок надежды на будущее. Каждый из этих видов материи формирует свой мир, или, я бы сказал, свою Вселенную. И эти миры, или Вселенные, связанные с человеком через идентичную форму материи, имеют свое время и свое пространство. Физическая форма материи связана с осязаемым и видимым нами миром, с физической Вселенной и является наиболее кратковременной формой, склонной к быстрому распаду. Форма тонкая более длительна, ее индивидуальная комбинация более

устойчива. Но и эта комбинация, омываемая рекой Большого Времени, не является неизменной. Старшие Братья являются субъектами космической эволюции, то есть могут, в силу уровня своего сознания, влиять на эту эволюцию и, если можно так сказать, управлять ею.

– Как выглядят Старшие Братья? – спросила я.

– На этот вопрос нет короткого ответа, – сказал Лама. – Это связано с проявлениями различных состояний материи. Достигший высшей формы может использовать низшую, но никогда наоборот. Некоторые из них выглядят так же, как и вы, другие несколько по-иному, а третьи – никак не выглядят. Их нельзя воспринять через физические органы. Чем выше состояние материи, тем сильнее энергетическое поле этой сущности. Поэтому контакт с такой сущностью бывает для обычного человека затруднительным, но иногда и губительным. Но Старшие Братья всегда в таких случаях соблюдают предельную осторожность. Для некоторых из них, в силу этих же обстоятельств, условия земного существования являются нелегкими. Ну, например, загрязненный, задымленный воздух или негативные наслоения психической энергии на каком-то предмете. Надо сказать, что Старшие Братья в течение многих веков разрабатывали и исследовали ту энергию человека, которая называется психической. Я могу сейчас только сказать, что сила этой энергии во много раз превосходит энергию расщепленного атома. Старшие Братья пользуются этой энергией и сами хорошо ею владеют. Многие так называемые «чудеса» связаны с этим владением. Исследования в этой области ведутся ими до сих пор. Информация об этом уже вошла в пространство нашей планеты. Они прекрасные историки и могут делать то, чего не умеют ваши историки – прогнозировать на довольно длительное время. Многие пророчества, которые ходят по Гималаям, связаны с ними. Немало из них уже сбылось, немало – еще сбудется. Слово «пророчество» нередко отпугивает ученых. Конечно, это слово древнее и несет в себе элементы и мифологического, и религиозного сознания. Для прогнозов Старших Братьев это как бы ветхая одежда – маскировка, которая дает им возможность кое о чем предупредить людей, чей уровень еще не позволяет говорить с ними строгим научным языком. Научное знание состояний материи, слагающих человека и Космос, научное видение закономерностей существования этих состояний во Времени и Пространстве и, наконец, научное владение психической энергией – вот тот комплекс знаний и навыков, который позволяет Старшим Братьям творить «чудо» пророчества, проходя из одного Времени в другое.

Вы, конечно, понимаете, что для всего этого нужен огромный запас знаний самого разного плана и наличие не менее разнообразных исследовательских навыков. Поэтому, давая общую характеристику места, которое называется Шамбалой, я хочу, прежде всего, отметить, что там – средоточие знаний. Эти знания были накоплены Старшими Братьями за длительный период существования человека, планеты и Солнечной системы. В их книгохранилищах и библиотеках собраны сокровища, если можно так выразиться, всех веков и народов. Ни один письменный язык, существовавший когда-либо на планете, не остался обойденным. Вы там можете найти письменные памятники человеческой мысли, которые считаются давно и безвозвратно утраченными. О существовании же некоторых из них современный ученый мир даже не подозревает. Многие рукописи, считавшиеся сгоревшими, покоятся на полках их библиотек. Но сокровища, носящие исторический характер, не ограничиваются лишь книгами и рукописями. В Скалистых Башнях Старших Братьев есть музеи. Они похожи на ваши музеи, но в то же время отличаются от них. В них собраны различные исторические реликвии, произведения искусства, предметы, когда-либо игравшие роль магнитов. Конечно, не каждая реликвия, не каждый предмет искусства попадает в музей Скалистых Башен. Их строго отбирают. Важную роль при этом играет так называемое энергетическое поле предмета и качество излучений его поля. В этом излучении выражается их эволюционное значение. Старшие Братья, овладевшие многими тайнами материи, могут по этим полям и излучениям получать информацию об эпохах, крайне отдаленных от нас по времени. Для них эти поля и излучения являются очень важным историческим источником.

Уж коли мы заговорили об исторических источниках, то к этому можно добавить и то, чему еще нет названия в вашем языке. Многие исторические события, имевшие эволюционное значение, запечатлены также в музеях. Я просто не в состоянии вам объяснить, как делаются эти живые картины, восстанавливающие важные события во всех подробностях своей эпохи, во всех деталях их воздействий на настоящее и будущее. Термин «живые картины» тоже не подходит к этому. Научная методика исследований Старших Братьев в разной степени отличается от вашей. Вы иногда в своих исследованиях интуитивно приближаетесь к ней, иногда отдаляетесь, во многих случаях делаете все по-другому. Но вы не можете сказать, что методика Старших Братьев не научна. В науке много путей познания материи и разнообразна методология этих исследований. В своих исследованиях

Старшие Братья широко используют психическую энергию. Вы же, забывая о человеке и его способностях, во многих случаях пользуетесь техническими средствами. Главное же чудо Мироздания – человек – поработан металлом, цифрами, индикаторами, пляшущими перед его глазами светящимися кривыми и прямыми. Даже некоторые ваши историки стали использовать компьютеры, стремясь все богатство и многокрасочность человеческой истории втиснуть в цифры и таблицы. Цифры заслонили от них аромат эпохи, ее краски, стремления, ее радости и страдания. Такая наука принижает человека, а не возвышает его и способствует роковому разделению науки, обособлению и изоляции друг от друга ее областей. Это может привести в тупик. Поймите меня правильно. Я вовсе не выступаю против любого инструмента, против любого аппарата как средства исследования. Старшие Братья используют и то и другое, но они не переходят границы, за которой кончается человек и начинается только машина. Их аппараты и инструменты сгармонизированы с ритмами и вибрациями самого человека, они работают на его психической энергии. И, надо сказать, такой метод, такое назначение инструмента приводит к более высоким результатам, нежели у вас. Исследования Старших Братьев направлены на то, чтобы выявить в человеке скрытые грандиозные возможности, уменьшить его зависимость от машины и с помощью того же человека и его энергии привести изыскания к тому, что вам сейчас кажется невозможным и невероятным. Многие из того, чего достигли Старшие Братья, сокращает путь науки, делает ее более точной и результативной. Все исследования, предпринимаемые Старшими Братьями, по этой же самой причине всегда находятся в главном русле эволюции человека, планеты, Космоса.

Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что владение тайнами материи и неизвестными вам энергиями делает труд Старших Братьев легким, почти неощутимым. Совсем наоборот. Чем выше они поднимаются, тем сложнее задачи и проблемы, стоящие перед ними, и тем напряженнее становится их труд. Мечта значительной части людей на Земле о том, что настанет время, когда все будет сделано и познано, а людям останется лишь пожинать плоды всего этого, – мечта пустая. Она не имеет под собой основания. Человек, пока он остается человеком, никогда не будет освобожден от труда.

Я хотел бы еще остановиться на том, что вы называете социальной организацией. Эта организация Старших Братьев явно отличается от того, что есть у вас. Ваше социальное устройство в основном

носит субъективный, я бы сказал, искусственный характер, где не учитываются ни особенности эволюции человечества, ни Законы Космоса, в рамках которых действует эта эволюция. В социальных своих стремлениях Старшие Братья следуют не только Законам Космоса, но и природно-историческим тенденциям, которые выработала эволюция в течение своего продолжительного существования. Одной из важнейших таких тенденций является Община. Объективный Закон Общины превращается в реальность только благодаря субъективным усилиям мыслящей материи, осознавшей возможность Общины в рамках Законов Великой Материи. Без этих усилий возможность Общины остается лишь манящей сказкой. Община не может реализовываться сама собой. Нужен труд, и немалый, самой мыслящей материи, в данном случае человечества. А усилия эти должны быть сделаны, потому что общинная организация, или коммунистическое устройство, – не только манящая мечта человечества, но и один из важнейших моментов в его эволюционном развитии. Благодаря усилиям многих поколений, Старшие Братья реализовали Общину, или Коммуну, на очень высоком уровне. С вашей точки зрения – это идеальная организация, которая никогда не сможет существовать в действительности. Но тем не менее она существует и как маяк озаряет путь человечества в его продвижении к более совершенной форме организации. Но в чем-то и вы правы. Эта идеальная Община создана на иной ступени эволюции, нежели та, на которой сейчас находится человечество. Но это не значит, что сама идея Общины для человечества утопична, нереальна, пустая мечта. Пример Старших Братьев свидетельствует об обратном. У человечества впереди еще долгий и тяжелый путь к такой Общине. Путь труда, борьбы, путь поражений и побед, разочарований и немалых жертв. Но маяк зажжен и освещает дальнейший путь.

Община Старших Братьев существует на планете с древнейших времен. Много это или мало – сказать трудно. Ибо их время отличается от земных мерок. Ритм их Времени звучит в унисон с ритмом Времени Великой Материи, с ритмом Космоса. В их Общине нет частной собственности, которая обычно является основой всяческих разделений, неравенства и ограничений в человеческом обществе. Но я был бы неточен, если бы указал на отсутствие частной собственности только как на социально-экономическую категорию. Более важным обстоятельством является отсутствие сознания, связанного с этой частной собственностью. Вы можете, например, ликвидировать частную собственность, но сознание людей останется частнособственническим.

Государство может контролировать экономическую жизнь страны, не допуская появления этой частной собственности, но частнособственническое сознание людей все равно будет искать выход для своего проявления. Оно будет искать различные щелки и прибегать ко всяким уловкам. И частная собственность, с ее властью денег и унижением человеческого достоинства, может возродиться вновь в недрах общества, освободившегося от частной собственности. И только когда в сознании людей сформируется отрицание частной собственности во всех ее видах и проявлениях, тогда мы можем сказать, что у нас нет частной собственности. Это сознание должно быть со временем распространено и на категорию личной собственности. Ведь дело не в том, что вы отказываетесь от владения какой-то вещью, дело в том, чтобы не почувствовать, что отказались. Пока вы это чувствуете, значит, ваше сознание еще не доросло до высокого уровня. И, в конце концов, дело не в том, владеете вы или не владеете какой-либо вещью. Дело в том, как вы к этой вещи относитесь. Можно иметь вещь, но при этом осознавать то, как сказал один из древних мудрецов: «Не вижу вещей, которыми владею». А можно не иметь вещей, но в силу своей собственнической психологии стремиться к обладанию ими. Община Старших Братьев основана не только на отсутствии частной собственности, но и на полном отсутствии собственнической психологии в их сознании. Такое сознание Старших Братьев распространяется не только на материальные вещи, но и на многое другое, где наши собственнические наклонности также проявляются. А раз это так, то и говорить о скором их искоренении не приходится. Людям даже сравнительно высокого уровня сознания всегда грозит рецидив собственничества. Старшим Братьям это уже не грозит. Поэтому можно сказать, что основа их Общины стабильна и развивается в направлении к Высшему.

И еще несколько слов об этом пресловутом равенстве. В обществе, где объявляют всеобщее равенство, больше всего, в конечном счете, возникает неравенства и злоупотреблений. У равенства должен быть четкий, определенный критерий, соответствующий данному историческому этапу, данному уровню сознания и данному уровню структуры самого общества. Этот критерий должен быть реальным и не оторванным от земной тверди. Иначе всякого рода суесловие, которое неизбежно возникает при забвении реальных фактов, сведет на нет не только сам критерий, но и уничтожит равенство.

В Общине Старших Братьев такой критерий существует. Его можно определить словом «иерархия». Казалось бы, слово «иерархия»

противоположно слову «равенство». Но в этом противополжении заключен глубочайший диалектический смысл. Ведь дело не в самом слове «иерархия», а в том, что кладется в основу этого слова или понятия. В данном случае в основе лежит уровень сознания и уровень той эволюционной ступени на лестнице восхождения, на которой стоит тот или иной Старший Брат или Сестра. Иного критерия там нет и быть не может. Никаких прав по рождению, никакой национальной исключительности, никаких административных постов, никаких ученых званий и степеней, ничего такого, что дает в нашем земном мире преимущество одних над другими. Единственный всеобъемлющий критерий, равно признаваемый всеми, – уровень сознания, степень знания и эволюционного положения, который достигается только трудом. Трудом индивидуальным и в то же время коллективным. Труд индивидуальный – не значит «мой труд», «твой труд», «его труд». При этом, конечно, «мой труд» часто ставится выше «твоего» или «его» труда. В Общине Старших Братьев, как вы уже, наверное, поняли, такой психологии нет. Поэтому сотрудничество, которое возникло в этом коллективе, – сотрудничество истинное. Напряженный, систематический труд каждого члена Общины – это еще полдела. Необходимо истинное сотрудничество, помогающее Старшим Братьям выполнять тяжелую работу, реализовывать на первый взгляд непосильные задания. В Общине создана целая этическая система, регламентирующая взаимоотношения между людьми. Я, может быть, неудачно применил слово «регламентация». Полагаю, у вас это связано с какими-то ограничениями, предписаниями и санкциями. Я видел выражение вашего лица, когда произнес это слово. В Общине Старших Братьев ничего похожего на вашу регламентацию нет. Все нормы взаимоотношений и поведения обусловлены опять-таки высоким уровнем сознания. Община накопила огромный опыт в этике, и многое из того, чего достигли там, было уже сообщено людям, и вы об этом знаете. Вы также знаете, что этика обретает важнейшее значение в деле повышения сознания человечества в целом. Это один из главных внутренних инструментов человека. Без внутренне осознанных этических и нравственных норм никакая Община существовать не может. И это, повторяю я, не утопия, это реальность. Но реальность будущего. И от самих людей зависит, сделать ли это будущее близким или отдалить его.

Кстати, я хотел бы сказать несколько слов об утопии. Люди часто употребляют это слово, не задумываясь глубоко о его значении. «Утопия» для них звучит как нечто сказочное, фантастическое, неосу-

ществимое. Но, так же как и сказка или фантастическая легенда отражают какую-то реальность, стоящую за ними, так и «утопия» имеет под собой реальное основание. Реальность эта, как вы, очевидно, поняли, существует в Гималаях многие века. Сама идея утопической общины, благодатной страны с совершенными людьми и совершенным устройством, пришла в мир с Востока. Вы можете сами это проверить по историческим и философским трудам. Восточное происхождение идеи свидетельствует о едином ее источнике. Таким источником, вне всякого сомнения, являлась Община Старших Братьев. Общины, как прообразы будущего, возникали, время от времени, в различные периоды человеческой истории в разных странах и на разной основе. Были общины единомышленников, были религиозные общины, были общины, возникшие во время социальных потрясений и революционных взрывов. Эти общины были кратковременны. Но какие бы поражения и неудачи не терпело общинное строительство, труды первых общинников не пропадут даром. За ними придут другие, третьи, четвертые. Новый мир, который грядет на планету, существовать без общины не сможет. Община самым тесным образом связана с явлением сотрудничества на самых разных уровнях.

Чувство сотрудничества, как неотъемлемая часть космического сознания, должно присутствовать в человеке как его дыхание, как биение его сердца, как способность воспринимать красоту окружающего мира. Оно должно стать органичным для всей структуры человека. Сотрудничество – это не просто благое пожелание какой-то группы людей. Это закон Космоса, и его соблюдение или несоблюдение может привести или к продвижению человечества, или к его разрушению. В конечном счете, и труд Старших Братьев держится этим сотрудничеством.

Человек сам должен уметь сотрудничать со Старшими Братьями и преодолевать в себе мешающие всему этому качества, такие, как неверие, невежество, отрицание, невнимательность, корысть, тщеславие, себялюбие и страх. Все это – порождения того уровня сознания, на котором сейчас пребывает большая часть человечества. И, несмотря на все это, Старшие Братья стремятся пробить дорогу истинного контакта и не ослабляют своих усилий вот уже много веков. Они как бы роют тоннель в толще всего того, что мешает, и чутко прислушиваются, идут ли к ним навстречу люди, роют ли они свой тоннель. Время от времени сквозь скалистую твердь человеческих заблуждений и предрассудков раздаются слабые и отдаленные удары кирки очередного осознавшего. Старшие Братья ищут ходы и находят их, хоть и узкие, но ведущие их

к людям. Были времена на Земле, а они продолжались приблизительно до начала XX века, когда «выход в мир» не грозил Старшим Братьям особыми осложнениями, когда их ашрамы, назовем это так, находились не только в Гималаях, но и в других местах планеты и даже в некоторых европейских странах. Теперь условия на планете изменились явно к худшему. Это связано прежде всего с рядом моментов перехода к Новому эволюционному витку и теми обстоятельствами, которые из этого вытекают. Общая загрязненность атмосферы и энергетического поля Земли, которая наблюдается в послевоенный период развития планеты и человечества, заставляет Старших Братьев все реже и реже прибегать к прямому способу общения. В последние же десятилетия мы таких прямых общений и совсем не наблюдаем. Более того, разбросанные отдаленные ашрамы сейчас стянуты к Основной Твердыне, Скалистым Башням, и призыв «Плотно закройте забрала» неукоснительно выполняется Старшими Братьями. Не думайте, что это бегство от трудностей. Это собирание сил и их концентрация в одном месте. Если применять военную терминологию, то это выравнивание фронта перед наступлением. Теперь Старшие Братья находятся только в трех центрах, которые существуют на территории Гималаев, а точнее, Трансгималаев.

Связь Старших Братьев с «миром» имела самые разные формы. Нередко она осуществлялась с нужными им людьми через вестников. Эти вестники идут через мир неслышными шагами. Облик вестника может быть самым обычным, в его чертах вы не найдете ничего примечательного. Вестники стучат в указанные двери, чтобы передать весть на словах или вручить предмет, который скажет немало тому, кому это посылается. Но задача вестника не всегда бывает легка. Также и «посылку» вестника могут не заметить, не понять его миссии, отвергнуть его слова. Требуется большая чуткость тех, к кому направляется вестник, чтобы принять как нужно его весть.

– Могут ли Старшие Братья, – спросила я, – вмешиваться в исторический процесс?

– Такое вмешательство может произойти, – подумав, ответил Лама, – но на определенном уровне и в определенных рамках. Истории известны многочисленные факты разного рода предупреждений и советов, которые шли от Скалистых Башен. Эти предупреждения и советы давались открыто и явно, в них не было таинственности. Всякого рода предупреждения и советы сообщаются человеку только однажды. Таков закон. На этом трудном пути ни насилие, ни нажим

использоваться не могут. Мы знаем немало фактов, когда предупрежденный вопреки сказанному поступал по-своему. Известны также факты, когда не внявшие ввергали себя или свой народ в пучину бедствий и страданий. Можно перечислить эти факты, но я не стану этого делать. Некоторые из них уже известны и фигурируют в вашей исторической литературе. Стоит только внимательно отнестись к этому материалу и исследовать его, получится интереснейшая историческая работа. В ней будут упомянуты имена, многим уже известные. Старшие Братья, вмешиваясь в исторические судьбы отдельных личностей и народов, стараются не только привести эти судьбы в созвучие с эволюцией, но и облегчить те жертвы, к которым может привести то или иное действие этих личностей и народов.

Вы уже знаете, что Скалистые Башни, или Шамбала, являются средоточием знания. Передача этих знаний человечеству является очень сложным процессом. Знаниями, или, как еще говорят, информацией, насыщено Время и Пространство, сам Космос. Скалистые Башни являются определенным фокусом для этой информации, точкой притяжения знаний. Многое из того, что достигнуто Старшими Братьями, не может быть выдано людям, потому, что способ выражения их научных мыслей и даже формул намного отличается от того, что используется современной наукой. Также многое не может быть выдано человечеству в силу низкого уровня его сознания. Расширение сознания будет идти параллельно с расширением круга знаний. Многие научные открытия используются сейчас во зло. Расщепление атома привело к созданию страшного ядерного оружия. Вы можете спросить: куда смотрели Старшие Братья? Я напому вам основной принцип, на котором происходит их любое вмешательство, – соблюдение Космических законов. Вы хотите спросить, предупреждали ли они человечество о грозящей ему опасности? Отвечаю: да! И не однажды. Предупреждались ученые, разрабатывающие эти проблемы. Предупреждались государственные деятели. Вы спросите: в какой форме? В самых разных. Если бы вы были внимательны, то могли бы заметить, что эти предупреждения звучали уже с двадцатых годов XX века. Немало научных идей было подсказано Старшими Братьями. Многие из них еще ждут своего срока. Каждая ступень эволюции человечества, каждый ее виток имеет свой комплекс знаний. Использовать эти знания на благо или во зло – субъективный выбор самого человека, решение его свободной воли. Поток знаний, согласно законам Великой Материи, – объективен, так же как и объективен исторический процесс.

И Старшие Братья действуют в этом потоке точно так же, как в области любого исторического события. Они справедливо считают, что субъективный выбор человечества обусловлен уровнем его сознания, уровнем нравственности и этических норм. Поэтому этическое учение, содействующее развитию сознания каждого в отдельности и человечества в целом, вошло в мир из Скалистых Башен в двадцатые годы нашего столетия. Человечество Нового витка должно обладать высоким сознанием, то есть должно быть этичным. Владение новыми знаниями Материи и Энергии требует этой этичности. Без этики, предполагающей высокий уровень сознания, все эти знания могут привести к страшным последствиям, если не к гибели. Человечество должно овладеть Учением, данным ему Старшими Братьями. Наше будущее начинается сегодня. Чудес нет, но есть неустанный труд, самоотверженная борьба, напряженное творчество – все то, что обеспечит существование будущего человечества. Старшие Братья сделали свое дело. Они дали людям Учение. Поймут ли они, что получили, поймут ли идеи Учения, не отвергнут ли их, как отвергали не однажды то, что шло от Скалистых Башен. Если свободная воля людей станет доброй волей, тогда есть основания говорить о светлом будущем. Но сама собой, без усилий людей, воля не станет доброй. В добрую она превратится в борьбе с силами зла и тьмы. Эта борьба уже началась, и рассвет близок, но еще темно. Помните это изречение? Старшие Братья в этой борьбе и труде рассчитывают на сотрудничество всей планеты и каждого ее жителя. В Учении они обращаются ко всем, а не к избранным. Помните, время грозное и прекрасное! Качество Нового витка в эволюции человечества зависит именно от нашего времени.

Лама замолчал, и я прислушалась к тишине, которая царила вокруг. Косые лучи солнца золотили снега выплывшей снова из тумана Канченджанги. Казалось, что не снега покрывают ее пики, а потоки расплавленного золота стекают с ее вершин и исчезают, дымясь в клубках синеющих у их подножий облаков.

– Вот что такое Шамбала, – немного погодя, сказал Лама. – Это труд, творчество и восхождение. Это Новый виток эволюции, это Светлое Будущее. Красивая сказка о мифическом «земном рае», где живут добрые волшебники, творящие чудеса и помогающие каким-то «избранным», кончилась. Шамбала – это широкое сотрудничество со Старшими Братьями в борьбе и труде, это символ эволюции человечества планеты, в самом широком смысле этого слова. И это главное. Запомните.

Лама поднялся, протянул руку, и я ощутила крепкое рукопожатие. Он ничего больше не сказал, повернулся и быстрым, упругим шагом зашагал по каменистой тропинке. Он исчез за поворотом, как будто растворился в наступающих сиреневых сумерках. Больше я его на своем гималайском маршруте не встречала.

* * *

Для меня Шамбала, в правильном ее понимании, еще до Ламы, начиналась с Николая Константиновича Рериха, с его картин и его публикаций о Центрально-Азиатской экспедиции, на маршруте которой он собрал легенды и мифы о Шамбале. Картина «У Дивьего камня старик неведомый поселился» была написана в 1910 году, задолго до поездки Рерихов в Индию. Репродукции этой картины я видела не однажды, теперь же, после рассказа Ламы, она поразила меня неожиданно открывшейся мне сутью своей. «Что это? – подумала я. – Предчувствие или знание?» И после недолгого раздумья решила, что – знание. Картина была проста по сюжету, но глубока по своему смыслу.

...Солнечное пространство какой-то неизвестной долины, заполненное скалами и темными елями. И в центре этого пространства рядом со странной конической хижинкой у замшелого валуна сидит седобородый, длинноволосый старик с не очень четкими чертами лица. Его босые ноги сложены в «позе лотоса».

Это было начало Шамбалы, как описал его Лама. Другого толкования не было. Все совпадало: метеорит (Дивий Камень), шалаш и тот первый, кто нашел метеорит и, поселившись около него, стал дожидаться остальных. Но еще до этой картины, в 1905 году, Рерих написал другую картину, которую назвал «Сокровище ангелов», где самым определенным образом прозвучала тема и Шамбалы, и чудесного метеорита. Один из исследователей творчества Рериха так написал об этой картине: «Далеко, в горних селениях, с райскими птицами, деревьями и городами сонмы ангелов в белых одеждах с лазоревыми крыльями сторожат таинственное сокровище – камень, с которым загадочно связаны судьбы мира»¹.

В дневниках Н.К.Рериха мы находим значительную информацию о Шамбале, собранную им на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Легендами и рассказами о Шамбале интересовался и

---

¹ Ростиславов А.А. Н.К.Рерих. Петроград, б/д. С. 47–48.

известный русский путешественник Н.М.Пржевальский, который еще до Рериха прошел по тропам Центральной Азии.

«Другой весьма интересный рассказ, – пишет Пржевальский, – слышанный нами от Сорджи, было предсказание о Шамбалыне, той обетованной земле буддистов, куда со временем перейдут из Тибета все последователи этой религии.

Вышеназванная страна есть остров, лежащий где-то далеко на Северном море. В нем очень много золота, хлеб рождается необыкновенной величины, бедных нет вовсе; словом, Шамбалын течет медом и млеко. Переход сюда буддистов должен произойти через 2500 лет со дня предсказания о таком событии; с тех пор прошло 2050 лет, так что ожидать осталось сравнительно немного.

Самое дело произойдет следующим образом.

В Западном Тибете живет один гыген, который, как живое воплощение божества, никогда не умирает, но только перерождается из одного тела в другое. Незадолго перед наступлением срока предсказанного события этот святой родится сыном у государя Шамбалына. Между тем дунгане взволнуются еще более, нежели теперь, и разорят весь Тибет. Тогда тибетский народ под предводительством далай-ламы покинет свое отечество и отправится в Шамбалын, где будет принят и поселен на хороших землях вышеупомянутым святым, занявшим после смерти отца престол государства. Между тем дунгане, ободренные успехами в Тибете, покорят всю Азию, потом Европу и нахлынут на Шамбалын. Тогда святой государь соберет войска, победит дунган, прогонит их в свою страну и сделает буддийскую веру господствующей во всех подвластных землях.

Вышеупомянутый гыген и теперь секретно посещает Шамбалын. Для этого он имеет особенного коня, который стоит постоянно оседланным и возит своего господина в одну ночь из Тибета в обетованную землю и обратно. О подобных похождениях простые люди узнали совершенно случайно. Именно, у гыгена был работник, который однажды ночью вздумал съездить к себе домой и, ничего не подозревая, взял тихомолком священного коня. Тот взвился стрелой и понесся вдаль. Через несколько часов езды начали показываться леса, озера, реки, которых вовсе нет на родине работника, так что этот последний, испугавшись, повернул коня обратно. При этом он отломил ветку дерева, чтобы погонять лошадь, если она устанет; но этого не случилось, и к рассвету работник снова был возле кумирни, обтер с коня пот, выводил его и поставил на прежнее место.

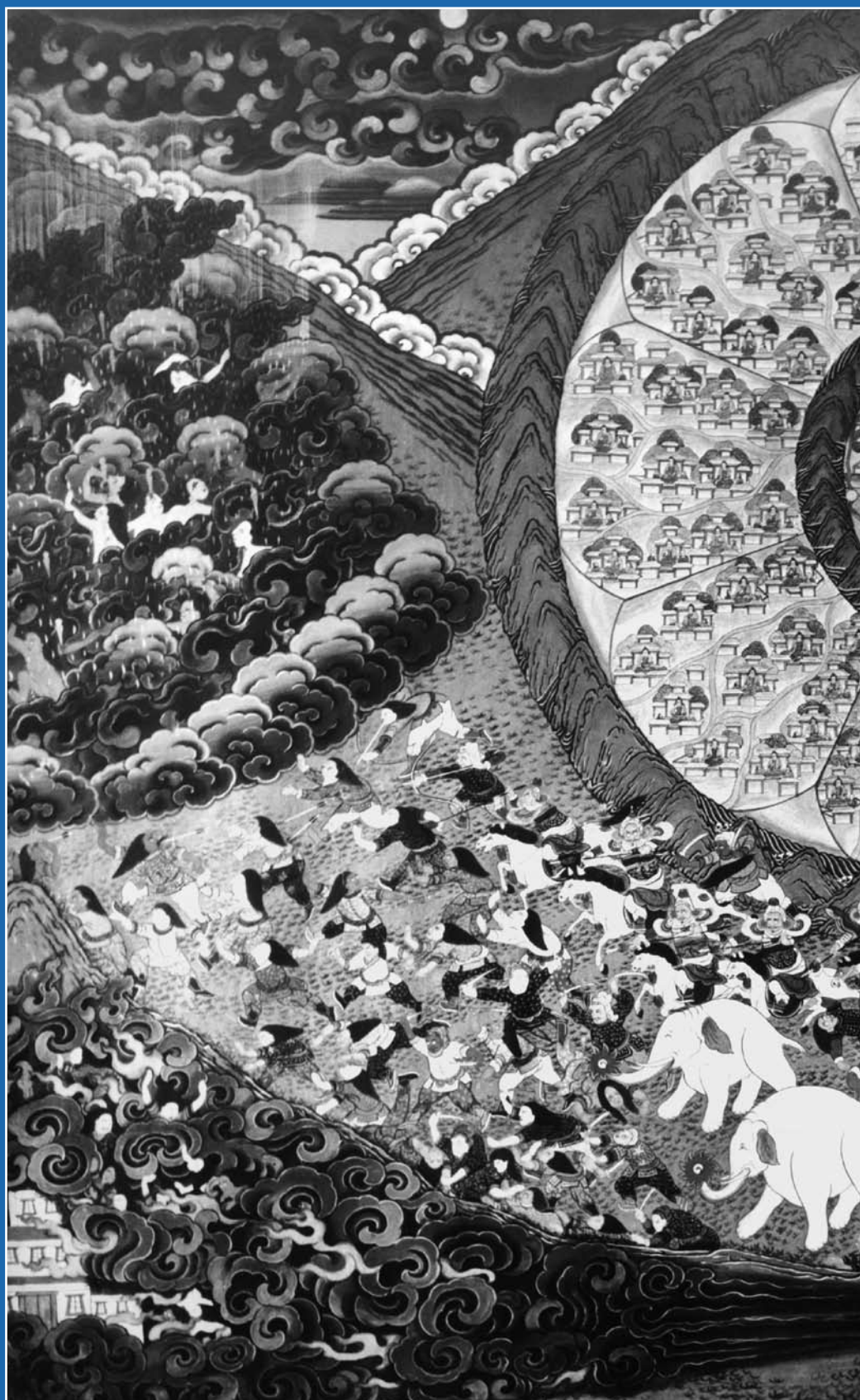
Н.К.Рерих. У Дивьего камня старик неведомый поселился. 1910 г.

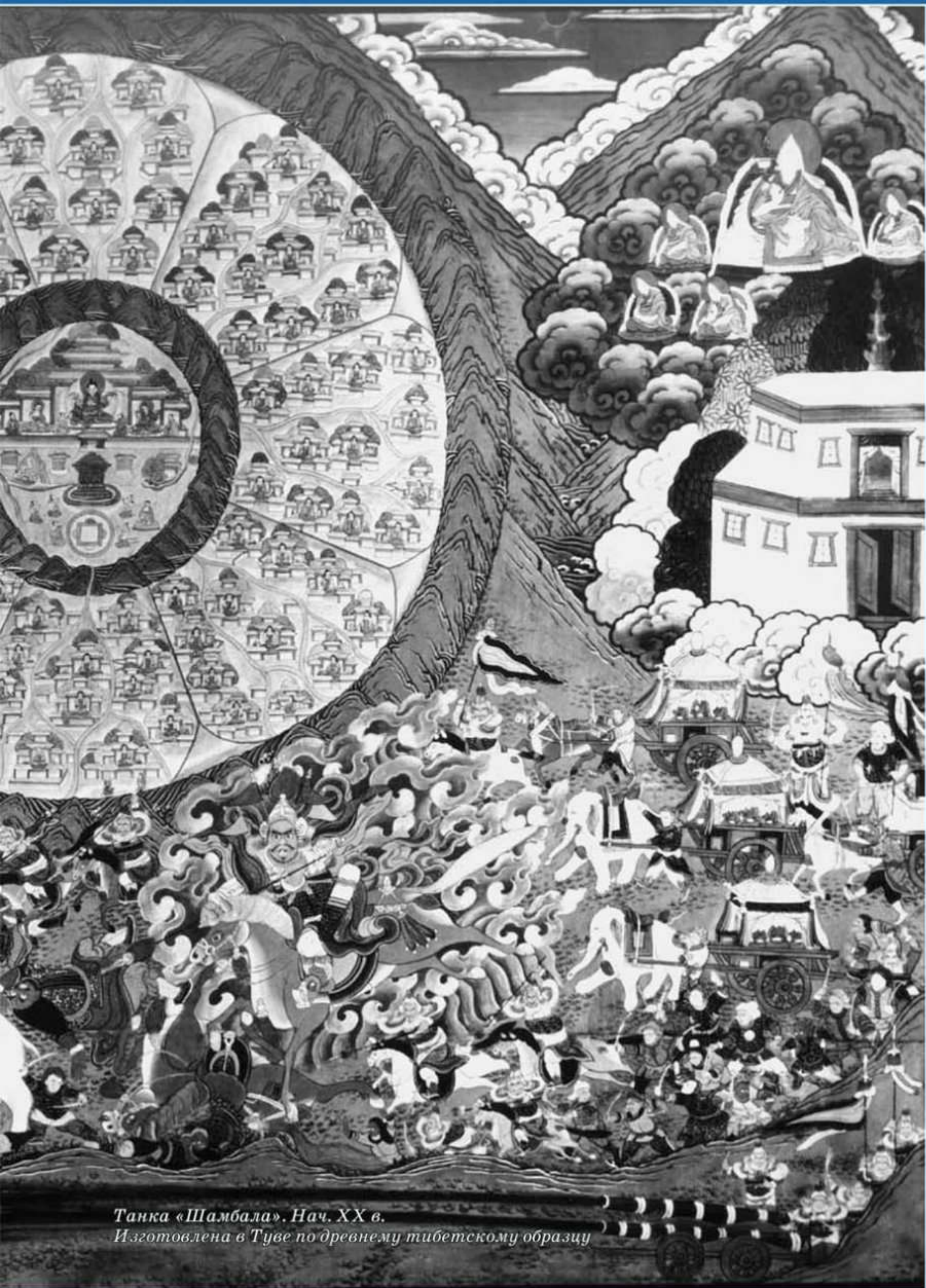

*Н.К.Рерих.
Сокровище ангелов. 1905 г.*

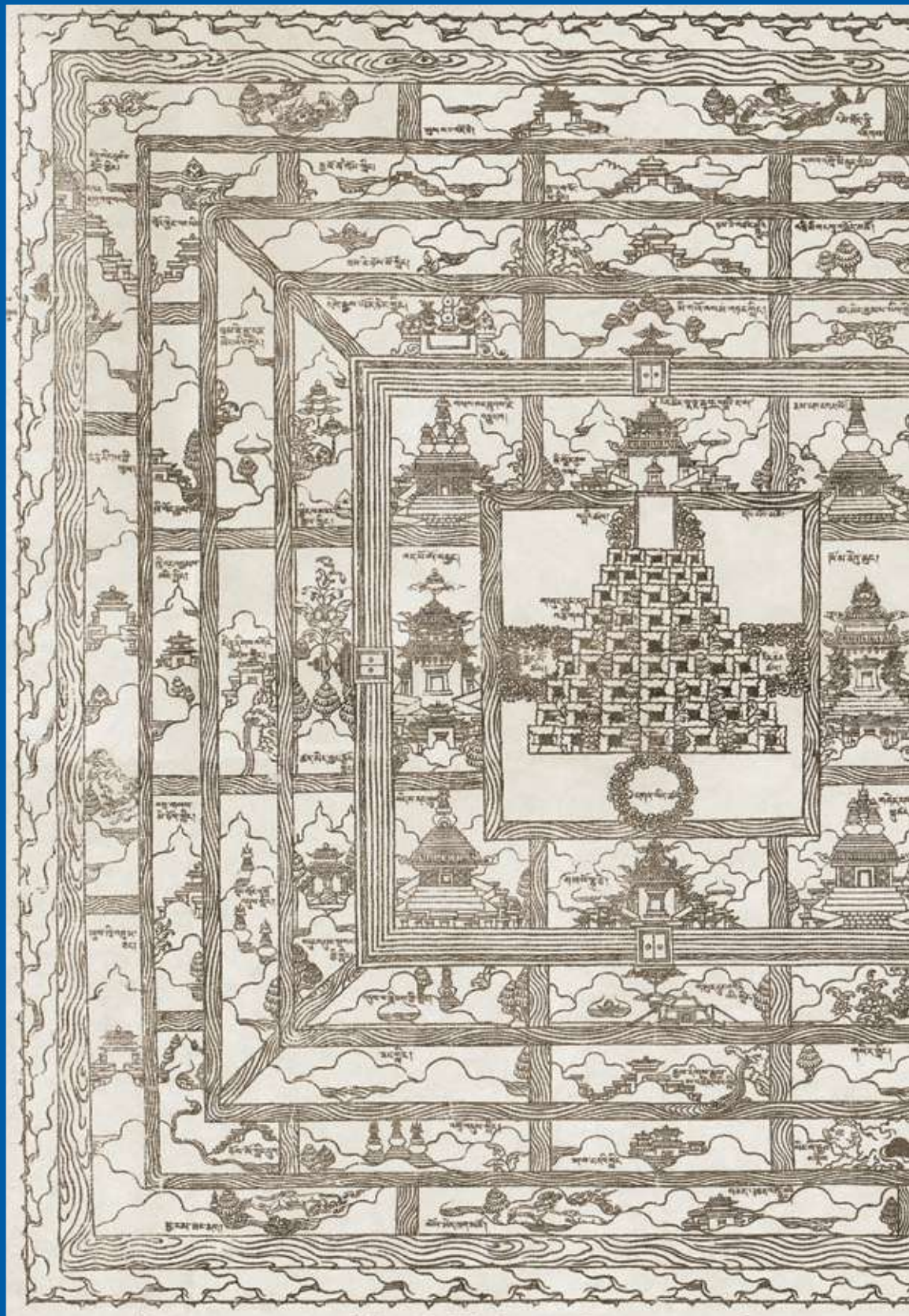

Танка «Шамбала». Нач. XX в.
Изготовлена в Туве по древнему тибетскому образцу

*Карта Шамбалы из монастыря Бон-по.
Индия, Доланджи*

А.А.Качаров. Танка «Шамбала». 2003 г. Москва, Музей им. Н.К.Рериха

Между тем проснувшийся святой тотчас же узнал о случившемся и, призвав к себе работника, спросил, куда он ездил нынешней ночью. Уличенный так неожиданно, работник не стал заперяться, но объявил, что сам не знает, где был. Тогда святой сказал ему: “Ты немного не доехал до счастливой земли Шамбалын, куда мой конь только и знает дорогу. Покажи ветку, которую ты привез с собой; смотри, таких деревьев нет в Тибете, они растут недалеко от Шамбалына”¹.

Рассказ этот, или, скорее, легенда, был записан Пржевальским в Ала-Шане осенью 1871 года. В одной из своих книг Пржевальский приводит еще одну легенду:

«По местному преданию, в давние времена проходили из Хотана через Лобнор шестеро магометанских святых с одной при них собакой. Эти святые и подарили за какую-то услугу одному из предков Кунчикан-бека вышеупомянутую медную чашку (одна из святынь в местном мазаре. – Л.Ш.), а затем прислали из Турфана красный флаг и бумагу на владение обеими подаренными драгоценностями. Бумага эта завернута в шелковую материю и положена в небольшой, весьма грубой работы туграковый ящик, поставленный между маральими рогами в стенке западного фасада большого помещения. Сами святые, как гласит легенда, ушли в пещеру недалеко к северу от Турфана, сказав, что “мы еще вернемся”; собака лежит окаменелой у входа в эту пещеру. По тому же преданию, во время пути святых в Турфан их преследовали, с целью убить, монголы. Разбойники эти искали намеченные жертвы по следу собаки. Тогда у нее были отрублены ноги, но собака все-таки не отстала от своих хозяев. Лобнорцы весьма чтят эту святость и уверяли нас, что только она одна удерживает их жить в таком худом месте, как Лобнор»².

После Пржевальского значительную информацию о Шамбале мы находим в дневниках русского востоковеда и путешественника Г.Ц.Цыбыкова, который проник под видом буддиста-паломника в заповедную Лхасу и провел в Тибете три года, с 1899 по 1902 год. Его дневники были опубликованы Русским Географическим обществом в 1919 году и вызвали в России, несмотря на ее трудное политическое и экономическое положение, огромный интерес, в первую очередь среди востоковедов. Книга «сохранила, – писал крупнейший русский востоковед С.Ф.Ольденбург, – весь свой интерес непосредственностью наблюдений жизни тибетского монашества и жизни буддийских

---

¹ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. М., 1946. С. 158–159.

² Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.

паломников в Тибете, ибо из буддистов, посетивших Лхасу и главные святыни Тибета, никто не был так хорошо, как Цыбиков, подготовлен, и никто из буддистов не оставил нам столь полного и внимательного описания этих святынь; из небуддистов же никто не мог иметь к ним той же свободы доступа»¹. Кроме Лхасы и ее монастырей Цыбиков посетил многие святилища Тибета и имел возможность, владея тибетским языком, общаться и с простым народом, и с высокими ламами. Пожалуй, он был одним из первых, кто сообщил в своих дневниках о панчен-ламе III, который написал книгу «Шамбалай-монлам», или «Благопожелание Шамбалы», а затем и «Путь в Шамбалу». «Третий, знаменитый банчэн (панчен-лама. – Л.Ш.), современник императора Цян-луна, родился в 1740 году и назывался Балдан-ешей. Он был замечательно способный дипломат и писатель. В своих сочинениях (7 томов) он, между прочим, развил мысль, на которую намекали его предшественники, что банчэн будет 25-м ханом Ригдан-дагбо, который будет главенствовать над буддистами в так называемой “северной войне Шамбалы”, в которой буддисты будут сражаться с иноверными (лало). Писатель конца XVIII столетия <...> Лондол-лама в своих сочинениях говорит, что в Шамбале в 1777 году исполнилось царствованию 19-го хана Намнона (значение имени «весьма давящий». – Л.Ш.), по исчислению астролога Пугба, 51 год, а по исчислениям Хайдубгэлэг-балсана (известный ученик Цзонхавы) и Будона (знаменитый ученый и писатель XIV века) – 92 года. Каждый хан властвует там 100 лет. После Намнона до 25-го хана должно пройти пять столетий, в течение коих будут по порядку следующие пять наследственных ханов: 1) Доббо-чэн (великосильный), 2) Магагба (беспрепятственный, неудержимый), 3) Мин-сэнгэ (людской лев), 4) Ванчуг-чэнбо (великий, полновластный), 5) Тайй-намчжял (бесконечно, вполне победоносный). Сыном последнего будет 25-й хан Шамбалы Ригдан-дагбо. Во время его царствования, по одним исчислениям, на 51-м году, а по другим – на 8-м году, то есть, по нашему летоисчислению, в 2335 году по Р.Х. произойдет война между буддистами и лало. Сначала будут побеждать лало, но конечная победа останется за Ригдан-дагбо, который лично примет участие в сражениях. Война Шамбалы – нечто похожее на приход еврейского Мессии и второе пришествие Христа у христиан»². Точно переданная Цыбиковым информация о Шамбале

---

¹ Ольденбург С.Ф. От редакции // Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919. С. VI.

² Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. С. 371–372.

свидетельствует о сложности самого понятия, в котором смешались слои мифологические, религиозные, и прослеживается нечто от реальности. Именно последнее и представляет собой наиболее интересную часть. У Цыбикова мы находим информацию о восприятии самими тибетцами Шамбалы, в которой прослеживается достаточно четко реальный слой – история, связанная с хронологией, имена, имеющие исторический, а не мифологический характер, и, наконец, индивидуальности, в той или иной мере связанные с этим местом, утверждающие, что сокровенные знания, которыми они обладают, получены из Шамбалы на обозримом историческом отрезке. Цыбиков также отметил, что Шамбала играла определенную роль не только в религиозном ритуале, но и во многих действиях, носивших светский характер. Описание Цыбиковым приема у таши-ламы VI в монастыре Таши-Лунпо представляет несомненный интерес. «Когда мы вошли туда (в зал аудиенций.– *Л.Ш.*), – пишет путешественник, – банчэнь сидел уже на своем высоком троне, в полном облачении желтошапочного иерарха, т.е. в желтой мантии и желтой шапке цзонхавинского образца, по бокам немного впереди трона стояли двое лам-прислужников. Боковые стороны залы были полны сидящими высшими ламами и светскими чиновниками в желтых халатах. Банчэнь выглядел почти отроком»¹. И далее: «После окончания чаепития мы сделали по три земных поклона и сели в ряд перед тронном банчэня для выслушивания учения. Он прочитал нам по книжке очень бегло и громко сочинение третьего банчэня “Шамбалай-монлам”, что значит “Благопожелания Шамбалы”. Оно содержит молитву банчэню, чтобы он, когда будет предводительствовать буддистами в священной войне Шамбалы с еретиками (лало), взял молящегося в число своих воинов. Лишь только он окончил чтение, нетерпеливые церемониймейстеры громко провозгласили: “уходите прочь” – и выпроводили нас, размахивая своими кнутами, производящими большую панику между богомольцами. Нам пришлось поспешно сбежать по той узкой лестнице, по которой несколько минут тому назад мы поднимались с некоторым почетом»². Несомненно, сама Шамбала не имела к этому странному ритуалу никакого отношения. Это было уже «творчество» самого банчэня.

Естественно, что Цыбиков, находясь в самом центре буддизма, не затрагивал в своих дневниках проблемы Беловодья. Этим занимался Пржевальский, маршруты которого пересекались с путями русских

---

¹ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. С. 374–375.

² Там же. С. 375.

староверов, искавших благодатную страну. О таких путешествиях староверов писали и другие русские путешественники – М.В.Певцов, П.К.Козлов, Г.Е.Грумм-Гржимайло, Г.Н.Потанин. Легенды о поисках Беловодья до сих пор живут на Алтае. То, что Рерих достаточно убедительно в своих экспедиционных трудах увязал Беловодье с Шамбалой, привело к уникальному результату – оживлению легенд об этом месте, а впоследствии и возникновению интереса к ним у современных российских ученых.

«Легенда о Беловодье и страстные поиски этой обетованной страны, – пишет известный этнограф С.С.Савоскул, – во время которых иные из искателей, возможно, доходили до Тибета и Гималаев, должны были привлечь Рериха реальным воплощением его любимой мысли о давних связях России и русских людей с Востоком. Эта же мысль отразилась и в необычном подходе художника к беловодской легенде, на которую он тоже посмотрел как бы с Востока. Если все исследовавшие легенду ученые рассматривают ее возникновение и дальнейшую историю только в контексте русской крестьянской старообрядческой идеологии, то Рерих сделал попытку увязать ее возникновение с миром центральноазиатской культуры и сблизил Беловодье с легендарной страной буддистов Шамбалой»¹.

И еще: «Не случайно Рерих постоянно подчеркивал, что по легенде Шамбала находится где-то на севере. С другой стороны, он верил в реальность Шамбалы – страны, находящейся в неведомых гималайских долинах, где процветает община “держателей” и носителей “будущего” мира. По скудным сообщениям, разбросанным в книгах художника, можно представить, как рисовалась ему эта страна. По его мнению, в практически недоступной Шамбале живут просветленные, мудрые люди, опередившие в своем развитии остальное человечество на целую эпоху. Ученые Шамбалы, имея в своем распоряжении превосходные лаборатории и библиотеки, производят исследования, результаты которых должны в будущем помочь людям и осчастливить все человечество. Рерих пишет, что во время путешествия по Гималаям он не раз беседовал с махатмами, ушедшими в горное уединение для размышлений. Этих учителей-гуру восточная традиция издавна считает представителями Шамбалы в мире людей»².

Процитированные выше фрагменты свидетельствуют о том, что ученый задумался над реальностью, стоявшей за легендами и мифами

---

¹ Советская этнография. 1983. № 6. С. 94.

² Там же. С. 95.

о Шамбале, и эту реальность он нашел в работах Рериха. И надо отдать должное Савоскулу, который не стал отрицать эту реальность, не профанировал ее, как это было модно в советской идеологической критике. За несколько лет до выхода в свет статьи С.С.Савоскула в журнале «Вокруг света» был опубликован интересный очерк Сергея Буланцева «Беловодье, Тебу, Шамбала?», в котором были сообщены и легенды, и некоторые реальные факты о Шамбале. В редакции журнала меня попросили дать комментарий к этой публикации, что и было мной сделано¹. Это было время начинавшихся нападков на Рериха и, особенно, на его мировоззрение. Я привожу свой комментарий почти целиком, поскольку его актуальность не утрачена и до сих пор.

«...Н.К.Рерих во время своей Центрально-Азиатской экспедиции, длившейся с 1923 по 1928 год, собрал большой материал об этой таинственной стране. Тщательно проанализировав его, он пришел к выводу о типологической общности легенд о Беловодье, Шамбале, Белом острове. Различные же названия страны, упоминаемой в сказаниях, свидетельствуют лишь о разнообразии и обширности регионов распространения этой легенды: Индия, Тибет, Алтай... Доктор исторических наук Н.Н.Покровский в докладе, прочитанном им в 1976 году, сообщил о том, что археографические экспедиции, проводимые Сибирским отделением АН СССР, зафиксировали легенду о Беловодье в Восточном Казахстане, а также в долинах верхнего Енисея. В связи с этим академик А.П.Окладников обратил внимание на предание о земле “бородатых людей”, распространенное на востоке Сибири. Такая широкая география легенды ставит ее в один ряд с преданием о потопе, реальность которого подтверждена археологическими исследованиями.

Рассматривать легенду о Шамбале, или Беловодье, однозначно нельзя. Она крайне многослойна, что свидетельствует о ее значительном возрасте. На заре какой исторической эпохи она появилась? Ответить на это трудно. Мы только знаем, как правильно сообщает С.Буланцев, что о ней есть упоминания в буддистских источниках Тибета. Есть много вариантов этой легенды, существует значительное количество подробностей самого разного характера, связанных с ней. Но основная канва может быть найдена в любом варианте.

Н.К.Рерих вскрыл в легенде о Шамбале один из ее древнейших пластов, связанный с эпохой переселения народов. Ученого натолк-

---

¹ Вокруг света. 1979. № 3.

нули на эту мысль многочисленные сказания о подземных ходах и пещерах, в которые якобы уходили и навсегда исчезали целые племена и народы. Таким образом, заповедная страна превращалась в подземное царство, куда устремлялись эти племена и народы. “Каждый вход в пещеру, – писал в связи с этим Н.К.Рерих, – предполагает, что кто-то уже вошел туда. Каждый ручей – особенно подземные ручьи – побуждает к фантазии о подземных ходах”.

Продолжая свою мысль, Рерих замечает: “Народ определяет эти проблемы много проще: для них все, что исчезло, отправилось под землю”.

Передвижения кочевых народов в отдаленные времена, их исчезновения из мест первоначального заселения, их внезапные появления в неожиданных районах питали народную фантазию, облакали реальные факты прошлого в легендарную форму.

Легенда о Беловодье, на мой взгляд, является более поздним слоем основного предания. Несколько веков назад в России началось староверческое движение. И древняя легенда о заповедной земле счастья и справедливости получила новую жизнь. Русские крестьяне, уходившие от преследований официальной церкви и феодального произвола, мечтали о стране, где кончатся их беды и страдания и где они мирно займутся земледельческим трудом. Они уходили в отдаленные районы Сибири, начинали обживать Алтай. Легенда о заповедной стране продолжала жить среди староверов еще два века спустя. Она обрастала новыми подробностями, реальными и фантастическими, и несла в себе заряд какой-то странной действенности. Люди неумоимо стремились на поиски чудесной страны. Они пускались в трудный, неизведанный путь в одиночку, группами, а иногда целыми “обществами”. Крупнейшие русские путешественники Н.М.Пржевальский и П.К.Козлов с пристальным вниманием следили за этими передвижениями. “К лучшим результатам, – писал Пржевальский, – привели расспросы относительно давнего пребывания русских староверов на Лобноре. О них рассказывали нам лица, видевшие собственными глазами пришельцев, явившихся в ту глушь Азии, вероятно, искать обетованную страну Беловодье”. Козлов во время своей экспедиции в Монголию и Кам в 1889 году беседовал со старовером Рахмановым, который сам ходил на Лобнор в поисках Беловодья.

Путешествия в поисках Беловодья, рассказы о чудесах заповедной страны нашли отражение даже в русской художественной литературе. Короленко, Мельников-Печерский, Шишков на страницах своих произ-

ведений запечатлели рассказы странников, будившие воображение не одного поколения русских крестьян. “Но дошли мы все-таки до Беловодья. Стоит там глубокое озеро, да большое, ровно как море какое, а зовут то озеро Лопонским, и течет в него от запада река Беловодье. На том озере большие острова есть, и на тех островах живут русские люди старой веры”, – рассказывает один из героев романа Мельникова-Печерского “В лесах”. Беловодьем русские староверы называли множество мест, где, как им казалось, начинается земля обетованная.

Реальность и легенда шли рядом, часто незаметно подменяя друг друга. И поэтому реальность была похожа на легенду, а легенда на реальность. Такое соотношение легенды и реальности было зорко подмечено Н.К.Рерихом: “В этих оберегаемых и сохраняемых преданиях вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искре фольклора есть капля Истины, приукрашенной или искаженной”.

Пока, к сожалению, удовлетворительной расшифровке не поддается ряд сведений, связанных с легендой о Шамбале, – таких, как данные о контакте Шамбалы с космическими цивилизациями и предания о затонувших материках и погибших культурах.

Очерк С.Буланцева, написанный на основании многочисленных источников, дает нам повод утверждать, что в легенде о Шамбале наряду с фантастическими моментами есть реальные или отражение таковых. Но у читателя должен возникнуть естественный вопрос: существовала все-таки или нет таинственная страна Шамбала, Беловодье, Тебу?

Ряд редких особенностей самой легенды и ее необычная историческая судьба заставляют нас отнестись к ней серьезно и продолжить ее исследование. Нет ничего более легкого, чем отрицание или тенденциозный подбор доказательств для опровержения того или иного предания, пришедшего к нам из древности. Много труднее осмыслить эти предания, проанализировать их, вскрыть их временной пласт и суметь увидеть реальность, стоящую за ними. Только такой путь может быть плодотворным».

На «Рериховских чтениях» 1979 года в Новосибирске тема о Шамбале прозвучала в докладе А.А.Терентьева, сотрудника Музея религии и атеизма в Ленинграде. Он представил тханку Шамбалы, которая была сделана в начале XX века в Туве, на основе текста панчен-ламы III, автора трактата «Путь в Шамбалу». Нет сомнения в мифологичности этой тханки, но той мифологичности, за которой стояла реальность. «Прежде чем перейти к описанию страны, – пишет Терентьев, –

изображенной на иконе (тханке. – Л.Ш.), необходимо пояснить, что Шамбала, по буддийским представлениям, не есть страна в географическом смысле этого слова: “...ее вид меняется в зависимости от кармы наблюдателя. Например, одну и ту же реку боги будут воспринимать как нектар, люди – как воду, а голодные духи – как гной и кровь...” Икона, как и выдержанный в традиции Калачакра-тантры текст Гарже Кхамдул Ринпоче, живописует Шамбалу с точки зрения “коллективной кармы живых существ”.

Для указания местоположения Шамбалы необходимо вначале напомнить основы буддийской космогонии. Прежде всего, в центре необусловленной пустоты существуют потенциалы атомов пяти элементов: земли, воды, огня, ветра и пространства. Возникающие атомы образуют диски (mandala) друг внутри друга. Первый и самый большой диск – из ветра. Его диаметр – 400 000 йоджан¹. Следующий диск – огненный, внутри него – диск из воды, составляющей Семь Соленых Океанов. Внутри водяного диска расположен диск земли диаметром 100 000 йоджан. Толщина всех дисков одинакова – 50 000 йоджан.

Невдалеке от горы Сумеру, находящейся в центре диска земли, расположены шесть Блаженных континентов, скрытых даже от света солнца и луны вершинами Прохладных гор, окружающих кольцом этот ближайший к горе Сумеру район. Седьмой материк, Джамбудвипа, именуемый также Землей Труда (карма), лежит дальше от центра, за кольцом Прохладных гор. Он распадается на 12 частей, по три на каждую сторону света. Главный остров востока обозначается кругом, юга – полумесяцем, запада – треугольником, а севера – квадратом. Южный остров разделен на шесть районов, начиная с севера: 1 – Страна снегов; 2 – Шамбала; 3 – Китай; 4 – Хотан; 5 – Тибет; 6 – Индия. Именно район Шамбалы и изображен в центре иконы. “Он имеет форму круга и окружен снежными горами. Внутри он имеет форму раскрытого 8-лепесткового лотоса. Каждый из лепестков разделен протекающей по нему большой рекой. В центре, подобно сердцевине цветка, живописно вздымаются снежные горы. В каждом из лепестков лотоса расположены 120 миллионов городов, и <...> каждые 10 миллионов городов составляют одно королевство”² <...>

Икона полностью соответствует этому описанию. Каждое из королевств представлено на иконе одним дворцом. Люди, живущие в

---

¹ Тибетская мера длины йоджан равна приблизительно 6 400 метрам. – *Ред.*

² *Gar-je K'am trül Rinpoche. A geography and history of Shambala // The Tibet Journal. 1978. № 3. P. 3–11.*

бесчисленных городах и деревнях Шамбалы, богаты, счастливы и здоровы. Урожаи обильны, правители праведны. Учение Калачакры сохраняется в первозданной чистоте с того времени, когда оно было дано Буддой царю Шамбалы Дава Сангпо (Zla-ba bzang-po). Дава Сангпо, по возвращении в Шамбалу из Южной Индии, где он получил это учение, составил 12 000 комментариев на базовый текст Калачакра-тантры и построил в столице своей страны, Малайе, большую трехмерную мандалу Калачакры. Столица Шамбалы находится в центре страны, в “сердцевине” восьмилепесткового лотоса. Там находится парк, также именуемый Малайя, где и стоит мандала Калачакры. Восточнее мандалы расположено Ближнее озеро, а западнее – два озера Белых Лотосов, слившихся на иконе в одно. Севернее (т.е. выше мандалы Калачакры в композиции иконы) стоит дворцовый комплекс несравненной роскоши и красоты – резиденция царей Шамбалы Риг-дэн (Rigs-Idan) – “Держателей каст”. Этот титул наследуется царями Шамбалы после того, как он был присвоен царю Джамбал Дагпа (‘Jam-dpal grags-pa), который объединил все касты в одну ваджрную касту. В настоящее время Шамбалой правит уже двадцать первый Риг-дэн по имени Магагпа (Ma-gags-pa). Икона же изображает, очевидно, его предшественника – правившего до 1928 г. царя Тобпоше (sTob-po che). Царь Шамбалы восседает в центре своего дворца на золотом троне. Все нижнее поле иконы занято изображением великой битвы, которая произойдет в 2425 г. по нашему летоисчислению между воинством Шамбалы и сторонниками религии Лало (Kla-klo)»¹.

И далее: «После этой победы буддизм распространится по всему материк Джамбудвипа, и начнется золотой век, который продлится тысячу лет. “После этого учение драгоценной Дхармы придет к концу”² и этим завершается история легендарной Шамбалы, отраженная в своих важнейших моментах на иконе»³.

Данная тханка была создана по видению Панчен-ламы III, иными словами, в этом случае был использован традиционный метод – видение Шамбалы, а потом перенос этого видения на тханку или другие художественные формы.

Первое научное соприкосновение с сюжетом Шамбалы произошло в 1968–1969 гг. и имело отношение к добуддийскому периоду ее

---

¹ Терентьев А.А. Шамбала Блистающая // Рериховские чтения. 1979 г. Новосибирск, 1980. С. 229–231.

² *Gar-je K'am trül Rinpoche*. A geography and history of Shambala // *The Tibet Journal*. 1978. № 3. P. 11.

³ Терентьев А.А. Шамбала Блистающая. 1979 г. С. 232.

трактовки. Два наших крупных ученых, Л.Н. Гумилев и Б.И. Кузнецов, пытались в одной из своих публикаций расшифровать карту Шамбалы, восстановленную в бонском монастыре, настоятелем которого являлся Римпоче Тенсинг, с которым я встречалась в 1980 году. Карта эта была приложена к тибетско-шаншунскому словарю, изданному Римпоче и его сотрудниками. Она и привлекла внимание Льва Николаевича Гумилева. Его интерес к этой карте свидетельствовал о значимости для Гумилева сюжета Шамбалы. Однако подходы к анализу карты Гумилева и Римпоче Тенсинга были разными. И не потому, что один был известным ученым, а другой настоятелем монастыря, но потому что Римпоче Тенсинг владел не только современной суммой западных знаний, но и традиционными представлениями Востока, которые, по его мнению, и воспроизводила исследуемая карта. И если Римпоче считал, что на карте изображена Шамбала с традиционной десятиэтажной башней в центре, то Гумилев и его соавтор рассматривали ее как ближневосточное пространство, приводя в качестве доказательств ее топонимику, крайне приблизительно переводя географические названия с тибетского на персидский. Оба автора поместили Шамбалу в пространство нескольких стран – Ирана, Вавилона, Финикии и Египта, и датировали ее IV веком до н.э. «Следовательно, – пишут они, – наша карта была составлена в эллинистическую эпоху, хотя наверняка не эллинами»¹. Это утверждение в публикации соответствовало известному для историков и религиоведов обстоятельству, что комплекс древних добуддийских верований, выраженных в религии бон, проник в Индию, а затем и в Тибет из Ирана. Можно соглашаться или не соглашаться с гипотезой Гумилева и Кузнецова, но их исследование ценно уже тем, что эту карту оба автора, во-первых, считают достаточно древней, во-вторых, что тибетские картографы неплохо знали географию и что страна Шамбала, которую до сих пор считали мифической, может быть реальной².

Выделив ирано-тибетскую традицию в тибетской картографии, авторы дополнили ее индо-тибетской. На стр. 99 статьи они приводят индийскую карту Шамбалы, где, по их мнению, пересекаются космографические и чисто географические моменты.

«На индо-тибетской карте, – отмечают исследователи, – земная суша изображена в виде четырехугольника хребтов, окружающих

---

¹ Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Две традиции древнетибетской картографии // Вестник ЛГУ. 1969. № 24. С. 90.

² Там же. С. 88.

гору Меру (Сумеру), центр мира и путь на небо. Несмотря на условность интерпретации, здесь легко узнать орографическую систему южного Тибета, т.е. долину р. Цанпо (Брахмапутры), окруженную с юга Гималаями, с севера Трансгималаями, с запада Каракорумом и с востока хребтами страны Кам, где в одном из ущелий прорывается Брахмапутра <...> На карте гора Меру окружена водой, глубины неизмеримой, и поднимается в область богов. Естественно, что считать эту гору реальной нельзя. Это космический образ объединения нашего мира с потусторонним, поэтому мы можем оставить без внимания эту мистическую деталь, тем более что она не препятствует реальной части карты, изображающей поверхность Земли»¹. Оба автора оставили без внимания, пожалуй, самое главное – «образ объединения нашего мира с потусторонним», что отличает пространство Шамбалы от других мест на Земле. Не обращать внимания на эту важную особенность – значит исказить и реальную карту. «Итак, – подводят итог вышесказанному оба ученых, – космографические представления индо-тибетской школы поражают своей широтой. По существу, этим географам была известна почти вся поверхность Земли, за исключением Австралии и Антарктиды. Примечательно, что страны света на этой карте расположены в том же порядке, что и у нас. Каким образом и откуда могла появиться на Востоке такая широкая информация – мы решить не в состоянии. По-видимому, некоторые привычные представления о науке древности нуждаются в пересмотре»². В этом фрагменте особенно ценна последняя мысль, открывающая перспективу дальнейшим исследованиям в этом направлении. К сожалению, оба ученых, и Л.Н.Гумилев и Б.И.Кузнецов, не дожили до того времени, когда был снят запрет на подобные исследования.

Между этими первыми искорками исследований о Шамбале, занесенными в тоталитарную Россию, особенное значение имеют научные работы Юрия Николаевича Рериха, старшего сына Н.К. и Е.И. Рерихов. Один из крупных востоковедов с мировым именем Ю.Н.Рерих соприкоснулся в своей жизни с реальностью, стоявшей за легендами и мифами о Шамбале. Блестящее знание тибетского языка позволило ему перевести такой важный труд, как «Синие анналы», в которых многие страницы посвящены истории Шамбалы и их правителей. Его работа «Колесо жизни», где он сделал обзор тибетской литературы

---

¹ Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Две традиции древнетибетской картографии // Вестник ЛГУ. 1969. № 24. С. 89.

² Там же. С. 100.

о Шамбале и Калачакре, была встречена в мировом востоковедении самым положительным образом. Оба понятия, как мы знаем, были сокровенными для буддизма и являлись долгое время недоступными европейской науке.

Сюжет таинственной страны, находящейся в горах, где обитают мудрецы, владеющие многими знаниями, достигшие бессмертия и общающиеся с богами, мы находим во многих мифологиях, – китайской, японской, тайландской и других, не говоря уже о тибетской. Позднее отзвуки этих сюжетов появились в мифах и легендах Европы. По китайским поверьям, например, в горах Куньлуня есть страна бессмертных, где находится дворец богини-матери Си Ван-му и куда попасть крайне трудно, а в большинстве случаев просто невозможно. Бессмертные помогают людям, время от времени посылая к ним своих вестников и гонцов. Типология таких преданий, несомненно, совпадает с мифологией самой Шамбалы. Мы знаем о таких труднодоступных местах, упомянутых в мифологии Эфиопии. Гора Меру Индии с ее властителями нагами до сих пор является одним из важных мифологических образов в индуизме. Тур Хейердал в своей книге «Американские индейцы в Тихоокеанском регионе» упоминает о бразильском племени тупи, которое «ведомое легендой о Земле бессмертных и Земле вечной юности, отправилось из Бразилии на Запад в составе 10 000 сильных людей и прибыло в Перу в 1549 году в составе 300 выживших человек»¹.

В этих мифах мы находим также утверждение о существовании в такой стране точки, где соприкасается Земля с Небесами.

В Японии известна легенда о Танго-Фудоки. В ней сообщается, в какой деревне, провинции и округе жил герой повествования. Однажды он вышел в море на лов рыбы, но ничего не поймал и заснул глубоким сном. Внезапно перед ним появилась девушка и сказала, что пришла с Небес, полюбила его и велела пока не открывать глаз. Они перенеслись на остров, где стоял дворец, украшенный жемчугом. Танго-Фудоки познакомился с родителями девушки, которые объяснили ему разницу «между миром людей и жилищем Небес»², и затем женился на ней, но через некоторое время стал скучать по своей деревне и родителям. «Я отправился в Землю богов, – сказал он, – но теперь я тоскую о доме и хотел бы отправиться домой повидать роди-

---

¹ Цит. по: *Bailey J. The God-kings and the Titans. London, 1973. P. 208.*

² *Erich von Daniken. According to the evidence. London, 1978. (В дальнейшем – Evidence.) P. 124–126.*

телей». Жена попросила его сесть в лодку и закрыть глаза. И когда он открыл глаза, то очутился в своей деревне. Но не узнал никого из ее жителей и не нашел своего дома. Он стал расспрашивать жителей, но те, с кем он говорил, очень удивились, ибо не могли понять, почему он ищет дом человека, который 300 лет назад отправился в море и больше не вернулся¹.

Легенда замечательна тем, что она повествует не только о Земле богов, обладающих чудесными силами, но и указывает на разницу во времени между Землей богов и земной родиной Танго-Фудоки. Подобная разница была вычислена учеными века спустя. Но, тем не менее, расхождение во времени на Земле и в ином мире остается подлинным опытом тех, кто соприкоснулся с инобытием. Такой опыт мы находим в Библии, Ветхом и Новом Завете, в различного рода видениях, снах и других формах контакта. Как правило, такие контакты связаны с передачей знаний. Значительный интерес в этом отношении представляет апокрифическая литература, в частности Книга Эноха, которая не вошла в канонизированный список библейских текстов. Энох рассказывает о том, что явившиеся к нему двое высоких людей с «сияющими лицами» забрали его на Небеса. Там ему показали таблички с письменами и велели читать их и записать. «И теперь, сын мой Метусelah, – сообщает Энох, – я говорю тебе все и записываю для тебя; я передал все тебе и вручил тебе книги, в которых все это (мудрость. – Л.Ш.) есть. Мой сын Метусelah, сохрани эти книги, которые перешли к тебе из рук отца, и вручи их следующему поколению»². Знания, которые получил Энох на Небесах, были переданы ему архангелом Бретилем. «И он описал мне все вещи в Небесах, на Земле и на море, места всех элементов, сезоны, течение дня и его изменения, заветы и учения. Бретиль говорил мне тридцать дней и тридцать ночей; его губы не останавливались. Я тоже писал без отдыха все, что он говорил. Когда я кончил, то написал 360 книг»³. И далее:

«Они принесли меня на Небеса, – сообщает Энох. – Я шел по ним, пока не приблизился к стене, которая была выстроена из кристалла и окружена языками пламени, и я испугался. Я вошел в языки огня и приблизился к большому дому, построенному из кристалла. Стены этого дома были украшены кристаллическими камнями, и его фундаментом служил кристалл <...> Море огня омывало эти стены,

---

¹ Evidence. P. 124–126.

² Ibid. P. 183.

³ Ibid. P. 184.

и его двери пылали огнем. Там был второй дом, больше, чем первый; все его двери были открыты. Во всех отношениях он выделялся величиной, роскошью и размерами. Его пол был из огня, и кружащиеся звезды образовывали его верхнюю часть, и его крыша была ослепительным пламенем. Я увидел высокий трон. Он блистал как иней. Вокруг было нечто похожее на сияющее Солнце. Внизу трона катились потоки сияющего огня, и я не мог смотреть на них. Великий сидел на троне. Его одежда была более сияющей, чем Солнце, и белее девственного снега. Все вокруг, десять тысяч раз по десять тысяч, стояли перед ним, и все, что он хотел, они делали. И те, что стояли перед ним, не покидали его ни ночью, ни днем. Они взяли меня и отвели на место. Я видел испомещение огней, кладовые грома и молний. Я видел устье всех рек на Земле и устье глубины. Я видел краеугольный камень Земли, я видел четыре ветра, которые несут Землю и твердыню Небес. Я видел ветры Небес, которые двигают и вращают солнечный диск и все звезды. Я видел ветры, которые несли облака над Землей; я видел пути ангелов, и я видел в конце Земли твердыни Небес над Землей. Я видел глубокую бездну с колоннами небесного огня, и я видел колонны огня, падающие ниже их; их высота или глубина не может быть измерена. За этой бездной я увидел место, где не было твердыни Небес над ним, ни твердой Земли под ним, ни воды под ним. Здесь не было ни одной птицы; это было пустынное и страшное место. Там я увидел семь звезд, подобных великим пылающим горам. Когда я спросил об этом, ангел сказал: «Это место, где Небеса и Земля кончаются».

Я шел, пока не пришел в место, где не было ничего. Здесь я увидел устрашающие знаки: я не увидел Небес вверху и ни твердой Земли внизу, но только бесплодное место, великий огонь сиял и пылал там; место имело расселины внизу бездны и было полно падающих колонн огня»¹. И еще: «Там моим глазам предстали тайны грома и молнии, тайны ветров, как они разделяются, чтобы дуть над Землей, и тайны облаков и росы. Там я увидел, откуда они выходят в том месте и как Земля наполняется пылью оттуда. После всех тайн молнии и светов мне было показано, как они светят для благословения и насыщения Земли. Для грома существуют правила в продолжительности раската. Гром и молния никогда не отделяются; влекомые духом, они путешествуют вместе, а не отдельно. Когда молния сверкает, звучит гром»². «После тех дней в том месте, где я видел все, что сокрыто, — я был подхвачен ураганом и

---

¹ Evidence. P. 186–187.

² Ibid. P. 189.

перенесен на запад – где мои глаза увидели все скрытые вещи, которые должны случиться на Земле: гору железа, медную гору, серебряную гору, золотую гору, гору мягкого металла и свинцовую гору. Ангел сказал: подожди немного, и все скрытое будет открыто тебе. Те горы, которые наблюдали твои глаза: гора железа, медная гора, серебряная гора, золотая гора, гора мягкого металла, – они станут перед твоими избранными глазами как воск перед огнем и как вода, льющаяся с горы. Это будет конец. Ты знаешь все тайны, также и сокрытые силы и силы тех, кто занимается магией, кто выплавляет облик всей Земли; наконец еще, как серебро добывается из земной пыли и как мягкий металл возникает на Земле. Свинец и олово не добываются из Земли...»¹.

И в конце Энох пишет: «Я видел звезды Небес и видел, как он (Бретиль. – *Л.Ш.*) называл их всеми их именами. Я видел, как они взвешивались точным весом согласно их яркости, протяженности в Космосе и дню их появлений»². От апокрифических книг Эноха, к сожалению, осталось очень немного. Одни рассеялись по свету, другие оказались так тщательно спрятаны, что найти их не представлялось возможным, третьи окончательно и бесповоротно погибли. То, что рассказано и, главное, показано Эноху, походило на сказку и многими так и было воспринято. По миру гуляет не одно такое апокрифическое сказание, которое содержит в себе крупинцы подлинных знаний, оказавшихся вне науки и вне внимания самих ученых, не принимавших всерьез такого рода писания. Каждое из них подтверждает, что контакт с инобытием, или теми местами, где «Земля соединилась с Небом», как это было в случае с Шамбалой, приносил новые знания не только об этих Небесах, но и о самой Земле. Однако недостаточный уровень сознания человечества, как правило, стоял на пути усвоения или, точнее, признания подобных знаний. Также и одна из интереснейших философских систем – Калачакра, которая уходит своими корнями в Шамбалу, получившая свое распространение среди индийских буддистов в X веке, а затем и в Тибете, до сих пор остается закрытой для европейской мысли. И в то же время начавшее формироваться в XX веке новое мышление космического мироощущения находит в Калачакре не одно принципиальное наведение. Например, единство макрокосма и микрокосма, человека и Вселенной и другие немало важные идеи. Изменяя свой внутренний мир, утверждает Калачакра, человек перестраивает таким образом и мир, окружающий его. Мудрость Калачак-

---

¹ Evidence. P. 191.

² Ibid. P.194.

ры, сформированная в пространстве Шамбалы, несет знания, которые именно сейчас необходимы человечеству. Эти знания открывают новые пути для духовного освоения Космоса. Калачакра, в значительной мере, является космической философией, несущей нам знания о структуре Космоса, о его мирах различных состояний материи, об энергетических процессах, идущих в Мироздании.

Время от времени приходит информация о том, что кто-то посетил Шамбалу, и появляются публикации на эту тему. В своих экспедиционных дневниках Н.К.Рерих упомянул имя китайского доктора Ляо Сина и его первую публикацию о визите в заповедную страну. Потом доктор издал книгу «Страна богов». Русский писатель Павел Северный, долго живший в Китае, использовал ряд сведений, содержащихся в книге Ляо Сина, для своей повести «Озеро Голубой цапли», вышедшей в Шанхае в 1938 году. Не исключено, что Северный мог встречаться и с Н.К.Рерихом в Харбине во время его Маньчжурской экспедиции. К сожалению, у меня мало информации об этом писателе.

Я хочу привести здесь фрагмент из его «Озера Голубой цапли». Фрагмент называется «Легенда о таинственном Храме Жизни».

«Я, волею Будды, Ляо Син, заявляю вам со всей гордостью правоты, что такой Храм существует. Я не только знаю его местонахождение, но видел его, провел в нем четыре месяца, будучи смиренным гостем великих мудрецов. Там, где покоится Храм Жизни, там вздрагивает живое сердце Тибета. Где же бьется сердце Тибета? Там. Ответ на этот вопрос – в скрытой от мира долине, где-то, может быть, в песках Такламакана, или же там, где теряются тропы на вершинах снежных Гималайских хребтов, в одной из 17 вершин находится вход в подземелье, ведущее в долину священной страны Шамбала. Там Храм Жизни.

Его основания никто не помнит. Он дряхлее пирамид Египта, старше старейших пагод на берегах мутноводного Ганга.

Отсутствие у мира данных о месте нахождения Храма скрывается в нежелании многих поколений мудрецов разглашать о нем преждевременно. Но все тайное становится явным, ибо приближается время, и потому весть о нем, проникая через все преграды, вышла на просторы Азии и разносится устами племен, превратилась в радостную весть о приближении эпохи Шамбалы.

Прежде часто в монастырях Монголии, слыша рассказы о Храме Жизни, я иногда сомневался в их правдивости. Совершенно неожиданно, три года тому назад, во время своих научных скитаний, в глухом

горном монастыре я вылечил мучительную рану на ноге одного дряхлого пилигрима из Непала. Много совершенно чудесного рассказал он мне о своем пребывании в стране Шамбала и в благодарность за оказанную помощь, после моих настойчивых просьб, согласился взять меня с собой в свое новое путешествие в священную долину. На этот раз он уходил туда из мира навсегда. Была темная, дождливая осенняя ночь. Ураганный ветер ревел над крышами храмов. В глухую полночь, тайком от всех обитателей монастыря, мы отправились в путь. Мы шли сто девяносто три дня. Блуждали по неведомым пустыням со страшными, смертоносными для всего живого песчаными бурями. Взбирались на кручи гор, слепли на их вершинах от снегов. Брели почти наугад, влекомые только верой, что не собьемся с правильного пути. Я почти умирал, отравленный ядовитыми газами ущелий на первой границе Шамбалы. Миновав самые недоступные перевалы Гималаев, у вершины “Пяти сокровищ снегов”, дошли до второй границы Шамбалы – “Соляных пирамид Азии” и скоро достигли, наконец, желанного плоскогорья, лежащего на высоте 14 000 футов над уровнем моря.

Да, простите меня, уважаемые слушатели, если у меня не найдется слов, чтобы передать вам картины снежных метелей на нем, если не смогу описать его невидимые под снегом трещины, падение в которые несет смерть. Изнемогая от усталости, выбиваясь из последних сил, мы блуждали среди воя ураганов. В те часы, когда наша гибель казалась неминуемой, мой дряхлый путник молился, распевая только ему известные псалмы, заклиная стихии. После его молитв исчезала тревога, светлела мысль, тело наполнялось силами, и я бодро следовал по его следам. Мы шли вперед день за днем, ночь за ночью. Встречали на своем пути всадников на бешеных скакунах. И пилигрим сообщил мне, что, вооруженные луками, они охраняют священные пути к Храму Жизни. Путь по плоскогорью длился 10 дней, мы подошли к его краю и дошли, наконец, до подземного хода с обледенелыми пещерами – спуска в долину таинственной страны.

Темнотой окутала нас наступившая ночь. Устроив привал в одной из пещер, я не мог заснуть от охватившего меня волнения и наблюдал вспышки феерических огней, отражения звезд в вечных снегах. Всю ночь я слышал звоны гонгов и дивное пение птиц, доносившееся из окружавших меня, но невидимых пропастей. Порой мне казалось, что я схожу с ума. Я готов был считать эти звуки галлюцинациями слуха. Но наступил рассвет, взошедшее солнце осветило величественную, ни с чем по своей красоте не сравнимую картину. Под моими

ногами, среди гордых, неприступных, занесенных снегом круч зияли пропасти с синими волнующимися туманами, и из этих туманов доносились звоны гонгов и тихое пение птиц.

Перед спуском мой спутник долго молился, и только в полдень мы тронулись в путь. Миновав сказочные пещеры, после трех дней пути по узкой тропе на выступах пропасти, мы вошли в ущелье, скалы которого обросли красным мхом, похожим на запекшуюся кровь, с мелкими благоухающими цветами. Вдыхая их аромат, я мучительно боролся со сном. Мой спутник не позволял мне дремать даже на привалах, и только после того, как мы прошли это ущелье, он объяснил мне, что это – ущелье вечно живого сна. За ним наш путь тянулся по ущелью Единого языка для народов Азии. В него пришлось спускаться по узкой, почти отвесной каменной лестнице более чем в 3000 ступеней, и на ее тропах аромат ползучей зелени освежал наши головы. На стенах ущелья нам часто попадались высеченные на камне незнакомые для меня знаки азбуки нового единого языка для всех племен. Часто наш путь омывали родники горячей воды, заживлявшие царапины израненных ног. Но вот кончились, наконец, запутанные лабиринты бесконечных ущелий, и мы вновь вошли в темный подземный туннель, и, ведомые невидимыми проводниками, указывавшими нам путь в темноте вспышками зеленых огней, вышли совершенно изнемогшими на широкую дорогу, выложенную черным мрамором, и увидели перед собой благоухающую тропическими растениями долину царства Шамбала. Горы, уходящие вершинами в розовые туманы, окружали долину со всех сторон. Среди истинно фантастической тропической природы, на берегах озера с разноцветной водой, я увидел странные по форме строения из белого и розового мрамора. Некоторые из этих гигантских дворцов были почти круглые, что делало их похожими на шары. И только одна группа зданий, стоявшая на скале среди озера с фиолетовой водой, была из черного мрамора, и над ними возвышалась, уходя к вершинам гор, башня, похожая на американский небоскреб; эта группа зданий и заключала в себе Храм Жизни. В то время как я был там, берега озера с фиолетовой водой были сплошь покрыты цветущими садами черных роз, при виде красоты которых самый искусный садовник потерял бы рассудок от зависти. На озерах с хрустально-прозрачной водой я видел плавающие чаши рубиновых лотосов. Среди благоухающих полей жило много птиц, наполнявших долину щебетаньем и пением, не смолкающим даже по ночам. По аллеям тенистых пальмовых парков прыгали тонконогие стройные газели с удивленными голубыми глазами.

Во дворцах из розового мрамора жили мудрецы. Во дворцах из белого мрамора жили их ученики.

Из бесед с мудрецами я узнал, что в Храме Жизни изучают силу человеческой воли и возможность сконцентрировать ее воедино для управления ею мышлением народов Азии. Во дни моего пребывания там я видел мудрецов и мистиков 25 различных азиатских племен, понимавших друг друга на языке Шамбалы. От мудрецов мне пришлось услышать много высших истин и заветов их мудрости. Иногда целыми днями я просиживал на берегу озера, не отрывая глаз от скал с Храмом Жизни. Я уже знал тогда, что в нем бьется сердце грядущего Майтрейи, я знал, что в нем живут избранные мудрецы, способные видеть вечность. Только через месяц моего пребывания в долине я получил разрешение посетить некоторые святилища Храма. Светлой, еще более голубой, чем сегодня, лунной ночью, когда казалось, что золотистая пыль звезд осыпала долину, в сопровождении мистика, я босой перешел по мостам озеро и с трепетом взбирался по лестнице, заросшей орхидеями. Перед золотыми кружевными воротами в Храм, на которых знаки надписи гласили: “Ум выше природы”, я искренне упал на колени.

Мистик едва коснулся рукой серебряного гонга, и гонг тихо запел мелодию звона, под которую ворота медленно распахнулись, и моим глазам открылся первый зал Храма, слабо освещенный огоньками золотых лампад, расставленных полукругом на полу.

В зале царил тишина, рождавшая в моем теле холод страха. Следуя за мистиком, я медленно шел по нему, рассматривая на стенах вышитые шелком пророческие картины пришествия пророка Шамбалы.

Передо мной, невидимые в стене, раскрылись новые двери и пропустили в “Зал Мысли”.

Третий зал – “Чертог Учителя” был пуст и темен, его, по приказанию своего проводника, я прошел, передвигаясь на коленях.

И только в залах библиотек, хранящих в себе никому не известные древние книги, я увидел восемнадцать обитателей Храма. Я видел лица высших мудрецов Азии. Выражение их лиц бессильна представить себе самая пылкая человеческая фантазия. В одной из самых запретных зал, “Зале Сна”, где покоятся тела мертвых мудрецов, мне показали мудреца, умершего 2000 лет тому назад. Он сидел в одежде тибетца и был похож на задремавшего человека, на столе перед ним лежала рукопись, над которой он работал перед смертью. В мистической атмосфере Храма много тайного и необъяснимого витает вокруг его мумии. Мне пришлось услышать, что иногда ее веки приподнима-

ются, и из высохших глаз капают слезы. И эти слезы всегда предвещают несчастье для народов Азии. Часто мумия изменяет позы. Я слышал также, что перед революцией в Китае она совершенно исчезла из Храма и через несколько лет вновь неожиданно вернулась. В Храме я видел Чашу Будды, Чашу Жизни, исчезнувшую из Лхасы во время перенесения ее из Пешавара. Видел также изображение Пророка, даровавшего миру христианство. Образ пророка из Назарета, высеченный на камне, привез в Храм пилигрим из Индии.

В Храме Жизни понятна истина всех тайн. Там известно все, что в будущем ожидает весь мир.

Восемнадцать великих мудрецов постигли истину. Постепенно их воля, вбирая в себя волю народов Азии, соединяется воедино, чтобы править и, создав единство мышления, привести Азию к величию славы...

В святая святых Храма – “Башню Воли” меня не допустили. Мудрецы, живущие в Храме, развили в себе способность ясновидения до предельных масштабов. Все они глубокие старцы. Мне указали на одного из них, которому было свыше двухсот лет, но он выглядел более бодрым, чем я.

Теперь вы ждете от меня слово о нем, о том, который воплотит в себе Шамбалу и явится Азии и миру. Грядущего Майтрею я видел только один раз. Он проскакал по долине на коне, как огненный вихрь, сопровождаемый закованными в броню всадниками. Владыка Шамбалы Ригден Джапо.

Четыре месяца провел я в царстве Шамбалы, каждый день поражаясь виденным и слышанным, и только после торжественной клятвы получил возможность вернуться в мир для проповеди о существовании Храма.

Я вернулся и для скептиков, ослепленных мнимой ученостью, принес с собою сухие лепестки черных роз и золотые перья священных птиц. Я принес в себе для племен Азии несокрушимую веру в наступление эпохи Шамбалы.

Ляо Син смолк.

Пристальным взглядом осмотрел лица слушавших.

Встал и, пройдя к лакированному столу, достал из кармана сверток и, развернув его, осторожно высыпал на стол из шелкового платка лепестки черных роз и перья священных птиц. Поклонился, простившись со всеми, и вышел»¹.

---

¹ Архив П.Ф.Беликова.

Принимать рассказанное Ляо Сином за истину не приходится, но отнести это полностью к фантазии и подделке тоже нельзя. Отсутствие конкретных деталей в повествовании не дает возможности считать описанное свидетельским показанием. Но вместе с тем отбросить все это полностью я бы не решилась уже потому, что доктор Ляо Син сделал попытку представить себе или описать реальность, стоявшую за мифологией Шамбалы. В данном описании отсутствуют полностью или, возможно, частично мифологические и религиозные моменты, связанные с понятием Шамбалы, как таковым. Пересказанное Северским повествование доктора Ляо Сина, конечно, подверглось определенным искажениям или авторским дополнениям, не существовавшим в оригинале. Обо всем этом судить крайне трудно. Но пробивавшиеся сквозь различные наслоения отзвуки реальности заставляют обратить внимание на эту публикацию.

В 1980 году в одном из индийских журналов появилась статья, которая называлась «Рассказ ламы Таванга»¹. Речь шла о небольшом горном селении Таванг в штате Аруначала Прадеш, где находится старинный буддийский монастырь.

«Все помнят, как неожиданно началось, – пишет корреспондент журнала, – и так же неожиданно закончилось наступление китайских войск в этом районе в сентябре 1962 года. До сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа на все вопросы, связанные с этим вторжением. Почему они выбрали этот столь неудобный в стратегическом отношении район? Почему, фактически без боя захватив Таванг, китайцы не двинулись дальше? Почему так неожиданно они ушли отсюда через два месяца?

Ламы Таванга знали. И до поры до времени держали это в секрете. Только через пятнадцать лет случайно оказавшийся у стен монастыря офицер индийской пограничной службы узнал тайну Таванга. Не назвавший своего имени высокий лама в длинных красных одеждах и красной высокой шапке рассказал ему, почему китайцы так стремились попасть в Таванг. Их интересовал не город, им нужен был монастырь. «Как Вы думаете, почему китайцы захватили Тибет? – говорил Лама. – Дело в том, что по всей Азии известны рассказы о чудесной стране, скрытой глубокими пропастями и высокими горами, где живут удивительные люди, обладающие великими знаниями. Им известно многое и в том числе секрет бессмертия. Именно поэтому ки-

---

¹ Probe India. 1980. N 8.

тайцы давно охотятся за любыми сведениями об этой стране. Правители Китая хотят жить вечно, хотят, чтобы их существование и власть не имели конца. Поэтому они посылали экспедицию за экспедицией в горы и пытались с самолетов отыскать тайные проходы.

Однажды им стало известно, что один ученый человек направляется в эту страну. Китайцы устроили засаду и схватили его. Пытками и угрозами они пытались заставить его рассказать о дороге туда. Но человек молчал. Он скорее бы умер, чем сказал хотя бы одно слово. И китайцы пошли на хитрость. Они отпустили путника, надеясь, что он сам приведет их туда, куда шел. Но человек направился в Индию и пришел в Таванг, где монахи монастыря приняли его. Жестокость китайцев и тяготы дороги надломали здоровье ученого, и он серьезно заболел, над ним нависла угроза смерти. Следившие за каждым его шагом китайцы узнали об этом и решили захватить монастырь, чтобы успеть хоть что-то выведать у умирающего. Но ламы монастыря знали о готовившемся наступлении еще накануне и ночью отправили тяжело больного ученого выше в горы верхом на лошади в сопровождении одного ламы. Но случилось несчастье: на леднике лошадь ученого споткнулась и вместе с седоком сорвалась в пропасть. Когда лама спустился и подбежал к старику, он был уже мертв.

А утром китайские солдаты ворвались в монастырь. Чтобы отвлечь индийские силы, они наступали широким фронтом, и к концу дня весь район был в их руках. Прошарив и перевернув каждый клочок земли в монастыре и округе, они пригрозили взорвать все, если не найдут путника. Ламы Таванга решили показать им то место, где погиб ученый. Китайцы забрали его тело, все его вещи и увезли с собой, а через два месяца так же рано утром все китайские солдаты ушли из этого района. Китайцы не знали одного, – продолжал высокий лама. – Перед тем как покинуть ночью монастырь, ученый человек попросил бумагу и нарисовал дорогу, по которой собирался идти. Он позвал главу общины, показал ему рисунок и попросил все запомнить. Потом сжег бумагу. Сейчас прежний настоятель умер, и никто не знает, кому он передал секрет ученого человека». Дорога в Шамбалу так и осталась тайной.

Духовно-культурное влияние Шамбалы очень широкое. Можно утверждать, что европейская утопическая литература возникла под влиянием этой легенды. Такие произведения, как «Город Солнца» Кампанеллы или «Утопия» Томаса Мора, имеют свои восточные истоки. Не ошибусь, если скажу, что без восточной легенды о Шамбале

не могла возникнуть утопия – о стране справедливости, благоденствия и знания в мировой литературе. Каждое явление на Земле имеет свои культурно-исторические корни. Мечта о стране справедливости и благоденствия, которая до сих пор не покидает человечество, вне всякого сомнения, связана именно с мифологией Шамбалы.

Знания, шедшие в течение многих веков из Заповедной страны, были связаны с теми Учителями и мудрецами, которые находились в ее пространстве. XIX и XX века принесли нам новые, реальные знания о Шамбале, ее Учителях и сути их философских взглядов. Эволюционный процесс, изменивший явление «для избранных» на «для всех», дает о себе знать. Реальность, стоящая за мифом, проявилась и зазвучала уникальными текстами учения, несущими человечеству целую систему космического мироощущения. Эту систему можно признавать или не признавать, согласно собственному уровню сознания, но не замечать ее нельзя.

«Сад Мой полон, кроме низеньких цветов, – пишет Один из Учителей, – и растениями длинными и тянущимися. Когда о погоде сомнения, многие растения вносятся внутрь. И на карнизах лестницы стоят цветы, и садовник-старик уносит законченные растения. Поистине, Урусвати улавливает многие детали. Красноовато-желтая Башня соединена переходами с остальным строением. Издали строения можно принять за высеченные временем скалы, слегка покатые. Окна внешних стен можно принять за гнезда птиц. Пустыня не тронута кругом. Часто путник проезжает, не подозревая, но удивляясь поведению своего коня или верблюда. Животные поворачивают головы к безжизненным камням и даже пытаются повернуть туда, где как бы груды камней нагромождены. Некоторые даже видели надписи на стенах, но, конечно, приняли их за червоточины. Конечно, неожиданный путник будет всегда отведен в сторону. Каждый что-то чувствует. Но житель пустыни привычен к голосам и огням пустыни»¹.

И еще: «...Камень покоится на подушке, которая лежит на основании из мрамора и отделена кругом металла лития. Там, после ритма, молча напитываем пространство. Глубоко лежит это Хранилище, и многие не подозревают, как во время их сна Белое Братство ходит по галереям на ночное бдение»².

Процитированные фрагменты можно считать реальными свидетельствами. У Н.К.Рериха есть картина, на которой точно и вырази-

---

¹ Рерих Елена. У порога Нового Мира. М., 2000. С. 128.

² Там же. С. 123.

тельно изображено это «ночное бдение». Пещера, спрятанная глубоко под землей, огромные кристаллы горного хрусталя, таинственный золотистый свет, заливающий фигуры в длинных светлых одеждах, Чаша с пламенем в руках Главного и нечетко обозначенный предмет на «основании из мрамора». Картина называется «Сокровище гор». «Мировой Глаз Шамбалы несет человечеству Благо. Мировой Глаз Шамбалы, как Свет на пути человечества. Мировой Глаз Шамбалы та Звезда, которая направляла всех ищущих.

Для одних Шамбала есть Истина, для других Шамбала есть утопия. Для одних Шамбалы Владыка есть Старец, для других Шамбалы Владыка есть явление Довольства. Для одних Шамбалы Владыка есть украшенный Идол, для других Шамбалы Владыка есть Руководитель всех планетных духов. Но Мы скажем – Шамбалы Владыка – Огненный Двигатель Жизни и Огня Матери Мира. Дыхание Его горит пламенем и Сердце Его пылает огнем “Лотоса Серебряного”. Шамбалы Владыка живет и дышит в Сердце Солнца. Шамбалы Владыка – Зовущий и Позванный. Шамбалы Владыка – Стрелу Несущий и все стрелы Принимающий! Шамбалы Владыка дышит Истиной и утверждает Истину. Шамбалы Владыка Нерушим и рушимость претворяет в созидание! Шамбалы Владыка – Навершие Знамени и Вершина Жизни! Примите Шамбалы Владыку, как Знамение Жизни. Трижды скажу – Жизни, ибо Шамбала есть Залог устремлений человечества. Наше Явление – человечества залог совершенствования. Наше Явление – утвержденный путь к Беспредельности!»¹ Этот небольшой по объему фрагмент содержит в себе всю глубину сути и многосторонность самого явления. По своей форме он напоминает нечто среднее между молитвой и поэтическим текстом, с вкраплениями очень четких современных формулировок. И несмотря на такой стиль, который удивит многих, текст вполне научный, если его воспринимать серьезно. Разнообразие стиля текста объясняется тем, что он рассчитан на разные уровни сознания, на разные способы мышления и, наконец, на разные восприятия самого явления. Сама энергетика текста играет значительную роль, облегчая усвоение текста не только через пространство интеллекта, но, что важно, через сердце или, точнее, через сердечный энергетический центр, являющийся помещением самого сознания. Общий же смысл фрагмента заключается в важнейшем значении явления Шамбалы в космической эволюции человечества. Данное явление – «Свет на пути человечества», Звезда,

---

¹ Иерархия, 5.

направляющая «всех ищущих», «Залог устремлений человечества», Несущее «человечеству Благо», «Залог совершенствования» человечества. Казалось бы, что все эти определения носят как бы общий характер и за ними ничего особенного не стоит. Такое восприятие текста было бы крайне неверным, ибо за каждой фразой стоит глубокий смысл, связанный с особенностями той же космической эволюции человечества.

«Если бы люди знали, что сущность Шамбалы, – сказано в этом же тексте, – есть тот Источник, который творит лучшую ступень человечеству! <...> Космос ждет!

Люди просят Блага. Космос утверждает человечество, как явление принимающего, но принимающего творца. Так слагается ступень, и дух создателя может мощно творить, когда сила напряжения достигает Вершин Космоса»¹.

И еще: «Шамбала – необходимое место, где духовный мир сочетается с материальным. Как в магните бывает точка наибольшего притяжения, так Врата духовного мира открыты в Обитель гор. Явленная высота Гауризанкара помогает магнитному току.

Лестница Иакова – символ Нашей Обители»².

Из двух последних фрагментов мы узнаем о Тех, Кто направляет человечество к Вершинам Космоса и связывает его с творчеством этого Космоса, и что Шамбала есть Обитель Космических Иерархов, где «духовный мир сочетается с материальным». На смену мифологии Шамбалы идут современные представления нового космического мироощущения, которые были изложены Учителями в философской системе Живой Этики. Шамбала является мостом между плотным миром Земли и тонкими мирами иного состояния материи, между земным человечеством и космическими Иерархами, ведущими это человечество к высотам космической эволюции. Иная, более высокая ступень такой эволюции приходит в наш плотный мир с осознанием реальной сути Шамбалы и тех космических Иерархов-Учителей, которые существуют и работают в ее пространстве. Когда человечество получает из этого пространства новые знания, а XIX–XX века были именно таким периодом, то их принятие или усвоение зависит от уровня сознания этого человечества.

В заключение этой главы хотелось бы привести несколько фрагментов из текстов Живой Этики, то есть из первоисточника о Шамбале, или Обители Знания.

---

¹ Иерархия, 17.

² Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 2, I, 5.

«Урусвати¹ знает Башню Чунг. Урусвати знает, насколько внешне Башня походит на естественный утес. Нетрудно прекратить доступ к Башне. Небольшой обвал может прикрыть строение внизу. Малая запруда может обратить поток в озеро. Так можно немедленно преобразить всю местность, когда настанет к тому время. Люди могут улыбаться, предполагая, что посланные экспедиции рано или поздно проникнут во все ущелья. Но не забудем, что до преобразования местности сила мысли отведет любой караван. Также и химические воздействия не допустят любопытных – так охраняем БРАТСТВО.

Самые усовершенствованные аэропланы не могут определить Наше место. Отшельники, живущие по окрестным пещерам, составляют неусыпную стражу. Путники могут рассказать, как иногда встреченный садху настоятельно советовал им определенную дорогу и предупреждал об опасности другого направления <...>

Урусвати запомнила очертания подходов к Нам, запомнила и Свет из Башни. Увидела сотрудинок, собиравших полезные растения. Много подробностей запомнила сестра Наша. Такие вехи незабываемы. Они придадут мужество на всех путях. Наши глубокие хранилища также видела сестра Наша. Нужно видеть собранные материалы знания, чтобы постичь, как складывается работа Обитатели. Нужно слышать пение, чтобы понять жизнь Нашего Ашрама»².

И еще – описание Музея, который находится в Братстве.

«Нарастание галерей Музея основано на принципе практичности сохранения. Заложено Музей в очень древнюю Эпоху. Подземелье Храма углублено в гранитном массиве. Имя Первого Строителя известно <...> Он заложил основание наподобие Египетских Пирамид. Русло древнего потока среди базальтовых наслоений дало возможность опустить значительно низ галерей. Там сосредоточены первые формы, перенесенные с Гималаев. Формы первых творений, которые хранились в пещерах. Сейчас нас должно интересовать, касающееся до народов Шамо и Гоби. Пояс материка соединял покрытую водою Атлантиду с цветущей плоскогорною страной “Готл” <...> Луч мог проникать до основания Храма через отверстие в полуконической кровле. Круг был положен в основание построек. Храм Солнца, Храм Луны, Храм Змия <...> Конечно, размеры Храмов были велики. Древний Вавилон мог дать понятие о размерах. Можно представить себе, как разнообразны были металлы! Начертания производились на металле, имея вид клинописи»¹.

---

¹ Урусвати – так звали Елену Ивановну Рерих Учителя.

² Надземное, 1.

И далее: «Урусвати видела многие Наши аппараты. По виду они мало отличаются от существующих подобных, но употребление их отличается, к ним добавляется психическая энергия. Уже давно известно, что некоторые аппараты могли действовать лишь присутствием определенного человека. Теперь много таких людей, которые могут заменить собою целые сложные аппараты. Таким образом человечество привыкает к силам, заключенным в нем самом. Но у нас уже давно принят принцип, что каждый аппарат может быть усилен, именно, человеком»².

И еще: «Урусвати видела часть наших хранилищ. По эпохам собраны памятники искусства. Но эти собрания не есть Музей в обычном понимании. Эти предметы служат, как резервуар накопления ауры. Излучения творческие прежнего владельца остаются гораздо дольше на предметах, нежели полагают. Если удастся собрать ряд предметов, собранных в одно время и в одном устремлении, то, действительно, можно получить излучение эпохи. Таким образом, можно изучать подлинный смысл определенных времен. Для психической науки такая возможность чрезвычайно важна. Кроме того, среди Братьев находят-ся и бывшие владельцы некоторых предметов. Иногда предмет посы-лается в мир для исполнения определенного поручения. Кроме того, предмет, в качестве магнита, зарывается в определенном месте»³.

«Урусвати видела нас и в плотном теле, и в тонком. Лишь испытывавшие такие ощущения могут судить о напряжении, с ними сопря-женном. Нередко мы даем увидеть только Лик или Руки, чтобы не причинить сотрясения. Так можно напомнить Руку писавшую, но и такое проявление уже было чувствительно. Вибрации не могут быть скрыты. И тем более следует применять наивысшую бережность»⁴.

И еще: «Урусвати была в нашей Лаборатории. Урусвати видела одну из формул атомической энергии. Внешняя память не могла со-хранить ее, но внутреннее хранилище приняло ее. “Атомистические атомы!” – воскликнул наш брат при делении атома. Как колосья зреют до срока жатвы, так и достижения должны храниться до часа выдачи. Одинаково трудно и найти, но и сохранить до срока. Безумно хотелось бы разбросать сведения, как град на поля. Безумию нет дела, какие чудовища могут вырасти из необузданных страстей. Понять срок, будет уже ступенью Братства <...>

---

¹ Рерих Елена. У порога Нового Мира. С. 126–127.

² Надземное, 2.

³ Там же, 3.

⁴ Там же, 5.

Много формул заготовлено. Лучи Башни Чунг сияют, когда сознание ученых совпадает со сроками. Но в простоте люди не понимают гармонии сроков <...>

Точные знания Нашей Лаборатории не будут приняты, ибо формулы будут найдены в необычных обозначениях. Но почему должны исказить древние наименования, хотя и забытые теперь? Если остались некоторые формулы Атлантиды, то их невозможно ограничить современными научными понятиями. Наука обобщающая и наука расчленяющая разошлись»¹.

И последнее: «Урусвати не забыла, что в наших хранилищах имеются модели городов и других исторических мест. Явно такие модели должны иметь и внутреннее значение. Они служат как бы терафимами для установления связи древних мест с новыми заданиями»².

«Нужно понять, что наша работа посвящена знанию. Мы помогаем каждому полезному труженику. Мы не стеснены условными различиями рас и классов. Мы усиленно следим, где блеснет луч самоотверженного подвига.

Наш Храм есть Храм Знания. Мы собираем к нему все самое высшее и сберегаем в нем утверждения будущего»³.

Из этих фрагментов можно сделать важные выводы: 1. Шамбала, как пространство, находится на нашей Планете, о чем свидетельствуют реально существующие в наше время Учителя. 2. Шамбала продолжает оставаться одним из важнейших источников знаний, и XX век явился свидетелем передачи таких знаний человечеству через Елену Ивановну и Николая Константиновича Рерихов. 3. Встречающиеся в этих фрагментах фразы «Урусвати видела», «Урусвати знает», «Урусвати была» – свидетельствуют лишь об одном: Елена Ивановна в XX веке посетила эту Обитель Знания. По некоторой информации, она прошла туда из Сиккима, одна. Ее вели сменяющиеся, незнакомые ей проводники. Необходимость выдачи Учителями определенной суммы знаний, связанных с космической эволюцией человечества, была продиктована сроком наступления Новой Эпохи и нового космического мышления на планете Земля.

---

¹ Надземное, 9.

² Там же, 17.

³ Там же, 18.

4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОЗНАНИЯ

Знание превыше всего. Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света.

Аум, 440

Как пчелы собирают мед, так собирайте знание. Спросят – что нового в таком совете? Новое то, что следует собирать знание отовсюду. До сих пор знание разграничивалось, и целые области его оказывались под запретом, под сомнением и в небрежении. Люди не имели мужества превозмочь предрассудки. Они забывали, что ученый должен быть, прежде всего, открытым ко всему существу. Для ученых нет запретных областей. Он не умалит явление Природы, ибо понимает, что причина и следствие каждого явления имеют глубокое значение.

Братство, 599

При этом они ставили перед собой, собственно, ту же цель, какую стремились достичь в последующие тысячелетия наука и техника, то есть покорение природы, умение управлять ее законами, но шли они к этому совершенно иными путями. Они не отделяли себя от природы и не пытались насильственно вторгаться в ее тайны. Они никогда не противопоставляли себя природе и не были ей враждебны, а всегда оставались частью ее, всегда любили ее благоговейной любовью.

Г.Гессе

К XVIII веку нашей эры сложилось два направления в пространстве человеческого познания – научное и вненаучное, или метанаучное.

Основой научного познания являлся экспериментальный, или эмпирический, метод исследования, в котором важнейшую роль играло материалистическое направление, традиция которого установилась в конце позднего Средневековья – начале Нового времени. Второй способ познания, вненаучный, сформировался в духовном пространстве, где основное значение имел сам человек и его духовно-энергетические особенности. Методы познания в этом направлении формировались в течение многих веков, накопления знаний были богаче, нежели в науке. Если вненаучный способ познания уходил за рамки земного

пространства и носил с самого начала космический характер, то научный способ познания оставался в плотноматериальном пространстве, и наука не признавала в качестве способа познания ничего кроме эксперимента, ничего помимо того, что можно было увидеть, ощутить, обчитать, обмерить и взвесить.

В самом же человеке, по утверждению науки, ничего, кроме плотной материи, не существовало, и на всякие тонкие его проявления наука долгое время просто не обращала внимания.

Оба эти направления, как уже было отмечено, имели общий мифологический источник.

Решить загадку происхождения и сути мифа можно, лишь принимая во внимание взаимодействие духа и материи, ту их двойственность, которая свойственна и самому человеку.

«Человек был и на протяжении всей истории остается двойственным существом, сопричастным двум мирам – высшему Божьему миру, который он в себе отображает, миру свободному, и миру природно-естественному, в который человек погружен, судьбы которого он разделяет и который многими путями действует на человека и связывает его по рукам и ногам настолько, что сознание его затемняется, забывается высшее происхождение его, сопричастность его высшей духовной действительности»¹.

Эта двойственность, которая была заложена изначально в мифологии, и дала со временем два разных направления в способе познания. Метанаучное познание формировалось и развивалось в духовном пространстве, связанном с мифологией, а впоследствии и с религиозным мышлением, а также с инобытием, которое имело формообразующий характер и для мифологии, и для религиозного мышления и определило особенности метанаучного познания.

«В самой глубочайшей глубине времени, – отмечает Н.А.Бердяев, – в той глубине, в которой свершается первичная судьба человека, первичное его нисхождение к грани, резко отделяющей время нашей действительности от вечности, в этой глубине первоначальной стадии нашего исторического времени воспринимаются моменты, еще причастные к вечности, и лишь в дальнейшем, уже в другом времени, происходит затверждение, замыкание нашего мирового эона, который начинает противопоставляться вечности. То, что мы называем небесной вечностью, удаляется в трансцендентную даль, которая из этого мира

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 63.

оказывается изъятой»¹. И можно согласиться с Бердяевым, что «небесная вечность» уходит в «трансцендентную даль» и изымается из нашего затвердевшего, или уплотненного, мира. Но вместе с тем остается в его духовном пространстве в виде изначальных иномирных знаний, со временем складываясь в систему познания. «Затверждение» дало возможность отойти от мифа, обесценить его различными уловками и сформировать иную систему познания и иную методологию, называемую эмпирической.

Такие явления, как энергетика человека, его дух, его внутренний мир и, наконец, его связи с материей иного, более тонкого состояния, остались за пределами эмпирических исследований. Главная концепция, имевшая отношение к человеку, как таковому, и рассматривавшая его в рамках двойственности «дух–материя» или «небесное и земное», также не бралась в расчет эмпирической наукой.

Оба направления познания, возникшие из единого мифологического источника, со временем все более и более расходились в своих концепциях и особенно в методологии познания. К XVIII–XX веку они настолько обособились друг от друга, что это стало сказываться на дальнейшем развитии и расширении познания, как такового.

Одной из форм познания в мифологическое время были мистериальные действия, составлявшие основу культуры многих древних народов. Способы познания, использовавшиеся в древних мистериях, давали возможность расшифровать сложнейшие символы-образы, которые мы находим в мифах. Мистериальный путь познания позднее получил название мистического от слова «мист» – «видящий сквозь туман». Со временем определение «мистический», «мистика» получило совсем иное толкование, нежели то, которое оно имело с самого начала.

Нам известны три способа мышления: мифологическое, религиозное, научное. Изменение вида мышления самым решительным образом воздействовало на коренное преобразование сознания человечества и носило, вне всякого сомнения, эволюционный характер. Каждый такой переход имел свои культурно-исторические особенности и нередко был далеко не мирный. Это, прежде всего, относится к переходу от религиозного мышления к научному.

В пространстве религиозного мышления столкнулись два основных способа познания – духовный, уходящий корнями в мифологичес-

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 64.

кое сознание, и вновь формировавшееся научное познание, со всеми его особенностями. Церковная инквизиция раскрыла над тем и другим свои черные крылья. В первом она видела конкурента, подрывавшего монополию церкви на связь с Высшим, во втором – врага, который подрывал основы религиозного сознания. И то и другое направление преследовались церковной инквизицией.

Вот слова великого философа Бёме о духовной системе познания: «Мое знание, – писал он, – в рождении звезд – там, где рождается жизнь и где она пробивается сквозь смерть»¹. Комментируя эти слова, К.А.Кедров, один из известных российских ученых, пишет: «Его (Бёме. – Л.Ш.) труды – не наука и не богословие. Это свидетельство. Человек увидел, как все устроено, и спешит рассказать об этом сначала себе, а потом другим <...> Он учил видеть в теле космос, а в космосе тело. Для Бёме Вселенная – это человек»².

Свидетельство, упомянутое Кедровым, и было для этой области знания способом познания. Свидетельство было информацией, шедшей через духовный мир человека из инобытия, или, другими словами, из пространства материи иных состояний и измерений. В подобного рода познании участвовал не эксперимент, а свидетельство. Информация из Высшего источника опережала сведения, полученные в результате эксперимента, и во многих случаях несла профетический характер. В изначальной философии метод свидетельства имел концептуальное значение и нес в себе формообразующее начало. Такие явления, как сны, видения, информационные образы, идущие из Космоса, – все они относились к свидетельствам, ибо, несмотря на субъективный канал взаимодействия, носили вполне объективный и даже практический характер. Подобные знания отрицались не только наукой, но и церковью, несмотря на то, что последней были хорошо известны видения и пророчества святых. Ни одно из названий, присущих таким знаниям, не давало ясного представления о самих знаниях и путях их получения, а скорее способствовало различного рода непониманию и легендам. Если отбросить эти архаические термины и взять понятие «наука» в качестве основного вида познания, то такую систему познания можно было бы назвать сверхнаукой, или метанаукой. К той же системе познания относится и искусство. Истинное искусство даже более чем другие области познания, связано с инобытием, откуда, собственно, и идут к человеку творческие импульсы красоты и образов

---

¹ Кедров К.А. Параллельные миры. М., 2001. С. 156.

² Там же.

гносеологической информации. Изначальный космизм пронизывал эти мета- или сверхнаучные знания, которые переплетались довольно тесно с мифологическим и религиозным сознанием. Пришедшие с Востока, эти знания захватили христианский Запад и утвердились там довольно основательно. «При всей своей неоднозначности, – пишет автор введения к «Знанию за пределами науки» В.М.Розин, – эзотеризм в истории европейской цивилизации чаще всего выступал как явление плодотворное в культурном отношении <...> Сама европейская культурная традиция – античная философия и наука – сложилась в лоне эзотеризма»¹. Соглашаясь с мыслью автора, необходимо сделать к вышесказанному кое-какие комментарии. До сих пор в российской философии слова «эзотеризм», «эзотерика» используются довольно свободно. Само же это определение, пройдя в своем развитии долгий исторический путь, утеряло давно свой первоначальный смысл. Эзотерика, ярлык которой налепили на самые разные системы вненаучного познания, означает «закрытое знание». Многие же из того, что мы по инерции продолжаем считать эзотерическим, давно таковым не является. Именно в метанауке начала формироваться концепция неразрывной связи земного бытия с процессами, идущими в Космосе. Еще в I тысячелетии до н.э. возникло понимание того, что без учета космических процессов невозможно познать феноменальный мир плотной земной материи. Энергетика Космоса и энергетика Земли составили те два крыла в системе познания, без которых нельзя было двигаться к реальной сущности явлений.

Великий Платон писал в своем труде «Законы»: «Истинная наука, исследуя законы движения светил, приводит людей не к безбожию, а наоборот, к познанию божественного»². Прочитированный фрагмент является ярким примером связи Космоса с этическим мышлением человека. В так называемом Герметическом корпусе в начале нашей эры были сформулированы основополагающие космические законы, такие, как соответствие микро- и макрокосма, а также дуализм и единство активного и пассивного начал³. Космическая наполненность метанаучной системы познания со временем не исчезла, а, более того, укрепилась уже в период эпохи религиозного мышления. В позднее Средневековье и в начале эпохи Возрождения мы находим выдающихся мыслителей, представляющих это космическое направление.

---

¹ Знание за пределами науки. М., 1996. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

Итальянец Пико делла Мирандола, развивая свою концепцию о человеке как «естественном маге», писал, что этот «естественный маг» «не столько творит чудеса, сколько скромно прислуживает творящей чудеса природе... Глубоко изучив гармонию Вселенной и уяснив взаимное сродство природы вещей, воздействуя на каждую вещь особыми для нее стимулами, он вызывает на свет чудеса, скрытые в укромных уголках мира, в недрах природы, в запасниках и тайниках Бога, как если бы сама природа творила эти чудеса»¹.

Созвучно Пико делла Мирандоле мыслил и гениальный ученый Джордано Бруно. Он выдвинул идею обновления себя, неба и земли. Расположив в таком порядке объекты обновления, Джордано Бруно подтвердил движение космической эволюции от человека к небу, а затем к земле. Человек здесь играет, как и у Пико делла Мирандолы, главную роль субъекта Космоса, способного обновить даже небо, после чего только может обновиться Земля. Иными словами, человек в Мироздании выступал в качестве моста между Небом и Землей. Его сожгли на костре инквизиции не только за утверждение существования «множественности обитаемых миров», но и за то, что он возвел человека на столь высокое место в Мироздании. «Если <...> мы, – писал Джордано Бруно, – обновим наше небо, то обновятся созвездия и влияния, обновятся внушения, обновятся судьбы, ибо от сего горнего мира зависит все»².

Признание космического, «небесного» начала причинным в явлениях земной материи было одним из самых важных постулатов учения Джордано Бруно.

Выдающийся немецкий философ, для которого свидетельство являлось главным способом получения знаний, Яков Бёме (1575–1624), был одним из мыслителей космического направления. Его работа «Аврора, или Утренняя заря в восхождении», давшая пример смелой диалектики (мир как движение и соединение противоречий), усовершенствовала наше понимание реального Космоса и была впоследствии использована представителями немецкой классической философии Гегелем и Фейербахом. Ф.Энгельс назвал Бёме «предвестником грядущих философов»³. Несмотря на это, произведения Бёме в советское время были запрещены, а церковь еще при жизни философа прокляла его «Утреннюю зарю».

---

¹ Знание за пределами науки. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18. С. 574.

Свидетельства Бёме об устройстве Вселенной намного обогнали не только тогдашнюю науку, но и современную нам. Из того, что он увидел духовным взором, следовало, что человек идентичен Космосу, а человеческое сердце – центр мира. В то время ни наука, ни теология ничего подобного не утверждали. И можно удивиться проницательности Ф.Энгельса, который, нисколько не сомневаясь, включил знания Бёме в будущую философию, изменения которой, по всей видимости, интуитивно предчувствовал сам. Бёме дал уникальные свидетельства о важнейшем месте человека во Вселенной. Уровень Бёме, как свидетеля, был много выше его современников, которые и не подозревали о существовании подобных взглядов. Но Космос сложен, и в нем существуют свидетели и свидетельства самых разных уровней, несущие время от времени необходимые нам знания. Эпоха религиозного мышления добавила нам еще один способ получения знаний, которое называлось откровением.

В.И. Даль так определяет смысл самого откровения: «Откровение <...> открытие, открыв, бол. в переносн. зн.; просветление свыше, открытие истин, до коих человек умом своим не доходит; зачатки понятий и убеждений духовных или нравственных. *Вера в Бога и в будущую жизнь дана нам откровением; самая совесть человека есть откровение. Откровение пророков, вдохновение, наитие, вразумление свыше. Откровение свят. Иоанна Богослова, Апокалипсис. Иные верят в откровение чрез сны и чрез видения. Некоторая степень откровения открывается в снобдении*»¹.

Откровение имеет ряд особенностей, которые отличают его от духовных способов получения сокровенных знаний. Откровение, как правило, идет из высокого космического источника и должно быть принято человеком без всяких сомнений и колебаний. Принявший откровение, а это всегда происходит индивидуально, становится посредником между Высшим и людьми. Насколько полно дошло то или иное откровение до человека зависит от степени ответственности и сознания этого посредника.

«Откровение, – писал Н.А. Бердяев, – есть откровение человеку и должно быть приемлемо для человеческого сознания. Чудо откровения, необъяснимое исторической причинностью, есть внутреннее духовное чудо. Откровение происходит в человеческой среде и через человека, т.е. зависит от состояния человека»².

---

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1881. Т. 2. С. 732.

² Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб., 1996. С. 46.

У откровения один единственный источник – инобытие, или материя иного состояния и иного измерения.

«Откровение божественного, – утверждает Н.А.Бердяев, – всегда носит характер прорыва иного мира в этот мир, в нем есть что-то катастрофическое, переворачивающее»¹. И далее: «Откровение открывается внутреннему, духовному человеку, трансцендентальному человеку. Откровение есть как бы пробуждение внутреннего человека, существование которого предшествует возникновению объектного мира»².

Путь Откровения из Высшего мира на Землю достаточно труден и сложен. Принимающий должен быть подготовлен к этому всем комплексом духовно-культурных и социально-исторических обстоятельств, дающим ему возможность не только принять откровение, но и осознать его суть и цели.

«Откровение, – отмечает Н.А.Бердяев, – идет не только сверху, оно подготавливается и снизу. Подготовление откровения снизу, от человека, от его творческой активности, означает все же всегда пронизывание человека божественным лучом, изменяющим человеческое сознание»³. Энергетический процесс откровения представляет собой двухстороннее движение материи различных состояний – сверху более тонкое, снизу более плотное. То и другое, соединяясь, высекают необходимую творческую искру. Именно в такой энергетической точке возникает истинное и реальное сотрудничество человека с Высшими космическими силами, которое и обуславливает продвижение этого человека по лестнице космической эволюции. Откровение заключает в себе не только высокий энергетический импульс, посылаемый адресно, как теперь говорят, конкретному человеку, но и знания, которые необходимы человечеству для дальнейшего восхождения.

«Всегда были люди Духа, всегда были подготовители эпохи Духа, всегда были люди пророческого Духа. Всегда были в истории христианства люди, у которых был неохлажденный огонь. Всегда были мудрецы, которые излучали свет, они были в мире дохристианском. Всегда существовали мистики универсального значения»⁴.

Только такого рода люди могли быть посредниками между Высшим источником и земным человечеством, которое, однако, в силу своего уровня сознания и эмпирического подхода к особому знанию,

---

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. С. 53.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 147–148.

заклученному в Откровении, часто искажает последнее, налагая на него, по выражению Н.А.Бердяева, «свою антропоморфную и социоморфную печать»¹.

В течение истории человечества из Высшего источника на землю шли самые разные откровения, начиная от великих откровений, связанных с основными духовными учениями, и кончая малыми, если можно так сказать, откровениями, касающимися частных вопросов различных областей знания и творчества. С откровением связан энергетический процесс, который мы называем озарением. Откровение начинается с озарения того, кому это откровение предназначено. Само это слово несет в себе его расшифровку. Озарение связано со светом, причем не земным, а инобытийным. Оно бывает кратким по земному времени, но может мгновенно изменить внутреннюю духовную структуру человека и, следовательно, его сознание. В этом случае мы имеем дело с тем «божественным лучом», о котором писал Н.А.Бердяев.

Новый вид мышления, которое мы называем научным, господствующее в настоящее время, стало формироваться в недрах религиозного мышления и имело свои особенности. Борьба нового мышления или, точнее, его носителей против «старого» способа познания была бескомпромиссной и длительной и свидетельствовала о том, что именно способ познания был главной, несущей опорой в человеческой мысли. Но старый вид мышления не сразу потерпел поражение под напором нового. Религиозное сознание еще долго сохраняло свои позиции, не уступая новым научным идеям и подходам. Экстраполирование некоторых религиозных процессов на научное мышление свойственно и нашему времени. Один из известных физиков, М.Фейгенбаум, который занимается частицами и проблемой хаоса, высказался по этому поводу таким образом: «Многим моим коллегам нравится идея окончательных теорий, потому что они (коллеги. – Л.Ш.) религиозны. И они используют это как замену Богу, в которого они не верят»². В этом коротком фрагменте схвачено одно из важнейших противоречий в пространстве науки как таковой. Религиозные коллеги, не верящие в Бога, – на первый взгляд может даже показаться абсурдом. Однако, если вдуматься в эту мысль, перед нами предстает вся глубина человеческой психологии в ее культурно-историческом выражении, в ее консервативных особенностях. Более того, зарождающаяся наука еще в начале прошлого тысячелетия составляла единое целое

---

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. С. 16.

² Хорган Д. Конец науки. СПб., 2001. С. 360.

с существовавшими тогда мифологическим и религиозным способом познания. Тогда не было разделения между наукой и не-наукой, что приносило свои плодотворные результаты. Отделение научного познания от предыдущих систем произошло в результате позиции христианской церкви, с помощью инквизиции пытавшейся подавить развитие науки и нового научного познания. Молодая, еще не ставшая как следует на ноги наука задыхалась в дыму инквизиционных костров и в сырых темных застенках церковных тюрем. Растущая наука требовала свободы мысли как главного условия ее существования. Церковь с ее догмами и отжившими традициями противостояла этой свободе. Исторически сложилось так, что наука стала отъединяться от религии, от ее духовного опыта, замыкалась в себе, отъединялась даже от знаний, которые предшествовали эпохе религиозного мышления.

XVII–XVIII века оказались переломными для развивающейся науки. Росла ее конфронтация с церковью. Перед Французской революцией произошли значительные изменения в европейской мысли, доминирующую роль в ней играли взгляды французских энциклопедистов, под влиянием которых и стала формироваться эмпирическая наука, грубоматериальная, отвергавшая существование Духа, Бога и отрицавшая религиозное познание, как таковое. Таким образом, можно сказать, что сама церковь «обезбожила» новую науку, отрезала ее пути к религиозному познавательному опыту, отняла у нее духовный космос, концепцию инобытия и веру в более высокие состояния материи. Эта ситуация, сложившаяся в науке, самым губительным образом повлияла на будущее развитие ее теории познания и стала причиной тех кризисных явлений, которые дали о себе знать на рубеже XX и XXI веков. Вместе с религиозным сознанием из науки уходила и та естественная религиозность человека, которая помогала ему видеть мир не как какую-то плоскую и ограниченную структуру, а как многообразное и сложное творение каких-то сил. Подобная естественная религиозность носит общий характер и не зависит ни от каких-либо конкретных учений, религий, конфессий. Это качество, присущее человеку, характеризует состояние его души и интеллекта. Дух человека заявляет о себе самоорганизующейся системой культуры, в понятие которой входит и религиозность. Последняя есть энергетическая основа, на которой развивается и совершенствуется этот дух.

Естественная религиозность, неотъемлемая часть человеческой энергетики, несет в себе информацию о связи с Высшим как вечной, непреходящей ценности. Изначальная, или естественная, религиоз-

ность в течение жизни человека и в ходе истории человечества обнаруживает себя в разных формах и в разных системах мысли. Когда такое проявление человека по каким-либо причинам начинает подавляться извне или подвергаться насилию, то оно, будучи категорией духа, не может окончательно исчезнуть, а лишь искажается, превращаясь в комплекс различных суеверий. На универсальной основе естественной религиозности формируются религиозные учения как мировоззренческие системы. Сама же эта естественная религиозность служит как бы грунтом, по которому пишется история мысли человечества. Все три вида мышления – мифологический, религиозный, научный – имели тот же самый «грунт», несмотря на различие в формах и красках картин, созданных на нем. В конечном счете, «грунт» и был тем энергетическим полем, в котором развивалось человеческое сознание. Энергетический процесс перехода к другому виду мышления шел и «поверх», и «внизу». Поток «поверх» предоставлял уровень духовной культуры, подчинялся законам эволюции, в основе которых лежала энергетика Космоса, «нижний» формировался волей человека и теми структурами, которые он сам себе создавал. Альтернатива находилась внизу, верхний поток был безальтернативен. Он плавно перетекал в новое, внедряя в него все ценное и нужное, что было необходимо для развития этого нового. «Внизу» же рушили и старое и новое. Предыдущее мышление старалось убить последующее. Новое сознание, окрепнув, набрасывалось на то, что оставалось от старого. Участники боев, длившихся иногда веками, меньше всего заботились о ценностях, в которых нуждалось будущее. В острые переходные моменты, как говорят, «с водой выплескивали ребенка». В случае с научным мышлением этим «ребенком» оказался религиозный опыт, тесно связанный с космическими процессами, с одной стороны, а с другой стороны, тот «грунт» естественной религиозности, по которому писалась или должна была писаться картина науки, как таковой. И хотя сам «грунт» был объективной данностью, тем не менее его пытались или соскоблить, как нечто ненужное для будущей картины, или, когда это не удавалось, не обращать на него внимания и не брать в расчет при научных исследованиях. Поэтому в картине под названием материалистическая эмпирическая наука всегда чего-то не хватало. Носители добровольно ограничили ее пространством плотной материи земного происхождения, которая и являлась для них долгое время единственным полем исследования и критерием для других пространств, если в них происходило вторжение науки. Одним из ярчайших примеров такой

позиции является измерение глубин космоса, качественно отличных от нашей земной материи, земным временем и пространством.

Мы можем сказать, останавливаясь на особенностях научного мышления, что наука среди многих земных явлений человеческой мысли является одной из самых безбожных. Когда Наполеон спросил великого французского математика и астронома Лапласа, почему тот не упомянул Бога в своем трактате о небесной механике, ученый ответил: «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе!»¹ К слову сказать, и император и ученый были достойны друг друга. Один требовал сразу же поместить Бога, в том его понимании, которое существовало на земле в XIX веке, в небесную механику, другой назвал Бога гипотезой, в которой он не нуждался.

И если два первых вида мышления – мифологическое и религиозное – были связаны с Высшим, то у третьего – научного – эта связь отсутствовала. Земля и небо есть два крыла в знании и познании человека. Наука обрубилась одно из них, в котором и была заключена причина всего сущего. Каждый способ мышления определяется явлением, которое влияет на все объекты, находящиеся в пространстве этого мышления. Религиозное мышление, вошедшее в силу в эпоху Средневековья, ставит на место такого явления Бога. Научное мышление свергло Бога и поставило на его место человека, превратив его из объекта творческой активности того же Бога в субъект, то есть в господствующее и управляющее начало в земном пространстве, над которым никого более высшего уже не было. Самое интересное в этом процессе то, что превращение человека из объекта эволюции в ее субъект является и главной тенденцией в самой космической эволюции. Но в научном мышлении это превращение сопровождалось кардинальными искажениями, что привело к неверному осмысливанию назначения самого человека вообще. Самое парадоксальное в этом процессе «объект–субъект» состоит в том, что, с одной стороны, человека возвели в ранг Бога, а с другой – загнали его в прокрустово ложе механистического материализма, отказав ему в научности таких явлений, как Дух, душа, сознание. «Безбожие, – писал Н.А.Бердяев, – имеет свою внутреннюю диалектику. Сначала Бог отрицается во имя человека, его свободы и творческой активности. Но кончается это тем, что отрицается и самый человек, но уже во имя чего-то нечеловеческого и сверхчеловеческого, подменяющего божественное. Это особенно ярко видно на судьбе идей Ницше»².

---

¹ Холл М.П. Энциклопедическое изложение... Т. 1. С. 15.

² Бердяев Н.А. Истина и открытие. С. 93.

Именно такая подмена, вольно или невольно, произошла в мире науки, что привело к крупным негативным явлениям во взглядах ряда ученых, постепенно превращавшихся в «малых заратустр». Для основной их части этот процесс был связан с обретением таких качеств, как неистребимое высокомерие по отношению ко всем иным способам познания, кроме экспериментального, абсолютная вера в интеллект как единственный инструмент получения истины, несокрушимая убежденность в праве на монополию такой истины и т.д. В результате относительное знание стало превращаться со временем якобы в абсолютное. Это привело к тому, что установившаяся традиция в ряде случаев преградила путь в развитии некоторых наук и стала на дороге всего нового, нетрадиционного и смелого. Отсутствие связи с Высшим привело также к росту безответственности в среде ученых, которые, взяв на себя функции Бога, стали выращивать людей в пробирках, пытались лабораторным путем создать живое вещество, развивать генную инженерию, меняющую естественную структуру человека, и, наконец, клонировать этого человека. Многим из них, кто занимается таким «промыслом», было неизвестно, что грубое и неграмотное вмешательство в энергетику человека может привести к губительным последствиям, подобным тем экологическим катастрофам, которые возникли в результате научного и безответственного «покорения» природы. Попытка создать искусственный интеллект и освободить человека от умственных усилий и истинного творчества нарушит, вне всякого сомнения, закономерности эволюционного развития самого человека.

«С исчезновением истин откровения, – справедливо замечает Н.В.Брянник, известный философ, – начисто улетучивается онтологический смысл истины как открытости, непотаенности самого бытия. Освободив себя от связанности с истиной откровения, человек замкнул истину на самого себя. Истина становится характеристикой только человеческого знания. Проблема истины – это *проблема достоверности знаний*. Самое главное заключается в том, что гарантом достоверности оказывается так или иначе, но сам человек. И это было предопределено эпохой – ведь именно субъект в Новое время занял роль основополагающей достоверности бытия; именно человек, как признает Хайдеггер, становится законодателем всех мер, в том числе и того, что считать достоверным, т.е. истинным»¹.

---

¹ *Брянник Н.В.* Введение в современную теорию познания. Екатеринбург, 2003. С. 211–212.

Передача функций Бога человеку-субъекту привела к тому, что мы сейчас имеем незатихающие войны, терроризм, небывалый рост преступности, власть денежного мешка и многое другое, что, особенно в последние годы, расчеловечивает самого человека. Божественные функции, которые были самовольно захвачены человеком, оказались ему не под силу. Ни его уровень сознания, ни качество его ответственности не соответствовали возложенному на себя грузу.

Но, если быть точным, чисто эмпирической науки не существует. Ибо, в конце концов, эта наука творится человеком, а не роботом и машиной и несет на себе неизбежный отпечаток духовно-материальной структуры самого человека. Как бы сами носители науки ни старались абстрагировать науку от человека и придать ей так называемый объективный характер, этого сделать нельзя, не нарушив главных устоев системы познания. Чистая эмпирика, чистый, свободный от всяческого влияния эксперимент есть чистая иллюзия, пополняющая коллекцию различных предрассудков, накопленных за века в пространстве экспериментальной науки.

«При всем стремлении, – отмечает Н.В.Брянник, – изъять из знания субъективное – устранить в содержании знания зависимость от субъекта не удастся. Поэтому следует отметить его существенное отличие – это *знание-представление*. Знание-представление несет в себе образ вещи (явления или события) не как копию или фотографию, а как такой образ, в котором реализован некий человеческий проект, в котором заключена модель потребного будущего или некая схема уже несуществующего прошлого; знание-представление включает в себя весомый элемент творчества, воображения, фантазии. Знание в своеобразной форме включает в себя дух самого Нового времени, т.е. культурно-историческую среду своего возникновения и развития»¹.

С этим утверждением нельзя не согласиться. Такие качества, как развитая интуиция самого исследователя, способность предвидения, восприятия информации внеэкспериментальным путем, свидетельствуют о том, что знания, добытые неэкспериментальным путем, составляют значительную долю в общей сумме накопленных научных знаний. Потом эксперимент сможет или еще не сможет подтвердить их. Воображение, интуиция, так называемая фантазия нередко иницируют важные научные проблемы, которые исследуются экспериментально. Можно привести немало примеров, подтверждающих вышесказанное.

---

¹ Брянник Н.В. Введение в современную теорию познания. С. 209.

Если мы будем утверждать, что идея четвертого измерения возникла в пространстве эмпирической науки, мы глубоко ошибемся. Другое дело, что эта идея была исследована в науке, на ином пространстве.

Нахождения метанаучного способа познания включают области человеческого творчества, которые, согласно научной традиции, не относятся к науке вообще. Религиозный опыт, искусство, умозрительная философия являются важными «кирпичиками», заложенными в фундамент все той же эмпирической науки. Когда-то эмпирическая наука и метанаука составляли единое целое. Противоречивые процессы, шедшие через историю науки, позиции различных участников этих процессов развели науку и метанауку по разным углам «ринга» мировой культуры. Но тем не менее можно утверждать, что в истории эмпирической науки не существует ни одного великого открытия, в основе которого бы не стояли знания, полученные из пространства метанауки. В развитии эмпирической науки как бы существовал некий подземный таинственный поток, в котором творила метанаука и который время от времени выносил нужные для этой эмпирической науки знания и идеи, способствующие ее развитию. Казалось, что где-то в глубине этого невидимого пространства имелась какая-то нездешняя ниша, где не было разделения между различными способами познания и существовало нераздельное знание. И именно это пространство сохраняло для эмпирической науки, отказавшейся от Высшего и Бога, связь с тем и другим, без которой эмпирическая наука не смогла бы долго просуществовать, несмотря на неумную гордость своими достижениями и открытиями. Метанаука с древних времен утверждала, что все земные процессы связаны с Космосом, а сам человек его часть. Космос, подобно океану, находился в непрестанном движении и двигал волны своих изменений согласно закономерностям, неизвестным даже и сейчас эмпирической науке. На этих движениях возникала и формировалась космическая эволюция человечества. И хотя эмпирическая наука до последнего времени не знала даже такой формулировки, космическая эволюция, помимо воли этой науки и ее носителей, формировала и развивала объективные процессы, творя и создавая будущее земного человечества. И с помощью этой эволюции в XX веке начался процесс синтеза способов познания метанауки и эмпирической науки, процесс важнейший для человеческого познания в целом. Этот процесс породил ряд острых противоречий и конфликтов в пространстве эмпирической науки, в котором к нашему времени сложились искажения и отклонения, усугубившие противостояние науки и метанауки.

Включение ментанауки в единую систему познания стало важнейшим фактором, от которого зависит эволюционное продвижение человечества в целом. Эта ситуация возникла на границе II и III тысячелетий нашей эры. Осознание того, что наука и научное мышление есть только один из способов познания, приведет к более сбалансированной оценке научного способа познания и его места в новой системе, куда войдут и нахождения других способов познания. «...Проблемы теории познания, – отмечает Н.В.Брянник, – не могут быть развернуты на материале только научного познания еще и потому, что наука слишком рафинированный и весьма интеллектуализированный вид знания. Сведение теории познания к теории научного знания – это путь обеднения и заведомо усложненного представления гносеологии»¹. И еще «Гносеология, опирающаяся на исследования только научного знания, переставала отвечать многообразию и богатству реального познавательного опыта»². И не только это. Надо иметь в виду сам характер метанаучного знания и системы его познания. Метанаука, всегда связанная с Высшим, как правило, «подсказывает» идеи эмпирической науке. Метанаука как бы ведет за собой последнюю, и ее знания опережают эмпирическую науку и поэтому столь необходимы для нее. Наряду с такими обстоятельствами в самой науке в XX веке начались процессы, требующие иных подходов и иных методологических установок. В результате научных открытий XX века неделимое оказывалось делимым, на «чистые» эксперименты в атомной физике стал влиять сам экспериментатор. Прежние, казалось, устойчивые виды материи расплзались, как бы распадаясь на «нематериальные» структуры. В конце II тысячелетия нашей эры эволюция Homo sapiens, или человека разумного, оказалась у предела, когда интеллект подошел к наивысшей точке своего развития и его дальнейшее развитие требовало определенной «подпитки». Этой «подпиткой» оказалось само сердце, синтез с которым и мог сделать интеллект сердечным, а сердце умным. Этот процесс сопровождается расширением сознания самого человека.

Уже в конце XX века начали появляться тенденции, свидетельствующие о кризисных моментах в пространстве эмпирической, сугубо интеллектуальной науки. «Люди, – полагает философ Мак-Джинн, – очень верят в науку и научные методы, и она на протяжении нескольких сотен лет хорошо поработала в своих границах. Но если посмотреть

---

¹ Брянник Н.В. Введение в современную теорию познания. С. 17.

² Там же. С. 231.

в перспективе, кто скажет, что она будет развиваться и завоеует всё? Ученых, как и философов, сдерживают границы познания. Высокомерно думать, что мы теперь каким-то образом получили в руки идеальный познавательный инструмент»¹. Философ ощущал в науке, в этом «познавательном инструменте» некое неблагополучие, которое могло привести к кризису само научное познание. Обострял положение в науке и ряд других ее особенностей. Границы самих исследований экспериментальной науки замыкались пространством плотной земной материи и не выходили в Космос, где изучаемые явления обретали причинный характер. Разрыв между знаниями, получаемыми в эксперименте и во внутреннем мире самого человека из космического источника, с годами все более и более увеличивался. Эмпирическая наука уходила все дальше от метанауки и тем самым тормозила невольно собственное развитие. Внутреннее строение материи, к которому подошла сейчас эмпирическая наука, может быть познано во всей своей глубине только через знания, полученные во внутренней энергетической системе человека. Отсутствие подобных знаний или пренебрежение ими приведет в действительности к тому «концу науки», о котором говорят и пишут многие современные ученые. Мы стоим накануне планетарного перелома, когда закладывается новая система познания, объединяющая науку и метанауку, Землю и Космос, плотную материю и тонкую. Только такой синтез откроет перед экспериментальной наукой новые горизонты и неожиданные для нее пути.

---

¹ Хорган Д. Конец науки. С. 96.

5. СВЕТ ФАВОРСКИЙ

Пусть разумное мышление поможет человечеству принять новый ритм и осознать Новый Мир, который приблизился. Истинно, уже вливается Новый Мир. Именно, Новый Мир уже вошел в силу, истинно, в сиянии искр научных достижений. Сосредоточимся поверх всякого угара, поверх всех опасностей на осознании Нового Мира.

Люди должны признать, что теперь жизнь приобретает смысл надземный.

Надземное, 255

В Иисусе Христе явлено было идеальное отношение человеческого и божественного.

Николай Бердяев

Это случилось в начале I тысячелетия нашей эры на горе Фавор в Палестине, куда Христос поднялся вместе с апостолами Петром, Иоанном и Иаковом. Все произошло во время молитвы и было описано в трех Евангелиях: от Матфея (17:1–9), от Марка (9:2–10) и Луки (9:28–36). Все три евангелиста донесли смысл случившегося почти одними и теми же словами, лишь с небольшими отклонениями. От них мы узнали, что лицо Христа светилось, как солнце, а его белые одежды уподобились свету. «И преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет»¹, – писал Матфей. «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить»², – свидетельствовал Марк. «И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею»³, – утверждал Лука. В момент события появились древние пророки Моисей и Илия, которые о чем-то говорили с Христом, а из «облака светлого», которое осенило присутствующих, раздался Голос: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте»⁴. Это был голос Бога, или Высшего.

Много позже, в IV веке, был установлен христианский праздник Преображения. Не будучи христианским богословом, не стану рассуждать о том, какое значение придается в богословии случившемуся

---

¹ Евангелие от Матфея, 17:2.

² Евангелие от Марка, 9:3.

³ Евангелие от Луки, 9:29.

⁴ Евангелие от Матфея, 17:5.

на горе Фавор. С точки же зрения нового мышления XX века Преображение Христа – это событие, несущее в себе глубочайший смысл космической эволюции человечества.

По мысли крупного писателя-символиста Дмитрия Мережковского, на горе Фавор был совершен прорыв в иную действительность. «Здесь, – писал он, – как во всяком “чуде-знамени”, – тот же вопрос: было или не было? и тот же ответ: если в нашем историческом времени и в нашем геометрическом пространстве не было, то было в той неведомой нам, предельной точке религиозного опыта, где наше пространство, трехмерное, соприкасается с четырехмерным, наше время – с вечностью»¹.

Мережковский отметил два важнейших момента, раскрывающих значение и смысл Преображения Христа, – связь этого процесса с Высшим Миром и обусловленность его Вечностью. Христом, несущим в себе два начала – Сын Божий и Сын Человеческий, – были показаны, во-первых, способность к Преображению в физических условиях нашего мира и, во-вторых, способность к Воскресению в тех же условиях. Христос велел ученикам никому не рассказывать о случившемся, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых»². На горе Фавор в тот день и в тот час произошло эволюционное действие, которое должно было изменить сознание человечества, но, к сожалению, не изменило его и до сих пор. Духовная революция, начавшаяся две тысячи лет назад с приходом Великого Учителя, ознаменовалась скорым и жестоким Его убийством. Таков был человек в то время, таковым он остается и по сей час. Но тогда у людей было впереди две тысячи лет, сегодня – много меньше...

На горе Фавор Великий Учитель показал воочию, что есть Преображение человека и какова в связи с этим цель космической эволюции человечества. Из двенадцати учеников Христос взял на гору только троих: Петра, Иоанна и Иакова. По-видимому, не каждый из апостолов мог выдержать ту высоковибрационную энергетику, которая возникла при Преображении. Только такая энергетика могла преобразовать и просветлять земную материю, в которую, если можно так сказать, был облачен Учитель. Свет, который участвовал в Преображении, носил Высший, Огненный характер. Апостолы даже не заметили, как одежда Христа сделалась прозрачной, так же как и Его тело. Огненное Преображение, или Преображение Светом, есть самый

---

¹ Мережковский Д. Иисус неизвестный. М., 1996. С. 414.

² Евангелие от Матфея, 17:9.

важный этап космической эволюции человечества, ее главная цель. Без этого Преображения человек не сможет достичь вершины эволюционного восхождения. В основе этого процесса лежит рост напряженности энергетики человеческого духа, увеличение ее вибраций. Вибрации преображенного Христа проявились и на горе Фавор, и во время Его Воскресения. Христос не позволил Марии Магдалине прикоснуться к Нему, ибо Его вибрации могли быть для нее смертельны.

Свет Фаворский осветил многовековой период космической эволюции и помог человеку понять, что именно осознание Высшего Мира, Высшего Божественного начала преобразит и его самого, и всю его жизнь. И с того момента любое эволюционное изменение, любое творение Нового мира было связано именно с этим Преображением, с Фаворским Светом, пролившимся из незримого Высшего Источника через Христа, Сына Божьего и Сына Человеческого, на измученную и страдающую Землю. Две тысячи лет тому назад человечеству был показан его Путь в эволюции и обозначена цель, к которой ему необходимо было стремиться. Сынам же человеческим надлежало ступить на стезю Сына Божьего.

Слова Христа – «Я есмь путь и истина и жизнь»¹ – полностью отвечают тому, что произошло на горе Фавор в тот самый важный для человечества и его эволюции день и час. То, что Христос, будучи не только Великим Учителем, но и Живым Примером, трагически кончил свою жизнь на кресте, очень символично и является логическим завершением Его явления на Земле. «Если мы рассмотрим все теоретическое и все нравственное содержание учения Христа, которое мы находим в Евангелии, то единственно новым, специфически отличным от всех других религий, будет здесь учение Христа о Себе самом, указание на Себя самого как на живую воплощенную истину...»² – писал Владимир Соловьев в конце XIX столетия.

В XX веке русские философы, художники и поэты вновь вернулись к Христу, но не к церковному, а к тому, который «есмь путь и истина и жизнь». Фаворский Свет пронизал Духовную революцию в России и высветил важнейшие проблемы эволюции человечества последнего века второго тысячелетия. «Только откровение о Христе, – писал Н.А.Бердяев, – дает ключ к раскрытию тайны человеческого самосознания. Высшее самосознание человека есть абсолютный предел для всякого научного познания. Наука с полным правом познает чело-

---

¹ Евангелие от Иоанна, 14:6.

² Соловьев В.С. Сочинения. М., 1994. С. 108.

века лишь как часть природного мира и упирается в двойственность человеческого самосознания как в свой предел. Но и философия высшего самосознания человека возможна лишь тогда, если она сознательно «ориентирована» на факте религиозного откровения о человеке. Это религиозное откровение антропологическая философия берет как свою свободную интуицию, а не как авторитет догмата»¹.

Именно эта «свободная интуиция» и помогла по-новому взглянуть на Великого Учителя и осмыслить эволюционное значение того, что века назад произошло на горе Фавор.

Нам известно, и вряд ли стоит теперь это отрицать, что одухотворенный Космос ведет эволюцию человечества. Явление на нашей планете Великих духовных Учителей в переломные моменты истории человечества есть явное тому доказательство. Каждый из них нес ту истину, которая в данный исторический момент была необходима земному человечеству, ибо она, эта истина, принятая в сознание человека, способствовала его продвижению по лестнице эволюционного восхождения, делала человека лучше и совершеннее, преображала его сознание и меняла образ его жизни. Эти Великие Учителя, представленные в мифологии всего мира как культурные герои, учившие человечество чему-то полезному, были связаны с Высшим инобытием, или мифологическим Небом. Связь эта четко прослеживается в их деятельности, в духовных концепциях и в тех целях, которые каждый из них преследовал. Всякий раз с приходом такого Учителя начиналась Духовная революция, и прежде всего в том географическом пространстве, где появлялся Учитель. Великие Учителя обладали высоковибрационной энергетикой, и их дух уподоблялся магниту, который притягивал к себе людей самого разного уровня сознания. Исторические хроники наполнены свидетельствами тех, кто сам испытал на себе влияние того или иного Великого духа. Были Великие эллины, Великие китайцы, был Великий Учитель Будда, и в начале нашей эры пришел Великий Учитель Христос – Сын Божий и Сын Человеческий. И в нем, возможно, ярче, чем в других, сочетались два начала – Высшее и человеческое. Он пришел научить и показать на собственном примере, как человек может приблизиться к Высшему.

«По древним Учениям, – отмечала Е.И.Рерих, – все высшие космические Представления получают свою форму или олицетворяются в подобии Божьем, в человеке. Потому, конечно, Высочайшие Духи

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 81.

и являются Олицетворениями высших Представлений. Семь Кумар, Семь Логосов, Семь Огней или Пламен, Семь Сынов Разума, Семь Сынов Браммы или Сынов Божьих, все Они являются такими Высочайшими Духами, которые (как Аватары) принимали земную оболочку для поднятия сознания человека и приобщения его к божественному естеству его»¹.

Христос явился в образе Богочеловека. Бог стал человеком, чтобы человек смог стать подобным Богу. В этом заключается суть эволюционной миссии Христа. Всей своей жизнью он показал, чем может стать человек планеты Земля, какого уровня может достичь его сознание и его творчество. Буддисты называли такого богочеловека архатом, вкладывая в это определение эволюционный опыт Просветления Великого Учителя Будды. Слово «богочеловек» вновь зазвучало в XX веке, когда в России началась Духовная революция и пришло осознание наступления Новой эпохи и Нового мира. «Также можно сказать, – писала Елена Ивановна Рерих, – что первый луч новой эпохи блеснет новым пониманием Учения Христа. “Так примем Появление Христа как священный знак, и пусть люди почитают все знаки Высокого Пути”»².

И этот первый луч высветил слова, сказанные Богочеловеком: «Я есмь путь и истина и жизнь».

В конце XIX века в России прозвучали лекции о богочеловечестве, прочитанные ее великим философом Владимиром Соловьевым. Господствовавшая тогда концепция позитивизма была опровергнута Соловьевым как эволюционно несостоятельная. Эта концепция отрицала Бога, или Высшее, и обоготворяла человека, оставляя последнего один на один с непознанной тайной Космоса. Человек лишался своих природных качеств, терял свою двойственность и устремлялся в неизведанную даль без опоры, помахивая одним крылом и вычерчивая неожиданные зигзаги и загадочные кривые на своем пути.

«Миры зарождаются и распадаются, – отмечала Е.И.Рерих, – тогда как человек, трансмутировавший на огне духа все свои чувствования, преображается в сверхчеловека и занимает место среди Высших Духов и живет в вечности. Высочайшие Духи являются сотрудниками Великого Зодчего и Матери Природы, строителями миров и руководителями народов»³.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 320.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 373.

«Явление в мир Богочеловека, – считал Н.А.Бердяев, – новый момент в творчестве мира, момент космический по своему значению. В откровении Богочеловека приоткрывается творческая тайна о человеке. *Мир творится не только в Боге Отце, но и в Боге Сыне.* Христология есть учение о продолжении творения. И завершиться может творение лишь в Духе, лишь творчеством человека в Духе»¹.

Философы, творившие в пространстве русской Духовной революции, сходились в самом важном: космическая эволюция начинает создавать новый тип человека – сотрудника и продолжателя дела Высшего, иномирного начала, человека, идущего через Огненное Преображение к высотам эволюционного восхождения – туда, где пресуществляет мир Высшая Божественная сила. И этот человек – Богочеловек, Сверхчеловек, полный Архат², Агни Йог, как хотите его назовите, – получает эволюционную возможность принять участие в грандиозной космической метаморфозе, название которой «Бог – Человек». Только принятие человеком в сознание высших энергий открывало ему путь к дальнейшему совершенствованию.

Агни Йог, или Богочеловек, всеми своими центрами, всей своей энергетикой включен в высшую космическую жизнь, что дает ему возможность не только совершенствовать собственную энергетику, повышая ее вибрационное качество, но и влиять на энергетику других, идущих по пути Преображения.

Именно в Красоте заложена та энергетика, те высокие вибрации, которые преображают плотную материю и прокладывают нам пути в сложных коридорах космической эволюции. В одной из книг Живой Этики мы находим поэтичное и в то же время философски глубокое осмысление Красоты:

*Устреми взор, подобно соколу, вдаль.
Через Красоту подойдете.
Поймите и запомните.
Вам Поручил сказать – Красота.*

*Ты сказала – Любовь.
Тот сказал – Действие.
Вы сказали – Красота.*

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 145.

² Полный Архат – Архат, достигший высшей степени духовности.

*Если хотите открыть Врата, приложите
этот знак Мой.
Я сказал – Красота.
И в бою, и в победе Я сказал – Красота.
И неудача покрылась Красотою.
И горы зацвели Красотою.
А вы цветы допустите, их допустите – детей.
И склонитесь перед Принесшим ее – Красоту
Великого Мира.
Поймите: нет вещей, нет решения, нет гордости,
нет покаяния, есть она – Красота.
В ней путь ваш¹.*

Иными словами, Красота везде, во всем, она охватывает все наши действия и пронизывает собою всю жизнь. Она – наша цель, наша победа, наши желания, и она же путь наш. Что бы мы ни сделали, мы должны стремиться к Красоте, что бы мы ни творили, что бы ни создавали, во всем должна существовать Красота.

Красота есть творящая сила Космоса, она есть формообразующее начало, ибо содержит в себе огнетворные энергии, преображающие наше сознание. О Красоте сказано много высоких слов и еще больше будет сказано. В одной из своих работ Александр Блок, описывая красоту одного из поэтических образов Владимира Соловьева, сказал: «...он (образ. – Л.Ш.) излучает невестственный золотой свет»². И вот этот блоковский «невестственный золотой свет» дает нам, как ни странно, вещественное представление о Красоте. Он как бы возникает из творения художества или слова, являясь именно тем светом, который мы нередко видим на русских иконах и который исходит от ликов святых. Вот этот «невестственный золотой свет», или «сверхматериальное начало», по выражению Соловьева, и составляет суть космической преображающей энергии просветления, или одухотворения материи. Когда это «сверхматериальное начало» проявилось в преображенном Христе, то свидетели этого редчайшего зрелища были поражены представшей перед ними неземной Красотой Спасителя, отразившей в себе Высшую реальность.

«Лишь при перенесении центра тяжести человеческой жизни в иной мир, – писал Н.А.Бердяев, – можно творить красоту в этом

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов. 26.07.22.

² Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Л., 1962. Т. 5. С. 453.

мире. Величайшая красота, которая достигалась в этом мире, была связана не с тем, что человечество ставило себе чисто земные цели в этой действительности, а с тем, что оно ставило себе цели за пределами этого мира. Тот порыв, который влек человечество в мир иной, в этом мире воплощался в единственно возможной, высшей для нас красоте, которая всегда имеет природу символическую, а не реалистическую»¹.

Символическая природа Красоты присутствовала, прежде всего, в искусстве. Но к концу второго тысячелетия на нашей планете произошли энергетические изменения, давшие человеку возможность заглянуть в окно Высшей реальности и увидеть там реальную Красоту не через символ, а напрямую. Такая реальная Красота позволяла перейти от искусства рукотворного к искусству жизни, к Красоте жизни и ее Преображению. В этом заключался новый виток творчества самого человечества. Путь Преображения самого человека шел через Красоту символическую к Красоте реальной, которая несла в наш плотный мир и в нашу жизнь свою преобразующую и просветляющую силу. Свет Фаворский сверкал Красотой реальной.

«Красота в своей последней сущности – неопределима, красота – великая тайна, – отмечал Н.А.Бердяев. – В тайну красоты должно быть посвященным, и вне посвящения она не может быть познана. В красоте нужно жить, чтобы узнать ее <...> Но последняя реальность красоты доступна в этом мире лишь символически, лишь в форме символа. Реалистическое обладание сущей красотой, без посредства символа, будет уже началом преобразования этого мира в новое небо и новую землю. Тогда не будет уже искусства, не будет уже в строгом смысле слова эстетического переживания, в котором символически опосредствуется последнее сущее. Путь к красоте как сущему, к космосу, к новому небу и новой земле есть путь религиозно-творческий. Это – вступление в новую мировую жизнь. Жить в красоте – заповедь новой творческой эпохи»².

Новую эпоху предвидели русские философы Серебряного века, о ней сложились представления и в художественном мышлении России. Бердяев назвал эту эпоху художественной, в которой «художество будет главенствовать в жизни»³, а творчество, в широком его понимании, будет направлено к созданию всеобъемлющей Красоты, но уже не

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 157–158.

² Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 235.

³ Там же. С. 217.

теми методами и средствами, которые знала старая эпоха. Преображение самого человека создаст для этого необходимые возможности.

«Жизни счастье найди в творчестве и око обрати в пустыню <...> Чистое искусство – достоверное сообщение лучезарного явления Духа. Через искусство имеете свет»¹.

Иными словами, речь идет о синтезе художества и святости, который и составит основу нового творчества. В начале XX века в русском искусстве начали складываться необходимые для такого процесса условия.

Н.А.Бердяев в своей статье об Александре Блоке писал: «Творческая тоска поэта по космическому преображению и космической красоте служит уготовлению нового неба и новой земли, хотя бы поэт и не видел последних реальностей. В мир преобразенный войдет творческое воображение и видение поэта, войдут его образы как особого ряда реальности. Душа России и русского народа была так же незащитна, как душа Блока, Логос не овладел в этой душе Космосом. Россия и на новом небе и на новой земле будет и такой, какой ее видел и воспевал в своих изумительных стихотворениях Блок <...> Какой скорбный путь прошло русское творчество от Пушкина до Блока, от первого нашего поэтического возрождения александровской эпохи до нашего второго поэтического возрождения начала XX века! Пушкин знал много горестей и печалей, но знал и творческую радость, райскую легкость. Блок знает только горе, печаль, тоску и ад. Но можно ли за это в него бросить камень? Он также принадлежит вечной, преобразенной России, России нового неба и новой земли, как Пушкин. Ее уготовляют не только святые, подвижники, очистившиеся, увидевшие Божественный свет, но и тосковавшие, мучавшиеся, прельщавшиеся и падавшие, но устремленные к высоте, к жизни, преобразенной в красоте»².

Это «преображение в красоте» относилось, прежде всего, к истинному искусству, которое уже несло в себе ростки такого преобразования и обладало способностью к вышеупомянутому синтезу.

«Изображать, – писал Владимир Соловьев, – еще не значит преобразовать, и обличение еще не есть исправление. Чистое искусство поднимало человека над землю, уводило его на олимпийские высоты; новое искусство возвращается к земле с любовью и состраданием, но не для того же, чтобы погрузиться в тьму и злобу земной жизни, ибо для

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов. 1.01.21.

² Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 487.

этого никакого искусства не нужно, а с тем, чтобы исцелить и обновить эту жизнь. Для этого нужно быть причастным и близким земле, нужна любовь и сострадание к ней, но нужно еще и нечто большее. Для могучего действия на земле, чтобы повернуть и пересоздать ее, нужно привлечь и приложить к земле *неземные силы*. Искусство, обособившееся, отделившееся от религии, должно вступить с нею в новую свободную связь. Художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями. Искусство будущего, которое *само* после долгих испытаний вернется к религии, будет совсем не то первобытное искусство, которое еще не выделилось из религии.

Несмотря на антирелигиозный (по-видимому) характер современного искусства, проницательный взгляд сумеет отличить в нем неясные черты будущего религиозного искусства <...> Если в современном реалистическом искусстве мы видим как бы предсказание нового религиозного искусства, то это предсказание уже начинает сбываться. Еще нет представителей этого нового религиозного искусства, но уже являются его предтечи. Таким предтечей был и Достоевский»¹.

Процитированный фрагмент взят из речи Соловьева в память писателя, которую он произнес в 80-е годы XIX века. Здесь мы находим концепцию будущего искусства и его роли в Преображении человека, изложенную им достаточно определенно и ясно. Религиозность в искусстве это не традиционные сюжеты на основе представлений какой-либо конкретной религии или одной из ее конфессий. Это образы Новой Красоты, почерпнутой в Высшем пространстве иных миров, иных, более высоких состояний материи, иной Красоты, которая обладает энергетикой более высокого напряжения и несет эту энергетiku на землю. Именно в этой иномирной Красоте, в ее космической энергетике и содержится преобразующая человека жизненная сила. И этот процесс Преображения отличался по форме и содержанию от тех, которые происходили ранее в культурно-духовном пространстве планеты.

«Никогда еще так остро, – писал Н.А.Бердяев в 1918 году, – не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда еще не было такой жажды перейти от творчества произведе-

---

¹ Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 231–232.

ний искусства к творчеству самой жизни, новой жизни. Создается бессилие творческого акта человека, несоответствие между творческим заданием и творческим осуществлением <...> Человек последнего творческого дня хочет сотворить еще никогда не бывшее и в своем творческом иступлении переступает все пределы и все границы»¹.

Из всех видов человеческого творчества именно искусство ощущало приближающийся кризис, обусловленный тем, что старое, отжившее искусство уже не могло быть средством Преображения человека, а новое, в полной его силе, еще не наступило. Русские философы все чаще и чаще писали о связи Преображения с творчеством, с искусством, стремясь разгадать тайну Преображения, увидеть в кризисном состоянии культуры тот единственный путь, который приведет искусство к желаемому выходу за его собственные границы, еще тяготевшие над художниками и мешавшие им увидеть и почувствовать иные, более высокие миры и стать сотворцами этого Высшего. И казалось, что вот-вот эта таинственная Жар-птица будущего окажется в их руках и превратит эти руки в руки теургов, творящих в сотрудничестве с Высшей и невиданной еще материей. Художники обращались к своему внутреннему миру, искали в нем спасения от растущих противоречий и пытались найти решение проблем, мучивших их.

«Мы сами те мраморные глыбы, – писал Андрей Белый, – которые мы же должны изваять в скульптурные статуи. Не статуя Аполлона, Диониса и Венеры суть символы: а мы – мы символы Аполлона и Венеры. Себя, себя мы еще не хотим принять и сознать в том, что уже шевелится в нас. Поклоняясь истукану (искусству), просмотрели мы то, что в глубине нашей души совершается уже пресуществование и что там мы прекраснее всех форм старого и нового искусства. До известных пределов искусство приподымает нас, учит ходить в красоте неверными шагами. Но мы растем, походка становится все увереннее. Искусство – мать нашего устремления к преобразению жизни. Оно нас вскормило, младенцев <...>

И вот лучшим из нас, тончайшим из нас, пора распроститься с искусством, если верны они раз выбранному пути. Разве не знают они, что уж прошли сквозь арку, называемую искусством, в свободное поле жизненного творчества? Довольно любоваться кузнечными мехами, пора взяться за мехи и раздуть огонь, на котором плавится их жизнь»².

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 400.

² Белый Андрей. Символизм как миропонимание. С. 163.

Преображение. Икона. XII в. Византия

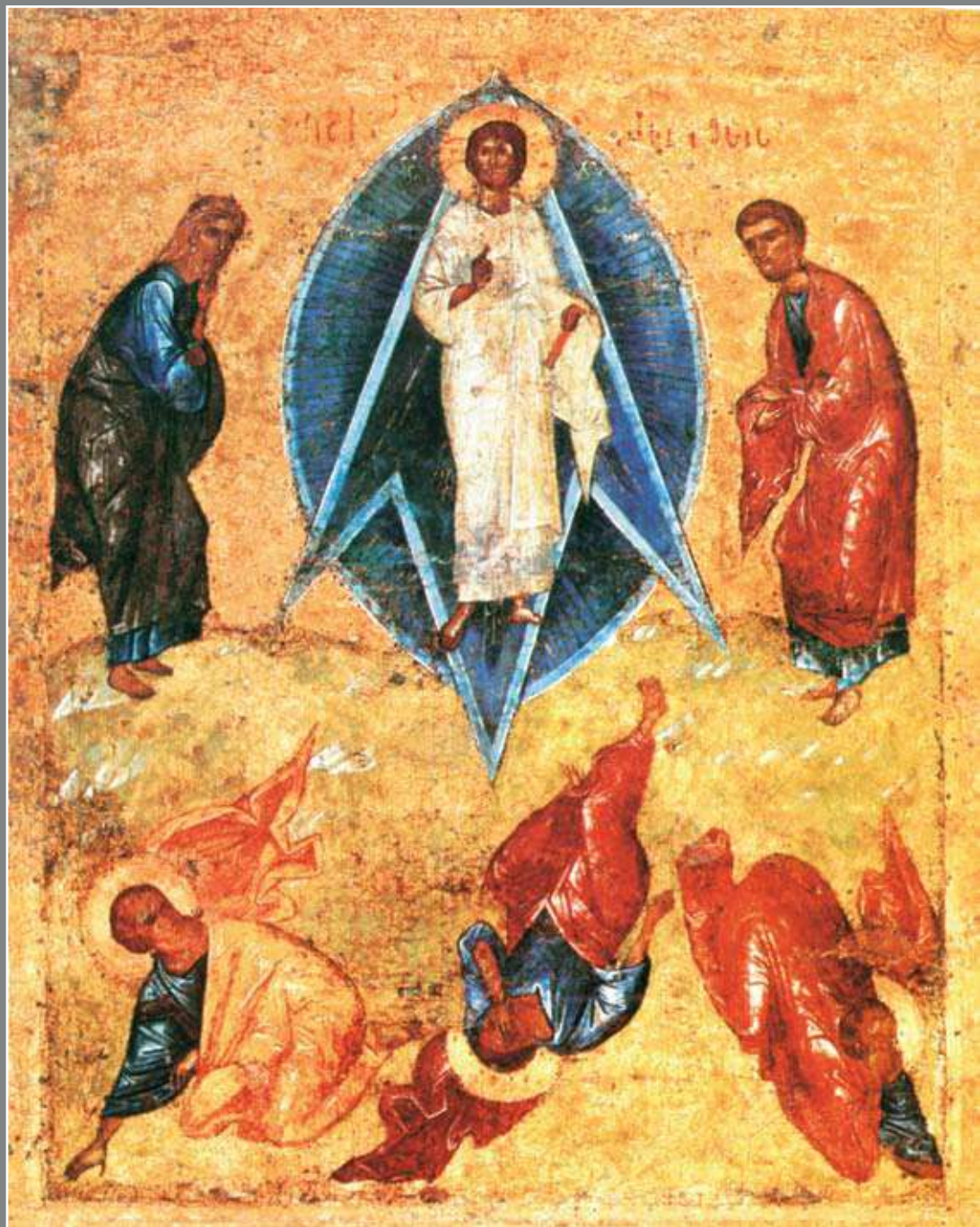

Преображение. Икона XII в. Византия

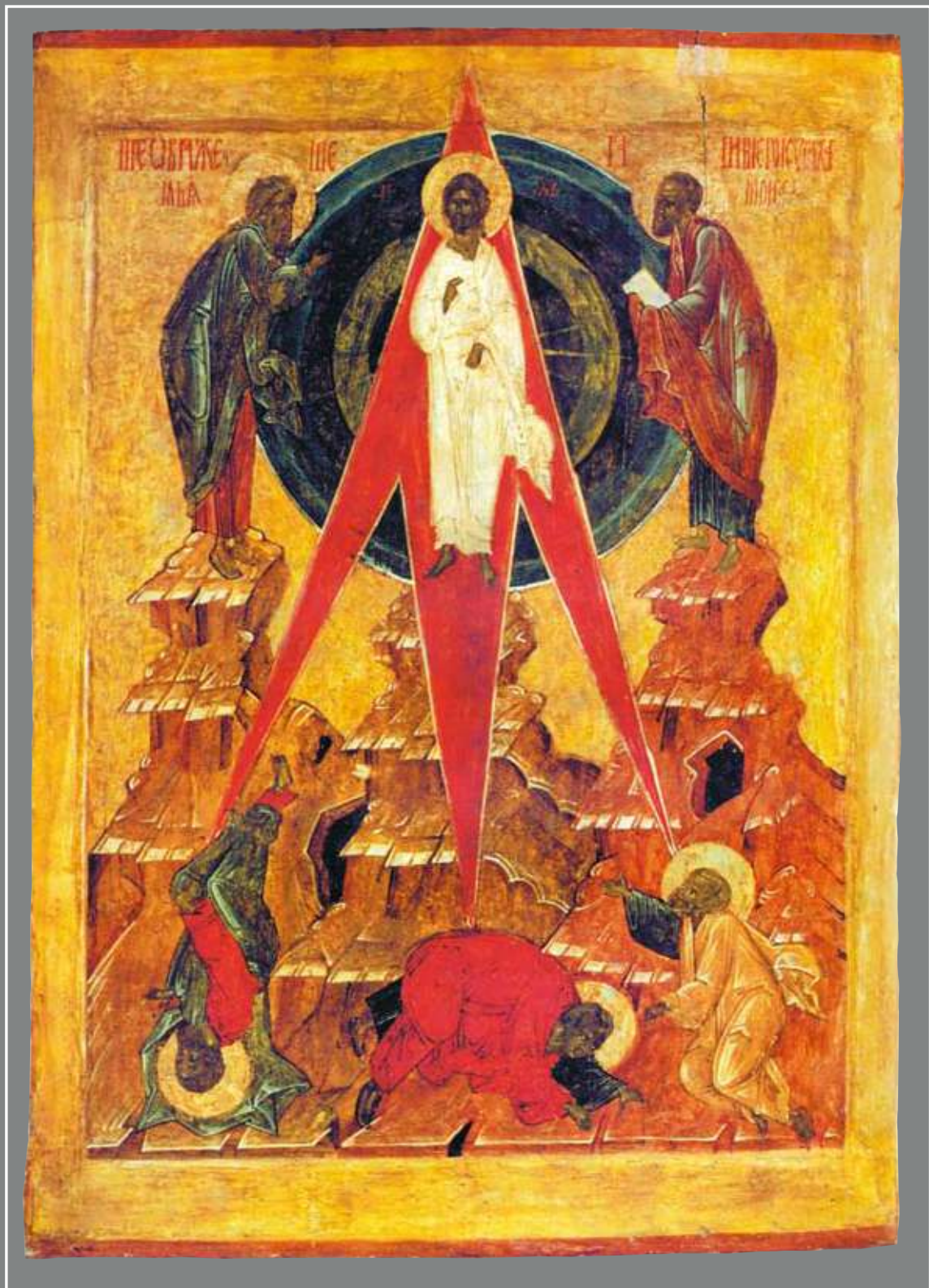
Преображение. Мозаичная икона. Первая половина XII в. Византия

Преображение. Икона. XIII в.

Преображение. Икона. Школа Феофана Грека. Ок. 1403 г.

Преображение. Икона. XV в.

Преображение. Икона. Последняя четверть XV в.

Преображение. Икона. 1490-е гг.

Андрей Белый, поэт и философ, может быть, в большей степени, чем кто-либо другой, ощутил необходимость Преображения внутреннего мира человека – Преображения святостью и переходом к совсем иного рода творчеству. «Довольно любоваться кузнечными мехами, пора взяться за мехи...» – программная, основополагающая фраза для осмысления всего того, что происходило в пространстве Духовной революции России.

«Мы находимся, – отмечал Александр Блок, – как бы в безмерном океане жизни и искусства, уже вдали от берега, где мы взойшли на палубу корабля; мы еще не различаем иного берега, к которому влечет нас наша мечта, наша творческая воля; нас немного, и мы окружены врагами; в этот час великого полудня яснее узнаем мы друг друга; мы обмениваемся взаимно пожатиями холодеющих рук и на мачте поднимаем знамя нашей родины»¹.

Творцов и художников объединяло не только знамя их родины, но и вещее слово «теургия», которое залетело из Надземного мира в земную реальность, чтобы светом своего истинного смысла озарить дорогу земным творцам, плывущим через космический океан эволюции к неизведанному будущему. Только художнику-теургу было под силу преобразующее религиозное творчество. «Творящей Матери наследник, воззови / Преобразование вселенной»², – писал В.Соловьев.

Преображение человека и Преображение Вселенной, теургическая причастность земного творца к творчеству Космоса – все это впоследствии найдет отражение во взглядах Е.И.Рерих.

«Вы, мои друзья, – писала она в одном из своих писем, – прикоснувшись к искусству, к творчеству, умеете пользоваться этими дарами, как конденсацией ваших сил, ибо звук и цвет, мысль и ритм – основы мироздания и нашего существования. Звук и цвет, знание и творчество есть чаша Амриты, чаша Бессмертия!»³.

Теургия становилась средством преобразования не только искусства, но и самого мира. «Художник-теург, – писал Н.А.Бердяев, – отрешается от устроенного искусства этого мира во имя чистого творческого акта <...> Теургическое искусство – синтетическое и соборное, это некое неведомое еще, не раскрытое пан-искусство <...> Теургия есть универсальное делание. В ней сходятся все виды человеческого творчества. В теургии творчество красоты в искусстве соединяется с творчеством красоты в природе. Искусство должно стать новой, преображенной

---

¹ Блок А.А. Сочинения. В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 147.

² Цит. по: Иванов Вячеслав. Родное и вселенское. М., 1994. С. 144.

³ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 12.

природой. Сама природа есть произведение искусства, и красота в ней есть творчество»¹. И еще: «Подлинное творчество есть теургия, богодейство, совместное с Богом действие <...> Нужен переход творческого акта к иному бытию. Это – путь теургического творчества»².

Теургия преобразует восприятие Красоты в сознании художника-творца. Эта Красота приходит к нему не в земном символе, а изливается напрямую, неся с собой новые, неведомые до сих пор Земле образы, оплодотворяя внутреннюю жизнь художника, обогащая его душу новыми откровениями, новыми измерениями и новой переливающейся Красотой «текучего» мира, которую он должен воплотить иными, пока неизвестными ему средствами. И, воплощенная, она начинает пророчествовать и вещать, выходя своими образами за пределы Культуры нашего плотного мира.

«Проблема искусства как теургии, – утверждал Н.А.Бердяев, – по преимуществу русская проблема, русская трагедия творчества. В художнике-теурге осуществится власть человека над природой через красоту. Ибо красота есть великая сила и она мир спасет»³.

Теургия через преображенное искусство творит новое Бытие, говоря словами Иоанна Богослова, «новое небо и новую землю». Значение теургии определяется не только эволюцией Земли, но и эволюцией космической. Теург творит формы через искусство и Красоту через Высшее начало. Но теургия не просто творчество. Она требует нового сознания самого творца, нового постижения смысла своего творчества и того Высшего космического начала, с которым вступает в сотрудничество художник-творец.

Новый мир действительно требовал расширенного, или преображенного, сознания. Новый человек, обладающий таким сознанием, сможет привлечь на Землю необходимые для созидания Нового мира энергии. «...Задача Нового Мира пробудить сознание и вернуть Миру предназначенный Облик Красоты. Творчество духа должно напрягаться, именно, к восхождению. Именно, не низводить Высшее, но подымать. Потому первым условием будет творить Образ Божий по Божественному. Когда человеческое сознание перестанет изображать Божественность по-человечески, тогда достижения духа будут огненны»⁴. Слова – «не низводить Высшее, но подымать» – призывали к

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 237–238.

² Там же. С.136–137.

³ Там же. С. 239.

⁴ Мир Огненный. Ч. III, 266.

восхождению, к взлету, которым только и можно было преодолеть тот кризисный послевоенный тупик, в котором оказался весь мир и, в частности, Россия. Необходимо было повысить уровень орбиты эволюционного витка. Эволюция предлагала для взлета крылья. Но эти крылья нужно было выковать человеческими руками.

В словах «творить Образ Божий по Божественному» – содержится ключ к тайне теургии, к тайне художника, созидающего в единстве и сотрудничестве с Высшим, Божественным началом. Земной творец перестает «изображать Божественность по-человечески», когда напрямую связан с этой Божественностью и постигает ее смысл и особенность без посредника – символа. Но для этого должна совершиться целая революция в сознании творца, чтобы концепция теургического творчества стала основой его сознания.

Эволюция не знает чудес – мгновенных преображений, внезапного обретения высоких способностей или неожиданных озарений. Эволюция – это лаборатория, где тяжело и долго трудятся Те, без Кого на Земле не состоялось бы ничего. Это Великие Души, Учителя, Архаты, Агни Йоги, Космические Иерархи и, наконец, теурги, о которых так много говорили в нашей стране в начале двадцатого столетия. Эволюция и здесь не отступила от своих правил, от Космических законов.

Чтобы куда-то взойти или продвинуться, человечеству нужен ведущий пример. Без этого оно ничего не сделает. Шаг за шагом, поднимаясь по обледенелому заснеженному склону своего верхнего пути, человечество идет в одной связке с Теми, Кто сумел подняться раньше и выше его по лестнице космической эволюции. Мы держимся за серебряную нить этой связки и видим идущих впереди нас в зовущую Беспредельность. Там, в высоте, – Те, Кто является для нас Примером, – наши Ведущие, наши Учителя, наши Духовные наставники, наши теурги, которыми мы захотели стать сами.

Среди них Те, Которые когда-то были художниками, поэтами, музыкантами, но, вместив в себя святость и все, что с нею связано, стали теургами. А мы, которые еще не смогли стать такими, но, уже осознав необходимость нового теургического творчества грядущего мира, начинаем, помогая Им, переделывать свой мир по законам Красоты. Красота нас зовет и определяет наш путь. И поэтому Те, Кто в длительном и трудном пути эволюции преобразился в Архатов, Агни Йогов, Богочеловеков, теургов, в представителей грядущей расы, будут всегда ощущать движения и звуки художества, через которое они прошли и с помощью которого смогли преобразиться в тех, кем они теперь являются.

«Я есмь путь и истина и жизнь» – еще долго будет вести за собой всех, кто, преодолев рутинное свое бытие, обыденное свое сознание, поднялся в сверкающую высоту Верхнего, крылатого Пути.

В мире началось великое переустройство, возникшее сначала в Высших мирах и лишь затем спустившееся на Землю. Земля и человечество подошли к новому эволюционному витку, связанному с явлением Нового мира и Преображением человека. «Время, переживаемое нашим земным человечеством, – писала Елена Ивановна Рерих, – есть время перехода от одной эволюции, в которой развивался интеллект, к эволюции духовности, когда дух начнет преобладать над интеллектом, и этот переход совершается на смене рас»¹. С нею вступают на Землю и преобразенный человек, и Новая Красота, и новое творчество.

«Мы являемся свидетелями великого мирового переустройства. Новые законы уже вписаны в скрижалях Вечности, но великое Откровение еще не принято. Горе отвергнувшим дух и прозябающим в невежестве, в немощи и грязи нравственной. Новый Мир грядет в осознании человеческого достоинства, в суровом понимании долга и ответственности каждого перед человечеством и всем Космосом. Сотрудничество всегда и во всем станет указом Дня»². Сотрудничество человека с человеком, сотрудничество народов, сотрудничество Земли и Космоса, сотрудничество земных творцов с Творцом Небесным, сотрудничество видимых плотных миров с невидимыми мирами тонкой одухотворенной материи. И русские философы, и поэты Серебряного века, используя различную терминологию, говорят об одном и том же – о грядущей Новой эпохе, «новом небе и новой земле», Новом человеке. И этот преобразенный Новый человек понесет в себе тот Свет огненных энергий, который многие века тому назад озарил гору Фавор и Великого Учителя – «Я есмь путь и истина и жизнь».

В 80-е годы XIX века Ф.М.Достоевский опубликовал роман «Братья Карамазовы», получивший мировую известность. В роман он включил гениальную главу «Великий инквизитор», в которой последний произносит перед Христом свой знаменитый монолог. Эта глава имела не только художественный и философский смысл, – она стала пророческой для последнего века II тысячелетия нашей эры. В ней показано, как в непримиримом противостоянии сошлись два пути, которые в XX веке станут реальностью. Два пути и два подхода к самым главным

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 231.

² Там же. Т. 2. С. 45.

и насущным проблемам, без осознания которых человечество не могло двинуться дальше по восходящей спирали космической эволюции. Путь с Христом или без Него, с Высшим или с инквизитором, путь космической Беспредельности или тупик плотной земной материи, путь свободы или несвободы, путь Богочеловека или путь человека, возмнившего себя богом. Остается только удивляться, как гений Достоевского сумел предвидеть все то, что произойдет в XX веке, и предсказать, в пользу какого пути будет сделан выбор.

Противоположные эти пути были затем отражены в творчестве двух философов, Владимира Соловьева и Фридриха Ницше.

Если Новый человек Соловьева, названный им Богочеловеком, преображенный, высоко духовный, нравственный и утонченный, существовал в пространстве Любви и Красоты и сам излучал и творил эту Красоту, то Заратустра, сверхчеловек Ницше, бунтарь, разрушитель и безбожник, признавал лишь силу и творил «новый мир» собственным волевым усилием. Ему, в отличие от богочеловека, оказались неведомы подлинные закономерности человеческой эволюции. Он был невежествен в эволюционной сути и цели земного творчества. Во имя своего земного царства он отринул Беспредельность, убил в себе Высшее начало, а, сделав это, сам захотел в земном царстве стать эти Высшим, строящим мир по своей воле и своему разумению. Иными словами, возжелал стать «Богом», не став еще преображенным человеком, в истинном понимании этого слова.

Вот некоторые мысли, которые Ницше бросил в мир XX века через своего сверхчеловека.

«...Я – Заратустра, безбожник, который говорит: “Кто безбожнее меня, чтобы я мог радоваться его наставлению?”

Я – Заратустра, безбожник: где я найду подобных себе? Подобны мне все, кто отдает себя самих своей воле и сбрасывает с себя всякое смирение»¹.

«Бог умер: теперь хотим *мы*, чтобы жил сверхчеловек»².

«...Лучше самому быть Богом»³.

«Некогда говорили: Бог, – когда смотрели на дальние моря; но теперь учил я вас говорить: сверхчеловек.

Бог есть предположение, но я хочу, чтобы ваше предположение простиралось не дальше, чем ваша созидаящая воля<...>

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1996. С. 168.

² Там же. С. 289.

³ Там же. С. 262.

Могли бы вы *мыслить* Бога? – Но пусть это означает для вас волю к истине, чтобы все превратилось в человечески мыслимое, человечески видимое, человечески чувствуемое! Ваши собственные чувства должны вы продумать до конца!

И то, что называли вы миром, должно сперва быть создано вами: ваш разум, ваш образ, ваша воля, ваша любовь должны стать им!»¹

«Бог есть мысль, которая делает все прямое кривым, и все, что стоит, вращающимся»²

«Прочь от Бога и богов тянула меня эта воля; что осталось бы созидать, если бы боги – существовали!»³

Последняя фраза нуждается в особом комментарии, ибо имеет отношение к концепции творчества. Если в пространстве Духовной революции новое творчество рассматривалось как теургия, или сотрудничество с Высшим, то Заратустра противопоставил творчество человека творчеству Высшего начала. Вместо принципа, дополняющего одно другим, он утверждал несовместимость этих начал. Или – или. Или Бог, или человек.

Заратустра так же бесцеремонно поправ Великий Космический Закон о гармонии двух начал – женского и мужского, отдавая женщине подчиненную роль, полностью следующую мужской воле и желаниям.

Владимир Соловьев писал о Преображении человека, которое может состояться только в сотрудничестве с Высшими мирами, Высшими силами.

Заратустра Ницше настаивал на другом – «Человек есть нечто, что должно превзойти»⁴.

Превзойти самого себя можно только усилиями собственной воли, действующей в пространстве земной материи. На этой воле, по мысли Заратустры, и должно держаться царство земное, властелином которого станет сверхчеловек.

«Страданием и бессилием созданы все потусторонние миры и тем коротким безумием счастья, которое испытывает только страдающий больше всех.

Усталость, желающая одним скачком смерти достигнуть конца, бедная усталость неведения, не желающая больше хотеть: ею созданы все боги и потусторонние миры <...>

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 81.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 48.

Но “другой мир” вполне сокрыт от человека, этот обесчеловеченный, бесчеловечный мир, составляющий небесное Ничто; и чрево бытия вещает человеку не иначе, как голосом человека»¹.

На базарной площади Заратустра проповедовал:

«Слушайте, я учу вас о сверхчеловеке.

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же и ваша воля говорит: “*Да будет* сверхчеловек смыслом земли”.

Я заклинаю вас, братья мои, *оставайтесь верны земле* и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они – отравители, все равно, знают ли они это или нет»².

Одновременно с антиэволюционной концепцией «преображения» человека в сверхчеловека идет отрицание инобытия и Высшего, иными словами, всего того, что не является видимым, находится за пределами Земли и понимания самого сверхчеловека.

Миф о сверхчеловеке, новом человеке, сформированном не духовно-энергетическим Преображением, а силой воли избранных, займет позже главное место в идеологии различных тоталитарных государств, в том числе и Советского Союза.

Старое вульгарно-материалистическое мировоззрение в его социологическом воплощении нашло в сверхчеловеке Ницше свое наивысшее выражение. Оно противостояло нарождавшемуся новому мышлению XX века, космическому мироощущению и тому Новому человеку, теургу и богочеловеку, концепция которого уже возникала в России в пространстве нового мышления и прозвучала в трудах Владимира Соловьева. Антиэволюционные подходы к главным проблемам космической эволюции человечества, которые мы находим у сверхчеловека Заратустры, логически привели и к позиции отрицания Христа. Заратустра высокомерно и пренебрежительно отзывается о Великом духовном Учителе, отказывая ему в какой-либо значительной роли в человеческой истории. Его, Заратустры, сверхчеловек претендует быть выше и значительнее Христа.

«Поистине, слишком рано умер тот иудей, которого чтут проповедники медленной смерти; для многих стало с тех пор роковым, что умер он слишком рано.

Он знал только слезы и скорбь иудея, вместе с ненавистью добрых и праведных – этот иудей Иисус; тогда напала на него тоска по смерти.

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 28.

² Там же. С. 8.

Зачем не остался он в пустыне и вдали от добрых и праведных! Быть может, он научился бы жить и научился бы любить землю – и вместе с тем смеяться.

Верьте мне, братья мои! Он умер слишком рано; он сам отрекся бы от своего учения, если бы он достиг моего возраста, достаточно благоден был он, чтобы отречься!

Но незрелым был он еще. Незрело любит юноша и незрело ненавидит он человека и землю. Еще связаны и тяжелы у него душа и крылья мысли»¹.

Образумить Христа пытался и великий инквизитор в романе Достоевского. Монолог, который он произнес в сырой темнице, куда немедленно упрятали неожиданно появившегося Христа, многозначителен и исторически важен.

«Есть три силы, – говорит Христу великий инквизитор, – единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому <...> Ты не сошел со креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: “Сойди со креста и уверуем, что это ты”. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим»².

Вторая сила оказалась еще страшней. «И я ли скрою, – продолжает он (инквизитор. – *Л.Ш.*), – от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *ним*, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей. А между тем ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа,

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 71.

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1958. Т. 9. С. 320–321.

ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей <...> Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за *ним* <...> О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся <...> Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы <...> Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить <...> Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести – всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они <...> Знай, что я не боюсь тебя, – обращается великий инквизитор к Христу. – Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой “восполнить число”. Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше соиздается. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие

угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi¹»².

Великий русский писатель с гениальной прозорливостью предугадал процесс отрицания Христа в наступающем этапе борьбы за Новый мир. И Заратустре, и великому инквизитору Христос мешал по одной и той же причине – и тот и другой присвоили себе право презирать, судить, лишать человека подлинной внутренней свободы и поступать с ним по собственному разумению. Новое «земное царство» и у Заратустры, и у великого инквизитора имеет один и тот же смысл – принуждение и насилие над человеком, отрицание его свободы, как внутренней, так и внешней, право на которую присваивает себе «избранный», берущий на себя ответственность за будущее этого человека. «Земное царство» – Новый мир без Христова Преображения.

Новый мир и Новый человек – проблема, которая была поставлена эволюцией перед человечеством прошлого столетия, разделила это человечество на две части, направив его мысль и действие по разным, противоположным руслам. Две силы, Космос и Хаос, сошлись в XX веке на планете Земля. И тогда перед ней, в зареве Нового мира и дымных тучах ползущего на Землю Хаоса, открылось два пути. Один – продолжить творчество Высшего на Земле и, таким образом совершив прорыв к подлинному Новому миру, подняться на следующую высоту космической эволюции. Другой – отвергнув творящие силы Высшего и сотрудничество с ними, признать этим Высшим самого человека. Путь Богочеловека или Заратустры, Христа или великого инквизитора, Града Небесного или града земного, свободы подлинной или мнимой. Две силы и два пути творчества, два Новых мира, два Новых человека, две разных цели. Вплоть до XX века на земле не складывалось подобной ситуации, ибо она, эта ситуация, обуславливалась теперь не только самим историческим процессом, но и грядущим этапом космической эволюции, определившим новое космическое мышление.

Эти два пути составили основную драматургию Восьмого дня творения.

Образно-мифологическое определение «восьмой день творения» возникло у Бердяева в связи с семью днями творения. К Седьмому дню завершилась созидательная работа Творца, и эволюция предоставила человеку возможность продолжить этот творческий процесс.

---

¹ Я сказал (лат.).

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Т. 9. С. 323–327.

«...Задача человека и мира, – писал русский философ, – создать небывалое, дополнить и обогатить Божье творение. Мировой процесс не может быть только изживанием и искуплением греха, только победой над злом. *Мировой процесс – восьмой день творения, продолжающееся творение*»¹.

Восьмой день творения разгорелся с особой силой, во всем своем богатстве, разнообразии и противоречиях именно в XX веке. Было бы ошибочным думать, что этот День свалился на голову современного человечества неожиданно. Он зрел в течение тысячелетий в глубинах культурно-духовного поля планеты, где действовала космическая энергетика, складывавшая эволюцию земной материи и человеческого духа.

В XX веке произошли события, в результате которых начались процессы, усилившие позиции «пути Заратустры» – и в конце концов сделавшие его доминирующим в большинстве областей человеческой деятельности и творчества. Достижения, которые имели место в начале века на пути, ведущем к истинному Преображению, были либо ослаблены, либо уничтожены теми силами, которые представляли старое мировоззрение и антиэволюционные подходы к земной жизни. Социальная революция в России сокрушила свой антипод – Духовную революцию, вынудив ее носителей или покинуть свою страну, или уйти на долгие годы в катакомбы внутреннего противостояния. Красоте был нанесен мощный удар. Огромный урон понесло подлинное искусство, то искусство, которое несло энергетику иномирной Красоты.

«...Отсутствие красоты, – писал В.С.Соловьев, – есть бессилие идеи»². Ибо Красота есть то, в чем себя выражает Высшее в нашем плотном мире. Только это Высшее, в какой бы форме оно ни существовало для нас, может породить энергетически мощную идею, сформировать ведущий идеал на сложных путях космической эволюции. Отсутствие Красоты – первый и определяющий признак отсутствия энергетики Высшего в каком-либо явлении или процессе на Земле. Энергетика Высшего, его дух, творит в пространстве Космоса грандиозное художественное произведение, открывая человеку с каждой новой его эволюционной ступенью, с каждым более высоким уровнем его сознания все новые и новые части этого бесконечного художественного творчества. И поэтому и Новый мир, и Новый, преображенный человек несут в себе те новые черты этого художественного произведе-

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 146.

² Соловьев В.С. Сочинения. С. 243.

дения, которые человек смог проявить через свой внутренний мир и воплотить в своем творчестве, в самом широком смысле этого слова.

«...Художнику, – отмечал Соловьев, – достаточно быть верным красоте, а она уже сама сделает его произведения сообразными истине по своему внутреннему сродству с нею»¹. Но «быть верным красоте» не просто даже художнику, если он не верен тому Высшему, которое и является источником Красоты и которому следует земной художник в сотрудничестве с этим Высшим. И только в этом случае произведения мастера будут «сообразными истине по своему внутреннему сродству с нею». Красотой меряется Истина в самом высоком ее смысле. И не только меряется: Красота как таковая сама является Истиной для художника, осознающего свою связь с Высшим.

В Восьмой день творения, который «длится дольше века», техногенная цивилизация, бездуховная и безбожная, стала господствующей силой на планете, влияющей на все стороны человеческого существования. Чудо, которое может совершить человек своей психической энергией, было подменено механическим «чудом» различных технических устройств. Машинные ритмы цивилизации, ее пренебрежение к человеку и природе планеты создают благоприятные возможности для расширения пространства Хаоса в душе человека, которое напрямую связано с подавлением в человеке чувства Красоты и возбуждением в нем низменных инстинктов. Все это облегчает проникновение в его внутреннюю структуру эманаций низших слоев Тонкого Мира.

«Некоторые ритмы, – писала в одном из своих писем Е.И.Рерих, – с течением времени не только совершенно подавляют в человеке восприимчивость к более тонким вибрациям, но даже возбуждают в нем самые низкие и грубые проявления. Я часто задумывалась над этим вопросом. Мне казалось, что наша современная технократия с ее зловещим, однообразным и неумолимым мертвым ритмом машин должна пагубно отзываться на психике рабочих, совершенно подавляя в них восприимчивость к тончайшим ритмам в природе и в проявлениях человеческой души. С течением времени они обращаются в настоящих роботов, способных реагировать лишь на привычные и грубейшие ритмы. Но человек, утративший способность к восприятию высших вибраций, неминуемо обращается в животное, вернее, в зверя. Вот почему я так приветствую уменьшение часов машинного труда, а так-

---

¹ Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. С. 348–349.

же сокращение количества рабочих, занятых на фабриках и заводах. Машины, в их современном применении и использовании, являются чудовищами и истинными орудиями ада»¹.

Машина отнимает у человека возможности к совершенствованию своих способностей и мастерства, выполняя за него ту работу, которая содействовала в свое время его развитию. Научно-техническая революция, породив электронные устройства самых различных назначений, еще более привязала человека к машине, сделала его зависимым от нее. И чем больше росла эта зависимость, тем ярче и привлекательней становилась иллюзия могущества самого человека, тем дальше отодвигались от него те ценности, которые питали его дух и расширяли его сознание.

Развитие техники и связанной с ней науки опередило рост человеческого сознания, и поэтому она, эта техника, с каждым своим продвижением по пути «прогресса» становится все опасней. Попадая в руки безнравственных, жестоких и невежественных людей, она ежедневно и ежечасно создает угрозу для жизни человека. Именно в XX веке, впервые в истории человечества, были созданы оружие массового поражения и изощреннейшие устройства для убийства и уничтожения людей. Все это немедленно опробовалось на полях сражений, которые непрерывно возникали в том или ином месте. Многочисленные террористические акты совершаются ежедневно на суше, на море, в небе, унося тысячи жизней. Отнимите у террористов технические средства уничтожения и передвижения, и пространство террора непременно сузится. Примитивный убийца с ножом в руке – много ли он сможет? Да и не каждый с таким «оружием» решится на серьезный теракт.

Человек ощутил себя богом, не став еще человеком духовным, человеком преображенным. Чудовищный разрыв между уровнем сознания человечества и степенью его технической оснащенности ставит под угрозу существование самого человека на планете Земля.

Новый мир и Новый человек все более и более отдаляются от нас, исчезая где-то в дымах пожарищ, в ядовитых газах взрывов, в смертоносных разрывах гранат и бомб. Идет Восьмой день творения, в котором нас все более и более одолевает Хаос второго пути, его бездуховность, немотивированная жестокость и беспощадность.

Техногенная цивилизация вторгается и в искусство, и оно начинает менять не только стили или формы, но и самую суть свою.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 473.

«Но действительность, – писал Н.А.Бердяев, – раскрывающаяся в искусстве, носит характер символический, она отображает идейный мир. Техника же создает действительность, лишенную всякой символики, в ней реальность дана тут, непосредственно. Это действует и на искусство, ибо техника перерождает самое искусство»¹. Именно так – не изменяет, не преображает, не перестраивает, а перерождает. Слово это, емкое и выразительное, означает суть процесса, который начался в искусстве какое-то время спустя после первой мировой войны. Перерожденное искусство значит искусство полностью видоизмененное. Другая живопись, другая скульптура, другая музыка, другая поэзия. И это другое искусство все более и более вытесняло из духовного поля мировой культуры то подлинное, которое несло в себе Красоту инобытия и высокий дух жертвенного служения.

Сначала, как бы ниоткуда, грохотом барабанов, эпатажными странными костюмами и хулиганскими выходками на мирное поле художественного творчества обрушился футуризм, сметая на своем пути остатки былой Красоты. Под взрывы петард и крики проходили необычные публичные выступления. Различными проделками присутствующих ввергали в шоковое состояние, нарушая их психическое равновесие. Итальянский поэт Маринетти выступил с манифестом, в котором проповедовал жестокость, силу, войну и отказ от традиционных ценностей. На этой концепции, в которой мы слышим опять голос Заратустры, впоследствии выросла идеология итальянского фашизма. Футуристы отрицали Высшее инобытие и стремились создать новое искусство в узких границах плотного мира. Они были первыми вестниками второго пути Восьмого дня творения в искусстве.

Приветствуя разрушение старого мира, они сами были не в состоянии создать ни Нового мира, ни Новой Красоты. Крылатый путь вверх был для них закрыт, и они полностью погрузились в материю, стараясь найти в ней выход в новую художественную действительность. Но материя сама по себе такого выхода им не могла дать, ибо не обладала энергетикой Преображения.

«Лишь духовное знание человека, – отмечал Н.А.Бердяев, – может постигнуть переход от старого, разлагающегося мира к миру новому. Лишь творчески-активное отношение человека к стихийно совершающемуся процессу может породить новую жизнь и новую красоту»².

---

¹ Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 1. С. 507.

² Там же. Т. 2. С. 408.

Футуристы в самой жизни столкнулись с тем, с чем должен был столкнуться Заратустра, если бы он из вымысла превратился в реальность. Литературная трагедия Заратустры стала действительной трагедией футуристов. В пространстве футуризма стал рушиться не только внешний мир, но и внутренний. Материя, их опора, стала в глубинах их существа расплываться, растворяться и исчезать. Кризисом своего искусства футуристы несли весть – предупреждение о наступлении бушующих волн темного изначального Хаоса.

«Нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, распластовывается, распыляется. Человек переходит в предметы, предметы входят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются. Это новое ощущение мировой жизни пытается выразить футуристическое искусство. Кубизм был лишь одним из выражений этого космического вихря, смещающего все со своих мест. Футуризм во всех своих нарастающих разновидностях идет еще дальше. Это – сплошное нарушение черты оседлости бытия, исчезновение всех определенно очерченных образов предметного мира. В старом, казавшемся вечным искусстве образ человека и человеческого тела имел твердые очертания, он был отделен от образов других предметов мира, от минералов, растений и животных, от комнат, домов, улиц и городов, от машин и от бесконечных мировых пространств»¹.

Футуризм как бы разорвал связь времен и лишил искусство самого главного – Красоты. Россию футуризм зацепил лишь краем. Она не приняла его. Ее ждала своя беда – социалистический реализм. Но для Запада футуризм стал основополагающим, обрел способность к развитию и оказался в самом центре художественных процессов Восьмого дня творения. Ситуацию усугубило еще одно важное обстоятельство. Меняющаяся энергетика переломного века внесла свои коррективы в ряд процессов эволюционного характера, и прежде всего в уже известный нам процесс «восхождение – нисхождение», который действовал долгое время в пространстве художественного творчества. Это явление было осмыслено в трудах крупнейших русских философов Серебряного века, таких, как В.Соловьев, П.Флоренский, А.Белый, Вяч.Иванов. Известна та творческая точка на внутреннем пути восхождения художника в мир иной, откуда начинались нисхождение и творческий процесс, связанный с ним. Изменяющаяся энергетика XX века сместила

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 404–405.

эту точку, повысила ее уровень, продлила путь художнического восхождения и открыла перед ним более широкие горизонты Новой Красоты. Новая энергетика требовала, одновременно с этим, изменения и сдвига в сознании самого художника, трансформации прежнего уровня этого сознания в новое, расширенное. В Восьмой день творения лишь незначительная часть художников, шедших по пути Красоты, в первую очередь это были русские художники, поняли суть наступившего момента. У большинства же уровень сознания значительно отставал от тех энергетических изменений, которые происходили в пространстве эволюции планеты. Отставание это росло, пока не достигло того творческого тупика, когда художник, расставшись с инобытием, всецело погрузился в земную материю. Он все больше и больше ощущал себя «богом» и творил сам и «во имя свое». Забытая связь с Высшим подменялась безграмотным оккультизмом, магией и прочими проделками с потусторонним миром, чем особенно отличался сюрреализм на Западе. Сугубо материалистическая теория психоанализа Фрейда пришла на смену философии искусства, сформировавшейся в пространстве русского художества.

Зигмунд Фрейд утверждал, что основой развития человека является низшая энергетика, и прежде всего сексуальная, которая определяет, по его мнению, не только поведенческие нормы человека, но и все богатство его психологии и творчества.

Фрейдистская концепция сновидений базировалась полностью на таких земных явлениях, как ранние воспоминания о когда-то прочитанном или услышанном или на дневных фантазиях человека.

«У некоторых людей, – писал Фрейд, – память об их любимых сказках заняла место их собственных воспоминаний о детстве; они возвели эти сказки в ранг основополагающих воспоминаний. Элементы и ситуации, заимствованные из этих сказок, часто встречаются и в сновидениях»¹. Такими же материалистически приземленными он считал и фантазии художников. Фрейд оторвал художнические сны и фантазии от их реального инобытийного источника, опустил на землю, лишив их способности воспарять и нести в себе истину.

«...Сильное живое переживание, – отмечал он, – пробуждает в художнике воспоминание о раннем, чаще всего относящемся к детству переживании, истоку нынешнего желания, которое создает свое осуществление в произведении; само произведение обнаруживает элементы как свежего повода, так и старого воспоминания»².

---

¹ Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 234.

² Там же. С. 133.

Качество художественного произведения Фрейд определял не степенью его Красоты, а той мерой материального, осязаемого наслаждения, которое оно несет тому, кто с этим произведением соприкасается. В таком осмыслении творческий процесс терял свою эволюционную суть и становился каким-то бессмысленным и грубо материальным.

«Из кажимости поэтического мира проистекают, однако, очень важные последствия для художественной техники, ибо многое, что, будучи реальным, не смогло бы доставить наслаждение, все же достигает этого в игре фантазии, многие, собственно, мучительные сами по себе переживания способны стать источником удовольствия для человека, слушающего или наблюдающего художника»¹.

Под влиянием Фрейда на Западе сформировалось путаное художественное мировоззрение, которое все дальше и дальше отходило от осознания подлинной Красоты, от понимания ее эволюционного значения. Идея искусства как способа познания реальности обратилась в утверждение, что художники являются такими же учеными-исследователями, как и те, кто представляет современную науку.

Проникая все глубже в искусство, фрейдизм оказал губительное воздействие и на таких крупных художников, как Сальвадор Дали, Пабло Пикассо и Марсель Дюшан. Сюрреализм, с его смешанным и расплывчатым мировоззрением, где можно найти все что угодно, трудно отнести к какому-то определенному направлению. Скорее, это был широкий поток, захвативший в свое хаотическое течение художников самых разных направлений и взглядов и впоследствии вынесший на мертвые берега свои то, что искусством назвать нельзя.

В Восьмой день творения многие художники, убив в себе Бога, убили в себе и Красоту. В результате художественное творчество превратилось в нечто противоположное себе, в антиискусство, если хотите, псевдоискусство. Ни один предшествующий век не вознес безобразию на такой высокий общественный пьедестал, как это сделал XX век. В Восьмой день творения безобразие стало эстетическим идеалом. Это в огромной степени обесточило поле мировой культуры, лишив его главного – Красоты. Последователи «пути Заратустры», высокомерно отринув Высшее, стали заложниками низшего.

В конце прошлого столетия, в 1997 году, вышел знаменательный альбом. Он был издан в Англии и назывался «Шедевры искусства 20 века». Составители альбома представили 500 художников, каж-

---

¹ Фрейд З. Художник и фантазирование. С. 129.

дого – одним произведением. В кратком предисловии мы читаем: «Мы представляем Вам альбом шедевров изобразительного искусства XX века. Века удивительного, бурного, века стремительных поворотов в науке, искусстве, политике. Он начинался коротким полетом первого самолета, появлением первых радиоприемников, кинофильмов, привычными сегодня картинами Моне, Сезанна, Пикассо. Заканчивается век созданием международной космической станции, покорением атомной энергии, лазерным оружием и еще не совсем понятными художественными акциями, инсталляциями, реди-мейдом. Изобразительное искусство всегда отражало характер, стиль, надежды и заблуждения своего времени. Поэтому, если Вам хочется познать, какое столетие мы оставляем за спиной, внимательно перелистайте альбом “Шедевры искусства 20 века”»¹.

Альбом на этот вопрос дал честный ответ, представив «во всей красе» господствующее направление, которое сложилось в западном искусстве к концу века. К этому направлению принадлежат те, кто в Восьмой день творения так и не перешагнули волшебную линию, за которой лежит царство Новой Красоты и пылает огненная заря Нового мира.

В произведениях этого направления было все, кроме искусства как такового и его неотторжимого сердца – Красоты.

Альбом представляет собой своеобразную итоговую выставку XX века, так непохожую на выставку 1900 года. Но роденовские «Врата ада» связали обе в одно целое.

Ничто так ярко и образно не дает нам возможности понять, «какое столетие мы оставляем за спиной», как эта альбомная выставка шедевров XX века. Несмотря на недостатки в формировании, «выставка» убедительно ответила на главный вопрос – чем же все-таки для планеты Земля явился ее Восьмой день творения? Продолжением ли космического творчества в сотрудничестве с Высшим или тупиковым творчеством «во имя свое» без волнующей Красоты инобытия, с низкой энергетикой, лишенной эволюционного смысла? Свидетельство было явно в пользу последнего.

Шедевры XX века несут нам весть о том, что в столетии, которое «мы оставляем за спиной», техногенная цивилизация одолела Культуру, что материя подчинила себе дух людской, что Красота отступает под напором безобразия, что Хаос побеждает Космос, зверь – человека, а тьма невежества – Фаворский Свет Преображения. Антиискусство

---

¹ Шедевры искусства 20 века. М., 1997. С. 3.

порождает античеловека, а античеловек создает, в свою очередь, антиискусство. Возникает та дурная бесконечность, при которой Восьмой день может еще продлиться «дольше века» и, возможно, не одного. В этой энергетической ситуации, при которой нормальный мир превращается в инфернальное зазеркалье, в человеке-творце искажаются важнейшие эволюционные тенденции. На замысел эволюции – превратить Новый мир в художественное произведение, возвести Красоту в самый высокий ранг человеческого духа – большая часть творцов отвечает идиотскими инсталляциями, перформанс-артом, различными реди-мейдами, о которых раньше никто не имел никакого представления и которые подлинным искусством назвать никак нельзя. В качестве материала для таких произведений используются унитазы, консервные банки, детали технических конструкций, куски различных предметов и прочие материальные «красоты». На полотна художников просачиваются сюжеты, вызывающие самые низменные инстинкты. Похоть, или, как теперь говорят, секс, становится нормой в человеческом общении. Подобный негативный процесс лицемерно называют «сексуальной революцией», не осознавая ни смысла такой «революции», ни ее пагубных последствий.

На огромных сборищах звучит модная музыка, мало похожая на подлинную музыку. Звуковые потоки Хаоса воздействуют на внутренний мир человека много сильнее, чем любой из других видов такого, с позволения сказать, искусства. Пространство подлинной музыки резко сужается, уступая место подобным звуковым представлениям. Идет опаснейший процесс уменьшения эволюционного поля планеты.

Хотелось бы напомнить некоторые высказывания и размышления великого индийского музыканта Хазрат Инайят Хана. В одной из своих книг он приводит легенду об удивительном певце Тансене, который жил и творил при дворе индийского императора Акбара. Однажды Акбар попросил его показать ему, Акбару, своего учителя музыки. Тансен согласился, и они отправились в Гималаи, в пещерный храм, где обитал учитель. Когда они пришли, то мудрец спел рагу для императора. «И его пение, – пишет Х.И.Хан, – было замечательно, это был психический феномен и ничто иное. Казалось, что все деревья и травы в лесу вибрировали; это была песнь вселенной»¹. Когда Акбар и Тансен вернулись домой, император попросил Тансена спеть ему ту же рагу, которую пел учитель. Тансен спел, но Акбар был разочарован.

---

¹ Хан Хазрат Инайят. Мистицизм звука. М., 1997. С. 174.

«Музыка та же самая, а вот дух другой», – сказал он. На что Тансен ответил: «Причина в том, что тогда как я пою перед вами, императором этой страны, мой Мастер поет перед Богом; в этом различие»¹.

В этой последней короткой фразе заключается главный смысл не только музыкального творчества, но и творчества вообще. Как пишет Х.И.Хан, художник должен или «петь перед Богом», или «следовать за Великими Душами». В этом состоит эволюционная суть искусства, создающего Красоту от Высшего. Когда же этого не происходит, искусство теряет свою энергетику и не может рассматриваться как явление космической эволюции.

«Когда уровень образования публики разрушает утонченность ее музыкальной оценки, нельзя помочь тому, что люди предпочитают джаз и не любят слушать реальную музыку. Вместо того, чтобы идти вперед, они движутся назад. А если музыка, являющаяся центральной темой всей человеческой культуры, не помогает людям идти вперед, то это большое несчастье»².

Великий музыкант не дожил до того времени, когда на эстрадных подмостках при огромном стечении народа зазвучала «музыка» Восьмого дня творения, на фоне которой джаз кажется высоким достижением музыкального искусства. В рваном ритме такой «музыки» слышалась победная песня Хаоса. Современные технические средства усиливали эти звуки во сто крат, заставляя присутствующие толпы фанатов вскакивать с мест и раскачиваться, вторя этому антиритму. Антимузыка, действующая на присутствующих как наркотик, вызывает в них самые низменные чувства – агрессию, насилие, стремление к разрушению. Каковы звуки, такова и реакция на них. Подлинная музыка и ее ритмы формируют высокие чувства, содействуют духовному развитию человека, ведут к высотам эволюции. Антимузыка гонит толпы своих почитателей, подобно стаду, назад – туда, где разверзаются темные глубины первозданного Хаоса. Она несет в себе энергию инволюции, магию ее антиритмов, разрушительную силу ее децибелов.

Предшествующая Красота сошла с эволюционной арены, а грядущая еще в достаточной мере не завладела этой ареной. Образовался энергетический разрыв, который сразу же стал заполняться безобразием Хаоса. И началось то, что мы называем сейчас расчеловечиванием, или утратой человеком тех качеств, которые двигают его эволюцию.

---

¹ Хан Хазрат Инайят. Мистицизм звука. С. 175.

² Там же. С. 135.

Ушла не только сама Красота, но и способность человека к ее осознанию. Отрицание значительной частью земных творцов эволюционной роли Высшего обострило и усугубило все эти противоречивые процессы. Инволюционный откат обусловил то состояние человечества, которое, развиваясь на протяжении всего двадцатого столетия, приняло в самом его конце небывало чудовищные формы и проявления во всех областях человеческой деятельности.

Высокомерие творцов науки, их растущая уверенность в своем могуществе привели к необоснованным целям в научном творчестве, которые лишь обострили общую ситуацию. Вмешательство в энергетику человека, попытка создания искусственного интеллекта и, наконец, желание средствами современной науки сотворить живое существо – все это несет человечеству грядущие опасности и беды.

«Лишь Бог, – писал Н.А.Бердяев, – силен сотворить живое существо, личность. Основа всякого существа, всякой личности божественна. Творчество тварных существ может быть направлено лишь к приросту творческой энергии бытия, к росту существ и их гармонии в мире, к созданию ими небывалых ценностей, небывалого восхождения в истине, добре и красоте, т.е. к созданию космоса и космической жизни, к плероме, к сверхмирной полноте»¹. Всякое отклонение от этого пути «ведет к созданию автоматического, механического бытия, мертвечины. Это – творчество падшего ангела»².

Восьмой день творения на таком пути уже принес нам генетическую инженерию, клонирование, крионику, или оживление замороженных мертвецов, выращивание младенцев в пробирках, изменение пола с помощью хирургического вмешательства, трансплантацию чужих органов и многое другое, нарушающее нормальное развитие человеческой энергетики, человеческой индивидуальности.

Творчество падшего ангела обусловило бездуховность человека, которая сопровождается повсеместным ростом самых чудовищных преступлений. Неожиданно расцвела торговля людьми, появилось новое, доселе неизвестное рабство. Стали похищать детей и использовать их не только в самых грязных целях, но и продавать их внутренние органы для различных трансплантаций. Количество убийств и самых изощренных насилий над женщинами возросло в тысячи раз по сравнению с предыдущими периодами нашей истории. По городам и весям страны свободно разгуливают маньяки и людоеды, матери

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 149.

² Там же. С. 149–150.

выбрасывают своих детей на помойки, садисты спокойно занимаются своим низким ремеслом, в государственных правоохранительных учреждениях пытаются и убивают людей. На этом фоне грабежи и воровство превратились в невинные забавы.

Начался процесс расчеловечивания самого человека, оторванного от Высшего и сбросившего с себя груз традиционных нравственных норм.

Безудержным ростом преступлений Россия заплатила за того «нового человека» и тот «новый мир», которые создавались тоталитарным государством по принципам Заратустры и великого инквизитора. Кровь миллионов погубленных в процессе творения «светлого будущего» легла на страну неунничтожимым клеймом чудовищного государственного преступления. В такой же мере и Запад расплачивается за своего нового сверхчеловека. Его энергия, в отсутствие осознания Высшего, оказалась направленной также на самое низшее, в пространстве которого преступления заняли свою обширную нишу.

Но пусть не покажется парадоксальным вывод из всего мною сказанного. Путь Заратустры, великого инквизитора, падшего ангела все же потерпел в Восьмой день творения сокрушительное поражение. В свое время планете Земля был показан путь Христа к Преображению и Новому человеку. Но человек сошел с него и обернулся зверем, его сегодняшнее «творчество» разрушает души, губит планету, обрекая ее на медленную смерть. Мутные волны Хаоса бушуют в нас самих и вокруг нас. Но диалектика свидетельствует – отрицательный пример тоже пример. Отрицательный опыт тоже опыт. Космос держится на противоположениях. Значит, надо воспринимать и то и другое. И не только воспринимать, но и осознать и видеть сквозь майю плотного дифференцированного мира тот единственный путь к Новому миру и преобразенному человеку, о котором Великий духовный Учитель сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь». За это у него отняли жизнь. Но Его Путь и Истина остались с нами. С нами остаются и достижения русской Духовной революции, ее философия и ее подходы к решению важнейших вопросов, ее научные находения. На полотнах подлинных художников возникает новая Красота, оставляя позади себя свою символическую суть и обретая реальный, более высокий смысл, несущий в себе высоковибрационный энергетический потенциал.

«Удивляются люди, – сказано в Живой Этике, – существованию Высшего Мира. Не хотят допустить явления его влияния на события земной жизни. Ускоряются события. Вихри событий не дают человечеству опомниться. Человек мнит себя создателем Нового Мира.

Современные вожди считают, что строят Новый Мир, но никому не приходит на ум, что их Новый Мир есть оскал старого. Новый Мир идет новыми путями»¹.

Было предупреждение тем, кто строил новую Россию в 20-е годы XX столетия. Но этому не вняли. Не хватило ни культуры, ни сознания.

Теперешние правящие круги России вновь строят, как они полагают, «Новую страну». Они не ведают о том, что было сказано Высокими Учителями десятки лет тому назад. Их тянет то в глубокое прошлое, то вновь на Запад, где их манит и очаровывает чужой путь, чужое материальное богатство, чужие шоу, чужие слова и где маячит призрак Заратустры с его идеей сверхчеловека и творчеством вопреки Высшему. Они плохо осознают, что у каждого народа есть свой национальный характер, свои особенности, свои традиции, свои культурно-духовные достижения. Нельзя строить ни Новый мир, ни Новую страну, не учитывая всего этого, ибо все вышеназванное составляет не только историческую основу жизни народа, но и определяет его эволюционный путь. Те, кто стоит у власти, до сих пор не обратили внимания на сокровища российской культуры, которые заключают в себе все необходимое для продвижения к Новому миру, к Новому человеку. Ни одна страна не сделала так много для понимания этого пути, для осознания особенностей космической эволюции, как Россия. Человечеству на пути к Новому миру, к Преображению надо пройти через плотную завесу жесточайших кризисных явлений, пробиться сквозь сложную и трудную борьбу различных противоположных сил. И не каждому это удастся, и не для каждого приготовлен подлинный Новый мир и истинное Преображение.

В Восьмой день творения человек должен сотворить себя, свою жизнь и свой мир. Но сделать он это сможет, лишь осознав роль Высшего и Красоты в творчестве земного бытия. Новая Красота, возникающая в пространстве продолжающейся Духовной революции, есть условие дальнейшего продвижения человечества, его взлета, его выхода из бездн кризисов и Хаоса и восхождения туда, где сияет Фаворский Свет Преображения.

Новое космическое мышление, возникшее в пространстве России XX века, ведет нас к подлинному Новому миру, Новому человеку, новому искусству, новой науке, новой всеохватной мысли и новой космической ступени нашего Бытия.

---

¹ Братство, 389.

6. НА ПУТИ К КОСМИЧЕСКОМУ СОЗНАНИЮ

Перерождение мышления должно утвердиться, как основа лучшей Эпохи. Мышление – залог преуспевания, залог нового строительства, залог мощного будущего. Претворение жизни, именно, утверждается трансмутацией мышления. На каждом проявлении можно проследить, как мышление эволюционирует или инволюционирует. Кроме устремленного мышления, действует импульс зажигания мышления. Поэтому закон устремления дает то соответствие, которое сближает Миры, насыщая творческим огнем. Дать себе отчет в направлении мышления уже поможет сдвинуть сознание.

Мир Огненный. Ч. III, 262

Великой задачей наших действий является помощь человечеству в сдвигах сознания. Наши ученики назначаются этими помощниками. Каждый сдвиг мысли дает следствие. Потому миссия наша привести сознание к сдвигу и миссия наших учеников идти с Космическим Магнитом. Наш дом содержит сущность сдвига сознания и направления к центру эволюции. Потому сдвиг мысли есть главный целитель человечества.

Беспредельность, 518

В конце XIX – начале XX века в России началась Духовная революция. Она была обусловлена рядом культурно-исторических и социально-экономических процессов, проявивших себя в первые годы XX века. Наступившее столетие оказалось зажатым между двумя тысячелетиями – вторым и третьим. В нем встретились прошлое и будущее, и эта встреча определила его непростую судьбу. Спираль космической эволюции неотвратимо подходила к новому витку, который нес немало неожиданностей, бед и потрясений. Планета не была готова ни духовно, ни энергетически, ни психологически к предстоящим переменам. И только наиболее тонко и интуитивно чувствующие личности – поэты, философы, художники и выдающиеся ученые – думали по-другому. Для поэта и философа Андрея Белого звонил его серебряный колокол, который не был слышен окружающим. В знаменитой «башне» Вячеслава Иванова, в изысканной театральной гостиной Веры Комиссаржевской, в домах Петербурга и Москвы, где вечерами собирались художники и писатели, музыканты и философы, говорили об Атлантиде

и гибели Вавилона, о жестокой волне варваров, сокрушившей древний Рим. В этих разговорах была своя таинственная подоплека, свой полет мысли и нарастающее беспокойство, как будто где-то и вправду позванивал серебряный колокол. И, несмотря ни на что, Серебряный век, с которым была связана Духовная революция в России, набирал силу, проявляясь ослепительными вспышками расцвета искусства, литературы, философии и явлениями новой научной мысли.

В духовном пространстве XX века шли и завершались процессы, материя которых накапливалась в течение предыдущих тысячелетий. И в них ярче, чем когда-либо, проявлялись полярные силы, носившие уже не планетарный, а космический характер. В этой полярности было заложено столкновение энергетических противоположностей – порядка и хаоса, добра и зла, любви и ненависти, света и тьмы. Менялись устоявшиеся представления о времени и пространстве, о движении жизни, которая набирала необратимое ускорение, нарушая обычное течение исторического процесса и изменяя его обычный смысл. «Куда мы летим? – писал Андрей Белый. – Над чем повисли? Что с нами будет? Нужно приготовиться к неожиданному, чтобы оно не застало врасплох, потому что буря близка – волны бушуют и что-то страшное поднимается из вод»¹.

*Небо – в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы – в пространстве новом,
Словно – в новых временах².*

Там, на новом витке светили огни нового мира и нового неба. Но планета несла еще свой старый груз, перегрузка же была чревата небывалыми опасностями и катаклизмами.

«Современное сознание переживает крайне любопытный, можно сказать, единственный момент. Ощущается <...> почти как навязчивая идея, приближение некоего переворота, изменения. Может быть, завтра все станет другим: другая действительность, другие люди и другое солнце. Чувствительность повышена, разливается тревожная нервозность, как перед грозой, в атмосфере, насыщенной электричеством, таящей молнии и гром»³, – писал в 1909 году один из авторов «Золотого руна».

---

¹ Новый путь. Январь. 1903. С. 155.

² Блок А.А. Сочинения. В 2 т. Т. 1. С. 169.

³ Топорков А. Творчество и мысль // Золотое руно. 1909. № 5. С. 54.

Сдвигались нравственные ориентиры, расплывалась граница между добром и злом, душевный мир человека подвергался вторжению каких-то таинственных сил и наитий. В творческом пространстве русского искусства и философии наступавший грозный период назвали «ночью». Ночью Апокалипсиса.

«...В апокалиптическом времени, – писал в 1918 году Н.А.Бердяев, – величайшие возможности соединяются с величайшими опасностями. То, что происходит с миром во всех сферах, есть апокалипсис целой огромной космической эпохи, конец старого мира и преддверие нового мира <...> В поднявшемся мировом вихре, в ускоренном темпе движения все смещается с своих мест, расковыривается стародавняя материальная скованность. Но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может не устоять человек, может быть разорван в клочья»¹.

Ослабление материальной скованности жизни сочеталось с ощущением текучести, переливчатости этой жизни. Сам мир терял опорные вехи, становился зыбким, подобно миражу, встающему в раскаленном воздухе нездешней пустыни. Явления утрачивали ясность, окончательную познаваемость и обнаруживали в своих глубинах новые сложности и неожиданные тайны, о существовании которых раньше никто не подозревал. Наука обогатилась многими открытиями, такими, как, например, делимость атома, бывшего до этого в сознании человека плотным «кирпичиком» Мироздания. Плотная материя стала дробиться на множество составляющих, которые до поры до времени были скрыты в ее беспредельной глубине. Глубина эта увеличивалась до космических размеров, и оттуда доходило зовущее дыхание инобытия.

Различные способы и формы познания реальности стали как бы сами собой постепенно сливаться, стремясь осуществить тот искомый синтез, который только один мог продвинуть человечество к нужным ему высотам Знания. Все значительнее и ценнее становились находения искусства с его интуицией, предощущениями и пророчествами. В его энергетическом поле все ярче и ярче разгоралась непостижимая заря космической прищелицы – Красоты и росло предчувствие ее необходимости для человека в его материально-плотной среде обитания. Новая Красота вела искусство от символической красоты к реальной. И эта реальная Красота создавала в

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 414.

пространстве Духовной революции удивительные полотна, на которых блистали иные миры и жила реальность самого Космоса. Картины Чюрлёниса были первыми вестниками новой Красоты. В них чувствовался космический ветер и возникали нездешние звездные пути. В творчестве таких художников, как Н.К.Рерих, Н.А.Бенуа, П.С.Уткин, К.Ф.Юон, И.И.Бродский, братья Н.Д. и В.Д. Милиоти, М.Ф.Ларионов, К.С.Малевич, А.В.Фонвизин и другие, уже появились сюжеты, выпадавшие из времени плотного пространства, в которых расплывались и становились призрачно-прозрачными привычные формы, как будто за ними открывался иной, неведомый нам слой материи. От таких картин веяло какой-то странной прохладой, необычный ритм линий доносил похожую на дыхание музыку беспредельных пространств. А сами они казались несбывшимися снами, которые бродят в таинственном зазеркалье или возникают из невидимых глубин запредельных миров. В черных пространствах плыли неведомые планеты, рождались и гибли целые миры. Размывались и исчезали в таинственных глубинах краски «Сна», горели небесные прозрачные светулы в «Торжестве в небе» Уткина. На темной сфере расцветали похожие на диковинные цветы миры, заполняя собой пространство иного измерения. Вспыхивал ослепительный свет небывалого солнца в «Рождении ночных светил» и «Да будет свет!» Юона, неслась по небу, рассекая темноту земной ночи, комета-пришелица дальних, неведомых миров в «Пейзаже с кометой» Г.И.Нарбута. Среди тонких и прозрачных неземных красок плыла фигура женщины с китайским фарфоровым ликом, похожая и непохожая на земную в картине В.Милиоти «Утро». Над ночной землей висел таинственно странный месяц, а в темно-синюю высь уходили волшебные прозрачные деревья в «Новолунии» Бродского. Незнакомые созвездия пылали над нездешней пирамидой, в которой, как в овальном зеркале, отражался тонко и задумчиво магический замок в «Фантастическом пейзаже с пирамидой» Бенуа. Бесшумно плыл в Космосе багровый фантастический город, пронзая пространство иного измерения шпильями и странными, непохожими на земные сооружениями в его же «Фантазии в духе Чюрлёниса». Неслись по глубокому встревоженному небу светящиеся облака, как будто участвовали в каком-то таинстве и что-то вещали тем, кто был там, внизу, в «Небесном бое» Рериха. В неизвестном пространстве и измерении цвел волшебный сад, изысканный и тонкий, непохожий на буйное цветение земного сада в «Саде» Ларионова. В «Священной роще» Малевича, пронизан-

ной легкими золотистыми лучами, прозрачные фигуры, словно сотканые из этих же лучей, совершали какой-то магический ритуал.

Реальная красота Космоса прорастала сквозь предшествующую символическую, вещала о мирах иных, звала туда, где в цветении красок и в ритмах еще не проявленной музыки, зарождался Новый мир, неизбежность которого уже становилась земной необходимостью. Уходящая красота символизма, утонченная и совершенная, несла в своем творческом чреве ту новую Красоту, родив которую и отдав которой все свои оставшиеся силы, должна была умереть. Через истинных художников Космос нес свою Красоту на Землю. Наиболее яркое выражение реальность Космоса нашла в искусстве художников группы «Амаравелла», судьба которой была трагической.

Космический ритм человеческой истории и эволюции вел к поиску аналогий в истории прошедших тысячелетий с тем, что происходило в XX веке. Было ли что-либо подобное в прошлом? Можно ли какие-либо исторические события приравнять теперешней Духовной революции?

Некоторые видели нечто схожее с тем, что происходило в последние века, предшествующие нашей эре, когда гибли незыблемые империи и вечная культура античности, казалось, уходила в небытие, сокрушаемая неожиданной и неясной силой. Эта же сила в далеком прошлом сдвинула с насиженных мест целые народы и бросила их на поиски неведомых земель, призрачного счастья и извечно убегающей линии горизонта. Земля завершала свой очередной эволюционный виток, и человек все яснее слышал таинственные веления Космоса. Через несколько веков вслед за всем этим пришел Великий духовный Учитель Христос, и началась Духовная революция, изменившая сознание множества людей и создавшая тот новый мир, который просуществовал в духовном пространстве Земли вплоть до XX века нашей эры. «...Старая половина таяла, – писал А.Блок о первых веках нашей эры, – умирала и погружалась в тень, новая вступала в историю с варварской дикостью, с гениальной яростью. Но сквозь величественные и сухие звуки римских труб, сквозь свирепое и нестройное бряцание германского оружия уже все явственнее был слышен какой-то третий звук, не похожий ни на те, ни на другие; долго, в течение двух-трех столетий заглушался этот звук, которому, наконец, суждено было покрыть собою все остальные звуки <...> В те времена эта сила называлась христианством»¹.

---

¹ Блок А.А. Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 343.

Говорят, что исторические аналогии ничему не учат. Возможно, это так, но что-то осмыслить с их помощью можно, тем более если это прошлое каким-либо образом напомнит о себе. Это напоминание, как правило, приходит через искусство. Ибо это самое яркое, что может оставить нам ушедшая в небытие история народов. Но смысл этих напоминаний нужно уметь расшифровать и соотнести с нашим временем...

Три процесса в XX веке, определившие дальнейшую судьбу земного человечества и особенности его будущего, носили, несомненно, космический по своим результатам характер. На первое место я бы поставила Духовную революцию, эпицентр которой находился в России. Ее история – это история становления нового космического и многомерного ощущения, история духовного процесса постижения инобытия, осознания его реальности и его роли в эволюции человечества. Искусство, расцветом которого было отмечено начало Духовной революции, сыграло в этом процессе не меньшую, а может быть, и большую роль, чем сама философия, религиозный опыт или новые научные открытия, сокрушившие старые догмы и традиционные, отжившие свой срок концепции.

Духовная революция, вместе с двумя другими процессами – Первой мировой войной и российской социальной революцией, оглушительный взрыв которой разрушил материю старого мира, – была неизбежным следствием тех энергетических сдвигов, которые произошли в Космосе задолго до этих событий и к своему сроку из невидимого и непроявленного превратились в действительность земной плотной материи. Смысл этого космического действия состоял в разрушении старых, обветшавших форм бытия, в замене их новыми и в ускорении хода самой эволюции в плотном мире. Планета Земля знала подобные сдвиги в далеком прошлом, современное человечество проходило их впервые. Наступил неумолимый срок Выбора.

Выбор, как и действия, определившие его, носил космический характер. Космос предоставил человечеству возможность, свободная его же воля должна была сделать свой выбор – вверх или вниз, эволюционное восхождение или падение в бездну инволюции. Срока на размышление почти не оставалось, мучительная точка Великого Времени светила, как мерцающая, неверная звезда в тумане плотного Бытия, готовая в любой момент исчезнуть и больше никогда не вернуться. Пророки и поэты предсказывали бедствия и наступление ночи Апокалипсиса, философы осмысливали ее значение, художники создавали

загадочные и таинственные полотна, суть которых стала ясна много позже. Дыхание инобытия коснулось плотного мира, принеся ему мечту о крыльях спасения и сны грядущей ночи. Духовная революция свела воедино в тот ночной час и творцов искусства, и философов, и пророков, и великих ученых. Если подлинное искусство, касаясь своим творчеством миров иных, предрекало будущие земные события, то философы вскрывали диалектику наступающего времени. «Через культуру, – писал Н.А.Бердяев, – лежит путь вверх и вперед, а не назад, не к докультурному состоянию, это – путь претворения самой культуры в новое бытие, в новую жизнь, в новое небо и новую землю. Лишь на этом пути ворвавшиеся в культуру варварские звуки и варварские жесты могут быть соподчинены новому космическому ладу и новому космическому ритму. Не только искусство, но и все творчество человеческое безвозвратно погибнет и погрузится в изначальную тьму, если оно не станет творчеством жизни, творчеством нового человека и его духовным путем»¹.

Борьба между старым и новым, между созиданием и разрушением приняла такой острый и непримиримый характер, что фактически привела к переделу мира и гибели многих человеческих ценностей. Социальная революция 1917 года в России, с ее старым социологическим миропониманием, ставила перед собой в основном материальные цели и пренебрегала духовным смыслом грядущего Нового мира. Новое космическое мышление, которое зарождалось в поле Духовной революции, было чуждо руководителям и участникам революции социальной. В результате обе эти революции, совпадавшие во времени и пространстве, оказались резко противоположными друг другу не только по идеологии и целям, но и по используемым средствам. Те, кто представлял Духовную революцию, прежде всего поэты, художники, философы, ученые, пророки, звали к восхождению и говорили о духовных крыльях Нового мира. Те же, кто участвовал в социальной революции, искали Новый мир на окровавленной земле среди обломков старого мира. В апокалиптической ночи шла борьба между крылатыми, звавшими вверх, – туда, откуда на Землю лился свет Высокого инобытия и где сверкала лиловая звезда нового творчества, и бескрылыми, не признававшими ничего, что не укладывалось в рамки их плоского маломерного мышления. Первая схватка между ними кончилась поражением крылатых, их трагической гибелью, их самопожертвованием.

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 418.

Духовная революция – это процесс, который обычно растягивается во времени на несколько веков, а порой и больше, ибо он связан с внутренним миром человека, с развитием его духа и расширением его сознания. Социальная революция – это взрыв, вспышка накопившейся энергии, происходящая во внешнем слое материи бытия и имеющая свой не только земной, но и космический смысл. «День истории, – писал Н.А.Бердяев, – перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно <...> И мы всегда должны помнить, что страшные войны и революции, крушения культур и гибель государств не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидением»¹. Будучи эволюционным взрывом, социальная революция несет в себе разрушительный заряд, который уничтожает старое, мешающее дальнейшему продвижению. Космический смысл революционного взрыва – в разрушении старого, а не в созидании нового. Поэтому, какие бы справедливые лозунги революция ни выдвигала, она сама не в состоянии их реализовать. Этим занимаются те режимы и те люди, которые приходят к власти после революции. Требовать созидания от революции и ее вождей – все равно что ждать от взрыва, расчистившего площадку для строительства нового здания, чуда немедленного вознесения этого здания. Его будут строить не «подрывники», а те, другие, которые сами выберут материал для строительства. Каким же будет этот материал – покореженные осколки старого или ладные кирпичи нового – зависит от самих строителей и от того, какой смысл они вкладывают в свое созидание.

Русская социальная революция отличалась от предшествующих ей, английской и французской, тем, что вместе с ненужным старым хламом она уничтожила и многие вековые культурные накопления, которые лежали в основе традиционной жизни народа. Поэтому то новое, что хотела создать послереволюционная Россия, в отличие, например, от Франции, не имело под собой достаточно прочного фундамента, и здание «нового мира» шаталось, скрипело и наконец рухнуло в конце XX столетия. Осмысливая эту особенность, выдающийся литовско-русский поэт Юргис Балтрушайтис, преданно служивший стану Духовной революции, писал: «...не столько от внешнего, сколько, может быть, от внутреннего разлада и натяжения вещей и судеб разразилась мировая война, она пошатнула и расшатала самую основу всечеловеческой жизни и превратила в один ужасающий вихрь всю

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 410.

стихию бытия. А из бедствия войны огненной лавой, накопленной веками, из самой сердцевины земли, может быть, от самой сердцевины мира, вырвалась Революция: она подожгла наш зачумленный дом с другой стороны, с другого конца, иным пламенем <...> погибла в огне вся прежняя плесень и затхлость жизни, равно как погибло и многое святое на время, и многое святое навсегда»¹.

Культура во времена всемирных потрясений всегда имела свое, особое взаимодействие с революцией, имела свой, наработанный ею веками ритм. В июне 1917 года Андрей Белый опубликовал статью «Революция и культура», в которой попытался осмыслить этот процесс. «Цвет культуры – *зеленый*, – писал он, – и цвет революции – *огненный*. С точки зрения этой изорвана эволюция человечества революционными взрывами: то бежит раскаленная лава *кровавым* потоком по зеленеющим склонам вулкана, то по ним пробегает *зеленая* поросль культуры, скрывая остывшую, оземленевшую лаву; революционные взрывы сменяют волну эволюций; но их кроют покровы бегущих за ними культур; за зеленым покровом блистает кровавое пламя, и за пламенем этим опять зеленеет листва; но *зеленый* цвет дополнителен *красному*»².

Андрей Белый, поэт и философ, нашел удачный ритмический образ взаимодействия Культуры и революции. Безусловно, период Культуры более длителен, чем время революции, но русская революция разрушила чередование красного и зеленого цветов. После нее почему-то не появилась густая зеленая поросль уцелевшей и развивающейся Культуры. На остывшей лаве революции возникли то там, то здесь лишь чахлые травинки и кустики, которые и культурой назвать можно было с большим трудом. Они не смогли полностью, как это было в предшествующих революциях, закрыть красный цвет, он остался в послереволюционной России как вечное напоминание об Октябрьской революции, идеология которой определила развитие послереволюционного общества. Поэтому и сбился космический ритм красного и зеленого. Память о великом духовном Учителе, пришедшем в начале нашей эры на планету, была убита, а храмы Его разрушены и осквернены. Философская категория Бога, или Космического Иерарха, или Высшего, была отвергнута. «Новый мир» и «новый человек» должны были обойтись без этого. Красная лава не остывала в России на протяжении всего XX века.

---

¹ Балтрушайтис Ю. Жертвенное искусство // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 204.

² Белый Андрей. Символизм как миропонимание. С. 297.

Наряду с другими областями творчества, в Духовной революции особую роль сыграла философия Серебряного века. Среди ее носителей были такие высокие умы, как В.С.Соловьев, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин и ряд других. В их трудах мы находим мысль и религиозную, и философскую, и научную. Работы философов Серебряного века – «Чтения о Богочеловечестве», «Оправдание Добра. Нравственная философия» В.С.Соловьева, «Философия свободы», «Смысл творчества», «Судьба России», «Творчество и объективация», «Царство Духа и царство кесаря» Н.А.Бердяева, «Столп и утверждение истины», «Мнимости в геометрии», «Обратная перспектива», «Общечеловеческие корни идеализма» П.А.Флоренского, «Свет невечерний», «Два града» С.Н.Булгакова, «Путь к очевидности» И.А.Ильина и другие были самобытны, в них отсутствовало традиционное подражание западным школам. Отойдя от мелких политических моментов, от вопросов рутинного бытия, русские философы поместили в центр своих исследований человека, особенности его духа, эволюционную его судьбу и роль Высшего во всем этом. Старое социологическое мышление, с его традиционными подходами, не могло ответить на многие вопросы, которые ставили перед Россией и миром события космического масштаба. Русские мыслители интуитивно ощущали те энергетические изменения, которые несла в себе эволюция Космоса и человека XX века. Они, эти мыслители, переходили, по выражению Н.А.Бердяева, в «иное идейное измерение», прозревая энергетическую целостность Мироздания и его неразрывную связь с человеческим бытием.

Не менее значительной в Духовной революции была и роль новых научных идей и новых научных открытий. Новое мышление, складывающееся в ходе Духовной революции, ставило перед научной мыслью новые задачи, вызов которых приняли самые выдающиеся ученые. Именно они, в первую очередь, востребовали те накопления метанаучных знаний, которые в течение многих веков существовали в пространстве духовного познания человечества. Нахождения великих ученых, таких, как В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский, возникали на синтезе науки и метанауки. В их работах формировался целостный подход к явлениям природы и человеческого общества.

Ученые обратили внимание на забытые мысли древних мудрецов о тесном взаимодействии человека, планеты, Космоса, о фундаментальном единстве макро- и микрокосмоса. Эти мысли находили

подтверждение в научных открытиях. Особенно много для осмысления новых открытий дала умозрительная философия Востока. Новое космическое мироощущение вводило в науку категорию духа, приближало ученых к изучению иных состояний материи и заставляло их искать экспериментальные подтверждения существования такой материи.

Резкие границы между научным и вненаучным методом стали как бы размываться, направляя поток исследовательской мысли к синтезу в пределах различных явлений космопланетарного характера. Учение В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере, изложенное им в уникальном труде «Научная мысль как планетное явление», было одним из первых научных плодов нового космического мышления на уровне «эволюции, осознавшей себя» (П. Тейяр де Шарден).

Гениальный К.Э.Циолковский в заштатной Калуге писал и говорил об одухотворенном Космосе, о разумных силах в нем, о неодолимой воле Вселенной, об иерархии высокоразвитых существ.

Выдающийся ученый XX века А.Л.Чижевский экспериментально открыл взаимодействие человеческого организма и человеческого общества с деятельностью Солнца и, в частности, с ритмом образования солнечных пятен. П.А.Флоренский, философ и ученый, математически доказывал существование в Космосе невидимого пространства, сочетая эти доказательства с исследованиями особенностей русских икон.

В науку, в ее парадигму постепенно, вместе с невидимыми пространствами и мирами, входило реальное понятие духа и предощущение революционных изменений в самой науке.

Флоренский подтвердил, что в традиционной науке чисто научных (как это мы себе представляем) методов исследования нет. В нее все время вторгается так называемая вненаучная, не основанная на традиционном эксперименте информация, но тем не менее приносящая важные результаты.

Известный философ К.А.Кедров пишет, что, соединив Эйнштейна с Данте, «Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит во Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчивает радиус светового луча, пробегающий свой путь за одну секунду <...>

Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения мироздания; сверну-

лось в клубок наше земное время, вмещающая прошлое, будущее, настоящее. Это есть реальная вечность»¹.

В.И.Вернадский также прибегал к вненаучному способу познания, чтобы доказать научные положения своей теории ноосферы. Он был одним из первых, кто понял несоответствие старой системы научного познания современному процессу развития науки и поставил в своих философских трудах проблему иных взглядов на теорию научного познания. Он как бы снял антагонизм, существовавший ранее в пространстве «наука – не-наука», и даровал равные права науке и другим способам познания, прекрасно понимая, что если такого не сделать, то это скажется самым роковым образом на самой же науке. «Научное мировоззрение, – писал он в 1902 году, – развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою – могут быть разделены только в воображении»².

Вернадский считал, и вполне справедливо, что в современном научном мировоззрении невозможно отделить то, что пришло в него от эмпирической науки, а что от метанауки. И если, вопреки здравому смыслу, это вдруг произойдет, то от научного мировоззрения останутся лишь осколки.

Научная революция XX века была неотъемлемой частью Духовной революции, в которой были тесно переплетены ее составляющие: философия космического мироощущения, научные достижения, находения религиозной и гностической мысли и озарения поэзии и искусства. В активном синтезе перечисленных явлений должна была возникнуть, как Афродита из морской пены, новая система познания, проникнутая вся идеями космизма, но более высокого уровня, нежели изначальный космизм древней мысли.

Новое мышление, которое начало развиваться в XX веке в пространстве Духовной революции в России, являлось более серьезным и глубоким процессом, нежели мы себе это можем представить. Думаю, не ошибусь, если скажу, что происходила смена одного вида мышления другим. Этот процесс носил несомненно эволюционный характер.

---

¹ Кедров К.А. Параллельные миры. С. 140.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 31.

Мы же сами оказались свидетелями событий космического масштаба, всей их грандиозности и острых столкновений, суть которых нами еще до сих пор не осознана.

Великий русский поэт Ф.Тютчев писал о таких периодах:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир¹.*

Не все «собеседники всеблагих» вынесли этот пир. Не все, посетившие «сей мир в его минуты роковые», смогли осознать важность времени, в котором они оказались.

К сожалению, до сих пор мы рассматриваем космическое мышление как одно из направлений в современной мысли, забывая о том, что каждый вид мышления формировался в недрах предыдущего и затем складывался как господствующее направление. В космизме XX века мы имеем не частное направление, а начало (а может быть, уже и не начало) общего процесса замены одного вида глобального мышления другим. Мнение о том, что космизм есть только часть научного мышления, в самой своей сути – неверно. Космизм, или космическое мышление, по своим концепциям много шире современного научного мышления. Нам предстоит еще осознать, что последнее лишь часть уже формирующегося нового мышления, из которого в будущее перейдут его лучшие познавательные элементы. Думать, что новое космическое мышление наступит сегодня или завтра – значит не уметь ориентироваться во времени самого процесса.

Каждый из видов мышления имел свое пространство и свое время. Каждому из них предшествовали революционные изменения в духовно-культурном поле, или, коротко говоря, – Духовные революции.

Известно, что первым, самым древним видом мышления было мифологическое. Крайне трудно сейчас определить время его возникновения. По всей видимости, это произошло за несколько тысячелетий до нашей эры. Мы знаем, что этот вид мышления имел ряд качеств, свойственных только ему. Известно, что мифологическое мышление зародилось на Востоке, древнейшей части нашей планеты.

---

¹ Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 190.

Религиозному виду мышления предшествовала Духовная революция, давшая миру учение Христа. Само же мышление, как таковое, развилось в пространстве Европы в начальные века нашей эры.

Научный вид мышления сохранил за собой европейское пространство. Духовная революция также предшествовала зарождению этого мышления и проявила себя наиболее ярко в мысли французских энциклопедистов, а затем и в Великой французской революции 1799 года. Полагаю, что XVII–XVIII века были временем возникновения научного мышления и эмпирической науки.

И, наконец, четвертый вид мышления, возникший в результате Духовной революции в России в конце XIX – начале XX века, носит название космического. Мы можем считать этот вид мышления чисто российским явлением, но имеющим тенденцию к глобализации.

В начале XX века в поле космического мышления определились его главные культурно-исторические особенности, имеющие, вне всякого сомнения, эволюционный характер:

1. Зарождение новой системы познания на основе синтеза науки и метанауки.
2. Исследование Космоса не только как астрономического явления, но и во всем его энергетическом богатстве и многообразном состоянии материи.
3. Целостный подход к изучению Мироздания, как такового.
4. Причина земных явлений – материя более высокого состояния.
5. Единство макро- и микрокосма – одна из главных методологических особенностей космического мышления.
6. Человек – часть Космоса, несет этот Космос в своей внутренней структуре.
7. Дух – одно из важнейших звеньев, связывающих внутренний мир человека с глубинным Космосом.
8. Человек – сотрудник космических сил, что нашло яркое отражение в теории теургии В.С.Соловьева и во введенном им понятии богочеловека.
9. Космическое мышление – не только новая научная концепция, но и практическое преобразование жизни и сознания человека.
10. Новая система познания теснейшим образом связана с нравственными и этическими моментами.
11. Сознание человека и развитие этого сознания есть важнейший устой, обеспечивающий преобразование человека и его дальнейшее восхождение по лестнице космической эволюции.

XX век сделал еще один важнейший вклад в развитие космического мышления. И этот вклад, как и предыдущие духовно-культурные накопления, формировавшие новое мышление, принадлежит России. Она была первой страной, вышедшей в ближайший Космос. Началось техническое освоение Космоса. На околоземную орбиту вышли сначала спутники, затем управляемые автоматические ракеты и, наконец, космические корабли с космонавтами. Это был грандиозный исторический прорыв, не только изменивший развитие техники, но и давший планете невиданный доселе пласт космической культуры. Те, кто уходил в Космос, несли на Землю опыт, которого еще не знало человечество. Космонавты, имевшие такой опыт, выходявшие в открытый Космос и наблюдавшие Землю из космических глубин, по-новому осмысливали, чувственно и духовно, проблему «человек – Земля – Космос», которая из чисто абстрактной становилась практической и меняла угол зрения тех, кто ощутил черную бездну космической беспредельности и себя в ее невесомости. Время от времени в печать попадают описания необычных явлений и ощущений, наблюдаемых и испытываемых космонавтами, но в этой информации есть много неточного и неясного. Несомненным остается только одно – соприкосновение с Космосом меняет внутренний мир человека и его отношение к самому Космосу и планете, на которой этот человек обитает. Можно сказать, что уходит в Космос один человек, а возвращается другой. Уровень его сознания расширяется, утончаются восприятия. Те ценности, которые не играли в жизни космонавтов до полета особой роли, начинают обретать иное звучание, иное осмысление.

Сергей Кричевский, космонавт-исследователь, образно передал такое состояние в своих стихах:

*Над Землю с волшебным узором,
Над живою иконой святой
Все иначе откроется взору,
И вернется душевный покой.*

*Там рассеются страхи, и чудом
Перемены свершатся с судьбой:
Я очищусь, воскресну и буду
Ладить с миром и ладить с собой¹.*

---

¹ Кричевский С.Н. Земнокрылая душа: Стихотворения: Очерки. М., 1996. С. 13.

И еще одно стихотворение С.Кричевского, которое мог написать только человек, непосредственно связанный с космонавтикой и с опытом, накопленным в ее исследовании.

Я ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ

*Я здесь, на Земле – на планете Земля,
Но в небе душа пребывает моя,
Вместилище духа, чья воля – судьба
По жизни несет и любя, и губя.
И вновь устремляюсь далеко – туда,
Где ярко сияет мечтою звезда.*

*Я в небе: ярчайшей звездой – планета.
На Землю родную волшебной ракетой
Умчалась душа, среди ночи и дня
Оставив летящим по небу меня.
И снова я с небом высоким прощаюсь,
К душе улетевшей своей возвращаюсь.*

*И век этой жизни – вращение здесь:
С Земли в небеса и на Землю с небес.
Стремится из тела душа убежать,
А тело за нею: догнать, удержать.
И миг совпадения – счастья глоток,
Столь редкий и краткий, как молнии ток.*

*Движеньем души управляющий дух
Единое слить не дает мне из двух.
Но дух мой, созревший в назначенный срок,
Вольется в единый духовный поток.
Я здесь, на Земле, до известной поры –
Ждут в небе бескрайнем иные миры...¹*

Философия стихотворения созвучна с поэзией Серебряного века, с ее озарениями и интуитивными находжениями. Особенно четко

---

¹ Кричевский С.Н. Земнокрылая душа. С. 19–20.

проходит линия двойственности, характерная для космо-духовного пространства культуры человечества на протяжении тысячелетий. И здесь этот сюжет звучит по-новому, преображенный опытом космонавтики. Наряду со стихами мы находим в книге Кричевского интереснейший очерк, который называется – «О необычных фантастических сновидениях-состояниях, возникавших у людей в космических полетах на околоземной орбите». В нем – свидетельства людей, побывавших в космосе, которые собрал автор. Значение этих свидетельств трудно переоценить. Кричевский назвал состояния, о которых рассказывали космонавты, феноменом состояния-сновидения (ФСС). Подобные состояния-сновидения у космонавтов во время полета возникали неожиданно и ночью, и днем, во время расслабления. Обобщения автора необычны и уникальны. Считаю необходимым привести их целиком¹.

«1. Ты сам как бы проходишь, претерпеваешь одну трансформацию или несколько трансформаций, неожиданно и быстро превращаясь из своего привычного исходного человеческого облика-самоощущения в какое-то животное, похожее на динозавра или другое животное, и перемещаешься в соответствующую окружающую среду. Затем остаешься в преобразованном виде или последовательно превращаешься в другие живые организмы (других животных, людей), ощущая себя ими. При этом всегда ощущаешь себя невесомым, способным совершать любые перемещения в пространстве.

Одновременно происходят соответствующие сценарию превращения трансформации внешней окружающей среды и комплекса ощущений.

Причем, возможно не только пребывание в ролях предшествующих организмов из древности, но и в ролях различных людей, а также (предположительно) – в ролях различных инопланетных (неземных) живых существ (гуманоидов и других инопланетян).

2. Происходит одновременный перенос в пространстве-времени, в том числе перенос на другие (неизвестные) небесные тела.

3. ФСС (по изложению К1) возникает так, как будто откуда-то извне идет поток информации в твою голову, а после прекра-

---

¹ Автор не сообщает из понятных соображений фамилий космонавтов, чьи свидетельства фигурируют в его книге. Он отмечает их как К1, К2, К3, К4 (Космонавт 1 и т.д.).

щения потока – исчезает. Как будто кто-то мощный и великий снаружи пытается передать тебе эту новую и необычную для человека информацию.

4. Процесс входа в ФСС и пребывания в них сопровождается сильнейшими эмоционально-психическими ощущениями. Наиболее интенсивные ощущения возникали при входе в ФСС во время расслабления, отдыха в течение дня, а не во время ночного сна.

5. Воздействие на психику (по высказыванию К1) настолько мощное, что, начинаясь в ситуации бодрствования-сознания, ФСС создает ощущение “поехавшей крыши”. Только люди с сильной и устойчивой психикой способны это выдержать.

О возможности ФСС и соответствующих мощнейших ощущений космонавта К1 первым неофициально-доверительно предупредил перед полетом один из старших товарищей – космонавт К3.

6. При погружении в ФСС, пребывании в них, при выходе из них никаких реальных действий, агрессивности и т.п., по внешним наблюдениям за человеком, пребывающим в этих состояниях, не зафиксировано.

7. Характерным свойством ФСС является резкое сжатие-уплотнение времени и соответствующего потока информации (в первом приближении в 50–100 раз): состояние длится несколько минут по бортовому реальному времени, а по субъективному ощущению человека, пребывавшего в ФСС, длительность соответствует нескольким часам.

К1 наблюдал момент погружения в состояние дремоты-сна во время обеденного перерыва у своего коллеги К2. К1 засек время: по часам процесс длился около 4 минут. После этого К2 перешел в состояние бодрствования, затем оставшуюся половину дня подробно рассказывал, описывал в беседе с К1 те ощущения, которые были у него в этом ФСС. По субъективному ощущению времени К2, события данного ФСС происходили в течение примерно 4 часов.

8. ФСС (по словам К3, которые пересказал автору К1) может возникнуть в полете не сразу, может быть только через месяц или позже. Может вообще не возникнуть. Возникает внезапно и так же внезапно прекращается. Не надо паниковать, все проходит без всяких последствий.

К1 спрашивал у других своих коллег о таких явлениях. Подтверждение получил от К2 в полете. Некоторые из космонавтов отрицают такие явления, возможно, скрывая. Другие, как, например, космонавт К4, считают, что это просто дурные сны. На вопрос К1 о том, были ли в полете необычные состояния (по типу ФСС), К4 отвечал, что иногда снилась всякая чепуха.

9. Управлять ФСС (началом, содержанием сценария и др.) невозможно»¹.

Обобщения, сделанные С.Кричевским на основании свидетельств космонавтов, работавших на околоземной орбите, представляют собой уникальный, с точки зрения научной и философской, материал, имеющий концептуальное значение для истории мысли на планете Земля.

Эта информация со всей убедительностью подтверждает регулярное влияние Космоса на человека и планету. Даже техническое соприкосновение с Космосом на недалеких расстояниях обогащает наше космическое мышление и выводит его на высокую орбиту нашего духовно-культурного пространства.

Космонавтика и феномены, обнаруженные в Космосе, свидетельствуют еще об одном важном обстоятельстве. На космической орбите наряду с научно-экспериментальным способом познания действует и метанаучный, который составляет важнейшую часть новой системы познания и в Космосе, и на Земле. Можно сказать, что как бы сам Космос объективно соединяет научный и метанаучный способы познания. Последний подтверждается явлениями, которые описаны космонавтом-исследователем Сергеем Кричевским. При формировании космического мышления на планете Земля, процесс которого с каждым десятилетием расширяется все больше и больше, метанаучный способ познания требует к себе все более пристального внимания. Орбитальные феномены свидетельствуют о том, что новое космическое мышление, новая система познания не смогут быть полноценными без метанауки, складывающейся на Земле в течение ряда тысячелетий под непосредственным влиянием энергоинформационного обмена, идущего в Космосе.

«Космонавтику, область космической деятельности, – пишет С.Кричевский, – целесообразно рассматривать не в виде специфической самоценной сферы, а как модель будущего человеческой косми-

---

¹ Кричевский С.Н. Земнокрылая душа. С. 27–28.

ческой цивилизации и соответствующих отношений <...> Космонавтика – это волшебное зеркало, в котором человечество увидело себя в 21-м веке»¹. Полагаю, что с этим нельзя не согласиться. XXI век, проходя через трудную стадию формирования нового космического мышления, нуждается в этом «волшебном зеркале». Это лишний раз подтверждает, что новый человек с расширенным сознанием и высокими нравственными качествами не возникает без космического влияния, вне зависимости от того – идет ли это влияние через технически обеспеченный космический полет или через внутренний мир человека в результате духовной практики, наработанной в пространстве метанауки.

---

¹ Кричевский С.Н. Земнокрылая душа. С. 36–37.

An abstract painting with warm, earthy tones of yellow, orange, and brown, interspersed with cooler shades of green and blue. Dark, almost black, shapes are scattered throughout, particularly on the left side, suggesting a figure or a shadow. The texture is visible, with brushstrokes and layered colors.

ЧАСТЬ II

ВЕСТНИКИ

КОСМИЧЕСКОЙ

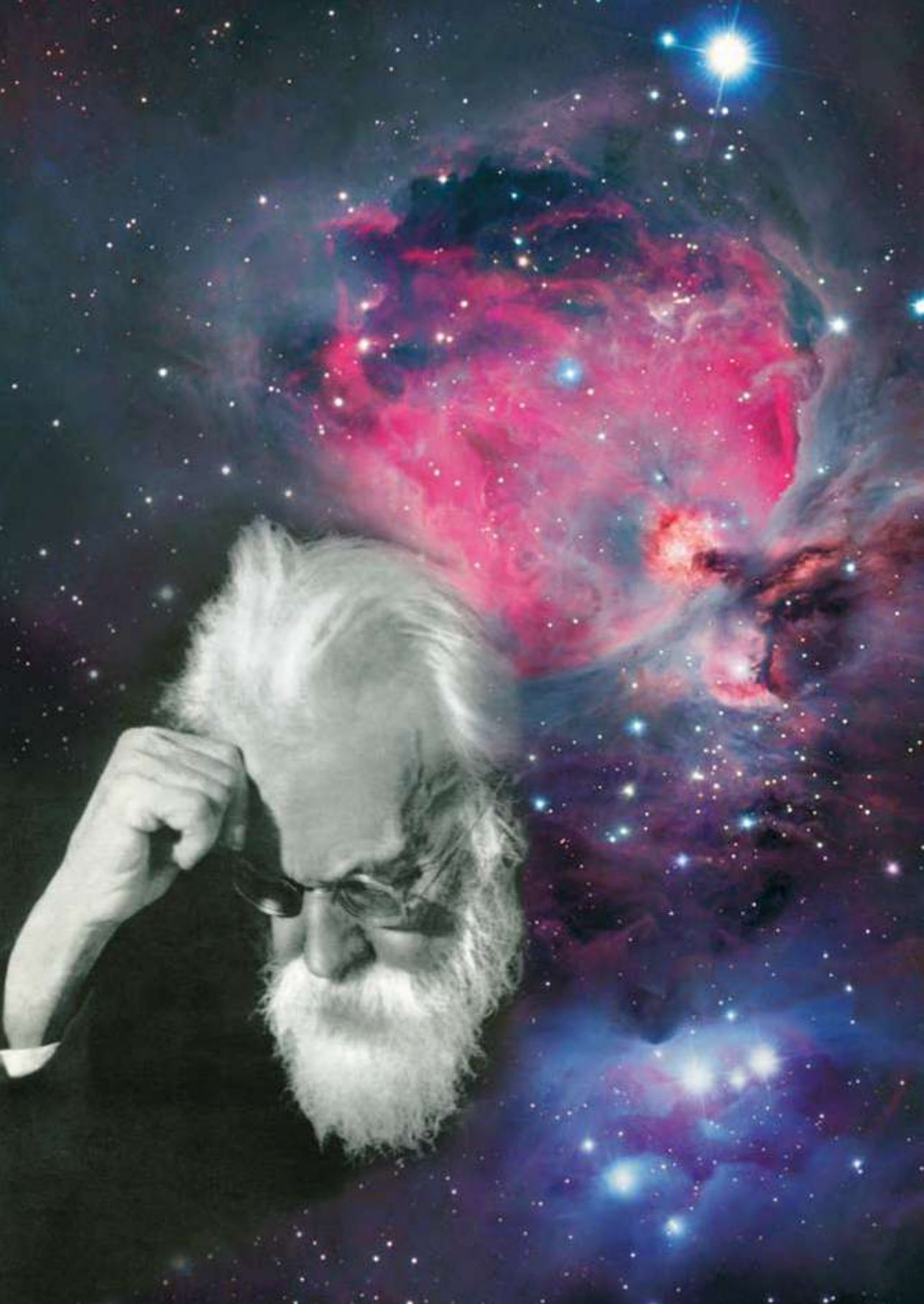
ЭВОЛЮЦИИ

Жизнь великих людей протекает не только в поисках законов природы, но и в изнурительной, истощающей и бесконечной борьбе с противниками. Такая жизнь обычно бывает трагична. Она либо заканчивается в молодом возрасте, ибо общество не может долго выносить дерзость гения и так или иначе убивает его, либо приводит к преждевременной старости и лишает его сил, необходимых для творчества. И это ослабление духа влечет за собою быстрое одряхление и наконец смерть. Эти люди уходят из жизни, далеко не исчерпав всех данных им от природы возможностей. Когда бы ни умер великий человек, всегда возникает чувство крайней досады, ибо кажется, что унес он с собою большую долю невысказанных идей и незавершенных творений. Поэтому человечество обязано бережно охранять их жизнь от всякого посягательства и клеветы. Жизнь великого человека должна быть священной не только после его смерти, но и при самой жизни. Гений – это редчайшее из редчайших проявлений вида, что возносит человеческий род над всею природою, над бездною бездн, над мириадами живых существ, где бы они и когда бы они ни жили! Мы обрекаем гения на холод и голод, на непрекращающуюся борьбу с отбросами человеческого общества, карьеристами и завистниками... И мы наблюдаем с интересом и увлечением за этой дикой борьбой, как римляне – за кровавыми боями гладиаторов с дикими зверями. Мы в 20 веке допускаем инквизиторские приемы и требуем от Галилея отречения. Мы заточаем гения в тюрьму или доводим его до самоубийства.

А.Л.Чижевский

Долог список преступлений против блага человечества, долог список мучеников знания и света, и списки эти, к стыду человечества, продолжают пополняться и в наш «просвещенный» век.

Е.И.Перух

1. «ЦАРСТВО МОИХ ИДЕЙ ВПЕРЕДИ»

...Среди несущихся в пространстве энергий много ценных жизнедателей. И среди людей утверждаются эти жизнедатели. Часто среди людей они проходят незамеченными, часто непризнанными, часто отверженными. Часто эти Носители Истины и Закона творят эволюцию.

Беспредельность, 388

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса – какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза.

Н.К.Рерих

Десятилетиями, целыми столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его – открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим исследователям придется учиться его острой, упорной и отчеканенной, всегда гениальной, но трудно понимаемой творческой мысли; молодым же поколениям он всегда будет служить учителем в науке и ярким образцом плодотворно прожитой жизни.

А.Е.Ферсман

«Мне хочется записать странное состояние, пережитое мной во время болезни. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться многих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни до смерти. Это не был вещий сон, т.к. я не спал – не терял сознания окружающего. Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далекого от происходящего. Это было до такой степени интенсивно и ярко, что я совершенно не помню своей болезни и выношу из своего лежания красивые образы и создания моей мысли, счастливые переживания научного вдохновения. Помню, что среди физических страданий (во время впрыскивания физиологического раствора и после) я быстро переходил к тем мыслям и картинам, которые меня целиком охватывали. Я не только мыслил и не только слагал картины и события, я, больше того, почти что видел их (а м[ожет] б[ыть] и видел) и, во всяком случае, чувствовал – например, чувствовал движение света и людей или красивые черты природы на берегу океана, приборы и людей. А вместе с тем я бодрствовал.

Я хочу записать, что помню, хотя помню не все. То же советуют мне близкие, которым я кое-что рассказывал. И сам я не уверен, говоря откровенно, что все это плод моей больной фантазии, не имеющей реального основания, что в этом переживании нет чего-нибудь вещного, вроде вещей снов, о которых нам несомненно говорят исторические документы. Вероятно, есть такие подъемы человеческого духа, которые достигают того, что необычно в нашей обыденной изоднодневности.

<...> Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности, я почувствовал в себе *демона Сократа*. Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и, в таком случае, я, несколько не меняясь в своей сущности, попадаю в первые ряды мировых ученых. Как все случайно и условно. Любопытно, что сознание, что в своей работе над живым веществом я создал новое учение и что оно представляет другую сторону – другой аспект – эволюционного учения, стало мне ясным только после моей болезни, теперь.

<...> Любопытно, что можно найти здесь и правильное мне указание в отношении научного мышления. Во время этих мечтаний и фантазий я находил новое в научной области. Во время болезни я продиктовал кое-что Наташе. Там много нового и еще больше такого, что может быть проверено на опыте и наблюдении. Это уже и для строгого ученого реальное из реального. И отчего оно реально только вырванное из целого?

Хочу еще отметить, что мысль образами и картинами, целыми рассказами – обычная форма моих молчаливых прогулок или сидений.

В двух областях шла эта работа моего сознания во время болезни. Во-первых, в области религиозно-философской, во-вторых, в области моей будущей судьбы в связи с научным моим призванием. Кажется, в начале и затем в конце брали верх религиозно-философские переживания. Но они менее ярко сохранились в моей памяти, хотя казались мне очень ярко выражавшими мое понимание истины. На них я первых и остановлюсь <...>

К религиозно-философским концепциям я в течение этих мечтаний вернулся еще раз, но я изложу немного из того, что помню, в конце записи, когда буду говорить о будто бы предстоящей мне написать книге “Диалог перед смертью”. Теперь же мне хочется сделать

несколько странных замечаний как ученому. Путь фантазии (как и сны) капризен, и уловить все причины возникновения тех или иных идей, проявляющихся при этом, так же трудно, как уловить их в сложных событиях жизни. Однако они все-таки, вероятно, есть или, по крайней мере, мы можем найти их, подойти к этим явлениям с точки зрения ученого <...>

Главную часть мечтаний составляло, однако, мое построение моей жизни как научного работника и, в частности, проведение в человечество новых идей и нужной научной работы в связи с учением о живом веществе. В сущности, и здесь – особенно в начале болезни – проходили и ставились две идеи: одна о новой мировой организации научной работы, другая – о соответствующей ей постановке исследований в области учения о живом веществе. В конце концов, однако, мысль сосредоточилась около этой последней, т.к. именно к ней как будто должна была устремиться вся работа моей личности. Основной целью моей жизни рисовалось мне создание нового огромного института для изучения живого вещества и проведение его в жизнь, управление им. Этот институт, международный по своему характеру, т.е. по темам и составу работников, должен был являться типом тех новых могучих учреждений для научной исследовательской работы, которые в будущем должны совершенно изменить весь строй человеческой жизни, структуру человеческого общества. Мои старые идеи, которые неизменно все развивались у меня за долгие годы моей ученой и профессорской деятельности и выразились в 1915–1917 гг. в попытках объединения и организации научной работы в России и в постановке на очередь дня роста и охвата научными учреждениями Азии, явно сейчас потеряли реальную основу в крушении России. Не по силам будет изможденной и обедневшей России совершение этой мировой работы, которая казалась столь близкой в случае ее победы в мировой войне. Мне ясно стало в этих фантастических переживаниях, что роль эта перешла к англичанам и Америке.

И в начале эти построения будущего шли по этому пути моих размышлений последних лет, попыток международных организаций, причем крупную роль в этих организациях должны были играть инженеры. Однако очень скоро картины этого рода – предварительные совещания немногих на яхте, где-то в море, международные съезды и т.д. – отошли от меня. Мне как-то ясно стало, что эту форму работы для мировой организации нельзя совместить со своей собственной научной работой; одна организаторская работа меня никогда

не удовлетворяла, как бы широка она ни была, например когда я был товарищем министра народного просвещения России, ведавшем очень самостоятельно делами высшего образования и науки в России. Я перешел к организации *исследовательского института живого вещества*. В представлениях о том, как я добивался этого, мною строились целые картины свиданий и переживаний, заседаний и споров с знакомыми и вымышленными фигурами, подобно тому, как это бывает во сне или в тех фантастических рассказах и сказках, которые строишь себе иногда – лично я часто перед и после сна и во время прогулок.

Приехав в Лондон с Наташей, я устраивал возможность прожить для своей работы, работая в Британском музее. Я писал, Наташа переводила. Устроило возможность пережить эти месяцы Королевское Общество, которое дало мне помещение и возможность лабораторной работы, после того как мой доклад и с изложением главных результатов моего труда о живом веществе встретил горячее сочувствие в Комиссии Королевского Общества. Одновременно с этим я пробивался в Лондоне, обрабатывая научный каталог коллекции силикатов Британского музея...

Я изложил свою теорию и систематику силикатов на английском языке, причем сделал обративший внимание доклад в Английском химическом обществе. Составление каталога силикатов дало мне некоторый заработок и связи. Выступив в Королевском Обществе с просьбой о поддержке, я одновременно поднял вопрос о необходимости ввести геохимическое изучение и химические исследования живого вещества в прикладных морских биологических лабораториях и с этой целью поднял эти вопросы перед Английской морской биологической ассоциацией, причем удалось возбудить интерес к этим вопросам среди химиков и биологов, и я явился консультантом морской биологической экспедиции в Плимуте, где исследование химии рыб сразу дало интересные результаты, а мой доклад с общими соображениями этим путем выдвинул вопросы и перед английскими биологами. К этому времени я получил известие от М.И. Бессмертной о ее результатах над нахождением металлов. Ее результаты и результаты в Плимуте дали возможность мне возбудить перед Королевским обществом вопрос о создании научной организации здесь в Лондоне для исследования живого вещества; были получены средства на помощников <...> и поставлены продолжения киевских работ в Фарадеевской лаборатории или какой-то другой. По приглашению Британской Ассоциации я выступил с огромным успехом на ее заседании с общим докладом (о свойствах

живого вещества) и с изложением экспериментальных результатов в Киеве, Плимуте, Лондоне (о нахождении и значении металлов в живом веществе). Этот доклад, где я указал на необходимость и важность создания Института живого вещества, вызвал интерес и в Америке. Все это создало известную атмосферу около моей книги, а когда она через несколько месяцев после – через год почти после моего приезда в Лондон – вышла в свет, она имела огромный успех. И в результате в Америке создали Комитет для организации Института живого вещества и сбора средств. Издание книги дало и материальную независимость. Она вышла одновременно и на русском языке и была быстро переведена на другие языки. Я стал известностью.

Такова схема первых успехов. В течение болезненных мечтаний на этой почве шли разнообразные более мелкие картины, иногда очень яркие и полные подробностей: новые дружеские связи, сношения с Россией и Америкой и т.д., например указания на то, что для выработки приборов (о которых дальше) я нашел главного помощника в Плимуте среди химиков, а среди переписки, вызванной изданием “Мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения”, среди немецких зоологов нашел друга, который явился одним из главных помощников и организаторов биологической части будущего института в Америке. Все это ярко и очевидно, все это художественные создания той формы охвата явлений, в какие вылилось мое сознание, а не сущности этим процессом открываемого.

После выхода книги, потребовавшего нового издания, я немедленно принялся за написание курса минералогии, который переводила Наташа и в котором я как бы переносил в мировое научное сознание всю ту работу, которую я проделал во время долгих лет московской университетской деятельности. Я подводил итоги своей жизненной работе и, кроме того, считал издание этой книги, которая должна была внести в мировую культуру результаты русской культурной работы, для себя обязательным и с этой точки зрения. Книга, изданная в двух томах, имела тоже большой успех, особенно в Америке, а затем я непрерывно до 80-летнего возраста ее изменял, дополнял и перерабатывал. Одновременно вышло русское оригинальное издание, и она была переведена на другие языки.

В промежуток между изданием двух томов первого издания я отправился на несколько месяцев в США по приглашению образовавшегося там Комитета для создания *Института живого вещества*, собравшего большие средства, и прочел ряд лекций с большим успехом,

особенно в Балтиморе, пропагандируя идею о необходимости изучения живого вещества. В лекциях – около 8–10 – я развивал части учения, не затронутые в моих “Мыслях”, как бы заменяя этим большой труд, начатый в Шишаках, рукопись которого была доставлена мне из Киева. Скажу сразу, что этот труд как будто был мной оставлен, кроме второго тома (биогеохимическая история химических элементов, которая была мной позже издана) – а остальное вошло в “Мысли” и отдельные очерки и речи. Среди американских речей имела успех особенно одна, о ближайших задачах и целях Института живого вещества и необходимости его создания в Америке, вызвавшая приток денежных пожертвований, позволивший довести нужный капитал до нескольких десятков миллионов долларов (до 70!). В конце концов, уже во время этой поездки, было выбрано место для создания Института, и началась выработка его плана.

Место было выбрано на берегу моря, Атлантического океана, аналогично морским биологическим станциям в Южных Штатах С. Америки. К постройке и организации Института было приступлено немедленно. Основы его организации были мною продиктованы Наташе – я их здесь оставляю. При Институте площадь земли с лесом, которая является неприкосновенной для сохранения нетронутой культурой природы.

После возвращения в Европу, в Лондон, и издания 2-го тома “Минералогии” отправился в европейскую поездку – в Берлин, Петроград, Москву, Киев, Прагу, Мюнхен, Париж, Лондон, как бы прощаясь с Европой и заканчивая свои дела, подбирая сотрудников, вырабатывая и подбирая инструменты. В России я прочел три речи с новыми разъяснениями учения о живом веществе, причем речь в Петрограде – “О будущности человечества” – позволила коснуться глубоких вопросов философского характера, к которым я вернулся в конце жизни. Я сейчас не мог найти слов для логического выражения ее содержания – но во время болезни я переживал это содержание. Исходя из идеи автотрофности человечества, как результата мирового геологического процесса, идущего с неизбежной необходимостью во времени, и непроходимой пропастью между живым и мертвым – я пытался подходить к научному изучению сознания и резко выступал против его смешения с материей. Мне не удалось в Петрограде выяснить эти мои переживания – но мне казалось, что я еще раз в Америке после десятилетия Института с большой глубиной и успехом [дал] изложение этих вопросов. Об этом позже. Во время поездки, среди встреч и прощаний с друзьями, среди всяких успехов в отношении научных достижений,

я энергично подбирал сотрудников, выговорив себе право самостоятельного решения этого подбора, не стесняясь национальностью и приглашая много немцев и славян. В Институте до 50–70 постоянных научных сотрудников.

Во время этой поездки я как бы прощался с друзьями и вел хорошие беседы с Сергеем Ферсманом в Петрограде, как будто с Иваном, хотя фигура Ивана как будто в тумане.

Вернувшись в Лондон, я в течение ряда месяцев заканчивал свою работу – второй том каталога силикатов Британского музея, в котором дал полную монографию этой главнейшей группы минералов и издал на английском языке (и русском) основы геохимии.

Постройка Института шла усиленным темпом. Мы переехали туда, когда все было готово, месяца за два до официального открытия. Я видел каким-то внутренним зрением весь Институт – огромное здание, расположенное недалеко от океана. Кругом дома для научного персонала и служащих среди парка и цветов. Для директора отдельный дом недалеко от Института. В Институте огромная библиотека. Его организацию в общих чертах я продиктовал Наташе. Неясно и спорно было для меня объединение его с геохимическим институтом, необходимость которого неизбежно вытекала по ходу работ института живого вещества.

Когда мы переехали – все было готово; там уже был весь штат, организовавший соответственные отделения – из старых сотрудников и друзей. Во главе отделов стояли лица разных национальностей.

Я ясно себе представил торжество открытия; прибыло много гостей; пароход из Европы (и русские). Удивительно ярко и несколько раз рисовалось мне действие двух больших приборов, разлагавших организмы в количестве десятков тысяч кило... Описания и принципы приборов продиктовал Наташе. Первая проба была сделана над морскими крабами (какими-то колючими) и сразу дала результаты (будто бы открытие в значительном количестве галлия). По идее работа этих приборов – одного для сухопутных, другого для морских организмов, должна идти непрерывно, и штат химиков по специальностям работал так, как работают астрономы. Материал накапливался десятками лет.

Я не буду здесь касаться тех научных тем, которые здесь подымались, ясно было, что множество вопросов химического характера могут быть разрешены этим путем. В течение немногих лет были получены числа состава семейств и групп организмов, подобранных

по известному порядку, и в конце концов работа Института сразу поставила ряд новых задач для физиологии и биологии организмов, стала существенно влиять на ее приложение – в области медицины, техники, агрохимии. К сожалению, я запомнил только часть мелькавших передо мной открытий и новых явлений, и их я продиктовал Наташе. Поразительно, как быстро исчезают из сознания эти освещающие как молнии темноту создания интуиции и как много их помещается в единицу времени. Ясно одно – что здесь область бесконечно великая нового.

В связи с поднимаемыми здесь вопросами в разных отделах Института все время шла непрерывная работа над отдельными задачами, причем уже в течение ближайших лет выяснилось, что миллионные затраты окупались новыми источниками богатства благодаря открытию руд неотделимых раньше элементов (йод, редкие земли и т.д.), новыми их приложениями (удобрения, новые средства от болезней). Огромную область нового дало изучение автотрофных организмов 2-го рода, явившегося одной из ступенек создания Института, и связанная с новыми местами микробиология. Об этих организмах, особенно в связи с автотрофностью человечества, я много думал, и многое стало мне ясным – но я не все запомнил и лишь кое-что записал через Наташу. Но работа сделана, и забытье, вероятно, выплывет позже в сознании моем. Как есть мысли, догадки, достижения интуиции, которые промелькнут и, если не будут зафиксированы, исчезнут навсегда! Весьма возможно, так как область познания и созерцания бесконечна.

Помимо любопытнейших вопросов химического характера, одновременно велись работы и в другом направлении. Прежде всего над *весом* организмов, причем пришлось выработать методы и приемы. Этот вопрос вырешен. Затем над *количеством* живого вещества в разных площадях земной поверхности. Тут встретилось много неожиданного и получились интересные приложения к жизни в смысле подъема урожайности и полей и морей. Луг, лес, поле были изучены с точки зрения количества жизни в разных местах. При помощи частных средств через несколько лет, когда авторитет Института стал высок, была снаряжена специальная экспедиция в девственные места Ю.Америки и для океана произведен учет скопления Саргассова моря в сравнении с обычными океаническими скоплениями живого вещества. В обработке материалов Саргассова моря я принимал деятельное участие, когда мне было уже за 70 лет.

В чем состояла работа в области признания энергии, вносимой живым веществом, я почему-то почти ничего не помню, какие из этих сторон работы Института стали передо мной в своих новых достижениях.

Внимание было обращено на энергетический учет сознания (работы человечества), и результаты этой работы, сравнимые с таким же учетом автотрофных организмов 2-го рода, составляли предмет моей речи в день первого десятилетия Института. Выдвигались и энергия светящихся организмов, и энергетический анализ разных групп строения живого вещества по классам (автотрофность 1-го и 2-го родов, паразиты, травоядные, клещи, сапрофиты и т.д.) в разных сгущениях и т.д.

Жизнь шла в непрерывной работе. Институт много издавал, и много работ моих тут было помещено. В новых открытиях и среди новых вопросов шла вся моя жизнь, постоянно стремясь вперед. А вопросов и задач все более крупных являлось все больше. В свободное время по окончании работ я читал по философии, общим вопросам и великих поэтов. Почему-то не раз мне представлялось, что углубился в испанскую литературу, как новую, так и старую. Здесь я набрасывал мысли для последнего сочинения “Размышления перед смертью”.

Очень редко выезжал в Америку. Благодаря изданию книги, в частности “Минералогии”, и содержанию в качестве директора Института я имел возможность располагать значительными средствами, которые я, например, тратил на подбор книг по истории науки (после смерти – в Киевскую библиотеку) и приобретение минералов (для Петроградской Академии и силикаты – в Британский музей). Книги по минералогии и геологии по-прежнему передавал в Геологический музей Академии наук.

Рисовались и частности прогулок, экскурсий, дружеских разговоров, приезда детей, друзей и т.д. – но, мне кажется, это все те поэтические надстройки, которые всегда в такой форме переживания создаются фантазией¹.

Так шла жизнь почти до конца. Я как будто стал во главе Института, когда мне было 61–63 года, и оставался им до 80–84, когда ушел из него и поселился доживать свою жизнь в особом переданном мне здании с садом, не очень далеко. Здесь я всецело ушел в разработку того сочинения, которое должно было выйти после моей смерти, где я в форме отдельных отрывков (maximes) пытался высказать и свои за-

---

¹ Среди событий – юбилей 10-летний Института, когда был съезд, речи и т.д., очень яркая рисовалась картина. (Примечание В.И.Вернадского, автора дневника.)

ветные мысли по поводу *пережитого*, *передуманного* и перечитанного и свои философские и религиозные размышления. Частью это были те наброски, которые я делал в часы досуга и стороннего чтения, частью вновь написанные. Ярko пробежали в моей голове во время болезни некоторые из этих мыслей, которые казались мне очень важными и обычно фиксировались в моем сознании краткими сентенциями и какими-то невыраженными словами, но прочувствованными моим внутренним чувством, моим «я» и очень мне тогда ясными впечатлениями. Сейчас я почти ничего из этого не помню, и мне как-то не хочется делать усилий для того, чтобы заставить себя вспоминать. К некоторым из этих, закрытых мне теперь, но бывших, а может быть, и сейчас бессознательно для меня живущих мыслей, у меня есть какое-то внутреннее не то стыдливое, не то священное чувство уважения, и мне не хочется их касаться, а хочется их ждать, ждать того нового порыва вдохновения, когда они появляются все целиком и когда они будут понемногу выявляться в моей жизни. Такие состояния в гораздо меньшей степени мне приходилось переживать и раньше. Я помню, однако, что некоторые из этих мыслей имели характер гимнов (которых я никогда не пробовал раньше писать) и в одной из мыслей я касался, в переживаниях мне думалось очень глубоко, выяснения жизни и связанного с ней творчества, как слияния с Вечным Духом, в котором слагаются или который слагается из таких стремящихся к исканию истины человеческих сознаний, в том числе и моего. Выразить ясно я это не могу, и то, что я только что написал, меня не удовлетворяет, но я не хочу глубже вдумываться в эту формулировку, по причине только что указанной.

Умер я между 83–85 годами, почти до конца или до конца работая над «Размышлениями». Я писал их по-русски и очень заботился, чтобы одновременно вышел точный английский перевод.

Заботу об издании этой книги я завещал нескольким лицам с тем, чтобы был образован Комитет, который бы весь возможный доход русских и английских изданий, всех последующих изданий и переводов употребил на помощь людям – безвозвратную, – но непременно личную помощь, личную в том смысле, как это делают некоторые христианские общины, стараясь поставить людей вновь на ноги, или же сгладить им жизнь, если положение их безнадежное. Помощь должна была идти без различия национальности и веры, и каждый раз сумма должна быть истрачена: не ожидая больших несчастий, давать тем, про кого известно.

Книга будто бы имела успех, хотя она была очень пестрая – частью легкая и доступная, частью туманная, местами, так как мысль не всегда выливается в ясную форму; как будто из-за этого я кое-где переходил к образам (гимны) <...>

Неужели действительно охватившие меня во время болезни состояния позволили почувствовать предсмертное состояние сознательно умирающего человека, когда выступают перед ним основные элементы его земной жизни?

Любопытно, что, сколько помню, ни разу во время болезни и сейчас область этих переживаний не переходила в сны и я мог засыпать и могу засыпать только тогда, когда замирают образы, связанные с этим построением моей жизни.

Наташа все время помогала мне в работе. После издания “Геохимии” она вначале неизменно помогала мне, а затем занялась нашей библиотекой и семейным архивом (перевез часть из России), который давал материал для работы. Когда я ушел от управления Институтом и начал работу над “Размышлениями перед смертью” – обещание на почве этой работы было вначале мне очень ясно... Мне казалось, что ее смерть была близка по времени с моей – раньше или позже, неясно...

Я записываю эти подробности по желанию Ниночки. Но, мне кажется, они являются чисто фантастическими построениями, связанными с той формой, в какую вылилась эта странная работа моего сознания. Но, может быть, и в этой форме есть отблески прозрений в будущее?»¹

Он умирал от сыпного тифа в Крыму. Был 1920-й год, и в России полыхала гражданская война. Миллионы людей терпели бедствия, голод, расстрелы, поспешный уход с насиженных мест, передвижения по стране в переполненных поездах, давно выбывших из своих расписаний и строгих графиков. Он прибыл в Ялту на пароходе «Великая княгиня Ксения», переполненном по самые трюмы давно не мывшимися, завшивевшими людьми. На пристани его встретили жена и дочь, которые много дней приходили сюда, чтобы, наконец, увидеть его сходящим с трапа парохода. Через несколько дней он свалился в сыпной тифу. Он метался в жару и что-то пытался сказать, что-то просил записать. Близкие думали, что он бредит, хотя то, что ему удавалось сказать им, мало походило на бред. Они еще тогда и не

---

¹ Вернадский В.И. Из дневника (февраль – март 1920 г.) // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 112–119.

подозревали, что он, Владимир Иванович Вернадский, профессор и академик, известный в России и за рубежом, жил в это время странной и удивительной жизнью, которая не имела никакого отношения к действительности, окружавшей его близких и частью которой физически являлся он сам. Он жил своей будущей жизнью, совершенно непохожей на то, что происходило вокруг него, длившейся три недели, которые вместили долгие годы того, что должно было с ним случиться. Это не было ни сном, ни видением, а реальной сознательной жизнью, параллельной жизнью, которую для него выстроил кто-то в этом предсмертном горячечном тифу. Потом, когда он поднялся на ноги, он описал ее в своем дневнике, фрагменты которого начинают эту главу.

То, что произошло с Вернадским в 1920 году, требует своей оценки и осмысления. Сразу можно сказать, что эта параллельная жизнь, возникшая из духовных глубин одного из выдающихся ученых России, не имеет пока в истории человечества аналогий или, во всяком случае, аналогии нам неизвестны. Духовно-культурное пространство человечества знало до сих пор определенные и конкретные контакты с инобытием, или с материей иного, более высокого и тонкого состояния. Вещие предрассветные сны, видения или так называемые свидетельства, несущие человеку информацию таких миров, были знакомы с древнейших времен. Существовал и существует также особый вид видений, в которых принимает участие сам «видящий». Но здесь, в случае с Вернадским, мы имеем совершенно иной тип контакта, когда проживается человеком целая будущая его жизнь. Тогда, в начале XX века, произошли какие-то важные энергетические изменения в земной сфере, которые сделали возможным взаимодействие с иным мирами, в той форме, с которой столкнулся русский ученый. То, что это был именно ученый, являлось эволюционно значимым. И очень трудно переоценить этот феномен связи духовного мира человека с космическими процессами в окружающем нас пространстве, который проявился в «параллельной жизни» Вернадского. Он сам пытался осмыслить случившееся. Сначала ему казалось, что если он назовет все это мечтаниями, фантазиями, порождением его собственного сознания, то все и прояснится. Но он сам чувствовал, что ограничиться только этим нельзя. Он вновь и вновь возвращался к своим ощущениям, стараясь дать им объективную, с его точки зрения, оценку. Но при этом возникали тревожащие его противоречия. Традиционно-научного подхода, и он это осознавал достаточно четко, не хватало для

осмысления самого феномена. Необходимо было привлечь знания из духовного пространства. «Хочу еще отметить, – анализирует он свое состояние, – что мысль образами и картинами, целыми рассказами – обычная форма моих молчаливых прогулок или сидений. В двух областях шла эта работа моего сознания во время болезни. Во-первых, в области религиозно-философской, во-вторых, в области моей будущей судьбы в связи с научным моим призванием. Кажется, в начале и потом брали верх религиозно-философские переживания». Он понимал, что если он соединит эти «религиозно-философские переживания» с научными подходами, то, возможно, поймет, хотя бы в общем, свидетелем чего он оказался. «...В мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться многих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни до смерти. Это не был вещий сон, т.к. я не спал – не терял сознания окружающего. Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далеко от происходящего. Это было до такой степени интенсивно и ярко, что я совершенно не помню своей болезни и выношу из своего лежания красивые образы и создания моей мысли, счастливые переживания научного вдохновения».

Самым интересным в духовном состоянии Вернадского было то, что он работал и творил, а не только присутствовал в этой будущей своей жизни. Творчество ученого в этом состоянии получило качественно новый характер, в котором проявились явные черты сотрудничества с чем-то более Высоким и ему еще неизвестным. Интеллект не хотел принимать такого объяснения. Но его внутренняя интуиция разворачивалась именно в эту сторону. Его память долгие годы хранила произошедшее с ним во время болезни в Крыму. Он не пытался более осмысливать это событие, а стал воспринимать его как нечто данное, из которого ему самому следует делать какие-то выводы. Интуиция же свидетельствовала о том, что он обрел реальный опыт мира более высокого состояния материи.

Можно утверждать, что этот опыт оказал решающее влияние на всю его дальнейшую научную деятельность, и, особенно, на его научный поиск. Если бы Вернадский не получил этого опыта теургического сотрудничества с Высшим, он бы не стал тем Вернадским, одним из основных творцов нового мышления в XX веке. Космическая эволюция остановила свой выбор на нем, учитывая те богатые духовные накопления, с которыми он пришел в этот противоречивый и далеко не совершенный мир, неся в себе тяжелую, но необходимую эволюцион-

ную миссию – сделать обитателей этого мира лучше и просветленней. «Любопытно, что можно найти здесь, – записал он в дневнике, – и правильное мне указание в отношении научного мышления. Во время этих мечтаний и фантазий я находил новое в научной области». Так он подтвердил значимость информации, полученной им в «параллельной жизни». Ценнейшими моментами процитированных выше фрагментов дневника Вернадского являются замечания о работе его мысли во время получения им информации. «Ярко пробегали в моей голове во время болезни некоторые из этих мыслей, которые казались мне очень важными и обычно фиксировались в моем сознании краткими сентенциями и какими-то невыраженными словами, но прочувствованными моим внутренним чувством, моим «я» и очень мне тогда ясными впечатлениями». Мысли, «невыраженные словами», свидетельствовали об их высоком источнике. Это были мысли, шедшие к нему из пространства и несшие нужную ему информацию. Некоторые из них потом забылись, но он был уверен, что они продолжают существовать где-то в глубинах его внутреннего мира и ждут своего часа, чтобы вновь открыться ему. Он испытывал какое-то священное чувство к ним, понимая их таинственную сокровенность и их явное отличие от обычных земных мыслей. «...Хочется их ждать, ждать того нового порыва вдохновения, когда они появляются все целиком и когда они будут понемногу выявляться в моей жизни». И дальше: «В одной из мыслей я касался, в переживаниях мне думалось очень глубоко, выяснения жизни и связанного с ней творчества, как слияния с Вечным Духом, в котором слагаются или который слагается из таких стремящихся к исканию истины человеческих сознаний, в том числе и моего». Вечный Дух, искания истины, человеческие сознания – явления далекие от научного мышления того времени и не нашедшие в нем своего места.

В «параллельной жизни» Вернадский ушел за границы научного мировоззрения, ощутив в полную силу «нематериальные» явления внутренней жизни человека. Традиционная наука всего этого не принимала и не считалась с ними. Он вырос в традиционной науке и поэтому ему самому было трудно принять сразу все, что он почувствовал в своей нездешней жизни. И поэтому его вывод из пережитого им был осторожен и как бы отстранен от него. Он снова возвращается, противореча самому себе, к определению «фантастический». «Я записываю эти подробности по желанию Ниночки (дочери. – Л.Ш.). Но мне кажется, они являются чисто фантастическими построения-

ми, связанными с той формой, в какую вылилась эта странная работа моего сознания. Но, может быть, и в этой форме есть отблески прозрений в будущее?» Ему понадобилось немало времени, чтобы принять ту «параллельную жизнь», которую он прожил не только в «странной работе» его сознания, но и вне этого сознания, что было не сразу им воспринято, ибо слишком много незнакомого и неясного было в картине его жизни. И прежде всего время в ней было иное, неземное. За три недели он прожил долгую, плодотворную жизнь. И если ее отсчет вести со времени болезни – 1920 год, – когда ему было 37 лет, до момента его будущей смерти («Я умер между 83–85 годами»), то три земных недели вместили в себя, по крайней мере, около 50 лет. И, несмотря на его собственные определения, эта «параллельная» жизнь была реальной и, возможно, еще более реальной, нежели его земная жизнь. Она была для него таинственным даром, но даром с определенной целью и определенным умыслом. В этом умысле был заключен он весь с его накоплениями, стремлениями, талантом и даже гениальностью, с его широчайшими способностями творца, тончайшей интуицией и неземной восприимчивостью. Из всей воспринятой из таинственных глубин Космоса информации он понял, что важнейшим его поиском и исследованием должна стать разработка проблемы живого вещества.

Он как бы оказался в таинственной точке, соединившей земное и небесное, дух и материю, творчество земное и творчество космическое, и через эту точку прошла его странная, но реальная «параллельная жизнь», неся в себе временную целостность прошлого, настоящего и будущего. Связанный с прошлым, он прожил в настоящем свою будущую жизнь. В ней он исследовал живое вещество, создавал новые науки, посещал международные научные конгрессы, читал доклады, посвященные живому веществу, издавал книги, читал студентам лекции, путешествовал по всему миру, где завязывал деловые отношения с нужными учеными, имена которых помнил, так же как и названия написанных им книг. Он использовал в этих книгах наработки, сделанные им еще до болезни, делал открытия в связи с проблемой автотрофности человека, участвовал в научных экспедициях и, наконец, организовал Институт живого вещества, расположенный где-то в Америке на берегу Атлантического океана, и стал его директором. В этой активной научной работе он ни на минуту не забывал о России, собирал книги для ее библиотек, готовил для нее коллекции минералов, ездил в нее, чтобы взять оттуда ученых для своего Института.

Он ощущал себя принадлежащим науке всей планеты, но прежде всего России. Иначе говоря, жил полноценной жизнью увлеченного и интересующегося многим человека. Он заслужил мировую славу, сделал весомый вклад в разработку теории живого вещества. Именно в той «параллельной» жизни он осознал, «что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я почувствовал в себе демона Сократа». Известно, что великим древнегреческим философом Сократом руководил и подавал идеи духовный Голос, который философ называл демоном, или даймоном. Нечто подобное возникло и в «параллельной жизни» Вернадского. Следуя Голосу в своей будущей жизни, Вернадский посвятил себя полностью исследованию живого вещества, значение которого он приравнивал эволюционной теории Дарвина, совершившей переворот в науке XIX века. «Любопытно, что сознание, что в своей работе над живым веществом я создал новое учение, и что оно представляет другую сторону – другой аспект – эволюционного учения, стало мне ясным только после моей болезни, теперь».

Крымским трехнедельным событием космическая эволюция запрограммировала достаточно точно направление и содержание научной деятельности Вернадского. С этого момента, несмотря на труднейшие условия, которые сложились в его действительной жизни, он не останавливает работу над живым веществом ни экспериментально, ни философски. Его дневниковые записи пестрят фразами – «работая над живым веществом». И, даже когда условия его жизни складывались самым наихудшим образом, заветная фраза «работая над живым веществом» оставалась всегда на своем месте. Он прожил свою «параллельную» будущую жизнь, которая определила его настоящую жизнь. Могло ли его будущее состояться в настоящем? Не исключено. Однако условием реализации этой его удивительной будущей жизни было одно – покинуть Россию и сделать все задуманное или в Англии, или в Америке. Он сделал свой выбор, оставшись в России, пожертвовав полноценной творческой работой, стабильной мировой славой, возможностью сделать то, что в условиях России так никогда и не смог сделать. Во имя России он пожертвовал своей свободой. Там, в демократической Америке, в других странах Запада, он был бы свободен в своей работе от экономической нужды, творческой стесненности, от тоталитарного идеологического пресса, от ограничений в научной

мысли, от примитивной инквизиторской слежки, от несправедливого и намеренного замалчивания его научных заслуг, от боли за расстрелянных и сосланных друзей и учеников и еще от многого такого, что существовало на его родине, но отсутствовало там, где он так плодотворно для себя и для человечества прожил свою будущую жизнь. Но он был предан России, считал себя неотъемлемой ее частью, а свое творчество необходимой частью ее науки, ее культуры, и поэтому его будущая жизнь оказалась совсем иной, чем та, которую он прожил в смертельном сыпном тифу. Тогда он не мог себе представить весь ужас российской жизни, на которую согласился в своем роковом выборе. Но Россия была его судьбой, и в этом заключалась та эволюционная особенность, с которой он был связан как ученый и творец. Ему не показали эту вторую жизнь, ибо нельзя прожить одному человеку две будущих реальных жизни. Одна из них всегда будет действительной и настоящей, другая будущей, но недостижимой в этом пространстве. Он знал об этом и сделал тот выбор, к которому стремились и его сердце, и его ум, ибо то и другое находилось в его внутреннем мире в полной гармонии и обусловило ту развитую интуицию, которой он обладал и которая временами проявляла себя в полную силу.

«Когда работаешь над каким-нибудь научным вопросом, – писал он жене 3 июля 1886 года, – в уме мелькают облики лиц, раньше над этим думавших, чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидная цепь сильно связывает тебя с философом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или с одним из великих ученых последних трех столетий. Над теми же вопросами они работали, думали, на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли, и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью, и всё вместе является общей непрерывной работой к неясному, но всем понятному идеалу, куда мы все неуклонно сильно стремимся... И вот в этом вопросе, мне кажется, точно живу в далеких странах, в далеких временах, точно моя мысль как-то тесно сплетается с мыслью стародавних эпох и людей»¹. В нем всегда жило ощущение причастности своей к прошлому и будущему. И это ощущение было столь ярко, что воплощалось в образы людей, с мыслями и идеями которых он был связан в своих научных исследованиях. И эта связь шла не через книжную информацию, а через что-то иное, живое и образное, что неизменно существовало в глубинах его внутреннего мира. Он как бы был частью всего того, что его окружало,

---

¹ Цит. по: Семенова С.Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. Т. 15. СМ. 222..

и всего того, что шло к нему через века и тысячелетия. И это чувство было настолько реальным, что он эмоционально реагировал на какие-либо напоминания об этом прошлом. Ощущение исторического потока, проходившего в его таинственных глубинах, было всегда ярким, образным и наполненным живым чувством восприятия.

«Пергамские остатки, – писал он после осмотра археологических экспонатов, – произвели на меня чарующее впечатление. Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих греков, этих неведомых мыслителей-художников, [творивших] больше двух тысяч лет тому назад, точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени (или это одно из проявлений “Тоски” – шепчет мне скепсис?)»¹.

Последнее замечание требует особого осмысления. Эта сокровенная тоска по конкретному прошлому, а для Вернадского это была Греция, свидетельствовала о каком-то таинственном процессе «оживления» прошлого, который шел в его внутреннем мире, возникая из тех накоплений, которые он нес в себе. Это было редкое духовное качество, свойственное великим художникам, мыслителям и ученым. Оно помогало ему познавать окружающий мир не как изолированный остров, на котором он в силу каких-то обстоятельств оказался, а во всем богатстве его временных и пространственных связей.

«В Вернадовке (имение Вернадских. – *Л.Ш.*), – вспоминает Н.В.Вернадская-Толль, – я была два или три раза. Там отец меня учил слушать землю – прикладывать ухо к земле и слушать приближение поезда, которое по воздуху ухо не ловило. Мы там ходили в леса и собирали грибы и слушали лес. И каждое мгновение он меня учил смотреть и слушать, и быть частью поля, леса, Космоса. Мы выходили после захода солнца, и он учил меня узнавать созвездия и признавать человека как часть мира. Он так много знал и помнил о разных вещах!»² Он слушал планету и Космос, пропуская эту информацию не только через свой мозг, но через всего себя, через всю свою энергетику и тот дух, который был в нем высок и силен. Этот дух достигал космических глубин, и через него ему открывалось нечто сокровенное, что не всегда удавалось выразить словами, но что он называл «вселенским чувством» единства всего и всех. Можно сказать, что его организм был

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra: Антология литературы о В.И.Вернадском за сто лет (1898–1998). СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 284.

² Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету // Прометей. Т. 15. С. 124.

включен в научные исследования полностью. Он, этот организм, был так устроен, что принимал в себя не только научную мысль, но и искусство и музыку. И все это в нем служило главной цели – познанию. «Некоторые из основных моих идей, – писал он в одном из писем, – как идея о значении жизни в космосе, стали мне ясными во время слушания хорошей музыки. Слушая ее, я переживал глубокое изменение в моем понимании окружающего»¹. Он сам изначально был космичен, ибо являлся не только частью этого Космоса, но и нес его в себе. Он ощущал этот Космос как явление, как энергетический процесс во всех проявлениях жизни и творчества, с которыми сам сталкивался. «Мне иногда кажется, – отмечал он в 1888 году, – что эта массовая жизнь есть какой-то отголосок космических сил, которые, мы видим, действуют всюду»². В своем предположении он оказался глубоко прав. Еще при его жизни другой великий ученый, А.Л.Чижевский, подтвердит экспериментально эту его мысль.

В нем жила та естественная религиозность, не имеющая отношения ни к конкретному учению, ни к определенной конфессии, которая измеряется уровнем духовности человека, определяющей богатство его внутреннего мира и дающей возможность этому человеку ощутить всю грандиозность и космичность окружающего его Мироздания.

«Я считаю себя, – писал он в дневнике в 1923 году, – глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна не только в том утешении в тяготах жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания не касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны *слова и образы*, которые отвечают моему религиозному чувству. Бог – понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого»³. В нем все время шла духовная работа, которая не всегда приносила ему удовлетворение и которая была не столь эффективной и совершенной, как ему бы хотелось. «Вся жизнь и все наиболее сильные ее переживания – мгновенны и далеко не достигают хотения. В любви, в мыслях, в успехах, в достижениях, в глубочайших пережива-

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М. 1989. С. 615.

² Там же. С. 488.

³ Владимир Вернадский: Избранные труды: Воспоминания современников: Суждения потомков. (Открытия и судьбы). М., 1993. С. 219.

ниях и подъемах личности – всегда, когда начинает подходить разум, – чувствуешь мгновенность и недостаточность пережитого по сравнению с внутренней сущностью! То же величайшее музыкальное произведение, художественное творение, картина природы. Это все только отдаленное эхо того, что хочешь. И чувствуешь и в нем то же самое всегда неполное и мгновенное отражение чего-то того, к чему стремишься.

И вот, написавши эти строки, видишь, что выразить мысль не удалось. И нет сейчас воли и умения выразить яснее. Но можно ли выразить это образами и словами?»¹

Вот это нечто «не достигающее хотения» его весьма беспокоило. Он подозревал, что за всем этим стояло что-то еще, не проявленное в этом измерении, нечто таинственное, какие-то силы, потенциально существующие в нем самом, но почему-то еще не задействованные и скрытые от него самого. Их затягивал какой-то туман, через который не могло пробиться его сознание. Он предполагал, что именно в этом сознании и заключена загадка достижения «хотения», как он написал в своем дневнике. И когда он бился над этой творческой загадкой, то понимал, что его внутренний космос не менее сложен, чем тот, который летними вечерами показывал дочери, и учил ее ориентироваться в его многочисленных созвездиях, планетах и других небесных телах. Одни были проявлены и видимы, другие невидимы. И в этой невидимости крылась важнейшая тайна Космоса. Он интуитивно ее ощущал, но не представлял ее себе столь ясно, как должен был бы сделать ученый.

«Сейчас я чувствую, когда я опираюсь на самого себя, что я как бы углубляюсь в какую-то глубь, в какую-то бесконечность и этим путем нахожу такую опору в своих решениях и окружающей жизни – на поверхности, какой не ожидал. Точно в окружающей меня бурной стихии я сижу на прочной и неподвижной скале»². Именно этот внутренний космос, поддерживающий его в самые трудные моменты, дал ему возможность в одной фразе сформулировать кредо своей жизни: «Первое место в моей жизни занимало и занимает научное искание, научная работа, свободная научная мысль и творческое искание правды личностью»³.

И это последнее, «творческое искание правды личностью», для него было не менее важным, чем научные искания. Оно составляло как бы концептуальный каркас всего его творчества, вознося личность

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 272.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 189.

³ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 470.

над всеми достижениями. И было ясно, что все остальное было связано с этой личностью – и наука, и нравственные моменты, и те явления, которые дополняли научное познание мира.

Стоит привести несколько высказываний о Вернадском его знакомых, друзей, учеников. Они написаны по-разному и разными людьми. Но все сходятся в одном – в лице Владимира Ивановича Вернадского мы имеем редчайшую личность, великого ученого, оказавшего решающее влияние на духовно-культурную эволюцию на планете Земля.

«Высокая, стройная, немного сутуловатая фигура, – пишет академик Д.В.Наливкин, – быстрые, но спокойные движения запомнились сразу, над всем безраздельно царила голова. Узкое, точеное лицо, высокий выпуклый лоб ученого, темные волосы с сединой, каскадами поднимавшиеся над ним, поражали и удивляли. Но и они были только фоном для глаз, необычайно чистых, ясных и глубоких. Казалось, что в них светился весь облик, вся душа этого необыкновенного человека. Впечатление еще более усиливалось, когда Владимир Иванович начинал говорить. Его голос был такой же, как глаза, – спокойный, ясный, приятный и мягкий, глубоко уходящий в душу <...> Поразительно глубокий и всеобъемлющий ум, исключительная духовная чистота сливались в нем в единое целое, гармоничное и стройное. Таких ученых всегда было мало, мало их и сейчас»¹.

Один из крупнейших ученых России Н.В.Тимофеев-Ресовский отзывался о Вернадском следующим образом: «Вернадский был, конечно, очень крупный и совершенно замечательный человек. Люди бывают очень плохие, плохие, средние, хорошие, очень хорошие, и есть некоторое количество замечательных людей. Среди замечательных попадаются весьма замечательные люди, и, наконец, среди весьма замечательных людей попадаются – очень редко – совершенно замечательные люди. Вот Вернадский, несомненно, был совершенно замечательным человеком»².

Такой отзыв в устах скупого на похвалу Тимофеева-Ресовского дорогого стоит.

Его дочь, Нина Владимировна Вернадская-Толль, пишет в своих воспоминаниях: «Еще необычное свойство отца. Он был абсолютно бесстрашен. Он никого и ничего не боялся и ни для кого и ни для чего не шел против своей совести»³.

---

¹ Цит. по: Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 591.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 74.

³ *Вернадская-Толль Н.В.* Штрихи к портрету // Прометей. Т. 15. С. 122.

Кирилл Павлович Флоренский, сын великого Павла Александровича Флоренского, проработавший много лет с Владимиром Ивановичем, отмечает: «Вернадский опередил свое время. Мы только теперь начинаем осознавать глубину его подхода. Глубокая скромность и историчность его подхода, когда многие его достижения вошли в жизнь, выросли в науку и оторвались от его имени. Образ Вернадского – образ сеятеля»¹. Владимир Иванович был не только сеятелем, но и просветителем, увлекавшим за собой не одного ученого и ведшего его к нужной ему цели.

«Вернадский имеет власть, – пишет геолог А.И.Спасокукоцкий, – он заражает своим интересом, а он сам – это сочетание огромных знаний, грандиозности выдвигаемых проблем, веры в науку, интенсивности и серьезности построений, неизменно им владеющих. Его охват человеческого знания, его проникновенное изложение делают то, что, читая Вернадского, как бы совершаешь полеты на крыльях всечеловеческой мысли, всечеловеческого гения»².

Он был для многих Учителем, Учителем с большой буквы. В современной науке эта большая буква не столь частое явление, ибо в ней содержится не только великий человек, но и великий его дух и высокая его нравственность. Известный ученый А.А.Твалчрелидзе написал своему Учителю письмо за два года до его смерти. «В детские годы я очень любил страстной четверг, когда с волнением нес домой зажженную свечу в теплый весенний вечер, охраняя рукой от дуновения ветра. Так и мы, Ваши уже старые ученики, бережно несем через жизнь зажженный в нас Вами огонь и стараемся согреть им других. Благодарю судьбу за то, что она скрестила мой жизненный путь с Вами»³.

Его близкий коллега и друг академик А.Е.Ферсман написал о нем, когда Вернадский был уже на пороге своего ухода. В ту будущую жизнь, которую он прожил в Крыму в 1920 году, вкралась небольшая ошибка – он умрет на год раньше обозначенной в «параллельной жизни» даты.

«Острая память, яркость и определенность понятий и идей не оставляют его, несмотря на возраст (82 года). Спокойно и систематически, медленно гулял он по парку Узкого (академический санаторий, бывшая усадьба князей Трубецких. – Л.Ш.), и новые мысли и новые

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 589.

² Там же. С. 591.

³ Там же. С. 592.

планы роились в его светлой, прекрасной голове. Он говорил и думал о России целыми днями, перескакивая мыслью, стремясь как бы скорее, до конца своей жизни высказаться, рассказывал он о своих планах прошлого и будущего. Сверкающие мысли, но уже похожие на отдельные отрывочные зарницы прошлого среди вечерних туч: о славянских странах и Чехии, о русской науке и русском человеке, о бессмертии человека, о понятии вечности...»¹

В предисловии к книге «Начало и вечность жизни» был подведен итог его деятельности. «Владимир Иванович был не только теоретиком, мыслителем, философом, но и практиком в широком смысле. Он был человеком действия. С его именем связаны организация небывалых дотоле экспедиций и создание новых институтов, лабораторий, научных обществ»². К этому можно добавить и ряд новых наук, введенных Вернадским в научный оборот.

Его ближайший друг и коллега князь Дмитрий Иванович Шаховской посетил Вернадского в 1931 году и оставил описание его кабинета, где царили «разумный порядок и хаотический беспорядок». «Я пойду далее, – записал Шаховской, – не путем выхватывания отдельных предметов – книг и заданий, а средним путем, мысленно обратясь к хозяину и творцу всего здешнего скопления, разумного порядка и хаотического беспорядка – к профессору, академику, великому ученому и организатору науки – Фаусту, живущему на земле под псевдонимом В.И.Вернадского»³. Шуточное это сравнение старинного друга с Фаустом тем не менее содержало немало истины.

Шаховского с Вернадским связывала не только многолетняя дружба, но и то, что они в молодости называли Братством. В этом слове прозвучало одно из важнейших явлений космической эволюции. Члены Братства пронесли через всю свою жизнь его идеалы и, несмотря ни на какие обстоятельства, не предали их. Все начиналось в 80-е годы XIX века со студенческого кружка в Петербургском университете. В самом университете тогда царила атмосфера культурности, стремления к знаниям, товарищеской поддержки. Истории было угодно собрать в его стенах блестящую и талантливую группу выдающихся ученых. Ни до, ни после университет такого не знал. В те годы в нем преподавали Д.И.Менделеев, А.Н.Бекетов, В.В.Докучаев, И.М.Сеченов, А.М.Бутлеров, А.И.Воейков, А.А.Иностранцев. Они со-

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 592.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 16.

³ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 252.

ставляли цвет не только российской науки, но и мировой. Значительная часть студентов университета оказалась под стать своим учителям. Вернадский, будучи человеком действия, собрал вокруг себя кружок способных и талантливых студентов. Через некоторое время они влились в существовавшее тогда в университете научно-литературное общество и вскоре заняли в нем лидирующее место. Каждый из них стал руководить определенной отраслью науки: Владимир Вернадский – минералогией, Андрей Краснов – ботаникой, Дмитрий Шаховской – славянской филологией, Сергей Ольденбург стал секретарем. Однако задачи, которые ставили перед собой молодые ученые, выходили за пределы только науки. «Мы еженедельно собирались, – вспоминает известный историк А.А.Корнилов, – кажется, по четвергам, у Ольденбургов и иногда засиживались далеко за полночь и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности»¹. Вот эти «основы нашей жизни» занимали молодых людей не меньше, чем сама наука. Такие проблемы, как смысл жизни, нравственное самосовершенствование, разного рода моральные вопросы, назначение человека, как такового, привлекали их умы и сердца. Они были покорены нравственными идеями Льва Толстого, распространяли его философские произведения, запрещенные цензурой. Вернадский и Шаховской ездили к Толстому в Ясную Поляну и гостили у него двое суток.

«Моя цель, – записал в это время в своем дневнике Вернадский, – познание всего, что возможно человеку в настоящее время сообразно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека... Задача человека заключается в доставлении наивозможно большей пользы окружающим»². Эта задача, сформулированная им еще в ранней молодости, оставалась неизменной на протяжении всей его жизни, обретая разные формы, но сохраняя основное содержание. Научно-литературное общество просуществовало шесть лет, дав впоследствии России семь академиков и двенадцать профессоров. Из недр этого общества в 1885 году возникло Братство, деятельность которого приняла научно-этический характер. Его твердое и долговременное ядро составили Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский, Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги, И.М.Гревс, А.А.Корнилов. Братство отличалось от других сообществ тем, что члены его осознавали себя «коллективной

---

¹ Цит. по: Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 133.

² Там же. С. 139.

личностью». Гармония сознаний участников Братства позволила им почувствовать себя чем-то цельным и единым.

«Чувствуешь себя какой-то нераздельной частью чего-то живого большого, – определил эту особенность Братства Вернадский, – отдельные части которого работают и бьются где-то в других местах, но все они соединены неразрывно крепкой цепью <...> Братство в обществе является отдельной своеобразной “личностью”»¹.

Братство просуществовало всю их жизнь, где бы они ни находились, чем бы они ни занимались. Крепкие духовные узы, связавшие их, продолжали действовать и вдохновлять творчество каждого из них. И только смерть могла вырвать их из этого круга «коллективной личности», в котором каждый был необходимой, дополняющей других частью. Одни умирали, другие гибли под колесами тоталитарной машины, и, наконец, в живых остался лишь один Владимир Иванович Вернадский. Сейчас трудно сказать, чувствовал ли он духовную связь с ушедшими или воспоминания о них поддерживали его в годы, когда никого из них уже не было. Теперь можно смело сказать, что Братство явилось новой уникальной формой сотрудничества и сотворчества людей, звучащих как слаженный оркестр в пространстве космической эволюции. Его прообразом, несомненно, являлась община, так широко распространенная в светской и религиозной жизни России. Но Братство было примером чего-то более высокого, еще неизвестного нашей истории. Оно было так сработано, что не разрушалось, не превращалось в собственную противоположность, не уходило в небытие, как многие человеческие сообщества. Его основой было нечто совсем другое, чем у этих сообществ. Сгармонизированные сознания и непрерывный духовный рост создали долговечный скрепляющий материал, в сравнение с которым не шла самая крепкая материя. И еще одно, возможно, самое важное обстоятельство содействовало крепости Братства.

«Представляется мне время иное, – писал Вернадский, – время будущее. Поймет человек, что не может он любить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его сочувствие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то деланным, постоянно подверженным сомнениям или отчаянию, что много будет гордости, много будет узости, прямолинейности, невольного зла в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 248.

свои мечты и желания в одном великом чувстве любви. И только тогда в состоянии он без сомнений, без тех искушений и минут отчаяния, когда все представляется нестоящим перед неизбежной смертью, только тогда способен он смело и бодро идти вперед, все время и все силы свои направить на борьбу за идею, за тот идеал, какой носится в уме его»¹. Вернадскому, когда он написал эти строки, было 23 года, его «братьям» не намного больше.

Собираясь в единое целое, участники Братства не ставили перед собой никаких материальных задач для себя лично. Они объединились в это сообщество, чтобы отдавать, а не брать. Отдать все, что у них было, для развития культуры своего народа, для его просвещения. «А на доставшиеся случаи рождения блага и преимущества они смотрели лишь как на средства для лучшего выполнения своего предназначения»². Они вышли в поход против тьмы, против недостойного государства, против произвола властей. Они не призывали к революции, к переделу собственности. У них были иные идеалы, и они по-другому определяли устой и ценность жизни.

«Мы высоко ставили культуру и личность, – вспоминает историк И.М.Гревс, – признавали великими путями для их развития науку и просвещение. Мы любили народ и готовились служить ему своими идеалами и знаниями, не отделяя себя от него, желая не только его учить, но у него учиться, веруя в него, убежденные, что он нуждается в том, в чем и мы, главнее всего – в свободе и культуре»³. В самом начале деятельности Братства каждый из его участников определил «истинные начала жизни». По этому поводу молодой князь Д.И.Шаховской написал в письме: «Надо поступать нравственно, а нравственно не то, что принесет пользу в данном отдельном случае, а то, что будет полезным, ставши общим принципом поведения»⁴. Сюда же он приписал три необходимых правила, которые должны соблюдаться членами Братства: «I. Работай как можно больше. II. Потребляй (на себя) как можно меньше. III. На чужие беды смотри как на свои»⁵.

В число основных правил Братства также вошли обязательства писать друг другу и собираться семьями каждый год 30 декабря. Все это соблюдалось в течение 35 лет. Однако правилами и беседами все не ограничилось. Они стали издавать книги для народа, вкладывая в это

---

¹ Цит. по: Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 149.

² Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 142.

³ Цит. по: Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 142.

⁴ Там же. С. 141–142.

⁵ Там же. С. 142.

свои деньги. Открыли в Петербурге народные читальни. Начали ликвидировать безграмотность и вели другую просветительскую работу. Из-за этой просветительской работы князь Шаховской попал под полицейский надзор. Но это обстоятельство никого из Братства не смутило, и они продолжали свое дело. Вернадский считал, что народ надо обучать всю жизнь, создавая для него лаборатории, музеи, библиотеки, сады, институты. «Побеждает только умственная сила», – писал он. В Братстве из ученых вырастали подлинные учителя народа. Оно в действительности превращалось в Братство учителей, демонстрируя на практике новую форму просветительского творчества.

Но Братство не было чисто мужской организацией. В нем с самого начала участвовали девушки с Бестужевских курсов. Братство не было отшельнической или монашеской общиной. Потом на основе Братства возник ряд гармоничных и прекрасных семей, работавших на общее Благо.

«...Женщины, – пишет один из авторов “Прометей”, – <...> Наталья Егоровна Вернадская, Анна Николаевна Шаховская, Александра Павловна Ольденбург и другие, разделяли убеждения и образ жизни своих мужей. И даже мало сказать, что разделяли. Без женщин Братство не сложилось бы, выродилось бы в подобие некоего полумонашеского ордена, а скорее всего – попросту бы распалось. Женщины скрепляли единение, внося в него необходимую полноту жизни, теплоту чувств, свою поддержку»¹. С этим нельзя не согласиться. Именно здесь, в такой организации как Братство, на практике рос и развивался один из важнейших процессов космической эволюции – гармония двух начал: мужского и женского. Новое мышление строило новые отношения в традиционном пространстве страны. Насколько это могло развиваться, зависело от тех условий, которые надвигались на Россию и которые многое в ней изменили. Октябрьская революция 1917 года задела все области жизни страны и не обошла судьбы ни одного человека. В первые послереволюционные годы, несмотря на разруху, гражданскую войну и многое с ней связанное, Братство еще продолжало держаться. Ольденбург пытался сохранить памятники истории и культуры и ставил вопрос о создании новых музеев и поддержке старых. Вернадский усиленно работает над проблемой живого вещества. Шаховской в это время писал друзьям: «Перекинуть мост между старой русской культурой и пореволюционной – ведь это наша коренная задача и первый

---

¹ Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 142.

долг. И столько в ней животрепещущего интереса, заманчивых видов, и столько возможности осмыслить жизнь и пробудить жгучий интерес к жизни, глубокий и действенный, что, право, голова идет кругом от очередной подымающей дух работы»¹. Но в стране все больше и больше утеснялась свобода, все жестче расправлялись с инакомыслием. Вернадский записывал в своем дневнике прямо и бескомпромиссно: «В населении растет ненависть к большевикам. И в то же время берет ужас, когда подумаешь, что они сделали с Россией! Нельзя было и представить себе, чтобы было возможно то, что случилось и пришлось пережить России: попала во власть людей из Мертвого Дома Достоевского...»² 30 декабря 1921 года на квартире Вернадских в Петрограде состоялось последнее собрание всего Братства. Потом те, кто остался живым, изредка встречались, переписывались друг с другом, помогали друг другу, но работать в полную силу, как это делали раньше, они уже не могли. Новая Россия в таком Братстве духовных, высокообразованных просветителей не нуждалась...

«С братством произошла история необыкновенная, – пишет один из авторов “Прометей”. – Его идеалы устояли среди всех бурь, как политических, так и житейских. Их стремление жить для других не осталось пустой фразой и прекраснодушным намерением»³. И каждый из них доказал это своей жизнью. «Параллельная жизнь» Вернадского в Крыму и это Братство были звеньями одной и той же цепи, на которой держалась его жизнь, уходившая куда-то в сияющую Беспредельность космического духа...

Владимир Иванович Вернадский родился 12 марта 1863 года в Петербурге в семье профессора политической экономии и статистики, преподававшего в Александровском лицее. Через 5 лет семья переезжает в Харьков, где и проходит детство Владимира Ивановича. О детстве у него сохранились самые теплые воспоминания. «Вспоминаются мне темные, зимние, звездные вечера. Перед сном он (двоюродный дядя Евфргаф Максимович Короленко. – Л.Ш.) любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь. Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал, я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжиз-

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. М., 2001. С. 325.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 139.

³ Аксенов Г.П. «И все великое – не сон...» // Прометей. Т. 15. С. 143.

ненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них»¹.

Вторым ярким впечатлением его детства был Ветхий завет и грезы, которые он пробуждал в нем. «Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы “Ветхого завета”, и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула, Самуила, Авессалома и Давида <...> Эти образы вызывали у меня бесконечный ряд вопросов; я верил существованию рая и задумывался, где он находится, меня интересовали вопросы, как жили Адам и Ева, на каком они говорили языке, etc <...> Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду»². Когда ему было 10 лет, родители повезли его на Венскую международную выставку, и он увидел Вену, Венецию, Прагу и Дрезден. Это был другой мир, непохожий на Харьков и его окрестности. Он посетил Дрезденскую галерею, познакомился с дворцами и каналами Венеции, удивительными мостами и башнями Праги. Он ощутил глубоко всю красоту старой Европы, аромат ее культуры, разноязычие людей, ее населявших. Позже, уже студентом, он напишет: «Я хочу лично повидать главные страны и моря, о которых читаю в книгах. Я хочу видеть как тамошнюю природу, так и людей. Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные – только тогда приобретает необходимый кругозор, глубина ума, знание, каких не найдешь в книгах. Я хочу подняться и вверх, в атмосферу. И так будет <...> Но в том знании, какое вынесу, – сила, и за нее не дорого дать все состояние. И время, что я употреблю на такое самообразование, не пропало, я возвращу его сторицею на работы на пользу человека»³.

Его жизнь как ученого сложилась так, что мечту о путешествиях он сумел осуществить. После окончания Петербургского университета, в котором учился на естественном отделении физико-математического факультета, он был оставлен работать в нем же. Уже в начале 900-х годов молодой ученый побывал в Италии и посетил Флоренцию, Рим, Неаполь. Затем была Греция с руинами ее древней удивительной культуры. И все, что он видел в своих путешествиях, вызывало у него размышления о человеческой культуре, об истори-

---

¹ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981. С. 18–19.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 43.

ческом процессе и его закономерностях. Ни в детстве, ни в юности, ни в зрелости он не был простым накопителем информации. Особенное впечатление на него произвела Греция. «Афины и Олимпия, – пишет он жене (23.08.1909), – дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения – в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50–60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Странным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали, как живые, далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыслям о законах человеческого творчества. В общем, они всюду одни [и те] же – в религии, науке, искусстве.

Быстрое достижение предела – а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение всего нового интереса, бросание всех старых путей, искание новых? Есть ли упадок – результат, причина психологического характера, или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?»¹

История подтверждала – все созданное будет разрушено и вновь создано, и так бесконечно. Созидание через разрушение, и разрушение через созидание. И он внутренне протестует против этого, стараясь найти нечто такое, что не поддавалось бы такому закону. «Ведь если упадок есть неизбежное следствие достижения наибольшего совершенства, – рассуждал он, – то все человеческое миросозерцание должно строиться на сознании имения или возможности имения абсолютного. Таково миросозерцание верующих людей, к какой бы религии они ни принадлежали. А между тем все в душе моей противоречит такому сознанию. Меня интересует чувствовать будущие шаги человеческой мысли и человеческого сознания в предположении их неуклонного роста. И я стараюсь фантазией и мыслью почувствовать это будущее в проблесках нового, что теперь является в науке... В науке я вижу всюду зарождение этих новых ростков. И мы, уже немалодые ее деятели, должны идти им навстречу, стараться ввести их в

---

¹ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. С. 231–232.

наше мировоззрение – только в этом и есть возможность обеспечить возможно долгий неуклонный прогресс человеческого знания»¹.

Он рассуждал не только как ученый-естественник, но и как зрелый философ. Но не тот философ, который черпал свои мысли и идеи из книг, а такой, кто брал их в движении жизни или, как он сам любил выражаться, – из мечтаний. За этим словом стоял сложнейший духовный процесс, связывающий его внутренний мир с чем-то Высшим и пока им самим не определенным. Это была редкая особенность – дар высокого сознания, которым он, несомненно, обладал. Он сумел в общих чертах описать этот процесс. «...Прямо вследствие мечтаний явится какая-нибудь идея, идея, давно назревшая и не раз большей частью в той или другой форме мне являвшаяся»².

Он продолжал путешествовать и выезжать за рубеж более-менее беспрепятственно вплоть до 1936 года. Все его поездки были связаны с его научной деятельностью. Его приглашали поработать в зарубежных институтах, принять участие в важных международных конгрессах, на которых он делал блестящие доклады. В Берлине, Нюрнберге, Копенгагене он работал над проблемами истории науки. В разные годы он посещал Скандинавию, Америку, Англию, Чехословакию, Францию, Голландию, где работал в известнейших лабораториях, делал доклады на ученых собраниях, читал курсы лекций в крупнейших университетах мира. В 1923 году в Париже он оказался свидетелем важнейших событий в истории мировой науки. «Все здесь переполнено теорией Эйнштейна, – пишет он в одном из писем, – новыми достижениями в атомных науках и астрономии. Я весь погружен в эти новые области. Мне кажется, сейчас переживается такой момент, равного которому нет в истории мысли. Но впереди всех англосаксы»³. К этому времени он уже ученый с мировым именем, академик АН СССР, член-корреспондент Парижской Академии наук, иностранный член Чешской и Югославской Академий наук, член Немецкого химического общества, Геологического общества Франции, минералогических обществ США и Германии. Его научная карьера развивалась достаточно быстро и удачно. Благодаря удивительной талантливости, трудолюбию и безупречной репутации ученого, он стал одним из известнейших ученых не только у себя на родине, но и за рубежом. Но, несмотря на все его заслуги, в 1924 году от него потребовали немед-

---

¹ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. С. 233.

² Там же.С. 43.

³ Аксенов Г. Вернадский. С. 306.

ленно вернуться в СССР из очередной командировки и предупредили, что в случае отказа он будет исключен из числа академиков. Вернадский отказался. В Париже у него оставались неоконченными важные исследования. Он объяснил все это в своем письме. «Вся история науки, – писал он, – доказывает на каждом шагу, что в конце концов бывает прав одинокий ученый, видящий то, что другие своевременно осознать и оценить были не в состоянии. Примат личности и ее свободного, ни с чем не считающегося решения представляется мне необходимым в условиях жизни, где ценность отдельной человеческой личности не сознается сколько-нибудь в достаточной степени. Я вижу в этом возвышении отдельной личности и в построении деятельности только согласно ее сознанию основное условие возрождения нашей Родины»¹. Его исключили из членов Академии наук. Но в 1925 году, почти через год, его пришлось восстановить, поскольку многие ученые и в России, и за рубежом не поняли такого шага. Вернадский все это пережил. Его больше беспокоило не личное свое положение, а то, что происходило в стране и как все это отзывалось на самом народе. У него всегда была своя твердая позиция, обусловленная высотой его истинной нравственности. Еще до революции, обвиняя царское правительство, он отважно написал: «...возможность зла и отсутствие защиты от зла и составляет главную ошибочную сторону ложного государственного устройства»². В октябре 1917 года он принял сторону Временного правительства, в работе которого участвовал в качестве товарища (т.е. заместителя) министра просвещения. Он подписал, не колеблясь, воззвание, в котором большевики были названы узурпаторами и назначено заседание Учредительного собрания. Гражданская война сначала застала его в Киеве, где он организовывал украинскую Академию наук, затем в Полтаве и Крыму.

«Ужасы Глухова, – записывает он в дневнике, – Севастополя, Симферополя, Ростова и Новочеркасска, Кронштадта и Свеаборга, и Кунгура, и тысячи мест. Масса замученных и избитых, истерзанных людей... Какой ужас и какое преступление. И какая без героев и каторжная русская революция»³. Когда в Полтаву вошли большевики и он увидел воочию, что там творилось, ему казалось, что листы его дневника не выдержат описаний всего этого. «Яркий идеал сытых свиней: обжорство, пьянство, зрелища, свадьбы. Чисто буржуазный – но без

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 310–311.

² Страницы автобиографии В.И.Вернадского. С. 142.

³ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Киев, 1994. С. 61.

труда. Безделье царит. Семечки, театры, кинематографы, хироманты, внешний лоск, грабят где можно, трусость перед вооруженными и смелость перед безоружными. Тяжела социалистическая революция своим насилием и неравенством»¹.

Временами ему казалось, что он теряет опору в жизни. Он понимал, что так жить нельзя, что можно противопоставить всему этому безобразию, крови, произволу, тьме, затопившей страну, только работу, в ней все спасение. «Работаю много над жив[ым] вещ[еством], – пишет он в дневнике весной 1918 года. – И здесь нахожу опору. Сильно презрение к народу моему и тяжело переживать. Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства. И я нахожу эту опору в свободной мысли, в научной работе, в научном творчестве <...> Пищу. Дома все спят. А на улице – треск пулемета. Человек привыкает ко всему»².

Он, великий ученый, исследует живое вещество, чтобы продлить его жизнь. За темным окном его жилища это живое вещество уничтожают. Его оружие – культура и наука – непреходящее. Он был убежден, что владеет им в совершенстве. И снова: «Где искать опоры? Искать в бесконечном, в творческом акте, в бесконечной силе духа. ...Надо, чтобы в народе имелись значительные группы людей, которые не ломаются бурей, но творят и созидают. Необходимо прямо смотреть в глаза происшедшему; пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть все критике, ни перед чем не останавливаясь. Продумать все *искренно*, до конца искренно. Надо то, что найдешь на этом пути смелого и искреннего пересмотра того, чем жив, – громко сказать всем и надо, чтобы слово разбудило мысли и чувства людей, которые до сих пор жили бессознательно.

Нет ничего хуже апатии, нет ничего вреднее и ужаснее безразличия, серой будничной жизни в такой момент»³.

И почти в каждой записи 1918 года присутствует фраза: «Работаю над живым веществом». Как бы он ни погружался в свои исследования, как бы активно ни работала его научная мысль, он все время возвращался к ситуации в стране, стараясь осмыслить происходящее и понять его причины. Это была его страна, и он чувствовал перед ней свою гражданскую ответственность. Он всегда был граждански активен и участвовал нередко в тех политических организациях, которые,

---

¹ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. С. 64.

² Там же. С. 62.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 204.

как он считал, приносят несомненную пользу России. Весной 1918 года Украина объявила свою независимость. «Сейчас катастрофа, – отмечал он в дневнике, – наступила так неожиданно, что не понимают окружающие, что расчленение, может быть, временное, России произошло. Правы большевики – идет борьба между капитализмом и социализмом. Лучше ли социализм капитализма? Что он может дать народным массам? Социализм неизбежно является врагом свободы, культуры, свободы духа, науки. Русская интеллигенция заражена маразмом социализма. Народ невежественный. Идеалы чисто материалистические. Стал решать как слепой сложные мировые вопросы с миропониманием XVII века. Результаты такого решения мы сейчас видим <...> Надо в корне разобрать и основы и идеалы социализма. Они не научны. Они противоречат свободе человеческой личности»¹.

Проницательностью философа и острым умом ученого он ухватил главные особенности происходящего: безответственность русской интеллигенции, увлеченной иллюзией социализма, его ненаучность, невежественность народа, взявшегося на развалинах предыдущего строить то, что было ему совершенно не знакомо, и, наконец, «чисто материалистические» идеалы социалистической революции, исказившие ее цели и средства достижения.

«Нельзя отложить заботу о вечном и великом, – размышляет он, – на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет “хлеба и зрелищ”. Есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью»². Он справедливо протестовал против того, что из пространства социалистической революции было вынуто то духовно-нравственное начало, которое формировалось многие века человеческой истории и культуры. «Нельзя отложить заботу о вечном и великом». Но это было отложено, и возводимый новый строй не выдержал даже одного века, ибо скрепляющий его состав был некачественным и слабым.

«Мы хотели верить в русскую революцию, – пишет он в отчаянии, – в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем. А у меня все более и более поднимается *презрение!*»³. Он ставит восклицательный знак в конце последней фразы, как бы этим подтверждая то пугавшее его, что в нем поднималось в какой-то мере

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 205.

² Там же.

³ Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. С. 76.

против его воли, – презрение к своему народу. Но он ничего уже не мог поделать, слишком многое он видел собственными глазами, подтверждавшее это тревожившее его чувство. Он уезжает на юг, вслед за отступавшей армией Деникина, и поселяется в 1920 году в Крыму вместе с семьей, где еще короткое время Врангель удерживает полуостров. Гражданская война, собравшая в Крыму в это время значительную часть ученых, создала парадоксальную ситуацию – здесь начинает развиваться наука. Вернадский после выздоровления немедленно включается в этот процесс. Преподает в Таврическом университете, читает лекции по минералогии и геохимии и, конечно, размышляет над тем, что есть наука с точки зрения философской, в чем суть ее феномена. Он понимает, что в это тяжелейшее время судьба предоставила ему возможность воочию оценить, что в действительности представляет собой явление науки. «И как бы далее ни сложилась жизнь, ясно, что научная работа пойдет и дальше по этому же пути, ибо мы видим, что научная работа все время идет без всякой связи с меняющимися и непрочными темпами политической жизни. Она является здоровым жизненным проявлением, имеющим корни в глубине духовной жизни страны, которые переживут всякие внешние обстоятельства»¹.

«Россию пропили, – записывает он весной 1920 года, – и ее интеллигенция, и ее народ. Сейчас на поверхности вся эта сволочь – правая и левая, безразличная. Все ее интересы в брюхе, пьянстве и разврате. И это та “свобода” и то идеальное “счастье”, какое дает миру русская революция? Рядом с этим как-то чувствую, что эти, дающие сейчас тон всей жизни страны, люди не составляют ее всю и что Россия подымет»².

И еще: «Это уплотнение всюду, реквизиции всюду, и люди, наконец, начинают изнывать от такой жизни. Революции – и особенно большевизм – ужасны именно таким влезанием в душу, в самое интимное: грабежи касаются всего, причем едва ли есть дом или квартира, которые остались бы в это время нетронутыми»³.

Какой же надо было обладать любовью к своей стране, пронизательностью и мудростью, чтобы во всем этом развале, насилии и произволе не потерять в нее веру и надежду на то, что «Россия подымет». Он хорошо понимал, что работать ему спокойно и плодотворно в такой

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 259–260.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 261.

обстановке не удастся. Исследования живого вещества продвигались медленно и не так успешно, как ему хотелось бы. И он принимает решение уехать поработать в Англию. Его «параллельная жизнь» вдруг стала обретать реальность. На рейде одного из черноморских портов уже стоял английский крейсер, присланный за ним. И ему как-то показалось, что это не крейсер, а облаченный в символ зов другой, будущей его жизни, которая привиделась ему в тифозном бреде. И всей своей интуицией, которая никогда его не обманывала, он ощутил, что это единственная возможность вернуться в свою заманчивую будущую жизнь и сделать в ней все то, о чем он уже знал. Собственно, неважно было, в какой форме приходит «оттуда» зов, важным было другое – зов был последним, и он это остро почувствовал, когда крейсер отошел от причала, но без него и его семьи. Его вновь позвала своя страна, страдающая, сбившаяся с пути, шедшая по кровавым дорогам революции и войны. Она нуждалась в нем, и он не мог ее оставить в такой сокрушительной беде. В это время умер ректор Таврического университета, и ему предложили стать на его место. Он согласился, сделав свой последний и окончательный выбор.

«Перед ней (интеллигенцией. – *Л.Ш.*), – говорил он, – стоит задача – народное образование. Ибо наше время – время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений, жестокости; время, когда попытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления вроде Варфоломеевской ночи выставляются как идеал; время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции – есть вместе с тем и время сильного, искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встают перед людьми, как противовес окружающим их страданиям и кровавым призракам. Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей <...> Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа – это вопросы вечные»¹.

Пройдя через многое за несколько лет после Октябрьской революции, он теперь почувствовал всем своим существом те главные две силы, которые сошлись в смертельной борьбе, определив переломный момент наступающего времени. Сила света, содержащая в себе «пол-

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 254.

ный и коренной подъем духа», и силы тьмы и зла, несущие людям «страдания и кровавые призраки». От исхода их схватки будет зависеть то новое время, которое сейчас наступает. Изменение времени и обстоятельств требовало переоценки всех ценностей и в то же время опоры на то вечное, чем в данный момент владел народ не только одной страны, но и всей планеты. Он будил сознание тех, кто приходил его слушать, надеясь, что эти лекции откроют им глаза и помогут занять правильную позицию. Но историческая ситуация сложилась так, что слово в этих условиях теряло свою силу, ибо большинство в своей линии поведения исходило из внешних обстоятельств, а не из своей внутренней свободы и своего достоинства. Он надеялся на тех, которые вместе с ним совершат невидимую работу по подъему человеческого сознания. Теперь он видел, что сознание это не «нечто нематериальное», как определяли его некоторые ученые, а вполне реальная сила, способная поворачивать ход самой истории.

«Меня не смущает, – говорил он в одной из своих лекций, – что сейчас те люди, которые сокровенно совершают невидную пока работу, как будто не участвуют в жизни. На виду большей частью не они, а другие люди, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидимый во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет, время его придет, и последнее властное слово скажет он; а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно. Итак, более весомой окажется мировая научная революция, которая происходит одновременно с нашей революцией – социальной и заслонена ею. Каждый должен быть готов воспринять новую реальность научной цивилизации <...> Установленная сейчас в России диктатура коммунистов губительна и для образования, и для самых творческих классов общества – интеллигенции и крестьянства – основной движущей силы государства. Интеллигенция не должна больше быть безразлична к свободе, [должна] больше связываться с производительным трудом. Ценить религиозную жизнь и более четко осознавать и защищать свои интересы»¹. В этой лекции Вернадский приблизился более чем кто-либо в то время к пониманию Духовной революции, которая шла в России наряду с революцией социальной, и предрекал ее победу. Он назвал ее научной революцией, которая являлась частью той же Духовной революции.

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 269–270.

Он хорошо понимал, что не социальная революция принесет в жизнь радикальные изменения, а именно та, другая революция, которая идет не вовне, подобно социальной революции, а связана с движением духа внутреннего мира человека. Он ощущал неизбежность изменения мышления, которое несло новые подходы к познанию и творчеству, связывая то и другое с космическими процессами, идущими в Мироздании. В мае 1921 года уже в Петрограде он сформулирует идею космичности живого вещества, которая многое изменит в старом способе познания.

В начале 1921 года он уехал из Симферополя в Москву, затем в Петроград. Перед отъездом из Крыма сделал запись в дневнике: «Хочется – и надо – подвести итоги. Пережил развал жизни, разрушение, неудачные и довольно малоосмысленные попытки творчества, зерна и нити больших идей, которые закрыты поднявшейся грязной пеной и мутью. Огромное количество преступлений, крови, мучений, мелких и крупных страданий, не прощаемых совершающими – подлостью из-за страха, и слухов, слухов без конца. Люди живут в кошмарной обстановке и в психозе. Страх охватывает не только гонимых и побежденных, но, что самое удивительное, гонителей и победителей. Жизнь вошла в такие странные рамки, что в обыденном ее проявлении – кроме трафаретных газетных статей, официальных митинговых, и то без свободы (т.е. потерявших характер митинга), выступлений – исчезла совершенно идеология коммунизма и большевизма»¹. Ситуация в Петрограде, цитадели большевизма, оказалась не лучше крымской. Теперь он ближе рассмотрел лицо революции, воочию увидел ее вождей и руководителей. «Большевизм держится, – отметил он, – расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталистическим строем, т.к. она основана на порабощении человеческой личности»².

В Петрограде шли аресты и гремели расстрелы. Уничтожали цвет русской интеллигенции – ученых, философов, представителей аристократических родов. Вернадский в это время был избран директором геологического и минералогического музея Академии наук. Несмотря на это, а может быть и поэтому, летом 1921 года арестовали и его.

Теперь он обрел еще один опыт, которого у него не было. С ним обращались непристойно грубо. Его втолкнули в камеру, грязную и

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 273.

² Там же. С. 293.

сырую, где находилось большое число таких же, как и он. Он сидел вместе с ними на сыром и холодном полу и не мог поверить, что это явь, а не страшный сон. В это время его друзья по Братству метались от одной правительственной инстанции к другой и посылали телеграммы Луначарскому и Ленину. Но пока это происходило, он провел целый день в вонючей камере без воды и куска хлеба. Потом его допрашивал следователь ЧК, долговязый деревенский парень с маузером на боку. Он плохо говорил по-русски, и Вернадский не всегда его понимал. Следователь его обвинял в том, к чему он не имел отношения, но следователь упорно настаивал на этом. Протокола допроса не было, потому что следователь был неграмотным. На следующий день в ЧК пришла телеграмма с приказом немедленно освободить арестованного. Он вышел в ясное и солнечное утро, пошатываясь и еще не веря, что свободен. Дома, не откладывая, записал в свой дневник: «...я вышел из тюрьмы, испытывая и переживая чувство негодования, попраiania своего достоинства и глубокого сострадания к страждущим за ее стенами»¹.

После освобождения он еще долго не мог спать ночами, не мог, хотя и старался, работать над живым веществом. Он долго не мог оправиться от полученного шока, от того унижения и бессилия, которые он испытал, находясь в грязной камере ЧК. Он пытался все забыть, но пережитое долгое время беспокоило и волновало его той жестокой и дикой бесчеловечностью, которую ему пришлось испытать. Осенью он вновь вернулся к чтению лекций, но в них, помимо научной информации, присутствовало и иное, что он отважно пытался довести до слушателей, считая это своим первым долгом.

Летом следующего года он получил приглашение от ректора Парижского университета прочесть курс лекций по геохимии и отправился в долгосрочную научную командировку: Чехия, Франция, Англия. Наконец он получил возможность работать спокойно, в приличествующих ученому условиях. Там опять начинает звучать та «параллельная жизнь», которую он будет помнить всегда, по ней будет мерить свои успехи и достижения, но никогда не изменит своей Родине. Ибо она была его частью, его болью и надеждой. И он, как бы со стороны, на этот раз спокойно анализирует все происходящее в ней. Слово «Россия» все чаще и чаще появляется на страницах его дневника. «Научная работа в России идет, несмотря ни на что <...> Очень интересно

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 215.

это столкновение – частью поддержка, частью гонение – научной работы в Советской России. Сейчас должна начаться идейная защита науки – но и наука должна брать все, что может и от своих врагов, какими являются коммунисты. Может ли развиваться свободная научная работа вообще во всяком социалистическом государстве? Говорят о том, что сейчас реакция движется “вправо” – но куда идти “вправо”, идти дальше в существующей реакции с точки зрения научно творящей человеческой личности? Сейчас нет свободы слова и печати, нет свободы научного искания, нет самоуправления, нет не только политических, но даже и гражданских прав. Нет элементов уважения и обеспечения личности. Худшее, что может быть – сохранение режима при замене советских Правды и Известий – Новым временем или Колоколом, насилия коммунистов – Союзом русского народа – но это безразлично. Даже в последнем случае гражданские права упрочатся»¹. Он ищет в создавшемся положении более-менее надежный выход для развития науки в России, ибо твердо уверен, что наука и знание есть основа народной жизни. «А сила русская, – пишет он некоторое время спустя, – сейчас в творческой культурной работе – научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи»². Понимая все значение науки, он ставит рядом с ней и другие области знания, формируемые иными, вненаучными способами познания. Вернадский всегда интересовался искусством и философией, глубоко проникая в сущность их как явлений культуры, и не оставлял в стороне и религиозный опыт. Собственная интуиция подсказывала ему, что этот вненаучный способ познания вложил немало ценного в сокровищницу человеческого знания и его идеи не раз продвигали науку. Он хорошо знал искусство, любил музыку, придавая ей особое значение в мировой культуре. «Отец любил Москвина, Качалова и Художественный театр, – вспоминает его дочь. – Любил Вагнера. Я помню, на “Парсифаль” он меня повел в Мюнхене, любил итальянские оперы»³. В 1924 году он писал из Парижа: «Из России я имею много писем и думаю, что картина жизни в ней чрезвычайно сложная – но все же самая главная сила, которая в конце концов переборет все – мысль и умственное творчество – науки, философия, религия, искусства. И оно сейчас в России не иссякает»⁴.

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 300–301.

² Там же. С. 301.

³ Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету // Прометей. Т. 15. С. 130–131.

⁴ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 288–289.

Володе Вернадскому 4 года. 1867 г.

Владимир Вернадский – гимназист. 1878 г.

*Друзья по Санкт-Петербургскому университету.
Слева направо стоят: Дмитрий Шаховской, Андрей Краснов,
Сергей Крыжановский, Федор Ольденбург.
В среднем ряду: Михаил Харламов, Николай Ушинский, Владимир Вернадский.
Лежат: Александр Корнилов, Сергей Ольденбург, Александр Оболянинов*

*Наталья Егоровна Старицкая и Владимир Иванович Вернадский
в год своей свадьбы. 1886 г.*

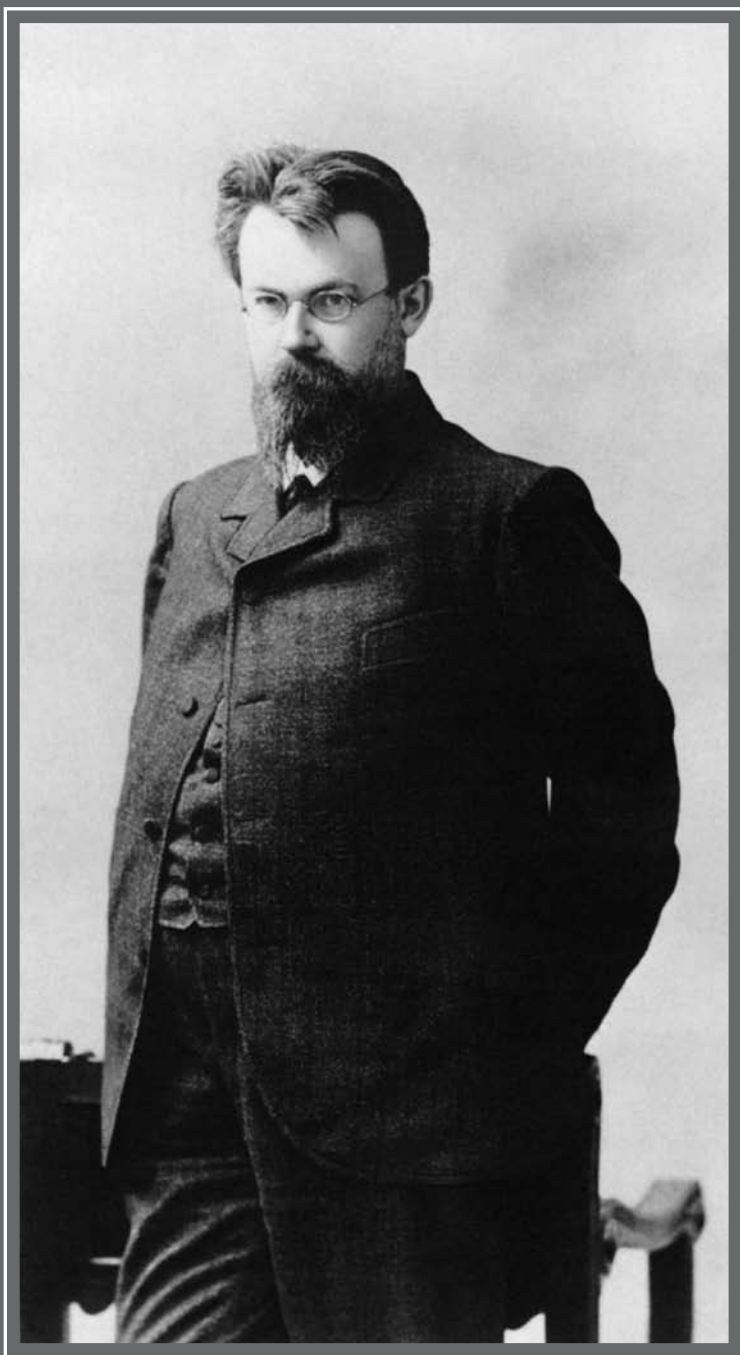

В.И.Вернадский. 1890-е гг.

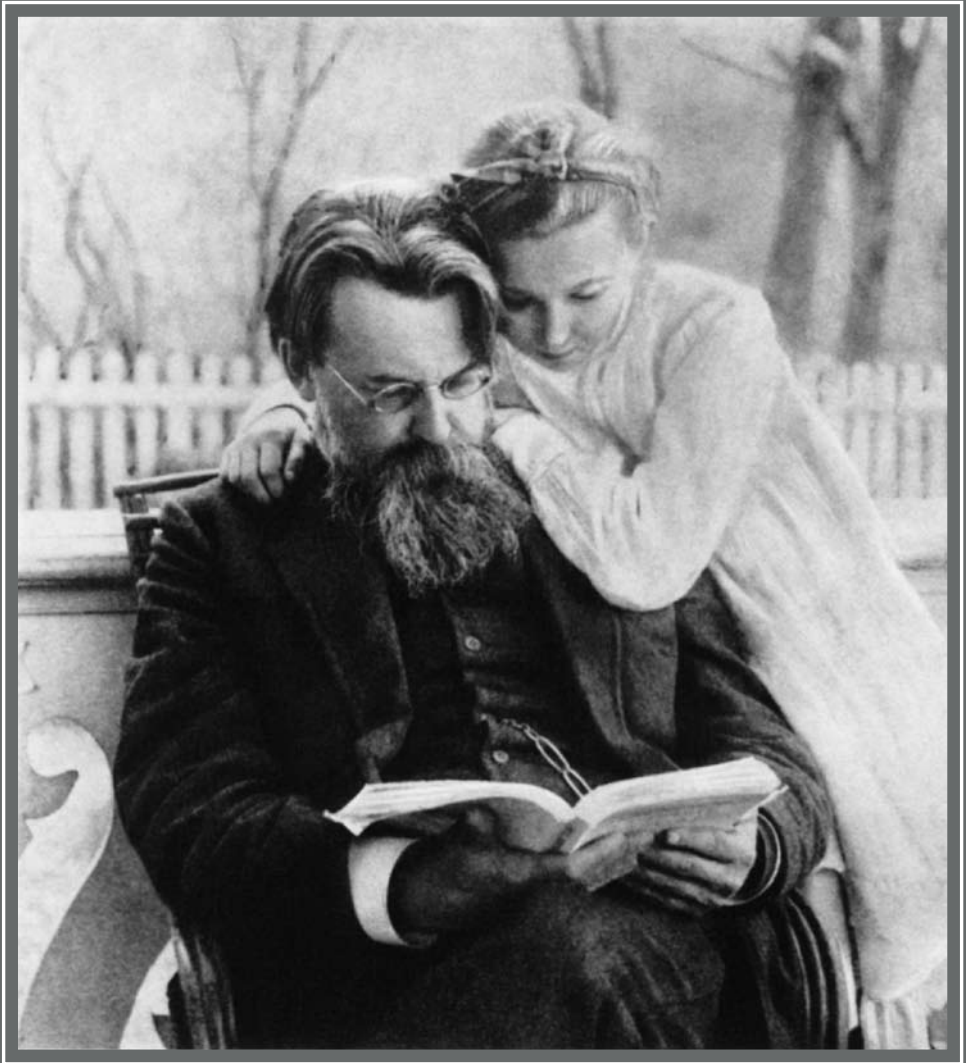
Члены государственного совета. 1906 г.

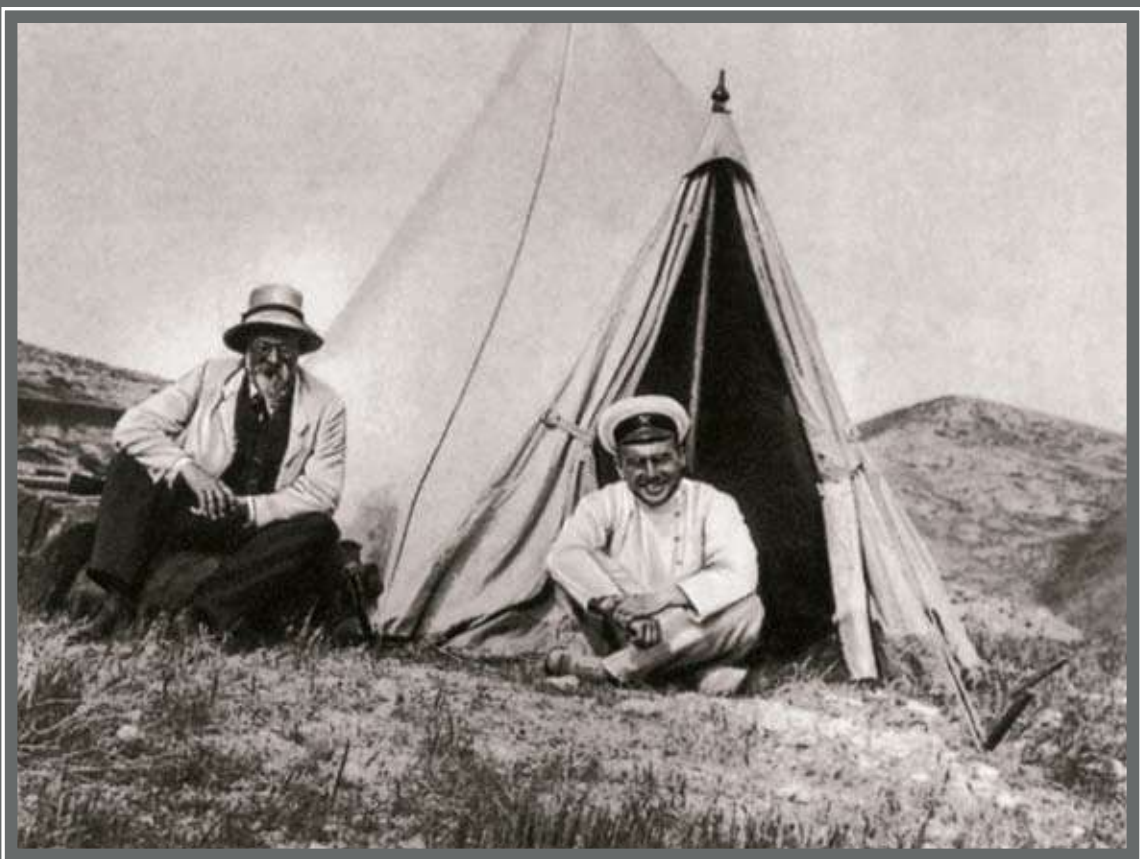
В.И.Вернадский – профессор Московского университета. 1905 г.

В семейном кругу. Слева направо: Георгий Вернадский, Павел Егорович Старицкий, Наталия Егоровна, Нина и Владимир Иванович Вернадские. 1908 г. Полтава

В.И.Вернадский с дочерью Ниной. 1910-е гг.

В.И.Вернадский и геохимик К.А.Ненадкевич в экспедиции. 1911 г. Средняя Азия

Изображенный на сей кар-
тинке есть действительно
Владимир Иванович
Вернадский, чино Управ-
ление Полтавской город-
ской милиции подшевно
и прикомандованъ иерейи
удостоверяется.
" 18 " Августа 1918.

В.И.Вернадский в своем кабинете. 1921 г. Петроград

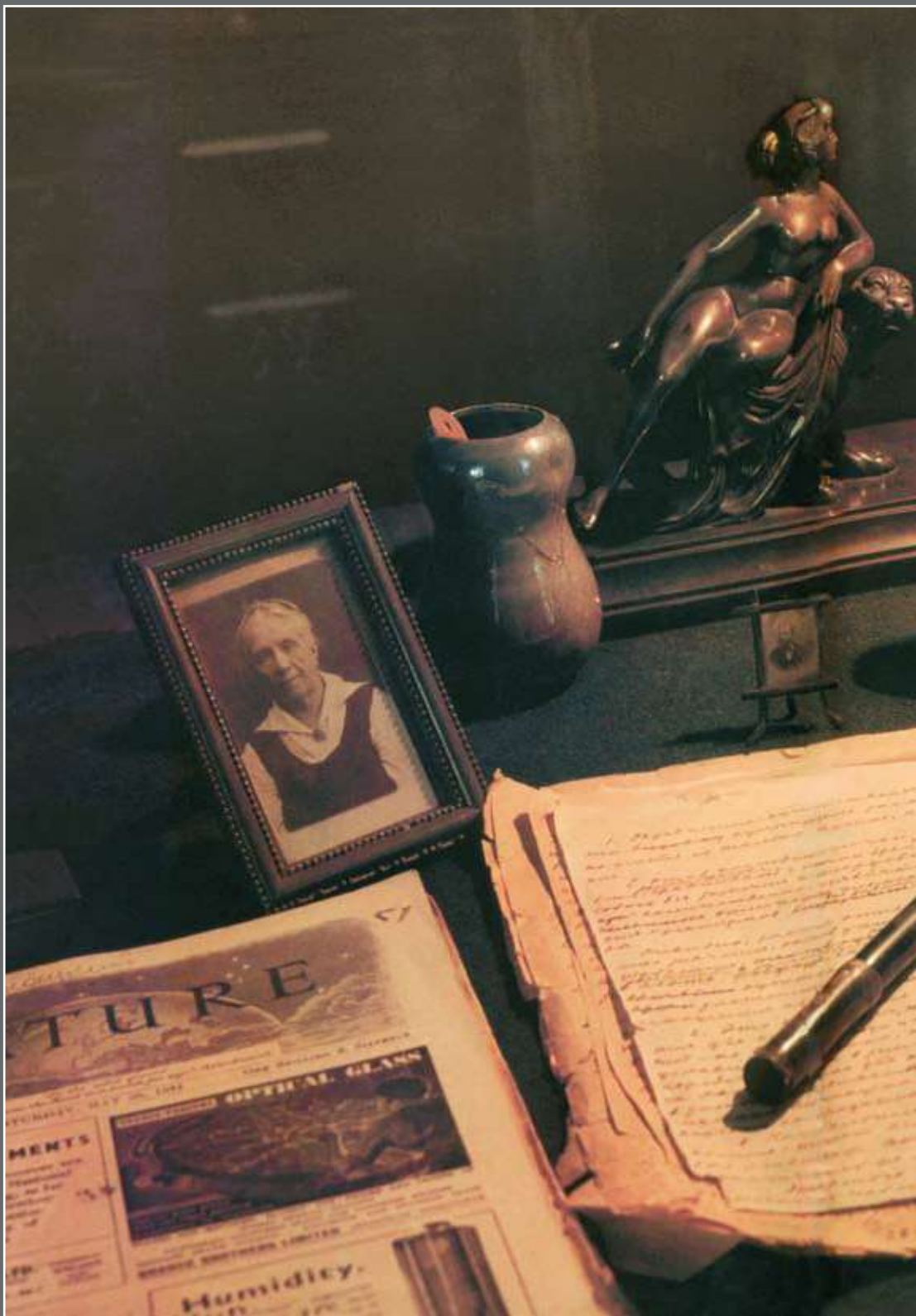
редительного сбора материала для анализа.

Технохимическая лаборатория может провести те анализы и определить условия, необходимые для наилучшего выщелачивания V_3 . Не сотрудничая с мощью ДВТ ~~в~~ ~~этом~~ ~~статусе~~ ~~администрации~~ ~~для~~ ~~производства~~ ~~каблочно-~~ ~~го~~ ~~и~~ ~~сбора~~ ~~материала~~ ~~для~~ ~~анализа~~ - но ~~то~~ ~~не~~ ~~позволяет~~ ~~для~~ ~~получения~~ ~~его~~ ~~опыт~~ ~~мощей~~ ~~ДВТ~~ ~~поставки~~ ~~такого~~ ~~на~~ ~~какое~~ ~~успешно~~ ~~использовала~~ ~~агрохимическая~~ ~~Станица~~. Желательно чтобы опыт и вся работа делалась не один раз - а по крайней мере два раза.

Химическая и радиоактивная обработка материала ДВТ будет производиться в Технохимической лаборатории. Но систематическое производство работы лаборатории и мощей ДВТ каручиена, поэтому придется организовать работу эффективно, временно увеличив штат сотрудников.

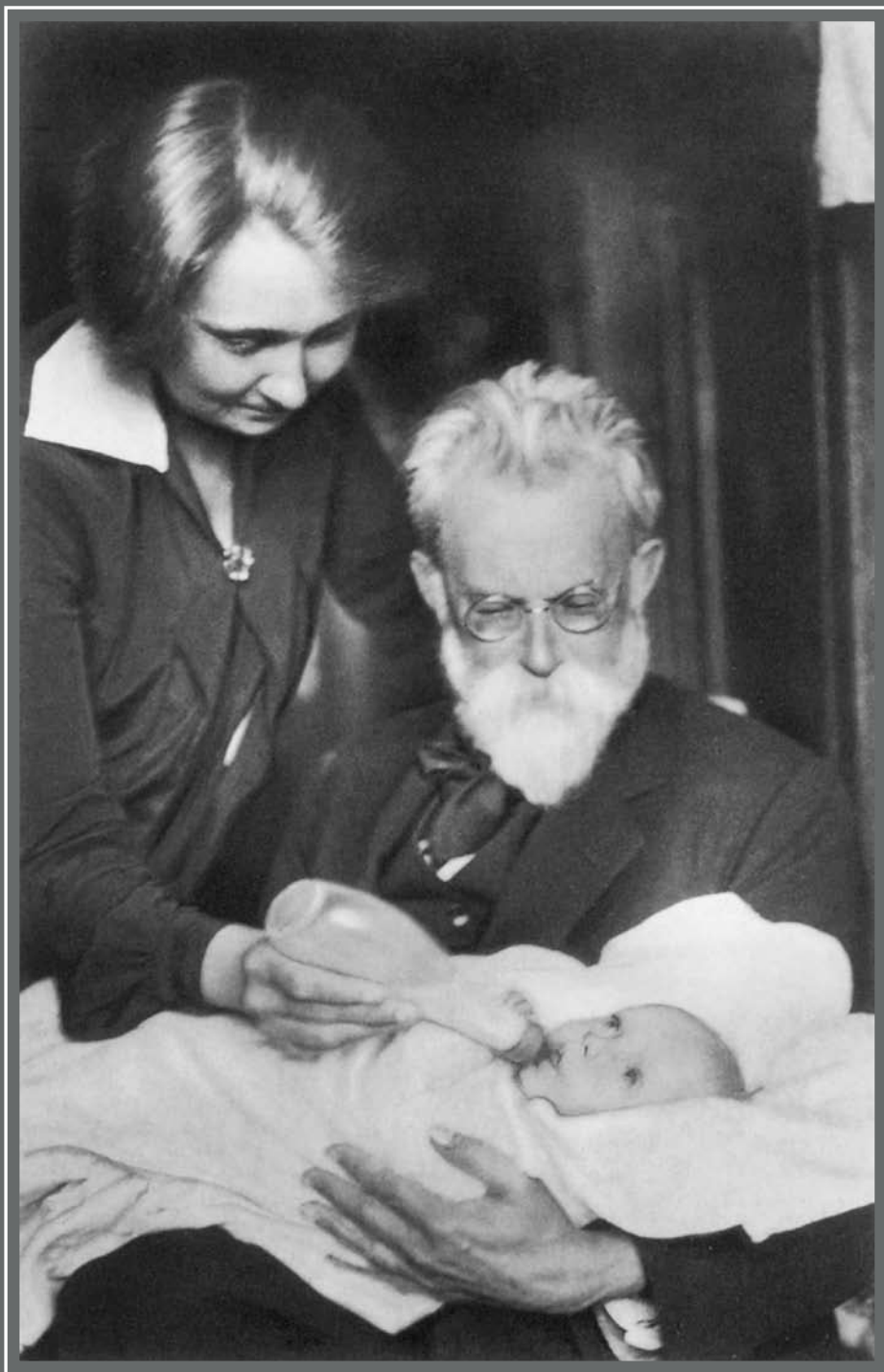
4. Работа дачная будет поставлена в двух направлениях: 1) наилучшие данные о химическом составе (с количественным определением радиоразличности) и геохимической энергии (величина V_3) ~~то~~ ~~поставка~~ ~~исследования~~ ~~для~~ ~~какого~~ ~~три~~ ~~четыре~~ ~~человек~~ ~~вместе~~ ~~вместе~~ ~~какого~~ ~~будут~~ ~~на~~ ~~участках~~ ~~кислота~~, напр. пшеница. 2) наилучшие данные о химическом составе ~~(в~~ ~~радиоразличности)~~ ~~и~~ ~~геохимической~~ ~~энергии~~ ~~на~~ ~~таких~~ ~~важных~~ ~~агрохимических~~ ~~растениях~~ ~~сорта~~: двух сортовых пшеница, двух сортов овса, гречиха и двух картонаших сортов и т. п.

5. Для наилучшего опыта на опытных станциях дачных будет поставлен так, чтобы мощей ДВТ анализировал - т.е. анализировал - следующий этап:

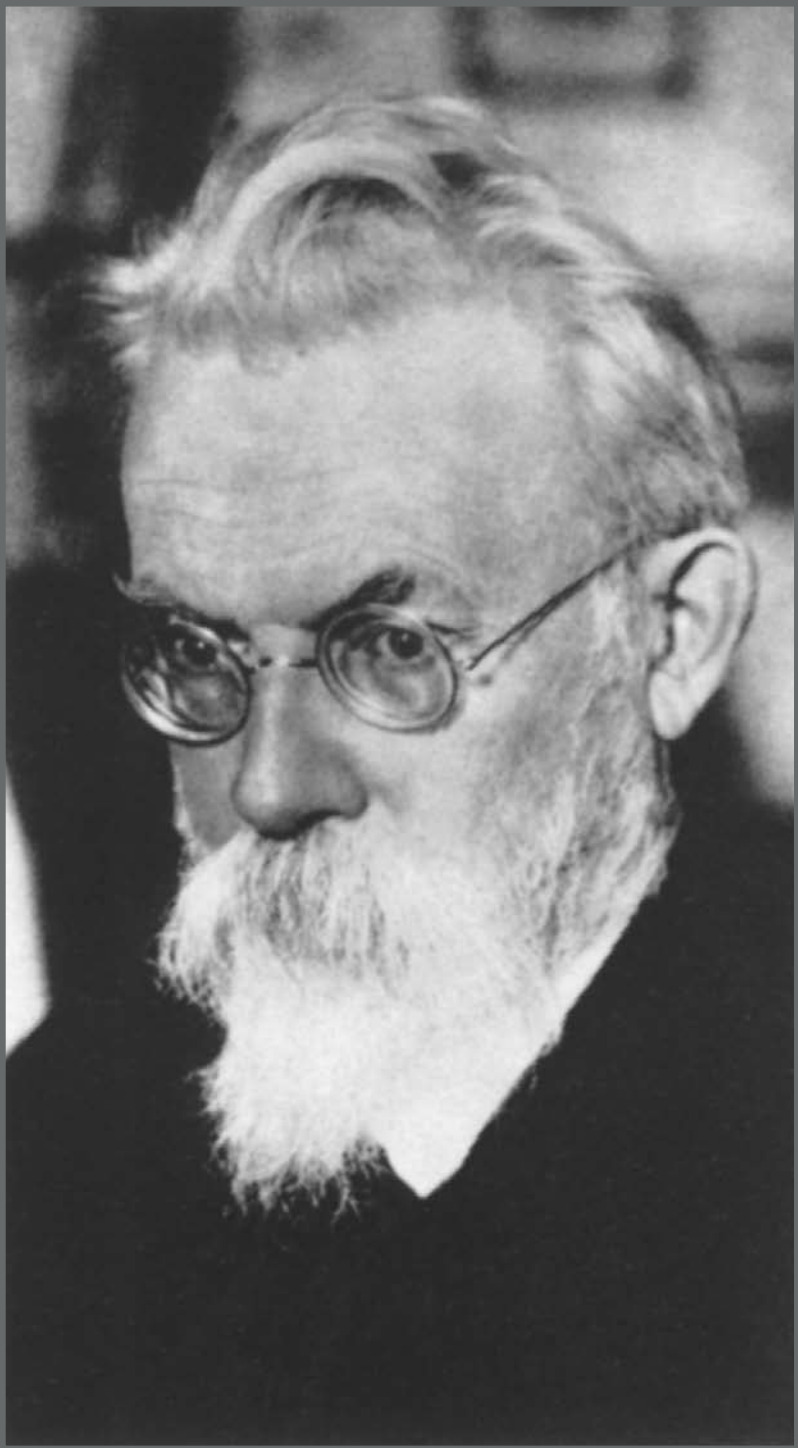

Письменный стол ученого

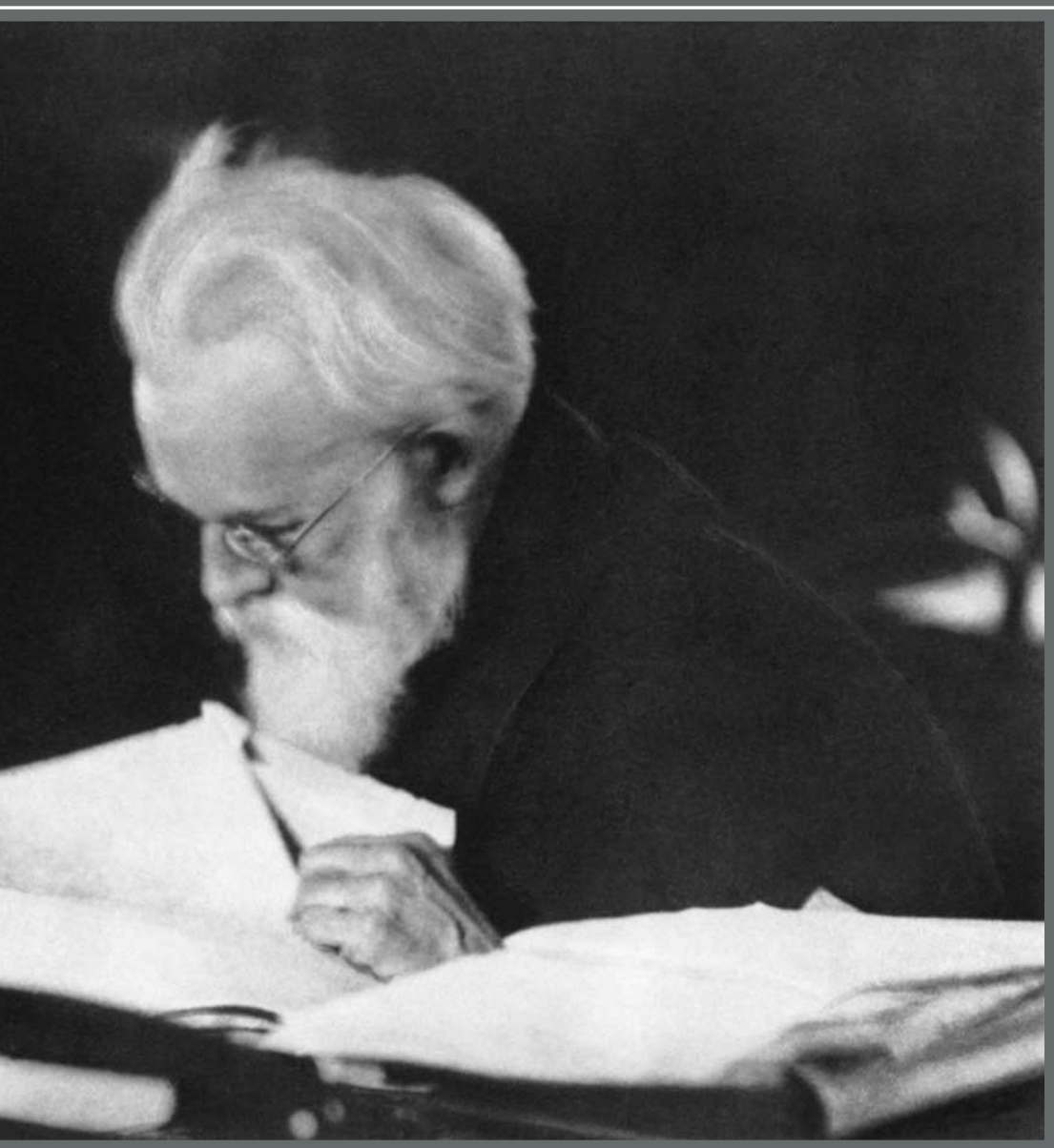

В.И.Вернадский с дочерью Ниной и внучкой Таней. 1929 г. Прага

В.И.Вернадский. 1934 г.

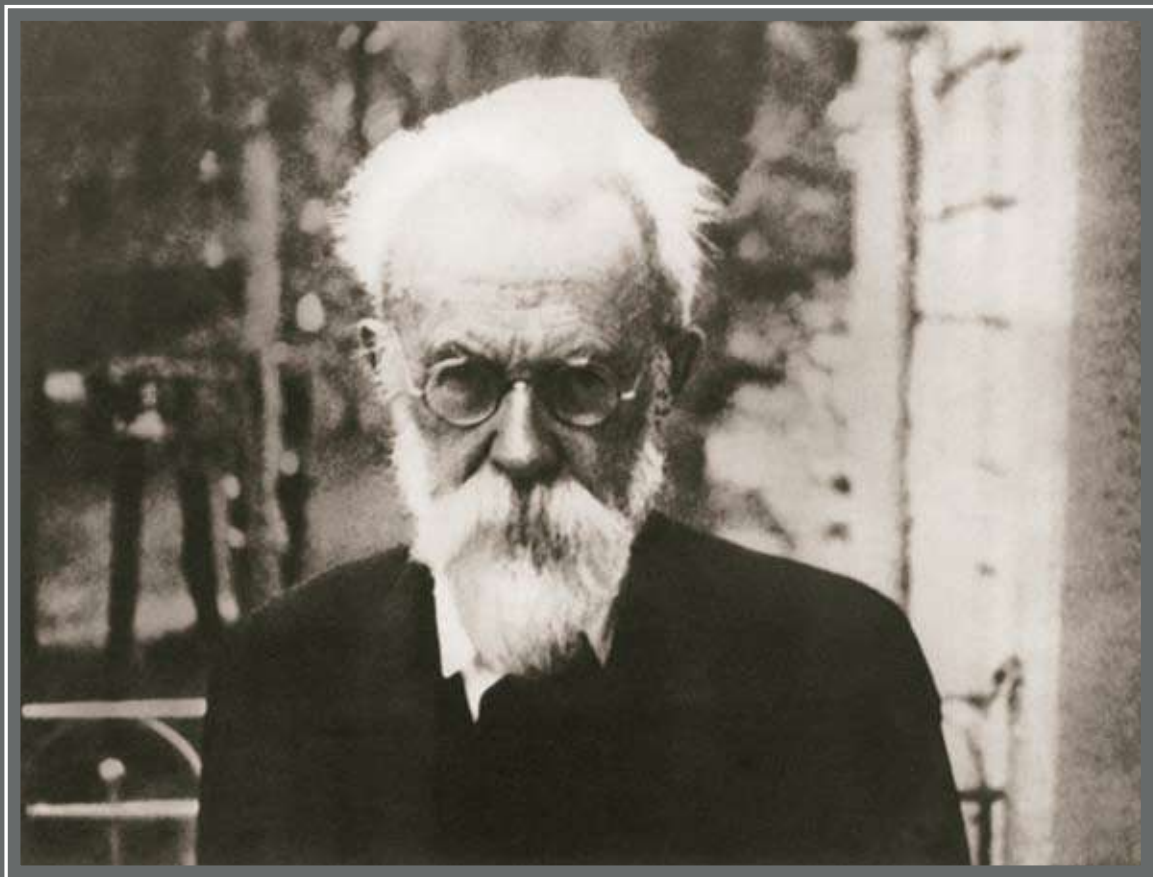

В.И.Вернадский за работой

*Наталья Егоровна и Владимир Иванович Вернадские.
1940 г. Москва*

В.И.Вернадский в эвакуации. 1942 г. Боровое

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

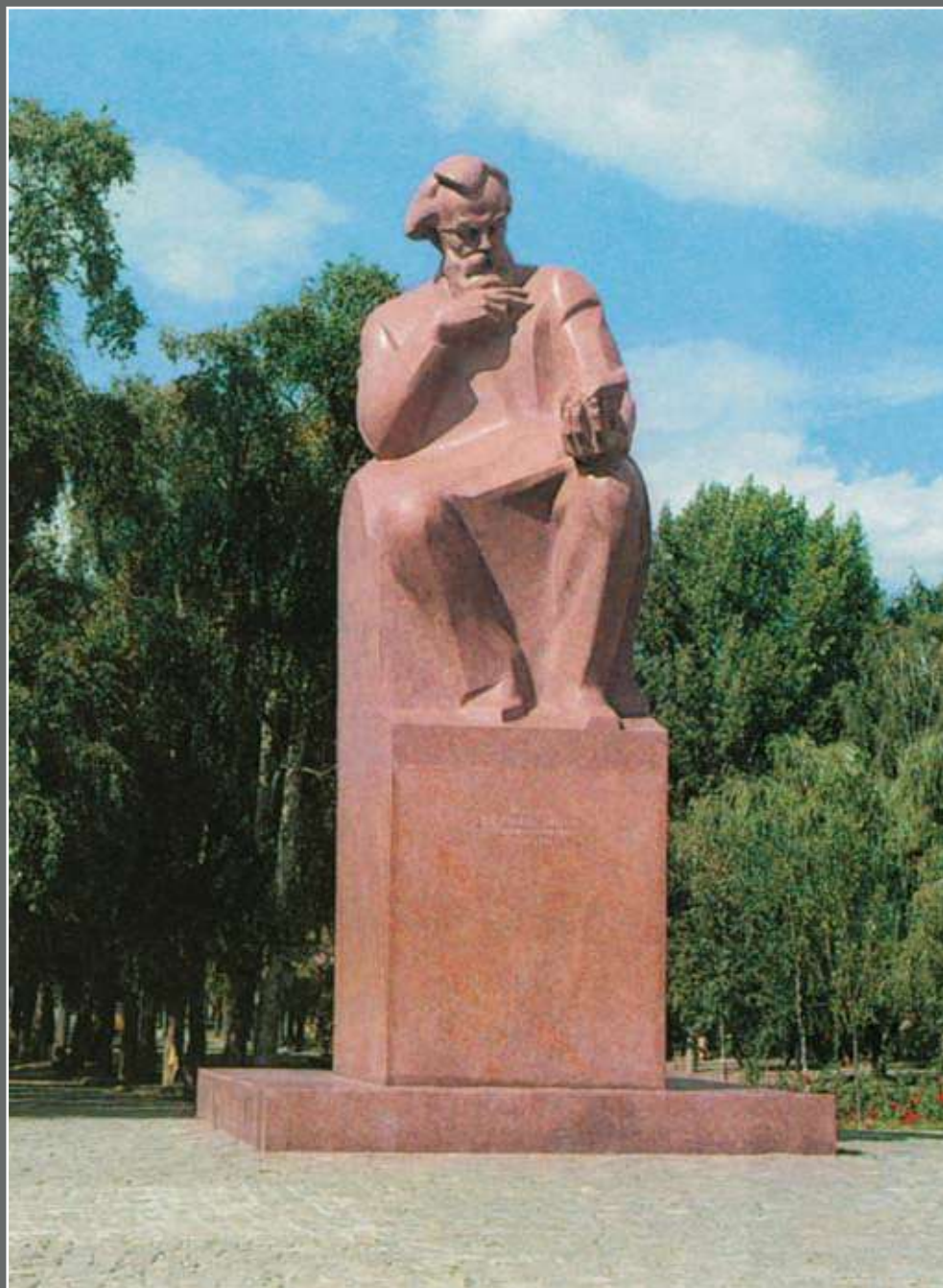
РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАТУРАЛИСТА

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
КАК ПЛАНЕТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Эта книга опубликована через 20 лет после кончины автора

*Мемориальный кабинет ученого в Институте геохимии
и аналитической химии имени В.И.Вернадского*

Памятник великому ученому в Киеве

Его надежды могли оправдаться только наряду с улучшением общей жизни страны, а она к концу 20-х годов продолжала ухудшаться. «Поражают, – отмечает он, – бедность, пьянство, бюрократизм, воровство, аморализм, грубость»¹. Он хорошо понимал, что духовной культуре трудно удержаться, когда материя жизни продолжает разваливаться. В Академии наук происходили изменения. Упразднили самоуправление. Академические институты испытывали огромные материальные затруднения. Многие ценные сотрудники оказались изгнанными из их стен. «Происходит, с моей точки зрения, – отзывается он на все это, – безумная трата самого дорогого достояния народа – его талантов. А между тем эти таланты никогда не возобновляются непрерывно. И даже если бы оказалось, что процесс их создания в нашем народе еще длится, все же одни личности механически не могут быть заменены другими»². Вместе с тем в эти годы он чрезвычайно активен и продолжает работать над важнейшими своими исследованиями, расширяет связи с зарубежными учеными и, наконец, выбирается в 1925 году президентом Украинской Академии наук.

1930 год приносит ему новость, которой он не сразу поверил. Его, уже пожилого, маститого ученого, гордость советской науки, не выпускают за рубеж. Сорбонна пригласила его для чтения лекций. Он не может туда ехать, потому что, по каким-то неизвестным причинам, ему это не разрешают. Не выпускают – эти слова унижали его человеческое достоинство. Он пишет возмущенное письмо в правительство, стараясь объяснить ему всю несправедливость обращения с ним.

«Государство напрягает все силы для проведения философских методов в научные организации, и научная работа, в том числе и моя, где этим методам нет места, не имеет шансов на развитие и правильную постановку. Я стар для того, чтобы ждать, и я подошел в своей творческой мысли к слишком большим новым областям научного знания, чтобы мириться с недостаточными условиями научной работы, в какие я здесь поставлен, и с невозможностью вести ее интенсивно. Я глубоко чувствую свою ответственность перед государством, но прежде всего, как всякий ученый, чувствую ее перед человечеством, ибо моя работа затрагивает проблемы более широкой базы, чем государство и его подразделения»³. Письмо заканчивалось просьбой отпустить его с женой за границу навсегда, если его командировка в Сорбонну невозможна.

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 325.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 354–355.

Письмо произвело большое впечатление «в верхах». Решение по нему выносило Политбюро ВКП(б). Ему разрешили зарубежную командировку, но не сразу – отложили на год. После этого он съездил еще несколько раз за границу, а в 1936 году состоялась его последняя поездка. Настало время, когда советских ученых, даже самых выдающихся, старались не выпускать за рубеж. В стране прошел «год великого перелома», принесший ей такие перемены, которые ему не могли и присниться. Перелом этот коснулся не только сельского хозяйства, где коллективизация косила наиболее умелую и дееспособную часть крестьянства, но и Академии наук. Старые академики, гордость российской науки, под разными предлогами, иногда самыми дикими и фантастическими, увольнялись из Академии. На их место брались полуграмотные, но послушные властям так называемые ученые. Академия пополнялась членами партии. В 1933 году был создан партком, который и возглавил борьбу за чистоту рядов. Две книги Вернадского «Живое вещество» и «Биосфера» были изъяты из издательства, как не соответствующие современным требованиям. В самой Академии был создан редакционно-издательский совет, который получил права цензуры. В один из дней Вернадский встретился с крупным востоковедом, академиком И.Ю.Крачковским. У них состоялась долгая беседа, после которой Владимир Иванович записал в дневнике: «Крачковский нарисовал картину полного разгрома ориенталистики. Уже русская ориенталистика – провинция. Потеряли то значение, которое имели. Идут на смену совсем ничтожные, невежественные, но этого не понимающие болтуны и дельцы. Умеют критиковать – делать сыск, но не положительно научно работать»¹.

Востоковедение было первым, потерпевшим огромный урон. За ним последовал ряд других наук.

В 1931 году Вернадский записал: «Мне чужд капиталистический строй, но чужд и здешний (социалистический. – Л.Ш.) Царство моих идей впереди...»² Но это «впереди», для которого он так усердно работал, было еле различимо в тумане времени. И до этого «впереди» надо еще было пройти через страдания, борьбу и жертвы. А пока раскулаченных и оставшихся на земле крестьян постепенно превращали в рабов, которых Россия еще не знала. «Ухудшение условий жизни, – отмечал Вернадский в дневнике от 10.03.32, – слухи о войне, голод, финансовый надвигающийся быстрыми шагами крах, исчезновение

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 228.

² Там же. С. 298.

продуктов, резкое ухудшение в положении печати (исчезновение газет и ухудшение их содержания), уменьшение производства книг (невозможно их достать), гнет и произвол: очень тяжелый фон разговоров и настроений. Удивительно приспособляющееся животное человек. Великие идеи и искания и бездарное исполнение и искажение на каждом шагу. Пропала идея свободы, свободы не только при исполнении, но и при искании»¹. Эта последняя мысль о несвободе при искании говорила о том, что на науку опустился тяжелый идеологический пресс, во многом приостановивший ее развитие. Прежние достижения российских ученых были преданы анафеме, возможности же новых достижений сужались час от часа.

В 1934 году Академию наук переводят из Ленинграда в Москву, и Вернадский оказывается в самом эпицентре тяжелых и страшных событий. Страна катилась к тоталитарному режиму, главным средством достижения которого стали репрессии, а фактически война против своего народа. Плащ великого инквизитора накрыл Россию. Для Вернадского все началось с ареста его ближайшего сотрудника Б.Л.Личкова. Его выслали в Среднюю Азию, не объяснив никому зачем и за что. Вернадский поддерживал с ним связь, стремясь успокоить его и помочь. Ему намекали, что этого делать нельзя, но он не обращал внимания. Его нравственные убеждения, которым он никогда не изменял, не позволяли оставить человека одного в беде. Потом арестовали священника, великого ученого и философа П.А.Флоренского, которого сначала отправили в глубь Сибири, а затем – на гибельные Соловки. Вернадский высоко ценил Флоренского и его «Столп и утверждение истины». Флоренский же считал «Биосферу» Вернадского значительным шагом на пути к новому космическому мышлению. Флоренского обвинили, так же как и его когда-то в 1921 году, в том, к чему тот не имел никакого отношения. И тогда Владимир Иванович понял, что остатки права, которые с трудом просвечивали сквозь социалистические декорации, исчезают у него на глазах. Берут кого хотят и расправляются с ними как хотят. Темная, неведомая сила захватила его страну. Арест Флоренского больно отозвался в его душе. Он взял на себя заботу о его сыновьях. Один из них, Кирилл, был помощником Вернадского, и он постарался его устроить, несмотря на все препятствия. Он также защитил и другого – Василия.

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 375.

Приближался 1937 год, и в Москве началась вакханалия. Ночами по ней носились черные «воронки», никто не знал, в чью дверь постучат приехавшие на них. Страх захватывал столицу и черной тенью наползал на всю страну. Но и это его не испугало. Такими ночами стали исчезать его сотрудники и близкие. Он помогал вдовам, оставшимся без мужей, и детям, лишившимся родителей. В НКВД на него завели дело как на руководителя какой-то партии, готовящей заговор против советского строя. Обвинение было тяжелым и роковым. Но судьбе было угодно, чтобы чья-то рука вычеркнула его из списка. Трудно сказать, кто или что водило этой рукой. Его «параллельная жизнь», удивительная и неповторимая, и то, что стояло за ней, время от времени давала о себе знать, оберегая великого ученого от гибели. Он прекратил публичные выступления и сузил круг общения. По ночам он и Наталья Егоровна тревожно прислушивались к шуму за окнами. Он открыто не посещал собраний, где разоблачали и клеймили «врагов народа», и не подписывал против них коллективных писем. Страх не коснулся его души, ибо она была слишком высока для такого страха. Страх ползал где-то внизу и питался низкими инстинктами и низкими чувствами.

По его дневникам и письмам мы видим истинную суть происшедшего. Вот некоторые выписки.

26.11.37. «Кругом террор. И на каждом шагу его следствия»¹.

5.01.38. «Мильоны арестованных. Мильоны заключенных – даровой труд, играющий заметную роль и большую роль в государственном хозяйстве»².

1.03.38. «Сегодня в газетах о новом «процессе». Безумцы. Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что в своей основе не исчезнет. Но силу государства, в котором интересы масс – во всем их реальном значении (принцип свободы мысли и свободы религиозной) – сейчас сами подрывают»³.

2.03.38. «Кругом мильоны страданий. Небывалый террор и масса ненужных страданий и несправедливостей. Вся страна измучена, и тут еще недостаток продовольствия и забота о его получении»⁴.

12.03.38. «Впечатление неустойчивости существующего становится еще сильнее. Политика террора становится еще более безумной,

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 235.

² Там же.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же.

чем я думал еще недавно. Волевая и умственная слабость руководящих кругов партии и более низкий уровень партийцев, резко проявляющийся в среде, мне доступной, заставляет меня оценивать [все] как преходящее, а не достигнутое – не как тот, по существу, великий опыт, который мне пришлось пережить»¹.

В Академии царил хаос. Закрывались нужные кафедры и создавались новые, ненужные и нежизнеспособные. Менялось руководство хорошо работавших институтов, членство в партии становилось одним из главных достоинств в работе. Новые академики, расталкивая друг друга локтями, рвались к «хлебным» должностям и государственным званиям. Историю России исправляли по указанию сверху, гуманитарные науки гибли в плену идеологических догм, теряя прежнее свое значение и свои достижения. Искажались и засекречивались географические карты. Связи с зарубежной наукой становились все слабее и слабее. Резко уменьшилось количество научных книг и журналов, получаемых из Европы и Америки. Из английского журнала «Природа», на который был подписан Вернадский, цензоры вымарывали статьи, которые они считали для ученого ненужными и вредными. Для истинной науки создалась почти безвыходная ситуация.

В июне 1938 года арестовывают его близкого друга, крупнейшего знатока славянской филологии, члена Братства Дмитрия Ивановича Шаховского. Вернадский пробивается к Вышинскому. Разговор был долгий и неприятный. Вышинский обещал смягчить приговор арестованному. Но, несмотря ни на что, Шаховского допрашивают и пытаются. Тот держится мужественно и не называет никаких фамилий. В апреле 1939 года его расстреливают. И Вернадский понимает, что властям нельзя верить. К власти пришли люди без совести и чести, и от них теперь зависят жизни миллионов людей, не совершивших ничего против этой страны.

Чтобы подавить боль, связанную с гибелью Шаховского, он все больше и больше уходил в работу, но не мог как следует сосредоточиться и возвращался мыслью вновь и вновь к страшным и печальным событиям. Он размышлял над личностью Сталина и ничего положительного в нем не находил. «Одну ошибку он (Сталин. – Л.Ш.) сделал, – записывает Вернадский в дневнике, – под влиянием мести или страха уничтожил цвет людей своей партии. Реальные условия жизни вызывают колоссальный приток всех воров, которые продолжают

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 419.

лезть в партию, уровень которой в среде, в которой мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных»¹. Он хорошо понимал, что одна страница такого дневника может послужить поводом для ареста или даже расстрела. Но, не страшась ничего, он записывал свои мысли, заботясь лишь о том, что, возможно, потомки прочтут все это и поймут, через какие жестокие времена проходила Россия и те, кому пришлось в ней жить.

30.06.38. «Узкое. Окружающая жизнь – неясно, какой процесс врывается и отражается. Глубокий развал и в то же время огромная положительная работа. Идея плана сказывается главным образом своими плохими сторонами. Цель, а не план, выдвигается вперед. Впервые и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося государственного механизма. Продолжается самопоедание коммунистов и выдвижение новых людей: без традиций, желающие власти и земных благ для себя – среди них не видно прочных людей [типа] Серго. Выдвинутая молодежь в Академии – ниже среднего. Постоянные аресты разрушают. Серьезно говорят и думают, что жизнь государственная разрушена НКВД <...> А все же жизнь идет, и стихийный процесс, мне кажется (или хочется думать), [совершается] положительной главной работой в среде тех, которые в положении рабов, это чувствующих – спецссылных, интеллигенции»².

Он всегда стремился, как ученый, к ясности мышления. В своих работах он давал прекрасные образцы такой ясности. Но жизнь не исследование, не эксперимент. Она неожиданна и неповторима. Ее стихийные процессы трудно программировать. Они противоречивы, и эта противоречивость скрывает те закономерности, которые двигают жизнью. У нее всегда – с одной стороны и с другой. В данном случае с одной стороны «глубокий развал», с другой – «огромная положительная работа». Как все это свести воедино? И нужно ли? Чтобы сблизить эти два явления – надо преуменьшить одно и преувеличить другое. И он пытается преувеличить «большую положительную работу», но не может преуменьшить «развал». Что-то в нем протестует против этого преуменьшения. Да и «большая положительная работа», сделанная рабами ГУЛАГа, также вызывает сомнение. Так и остается неясным, «какой процесс врывается и отражается» в этой жизни. Остается только надеяться, что со временем все образуется, страна не погибнет, люди, или хотя бы их часть, поумнеют и придут в сознание...

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 460.

² Там же. С. 420.

Он всегда сверял свои поступки с теми, кто составлял ядро Братства. Теперь, к маю 1941 года, из его мужской части остался он один. Еще в 1925 году умер А.А.Корнилов, в 1934 – С.Ф.Ольденбург, в 1939 г. в застенках Лубянки сгинул Д.И.Шаховской, в мае 1941 – уходит из жизни И.М.Гревс. Самому ему 78 лет, возраст довольно преклонный. Его волосы серебрятся сединой, но глаза остаются такими же ясными и живыми, как прежде. Друзья ушли один за другим, но рядом еще остается его жена Наталья Егоровна. Она есть опора его и его надежда, такой она была для него всю его жизнь. «...Если бы не она, – писала его дочь Н.В.Вернадская-Толль, – кто знает – достиг ли бы отец того, что он достиг? <...> Она была его гением, его хранителем и его совестью и с увлечением разделяла его вдохновения. Помню их споры иногда, когда она настаивала, чтобы он ни в чем не уступал, если что-нибудь было против суждений его совести, и чтобы он думал о людях, которых он встречал на своем пути. Были дни, когда его жизнь была в опасности, она всегда поддерживала твердость его духа. Она была совершенно необыкновенная женщина, громадной силы духа и любви. Чем дольше я живу, тем более понимаю ее роль в их жизни»¹. Сколь много она для него значила, видно по его письмам к ней, когда он находился в отъезде, командировке или экспедиции. Он делился с ней всеми идеями, всеми вдохновениями, как писала его дочь, всеми мыслями, которые приходили в его голову. Ее одобрение было для него великой движущей силой, а похвала – мгновением не менее великой радости. И, конечно, его размышления о жизни в стране соответствовали ее настрою.

Накануне войны становятся все жестче законы. Они явно сближали лагерный режим с производственным на воле.

10.09.40. «Попытка усилить дисциплину связана с пониманием, что реальность не отвечает тому «счастью», о котором кричат официальные лакеи. Всюду фальшь. Но жизнь берет свое, и я думаю, что совершается и творится большое – но не по программе»².

21.01.41. «Полицейский коммунизм растет и фактически разъедает государственную структуру. Сейчас все проникнуто шпионажем. Всюду воровство все растущее. Продавцы продуктовых магазинов повсеместно этим занимаются. Нет чувства прочности режима через 20 лет с лишком <...> Колхозы все больше превращаются как форма 2-го крепостного права – партийцы во главе. Газеты переполне-

---

¹ Вернадская-Толль Н.В. Штрихи к портрету // Прометей. Т. 15. С. 129–130.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 237.

ны бездарной болтовней XVIII съезда партии. Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники, боящиеся сказать правду»¹. Все, что он писал в то время, могло показаться наветом и клеветой, но, в отличие от многих, он видел реальность и писал то, что через несколько десятилетий обернется подлинной правдой.

26.04.41. «Так или иначе миллионы людей (НКВД) попали в положение *рабов* и идет развал – все воры в партии и только думают, как бы побольше заработать – действуют вопреки основной идее коммунизма (организация свободы). Наркомы – их число все растет – и они представляют из себя *живой брак*»².

В самый канун войны (17.05.41), предвидя трагический поворот событий, он записывает: «Говорят, немецкие войска на границе. Думаю, что они с нами не будут церемониться – и пустят в действие газы. И в то же время – ослабление умственное – коммунистического центра, нелепые действия властей (мошенники и воры проникли в партию), грозный рост недовольства, все растущего. “Любовь” к Сталину есть фикция, которой никто не верит. Будущее тревожно. Я уверен в силе русского (украинского и т.п.) народа. Он устоит»³.

Он оказался прав во всех отношениях, особенно в своей вере в народ. 22 июня 1941 года немецкие войска вторглись в СССР. Вернадский в это время находился в академическом санатории в подмосковном Узком. 22.06.41 он записал в дневник: «В 4 часа утра – *без предупреждения и объявления войны – в воскресенье 22 июня германские войска двинулись на нашу страну, застав ее врасплох* <...> Речь Молотова была не очень удачной <...> Ясно, что [нас] застигли врасплох. Скрыли все, что многие, по-видимому, знали из немецк[ого] и англ[ийского] радио»⁴. Началась Великая Отечественная война. Красная армия, плохо вооруженная, потерявшая во время репрессий лучшую часть высшего командного состава, терпела в начале войны поражение за поражением. Многие тысячи бойцов и командиров оказались в плену, вся Украина и Белоруссия были оккупированы за короткое время. Он с огромной тревогой и беспокойством каждый день следил за военными действиями, но уверенность в победе не покинула его даже в самые

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 237

² Там же. С. 237–238.

³ Там же. С. 238.

⁴ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 598–599.

черные и страшные дни. «Двойное на словах правительство – ЦКП (Центральный комитет партии. – Л.Ш.) и Совнарком. Настоящая власть – ЦК и даже диктатура Сталина. Это то, что связывало нашу организацию с Гитлером и Муссолини»¹. Он давно уже заметил общие черты в государственном устройстве в СССР, Германии и Италии. Это были тоталитарные страны без свободы и любви. Теперь они сошлись в смертельной схватке.

Немцы уже подходили к Москве, когда пришло распоряжение эвакуировать Академию наук в Казахстан. Он попал в Боровое, тихое курортное местечко, расположенное в горах. Связь с сыном Георгием и дочерью Ниной, которые жили за границей, оборвалась, как и связи с зарубежными учеными. Вся его более или менее устойчивая жизнь нарушилась и пошла совсем по другой колее. Время тянулось нестерпимо медленно, и, казалось, войне, самой кровавой и страшной во всей истории человечества, не будет конца. Поражения сменялись победами, победы поражениями. Немецкие войска катились к Волге, к Кавказу, подбираясь к богатым нефтеносным районам. Во время войны он за свои научные исследования получил Сталинскую премию в 200 тысяч рублей. Сумма по тем временам огромная. Он был потрясен и растроган, что у правительства в столь трудный час нашлось время и деньги для научной работы. Значит, не все еще пропало. «С одной стороны» и «с другой стороны» – противоречие это обострила война с небывалой силой. Противостояние чужой темной силе, противостояние «своей» темной силе. Все границы размылись, все размышления, порой теряли свой смысл. Он отправил 100 тысяч рублей на оборону страны, считая это своим долгом. Остальную часть распределил между вдовами своих погибших друзей и некоторыми живыми друзьями. Все они бедствовали и голодали во время войны. Себе он ничего не оставил, считая, что живет как академик лучше других. Но в действительности это было не так. Стала болеть Наталья Егоровна, ее лечение требовало денег. В его дневниках мы не находим ни единой фразы, в которой бы были жалобы на свою участь или положение. Он все сносил мужественно, не поступаясь своим достоинством. Также мужественно перенес и смерть Натальи Егоровны в феврале 1943 года. Закончил свою главную работу, которая была синтезом основных его научных исследований. Работа называлась – «О состояниях пространства в геологических явлениях. На фоне роста науки XX столетия». Но ее так и не

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 243.

напечатали. Его мысли и идеи не прошли военную цензуру. Теперь он сам справлялся со своими неудачами и несчастьями, а это было без жены очень трудно. Невыносимо трудно. Летом 1943 года он возвращается в Москву, стараясь добиться издания своей работы. Но ему наглухо закрывают путь к публикации. «Вчера чувствовал, – записал он в дневнике, – унижение жить в такой стране, где возможно отрицание свободы мысли. Ярко почувствовал, что помимо всего прочего хочу прожить и кончить жизнь в свободной стране. Я подумал в этой печальной обстановке – надо ехать в США, в свободную страну и там в родной среде детей и внучки (и друзей) кончить жизнь»¹. Та, «параллельная жизнь» вновь позвала его. Он понимал, что жизнь его подходит к концу, но ему был необходим тот глоток свободы, в котором бы он себя почувствовал свободно мыслящим существом, своим творчеством приносящим человечеству то, что он считал для него полезным. Хотя бы на мгновение, на минуту. Но в глубине души звучало – поздно, поздно. Ты прожил жизнь мужественно и достойно. И это было не менее необходимым, нежели твоя наука. Где-то внутри он соглашался и не соглашался с этим ощущением.

Он подал прошение об отъезде в США. «Инстанция» долго не реагировала. И это был плохой знак. Но все-таки он надеялся. «Они» же тоже люди и могут понять человека, потерявшего жену-друга, в достаточно престарелом возрасте, желающим теперь по своему усмотрению провести остаток жизни. Тем более шел 1944 год, исход небывалой битвы уже был ясен. Советская армия шла по Европе и подходила к границам Германии. В Москве один за другим гремели победные салюты, было уже налажено регулярное сообщение с Америкой. Он всю свою жизнь мало беспокоился о себе. Его тревожили судьбы других людей, и среди них была одна, которую он себе не мог простить. Нет, он не был ни в чем виноват ни перед этим человеком, ни перед его судьбой. Просто обстоятельства сложились так, что он не смог вырвать его из железных когтей НКВД. Вернадский не знал даже, жив ли он или нет. И он написал письмо В.А.Зильберминцу, своему талантливому ученику и сотруднику, стараясь хотя бы его поддержать. Свое последнее письмо, в предчувствии собственного ухода.

«Дорогой Вениамин Аркадьевич! Друг и ученик мой! – писал Владимир Иванович. – Наступают последние дни моего жизненного пути, более мы не увидимся. Верю, что Вы живы, поэтому пишу

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 467–468.

Вам. Вы должны знать, что я считаю и считал Вас честнейшим человеком, Вы не могли изменить Родине. Вы всегда были верным сыном ее, боролись за расцвет ее, за правду и несли на алтарь науки все свои достижения, весь свой незаурядный ум. Брешь, образовавшаяся без Вас, как в геохимии, так и в минералогии, не заполнилась. Заменить Вас без ущерба для дела я не смог <...> Я убежден, что Вы еще много сделаете для науки, и уже не я, а ученики мои будут приветствовать Вас, снова вернувшегося в славную плеяду наших геологов. Дерзайте, идите вперед, и Родина сумеет еще отблагодарить Вас за все тяжелые испытания, которые Вам пришлось пережить. Ваш В.Вернадский»¹. Через месяц его не стало. Зильберминц же погиб в лагерях ГУЛАГа еще до этого письма.

Его не пустили в Америку, к детям. «Инстанция» дала отрицательный ответ. Его «параллельная жизнь» больше не подавала о себе никаких сигналов. Напряжение последних месяцев дало себя знать самым роковым образом. 25 декабря 1944 года у него произошло кровоизлияние в мозг, а 6 января 1945 года он скончался на 82 году жизни. Он не дожил до Победы пяти месяцев, но ушел из жизни победителем, сделав для человечества, несмотря на тяжелейшие обстоятельства собственной жизни, то, в чем оно крайне нуждалось – заложив основы нового космического мышления.

В.И.Вернадский оставил миру и своей стране богатейшее научно-философское наследие. Оно столь обширно и многогранно, что потребуются многие годы, чтобы проникнуть в его глубину и осознать те мысли и идеи, которые в нем заключены. Многие из них опередили свое время, в силу чего современники не всегда их понимали. Философия диалектического материализма, или диамата, установившая монополию на мысль в стране, вызывала у него справедливое сопротивление. «Официальное православие, – писал он в 1938 году, – в княжеской и в царской России подготовило почву сменившей его официальной философии, приобретшей яркий облик официальной религии со всеми ее последствиями»². Это сочетание философии с религией и переход одного в другое заставили его вникнуть в суть диамата. Он выносит диамату суровый и справедливый приговор. «Философы-материалисты, значение которых в современной философской мысли, в мировом ее масштабе, невелико, получают как будто твердую почву и успокаиваются в своих сомнениях. Это отражается на их

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 617.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 447.

творчестве, которое медленно замирает и вырождается в сухую формальную схоластику или в словесный талмудизм, особенно в таких случаях, как в нашей стране, где диалектический материализм является государственной философией и пользуется могучей поддержкой государственной власти, идейной и фактической невозможностью свободной его критики и свободного развития всех других философских представлений.

Но и сам официальный диалектический материализм, представляющий одну из многих форм этого течения философской мысли, такой свободой не обладает. А между тем он никогда не был систематически до конца философски выработан, полон неясностей и недуманностей. В течение последних 20 лет официальное его изложение не раз менялось, прежние признавались еретическими, создавались новые. Наши философы суровой дисциплиной, в которой они работают, должны были беспрекословно подчиняться под угрозой гонений и материальных невзгод этому новому и публично отказываться от излагавшихся ими учений, признаваться в своих ошибках. Легко представить себе, какой получился результат, как плодотворно можно было идейно работать в такой тяжелой реальной обстановке. В результате создалось положение, очень напоминающее положение православной церкви при самодержавии, и постепенно упадок живой работы, работы в этой области философии, уход в безопасные области знания, издание классиков, предшественников: «создалось новое разращение мысли»¹. Это «разращение мысли», по точному выражению Вернадского, было, пожалуй, самым страшным в сложившейся обстановке. Именно оно препятствовало развитию любой формы человеческого творчества, разрушало личность самого творца и закрывало ему путь к дальнейшему эволюционному росту.

В своих работах и там, где только мог, он возражал против насилия над мыслью и прежде всего над мыслью научной, которую стремились загнать в прокрустово ложе диамата.

«Чувство насилия над свободной мыслью, – писал он в 1936 году, – для меня наиболее тяжело в России – я не могу с этим мириться, его не скрываю и достиг лично для себя очень многого. Но пока это стеснение как-то не осознается окружающими, и на меня смотрят как на индивидуалиста, с этим трудно мирящегося, тогда как кругом мирятся сравнительно легко»².

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 445.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 148.

И еще: «Но в нашей стране и здесь научная мысль находится в положении, которое мешает правильной ее научной работе. В этом случае наша научная мысль сталкивается с обязательной философской догмой, с определенной философией, которая, как мы это видели, не имеет устойчивого изложения. Эта догма, при отсутствии в нашей стране свободного научного и философского искания, при исключительной централизации в руках государственной власти предварительной цензуры и всех способов распространения научного знания – путем ли печати, или слова – признается обязательной для всех и проводится в жизнь всей силой государственной власти»¹.

Научная мысль, основанная на серьезных исследованиях, постепенно заменялась догмами государственного диамата, что не только тормозило развитие самой науки, но и временами губило целые ее области. Большое количество невежественных идеологов и «теоретиков» заполнили пустоту, образовавшуюся после удаления из научного пространства опытных и знающих ученых. Новоявленные «ученые» проводили тотальную цензуру, стремясь соотнести и связать догмы диамата с научными концепциями и обобщениями. Когда это не удавалось, все ненужное, с точки зрения подобных «философов», выбрасывалось, объявлялось идеализмом или, хуже того, «буржуазными лженауками».

«Диалектический материализм, – отмечал Вернадский в 1938 году, – не исходит из данных науки, не ограничен их пределом, не основывается на них, но стремится их изменить и развить, приравнивая их к своим представлениям, исходными для которых являются законы гегельянской диалектики <...> В нашей философской литературе резко подчеркивается и при посредстве государственной власти вводится в научную работу действенность, т.е. реальное значение методологической мысли и указаний философов-диалектиков для текущей научной работы. Философы-диалектики убеждены, что они своим диалектическим методом могут помогать текущей научной работе. Они верят в его значение для науки, но реальное проявление этой веры ей не отвечает»².

То, что философия взяла на себя не присущую ей, философии, функцию, отразилось самым отрицательным образом не только на науке, но и на самой философии, превратившейся со временем в узкую государственную идеологию с явными признаками религиозного учения, обладающего «вечно живой истиной».

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 451.

² Там же. С. 448–449.

«Я думаю – учитывая невежество и беспардонность огромного числа диаматов – распространение философского интереса – обучение огромной среды научных работников будет иметь большое значение. Посеют бурю: философская мысль в конце концов самая большая сила и ее вести на узде долго нельзя»¹, – писал Владимир Иванович.

Между великим ученым и «диаматами» разгорелась серьезная борьба, которая достигла своего апогея в самый тяжелый и опасный период 30-х годов. В 1928 году он с присущей ему отвагой пишет знаменитую «Записку о выборе члена Академии по отделу философских наук», в которой изложил свои взгляды на происходившее².

В «Записке» он объяснял, что есть наука и философия и в какой степени они взаимодействуют. «Без одновременно идущей в человечестве философской работы, – отмечал он, – невозможным представляется и никогда не наблюдалось развитие широкого научного творчества <...> Совершенно ясно и неоспоримо взаимное проникновение научной и философской работы – их взаимное влияние»³. Но вместе с тем, указывал он, «между научной и философской мыслью есть принципиальные различия. Наука одна и едина. Ее установления в конечном своем развитии общеобязательны <...> Научные теории и научные гипотезы – которые особенно интересуют философскую мысль – в науке суть преходящие формы научного творчества <...> Не гипотезы и теории, а научные факты и эмпирические обобщения составляют единую, общеобязательную основу науки»⁴. И далее: «В резком отличии от науки, общеобязательности достижений нет в философии. Не только не было эпохи в истории человеческой мысли, когда бы в ней существовала одна единая философия, подобно тому, как все время существовала единая наука в указанных выше пределах. Но едва ли само, столь глубоко проникающее философию вековое ее стремление к достижению единства – к общеобязательной для всех философских систем и представлений единой базе – является утопией и не может быть никогда достигнуто <...> Философская мысль может существовать лишь в многообразии своих проявлений, и сложным путем в этом многообразии идет ее эволюция. В науке база едина и ее эволюция идет иным путем. Это различие бросается в глаза при изучении философии и истории научного знания за последние 2000 лет.

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 232.

² Коммунист. 1988. № 18. С. 67–74

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 68.

Медленны и немногочисленны достижения философии. Живы системы отдаленной древности. Коренным образом изменилась за это время наука. Не осталось камня на камне. Это различие не случайно. Оно коренится в глубоком отличии друг от друга этих духовных проявлений человечества»¹.

Обобщая свои мысли, как всегда он это делал, Вернадский справедливо отмечал, что «Человечество переживает сейчас огромное, все растущее возбуждение и подъем философского творчества»². Это явление было одной из важнейших черт наступающего культурно-духовного перелома на планете. Тут же в этой «Записке» Владимир Иванович вскрыл причины такого процесса. Он отметил три из них наиболее важные: взрыв научного творчества, вхождение в культурно-духовное пространство Запада философской мысли Индии и Китая, что «заставляет пересматривать по-новому все старые философские проблемы, ставить новые»³, и, наконец, социальные потрясения XX века, приведшие к перестройке науки, развитию философской мысли и атеизма, которые способствовали религиозным исканиям. «Эти глубокие религиозные искания, религиозная тревога являются третьей основой расцвета философских исканий нашего времени»⁴.

«Записка» носила истинно научный характер, в которой один из великих ученых мира изложил особенности развития мысли в переломный момент эволюционного движения человечества и отметил фундаментальные направления формирования не только новой системы познания, но и нового мышления, пришедшего на смену старому.

«...В общем мировом аспекте, – утверждал автор «Записки», – диалектический материализм очень мало заметен в современной философской мысли – это есть пережиток гегельянства, который отходит все дальше и дальше в историю <...> К тому же он более касается идеалистических проявлений гегельянства, чем материалистических»⁵. «Сейчас в русском диалектическом материализме, – далее продолжал Вернадский, – нет единого течения. В нем борются по крайней мере два течения, одно, более близкое к гегельянству середины XIX века, видным представителем которого является А.М.Деборин; другое, более близкое к реальному материализму XVIII столетия, вы-

---

¹ Коммунист. 1988. № 18. С. 69.

² Там же.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 71.

разителями которого являются лица, по крайней мере, равного с ним [А.М.Дебориным] калибра – [Л.И.]Аксельрод-Ортодокс, [К.А.]Тимирязев, [С.Ю.]Семковский»¹.

И почти в самом конце: «В нашей стране все иные течения философской мысли не могут проявляться, и русская философская мысль почти не имеет возможности выйти в нашей стране наружу, за исключением диалектического материализма. Едва ли может быть сомнение, что такое положение дел есть преходящее, временное явление, ибо в XX веке невозможно долго удерживать свободную мысль в искусственных пределах. Особенно это невозможно, когда, как теперь, подымается кругом в человечестве мощное пробуждение философских исканий. Оно стихийно выйдет в нашу страну, охватит ее мыслителей и неизбежно – рано ли, поздно ли – мощно скажется в ее духовной жизни. То привилегированное положение, в каком диалектический материализм находится в нашей стране, неизбежно ставит его в тепличные условия, приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда и неизбежно происходило со всеми охраняемыми – официальными – философскими учениями. Свободная мысль – есть основа философского творчества; она не терпит и не сносит оков»². Все случилось так, как предсказал Владимир Иванович. Только одного здесь он не учел – трудности и сложности процесса освобождения человеческого мышления от лжеистин. Поры научной и философской мысли в России оказались так забиты диаматом, что надеяться на их скорую очистку не приходилось.

На звание члена академии по отделу философских наук претендовал некто А.М.Деборин.

Несмотря ни на что, в 1932 году Деборин все-таки становится академиком и сразу же организовывает травлю Вернадского.

Журнал «Под знаменем марксизма» начал серию публикаций против ученого, а вскоре «Малая советская энциклопедия» поместила о Вернадском статью. В ней говорилось: «По своему мировоззрению – сторонник идеалистической философии; в научных работах В. (Вернадский. – Л.Ш.) проводит идеи “нейтрализма” науки, выступает в защиту религии, мистики, “исконности жизни и живой материи” и ряда виталистич[еских] и антиматериалистич[еских] концепций, отрицая материалистическую диалектику»³.

---

¹ Коммунист. 1988. № 18. С. 72.

² Там же.

³ Малая советская энциклопедия. М., 1934. Т. 2. С. 376.

Подверглись разностной и невежественной критике работы Вернадского о живом веществе и его основные идеи, которые составляли фундаментальные основы нового космического мышления.

В 1932 году Деборин опубликовал статью в газете «Известия».

«Я прочел ее, – писал Владимир Иванович своему другу С.Ф.Ольденбургу (21.08.32), – и считаю совершенно необходимым так или иначе на нее ответить. Во-первых, потому что мне приписывает такие глупые суждения, что только диву даешься, как мог серьезно писать этот человек в наше время или, вернее, как мог он думать, что ученый XX века может таких мнений придерживаться. Пишут – и верят – и большим глупостям, но для меня было совершенным скорпризом, что меня могут считать дураком, да еще это *urbi et orbi...* (во всеуслышание. – *Л.Ш.*). Но затем приписанные мне глупости могут помешать моей научной работе. И я не могу на это не обращать внимание. Достигнуто это было сознательным и систематическим искажением моего текста и приписыванием мне – думаю, тоже сознательно, того, что я не говорил и никогда не думал»¹. Вот это «сознательное и систематическое искажение» текста оппонента и было главным методом подобной критики. Вернадский написал ответ. «...Большая статья акад. А.М.Деборина, – отмечал он, – <...> основанная сплошь на недоразумении и представляющая совершенно фантастическое изложение философских взглядов, будто бы мной высказываемых»².

И далее с удивлением спрашивал: «С каким пониманием современной науки он (Деборин. – *Л.Ш.*) приступил к чтению современной научной работы?»³ У Деборина не только не было понимания современной науки, но он говорил совсем на другом нравственном языке, нежели его оппонент.

«Мы не находим, – писал Деборин, – на протяжении всей работы акад. Вернадского ни слова критики “духовного начала мира”, являющегося, по убеждению автора, составной частью соответствующих математических и физических концепций Ньютона и Фарадея. По-видимому, он считает возможным совмещение духовного начала, представления о едином божественном творце и пр. с физическими и математическими концепциями»⁴.

---

¹ Росов В.А. Вернадский и русские востоковеды. СПб., 1993. С. 73–74.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 197.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 476.

И далее: «В классовом обществе нет человеческого сознания вообще, а есть конкретное классовое сознание людей»¹. Вся статья Деборина была наполнена подобными утверждениями. Он ничего не понял в научных работах великого ученого, не говоря уже о философии в целом.

Владимир Иванович ясно и достойно ответил Деборину, но тот не унимался. Он вновь и вновь пытался навязать ученому свое, «плоское» понимание проблем, которыми тот занимался, называя Вернадского мистиком, идеалистом и прочими неприличными по тем временам словами. «Победа пролетариата в капиталистических странах, – в заключение писал Деборин, – является гарантией и необходимым условием дальнейшего расцвета науки. Ярким образцом в этом отношении является СССР, где представители идеализма и мистицизма составляют уже ничтожное меньшинство. Дальнейший же рост нашего социалистического строительства, предстоящая во втором пятилетии окончательная ликвидация классов создадут все социальные условия для окончательного исчезновения религиозных, идеалистических и мистических мировоззрений»². Написанное в комментариях не нуждается.

Невежество в лице Деборина наступало на великого ученого и его идеи. Опровергать деборинские вымыслы трудно и сейчас, поскольку они не имеют никакого отношения ни к философии, ни к науке. Деборина никто не опроверг, и Владимир Иванович остался, по существу, в одиночестве, непонятый большей частью своих коллег. За Дебориным осталось последнее слово, которое в тех условиях обладало реальной силой, угрожавшей ученому не только отстранением от работы, но и его жизни. Ярлыки, старательно наклеенные на работы Владимира Ивановича его оппонентом, к сожалению, так и не были сняты в течение всей жизни ученого. Его работы не публиковались, его открытия замалчивались. На его голову сыпались обвинения в том, к чему он не имел никакого отношения.

Вернадский был первым среди ученых, поставившим задачу создания новой системы познания, которая бы отвечала и новым научным достижениям, и новой методологии. Он не писал специальных трудов по этой проблеме, но, так или иначе, возвращался к ней почти в каждой своей работе. Он ясно осознавал, что система познания, которую действительно с начала XX века требовало формирующееся

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 477.

² Там же. С. 489.

космическое мышление, находилась на стыке философской, научной, художественной и религиозной мысли. «Мы живем на повороте в удивительную эпоху истории человечества, – писал он. – События чрезвычайной важности и глубины совершаются в области человеческой мысли. Основы наших взглядов на “Вселенную”, на “Природу” – на то «Единое целое», о котором так много говорили в XVIII в. и в течение первой половины XIX столетия, преобразуются на наших глазах с небывалой быстротой.

Не одни теории и научные гипотезы – эти мимолетные создания разума, – но и точно установленные новые эмпирические факты и обобщения исключительной ценности заставляют нас переделывать и перестраивать картину природы, которая оставалась нетронутой и почти неизменной в течение нескольких поколений ученых и мыслителей»¹. В самом Вернадском сочетались наука и философия, интуитивное знание и религиозный опыт, глубокое понимание искусства и способности экспериментатора. Он был одним из тех, кого потребовала эволюция в ее решающий момент, ибо он не только своим удивительным интеллектом ощущал космичность происходящего, но и чем-то еще глубинным в нем самом, откуда шла информация, не всегда подвергавшаяся научному определению. И он размышлял об эволюционном феномене – возникновении целой группы людей, через которых эволюция создавала новую ступень в развитии человечества. Подобное не однажды происходило в предшествующие века, когда Духовная революция меняла сознание и мировоззрение обитателей нашей планеты.

«Научная мысль сама по себе, – писал он в 1927 году, – не существует, она создается человеческой живой личностью, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию <...> Взрывы научного творчества, повторяющиеся через столетия, указывают, следовательно, на то, что через столетия повторяются периоды, когда скопляются в одном или немногих поколениях, в одной или многих странах богато одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу. Их *нарождение* есть реальный факт, теснейшим образом связанный со структурой человека, выраженной в аспекте природного явления»².

И еще: «...основным является рождение талантливых людей и поколений. По существу, этот факт вызывает возможность взрыва

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 113–114.

² Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 216.

научного творчества; без него ничего не может быть»¹. Его подход к такому явлению резко отличался от концепций, сложившихся в традиционной материалистической науке начиная с XVIII века. Он вводит в науку понятия мысли и духовной энергии, которые в ней отсутствовали, как нечто «нематериальное». Он вырос, как и его поколение, на старых традициях, но теперь эти традиции ломались и возникало нечто новое, привлекавшее его, но не всегда еще ясное для него самого. Он не мог, да и не хотел противостоять этому удивительному процессу. «Итак, – отмечал он, – современное научное мировоззрение – и вообще господствующее научное мировоззрение данного времени – не есть maximum раскрытия истины данной эпохи. Отдельные мыслители, иногда группы ученых достигают более точного ее познания, но не их мнения определяют ход научной мысли эпохи. Они чужды ему. Господствующее научное мировоззрение ведет борьбу с их научными взглядами, как ведет оно ее с некоторыми религиозными и философскими идеями. И эта борьба суровая, ярая и тяжелая»².

Сказанное им относилось, прежде всего, к нему самому. Всю жизнь он вел эту «суровую, ярую и тяжелую» борьбу со своими противниками и оппонентами. Он никогда не отступал и не сдавал своих позиций. На нем лежала трудная ответственность в становлении нового научного мировоззрения, которое должно было определить не только будущее его страны, но и планеты в целом. Он, как и очень немногие, понимал, что происходило начиная с конца XIX века в России и в других странах. Многие ученые на Западе говорили о научном кризисе, в котором тонули их лучшие надежды. Вернадский думал по-другому. Он писал о вещах мало понятных современным ему ученым – о космической силе человека, об энергетическом мировоззрении, противостоящем механистическому, о самом переломе в научной мысли, корни которого «скрыты глубоко, в непонятном нашему разуму строе природы, в ее неизменном порядке»³. Он явно выходил за пределы, дозволенные официальной наукой, говорил о каких-то тайнах природы, недоступных эмпирической науке, и, конечно, все это вызывало раздражение у «научной общественности», убежденной в том, что для науки почти не осталось тайн в природе. Смелое утверждение Вернадского о космической силе человеческой личности не было принято даже к сведению. Но это его не смущало. Он понимал, как ему повезло, что он жил

---

¹ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. С. 217.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 43.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 553.

в величайший исторический период, когда менялось научное мировоззрение, когда скрытые доселе космические силы человека начинали проявляться в его сознании и небывалые открытия в науке никак не могли быть объяснены господствующим научным мировоззрением. В своем XX веке он оказался одним из немногих, кто представлял себе картину грандиозных изменений, происходивших в науке, и осмысливал ее не изолированно, а в тесной связи с остальными процессами, происходившими в природе, человеке и обществе. «Изменяются в корне, – писал он в 20-е годы, – идеи материи и энергии; свет, теплота, электричество получают новое содержание, далекое от представления, которое было создано в XIX столетии; химический “элемент” дает начало новой науке, имеющей дело не с областью соединений, а с областью химически неразложимых и иногда не входящих в химические реакции химических элементов. Их свойства едва ли когда рисовались самой пылкой фантазией. Открываются негаданные и неожиданные источники энергии – мертвая инертная материя, непроницаемая и занимающая определенное пространство, уходит в прошлое, на ее место становится вечно изменяющийся – могущий бесследно исчезнуть – самоисточник сил, перед которым давно известные нам великие силы природы являются ничтожными и мелкими. Они служат простым отблеском материи. Время вторгается в область мертвой материи – для нее поднимаются вопросы в пределах ее бытия. Не только организмы, но и элементы материи имеют свое время и условия существования. Космогонические схемы, которыми жило человечество в XIX столетии и которые в основе своей являются переработкой спекуляций XVIII столетия, кажутся детскими призраками перед совершенно новыми вопросами, какие ставит нам область радиоактивности. То, что давала наука XIX столетия для решения вопросов жизни, для этой вековой загадки человечества, требует пересмотра. Старые пределы и задворки рушатся. То, что вчера казалось научно невозможным, завтра может оказаться научно необходимым. Ясно, что старые схемы чисто механического характера должны быть заменены новыми построениями, ибо в самой материи открывается источник таких изменений, который несовместим с чисто механическим построением *из нее* организма. Материальные части механизма живой материи являются инертными, в них кроется огромный запас непонятной нам энергии, подобно тому, как в них все же идет темный для нас процесс сознания. Только одной – из многих возможных – гипотез является старое стремление свести все процессы органической жизни на мате-

риальный механизм, т.е. такой механизм, который неизбежно предполагает внешний источник своего существования, внешний приток сил. Наряду с этой *гипотезой могут* получить место новые, в которых материальные части механизма сами являются источниками существования механизма и в которых материя будет создаваться и исчезать <...> Едва ли будет правильным считать эти гипотезы механическими, ибо из области механизма мы вступаем в область тех явлений, которые обуславливают создание материи...

Живой, смелый, молодой дух охватил научное мышление. Под его влиянием гнется и трясется, рушится и изменяется современное научное мировоззрение. Впереди, на далеких высотах, открываются негаданные горизонты. К ним стремится в настоящее время великий порыв человеческого творчества. Этот исторический перелом должен быть пережит смелой и свободной мыслью. Нужно далеко отбросить от себя старые “истины”, быстро на наших глазах превращающиеся в старые предрассудки. Надо расчистить почву от накопившихся от прошлого ненужных теперь подпорок и построений»¹.

В своих работах он писал об изменении представлений о пространстве-времени, тяготении, энергии-материи. «...Для понимания физических явлений приходится геометрически пользоваться пространством не трех, а *четырёх измерений. Граница между энергией и материей стирается. Энергия распространяется строго определенными скачками – квантами*»². Изменяются физические и астрономические науки. «В физику вдвигаются новые понятия, которые неизбежно обращают внимание физиков на явления жизни. Ибо оказывается, что в явлениях жизни последствия этих понятий выражены яснее и резче, чем в обычных объектах физических исследований. Очевидно, эти упущенные в научной картине мира черты – элементы – ее строения, меняющие ньютоновскую ее форму, могут быть поняты и изучены только введением в той или иной форме науки о жизни в картину мироздания»³. Такие понятия, как Мироздание, Космос, неведомые силы, все чаще появляются в его работах. Своей глубокой интуицией он ощущает всеобщую связь земных и космических явлений, без осознания которых невозможно выяснить особенности развития природных процессов и закономерностей в движении материи. Наука проникла в такие глубины, о существовании которых не подозревали ученые совсем

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 56–57.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 94.

недавних поколений. Рушились не только, казалось бы, устойчивые представления о Мироздании, но и рушилось вместе с ними научное мировоззрение, которое было не в состоянии объяснить то, что открывалось изумленному взору ученого XX века. «Сейчас атом, – отмечал Вернадский, – начинает расплываться в нашем сознании, говорят о волнообразной теории материи, с одной стороны, а с другой, – о невозможности в тех отделах физики, которые занимаются физикой атома – мельчайших частиц, сводить явление к движению точки. Чем точнее можно определить для этих явлений скорость частицы, тем менее точно можно определить ее геометрическое положение. *Механические законы движения точки* к этим явлениям с достаточной точностью быть приложены не могут»¹. Он отмечает скорость, с которой появляются новые научные открытия, находения и изменение представлений. XX век оказался веком небывалых скоростей в науке. Это поражало и требовало ответа – что же все-таки происходит? И Вернадский был одним из первых, который над этим задумался. Происходящее выходило за рамки старого мировоззрения, взламывало их и соприкасалось каждый раз с чем-то неведомым и необъяснимым. «Этот бурный поток нового, – отмечал Владимир Иванович, – ускорение хода научных достижений, когда в немногие десятилетия достигается то, что обычно создается в столетия или в тысячелетия, очевидно, является проявлением какой-то силы, связанной с духовной творческой энергией человека. Если нужна для нашего ума какая-нибудь аналогия этого природного процесса, мимо которого миллионы людей обычно проходят, его не замечая, этой аналогией может быть *взрыв*»². Слово, которое нашел ученый для характеристики происходящего в науке, было точным и выразительным. Взрыв! Взрыв духовной творческой энергии, с которой была связана какая-то сила. Но какая и откуда? Вернадский все ближе и ближе подходил к каким-то эволюционным процессам, которые явно выходили за рамки старого мировоззрения, но без осознания которых нельзя было объяснить происшедшего в науке планеты.

«Мне кажется, что именно такое явление (взрыв. – *Л.Ш.*) суждено нам сейчас переживать, что мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны научного творчества. Всматриваясь в него и его изучая, мы не можем не выйти мыслью в будущее, не можем не думать о дальнейшем выявлении в жизни человечества наблюдаемого

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 95.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 543.

нами явления. Мы видим, что мы вступили в особый период научного творчества. Он отличается тем, что *одновременно* почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса, научно строяемого»¹.

И это изменение «картины космоса, научно строяемого», было важнейшей особенностью того, что он назвал взрывом, а другие называли научной революцией. То и другое было верным. И то, что мы находились «на гребне взрывной волны научного творчества», тоже было верным наблюдением. Существование «на гребне взрывной волны» должно было привести к каким-то последствиям. «Мы переживаем теперь более глубокие изменения картины мира, чем те, которые были даны в течение всего XIX столетия со всем блеском его кипучей умственной деятельности. Перед нами открываются горизонты негаданные – даже в самых смелых и фантастических утопиях будущего»².

Он написал это в 1909 году, когда взрывная волна научного творчества только что поднималась. Его развитая интуиция и пророческие способности прозревали многое в развитии будущей науки. И его наблюдения над процессами в науке XX века привели его к важнейшему для этих процессов заключению – XX век отличали более глубокие изменения в науке, нежели в предыдущие века.

Он считал, что происходившее имело свои корни в прошлом, ибо только накопления прошлого могли создать ситуацию, которую он наблюдал в XX веке. И эту ситуацию он считал объективным фактором в развитии науки.

«Поворот в истории мысли, сейчас идущий, – отмечал он, – независим от воли человека и не может быть изменен ни его желаниями, ни какими бы то ни было проявлениями его жизни, общественными и социальными. Он несомненно коренится в его прошлом»³. Он старался постигнуть глубину идущего в пространстве мысли процесса и определить его хотя бы предполагаемые закономерности. Он подходил к мысли о том, что процессы эти носят природный характер, движимые определенным видом энергетики. Возможно, эта энергетика имела отношение к человеку, но вековые ее накопления превращали ее количество в качество, и она обрела свойства объективного природного процесса. И он, в этой связи, обратил внимание на движение эллинской культуры в VI–V веках до н.э. «Расцвет, внезапный и яркий,

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 547.

² Страницы автобиографии В.И.Вернадского. С. 234.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 553.

эллинского гения представлялся не раз в XIX и в более ранних веках великим чудом, пока не было выявлено движение мысли предшествовавшего времени. В дали веков перед нами открываются другие такие же резкие перестройки духовного сознания человека, расширения его кругозора и охвата окружающего его мыслью. Во все растущей глубине веков с большой вероятностью должны мы допускать многократное повторение таких же созидательных, творческих подъемов, поворотов в биении разума, в росте понимания нас самих и нас окружающего»¹. Расцвету «эллинского гения», его философской и научной мысли предшествовала передача Греции знаний от более древних стран, таких, как Египет, Халдея, Индия. И это сыграло важную роль в расширении познавательного пространства Эллады. Этому также, как ни странно, способствовали и космические передвижения кочевых народов в I тысячелетии до н.э. Оба этих обстоятельства были связаны с процессами энергоинформационного обмена, приведшего к возникновению Духовной революции, которая захватила не только древнюю Грецию, но и Индию, и Китай, и ряд других стран. В это время (VI–V века до н.э.) появились такие мыслители и религиозные учителя, как Платон, Будда, Махавира, Конфуций и ряд других. Отмеченная Вернадским особенность культурно-духовного процесса XX века – появление группы талантливых носителей нового мышления и новых научных идей – имеет аналогию в Духовной революции I тысячелетия до н.э. Космическая эволюция, в том и другом случае, совершила на планете Земля своей «посев». «Переживаемое нами время, – писал Вернадский в 1927 году, – является удивительным временем в истории человечества. Сходного с ним приходится искать в далеких столетиях прошлого. Это время интенсивной перестройки нашего научного мирозерцания, глубокого изменения картины мира <...> Может быть, переживаемый поворот научного мышления более подобен древнему кризису духовной жизни, тому, который имел место две с половиной тысячи лет назад, в VI и ближайших столетиях до н.э., когда создавалась великая эллинская наука, расцвела техника и впервые приняла знакомые и близкие нам формы в средиземноморском культурном центре философская мысль, а в религиозных исканиях, в мистериях, творилась глубочайшая интуиция, искание смысла бытия»².

Ощущая нечто общее, что происходило в XX веке н.э. и в I тысячелетии до н.э., он увидел и интересные различия между ними. И это по-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. С. 213.

² Там же.

могло ему ярче и точнее определить особенности Духовной революции XX века. «Резкое отличие, – отмечал он, – научного движения XX в. от движения, создавшего эллинскую науку, ее научную организацию, заключается, во-первых, в его *темпе*, во-вторых, в *площади*, им захваченной, – оно охватило всю планету, – в *глубине* затронутых им изменений, в представлениях о научно-доступной реальности, наконец, в *мощности* изменения наукой планеты и открывшихся при этом перспектах будущего. Эти отличия так велики, что позволяют предвидеть научное движение, размаха которого в биосфере еще не было»¹.

Научная революция была лишь частью Духовной революции, которая началась в России в конце XIX – начале XX века. Эта Духовная революция, в самом широком ее понимании, формировала не только радикальные изменения в научной мысли, но и в других областях творчества. Наблюдая и исследуя научную мысль и научное мировоззрение, он понимал, что и научный взрыв, и научная революция – это только начало чего-то более грандиозного и определенного. Иногда он называл это новой эпохой, но ее особенности были неясными и туманными. «...Мы еще очень далеки, – отмечал он, – от конечного результата и едва различаем направление, по которому пошло новое научное творчество»². И хотя многое еще было неясным, интуиция подсказывала ему, что все идет в направлении к новой картине Космоса и именно Космос, его процессы и его энергетика определяют будущее сознание и мышление человечества. «Мы подходим к очень ответственному времени – к коренному изменению нашего научного мировоззрения, – писал он. – Это изменение по своим последствиям, вероятно, будет не меньшим, чем было в свое время создание понятия Космоса, построенного на всемирном тяготении и на бесконечности времени и пространства, Космоса, проникнутого материей и энергией.

И оно, по-видимому, дает возможность преодолеть то противоречие, которое установилось между жизнью и научным творчеством с одной стороны, и научно построенным Космосом – с другой, противоречие, проявившееся как раз в XVI–XIX вв., когда создавалось и росло ньютоновское миропонимание»³. Новое научное мировоззрение вызывало сопротивление традиционной науки, к которой принадлежало большинство ученых. Та борьба, которую он предсказал в 1908 году, практически началась.

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 354.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 114–115.

³ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 174.

«Научное мировоззрение, – утверждал справедливо Вернадский, – охвачено борьбой с противоположными новыми научными взглядами, среди которых находятся элементы будущих научных мировоззрений»¹. Один из немногих, он уже предвидел эти «элементы будущих научных мировоззрений», которые должны были сложиться в стройную систему и определить новую теорию познания. Сам же он все чаще и чаще обращался к проблемам Космоса и его таинственным сюжетам, ибо был уверен, что только там, во взаимодействии с чем-то пока еще неведомым, можно будет получить разгадки земной жизни самой природы.

Вернадский высказал по этому поводу ряд мыслей, которые пришли ему в результате не только научных исследований, но и интуиции, которой он обладал в полной мере, и в мгновения озарений, приносивших ему неожиданную и очень нужную информацию. Эволюция направляла человека к Космосу через тех талантливых, с высоким сознанием ученых, о которых писал Вернадский как о необходимой причинной части любой перестройки научного сознания. Как мы уже знаем, Вернадский сам был таким ученым, и поэтому его размышления о человеке, планете и Космосе и их взаимодействии представляют для нас уникальную ценность. Тем более что его предположения и гипотезы со временем обрели реальное обоснование. Надо сказать, что он был первым, кто увидел, а затем описал в своей работе «Биосфера» Землю из Космоса. И это описание потом совпало с тем, что наблюдали наши космонавты с околоземной орбиты десятки лет спустя после появления работы Вернадского. Он утверждал, что из Космоса можно видеть биосферу с ее океанами, растительностью и белыми облаками. Это был блестящий пример умозрительной работы гениального ученого, вышедшего за рамки экспериментальной науки.

«Историю планеты, – отмечал он, – можно рассматривать как историю изменения материи в одном месте мирового пространства, и этот ход, без сомнения, совершается с большой правильностью»². «История изменения материи». Но каковы причины этих изменений? Как действует эволюция, какие земные составляющие вовлечены в процессы изменения планетной материи? Он отвечает и на эти вопросы. Все эволюционные процессы на Земле связаны «с активностью биосферы, с космичностью ее вещества. Причины лежат вне планеты»³.

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 724.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 616.

³ Там же. С. 601.

Но какова же роль человека в процессе изменения материи планеты? Человек, утверждает Вернадский, «становится одним из мощных факторов дальнейшей эволюции природы в обитаемом им участке мироздания и притом фактором, действующим сознательно. Это налагает на него громадную ответственность, так как делает его прямым участником процессов космического масштаба и значения»¹. Космос, с его неведомой и таинственной структурой, со множеством его небесных тел, с его энергетическими волнами и различными состояниями материи Вернадский вводит в новое мировоззрение, в новую теорию познания. Планета Земля плывет в океане Космоса, совершая предназначенный ей путь, и процессы, идущие на ней и в тех, кто на ней обитает, могут быть научно постигнуты, только если их рассматривать в единстве и целостности с космическими движениями. Нет какой-то отдельной эволюции Земли и человека, а есть общая и цельная космическая эволюция, частью которой является эволюция земная. Ему, в свете его таинственных озарений, поднимавшихся откуда-то из духовных глубин его существа, становилось ясным, что существуют какие-то таинственные и пока непознанные взаимодействия между частями, и надо поймать молниеносный и невидимый миг такого взаимодействия. И только тогда то новое, что рождали его мысли, станет на твердую научную почву. Размышляя над историей планеты, он приходит к заключению, что «геологические эры не охватывают всей истории Земли. До них существовала Земля и проходила ее история. Но эта история не может изучаться методами геологии <...>

Но какие это были условия, не похожие на нынешние? Понятие о них дает нам не геология, а космогония <...> Так как они по времени предшествуют геологическим периодам, то мы должны относить их не к геологическим периодам, а к предшествующим им *космическим периодам* существования Земли»².

Что такое космический период жизни планеты, он не разъяснял, но ограничился замечанием, что знания о космических периодах «менее достоверны, основаны на предположениях и гипотезах»³. Но, как бы то ни было, он был убежден, что геологический период истории планеты не был самым древним, самым первым. И отсюда вытекало еще одно важное его предположение, что генезис жизни возник в космические периоды существования Земли. «Другого времени для этого

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 638.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 96–97.

³ Там же. С. 97.

нет». Последнее подтверждалось рядом его исследований, связанных с процессами в земной природе. А если это так, то и сама жизнь, и ее происхождение имели космический характер. Явление космической жизни повлияло самым определенным образом, утверждал Вернадский, на биосферу планеты, начиная с ее геологического периода. «Мы знаем, – отмечал он, – что все процессы выветривания идут сейчас при самом энергичном и непрерывном участии жизни, переполнены биохимическими реакциями. Если бы жизни не было, они шли бы иначе <...> И мы должны признать, что процессы выветривания и тогда, как и теперь, регулировались жизнью, игравшей в них ту же самую роль, какую она играет в них в нашу эпоху»¹.

Логика научной мысли отрывала его от Земли и выводила в беспредельные просторы Космоса, заставляла его размышлять о явлении «Космос – жизнь».

«Было ли когда-нибудь и где-нибудь начало жизни и живого, или жизнь и живое такие же вечные основы Космоса, какими являются материя и энергия? – спрашивал он. – Характерны ли жизнь и живое только для одной Земли, или это есть общее проявление Космоса? Имела ли она начало на Земле, зародилась ли в ней? Или же в готовом виде проникла в нее извне из других небесных светил? <...>

Был ли когда-нибудь Космос без проявлений жизни, может ли быть безжизненный Космос? Мы знаем, – и знаем научно, – что Космос без материи и без энергии не может существовать. Но достаточно ли материи и энергии – без проявления жизни – для построения Космоса, той Вселенной, которая доступна человеческому разуму, т.е. научно построяема? Есть ли живое и жизнь частное явление в истории материи и энергии, появляющееся временами и столь же бесследно исчезающее?»² Вопросы, вопросы... Может ли экспериментальная наука дать на них ответы? Веря беззаветно в эту науку, он тем не менее начал сомневаться в ней, когда своей мощной мыслью выходил в космические просторы и ставил вопросы, которые не приходили в голову его коллегам. Но мысль его неутомимо работала, открывая ему все более и более широкие горизонты неведомого. В такие моменты он становился философом и, помимо своей воли уходя от эмпирической науки, опирался на умозрительный способ познания. Временами им овладевала мысль о вечности. Вечность Космоса, вечность Вселенной, что это все значило для планеты, на которой он обитал, и что она, эта вечность,

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 95–96.

² Там же. С. 79–80.

могла ему подсказать? Он не находил на планете начала жизни. Он не находил этого начала и в Космосе. Научные доказательства подобного явления полностью отсутствовали. Отсутствие тоже являлось научным фактом, на основании которого можно было ставить проблему. И он ее поставил: «...вопрос о том, является ли жизнь только земным явлением или свойственным только планетам, или же она в какой-то степени и в какой-то форме отражает явления большого масштаба, явления космических просторов, столь же глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившие пространство-время»¹. Он интуитивно склонялся к явлениям «большого масштаба космических просторов», в которых, и он предчувствовал это, лежала разгадка начала жизни. Он отверг постулат европейского мышления о начале и конце и принял за основу своих размышлений культурно-духовную традицию Востока – цикличность вечного развития Космоса и человека.

«Признавая биогенез, – писал он, – согласно научному наблюдению, за единственную форму зарождения живого, неизбежно приходится допустить, что начала жизни в том Космосе, какой мы наблюдаем, не было, поскольку не было начала этого Космоса. Жизнь вечна постольку, поскольку вечен Космос, и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры и до наших дней, верно и для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории Земли. Верно и для всей Вселенной»². Из этого следовал вывод, что «Космос и Жизнь одновозрастны»³. Все то, о чем размышлял и писал Вернадский, противоречило традиционной науке, ее сложившемуся мировоззрению. Понятие вечности было труднодоступным сознанию человека трехмерного плотного мира, даже если этот человек был ученым. Для глубокого осмысления этого пространственно-временного явления требовался иной, более высокий уровень сознания. Вернадский таким сознанием, несомненно, обладал. Владимир Иванович хорошо понимал, что без научного определения сознания вряд ли можно будет говорить об особенностях эволюции человека.

«Впервые в научном охвате, – писал он, – исходя из эмпирических данных, встает перед нами старая философская проблема, проблема человеческого сознания <...> Мы вступаем в область, где до сих пор царил работа философской интуиции и философского логи-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 415.

² Аксенов Г. Вернадский. С. 285.

³ Там же. С. 286.

ческого размышления. Перед нами как бы открывается возможность подойти научным путем к механизму этого влияния»¹. Обращение к сознанию ставит перед ним немало трудных вопросов. Он привык работать, опираясь на твердый фундамент науки. Но у понятия сознания научного фундамента не было. В 1939 году он пишет своему другу Б.Л.Личкову: «Допускаю в Космосе существование живого вещества (может быть, “с разумом”) и полагаю, что наш человеческий разум не есть *конец* – (венец) – эволюционного процесса. Я не материалист и не идеалист. Думаю, что “космическая жизнь” (так понимаемая) не может дать “космического сознания”»². В этом достаточно противоречивом письме он, соглашаясь с космическим разумом, почему-то отрицал «космическое сознание». Это явно противоречило его устоявшимся взглядам на живое вещество и Космос и являлось как бы алогичным выводом, не соответствующим прежним его установкам и предположениям. Г.П.Аксенов, занимающийся долгое время разработкой философских взглядов Вернадского, пишет по этому поводу: «Он (Вернадский. – Л.Ш.) показывает, что появление на Земле человека с его развитым мозгом – закономерность. Но одновременно принцип показывает перспективу: Человек Разумный Творящий – не последнее звено в цепи разумных существ, а только, в сущности, – первое. Вот какое явственное и недвусмысленное развитие и связывалось с космическим развитием. Человеческое сознание, и есть космическое сознание. Другого не обнаружено»³. С этим можно согласиться. Но здесь есть некоторые особенности, на которые указывает сам Вернадский. Сознание тоже подвержено эволюции или, точнее, расширению. Можно полагать в этом случае, что космическое сознание, как такое, – это высокий уровень сознания человека. Но давайте посмотрим, как сам Вернадский определяет уровень или качество сознания.

«Мы даже не можем судить, – отмечает он, – о количестве сознания в мире, так как сам мир есть продукт нашего сознания, по аналогии мы можем сознания не видеть, как не чувствуем давления на нас атмосферы и т.п. <...> Наконец, я не понимаю жизни без сознания. Мне представляется так: есть в жизни течения регрессивные, которые тянут человека к тупой, тяжелой, чувственной, животной жизни: они накладывают свою печать на все совершающееся, и в этой же жизни является другой элемент – небольшой – зерно прогресса – силы созна-

---

¹ Аксенов Г. Вернадский. С. 318.

² Там же. С. 442.

³ Там же. С. 443.

ния. Она тянет вверх – она является результатом огромного количества затраченной Землею работы для выработки более высоких форм»¹. И опять крайне противоречивое высказывание. Космос снова как бы отстраняется от феномена сознания, над которым и его «более высокими формами» трудится сама Земля. Иначе говоря, высочайшие формы того, что мы называем сознанием, присущие только человеку, создаются чем-то низшим, или сознание выходит из этого низшего так же неожиданно, как Афродита из морской пены. Отвергнутое им утверждение традиционной науки, что низшее вырабатывает высшее, что низшее само собой переходит в высшее, вновь обретает над ним свою власть. Но где-то в глубине своего существа он не удовлетворяется таким положением и продолжает искать, стремясь найти смысл самого явления сознания. Он пробует то одно, то другое и, наконец, неутомимо работающая его мысль наталкивает его на путь, который кажется ему наиболее близким к разгадке сознания. «Особенно любопытно, – пишет он, – изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания наукою. Мне кажется, изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире»². Он увязывает научные открытия с сознанием, его качеством, его уровнем. Чем выше сознание человека, тем шире его обзор Мироздания и процессов, идущих в нем. Опережение своих современников в научных открытиях – это опережение их в сознании. Значит, это так называемое «нематериальное явление», согласно мэтрам современной науки, обладает огромной силой в познании мира. И он записывает: «...есть один факт развития Земли – это усиление сознания»³. И снова высшее ведет низшее в космической эволюции, а не низшее обуславливает развитие высшего. Но он, видимо, еще не уверен в этом, ибо такая закономерность может перевернуть всю теорию познания, которой наука объясняет или стремится объяснить все свои открытия и все свои достижения. Ему хорошо была известна ответственность ученого за содеянное, открываемое и вводимое в научный оборот. Если настаивать на том, что уже ясно читалось между строк в его работах, то нужно проявить осторожность и крайнюю ответственность. И он до поры до времени откладывает эту проблему, еще не зная, что ему не хватит его земной жизни для ее окончательного решения.

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 129.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 297.

Он возвращается к тому, в чем твердо уверен – к эволюции человека. Эволюция одарила человека разумом и сознанием, двумя мощными силами, которые вели его к вершинам восхождения. Но и здесь было много сложного и неясного. В его размышлениях все чаще и чаще появлялось слово «автотрофность». Сама же идея возникла у него в самый разгар гражданской войны. Смысл автотрофности был не нов и означал способность организмов не зависеть от других организмов в своем питании. «Зеленые автотрофные организмы, – пояснял он, – зеленые растения, образуют главную основу единого монолита жизни. Бесконечно различный мир грибов, миллионы видов животных, все человечество могут существовать только в силу биохимической работы зеленых растений. Эта работа возможна лишь благодаря врожденной способности этих организмов превращать излученную Солнцем энергию в химическую энергию. Очевидно, что жизнь не есть простое, исключительно земное явление, но, насколько принцип Реди соответствует реальности, должна рассматриваться как космическое явление в истории нашей планеты»¹. Он был уверен, что изменение вида питания подымет человечество на более высокую эволюционную ступень и многое радикально перекроит в нем самом. В одном из своих писем из Парижа (2.11.23) он писал: «Из всего охвата фактов, точно установленных, мне кажется, вытекает, что этим будущим является *автотрофность* человечества – более простыми словами, независимость его существования от окружающего живого вещества – растений и животных <...> Человечество быстро идет к такой автотрофности: научным исканием оно подходит к решению задачи добычи пищи помимо живых организмов <...> Какими будут последствия для него от такого его изменения? Во что оно выродится? Может ли оно перейти в него целиком, или из него выделится новый сверхчеловек, переживущий это огромное изменение? Не присутствуем ли мы при его зарождении?»² Вернадский начинал разрабатывать идею автотрофности, увязывая ее с будущим человеком, с преобразованием этого человека. Он считал, что именно автотрофность есть основа такого преобразования, но упускал из виду другие процессы, сопровождающие подобные фундаментальные явления. Он был уверен, что творение автотрофного человека – это задача науки, которой подобные изменения вполне под силу. Но по мере углубления в данную проблему он пришел к несколько другому выводу – появление автотрофного человека, получающего

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 472.

² Там же. С. 283–285.

питание напрямую, без всяких «посредников», из солнечных лучей и космической энергетики, «было бы увенчанием долгой палеонтологической эволюции, явилось бы не действием свободной воли человека, а проявлением естественного процесса»¹. Он справедливо полагал, что формирование в человеке способности к прямому синтезу пищи есть природно-эволюционный процесс, занимающий миллионы лет. Но он не согласен ждать столь долго и вновь обращается к науке, которая, по его мнению, могла сократить значительно этот срок. Его вера в науку всегда оставалась непоколебимой, и поэтому он невольно подменял процессы естественной эволюции научно-техническими действиями самого человека, что неизбежно могло привести к нарушению космических законов с соответствующими последствиями.

«Синтезируя пищу непосредственно от солнечной энергии, – утверждал он, – без посредников, человечество уподобится зеленым растениям. Появятся первые автотрофные животные в истории Земли, что приведет к неслыханному геологическому перевороту. К новой геологической эре в истории планеты»². Вернадский придавал автотрофности человека универсальное значение, связывая это качество и с социальным устройством человечества, и с общим улучшением его жизни. «Создание нового автотрофного существа даст ему (человечеству. – Л.Ш.) доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет перед ним пути лучшей жизни»³. Несмотря на противоречивость подхода к проблеме автотрофности человека, Вернадский так или иначе связывал ее с космическими процессами. Новое космическое мироощущение, еще не свойственное современной науке, пронизывало все его научное творчество и особенно новую систему познания, которая зарождалась в его трудах и мыслях. По мере развития этого нового мироощущения росло противоречие, которое нарушало баланс между двумя частями единого целого, Небом и Землей.

«С ходом научной работы, – писал он с беспокойством, – после блестящих успехов описательного естествознания в XVIII–XIX вв. проникновение точных научных методов в область наук о человеке за те же века, место, занимаемое научной картиной Космоса в добытом человеком знании, *непрерывно уменьшается*. По существу, картина Космоса строится только небольшой – пропорционально все меньшей

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 482.

² Аксенов Г. Вернадский. С. 317.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 484.

и меньшей – частью ученых-исследователей. Всё большая часть упорной научной работы человечества теряет связь с научно строяемой картиной Вселенной»¹. Этого нельзя было допустить, ибо утрата подобной связи привела бы неизбежно к обеднению самого процесса исследования, как такового, независимо от того, в какой области знания шел такой процесс. Так или иначе, его вел человек, и человек влиял своей духовно-энергетической структурой и на получение каких-либо знаний, и на их осмысливание. «В научно выраженной истине, – утверждал Владимир Иванович, – всегда есть отражение – может быть, чрезвычайно большое – духовной личности человека, его разума»². Так или иначе, подобные размышления были связаны с проблемами нового мышления и новой системой познания, которые вызревали в интеллектуальном и духовном пространстве Вернадского, значительно поднимая его даже над теми немногими его коллегами, которые прикоснулись к космическому сознанию. «Его научно-философские теории, – отмечает С.Г.Семенова, – можно в определенном смысле уподобить прочному фундаменту, без которого дерзновенные идеи и проекты космистов могли бы обернуться прекрасными, но всего лишь воздушными замками»³.

Из того, что он успел сделать, мы получаем возможность определить тот каркас новой системы познания, на котором держалось зарождавшееся новое космическое мышление. «Не в количестве изученных фактов, – утверждал он, – не в их значении является сила нашего мышления, а в том, чтобы эти факты составляли так называемое знание, т.е. являлись продуманными, ясна была нам взаимная между ними связь»⁴. Он понимал, что для науки необходимо было поле единого знания, которое, несомненно, обеспечит правильные методологические подходы к решению всех новых проблем, встающих перед ней. Сформировать такое поле, не вскрыв связь между уже известными научными фактами, было невозможно. Проявить же эту связь было делом непростым. Для этого нужна была особая точка зрения, и чем выше, тем лучше. И он вводит в систему познания одну из самых высоких точек зрения – эволюционную. Эволюция связывает Землю и Мироздание в единое целое. Сама же она представлялась Вернадскому как бесконечный процесс, не имеющий ни начала, ни конца. «Наша

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 92.

² Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. С. 221.

³ Русский космизм. М., 1993. С. 4.

⁴ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 117.

Земля, – писал он, – входит как составная часть в Солнечную систему. Солнечная система – вместе с миллионами таких систем входит как неразрывная часть в определенный космический остров – определенную галаксию. Связаны ли между собою другие существующие галаксии, которые мы можем наблюдать? Логических ограничений для решения этого вопроса сейчас не видно.

Человек, биосфера, земная кора, Земля, Солнечная система, ее галаксия (мировой остров Солнца) являются естественными телами, неразрывно связанными между собою. Для всех есть одно и то же пространство-время, но не решено еще, охватывает ли в этих просторах пространство-время все явления, научно доступные или нет»¹.

Мысль о том, что Космос един в своем многообразии, была одной из важнейших, которую Вернадский считал фундаментальной для новой системы познания.

«Научно *понять* – значит установить явление в рамки научной реальности – Космоса»², – утверждал он.

«Мы переживаем коренную ломку научного мировоззрения, происходящую в течение жизни ныне живых поколений, переживаем создание огромных новых областей знания, расширяющее научно охватываемый Космос конца прошлого века, и в его пространстве, и в его времени, до неузнаваемости, переживаем изменение научной методик, идущее с быстротой, какую мы напрасно стали бы искать в сохранившихся летописях и в записях мировой науки»³. Научная картина Космоса XX века менялась стремительно и требовала новых подходов в ее познании. Менялась и ломалась когда-то казавшаяся неизменной геометрия Космоса. «Мы знаем, – поясняет подобное положение Вернадский, – что геометрия Евклида и Лобачевского – две из бесчисленного множества возможных. Они распадаются на три типа (Евклида, Лобачевского и Римана), и в настоящее время идет разработка общей геометрии, всех их охватывающей. Во время Лобачевского это было неизвестно, и поэтому он мог ставить вопрос о единой геометрии Космоса.

С таким же правом мы можем говорить о геометрической разнородности реальности, об одновременном проявлении Космоса в реальности, материально-энергетических, главным образом материальных, физических состояниях пространства, отмечающих разные геомет-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 421.

² Там же. С. 334.

³ Там же.

рии <...> Должны наблюдаться процессы, нам пока неизвестные, перехода одного такого физического состояния пространства с одной геометрической структурой в пространство с другой»¹.

Предположение Вернадского о различных геометрических системах в Космосе связаны с существованием в Космосе пространств иных, более высоких измерений и иных состояний материи. Здесь он ведет речь об иных мирах, но как бы только подходит к этой проблеме, не обозначая ее со всеми ее особенностями. Он пишет о возможных процессах перехода пространств одного физического состояния и одной геометрической структуры в другие. Здесь мы сталкиваемся с предвидением великого ученого еще неизвестных науке процессов, идущих в пространстве космической эволюции. Осознание геометрического разнообразия Космоса не только меняло его картину, но и меняло научную методологию новой системы познания. Вернадский делает первые попытки уйти от трехмерного, плоского представления о Космосе и постигнуть его во всей глубине и многомерности. В этих своих размышлениях и предположениях он выходит за рамки традиционных научных концепций. «Но еще более резкое изменение, – отмечает он, – происходит сейчас в основной методике науки. Здесь следствия вновь открытых областей научных фактов вызвали одновременное изменение самых основ нашего научного познания, понимания окружающего, частью оставшихся нетронутыми целые тысячелетия, а частью даже совсем впервые выявившихся, совершенно неожиданно, только в наше время. Таким совершенно неожиданным и новым основным следствием новых областей научных фактов является вскрывшаяся перед нами неоднородность Космоса, реальность и ей отвечающая неоднородность нашего ее познания»².

Эта «неоднородность нашего познания» космической реальности хотя и отвечала самой «неоднородности Космоса», тем не менее создавала определенные противоречия между этим познанием и его реальным объектом. Самым острым противоречием, не дававшим убедительно установить определенную гармонию между познанием и его объектом и снижавшим научную степень реальности последнего, являлось отсутствие в картине Космоса явлений жизни. И «он ввел жизнь, – поясняет это обстоятельство Г.П.Аксенов, – в Космос как необходимый и закономерно существующий в нем двигатель материально-энергетического мира. Как причину Космоса»³. После косми-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 357.

² Там же. С. 355.

³ Аксенов Г. Вернадский. С. 463.

зации самой теории научного познания этот шаг был самым важным в ее развитии. Новая теория познания обретала качественно иной характер. «Впервые в течение трех столетий, – отмечал Вернадский, – вскрывается возможность преодолеть созданное ходом истории мысли глубочайшее противоречие между научно построенным Космосом и человеческой жизнью – между пониманием окружающего нас мира, связанным с человеческим сознанием, и его научным выражением <...> Перед нами совершается один из величайших процессов хода научного мышления, один из переломов векового человеческого сознания <...> Поднимается новая волна нового построения Вселенной. И она ставит в новые рамки длящегося века жгучее противоречие»¹. Введение жизни в рамки Космоса и определение там ее места снимало не только «жгучее противоречие» между «научно построенным Космосом и человеческой жизнью», но и давало возможность осмыслить самую эту жизнь как космическое явление, по всем ее параметрам, начиная с проблемы происхождения этой жизни и завершая ее значением в бытии самого Космоса, как такового. Вернадский выдвигает идею, что жизнь во всех ее формах есть вечное космическое явление, не имеющее ни начала, ни конца. Высочайший уровень сознания ученого позволил ему понять такую закономерность и с этой точки зрения взглянуть по-иному на новое мировоззрение и новую теорию познания. «Идея вечности и безначальности жизни, тесно связанная с ее организованностью, есть то течение научной мысли, последовательное проявление которого открывает перед научным творчеством широчайшие горизонты»².

Эта идея, далее размышляет он, «получает в науке особое значение, так как наступил момент истории мысли, когда она выдвигается вперед как важная и глубокая основа слагающегося нового научного мировоззрения будущего»³.

Вся творческая деятельность Вернадского проходила в тот период, когда из научного традиционного мировоззрения как бы выламывалось космическое мышление и формировалась новая система познания, и он сам, ясно осознавая происходящее, в значительной степени содействовал всему этому, закладывая фундаментальные основы наступающего нового мышления. Отсутствие жизни в предыдущей научной картине Космоса привело к сужению эволюционных проблем,

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 89–90.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 112–113.

³ Там же. С. 113.

связанных с развитием самого Космоса. «Теория эволюции видов, – отмечает он, – игравшая и играющая такую большую роль в концепциях последних 70 лет, да и во всей жизни человечества, не входит в научную картину Космоса, так как в последней нет места жизни. История теории эволюции под этим углом зрения еще не написана, но она очень любопытна и представляется нам сейчас в ином виде, чем являлась в свое время людям, участвовавшим в ее создании. Она вызвала оживление эволюционных представлений в космологических построениях, но находилась в резком противоречии с физико-химическими исканиями в биологии <...> Сейчас мы стоим на повороте. И возможно, что неосознанный ход научной работы последних десятилетий шел в направлении, разрушавшем веру в возможность сведения явлений жизни к параметрам ньютонова Космоса»¹. «Жизнь вечна, – настойчиво разъясняет он, – постольку, поскольку вечен Космос, и передавалась всегда биогенезом»².

В своих работах Вернадский выдвинул еще одно важное эволюционное положение, которое, можно не сомневаться, со временем войдет в новую систему познания космического мышления. «Для нас становится ясным, – пишет он, – что жизнь есть явление космическое, а не специально земное. Мы теперь знаем, что материально Земля и другие планеты не уединены, а находятся в общении. Космическое вещество постоянно в разных формах попадает на Землю, а земное уходит в космическое пространство»³. Если идет материальное взаимодействие между Землей и Космосом, то происходит и энергетический обмен между тем и другим, поскольку энергия без материи не существует.

Всекосмический энергетический обмен имел и имеет решающее влияние на ход эволюционных процессов, в самом широком значении этого слова. Своими идеями и мыслями Вернадский делился с очень узким кругом своих коллег-единомышленников и близких друзей. Одним из них был П.А.Флоренский. Владимир Иванович переписывался с Флоренским даже тогда, когда тот был арестован и сослан в Соловецкий лагерь. В одном из таких писем (13.10.29) он пишет Флоренскому: «Мне кажется, что сейчас мы переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в науч-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 92.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 102.

³ Там же. С. 104.

ное мировоззрение должно войти явление жизни, и, может быть, мы подойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем – научном образе Космоса – места»¹. Вернадский не рассматривал жизнь только с точки зрения сугубо материальной, а включал в нее «все дорогое для человечества», т.е. мыслительно-духовную сторону человеческой деятельности. Явление жизни во взаимодействии с Космосом должно быть исследовано во всем ее богатстве. Он был уверен, что такой поворот не только ослабит противоречие между научным представлением о Космосе и «философским или религиозным его постижением», но и обогатит методологию космического мировоззрения, дополнив его знаниями духовного пространства человеческого творчества. В течение веков эмпирическая наука отрицала эти знания и не придавала им нужного значения. Теперь, занимаясь проблемами нового мировоззрения, Вернадский понимал, что новая система познания не может быть полноценной, если не ввести в нее знания из других областей – философии, религии, искусства. Эти знания своими корнями уходили в древнейшую часть культуры планеты – восточную. Египет, Индия, Китай, Месопотамия – оттуда в Европу пришли сокровенные знания, смысл которых не смогла за несколько веков постигнуть эмпирическая наука. Как бы ни относилась эмпирическая наука к этим знаниям, они представляли собой неоценимое богатство, добытое человечеством в течение тысячелетий, то наследие, которое было в состоянии очеловечить и одухотворить экспериментальную науку, повысить уровень ее достижений и вскрыть многие тайны Космоса, в чем крайне нуждалась современная наука, блуждавшая в космических дебрях без какого-либо методологического проводника или маяка. Все шло к синтезу – наука, философия, религия, искусство. Из соединения мысли и знаний всех этих пространств и возникнет то, что можно будет назвать новой системой познания. Как сказано у Экклезиаста – время разбрасывать камни и время собирать камни. Теперь наступило время камни собирать. XX веку и тем, кто в нем оказался, выпала уникальная возможность, единственная во всей истории человечества, собрать «камни» всех предшествующих тысячелетий. Труд огромный и сложный. «В философии – в самых противоположных ее системах – вопрос о

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 615.

вечности жизни ставился и ставится многократно, – отмечал Вернадский. – В целом ряде философских систем жизнь рассматривается как одно из главных всегдашних проявлений реальности.

Вопрос о жизни в Космосе должен сейчас быть поставлен и в науке. К этому приводит ряд эмпирических данных, на которых строится биогеохимия, ряд фактов, которые как будто указывают на принадлежность жизни к таким же общим проявлениям реальности, как материя, энергия, пространство, время: в таком случае науки биологические, наряду с физическими и химическими, попадут в группу наук об общих явлениях реальности»¹.

И еще: «В истории научной работы за последние три столетия значение философского анализа научных понятий сказывается на каждом шагу»². Таким образом, необходимость введения философской составляющей в общую систему познания для Вернадского было несомненным. Умозрительный способ познания, который применялся в большинстве случаев в философии, не раз приносил плодотворные результаты для самой науки. «До сих пор человек, – справедливо утверждал он, – мог разрешать противоречие между своим сознанием мира и его научной картиной, только обращаясь к философии или к религии. В течение ряда столетий человек, не мирящийся с тем, что и он сам и все живое – и все сознание, вся мысль и разум – все, для него самое высокое, ни в каких формах не отражается в научной картине Космоса, мог вносить поправку в даваемое наукой построение Космоса только из других областей духовной жизни человечества – из философии, из религии и отчасти художественного творчества. Оставаясь на почве чисто научного мировоззрения, он должен был мириться с чуждой жизни картиной Космоса и считать ошибкой и иллюзией то значение, которое он неизменно в жизни придавал разуму, сознанию и всему живому, часть которого он сам составляет»³. Это противоречие между научной картиной Космоса и жизнью, в самом широком смысле этого слова, крайне обострилось к XX веку на фоне Духовной революции, что привело к ряду кризисных явлений и, прежде всего, в самой науке. Вернадский поставил различные способы познания – научный, философский, религиозный, художественный – в один ряд, не выделяя из него науку, что вызвало, как он писал, раздражение его ученых коллег.

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 415–416.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 90–91.

«Религиозная и философская мысль, – писал Вернадский, – давала живому совсем другое положение в мироздании, и философские искания непрерывно росли за эти три столетия – и как росли – в направлении, противоположном научной картине мира, а в религиозных построениях непрерывно отпадали и отходили те их стороны, которые входили в столкновения с научным мышлением. И одновременно и в философии, и в религиозном творчестве, и в бытии человечества росло осознание явлений жизни, их огромного значения в Космосе.

Незаметно для современников ход истории научной мысли – на фоне этой окружающей духовной жизни человечества – все более и более подтачивал веру в возможность введения явлений жизни в научную картину мироздания без коренного ее изменения. Больше того. Разрушение этой картины – в этом его направлении – стихийно подготавливалось новым явлением: ростом и структурой самой научной организации человечества»¹. Именно те способы познания, которые возникли в духовном пространстве человеческого творчества, обеспечивали вхождение в Космос жизни вместе с ее духовной структурой, что неизбежно привело бы к созданию полноценной новой системы познания и приблизило бы научную картину Космоса к реальности самого Космоса. В этом отношении позиция Вернадского была близка к концепции русских философов Серебряного века. Последние, несомненно, были важнейшими участниками Духовной революции, которая уже набирала силу в начале XX века. В статье «Черты мировоззрения кн. С.Н.Трубецкого», написанной им в 1908 году, Владимир Иванович проявил себя в философии не меньше, чем сам С.Н.Трубецкой, один из крупнейших ее представителей. По своей интеллектуальной и духовной направленности Сергей Николаевич принадлежал к той же группе талантливых личностей, которых, как и Вернадского, эволюция призвала к творению нового космического мышления. В его философской концепции, как и у Вернадского, сочетались наука, философия, искусство и религиозное сознание.

Личность Трубецкого как философа и ученого глубоко импонировала Вернадскому и в чисто человеческом плане. «Он (С.Н.Трубецкой. – Л.Ш.), – писал Владимир Иванович, – всегда оставался самим собой, всюду проявлял себя всего. Будучи мистиком, он в философии оказался критическим идеалистом, в науке – строгим и точным исследователем, в общественной жизни – сознательным деятелем. Философским

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 92.

мышлением и научной работой он заменил ненужные ему символические формы мистических настроений. В гармонии их – в своей личности – он мог убедиться, что несогласимые противоречия между этими сторонами человеческого существа рождаются лишь при подавлении какой-нибудь одной его стороной других ее проявлений. Благодаря этому мы наблюдаем в его жизни, в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека – мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли. Его *личность* всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию. Ее создание, его философская система, является одной из наиболее оригинальных и глубоких проявлений свободного личного творчества. Этим она получает чрезвычайно целостное выражение <...> Тесно слившись с русской действительностью и отражая в философской системе свою личность, Трубецкой был одним из первых оригинальных, чисто *русских* философов.

Он являлся, благодаря этому, новой, глубоко своеобразной фигурой в истории русского культурного общества, ибо самостоятельная систематическая философская мысль есть явление новое, только что нарождающееся в истории русской культуры <...> Глубоко любящий Россию, переживающий все ее горе и все ее радости, он был русским всем своим существом, и это неизбежно отражалось на характере его философского и научного творчества. Поэтому вся жизнь кн. С.Н.Трубецкого, русского ученого и русского философа, – являлась сама по себе глубоким культурным *делом*, делом общественным. Она не может и не должна быть забыта русским обществом. Ее след прочно и непреодолимо заложен в самой русской культуре и будет жить и развиваться вместе с ней»¹. Столь вдохновенно и точно о Трубецком мог написать только человек, очень близкий ему по своим духовным и интеллектуальным качествам, каковым и являлся автор этих проникновенных строк. Трубецкой нес в себе тот же эволюционный синтез познания, что и Вернадский. И это создало возможность полного взаимопонимания между ними. Стараясь осмыслить мистицизм князя Трубецкого, так ярко прошедшего по его философским работам, Вернадский дает научное, и никакое иное, определение этому неясному (полагаю, и до сих пор) явлению в духовном пространстве человека. «Мистика является одной из самых глубоких сторон чело-

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 581–582.

веческой жизни, – справедливо утверждает он. – Если мы всмотримся в жизнь мистиков, мы увидим, что они жертвуют для мистических настроений *всем*. И в то же время, если мы проследим историю мистики, мы видим, как легко мистический порыв человеческой души, выразившийся в глубокой идее, в великом построении или в красивой интуиции, покрывается наростом пустых слов, бессодержательных символизаций, мелких желаний и грубых предрассудков, если только мистика всецело и без сопротивления охватывает человека. Как только мистическое настроение начинает охватывать широкие слои, как только начинает непрерывно и доминирующе длиться года, – оно обволакивается образами и созданиями, по существу, ему чуждыми, но которыми человек пытается дать сколько-нибудь понятное, земное выражение неуловимому и невыражаемому словами или образами мистическому настроению. За этими печальными созданиями неудачных стремлений теряется глубокое содержание мистического настроения и мистического миропонимания. История мистики, главным образом, вращается в этой грубой коре – коре разбитых стремлений, совершенно обволакивающей внутреннее содержание мистических настроений. Эти грубые символы и странные образы дают почву той игре в мистицизм и мистическое настроение, выражение которой мы видим в современной литературе – русской и западноевропейской. Для того чтобы дойти до мистики, надо прорвать этот туман мистических наваждений, надо подняться выше всей этой сложной, временами грубой, иногда изящной и красивой символики. Надо понять ее смысл и не дать в руки ее засасывающему и опьяняющему влиянию. Трубецкой стоял выше этой символики. Он переживал слияние с Сущим, он исходил из мистического миропонимания. На нем строилось его религиозное чувство. Но не подчинял ему и его образам своей личности. Личность его оставалась свободной, она получала лишь опору в мистицизме и в чувстве бесконечного и в слиянии с ним находила поразительную силу для своего проявления жизни. Благодаря *целостности* его личности, все другие ее стороны получали на этом общем фоне необычное в нашей окружающей жизни выражение. Они ею не заменялись и не погашались»¹.

Вернадский дал поразительное по своей глубине описание, связанное с мистическим настроением и мистическим состоянием внутреннего мира человека. Подобное описание мог дать человек, знакомый

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 579–581.

с мистическим опытом и глубоко осмысливший его. Он убедительно показал, что мистика существует как вполне реальное явление, несущее в себе один из самых сложных способов познания. Однако наряду с познанием, в мистике существует «туман мистических наваждений», который на определенном уровне плотной материи скрывает мистическую реальность. Вернадский рекомендует подняться над этим туманом и пройти в пространство реальности. Такой подъем совершается лишь с помощью расширения человеческого сознания. Чем выше точка зрения сознания человека, тем шире горизонты реальности знаний, поддающихся осмыслению и объяснению. В истории человеческого знания есть немало моментов, когда какое-либо мистическое, неясное явление прояснялось, становилось видимым благодаря высокому уровню сознания личности. При этом и сама наука получала возможность объяснить его. В то же время Вернадский обращает наше внимание на то, что, являясь одним из способов познания, мистика при неправильном ее использовании человеком или обществом может принести скорее вред, нежели пользу. Человек, мало подготовленный к такому способу познания, и даже целые сообщества могут заблудиться в «тумане мистических наваждений» и не получить искомого или желаемого результата. Это обстоятельство может привести на опасный путь.

Четкое представление о мистике, как определенном способе познания и связи человека с Высшим, дало возможность Вернадскому разобраться и в других способах познания, которые он рассматривал как составляющие в великом синтезе творения новой космической системы познания, и выявить их взаимодействие с научным знанием.

В своей работе над космическим мировоззрением и новой системой познания он обратился к культуре Востока, где так называемый вненаучный способ познания проявил себя ярко и интересно. Восток и Запад Вернадский рассматривал в качестве двух дополняющих друг друга начал планетной жизни. Он считал Запад и Восток двумя полюсами исторического мира, которые неразрывно связаны друг с другом культурным и экономическим обменом. «...Три столетия до Р.Х. и первые столетия после начала нашей эры, – отмечал он, – обмен Востока и Запада был глубок и непрерывен, равный которому мы наблюдаем в несравнимо большем масштабе только в последние 50 лет»¹. Известно, что именно в России в конце XIX – начале XX века возник

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 385.

среди творческой интеллигенции неожиданный интерес к культуре Востока и, в первую очередь, Индии. Эта волна захватила и ученых, в том числе и Вернадского. Интерес к Востоку был одной из особенностей российской Духовной революции.

«Удивительным человеком был Вернадский, – писал один из индийских ученых Л.Г.Рамайя. – Поражало его всеохватывающее знание. Я был обрадован, и мое уважение к нему возросло, когда я увидел, насколько глубоко и серьезно он знает философию Индии. Мировоззрение моей страны оказало на Вернадского определенное влияние, было полезно для его научных представлений, и это для меня было радостным открытием»¹. Влияние индийской философии и ее мировоззренческих традиций на Вернадского было не только «определенным», но и весьма значительным. Философия и религия Индии наводили его на размышления, связанные с новым космическим мировоззрением, с построением новой системы познания. В его дневнике за 1923 год мы находим такие слова: «Невозможность основываться на единой культуре христианства и в Евр[опе] теперь ясна. Китай, Индия глубоко охватывают человечество. Искусство, поэзия, философия»². В августе 1936 года он писал И.М.Гревсу, своему старому товарищу по Братству: «Через Гёте я пришел к Р.Роллану... На днях закончил чтение его книжки о Рамакришне, которая мне дала так много, как давно ни одна книга. Заставила глубоко думать и вызвала порыв писать по вечным вопросам бытия. Не философский, не религиозный порыв – но форму научной исповеди <...> Во всяком случае, он дал мне понять, что мы живем в эпоху, когда современниками являются великие индусы – равных среди европейцев как личностей я не знаю: Рамакришна, Ганди, Вивекананда!»³ Его поразили масштаб их мышления, корнями уходящий в философскую традицию Индии, основные концепции которой находили отклик в его научных размышлениях. Он пришел к заключению, что такие философские системы, как Адвайта-Веданта и работы современного философа Ауробиндо Гхоша могут дать немало для нового мышления, складывающегося на основе новой картины Космоса. Он видел новые пути синтеза мысли, в которой сольются духовность Востока и интеллект Запада и придадут новой системе познания всеохватывающий характер. «Я являюсь, – писал Вернадский секретарю Ин-

---

¹ Цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды. СПб., 1993. С. 142.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 36–37.

дийского общества биохимии, – старым поклонником Индийского мира и его большого выдвижения, и я думаю, что вступление индийских мыслителей и ученых в научную работу человечества, которая идет в последние десятилетия, расширяет ограниченное мышление Запада (и Востока), обогащая достижения европейско-азиатской жизни»¹. В подобных мыслях его укрепляла связь с крупнейшими русскими востоковедами, такими, как индологи Ф.И.Щербатской и С.Ф.Ольденбург, китаист В.М.Алексеев, арабист И.Ю.Крачковский. Со Щербатским у него завязалась регулярная переписка, в которой ставились и решались научно-философские вопросы. Щербатской был крупнейшим буддологом, с мировым именем. Несколько сохранившихся писем Щербатского Вернадскому свидетельствуют о конкретном содержании вопросов, которые ставил Вернадский перед востоковедом. «То, что Вам нужно, – пишет Щербатской, – т.е. “биохимическая энергия”, вероятно, соответствовала бы индийскому понятию о карме; это всеобщая пружина бытия»². Положения индийской философии о карме, о безначальности и вечности жизни, о великой цельности Мироздания, о космических одухотворенных силах, заключенных в нем, и о многих других концепциях привлекли пристальное внимание Вернадского. Он в них находил ответы на свои сложные вопросы и понимал, что многое из того, что еще с древности существовало в духовном пространстве Индии, теперь, с новыми открытиями эмпирической науки, не кажется ни фантастическим, ни безнадежно устаревшим. Он ощутил во всем этом прошлом человеческой мысли будущее научного мировоззрения и будущее новой системы познания. «...Новые области естествознания, – писал Вернадский, – к которым принадлежит биогеохимия, в области философии Востока встречаются более важные и интересные для себя наведения, чем в философии Запада»³.

Он штудировал Упанишады, Веданту, современных мыслителей Индии и все более убеждался, что он имеет дело не только с какими-то, может быть, случайными проявлениями духовной культуры, а с целым явлением долговременного действия и мирового значения, приближенным к истине больше, чем какая-либо иная система мысли. «В истории философской мысли мы находим уже за много

---

¹ Цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды. С. 35.

² Там же. С. 46.

³ *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 75.

столетий до нашей эры интуиции и построения, которые могут быть связаны с научными эмпирическими выводами, если мы перенесем эти дошедшие до нас мысли–интуиции – в область реальных научных фактов нашего времени. Корни их теряются в прошлом. Некоторые из философских исканий Индии много столетий назад – философии упанишад – могут быть так толкуемы, если их перенести в область науки XX столетия¹»².

«Особый интерес сейчас для философской мысли нашего философского центра (европейского. – *Л.Ш.*), – писал он в связи с этим, – является индийская философская мысль, полная глубины, оригинальности и разнообразия, полная жизни, самостоятельно и критически подходящая ко всем проблемам, волнующим сейчас человечество. Она сейчас глубоко и самостоятельно охватывает одновременно и философскую и научную мысль в ее целом – и философскую мысль Запада и Китая, с одной стороны, и научные достижения нашего времени – с другой. В этом отношении в ней совершается работа на более широкой базе, чем в европейско-американской философии»³. И еще: «Мне кажется, для новых областей науки – и в частности для наук о природе – представляют сейчас больший интерес философские концепции Индии. Они после многовекового застоя только начинают возрождаться под влиянием расцвета мирового научного знания и охвата и духовной жизни этой части человечества, сумевшей сохранить поколениями тысячелетние достижения философского творчества предков. Но значение этих более широких и, может быть, глубоких, мне кажется, философских концепций Индии для науки выразится в будущем»⁴.

В конечном счете, высоко оценивая философскую мысль Индии и с точки зрения духовной, и для будущего развития науки, Вернадский смело вводит ее в новое космическое мышление, считая ее одной из важнейших частей последнего. Именно в ней он столкнулся с идеей безначалия и вечности Космоса и жизни. И понял, что данная идея не противоречит современной науке. «В области индийских, в частности буддийских, построений религиозного осознания мира, – отмечает он, – мы не имеем вопроса о начале мира. Для людей, срос-

---

¹ «Философия Востока, главным образом Индии, в связи с происходящей в ней новой творческой работой под влиянием вхождения в индийскую культурную работу западной науки, представляет в науках о жизни значительно больший интерес...» (Примечание В.И.Вернадского).

² Вернадский В.И. Размышления натуралиста... Кн. 2. С. 25.

³ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 125.

⁴ Там же. С. 365.

шихся с этой духовной атмосферой, вопрос о начале мира или жизни не будет казаться неизбежным. Извечное существование живого будет для них более понятным, чем его появление во времени»¹.

В работах Вернадского мы отмечаем мысль о том, что буддизм, как философия, в силу своей специфики, наиболее отвечает исканиям современной научной мысли. В него перешли концепции из более ранних философских систем Индии и получили в нем свое дальнейшее развитие. Вернадский ценил буддизм за ясность и самостоятельность мысли, за объемный и многогранный охват явлений Мироздания, подобного которому в современной европейской философии не существовало. Духовный опыт буддийских мыслителей и, прежде всего, самого Гаутамы был близок к тому, что он ощущал и переживал в Крыму во время гражданской войны. «Мне хочется сделать несколько сторонних замечаний, как ученому, – писал он в своем крымском дневнике. – Путь фантазии (как и сна) капризен, и уловить все причины возникновения тех или иных идей, проявляющихся при этом, так же трудно, как уловить их в сложных событиях жизни. Однако они все-таки, вероятно, есть или, по крайней мере, мы можем найти их, подойдя к этим явлениям с точки зрения ученого. И взять для этого некоторые вехи. В начале болезни Нина читала мне “Свет Азии” Арнольда, который мог дать направление моим мечтам»². Одной из важнейших концепций эволюционной теории буддизма было учение о реинкарнации, или метемпсихозе. Учение о вечности человеческой жизни в ее духовно-энергетическом воплощении пришло в буддизм из индуистской философии. В 1934 году он записал: «Метемпсихоз... Личность сохраняется... Думаю, что живое отличается от мертвого другим состоянием пространства. Это все доступно научному исканию»³. Мало понятная европейцу идея перевоплощений, исключавшая конец жизни человека, полностью захватила его. Он понимал, что подобное явление есть основа космической эволюции человечества.

«Найдены, – пишет Вернадский, – бесчисленные в разных формах религиозно-философские решения, которые на деле связаны с представлением о бессмертии личности, в той или иной форме в прямом смысле этого слова, или в будущем ее воскресении в новых условиях, где не будет зла, страданий и бедствий, или где они будут распределены справедливо. Наиболее глубоким является представление о

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 107.

² Цит. по: Росов В.А. В.И.Вернадский и русские востоковеды. С. 48.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 270.

метемпсихозе, решающее вопрос не с точки зрения человека, но с точки зрения всего живого вещества. Оно до сих пор еще, возникши несколько тысячелетий тому назад, живо и ярко для многих сотен миллионов людей. И ни в чем, может быть, не противоречит современным научным представлениям. Ход научной мысли нигде с выводами из этого представления не сталкивается»¹. Вернадский обладал удивительной способностью: входя в научную мысль, он отбрасывал все научные предрассудки (если они вообще у него были) и стремился к чистому интеллектуальному «эксперименту», который давал ему возможность честного и научно проверенного вывода или заключения. Метемпсихозом можно было объяснить проблему, которую Вернадский ставил не однажды в своих научных работах – одновременное появление в определенные моменты истории человечества групп талантливых творцов, взгляды и открытия которых меняли традиционно устоявшуюся научную картину Мироздания или важнейших процессов в нем.

«Жизнь человека, – отмечал он в своем дневнике (29.08.28), – со стороны может и должна представляться – в нашем современном ее *научном понимании* – как бы аналогичной жизни другого организма. Даже учитывая исключительное планетное значение человеческой мысли и сознания, как это вскрывает нам геохимия, такое решение мировой загадки оставляет чувство неудовлетворенности. Из всех решений, может быть, наиболее глубокое решение метемпсихоза в ее буддийском решении – с боготворчеством путем постепенного возвышения поколений – отдельных из них личностей – к сверхчеловеческому состоянию. Но это состояние, очевидно, и намечается с ходом планетного времени»². Здесь мы видим развитие Вернадским идеи метемпсихоза до ее непосредственного смысла – эволюционного продвижения человека до «сверхчеловеческого состояния», или же к более высокому эволюционному уровню. За несколько лет до смерти (в 1942 году) Вернадский записал в своем дневнике: «В общем, я все время неуклонно работаю. Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы. Если что может оставаться – то переходит в другое живое, какие-нибудь не единичные формы «переселения душ», но в распадение на атомы (и даже протоны). Вера Вивекананды неопровержима в современном состоянии науки. Атомно живой индивид – и я в том числе – *особое я*»³. Он обычно пропускал

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 330.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 222.

³ Там же. С. 246.

свои научные идеи через себя, как бы переживал их, идея метемпсихоза в таком процессе имела для него особое значение...

«Под влиянием современной науки, – отмечал Вернадский, – новых областей знания в первую голову, началось, может быть, в связи с этой неожиданной ее (философии Востока. – Л.Ш.) близостью к новым научным концепциям, после многовекового перерыва, возрождение философской работы в Индии на почве *древней философии и мировой современной науки*. Она оживает и возрождается – находится на подъеме, когда философия Запада творчески еще на ущербе»¹. Придавая философии в целом важнейшую роль в развитии науки, как таковой, Вернадский посвятил ряд работ значению этой области знания в формирующейся системе нового познания. Он проанализировал концептуальную для этой системы проблему – соотношение различных способов познания, включая научный.

«Некоторые части, – утверждал он, – даже современного научного мировоззрения были достигнуты не путем научного искания или научной мысли – они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства... Таково происхождение даже основных, наиболее характерных, черт точного знания, тех, которые временами считаются наиболее ярким его условием. Так, столь общее и древнее стремление научного мирозерцания выразить все в числах, искание кругом простых числовых отношений проникло в науку из самого древнего искусства – из музыки»².

Исследования Вернадского в истории науки привели к определенному выводу – чисто научного мирозерцания не существует. Оно значительно разбавлено знаниями из области духовной. Подобный вывод мог сделать человек очень высокого сознания. Поэтому не удивительно, что его коллеги не только критиковали сказанное и написанное им, но просто не понимали, о чем идет речь. «Именно, некоторые его противники, – писал в 1903 году один из крупных русских философов Л.М.Лопатин, – странным образом утверждали, что он говорит о совершенно несуществующей вещи. Глубоко возмущаясь его мнением, что в научном мировоззрении далеко не все обладает одинаковой научной достоверностью, они упорно настаивали, что научного мировоззрения, отличного от самой науки, не существует вовсе и что рассуждать о нем – значит сражаться с химерами и выдумками»³.

---

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста... Кн. 2. С. 75.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 317.

³ Там же. С. 319–320.

Он не только утверждал, что так называемые метанаучные способы познания играют значительную роль в научном мировоззрении, но и занимался проблемой взаимодействия различных способов познания между собой. В статье «Научная революция и философия» Вернадский изложил свои основные мысли по этому поводу. «Это великое движение (научная революция. – Л.Ш.), – писал он, – идущее в настоящее время в области научного мышления, не могло остаться без влияния на другие стороны человеческого сознания. Ибо и философская мысль, и религиозное творчество, общественная жизнь и создание искусства теснейшими и неразрывными узами связаны с научным мировоззрением. Вглядываясь и вдумываясь в ту сложную мозаику, какую представляет научное мировоззрение нашего времени, трудно решить, что из него должно быть поставлено в счет чуждым научной мысли областям человеческой личности и что является чистым плодом научного мышления.

Особенно близки и тесны области философского мышления и научной мысли. Их взаимное влияние является одной из любопытнейших страниц истории человеческого сознания. Наука в развитии философии может служить элементом прогресса и пробуждения, но она может тормозить философскую мысль, вызывать в ней застой и разложение. С одной стороны, она дает новый материал для философской мысли, будит эту мысль, расширяет ее горизонты. Достаточно вспомнить, какое огромное влияние оказала на всю философскую мысль научная работа великого века человеческого мышления – XVII столетия. Непрерывно с тех пор новый материал научной работы обрабатывался философской мыслью и в этом философски обработанном виде, в свою очередь, вторгается и строит части – очень значительные – так называемого научного мировоззрения. Но на философскую мысль оказывают влияние не только новые научные факты, открытия или концепции. Может быть, еще большее влияние создается общей тенденцией научного творчества, теми отдельными целями, какие ставят в данный момент себе научная мысль и научные искания и которые часто далеко отстоят и отличаются от научного точного знания. Это влияние тенденций и общего направления научной мысли на философское мышление совершенно понятно, ибо философия ставит себе задачи, далеко выходящие за пределы точного знания. Она должна иметь дело не только и не столько с реальным материалом научного знания, как с *возможным* и вероятным материалом, ибо только при этом условии она будет в значительной степени свободна от подчинения временному

состоянию науки – может идти дальше и предугадывать ход дальнейшего развития мысли. Только при этом условии возможна теория познания»¹. Настаивая на необходимости введения в формирующуюся систему познания наряду с наукой и иных способов познания – таких, как философия, религиозный опыт, искусство, Вернадский признал за этими явлениями человеческой культуры познавательную силу, уходящую своими корнями в древние слои пространства знания и познания. Ценность знаний, принесенных этими способами познания, для него не оставляла сомнений.

«Если мы хотим понять рост и развитие науки, – писал он еще в 1902 году, – мы неизбежно должны принять во внимание и все эти другие проявления духовной жизни человечества. Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. В общем мы не знаем науки, а следовательно, и научного мирознания, вне одновременного существования других сфер человеческой деятельности; и поскольку мы можем судить из наблюдения над развитием и ростом науки, все эти стороны человеческой души *необходимы* для ее развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идет научная деятельность.

В настоящее время, в эпоху исключительного расцвета научного мышления, эта тесная и глубокая связь науки с другими течениями духовной жизни человечества нередко забывается; приходится слышать о противоречии между научным и религиозным, между научным и философским и даже между научным и эстетическим мировоззрениями. Среди течений научного мировоззрения существуют направления, которые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою мировоззрение религиозное или философское; иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная роль философии для человечества кончена и в будущем должна быть заменена наукой»².

Когда-то наука отделилась от своих истоков – художественного вдохновения, религиозного опыта, философии. Но ей не удалось полностью разорвать нити, соединяющие ее с вненаучными способами по-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 57–58.

² Там же. С. 31.

знания, которые сформировались тысячелетия назад в духовном пространстве человеческого творчества. «Научное мировоззрение, – писал Вернадский, – развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою и могут быть разделены только в воображении»¹. И еще: «При изучении истории науки легко убедиться, что источники наиболее важных сторон научного мировоззрения возникли вне области научного мышления, проникли в него извне, как вошло в науку извне всеохватывающее ее представление о мировой гармонии, стремление к числу. Так, столь обычные и более частные, конкретные черты нашего научного мышления, как атомы, влияние отдельных явлений, материя, наследственность, энергия, эфир, элементы, инерция, бесконечность миров и т.п., вошли в мировоззрение (научное. – Л.Ш.) из других областей человеческого духа; они зародились и развивались под влиянием идей и представлений, чуждых научной мысли»².

Эти представления возникли, как отмечает далее Вернадский, «в среде религиозных сект, главным образом магических и еретических, и в среде мистических философских учений, которые издревле привыкли допускать эманации, инфлюэнции, всякого рода бестелесные влияния в окружающем нас мире»³.

Некоторые «нематериальные» качества, присущие человеку вообще, особенности его энергетики, специфика его духовного внутреннего мира – все это влияло и на научные исследования и нередко приводило к плодотворному результату. Вернадский ссылается в этом отношении на пример с Майклом Фарадеем, одним из успешных ученых мира, который таким вненаучным способом сделал ряд открытий, подтвержденных впоследствии эмпирической наукой. Фарадей был религиозен и обладал пророческим даром. Он «нередко, – отмечает Вернадский, – находил законности и видел взаимные соотношения там, где никто до него их не признавал и не мог их видеть, исходя из обычных научных представлений»⁴. Обладая сам высокоразвитой интуицией, Вернадс-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 31.

² Там же. С. 29–30.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 42.

кий ценил этот способ познания в науке. Его собственное определение интуиции представляет интерес не только для духовного пространства знания, но и для самой науки. «Интуиция – углубленное, словесно не выражаемое переживание, в этом последнем случае связанное с научно проверяемым представлением о реальности, несравненно больше общее всем идущим по этому пути, чем религиозная вера или разумное (хотя бы с мистическим подтекстом) представление о мире»¹, – записал он в своем дневнике (14.12.38). Даже строго эмпирическая наука, для которой главным критерием был результат «чистого» эксперимента, не могла ни в своем мировоззрении, ни в своем познании избежать вне-научных методов, связанных с особенностями и способностями самого человека, работающего в пространстве этой науки.

«Интуиция, вдохновение, – приходит он к заключению, – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении и в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание. Сейчас это область философских построений, кое-что выяснивших, но в общем область этих явлений находится в хаотическом состоянии. Наиболее глубоко и интересно она охватывается философией индусов, как древних ее исканий, так и нам современных. Здесь есть попытки углубления в эту область, едва наукой затронутую. Как глубоко она может вести человеческую мысль, ее направлять, мы научно не знаем. Мы видим только, что огромная область явлений, имеющих свой научно закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы – и еще более ноосферы – мир художественных построений, не сводимых в некоторых частях своих, например в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям, – оказывает огромное влияние на научный анализ реальности. Управление этим, мало отражающимся в логике аппаратом познания для научного понимания реальности есть дело будущего»².

И та и другая область познания в своих постижениях открывает истину, только наука это делает экспериментальным путем, а не-наука, или, точнее, метанаука по большей части использует ин-

---

¹ Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. С. 445.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 412.

туацию. Истина, добытая в пространстве интуитивного творчества, отмечает Вернадский, «может быть узнана только тогда, когда научно будет вновь доказана. Эта творческая интуиция иногда намного предшествует научному ее пониманию, и в этих областях человеческого творчества таятся неясные современникам научные истины будущего. Но точно разобраться в них без науки, не сведя их к научному аппарату, мы не можем»¹. Этот странный процесс, о котором пишет Вернадский, «перевода» метанаучного знания в научное в современной нам системе познания можно рассматривать с двух сторон: в нем содержится значительный элемент, ускоряющий развитие науки, но и в то же время его и замедляющий. В самом процессе скрыта одна противоречивая особенность – элемент ускоряющий находится в пространстве духовного творчества, элемент замедляющий существует в поле самой науки, обусловленный позицией ее носителей. И пока такой процесс может быть разделен на «с одной стороны» и «с другой стороны», время, потраченное на «перевод», будет всегда играть в развитии самой науки тормозящую роль. И, само собой, напрашивается вывод – необходимо синтезировать оба познавательных подхода и привести их в соответствие, которое бы не требовало длительного «перевода», необходимость которого даже сейчас не всегда очевидна. «Перевод» одного знания в другое может состояться при условии трансформации того и другого познавательного пространства. «Повидимому, – отмечает Вернадский, – вопрос *души* начинает все больше и больше входить в науку. Это и должно быть, так как понятия материи, энергии потеряли прежние формы. Энтелехия, кванты, проблемы относительности и т.п. заполняют сейчас содержание мысли. Невольно человек [научно] приходит к формам, исторически сложившимся в человечестве путем философского, художественного, религиозного творчества»².

Метанаучный способ познания в XX веке, в пространстве которого шла научная революция, все глубже и глубже проникал в науку, помогая ей решать сложнейшие задачи, которые перед ней ставили новые открытия, новое научное мировоззрение. «Этот способ (интуитивный. – Л.Ш.) исканий и открытий, – утверждал он, – нашел себе широкое приложение, между прочим, в *физике атома* – области научного знания, всецело лежащей в микроскопическом разрезе мира. Понятия величины h , фотона, кванта являются ярким примером этой

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 434–435.

² Там же. С. 204.

новой, вероятно, огромного могущества силы научного проникновения и расширения научной методологии. Создаются новые научные дисциплины, как новая механика, и растут новые отделы математики, из них исходящие»¹. Интуитивный метод познания в науке Вернадский назвал огромной силой «научного проникновения и расширения научной методологии». Для его коллег это утверждение было неожиданностью, для него самого – уже проверенным способом познания. И он размышляет не только об интуиции, но и о других явлениях внутреннего мира человека, таких, как вдохновение, озарение, мистическое постижение. В конечном счете, они все были связаны со знанием, как таковым, и необходимостью познать это знание. Он пришел к выводу, что именно поэтическое вдохновение стояло у истоков религии, философии, в том числе и науки, в ее изначальной стадии. И он написал: «Религиозные ведущие идеи, по-видимому, на многие столетия, если не тысячелетия, предшествовали философским интуициям и обобщениям»². Он все глубже и глубже вникал в этот таинственный мир изначального познания, открывшийся ему и в себе самом, и в строках священных писаний, и в древних, чудом дошедших до нашего времени источниках. Его собственное «научное проникновение» в этот мир началось в конце XIX века и продолжалось всю его жизнь. «Пессимистические, оптимистические, скептические, безразличные и т.п. системы, – писал он в 1902 году, – одновременно развиваются в человеческой мысли и являются результатом одного и того же стремления понять бесконечное. Такой индивидуальный оттенок философских систем еще более усиливается благодаря мистическому настроению их создателей, благодаря созданию концепции и исходных путей мысли под влиянием экстаза, под влиянием величайшего возбуждения всей человеческой личности. В этом заключается проявление творчества человеческой души. В истории развития человечества значение мистического настроения – вдохновения – никогда не может быть оценено слишком высоко. В той или иной форме оно проникает всю душевную жизнь человека, является основным элементом жизни. Если бы мы когда-нибудь смогли логически разобрать художественные вдохновения гения, или конструктивное созерцание и мистические экстазы религиозных и философских строителей, или творческую интуицию ученого, мы, вероятно, смогли бы – как хотел Лаплас – выразить весь мир в одной математической формуле. Но эти

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 358.

² Там же. С. 333.

области никогда не могли поддаться логическому выражению, войти целиком в рамки научного исследования, как никогда человек не мог быть заменен простым автоматом»¹.

Несмотря на то, что наука в своем познании, вольно или невольно, использует «проявление творчества человеческой души» или способы познания, существующие в духовном пространстве человека, тем не менее противоречия между научным и вненаучным способами познания растут, и в силу этого, как отмечает Вернадский, «в научной организации человечества нет необходимой устойчивости, и результат научной работы все более и более расходится с ее содержанием в сознании все растущего числа научных работников»². И это расхождение свидетельствует о том, что синтез между наукой и метанаукой в конце концов приведет к преодолению кризисных явлений в новой системе познания и созданию необходимых для науки условий «перевода». Но для этого в сознании самого ученого должна укорениться мысль о равноценности научных и вненаучных способов познания. Эта мысль была присуща, прежде всего, самому Вернадскому, занимавшемуся больше, чем кто-либо другой, проблемами новой системы познания. «Отец мой, – писала (29.04.77) Н.В.Вернадская-Толль, – никогда не упрощал мир, и в его мирозерцании философия, и религия, и искусство были равноценны как источники познания. В этом смысле образ отца всегда будет превратно истолкован и неверен. Но это не страшно»³.

Исходя из всей сложившейся в науке ситуации, Вернадский сделал вывод, который, несомненно, будет иметь интересную перспективу в будущем. «Методика научной работы, – писал он в своей концептуальной работе “Научная мысль как планетное явление”, – <...> не является частью логики, а тем [более] – теории познания. В последнее время в этой области совершается какое-то крупное изменение, вероятно, величайшего значения. Создается новая своеобразная методика проникновения в неизвестное, которая оправдывается успехом, но которую образно (моделью) мы не можем себе представить. Это как бы выраженное в виде “символа”, создаваемого интуицией, т.е. бессознательным для исследователя охватом бесчисленного множества фактов, новое понятие, отвечающее реальности. Логически ясно понять эти символы мы пока не можем, но приложить к ним математический анализ и открывать этим путем новые явления или создавать им

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 37–38.

² Там же. С. 94.

³ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 157.

теоретические обобщения, проверяемые во всех логических выводах фактами, точно учитывая их мерой и числом, мы можем»¹. Эта новая научная методика, можно полагать, пользовалась результатами творчества души, не связанными с логической работой интеллекта. Этот новый метод исследования как бы являлся новым источником гносеологической информации, пропускаемой через внутренний мир самого исследователя. Сами ее достижения и открытия, совершенные ею, ставили перед наукой нравственные проблемы, которых раньше она не касалась. Проблема нравственности самого ученого теперь была связана с судьбой человека – на уровне «быть или не быть». «Мы подходим, – писал Вернадский еще в 1921 году, когда на полях России шли последние бои гражданской войны, – к великому перелому в жизни человечества, с которым не могут сравниться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который дает ему возможность строить свою жизнь, как он захочет <...> Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? <...> Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества»².

Тогда, казалось, в самое неподходящее время он интуитивно почувствовал ту страшную опасность, которая исходила от поразительных достижений и удивительных открытий науки. Может быть, больше, чем кто-либо другой, он понимал, что уровень открываемых сил Мироздания не соответствует нравственному уровню работающих с этими силами. Это расхождение было самым для него как ученого угрожающим. Он тогда, в те далекие и беспокойные годы прозревал, чем это может завершиться. Трудно сказать, предвидел ли он или нет, что блестящие достижения науки XX века обернутся для человечества оружием массового уничтожения, что невежественное использование этих открытий приведет к экологической катастрофе в планетарном масштабе. Тогда он только осознавал, что ответственность ученого за свои деяния и наличие необходимого для него нравственного уровня становятся, возможно, самой главной проблемой для науки. Он не мог себе представить науку и теорию ее познания в будущем без решения этой проблемы. Новое космическое мировоззрение требовало иной

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 358.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 331–332.

нравственной атмосферы в науке и решения иных задач, стоявших перед ней. Нравственность, нравственность и еще раз нравственность – вот что теперь поддержит науку, вот что даст ей возможность, наряду с необходимыми структурными изменениями, стать чем-то совсем другим, чем она являлась теперь.

Главным предметом его научных исследований было живое вещество, может быть, самая хрупкая материя Земли. Теперь сама же наука ставила ее под угрозу. Атомная энергия, которая надвигалась на планету, могла быть неверно использована. Думать так у него были основания. Новая мощная энергия могла облегчить существование живого вещества и могла стереть его с лица Земли.

Его «параллельная жизнь» была наполнена именно исследованиями живого вещества. Независимо от того, где он работал: в России ли, в Америке или Англии, живое вещество становилось его судьбой, миссией, возникшей из таинственных глубин «той жизни». Какие-то силы направляли его именно на этот путь, где лежала разгадка тайны жизни как космического явления. Наука только приступала к этой проблеме, которая уже была хорошо известна в духовном пространстве творчества человека. «...Вдумываясь и вглядываясь в историю науки, мы видим, что стремление к разрешению этого вопроса (загадки жизни. – Л.Ш.) проникает научную мысль с самого дальнего известного нам ее проявления. Но она не смогла найти путей для его разрешения. Когда человек науки, в других случаях шедший особым, своим путем, давал решение этой загадки, он неизбежно сходил на путь чуждого ему религиозного, художественного или философского творчества. Ответы давал ученый, а не наука. Наука же в этом вопросе была и до сих пор находится еще в стадии искания путей к разрешению этой вечной загадки. В то же время, когда религия, философия, художественное творчество ищут решения загадки, наука еще ищет путей для этого решения»¹.

Загадка жизни и проблемы, связанные с ней, долгое время были приоритетом того духовного поля, где господствовал вненаучный способ познания, опередивший в своих исканиях, как обычно, науку. Вернадский был уверен, что наука в состоянии подтвердить экспериментально те знания, которые несли в себе иные способы познания. Умозрительная философия Востока была одним из богатейших источников, принесших немало идей, касавшихся жизни в Космосе и

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 83–84.

на Земле. Его исследования в области живого вещества проводились в пространстве синтеза научных и вненаучных способов познания и принесли удивительные результаты, имевшие мировоззренческое значение для нового космического мышления. Работая над проблемой живого вещества, Вернадский много и плодотворно размышлял над движениями своего внутреннего мира, откуда шла информация интуитивных озарений и вдохновений.

В марте 1920 года, еще находясь под впечатлением прожитой им «параллельной жизни», он записал в своем дневнике: «Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое о том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности»¹. Он назвал свои исследования живого вещества учением. И это учение будет самым главным в его жизни. Он понимал, что чисто научных учений в истории науки не существует. Конечно, можно произвольно назвать какой-то итоговый труд учением, но это не будет учением в том высоком смысле, который он вкладывал в это определение. Это слово залетело к нему из другого, «параллельного мира», откуда доносился голос, который он сравнивал с голосом, несшим великому философу Сократу важные идеи и мысли. Вряд ли можно считать, что голос был выдумкой одного и другого. В истории человечества мы знаем немало таких голосов, исходивших из духовного поля внутреннего мира человека. Вернадский оказался в самом высоком пространстве метанаучного познания, которое у него было неразрывно связано с научным. Его «параллельная жизнь» содержала идею необходимости объединения того и другого, и он, Вернадский, крупнейший русский ученый, внял ей. При этом он остро ощущал свое одиночество и страдал от того, что его идеи не воспринимаются ни его коллегами, ни просто образованными людьми. «Начинает сказываться вхождение моих идей, – писал он, – которые еще не разделяются, и в то же время чувствуется их возможное (а мне кажется, неизбежное) будущее? Ведь по существу я чувствую их значение и то, что я совершенно неожиданно подошел к очень большому и крупному, к новому взгляду на живое. Помню, не раз в молодости думал – какова природа тех ученых, которые представляются потом нам гениями, создают важное новое, раздвигают горизонты

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 142.

знаний, делают великие открытия. И я находил, что у меня для этого нет данных. И вдруг на старости лет с 1917 года я пошел по этому пути. В сущности, давно шел – и в минералогическом творчестве, и в геохимии. И перед началом революции мне безудержно захотелось зафиксировать свои идеи – о значении жизни в механизме Земли. Как будто какой-то “демон”, как у Сократа»¹. В мае 1923 года он сделал дневниковую запись: «Для меня в общем остался весь прежний культ служения науке и творческому исканию, ясное мистическое чувство мира усилилось чувством живого. Осталось прежнее уважение к человеческой личности. Сейчас бы я не смотрел, как раньше: бессмертие личного духа, но без единого Бога»².

Вернадский дает нам возможность видеть весь процесс сотворения важнейшего учения XX века в пространстве двух соединившихся в этой личности способов познания. Принцип дополнительности, сформулированный позже Нильсом Бором на основе китайской философии, нашел здесь свое ярчайшее выражение. Сам процесс слияния различных способов познания в одном человеке не был столь простым и однозначным, как это можно себе представить. Противоречивое отношение к вненаучным способам познания, сложившееся в пространстве науки, давало себя знать. «Чистый» интеллект, вознесенный наукой на высокий пьедестал, не хотел соглашаться с наступающими изменениями и не желал многое принимать.

«Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно, я через самый грубый на первый раз материализм мог бы подойти этим путем к странным и очень далеким от материализма философским выводам. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она все же войдет. А не этого хочет мятущийся ум»³. И все-таки ему удалось укротить этот «мятущийся ум» и достигнуть необходимой в этом случае гармонии между научным и вненаучным способом мышления.

Давая общую оценку сделанному, он писал: «...в моей работе над живым веществом я создал новое учение и <...> оно представляет другую сторону, другой аспект эволюционного учения»⁴.

---

¹ Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. С. 338.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 143.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 655.

Вернадский ввел в него ряд новых методологических положений, которые и дали возможность понять некоторые важнейшие эволюционные процессы, идущие в Космосе и связанные с самим живым веществом. Само учение о живом веществе есть научно-философское творение гениального ученого, значение которого до сих пор не осознано и не оценено по достоинству на его Родине.

Долгое время в науке существовала традиция включать косное и живое вещество в биосфере Земли в общий эволюционный процесс, не делая между ними особой разницы, относя то и другое к единой материи. Вернадский разделил их и указал на те различия, которые между ними существовали.

«Между живыми и косными естественными телами биосферы, – писал он, – нет переходов – граница между ними на всем протяжении геологической истории резкая и ясная. Материально-энергетически, в своей геометрии, живое естественное тело, живой организм, отличен от естественного тела косного. Вещество биосферы состоит из двух состояний, материально и энергетически различных – живого и косного.

Живое вещество, хотя в биосфере материально ничтожно, энергетически оно выступает в ней на первое место»¹.

К этому еще можно добавить и различие во времени-пространстве. Геометрия косного не похожа на живое. Время в том и другом пространстве течет по-разному. Живое вещество живет и функционирует в историческом времени, косное – в геологическом. Мир живого вещества меняется, мир косного на протяжении миллионов лет остается одним и тем же. «Живой мир биосферы палеозоя и живой мир биосферы нашего времени резко различны, мир косной материи – один и тот же»², – отмечает Вернадский. Отличия живого от косного в материи, энергии и, наконец, в новой составляющей живого вещества – пространстве-времени – привело к следующим выводам, имеющим мировоззренческое значение.

1. «Допустимость представлений о разных одновременно существующих в биосфере состояниях пространства-времени. *Ее геометрическая неоднородность.* Время должно изучаться в ней так же, как материя и энергия. Рабочая гипотеза об особом геометрическом состоянии живого вещества биосферы, отвечающем одной из Римановских геометрий (нелинейной. – Л.Ш.)»³.

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 428.

² Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 414.

³ Там же. С. 455.

2. В силу качественного отличия параметров живого вещества от косного и особенностей самого живого вещества эволюция биосферы идет через это живое вещество. Здесь Вернадский вновь возвращается к наблюдаемой им закономерности – высшее ведет низшее – высшие формы живого вещества влияют на эволюционное продвижение биосферы, инициируя при этом необходимые изменения в ее пространстве. Живое вещество, пишет Г.П.Аксенов, один из лучших биографов Вернадского, «увлекает в своей жизнедеятельности все остальное, косное вещество планеты, ибо опережает его по своей энергетической насыщенности, сложности строения и состава, по изумляющей нас динамичности <...> Учение о живом веществе с новой стороны представляет нам материю, энергию и самое пространство-время»¹. «Эволюция биосферы связана с усилением эволюционного процесса живого вещества»², – утверждает Вернадский.

3. Живое вещество земной биосферы не произошло из косной материи, как утверждалось ранее. «Различие между живыми и косными природными телами так велико <...> что переход одних в другие в земных процессах никогда и нигде не наблюдается; нигде и никогда мы с ним в научной работе не встречаемся. Как мы увидим, он глубже нам известных физико-химических явлений. Связанная с этим *разнородность строения биосферы*, резкое различие ее вещества и ее энергетики в форме живых и косных естественных тел есть основное ее проявление»³. Единственная связь между косным и живым веществом, обнаруженная Вернадским, была материально-энергетическая связь, «непрерывно идущая во время дыхания, питания, размножения живого вещества, основная для его существования: *миграция атомов – химических элементов – из косных тел биосферы в живые естественные тела и обратно – биогенная миграция атомов*»⁴. Иными словами, все время идет материально-энергетический обмен между двумя структурами биосферы, ее косной субстанцией и ее живым веществом. Итак, косное не порождает живое. А дальше что? А дальше принцип Франческо Реди, флорентийского академика, врача и натуралиста, жившего в XVII веке, человека известного, широко образованного, знавшего хорошо философию Востока и, возможно, почерпнувшего из нее этот мудрый принцип. Он объявил в 1668 году: все живое зарождается

---

¹ Аксенов Г. Владимир Вернадский. С. 308–309.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 322.

³ Там же. С. 320.

⁴ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 430.

только биогенезом. «...Все живое происходит от живого – omne vivum ex vivo»¹. Человечеству понадобилось около трех столетий, чтобы убедиться в справедливости этого принципа, а потом, наверное, понадобиться еще столько же. «Принцип Реди – все живое из живого – есть первое научное достижение, которое позволяет нам научно подойти к загадке жизни»². Вернадский вполне сознательно, проверив этот принцип научно, ввел его в свое учение, как единственно необходимый для него, чтобы вопрос «а что дальше?» не остался без ответа. Он считал год 1668-й – великим годом не только в истории науки, но и истории человечества. «...Научная мысль в нашем XX веке приходит к выводу, – пишет он, – что не только в настоящих геологических условиях, но на протяжении всех геологических веков на нашей Земле существовала жизнь, одинаковым образом отражавшаяся на химических процессах земной коры. И нигде здесь мы не видели признака археогенеза или гетерогенеза. Наоборот, все указывает нам на то, что во все это время – десятки и сотни миллионов лет – принцип Реди не нарушался; живое происходило всегда из живого <...> Живое вещество XX века составляет единое во времени явление с живым веществом – организмами, морфологически нам неизвестными, архейской эры»³.

Живое происходит из живого. Ну, а где искать то первое живое, от которого произошло все остальное? И закономерен ли такой вопрос вообще? Жизнь на Земле, утверждает Вернадский, существовала на протяжении всех геологических веков нашей Земли. И момента ее самозарождения не найдено. Но то, что биосфера имела всегда в своей основе живое вещество – для Вернадского было научным фактом. «Говоря о появлении на нашей планете жизни, мы в действительности говорим только об образовании на ней биосферы»⁴. Или еще: «Условия, определяющие первое появление жизни на Земле, те же, которые определяют создание или начало биосферы на нашей планете»⁵. Но этот научный факт, сам по себе, не мог объяснить многого. Необходим был к осмыслению этого факта иной подход. И он его нашел – жизнь есть космическое явление, и она вечна, как и сам Космос. У нее нет ни начала, ни конца в космической беспредельности, где идут бесконечные эволюционные процессы. Он был уверен, что, не взяв явления

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 89.

² Там же.

³ Там же. С. 96.

⁴ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 414.

⁵ Там же. С. 403.

Космоса за концептуальную основу объяснения жизни, ее загадки никогда не разрешить. Точка решения находилась в Космосе.

«Одним из частных вопросов общей загадки жизни, – писал он, – и является для науки тот вопрос, на который я хочу обратить сегодня ваше внимание. Вечна ли жизнь в Космосе, или она имела начало, в частности, видим ли мы где-нибудь в истории нашей планеты, Земли, указания на зарождение в ней жизни, ее возникновение из других форм проявления в ней Космоса? Таких форм мы научно принимаем пока две – материю и энергию. В философии, религии, художественном творчестве к ним прибавляется и третье начало – духовное начало в той или иной форме его проявления»¹. Он не отверг это «третье начало», но и не стал его разрабатывать, ибо понимал, что наука, отрицавшая это начало в течение предыдущих веков, еще не готова была заняться такой проблемой. Последние ее открытия, возможно, и приближали ее к исследованию этого нематериального духовного начала, но пока, как считала традиционная наука, оснований для таких исследований не было. Он же только своей ссылкой на это «третье начало» соединил Космос с Землей самой надежной связью – духом, одной из отличительных особенностей человека – *Homo sapiens*, выше которого не было на Земле, и вместе с двумя другими началами утвердил его космичность. Вся жизнь теперь, во всем разнообразии ее форм и энергетических уровней, представлялась «вечным явлением космоса»². Это положение стало главной концепцией его работы над живым веществом. В связи с этим Вернадский писал: «Признавая биогенез, согласно научному наблюдению, за единственную форму зарождения живого, неизбежно приходится допустить, что начала жизни в том Космосе, какой мы наблюдаем, не было, поскольку не было начала этого Космоса. Жизнь вечна постольку, поскольку вечен Космос, и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры и до наших дней, верно и для всего бесчисленного хода времени космических периодов истории Земли. Верно и для всей Вселенной»³. Таким образом, сама жизнь показала ему дорогу в Космос. Ее загадка была там, где плыли бесчисленные светила и спирали туманностей принизывали беспредельное пространство. Он ввел жизнь, в самом широком смысле этого слова, в научную картину Космоса, и последняя изменилась, как по мановению волшебной палочки. Из безжизненного и холодного

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 84–85.

² В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 665.

³ Там же. С. 664–665.

пространства науки XVIII века Космос превратился в сверкающий мир таинственной жизни, в которой соединились все три начала – материя, энергия, дух. В ходе исследований проблем живого вещества он выявил в биосфере неизвестные доселе химические процессы и стал основателем новой науки, которая называлась биогеохимия.

В ноябре 1932 года он прочитал доклад на сессии Академии наук, в котором подвел итоги своих исследований. «Биогеохимия, – объяснял он, – научно вводит в этот закономерный стройный мир атомов, в геометрию Космоса, явления жизни как неразрывную часть единого закономерного целого. Связывая жизнь с атомами, биогеохимия логически неизбежно вводит явления жизни в круг тех проблем, которые выявляются структурой, организацией самих атомов, состоящих из более мелких закономерных единиц, охватывающих весь научно построенный мир. Мне кажется, что благодаря этому философское и научное знание биогеохимии очень велико, так как до сих пор в картине научно построенного Космоса жизнь исчезала или играла ничтожную роль. Она не была связана с Космосом как необходимое закономерное звено.

Это методологическое значение вхождения явлений жизни в атомную научную картину Космоса прежде всего сказывается в том, что отмечает одно из тех представлений, которые играли огромную роль в точном знании, представление о *механизме Вселенной* дает опору другому представлению – представлению об *организованности Вселенной, о ее порядке*, причем для понимания и работы над такой организованностью мы можем научно выдвинуть и научно использовать одно из ее проявлений, лежащее в основе учения о жизни, – понятие о живом организме.

Считаю нужным отметить, что, отбрасывая представление о механизме в структуре Космоса и вводя представление о *его организованности*, я предрешаю, считаю для научной работы нашего века удобным учитывать, что *научная картина мира не может быть сведена всецело к движению, даже в своем материальном выражении*. Еще недавно такое сведение являлось идеалом научной работы.

С этой точки зрения включение явлений жизни – через биогеохимию – в научную картину атомного строения Космоса приобретает значение и интерес не только для ученого, но и для философа, и для всякого образованного человека. Оно может развернуться в большую научную дисциплину»¹.

---

¹ Цит. по: Аксенов Г. Владимир Вернадский. С 369–370.

По всем данным этот доклад должен считаться историческим не только в пространстве науки, но и в более широком поле культуры человечества. Вернадский изменил своими исследованиями не только научную картину Космоса, но и ввел в новую теорию познания, в ее методологию, Космос в качестве главного гносеологического компонента. Новое научное мировоззрение получило мощнейший импульс для дальнейшего своего развития. То, что на глазах участников заседания совершался переворот в научном мировоззрении, уважаемые участники заседания не поняли или не захотели понять. Поняли, возможно, единицы, но они держались осторожно, осознавая, что идеология уже давно начала «съедать» фундаментальную науку. Он вновь остался в одиночестве. И в этом одиночестве мужественно продолжал свой космический путь, такой неясный и непонятный для его ученых коллег. «Ясно, – настаивал он, – что жизнь неотделима от Космоса, и ее изучение должно отразиться – может быть, очень сильно – на его научном облике»¹. И далее: «...жизнь есть не мелкое земное, но есть космическое проявление. В этой области можно отметить ряд проявлений жизни, заслуживающих сейчас внимания, причем часть их носит планетный характер, связана с Землей, часть же явно выходит за пределы планетного бытия, указывает на более общее положение жизни в Космосе»².

Выводы и идеи Вернадского, в связи с космичностью живого вещества и жизни, соответствовали той новой физике, которая начинала формироваться в результате последних открытий в ней. Идея космичности жизни открывала большие перспективы перед биологией и даже целым рядом гуманитарных наук. Она в значительной мере меняла и устаревшие подходы в науках о человеке и ставила совсем по-другому проблему его эволюции. Введение в науку парадигмы Космоса многое в ней меняло и не только в ней самой, но и в научном мировоззрении. «Мы подходим, – писал Вернадский, – к очень ответственному времени – к *коренному изменению нашего научного мировоззрения*»³. Оно переходило в космическое мировоззрение, в космическое мышление, и он, Вернадский, своими работами ускорял этот довольно сложный и нелегкий переход. Живое вещество было той субстанцией, через которую космическая энергия Солнца передавалась в кору планеты Земля и ее глубинные слои. Если бы живое

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 110.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

вещество отсутствовало на планете, то ее энергетика, а возможно, и особенности ее эволюции были бы совсем другими.

Эта космическая энергия, по его убеждению, еще более, чем само живое вещество, воздействовала на биосферу и более кардинально изменяла ее. Биосфера, утверждал он, «единственная оболочка планеты, куда проникает заметным образом космическая энергия, ее еще более живого вещества изменяющая. Главным ее источником является Солнце. Его энергия – тепловая, световая и химическая – наряду с энергией химических элементов есть первоисточник создания живого вещества.

Живое вещество проникает всю биосферу и ее в значительной степени создает. Оно аккумулирует энергию биосферы, главным образом тепловую и химическую энергию солнечных лучей, в химическую энергию земных атомов. Возможно, что известную роль играет радиоактивная энергия»¹.

В 1930 году он публикует одну из концептуальных своих работ – «Изучение явления жизни и новая физика», где ставит проблему человека как космического организма, обладающего разумом, который отличает его от всего живого вещества биосферы планеты. В силу этого разума и наличия в человеке сознания он, этот человек, занимает в иерархии живого вещества высокое положение. «Человеческий разум, – утверждает он, – и организованная им деятельность человека – меняет ход природных процессов в такой же степени, как меняют их другие известные нам проявления энергии, но меняет по-новому»².

И в живом веществе, и в проблемах самого человека Вернадский обращает внимание, в первую очередь, на энергетические процессы, ибо все они, так или иначе, были связаны с космической энергией, прежде всего Солнца. Его очень занимала энергетическая сторона во взаимодействии Космоса и земного живого вещества. Он считал, что эта сторона крайне важна в новом, космическом мировоззрении, ибо энергетические процессы в Космосе и в живом веществе Земли занимают значительное, а возможно, и основное место. Оброненное им однажды определение «энергетическое мировоззрение» теперь получало свое космическое подтверждение. Энергия живого вещества вела себя совсем по-другому. «В результате жизни, – писал он, – происходит не уменьшение свободной энергии в космической среде, а ее увеличение. В этом отношении жизнь действует обратно правилу энтропии»³.

---

¹ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 430.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 99.

³ Там же. С. 99–100.

Если энергия живого вещества ведет себя по-иному, нежели энергия всего остального, то энергия человека, как такового, обретает ряд качеств, отличающих его от общей массы живого вещества. Энергообмен человека с живым веществом Земли и Космосом намного интенсивней, чем у любых других форм живого вещества. В наступающий период существования живого вещества, по убеждению Вернадского, происходят энергетические изменения по всем его уровням и формам, однако у человека этот процесс наиболее заметен и таит в себе самые неожиданные проявления. Эволюционный период жизни человечества, который наступал на Земле, он назвал «энергетической эпохой», который знаменовал собой радикальные изменения в энергетике самого человека. Новая форма биогеохимической энергии, присущей человеку, была «связана, – как отмечает Вернадский, – с психической деятельностью организмов, с развитием мозга в высших проявлениях жизни <...> Его проявление в пределах человека вырабатывалось, по видимому, в течение сотен миллионов лет, но оно смогло выразиться в виде геологической силы только в наше время, когда *Homo sapiens* охватил свою жизнь и культурной работой всю биосферу»¹. Открытие новой формы биогеохимической энергии в человеке было важным этапом в развитии нового научного мировоззрения и требовало осмысления принципиальных ее особенностей. Непосредственная связь этой энергии с космической вносила радикальные изменения в характер самой жизни, уже не подвергая сомнению ее космичность. Эту энергию можно было бы назвать психической энергией, поскольку она была связана с психической деятельностью организма, с развитием в нем важнейших энергетических органов, таких, например, как мозг.

Связь вновь открытой формы энергии с культурой как бы объединяла воедино естественные и творческие процессы самого человека, придавая им ту космичность, которая была присуща живому веществу, в самом широком смысле этого слова.

«В пределах живого вещества в последнее десяти тысячелетие, – отмечал Вернадский, – вновь создается и быстро растет в своем значении новая форма этой энергии (биогеохимической. – Л.Ш.), еще бо́льшая по своей интенсивности и сложности. Эта новая форма энергии, связанная с жизнедеятельностью человеческих обществ, рода *Homo* и близких к нему, сохраняя в себе проявление обычной биогеохимической энергии, вызывает в то же самое время нового рода миг-

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 398.

рации химических элементов, по разнообразию и мощности далеко оставляющие за собой обычную биогеохимическую энергию живого вещества планеты.

Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать *энергией человеческой культуры* или культурной биохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу»¹. Если живое вещество создало биосферу планеты Земля, то мы являемся свидетелями и участниками творения нового типа земной сферы – сферы разума. И ее творцом является человек, обладатель новой энергии, связанный энергетическими нитями с Космосом и его творчеством. Ноосфера является следующей ступенью эволюции человечества, в котором участвует разум человека. Мысль Вернадского предвещала фундаментальные эволюционные изменения и новые возможности для человека. «С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа планета переходит в новую стадию своей истории. Биосфера переходит в ноосферу. Больше того, мы, видимо, выходим за пределы планеты, так как все указывает, что действие – геохимическое – разума, жизни цивилизованного человечества не остановится размерами планеты»². Каким образом это произойдет, сказать было трудно. Но идеи Вернадского о новой энергии, о новой сфере Земли, о выходе научного мышления за традиционные рамки, а самого человека за пределы планеты, на которой он обитает, включение в теорию познания, наряду с наукой, способов познания из духовного пространства человеческого творчества и многое другое – все это настораживало носителей традиционной науки, ущемляло их самолюбие и подрывало основы их научных, привычных концепций. Идеи Вернадского меняли теорию эволюции, которая установилась еще в XIX веке. Странный одиночка, у которого и последователей было – раз, два и обчелся, посмел поднять на все это руку. Он объявил, что эволюция присуща только живому веществу и что это вещество космично. Он стал исчислять человеческую историю в связи со всем этим «десятками, пожалуй, сотнями миллионов лет»³.

Для того чтобы понять или осознать идеи Вернадского, необходимо было выйти из рамок старого мировоззрения и принять то новое, что уже формировалось в пространстве науки на основе ее последних

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 398.

² Там же. С. 99.

³ Владимир Вернадский... (Открытия и судьбы). С. 282.

достижений и открытий. Нужно было менять устаревшие взгляды на материю, энергию, пространство-время и вводить в научную картину мироздания те явления, которые долгое время ей были чужды – дух, человеческое сознание и многое другое, не воспринимаемое до этого времени наукой. На Вернадского многие смотрели как на отщепенца и, поощряемые командой Деборина, обвиняли его в том, в чем он не был виноват. Главный труд его жизни – «Живое вещество» – был снят с издания в 1930 году. Его попытка опубликовать эту книгу через пять лет также потерпела неудачу. Идеологический заслон был непробиваем, а его враги беспощадны. В 1940 году он назвал эту работу «Биогеохимические очерки» и вынул оттуда статью «Начало и вечность жизни». Только таким образом, и то с большим трудом книгу удалось опубликовать. Термин «живое вещество» остался, но «не нес теперь фундаментальной космологической нагрузки»¹. Однако в своем предисловии к «Очеркам» он указал, что все они проникнуты «одной определенной идеей – идеей жизни как космической силы...»² «Научная общественность» приняла книгу более чем холодно. На нее не поступило ни отзывов, ни рецензий. Излюбленный метод – замалчивание – был пущен в ход в полную силу.

Несмотря на публикацию, а может быть, именно поэтому, с планов его лаборатории была снята тема живого вещества. Многие сотрудники, которые занимались этой проблемой, были уволены или арестованы.

Даже сейчас, несмотря на все изменения, которые произошли в России, эта тема «недиссертательна». Причина объясняется просто и лукаво. Сама проблема находится на стыке наук и не может быть защищена ввиду отсутствия соответствующего ученого совета.

Вернадский писал: «В моих хлопотах в связи с изучением живого вещества я ясно увидел, как трудно проводить новое и сделать ясным другим то, что мне ясно. Но тем более это нужно делать, и мое убеждение в значении моей работы и мысли только укрепилось»³. Несмотря на равнодушие, непонимание, а временами и враждебность официальной науки, он продолжал работать, стараясь не обращать ни на что внимания. Это давалось ему с трудом. И только полная убежденность в значении того, что он делал для человечества и для нового научного мировоззрения, придавала ему силы и уверенность. После «Живого

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 667.

² Там же. С. 668.

³ Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. С. 310.

вещества» он стал работать над книгой «Научная мысль как планетное явление», в которой изложил свои идеи о ноосфере. Она не будет опубликована при его жизни. Первое издание книги состоится только в 1977 году.

Он сделал доклад о ноосфере в Обществе испытателей природы. Там тоже не поняли, что такое ноосфера. История с живым веществом продолжалась. Рецензии и статьи в 80–90-х годах прошлого века, носившие благожелательный характер, были наполнены самыми странными утверждениями. В одной из статей мы читаем: «...эволюционный процесс индивидуального совершенствования практически закончился уже десятки тысяч лет тому назад. Ему (разуму. – Л.Ш.) придется создавать новые принципы этики и морали...»¹ Подобные заявления свидетельствуют о том, что те, кто пытался дать оценку трудам Вернадского, не обладал ни широтой кругозора, ни культурной подготовкой, которые были у автора. У некоторых современных ученых, работающих сейчас совсем в другой обстановке и мыслящих самостоятельно, идеи Вернадского возбуждают вопросы и предположения. «А как управляется человечество? – пишет доктор технических наук А.Л.Васильев. – Кто им руководит: Бог, Аллах, Будда, Высший Разум, пришельцы-инопланетяне, поставившие когда-то на планете Земля космический эксперимент и наблюдающие за его ходом, Глобальный Предиктор? Ведь кто-то же должен *вырабатывать* законы, заповеди, стандарты поведения человечества и *обеспечивать* их выполнение.

Можно предположить, что в начальной стадии своего существования человек “вписывался” в Природу и обеспечивалась саморегуляция (гомеостаз) между человечеством и остальными составляющими живого вещества: действовал хорошо отлаженный механизм Природы. Вопрос: “Как это было организовано?” – не снимается»². Несмотря на некоторую наивность в постановке вопроса, он задает глубинные проблемы космической эволюции человечества. Устаревшее научное мировоззрение могло ответить на этот вопрос просто: человек – «венец природы» – не нуждается в высшем руководстве и способен со всеми проблемами справиться сам. Нет ничего на Земле превыше Homo sapiens. Космическое мировоззрение, одним из основателей которого был Вернадский, таким прямолинейным и «плоским» ответом довольствоваться не могло. Новая научная картина Космоса содержала в себе

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 609.

² Там же. С. 651–652.

иной ответ, вмещающий в себя всю сложность космических процессов и новое в них положение живого вещества и самого человека.

Впервые (после Э.Леруа и П.Тейяра де Шардена) Вернадский употребил слово ноосфера в 1936 году. Он понимал это слово не только как сфера разума, но и включал в нее сознание. В конце XIX века в одном из писем к жене он написал: «Есть один факт развития Земли – это усиление сознания»¹. Эта мысль не покидала его и во время работы над проблемой ноосферы. Он не занимался специально вопросом сознания, но считал необходимым включить его в круг научных исследований. Сознание и разум были теми явлениями, которые отличали человека от остального живого вещества и ставили этого человека на высокую ступень планетной иерархии. Его эволюционной задачей являлось творение высшей сферы – ноосферы на Земле.

«...Создание ноосферы из биосферы есть природное явление, – писал Вернадский, – более глубокое и мощное в своей основе, чем человеческая история. Оно требует проявления человечества как единого целого. Это его неизбежная предпосылка»². Переход из биосферы в ноосферу является качественным изменением в эволюции Земли. В этом процессе действует эволюционная закономерность, описанная Вернадским – высшее в эволюции ведет низшее. На этой закономерности и работает природный процесс перехода биосферы в ноосферу. Сам человек был уже подготовлен к такому эволюционному действию миллионами лет своей известной и неизвестной нам истории. В его руках находился «инструмент», усиливающий и ускоряющий подобный процесс. Таким «инструментом» Вернадский считал научную мысль.

«На наших глазах биосфера резко меняется, – отмечал он. – И едва ли может быть сомнение [в том], что проявляющаяся этим путем ее перестройка научной мыслью через организованный человеческий труд не есть случайное явление, зависящее от воли человека, но есть стихийный *природный процесс*, корни которого лежат глубоко и подготавливались эволюционным процессом, длительность которого исчисляется сотнями миллионов лет»³. Таким образом, научная мысль и человеческий труд есть условие перехода биосферы в ноосферу. Беря в расчет высказанные Вернадским мысли и идеи, можно сказать, что земной этот переход есть определенная ступень в космической эволюции, как таковой. Ибо материально-энергетические процессы, идущие в биосфе-

---

¹ Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. С. 405.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 327.

³ Там же. С. 322.

ре, в живом веществе, всегда связаны с Космосом, в том числе и сам человек. Грядущая ноосфера будет иметь эти космические связи в более ярко выраженной форме и содержании. Что же касается сроков этого процесса, то Вернадский определяет их следующим образом: «Можно считать, что в пределах 5–7 тысяч лет, все увеличиваясь в темпах, идет непрерывное создание ноосферы и прочно – в основном без движения назад, но с остановками, все уменьшающимися в длительности, – идет рост культурной биогеохимической энергии человечества»¹. Дальнейшие сроки могут определяться теми условиями, которые необходимы для функционирования самой ноосферы. Одним из важнейших условий, по определению Вернадского, должна быть свобода мысли. Без свободы мысль теряет возможность творчества или ограничивается в творчестве жесткими рамками различных установлений и традиций. Мысль, как таковая, в науке не изучалась. Необходимость эта возникла только в XX веке, но не у всех. Вернадский немало размышлял о сути мысли, но размышления эти приносили ему больше вопросов, нежели каких-либо нужных выводов. «Мысль, – записал он в дневнике в январе 1936 года, – сознание из энергии и нематериальна. Но проявляется в материальной энергетической среде в пространстве-времени. Можно построить аналогию: материальные колебания – звуковые, ультразвуковые в разных средах разные. Максимальные скорости передачи разные. Энергетические передачи – максимальная скорость – скорость света. Передача мыслей – скорость больше скорости света.

В первом случае – материальные среды.

Во втором – эфир.

В третьем – сверхэфир»².

Но определение, данное им мысли, его не удовлетворяло. «Сознание из энергии и нематериально». Он снова вышел за рамки науки и вновь обратился к духовному знанию. Но то, что он там нашел, требовало научного объяснения. У него его не было, хотя он понимал, что такое объяснение не исключено. Во всяком случае, проявление мысли научно можно зафиксировать. Прошло несколько лет, которые ничего утешительного не принесли. И он отметил: «...перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен»³.

---

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста... Кн. 2. С. 108.

² Цит. по: Аксенов Г. Вернадский. С. 393.

³ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 185.

Много лет спустя после его смерти академик Н.Н.Моисеев напишет в одной из своих статей о Вернадском: «Мысль – это важнейшая составляющая мирового эволюционного процесса»¹. С чем нельзя не согласиться. И все-таки чисто интуитивно Вернадский, один из немногих, подошел не к научному, а скорее этическому определению мысли. «Какая важная вещь *гигиена мысли*. Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем. Надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя мысль отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густой стеной великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, когда кругом идет гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность»². В этих строчках мы слышим отзвук его трудного и подчас горького опыта. Он считал научную мысль основой ноосферы, ибо из всех способов познания она представляла собой единое явление, тесно связанное с научной революцией, со взлетом научного творчества в пространстве XX века. «Научная мысль – единая для всех, – писал он, – и также научная методика, единая для всех, сейчас охватили все человечество, распространились во всей биосфере, превращают ее в ноосферу.

Это новое явление, которое придает особое значение наблюдаемому сейчас росту науки, взрыву научного творчества»³. Он считал, что наука и научная мысль в рамках природного процесса организуют биосферу, превращая ее в ноосферу, и что эта научная мысль есть «новая геологическая сознательно направляемая сила»⁴. Для него наука служила тем объединяющим человечество началом, на которое могла опереться зарождающаяся ноосфера. Та ноосфера, главной тенденцией которой была устремленность к единству всего и всех – единству мира, единству научной мысли, единству исторического процесса, единству самого человечества. Синтез был основным магистральным направлением в складывании ноосферы, новой эпохи нового человечества. «...В XX в. одна единая научная мысль охватила всю поверхность планеты, все на ней находящиеся государства. Всюду создались многочисленные центры научной мысли и научного искания.

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 607.

² Там же. С. 126.

³ *Вернадский В.И.* Труды по философии естествознания. С. 366.

⁴ Там же. С. 325.

Это – первая основная предпосылка перехода биосферы в ноосферу. На этом общем и столь разнообразном фоне разворачивается взрыв научного творчества XX века, не считающийся с пределами и разграничениями государств. Всякий научный факт, всякое научное наблюдение, где бы и кем бы они ни были бы сделаны, поступают в единый научный аппарат, в нем классифицируются и приводятся к единой форме, сразу становятся общим достоянием для критики, размышлений и научной работы»¹. В ноосферную науку он включал новое научное мировоззрение, новую систему познания, новое космическое мышление. Его ноосферная наука была синтезом эмпирического и духовного познания, а ученые, ее представлявшие, обладали той мерой ответственности и нравственности, которые бы не позволили использовать их открытия для разрушений, войн и уничтожения людей. По его твердому убеждению, с войнами должно быть покончено. Трактовки его ноосферной идеи до сих пор самые противоречивые. Одни считают, что ноосфера уже состоялась, другие – что только формируется, третьи – что ноосферы вообще быть не может и к научной реальности она никакого отношения не имеет. Эти разноречивые мнения о ноосфере, к счастью, никакого действительного влияния на формирование самой ноосферы не имеют, ибо остаются лишь мнениями. Сам же эволюционный процесс создания ноосферы продолжается. В XX веке начался ее самый трудный и сложный период, когда в смертельной схватке сошлись силы света и тьмы, добра и зла, разума и безумия. Таким процессом в истории человечества сопровождалась все эволюционные переломы, связанные с появлением новых мировоззрений, новых знаний, новых эволюционно устойчивых форм. Он коротко и точно дал характеристику этой ситуации. В 1938 году он писал: «Мы стоим сейчас перед готовыми к взаимному истреблению многочисленными государственными организациями – накануне новой резни. И как раз в это время, к началу XX в., проявилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – *научная мысль*, переживающая небывалый взрыв творчества»².

Его предчувствия оправдались. «Новая резня» началась в 1939 году и достигла России в июне 1941 года. Ему предстояло пережить Великую войну такого масштаба и такой губительной силы, которых человечество никогда не знало. Совпадение этой «новой резни» с процессами перехода биосферы в ноосферу не было случайным. В самом

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 364.

² Там же. С. 352.

начале войны он записал в свой дневник (26.08.41): «Сегодня я ярко чувствую “мировой” стихийный процесс – *зарождение* в буре и грозе *ноосферы*»¹. С этого момента он будет увязывать все крупные события войны с «зарождением ноосферы». Для него она станет реальностью, которую он уже не подвергал сомнению. «...Для меня, – он снова записывает в дневнике (6.10.41), – ноосфера – не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение»². В разгар Сталинградской битвы он предсказал победу Красной Армии. И эта победа «явится началом новой эры – в буре и грозе родится ноосфера»³. В декабре 1942 года Вернадский записал в свой дневник: «Начало ноосферы. Какой переворот пережит! Чувство единства всего человечества»⁴. В 1943 году он получает Сталинскую премию за свои исследования в области естественных наук. В марте этого года отсылает телеграмму Сталину. «Прошу из полученной мною премии Вашего имени направить 100 000 рублей на нужды обороны, куда Вы найдете нужным. Наше дело правое и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – нового состояния области жизни, ноосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится геологической планетной силой. Академик В.Вернадский»⁵. Трудно сказать, была ли какая-либо реакция Сталина на ноосферу и понял ли он, что имел в виду великий ученый, когда писал о «новом состоянии области жизни». В мае Вернадский отправляет письмо в Соловецкий лагерь П.А.Флоренскому. «Очень я надеюсь, что мы с Вами доживем до <...> новой эры человечества – ноосферы»⁶. Он отправляет это письмо за два месяца до начала грандиозной битвы на Курской дуге, которая изменила весь ход Великой войны – победа Советской Армии стала неизбежной.

Все эти записи и письма со всей убедительностью свидетельствуют, что он связывал нашу Победу в Великой Отечественной войне с началом ноосферы. Он считал формирование ноосферы космическим процессом. И такой же характер для него носили битвы, разворачивающиеся на полях России. И еще одно совпадение присутствовало во всем этом. Древние священные книги Индии повествовали о периодической смене эр на Земле. И Великая война, и начало ноосферы совпали с переходом одной эры в другую. Кали Юга переходила в Сатья Югу.

---

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 602.

² Там же. С. 603.

³ Вернадский В.И. Размышления натуралиста... Кн. 2. С. 180.

⁴ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. С. 608.

⁵ Там же. С. 611–612.

⁶ Там же. С. 613–614.

Эра Зла – в Эру Справедливости. Как бы в едином фокусе в пространстве России сошлись Великая война, новая наука, глубокая древность. Сошлись в космическом процессе невиданной силы и размаха, решавшем будущее планеты Земля.

Все творчество Вернадского, его идеи носили опережающий характер, и начало ноосферы не означало ее немедленного наступления. Время «бури и грозы» продлится на Земле еще немало лет. И эти годы станут решающими для исхода схватки между новым и старым, светом и тьмой, добром и злом. Новый эволюционный виток, в который входила Земля, диктовал новые условия и новые подходы к устаревшим догмам и истинам. Не все были готовы пойти навстречу такому вызову космической эволюции.

Идея ноосферы требовала переоценки и земного исторического процесса, пересмотра устоявшихся взглядов и известных фактов, осмысления того, что раньше проходило мимо внимания, а сейчас оказалось на поверхности важнейших событий. «...Впервые в истории человечества, – писал Вернадский, – мы находимся в условиях *единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты*. Как раз закончились сложные, частью в течение ряда поколений независимо и замкнуто шедшие исторические процессы, которые в конце концов в нашем XX столетии создали *единое, неразрывно связанное целое* <...> И, может быть, главное – материальная, реально непрерывная связанность человечества, его культуры – неуклонно и быстро углубляется и усиливается. Общение становится все интенсивнее и разнообразнее и постояннее»¹. Понимая хорошо, сколь важен исторический процесс в формировании такого явления, как ноосфера, он переосмысливает его с точки зрения единства участвующих в нем сил. Он считал, и, возможно, справедливо, что на планете, наряду с единством науки, научной мысли, сложилось единое поле исторического процесса, где части, его слагающие, находятся в непрерывном общении. Исторический процесс охватил собою всю биосферу и находился, в силу такого обстоятельства, в пространстве постоянного энергообмена. Эти наблюдения заставляют его задуматься, а что же собой представляет исторический процесс, в котором участвуют природные силы, такие, как энергия и связанная с ней миграция атомов. Он обсуждает этот вопрос с сыном Георгием, к тому времени уже известным историком, работающим за рубежом. И в одном из писем сыну

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 366.

пишет: «Я очень рад, что ты очень ярко и просто выразил мою мысль о ноосфере как синтезе природного и исторического процесса»¹.

Что же касается самого исторического процесса, он приходит к очень важному выводу, который был поддержан буквально единицами в ученом мире. «...Ход истории научной мысли, – писал он, – выступает перед нами как природный процесс истории биосферы.

Исторический процесс – проявление всемирной истории человечества, выявляется перед нами – в одном, но основном своем следствии как природное, огромного геологического значения явление.

Это не учитывалось в истории научной мысли, как неотделимый от нее основной ее признак»². Иными словами, исторический процесс есть природное явление «огромного геологического значения». В силу такого обстоятельства историю можно скорее отнести к естественным наукам, нежели к гуманитарным. Таким образом, в пространстве ноосферы соединялось ранее несоединимое – природа биосферы и история человечества.

В XX веке произошли радикальные изменения не только в научной мысли или научном мировоззрении, но и в других областях человеческого знания – в философии, религии, искусстве. Природный процесс космической эволюции действовал в определенном ритме, и этот ритм как бы вел за собой те изменения, которые происходили в историческом процессе и культуре земного человечества. Вернадский интуитивно ощущал в этом ритме циклы: подъем – упадок. Ему не хватило жизни, чтобы научно объяснить эти странные движения эволюционной волны и ее таинственный, до поры, смысл.

Теперь трудно переоценить все, что было сделано гениальным ученым, «Фаустом, жившим под псевдонимом В.И.Вернадский». Он сыграл выдающуюся роль в формировании нового научного мировоззрения и новой системы познания, противопоставив старому механистическому мировоззрению энергетическое. Он изменил научную картину Космоса, введя в него феномен жизни и связав космические процессы с земными. Он был одним из великих в блестящей плеяде творцов российской Духовной революции – ученых, художников, поэтов, музыкантов, философов, религиозных деятелей – которые, несмотря на величайшие трудности, а нередко и смертельные опасности, ковали новое мышление человечества, которое называлось космическим. В его идее ноосферы мы находим прозрение нашего будущего, на

---

¹ В.И.Вернадский: Pro et contra. С. 624.

² Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 334.

шего нового эволюционного витка и нашей новой эпохи. В строках его научных работ, в словах, произнесенных им, мы слышим отзвук того грозного переходного времени, в котором ему выпала судьба работать и жить. Доклад, сделанный им в Академии наук в самое неблагоприятное время, заканчивался следующими словами: «Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равным которым не владели даже поколения наших предков. Может быть, нечто подобное было в эпоху зарождения эллинской научной мысли, за 600 лет до нашей эры.

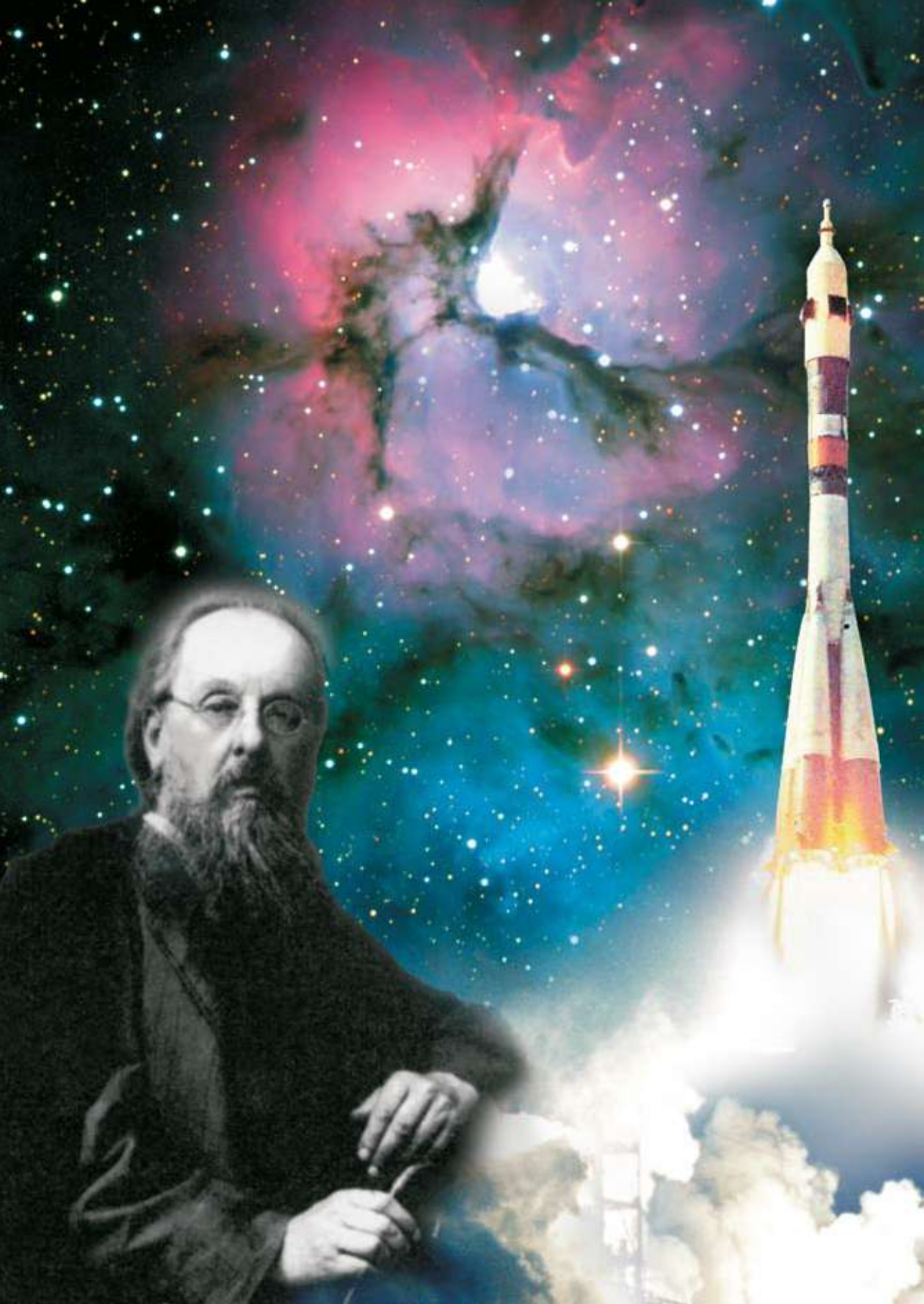
Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее, – мы должны быть счастливы, что суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать.

Мы только начинаем сознавать непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы Homo sapiens, человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которого впереди. Оно этим переломом нежданно быстро к нам продвигается»¹.

Никакие исторические обстоятельства, никакие угрозы и опасности не заставили его отказаться от того, что он говорил человечеству и что сам, во имя его, выстрадал. Он прожил свою «параллельную жизнь» в Крыму, когда вокруг грохотала гражданская война. Там, в той жизни, ему все было сказано. В этой жизни и в этой стране он медленно горел на костре непризнания, грубых нападок, клеветы, замалчивания и невежественных поношений. Каждый выбирает свое. И он сделал свой выбор, потому что это была его страна, его народ...

---

¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 196.

2. «И Я ЗАЖЕГ ЭТОТ ОГОНЬ»

Биографии великих людей – это прежде всего борьба, жгучая борьба, беспощадная война за новое, доселе неслыханное и невиданное, которому всегда противится все старое, уходящее, отживающее. Это борьба двух начал – огня и воды, двух разных физиологических существ – юного и старого, двух интеллектуальных основ – идущих вперед и отстающих.

А.Л.Чижевский

Мы живем более жизнью космоса, чем жизнью Земли, так как космос бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе и времени.

К.Э.Циолковский

...К.Э.Циолковский предстал передо мной – не фантазером, не дилетантом, а непонятой и неожиданной человеческой громадой. Он открылся мне скакой-то оглушающей, космически страшной силой, и я увидел то, чего просто не предполагал даже увидеть, ибо считал его эрудированным, даже талантливым человеком, а столкнулся с каким-то огромным ментальным знанием и необычайной, пронизывающей интуицией, потрясшей всего меня, как небесный гром.

А.Л.Чижевский

Подобно библейским героям, посланникам свыше, К.Э.Циолковский пришел к людям возвестить начало новой космической эры.

Л.В.Голованов

« – Подследственный Циолковский, к какому политическому лагерю вы принадлежите? Вы с бородой, почти все эсеры с бородой... Отвечайте.

– Мои политические убеждения зависят не от моей бороды, а только от моего желания и парикмахера, которому я не разрешаю стричь ее по его усмотрению. Это во-первых, во-вторых, очевидно не все эсеры носят бороды, и, в-третьих, Ленин тоже носит небольшую бородку...

– Не отвлекайтесь в сторону. Расскажите о вашей политической платформе.

– Я знаю только то, что существуют железнодорожные платформы, о других платформах я ничего не слышал...

– Ну, вот необразованный какой! Вы – семинарист?

– Увы, нет, даже не семинарист, я прошел только четыре класса.

– Вы, значит, не сын попа и сами не поп?

– Верно, ни то ни другое.

– А что же вы такое?

– Я учитель, математик и изобретатель. Я – самоучка.

– То-то и видно, что изобретатель... Что же вы изобретаете?

– Металлические дирижабли на тысячу человек, самолеты на сотни и ракеты для исследования мирового пространства...

– Ого... го... го... Но сами вы не летаете? Нет. Сидите дома.

– Теперь даже не дома, а в тюрьме.

– Это верно. Все же расскажите о вашем отношении к партии большевиков.

– Ну, так бы вы и спросили, это – ясно. Видите ли, я отношусь к большевикам хорошо, а вот почему они меня арестовали, я не знаю и прошу вас разобраться в этом. Я не вор, не жулик, не убийца, не враг большевиков, а их друг.

– Ну, насчет друга – это мы сами разберемся. Нечего рассказывать!

– Не тяните канитель, – сказал, наконец, второй [следователь].

– Я надеялся, что с приходом большевиков моя научная деятельность получит поощрение и подкрепление, так как все мои труды я отдаю народу. Я всю жизнь работал не разгибая спины... Как вы думаете, для чего я работал? Для обогащения? Нет, я всегда был бедняком, жил с семьей в голоде и холоде, за мои сочинения и изобретения меня все ругали и ругают, потому что я в своих трудах опередил развитие техники лет на сто, а то и больше. Вы понимаете, что значит: *опередить*? Это значит, что труд, который я опубликовал, например, в 1903 году, будет понят только в 2003 году, т.е. через столетие, а когда его поймут, тогда и воспользуются моими формулами и построят космический корабль для полета на Луну, Венеру или на Марс. Вы понимаете: мы, люди, не должны считать, что только одна Земля, наша колыбель, хороша, надо пойти поохотиться в недрах Вселенной. Там много света и энергии, которая может сделать человека, человека будущего, счастливым, здоровым, несметно богатым. Каждый человек будет несметно богат – вы, большевики, должны понять это. Не о денежном богатстве я говорю, а об энергетическом. Человек может, по моей теории, завоевать большие участки мирового пространства с таким количеством

лучистой энергии и других видов энергии, что за него все будут делать машины, а он будет только управлять ими и блаженствовать. И тогда будет установлен одночасовой рабочий день.

– Это где? На Луне, что ли?

– Сперва такой короткий рабочий день установят на Земле, а потом и на других планетах, где будут людские поселения... Таким образом, я хочу, чтобы вы поняли меня: я работаю на благо рабочего люда, я хочу, чтобы все люди жили в хороших условиях, брали от природы все, что она может дать. А дать она может много, очень много, только бы научиться брать у нее то, что человеку нужно.

– Какому?

– Ну, конечно, русскому.

– Не русскому, а советскому, русского народа теперь нет, есть советская власть и советский народ. Продолжайте <...>

– Вы, большевики, являетесь прямыми представителями народа и потому можете считать, что я всю жизнь ждал вас, хотя и не знал вас, даже не догадывался, когда вы придете. Теперь вы пришли, но почему-то не спросили меня: что мне нужно, чтобы мои изобретения принесли пользу народу и сделали бы его непобедимым. Вы совершили большую ошибку, что не пришли ко мне с таким вопросом, а вместо этого вы пришли ко мне с ружьями и показали мне ордер на арест. Право, я не ожидал этого от представителей народа. Понимаете ли вы меня?

– Ну, ясно, понимаем! Продолжайте...

– Я всегда считал и теперь считаю, что моими знаниями и творениями я служил народу, в это я верю и сейчас, несмотря на то, что сижу в узилище по какому-то злому навету. Злым и тупым должен быть тот человек, который заподозрил меня в чем-то антигосударственном, антибольшевистском. Я даже не могу себе его представить.

– Оставьте эти разговоры... Продолжайте рассказ об отношении к большевикам.

– Хорошо. Продолжаю. Я хочу, чтобы вы поняли меня верно.

– Один час работы в день – неосуществимые обещания! Нам теперь нужны не обещания, а реальные дела, а вы все фантазируете. Прошу вас прекратить это, и рассказывайте о ваших контрреволюционных делах!

– Да таких дел никогда не было и нет»¹.

Наконец его отпустили.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. М., 1995. С. 77–79.

Описанное выше произошло в 1918 году. Ночью к неказистому деревянному домику Циолковских подошли пять вооруженных человек. Один из них громко и бесцеремонно постучал в дверь. Вошли громко разговаривая и стуча сапогами. Проснулась жена Варвара Евграфовна и дети. Начали обыск. Перетряхивали постельное белье, перелистывали книги и рукописи, перерыли ящики в шкафу и комод. Изъяли календари за десятки лет, на которых были царские портреты.

– Одевайтесь, – коротко бросил старший Константину Эдуардовичу. – Поедете с нами.

Его привезли в Москву, на Лубянку, где размещалась ЧК, и поместили в камеру. «Холодная тюрьма, – позже рассказывал Циолковский Чижевскому, – полумрак, одиночка с “глазком”, с железной дверью и прикованной к стене кровати. Окно с решеткой у потолка <...> Не думайте, что я был свободен от каких-либо необоснованных подозрений! Отнюдь нет. Я был несколько раз подвергнут разрушающим ум и душу допросам. Их было двое, я один. Мне была предложена табуретка. Они сидели на мягких стульях с удобной спинкой. Курили махорку. Дело было зимой, и в холодной комнате носились сизые волны махорочного дыма. Меня мутило, спина начинала ныть»¹.

Он вернулся домой полубольной, голодный и убитый всем случившимся. Жена, увидев его, заплакала тихо и горестно. Так начался для великого Циолковского первый год советской власти. Могло быть и хуже. Он был уверен, что на него донесли. Но зачем и для чего? Только потому, что он был пронзительно беден и ходил в латаных брюках? Или потому, что не был похож на других ни в мыслях, ни в поступках? А может быть, потому, что был устремлен в звездное небо и грезил им? Или кому-то помешали его дерзкие мечты о полете человека в Космос? Он знал, что многие в Калуге его не любили, но не до такой же степени, чтобы отправлять в тюрьму, где его подвергли чекистским изнурительным допросам. Он не мог поверить, что кто-то мог сделать такое, так же, как не верил людской подлости, зависти и желанию причинить ему вред без всяких оснований. Он не верил этому, но когда ему под напором обстоятельств приходилось верить, думал, что его сердце не выдержит такого. Ему мстили за мечту, которую по своей серости и невежеству не понимали, его порой ненавидели за то, что он занимался, как казалось остальным, бесполезным делом, строя модели каких-то летательных аппаратов, и писал о заселении Космоса человеком.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 76–77.

Его презирали за неизбывную бедность, в то же время чувствуя, что за этим что-то кроется, им недоступное и более высокое, чего никогда не достичь им со своей сытостью и благосостоянием. Им, обывателям города, было неясно, почему же все-таки, несмотря ни на что, его голова возвышалась над их безликой толпой, устремленная туда, о чем эта толпа даже не подозревала. Он чувствовал ее стихийную враждебность, но не мог ничего с ней поделать... По Калуге о нем ходили самые дурные, а подчас чудовищные слухи. А.Л. Чижевский, близкий друг Циолковского, пишет в своих воспоминаниях:

«Этот, говорили мне, калужский абориген, выживший из ума человек, полуграмотный невежда, учитель арифметики у епархиалок (какой ужас), какая постыдная должность – у епархиалок, т.е. у поповских дочек, ничего не понимающий в науке, в астрономии или в механике, берется за решение неразрешимых задач, над которыми бились умы знаменитых профессоров. Этот, с позволения сказать, учитель приготовительного класса сует свой нос в области, к которым он не имел и не имеет ровно никакого отношения, – высшую математику и астрономию! Да ведь это же курам на смех! <...> Позор городу, в котором живет человек, распространяющий никчемные фантазии по всей стране. Ведь он печатает за свой счет десятки брошюр толщиной в несколько страниц и рассылает их бесплатно во все концы России. О чем только думает начальство?»¹ И далее:

«Этот всезнайка Циолковский является на фоне нашего города весьма непривлекательной фигурой. Почти без всякого образования, самоучка, едва-едва разбирающийся в арифметике, возмечтал стать великим человеком и проектирует какие-то сногшибательные ракеты на Луну и чуть ли не на Марс. Нельзя же допускать, чтобы каждый маньяк и параноик мог печатать тонюсенькие брошюрки и туманить ими мозги нашего юношества»². И это о Циолковском, который прославит не только Калугу, но и всю Россию, чей памятник будет стоять в центре Калуги, а Музей истории космонавтики его имени на берегу Оки получит мировую известность.

Пример с Циолковским – самый убедительный и пронзительный факт человеческой слепоты и неразвитости сознания. Драматическая проблема великого человека и толпы, его окружающей, встает во весь свой исторический рост. И делает этого великого бессмертным, а толпу предаёт достойному ее позору и забвению. Но это результат. А пока

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 188.

² Там же.

великий человек несет крест своей миссии на Голгофу всеобщего непризнания и неприязни. И своей судьбой, и своей жизнью подтверждает страшный и таинственный закон, действующий в мире плотной материи.

«Высокое благородство души К.Э.Циолковского, – писал Чижевский, – с трудом выносило окружающую его обстановку: тупость провинциальной жизни, мелкое мещанство, людей в футлярах, чиновников и бюрократов, которые смотрели на него сверху вниз и пользовались всяким случаем, чтобы указать ему “дистанцию” между ними и им – вольнодумцем, фантазером и “бездельником”! Трудно ему было всю жизнь прожить в провинции, где знали его уже десятки лет и где за ним по пятам ходили самые ложные и нелепые слухи. Все жители Калуги знали его в лицо. Все знали, что он добрый, хороший человек, что он никогда никого не обижал и не обидит и что уже по одному этому признаку он должен считаться большим и уважаемым человеком. Но было как раз наоборот. Его добро принимали за слабость, его благодушие – за малодушие, его благожелательность считали напускной и не верили ей. В сумме все мнения калужан сводились к тому, что К.Э.Циолковский “бездельник” и фантазер, а потому не заслуживает снисхождения, и судили его судом строгим и несправедливым»¹.

Ну а что же сам Константин Эдуардович? Как относился ко всему этому?

«К сожалению, мне пришлось испить чашу горького непонимания и недооценки до самого дна, – скорбно повествовал Константин Эдуардович. – Я сыт надругательством и недоброжелательством ко мне и буду им сыт до самой смерти <...> Я должен был оправдываться перед людьми, что позволяю себе иначе мыслить, что ратовал за самолеты тяжелее воздуха, за металлический дирижабль, бесколесные поезда, космическую многоступенчатую ракету и многое, многое другое. Люди утверждали, что этого я, простой смертный, не сошедший с Олимпа, не имел права делать, а потому Зевс Громовержец покарал и будет неустанно карать меня за мое великое зазнайство...»² «Итак, – продолжал Константин Эдуардович, – я был виноват уже тем, что существовал. Об этом мне без усталости повторяли все, кому было не лень. Меня обвиняли в бездеятельности, хотя я работал от зари до зари, но под деятельностью понимали службу царю и отечеству, а не размышления над теорией о полете ракеты. “Вы могли бы вдвое больше

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 189.

² Там же. С. 192.

зарабатывать – вдвое, поймите, вдвое больше, если бы не сочиняли ваши сочинения, – говорили мне. – Это – первое. Вы могли бы принести семье больше денег, если бы не тратили их на печатание ваших сочинений. Во-вторых, вы могли бы пользоваться всеобщим уважением, если бы не развивали вздорных завиральных идей, которые портят вашу жизнь и умаляют ваш авторитет. Подумайте над этими словами, и вы сами одобрите их!” Так учили меня, когда мне было двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят и более лет. Подобно пригостишке, я должен был выслушивать эти речи от боровских и калужских учителей, попов, чиновников, баб в салопах и чепчиках, от так называемых здравомыслящих граждан. Все говорили мне об одном и том же – пора, дескать, тебе взяться за ум, не позорить семью и добывать деньги <...> Мне никто не помогал, а только попрекали, бросали меня в грязь и смешивали с ней. Один неглупый батюшка нередко захаживал ко мне и всякий раз говорил: “Не забывайте, Константин Эдуардович, что вы живете не в Америке, а в России, где вас могут совершенно зря продать за чечевичную похлебку, сгноить в тюрьме, уничтожить. Вам следовало бы публично очиститься от всякой скверны, отречься от своих убеждений, которые всеми признаются заблуждениями, и перестать дразнить быков красным плащом матадора!”»¹

Батюшка был не только неглуп, но и лукав. Он как будто заботился о Циолковском, а в то же время настоятельно советовал ему «публично очиститься от всякой скверны, отречься от своих убеждений». Церковь осторожно протягивала свою руку к новому космическому мировоззрению, стараясь устранить его в самом зачатке. Потом она станет делать это более открыто и настойчиво, чем тогда при царе. Батюшка вел себя более тактично при этом, чем те калужане, которые своими советами унижали и оскорбляли Циолковского.

В силу своего характера ему было трудно защищать себя, да он и не стремился этого делать. По своей натуре он был доверчив и чист в отношении к людям и не ожидал от них того, что они предпринимали против него. То, что человек может говорить одно, а делать другое, повергало его в шок, и он никак не мог понять, что так можно поступать. Он был предельно честен и полагал, что остальные люди такие же. Поэтому его было легко обмануть, что случалось с ним не однажды. Ему были чужды всякого рода дипломатия и обходные маневры. Его бесхитрость и полная неспособность к интриге стави-

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 193–194.

ли его иногда в довольно тяжелое положение, из которого выводило его только мужество и непоколебимая вера в человека, как такового. Ему было трудно распознавать людей, и он нередко совершал ошибки, ибо думал о людях лучше, чем они были на самом деле. Человек высочайшей нравственности, он никогда не пытался «урвать кусок» для себя, каким бы этот «кусок» ни был. Единственно на что он претендовал – это возможность работать над своими идеями во имя человечества, а также доводить их до других. Ему было трудно жить среди людей с его безграничной доверчивостью, но он терпеливо сносил их выходки и поступки, их подлость и клевету. Он никогда не позволял своему внутреннему возмущению вылиться наружу. У него не было ни близких друзей, ни добрых знакомых, с которыми он мог бы откровенно, без утайки поделиться своими идеями, а иногда и переживаниями. Такого друга он обрел только после знакомства с Александром Леонидовичем Чижевским, который стал не только его другом, но и единомышленником, сыгравшим значительную роль в формировании нового космического мышления. Для тех же, кто жил с ним рядом, видел его и разговаривал с ним, он продолжал оставаться чужаком и фантазером, не заслуживающим их особого внимания. Может быть, поэтому так мало о нем осталось сведений, которые мы могли бы назвать свидетельствами. Обращаясь к живому, человеческому материалу об этом великом и уникальном человеке, я в первую очередь использую то, что оставил нам его друг и ученик А.Л.Чижевский. Именно он, глубоко уважавший, любивший и безмерно ценивший Циолковского, зорким взглядом ученого и поэта сумел разглядеть последнего во всем его духовном богатстве, разносторонности, трагичности и, наконец, истинной гениальности.

«Константин Эдуардович, – пишет Чижевский, – был выше среднего роста, худощавый и лишь по мере старения несколько расплнел. Слегка сутулился, особенно когда работал за столом. Но чаще всего он писал на фанерном листе, положенном на колени. Писал карандашом, под копирку, чернилами – реже. Ходил медленно и спокойно. В движениях был уверен и прост. Хорошо и быстро ездил на велосипеде – до глубокой старости. Но любил и гулять, всматриваясь в окружающую природу. Великие умы часто занимали себя какой-либо механической работой. Спиноза шлифовал стекла, Монтестье огородничал, Толстой ходил за плугом, Павлов играл в городки, Циолковский же любил слесарную и столярную работу. Лицо его было исключительно выразительно: выпуклый лоб, обрамленный седыми волосами, тонкими,

слегка вьющимися, легкими как пух; глубокие серые и очень добрые, приветливые, слегка улыбающиеся глаза; крупный нос и большая борода завершали его своеобразный облик. Такими мы представляем себе да Винчи, Тициана или Галилея. Вследствие глухоты он был всегда как бы насторожен, очень внимателен и смотрел собеседнику прямо в глаза, в лицо. Это помогало ему понимать недослышанное. За долгую жизнь он изучил разнообразные изменения черт человеческого лица и угадывал по этим чертам мысли собеседника. Несколько раз он порадовал меня неожиданной пронизательностью»¹.

«Одевался он всегда просто, но очень опрятно. Русская белая рубаха и черные в серую полоску штаны, шляпа и черный плащ с позолоченными застежками в виде львиных голов составляли его летнюю одежду»².

«Константин Эдуардович обладал глубоким, мягким и звучным голосом, к котором чувствовалась его постоянная доброжелательность. Он говорил просто, понятно и образно, убежденно и убедительно. Не имея дара оратора, он обладал даром большой человеческой искренности, которая рождается с человеком и которую нельзя приобрести ни стараниями, ни упорством. Это не было искусством: сама природа наделила его этим редчайшим благоухающим даром бесконечной доброты к людям»³.

И еще: «...он говорил хорошо, но негромко, без всякого пафоса, даже тогда, когда говорил на излюбленную тему – о космических путешествиях в кабине ракетного корабля и о грядущих завоеваниях космических тел. И тем не менее под покровом большой простоты скрывалась натура, пылающая внутренней духовной страстью, натура первооткрывателя, увидевшего своим орлиным взором то, чего еще никто не видел, и очарованного этим величественным зрелищем. Человек, маленькое, еле видимое на расстоянии одного километра существо, должен стать гигантом, завоевателем космических бездн»⁴.

И еще хотелось бы привести два высказывания Чижевского, в которых он дает общую оценку личности Циолковского и его труда. «Под скромной внешностью учителя, тихого и доброго человека, скрывался громокипящий дух, безудержный полет творящей, созидающей и проводящей мысли, опередившей своих современников и потому

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 66.

² Там же. С. 67.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 68.

непризнанной вплоть до старости! Он умел дерзать. Не имея ни чинов, ни орденов, ни научных званий, ни ученых степеней, он был значительнее и выше многих своих современников, которые в него бросали камни...»¹

И далее: «Личность К.Э.Циолковского с каждым днем приобретает все большее и большее значение в связи с тем, что его предвидения, его гениальная интуиция, его научные труды в области ракетной техники и космонавтики буквально покорили весь мир, и имя его стало именем нарицательным, как имена ученых, опередивших творениями свой век»².

Эта мысль Чижевского о том, что Циолковский опередил свой век и свое время, представляется мне глубокой и справедливой. Именно опережение своего времени поставило Циолковского в то трудное и тяжелое положение, которое сопровождало его всю жизнь. В эпоху классической и традиционной науки, механистического мировоззрения он совершил отважный прорыв в будущее, принеся человечеству весть о кораблях, уходящих в таинственные глубины Космоса, о новой космической эре.

Его философская книга «Монизм Вселенной» вышла в 1924 году. Наряду с разносными рецензиями мы видим и другие. Вот одна из них, подписанная инициалами Д.Б.: «Вы говорите о вечной, сложной жизни космоса. Я не вижу тут и доли мистики – ничего, кроме научного знания. Вы заставляете человека жить сознанием космоса, повергаете его в восторг от созерцания бесконечной жизни мира. Вы правы: знание жизни Вселенной, понимание себя как ее части дает человеку радость и спокойствие. Одно лишь вырывается по прочтении вашей книги: к знанию, к светлому, великому будущему человека!..»³

Тех, кто понимал Циолковского и поддерживал его при жизни, были единицы... Так получилось, что жизнь Циолковского оказалась куда труднее и тяжелее, чем у других известных и великих людей России. Возможно, в такой его судьбе была заключена какая-то тайна, которая со временем откроется. Но это случится тогда, когда мы начнем пристально вглядываться в таких людей, размышлять об их творчестве и судить о них как о части единого великого Мироздания, несущего в своих сокровенных процессах информацию о них. Их эволюция до сих пор остается скрытой от нас, их предназначение и миссия –

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 199.

² Там же. С. 31.

³ Циолковский К.Э. Гений среди людей. М., 2002. С. 189.

неизвестными. Скупые сведения о событиях их жизни и их поступках, корни которых уходят в невидимые глубины их внутреннего мира, до сих пор недоступны для нашего постижения их реальной сути.

Константин Эдуардович Циолковский родился в 1857 году в Рязани в семье мелкого чиновника. Семья была большая, многодетная и все время нуждалась. Скучной зарплаты отца хронически не хватало, чтобы содержать ее в достатке. Судьба начала преследовать Циолковского с самого детства. Когда ему было 10 лет, он простудился, катаясь зимой на санках, долго болел, с трудом выздоровел, но остался глухим. «...Отсутствие ясных звуковых ощущений, разобщение с людьми, унижение калечества – сильно меня отупили»¹, – вспоминал он. Самым трагическим для него было то, что он в таком состоянии не смог продолжать учебу. С трудом закончив 4-й класс, он оказался выброшенным за борт какой-либо системы образования и был предоставлен самому себе. Несколько позже он увидел в этом недостатке и другую сторону, которая повлияла самым решительным образом на всю его жизнь. «Глухота, – писал он, – заставляя непрерывно страдать мое самолюбие, была моей погонялой, кнутом, который гнал меня всю жизнь и теперь гонит, она отделила меня от людей, от их шаблонного счастья, заставила меня сосредоточиться, отдаться своим и навеянными наукой мыслям. Без нее я никогда бы не сделал и не закончил столько работ»². Циолковский с самого детства проявлял признаки богатой, но странной одаренности, которая как-то с трудом воспринималась, а скорее не воспринималась теми, кто его окружал. В 9 лет он, неожиданно даже для себя, стал мечтать о невесомости и прыгал с забора, чтобы оторваться от земли и полететь. Полетов не случилось, а некоторые последствия таких прыжков долго давали о себе знать. После того, как он потерял слух и нормальная учеба для него закончилась, он стал много читать и обнаружил для себя много необычного. «Я узнал, – пишет он, – о расстоянии до Солнца. Очень удивился и всем об этом сообщал»³. И еще он бесстрашно залезал на колокольню старинной церкви, откуда с ветхого балкончика открывался прекрасный вид на город и его окрестности. Выше него было только небо. И то, что все остальное было у него под ногами, доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Когда ему исполнилось 13 лет, умерла мать на сороковом году жизни, что тяжело сказалось на положении семьи и в том числе

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 27.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 28.

самого Константина. Затем возникли трудности и с самообразованием. «...Книг было мало, – вспоминал он, – учителей у меня совсем не было, и потому мне приходилось больше создавать и творить, чем воспринимать и усваивать. Указаний, помощи ниоткуда не было, непонятого в книгах было много, и разъяснять приходилось все самому. Одним словом, творческий элемент, элемент саморазвития, самобытности преобладал. Я, так сказать, всю жизнь учился мыслить, преодолевать трудности, решать вопросы и задачи»¹. Он прочел учебник арифметики и все понял. Также были ему понятны книги по естественным и точным наукам, которые стояли в отцовской библиотеке. К этому добавилось увлечение различным мастерством. Он сам соорудил астролябию, а затем высотомер, с помощью которых определял высоту и расстояние до недоступных ему предметов. У мальчика были, как у нас говорят, золотые руки, а голова и того лучше. Отец, наблюдая за сыном, понимал, сколь он способен, и решил отправить его в Москву в надежде, что там у сына что-нибудь да сложится, может быть, кто-то и обратит на него внимание. В шестнадцать лет Константин уезжает в Москву и живет там почти три года. Отец высылал сыну по 10–15 рублей ежемесячно на пропитание и прочие нужды. «Питался одним черным хлебом, не имел даже картошки и чаю. Зато покупал книги, трубки, ртуть, серную кислоту и пр.»², – вспоминал Циолковский. И вид у него был более чем странный. Длинные волосы, на стрижку которых у него не было ни времени, ни денег, штаны в дырках, прожженных кислотами. За это время самостоятельно прошел курс математики и физики, затем занялся высшей математикой. В связи с этим «прочел курсы высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию, сферическую тригонометрию и пр.»³. Наряду с успешным процессом самообразования он ставил перед собой и решал ряд проблем, которые требовали способности технического моделирования и точного воображения. Например, нельзя ли использовать центробежную силу, с помощью которой можно было бы подняться в заатмосферное пространство. «Я придумал такую машину <...> Я был в таком восторге, что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час-два по Москве, размышляя и проверяя свое открытие. Но, увы, еще дорогой я понял, что я заблуждаюсь: будет трясение машины, и только. Ни на один грамм

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 58.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

вес ее не уменьшится. Однако недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием»¹. Так кончился его первый выход в ближний Космос. Но эта неудача никоим образом его не остановила. «...И тогда я уже думал о завоевании Вселенной»², – отмечает он. Какой же силы должна была быть овладевшая им уже в юности идея, что несмотря на голод, холод и прочие невзгоды, жить только ею, думать только о космических просторах и завоевании Вселенной. Его дух, в мощном устремлении в таинственные глубины этой Вселенной, уже не знал никаких преград, никаких препятствий. В нем совершился удивительный процесс – его дух победил материю, овладел ею и подчинил ее себе. С этого момента для него, Циолковского, как бы перестала существовать всемогущая земная материя, ее невзгоды, ее нужды, ее радости и ее власть над ним. В это же время у него произошла встреча с человеком, который, возможно, повлиял на него. Я говорю – возможно, поскольку сам он о таком влиянии не пишет. «...В Чертковской библиотеке, – сообщает Циолковский в своей работе «Черты из моей жизни», – я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо есть зеркало души <...> Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, друг Толстого и изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился»³. Как бы то ни было, но свое единомыслие с Николаем Федоровым он не смог не почувствовать, как и Федоров по отношению к нему. Трудно сказать теперь, как развивались бы в дальнейшем их отношения и были ли они вообще, но в 1876 году Циолковскому пришлось покинуть Москву. Отец вызвал его в Вятку, где в это время обитала семья. Там юноша стал давать частные уроки, которые пользовались большим успехом. Так продолжалось до 1878 года, когда отец ушел в отставку и семья вновь переселилась в Рязань. «В Рязани я побывал, – пишет Циолковский, – в местах, где прежде жил. Все показалось очень маленьким, жалким, загрязненным. Знакомые – приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное разочарование от старых мест»⁴.

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 31–32.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 35.

Не имея никакого официального образования, он сдал экзамен на учителя. С этим экзаменом были связаны некоторые материальные затруднения, к которым он уже привык.

«На экзамене я был в серой заплатанной блузе. Пальто и прочее – все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось»¹. После получения звания учителя необходимо было сшить вицмундир, брюки и жилет. Все было сделано только за 25 рублей. «Кстати сказать, – замечает он, – что все сорок лет моего последующего учительства я больше мундира не шил»². На все торжества он надевал все тот же, сшитый с таким трудом в Рязани, старый учительский вицмундир. На новый он себе за всю свою учительскую жизнь так и не заработал. Учительство так и не стало для него главным в его жизни. Оно было средством к существованию его собственной большой семьи. «Главным же образом, я погружался в законы тяготения тел разной формы и изучал разного рода движения, которые вызывали относительную тяжесть <...> Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал об этих работах и о дирижаблях»³.

В 1880 году его назначили учителем арифметики уездного училища в Боровске. Небольшой городок жил своей замкнутой жизнью и не пускал в нее ни чужих, ни приезжих. Молодой учитель остановился в номере маленькой гостиницы и долго не мог найти себе квартиры. Большую часть города составляли раскольники, неприветливые и неразговорчивые люди. Наконец, после долгих мыканий, снял себе две комнаты в доме, где жил хозяин с дочерью. В Боровске он, против всякого ожидания, прожил двенадцать лет, там же женился, там родились его первые дети. Женился на Варваре Евграфовне, дочери своего хозяина. «Пора было жениться, и я женился на ней без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть, будет работать и не помешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась»⁴. И не только оправдалась. Она прожила всю жизнь рядом с ним, в нужде, нищете и поругании. Тихо и скромно выполняла свой долг матери и жены, заботилась о муже и детях и очень берегла своего странного и непонятного ей мужа. Венчание прошло более чем скромно. В церковь за четыре версты отправились пешком. Никаких нарядов, присущих данному случаю, не покупали.

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 36.

² Там же.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 38.

Константин Эдуардович Циолковский. 1932 г.

Будущему ученому и философу 5 лет. 1862 г.

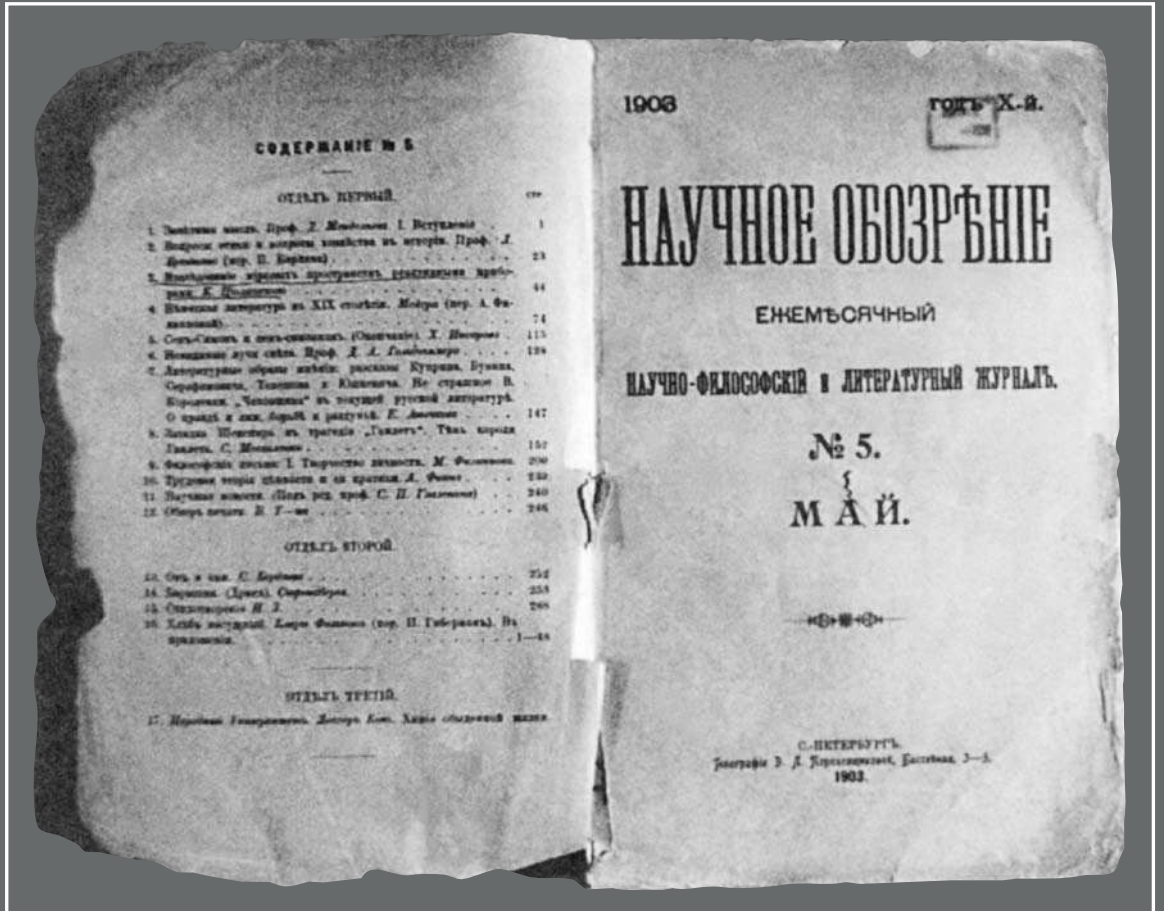

К.Э.Циолковский с женой и детьми. 1902 г.

К.Э.Циолковский, 1903 г.

СОДЕРЖАНИЕ № 5

ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Звукъ света. Проф. Э. Мандельсонъ. I. Ветеринаръ	1
2. Вопросъ о томъ и о другомъ, касающагося исторіи. Проф. А. Яковлевъ (пер. В. Баранова)	23
3. Исследование мировыхъ пространствъ реактивными приборами Л. К. Циолковский	44
4. Палеонтологическая литература за XIX столѣтіе. Мюллеръ (пер. А. Фельдманъ)	74
5. Спутники планетъ и ихъ свойства. (Обобщеніе) Т. Шварца	113
6. Пониженіе лучей света. Проф. Э. А. Гамбальери	129
7. Литературные образы животныхъ: рассказы Куртина, Бункина, Сидорова, Тополина и Киселева. Не страшно В. Киреевичъ, "Человекъ" въ искусствѣ русской литературы. О критикѣ и охотѣ браться къ разсудку. Е. Антоновъ	147
8. Лекція Шопенгауэра охъ трагедіи "Гамлетъ". Тѣмъ же прозаикъ Галкина, С. Мещеряковъ	157
9. Философскія взгляды Г. Тюркена охъ жизни. М. Фельдманъ	200
10. Прудомъ теоріи планетъ и ихъ критикъ А. Фоминъ	230
11. Выходъ планеты. Письма редактору С. П. Галахова	240
12. Обзоръ писемъ Н. Г. — му	248

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ.

13. Судъ и законъ. С. Барановъ	254
14. Звукъ света. (Продолженіе) Сидорова	253
15. Общественныя Н. Я.	260
16. Клубъ любителей. Лекція Фоминъ (пер. Н. Гиббарова). Въ продолженіи.	1—24

ОТДЕЛЪ ТРЕТІЙ.

17. Мировые пространства. Докладъ Копи. Клубъ любителей науки.	
--	--

1903

годъ X-й.

НАУЧНОЕ ОБЗРѢНІЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

М А Й.

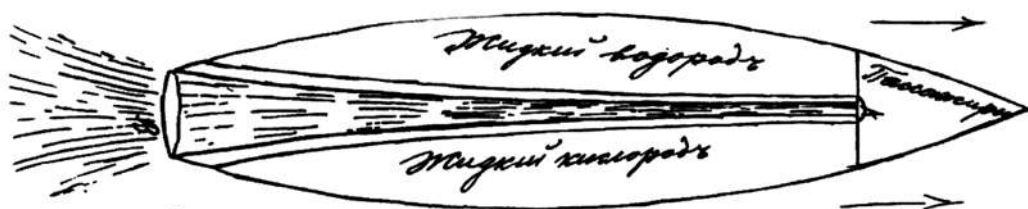
◆◆◆◆◆

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Д. Дорониной, Васильевск. 3—4.
1903.

Журналъ съ первой публикаціею ученаго по теоріи ракетъ (май 1903 г.) —
«Исследование мировыхъ пространствъ реактивными приборами»

Черт. 1. Величайший вид ракеты.

Оба жидких газа разделены перегородкой
(А) легкого алюминия толщиной и вращаемые шест.
(В). Вокруг слабо разогретых и охлажденных
паров.
Труба АВ окружена катушкой от внешнего
циркулирующей жидкого жидкого (в виде ртуть)

Схема ракеты. Рисунок К.Э.Циолковского

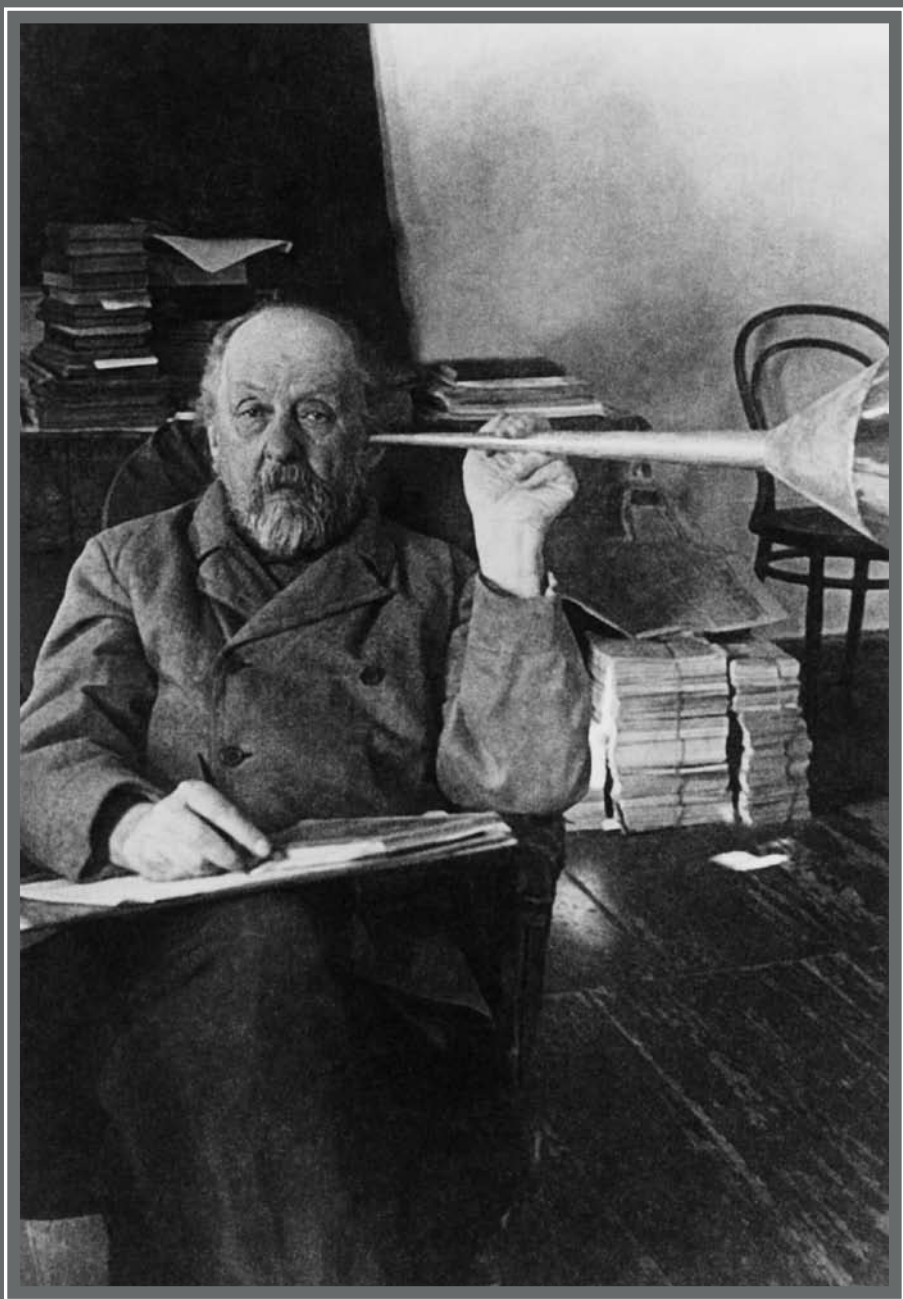
К.Э.Циолковский. 1927 г.

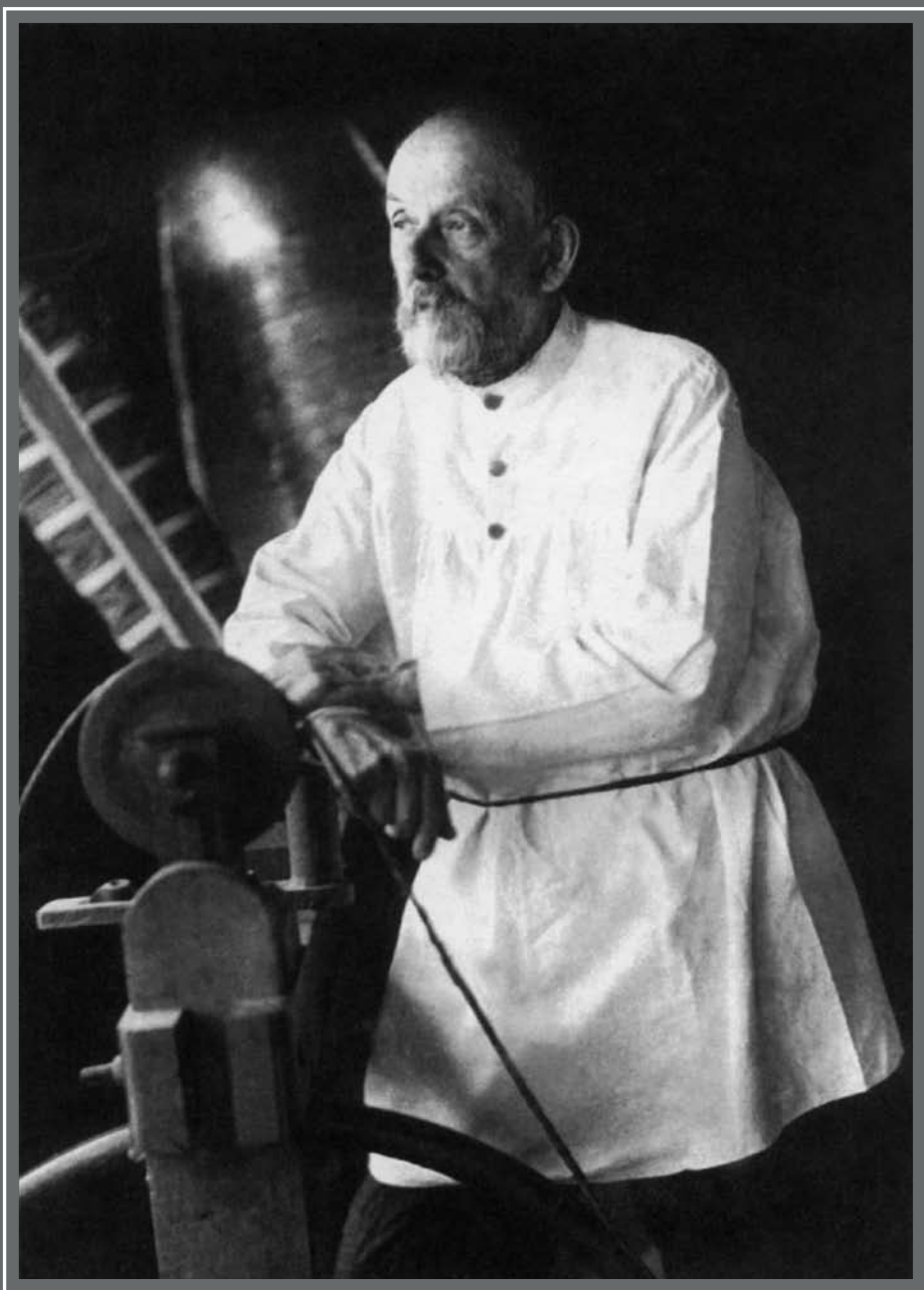
Калуга. Дом-музей К.Э.Циолковского

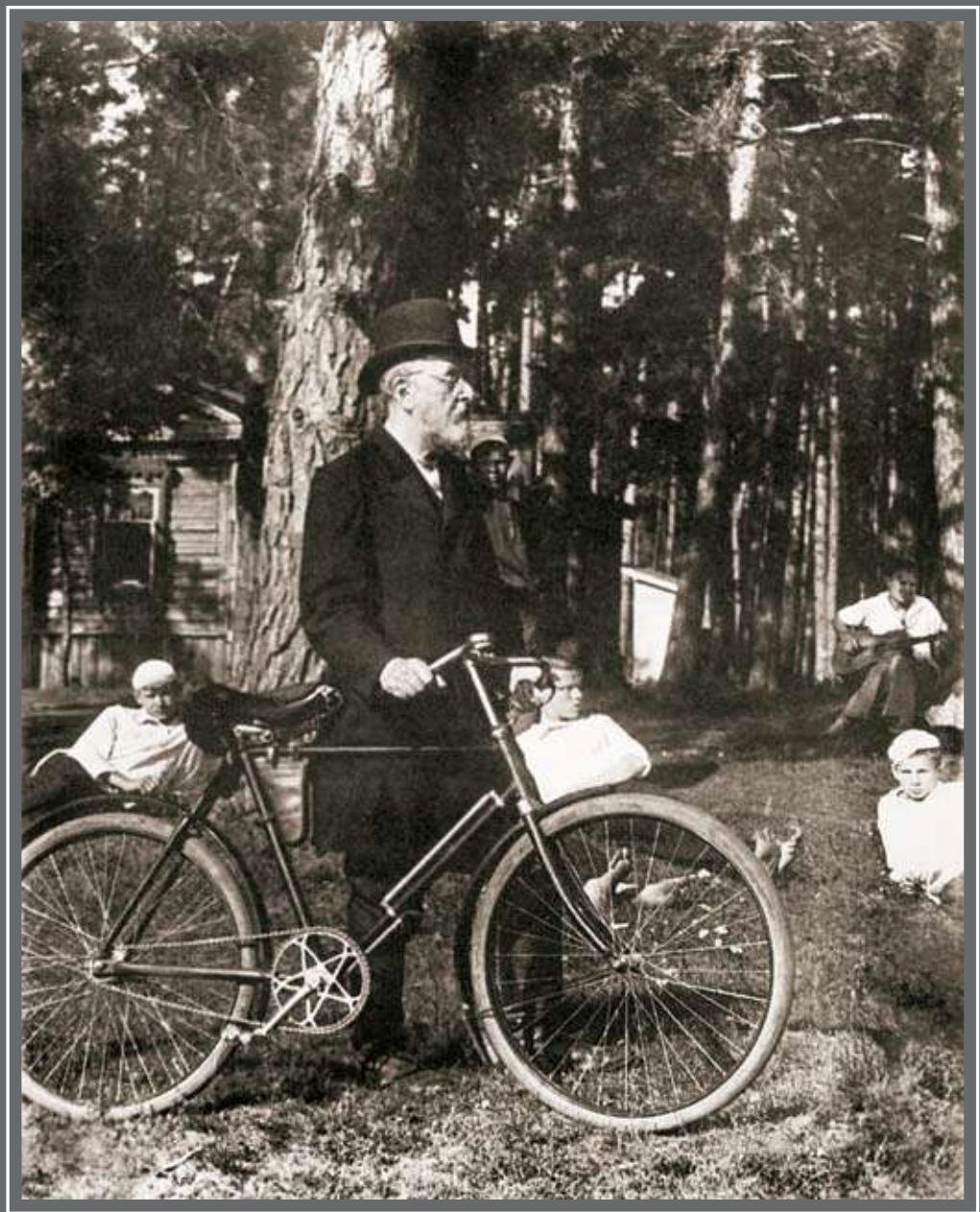
Мастерская в доме Циолковского

Константин Эдуардович слушает собеседника

К.Э.Циолковский в мастерской

К.Э.Циолковский на прогулке

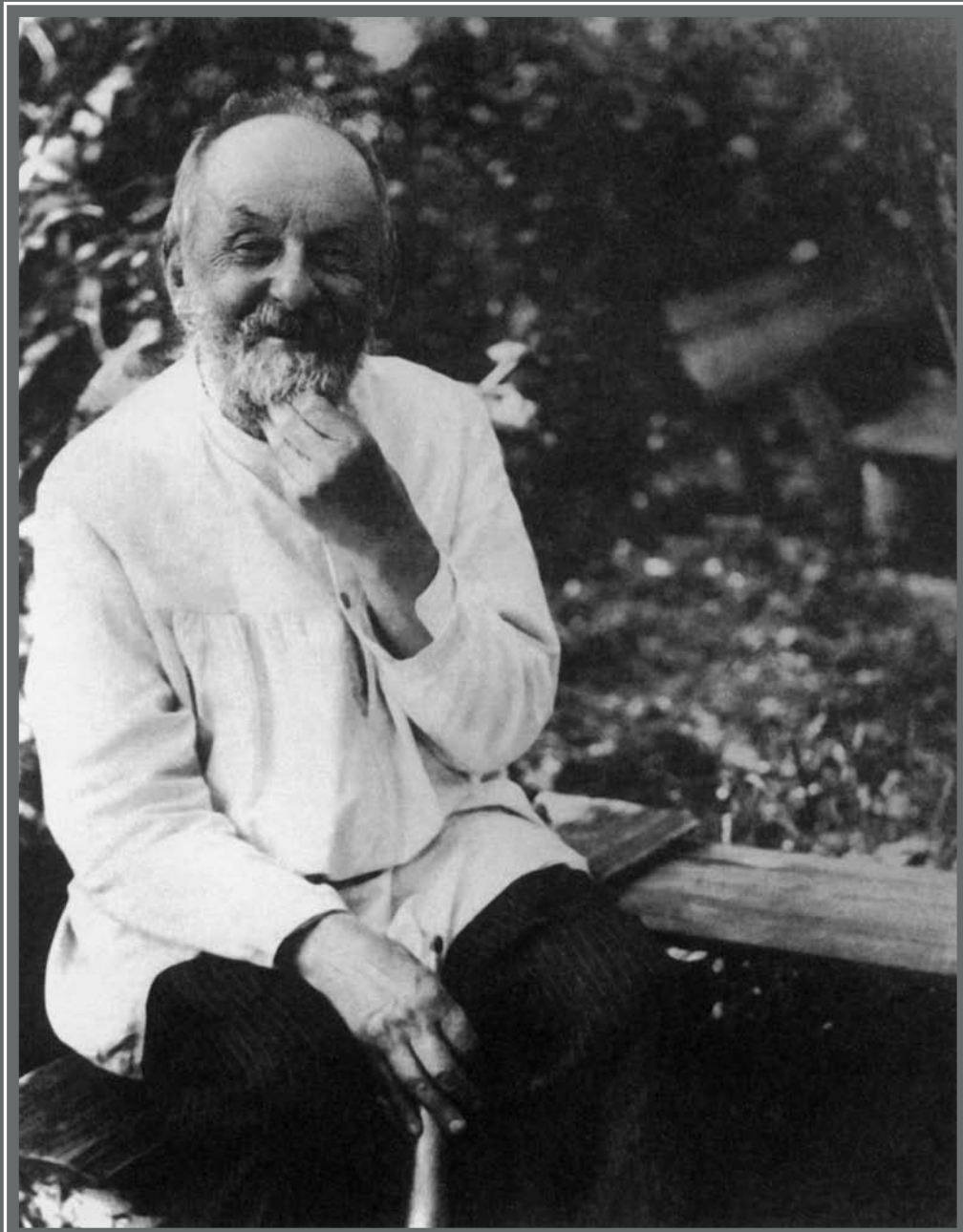

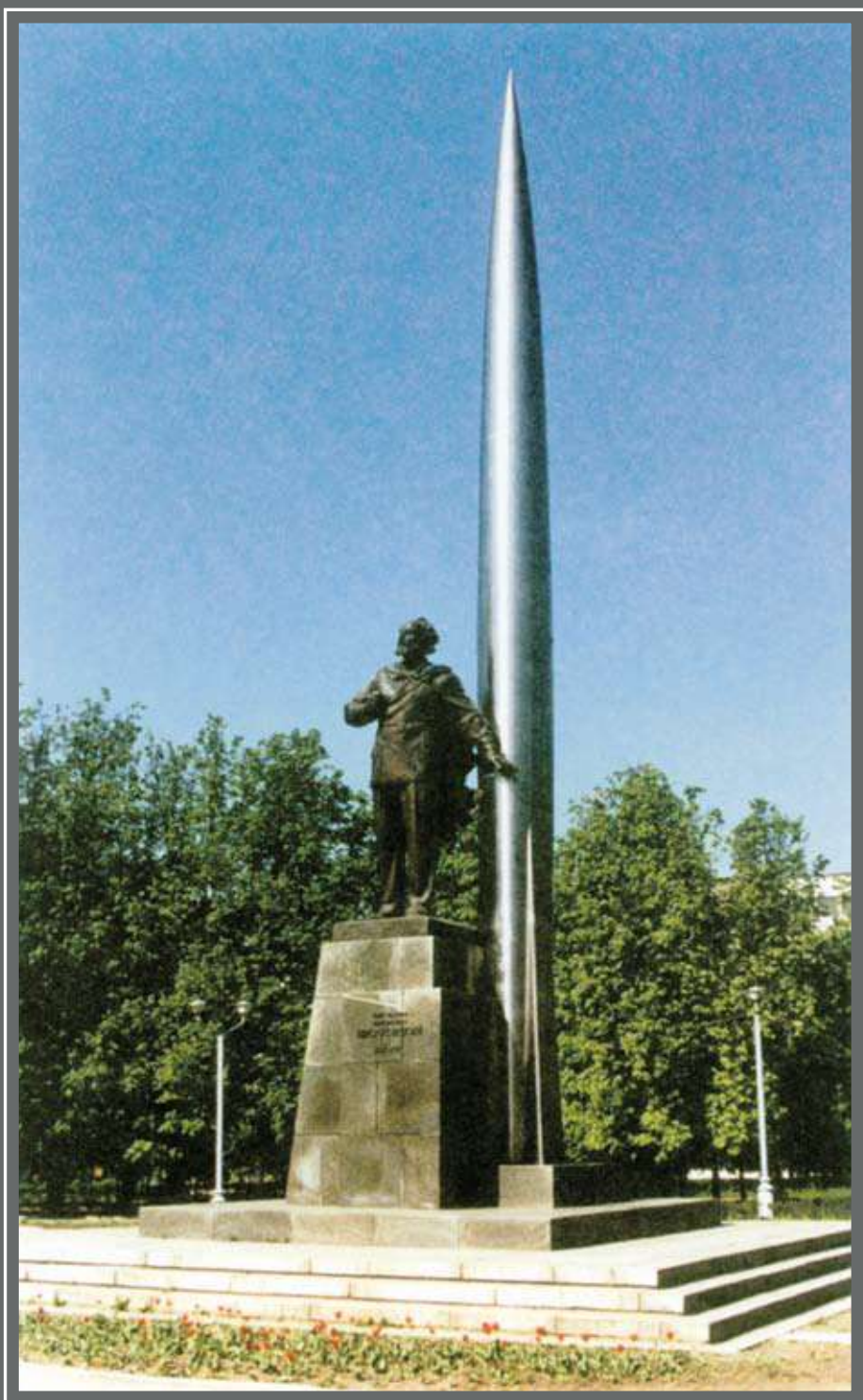
У полки с книгами. 1930 г.

Семья К.Э.Циолковского. 1932 г.

Константин Эдуардович за беседой. 1932 г.

Памятник К.Э.Циолковскому в Калуге

«В день венчания, – вспоминает Циолковский, – купил у соседа токарный станок и резал стекла для электрических машин»¹. История умалчивает о том, как вела себя при этом молодая жена. Есть основания полагать, что вполне смиренно. Она хорошо себе представляла жильца, ставшего теперь ее мужем, и не протестовала. На скромном свадебном ужине никто не пил, напился только венчавший их поп. После свадьбы мало что изменилось. Преподавание в училище, работа дома над книгами, размышления, которые вызывали неожиданно пришедшие ему в голову идеи. Эти идеи не всегда были безопасными. Он размышлял об особенностях истории человечества и, естественно, затрагивал и проблемы религиозные. На все у него была своя позиция. Он утверждал, что Христос «был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: “Понимающий меня может делать то же, что и я, и даже больше”. Главное не его заклинания, лечение и “чудеса”, а его философия»².

О «ереси» Циолковского немедленно донесли начальству в Калугу. Последовал немедленный вызов.

«Занял деньги, поехал, – описывает этот эпизод сам “виновник” случившегося. – Начальник оказался на даче. Отправились на дачу. Вышел добродушный старичок и попросил меня подождать, пока он выкупается. “Возница не хочет ждать”, – сказал я. Омрачился директор, и произошел такой между нами диалог.

– Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

– Куда же вы деваете свое жалованье?

– Я большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

– Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

– Правда, но ведь это есть в Евангелии Иоанна.

– Вздор, такого текста нет и быть не может!!! Имеете ли вы состояние?

– Ничего не имею.

– Как же вы, нищий, решаетесь говорить такие вещи?!

Я должен был обещать не повторять моих “ошибок” и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода другого, по моему незнанию жизни, не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 38.

² Там же. С. 38–39.

и унижаться. И так, я возвратился целым к своим физическим забавам и к серьезным математическим работам»¹.

«Физическими забавами» он называл занимательные вещицы, которые сам мастерил, стараясь привлечь внимание учеников к физике. «У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля»². Он был прекрасным педагогом и никогда не жалел времени на то, чтобы продемонстрировать своим ученикам действия законов природы. В этом отношении он был изобретателен и неутомим. Преподавание давалось ему легко, объяснял сложные вещи просто и ясно, за что и снискал любовь своих учеников. «С учениками старшего класса летом катались на моей большой лодке, купались и практиковались в геометрии. Я своими руками сделал две жестяные астролябии и другие приборы. С ними мы и ездили. Я показывал, как снимать планы, определять величину и форму недоступных предметов и местностей и обратно, по плану местности, восстанавливать ее в натуре в любом пустом поле»³.

Талантливый и увлекающийся педагог, он все свое основное время посвящал науке. Самостоятельно разработал теорию газов. С связи с этим был избран членом Физико-химического общества в Москве. «Ломал голову над источниками солнечной энергии и пришел самостоятельно к выводам Гельмгольца. О радиоактивности элементов тогда не было ни слуху ни духу. Потом эти работы были напечатаны в разных журналах»⁴. Одна идея рождала другую, и он начинал сразу над ней работать. Когда увлекался, работал без отрыва многими часами. Для него не существовало ни праздников, ни выходных. Со временем он сузил и круг своего общения.

«32–33 лет, – пишет далее Циолковский, – я увлекся опытами по сопротивлению воздуха. Потом занялся вычислением и нашел, что закон Ньютона о давлении ветра на наклонную пластинку не верен. Пришел и к другим, менее известным тогда выводам. Помню, на рождественские праздники сидел непрерывно за этой работой недели две. Наконец страшно закружилась голова, и я скорее побежал кататься на коньках»⁵.

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 39.

² Там же.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 43.

Однажды в Боровске произошло событие, которое оставило след в его жизни, но скорее, какой-то невидимый. Приехал его знакомый Голубицкий и сказал, что у него гостит Софья Ковалевская, один из крупнейших математиков России, ученый с мировым именем. Ковалевская хотела познакомиться с Циолковским. Но тот оробел. «Мое убожество и происходящая от этого дикость помешали мне в этом. Я не поехал»¹. Трудно сейчас сказать, упустил ли он свой единственный шанс, уготованный ему судьбой, или нет. Одно остается реальным – Ковалевская была одной из тех в группе талантливых людей, через которую эволюция творила свою волю и к которой принадлежал и сам Циолковский. Но кроме воли эволюции была еще свободная воля самого человека...

Тот же Голубицкий уговорил его поехать в Москву к другому выдающемуся ученому, Столетову, и сделать там доклад о дирижаблях. На этот раз Циолковский согласился. Доклад состоялся в Политехническом музее, и, как пишет сам Циолковский, «никто не возражал»². После этого обещали его устроить в Москве, но так и не устроили. Он продолжал жить и работать в Боровске. От занятий отвлекли его только стихийные бедствия – наводнение и пожар, после которых долго пришлось восстанавливать нанесенный ими ущерб.

«В Боровске, – вспоминает Циолковский, – я жил на окраине, и меня постигло наводнение. Поднялись половицы в доме, посуда плавала. Мы сделали мосты из стульев и кроватей и по ним передвигались. Льдины звенели о железные болты и ставни. Лодки подъезжали к окнам. В другой раз более серьезно претерпели от пожара. Все было растаскано или сгорело. Загорелось у соседей от склада неостывшего угля»³.

Погибли рукописи и многие книги. Казалось, сама судьба испытывала его на крепость. Но, несмотря на стихийные бедствия, на перегрузку работой, на постоянную нужду, он никогда не терял ни вкуса к жизни, ни своего любопытства, ни интереса к окружающему его миру. Однажды поздно ночью он проходил мимо колодца и увидел, что там что-то светится. Подошел ближе и увидел светящиеся гнилушки. Набрал их побольше, а придя домой, разбросал по комнате. Получилось звездное небо, «и все любовались»⁴.

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 43.

² Там же. С. 44.

³ Там же.

⁴ Там же.

У него была одна интересная особенность. «Когда же не был занят, – пишет он, – особенно во время прогулок, всегда пел. И пел не песни, а как птица, без слов. Слова бы дали понятие о моих мыслях, а я этого не хотел. Пел и утром и ночью. Это было отдыхом для ума. Мотивы зависели от настроения. Настроение же вызывалось чувствами, впечатлениями, природой и часто чтением. И сейчас я почти каждый день пою и утром, и перед сном, хотя уже и голос охрип, и мелодии стали однообразнее»¹. Создавалось впечатление, что музыка как бы жила у него внутри и постоянно выливалась из него певучим голосом.

В 1892 году его перевели в Калугу. Это был совсем другой мир. Высокие дома, улицы, заполненные народом, люди, с которыми интересно было общаться. Однако особого материального достатка этот переезду не принес. Но он стал чаще публиковаться в журналах, таких, как «Наука и жизнь», «Научное обозрение», «Вестник опытной физики», «Вокруг света». Он писал в своих статьях о Солнце, о летательных аппаратах, о новой картине Вселенной, которая складывалась в его размышлениях. В этом же году была опубликована его книга «Аэростат». Преподавал сразу в нескольких училищах, но основным было женское епархиальное училище, где он работал учителем физики. И опять, как и в Боровске, он делает в училище много больше, чем было положено учителю. Физический кабинет был в самом жалком состоянии. «Мне приходилось что можно подправлять. Но я и сам много приборов производил заново. Делал, например, простые и сложные блоки разных сортов, сухие гальванические элементы и батареи и электродвигатели. Химические опыты тоже производились моим иждивением: добытие газов, сжигание железа в кислороде и пр. Зажженный водород у меня свистел и дудел на разные голоса. В пятом классе всегда показывал монгольфьер. Он летал по классу на ниточке, и я давал держать эту ниточку желающим. Большой летающий шар, особенно с легкой куклой, производил всеобщее оживление и радость»².

Но все больше и больше его беспокоило отношение ученых к его статьям. Они никак на них не реагировали. Российская Академия наук, узнав о его деятельности, выделила ему для работы 470 рублей, но статей его в академических изданиях печатать не стала.

Среди его чисто научно-технических работ проблема реактивного межпланетного корабля занимала главное место. Первая такого рода публикация вышла у него в 1903 году в отрывках в журнале «Научное

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 44.

² Там же. С. 49.

обозрение». Ему удалось опубликовать эту же работу, но более расширенную, в 1911–1912 годах в журнале «Вестник воздухоплавания». Журнал был столичным и хорошо известным не только в России, но и за рубежом. Впервые на его работу прореагировали. Но эта реакция была весьма своеобразной. «Тогда многие ученые и инженеры (за границей) заявили о своем приоритете. Но они не знали о моей первой работе 1903 г., и поэтому их претензии были потом избобличены»¹. Однако процесс знакомства зарубежных ученых с работами Циолковского занял немало лет. В 1923 году в Германии вышла работа профессора Германа Оберта. Она называлась «Ракета к планетам». Доказывая возможность преодоления земного притяжения с помощью ракеты, автор ни разу не упомянул имени Циолковского. Через шесть лет Оберт прислал письмо Константину Эдуардовичу. «Многоуважаемый коллега! Большое спасибо за присланный мне материал. Я, разумеется, самый последний, кто стал бы оспаривать Ваше первенство и Ваши заслуги по делу ракет, и я только сожалею, что не раньше 1925 года услышал о Вас. Я был бы, наверное, в моих собственных работах сегодня гораздо дальше и обошелся бы без тех многих напрасных трудов, зная Ваши превосходные работы»².

В 1914 году Циолковский был приглашен в Петербург на Всероссийский воздухоплавательный съезд, где сделал доклад о дирижаблях. Знаменитый Жуковский, автор многих работ по воздухоплаванию, почему-то не одобрил его доклада. Скрытая неприязнь Жуковского сопровождала Циолковского всю его жизнь.

Вскоре в России начались события, которые перевернули жизнь всей страны. Сначала прогремела Февральская революция, затем Октябрьская, которая принесла Константину Эдуардовичу надежду на новый, более удачный уклад жизни. «С Октябрьской революцией, – писал он, – преобразовали школы, изгнали отметки и экзамены, вводили общий для всех паек и всеобщее право на труд. Одним словом, вводили самые идеальные коммунистические начала»³. Он наивно верил в эти идеальные начала, несмотря на то, что жизнь их опровергала на каждом шагу. В 1918 году новые власти конфисковали у Циолковского единственную корову, которая кормила всю его многочисленную семью. Через два года с огромным трудом и лишениями удалось приобрести новую, «но и эту однажды утром увели, оставив хозяйке розовую

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 50.

² В Калугу к Циолковскому / Сост. Е.А.Тимошенкова, Т.В.Чугрова. Калуга, 2001. С. 26.

³ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 50–51.

квитанцию»¹, – вспоминает А.Л.Чижевский. После «конфискации» семья была обречена на полуголодное существование. В 1919 году, как уже говорилось, Циолковский был арестован и провел несколько дней в подвалах Лубянки. Особенно трудным был год 1920-й. «С продуктами питания, – рассказывал Е.А.Киселев, муж одной из дочерей Циолковского, – в Калуге в 1919–1920 гг. было очень плохо. По карточкам почти ничего не давали... Улучшить питание Циолковским в эти годы не представлялось никакой возможности. Сбережений у них не было. Вещей, которые можно было бы обменять на продукты, тоже. Несмотря на полуголодное существование, Константин Эдуардович не прекращал научной работы»².

Коммунистическая академия, членом которой он стал, прекратила высылать ему скудное пособие. Там как будто забыли об ученом. Журналы, которые брали его статьи, прекратили свое существование. Средств на издание хотя бы небольших брошюр у него не было. «Я помню, – писал А.Л.Чижевский, – как в окнах аптекарского магазина П.П.Каннинга, что был в Калуге в Никитском переулке, по нескольку месяцев стояло объявление такого рода: “Здесь принимают взносы для публикации научных трудов К.Э.Циолковского”. Увы, мало было таких, кто считал нужным внести П.П.Каннингу рубль ради обнародования трудов К.Э.Циолковского»³.

К тому же всем его невзгодам и жизненным трудностям сопутствовало трагическое обстоятельство, как будто над ним тяготел злой рок. Он все время терял детей, начиная от полуторагодовалого первенца и кончая уже взрослыми. К 1923 году из семи осталось только двое. От печальных последствий спасала работа и необычайная стойкость его жены Варвары Евграфовны. Она никогда его ни в чем не упрекала. «Она не вполне уясняла себе, – писал А.Л.Чижевский, – каким богам он молится, чему служит, но женским чутьем постигала, что ее Костя, вечно склоненный над рукописями, вычислениями и чертежами, делает нечто очень важное, очень большое, нечто недоступное современникам. Это была ее глубокая вера, помогавшая ей стойчески переносить все тяготы жизни, все лишения многочисленной семьи, хроническую бедность и нужду. В недрах ее жизни была сокрыта большая тайна, которой она не могла поделиться даже с самым близким человеком. Эта тайна должна была умереть вместе с ней»⁴.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 96.

² В Калугу к Циолковскому. С. 23.

³ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 71.

⁴ Там же. С. 207.

Но постепенно материальное положение стало улучшаться. «Получил академический паек, потом помощь от ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых, созданная по указанию В.И.Ленина. – Л.Ш.), затем пенсию, которую получаю до сих пор»¹, – вспоминал Циолковский в 1934 году.

Как бы то ни было, но теперь он получил возможность уйти с учительской работы и полностью заняться наукой. Произошло то, о чем он мечтал всю жизнь. Но все сложилось не так просто, как можно было бы предполагать. В 1934 году он как бы подвел итог своим взаимоотношениям с советской властью. Результат оказался весьма утешительным. «При Советском правительстве, – пишет он, – обеспеченный пенсией, я мог свободно отдаться своим трудам, и, почти не замеченный прежде, я возбудил теперь внимание к своим работам. Мой дирижабль признан особенно важным изобретением. Для исследования реактивного движения образовались ГИРД'ы (группа исследования реактивного движения. – Л.Ш.) и институт. О моих трудах и достижениях появлялось много статей в газетах и журналах. Мое семидесятилетие (1927 г. – Л.Ш.) отмечено прессой. Через пять лет мой юбилей даже торжественно отпраздновали в Калуге и Москве. Я награжден был орденом Трудового Красного Знамени и орденом Активиста Осоавиахима. Пенсия увеличена с 250 до 500 рублей»². Да, на изобретателя, как называли нередко Циолковского, обратили внимание. Государство заинтересовалось дирижаблями и ракетами. Но главную часть его трудов отсекли и не стали обращать на них внимание. Это были его философские работы, отражавшие космическое мировоззрение нового мышления. С точки зрения советских идеологов, они были идеологически неполноценными и даже вредными. Их не публиковали и старались о них не говорить. Была произведена насильственная вивисекция творчества великого русского ученого. Его по живому разрезали на две части, отделив космическую ракету от космического сознания и его концепции. От материи явления отсекали его дух. «Меня особенно увлекали социалистические работы и натурфилософские, – писал он в связи с этим. – Некоторые из них были напечатаны, большинство же и сейчас лежат в рукописях. Основанием моей естественной философии было полное отречение от рутин и познание Вселенной, какое дает современная наука. Наука будущего, конечно, опередит науку настоящего, но пока и современная наука наи-

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 51.

² Там же.

более почтенный и даже единственный источник философии. Наука, наблюдение, опыт и математика были основой моей философии <...>

Единая вселенская наука о веществе или материи была базисом моих философских мыслей. Астрономия, разумеется, играла первенствующую роль, так как давала широкий кругозор. Не одни земные явления были материалом для выводов, но и космические: все эти бесчисленные солнца и планеты. Земные явления, несовершенство Земли и человечества, как результат младенческого их возраста, вводили почти всех мыслителей в заблуждение»¹.

Он нес в себе синтез науки и философии. В процитированном фрагменте сосредоточены главные и принципиальные взгляды ученого на соотношение философии и науки, на материю, на которую он смотрел шире даже теперешних наших современников, на грядущую науку, которая, несомненно, будет отличаться от современной и, наконец, утверждение, что без космических процессов нельзя понять земные явления, познать их глубину и эволюционное значение. Саму науку Циолковский понимал шире, чем многие его коллеги, находившиеся в плену старых традиций и сложившихся в течение веков предрассудков. Наука Циолковского, так же как и он сам, была свободна от всего этого, не отрицала ни одного знания и была устремлена в Космос как пространство земной причины. Но его не хотели слушать, не желали принять его мировоззрения и старались отбросить все, связанное с ним, как ненужный хлам, лежавший на дороге в «светлое будущее». Для него же это светлое будущее было связано с Космосом, без которого он не мог себе представить ни науки, ни будущего человеческого общества. За шесть дней до своего ухода он написал письмо: «Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед»².

19 сентября 1935 года хоронили гениального ученого и мыслителя, связавшего своими трудами Землю с беспредельным Космосом. «На похоронах было много народу, – вспоминала дочь Циолковского Мария Константиновна, – не менее 50 тысяч человек. Приехали работники конструкторского бюро – приверженцы цельнометаллического дирижабля Циолковского, студенты дирижаблестроительного учебного комбината. У могилы грянул ружейный салют – знак воинской почести ученому-борцу. А над старым парком, где был погребен отец, низко проплыла серебристая сигара дирижабля, сбросив алый вымпел»³.

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 51.

² В Калугу к Циолковскому. С. 31.

³ Там же. С. 32.

Он умер от рака, болезни, которая по большей части возникает от нечеловеческого перенапряжения, неизбежного горя, недоедания и нужды. Материя стала разрушаться, не в состоянии выдержать могучий дух, заключенный в ней волей космической эволюции. У сказки о «гении среди людей» не было счастливого конца, как можно было бы предполагать. Борьба за космический путь человечества продолжалась до самых его последних дней. И до самых последних дней ему противостояли те, кто отрицал этот путь, кто держался за старое рутинное существование, старясь перекрыть человечеству дорогу в космическую беспредельность.

Его верный ученик и друг, крупнейший ученый России Александр Леонидович Чижевский, сам немало вынесший и от властей, и от коллег, дал в своих воспоминаниях о Циолковском потрясающую своим трагизмом картину травли и гонений, которые устраивала против Циолковского так называемая научная общественность¹. Царское время и советское время в этом отношении были единодушны.

Семнадцатилетний Чижевский, ученик реального училища, познакомился с Циолковским в 1914 году, когда последний был приглашен в училище прочесть лекцию о своих идеях. Эти идеи захватили Чижевского, и тот сумел в конце лекции переговорить с Циолковским, который и пригласил юношу в гости. Через некоторое время Чижевский отправился на Коровинскую улицу, где стоял дом его нового знакомого. Последующие частые посещения Чижевским этой улицы дают нам возможность представить себе место обитания великого человека во всех его подробностях. «Коровинская улица, – вспоминает Чижевский, – была одной из захудалых улиц Калуги. Она лежала далеко от центра города и была крайне неудобна для передвижения осенью, зимой и весной, ибо шла по самой круче высокого гористого берега Оки. Дом Циолковского был самым крайним на Коровинской улице и был выстроен как раз в том месте, где гора кончается и переходит в ровное место, по которому и течет Ока. Ходить по этой улице в дождь и особенно в гололедицу было делом весьма трудным. Улица была немощенной, с канавами по самой середине, с рытвинами и буераками, прорытыми весенними дождевыми потоками <...> Если зимой Коровинская улица представляла собой снежную гору, по которой даже самые отважные мальчишки вряд ли рисковали кататься на санках, то с наступлением весны картина резко менялась. По улице текли беспрерывные потоки

---

¹ См.: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. М., 1995.

мутной воды, направляющиеся сюда, как в сточную трубу, из лежащих выше улочек и переулков, из всех семидесяти дворов и несущие с собой разный мелкий хлам, сор и нечистоты, накопившиеся за шесть месяцев зимы. Все эти грязные ручьи стремглав проносились мимо дома Циолковского и образовывали тут же за домом огромную лужу, которая иногда держалась до середины мая, пока земля не впитывала в себя всю влагу и весеннее солнце не высушивало ее»¹.

Далее Чижевский описывает свой первый визит к ученому. Извозчик, который вез его, «осторожно спустился вниз по каким-то отлогим переулкам, проехал по самой окраине города и неожиданно остановился у самого крайнего, одноэтажного, уже довольно ветхого дома с мезонином <...> Вид отсюда был замечательный. Калуга с многочисленными церквями и уже позеленевшими садами была наверху, живописно разбросавшись на горе. Внизу, шагах в ста от дома, текла еще по-весеннему полноводная Ока. Слева темнел знаменитый калужский бор – место прогулок молодежи. А за рекой среди зелени вилось шоссе. Прямо на холме расположились сады, парки, дачи и церковь <...> Я подошел к дому, наступил на огромный желтый камень, приваленный к двери вместо ступени, и дернул за висящую металлическую проволоку. Наверху раздался дребезжащий звон, слышались шаги, заскрипела деревянная лестница, наконец завизжал железный засов, и дверь раскрылась. В дверях стоял Константин Эдуардович в длинной холщовой русской рубашке, подвязанной тонким ремешком. Он был без очков, всматривался в мое лицо, приглашая жестом войти и протягивая руку. Я поспешил отрекомендоваться.

– Очень рад! Очень рад! Пожалуйста ко мне наверх, – сказал он и указал на узкую лестницу, ведущую в мезонин.

Лестница была настолько неудобной и темной, с высокими ступенями, что я шел по ней с осторожностью. Она вела прямо в комнату, которая служила изобретателю и спальней, и библиотекой, и кабинетом, а в зимнее время и мастерской. Это была сравнительно небольшая комната, называемая “светелкой”, площадью 18–20 квадратных метров, с невысоким потолком и двумя окнами, выходящими в сторону реки. У одной стены стояла простая, опрятно застланная кровать, у другой, между окнами, – письменный стол, заваленный книжками, чертежами и рукописями, у третьей – столярный станок с большим количеством столярных и слесарных инструментов <...> Одна стена

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 44–45.

была аккуратно увешана металлическими моделями дирижабля его конструкции и схематическими выкройками деталей обшивки дирижабля из белой жести. Два мягких кресла, обитые бордовым плюшем, и один венский стул дополняли скромную меблировку комнаты»¹.

С того момента Чижевский становится частым посетителем этого дома на окраине Калуги. Именно там росла и крепла дружба между двумя великими учеными, представлявшими новое направление в мышлении XX века. Здесь же происходили и важные беседы, и обсуждались вопросы, волновавшие обоих. Путь их был труден и тернист, и они шли по нему, служа опорой один другому. Бывая у Циолковского, Александр Леонидович тщательно запоминал, а иногда и записывал все то, что он видел и слышал. «Дом, в котором я находился, – писал он, вспоминая свой второй визит к Циолковскому в 1915 году, – принадлежал К.Э.Циолковскому. За ним следовала полянка, и дальше вилась широкой лентой Ока. Нижний этаж дома был отведен жене Константина Эдуардовича – Варваре Евграфовне и детям. Верхний принадлежал самому ученому. Константин Эдуардович любил сидеть в мягком кресле, покрытом белым чехлом, около примитивного штатива с рупором. Узкую трубочку рупора он вставлял себе в ухо, а гость должен был говорить в рупор. Это позволяло ему хорошо слышать посетителя. На стенах были прибиты полки с книгами. По преимуществу это были книги по физике и математике, а также различные инженерные справочники. Было несколько книг и по философии. Выделялись тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона <...> По книгам легко определяется не только умственная направленность человека, но и степень его углубленности»².

Дом, в котором велись беседы между двумя великими учеными, был свидетелем глубоких страданий и горестных переживаний Циолковского. Борьба с трудностями, которые воздвигали на его пути зависть и невежество, составляла важную часть его жизни, отнимая у него время, здоровье, расшатывая его нервную систему и, самое главное, мешая ему концентрированно и плодотворно работать над тем, что нес он в себе, стремясь все это передать людям для их же блага. Ситуация самого Циолковского усугублялась еще и тем, что он не мог противопоставить нападавшим на него ученым ни своих ученых степеней, ни высоких званий. У него не было даже аттестата об окончании гимназии. Они писали отрицательные рецензии на его оригинальные

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 45–47.

² Там же. С. 63.

статьи, в которых билась высокая и самостоятельная мысль, не пропускали его работы в академические журналы, с насмешкой невежд выслушивали его удивительные доклады на научных конференциях.

«Признать в недипломированном человеке, – писал А.Л. Чижевский, – зачинателя огромного научного направления было невозможно. Признать – это значило совершить неблаговидный поступок против своего круга, преступление против своей касты. Это значило пойти против установившихся традиций. Это было равносильно приглашению к царскому столу волжского бурлака <...> И хотя в душе некоторые считали Циолковского достойным того, чтобы впустить его в “дом науки”, большинство злобно отвергало это намерение и предпочитали держать его на почтительном расстоянии <...> Такое положение оставалось неизменным и нелепым в течение многих десятилетий. И самое замечательное: К.Э. Циолковскому никогда и ни в чем не отказывали, ему всегда обещали, вежливо и любезно, но ничего не делали. Это было деликатно, но беспощадно!»¹

Сам Циолковский говорил об этой ситуации: «Всю жизнь я был под яростным обстрелом академических кругов. При всяком удобном случае они стреляли в мою сторону разрывными пулями, наносили мне тяжелые физические ранения и душевные увечья, мешали работать и создавали условия, тяжелые для жизни. Спрашивается: чем я был негоден этим ученым? Жил я в Калуге, никого не задевал, ни с кем не вступал в дискуссии, никого не обижал, и тем не менее меня ненавидели, презирали, чурались моих писаний и высказываний и зло критиковали их, считая все, что я создал, бредом умалишенного, беспочвенной фантазией самоучки»². Они не только считали или говорили, но и действовали. Вот один из эпизодов такой «деятельности», рассказанный Константином Эдуардовичем Чижевскому.

«Пришел ко мне мужчина интеллигентного вида и представился, назвал свою фамилию, которая оказалась русской и легко запоминаемой, и пустился со мной в разговор, спрашивал о том о сем, как я живу, как работаю, действительно ли хочу строить ракету для полета на Луну, заглянул в мои рукописи, лежавшие на столе, внимательно осмотрел модели металлических дирижаблей и их детали и задал мне как бы невзначай ряд вопросов такого примерно рода: “Константин Эдуардович, а сколько будет восемью пять?” Я, смеясь, ответил: “Сорок!” Тогда он подмигнул мне и сказал: “А сколько будет пятью восемь?”

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 153.

² Там же.

При этом вопросе меня как бы осенило: да это врач-психиатр, и я нарочно ответил с расстановкой: “Пятью восемь – это совсем другое дело, чем восемью пять. Это можно решить только с помощью медицины”.

Тут мой собеседник вытаращил на меня глаза и испуганно сказал: “Что вы, что вы, Константин Эдуардович, ведь я же пошутил, я не хотел...” – “И я пошутил, доктор, и я не хотел, да так вышло. Будем считать, что обследование психически ненормального Циолковского окончено. Не так ли?” – “Будем считать, – извиняющимся тоном сказал он, – что вы здоровы и вы поймали меня, как мышонка. Не сердитесь на меня, меня направило к вам одно очень влиятельное лицо, и я не мог послушаться!”

Так кончилось посещение меня этим интеллигентом. Хорошо, что он оказался порядочным человеком и не запрятал меня в сумасшедший дом. И на том спасибо...»¹

Самым тягостным для Циолковского было его замалчивание. Оно началось примерно с начала 90-х годов XIX века и практически продолжалось всю его жизнь. Оно отравляло его сердце и душу больше, чем что-либо другое. Оно распатывало его нервную систему и сжигало мозговые клетки. Он называл это «заговором молчания». «По сути дела, – утверждал он, – заговор молчания – это обкрадывание человека, о научных достижениях которого молчат, а сами, пользуясь его данными, присваивают эти достижения себе! В этом именно и состоит “глубокое” значение заговора молчания. При упоминании об истинном авторе всегда выдвигаются вперед псевдоавторы, т.е. воры! Заговор молчания – мощное оружие в руках научных или литературных разбойников»². И он глубоко страдал от этих разбойников, страдал от своей беспомощности и от безмерной людской несправедливости.

«Уже к 1917 году, – отмечал он, – я, по сути, перестал существовать как исследователь, с которым необходимо было считаться. На моем имени стоял крест»³.

Чем выше подвиг творца, независимо от того, в какой области он творит, тем сильнее зависть научной толпы, тем больше бьет она по автору этих идей и мыслей. Ничто не встречает такого сопротивления и такого озлобления, как новое, которое пробивает себе дорогу в жесточайшей борьбе со старым, инертным и темным. Судьба Циолковского – тому ярчайший пример.

---

¹ *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. С. 203–204.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155.

«Настоящая прогрессивная наука, – писал А.Л. Чижевский, прошедший также тернистый путь такой борьбы, – это, конечно, прежде всего война – великая война против установившихся воззрений, против консерваторов, против рутинеров, война за овладение новой областью знания, прочно занятой устаревшими традициями, опровергнутыми законами и отжившими положениями. Война эта беспощадна! Одному человеку приходится штурмовать гигантские крепости, воздвигавшиеся столетиями и вооруженные до зубов недоверием, злобой, косностью и завистью. Несметные полки ниспровергаемых точек зрения с обнаженными мечами устремляются на новатора, носителя новых идей, и грозят ему всеми небесными и земными карами. Они грозят ему с библиотечных полок, из энциклопедий, из толстых томов, из учебников, из популярных брошюр. Они извергают на него хулу и поношение с академических и университетских кафедр. Они издеваются над ним из книг мелких писак, со сцены театров, с арены цирков. Каждый невежда считает себя вправе лягнуть ученого-новатора своим ослиным копытом. Каждый бездарный начетчик, кропатель, компилятор, копиист, носитель “прописных истин” считает своим долгом “утереть нос” прогрессивному ученому. Научные дискуссии превращаются для ученого-новатора в изошренные моральные истязания. Уже при входе в зал он слышит, как шепчутся его тайные противники, он видит глупые снисходительно-ехидные улыбки, смешки в кулак и нарочито вежливые лица с улыбкой в углах губ у субъектов преуспевающих и модных»¹.

Не было ни одного случая, чтобы Циолковский не подвергся осмеянию, а его мысли – гонению. За каждым его шагом следили глаза недоброжелателей, каждый его промах или оплошность служили основанием для несправедливых, а иногда и прямо враждебных выводов.

«...Никто так не презирал и не поносил его, – писал А.Л. Чижевский, свидетель всего происходящего, – как крупные представители научной мысли. Поток клеветы и дискредитации был буквально нескончаем. Один выпад против К.Э. Циолковского сменялся другим, причем в то время, когда ему еще не удавалось отпарировать первый, дать убедительное доказательство его правоты в первом случае, уже возникал второй: К.Э. Циолковского били с другой стороны, находили его идеи бредовыми, расчеты неверными, математические доказательства недостаточными. За вторым выпадом следовал третий и т.д.»². Ученые препятствовали изданию его трудов, а сам Циолковский прекрасно

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 227.

² Там же. С. 164.

понимал, что только опубликованные его работы донесут до следующих поколений его идеи и мысли о Космосе. И он старался издавать свои работы любой ценой, вкладывая в это свои последние гроши. В 1923 году вышла «Ракета в космическое пространство», в предисловии к которой он писал: «Как жаль, что я не имею возможности издавать мои труды. Единственное спасение для этих работ – немедленное, хотя и постепенное их издание здесь, в Калуге, под моим собственным наблюдением. Отсылать рукописи на суд средних людей я никогда не соглашусь. Мне нужен суд народа. Труды мои попадут к профессионалам и будут отвергнуты или просто затеряются. Заурядные люди, хотя бы и ученые, как показывает история, не могут быть судьями творческих работ. Только по издании их, после жестокой борьбы, спустя немало времени, отыщутся в народе понимающие читатели, которые и сделают им справедливую оценку и воспользуются ими. И на это уходят века и даже тысячелетия. Если *некоторые* мои работы не погибли, то только благодаря печати или отдельным их изданиям <...> Я сделал открытия во многих областях знания, между прочим в учении о строении атома; кто может во всем свете быть тут судьей? Также и другие мои труды опередили современность. Спасите же их, если желаете себе добра. Зачем повторять жестокие заблуждения, описанные в истории открытий и изобретений! Надо воспользоваться этими уроками и не попирайте больше истину»¹.

И это «спасите же их» свидетельствовало об отчаянии, которое с годами все более и более усиливалось. История науки подтверждает, что те, кто опередил свое время, заплатили за это великую цену – непризнанием, а нередко своей жизнью. И только полная уверенность в собственной правоте и необходимости того, что он делал, помогали ему жить и держать оборону против зла и тьмы. «Только единичные люди прорываются через этот страшный барьер, и то после борьбы, иногда многолетней борьбы, с невеждами, обскурантами и ретроgrадами, которые были так или иначе, по недомыслию или легкомыслию, сопричислены к лику ученых и заняли, к несчастью, высокие ступени иерархической лестницы»².

Циолковский был среди тех единиц, которые сумели противостоять этому барьеру невежества и даже преодолеть его. Тяжелейшая ситуация, в которой он оказался, усугублялась еще одним немаловажным обстоятельством. Речь шла не только о каких-то новых открытиях

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 94.

² Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 161.

и достижениях в науке, а о новом мировоззрении или, вернее, мышлении, которое получило впоследствии название космического мышления. Именно это обстоятельство заставляло значительную часть ученых, интуитивно ощущавших опасность, исходившую от неясного для них мировоззрения, защищаться от него и со всей силой атаковать его носителей. Циолковский среди немногочисленной группы таких носителей выделялся своей гигантской фигурой. В то время на небосклоне новой науки, формирующейся где-то «на задворках», всходило имя Цандера, одного из первых представителей технической космонавтики. В своих воспоминаниях о Циолковском Чижевский приводит знаменательный разговор с московским профессором А.П.Соколовым: «Представьте себе мое возмущение, – продолжал Алексей Петрович, – когда я узнал, что в большой аудитории нашего института состоится лекция Цандера, одного из последователей Циолковского. Подумайте только, добрались до университета, этого светоча русской науки, проникли в Физический институт, осквернили его... Да, впрочем, что у них может быть святого – у этих помешанных... Видите ли, на Земле им тесно, хотят загадать Космос, полететь на Луну, на Венеру, на Марс, к черту на рога... Когда я узнал о том, что в большой аудитории нашего института состоится лекция Цандера, да еще на такую тему, как полет на Луну, – земля закачалась под ногами. Мне показалось, что я теряю сознание, дыхание перехватило, в глазах поплыли черные круги. В большой аудитории, где с высокой этой кафедры в благословенные годы читали лекции знаменитые русские физики, появились прожектеры и фантазеры, доказывающие возможность полета на Луну. Я поражен тем, что советская власть попустительствует взбалмошным идеям такого рода. Их надо строго проконтролировать, кто они, эти прожектеры, уж не немецкие ли разведчики-лазутчики? Да и фамилия у этого Цандера подозрительная, по-видимому, он немец чистой воды. А может быть, это тот же Цандер, который писал фарсы и комические оперетты... А?»¹

Нет необходимости комментировать этот профессорский монолог. Время уже вынесло суждение таким высказываниям.

Из недр академической науки все громче раздавались голоса – запретить Циолковскому его математические вычисления, запретить ему думать над проблемами ракетодинамики. «“Запретить! Запретить! Запретить!” – такие возгласы неслись в Наркоматы, в Кремль в виде

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 482.

подметных писем, официальных докладов и рапортов»¹. И они имели свое воздействие. Редакции перестали принимать статьи Циолковского, рецензенты писали на них отрицательные отзывы. Наркомат просвещения перестал содействовать его исследованиям. Положение его становилось более чем критическим.

«О, он испытал все: голод, жажду, холод, когда приходилось дышать на окоченевшие пальцы, чтобы они могли держать карандаш, отсутствие денег, белья, платья, обуви, угля и крова... Может быть, не все сразу, но поочередно все виды бедности и лишений терзали его тело и душу. Случалось так, что иногда он опускался на самое дно жизни, сохраняя, однако, независимость своей мысли, веру в свои идеи и возможность взобраться на любую вершину, в то время когда окружавшие его посредственности боялись даже взглянуть на эти слепящие высоты»², – писал Чижевский.

Эта боязнь взглянуть «на слепящие вершины» во многом определяла позицию ученых, которые, казалось, стояли близко к исследованиям Циолковского. В этой боязни заключался целый кризисный процесс, тормозивший не только деятельность гениального Циолковского, но и становление нового космического мышления. Суть процесса заключалась в том, что научная мысль как бы опережала сознание ученых. Это мы наблюдаем в двадцатые и тридцатые годы прошлого века. И поэтому возглас – запретить работать Циолковскому и запретить самого Циолковского – все чаще и чаще раздавался там, где занимались проблемами воздухоплавания. Именно оттуда на Константина Эдуардовича сыпались наиболее болезненные удары. «...Никто так не мешал ему работать, как ученые, – писал его верный ученик Чижевский, – никто его так не дискредитировал, как они, никто так не презирал его, как штампованные корифеи авиационной науки»³. Среди них значительное место занимал крупный ученый Н.Е.Жуковский. Первый, кто сконструировал аэродинамическую трубу, был Циолковский. Жуковский дал на это изобретение положительный отзыв, а затем использовал его. Ни в одной из своих работ по этой трубе он ни разу не упомянул имени Циолковского. Но этим он не ограничился и всячески мешал Константину Эдуардовичу продвигать свои идеи.

«Если бы вы спросили меня о том, – вспоминал Циолковский, – сколько он мне портил, то я, не задумываясь, мог бы вам ответить:

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 479.

² Там же. С. 221.

³ Там же. С. 165.

всю жизнь, начиная с конца прошлого века, профессор Жуковский был наиболее сильный и умный мой соперник – он портил мне жизнь незаметно для меня и ничем не выдавая себя”. Профессор Жуковский был не только крупнейшим специалистом в области воздухоплавания. Но и крупнейшим врагом Циолковского. Этим он тоже будет знаменит. Он хорошо обосновал не только теорию гидравлического удара, но и практику удара по личности Циолковского»¹. И то, что такая научная величина так много усилий тратила на борьбу с Циолковским, свидетельствовало, несомненно, о том, какое значение придавал Жуковский Циолковскому как ученому. «У Николая Егоровича (Жуковского. – Л.Ш.), – отмечал сам Циолковский, – было много злобы. Он злился на меня за работы с воздуходувкой и, возможно, за работы с ракетой. Он не выдавал себя ничем. Но везде и всегда он тормозил мои идеи, кривил рот, когда речь шла обо мне, и молчал. Это было знаком отрицания моих работ <...> Он питал злобу ко всему новому и выходящему из рамок его представлений. И он, хотя и был знаменитым профессором, не мог дотянуться до тех идей, которым я посвятил всю свою жизнь»². Николай Егорович Жуковский был не только «знаменитым профессором», но являлся отцом русской авиации. Но тем не менее в суеете научных амбиций, прочно плененный традициями, сложившимися в авиации, ослепленный собственными страстями и эмоциями, он так и не заметил, что, собственно, стоит за идеями и исследованиями Циолковского, и в определенной мере не хотел замечать уже зарождавшегося процесса вытеснения винтовых двигателей реактивными. Ибо за последними стоял калужский «чудак» со своей безумной мечтой прорыва в Космос.

«Циолковский, – писал А.Л.Чижевский, – должен быть сопричастен тем исключительным умам, которые по неясным и непонятным для нас причинам избирают себе высокие цели и сложнейшие проблемы и всецело отдают себя на решение их, отважно преодолевая все препятствия и все преграды, которые встречаются на их пути, и приводят человечество к новым эпохам, к новым эрам в его существовании»³.

Эти «исключительные умы» избираются самой космической эволюцией, ставящей перед ними определенные цели, над которыми эти умы работают всю жизнь, несмотря на препятствия и тяжелые условия существования в нашем плотном мире. Они несут человечеству

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 151.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 160.

новые знания, новое мышление, которые продвигают это человечество вверх по лестнице космической эволюции. Но об этом знают только они сами, и очень редко такая миссия их бывает замечена современниками. В Живой Этике ясно и точно определена роль таких личностей. «Что же представляют собою герои и мученики? В смысле энергетическом они составляют как бы живые вулканы, извергающие напряженные энергии. Действительно, такие напряжения необходимы для эволюции <...> Люди не могут быть без этих ведущих вспышек. Если в Космосе взрывы будут созидательными импульсами, то и взрывы человеческие также нужны для эволюции»¹. Нет никакого сомнения, что и Циолковский принадлежал к этой когорте, энергетически продвигающей человечество.

Но одним Н.Е.Жуковским дело не ограничилось. Враги изматывали уже пожилого Циолковского, подрывали его здоровье. «Сил осталось мало, – писал Циолковский в 1929 году. – Я все более и более начинаю работы, но не кончаю их»². Судьбе было угодно, чтобы пик борьбы против Циолковского пришелся на последние его годы, когда он уже был стар и немощен. Вот тогда же весьма оживилась деятельность его постоянного врага В.П.Ветчинкина, игравшего значительную роль в кругах, от которых зависело немало в жизни самого Циолковского. Давая характеристики врагов великого ученого, А.Л.Чижевский писал: «...среди них выделялся один враг – но какой! Враг-ученый, расчетливый, вознесшийся на одну из высоких ступеней иерархической лестницы науки, враг, имеющий степени, звания и ордена <...> Конечно, этот умный и хитрый враг имел нескольких “сочувствующих”, которые ему помогали рассылать анонимки или распространять клеветнические слухи, но и только. В сущности, это была ребяческая забава. Главным делом управлял он сам, но, глядя на него, нельзя было даже подумать, что это и есть тот самый паук, который вьет смертоносную паутину вокруг К.Э.Циолковского. Его рыжеватая бородка, густая седеющая шевелюра, лицо простака, без всякой артистичности, добродушная улыбка, легкая подвижность производили неплохое впечатление простого малого, если бы не глаза – хмурые, скрытые, самонадеянные и злобные глаза, стреляющие без промаха и не знающие жалости. Я хорошо их рассмотрел однажды в 1937 году, когда он сидел в кресле напротив меня в гостиной известного летчика М.М.Г. (Громова. – А.Ч.)»³.

---

¹ Надземное, 272.

² Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2001. С. 199.

³ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 592–593.

Таков был Ветчинкин, который не оставил в покое Циолковского и после смерти. С 1935 года он начал публиковать свои статьи по теории ракеты. Это он расчетливо и планомерно осуществлял идею захвата результатов научной деятельности Циолковского. Видимо, он понимал лучше других, какую золотую жилу в науке представляют труды великого ученого. Ветчинкина не стесняло то, что не он нашел эту жилу и не он ее разрабатывал. Для него это было неважно. Но он не хотел пачкать свои крахмальные манжеты в этом разбое. Он знал, «что такое хорошо и что такое плохо». И он нашел того, кто легко и бездумно осуществил его замысел. Это был некто Ю.В.Кондратюк, работавший в Новосибирске. В 1929 году вышла книга Кондратюка, которая называлась «Завоевание межпланетных пространств». Предисловие к ней написал В.П.Ветчинкин, утверждая, что эта работа представляет собой наиболее полное исследование проблемы и проделана Кондратюком самостоятельно. В предисловии ничего не было сказано о приоритете Циолковского, несмотря на то, что идеи, содержащиеся в книге Кондратюка, принадлежали Циолковскому и были им уже опубликованы. Сам же он был обвинен в плагиате. Золото было похищено темной ночью. Ядовитые семена дали свои всходы. И они оказались долговечными. Еще в 1960 году на стенде АН СССР (ВДНХ) была выставлена книга Кондратюка с аннотацией: «В этой книге автор систематизировал результаты своих многолетних работ в области звездоплавания и дал решение целого ряда новых вопросов»¹. В 27 томе БСЭ в статье «Межпланетные сообщения» было написано: «Кондратюк разработал теорию реактивного движения, рассмотрел вопросы о топливе для ракеты, о конструкции ракетного двигателя и межпланетной ракеты, об аэронавигации, торможении ракеты атмосферой при спуске на Землю и о конструкции посадочного планера, устройстве станции – спутника Луны»². Энциклопедия освятила воровство, учиненное Ветчинкиным и Кондратюком.

Начиная с 1929 года и в последующие Ветчинкин организовывал бесплатную рассылку книги Кондратюка заинтересованным лицам. Сначала Циолковский принял эту книгу спокойно. Но человеческое его сердце и нервы едва выдержали этот удар. Чижевский оказался свидетелем этого поистине драматического момента.

« – Ах, лишь бы не умереть теперь, – сказал мне Константин Эдуардович, когда я поднялся к нему в светелку <...>

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 573.

² Там же. С. 597.

– Лишь бы не умереть, – твердил он, а сам беспокойно ходил взад и вперед по комнате, мял и расчесывал пальцами бороду.

– Все казалось мне вчера пустяком, – хрипло сказал он, – а вот всю ночь не спал и теперь вижу, что все не так просто и что все это грозит концом <...> Ах, только бы не умереть, а ведь мне семьдесят два года»¹.

В нем во весь голос говорило отчаяние и непереносимая боль человека, у которого украли результаты работы, которой он занимался всю свою жизнь. Украли открыто и дерзко, не посчитавшись ни с чем. Затем, совсем уже успокоившись, он сказал Чижевскому: «...пройдут годы, улягутся страсти, и тогда вы – очевидец всех этих дел – должны будете восстановить мой приоритет, если это понадобится, или рассказать об этих делах в назидание будущим поколениям. Я прошу вас об этом, а я буду спокойно работать и спокойно умру, зная, что вы со временем сделаете то, о чем я вас прошу, – пусть эта просьба будет моим вам завещанием»². И Чижевский, сам находясь в тяжелейшем положении, выполнил все, о чем просил Циолковский.

Еще в 1923 году Константин Эдуардович предчувствовал своей глубочайшей интуицией, по какому пути пойдет на него наступление Ветчинкина. «Надо понять, – говорил он Чижевскому, – что без уничтожения меня и моего имени никакая ракета профессору Ветчинкину не будет выгодна. Даже сотня самых быстрых ракет, даже космических кораблей. Сперва должен быть уничтожен я, отец ракеты, хулою, клеветою, физически – как угодно, но я должен пасть. И только после этого им имеет смысл заниматься ракетами, ибо моя *мельница будет остановлена*. Психология таких людей мне хорошо известна, а потому я жду удара из-за угла. Разве им дорог русский приоритет, разве им дорога правда-истина, разве им дорога русская наука? На все им наплевать. Это карьеристы. Им дорога их *личная* карьера – *личная* жизнь, *личное* благо»³. Через два года после своего переезда в Москву Чижевский нанес очередной визит Циолковскому. Была поздняя осень 1931 года. «Я не видел Константина Эдуардовича около двух лет. Он заметно изменился, постарел, полысел, оглох, уменьшился ростом и с трудом передвигал ноги. Стояла холодная погода, и он мало двигался, проводя большую часть времени в кресле или даже в кровати. Звонкий голос его и смех изменились, стали не похожими на его обычный голос

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 577–578.

² Там же. С. 577.

³ Там же. С. 558.

и веселую усмешку»¹. В самом же доме как будто ничего не изменилось. Александр Леонидович внимательно разглядывал комнату, где сидел Циолковский. «Те же полки на стенах, шкаф, письменный стол и рукописи. Те же недостатки и недоделки. Но мне показалось, – вспоминал Чижевский, – все это еще беднее, чем было раньше, – беднее, скромнее и жалче. Теперь не было того благодушия, которое чувствовалось во всем раньше. Все было не то. Чего-то мне не доставало! Чего? Это я понял позже: не хватало того, что ушло из существа самого хозяина дома – Константина Эдуардовича. Глядя на него, я увидел, что ушло очень много за это время, так много изменилось в нем самом, что мне стало грустно и глаза мои увлажнились: жизнь моего старого друга шла под уклон»².

Чижевский провел у Константина Эдуардовича несколько часов. Прощаясь, Циолковский сказал: «Крепитесь! Я благословляю вас на бой с врагами научного прогресса!»³ Он хорошо понимал, что Чижевскому грозят испытания труднее его собственных...

Борьба против врагов – это одно. Несогласие с близкими и родными – другое. Неизвестно, что было хуже. От такого несогласия Константин Эдуардович страдал сильнее, чем от вражеских выпадов.

« – Ты – неудачник во всем! – говорили ему. – Смотри: все умеют зарабатывать деньги и жить. А ты хочешь хватать звезды с неба, а не умеешь заработать лишней копейки. Ты хочешь облагодетельствовать человечество, а оно плюет тебе в лицо.

Обычно Константин Эдуардович обращал такие атаки в шутку, но это ему удавалось не всегда.

– Ты смеешься?. Это – не умно. “Благодарное” человечество не пощадит ни тебя, ни твоих трудов, ни твоей семьи.

– Неверно... – протестовал Константин Эдуардович. – Мои труды будут жить!

Но его перебивали:

– А семьядохнет с голоду. Что лучше, что хуже? Ты – эгоист, самый неисправимый эгоист, а думаешь о себе, что ты – великий человек.

– О себе я ничего не думаю. Зачем ты так обижаешь меня? Это – нехорошо, – защищался он, – разве я когда-нибудь говорил что-либо подобное? Я совсем не великий человек, я – неудачник, самый обыкновенный неудачник. Таким людям лучше бы не жить, но раз живешь, то приходится терпеть попреки.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 666.

² Там же. С. 666–667.

³ Там же. С. 670.

– Поменьше бы издавался и тратил деньги на типографии.

– Но смысл жизни! Ты пойми, в чем был бы для меня смысл жизни?

– Ах, я знаю. Смысл жизни – в расходах на издание твоих брошюр.

– Опомнись, что ты говоришь: “в расходах на издание”. В этом вообще нет никакого смысла жизни. Смысл жизни – в идеях, которые я должен донести до человечества.

– Опять человечество. Да плевать ему на твой смысл жизни, на твои забракованные всеми дирижабли и несуществующие ракеты. Все это фантазии, но ты не Жюль Верн. Тот по крайней мере сколотил себе состояние, а ты пускаешь семью по миру, довел сына до самоубийства.

– Что ты! Опомнись, при чем тут я? Стыдись так лгать на человека. Ты готов свалить все беды на мою голову...

– Прав я или не прав? – думал К.Э.Циолковский. – Я – эгоист, я не умею зарабатывать деньги, я народил семью неудачников, таких же, как я сам, сын кончил самоубийством, дети болеют... Но отказаться от дела своей жизни я не могу, не имею морального права. А существует ли такое “нравственное право”? Может быть, во мне говорит мой эгоизм, мое себялюбие?

Перебранки такого рода разъедали его душу, его тело, оскорбляли в нем ученого, ищущего человека, жертвовавшего всем во имя идеи, столь важной для человечества»¹.

И только одна Варвара Евграфовна не участвовала в этих баталиях. Она или осуждающе смотрела на нападавших на Константина Эдуардовича, или же уходила куда-нибудь, пережидая в другом месте конца «сражения».

«...Да не унывает, да не падает духом отважный искатель истины! – писал Чижевский. – Пусть грозы и бури проносятся над его обездоленной головой. Пусть он голодает, пусть его локти, колени и сапоги в заплатах! Он всегда находится в самом избранном, самом изысканном обществе, перед которым тускнеет общество всех владык, всех императоров, королей и президентов. Его участь делят с ним великие вожди науки, которые уже прошли через строй тех же жизненных испытаний и теперь спокойно говорят ему: “Ты стоишь на верном пути! Не сдавайся! Борись так же, как боролись и мы, – до самой смерти! Твоя борьба – твой долг перед родиной и человечеством. Стой на своем посту до конца!”»². Александр Леонидович Чижевский имел полное право сказать такие слова. Ибо и он, как и Циолковский, принадлежал к это-

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 206.

² Там же. С. 228.

му самому избранному и самому изысканному обществу вождей науки и прошел свой крестный путь, назначенный ему его нелегкой судьбой.

Константин Эдуардович имел ряд уникальных особенностей, которые отличали его от различного рода коллег. Если они постигали Космос теоретически, то Циолковский нес его в глубинах своего внутреннего мира, что позволяло ему проникаться Космосом и чувствовать его всем своим существом. Космос был как бы его частью, его мироощущением. Он был связан с ним не только информацией, но и образами, которые он черпал в его глубинах и переносил в земную действительность. Придет время, и эти космические картины, которые возникали в его воображении, будут подтверждены теми, кто проникнет в бездонные и беспредельные глубины Мироздания. Его космические зарисовки охватывали огромное пространство, начиная от картины Вселенной с ее процессами творения и разрушения и кончая картиной, которую космонавт наблюдает из космической ракеты. В эфирной пустоте, отмечает Циолковский, вечно светит Солнце. «Не затемняется оно облаками, не темнеет небо от туч, нет ночи, нет ни восхода, ни заката, ни зари, ни ослабления его света, ни усиления. Только повернувшись к нему спиной, мы его не видим. Тогда, в первый момент, крошечная тьма нас окружает. Мы совсем, совсем ничего не различаем, кроме невообразимого мрака. Но понемногу зрачок расширяется, глаз привыкает к тьме. Мы замечаем свечение собственного нашего тела; в тонких местах розовое, в более толстых – темно-красное. Затем мы видим кругом сферу с бесчисленными звездами. Сначала открываются только крупные звезды, потом они становятся ярче и появляются новые звезды; вот их больше и больше, наконец они серебряною пылью застилают все небо. Их так много, как мы никогда не видели на Земле. Там воздух мешал их видеть, распылял и уничтожал их свет. Здесь они кажутся совершенно неподвижными точками, не мигающими и не мерцающими, как на Земле. Они большею частью серебряные. Но, вглядываясь, видим звезды всевозможных цветов и оттенков, однако большинство серебряных. Фон черный, – черное как сажа поле с рассеянными кругом звездами всяких яркостей. Более яркие кажутся крупней. Иные сливаются в серебряную пыль, в туманное облако. Голубизны небес нигде не видно. Всюду однообразная чернота, – траур без всяких оттенков. Нет глубокой синевы, близкой к черноте, нет ни голубизны, ни млечного вида горизонта»¹. И еще: «Обратимся же ко

---

¹ Циолковский К.Э. Грезы о Земле и Небе. Тула, 1986. С. 226–227.

вселенной. В бесконечном ее пространстве мы видим бесконечное число солнц. Каждое солнце есть великий источник силы и жизни на многие миллионы лет. Каждое солнце окружено сотнями планет или земель, число которых еще бесконечнее, чем число солнц. Одни из них угасают, другие восстают из туманностей, зарождаются из эфира. И так шло в течение бесконечных времен. Рождение, падение, новое восстание... Протекли бесконечные времена, но не угас мир, а цветет по-прежнему; так и всегда он цвел и будет цвести. Цветы его – бесчисленные солнца, планеты и жизнь на них. Замирает жизнь, проходит во сне, в усыплении, но снова встает, снова возникает. Материя содержит бессмертную сущность, бессмертный дух, вечно возникающий, никогда не умирающий, распространенный по всей бездне вселенной»¹.

А вот описание того, что наблюдает космонавт из ракеты. Зарисовка эта сделана не позднее начала XX века.

«Между тем фаза Земли все уменьшалась, а граница тени и света давала все более и более громадные косые тени гор и возвышенностей. Казалось, звезды быстро движутся и падают на Землю, как будто ложатся на зубчатые освещенные края Земли, падают десятками, сотнями и тысячами: такую огромную часть неба занимает Земля, и так их тут видно много в пустоте. С другой стороны Земли, где чуть виднеется темная ее часть с громадными зубцами теней от заходящего Солнца, звезды как будто рождаются неизвестно откуда: на самом деле они выступают из заслоняющей их темной части Земли и становятся видимыми»². И далее: «Так как было сравнительно темно, то звезд было видно на противоположной половине неба гораздо больше. Они, как снег, продолжали сыпаться в этот океан зари; с противоположной же стороны багрового кольца они вылетали бесчисленными искрами фейерверка. Но свет кольца с одной стороны слабел, а с другой разгорался, меняя оттенки. Не прошло и 17 минут, как выглянула полоска Солнца; все засверкало, заря потускнела, и через 9 секунд во всем величии выглянуло полное Солнце. Все почти ослепли от света»³.

Трудно сказать, в какой части ближнего Космоса наблюдается такая картина. Это могут подтвердить или опровергнуть космонавты, побывавшие на таких высотах. Одно только можно утверждать – эффект присутствия в каждой такой зарисовке Циолковского поражает и восхищает. Создается впечатление, что Константин Эдуардович

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 270.

² Циолковский К.Э. Грезы о Земле и Небе. С. 103.

³ Там же. С. 104.

воочию видел то, о чем писал, что он путешествовал по Космосу, посещал его самые таинственные уголки и миры иных состояний материи. Мы знаем случаи, когда человек, физически не присутствовавший в каком-либо месте, мог его точно описать или изобразить на бумаге или полотне¹. Такого рода феномен мог произойти лишь в духовном познавательном процессе высокоразвитого человека. Полагаю, что Циолковский был именно таким. Эволюция одарила его способностью познать визуально то пространство, которое он научно изучал. В нем глубоко жило духовное чувство Мироздания и неизвестных сил, в нем действующих. Он хорошо понимал, что есть и другие пути познания реальности, кроме эмпирической науки. И осознание этого ему помогло в его открытиях и достижениях в области науки о Космосе и в его философских размышлениях.

«Я видел и в своей жизни, – писал он, – судьбу, руководство высших сил. С чисто материальным взглядом на вещи мешалось что-то таинственное, вера в какие-то непостижимые силы, связанные с Христом и Первопричиной. Я жаждал этого таинственного. Мне казалось, что оно меня может удержать от отчаяния и дать энергию. Я пожелал в доказательство видеть облака в виде простой фигуры, креста или человека. Желал, думал и забыл. Прошло, вероятно, несколько недель. Мы переехали на другую квартиру <...> Я часто там сиживал на крыльце, на дворе, думал и смотрел в облака. Интересовался направлением ветра, погодой и т.д. Вдруг вижу в южной стороне, не очень высоко над горизонтом, облако в виде очень правильного четырехконечного креста. Форма была так правильна, что я очень удивился <...> Долго я следил за облаком, и форма его сохранялась. Затем мне это надоело, и я стал смотреть по сторонам или задумался (не помню). Только немного погодя опять взглянул в ту же сторону. Теперь я был не менее удивлен, так как видел облако в форме человека. Фигура была отдаленная, ясно были видны руки, ноги, туловище и голова. Фигура тоже правильная, безукоризненная (как вырезанная грубо из бумаги) <...> Это было, должно быть, в 1885 г. весной (на 28-м году от рождения) <...> Это странное явление в связи с моими предыдущими мыслями и настроениями имело громадное влияние на всю мою последующую жизнь: я всегда помнил, что есть что-то неразгаданное, что Галилейский учитель и сейчас живет и имеет значение и оказывает влияние до сих пор <...> Несмотря на то, что я был проникнут современными

---

¹ Н.К.Рерих в своей картине «Сожжение тьмы» изобразил ту часть Эвереста, о которой знали лишь альпинисты.

мне взглядами, чистым научным духом, материализмом, во мне одновременно уживалось и смутно шевелилось еще что-то непонятное. Это было сознание неполноты науки, возможность ошибки и человеческой ограниченности, весьма далекой от истинного положения вещей. Она осталась и теперь и даже растет с годами»¹.

Весной 1928 года с Циолковским произошло еще одно событие, напоминавшее уже вышеизложенное. «Вот что случилось со мной, – писал он, – 31 мая 1928 г. вечером, часов в 8. После чтения или какой-то другой работы я вышел, по обыкновению, освежиться на крытый застекленный балкон. Он обращен был на северо-запад. В эту сторону я смотрел на закат солнца. Оно еще не зашло, и было вполне светло. Погода была полублачная, и солнце было закрыто облаками. Почти у самого горизонта я увидел, без всяких недостатков, как бы напечатанные, горизонтально расположенные рядом три буквы: *чАу* <...> Покамест я смотрел на них, они не изменяли свою форму. Меня очень удивила правильность букв, но что значит “чАу”? Ни на каком известном мне языке это не имеет смысла. Через минуту я вошел в комнату, чтобы записать дату и самое слово, как оно было начертано облаками. Тут же мне пришло в голову принять буквы за латинские. Тогда я прочел: “Рай”. Это уже имело смысл <...> Под облачным словом было что-то вроде плиты или гробницы (я не обратил внимания). Я понял все это так: после смерти конец всем нашим мукам, т.е. то, что я доказывал в “Монизме”. Таким образом, говоря высоким слогом, само небо подтвердило мои предположения. В сущности, это облака. Но какие силы придали им форму, имеющую определенный и подходящий смысл? В течение 70 лет я ни разу не страдал галлюцинациями, вина никогда не пил и возбуждающих средств никогда не принимал (даже не курил)»².

Было ли с Циолковским еще такое же? Мне об этом неизвестно. Его архив долгое время находился в закрытом или полузакрытом состоянии, его публикации были крайне ограничены, и поэтому еще многое сокрыто от нас до сих пор. Государственная идеология и традиционная наука долгое время ничего не принимали у Циолковского, кроме его технических открытий и изобретений, связанных с космической ракетой.

То, что сознание Циолковского намного превышало сознание его коллег, становится понятным только сейчас, да и то не всем. Такой

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 58–59.

² Там же. С. 237–238.

уровень сознания определял объемность и многомерность его мышления и восприятия окружающей действительности. И ему всегда противостояло «плоское» мышление среднего современного ученого. Он был великим и уникальным философом, чьи идеи космической эволюции были созвучны и русской философии Серебряного века, и философским находениям таких выдающихся ученых, как Вернадский, Чижевский, Флоренский. Живая космическая мысль Циолковского заложила устойчивый фундамент нового мышления XX века. Она все время билась в нем, складывая иную картину Космоса, нежели та, которая существовала в традиционной науке. Сама мысль занимала в этой картине одно из главных мест. Циолковский был одним из немногих, кто задумался над тем, что есть мысль. В свое время над этим размышлял великий русский хирург Н.И.Пирогов и пришел к интересным выводам. Стараясь постигнуть механику мышления, Циолковский писал: «Сначала идут мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль»¹. В этом коротком фрагменте мы находим довольно точное выражение эволюции мысли в процессе мышления – мысль, фантазия, сказка, наука и в конце концов завершающая творческая и действенная мысль. Он отличал от мысли обычной мысль пространственную и отводил ей важнейшее место в процессе творчества как такового. «Мысль должна править человечеством, – отмечал он, – мысль должна почитаться, от мысли спасение, небо и победа истины <...> Пойдем ей навстречу, поддержим ее. Она составляет наше счастье и могущество – нас и последующих бесчисленных поколений. Она воздаст нам и им во много раз больше, чем мы потратили на нее, отдавши ей половину своих трудов и любви»². Это молитвенное отношение к мысли пространственной, которую он связывает с Небом и истиной, открывает нам еще одну тайну источника его информации – пространственную мысль как космическое явление. Высказанная им мимоходом суть пространственной мысли, осознание которой в то время не пришло еще в науку, составляет важный сюжет в его философском наследии и вскрывает тайну духовного знания, идущего от иного, более высокого состояния космической материи. Оттуда являлись ему картины Мироздания и творческие озарения в его философской и научной мысли.

Со временем кое-что из его философских размышлений стало доступным тем, кто осознал все значение и величие этого человека.

---

¹ Циолковский К.Э. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 208.

² Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 276.

Но, полагаю, что еще многое остается за семью печатями. Он размышлял о материи и духе, о жизни и смерти, о вечности и сути быстротекущего времени, о первопричине Космоса и не известных еще нам его силах, о таинственной Иерархии и о космическом мыслетворчестве, о загадочных потоках энергии, льющихся на Землю, и странствующих по Вселенной путниках-атомах. Эти мысли владели им с первых шагов его научной деятельности, поддерживали его в зрелом возрасте и ушли вместе с ним, не успевшие вылиться на бумагу или в слова в тот последний час, когда оборвался его земной путь.

В своих философских размышлениях и научных изысканиях он каждый раз вырывался за пределы Земли, остро ощущая, что только преодоление земных границ даст ту истину, которой так не хватало и науке и философии. Он был уверен, что истина космична, и оставался в этом убеждении вплоть до своего ухода.

Свои основные философские взгляды он изложил в двух работах, одна из которых была написана в 1903 году и опубликована в 1914, другая – в 1930 году. Первая называлась «Этика и естественные основы нравственности», вторая – «Научная этика». И та, и другая работа свидетельствовали, что Циолковский брал этику за основополагающую основу космической эволюции человечества, тесно увязывая ее с процессами, происходящими в Космосе, и теми закономерностями, которые были свойственны последнему. «...Надо истинную мораль извлечь из естественных начал вселенной, – утверждал он, – из ее общих законов, и сделать ее, таким образом, убедительной и приемлемой всеми людьми»¹. Циолковский смело связал этику и нравственность человека с законами Вселенной, существование и действие которых он ощущал на себе, внутренне согласуясь с ними.

Он совсем по-другому, чем большинство его коллег, рассматривал проблему материи и духа, неразрывно соединяя их в регулярном взаимодействии в пространстве космической эволюции. Свои философские взгляды он противопоставил плоскому и механистическому материализму, который был основой научного мировоззрения XIX – начала XX века. Он был одним из первых ученых, который расширил понятие материи, узрев в ее глубинах нечто такое, что составляло ее основу, но еще не было объяснено. Это «нечто» было материальным, хотя и отличалось по своим качествам от плотной материи. Весь Космос предстал перед ним материей, но материей различных качеств и

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 40.

состояний. «Теперь я думаю, – писал он в 1903 г., – что материю также можно принять за дух, как и дух за материю. Наука указывает именно на духовность материи»¹.

Его материализм был глубже и богаче, нежели тот, который лежал в основе научного мировоззрения. «Вообще материализм остановился на половине дороги, – отмечал он, – в беспомощном и жалком состоянии, так как не дошел до отрадных выводов о вечной и безначальной жизни всего сущего, всякой частицы живой или мертвой материи»². Он интуитивно ощущал тот кризис научного мировоззрения, который возник на границе его перехода в новое мышление, основой которого становилась новая картина одухотворенного Космоса. Ибо дух являлся не только его материей, но и энергией.

Он представлял себе бесконечный и вечный океан материи, создающий космические тела, заполняющий межзвездное пространство и творящий в себе то, что в результате становится духом, разумом, пространственной мыслью, мыслящей материей. Он как бы воочию видел процессы, идущие в нем, ток атомов из одного вида материи в другой. Он уловил в круговороте обмена материи самых различных состояний процессы объединения и разъединения, состояния синтеза и анализа. «Чем сложнее образуется материя, чем больше в ее частицах сложность, тем меньше становится упругость этой материи и тем больше ее плотность <...> Но в сложных небесных телах, образовавшихся таким способом, происходит обратный процесс, т.е. разложение сложных частиц на более простые. Всегда происходят оба процесса одновременно, но в простой материи преобладает соединение (синтез) и сопряженное с ним уменьшение упругости и увеличение плотности. В сложной же – разложение (анализ) и сопряженное с ним увеличение упругости, стремящееся разрушить сложные тела, каковы солнца, планеты и т.д. Они и разрушаются, образуя опять разреженные массы и даже эфир, т.е. они становятся невидимы, как бы исчезая, как бы обращаясь в ничто. Лучеиспускание солнц, помимо их взрывов, составляет именно этот процесс – образование невидимой разреженной материи вроде эфира. Этими явлениями синтеза и анализа совершается вечный круговорот материи, то образующей солнца, то разлагающей их в эфир и очень разреженные невидимые массы <...> Есть ли конец этому усложнению и не начинается ли снова упрощение – неизвестно»³.

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 38.

² Там же. С. 43.

³ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 362.

И опять, читая описания невидимых нам грандиозных космических процессов, ловишь себя на мысли, что автор этого описания как бы присутствует при этом, являясь живым свидетелем того, что от нас сокрыто и внешне и внутренне. И если представить себе, что, как считает Циолковский, материя есть энергия и сила, то данные космические процессы обретают грандиозный эволюционный смысл, сквозь который светятся Великие законы, управляющие этим космическим по своим масштабам кругооборотом и движением. Один из крупных философов России Л.В.Лесков пишет по этому поводу: «Работа по составлению эволюционных сценариев глобального и космического масштабов, подобных тем, которые принадлежат Циолковскому, невозможна без опоры на духовное производство, на демиургическое творение смысла собственной концепции»¹.

К этому я бы добавила еще одно соображение. Это «демиургическое творение смысла собственной концепции», есть и теургическая способность к контакту с духовной энергией Космоса. Такая способность дала Циолковскому возможность и писать о различных слоях Космоса, определяющих уровень состояния материи в их пространствах. Он, в связи с этим, утверждал, что во Вселенной существует множество космосов, со своим временем и пространством, со своей материей, со своей одухотворенностью. «...Если разделить бесконечное время на ряд бесконечностей, – отмечал он, – то каждой из этих бесконечностей будет соответствовать своя материя, свои солнца, свои планеты и свои существа... Выходит, что существует бесчисленное множество иных космосов, иных существ, которых условно мы можем назвать нематериальными или духами»². «Множества космосов» – это свидетельство существования миров иных состояний материи и иных измерений, как неотъемлемой части картины реального Космоса. Во времена Циолковского подобное утверждение считалось ненаучным и фантастическим. Сейчас, когда пишутся эти строки, подобные утверждения таковыми уже не считаются, за это время научные открытия и достижения изменили отношение к таким концепциям. Один из авторитетных исследователей наследия Циолковского В.В.Казютинский пишет по этому поводу:

«Мысль Циолковского о возможности сосуществования во Вселенной множества космосов намного опередила свое время. Только

---

¹ Лесков Л.В. К.Э.Циолковский о будущем: взгляд из современности // Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 391.

² Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского на рубеже XXI века (послесловие) // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М., 2001. С. 354.

сейчас она пробивает себе дорогу в квантовой космологии. Согласно современным представлениям, разные вселенные различаются между собой свойствами пространства-времени, образующими их структурами, типами элементарных частиц и др.»¹.

Еще совсем недавно, в XIX–XX веках, мы мерили Космос пространством-временем, присущим нашему миру, невольно уходя от реальности иных состояний материи, других космосов. Еще в 1903 году утверждения теории относительности Эйнштейна, на основе нашего времени-пространства, для Циолковского оказались неубедительными. Согласно Эйнштейну, «скорость ни одного тела не может превышать скорости света, – писал Циолковский, – или скорости распространения колебательного движения в эфире. Но скорость эта нечто крайне изменчивое: она зависит от отношения упругости эфира к его плотности. Представим себе, что в другом мире эта упругость очень небольшая и скорость распространения колебательного движения в новой среде равна одному метру. Тогда выходит, что и скорость всех тел в этом мире не может быть больше метра?! Наконец, в разных пространствах вселенной эфир может иметь разную упругость и плотность, значит, и разную скорость колебательного движения. Даже материя весьма сильно изменяет скорость распространения света в прозрачных средах. Следовательно, скорость в эфире нечто изменяемое. Какую же скорость мы должны принять предельной для тел?! Пространство, время и множество других величин беспредельны. Почему же скорость ограничена!»²

Он отрицал формулу относительности Эйнштейна, поскольку она могла действовать только в конкретных условиях определенного Космоса и не годилась для иного мира, с иным состоянием материи. В этом случае Циолковский как бы нацупал «другое пространство», которое начиналось за пределами скорости света и которое имело совершенно другое качество материи и иной смысл пространства-времени. Эта проблема была связана еще с другим моментом – материей или отсутствием таковой в межзвездном пространстве. Циолковский называл эту предполагаемую материю эфиром, настаивая на его существовании. «Перед нами, – продолжал он, – дилемма: отказаться от эфира и принять закон релятивности или сохранить существование эфира и отринуть закон относительности. Мы предпочитаем последнее.

---

¹ Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского на рубеже XXI века (послесловие) // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. С. 354.

² Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 45.

Что создавалось веками силою гениальнейших умов, что служит для объяснения громадной массы световых явлений, – то не так легко отрезать, как закон относительности, основанный на очень сомнительных измерениях и невозможных для реального подтверждения своего существования»¹.

Все эти размышления приводят к одному заключению – мы не можем всю глубину и энергоматериальное богатство Космоса измерить земными мерками и представлениями. Если мы это не осознаем, то не постигнем его реальности и не поймем, каким образом этот Космос влияет на наш земной мир – его материю, энергию, его время-пространство. «На мой взгляд, время, пространство и материя (или сила, энергия), – утверждал он, – есть три элемента природы, на основании которых мы строим наши представления»². Время и пространство есть способ существования материи, какого бы состояния она ни была. Время и пространство безначальны и бесконечны. Такой же является и наша Вселенная.

Он усиленно работал над новой картиной Космоса, собирая воедино все, что нес ему сам Космос, что звучало где-то в глубинах его внутреннего мира, что приходило к нему картинами-озарениями и что, наконец, давали ему находжения и открытия науки. Он пытался представить все в целостном единстве, но это не всегда ему удавалось, и он страдал от возникающих противоречий, которые разбивали почти завершенную картину, и он снова брался за дело – творя, размышляя и прислушиваясь к пульсу Мироздания, частью которого он был, а временами как бы ощущал его в самом себе. Иногда ему казалось, что этот беспредельный и безначальный Космос и он сам творят вместе в полной гармонии и согласии. Для него Космос, его Вселенная не являлись холодной пустотой, а были наполнены жизнью, голосами тех, кто был выше его и совершеннее. Он убедился, что именно оттуда идут знания, похожие на озарения, вспыхивающие в нем самом. И вместе с тем он понимал, что качество приема этих знаний зависит от уровня сознания принимающего. «...Если бы даже голос высших существ из других миров сообщил нам знания, – писал он, – то и тогда бы мы их приняли или не приняли, согласно нашему разумению <...> И так, источником знания служат наши чувства и ум. Только голос вселенной мы воспринимаем иногда непосредственно, а иногда через посредство других существ, большею частью уже ушедших из нашего мира, но оставивших

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 45.

² Там же. С. 49.

нам в том или другом виде свои труды...»¹ Он также знал, что те, кто дарил ему знания, стоят на разных ступенях космической эволюции, но все они являлись его учителями и были выше и совершеннее его. И только Один из них был всего ближе к нему. Он верил в Него, и это служило ему опорой. Вера так или иначе входила в пространство его космического познания. «Трудно обойтись без веры. Человек без веры, хотя и во всеоружии знания, во многих случаях жизни не знает, что ему делать <...> Для меня, например, общим руководством в жизни служит философия Галилейского учителя в чистом виде, освобожденная от легенд и суеверных толкований»².

Для него Галилейский Учитель стоял как бы на самой вершине совершенных, возглавляя их Иерархию, существование которой он, ученый Циолковский, интуитивно ощущал и в которую верил. Это чувство веры и любви к Учителю поднималось из глубин его внутреннего мира, ему не хватало именно такого Учителя. Чувство к этому Учителю открывало ему новую глубину познания, о существовании которой он не подозревал, – личностное познание космической высоты и совершенства. «Если есть Первопричина, если сложность мира и его разумных существ бесконечна, если вопросы так запутаны, то я не могу руководствоваться исключительно научными выводами, сделанными нами ранее. Помимо того, что они не могут решить мне всех вопросов, которые возникают в жизни, мое сердце жаждет большего, видит дальше, чем разум, и чище его. Смутные чувства и желания влекут меня к великому учителю с его великою любовью, подобною любви Первопричины. Только непонятно, откуда эти чувства, которые выше разума <...> Но важно и то, что нам может сказать наука настоящего времени: она утверждает нас в вечности атома, в необходимости добродетели, намекает на существование Первопричины и существ, невидимых нами: но она не дает нам полного ответа на вопросы жизни. Мы имеем идеалы: благородства, долга, добродетели, скромности, терпения, мужества, самопожертвования и т.д. Все ли их оправдывают наши рассуждения и оправдывают ли достаточно убедительно?»³

И далее: «Поэтому я имею две веры: веру в Учителя – и эта вера, хотя и не по силам мне, но служит мне главным светочем в моем жизненном пути, – и веру в научные выводы, которые во многих случаях подтверждают христианское учение <...> Не подтвердит ли она

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 88.

(наука. – Л.Ш.) выводы великого учителя, как уже теперь отчасти подтверждает? <...> Итак, смиримся с нашей наукой и не будем забывать наше ничтожество перед неведомым. Будем любить ее, но не забудем, что она начало – азбука, а не ответ на все вопросы. Будем искать, будем настороже, а не покоиться на лаврах»¹.

Эти две веры Циолковского, в Учителя и науку, являлись фундаментом новой системы познания, космического мышления, делавшим эту систему объемной, многомерной, несущей в себе идею соединения или, скорее, синтеза духовного и научного способов познания. Человеческое чувство, человеческое сердце становятся для него инструментом познания, углубляют пространство традиционного научного исследования, подводят научную мысль к реальности, а вместе с ней и к истине. Он на собственном опыте убеждался, что не только интеллект служит познанию, но и сердце, в котором, как в капле, отражена вся сложность Космоса и которому энергетически соответствуют структуры, управляющие Космосом. Именно через сердце пришла ему весть о Великом космическом законе Учительства, который нес в себе его Галилейский Учитель.

В своем духовном пространстве он ощущал законы космической эволюции, познания которых так не хватало человечеству. Он осознавал, что эти законы имеют универсальное значение, они применимы и к формированию гигантских планетных систем, и к деятельности человеческого общества. Везде высшее ведет за собой низшее. Без высшего низшее не может развиваться и достигать более высокого состояния. Иными словами, без высшего нет эволюции, как таковой, без него нет и продвижения в человеческом обществе. Не низшее в своем развитии превращается самопроизвольно в высшее, а высшее ведет за собой низшее, помогая ему достигнуть желаемой, более высокой ступени. Для него, для Циолковского, таким ведущим началом был Галилейский Учитель.

Мысль его все глубже и глубже проникала в реальность Космоса, ища ответы на вопросы, которые перед ним возникали. Он считал, что у Вселенной должна быть Первопричина. Над этой Первопричиной задумывались древние мудрецы. Он ставил эту Первопричину над Вселенной, но ему было крайне трудно определить ее научно. Первопричина как бы не давалась ему, и каждый раз, когда он слегка прикасался к ней, хотя бы как к понятию, она выскользывала, поднимаясь,

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 89.

как ему иногда казалось, куда-то в запредельность, и исчезала в мерцающем тумане скрытой от него космической тайны. Можно ли считать этой Первопричиной Бога? Здесь возникала трудность, которую необходимо было преодолеть. У понятия «Бог» было много различных толкований. Они менялись от перемены времени и пространства, на них образовывались многослойные исторические напластования. Конечно, можно было вывести из всего этого разнообразия нечто среднее. Но это среднее можно было принять лишь за часть Первопричины. Оно не давало ясного пути к решению самой проблемы. Здесь возникала нежелательная прямолинейность, искажавшая само понятие. Каждый раз, когда он углублялся в реальность Космоса, натывался на эту Первопричину, условного Бога, некую надкосмическую силу. Из всего, над чем он размышлял, он знал только одно, что с Первопричиной связано самое главное – таинственная иерархическая цепь совершенных существ, без которых наша Вселенная, наш Космос был бы совсем другим и, возможно, не существовало бы и самого человека. В 1932 году он написал работу, которую озаглавил «Нет ничего». В ней он пытался научно объяснить Первопричину.

«Нет бога-творца, – утверждал он, – но есть космос, производящий солнца, планеты и живых существ: нет всемогущего бога, но есть вселенная, которая распоряжается судьбой всех небесных тел и их жителей.

Нет великого бога, но есть космос, содержащий в себе миллион миллиардов солнц, сотни миллионов миллиардов планет и биллионы биллионов существ.

Нет вездесущего бога, но есть всюду распространенный космос.

Нет животворного бога, но есть вселенная, переполненная биологической жизнью.

Нет бессмертного бога, но есть космос, вечно возникающий, вечно юный, переполненный зрелыми человечествами, не имеющий ни начала, ни конца.

Нет бесконечного бога, но есть космос бесконечного протяжения, времени, массы и энергии – явной (кинетической) и запасной (потенциальной).

Нет живого бога, но есть космос, каждая часть которого может обратиться в разумное существо, потому и вся вселенная жива, только величина этой жизни различна: от едва видимой величины до человека и выше.

Нет доброго бога, но есть космос, породивший биллионы биллионов зрелых, а потому сознательных и счастливых существ.

Нет доброго бога, хотя есть вселенная, давшая счастье всем своим существам.

Нет блаженного бога, хотя есть вселенная, блаженная своими совершенными существами.

Нет сынов божьих, но есть зрелые и потому разумные и совершенные сыны космоса.

Нет духа истины, но есть правда, исходящая из зрелых и совершенных сынов космоса.

Нет личных богов, но есть избранные правители: планет, солнечных систем, звездных групп, млечных путей, эфирных островов и всего космоса.

Нет таинства евхаристии, или вечери любви, но есть обязанность каждого человека делиться избытками сил и продуктов со слабыми.

Нет Христа, но есть гениальный человек, великий учитель человечества. Если бы его послушали, то не было бы войн, убийств и насилий!

Нет души, но есть бессмертная материя, из которой составлено каждое животное. Она блуждает во вселенной, принимая разные формы. Тело каждого существа непрерывно обновляется и изменяет свои свойства (дитя, юноша, взрослый, старик). Так вещество животного, блуждая во вселенной, тоже изменяет свою форму, только более резкими скачками (смерть и рождение).

Нет воскресения, но оживают погасшие солнца и рассеянные планеты, разрушаются и восстанавливаются девяносто элементарных атомов, оживает непрерывно и безгранично вещество Земли, преобразуясь в растения и животных. Все в зачатке живо, потому что может ожить.

Нет духов, но есть существа, образованные дециллионы лет тому назад из бывшей тогда очень разреженной материи.

Нет физического бессмертия, но врачи и натуралисты надеются удлинить жизнь. На сколько – неизвестно. Но достигнут ли физического сохранения формы без резких скачков в виде смерти?

Нет христианского бога на Земле, потому что, по мнению христиан, бог есть любовь. Любви же между людьми нет, а следовательно, нет и бога. Когда вырастут люди нравственные, уничтожатся войны и будет между ними любовь, то появится на Земле и христианский бог.

Нет божьего единства, но есть единство в материи космоса и ее законах.

Нет счастливого бога, но есть счастливая вселенная. Так как зрелые существа ее планет счастливы.

Нет разумного бога, хотя есть целесообразная вселенная, переполненная зрелыми и разумными существами.

Нет сознательного бога, хотя есть космос, сознательный своими существами.

Нет разумного бога, потому что на Земле мы видим безумие и страдания, хотя мы знаем момент Земли и не знаем положения дел на иных планетах.

Нет животных без грубых отправления: еды, испражнения, дыхания и прочего, но во вселенной есть совершенные, питающиеся солнечными лучами, как растения.

Нет доброго христианского бога на Земле, хотя нам дан разум, который в силах устранить все зло и оставить одно добро»¹.

Эти высказывания гениального Циолковского я бы назвала его космическим кредо, уникальность которого не поддается никакому сомнению. Не сосредоточиваясь особенно на форме, нужно отметить его главную мысль – Первопричина Космоса есть его самоорганизация. Она не над Космосом, а заключена в нем самом. Это она, Первопричина, в долгой истории человечества принимала форму различных богов и божеств, которые олицетворяли собой Высшие силы, управлявшие Космосом и самым значительным образом влиявшие на жизнь человека и на планету его обитания. Человек обожествлял эти силы и называл их по-разному, но их суть от названия не менялась. Написанное Циолковским с самого начала производит несколько противоречивое впечатление и, возможно, кем-то не будет воспринято правильно. Мы находим в этом тексте два ясно выраженных потока информации: научный и интуитивный, в котором значительную роль играют озарения и то, что шло из глубин внутреннего мира самого автора, т.е. из духовного пространства познания. Слившись вместе, оба потока создали кредо, в котором обозначились главные, принципиальные моменты космической эволюции, лежащие в основе новой формирующейся картины Вселенной. Сейчас комментировать этот текст крайне трудно, ибо со временем в нем будут проявляться новые и новые идеи, связанные и с грядущими достижениями науки, и с новыми находениями знаний, идущими из области духа. Еще до этого кредо он выстроил главную линию развития космической эволюции. «От *причины*, – писал он в 1925 году, – исходит космос как одно из ее произведений. От космоса совершенные человекоподобные существа, а от них

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 341–342.

абсолютная истина, ведущая Вселенную к радости и устраняющая все страдания. Она оживляет мир и дает ему господство разума»¹.

Эти совершенные существа и составляют Иерархию, на которой держится эволюция Мироздания. Согласно мысли Циолковского, человек должен благоговеть пред Причиной, подчиняться Высшим совершенным и принимать исходящую от них Истину.

Связь Иерархии с Причиной Космоса следует из многих размышлений и работ Циолковского. Его удивительные слова о Причине свидетельствуют о той глубине и сложности Космоса, о которой еще не подзревала современная ему наука. «...Вселенная непрерывно кричит нам о существовании *причины*»², – пишет он. Но не все этот крик слышат, не каждый ученый его улавливает. Циолковский своим примером показал, как необходимо духовное познание самого человека в любой области неведомого и особенно в пространстве Космоса. Углубляясь через духовное пространство своего внутреннего мира в суть Причины, он утверждал, что она есть Высшее Вселенной и то, что она не имеет «ничего общего с веществом»³. По всей видимости, Циолковский, говоря о веществе, имел в виду знакомое нам состояние материи и не вдавался в ее иные состояния, хотя, возможно, именно за этим и стоит его «не-вещество». Она, Причина, по мнению Циолковского, «несоизмерима со своим творением, так как создает вещество и энергию, чего космос сам не в силах сделать»⁴.

И далее: «*Причина*, с человеческой точки зрения, во всех отношениях бесконечна по сравнению со Вселенной, которая, в свою очередь, бесконечна по отношению к любой части космоса: к человеку, Земле, Солнечной системе, Млечному Пути, к группе спиральных туманностей, ко всему *известному* миру»⁵. И все эти уровни грандиозного Мироздания пронизывает энергетическая цепь высших существ, являющихся бесконечным мостом между творящими силами Причины и бесконечным Космосом. В этом построении совершенно новой картины Мироздания Циолковский нащупал или угадал одну их великих тайн Бытия, которую, возможно, раскроет будущая наука.

Он утверждал, что могущественные и совершенные существа Вселенной самых разных уровней и рангов связаны с рядом подобных

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 209.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 209.

себе, живущих на Земле. «...На Земле, – писал он, – есть необыкновенные люди, так называемые мудрецы, гении, ученые. Они были и в прошедшие времена. История указывает нам на них. Сравнить со средними людьми их невозможно, так как их дела были необычайно велики. Дела их были бессмертны и приносили неумирающие, вечные, нескончаемые плоды <...> Разве они не оставили неугасимый след, не живут среди нас, и не пользуемся мы их не иссякающим никогда гением?»¹ Прозрения Циолковского были всегда удивительными и реальными. Он протянул эту Иерархию совершенных на Землю, что соответствовало логике его рассуждений о тех, кто обогнал человечество в своем эволюционном развитии и воздвиг негасимый и бесконечный мост между Иерархией высоких существ и людьми плотного мира. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом явления на Земле личностей, стоящих на более высокой ступени космической эволюции и несущих на Землю весть о новых знаниях, помогающих человечеству расширить свой познавательный диапазон и повысить уровень своего сознания. Их судьба, за редким исключением, складывалась на Земле трагически, условия их существования были тяжелыми, они часто подвергались гонениям, знания, которые они несли человечеству, не всегда понимались и еще реже принимались.

Пытаясь представить себе Иерархию Космоса, Циолковский интуитивно догадывался о некоторых моментах, связанных с ней. Иногда эти догадки носили характер озарений и неожиданных прозрений. «Так вот, – размышлял он, – этот высочайший избранный гений космоса, созданный бесконечностью пространства, материи и времени, – не правит ли он вселенной с помощью организации из подобных же высших существ? Может быть, существует правитель у каждой солнечной системы, высший правитель у Млечного Пути, еще высший у их группы, плавающей в эфирной изолированной массе, и т.д., вплоть до самого высочайшего, или гения космоса. Но как его представить, когда космос беспределен!»² Называя космических Иерархов правителями той или иной области Космоса, он, конечно, не вкладывал в это слово – правитель – того узкоземного смысла, который вкладываем мы. Ему, который прозревал существование подобных высоких существ, было крайне трудно найти им точное словесное определение, выражающее смысл самого субъекта. «Но как его представить, когда космос беспределен!» – восклицает он. Сквозь космическую беспределность

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 247.

² Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 29.

и бесконечное время прошедших манвантар было очень трудно и почти невозможно определить суть и смысл высочайших Иерархов, на чьих творческих силах и энергии держалось Мироздание. Но Циолковский сделал огромный шаг в его познании, осознав существование подобных высочайших Иерархов. Иерархия была важнейшей проблемой космической эволюции, и ее решение уже не казалось ему невозможным. «Бог есть совершеннейшая организованная часть мира, обладающая мыслительною силою, совершенством, непостижимым для человека, – таким же непостижимым всемогуществом и другими хорошими качествами. (Эти свойства вполне естественны, но непонятны человеку по ограниченности его умственных сил.) Кроме него (бога) образовалась еще бесконечная лестница существ, более или менее близких к нему по их свойствам и находящихся в координации, или согласии с ним. Такое представление о боге имеет некоторое подобие с представлением о необыкновенном, добром и могущественном человеке. Это весьма возможно. Но как же расстаться с необходимостью другого бога – первопричины!..»¹ Он с ней и не расстался, развернув ее смысл в своем кредо 1932 года. Он не смог пожертвовать этой первопричиной во имя самого слова – бог, смысл которого так по-разному трактовался в самом человечестве. Что же касается лестницы совершенных, то она вызывает образ Лестницы Иакова, о которой мы читаем в Библии. И этот момент крайне важен в создании новой картины Мироздания, которая опирается на находения, известные человечеству с глубокой древности, но обретшие в наше время новую форму. Он поднимался мыслью по этой лестнице и, минуя множество богов или иерархов, достигал самого Высшего, в котором и скрывалась самая великая тайна Мироздания. «Этот высший бог порожден Вселенной и, может быть, и есть сам КОСМОС. Итак, мы должны признать существование множества богов самых разных рангов. Чем они выше, тем дальше от человека, тем непостижимее ему»², – рассуждал он.

«Есть ли он (высший бог. – *Л.Ш.*) сам КОСМОС или некое выделение из него, так сказать, личный бог (некое отдаленное подобие высшего воображаемого человека), сказать трудно. Форма его, размеры, органы, свойства и т.д. – все это совершенно для нашего сведения недоступно. Однако, принимая Вселенную бесконечной, что весьма вероятно, не будет конца рангам божеств»³.

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 30.

² Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 247.

³ Там же. С. 248.

Он сумел своей мыслью проникнуть в самую глубину космических уровней и прозреть в них космическую Иерархию самых высоких степеней. Но «ослепление Землей», как он называл этот энергетический процесс, помешало ему проникнуть в реальность и суть этих космических сил. На этом пути он встретился с неизбежной диалектикой явления Земля–Космос. Он пришел на Землю, наполненный дыханием Космоса и богатством знаний о нем. Он должен был донести их до людей. Но энергетические эманации плотной материи Земли не дали ему возможности увидеть космическую реальность во всем ее богатстве и найти к ее определению соответствующие слова земного языка. Космос каждый раз ставил перед ним проблемы, в решении которых ему не могла помочь эмпирическая наука с ее мощным экспериментальным аппаратом. Там, куда доходила его мысль, откуда шли его озарения и прозрения, земной научный эксперимент оказывался бессильным. Он хорошо понимал, что именно человеческое сознание выстраивает мосты между земным познанием и космическим предметом или явлением эмпирического исследования. Но моста к высшей космической Иерархии не было, он был утрачен наукой еще в прошлом. Можно ли его восстановить теми средствами, которыми обладала земная эмпирическая наука? Он не мог ответить на этот вопрос. Он только осознавал, что отрицательный ответ рано или поздно приведет науку, которую он так боготворил, к кризисным явлениям. Как он мог облечь в научные термины голос Вселенной, который звучал в глубинах его внутреннего мира, какая экспериментальная аппаратура плотного мира могла его поймать? Но, кроме этого голоса, Вселенная обладала и волей. И временами ему казалось, что то, что существует в самом человеке и предназначено к познанию, намного тоньше, совершеннее и восприимчивей, чем самая лучшая аппаратура земных экспериментальных исследований. Возможно, что именно эмпирическая наука более, чем любая другая область познания, «ослеплена Землей», ее плотной материей. Интуиция подсказывала ему, что плотная материя Земли не есть единственное ее состояние, что существуют миры иных состояний материи, иных измерений, более высоких уровней сознания. И именно через эти миры Космос проявляет свою волю и власть. «Но кроме миров, подобных человеческим, возможны миры из веществ иных плотностей и иных размеров <...> Делимость материи, вероятно, беспредельна»¹, – отмечал он. Размышляя о делимости

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 234.

материи и ее преобразении, он высказал мысль о том, что в тонких мирах существуют тонкие обитатели, и не они ли входят в тело плотного человека в виде души. Это было удивительное прозрение, получившее позже свое подтверждение, но не в такой прямолинейной форме. «Ослепление Землей» продолжало действовать, и он сам же отверг свое предположение. Однако даже «ослепление Землей» не смогло изменить или исказить его идею о Иерархии разумных сил и ее воле. «Воля человека, – утверждал он, – и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения есть только голос Вселенной. Все от нее. Но прежде, чем дать истину, она колеблется в нас между правдой и заблуждением. Приходит, однако, время, когда истина устанавливается, как она, наверно, установилась в достаточно живших мирах, т.е. почти во всей Вселенной. Ни у одного существа ее, хотя бы превосходящего разумом человека в миллионы раз, нет воли и свободы действий с точки зрения вне космической»¹. И еще: «Этот голос (Вселенной. – Л.Ш.) давно шумит во всем космосе и есть преобладающий знак истины. Земля сейчас еще до нее не доросла вследствие ее *младенческого возраста*»².

Есть воля Вселенной, и есть свободная воля человека. Воля Вселенной не действует насильственно, она не несет наказания ослушавшемуся. Когда свободная воля человека приходит в противоречие с волей Вселенной, что часто происходит в плотном мире, то в энергетике Мироздания объективно возникают процессы, несущие негативные последствия тому, кто сделал неверный шаг. Взаимодействие воли Вселенной и свободной воли человека есть драматическая и тяжелая проблема человеческого бытия. Эту драму ощутил Циолковский, выразив ее словами о колебании свободной воли человека «между заблуждением и правдой». Амплитуда этого колебания зависела от уровня сознания выбирающего решение и его понимания роли Космоса в жизни Земли и в его собственной. Чем тоньше материя и выше сознание человека, тем лучше он слышит и ощущает волю Вселенной и осознает необходимость ее принять и подчиниться ей. Он в этом подчинении не ощущает никакого дискомфорта или гнета, ибо, в конце концов, в этой общей воле Вселенной есть и часть его сознательной и свободной воли. Циолковский считал, и, видимо, справедливо, что воля Вселенной реализуется через ее разумные силы, которые вмеши-

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 232.

² Там же. С. 233.

ваются время от времени в жизнь земного человечества. Существуют явления, замечает он, которые свидетельствуют «о проникновении каких-то разумных сил в наш мозг и вмешательстве их в человеческие дела. Я сам два раза в жизни был свидетелем таких явлений и поэтому не могу их отрицать. Если же они со мной были, то почему не могли быть с другими. На этом основании я допускаю, что некоторая часть такого рода явлений не иллюзия, а действительное доказательство пребывания в космосе неизвестных разумных сил, каких-то существ, устроенных не так, как мы, по крайней мере, из несравненно более разреженной материи»¹.

Иными словами, Циолковский прослеживает в Космосе деятельность различных разумных сил, влияние которых ощущается на Земле. Но сами жители Земли, по мнению Циолковского, к такому контакту не готовы, и опять-таки в силу своего незначительного уровня сознания, невежества, а подчас и фанатизма. «Заявление иных миров произведет невообразимый переполох на Земле. Явление не будет понято, и фанатизм поднимет голову, начнутся войны, погромы и черт знает что. Когда же распространится просвещение, возвысится культурный уровень, тогда мы узнаем многое о жителях других планет. Пока довольно и того, что я вам сообщаю. Это необходимая предварительная прививка»². Здесь Циолковский явно переоценил землян. Большинство из них о подобном контакте просто бы не знали, другие бы не заметили, третьи не поняли бы, четвертые – не поверили бы и т.д. Никакими глобальными катастрофами этот контакт нам не грозил бы. Плотная материя будет всегда сопротивляться такому знанию, как она делает и теперь, много лет спустя после ухода Циолковского. «Таинства материи и сил, – писал он, – открываются непрерывно. Расширяется представление о Вселенной и ее причине. Все изменяется, все течет, в общем, к высшему, к лучшему»³.

Циолковский был одним из первых ученых, постигших бесконечность идущих в Космосе изменений, беспредельность самой Вселенной и безначальность жизни, заполняющей этот Космос.

«Вселенная никогда не умирает, не угасает, не исчезает, вечно горят ее огни, вечно живут ее существа, господствует над всем высший разум. Если одни солнца угасают, то другие возникают. Общий огонь Вселенной никогда не потухает <...> Если Вселенная и угасает,

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 230.

² Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. Калуга, 1931. С. 58.

³ Там же. С. 64.

то может снова возникнуть. Жизнь ее оказывается периодичной, а это еще не гибель. Вечное возобновление, так сказать, воскресение еще не приводит нас в отчаяние <...> Раз Вселенная всегда горела огнями и жизнями, то не может она и погаснуть <...> Выходит, что космос не умирает. А если и умирает, то снова возникает – без конца»¹. Много позже наука проникнет в процесс умирания и воскрешения Вселенной, но многое в этом процессе останется для ученых еще неясным. Картина же периодов умирания и воскрешения Вселенной, нарисованная гениальной мыслью Циолковского, останется для науки путеводным маяком, ибо в ней был заключен Великий закон Космоса – движение космической эволюции через бесконечность противоположения жизни и смерти, воскресения и умирания. Начиная от человека и кончая беспредельными пространствами космических тел и межзвездного вещества – везде неуклонно действовал этот закон. Противоположения – это то, что двигало эволюцию человека, планеты, Вселенной. Он со всей остротой своей интуиции прозревал, что без противоположений, без двух полюсов с противоположными знаками не может существовать ни одно явление в Мироздании. Если по каким-либо причинам оставался один полюс, явление переставало быть явлением, утрачивая способность к развитию и поступательному движению. На земле особенно ярко был выражен этот двухполюсный мир – добро и зло, Христос и Антихрист, свет и тьма.

«Между противоположными полюсами – высшей степенью добра и высшей степенью зла – существует множество промежуточных ступеней. Посередине стоит средний человек, обыватель, ни то ни се, ни горячий, ни холодный: непостоянный человек»², – писал он. И, разъясняя эту особенность космической эволюции, отмечал: «Долгое время отрицательная сила преобладает. Но в конце концов, через определенный, сравнительно небольшой промежуток времени, она должна сдаться и уступить положительному полюсу»³. Существование однополюсного мира может привести к его разрушению. Здесь мы имеем дело с несколько прямолинейным осмыслением закона противоположения. В мире плотной материи, где уровень дифференциации крайне высок, зло не сможет быть побеждено без преображения самой материи.

У него была своя миссия на Земле, и он выполнял ее так, как удавалось очень немногим. И, конечно, он спешил. Он понимал, что то,

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 253.

² Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 188.

³ Там же. С. 189.

что он задумал, делается не сразу, на это, возможно, уйдут века. Но где-то в сокровенной глубине своей души он ощущал непреодолимое желание увидеть все это воочию, почувствовать космическую невесомость, о которой он писал, увидеть небо за пределами земной атмосферы и преодолеть земное тяготение с помощью мощных двигателей космической ракеты, которую он так точно и подробно себе представлял. «Ничто меня так не занимает, – писал он, – как задача одоления земной тяжести и космические полеты. Кажется, половину своего времени, половину своих сил я отдаю разработке этого вопроса. Мне вот уже 78 лет, а я все продолжаю вычислять и изобретать касающееся реактивной машины. Сколько я передумал, какие только мысли прошли через мой мозг! Это уже были не фантазии, а точное знание, основанное на законах природы; готовятся новые открытия и новые сочинения. Но фантазия также меня привлекала. Много раз я брался за сочинения на тему “Космические путешествия”, но кончал тем, что увлекался точными соображениями и переходил на серьезную работу»¹. Последняя фраза этого значительного фрагмента открывает тайну творчества самого Циолковского, в котором тесно взаимодействовала фантазия с реальной наукой и сама фантазия плавно переходила в вычисления и формулы. В этом случае можно спросить, что же такое фантазия, посещавшая ученого, озарявшая его и служившая отправным пунктом научно-практической деятельности? Где был ее источник? У Циолковского с фантазии начиналась серьезная научная работа, подтверждавшая ее реальность. Фантазии эти существовали в духовном пространстве человеческого познания. В своей работе «Вне Земли» он подробно описал жизнь на борту космической ракеты, выход космонавтов в открытый Космос, а также путешествие на Луну и приводнение после спуска летательного аппарата. С фантазии начиналась его идея о заселении землянами околосолнечного пространства, а кончилось все подробным описанием их космических жилищ, их образа жизни, их метода питания и много другого, что может вызвать неподдельный интерес серьезных ученых. Подробности этих описаний, опять же, столь реальны и столь неожиданны, что невольно при их чтении возникает ощущение присутствия. Такие детали мог изобразить только реальный свидетель. «Поместимся в тени его (космического жилища. – Л.Ш.). Солнца не видно, общая картина окажется очень странной. Мы почувствуем себя в центре небольшого черного

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 121.

шара, усыпанного разноцветными точками: звездами и туманными пятнышками. Кроме того, через весь шар тянется широкая туманная полоса Млечного Пути, кое-где раздваивающаяся. Каждый раз, заслонясь от Солнца, мы погружаемся в ночь. Удалившись от жилища и не выходя из его тени, мы зараз увидим почти все небо, всю сферу. Солнце бы нас убило своими ультрафиолетовыми лучами, если бы обыкновенные стекла нашей одежды и жилища не предохраняли нас от них. На Земле нас хранит от них атмосфера. Выплыв из тени, мы увидим Солнце. Оно покажется нам гораздо меньше, чем с Земли, таким же уменьшенным, как и небесная сфера. Это субъективно, оно несколько не уменьшилось. Трудно представить себе, что чувствует человек среди Вселенной, среди этого мизерного черного шара, украшенного разноцветными блестящими точками и замазанного серебристым туманом. Нет ничего у человека ни под ногами, ни над головой. Может быть, ему представится, что он вот-вот упадет на дно этого шара, в ту сторону, куда обращены его ноги»¹. Далее он описывает космические жилища, где поддерживаются нужная температура, влажность, добываются с помощью соответствующей аппаратуры вода, пропитание и все остальное, что нужно человеку для жизни. «Солнце, – продолжает он, – может нам давать древесину, уголь, крахмал, сахар и все бесчисленные множества веществ, доставляемых и сейчас растениями на Земле. Они такой же источник силы, как и каменный уголь, дожди и ветер на нашей планете»². Циолковский создавал чертежи космических ракет, рассчитывал конструкции околосолячных жилищ человека, изобретал крылья для передвижения человека в Космосе. «Человечество, – утверждал он, – не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолячное пространство»³. Он раскрывал перед человечеством грандиозную перспективу заселения Космоса, раздвигал узкие земные границы, суля невиданное ему будущее и вечную счастливую жизнь. Он подкреплял все это реальностью науки, забывая порой о реальности самого Космоса, в котором шли свои сложнейшие процессы взаимодействия различных видов материи и энергий, подчиненные Великим космическим законам, рамки которых были точны и неумолимы. Но «ослепление Землей» сдвигало реальность этих рамок, делая допустимым то, что не могло

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 104.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 13.

быть допустимым. К «ослепленению Землей» у Циолковского добавилось и «ослепление наукой», которое в значительной мере вторгалось в его новаторские представления о космической эволюции. «Есть два рода жизни, – отмечал он. – Одна сама начинается на небесном теле и достигает известной степени развития, другая заселяет небесные тела и пространства путем переселения»¹. Отвлекаясь от проблемы возникновения или вечности жизни, как таковой, можно сказать, что первую Циолковский отдает естественной эволюции, вторую же – науке и технике, которые рассматривает как основные инструменты эволюции человечества. Иными словами, если первая категория жизни идет в соответствии с законами космической эволюции и ее энергетики, то вторая – есть результат деятельности самого человека, вступающего в своеобразную конкуренцию с самой космической эволюцией и оставляющего за собой право вмешиваться в ход этой эволюции. Он смешивал оба способа жизни, стараясь ликвидировать то противоречие между ними, которое возникало неизбежно при их разделении. В этом случае произошло определенное столкновение философа и ученого в пространстве космической эволюции человечества. И если философ искал закономерности этой эволюции и немало сделал в этом отношении, то ученый стремился с помощью науки и техники «улучшить» эволюцию человечества, вмешиваясь в ее ход, что само по себе выглядело, с точки зрения законов этой эволюции, недопустимым. «Ослепление наукой», через которое проходил Циолковский, усиливало в нем традиционный взгляд на вещи и расширяло пространство, где переставало действовать Высшее начало, основной принцип космической эволюции. В этом случае человек помимо своей воли с помощью науки и техники ставил себя на место этого Высшего начала. Но уместна ли здесь подобная критика великого ученого? Полагаю, что нет, ибо сам Циолковский, его явление на Земле, были связаны со сложнейшими процессами самой космической эволюции и поэтому мы обязаны понять его и доброжелательно осознать некоторые отклонения в его космическом учении, которые были связаны с очень серьезными моментами – «ослеплением Землей» и «ослеплением эмпирической наукой». История человечества и его подвижников знает лишь единичные случаи, когда удавалось преодолеть такое «ослепление». И чем выше был уровень эмпирических научных знаний индивидуальности, тем большая возникала опасность «ослепления».

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 123.

Но вместе с тем, когда под влиянием каких-то обстоятельств уходил туман этого «ослепления», он четко видел реальность Космоса и его влияния на земную жизнь. «В земной жизни, – утверждал он, – и в жизни Космоса далеко не все так просто, как думают наши ученые и философы, и высокий разум мыслящих существ уже не раз вмешивался в стихийные силы природы, в явления космических масштабов, только мы еще не научились замечать эти вмешательства. Но с прогрессом науки мало-помалу будут вскрыты те конструктивные изменения, которые внес высокий разум мыслящих существ в высокие, но слепые силы материи. Для того чтобы заметить эти влияния, понадобится несколько столетий или даже тысячелетий упорной работы ученых, если в один прекрасный день космический корабль, прилетевший из далекой галактики, не раскроет нам основные законы Вселенной»¹. Но пока этот космический корабль еще не прилетел и не ожидался даже в недалеком будущем, ученым и, в частности, самому Циолковскому, приходилось самим справляться с проблемами космической эволюции. И возникавшие при этом различного рода отклонения были не ошибками или недостатками самих ученых, а наиболее драматическими моментами в их творчестве. Циолковский полагал, что заселение человеком Космоса приведет к существенным в нем изменениям. «Будет полный простор для развития как общественных, так и индивидуальных свойств человека, не вредящих людям. Картину душевного мира будущего человека, его обеспеченности, комфорта, понимания Вселенной, спокойной радости и уверенности в безоблачном и нескончаемом счастье трудно себе представить. Ничего подобного ни один миллиардер сейчас не может иметь»².

Намаявшись и настрадавшись в плотном мире Земли, наполненном противоречиями, злом, смертельными конфликтами и т.д. и т.п., Циолковский стал мечтать о мире совершенного счастья и покоя, существование которого в корне противоречило законам космической эволюции. Ибо в таком мире отсутствовали противоположения, какими бы они ни были, на которых держалась энергетически эта эволюция.

«Техника будущего, – утверждал он, – даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей Солнечной системе. Посетят и изучат все ее планеты. Несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением. Окружат Солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Это

---

¹ *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. С. 410.

² *Циолковский К.Э.* Гений среди людей. С. 171.

даст возможность существовать населению в два миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Отчасти она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей, отчасти переселенные кадры сами будут размножаться <...> Кругом Солнца, поблизости астероидов, будут расти и совершенствоваться миллиарды миллиардов существ. Получатся очень разнообразные породы совершенных: пригодные для жизни в разных атмосферах, при разной тяжести, на разных планетах, пригодные для существования в пустоте или в разреженном газе, живущие пищей и живущие без нее – одними солнечными лучами, существа, переносящие жар, существа, переносящие холод, переносящие резкие и значительные изменения температуры. Впрочем, будет господствующим наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией (как растения) <...> После заселения нашей Солнечной системы начнут заселяться иные солнечные системы нашего Млечного Пути <...> Земля оказывается исходным пунктом расселения совершенных в Млечном Пути. Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром <...> Тяжкую дорогу прошло население Земли. Страдальческий и длинный был путь. И еще осталось много времени для мучительного развития. Нежелателен этот путь. Но Земля, расселяясь в своей спиральной туманности (т.е. в Млечном Пути), устраняет эту тяжелую дорогу для других и заменяет ее легкой, исключаяющей страдания и не отнимающей миллиарды лет, необходимых для самозарождения»¹.

Все, что здесь написано Циолковским, может быть воспринято неверно. Мы нередко склонны трактовать подобные тексты плоско и прямолинейно, не вникая в суть сказанного. Проблема заселения Космоса может быть вполне реальной в отдаленном будущем. Однако вмешательство человека в космические миры в этой ситуации может создать положение, при котором искусственно созданный человеком космический мир может столкнуться с процессами самой космической эволюции и создать острые кризисные явления. И если к тому времени космический корабль из другой галактики еще не доставит на Землю информацию о законах Вселенной, то такое вмешательство человека, без знания этих законов, может привести к космической катастрофе и нарушению процессов, идущих в пространстве самой космической эволюции. И тогда искусственные миры счастья и добра

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 171–172.

могут вновь превратиться в миры зла и страданий. Но в подобных фантазиях-знаниях не все лежит на поверхности. Мысли ученого о важной роли Земли не являются, например, утверждением приоритета этой планеты в Космосе. Скорее, здесь выражена ее роль как мира плотной материи в космической эволюции. Плотный мир со всей его высокой дифференциацией, острыми противоречиями, страданиями и губительными опасностями необходим для продвижения человечества так же, как и миры более высоких состояний материи. И эта гениальная мысль Циолковского о земном этапе космической эволюции крайне важна для понимания этой эволюции, как таковой. «Роль Земли, – писал Циолковский, – и подобных немногих планет хотя и страдальческая, но почетная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнять убыль регрессирующих пород космоса. На долю земного населения выпал тяжелый жребий, высокий подвиг. Немногие планеты его получают»¹.

Циолковский принадлежит к тем выдающимся личностям, научное и культурное значение которых вырастает с годами. Научный взрыв 20-х годов прошлого столетия много сделал для понимания тех знаний, которые были принесены Циолковским на Землю. «Мы видим, – отмечал он, – что европейская наука буквально подтверждает мои выводы как о полной возможности космических путешествий, так и возможности устройства там жилищ и заселения околосолнечного пространства. Последнее дает в 2 миллиарда раз больше солнечной энергии, чем какое получает Земля. Дело разгорается, и я зажег этот огонь»². Он был глубоко прав. Именно он первый «зажег этот огонь». Огонь действительных космических знаний, огонь, который даст человеку через несколько десятков лет возможность, преодолев земное притяжение, на ракете, разработанной им, вырваться за пределы земной атмосферы и увидеть Космос таким, как видел его он в своих фантазиях-знаниях.

Создавая свою космическую философию и разрабатывая принципы космической ракеты, он не раз обращался к восточной философии, к древним знаниям культуры Востока. Особенно его интересовала индийская философия и, прежде всего, буддизм. Оттуда он взял ряд важных понятий, без которых, как он был убежден, теория космической эволюции была бы неполной. Закон причинно-следственных связей, или карма, упоминается Циолковским в ряде его работ. «В будущей жизни, – утверждает он, – неверные шаги настоящей жизни сказыв-

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 174.

² Там же. С. 94.

ваются отдалением совершенства, царства истины, замедлением прогресса, остановкой его, даже движением вспять к первобытному или животному состоянию»¹. И еще: «Наша воля, наши поступки – настоящие и будущие – результат давно прошедших времен. А эти родились от времен еще более ранних. Дециллионы лет тому назад, дециллионы дециллионов лет, дециллионы в дециллионной степени – вот времена, вот состояние мира, послужившее причиной современных и будущих лет»². Карма обуславливает наши жизни в течение бесконечного количества лет существования Вселенной. Бесконечны и наши жизни, бессмертная часть которых переходит из одного времени в другое, из одного состояния материи в другое. Карма самым тесным образом взаимодействует с законом перевоплощения, или реинкарнации, который составляет основу космической эволюции человека и без которого эта эволюция теряет свой смысл.

Человек космичен во всех своих проявлениях и является странником в вечности, который несет свою бессмертную энергетiku, усвершенствуя и одухотворяя ее от одной жизни к другой и таким образом продвигаясь по спирали космической эволюции.

« – Что же последует за вторым рождением?

– Третье, четвертое и так без конца, и все в новой форме.

– Однако может пройти столько миллиардов лет, что и Земли тогда не будет. Как же я тогда оживу и где?

– Вместо Земли будут другие планеты. Вы на них оживете. Форма смертна, но материя бессмертна <...> Оживление, как и смерть, повторяется без конца»³.

С процессом реинкарнации Циолковский связывал и проблему появления на Земле тех, кого он называл гениями и которые своим творчеством и своими идеями продвигают человечество. «Всякий раз, – утверждал он, – гениально одаренный творец *один* как бы подытоживает наработанное до него *всеми*, и затем *один* пролагает в будущее пути для *всех*»⁴. Иными словами, гений тот, кто прошел длинный путь бесконечных жизней и в каждой взял жемчужину, которые вместе составили дивное ожерелье, венчающее его. «Высшие люди, – разъясняет Циолковский, подтверждая этим эволюционный процесс реинкарнации, – выходят не из школ, не по аттестации профессоров,

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 26.

² Циолковский К.Э. Гений среди людей. С. 226.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Циолковский К.Э. Грезы о Земле и Небе. С. 429.

не по рекомендации авторитетов, а совершенно неожиданно, откуда их, как будто, никак нельзя ожидать»¹. Это он, сам Циолковский, прошел вечным странником через беспредельность Космоса, чтобы принести людям плотного мира Земли знания, добытые им, и позвать их туда, где горит и сверкает множеством миров Красота высокого ума и бессмертного духа.

Мы только начинаем осваивать то, что он принес нам и выразил в беседах с другом и учеником, крупнейшим ученым нашего времени Александром Леонидовичем Чижевским. Они неповторимы и бесценны уже тем, что он, Циолковский, во время бесед чувствовал себя свободно и раскованно, ибо Чижевский понимал его с полуслова. Константин Эдуардович делился с ним мыслями, которые, обретая законченную форму, находили потом место в его статьях и книгах.

«...Никогда так не распалялась его душа, – вспоминал А.Л.Чижевский, – как во время дружеских обсуждений той или иной теории или работы, особенно когда эта тема хотя бы краем касалась его научных интересов. Тут он преображался. Сотни замечательных примеров, гипотез, теорий, как фейерверк, рождались в его уме. Он оживлялся, он кипел, как гейзер, как вулкан, вознося вверх свой душевный огонь. Из скромного учителя он превращался в блестящего ученого, эрудированного во многих областях. Он умел думать вслух, обращаясь к вам и к тем миллионам, которые невидимым строем стояли рядом с ним, с вами... Он обращался ко всему народу, зная, что только весь народ оценит его должным образом, а не отдельные лица. Поэтому Константина Эдуардовича всегда как бы лихорадило: он торопился скорее обосновать свою гипотезу и поскорее опубликовать ее, чтобы приняться за следующую. И так без усталости от одной работы он переходил к другой, от другой к третьей и так далее. Это было вечное кипение, вечное стремление познать непознанное и закрепить его в печатном слове. Можно сказать, что это была своего рода мания. Но какая возвышенная и великолепная!»²

После бесед с Циолковским Чижевский записывал то, что слышал от него. Помимо этого, многое из того, что говорил Циолковский, как бы врезалось в память Александра Леонидовича. Учитель и ученик беседовали на самые различные темы – о времени и пространстве, о материи и энергии, о научном и техническом прогрессе и, конечно, больше всего о космической эволюции и необходимости познания

---

¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 199.

² Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 68.

реального Космоса. Циолковского занимала проблема времени, наиболее таинственного явления, суть которого так и осталась загадкой для современной науки.

«Мирового потока времени, – рассуждал он, – этого странного “явления”, никто и нигде не видел, не ощущал и не мог даже указать, где следует его искать! Этот термин как некоторая необходимость для роста человеческой цивилизации был вымучен из умозрения и дан нам как положение, как аксиома, не требующая доказательств»¹. Он ставил вопрос о времени смело и иногда даже парадоксально, предвидя новые подходы к нему в будущем и не удовлетворяясь теми, которые существовали в современной науке. «Все современное естествознание, – говорил он Чижевскому, – состоит из догм, не обладающих способностью быть долговечными, ибо они, эти догмы, удовлетворяют мировоззрению сегодняшнего дня и не будут признаны уже завтра. Грядущее столетие будет думать о времени иначе, чем думали Ньютон и Галилей, и, очевидно, не так, как думаем мы. Поэтому мы можем позволить себе роскошь подумать о времени, невзирая на “несомненную” божественность авторитетов»². Он считал, что слово «время» не отражает его космической сути, и то, что мы зовем временем, нужно назвать «энергией или еще чем-либо»³. Размышляя о феномене времени, он понимал несовершенство и относительность земных его мерок. Он говорил о человеке, который «все явления Солнечной системы, всей нашей Галактики и всего Космоса вообще стал выражать в земных секундах и тем самым любое явление в Космосе подчинил земному масштабу времени»⁴. Он не признавал такой масштаб, ибо последний искажал космическую суть времени, его беспредельность и безначалие. «...Говоря о космических событиях, их нельзя оценивать с позиций земных секунд, – утверждал он. – Это было бы нелогично и непредставимо. Так, земное время возрастает до таких колоссальных пределов, которые наш мозг (мозг человека в данном случае) охватить не может. Например, миллиарды миллиардов лет. Поэтому такого рода экстремум не имеет никакого смысла для человека. Мы не можем ни понять, что такое вечность, ни представить ее себе»⁵.

Земное время не может дать представление о вечности. Вечность имеет иное качество, не соотносимое с ним. «Много лет, – продолжал

---

¹ Чижевский А.Л. Аэроионы и жизнь: Беседы с Циолковским. М., 1999. С. 681. (В дальнейшем: Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским.)

² Там же. С. 682.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 684.

⁵ Там же. С. 685.

Циолковский, – я искал объективное время в разнообразных явлениях природы, на Земле и в Космосе, но всюду обнаруживал только “земное”, иначе “человеческое”, время, созданное человеком, его гением, не имеющее ничего общего с объективными данными природы. Время не дано человеческому уму как свет, а изобретено человеком как “деталь” некоторой машины, созданной его же мозгом. Мы никогда не видим времени, не ощущаем его хода или его действия на те или иные предметы, но многое приписываем действию времени и часто приписываем без всякого смысла или логики. Так, старение организма мы относим за счет времени. В то же время и с таким же успехом старение можно было бы отнести за счет периодического изменения пространства, в котором этот организм помещается. Или еще что-нибудь другое»¹. Земное и космическое время расходится не только в масштабах, но и еще в чем-то другом, концептуальном. Он считал, что нужно осмыслить отсутствие «объективного времени» в природе с точки зрения философской, ибо «отсюда вытекает основное философское утверждение о том, что Космос вечен и не сотворен когда-то и кем-то»².

Он говорил о том, что Эйнштейну и его последователям не удалось решить проблему времени, и опровергал Г. Минковского, который считал время четвертым измерением. Он размышлял над текстами Евангелия, утверждавшими, что время однажды остановилось, пытался понять древних философов, которые писали, что есть только «вечное теперь». Но и они не могли помочь ему в решении проблемы времени. И он продолжал выдвигать предположения, в истинности которых сам сомневался.

«Но “время” всегда стоит, – делился он своими соображениями с Чижевским, – движутся только окружающие тела, и мы это движение принимаем за “время”. Представим себе такое нелепое положение вещей – движение времени. Что это значит – я еще сам ничего не понимаю. Движение времени – абсурд, если время только наше представление. Если же время вещественно-материально, тогда оно существует вне нас, независимо от нашего сознания, и, следовательно, оно должно двигаться как некоторая материальная всепроникающая субстанция. Тогда, спрашивается, где она, эта субстанция?.. Открыта ли она в природе? Очевидно, нет»³.

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 685.

² Там же. С. 688.

³ Там же. С. 693.

У него не было достаточной информации для размышления и не хватало ряда данных, чтобы представить себе точную и реальную картину Мироздания. Многие причины космических процессов были от него скрыты, а беря в расчет только земные следствия, решить проблему космического характера не представлялось возможным. Оставалось только надеяться на будущее. «...Пройдут десятилетия или столетия, и человечество освободится как от “мирового потока времени”, так и от времени относительного, хотя и будет носить карманные часы, необходимые ему в повседневной жизни. Тогда будет создана иная физическая картина мира, где времени не будет»¹. Последняя фраза звучит как пророчество. Может быть, оно и сбудется. Однако современная наука таких надежд Циолковскому не оставляла.

Чижевский потом сделал к этой беседе свое заключение. «Итак, оказалось, что мы стоим у разбитого корыта, – записал он. – Так перед временем стоял великий Аристотель и все доаристотелевские философы. Так стоят и наши современники. Решения для времени еще не найдено! Так по крайней мере думал К.Э.Циолковский, и очень близок был к этому представлению Иоганн Вольфганг Гёте»².

В июле 1925 года Чижевский вновь посетил Циолковского. Была летняя ясная ночь, и они, покинув светелку, решили поговорить во дворе. «Звездная ночь объяла Калугу, – вспоминает Александр Леонидович. – На небе ни облачка. Мы с Константином Эдуардовичем сошли из светелки вниз, чтобы посидеть на завалинке, побеседовать на открытом воздухе и полюбоваться звездным небом.

Какое совершенство! Какое великолепие в этом блеске и сиянии, в этой игре и лучезарности звезд! Сверхземное и даже сверхчеловеческое! Невообразимое слепцу, но непостижимое уму! Смотри хоть тысячами глаз земное чудо – человек, в это величественное великолепие, но ни причины, ни следствия нигде не увидишь. Бесконечные времена проходят мимо него – этого “вечного теперь”. Звезды сияют как бы перед великим торжеством – сосредоточенно и молчаливо. И так всегда!

Звездное небо! Оба мы хорошо читали небесные иероглифы. Оба мы восторгались строгой геометрией созвездия Ориона, красивейшим блеском Лиры и Веги, лучистыми алмазами Арктура и Сириуса <...>

– Ух ты, какая красота, – громко, набирая воздух в легкие, произнес Константин Эдуардович, – Вселенная перед нами! Миллионы световых лет отделяют нас от них, но мы их видим и познаем. Чудо!..

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 697.

² Там же. С. 698.

И все-таки мы, люди, должны готовиться к полету в эту звездную Вселенную – готовиться не покладая рук. Мы должны завоевать его, этот мир, раскрытый перед нами и тем самым данный нам природой во владение. Настала новая эра – эра начала овладения Космосом на гигантских ракетах, которые полетят во все концы Вселенной в поисках новых земель и новых ресурсов энергии. Человечеству открыты пути усовершенствования своего бытия. А вы представьте себе, что если бы весь мир заключался только в Солнце и Земле. Абсолютно черное небо над атмосферой! И это было бы все! Какой ужас охватил бы человечество, когда Солнце стало бы остывать. Вся изумительная история человечества и закончилась бы на Земле... Как труп. Но перед людьми – колоссальное богатство, невероятные возможности, только надо уметь ими воспользоваться. Богатство Вселенной с бесконечным количеством миров, звезд и планет, с неисчерпаемыми источниками энергии, которой человек должен будет овладеть, и во что бы то ни стало. В этом назначение человечества, смысл его существования. И оно пойдет по этому пути, пойдет. Я верю в мощь человеческого разума и не боюсь этих несоизмеримых пространств»¹. Эта беседа под звездным небом интересна еще и тем, что оба собеседника несли в себе то глубокое космическое ощущение, которое было свойственно далеко не всем. Даже философы, утверждавшие, что человек есть часть Космоса, не всегда сами обладали этим космическим ощущением. Такое соединение созерцания Вселенной и глубинного космического ощущения собеседников было необычным явлением на Земле. Беседа летом 1928 года представляла важнейший этап в развитии мировоззренческих взглядов и Циолковского и Чижевского.

Беседа началась с проблемы ритмических чередований противоположных состояний материи в Космосе, что занимало обостренную мысль Циолковского не однажды. «В этом мире, – рассуждал он, – ничто не вечно, кроме самого мира. Сам мир, сумма масс и энергий, – это констанс, но его части меняются. Эти части рождаются, живут и умирают для того, чтобы возникнуть снова. Мир – это феникс. Всякая смерть есть катаклизм. Ему подвержены звезды, Солнце, планеты, микробы, растения, животные и человек. Катаклизм есть обязательное и неизбежное качество всякой материальной индивидуальности»². Он верил в человеческий разум, в его способность находить меры против подобных катаклизмов, но при этом понимал, что космическая эволюция идет соответственно законам Космоса. По всей видимости катак-

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 384.

² Там же. С. 396.

лизмы, которые он ощущал и предвидел, и натолкнули Циолковского на идею расселения человечества в Космосе. Он опасался, что Земля может погибнуть от всеразрушительного катаклизма, и предполагал, что, возможно, подымется уровень Мирового океана, и тогда начнется Всемирный потоп, или землетрясения, или другие подобные стихийные бедствия. «Во всяком случае, – утверждал он, – человечество ждут впереди большие катастрофы, и к ним надо быть готовыми <...> Но уже пора кое-что предвидеть и принимать меры – в этом заключается научное предвидение. К сожалению, таким предвидением люди не обладают, более того, если кто-либо позволяет себе говорить об этом, его забрасывают камнями и называют лжеученым, мракобесом»¹.

Позже Чижевский включил в эту беседу свои стихи:

*Смеется седой океан
И темную песню поет,
И в берег пленительных скал
Упорными волнами бьет.*

*Дробится о камень волна
И камень язвит и дробит –
Военной тревоги полна
И смертной истомой томит.*

*И пальмы на том берегу
Тревожно и глухо шумят,
И слушает зверь на бегу,
Что листья ему говорят.*

*Знакома им тайна одна –
Извечная тайна морей:
Стремится на берег волна,
И берег покорствует ей.*

*Пусть звезды в полночи горят,
И Солнце ликует весь день,
И люди, как пчелы, гудят
Столиц, городов, деревень.*

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 400.

*Волна наступает на них,
Медлительно гибель несет:
Величье усилий людских
Под водной тоской погребет.*

*Смеется седой океан
И темную песню поет,
И в берег пленительных стран
Победными волнами бьет¹.*

Во время беседы Циолковский прочел Чижевскому выдержки из Апокалипсиса, где описана катастрофа Земли.

«И вот произошло великое землетрясение, и Солнце стало мрачно, как власяница, и Луна сделалась как кровь».

«И звезды небесные пали на Землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет нежные смоквы свои».

«И небо скрылось, свившись, как свиток, и всякая гора и остров сдвинулись с мест своих»².

Прочитав Библию, Циолковский продолжал: «Если величайшие горные кряжи бесследно исчезнут в потоке времени, то малейшее движение человеческого духа сохранится и станет бессмертным. Только в потомках – когда человек расселится по Космосу»³. Чижевский тут же комментировал сказанное: «Это представление было истинным фундаментом космизма»⁴.

«Говоря между нами, – размышлял вслух Циолковский, – не кажется ли вам, Александр Леонидович, смешным или даже, более того, психопатичным, что бывший учитель епархиального училища, каким являюсь, по сути дела, я, думает о будущем человечества. Да еще о каком будущем – за несколько тысячелетий вперед, и хочет заставить своих соотечественников также думать об этом? Хочет заставить отечественных инженеров, физиков и химиков думать о космических полетах и строить корабли-ракеты для этих необычайных путешествий? Да, мне очень хотелось бы, чтобы мы, русские, первые перешагнули порог великого Космоса»⁵. И продолжал: «Конечно, это

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 401–402.

² Там же. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 407.

будет русская ракета, и, конечно, полетит на ней русский человек. Да, да, именно русский человек – богатырь, отважный, смелый, храбрый первый звездоплавател, именно русский, а не немец, не француз, не англичанин, не американец. Русские ученые и инженеры построят мощный космический корабль, а русский богатырь выведет его навстречу Космосу, откроет людям путь в Космос. Это было бы поистине великое завершение моих мечтаний и моих расчетов. Космическая ракета возможна, и она будет <...> Какой это будет счастливый день для нашей науки, когда русские люди поднимут ракетный корабль навстречу звездам! Этот день станут считать первым днем космической эры в жизни человечества. Не будет границ торжеству и величию русской науки! Этот день и имя первого космонавта войдут в историю человечества. Это – бессмертие...»¹

Сегодня можно удивляться тому, как точно Циолковский описал событие, свершившееся в 1961 году и навеки связавшееся с именем первого космонавта Юрия Гагарина. Это было действительно начало космической эры, но какое красивое! Ракета, похожая на гигантскую иглу, пронзив атмосферу планеты и сбросив с себя земную тяжесть, вырвалась в просторы Космоса и соединила навечно Землю с этими еще не ведомыми нам просторами.

Но тогда, в прошлом веке, скромный учитель из провинциальной Калуги поставил перед своим собеседником вопрос: зачем все это? Вопрос, несмотря на его краткость, был крайне сложным. И он сам начал на него отвечать, опираясь не только на современную науку, но и входя в пространство иного, духовного познания, в котором человечество в течение многих тысячелетий накопило самым таинственным образом метанаучные знания.

«Глубокое познание строения материи, – говорил он Чижевскому, – нам пока недоступно. Но некогда наступит переломный момент, когда человечество приблизится к этому “эзотерическому” знанию, тогда и подойдет вплотную к вопросу: “Зачем?” Но для этого должны пройти целые космические эры»². К таким эрам он еще вернется в ходе беседы. Но в начале, обращаясь в разговоре к метанаучному знанию, он как бы расширял пространство не только самого вопроса, но и всего нашего бытия, понимая, что между этими пространствами существует какая-то таинственная, неуловимая связь. И он рассуждал: «Дирижабли, ракеты, второе начало термодинамики – это дело нашего дня, а вот ночью

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 407–408.

² Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 660.

мы живем другой жизнью, если зададим себе этот проклятый вопрос»¹. Введя ночную жизнь в научный оборот, он таким образом сформулировал свою мысль о материи различных состояний. Днем мы имеем дело с плотной материей, ночью, когда видим сны, – с тонкой. Но и днем и ночью вопрос «Зачем?» остается таким же актуальным, хотя ответы на него могут быть разными. Его утверждение, что «ночью мы живем другой жизнью», заслуживает особого внимания.

«Этот вопрос, – продолжал он, – не требует ни лабораторий, ни трибун, ни афинских академий. Его не разрешил никто: ни наука, ни религия, ни философия. Он стоит перед человечеством – огромный, бескрайний, как весь этот мир, и вопиет: зачем? зачем? <...> Зачем и почему существует этот мир, ну и, конечно, все мы, то есть материя?»²

Обращаясь все время к вопросу «Зачем?», он сокрушался о несоответствующем уровне нашего научного знания и о недостаточном проникновении в него знаний, еще не проверенных экспериментом.

«Научно все, что мы держим в руках, ненаучно все, чего мы не понимаем! С таким ярлыком далеко не уедешь <...> Еще весь мир нам предстоит изучить. Так много в нем неизвестного и просто-напросто непонятого, а мы уже устраиваем заборы: это вот можно, а этого вот нельзя!.. Это бери и изучай, а этого не смей трогать! Запрет!»³

Но кто же, в конце концов, ограничивает и запрещает исследовать неясные вопросы? И отвечал – академическая наука. Но подобный ответ не был все-таки однозначен. Здесь таилась одна из сложных проблем познания. С одной стороны и с другой стороны. И снова он размышлял на эту тему: «...близкое знакомство с некоторыми вещами может быть весьма пагубно для людей, даже убийственно. Ну, представьте себе, что мы вдруг научились бы вещество-материю полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы формальное знание, идущее еще от Дж. Дж. Томсона – от 1897 года через идеи П.Н.Лебедева и других, в действительность. Ну, тогда – при всей сегодняшней человеческой морали – пиши “пропало”, не снести бы людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: люди показали бы свою голубиную умонастроенность – камня на камне не осталось бы. Человечество было бы уничтожено! Помните, – обратился он к Чижевскому, – мы как-то говорили с вами о конце света. Он – близок, если не восторжествует ум! Вот тут-то и необходимо запрещение – строгий запрет

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 661.

² Там же. С. 661–662.

³ Там же. С. 662.

в разработке проблем о структуре материи. С другой стороны, если наложить запрет на эту область физики, то надо затормозить и ракету, ибо ей-то необходимо атомное горючее... Одно цепляется за другое. По-видимому, прогресс невозможен без риска!»¹ Эта проблема потом встанет перед человечеством XX–XXI веков во весь свой трагический рост. И если проследить, о чем Циолковский писал и о чем говорил, то будет ясно, что он предвидел все основные кризисные явления, которые ожидали человечество. И многое из того, что он предчувствовал и прозревал, уже сейчас превратилось в действительность. Его интересовало все, что было связано с особенностями материи и процессами, которые шли в ней. Материя и энергия были теми явлениями, которые соединяли Землю со всем разнообразием Космоса. В этой беседе он развивал идею о преобразовании материи в лучистый или какой-либо другой вид энергии, считая, что подобный процесс имеет двухстороннее движение и обратим. Он утверждал, что такой вид преобразованной материи будет существовать в одну из отдаленных космических эр. Ему самому была удивительна эта тема, о которой они говорили с Чижевским в канун начала космической эры Земли. Он видел, сколь не соотносима она с современной ему действительностью. «Если бы нас с вами, – рассуждал Циолковский, обращаясь к Чижевскому, – кто-нибудь сейчас подслушал, то сказал бы примерно так: вот, старый фантазер развивает свои мысли перед молодым, а тот его слушает и не возражает. Но, уверяю вас, что дело это совсем не такое пустяковое, как кто-либо думает. Это дело – величайшей и сокровенной философской важности, о которой-то и говорить страшно. Поэтому-то люди такого рода мысли называли “ошибочными”, “антинаучными” и приказали держать язык за зубами. Но человеческая мысль прорывается сквозь этот барьер, она не признает никаких запретов и преград и не читает ярлыков, которые невежды навесили на языки и головы...»²

«Всюду и везде – одна материя, но в ней-то – вся суть дела, – вслух размышлял Циолковский. – Отбросив ложные представления людей, обратим внимание на некоторую *символику*. “Душа”, “потусторонний мир”, “вечное блаженство”, “вечная жизнь” – это суть символы, туманные догадки многих миллионов мыслящих людей, которые свою глубокую интуицию передавали в самых материальных образах. Это – парадоксально, но факт, да и иначе и быть не могло. “Душа” у них обладала местом и весом, “потусторонний мир”, “рай” и “ад” находились на опре-

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 663.

² Там же. С. 666.

деленной территории Земли или где-то в космическом пространстве и т.д. В наше время у мыслящих людей от этих представлений ничего не осталось, кроме символики – смутной догадки о будущем человечества. Мы должны признать за ней право на существование, ибо нельзя многие миллионы людей признать полоумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения»¹.

Циолковский возвращался опять к знаниям, полученным в духовном пространстве, и ставил вопрос о необходимости их расшифровки «с космической точки зрения». Эта космическая точка зрения, как один из важнейших устоев формировавшегося нового мышления, определялась им как более плодотворный подход к исследованию различных явлений и процессов, идущих в окружающем мире. Подход же, не связанный с особенностями развития Космоса, он считал устаревшим и не дающим нужных для современной науки результатов. Эту космическую точку зрения ему пришлось пробивать с большим трудом. Академическая наука того времени в целом не признавала ее, ибо многое в ней было непонятным значительной части традиционно настроенных ученых. Он не случайно в беседе с Чижевским заменил научную точку зрения космической. Одна эта фраза свидетельствовала о революционном процессе, шедшем в пространстве научной мысли. Циолковский же был его важнейшим выразителем.

«Эволюция Космоса, – объяснял он, – придает нашим воззрениям новое бытие, освобожденное от вымысла и от первичных детски-наивных представлений о душе или потустороннем мире. Сразу же все преобразуется, становится более или менее ясным и доходчивым <...> Иначе говоря, получаем право посмотреть на материю не с идеалистической, а с истинно космической точки зрения»².

«Эволюция есть движение вперед, – размышлял он. – Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид некоторой энергии (лучистой. – Л.Ш.)»³.

«Итак, – добавил он, – значит, мы пришли к выводу, что материя через посредство человека не только восходит на высший уровень своего развития, но и начинает мало-помалу познавать самое себя!»⁴

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 667.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 668.

На глазах потрясенного собеседника складывалась и разворачивалась небывалая космическая философия, освещавшая каким-то внутренним светом новое мышление XX века, в которой и сам человек уже занимал совсем другое место, нежели в предыдущей картине Мироздания. Именно через человека материя начинает «познавать самое себя». Ни один философ до него так высоко не ставил роль и значение человека в космической эволюции. Человек, достигший вершин совершенства, человек космической эры, верил Циолковский, сможет ответить на вековой вопрос – зачем? Зачем человек, зачем Космос, каков смысл жизни?

«Все будет, – утверждал он, – в руках тех грядущих людей – все науки, религии, верования, техника, словом, все возможности, и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы – еще злостные невежды – данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира. Ведь Перун – это бог грома и молнии. А разве вы не поклонник атмосферного электричества? Да и я его тайный поклонник <...> Человечество не может жить в таких шорах, как живет, двигать своею мыслью по указке, ибо человек не машина, и это надо запомнить: человек настраивается природой в определенном тоне, это, безусловно, мажорный тон, требовательный тон, а не мольба о помиловании <...> Так заявляет о себе новая космическая эра, к которой мы подходим, медленно подходим, но верно <...> Вступление в космическую эру человечества – это поважнее, чем восшествие на престол Наполеона Бонапарта. Это грандиозное событие, касающееся всего земного шара»¹.

В этот день он говорил о телепатии, телепатическом поле Космоса, о переходе различных состояний материи из одного в другое, не раз возвращаясь к лучистому ее состоянию. И это лучистое состояние материи, отмечал он, тоже не окончательное, а имеет свое продолжение в неведомых нам глубинах Космоса. В небольшой светелке деревянного дома Циолковского как бы ощущалось дыхание космической беспредельности. Циолковский говорил о четырех космических эрах, о которых Чижевский никогда не слышал.

В первую космическую эру, по мнению Циолковского, человечество должно будет вступить через несколько десятков или сотен лет. Такой начальной космической эре суждено продлиться несколько

---

¹ Циолковский К.Э. Грезы о Земле и Небе. С. 425.

миллиардов лет, согласно земному времени. Циолковский назвал ее «эрой рождения». За ней следует «эра становления», длящаяся сотни миллиардов лет и ознаменованная расселением человечества по всему Космосу. Общение людей, овладевших телепатическим полем, будет только телепатическое.

В третью эру – эру «расцвета человечества», будет достигнута полная телепатизация Космоса, включая и косную материю.

Четвертая эра – терминальная. «Во время этой эры, – сказал Циолковский, – человечество полностью ответит на вопрос: “Зачем?” – и сочтет за благо из корпускулярного вещества превратиться в иное состояние»¹. Под «иным состоянием» он имел в виду лучистую форму. Длительность этой эры составляет несколько десятков миллиардов лет. Ну а что дальше? А дальше, опираясь на ритмичность космической эволюции, Циолковский развернул грандиозную картину процессов, идущих в Космосе и связанных с беспредельным количеством циклов и эр. Созидательные и разрушительные силы, взаимодействуя друг с другом, продвигают все выше и выше состояние объектов и субъектов, действующих в этих космических процессах и циклах. «... Через многие миллиарды лет, – говорил он глуховатым голосом, – данная эра Космоса снова превратится в корпускулярную, но более высокого уровня, чтобы все начать сначала: возникнут Солнца, туманности, созвездия, планеты, но по более совершенному закону, и снова в Космос придет новый, еще более совершенный человек, человек другого “покроя”... чтобы перейти через все высокие эры и через долгие миллиарды лет погаснуть снова, превратившись в сверхлучевое или сверхтелепатическое состояние, но тоже более высокого уровня. Пройдут миллиарды лет, и опять из лучей возникнет материя высшего класса, и появится, наконец, сверхновый человек, который будет разумом настолько выше нас, насколько мы выше косной материи. Он уже не будет спрашивать: “Зачем?” Он это будет знать и, исходя из своего знания, будет строить себе Космос по тому образцу, который сочтет более совершенным... Такова будет смена великих космических эр и великий рост разума! И так будет длиться до тех пор, пока этот разум не узнает всего, то есть многие миллиарды миллиардов лет, многие космические рождения и смерти. И вот, когда *разум* (или мыслящая материя) узнает все, само существование он сочтет ненужным и перейдет в телепатическое состояние высокого порядка, которое будет

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 670.

все знать и ничего не желать, то есть то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство»¹.

Во всей этой теории космических эр слышался отзвук древнего знания, существовавшего в индийской мифологии и в философии. Там это называлось «вдох и выдох бога Вишну», спящего на змее Шеше, олицетворяющем материю. Когда Вишну вдыхал, Вселенная собиралась в одну точку, когда выдыхал, Вселенная вновь возникала со всеми своими небесными телами и обитателями. С этим же мифом была связана и теория пралайи, свидетельствующая о том, что в конце каждой манвантары, или определенного космического цикла, Вселенная погружалась в «ночь Брахмы», которая через какое-то время сменялась «днем Брахмы». В «ночь Брахмы» Вселенная разрушалась, в «день Брахмы» возникала вновь. Чередование этих «дней» и «ночей» было бесконечным и знаменовало собой циклы «жизни» и «смерти» Вселенной, являвшиеся эволюционной закономерностью в развитии Космоса. Но было бы ошибкой сказать, что Циолковский следовал мифологии или древней философии Индии. Он построил свои космические эры, используя те знания, которые возникли из сокровенных духовных глубин его внутреннего мира, и то, что он уже знал из достижений современной науки. А древний отзвук, который несла его «теория космических эр», несомненно свидетельствовал о явном приближении этой теории к истине. Развитие Космоса и его устремление к более высоким структурам через жизнь и смерть, через «день» и «ночь», через созидание и разрушение, сжатие и расширение его пространства регулируется определенными законами, которые и ощутил Циолковский в своей «теории космических эр». Он оказался более близок, чем кто-либо из ученых, к признанию и пониманию важных законов Космоса. Но тогда, когда шла эта беседа, он не собирался публиковать свои мысли, высказанные Чижевскому, ибо был уверен, что его не поймут, так же как это не раз было раньше.

Космическая точка зрения Циолковского внесла ясность и в идею заселения человеком Космоса.

«Я всегда писал, – рассказывал он Чижевскому, – о том, что проникновение в Космос человечества нужно для “завоевания” околосолнечного пространства, а затем и дальнейшего пространства. Вообще говоря, конечно, это будет “завоевание” для нефилософа и проникно-

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 670–671.

вание в освоение Космоса и освоение материи для философа. Первое понятно всем, второе понятно только немногим. В частности, я немало размышлял по этому вопросу и пришел к выводу, что сама природа требует этого исключительно в познавательных целях, а не для того, чтобы искать вне Земли тучные поля, хлеб, мясо, овощи, фрукты»¹.

В отличие от своих предшественников, отмечает Чижевский, которые хотели себе представить, что такое Вселенная, Циолковский размышлял «о наивысших судьбах материи, тех судьбах, до которых еще не дошел современный человек, о которых он, современный человек, даже и не думал. Это было нечто вроде ясновидения, космической телепатии, а Константин Эдуардович – вроде великого посвященного»². Полагаю, что Александр Леонидович в таком мнении был не далек от истины.

Космическая точка зрения помогла Циолковскому осмыслить его ракету и найти для нее место в огромном пространстве космического мироощущения. «Моя ракета, – сказал он в тот день Чижевскому, – должна послужить этой космической философии <...> Так называемый технический и научный прогресс – это не более как приближение к решению этого основного вопроса. Люди даже не представляют того, во имя чего они живут и действуют. Истинная задача жизни пока скрыта от людей полностью. Ее знали и знают несколько человек в мире»³.

И Циолковский вновь повторил свою идею о том, что на подобный вопрос (Зачем? – *Л.Ш.*) может ответить человек только космического мироощущения и космической точки зрения, который появится в отдаленные космические эры, в частности в лучистой эре.

Когда-нибудь, продолжал он, кончатся «и материя, и время. Возможно, кончится и пространство. Не будем скупиться! Для эволюции бесконечного пространства с материей отведены миллиарды миллиардов лет всех космических эр. И вряд ли мы ошибемся в этой цифре. В самом деле, это не так уж много для познания самого себя, то есть для решения самой трудной философской задачи Космоса.

– А что далее? – невольно спросил я.

– Я думаю, что древние писания знают об этом больше, чем я. В Евангелии и в христианских погребальных песнопениях об этом говорится очень вразумительно, ибо конец мирового круга существования

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 674.

² Там же.

³ Там же. С. 675–676.

сопрягается с началом, хотя и в других формах. Бесконечно большое – с бесконечно малым. Древние мудрецы это знали хорошо и называли это состояние “блаженством” и “жизнью бесконечной”. Это состояние можно назвать “великим совершенством”. Может возникнуть вопрос, отчего я оперирую не сотнями, даже не тысячами лет, а миллиардами. Это объясняется очень просто и, я думаю – более или менее достоверно. Время как-то связано с пространством. Впрочем, может быть, я ошибаюсь. Пространство же тесно связано с представлением о бесконечности <...> Но понять бесконечность как физическую категорию человеческому уму не дано... Только люди будущего, будущих космических эр поймут эту загадку и объяснят ее, наверно, самым простым образом. То же случится и с понятием о времени»¹.

«Константин Эдуардович, – вспоминает Чижевский, – кончив говорить о своей новой теории, поник головой. Было уже совсем темно. Только звездный свет проникал сквозь окна светелки. Я встал, зажег лампу и сел на свое место. Несколько минут мы молчали. Левая рука Константина Эдуардовича, державшая слуховую трубку, дрожала от усталости, но он этого не замечал. Я сделал ему знак опустить трубку на пол, как он это обычно делал в конце разговора. Я считал, что наш разговор окончен. Возражать, высказывать недоумение или задавать вопросы было просто нельзя. Я сам должен был “переварить” все им сказанное. Я пожал руку Константину Эдуардовичу и тихо спустился по лестнице из светелки вниз»².

Много лет спустя я поднималась по той же деревянной лестнице. Лестница была неудобная и скрипучая и вела в ту знаменитую светелку, где происходили беседы двух великих людей XX века. Там стоял скромный письменный стол, на котором я увидела старинную керосиновую лампу, чернильницу и ручку. У стены помещалась узкая кровать под грубым одеялом. Из светелки дверь вела на веранду, где находился токарный станок, а на верстаке лежали инструменты и, подвешенные к потолку, плыли в воздухе модели диковинных дирижаблей и их отдельные части. И мне показалось, что хозяин этого дома только что покинул его и может вернуться в любую минуту. Я была одна в этом простом и ветхом жилище, стены которого видели так много. И самое главное – они видели самого Циолковского. Вот он сидел в этом кресле, приставив к уху свою знаменитую слуховую трубку, и что-то доказывал своему собеседнику. И это «что-то» всегда было

---

¹ Чижевский А.Л. ...Беседы с Циолковским. С. 676–677.

² Там же. С. 678.

связано с Космосом и будущим человечества. Он всегда обращался к этим темам. Кем же он был, этот великий мудрец, который все время жил Космосом и понимал его лучше, чем Землю? Земля доставила ему только трудности и страдания. Как ответить на этот вопрос? Был ли он посланником самого Космоса, пришедшим на Землю, чтобы, несмотря ни на что, принести ей весть о реальности этого Космоса? Или вечность исторгла его из своих глубин с какой-то таинственной и непостижимой для людей миссией? Я не могла найти ответа, но была только уверена, и до сих пор остаюсь в этой уверенности, что, несомненно, нечто подобное было с ним связано. Он, создавший свою ракету, изменил жизнь землян XX века и приблизил к ним не только высоту Космоса, но и проник своей мощной мыслью в его глубины. Ракета была принята, мысль не понята, а посему – отвергнута.

Но меня в этом старинном деревянном доме и в светелке заинтересовало другое. Это «другое» беспокойно билось в мой мозг, пока я осматривала этот дом, в котором теперь никто не жил и который назывался – «Мемориальный дом-музей К.Э.Циолковского». Что-то в этом доме было не так. И вдруг, как озарение, – «не так» была убогая обстановка, печное отопление и керосиновая лампа под стеклянным колпаком. XIX век мог оправдать все это, но не двадцатый... «Бытие определяет сознание» – гласила та философия, которая десятки лет была обязательной для миллионов наших граждан. И в тот момент собственного озарения я поняла, что он сломал и эту аксиому, доказав всей своей жизнью, что все наоборот: сознание определяет бытие. Иначе бы в этом деревянном доме с керосиновой лампой и печным отоплением не была бы рассчитана космическая ракета и не были бы написаны книги о космическом будущем человечества. С этого деревянного дома на окраине Калуги начинался и другой музей, Музей истории космонавтики имени К.Э.Циолковского с космическими ракетами, нацеленными в далекое будущее. Между этими двумя зданиями, большим и малым, прошла жизнь Циолковского – земная и космическая, завершившаяся его победой во имя Земли.

3. «...СЫН ЗЕМЛИ, ПРИЧАСТНЫЙ К СИЛЕ ФЕБА»

Как прекрасно сознание связи с Космосом! Как прекрасно созидание космической эволюции.

Беспредельность, 780

Разработанная А.Л.Чижевским концепция космических факторов биологических и социальных процессов является, несомненно, одним из наиболее грандиозных и ценностно значимых достижений научной мысли XX века, сравнимых с созданием квантовой механики или генетики. Они непосредственно касаются проблем судеб человечества, которые с такой неотвратимостью поставили перед современной цивилизацией так называемые глобальные проблемы.

В.В.Казютинский

И за победной колесницей
Бежал наемный клеветник.

Аполлон Майков

Во все века и все народы
Пытали, мучили и жгли
Святых подвижников свободы
И мудрых путников Земли.

Чем мир новей – тем мир суровой,
Несправедливей, злее суд,
Тем больше мук, гонений, крови
Они великим принесут.

Чем всеобъемлющей ученье,
Чем гениальней, выше стих, –
Тем кроважадней озлобленье
Их современников живых.

Судьба ученых и поэтов,
Увы, не балует она:
Тисками злобы и наветов
От первых дней уязвлена.

А.Л.Чижевский

Трусом назовем мы того, кто уклоняется от трудов, жертв и опасностей, выпавших на долю его народа. Но трусом и предателем вдвойне будет тот, кто изменит принципам духовной жизни ради материальных интересов, кто, например, согласится предоставить власть имущим решать, сколько будет дважды два.

Г.Гессе

Осенью 1918 года в провинциальной Калуге, в доме № 10, что на углу Ивановской и Васильевской улиц, произошло никем не замеченное в тот день событие мирового значения. В кабинете генерала артиллерии собрались трое: сам генерал, его родная сестра и молодой человек 21 года от роду, студент историко-филологического факультета Московского университета, приходившийся генералу сыном. Время было тяжелое, голодное и беспокойное. В домах и квартирах было холодно. Железные «буржуйки» грели плохо, топить их было нечем. Но кабинет генерала еще сохранял кое-какой дореволюционный уют. Вдоль стен стояли добротные книжные шкафы с поблескивающими в них корешками многочисленных книг. Меж шкафами висели портреты предков, воевавших в прошлых веках под знаменами Суворова и Кутузова, которым был знаком запах пороха сражений в Альпах, Бородине, Севастополя.

Последней в кабинет пришла Ольга Васильевна, сестра генерала, и, когда она уселась в кресле, генерал встал и обратился к ней: «Оля, мы услышим чрезвычайно важное сообщение, имеющее отношение к научным изысканиям нашего ученого. Он просит совета. Мы должны его выслушать. Итак, – повернулся он к студенту, – изложи нам свои замыслы, а потом обсудим, имеют ли эти замыслы отношение к нашим скромным возможностям»¹.

Далее повествование об этом событии идет от первого лица – Александра Леонидовича Чижевского, который и был тем студентом Московского университета, о котором я упомянула в самом начале.

«Я должен ввести вас, – начал Александр Леонидович, – в курс всех моих соображений и выводов, чтобы вы знали, что именно я предполагаю найти в опытах, которые я могу поставить только при вашей непосредственной помощи»¹.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 82.

«...Я говорил, – впоследствии вспоминал Чижевский, – об искусственных ионах воздуха положительного или отрицательного знака и об их влиянии на организм.

– Итак, – закончил я свою речь, – для того, чтобы убедиться в том, что я стою на верной точке зрения, надо организовать длительные опыты, я уже продумал их методику, но для этого вы должны принести много жертв. Во-первых, для осуществления первой серии опытов понадобится приобрести животных – белых крыс. Во-вторых, систематически покупать для них корма, готовить пищу и ежедневно утром и вечером тщательно взвешивать ее в определенные часы. В-третьих, для содержания белых крыс необходимы клетки. В-четвертых, нужно периодически взвешивать самих животных. В-пятых, отдать нашу залу под лабораторию и отапливать ее в зимнее время. Я съезжу в Москву и добыю от Анатолия Васильевича Луначарского охранной грамоты на нашу лабораторию. Я подсчитал наши ресурсы. Аппаратура есть, помещение есть, а вот животные, клетки и корма стоят дорого, и для этого мы должны продать часть своих вещей. Я вношу первый вклад – два студенческих сюртука, мундир и новый костюм.

– Ну что ж, – сказал отец, – <...> это придаст нам уверенности в значимости своей жизни, которая так катастрофически утрачена у людей нашего круга. Да нечего думать. Я вношу свое военное обмундирование и в придачу два английских седла.

– А я, – поторопилась сказать Ольга Васильевна, – вношу часть своего гардероба и все свободное время отдаю уходу за животными, приготовлению и взвешиванию корма»².

Так и порешили. В связи с этим необходимо отметить два обстоятельства – практичность и умение будущего великого ученого правильно составлять концепцию эксперимента и высокие человеческие качества его близких – отца, Леонида Васильевича Чижевского, и его родной сестры, Ольги Васильевны. Духовность явно преобладала в семье Чижевских и всегда одерживала победу над материальной стороной, чего бы это ни стоило. Вещи продали, крыс и корм купили, и Чижевский приступил к опытам, проясняющим особенности влияния ионов, положительных и отрицательных, на живой организм. Так начиналась целая новая отрасль науки, несшая человечеству немалые перспективы. Однако все то, что происходило в доме Чижевских,

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 82.

² Там же. С. 82–83.

не осталось в городе незамеченным, по городу поползли слухи один страшнее другого. «И вот однажды, – вспоминает Чижевский, – к нам явился милиционер и потребовал объяснений, почему мы держим так много крыс. Посмотрев на какую-то принесенную им же бумажку, он сказал: “Крысы – разносчики чумы, и город не может терпеть больше такой страшной опасности”. Мне пришлось написать подробное объяснение на имя начальника городской милиции и приложить московские бумажки»¹. Но этого было мало. В городе начался передел жилплощадей, утесняли людей состоятельных и интеллигенцию. В их большие квартиры подселяли малоимущих, превращая эти квартиры в коммунальные. В один прекрасный день к Чижевским ворвалось семейство в пять человек, которые, никого не спросив, заняли самую большую комнату, где находилась лаборатория Александра Леонидовича. Их удалось выселить через суд, но ученый не имел в течение месяца доступа в свою лабораторию. И поэтому в экспериментальной работе возник крайне нежелательный перерыв. Но тем не менее, она дала плодотворные результаты. Результаты не укладывались в традиционные рамки старых научных представлений. Первыми в бой против Чижевского, его идей и выводов, пошла московская профессура, за ней последовали врачи. Исследования, которые вел ученый, находились на стыке нескольких наук, и это почему-то не нравилось его коллегам, новизна же самих идей раздражала многих.

«Исходя из электронной теории строения вещества, я мог считать теоретически установленным, что кислород легче будет ионизироваться в отрицательной полярности, чем в положительной <...> Наконец, я попробовал сдать статью “О биологической инактивности кислорода воздуха” в печать <...> Статья была отвергнута всеми редакциями, куда бы я ни посылал ее, как статья вполне еретическая. Вокруг моего имени стал создаваться ореол прожектера, который хочет, якобы без всяких оснований, разрушить биохимическую теорию дыхания и окисления»².

Временами ему казалось, что и его эксперименты с белыми крысами, и жертвы, принесенные его близкими во имя науки, были лишь пустой тратой времени и тех скромных материальных возможностей, которыми обладали его близкие. Но на деле все оказалось не так уж плохо. Среди его коллег были не только завистники и бездарности.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 230.

² Там же. С. 236.

Один из крупных ученых академик П.П.Лазарев поддержал его и предложил ему место внештатного сотрудника в Институте биологической физики.

Но это не прекратило на него нападок. Молодого талантливую ученого стремились выдать из науки и закрыть перед ним двери. Особенно усердствовал московский профессор А.П.Соколов, который, несмотря ни на что, останется его врагом до конца жизни. У Соколова были на это основания. Вопреки утверждениям Чижевского он считал, что положительные ионы воздуха действуют на организм положительно. Он сумел убедить в этом редакторов журналов, рецензентов и даже самого наркома здравоохранения Н.А.Семашко. В то же время в самой Калуге врач Лебединский стал успешно лечить своих пациентов методом Чижевского, используя отрицательно заряженные ионы. Но пациентов Лебединского какие-то сомнительные типы останавливали на улице и, понизив голос, не советовали таким образом лечиться. Чижевский понимал, что оставаться в Калуге в таких условиях нельзя. Он переехал в Москву и получил там для своей лаборатории небольшую комнатку. В Москве дышалось легче. Профессор А.В.Леонтович, известный физик, будущий академик, заинтересовался его работой. Несколько врачей стали пользоваться его методом. Потом с помощью его друзей вышла брошюра о лечении аэроионами. А вскоре появились сообщения из-за рубежа, где в некоторых клиниках стали применять метод Чижевского, основанный на отрицательно заряженных ионах. «Академик А.В.Леонтович после долгих размышлений, – вспоминает сам Александр Леонидович, – решил поставить вопрос о моих работах перед научным мнением мировой общественности, ибо, как это ни странно, внутри нашей страны рассчитывать на понимание моих работ было невозможно, несмотря на непосредственное соприкосновение с миром советских ученых того времени. Этот вынужденный шаг был продиктован необходимостью, ибо некоторые ограниченные и крикливые посредственности, борясь за свое благополучие, уничтожали всех тех, кто шел впереди них. Они проникали с черного хода во многие дома и входили в дружбу с домохозяевами. Это были очень опасные люди. Страшно было попасть под их обстрел... И тем не менее молчать было нельзя! Наука стояла на пороге ряда больших открытий и требовала к себе внимания. Мнение мировых авторитетов играло немалую роль»¹.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 345.

Первое признание трудов Чижевского на него подействовало ободряюще, и ему показалось, что перед ним открылась широкая дорога. «Перед моими глазами, – писал он, – уже ясно вырисовывались контуры обширных исследовательских работ в области биофизики, электрофизиологии и космической биологии. Далее ждать было безрассудно и даже преступно»¹. Он был полон надежд и планов. Все это настолько окрылило его, что он написал вдохновенное стихотворение, несшее знаменательное название – «Человеку».

*Подобно Прометею,
Огонь – иной огонь –
Похитил я у неба!
Иной огонь – страшнее всех огней
И всех пожаров мира:
Я молнию у неба взял,
Взял громовые тучи
И ввел их в дом,
Насытил ими воздух
Людских жилищ,
И этот воздух,
Наполненный живым Перуном,
Сверкающий и огнеметный,
Вдыхать заставил человека.*

*Сквозь легкие, через дыхание
Провел его я в кровь,
А кровь огонь небес
По органам и тканям
Разнесла, и человек
Преображенный ожил!*

*Один лишь раз в тысячелетье,
А то и реже,
Равновеликое благодаянье
У природы
Дано нам вырвать.*

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 345–346.

*Вдыхай же мощь небес,
Крепи жилище духа,
Рази свои болезни,
Продли свое существованье,
Человек!¹*

Стихотворение отличалось не только литературными достоинствами, но явилось как бы своеобразным научным кредо Чижевского – все, что делается в науке, делается во имя человека, его совершенствования, его здоровья – духовного и физического. И он никогда не изменял этому кредо.

Все, что есть у человека, складывается в детстве, закрепляется в юности и получает дальнейшее развитие в зрелые годы. Чижевский не был исключением из этого правила. Сохранились его собственные воспоминания о детстве и юности, которые дают нам возможность понять, как сформировалась такая великая личность, каковым был Чижевский.

«Я родился 26 января 1897 года в семье кадрового военного, – писал он. – Мой отец служил в артиллерии. Моя мать, Надежда Александровна, умерла, когда мне не было еще и года, и я ее, конечно, совершенно не помню.

Как бы сложилась моя дальнейшая судьба, мое воспитание, мой духовный рост, сказать трудно, если бы не одно событие, обусловившее весь дальнейший ход моей жизни. Событие это заключалось в переезде на постоянное жительство к моему отцу его родной сестры, Ольги Васильевны Чижевской-Лесли, моей тетушки и крестной матери. У тетушки произошел разрыв с мужем, и она решила уехать от него, сперва – за границу, затем переселиться к брату, моему отцу. Это было в 1899 году. Начиная с этого года, она жила до самой своей смерти с нами, воспитала меня, вложила в меня свою душу, все свое чудеснейшее сердце редчайшей доброты человека и умерла на моих руках. Она стала второй, настоящей, действительной матерью, и этим священным именем я и называл ее всю жизнь, называю и теперь, после ее смерти. Память ее для меня священна. Вместе с нами жила и мать моего отца, Елизавета Семеновна, с которой бок о бок я прожил одиннадцать лет и которая была моим первым учителем и воспитателем.

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. М., 1998. С. 165.

Бабушка моя получила домашнее, но блестящее по тому времени образование. Бабушка хорошо владела французским, английским и немецким языками, читала по-итальянски и по-шведски, увлекалась смолоду акварельной живописью и вышиванием. Прекрасно знала историю, особенно историю средневековья. С детства она была приучена к труду.

Ввиду моего слабого здоровья, меня часто вывозили за границу – во Францию и Италию. Таким образом, будучи еще семилетним мальчиком, я занимался живописью у художника Нодье, ученика знаменитого Дега.

В декабре 1906 года мы переехали в город Белу Седлецкой губернии. Здесь была расквартирована 2-я Артиллерийская бригада, где служил мой отец <...>

Мы начали устраиваться. На моем письменном столе появились любимые вещи – роговая чернильница, подставка для ручек и карандашей, портреты бабушки и дедушки, томики Лермонтова и Пушкина, детские антологии стихов Гете, Гейне, Байрона, Гюго и стопки красных с золотым обрезом книжек «Bibliothèque rose». На самой верхней полке этажерки был помещен большой глобус. Пониже лежали учебники – Ветхий и Новый завет, четыре грамматики – русская, французская, немецкая и английская, хрестоматии на четырех языках, арифметика Евтушевского, русская история Остроградского, популярная астрономия Фламариона, популярная физика и ряд других книг, среди которых «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Робинзон Крузо», повести Диккенса, полное собрание сочинений Жюль Верна, Дюма-отца, Фенимора Купера и многие другие.

Как я любил мои книги, как берег их и заботился об их сохранности! С отцом я состязался в числе приобретаемых книг. Я “зарабатывал” деньги у бабушки и мамы за хорошо выученные уроки и стихи и приобретал книги, химические реактивы и всякого рода механические игрушки, чтобы переделывать их на свои “изобретения”. Но в то время как книги я любовно хранил, делая им обложки, все прочее горело в моих руках.

К десятилетнему возрасту я перечел всех классиков фантастики на русском и французском языках и лирику великих поэтов, умело подобранную в детских антологиях. Многие из моих детских книг сохранились у меня в Москве, несмотря на всевозможные перипетии жизни...

Когда я сейчас ретроспективно просматриваю всю свою жизнь, я вижу, что основные магистрали ее были заложены уже в раннем

детстве и отчетливо проявили себя к девятому или десятому году жизни. Уже в детстве душа моя была страстной и восторженной, а тело – нервным и легко возбудимым. Все в мире привлекало мое внимание, решительно все вызывало во мне любопытство или любознательность. И на все я откликался, как эхо, всем своим существом – и душой и телом. Я жадно поглощал все, что открывалось моему взору, что становилось доступным слуху и осязанию. Не было и нет такой вещи, явления или события, которые не оставили бы во мне следа. Я не знаю, что такое “пройти мимо”. Я не знал и не знаю, что такое безразличие, пренебрежение или нейтралитет. Этих понятий для меня не существует. Нет для меня и другого состояния: спокойствия. Моя стихия – великое беспокойство, вечное волнение, вечная тревога.

И я всегда горел внутри! Странное ощущение огня – не фигурального, а истинного жара было в моей груди. В минуты особых состояний, которые поэты издревле называют вдохновением, мне кажется, что мое сердце извергает пламень, который вот-вот вырвется наружу. Этот замечательный огонь я ощущал и ощущаю всегда, когда мысли осеняют меня или чувство заговорит. Прекрасные произведения искусства и творения науки мгновенно вызывают во мне ощущение этого внутреннего жара.

И я всегда был ненасытен и всегда жаждал. Если бы у меня были тысячи глаз и тысячи рук, я всем бы им нашел работу. Я все хотел сам видеть, все слышать, все ощущать, во все проникнуть и насытить, наконец, свою неутолимую жажду. Ни разу в жизни я не был чем-либо удовлетворен.

Да, я никогда не знал удовлетворения. Что бы ни вышло из-под моего пера, моей кисти, из моих лабораторий, могло меня удовлетворить лишь на час или день. Затем чувство досады и неудовлетворенности закрадывалось в мое сердце.

Неудовлетворенность – страшное состояние! Хотя еще более тяжелое состояние – это сомнение в своих силах, в своих возможностях, в своих способностях, в избранном пути. И это состояние мне хорошо знакомо. Но известны и его корни: оно результат болезненного здоровья, расстроенных механизмов нервной системы. Неудовлетворенность же – это тончайшая игра духовных сил, сил мощных, но требующих от своих творений еще большего превосходства, еще большего совершенства. Когда неудовлетворенность и сомнения появляются одновременно на духовной арене и вступают с вами в борьбу, тяжелые часы переживает творец!..

1 августа 1907 года я в первый раз пошел на уроки в гимназию.

Мое слабое здоровье, частые головные боли, сверхчувствительность ко всему окружающему, резко повышенная нервная возбудимость благоприятствовали развитию таких сторон моей души, которые не могли безразлично относиться к искусствам. С раннего детства я страстно полюбил музыку, поэзию и живопись, и любовь эта с течением времени не только не уменьшалась, а принимала все более страстный характер даже тогда, когда корабль моих основных устремлений пошел по фарватеру науки.

В возрасте трех-четырёх лет я знал наизусть несколько маленьких русских, немецких и французских стихотворений, которые меня бабушка заставляла читать вслух.

С раннего детства я любил поэзию. Стихи были моей тайной страстью, – тайной, ибо я стыдливо оберегал ее от чужих взоров. Когда меня спрашивали, люблю ли я стихи, я конфузился, когда заговаривали в моем присутствии о поэзии, я краснел, как пион, как будто это было что-то запретное, недозволенное мне. В действительности было как раз наоборот: родители всячески поощряли мой интерес к поэтическим произведениям.

В 1913 году мой отец получил назначение в город Калугу, и мы всей семьей переехали туда. Был приобретен дом по Ивановской улице, 10. Я поступил в частное реальное училище Ф.М.Шахмагонова, которое и закончил в 1914 году.

В том же 1914 году я сдал экзамены и поступил в Московский археологический институт. В августе разразилась война, и отец со своей воинской частью выступил на фронт. Начались тревожные дни, полные ожиданий и волнений. Отец писал с фронта очень часто, и это нас несколько успокаивало. Так наступил 1915 год.

Как только летом 1915 года я освободился от занятий, тотчас принялся за свои астрономические наблюдения над Солнцем, которыми я увлекался уже давно. Прекрасные телескопы Рейнфельда и Секретана и экран для зарисовки пятен были мною хорошо налажены, и я ежедневно мог вести серьезные наблюдения. Ехать добровольцем на войну я не мог: отец категорически, зная мое слабое здоровье, запретил мне это и даже приказал перестать думать о героических подвигах. Он писал мне из армии наставительные письма и требовал от меня прилежания в моих студенческих занятиях. Только в 1916 году мне удалось осуществить мое стремление попасть на фронт, и с разрешения отца я поехал вольноопределяющимся в артиллерийскую бригаду на Гали-

цийский фронт. Прослужил недолго, так как был ранен и контужен, награжден солдатским Георгием, а затем демобилизован.

Во всякую погоду, в 9 часов утра, не пропуская ни одного дня, я выносил телескоп и экран на двор и вел зарисовку солнечной поверхности. С чувством ответственности за свою работу я добросовестно на заранее приготовленной бумаге зарисовывал солнечные пятна, со всеми доступными моему хорошему зрению подробностями, записывал в дневник замеченные за сутки или двое суток изменения и затем вычислял поверхность пятна по формуле Вольфа. В моей таблице относительных чисел Вольфа ежедневно прибавлялось по одной небольшой цифре, говорившей о тех процессах, которые происходили на Солнце и были доступны простому изучению.

Ах, какая это была хорошая пора жизни! Молодой мозг стремился к познанию тайн природы и готов был ухватиться за любое явление, в надежде извлечь из него что-либо таинственное, неведомое, никому еще не известное. Отчего я обратился к Солнцу – сказать сейчас трудно, но верно лишь то, что мои студенческие занятия не давали еще пищи для ума, особенно зубрежка исторических и археологических дисциплин. Астрономией же я стал пылко интересоваться еще в 1906 году, то есть девяти лет от роду, а в 1907 году уже написал “Популярную космографию по Клейну, Фламариону и другим” – “труд”, сохранившийся в моем архиве до сих пор.

С каким душевным трепетом и наслаждением я любовался звездами через свой телескоп! Русские, английские и французские звездные атласы лежали поверх археологических учебников. Так было и в моем сердце. Причудливые узоры созвездий я долгое время предпочитал греческой палеографии или истории археологических открытий. Я метался из одной области в другую и наслаждался дивною способностью ума познавать.

Я любил мои астрономические книги и звездные атласы. По многу раз я подходил к ним, раскрывал, любовался ими со всех сторон, рассматривал и гладил их переплеты, беспричинно перелистывал их, снова ставил их на полку в шкафы и, отойдя на шаг-другой, любовался снова.

Еженочные наблюдения в телескоп за звездами раскрывали мне все несказанное великолепие надземного мира. Несмотря на протесты мамы, я никогда не приносил телескоп ранее часу ночи. Я приходил возбужденный, с покрасневшими щеками и не всегда сразу засыпал. Как часто мне снились те же звезды с их живой игрой,

малые и большие бриллианты золотого, рубинового, синего цвета чистойшей воды. Звезды являлись то в одиночку, то сразу по две, вращаясь вокруг общего центра тяжести, то целыми скоплениями, летящими прямо на меня. Но как ни влекущи были мои сны, все же звездная действительность была еще прекраснее. И ни разу за всю свою жизнь, тысячи раз прикладывая свой глаз к телескопу, я не мог спокойно смотреть на небесные тела. Даже профессиональная привычка не освободила меня от благоговения перед красотой и величием неба»¹.

Не думаю, что приведенное здесь нуждается в каких-либо комментариях. Но на одно хотелось бы обратить внимание читателя. В 1897 году в России появилась личность богато одаренная, тонкая и восприимчивая, со своей определенной миссией, которая чувствовалась в ней уже с раннего возраста. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что Чижевский смолоду нес в своем внутреннем мире большие накопления, которые не только на первых порах его жизни попали в благоприятную для их развития обстановку, но и определили все то, кем он потом стал. Его внутренний мир был строго упорядочен, гармоничен и обладал высоким творческим накалом, необходимым для выполнения той миссии, с которой он явился в плотный мир Земли. Два важных события, которые обозначили его дальнейшую судьбу, произошли в самом начале его самостоятельной жизни. Это встреча с гениальным Циолковским, единомышленником и учеником которого он стал, и Октябрьская революция, резко изменившая жизнь России и его собственную. Два этих события произошли в разных измерениях и не могут быть сравнимы, но, таинственно переплетенные во времени и пространстве, они имели судьбоносный характер для обоих: и Константина Эдуардовича Циолковского, и Александра Леонидовича Чижевского. Их знакомство, которое началось еще до революции, с годами превратилось в дружбу двух единомышленников. Оба жили Космосом, оба делали много для того, чтобы была научно и технически решена проблема «Человек и Космос», приобретающая к XX веку непреходящее значение. «В начале 20-х годов, – писал Чижевский, – мое знакомство с К.Э.Циолковским переросло в крепкую дружбу. Обоих нас волновали научные проблемы, и, как бы ни были эти проблемы различными или далеко стоящими одна от другой, мы нашли между ними точки соприкосновения, разре-

---

¹ Чижевский А.Л. Я молнию у неба взял. Калуга, 1994. С. 6–10.

шение которых обоих нас весьма интересовало. Это была ионизация воздуха. Для меня – биофизическая и медицинская проблема, для К.Э.Циолковского – проблема воздуха внутри космических кораблей. Связывали нас и другие научные, биологические или технические вопросы, которые были сколь трудны, так и новы и, следовательно, увлекали нас обоих. К.Э.Циолковский видел во мне человека, с которым можно говорить откровенно о многом, человека, который не поднимет его на смех ни в глаза, ни за глаза. Он перестал стесняться меня, держался просто и всегда радовался моему приходу»¹. Несмотря на большую разницу в возрасте, они все время помогали друг другу. Циолковский поддерживал младшего друга во всех его начинаниях, Чижевский защищал старшего, как только мог. «Он (Циолковский. – Л.Ш.), – вспоминает Чижевский, – понял значение аэроионизации для человечества вообще, для космических кораблей и космонавтов в частности. Он понял значение и других моих исследований, которые не только не противоречили, но, наоборот, подтверждали его научное мировоззрение. Он понял значение моих космобиологических исследований, значение солнечных излучений в дни взрывов на Солнце для будущих космонавтов и всеми силами поддерживал эти мои исследования, которые в те годы подвергались жуткой травле, вплоть до уничтожения их, а вместе с ними и меня!»² Такой же травле подвергался и сам Циолковский, положение которого было много тяжелее, чем положение его молодого друга. Чижевский находился в лоне официальной науки, имел ученые степени и звания. Циолковский был чужим для науки, изгоем и непризнанным ею. И его надо было, в первую очередь, защищать от этой науки. И Чижевский защищал. Он помогал Циолковскому издавать его книги и статьи, писал сам немало о нем, содействовал реализации его печатных трудов. И что важнее всего, отстаивал приоритет Циолковского в мировой науке в области ракетостроения. Живя в Москве, Чижевский держал Циолковского в курсе всего происходящего за рубежом. Сообщал ему о выходящей там литературе по вопросам, связанным с работой Циолковского, посылал ему журналы и газетные вырезки. Старался утешить его в самые его отчаянные моменты и помогал ему, если мог, деньгами. И даже писал гневные стихи против его врагов. Одно из них называлось «Пигмеям от науки»:

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 186–187.

² Там же. С. 34.

*Ни слог ваш, ни язык и ни обширность знаний
Так недостаточны, чтоб с гением сравняться,
Пигмеи вы пред ним, без всяких упований,
Но власть у вас в руках – и право издеваться,
Долой же ваш картуз пред гением. Долой!
Песчинкам можно ли сравняться со скалой!¹*

А вот еще одно стихотворение, несомненно, имеющее отношение к той же проблеме:

*Что человеку гибель мирозданья –
Пусть меркнет неба звездная порфира:
Страшитесь же иногу угасанья:
Мрак разума ужасней мрака мира!²*

Защищая всю свою сознательную жизнь Циолковского, он обрел опыт и для своей самозащиты, которая была нужна и ему самому.

Октябрьская революция, круто изменившая жизнь Чижевского, с самого начала казалась мирной и мало заметной. Калуга была далека от тех городов, где она бушевала и вздымала волны политической жизни.

«В городе было тихо и спокойно, – вспоминает Чижевский. – Золотые цвета осени отцвели на деревьях. По городу расхаживали пехотные патрули с красными повязками на рукавах и разъезжали верхом солдаты конно-горного дивизиона, присланного в Калугу “на всякий случай”. В городе было несколько кратковременных перестрелок. Калужская губерния была объявлена Калужской социалистической республикой. Так, тихо и незаметно, мы переселились в новую историческую эру. Вскоре на домах были расклеены распоряжения нового правительства и приказы местной рабоче-крестьянской власти. В дни Октябрьской революции я был в Калуге, у родителей, и мы сами решили свою судьбу на семейном совете: оставаться в России»³.

Все страшное и кровавое пришло позже. А тогда он как бы оправдывал случившееся и только сердцем поэта предвидел надвигавшееся. Он написал тогда стихотворение – «Октябрь 1917 г.»:

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 186.

² Там же. С. 185.

³ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 74.

*Как раньше жили мы –
Нельзя так больше жить –
Среди полночной тьмы
Безумию служить.*

*Пускай они придут,
Рабы и дикари,
И факелы зажгут,
И чистят до зари.*

*Ночь будет жгуче-зла
До пояса в крови,
Испепелят дотла
Все алтари любви.*

*Разружьте ж мир-обман
Насилья и пыли,
Неведомые нам
Хозяева Земли¹.*

И хотя в Калуге долго еще сохранялась тишина осени 1917 года, но он ощущал всей своей тонкой интуицией, что этим дело не кончится. Из-под его пера вышло стихотворение, в котором присутствовало все, что уже неизбежно надвигалось:

*Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, пучину воздымая,
Ревет народная волна,
Глаголам неба не внимая,*

*Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья.*

*Сквозь этот бой, безумный бой
Мы с содроганьем проследили,
Как пар венчал морской прибой
И кровью скалы исходили,*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 94.

*Как в разъяренной нагоде
Дробились древние скрижали,
Как страсти рдели в высоте
И звездами изнемогали.*

<...>

*Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, подняв до звезд пучины,
Ярится вещая волна
И обнажаются судьбины¹.*

Революция разделила его жизнь на две части – до революции и после. До революции к 1915 году он окончил реальное училище в Калуге и поступил сразу в два института – коммерческий и археологический. Первый славился хорошей математической подготовкой, второй давал хорошее гуманитарное образование. Два института не были случайностью в жизни Чижевского. Широта его взглядов и интересов требовали знаний во многих отраслях науки. К первым двум научным направлениям впоследствии присоединились естественные науки и историко-филологический факультет Московского университета. Но и этого ему было мало. В Москве он посещал литературные вечера и кружки и завязал знакомство с рядом известных писателей и поэтов. Его учеба как-то незаметно перетекала в самостоятельную научную работу. Он выступал с докладами, читал лекции и писал статьи, широкий диапазон которых удивлял тех, кто с ним соприкасался. В 1918 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса». Время было тяжелое – холодное и голодное. В аудитории, где шла защита, не топили. Члены Ученого совета зябко прятали замерзшие руки в карманы поношенных пальто. Выступавшие, чтобы согреться, заматывали горло ветхими шарфами. Но тем не менее, на защите присутствовал полностью Ученый совет Московского археологического института и трое ведущих профессоров историко-филологического факультета. Рецензенты прислали свои отзывы о работе молодого ученого, и члены комиссии подписали негнуцимися пальцами протокол о присвоении Чижевскому Александру Леонидовичу докторской степени. Вспомни-

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 92–93.

ная об этом времени, Чижевский писал: «Жизнь моя текла необычайным путем. Уже со студенческой скамьи мне приходилось бороться с моими учителями, большими учеными, и доказывать им необходимость новых точек зрения, новых аспектов в изучаемых дисциплинах. Я шел своим независимым путем. Я шел и побеждал. Никто не называл меня “неудачником”. Наоборот, многие считали меня “восходящей звездой”, но в действительности, в сфере обыденной жизни, я был полным и неисправимым неудачником. Мои товарищи по студенческой скамье делали карьеру, а я метался от одной науки к другой в поисках того, что я искал, и ни о какой карьере не думал. Даже мысль о карьере никогда не приходила мне в голову. Но я был счастлив тем же счастьем, что и К.Э.Циолковский: я находил в книге природы то, что искал, и это было так много, так необычайно, что захватывало дух. Я был счастлив этими находками, которые позволили мне слить их в единую систему и отвести им строго определенное место как в науке сегодняшней, так и в науке будущего. А так как наука будущего была большинству недоступна и ее никто не понимал, то надо мною смеялись, ехидно хихикали, разоблачали, трепали мои нервы и выгоняли с работы. В этом смысле я был неудачником, но неудачником счастливым, веселым, жизнерадостным, которому судьба позволила зрячих считать слепцами, слышащих – глухими... Как часто я оставался без копейки денег, а иногда без крова! Единственным моим состоянием были книги и рукописи, которыми никто не интересовался. Взвалив это богатство в мешке на плечи, я ходил по московским улицам, перебираясь от одних знакомых к другим <...> После двух-трех дней голодовки приходило спасение – как бы само собой. Я сваливал свой мешок на пол, ложился на жесткую кровать и с удовольствием закуривал папиросу. Я был веселым неудачником. Я мог смеяться, ибо уже в двадцать один год от рождения я был доктором наук, в двадцать четыре года получил звание профессора и читал курс лекций по истории археологических открытий в области физики, астрономии и математики – такой курс, который, по мнению моего учителя и шефа, профессора В.К.Мальмберга, был самым блестящим произведением по данному предмету. И тем не менее я был неудачником, мечущимся, ищущим и беспокойным, всегда без копейки денег, хотя и принимал меры, чтобы заработать ее. Профессорство в те годы давало немного, да и относился я к нему небрежно, а мои научные увлечения, которым я отдавал всего себя, шли вразрез с установленной программой и принятыми точками зрения, и денег на них не отпускалось. Поэтому

откармливаться я приезжал в Калугу к своим близким, любимым старикам и на другой день бежал навестить моего старого друга. Может быть, именно поэтому судьба Константина Эдуардовича была мне понятна и близка. Может быть, поэтому я так сильно привязался к этому человеку, что видел в его судьбе зеркальное отражение моей судьбы. И, наблюдая за ходом его научных и жизненных перипетий, я мог представить себе и свое будущее. К сожалению, оно было значительно хуже, сложнее, беспокойнее, тяжелее и безнадежнее. Я перенес все бедствия и все невзгоды, которые могут лечь на плечи одного человеческого существа. Но я не озлобился от этого, и только нелепая мысль сверлила и иногда сверлит мозг, что наука далеко увела меня от жизни и я не взял от нее и сотой доли того, что мог бы взять, будь я иным! Да, в этом смысле я был неудачником, но я не укорял ни небо, ни людей, ибо во всем был виноват сам»¹. Чижевский зря себя винил. По своей структуре, своему отношению к жизни он не мог быть иным. Он мог быть только таким, каким создала его природа, космическая эволюция и его родители и близкие. В приведенном отрывке воспоминаний великого ученого весь Чижевский – от ранних студенческих лет до конца его жизни. В нем всегда духовность преобладала над материальностью. О последней он мало думал. Во всем том, что он делал, было столько человеческого величия, человеческого достоинства и подлинного бескорыстия, что было трудно определить – чего в нем было больше – от высокого человека или от великого ученого. А возможно, и от того, и от другого, ибо и сейчас, когда прошло столько лет, трудно отделить одного от другого. В нем все это слилось в прекрасный сплав подвижника, прошедшего свой мученический путь и принесшего человечеству то, в чем оно нуждалось больше всего – подлинные знания.

В 1929 году он навсегда покинул Калугу. «Уже ничто не удерживало меня в ее границах, – вспоминает Александр Леонидович, – и я жаждал больших дел, борьбы и побед. Я даже не представлял себе, что значит этот триумвират: дела – борьба – победа, но чувствовал, что это как раз то, к чему тайно стремится мой дух, хотя я и не признавался в этом даже самому себе. Но, по-видимому, это было действительно так. Это было то, что блуждало в моей крови, неустанно тревожило мой мозг, сверкало в глазах и заставляло трепетать мои нервы... Все мое существо стремилось к действию, не зная его тайного обольщения, приносимых им бедствий и окончательного падения в преисподнюю

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 207–209.

как завершения всякой человеческой мысли, чувства и страсти. Я тайно ощущал необходимость борьбы за идеи, хотя мог на основании уже имеющегося у меня опыта представить себе, что это значит. Но эта жажда деятельности вызывалась возрастом: сейчас или никогда. Так казалось мне на тридцать втором году моей жизни, когда я покидал Калугу, похоронив все, что было у меня дорогого! Надо было идти завоевывать мир, чтобы не остаться за бортом жизни. Этого я не хотел и потому ощущал всю многоликую необходимость борьбы за свои идеи... А идеи у меня были – огромные, всепоглощающие! Как приступить к их воплощению, с кем говорить о них, да так, чтобы из этого разговора вышел толк, чтобы мне помогли перевернуть огромные глыбы этих идей? Как? С кем?

Идти было некуда... Говорить не с кем. Такого человека около меня не было, кто мог бы сочувственно помочь, прийти мне на помощь. А такие люди были, только они находились очень далеко от меня, за каменными стенами, за железными оградами, охраняемые вооруженными людьми... Стены не рушатся, железные ворота не раскрываются, письма прямо к ним не доходят, а только боком, да и то только до важных-преважных секретарей. А они берут эти письма брезгливо, двумя пальцами и пускают их по “соответствующим каналам”... в никуда. Перед тобою все двери закрыты, все шторы спущены... Что же делать? Как быть?»¹ С таким вот крайне противоречивым настроением Чижевский покидал город, в котором провел многие годы. С одной стороны, он был полон идей, которые готов был отстаивать любой ценой, ибо понимал их значение для науки о человеке, с другой же – знал о тех трудностях, которые неизбежно станут на его пути, и предполагал, что помощи ему ждать не приходится. Советская и партийная бюрократия набирала силу, сосредоточив всю власть в стране в своих руках. Но, тем не менее, Чижевского это не останавливало. Тогда ему казалось, что он знает, что делать и как быть. Перед отъездом из Калуги зашел попрощаться с Циолковским, своим старым другом, с которым вместе было пережито столько хорошего и трудного, беседы с которым наполняли его силой и устремленностью. В тот день они тоже долго беседовали, и на прощанье Константин Эдуардович сказал ему: «Александр Леонидович, не сдавайтесь, не прячьте голову под собственное крыло, боритесь до полной победы, вот так, как я – нищий – борюсь за богатство своих идей. Но ваши идеи – не меньше моих, смело боритесь за них,

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 606–607.

хотя сама борьба будет страшна, вопиюща. Неизбежны и поражения... Ничто не дается без борьбы. Вам предстоит преодолеть очень многое: рутину поколений, невежество миллионов, мрак, закрывающий нас от света. Но боритесь... Знайте, что вас одолеть могут только временно, какие-нибудь жалкие недоучки. Когда они наваливаются толпой, становится страшно этой безликой, безымянной, безыдейной груды тел... Но боритесь, как Геракл с гидрой, и, как Геракл, побеждайте ее»¹.

Все произошло именно так, как сказал Циолковский. Невежество за «каменными стенами и железными оградами» взяло верх над всеми. Свободы творчества становилось все меньше и меньше. В стране начались в 30-х годах репрессии, которые вселили повсеместный страх в нестойких людей. Многие научные учреждения исчезали. Исследовательская лаборатория ионофикации, с таким трудом организованная Чижевским, была закрыта приказом наркома земледелия. Какое-то время, начиная с 1938 года, он поработал в должности руководителя проекта аэроионофикации на строительстве Дворца Советов. С началом войны исследования в этой области пришлось прервать. Он уезжает в эвакуацию в Челябинск, где его арестовывают в 1942 году по доносу, обвиняя в антисоветской пропаганде, и приговаривают к восьми годам заключения. Он отбывает свой срок в лагерях Урала, в Кучино под Москвой и в Казахстане. После освобождения в 1950 году оказался в ссылке в Караганде. Там он работал в медицинских учреждениях, занимаясь проблемой структурной организации движущейся крови. В 1958 году Чижевский возвращается в Москву, трудится в системе «Союзантехники» и создает лабораторию по ионофикации. Лагеря и тяжелые условия существования подорвали его здоровье, и он после тяжелой болезни умирает в декабре 1964 года в возрасте 67 лет. Он мог бы сделать еще многое, но судьбе и обстоятельствам, в которые он попал, суждено было рано оборвать его жизнь. Он оставил нам богатейшее культурно-научное наследие, которым и внес блестящий и значительный вклад в формирование нового космического мышления.

Чижевский занимался не только экспериментальными исследованиями, но и глубоко проникал в философские вопросы, размышлял над проблемами системы познания нового космического мышления. В архиве РАН хранятся созданные им в 1920 году рукописные работы, в которых эта новая система познания нашла свое отражение. Они имели важнейшее методологическое значение и назывались:

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 607.

«Основное начало Мироздания», «Система Космоса» и «Проблема материи (электромагнетизма)»¹. Главная мысль, на которой строится теория познания Чижевского, заключалась в следующем: все земные явления, природные и человеческие, необходимо рассматривать в контексте взаимодействия Земли и Космоса. «...Не все еще явления природы, – писал он, – кажутся нам просты и понятны. Мы познали лишь те, каковые стоят ближе всего к нам со стороны двух бесконечностей: Величия Космоса и Глубины Материи. Как в неизмеримом океане теряется наша мысль за последними еле заметными звездами, сияющими на ночном небе, и в мельчайших частицах материи, столь же отдаленной от нас, как те последние светила видимой нами вселенной. Размышляя об этих взаимно-противоположных крайностях Природы, человек как бы покидает свою землю, ибо то, что представляется его взорам, выходит из пределов одной земли: это вопросы высшего космического порядка, и разрешение их равносильно разумному объяснению своего существования и постижению всего великого, несоизмеримого с нами, здания мира. И вот перед нами высится ряд вопросов величайшей важности: удастся ли нам когда-нибудь познать природу как она есть, а не как нам кажется. Хаос или гармония управляют всем происходящим в мире; однородно или многообразно вещество, создающее видимый мир, и что оно представляет из себя; смертна или бессмертна органическая жизнь, случайна или вездесуща она; смертен или бессмертен мир; конечно или бесконечно пространство»². Чижевский обладал редкой и удивительной способностью – правильно ставить вопрос и соответственно получать на него правильный ответ в ходе эксперимента или творческого размышления. Он сразу определил методологически пространство познания, а оно оказалось космично широким, если не бесконечным – от величия или грандиозности Космоса до глубины Материи. Иными словами, пространство познания охватывало и макрокосм и микрокосм. Оно было обусловлено единством обоих явлений и обладало протяженностью от бесконечно большого к бесконечно малому, от бесконечно высокого к бесконечно глубокому. Между этими бесконечностями и заключались все тайны Материи, которые и предстояло познать. Познание же это зависело от правильной его методологии, которую и предложил Чижевский в процитированной работе.

---

¹ Работы были опубликованы в 1997 году в журнале «Духовное созерцание». Подготовила их к печати заведующая сектором по изучению творческого наследия Чижевского ГМИК им. К.Э.Циолковского Л.Т.Энгельгардт.

² Чижевский А.Л. Основное начало мироздания: Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. М., 1997. № 1–2. С. 106.

Система познания молодого ученого выходила за земные границы. Она также расширялась и в сторону не экспериментальных методов, которые, по убеждению Чижевского, должны были составлять вместе с эмпирическими методами исследования целостную систему познания. «Не все может быть уловимо наблюдением или опытом, – утверждал он, – [чтобы] создавать гипотезы и теории. Чтобы приблизиться к разрешению этих вопросов, человеку необходимо [иметь] нечто, стоящее вне опыта, а именно известную внутреннюю способность отвлеченного мышления, логическое и образное творчество. Только в этой области ясно обнаруживается скрытая способность человеческого ума проникать, не покидая строго научной почвы, туда, куда не достигает самый современный, непосредственный опыт – в подлинные, сокровенные глубины природы»¹. Соединение эмпирического метода исследования с вненаучным или метанаучным, действовавшим в духовном пространстве человека, было необходимо для создания новой системы познания космического мышления. «Но человеческому духу, – отмечал он, – свойственно неискоренимое желание разгадать внутреннюю сущность вещей и дали неба, простертого пред его взорами. И хотя научный прогресс человечества сводится к расширению радиуса наших чувств, к постепенному приближению к нам как бесконечно малых, так и бесконечно больших объектов, все же столкновение желательного с возможным – неминуемо. Это столкновение желательного с достижимым возможно устранить только искусственным путем. И тут человек отыскивал себе удовлетворение в том, что воплотил недоступное и непостижимое – в образы; и можно смело сказать, что концепция таких образов принадлежит к величайшим достижениям»².

Образное воображение, присущее человеку, Чижевский справедливо отнес к области познания. Образ возбуждал мысль, которая приводила к построению гипотезы или предположению, получавшему впоследствии экспериментальное подтверждение. Он отметил роль творческой интуиции при создании образа и при этом считал, что образ, сложное явление человеческого духа, не совпадает со своим оригиналом, проявление которого требует уже иных способов познания. «Все же образы имели бы значение даже в том случае, если бы они не давали ничего, кроме некоторого удовлетворения чисто человеческой потребности. Однако, при известных условиях, они могут дать зна-

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 107.

² Там же.

чительно больше, ибо они оказывают безусловную помощь научному познанию»¹. Чижевский был одним из первых, который создал теорию образа как способа познания. Образ видимый таит в себе невидимое явление, которое, будучи правильно расшифрованным, дает возможность познать это явление и вскрыть его сокровенную глубину. Чижевский писал о том, что волнообразная теория света есть образ, который помог Максвеллу составить уравнения магнитного поля. «Конечно, физик, – писал он, – работающий в лаборатории, не может довольствоваться одним образом: ему необходима модель явления. И вот, выделив известные ему факторы, он производит опыт. Лабораторный эксперимент, которым пользуется современная нам наука, достиг высокого совершенства. Ныне получают в лабораториях шаровые молнии, северное сияние, радуги и облака. Но есть явления, не поддающиеся опыту. И вот тогда на помощь к нам и приходит *творчество образов*»².

Именно это творчество образов давало человеку возможность постигать сложнейшие явления Космоса. Качающийся маятник – вверх-вниз – таит в себе идею умирания и возрождения Космоса. «Само наше существование говорит за то, – утверждал справедливо Чижевский, – что космос уже неисчислимое количество раз восстанавливал себя из самого себя, иначе он давно уже завершил [бы] путь своей жизни и умер. Космос не знает истощения, ему присуща вечная жизнь, обусловленная ритмом, отбиваемым колоссальным космическим маятником. Только одно колебание этого великого маятника заключает всю бездну времени, исчисляемую нами от начала до конца мироздания, которое при следующем колебании начинает свое следующее возрождение и так – без конца»³. Читая эти строки, как не вспомнить удивительный образ маятника на фоне Мироздания, который мы видим на картине М.К. Чюрлёниса «Rex»⁴, самой загадочной из всех его картин, а также и образ индусской мифологии – бог Вишну, спящий и пробуждающийся на гигантском наге Шеше, символизирующем материю. Здесь возникает интереснейший процесс – переход образа в реальность и реальности в образ по мере познания явления, стоящего за образом. Что же касается бесконечности космического ритма, то это еще одно методологическое положение, которое Чижевский ввел в свою теорию

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 108.

² Там же.

³ Там же. С. 109.

⁴ *Rex* (англ.) – король.

познания и без учета которого невозможно проводить принципиальные исследования ни материи, ни Земли, ни человека, ни самого Космоса. Ритм умирания и возрождения в своем бесконечном выражении свойственен каждому явлению в нашем мироздании. «Мы – дети нашей Матери-Природы, – отмечал Чижевский. – Она хочет, чтобы мы были разумные, в конце концов поняли и полюбили бы ее, ибо уже перестали бы бояться смерти. Так сливаются воедино древние задачи философии и новейшие достижения науки!»¹

Отмечая несовершенство наших чувств, Чижевский делает одно из глубоких замечаний – «...мир, воспринимаемый нашими чувствами, совершенно не похож на действительно существующий внешний мир»². Данное замечание важно для любой теории познания, ибо оно дает реальную перспективу для дальнейших познавательных исследований. Но на помощь чувственному познанию приходит абстрактное, или отвлеченное, мышление, которое Чижевский называет шестым чувством. Это шестое чувство он считает «суммирующим восприятия первых пяти чувств и создающим новые и новые логические здания, превосходящие непосредственные данные самой природы, и только косвенным порядком, посредственно, мы умозаключаем о ином физическом материальном мире <...> Эти логические постройки, высоко возносясь кверху, к познанию макрокосмических сфер, столь же глубоко проникают и вниз, к корням бытия, к истокам вещей вообще!»³ Он вводит в теорию познания философию, как необходимую ее часть. «Задача философии была бы разрешена наиболее совершенным образом, если бы нам удалось выразить действительность во всей ее полноте и объединить наше понимание в одно логическое целое»⁴, – пишет Чижевский, давая этим понять, что новая система должна быть синтетической и включать в себя все доступные человеку способы познания. Но в то же время он старается найти какой-то иной способ, который бы поставил исследуемое явление в полную независимость от самого исследователя. При этом он и сам сомневается в возможности достижения такого положения, ибо постоянной и однородной картины мира пока не найдено и не создана всеобъемлющая эволюционная теория самой природы. В связи с этим ученый обращает внимание на относительность человеческого восприятия, которое также, как и

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 109.

² Там же.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же.

остальные методологические особенности, должно войти в новую систему познания. Он вводит в теорию познания «принцип гармонической или хаотической организации первопричины всех причин, начала всех начал, созидающего закона всех последующих “законов”»¹. И далее предлагает для решения этой проблемы «принять какие-то новые принципы исследования и пойти новым, доселе неизвестным путем. Очевидно, необходимо добрести до того пункта, откуда истекают причины всех вещей и явлений, т.е. заглянуть в последнюю неделимую область материи и, восходя выше к нашему миру, проследить изменение и разветвление законов, управляющих элементарными, но все более и более усложняющимися проявлениями жизни самой материи»². Этот новый путь представлялся ему крайне сложным, ибо исследования находились в пространстве, где сформировались уже результаты длительных и сложнейших процессов.

«Мы видим, что каждое физическое явление оказывается результатом бесконечно большого числа причин, совокупностью коих определяются разнообразные *части* явления. Число этих причин или факторов во всех, без исключения, явлениях весьма велико. Не достаточно ли для нас уверенности в том, что все тела вселенной находятся в большей или меньшей зависимости друг от друга, что, кроме того, магнитные и электрические линии сил логически не имеют предела и должны простираться бесконечно далеко, что все вещества представляют из себя смеси различных веществ, что в самой предельной частице материи – атоме мы видим столь сложные и столь поразительные явления в движении электронов, что ни один математик не взялся бы вычислить положение троп электронов в атоме гелия, не говоря уж о более сложных атомах, насчитывающих их несколько десятков и т.д. А сколько существует сил, еще нам неизвестных... И вся эта совокупность кладет на каждое явление свой отпечаток и производит в явлении те или иные изменения. Следовательно, законы, управляющие явлениями природы, складываются из огромного числа физических законов и потому сами беспредельно, трагически сложны, ибо они скрывают от нас тот математически-чистый закон, каковой является последствием влияния *одной первопричины на одну физическую величину*»³.

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 115.

² Там же.

³ Там же.

Идея о существовании в Мироздании какого-то изначального единства, выявление которого было насущно необходимым для теории познания на современном уровне науки, не давала ему покоя. Это изначальное единство, полагал он, можно найти лишь внутри, или в глубине материи, на уровне молекул, атомов, электронов и более мелких частиц. Ибо все многообразие проявления космической материи сводится где-то в глубинах материи к единству, которое можно со временем обнаружить и понять механизм последующих процессов.

«Умение обобщать, отыскивать в с виду различных предметах или явлениях сходство есть одно из основных и замечательных свойств нашего ума, а потому и самой природы, ибо наш мозг есть ее координированная часть. Таким образом, наш ум устанавливает сходство, обобщает явления природы, а это обобщение и является научным фактом, из которого в дальнейшем выводится закон, выраженный точно и коротко. Поэтому можно сказать, что метод *аналогий*, имеющий в основе ряд *общих*, присущих *различным* явлениям, черт, – один из тех методов, которые помогают различным отраслям знания соединяться воедино и приближают нас к постижению тех корней, откуда вырастет грандиозное генеалогическое древо физических законов или, может быть, ее *единого закона!*»¹ – отмечает он. И, размышляя о подобном единстве, он возвращается к древней мысли, где такая идея имела свое место. Но она не была связана с эмпирической наукой, а была результатом метанаучного способа познания, которое находилось в духовном пространстве человека. «Идея неоплатоников, – писал он, – о едином мировом субстрате и идея пифагорейцев о едином правящем миром принципе постепенно отрываются из недр времени и готовятся к более интенсивной жизни в грядущем»². Космический ритм, который присущ всем явлениям в Мироздании, есть одна из важнейших особенностей, которая объединяет самые различные процессы и проявления энергии и материи. На этой особенности держится методология теории познания космического мышления. «И вот, явления, повторяемость которых незыблемо утверждена, могут быть причислены к этому разряду неформулированных законов. Источником их служат стройные движения в природе: вращения небесных тел, дающие смену дня и ночи; движения их по орбитам, порождающие времена года, морские приливы и отливы, течение рек, кругообороты различных

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 119–120.

² Там же. С. 120.

веществ в природе, дыхание земли, наконец, биение нашего сердца, движение мышц, управляющих дыханием и т.д. Одним словом, непрерывный признак многочисленных движений в природе есть известная стройность, выражающаяся в периодическом повторении на протяжении всего пути одинаковых признаков движения, чередование этих признаков, симметрическая их смена и т.д. И, как видно, стройность движения присуща не только организованной, но в известной степени и неорганизованной материи. Эта стройность порождает в нас чувство красоты, переложимое нами в искусство, и облегчает наше познание природы, благотворно действует на нашу психику и является одним из основных признаков мировой гармонии вообще. И наоборот, нестройная пестрота, перебои сердца, скачки стрелки сейсмографа, мигание пламени раздражают нашу психику, утомляют зрение и служат вернейшим показателем болезненности самого явления. Итак, главный признак стройного движения есть *ритм*»¹. Именно стройное движение, и никакое другое, несет в себе творческое начало Космоса в его развитии и его эволюции.

«И, действительно, – продолжает Чижевский, – одно из самых распространенных движений в мире есть движение ритмическое, т.е. такое, при котором точка, которую мы ради наглядности вообразим себе носителем движения, в равные промежутки времени проходит равные пространства, или движение периодическое, при котором точка по истечении определенного времени вновь возвращается на прежнее место в пространстве; последние движения могут быть подразделены на два вида: колебание и вращение, законы которых устанавливаются на основании наблюдений над качанием маятника»². Ритм, а тем более космический, недостаточно изучен современной наукой, несмотря на то, что на ритме, как таковом, держится весь Космос и все Мироздание. Если в какой-то момент этот ритм по неизвестной нам причине прекратится, весь Космос, Вселенная, планеты, человек разрушатся, чтобы никогда уже больше не возродиться. В силу этой особенности ритм можно отнести к тем явлениям, на которых, подобно материи и энергии, держится Мироздание и все процессы, идущие в нем. С ритмом, утверждает Чижевский, связано такое явление как время, реального определения которого не нашли ни наука, ни философия. Давно была замечена субъективность времени, но сущности объективного

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 121.

² Там же. С. 122.

еще не найдено. «...Необходимо, – пишет Чижевский, – для измерения времени искать меры не в нас самих, а в каких-либо ритмических явлениях природы»¹. Космические ритмы, ритмы электромагнитных токов пространства, ритмы небесных тел и, наконец, ритмы Солнца, в частности ритмы появления его пятен, – все это «оказывает колоссальное подчиняющее воздействие во всей солнечной системе, в ее органической и неорганической природе»², – отмечал Чижевский. Земля не являлась исключением из этого правила. Человек есть часть Космоса, взаимодействующая с его ритмами. И ученый ставит вопрос о влиянии этих ритмов, и прежде всего, солнечных, на исторический процесс и на психологию и физиологию самого человека. «Весьма характерно, – отмечает он, – что многим историческим событиям предшествовали или сопровождали их различные астрономические явления: прохождение комет, возмущения на солнце <...> И в самом деле, нельзя ли установить полнейшую зависимость биологических и психических процессов, совершающихся в человеке, от периодов колебаний электромагнитного пространства и выяснить ритм исторических событий в жизни человечества»³. Мысль была смелой, которую он потом подтвердил фактами и наблюдениями, оставившими свой след в исторических источниках на протяжении многих веков. Давно было замечено, что космические ритмы, влияющие на жизнь Земли, особенно воздействуют на процесс творчества человека. Творчество всегда ритмично, и представить себе какое-либо подлинное творчество без ритма просто невозможно.

«Человеческая жизнь – многосторонна. Она состоит из телесно-духовной деятельности, создаваемой самим человеком и проявляемой им вовне, и органической деятельности, создаваемой природой независимо от человека и проявляющейся внутри него. К первой можно отнести все виды его творчества, ко второй – *механику его жизненных функций*. И та и другая область, однако, тесно связаны между собою и объединены общим свойством всех своих проявлений – ритмом, который представляет собою упорядоченное расчленение движений в их течении во времени. Ритм мы находим во всех человеческих искусствах – отражении его духовной деятельности: музыке и поэзии, живописи и ваянии. Кроме того, ритм исходит из самого органического существа человека, где он заключен как известный регулирующий

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 123.

² Там же. С. 125.

³ Там же.

элемент наиболее экономного расходования сил. Ритму подчинены внешние движения человека и животных: и гребущий лодочник, и бегущая лошадь вырабатывают тот внешний ритм, каковой соответствует их внутреннему строгому и данному от природы ритму»¹, – пишет Чижевский.

Размышляя о ритме, его природе и взаимодействии его с космической энергетикой, он обращает внимание на сердце, ритм которого поддерживает жизнь человека. Когда сердечный ритм останавливается, то прекращается и сама жизнь. Во всех процессах, идущих в человеке, он замечает ритмы.

«Но не только одни физиологические функции наделены известным ритмом, но и психическая деятельность организована вполне ритмично. Все психические процессы ритмичны. Душевная жизнь представляет из себя сумму ритмов с теми или иными периодами нарастания. Смена разнообразных настроений и влечений, смена деятельности и апатии, бодрствования и сна представляют из себя ритм, который субъективно не ощутим при нормальном состоянии организма, ибо ритм этот не достигает порога сознания. Однако, при малейшем психическом истощении, вследствие понижения порогов единичных нейронов и порога сознания вообще, замедленное биение ритма начинает ощущаться и, наконец, проявляется в виде различных психических заболеваний: апатии, тоски и душевной протрации. Кроме того, некоторые психические болезни сами по себе обладают известной ритмичностью: к разряду таковых может быть отнесено, например, т.н. круговое помешательство. Оно представляет в своем классическом типе чередование душевных расстройств: то приподнятое настроение, подвижность и быстрое течение мысли, то угнетенное настроение, сопровождаемое бредом и заторможенностью мышления. Это чередование мании и меланхолии прерывается паузами полного психического здоровья.

В работе разума все логики отметили известный ритм: аналитического и синтетического суждения, индукции и дедукции, ассоциации и диссоциации, обобщения и абстракции»².

Сам процесс познания ритмичен. «Общая форма человеческого познания и, следовательно, научного знания, таким образом, воспроизводит этот ритм параллельно идущих индукций и дедукций, последо-

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 128–129.

² Там же. С. 129–130.

вательных обобщений и разложений»¹. И если сам процесс познания обладает ритмом, то для теории познания это явление есть одно из основных в ее методологии. Именно в ритме заключена та могущественная жизненная сила, разгадать суть которой еще предстояло современной науке. Одно из фундаментальных положений теории познания, которое мы находим у Чижевского, это последовательное и непрекращающееся воздействие космического ритма на формирование и функционирование всех земных ритмов. Два вида ритмов особенно привлекали внимание Чижевского – ритм исторических событий земного человечества и Великий ритм самого Космоса. «Нам представляется, – писал он, – что органическая жизнь вообще и человеческая жизнь в частности равномерно движется по некоторой правильной весьма большой, но в то же время сомкнутой и, вследствие этой сомкнутости – ограниченной, спирали; эта спираль подобна той, какую образует любая точка нашей планеты при своем вращении вокруг своей оси и обращении вокруг солнца. Сутки замыкают известный малый цикл местного, земного порядка, год завершает большой цикл порядка космического. Смена этих малых циклов, по которым совершается физическая, духовная и социальная эволюция, еще в той или иной степени может быть доступна нам при отрывании судеб человечества из зыбучих песков исторического времени; большой цикл в своем свершении должен представлять из себя некий великий и коренной переворот в человечестве, – переворот, который мы не можем ни предвидеть, ни даже предчувствовать, ибо он отделен от нас миллионами малых циклов, из которых каждый занимает целые исторические эпохи.

Чем характеризуется вообще каждая историческая эпоха? В ней, главным образом, мы должны заметить правильное чередование подъема и спуска человеческого прогресса. Перспектива истории представляет собою панораму грозного моря с высоко поднятыми волнами и зияющими безднами между ними. Мы видим, как мировые державы и великие царства, достигнув гребня волны – самой высокой точки своего развития, опускаются вниз, чтобы либо навсегда исчезнуть, либо вновь, совершив трудный путь подъема, вновь показаться на следующем гребне волны. Цикл завершен. Планета Истории прожила свои сутки. Наступают новые. Человечество опять совершает свой подъем, но подъем этот расположен уже в другом месте большого космического цикла. Все признаки, сопутствовавшие прежнему подъему,

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 130.

сохранились и при новом подъеме человечества, но изменились только в характере своих проявлений. Говорят, “человечество сделало шаг вперед”, человечество эволюционирует!»¹

И еще: «...исторические лица – государственные мужи, гениальные полководцы, великие основатели религий – разве мы не находим их на гребне каждой исторической волны, отделенной одна от другой тысячами лет. Наоборот, мы не находим в новейшей истории ни одной индивидуальности, которая не существовала бы некогда в истории человечества и воспоминания о которой смутно носятся в дошедших до нас скудных отрывках преданий древних религий или мифологий. Все, что существует сегодня, уже было повторено неоднократно на земле и будет повторено огромное число раз и в грядущем, пока не завершится большой космический цикл исторического развития человечества; и что случится далее – мы не знаем и не можем предполагать. После того, как человечество выполнит свою задачу и оправдает смысл своего существования, может быть, начнется новый оборот восходящей космической спирали, ведущей к совершенствованию как мировые материальные системы, так и мировые органические группы»².

Здесь мы находим у Чижевского целую философскую картину исторического развития человечества, сделанную на концепции ритма и поэтому более реальную, чем та, которая содержалась в теории исторического материализма. Именно космический ритм есть причина исторического ритма земного человечества. Каков механизм, соединяющий причину с ее следствием, пока трудно сказать. Эта проблема не только требует серьезных научных исследований, но и соответствующего сознания самого исследователя, работающего в рамках концепции новой теории познания космического мышления.

«То обстоятельство, что мы существуем, – отмечает Чижевский, – что мир, видимый нами, находится в полном расцвете и что таких миров, как наш звездный, только в разных стадиях развития, бесчисленное количество на всем протяжении Космоса, – неминуемо заставляет допустить, что развитие происходит не только в одном направлении, но что каждая система, подобно обособленному органическому существу, претерпевает свой цикл развития, начинающийся с зарождения и кончающийся смертью, и что подобно тому, как ни один атом умершего существа не исчезает с лица земли, а целиком входит в круговорот вещества

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 133–134.

² Там же. С. 134.

для созидания новых существ, так и на развалинах умершего мира возникает новый, чтобы на своем жизненном пути пройти все стадии развития и, наконец, умереть для рождения следующего нового мира.

Поколения миров – и есть этот грандиозный космический ритм. Единица его – одно колебание космического маятника во времени – занимает миллиарды миллиардов наших земных лет. Но в масштабе всего великого мироздания оно – еле заметное мгновение. И потому следует предположить, что не только доступные нам явления природы обладают свойственным им ритмом, но что и все, совершаемое в необъятных просторах мирового пространства, находясь в постоянном движении, отбивает мерные такты вездесущего, непрерывного ритма!»¹

Исследуя соотношение космических и земных ритмов, Чижевский пришел к очень важному выводу, носящему в системе познания методологический характер: «...эволюция, – пишет он, – в самом широком и обобщающем смысле, – конечно, но количество этих ритмически сменяющихся эволюций не имеет конца»². Этим выводом он заложил методологическое основание для будущего рассмотрения космической и земной эволюции с точки зрения нового космического мышления. Начало или конец существуют лишь в ограниченных рамках какого-либо явления, в бесконечности же нет ни начала, ни конца. «Вечный круговорот вещей, Вечное Вневременное Возвращение – величайшая идея Палингенезиса некогда станет объективным достоянием Науки»³. Эта идея владела его воображением ученого и философа. Он возражал тем, кто считал, что идея Палингенезиса отнимает у Вселенной и человека возможность бесконечного совершенствования, ибо каждый раз возвращает этот процесс к исходной точке. Но кто так считал, забывали о том, что эта точка новая, а не та же самая. И новый мир возникает, без сомнения, выше той точки, которая когда-то существовала. В связи с этим хотелось бы привести мудрые слова Германа Гессе, постигшего глубокую мысль Востока: «Мир, как его изображают эти мифы, предстает в своем начале божественным, блаженным, лучезарным, первозданно-прекрасным, как Золотой век; затем он заболевает и портится, все больше и больше впадает в грубость и убожество и к концу четырех все ниже спускающихся мировых веков он готов распасться и погибнуть под ногами танцующего и смеющегося Шивы; но это не конец,

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 135.

² Там же. С. 136.

³ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 110.

все начинается сызнова с улыбкой сновидца Вишну, который играющей рукой творит новый, юный, прекрасный, сияющий мир»¹. Так свидетельствует индусская мифология, рассказывая о космических бесконечных циклах созидания и разрушения.

«Но очевидно, – отмечает Чижевский, – что вселенная или ее отдельные члены – звездные миры порознь – подвержены тому же космическому принципу, который мы наблюдаем в царстве органической и неорганической материи. Человек, животное и растение рождаются, живут и умирают; металлы, минералы и прочие неорганические вещества создаются, живут и разрушаются или диссоциируют. То же самое совершается и со звездными системами: они создаются, живут и погибают, чтобы вновь, переходя из газообразного состояния в твердое, создать новую систему или новый мир. И они, следовательно, подвержены тем же основным фазам, характеризующим всякое проявление материи. Каждая индивидуальность, будь то микроорганизм или планета, должна погибнуть, чтобы уступить место новой, – и эта последняя опять повторяет весь цикл развития предыдущей, чтобы впоследствии дать место новой, и т.д. до бесконечности. Но бессмертие материи (не все ли равно, возвращается она в эфир или нет, а если и возвращается, она вновь из него и возникает), а также бессмертие протоплазмы неминуемо вносит в последующие циклы развития вселенной некоторые свои наследственные особенности. И возможно, что именно это наследство и есть та космическая эволюция, которая смутно угадывается нами»².

Последняя фраза этого фрагмента о предполагаемом наследстве космической эволюции представляет большой интерес, так как увязывает космическую эволюцию с ритмом, которым звучит весь Космос и который определяет существование всех его форм. Подобная мысль дала основание Чижевскому поставить проблему о наличии единого принципа во всей Вселенной, соответственно и единого Закона для всех ее форм.

«Мы можем также утверждать, что единый принцип, создающий мир, один и тот же и проявляется в самых удаленных участках вселенной с той же последовательностью и в том же порядке действия. Таким образом, мы приходим к утверждению Единства образующего физического закона во всей вселенной»³.

---

¹ Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969. С. 314.

² Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 111.

³ Там же. С. 112.

Это единство определяет, по мысли Чижевского, и единство познания на Земле и в далеких мирах. Иными словами, все мыслящие существа Вселенной мыслят одинаково. «Есть лишь единственная форма логики, та, которая вытекает из логики закономерности. Следовательно, мы имеем: *единство логического мышления*»¹. Сама материя заключает в себе изначальные элементы этого единства. «Именно, нисходя в глубину всего живого, – утверждает Чижевский, – и далее – в глубину материи, мы познаем единое начало, единую основу *всего сущего – единство материи – электрон*»². Он пишет об электромагнитном мировоззрении, которое «вместо множества обособленных констант выдвигает немногие универсальные»³. И продолжает: «И волей-неволей в уме назревает мысль о том, нельзя ли слить воедино все известные нам физические законы и, несмотря на их разнородные происхождения, создать из них один-единственный мировой закон, которому и только которому были бы подчинены и капля росы, отражающая солнце во всем его великолепии, и самое великодушное Солнце! Появление в науке мелкой и простой индивидуальности, на которую разлагается весь видимый материальный мир, – электрона, предвещает близость нового грандиозного *синтеза*, о котором только могла думать наука»⁴.

Так картина Вселенной, которую создал Чижевский на основе положений новой системы познания, значительно отличалась от той, которая существовала в традиционной науке. Она несла в себе потенциал новых научных открытий и находений, неожиданных подходов и новых взглядов на, казалось бы, уже устоявшиеся явления. Чижевский выступил здесь не только как ученый, но и как зрелый философ, несущий в себе новое космическое мировоззрение, которое впоследствии пронизало все его творчество и явилось причиной всех нападков на него, предпринятых учеными-традиционалистами. Но были и те, которые называли Чижевского «Леонардо да Винчи XX века» за его мысли, опережавшие свой век, и его исследования, которыми он подтвердил свои удивительные идеи и философские находения. Один из известных философов В.В.Казютинский пишет по этому поводу: «...только сейчас мы начинаем, наконец, осознавать их эвристическую силу, все более и более убеждаясь в том, что они органически вплетаются в

---

¹ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания... // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 112.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 113.

контекст современной науки и культуры. Без всякого преувеличения можно сказать, что А.Л.Чижевский был не только основоположником ряда новых направлений современной науки (таких, как космическая экология, гелиобиология, гелиотараксия, историометрия и другие), но что, наряду с К.Э.Циолковским и В.И.Вернадским, он сформулировал принципы, входящие в основания современной, постнеклассической науки, которые во многих отношениях целенаправляют современный научный поиск. Эти принципы выступали как философские, мировоззренческие ориентиры, позволившие обстоятельно изучить механизмы влияния космических факторов на биологические и социально-исторические процессы на Земле. Обнаружение таких влияний и построение – на стыке многих наук – их общей концепции было одним из самых примечательных вкладов А.Л.Чижевского в современное научное мышление»¹.

Так называемое электромагнитное, или энергетическое, мировоззрение Чижевского дало ему возможность представить научную картину энергетической Вселенной крупными мазками художника и поэтическими образами. Его Космос, его Вселенная были прекрасны, привлекательны и наполнены энергетической жизнью, но в то же время не потеряли своей научности. «По бесконечным просторам Вселенной, – писал он, – с необычайной скоростью, подчиняясь законам космической электродинамики, мчатся потоки элементарных частиц – электронов и позитронов, несущих величайшие энергии, равные миллионам и даже миллиардам электронвольт. Выброшенные из звезд, из сверхновых звезд и из недр Солнца при термоядерных реакциях, они бороздят пространство Вселенной. Грандиозные физико-химические процессы, развертывающиеся на поверхности и внутри нашего Солнца и многих миллиардов звезд, посылают в космическое пространство своих вестников – электромагнитные колебания и мощные корпускулярные потоки <...> Звезды являются первичными источниками света во Вселенной, и энергия их возникает при ядерных превращениях. Прочие большие тела, как, например, туманности и планеты, также излучают свет, но свет этот либо представляет собой флюоресценцию, либо является отраженным и рассеянным светом звезд. Наше Солнце также не остается безучастным в этом деле и периодически заполняет космическое пространство мощными обломками атомов своей материи, несущими огромную энергию. Таким образом,

---

¹ Казютинский В.В. А.Л.Чижевский как мыслитель // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 91.

предполагавшаяся ранее пустота (вакуум) мирового пространства – явление только кажущееся. Мировое пространство пронизывается магнитными полями, электромагнитными колебаниями различной частоты, потоками частиц величайших энергий, космической пылью, метеорами, метеоритами, болидами, обломками космических тел разной величины. Межзвездные магнитные поля, где блуждают сотни миллионов лет частицы высоких энергий, могут не только разгонять их до субсветовых скоростей, но и замедлять их движение. Межзвездные магнитные поля различной конфигурации не только ускоряют или замедляют потоки этих частиц, но и определяют их направление <...> Эти частицы, встретив на пути своего движения сильные линии земного поля, отклоняются им в сторону полюсов Земли, обнаруживая себя в виде полярных сияний. На Землю, как от Солнца, так и с других сторон, устремляются частицы сверхвысоких энергий и попадают таким образом в магнитное поле нашей планеты. Магнитное поле Земли классифицирует эти частицы по энергиям и создает особые зоны, или пояса, в которых сконцентрированы потоки быстрых частиц <...> В экваториальную зону проникают лишь те частицы, которые имеют энергию в несколько миллиардов электронвольт. Области вблизи магнитных полюсов считаются свободными от частиц высоких энергий <...> и, таким образом, могут служить конусообразными “воротами” в Космос. Человек через полюс достигает любых высот, минуя опасные излучения»¹.

Грандиозная энергетическая картина Мироздания, нарисованная «кистью» Чижевского, включает, как мы видим, и Землю, как неотъемлемую часть этой картины. Земля находится, как и остальные небесные тела, в русле энергетики космической эволюции и, безусловно, испытывает влияние этой энергетики. Мы имеем возможность наблюдать на нашей планете те же космические процессы, которые идут в бесконечных пространствах Вселенной. В этих пространствах происходят изменения, и они напоминают бушующий океан, но наполненный не водой, а энергиями различных уровней, качеств и вибраций. Земля также несет в себе изменения, и человек, находящийся на ее поверхности, испытывает их на себе. «Земной шар, – замечает Чижевский, – сравнивают с апельсином, корка которого – это земная кора. Для приближенного соотношения это верно. Мы живем на тоненькой коже нашей Земли, подвижной и тревожной. Материки плавают

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 436–437.

на ней: теперь очевидно, что во время одной из прежних катастроф Европа и Африка отделились от Америки, Австралия от Азии или, точнее, от Индии. Одновременно из внутренности Земли выделились полужидкие раскаленные тела – нынешняя Луна. Это не доказано, но возможно <...> Тонкая оболочка Земли подвижна и тревожна. Внутренняя энергия жизни земного тела ищет выхода из этой внутренности, материя расширяется, вулканы периодически выбрасывают газы, лаву и пепел, землетрясения и обвалы уносят тысячи человеческих жизней. Набеги морской воды разрушают дамбы и ровняют с поверхностью Земли все то, чем человек пожелал возвыситься, – его сооружения, города, заводы и фабрики. Имеются указания, что тело Земли расширяется, эллипсоид ее растягивается по меридианам и параллелям. Кабели, проложенные на дне океана, рвутся, как натянутые струны, и концы их расходятся на целые километры. В наиболее тонких местах земной коры постоянно происходят большие изменения: острова то опускаются в океан, то поднимаются вверх. Подводные извержения, о которых нам известно не все, что следовало бы знать, предупреждают нас о возможных грядущих катаклизмах или даже о едином земном катаклизме. Никто не вслушивается в таинственный говор земных недр. Никто! Ученые пишут статьи, делают расчеты, произносят речи, взрывают бомбы, бурят земную кору, бурят, и, возможно, не там, где надо. Из всех самых страшных дел самыми убийственными являются взрывы атомных и водородных бомб. Над земной корой, тонкой, подвижной и трепетной, и внутри нее происходят, по воле человека, страшные процессы, надземные и подземные взрывы, имеющие колоссальную мощност¹.

Именно те ученые, в том числе и Чижевский, которые закладывали фундамент космического мышления, были первыми, кто стал протестовать против нарушения человеком экологического равновесия Земли. Рассматривая земные процессы с точки зрения космической эволюции и воздействия Космоса на нашу планету, эта часть ученых первыми поняла опасности, которые таила в себе «внекосмическая» позиция. Человек «не думает, – утверждал Чижевский, – над тем, что собственные колебания земного тела, периодические и спорадические, происходящие от самых разных внутренних и внешних причин, могут совпасть со взрывной волной и сложиться с ней <...> Одно из таких “удачных” сложений разорвет земную кожуру на тысячи километров,

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 703–705.

и мощность разрыва будет равна, по К.Э.Циолковскому, 10 100 эрг. Колоссальная, еще не подсчитанная внутренняя энергия земного тела вырвется наружу, выплеснет новую Луну и обратит часть океанов в пар. Земля даст большую осадку, сузится, возникнут тысячи огромных трещин, которые поглотят цветущие города и даже целые страны, моря и океаны затопят образовавшиеся низменности, и под водой погибнут современные Атлантиды, погибнет все»¹.

Страшная картина гибели нашей планеты, нарисованная Чижевским, не являлась плодом его поэтического воображения. Это была реальность, в основании которой лежали научные расчеты и эмпирические выводы. Повлияло ли это на кого-либо? Скорее, нет. Много лет спустя после того, как великим Чижевским были написаны эти предупреждающие строки, все осталось по-прежнему. Человек продолжает нарушать экологическое равновесие Земли еще интенсивней. И существует возможность, что пророческие строки Чижевского обернутся действительностью. Нарушение экологического равновесия на Земле неизбежно приведет и к разрушительным процессам в самом Космосе. Но безответственность, невежество, а порой и безумие владеют теми, от кого все это зависит. Разрушение жизни на Земле есть не менее страшное деяние, чем гибель самой планеты. Чижевский был уверен, что эта жизнь, как и сам человек, явление космическое. Проблема возникновения жизни волновала не одно поколение ученых, но и до сих пор в этой области больше гипотез и предположений, чем обоснованных научных выводов. В связи с этим обращает на себя внимание фраза Чижевского о том, что жизнь создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Здесь таится какая-то догадка, проявление которой требует большой и длительной исследовательской работы. За этой догадкой явно стоит метанаучный способ познания, какое-то удивительное озарение, которое не однажды вспыхивало в сердце ученого. Он не раз демонстрировал это слияние научного и вненаучного способов познания, которое приносило ему не однажды плодотворные идеи. В нем самом жил синтез различных способов познания – таких, как наука, философия, искусство, в меньшей степени религиозная мысль. Он сам был поэтом и художником и постигал искусство не из книг и музеев, а через собственное творчество. Поэзия, в которой ритм играл важнейшую роль, помогла ему понять космическое значение искусства, как такового.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 706.

Александр Леонидович Чижевский. 1930-е гг.

Саша Чижевский с теткой, крестной матерью Ольгой Васильевной Чижевской-Лесли и бабушкой Елизаветой Семеновной, его «первым учителем и воспитателем»

Александр Чижевский – студент. 1916 г.

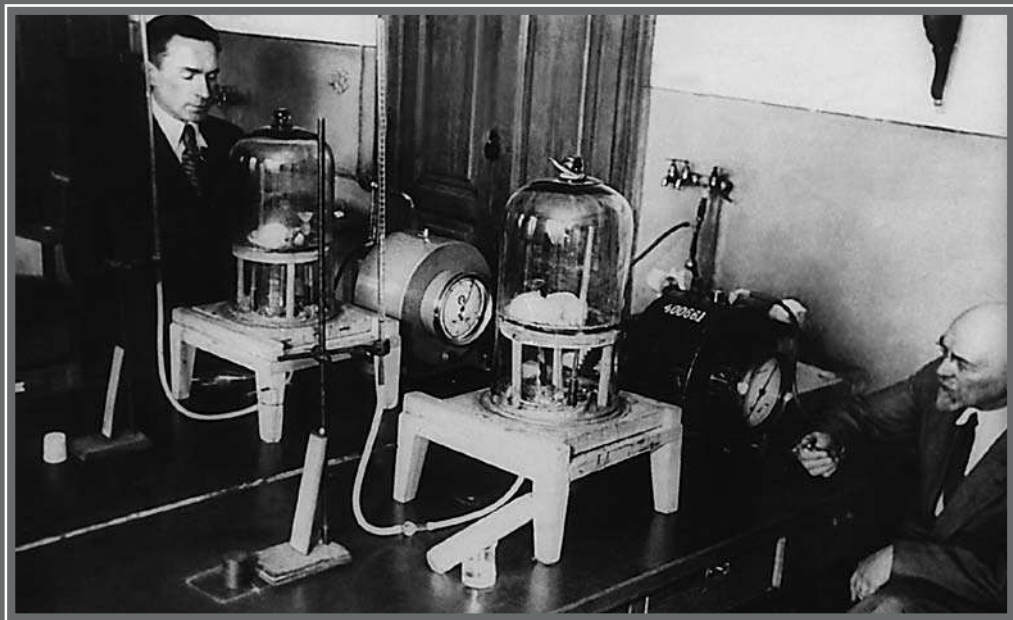
*Александр Чижевский в форме артиллериста,
О.В.Чижевская-Лесли и отец Александра, генерал Леонид Васильевич Чижевский. 1917 г.*

Александр Чижевский за мольбертом

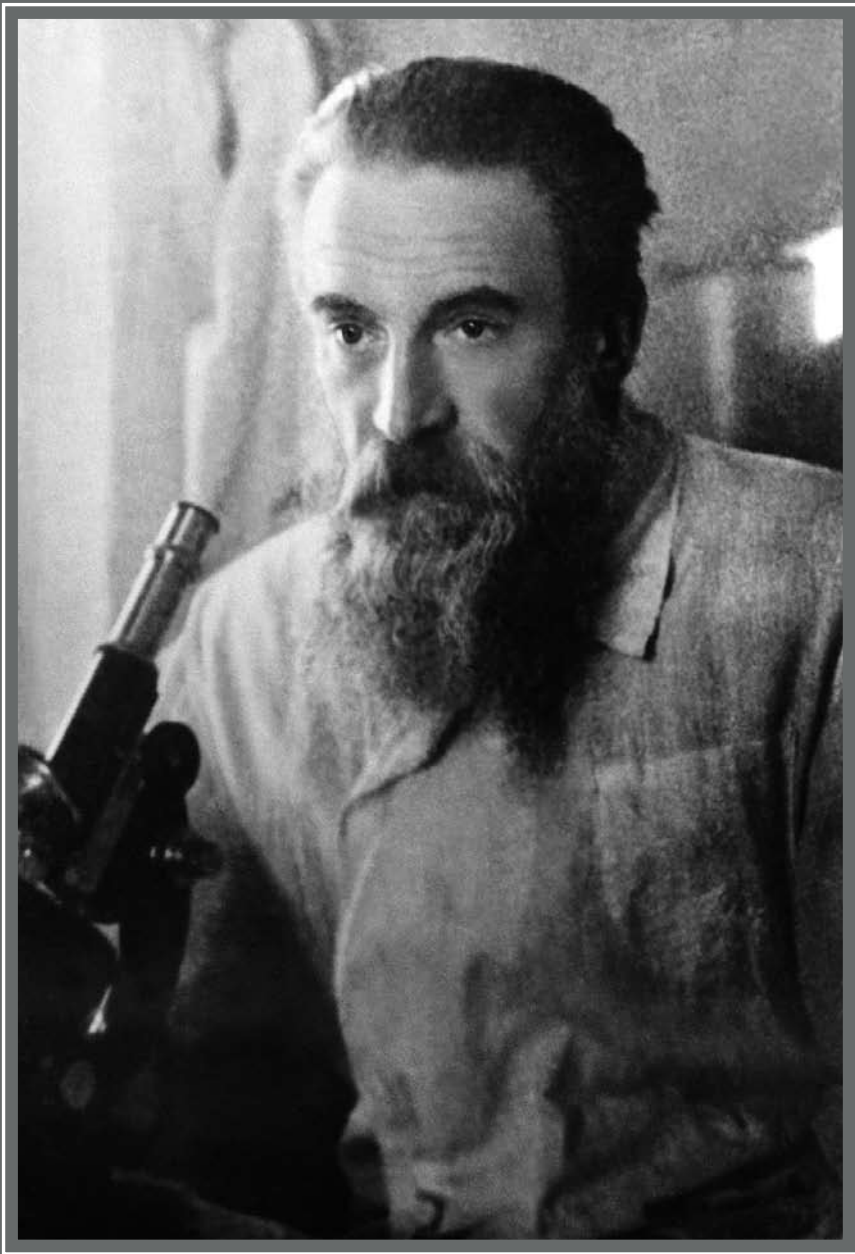
Защита докторской диссертации. 1918 г.

А.Л.Чижевский в лаборатории Медицинского института. 1938 г.

В.Л.Дуров и А.Л.Чижевский. 1927 г.

А.Л.Чижевский в санчасти Спасского отделения Карлага. 1949 г.

Александр Леонидович и Нина Вадимовна Чижевские. 1963 г. Москва

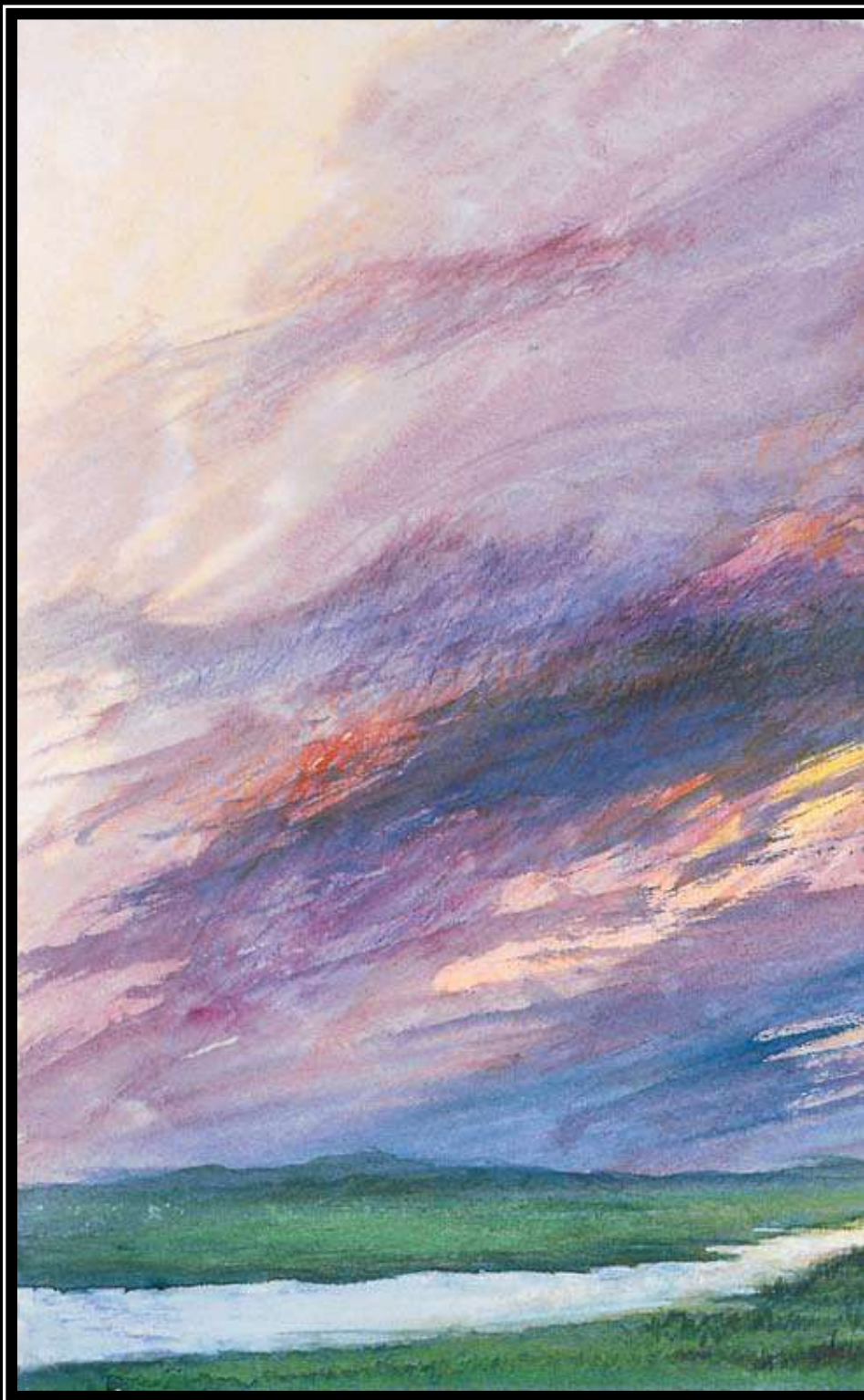

М.Чюрлёнис. Рех. 1909 г.

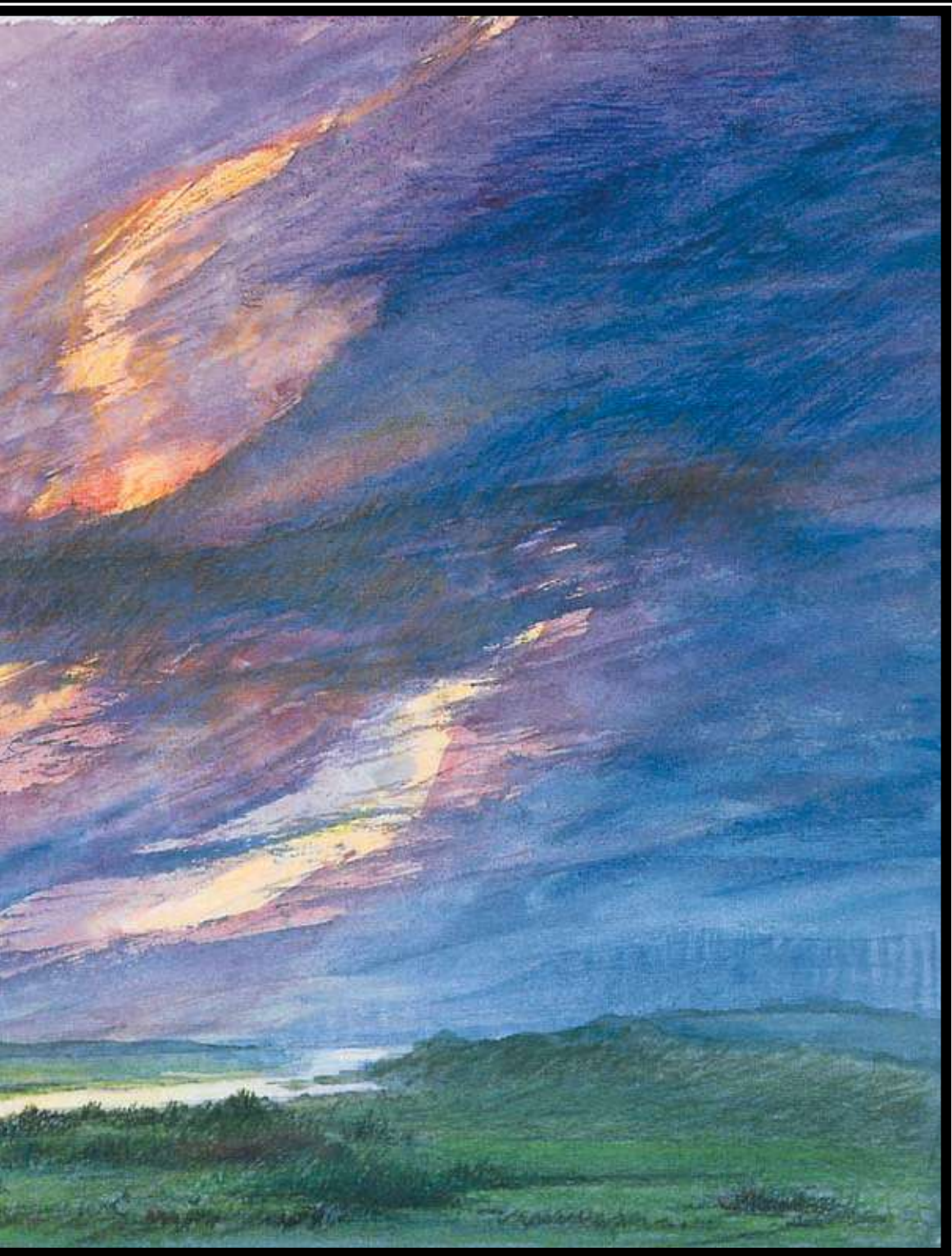

Научные труды А.Л.Чижевского

*А.Л.Чижевский.
Вечер после дождя.
1945 г.*

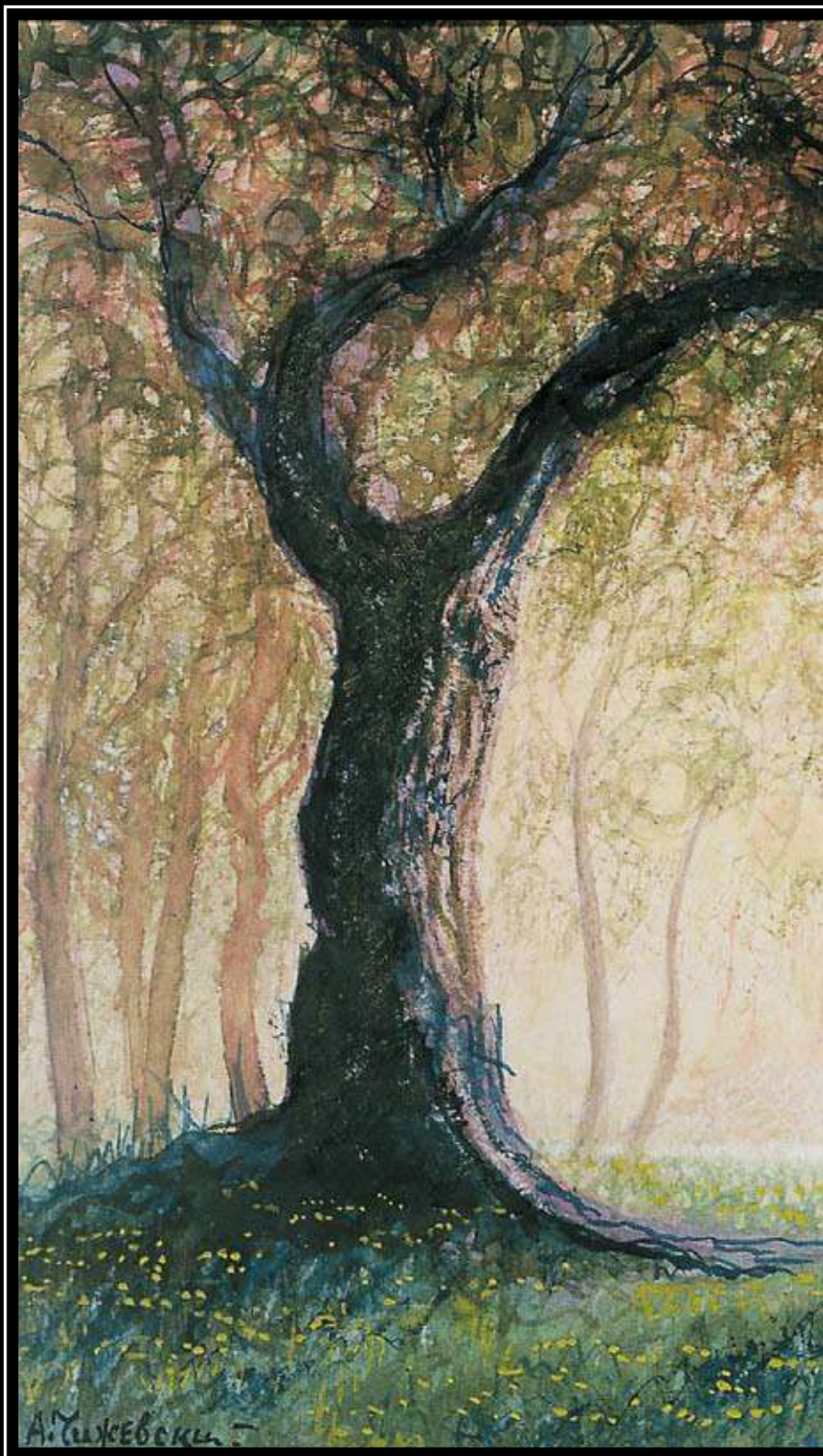

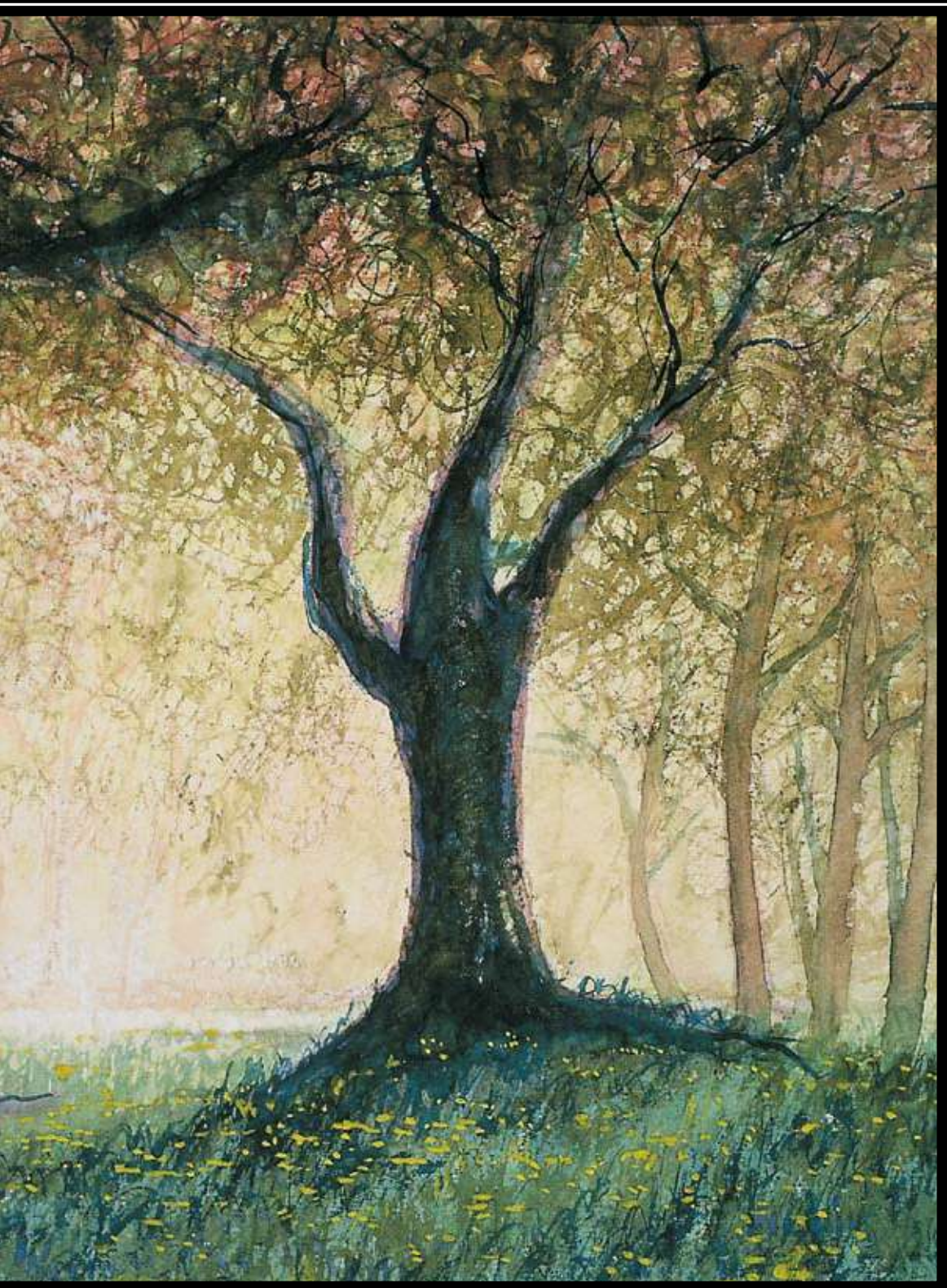
А.Л.Чижевский. Одиночество. 1944 г.

А.Л.Чижевский. Вечер. 1944 г.

*А.Л. Чижевский.
Светлая поляна.
1945 г.*

А.Л.Чижевский. Лунная морозная ночь. 1953 г.

Чижевский начал писать стихи еще в раннем детстве, они окрепли в юности и составили в зрелости целый, очень своеобразный слой русской поэзии, уходящий своими корнями в поэзию Серебряного века. Его любимым поэтом был Валерий Брюсов, сочетавший в своей поэзии поэтическую образность с интеллектуальными находками и научными идеями, за что был порицаем рядом крупных поэтов. В 1918 году у Чижевского вышел первый сборник стихов и удивительная по своей духовной наполненности работа, которая называлась «Академия поэзии», проект, представленный Чижевским молодой стране. Читая работу, понимаешь, сколь долго и вдохновенно трудился над ней автор, и, если бы проект осуществился, жизнь, возможно, стала бы другой и культура нашла бы в ней более достойное и подходящее ей место. Работе предпослан знаменательный эпиграф – высказывание Габриеля Тарда: «Искусство есть предчувствие грядущей истины». В поэзии более чем где-либо воплощаются эти слова. Предчувствие истины мы находим у многих русских поэтов Серебряного века, в том числе и у Чижевского. Свои космические идеи он выразил не только в науке и философии, но и, прежде всего, в стихах. В «Академии поэзии» он писал: «Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной, – вот задача поэтического творчества»¹. Он нисколько не сомневался и был в этом прав, что именно поэзия, со всеми ее особенностями, может приобщить наш дух к жизни Вселенной. Ибо не только он один мог сделать это, но вся русская поэзия Серебряного века, которая стояла за ним, творчество ее крупнейших поэтов могло показать дорогу туда, в «область космических волн». Он считал искусство тем явлением, которое может объединить устремление народа в единое русло культурного созидания. «...Искусство родилось, – писал он, – на самой заре человечества, и не было ни одной эпохи, ни одного народа, не имевших своего искусства»². Именно оно, в разных его формах, могло вывести многострадальный народ России из невежества, тьмы и кошмара той жизни, которая сложилась в стране волею ее исторической судьбы. «Революция испепелила предрассудки и заблуждения, – писал он с молодым вдохновением, – и, освобожденные от их цепей, мы видим, к чему должны стремиться всею своею душою.

Надо *учить* народ!

Но и этого мало: следует *воспитать* его! <...>

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 330.

² Там же. С. 317.

Если первое достигается *наукой* – от азбуки до высшего математического анализа, второе – исключительно *искусством*.

Поэтому одновременно с преподаванием азбуки следует преподавать искусство, внушая любовь к нему.

Однако нельзя думать, что загрубелые массы, развращенные материалистическим направлением века, легко поддадутся воздействию какого-либо искусства, да это и не важно... Надо стараться, чтобы подрастающее поколение не чуждалось искусства, а потому следует культивировать искусство в душе ребенка. Когда же народ очистится влиянием культуры, к нему не пристанут никакие разрушающие идеи темных своекорыстных сил. Действительно, отрешенность народа от истинного искусства ведет к закреплению его в темных рамках пошлой, будничной жизни, и только плоды высших достижений в состоянии возвысить народ над уровнем абсолютного невежества, вывести его на свет и научить сознанию человеческой обязанности, пробуждая в душе его чистые, нравственные инстинкты.

Сделать человека человеком – вот всепоглощающая цель искусства»¹. Читая эти строки, приходится только удивляться духовной и нравственной зрелости молодого автора, которому в то время было только 21 год. В нем в то время формировался, а затем и вырос Учитель с большой буквы, заслугой которого являлось то, что он никогда себя таким Учителем не считал, но всегда исправно исполнял свой учительский долг, которым был одарен и обязан. Он считал, что истинное искусство всегда нравственно. Он процитировал в «Академии поэзии» слова еще одного Учителя – Льва Толстого, который писал: «Просвещение, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда затемнением и развращением»².

Среди всех видов искусства он считал поэзию и музыку вечными и «не разрушаемыми волнами времени»³. Поэзия, писал он, «есть постигнутая истина»⁴. Но эта истина облечена в тайну образов, которая проявляется в свой срок. Предчувствие истины всегда жило в поэте, так же как и предвидение будущего. В своем проекте он рассуждал о космическом сознании как высшей форме сознания, которое до сих пор было присуще лишь немногим жителям Земли, среди которых преобладали поэты, такие, как Данте, Бэкон, Уитмен, Карпентер,

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 321–322.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же. С. 327.

Теннисон и ряд других. Это высшее сознание, или космическое чувство, он был уверен в этом, охватит «всех своим интуитивным откровением о Вечности и Бессмертии, создав новую, более совершенную фазу в истории эволюционирующей психической жизни»¹. Идея космического сознания как высшей его формы прозвучала в этой ранней работе Чижевского, но, к сожалению, не была замечена ни миром науки, ни миром искусства, и только сейчас, в XXI веке, робко пробивает себе путь. Осмысление Чижевским этого космического сознания есть важнейший вклад в формирующееся космическое мышление. Вместе с этим, введение им в теорию познания интуитивного откровения, сложившегося в духовном пространстве человеческой культуры, было смелым и необходимым шагом в процессе создания новой системы познания космического мышления. «Истинное поэтическое произведение, – отмечал он, – вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какое не достигнет строго размышляющая философия или наука. Между тем надо знать, что задача поэзии вполне аналогична задачам науки – свести разнообразные явления действительности к возможно меньшему числу обобщений»². И еще: «...подобно тому, как наука стремится подчинить себе различные физические явления, а метафизика свое внимание сосредоточивает на том, что лежит выше обычных земных интересов, на вопросах о сущности мира, о предназначении человека, так и поэтическое искусство на высших ступенях своего развития подходит к глубочайшим проблемам бытия»³. То, что поэзия, как область искусства, есть один из важнейших способов духовного познания, ни в чем не уступающий науке, проходит через всю концепцию «Академии поэзии».

Культурный проект Чижевского не ограничивается лишь теоретическими рассуждениями. Он обладал удивительной способностью соединять теорию с практикой в любом виде своей деятельности. Что же касается «Академии поэзии», то он разработал всю концепцию ее деятельности, начиная от учебных программ, предметов, которые там будут преподаваться, и кончая тем, какие должны быть у Академии здания, аудитории и окружающее пространство. Что-то во всем этом напоминало древнюю афинскую академию философов, но было в ней и много нового, что отвечало современным условиям, новому космичес-

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 327.

² Там же. С. 328.

³ Там же. С. 329.

кому мышлению. В отличие от Афинской академии, где были собраны избранные, в определенной мере изолированные от внешнего мира, «Академия поэзии» должна была стать широкой культурной организацией и направлять свои творческие усилия на подлинное просвещение народа и на укрепление культурных устоев в разоренной мировой войной и революцией стране. К сожалению, по ряду причин, хорошо всем известным, проект не был воплощен в жизнь. Но как ни странно, актуальность мыслей Чижевского с годами обретала все большее значение и особенно возросла в наше время, когда подлинная культура катастрофически теряет свое предназначение.

Его стихотворения были прозрачно-хрустальны, наполнены глубиной сверкающей мысли, и в каждом из них отражалось познание окружающего мира, связанное тесно с ритмом его утонченной внутренней жизни.

*Поэзия есть чудо, раскрытое богами:
То разума сиянье, то чувства утонченье,
О, смертный, наслаждайся – прильни плотней устами
К насыщенному кубку: в нем – скорби утоленье.*

*И мир перед тобою в тот миг преобразится:
Незримое – увидишь, неверное – исчезнет,
И нового познания светило загорится
Во мраке первозданном – твоей душевной бездне¹.*

И еще:

*Вчера был первый вешний день,
Весь позлащенный чистым светом,
И сине-розовая тень
Играла в воздухе прогретом.
Вокруг немолчный голос пел –
То пело небо голубое,
И мир раскрылся, просветлел
В своем преображенном строе.
Когда же сумерки пришли
И в синеве простерлись дали,
И звезды над лицом Земли*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 306.

*Как бы ожив, затрепетали, –
Я в утомленном забытьи
Предался ясному покою,
И поспешили снизойти
Ко мне видения толпою¹.*

К этим двум мне хочется добавить еще одно стихотворение, замечательное по глубине присутствующей в нем мысли. Оно называется «Подсолнечник».

*Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг – протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений,
Когда Луна собой загородит светило
И в грозном небе вдруг зажжется излученье.
Цветок-подсолнечник и Солнце – вот сравненье!*

*Но ближе всмотримся в престранную игру:
Не только внешнее нас удивляет сходство,
А то, что каждый день, с восхода до заката,
Подсолнечник следит за братом в небесах!
Весьма настойчиво, внимательно, упрямо,
Направив на лучи свою головку прямо.*

*Два братца кровные в сиянье золотом,
И оба каждый миг брат брата зорко видят,
Брат перед братом как с докладом предстают –
На небе – Солнца диск, а на земле – подсолнух!
Что значит это вдохновенное сближенье:
Сочувствие иль тайное отображенье?*

*Растолковать все это можно просто так:
Не вызреть семечкам подсолнуха за лето,
Стой неподвижно он, как блин, на огороде.
Природой сотворен он, как гелиостат,
Что движет зеркало за диском Солнца вечно,
Пружиной пущенный, стальной и долговечной.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 105.

*Но сердцу хочется совсем не то!
Так и поэзия в пустой войне с наукой,
По сути же у них – единый корень;
Обязаны служить единому – познанию,
Познание же, друзья, вмещает все в себя:
Материю и Дух в извечной их борьбе¹.*

Во всех трех стихотворениях утверждается, что поэзия есть способ познания, а не просто рифмованная мысль. Мысль, присутствующая в ней, есть мысль высокого измерения, возникшая из таинственных глубин Космоса. Поэзия, как кристалл, сверкает цветовым разнообразием своих граней. Если, в силу наших субъективных особенностей, мы увидим лишь одну ее грань, то наше понимание будет прямолинейным или плоским. Если нам удастся «поворачивать» этот кристалл и увидеть все его грани, то восприятие наше будет совсем другим. Мы получим возможность проникнуть в глубинную суть мыслей и поэтических образов, содержащихся в том или ином стихотворении. Эта особенность, более чем у других поэтов, присуща поэзии Чижевского. «Поэзии, – писал Чижевский, – похищающей божественные тайны сияющего Солнца, лучи которого пронзают телесную оболочку и озаряют глубины запредельных океанов бытия, принадлежит величайшая будущность в освобожденной ею общемировой духовной жизни»².

Поэзия Чижевского философична и космична. Она, вне всякого сомнения, постигает то, что не было еще затронуто наукой. Ибо поэзия в своем смелом полете озарений и откровений обгоняет науку. Поэзия стоит много ближе к космическому мышлению, она обладает творческим синтезом, который дает возможность представить мысль или образ в его обобщенном, завершенном виде.

Проблемы иных миров, которые существовали в духовном поле познания человечества, теперь открывались в стихах ученого. Они возникали и из его снов и видений, связанных с инобытием, углубляя образное и духовное познание этого пространства.

*Закон и хаос, тьма и свет,
Начала, центра, грани нет.
Реальный мир в мгновенном сне,
Явь – тени, тени лишь одни³.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 189–190.

² Чижевский А.Л. Академия поэзии: Проект // Духовное созерцание. 1997. № 3–4. С. 164.

³ Чижевский А.Л. Стихотворения. М., 1987. С. 35.

В стихотворении «Сны» он пишет:

*Из глубины идут звучанья,
Из глубины и тишины,
И возникают созерцанья,
И сны бегут как явь, – но сны!*

*Непостижимый нам дотол
Метафизический полет
Уносит к небывалой воле
И звездным вихрем обдает.*

*И мы влетаем в постиженья
И в нестерпимо-яркий свет.
О, нет тому осуществленья,
Чего на самом деле нет!¹*

Что такое сон, он дает понять в стихотворении «Безмолвие».

*Безмолвно все: и небо и земля,
Безлюдна отдалений вереница,
В спокойствии, не плача, не моля,
Спит человек, и гад, и лес, и птица.*

*И в этот мир всеобщей тишины,
Преодолев запретные пороги,
Врываются тревожащие сны,
Слетают прорицающие боги.*

*Но тихо все, и нем наш разговор...
Часы бегут законно за часами,
А с высоты следит бездонный взор
Холодными и жесткими лучами².*

И еще одно стихотворение о сне.

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 190.

² Там же. С. 227–228.

*На небесах давно багряный блеск потух.
В пифийские пути направился мой дух,
В томительную даль, за ловлею видений
Прозрений призрачных и вещей вдохновений.
Чем беспредельней ночь – тем беспокойней я,
Ни тьмы не превозмочь, ни скрыться от нея.
Уж ловит жадный мозг причудливые лики,
Врываются во мгле и копошатся блики
И, небеса подняв, к созвездиям стремят,
А я мечусь меж них, волнением объят,
Их поведение прилежно изучаю
И знаю многое, а думал, что не знаю¹.*

В этих стихотворениях о снах мы находим для себя немало открытий, которые имеют немаловажное значение для изучения таинственных глубин Мироздания, звучащих в самом человеке словами и образами видений. Из всего прочитанного, где описывается восприятие поэтом сна, мы можем понять, что сон есть отражение реального мира, существующего где-то в иных измерениях. Этот реальный мир в отличие от нашего может быть назван миром иным, а может быть, и Высшим, возникшим в результате преобразования, или трансформации материи. Сон же есть дверь в этот иной мир, которая, если можно так сказать, открывается, когда человек находится в особом ночном состоянии. Там, в этом таинственном мире или мирах, существует источник знаний, к которому можно прикоснуться. «И знаю многое, а думал, что не знаю». Или: «И мы влетаем в постиженья, и в нестерпимо яркий свет». И еще: «Реальный мир в мгновенном сне». И вместе с этим: «И сны бегут как явь, – но сны!» Чижевский обращает внимание на пророческий характер сна, куда «слетают прорицающие боги». Ему, поэту и ученому, удается в коротких своих стихотворениях показать еще не изученный феномен познания через искусство и, в частности, через поэзию. Его стихи в этом отношении шли в одном русле со стихами таких крупнейших поэтов-философов Серебряного века, как Ф.И.Тютчев, В.С.Соловьев, А.А.Блок. В своей поэзии Чижевский, пройдя через личный опыт познания в духовном пространстве, провел мысль о двойственности человека, связанного с Космосом и одновременно с Землей, служащего мостом между одним и другим. Эту двойственность он остро ощущал на себе и понимал хорошо, что, если ее не осознать, будет труд-

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 64.

но познать особенности космического мышления. Его поэзия, ее образы и мысли, помогали понять такие особенности. «Условимся, – писал он, – под плодами истинного поэтического творчества понимать такое поэтическое произведение, которое “расширяет” наше познание мира, явлений, вещей, событий; приводит в движение нашу мысль и тем самым заставляет мыслить и имеет само по себе, независимо от влияния на нас, философскую, этическую и эстетическую ценность»¹. Это были не только слова. Его стихи были именно такими. Написанные ученым и подлинным поэтом, они, несомненно, представляют не только эстетическую ценность, но и научную. Космическая тема, в конкретном выражении, в той или иной степени пронизывает поэзию Чижевского. В этой теме чаще всего его привлекает Солнце, ритмами деятельности которого он занимался в русле экспериментальной науки.

*Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было.*

*В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.
В живом, где грузный пласт космической руды,
Из черной древности звучишь победно ты,
Испепеляя цепь неверных наших хроник, –
И я воскрес – пою. О, в этой вязкой мгле,
Под взглядом вечности ликуй, солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой Праматери-Земле².*

Удивительное явление поэзия! В своем узком литературном пространстве она разворачивает мысли высокого измерения, в которые входит и весь Космос, и его творящее явление, такое как Солнце, чье живительное излучение поддерживает жизнь планеты и всего того, что находится на ее поверхности. Такой сложнейший процесс выражен буквально в нескольких строчках, простых и в то же время невероятно глубоких.

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М., 1987. С. 207.

² Чижевский А.Л. Поэзия. С. 210.

*В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная творческая сила.*

Чем выше измерение пространственной мысли, тем глубже она, тем меньше литературного пространства она требует. Она уходит в такую глубину, где высокая степень измерения не имеет предела ни в своей многослойной образности, ни в своей познавательной насыщенности. И всю эту космическую сложность, а иногда и ее духовную наполненность можно выразить простыми словами. И чем проще и точнее эти слова, тем выше измерение самой мысли. Подлинная поэзия работает на более высоком измерении, чем эмпирическая наука. У Чижевского есть удивительное стихотворение, посвященное циклу умирания Вселенной в пространстве Великого космического ритма. Оно называется «Наступление мифологической ночи».

*Лишь только знак подаст Юпитер,
Как будет тьма и тишина
В пространствах неба необъятных
Немедленно учреждена.*

*Так, Солнце – жгучий повелитель
Золотолитых наших дней,
Удержит звонко-огневогих
И пронизающих коней.*

*И пригвоздит морские бури
Трезубцем к лону вод Нептун:
Утихнет мировое море,
Погаснут плески звезд и лун.*

*Все остановится в природе:
Прервется трав и листьев речь,
И ветер сложит свои крылья,
И реки перестанут течь¹.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 123.

Всплеск познавательной силы этого стихотворения, действующий не только на интеллект читателя, но и на его чувства, нельзя ни с чем сравнить. Два стихотворения Чижевского – «Галилей» и «Гиппократу» можно считать программными в пространстве его космических идей и находжений.

*И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.*

*И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.*

*И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас – буйствовал народ,
А над Землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.*

*О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей, –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!¹*

И второе стихотворение:

*Ночные небеса в сиянье тайном звезд
Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.
Все те ж они, как встарь. И те ж миллиарды верст
Разъединяют нас. А мы – земные дети –
Глядим в ночной простор с поднятой головой,
Хотим в сиянье звезд постичь законы мира,
Соединив в одно их с жизнью роковой
И тросы протянув от нас до Альтаира.
Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,
Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 214.

Живой мозаики, хочу понять узор
Явлений жизненных и звездного сиянья.
Для нас с тобою мир – родное существо,
Столь близкое душе, столь родственно-простое,
Что наблюдать за ним – для мысли торжество,
И радостно будить молчанье вековое
В туманностях, во мглах, во глубине земной
И в излучениях – солярном или звездном,
Вскрывать покрытые глухою пеленой
Перед невеждами – космические бездны.
Для нас едино – всё: и в малом и большом.
Кровь общая течет по жилам всей вселенной.
Ты подошел ко мне, и мыслим мы вдвоем,
Вне всех времен земных, в отраде вдохновенной
И вне пространств земных. Бежит под нами мгла,
Стихии движутся в работе повсеместной,
Бьет хаос в берег наш; приветлива, светла,
Глядится жизнь сама из глубины небесной.
И явственно сквозь бег измышленных времен
И многомерные, крылатые пространства
Пронизывает мир незыблемый закон –
Стихий изменчивых под маской постоянства,
И вот редет мгла. Из хаоса стремят
Формотворящие строительные токи,
Иные времена иным мирам дарят
И утверждают их движения на сроки.
И в созиданиях мы чувствуем полней
Взаимодействие стихий между собою –
И сопряженное влияние теней,
Отброшенных на нас вселенскою борьбою.
Мы – дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен...
И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества – от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая¹.

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 207–208.

Проблемой влияния солнечных пятен и солнечного ритма на жизнь людей Чижевский занимался не только как поэт, но и как ученый. Стихотворение, обращенное к Гиппократу, повествует об одушевленном Космосе, с которым у человека существует крепкое и неразрывное единство. «Мы – дети Космоса» – научное и художественное кредо Чижевского. То, что написано в этом стихотворении, впоследствии было изложено им научным языком в ряде его работ. Но одно другому не мешало, поэтический язык был сильнее формул и описаний экспериментов. Читая это стихотворение, ощущаешь как бы личную причастность автора ко всему, что происходит в Космосе. Идея одушевленности Космоса в поэзии Чижевского представлена вдохновенными словами: «И жизнь – повсюду жизнь в материи самой, в глубинах вещества от края и до края». В данном случае познание Космоса через поэзию происходит эффективней, чем через науку. Поэтому Чижевский не зря для просвещения народа предлагал именно «Академию поэзии». Он верил в то, что когда-нибудь различные способы познания синтезируются в одну систему, возможно, не похожую на те ее части, которые войдут в нее как составляющие. Философские его идеи шли вместе с мыслями о Космосе, и Космос был всегда их фоном.

*Неведомо и нам ответа нет,
И только в смутном отдалении
Сквозь пустоту томится бег планет,
Живущих день, блистающих мгновение.*

*Но где б ни вышла ты из темноты
Великолепными колоссами, –
Ты к нам летишь и нас тревожишь ты
От века нерешенными вопросами.*

*Один вопрос в устах или вне уст:
Тоска по тьме исчезновения, –
И все горит, страдая, древний куст
От первых до последних дней творения.*

*Так! От себя нам некуда уйти,
Как нам не скрыться от страдания.
О, Мать-Материя, – трудны пути
На высоту Миросознания¹.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 221–222.

Слово Чижевского «Миросознание» означает целый сложный процесс расширения сознания человека до уровня космического. Без такого процесса нельзя достигнуть космического мышления, невозможно разработать методологию новой системы познания. В его стихах нередко одним или двумя словами обозначаются сложнейшие явления. Вот короткое стихотворение в две строфы «О времени и пространстве»:

*Обманы мира нам необходимы:
Мы в них черпаем тайны мирозданья,
Но эти тайны здесь неборимы,
Имея относительность сознанья.*

*Так, забывая жизни скоротечность,
Постигнем мы, что Время есть Движенье,
И, покидая цепкую Конечность, –
Что бесконечность есть Круговращенье!..¹*

В стихотворении заключены две важнейшие философские мысли, тесно связанные друг с другом своей причастностью к космической эволюции. «Относительность сознания» – определяет мысль, которую Чижевский не уставал повторять. От уровня сознания зависит наше восприятие окружающего мира. Высокое сознание, не говоря уже о космическом, выходящем за пределы Земли, ощущает и воспринимает мир совсем не так, как низкое. Относительность сознания – это особенность нашей психологии, которую надо учитывать при формировании новой системы познания. Также необходимо учитывать, что «Время есть Движенье», а «Бесконечность есть Круговращенье» – мысль Чижевского, подтверждающая спиралевидность развития космической эволюции, каждый виток которой есть более высокая ступень, по сравнению с предыдущей. Будучи, в конечном счете, земным человеком, Чижевский писал прекрасные стихи и о собственных переживаниях. Особенно ему удавались стихи о природе и Родине.

*Поет под дугой колокольчик,
Поет он о доле людской,
Поет и за сердце хватает
Осеннюю терпкой тоской.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 229.

*На небе все тучи да тучи,
В безлюдье бурюют поля,
Покорно и молча уснула
Усталая мать-земля,*

*И пыль – только пыль вековая
Подолгу висит над глухой,
Исхоженной, древней дорогой
Своей пеленою седой.*

*Холодные синие дали,
Унылая голь деревень,
И плачет, и плачет, и плачет
Озябший сентябрьский день.*

*Близка мне твоя обреченность
И сладок мне горький твой хлеб...
О, Русь, мы разделим по-братски
Превратности темных судеб¹.*

Как поэт, обладающий пророческим даром, он предвидел те «темные судьбы», которые он позже не в стихах, а в реальности разделит с Россией. Зима производила на него совсем иное воздействие.

*Гремит, звенит на солнце день.
Слепят восторженные взоры
Розовощекие просторы,
Голубопламенная тень.*

*Сквозь остроколкий воздух видно:
В лесу, как храме огневом,
Деревья блещут искровидно
Литым, чистейшим серебром.*

*И солнце ядрами дробится,
И, преломлясь о зеркала,
В зеленом сумраке угла
Взлетают радужные птицы².*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 79.

² Там же. С. 142.

И несмотря на то, что эти стихи написаны о земной природе, космическое мироощущение сверкает между строк.

В стихотворении «Вечернее небо» мы читаем:

*В часы, когда Солнце вечернее – А тум –
Варит себе пищу в кипящих котлах
И пламенно-медные стрелы заката
Летят и сверкают в пылающих мглах, –*

*Драконы, чудовища, птицы и змеи,
Залитые кровью, стремятся в котлы,
И реют, и тают, огнем пламеня,
Среди огнедышащей розовой мглы;*

*И только коснутся к краям раскаленным,
Сольются в один ослепительный дым
И гибнут в порыве своем исступленном,
Венчая светило венцом золотым.*

*А сверху, над грозным пожаром захода,
Сквозь пурпурный хаос врываются к нам
Прозрачно-зеленые бездны, как воды,
Текущие вдаль по иным небесам.*

*И в бледно-зеленой бездонной пустыне,
Где как бы начало Вселенной иной,
Являются чуждые нам, как святыни,
Холодные звезды Вселенной ночной¹.*

В нем жило удивительно тонкое ощущение красоты земной природы и ее космичности, не прямолинейной, а как бы выступающей из флера земной атмосферы и творящей те образы, мгновенность которых он схватывал своим гибким словом. Он был незаурядным поэтом, но и не менее значительным художником. Учился в раннем детстве в студии знаменитого Дега, с которым свела его судьба во время поездки с родителями по Франции. Однако не каждый научившийся рисовать становится художником. Он же – стал. В самые тяжелые послереволю-

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 119–120.

ционные годы картины, которые он писал и продавал или обменивал, спасли семью от голода. Известно, что красота ценима даже в самые лихие времена. «В общий хозяйственный баланс, помимо служебного пайка, – вспоминал Чижевский, – я вносил свой пай. Он заключался в том, что я писал маслом по грубому полотну пейзажи, и затем они при усердии комиссионера обменивались на базаре на съестные припасы. Картины я писал по памяти, большие, по полтора-два метра в длину, яркие, иногда даже удачные, но почти всегда с дорогим моей душе легким оттенком импрессионизма. Вместо толстого бронзового багета, который скоро исчез из нашего дома, подрамник сверху обивался тонкими планками, которые покрывали золотистым порошком для елочных картонажей <...> В общей сложности на калужском базаре, что около Ивановской церкви, за 1918–1922 годы было обменено на съестные припасы около ста картин “моей кисти”»¹. Он сам несколько иронически относился к своему художеству. Однако живопись занимала значительное место в его духовной и интеллектуальной жизни, и не только собственная. Например, согласно сообщению известного исследователя наследия Чижевского В.Н.Ягодинского, ученый использовал картину Н.К.Рериха «Знамение» в своей работе «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца» для подтверждения своего научного текста². Тот же Ягодинский приводит отзыв одного из крупных физиков, Д.И.Блохинцева: «Многие из его акварелей (А.Л.Чижевского. – Л.Ш.) просто прекрасны, другие хороши. Но, быть может, самое главное, о чем говорят эти картины... как и стихи... заключается в том, что они раскрывают перед нами образ истинно великого русского человека в том смысле, в котором он всегда понимался в России. Необходимой и неотъемлемой, обязательной чертой этого образа были не столько успехи в той или иной науке, а скорее создание мировоззрения. Наука, поэзия, искусство – все это должно быть лишь частью души великого гуманиста и его деятельности»³. Вот созданием этого мировоззрения, которым прекрасно сам владел, Чижевский занимался и в науке, и в искусстве.

Сама космическая эволюция востребовала такую личность, как Чижевский, соединивший в себе в равной степени науку, поэзию и художество. «Между логикой исследователя природы и эстетическим чувством ценителя ее красот, – писал К.А.Тимирязев, – есть какая-то

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 85.

² Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М., 1987. С. 212.

³ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 216.

внутренняя органическая связь. Неоднократно отслеживал я мысль, что ландшафтная живопись не случайно достигла своего развития именно в XIX веке – веке естествознания, – но, к стыду моему, только на днях узнал, что имел единомышленника и предшественника в этом отношении в лице Д.И.Менделеева»¹. Чижевский был художником-пейзажистом в полном смысле этого слова. Две тысячи его работ посвящены в основном русскому пейзажу. И каждая из них отличается от другой и по настроению, и по свету, и по ритму и музыке, в ней заключенной. Не ошибусь, если скажу, что прекрасные пейзажи Чижевского столь музыкальны, что составляют как бы бесконечно звучащую симфонию. В его картинах, как и в его поэзии, сплелись воедино Земля и Космос, философия и высокое искусство. А, между прочим, Чижевский вовсе не был ни профессиональным художником, ни профессиональным поэтом. Он был только профессиональным ученым, но природа изначально так богато его одарила, что его искусство и его научные исследования стояли на одном уровне, не уступая друг другу, создавая мощный синтез в новой системе познания. «Чижевский, – пишет В.Н.Ягодинский, – рисовал всю жизнь, в самых трудных жизненных условиях, самыми примитивными и некачественными материалами. Это говорит о том, что живопись была для него, так же как и поэзия, не развлечением, не отдыхом, а потребностью»². У него была еще одна удивительная способность – писать пейзажи по памяти. Эта особенность давала ему возможность запечатлеть позже увиденное и подсмотренное мгновение природы, когда нельзя было сделать натуральный эскиз. А таких трудных моментов было у него немало. «По воспоминаниям его жены, Нины Вадимовны, он (Чижевский. – Л.Ш.), – пишет В.Н.Ягодинский, – принимался рисовать “по памяти”, как только выдавалось свободное время, а иногда даже прерывал научную работу для очередного, внезапно возникавшего сюжета рисунка»³. И это «внезапное возникновение» сюжета свидетельствует об его уникальной художественной одаренности и своеобразии внутреннего мира, которое проявилось во всех областях его творчества. И то, что до сих пор имя Чижевского не включено в список художников-космистов, это большое упущение. Ибо он отразил в своих художественных работах еще одну тонкую грань Космоса и взаимодействие в пространстве этой грани Земли и Неба.

---

¹ Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 214–215.

² Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 213.

³ Там же.

Но так сложилось, что его поэзия и искусство воспринимались как любительство, что было крайне несправедливым. Что же касается его научных достижений, то они получили мировое признание, несмотря на все трудности, через которые ему пришлось пройти. «Уже с семнадцатилетнего возраста, – вспоминает Александр Леонидович, – во мне проявлялись некоторые положительные черты: это способность к обобщению и еще другая, странная с первого взгляда способность, или качество ума, – это отрицание того, что казалось неизбежным, твердым и нерушимым. Я считал также, что математика равноценна поэзии, живописи и музыке. Я считал, что плюс и минус – величайшие знаки природы <...> Я многого не принимал на веру и уподоблялся апостолу Фоме, желавшему лично убедиться в правильности того или иного высказывания или утверждения <...> Все опыты я всегда ставил сам и всегда в таком масштабе и количестве, от которых все приходило в ужас»¹. И еще: «Я по своей внешности ничем не походил на людей науки, о которых принято говорить, что они рассеянны, небрежны по отношению к своей внешности, задумчивы, неразговорчивы. Я был в меру разговорчив, восторжен, увлекался поэзией, играл на рояле и скрипке и был страстным коллекционером. В детстве я собирал марки, затем занимался нумизматикой и, наконец, перешел к собиранию книг и научных фактов. Последнее сделалось моей страстью. В то время моя собственная библиотека насчитывала не менее десяти тысяч книг (среди них было несколько чудесных инкунабул) по вопросам всеобщей истории, археологии, биологии, медицины, истории наук, математики, физики, химии, живописи, музыки и т.д.»². Иными словами, он не был похож на других ни по своей широкой культурной подготовке, ни по отношению к науке и самому делу. Не ошибусь, если скажу, что именно все это послужило причиной осторожного, а иногда и просто отрицательного отношения коллег к нему. Они явно завидовали ему, мало его понимали, и его смелые идеи приводили их в состояние крайнего беспокойства. Но он старался ничего этого не замечать и продолжал работать. Стиль его работы отличался от других.

«...В начале всякого научного открытия, – пишет он, – идет упорная работа мысли. После того, как молниеносно (именно подобно молнии) мелькнула та или иная идея, ученый приступает к ее “материализации”. Он рассматривает ее и так и сяк, направляет на нее оружие своего научного арсенала, эрудиции и приходит к тем или иным

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 85.

² Там же. С. 84.

выводам. Часто случается так, что он осознает отсутствие новизны в своей идее и обращается с лихорадочной поспешностью к справочникам, книгам, журналам, оттискам. Но бывает и так, что он поражается глубиной идеи, стоит как вкопанный, будучи не в состоянии произвести какое-либо движение, и только постепенно приходит в себя. Тогда как одержимый он бросается к бумаге и набрасывает корявыми буквами свою мысль. В голове у него шумит, он ничего не различает вокруг себя, гонит всех прочь, ходит взад и вперед по комнате, иногда свистит и кричит: “Эврика!” (Я нашел), бежит под кран, чтобы остудить свою горячую голову, не замечая никого и отталкивая всех на своем пути. Теперь ему мешать нельзя – он должен побыть в одиночестве, в полном одиночестве, чтобы взвесить все шансы. Вот тут ему и необходимо время для размышлений и для того, чтобы перерыть сотни книг и справочников. Если все это говорит “за” его идеи, то он раскраснеется, выбежит из дома, будет бродить по улицам и даже может попасть под машину, или водитель обругает его крепким словом. Вспомните Пьера Кюри. Если он уйдет за несколько километров от дома, то ему придется так же пешком идти обратно, ибо денег у него может не оказаться: он просто забыл их взять с собой, находясь в творческом экстазе. Усталый, он вернется домой, и тут уж ему можно предложить тарелку супа или котлетку, и он их съест молча, ни на кого не глядя, с еле заметной улыбкой на губах. И опять долгое погружение в справочники и книги.

Но если в его рассуждения закрадется небольшое “против”, поведение ученого будет другим. Он немного помечется в своем кабинете или около письменного стола и спокойно, по зову домашних, пойдет и съест то, что ему полагается. Он будет бледен, молчалив и несколько угрюм. Может быть, иногда он будет вынимать из кармана пиджака блокнот, карандаш и записывать, но спокойно, не торопясь, без экзальтации. Убедиться, что имеются доводы “против” его идеи, очень важно своевременно <...> Иногда “против” переходит в свою противоположность, и замечается “за”. Тогда ученый превращается в одержимого, к которому лучше не подступаться. Но если в сознании ученого удерживается мысль “против”, тогда дело значительно осложняется. Верная и смелая идея встречает непреодолимые препятствия, с которыми трудно совладать. Начинается борьба. Эти “против” подвергаются жесточайшей критике, обсуждаются со всех сторон, и только после этого им выносятся окончательный приговор. Оказывается, что доводы “против” устарели, и наука сделала шаг вперед. Но это бывает не

всегда. Случается так, что ученому приходится идти на компромисс с самим собой. Сочетание “за” и “против” может дать нечто новое, до сих пор неизвестное, а это тоже открытие, тоже шаг вперед»¹.

Полагаю, что приведенный Чижевским фрагмент, где описана эмоциональная сторона его творчества, в комментариях не нуждается.

У Чижевского рано, в восемнадцатилетнем возрасте, сложились главные направления его научной деятельности, которыми он потом занимался всю свою жизнь. Таких направлений было три: научная разработка влияния активности Солнца на биосферу Земли, проблемы атмосферного электричества и аэроионификация и, наконец, исследование и моделирование движущейся крови. Все эти направления, включавшие в себя самые различные науки, сводились к одному – человек и Солнце или, если брать шире, – человек и Космос. «...Мною летом 1915 года, – пишет Чижевский, – был сделан ряд наблюдений, послуживших краеугольным камнем для всех дальнейших исследований. В указанное выше время я работал над изучением процесса пятнообразования, который тогда поглотил все мое внимание. Я изучал также соотношение между прохождением пятен через центральный меридиан Солнца и рядом геофизических и метеорологических явлений: магнитными бурями, северными сияниями, грозами, облачностью и другими явлениями в земной коре и атмосфере»².

Работа обретала важное практическое значение. Вместе с тем он хорошо понимал, каким опасностям он себя подвергает со стороны его коллег не только новой постановкой самого вопроса, но и поражающей способностью владеть научно самыми разнообразными предметами – историей, биологией, медициной и т. п., и т. д. «Идея о некоторых мощных влияниях внешней среды на организм, – вспоминает Александр Леонидович, – стала излюбленной темой моих размышлений. Иногда эти идеи – идеи космической биологии – приходилось вынашивать годами. Только самым близким людям я мог открывать их и ждать одобрения или осуждения. Такими людьми были всего два человека – мой отец, Леонид Васильевич, и Константин Эдуардович»³. Время от времени Чижевский навещал Циолковского и вел с ним беседы, больше всего по различным теоретическим проблемам. Изучение взаимодействия Солнца и Земли ставило перед молодым ученым ряд вопросов, связанных с процессами, идущими в науке и философии.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 346–347.

² Чижевский А.Л. Вся жизнь. М., 1974. С. 154.

³ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 337.

« – Дифференциация наук, – говорил Чижевский, сидя в кресле напротив Циолковского, – способствует кастовости, но кастовость не способствует научному прогрессу. Не думаете ли вы, Константин Эдуардович, что через пять–десять–сто лет опять возродится натурфилософия, но уже на более высоком уровне, идя по спирали Гёте?

– Да, пожалуй, – соглашался Циолковский. – Это случится тогда, когда придет час полного взаимопроникновения одних наук в другие, а это придет неизбежно. Тогда и может появиться натурфилософия как высшая наука об основных явлениях и процессах в Космосе»¹.

Наблюдения Чижевского за Солнцем способствовали его, если можно так сказать, выходу в Большой Космос. В одной из бесед с Циолковским Чижевский обсуждал с ним проблему, как реагируют живые организмы Земли на вторжение космических лучей в земную биосферу. Циолковский имел в виду лучи Гесса, которые вне земной атмосферы могут быть особенно ядовиты. Эти лучи были обнаружены в 1912–1913 годах немецким ученым В.Гессом на высоте 5 тыс. метров над уровнем моря. «Мы еще долго говорили о проникающем излучении, – пишет Чижевский. – Мы старались представить его наиболее наглядно в огромных космических масштабах <...> Мысли росли, увеличивались в объеме и достигали бесконечности. Мы представили себе пылающие новые и сверхновые звезды, выбрасывающие лучи по всем направлениям. И земная жизнь человека показалась такой маленькой, такой зависимой от этих всепроникающих лучей»².

Имея в виду космические полеты, Циолковский считал, что надо найти защиту от этих «всепроникающих лучей». Чижевский взялся за их изучение, будучи хорошо подготовленным в медицине, микробиологии и астрофизике. Эксперименты, проведенные им, показали, что эти излучения действуют на живые организмы и ускоряют «основные процессы жизнедеятельности клеток – рост и деление»³. Он сделал из всего этого вывод, что существует опасность такого излучения для организма человека, особенно в околоземном пространстве. Однако ни один советский журнал не принял его статьи. «Вторую часть проблемы о биологической роли космического излучения на организмы, находящиеся в космическом пространстве, пришлось решать уже не мне. Меня не пригласили к участию в этих работах. Об этом просто-

---

¹ Цит. по: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 457.

² Там же.

³ Там же. С. 447.

напросто забыли»¹, – с горечью вспоминает Чижевский. Такое отношение к Чижевскому становилось уже традицией, и ему каждый раз приходилось с этим смиряться.

Из большого количества проблем, связанных с взаимодействием Космоса и земного человечества, он выбрал, прежде всего, влияние активности Солнца на земной исторический процесс. Собранный им материал давал возможность это сделать. В 1923 году, 26 лет от роду, он защитил на эту тему докторскую диссертацию, а затем подготовил ее к публикации. Рукопись имела название «Физические факторы исторического процесса». И вновь работа, которая перевернула и изменила подходы к истории, была отвергнута. Ему пришлось обратиться к А.В.Луначарскому, который в то время был наркомом просвещения. Рукопись, которую он передал наркому, насчитывала 900 страниц. Тем не менее Луначарский нашел возможность с ней ознакомиться. Он «вызвал меня к себе домой, – пишет Чижевский, – и мы обсуждали вопрос о том, как осветить мою концепцию светом исторического материализма. Он обещал мне это сделать сам и даже написал введение, но, увы, так и не выполнил своего обещания <...> Так мой труд в этой его чисто теоретической части остался незавершенным и полностью не изданным, к большому моему огорчению»². То, что этот поразительный труд не осветили «светом исторического материализма», было огромным везением и для труда, и для его автора. Сам же А.В.Луначарский порекомендовал эту работу издать в Калуге (подальше от Москвы) без «света исторического материализма». Что Чижевский и сделал. В 1924 году вышла тоненькая книжица – «Физические факторы исторического процесса». «Сразу же ушаты помоев были вылиты на мою голову. Были опубликованы статьи, направленные против моих работ. Я получил кличку “солнцеклонника” – ну, это куда еще ни шло, – но и “мракобеса”»³.

Идея взаимодействия Земли и Солнца отрицалась в то время не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Чижевский же утверждал, что не только Солнце влияет на земные процессы, но и весь Космос, энергетической частью которого является Земля. Имея в виду это обстоятельство, все земные процессы должны рассматриваться с точки зрения космической. Причины земных явлений и законы, которые ими управляют, надо искать в самом Космосе.

---

¹ Цит. по: *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. С. 457.

² *Чижевский А.Л.* Вся жизнь. С. 157.

³ Там же. С. 171.

«Медленными, но верными шагами, – писал он, – наука подходит к разоблачению основных источников жизни, скрывающихся в отдаленнейших недрах Вселенной. И перед нашими изумленными взорами разворачивается картина великолепного здания мира, отдельные части которого связаны друг с другом крепчайшими узами родства, о котором смутно грезили великие философы древности»¹. Связь земных процессов с деятельностью Космоса стала главным устоем его теории познания. Он вычерчивал графики взаимодействия земных и космических процессов. «...При виде всех этих дружно вздымающихся и дружно падающих кривых, – писал он, – наше воображение представляет себе животрепещущую динамику космо-теллурической среды в виде безграничного океана, покрытого рядами нарастающих и рушащихся волн, среди которых жизнь и поведение отдельного организма уподобляются незаметной и безвольной щепке, повинующейся в своем поведении, как и в настоящем океане, всем капризам окружающей его физической стихии»².

Ни одна наука в отдельности не могла исследовать и понять суть этой «животрепещущей динамики космо-теллурической среды». «Выход в Космос» новой системы познания требовал синтеза различных наук. Ему была хорошо знакома астрономия, химия, математика, медицина, история. «Мне довелось стать расшифровщиком, – вспоминает он, – замечательных наблюдений древних летописцев. Многие века существовали письменности, высеченные на каменных или мраморных глыбах, начертанные на пергаментях и льняной бумаге. Сотни высококультурных людей тех далеких времен обращали настойчивые и пытливые взоры на поразительную одновременность солнечных и земных явлений. В 1914 году меня увлекла мысль об этой необычайной синхронности. В магазинах и букинистических лавках и на книжных базарах Москвы, Петрограда и Калуги я мог приобрести русские летописи и зарубежные анналы и хроники, глубоко вчитаться в них и постараться понять одновременность явлений, протекающих на Солнце и Земле, даже не предполагая, что из моих юношеских сопоставлений возникнут новые науки, имеющие прямое отношение к будущей жизни человека»³.

С юношеских лет и до последних своих дней он был предельно честен в своих наблюдениях и исследованиях. Он никогда не забывал

---

¹ Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 35.

² Там же. С. 34.

³ Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. С. 492.

упомянуть о предшественниках, занимавшихся теми же проблемами, даже если эти последние имели лишь опосредствованное отношение к его мыслям и выводам. Он никогда не присваивал себе чужого и никогда не замалчивал находжений и трудов других. Этим он отличался от многих своих коллег.

«...Я должен теперь же сказать, – писал он, – что мысль об особом солнечном влиянии на организм принадлежит не одному мне, а сотням и тысячам тех летописцев и хроникеров, которые записывали необычайные явления на Солнце, глад, моровые поветрия и другие массовые явления на Земле. Но я облек древнюю мысль в форму чисел, таблиц и графиков и показал возможность прогнозирования, указав методы возможной борьбы с ними в пределах биосферы и опасность, грозящую космонавтам в космическом пространстве»¹. «Замечательное совпадение во времени ряда земных и солнечных явлений, – далее продолжал он, – было только отмечено, но это совпадение никогда не было изучено»².

Особое внимание Чижевский обратил на содержащееся в его разнообразной информации совпадение взрывов на Солнце с большими землетрясениями и мощными извержениями вулканов на многих континентах. Казалось, что небесный огонь солнечной активности вызывал из мрака подземный огонь, вырывавшийся из таинственных глубин планеты потоками расплавленной лавы и сдвигавший огромные пласты ее поверхностного слоя. Наряду с подобными совпадениями, ученый заметил «еще что-то неосознанное и невыраженное, что составляет область интуиции»³. Это «что-то» свидетельствовало о том, что активность Солнца и подземных сил планеты воздействовали не только на физические моменты в жизни планеты и человека, но и на внутренний мир последнего, который оставался тогда, как и сейчас, крайне мало изученным. Такое тотальное и совпадающее воздействие на планету и человека сил космических и сил планетных заставило Чижевского серьезно задуматься о судьбе человечества и необходимых мерах его защиты. В графиках таких совпадений, которые он чертил, угадывался явно определенный ритм и проглядывалась еще не осознанная им закономерность.

«Открытые мною совпадения приобретали особую выпуклость именно потому, что находящиеся между ними промежутки време-

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 492.

² Там же. С. 493.

³ Там же. С. 494.

ни отличались относительным спокойствием как в солнечном, так и в человеческом мире. А потом сразу и почти одновременно начинала бушевать огневая стихия вверху и внизу»¹. Он писал об этом в своих работах, часто образным языком, который гармонично сочетался с четким и научным его стилем. «Вся природа Земли, – писал он, – во время этих страшных извержений и вспышек на Солнце приходит в неистовое, так сказать, маниакальное состояние. Телеграф и радио приносят нам вести о бедствиях, происходящих в различных странах земного шара, сотни и тысячи людей гибнут под сумасшедшей водой, злобно выкатывающей на сушу свои волны, сгорают в пожарах, проваливаются под землю или заливаются огненной лавой. Живая материя в эти годы приходит также в неистовство. Эпидемии и пандемии, эпизоотии и эпифитотии проносятся по земному шару, вырывая из жизни десятки и сотни тысяч жертв <...> Саранчовые совершают в эти годы опустошительные налеты, мигрируют якобы без особых внешних причин рыбы, птицы, грызуны, крупные хищники. Все неживое и живое на планете приходит в движение. Все волнуется, включается в общий вихрь волнений, беспокойства и смятения»². Если бы Чижевский жил в другое, более спокойное время, возможно, он бы и не обратил особого внимания на влияние солнечных пятен на всякого рода массовые движения и не занялся бы, в связи с этим, исследованием исторического процесса. Но он совсем еще молодым человеком оказался участником первой мировой войны, а затем очевидцем двух российских революций – Февральской и Октябрьской и последовавшей за ними гражданской войны. «...Я усиленно вел обширные исторические изыскания, – писал он. – На основании полученных данных, после статистической проработки исключительно большого материала, я пришел к следующему основному заключению: количество массовых движений во всех странах возрастает по мере возрастания активности Солнца и достигает максимума в годы максимума солнцедейтельности. Затем это количество начинает убывать и в годы низкой солнцедейтельности достигает своего минимума. Эти циклические колебания всемирно-исторического процесса были обнаружены мною во всех странах и во всех столетиях, начиная с 500 года до нашей эры»³.

Такого осмысления исторического процесса до него еще никто не делал. Сам исторический процесс обрел свои космо-теллурические

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 494.

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 497–498.

закономерности, и его связь с естественными науками стала очевидной. Ну а если быть точным, исторический процесс стал частью естественных наук во всем их многообразии. Его подчинение природным законам открыло новые пути не только для его верного изучения, но и для подлинного прогнозирования. «...История, – отмечал Чижевский, – в том виде, в каком она есть, значит не более нуля для социальной практики человечества.

Она представляет собою знание о мертвом, о ненужном для вечно прогрессирующей жизни. Это архив, где редко навели и навели справки и знание которого, все эти “уроки истории”, никого никогда ничему не научило! Люди, близко знакомые с историей, делали те же ошибки, те же промахи, которые уже некогда были совершены. Последнее происходило оттого, что действующие в истории лица не имели никаких твердых точек опоры, никаких обоснованных вех в пространстве и времени, которые могли бы руководить их деяниями и направлять течение рожденных ими событий»¹.

Своей постановкой вопроса об историческом процессе он воскресил тот мертвый материал, который лежал в архивах, содержался в книгах и проходил через память недолговременных свидетелей малых и великих исторических событий. Дыхание Космоса возродило к новой, иной жизни все это, создало в нем свою космическую структуру, свои точки опоры и ликвидировало то хаотическое состояние, которое без подлинного гносеологического основания, было лишено какой-либо причинности и закономерности. «В свете современного научного мировоззрения, – утверждал Чижевский, – судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной. И это есть не только поэтическая мысль, могущая вдохновлять художника к творчеству, но истина, признания которой настоятельно требуют итоги современной точной науки. В той или иной степени всякое небесное тело, перемещающееся в пространстве относительно земли, при своем движении оказывает известное влияние на распределение силовых линий магнитного поля земли, внося этим различные изменения и пертурбации в состояние метеорологических элементов и воздействуя на ряд других явлений, развивающихся на поверхности нашей планеты. Кроме того, состояние солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на земле, находится в известной зависимости от общего состояния электромагнитной жизни мира вообще и, в частности,

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 7.

от положения других небесных тел. Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью целой вселенной? Мировой процесс, охватывающий все стороны неорганической и органической эволюции, представляет собою явление вполне закономерное и взаимозависимое во всех своих частях и проявлениях. Изменение одних частей, центральных и управляющих, влечет за собою соответственное изменение всех частей, периферических и подчиненных»¹.

Этот небольшой фрагмент охватил почти все главные моменты энергетических процессов, действующих в Космосе. Это, прежде всего, взаимозависимость небесных тел, включая и Землю, во Вселенной. Предположение или удивительная догадка, как хотите назовите, смысл предположения от этого не меняется, – зависимость самого Солнца «от общего состояния электромагнитной жизни мира». Существование во всей этой сложнейшей структуре Мироздания «тонких, в то же время, величественных связей» с интеллектуальным развитием человечества свидетельствует о каких-то неизученных и неисследованных процессах, связанных, в свою очередь, с энергоинформационным обменом человека со Вселенной и ее структурами. Сами же эти структуры Чижевский выстраивает в иерархическую систему – структур центральных и управляющих, с одной стороны, и структур периферических и подчиненных. Иными словами, весь Космос перед нами предстает в динамике своего эволюционного развития от низшего к высшему. Сама же Земля находится в электромагнитном поле Солнца и ощущает на себе его огромное воздействие в виде различного рода пульсаций. Но где находится причина пульсации, пока остается неизвестным. Мифология, философия, искусство, религиозный опыт дали ему возможность разносторонне решить многие проблемы влияния Солнца на нашу планету. Этот метанаучный способ познания принес Чижевскому ряд идей, которые возникли в глубокой древности, такие как: Солнце – источник света, тепла и жизни, Солнце – первоисточник всего существующего, Солнце – это сердце мира. Опираясь на эти идеи, Чижевский сумел взглянуть на суть Солнца совсем по-иному, чем делала это современная наука.

«Великое разнообразие органической жизни на земной поверхности, – отмечал он, – вызывается теми потоками энергии, которые врываются в атмосферу в форме солнечного излучения. Стоит ли оста-

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 9.

навливаясь на давно и хорошо всем известной истине, что солнце представляет собою единственный источник для всех форм энергии, которую мы наблюдаем в жизни природы, начиная от нежного движения зефира и произрастающих семян растений и кончая смерчами и ураганами, и умственной деятельностью человека. Все это – работа солнца, творчество солнца»¹.

Исследуя развитие цивилизаций и культур, Чижевский приходит к выводу, что там, где существовал температурный оптимум, там возникали наиболее развитые культуры. Он отнес к этому виду китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую культуры. Эти наиболее развитые культуры соответствовали среднему количеству лучистой энергии Солнца. «Силы внешней природы, – писал он, – связывают или освобождают заложенную потенциально в человеке его духовную сущность и принуждают интеллект действовать или коснеть»².

Установив зависимость человеческого творчества от космических факторов, Чижевский пришел к выводу, что активность деятельности человека, ее ритм, подъемы и падения совпадают с ритмами пульсаций самого Солнца. «Мы констатируем факт, что величайшие революции, войны и прочие массовые движения, созидавшие системы государств, полагавшие начало поворотным пунктам истории и колебавшие жизнь человечества на территориях целых материков, стремятся совпадать с эпохой максимального напряжения солнцедетельности и развить наивысшую интенсивность в моменты его наивысших напряжений»³.

Восстания, Крестовые походы, переселения народов – все эти конкретные исторические события были связаны с усилением активности самого Солнца, возникновением пятен на нем или взрывов и влиянием этих процессов на магнитное поле Земли. Возникновение народных вождей, духовных водителей, великих полководцев, выдающихся государственных деятелей и различного рода реформаторов также было связано с активностью Солнца, и их появление и усиленная деятельность зависела от активности самого Солнца, а возможно, и других космических факторов. Среди подобных личностей Чижевский назвал Аттилу, Мухаммеда, Тамерлана, Жанну д'Арк, Савонаролу, Лютера, Игнатия Лойолу, Богдана Хмельницкого, Кромвеля, Вашингтона, Шамиля, Гарибальди, Ленина и ряд других.

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 17.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 41.

«...Можно сделать предположение, – отмечал он, – что такие выдающиеся лица древности, как Мильтиад, Фемистокл, Кимон, Перикл, Лизандр, Пелопид, Эпаминонд, Ганнибал, Марий, Сулла, Спартак, Катилина, Верцингеторикс, Цезарь, Германик, Цивилис и многие другие, впервые появились на арене общественной жизни или впервые приобрели общественное значение в эпохи максимумов пятнообразовательной деятельности солнца»¹. Этой же закономерности было подчинено распространение учений – политических, религиозных, философских, различного рода ересей и идей, овладевавших массами. В деятельности различного рода выдающихся личностей он подметил одну интересную особенность, которая объясняла ритмы их жизни. Когда активность Солнца затухает и воцаряется на какое-то время космическое спокойствие, то «вожди, полководцы, ораторы теряют те силы, которые в предшествовавший период сковывали массы и принуждали их к повиновению. Массы уже с трудом подчиняются внушению»². Наступление спокойного периода приводило ряд великих личностей, потерявших свои силы воздействия на народ, к неизбежной гибели или трагической участи. Такие же спокойные периоды земной истории отличались отсутствием великих личностей, когда к политической и духовной власти приходили заурядные и незначительные по своей деятельности индивидуальности. Периоды человеческой активности сменялись пассивностью. «Смены поведения человечества, – писал Чижевский в связи с этим, – особенно выпукло выступают при развитии длительных исторических явлений. Здесь ярко обрисовываются этапы то огромной энергии, подъема и воодушевления, то постепенный упадок этой энергии с переходом в состояние усталости и апатии. Затем, по истечении некоторого времени снова замечается общее оживление, волнение, нарастание возбуждения и наконец подъем политического или военного энтузиазма, свойственный периоду максимума»³. Все наблюдения и исследования, сделанные Чижевским, свидетельствовали о ритмичности исторического процесса, причем эта ритмичность была постоянной величиной во времени и пространстве. «...Одно и то же число концентраций исторических событий в каждом столетии и одновременность их во многих участках земли вполне ясно говорит за то, что эти явления вызываются ни каким-либо местным естественным фактором, имеющим ограниченный район действия,

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 43.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 49.

а некоторыми силами, строго периодически влияющими на человечество, независимо от того, какую область земного шара оно населяет. Здесь резко бросается в глаза именно эта одновременность массовых волнений или даже возмущений на всем земном шаре. Поэтому необходимо заключить, что возмущающие силы действуют повсеместно в одно и то же абсолютное время.

Если бы ход исторических событий был представлен всецело самому себе и ни один из космических факторов не влиял бы на него, мы никогда бы не обнаружили в нем закономерных колебаний более или менее точного периода и их одновременности на всей территории планеты.

Из сказанного следует заключить, что есть некоторая внеземная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служит лучшим указанием на эту силу.

Итак, мы пока должны допустить, что электрическая энергия солнца является тем внешним естественным фактором, который оказывает влияние на ход исторического процесса¹. Он выполнил огромную работу, подсчитав совпадающие циклы процесса солнечной активности или, как он писал, «возмущение солнечной материи, выражающееся в появлении пятен»², с развитием земного исторического процесса и его активностью. Он обнаружил 11-летний, ритмически повторяющийся цикл развития солнечной активности. «Внутренняя жизнь нашего светила протекает не равномерно, а постоянно испытывает ритмические колебания более и менее правильного периода, внешне выражающегося в появлении и исчезновении пятен, в числе их, а также и др. явлений: то активность солнца увеличивается и лик его покрывается пятнами, достигая максимума, то сокращается, падая до минимума и претерпевая таким образом четыре этапа:

1. Период минимума.
2. Период увеличения активности.
3. Период максимума.
4. Период дегградации»³.

Каждый период имеет свою продолжительность, и возможны некоторые незначительные отступления и в циклах, и в периодах. Однако среднее их арифметическое остается более или менее постоянным: I период составляет 3 года, II – 2 года, III – 3 года, IV – 3 года.

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 52–53.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 11.

Этот ритм циклов и периодов соответствует степени напряженности и активности земного исторического процесса. Исследования Чижевского четко показали, что «течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежутки времени, равный, в среднем арифметическом, 11 годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности солнца»¹.

Таким образом, и цикл исторического процесса имеет те же деления на периоды – четыре – и той же продолжительности: 3, 2, 3, 3 года. Вместе с этим Чижевский установил историко-психологические особенности 11-летних циклов. Их оказалось две, и они повторялись из цикла в цикл.

Первая. «...В средних точках течения цикла массовая деятельность человечества на всей поверхности земли, при наличии в человеческих сообществах экономических, политических или военных возбуждающих факторов, достигает максимального напряжения, выражающегося в психомоторных пандемиях: революциях, восстаниях, войнах, походах, переселениях, создающих новые формации в жизни отдельных государств и новые исторические эпохи в жизни человечества и сопровождающихся интеграцией масс, выявлением их активности и правлением большинства»².

И вторая. «В крайних точках течения цикла напряжение общечеловеческой деятельности военного или политического характера понижается до минимального предела, уступая место созидательной деятельности и сопровождаясь всеобщим упадком политического или военного энтузиазма, миром и успокоенною творческою работою в области организации государственных устоев, международных отношений, науки и искусства при дезинтеграции и депрессии масс и усилении абсолютистских тенденций власти»³.

Анализируя такие особенности, Чижевский пришел к выводу, что усиление солнцедетельности превращает потенциальную энергию масс в кинетическую. Иными словами, «исторические события развиваются путем целого ряда толчков, вызываемых колебаниями пятнообразовательного процесса на солнце. Скорость действия этих толчков, а равно и степень их напряженности, по всему вероятно, стоят в известной зависимости от элементов каждого отдельного ко-

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 50.

² Там же.

³ Там же. С. 52.

лебания в веществе солнца, обусловленного также положением в том или ином периоде пятнообразовательного цикла»¹.

Он также установил, что не только сам пятнообразовательный процесс влияет на исторические события, но и вращение самого Солнца вокруг своей оси, что может вызвать исчезновение или появление возмущенных мест солнечной материи, влияющих на земные явления. Он утверждал, что «между периодической деятельностью солнца и общественной деятельностью человечества существует прямое соотношение»². Эта мысль о «прямом соотношении» исторического процесса и деятельности Солнца представлялась новой и очень важной, ибо если до сих пор такое соотношение и признавалось с большим трудом, то лишь опосредствованное. Выход на «прямое соотношение» не только менял суть всего исторического процесса, но и расширял возможности прогнозирования ряда исторических событий. «Но можно надеяться, что важные для человека общественные науки, благодаря успехам биофизики, вскоре получают возможность устанавливать свои положения о человеческих взаимоотношениях путем применения точных дисциплин. Это будет важный шаг вперед по пути к обнаружению закономерности в социальной эволюции человечества, законы которой, без сомнения, не являются исключением из общих принципов природы»³, – писал он. Таким образом, закономерности человеческой деятельности и закономерности окружающей природы и Мироздания представляли собой целостную картину, объединенную единством ритмов разнообразных процессов и движений.

«Теория физических основ исторического процесса позволяет констатировать факт наличия известного рода ритма в психической деятельности всего человечества и периодических колебаний в ходе всемирно-исторического процесса как выражения этого ритма. Следовательно, как совокупная жизнь всего человечества, так жизнь индивидов подчинены строгим и неизменным законам ритма, которые могут быть обнаружены при помощи исследований, охватывающих своим материалом деяния больших человеческих масс и большие промежутки исторического времени.

Разнообразные явления и события всемирной истории человечества в свете излагаемой здесь теории приобретают новый смысл и новое значение. Чрезвычайно важным и в чисто научном, и в практическом

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 59.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 61.

отношении является установление того факта, что исторические и общественные явления наступают *не произвольно, не когда угодно, не безразлично по отношению ко времени*, а подчиняются физическим законам в связи с физическими явлениями окружающего нас мира и могут возникнуть *только тогда*, когда этому будет благоприятствовать вся сложная совокупность взаимодействия политико-экономических и других факторов в мире человеческом и физических факторов в мире неорганической природы. Благодаря закономерности, которой подчинено течение событий во времени, всякое явление в жизни отдельных сообществ или в международной жизни всего человечества получает известное объяснение, *возвышающее историю до степени точных дисциплин, наделенных законами* <...> Наука есть знание об измеримом. Сделать историю наукой, а не “условной сказкой”, освободить ее от метафизики, от произвола субъективизма, от всего несоизмеримого, дать ей, а равно и сестре ее – социологии, измерительные единицы и законы – вот прямая задача ближайшего будущего»¹.

Основной вывод, который сделал Чижевский, менял не только причинную часть исторического процесса, но вводил в этот процесс закономерности, позволяющие научно точно исследовать события, их возникновение и закономерности их движений.

«История превращается в науку о живом, о необходимом, о близком. События, покрытые многовековой пылью, оживают снова и начинают жить интенсивно и значительно. Для нас делаются понятными каждое историческое лицо, каждое историческое явление. Все они происходили под непосредственным влиянием тех же периодических возмущений или успокоений в природе земли, которые происходят ныне и будут происходить, по всему вероятно, в далеком грядущем человечества. Теперь истории отводится место не рядом с природою, а в ней самой, как об этом говорил еще Карл Риттер (K. Ritter). Поэтому для изучения истории, по нашему мнению, необходимо будет создать другие методы, чем те, которые были приняты доньше»².

Мысль о том, что «теперь истории отводится место не рядом с природою, а в ней самой», трудно переоценить. Она распространяется на всю деятельность человека, на его творчество, на его Бытие в самом глубоком смысле этого слова. Через исследование исторического процесса и его связей с Космосом Чижевский вышел на космическую концепцию происхождения человечества, на совершенно новые подходы

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 62

² Там же.

к познанию его взаимодействий, открытых и закрытых, с Космосом. Исследуя влияние активности Солнца на историческую деятельность человека, Чижевский пришел к еще одному важному выводу. Как можно оценить взрывы солнечной материи? Это хорошо или плохо для человечества? Это разрушение или созидание? И что придает тот или иной характер взрывной активности Солнца? Он сам и ответил на этот вопрос. Пятна на Солнце нельзя оценить по шкале «хорошо или плохо». Это объективный процесс, влияющий на подъем или упадок энергии человечества. Все дело в том, что эти пятна меняют только энергию событий и человека, а не конкретную форму их проявлений. Конкретные действия, возбужденные взрывами на Солнце и следствием этого – магнитными бурями, зависят от самого человека, формы и содержания его деятельности, предшествующей взрывам солнечной материи.

«История знает отличные примеры массовых возбуждений в период максимума, не имеющих ничего общего с кровавыми событиями, а именно: религиозные движения, паломничества, расцвет парламентаризма, локализация общественного внимания на судебных процессах, реформах, сооружениях и т.д. Это дает повод лелеять прекрасную надежду на то, что грядущая культура отыщет пути гуманного использования массового подъема при посредстве предварительной пропаганды какого-либо общественно-важного и интересного дела и выполнения его в период максимальной возбудимости. Тогда коллективное театральное искусство, коллективное художественное творчество с участием масс народа, научные экспедиции, спортивные состязания, организации грандиозных сооружений, городов, каналов и пр. должны будут сменить кровавые боины человечества»¹, – писал он.

Очень многое при этом зависело от состояния человечества и человека во II периоде исторического процесса. Материя II периода получала в III периоде максимальную энергию взрывов на Солнце, и эта энергия начинала действовать. Она «оживляла» то, что было уже заложено и что уже существовало в умах народа во II периоде. Многое зависело от уровня сознания, которое формировалось во II периоде, и от тех идей, которые будут, вне зависимости какие они, реализованы в III периоде. От этого будут зависеть и форма, и содержание событий, вспыхивающих под излучениями взрывов солнечной материи. Если во II периоде господствующей идеей была революция или война,

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 63.

то мы их, несомненно, получим в III периоде максимальной активности Солнца. Если во II периоде, когда закладывалось будущее III периода, было процветание, действовали созидательные силы, народ был просвещен, а сознание расширенным, то энергия солнечных взрывов и земных магнитных бурь придаст всем этим тенденциям энергию действия, и III период завершит успешно то, что находилось еще в потенциале II периода. Иными словами, Солнце дает энергию, а человек придает событиям ту форму и то содержание, которое сложилось во II периоде развития одиннадцатилетнего цикла.

«Жизнь идей в массах в течение II периода цикла – вот что должно интересовать каждого государственного деятеля. Действительно, если будет дана и привита идея, охотно воспринимаемая массами, как выражение их желаний данного момента, дело правительства будет выиграно, ибо массы будут с ними. Гармоническое равновесие народа и правительства будет соблюдено. Но, если среди государственных мужей, дающих тон и направление всем аппаратам страны, будет разногласие, если они не сумеют психологически-искусно подойти к массам и внести в их среду идеи, знаменующие собою их чаяния и потребности, наконец, если будет плохо функционировать тот или иной механизм, объединяющий массы, правительству никогда не удастся добиться точного осуществления своих целей. Взаимоотношения правительства и народа подвержены колебаниям в зависимости от периода пятнообразовательной деятельности. Став на такую точку зрения, можно понять подлинное значение официальной прессы и политической литературы вообще. В моменты максимального возбуждения, когда чувствительность к восприятию идей достигает высшей степени, бывает иногда достаточно малейшего колебания политической конъюнктуры, чтобы подорвать старый и породить новый объект общественного сосредоточения и тем самым видоизменить настроение масс и привести их к другим решениям, к другим политическим итогам. Мы еще не знаем, но смеем предполагать, что движение идей и учений, обращающихся в массах, находится в известном соотношении с постепенными изменениями влияния рассматриваемого здесь космического фактора»¹. И еще:

«Таким образом, значение данной теории должно рассматриваться с точки зрения государственоведения. Она указывает государственной власти методы действия, согласные с психическим состоянием

---

¹ *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. С. 63–64.

масс, находящихся в зависимости от колебаний электрической энергии Солнца. Величайшие ошибки и неудачи правителей, полководцев, вождей народа часто могли быть вызваны тем, что они, не образуясь с состоянием психического predispositiona масс, либо требовали от них выполнения невозможного, не соответственного с состоянием их психики, либо ошибочно рассчитывали на их поддержку в то время, когда массы были лишены связующего их единства, внешние факторы не начинали оказывать на них свое влияние или последнее уже оканчивалось. Из этого допущения, имеющего веские основания, не трудно сделать вывод о тех горизонтах, которые открываются для вождей народа, дипломатии, стратегии и пр. Не боясь впасть в дух фантастических романов, можно было бы сказать, что да не будет отныне более ложных шагов, неудачных попыток, незаконномерных стремлений!

Государственная власть должна знать о состоянии солнца в любой данный момент. Перед тем, как вынести то или иное решение, правительству необходимо справиться о состоянии светила: светел, чист ли его лик или омрачен пятнами? Солнце – великий военно-политический показатель: его показания безошибочны и универсальны. Поэтому государственная власть должна равняться по его стрелкам: дипломатия – по месячной, стратегия – по суточной. Военачальники перед каждым боем должны знать о том, что делается на солнце. Следовательно, ближайшие ветви историометрии должны стать одними из важнейших опытных наук государствования, и астрономия – прикладной наукой. Время до историометрического понимания общественных явлений может быть, по справедливости, сравнимо с теми отдаленными эпохами, когда мореплаватель не знал еще компаса и не научился различать направления по звездам. Его хрупкий корабль произвольно влекла водная стихия, и он не знал, куда надлежит повернуть руль, чтобы не блуждать по волнам, подвергая себя ежеминутной опасности»¹.

Вскоре после революции именно в истории диамат и производный от него истмат, или исторический материализм, начали занимать господствующее положение. Ни о каком Космосе или каких-либо энергетических явлениях ни в том, ни другом речи не было. Марксистская философия была ограничена только земным пространством и теми явлениями, которые в нем происходили. Всякого рода законы

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 64–65.

и закономерности выводились лишь из них. Главной движущей силой считались изменения средств производства и производственных отношений. Классовая борьба стояла во главе угла осмысления исторических событий и явлений. Социальные революции считались главным инструментом самого исторического процесса. Руководящая элита, пришедшая к власти после Октябрьской революции, ничего иного не воспринимала. История, как таковая, постепенно становилась политикой, а исторический процесс служил лишь полем, где избирательно отбирались факты для подтверждения идей новых вождей и философских концепций исторического материализма.

Чижевский хорошо понимал, что рано или поздно произойдет острое столкновение между его концепцией исторического процесса и теми положениями, которые содержались в историческом материализме. Он ожидал критики и бурных дискуссий, понимая, что революции в науке принимаются крайне трудно и медленно и этот процесс сопровождается острой борьбой между старым и новым. «Однако, как бы ни были удачны возражения, сделанные нам, – стараясь предупредить нежелательные события, писал он, – как бы ни были они убедительны и даже подкреплены соответствующими доводами, мы все же имеем полное основание думать, что никакая диалектика, как бы талантлива она ни была, не в состоянии умалить выводов, базирующихся на фактах, числовых отношениях и на новейших завоеваниях науки. Эти завоевания, повторяем здесь еще раз, требуют точного и лишеного всяких метафизических предпосылок объяснения всех явлений природы, включая в них и человека с его многообразною душевною деятельностью. А в сфере точных наук ничему не следует поражаться, ничего не отрицать *a priori* и ничем пренебрегать»¹. Он понимал, что только этим дело не ограничится, и был готов ко всему, что может встретить его на трудной дороге первооткрывателя и революционера. Поэтому в самом конце своей книги он написал слова, которые не раз служили ему утешением и поддержкой в самых тяжелых поворотах его судьбы.

«Но у тех, кто во имя науки готов претерпеть все лишения и все беды, годами голодая и ходя в лохмотьях, есть одно великое утешение, одна великая радость, стоящая всех благ и всех удовольствий земли, делающая их независимыми от людской пошлости и людских суждений и возвышающая их: они ближе всего стоят к познанию

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 68.

сокровенных законов, управляющих могущественной жизнедеятельностью природы. Они уже познают ее внутренние механизмы, улавливают связи между валами и колесами и в неописуемом восторге приближаются к тому рычагу, один нажим на который способен немедля изменить распределение частей вечноработающего механизма и этим регулировать явления самой природы – явления, которые до этого момента двигались неисповедимыми путями. Они приближаются к возможности управлять великими событиями.

В единении сила! Мы верим, что всемирная солидарность ученых поможет преодолеть все трудности и сломать все преграды во имя защиты жизни на земле и ее преобразования»¹.

Но все плохое для Чижевского началось еще до публикации «Физических факторов исторического процесса». Академик П.П.Лазарев, поддержавший идеи и выводы Чижевского, был вызван на допрос.

« – Это подписали вы? – обратился один из допрашивающих к Лазареву.

– Да, я, – ответил тот.

– И вы в самом деле думаете, что Чижевский стоит на грани научного открытия?

– Да, думаю...

– Вы, Петр Петрович, шутите... Ведь это же нелепость.

– А я считаю, что это – самая передовая наука, и такого мнения придерживаются крупнейшие ученые у нас и за границей.

– Так ли это?

– Именно так!

– Но эти его исследования могут противоречить нашей точке зрения...

– Нет, не противоречат ни материалистической философии, ни биофизике...

– Как так?

– Да очень просто. Я ничего не могу сказать против материалистического мировоззрения, я сам материалист, но мышление человека должно быть гибким. Ортодоксы в науке не должны существовать – они всегда тормозили ее развитие... И это в двадцатом веке, когда на нашу голову могут свалиться самые неожиданные открытия и изобретения <...> Вам остается только запрещать или усмирять неугодных. Но это не выход...

---

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 69.

– Да, можно запретить!

– Науку не запретишь! Она возьмет свое через пятьдесят или сто лет, а над вами будут смеяться, как мы смеемся и, точнее, негодуем, когда читаем о суде над Галилеем <...> Я, биофизик, считаю, что это открытие заслуживает дальнейшего углубления и расшифровки.

– Так кто же, по-вашему, Чижевский?

– Истинную оценку его работам дадим не вы и не я, а будущие люди – люди двадцать первого века. Вы видите в смелых работах такого рода одно – крамолу. А вот такие культурные марксисты, как Луначарский и Семашко, наоборот, считают, что исследования Чижевского заслуживают самого пристального внимания. Как могут расходиться точки зрения у людей одной, так сказать, веры.

– Не веры, а знания.

– Ну уж об этом разрешите мне иметь свою точку зрения. Я считаю, что в самом конкретном знании заложены корни веры <...> Вот мой совет <...> Не губите молодых дарований, не пугайте мысль <...> Во многом мы уже отстали от Запада и будем дальше отставать, если учиним беспощадный контроль над научной мыслью. Это будет крахом. Неужели вы этого не понимаете? Мы не должны углублять это нелепое положение вещей. Запретить Чижевскому можно, но запретить его идеи нельзя. Идея космической биологии уже получила всемирное распространение, и ничто не в состоянии тут что-либо сделать. Борьба с идеями, как вы знаете, безнадежна! <...>

– Да-с, наше положение трудное. Это верно. Запрещать мыслить – это, конечно, смешно, но и нарушать чистоту нашего учения мы не можем. Поймите и меня, Петр Петрович.

– Понимаю, но остаюсь при том мнении, что не вижу никаких противоречий в учении Чижевского <...> Не понимаю, что вас так пугает в этом новом открытии?

– Ну, это-то очень просто! Если признать учение Чижевского верным, то надо отказаться от усвоенных навыков... Это в корне противоречит нашим установкам.

– Да разве учение Чижевского состоит в этом! <...> Что вы, в самом деле? Это, знаете ли, шемякин суд, а не научная, материалистическая критика! Просто какой-то злодей вас дезинформировал...

– Ну, а как же?

– <...> Функциональное состояние нервной системы у людей зависит в определенной степени от особого электрического и электромагнитного состояния Солнца. Это и все! А что из этого получится – массо-

вое движение, семейные ссоры или несколько одновременных смертей от паралича сердца или от инсульта, – этим вопросом Чижевский не занимается. Он только устанавливает основной закон зависимости функционального состояния нервной системы у людей от протуберанцев на Солнце... Закону Чижевского подчиняются, следовательно, все *массовые явления* среди человечества. Сужать закон Чижевского – это значит просто не понимать его. Неверная трактовка! <...> Чижевским установлена новая область знания – космическая биология и космическая медицина, и он повсеместно признан ее основателем. Судя по вашему настроению, вы собираетесь затормозить эту новую отрасль науки. Побойтесь хоть суда истории!

– Победителей не судят!

– Увы, с циклической деятельностью Солнца приходится считать даже тем, кто отрицает работы Чижевского... Если сейчас погаснет Солнце, через восемь минут двадцать секунд начнется оледенение Земли, и ваши победы и новые законы не помогут! <...>

– Да, но есть еще здравый смысл. Ведь утверждения Чижевского о том, что взрывы на Солнце изменяют функциональное состояние нервной системы у человека, не противоречат ли они здравому смыслу?

– Ох уж этот здравый смысл человека! В науке он ровно ничего не стоит по сравнению со смыслом явлений природы <...> Работы Чижевского не только не противоречат материализму, а, наоборот, подтверждают его... Интересно было бы это проверить на практике, интересно даже для таких отсталых людей, каким, очевидно, вы считаете меня.

– Вы не так выразились, Петр Петрович. Мы не считаем вас отсталым, но мы приписываем вам долю легкомыслия, так сказать, в области социальных наук.

– Ну спасибо за комплимент. Легкомыслие – предикат величайшего совершенства, так, по крайней мере, оценивают легкомыслие некоторые философы...»¹

Академик Лазарев во время допроса держался, как мы видим, твердо, без особого уважения к допрашивающему, смело высказывал свою точку зрения, а временами брал инициативу в свои руки, поучал и советовал. Потом будут допрашивать самого Чижевского, но это уже будут другие люди и другое время. Их допросы и суды напомнят инквизиторские бдения средневековой Европы. Тех и других объединяло стремление к абсолютной монополии на истину. Тогда, когда

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 511–516.

допрашивали П.П.Лазарева, эта монополия только что нарождалась. Суды инквизиции и суды ЧК были похожи друг на друга еще одной чертой. Реальные решения принимались не во время судебного заседания, а задолго до самого суда. Сам же суд был только спектаклем, в котором участвовали только маски судей. И временами возникало ощущение, что за этими масками скрывались не люди, а пустота, где выла лишь холодная и страшная тьма. Не имело значения, как расправлялись с непокорными и опасными для темной власти людьми – жгли ли их на кострах, стреляли ли им в затылок в подвалах ЧК, губили ли их долго и мучительно в лагерях ГУЛАГа или выбрасывали из жизни, лишая любимой работы, крыши над головой и обрекая на общественное презрение невежественной толпы, – результат был одним и тем же – исчезновение человека из общества.

Поношение Чижевского началось сразу после публикации его первой книги. В начале 20-х годов это приняло форму подлинной травли. Его называли мракобесом, лжеученым и многими другими подобными прозвищами. Против него публиковались статьи, его имя стало «притчей во языцех» на всякого рода научных и ненаучных собраниях и заседаниях. «Я стал терять сон, – вспоминает он, – и самообладание. Мои нервы пришли в негодность, и, если бы не лечение аэроионами отрицательной полярности, я бы давно потерял совсем голову. Дома также заметили мою нервозность»¹. О его работах, в самом искаженном виде, сообщили И.В.Сталину. «Из-за Солнца в те годы велись подлинные битвы, – вспоминал ученый, – у меня требовали отказа от собственных многолетних исследований, требовали покаяния и публичного осквернения собственных работ и отречения от них. Это требование было даже зафиксировано в протоколах ВАСХНИЛ. Но я долго крепился, подобно Галилею, и не произнес хулы на науку. Наконец от меня потребовали письменного обязательства никаких работ в данной области не производить и никаких публичных выступлений не делать. Такого обязательства я не дал и продолжал изучение этого замечательного вопроса <...> Я поступил правильно, не пошел против своей совести и не пренебрег естественным законом, который дан от века людям, – отстаивать свои идеи до конца, даже если эти идеи не нравятся кому-либо. Таким образом, я избежал костра, на котором сожгли Джордано Бруно, хотя и принял поношение другого рода»². Тогда он еще не знал, какой костер ждал его впереди.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 523.

² Там же. С. 528.

Реакция на исследования Чижевского в мировой науке была совершенно иной. Многие зарубежные ученые заинтересовались его работами. У него установились связи с учеными США, Франции, Италии. Последовали приглашения за рубеж. Но, к сожалению, ни одно приглашение так и не было реализовано. В 1938 году во Франции Парижская академия медицины издала его книгу «Эпидемии и электромагнитные пертурбации внешней среды». Книга была посвящена влиянию солнечной активности на эпидемии различных болезней на Земле. В СССР эту книгу называли крамольной. «Ее доброжелательно приняли во многих странах мира, – писал Чижевский. – Я получил сотни писем из Европы и Америки, сотни вопросов врачей эпидемиологов, бактериологов и микробиологов и сотни поздравлений. У нас же моя книга была встречена гробовым молчанием. Заговор молчания торжествовал. Мало того, кое-кто написал новый очередной донос в “органы” о том, что я продолжаю заниматься недозволенными занятиями, “морочу голову с помощью Солнца”»¹. Ему становилось все труднее и труднее работать и жить на Родине. Но у него ни разу не возникло даже мысли о том, чтобы покинуть ее. Он работал, преодолевая самые невообразимые препятствия, какие только могли появиться в воспаленном воображении его врагов. В феврале 1939 года пришло приглашение из Нью-Йорка. Чижевскому предлагали принять участие в Международном Конгрессе по биологической физике и биологической космологии. Он хорошо понимал, что его не выпустят за границу. Его исследования, его взгляды и его твердость в их отстаивании сделали его, как говорится, невыездыным. Вскоре пришло письмо от Луи Борайля, президента Американского общества биофизики. «Дорогой профессор! – писал Борайль. – Мы приняли решение избрать Вас нашим Почетным президентом и в Вашем лице приветствовать страну, которую Вы представляете в мире науки, и торжественно преподнести Вам почетный диплом Конгресса. Мне выпала большая честь сообщить Вам это сегодня и ожидать Вашего прибытия в Нью-Йорк в сентябре сего года»². Конгресс состоялся без него. Несмотря ни на что, ученые, приехавшие в Нью-Йорк из многих стран, выбрали его почетным президентом Конгресса. Конгресс считал необходимым издать в связи с этим Меморандум, посвященный великому ученому, подвергавшемуся на своей Родине гонениям и не имеющему возможности спокойно и плодотворно работать. Вот некоторые выдержки из этого знаменательного документа.

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 535.

² Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 242.

«...Проф. Чижевский является создателем новых наук:

Динамической биоэлектростатики, или науки о движении в крови, тканях и органах электростатических зарядов;

Биологической космологии, или науки о влиянии космических и теллурических факторов на жизненные функции;

Биоорганоритмологии, или науки о зависимых и аутохронных ритмах в структурах живых организмов;

Аэроионификации, или науки об искусственной регулировке и искусственном управлении электрическим режимом атмосферного воздуха как в помещениях, так и вне их, в целях стимуляции, терапии и профилактики...»¹

И далее: «Особое место среди трудов проф. Чижевского занимают его исследования в сфере гуманитарных наук – исследования об эволюции точных наук в древнем мире, капитальные многолетние исследования о периодах во всеобщей истории и другие его исторические, литературные и философские работы...»²

«К настоящему времени, – отмечалось в Меморандуме, – число печатных трудов проф. Чижевского, вышедших на многих языках, достигли 400. Число печатных трудов его учеников и последователей во всем мире доходит до 2500. Число же работ, посвященных исключительно рассмотрению трудов проф. Чижевского, превышает 5000 <...> Изучать его работы – истинное наслаждение для всякого ученого, врача, биолога и всякого натуралиста вообще, стоящего на уровне современной науки, ибо его труды и идеи идут в авангарде, опережают ее, и иногда значительно. Они блещут не только прогрессивной новизной, глубиной и дерзостью полета мысли, но и высоким мастерством изложения или изяществом математического базиса. Но для полноты характеристики этого замечательного человека нам остается еще добавить, что он <...> является также выдающимся художником и утонченным поэтом-философом, олицетворяя для нас, живущих в XX веке, монументальную личность да Винчи. Ученые многих стран Америки, Европы и Азии, собравшиеся на Первый Международный конгресс по биологической физике и биологической космологии в Нью-Йорке в сентябре 1939 года, настоящим Меморандумом отмечают и подчеркивают величайшее научное и практическое значение трудов своего Почетного президента проф. Чижевского и его заслуги перед человечеством»³.

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 267–268.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 269.

Этот уникальный документ мирового признания заслуг Чижевского перед человечеством подписали выдающиеся ученые различных стран. Чижевский стал как бы знаменем нового космического мышления, которое уже начало проникать в мировую науку. В нашей же стране, которая являлась первой, где возник процесс формирования космического мышления, последнее пробивало себе дорогу с огромным трудом.

Мировое признание не только не облегчило Чижевскому его работу, но, в какой-то мере, увеличило те трудности, которые стояли на его пути. Новые вожди советской науки, не отличавшиеся ни талантом, ни широтой взглядов, не могли перенести того, что ученые мира признали заслуги их сомнительного коллеги, а не их самих. Борясь за идеологическую чистоту в науке, а не за истину в ней, они, пользуясь поддержкой государства, уже складывали тайно костер для коллеги. Он должен был сгореть на этом костре. Они в это свято верили. В то темное время Чижевский много работал и много размышлял о Космосе, человеке и науке. «Окружающий нас мир преисполнен вибраций, колебаний, радиаций, потоков, возмущений и т.д. Не доходя до сознания, они могут явиться причиной ряда ощущений, вызвать “беспричинное” чувство бодрости или угнетения, склонить организм к болезни или выздоровлению, способствовать или мешать творческой работе и т.д., т.е. создают среду жизни, в которой цветет и увядает, радуется или печалится, волнуется или успокаивается, творит или бездействует, выздоравливает или умирает человек. Мы говорим здесь о среде жизни, создаваемой неведомыми силами окружающей нас природы. Только наше малое знание создает нам иллюзию свободы, независимости от этих сил. Мы уверенно двигаем по желанию членами нашего тела, киваем головой, машем руками, и нам кажется, что мы свободны в выборе нашего поведения. Но мы забываем, что все эти движения можем делать только тогда, когда не встречаем препятствий из внешней среды. Однако сколь беспомощны становимся мы, когда пробираемся ощупью в темном помещении. Мы стремимся обострить наши чувства, вытягиваем руки, как щупальца, напрягаем слух и зрение – замедляем наш ход до возможного предела. Мы живем в нашем мире так, если бы он был ярко освещен миллионами огней, забывая, что живем, по существу, почти что в полной темноте. Но об этом напоминает нам наука. Она, развенчивая приятный мираж заблуждения, указывает нам способы освещения нашего пути! Она требует изучения этой темноты, этого мрака окружающей нас среды. Ритмы, свойственные явлениям окружающей нас среды,

говорят о стройности ее механизмов, об их устойчивости. Каждый длительный процесс требует для своего осуществления устойчивости, охранения от случайных или неожиданных явлений. Такое сохранение возможно только для процессов периодических, т.е. представляющих последовательное повторение одного и того же или одинакового по типу явления. Периодичность делает возможным придать явлению условия, охраняющие от случайностей. Индивидуальная жизнь могла развиваться в природе только при условии строгой периодичности эндогенных процессов и строгой периодичности экзогенных процессов, на нас воздействующих. Изучение сложной совокупности ритмов внешнего мира и ритмов организма должно явиться одной из серьезнейших задач космобиологии <...> Международная солидарность и усилия ученых в области космобиологических изысканий должны будут вскрыть доселе темные влияния внешней среды на человека и тем самым защитить, охранить и продлить жизнь как отдельных индивидуумов, так и всего человечества в целом»¹.

Задача, сформулированная Чижевским, несла в себе не только концептуальную, но и методологическую основу новой системы познания. Она была связана с необходимостью получения не только самих знаний, но и с насущной потребностью расширения самого сознания человека. Человек, в первую очередь, должен был осознать, что есть внешняя среда, с которой он соприкасается ежечасно и ежеминутно. Если такого осознания не произойдет, то тьма будет приниматься за свет, невидимое за несуществующее, Космос за недостижимое пространство, а невежество за знание.

Идеи и знания, которые приносят в мир гениальные умы, в большинстве случаев принадлежат будущему. Разрыв во времени между настоящим и будущим может быть разным, иногда он достигает нескольких веков. Человеческий интеллект консервативен по своей сути, уровень сознания не соответствует высокому творчеству. Но если бы не было опережающих свое время, то не было и прогресса человеческого знания, творчества и духовности. Опередившие свое время необходимы для дальнейшего продвижения человечества. Чижевский был одним из них. То, о чем он писал, размышлял и говорил, было мало доступным не только человечеству в целом, но и образованнейшей его части, – ученым. Он старался довести до их сознания, что человек и планета Земля не только испытывают энергетическое влияние

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 246.

Космоса, но являются сами частью этого Космоса. Он утверждал – между человеком и планетой, с одной стороны, и Космосом, с другой – нет границы. И для того, чтобы человеку окунуться в Космос, не надо быть космонавтом, ибо Космос, и дальний и ближний, находится рядом, а мы – его жители.

«А между тем всегда, – писал Чижевский, – от начала веков как в бурные, так и в мирные эпохи своего существования, живое связано со всей окружающей природой миллионами невидимых, неуловимых связей – оно связано с атомами природы всеми атомами своего существа. Каждый атом живой материи находится в постоянном, непрерывном соотношении с колебаниями атомов окружающей среды – природы; каждый атом живого резонирует на соответствующие колебания атомов природы. И в этом воззрении сама живая клетка является наиболее чувствительным аппаратом, регистрирующим в себе все явления мира и отзывающаяся на эти явления соответствующими реакциями своего организма.

Итак, возникает вопрос: можем ли мы изучать организм как нечто обособленное от космо-теллурической среды? Нет, не можем, ибо живой организм не существует в отдельности, вне этой среды, и все его функции неразрывно связаны с нею»¹.

Он представлял себе единое космотеллурическое пространство. Это был новый подход к исследованию Мироздания, который и составлял важнейшую методологическую основу новой системы познания.

Чижевский был одним из первых, кто рассматривал космотеллурические процессы с точки зрения энергетической, правильно почувствовав в этой энергетике причинную суть земных явлений. «Но несомненно лишь одно: живая клетка представляет собой результат космического, солярного и теллурического воздействия и является тем объектом, который был создан напряжением творческих способностей всей Вселенной. И кто знает, быть может, мы – “дети Солнца”, – представляем собой лишь слабый отзвук тех вибраций стихийных сил Космоса, которые, проходя окрест Земли, слегка коснулись ее, настроив в унисон дотоле дремавшие в ней возможности»².

Творческие силы Вселенной создаются и действуют на энергиях, которые проникают каждое небесное тело, и заполняют межзвездное пространство.

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 25.

² Там же. С. 33.

«Итак, – отмечал Чижевский, – мы окружены со всех сторон потоками космической энергии, которая притекает к нам от далеких туманностей, звезд, метеорных потоков и Солнца. Было бы совершенно неверным считать только энергию Солнца единственным создателем земной жизни в ее органическом и неорганическом плане. Следует думать, что в течение очень долгого времени развития живой материи энергия далеких космических тел, таких, как звезды и туманности, оказала на эволюцию живого вещества огромное воздействие»¹. Но вместе с тем, излучения Солнца занимают важнейшее место в потоках космической энергетики, являясь главным жизнедателем для Земли, главным источником ее жизни. «Несомненно, – пишет Чижевский, – что главным возбудителем жизнедеятельности Земли является излучение Солнца, весь его спектр, начиная от коротких – невидимых, ультрафиолетовых волн и кончая длинными красными, а также все его электронные и ионные потоки <...> Великолепие полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль – все это проявление лучистой энергии Солнца. Наука уже знает, что жизнь на Земле обязана главным образом солнечному лучу. Но еще мало ученых, которые до конца поняли эту истину!»²

Именно в космических исследованиях, в изучении Солнца, более чем в каком-либо другом, смыкались знания, полученные метанаучным и научным способами. Соединялось духовное прозрение человека с его экспериментальной деятельностью в области эмпирической науки. Для Чижевского этот процесс являлся одной из главных особенностей формирующейся новой системы познания. Новое космическое мировоззрение, утверждал он, заставило науку «предпринять новые исследования в области изучения вопроса о непосредственном влиянии энергетических излучений Космоса на наш организм и отдельные его части»³. Но этого мало. Энергетическое учение, основателем которого стал Чижевский, было тесно связано с новым космическим мышлением и открывало для различного рода исследований широкие горизонты. Именно солнечные и космические излучения являлись «главнейшими источниками энергии, оживляющей поверхностные слои земного шара»⁴.

Взаимодействие энергетики Космоса и Земли определяло особенности существования живой материи и ее форм. «Вселенная находится

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 33.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же.

в динамическом равновесии, и приток тех или иных энергетических факторов совершается постоянно: одни постепенно увеличиваются или уменьшаются в своем количестве, другие испытывают периодические или аperiodические вибрации. Земная органическая жизнь испытывает на себе все эти изменения в энергетических функциях космической среды, так как живое существо по своим физиологическим свойствам является наиболее чувствительным резонатором»¹. И еще: «Жизнь же, как мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет»².

Во многих формулировках Чижевского были удивительные догадки, предвидения новых открытий в пространстве космических исследований. Космическое сердце, взвездная сила, стоящая за солнечными ритмами, и иные моменты свидетельствовали о новых направлениях в изучении Космоса и проникновении в тайны его энергетического строения. Он изучал энергетические циклы космических процессов и находил их отзвуки в земных явлениях. Он изображал их кривыми различных графиков, и они напоминали ему вздымающиеся и падающие волны безбрежного океана, в котором Земля была лишь крошечным островком. Это были энергетические волны Мироздания, бесконечные, безвременные, но подчиненные своим циклам, своим законам, своим взаимодействиям с бесчисленными космическими телами. И среди них наша Земля. «...Наибольшее влияние, – пишет Чижевский, – на физическую и органическую жизнь Земли оказывают радиации, направляющиеся к Земле со всех сторон Вселенной. Они связывают наружные части Земли непосредственно с космической средой, роднят ее с нею, постоянно взаимодействуют с нею, а потому и наружный лик Земли, и жизнь, наполняющая его, являются результатом творческого воздействия космических сил. А потому и строение земной оболочки, ее физико-химия и биосфера являются проявлением строения и механики Вселенной, а не случайной игрой местных сил. Наука бесконечно широко раздвигает границы нашего непосредственного восприятия природы и нашего мироощущения. Не Земля, а космические просторы становятся нашей родиной, и мы начинаем

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 32.

² Там же. С. 33.

ощущать во всем ее подлинном величии значительность для всего земного бытия и перемещения отдаленных небесных тел, и движения их посланников – радиаций...

Эти радиации представляют собой, прежде всего, электромагнитные колебания различной длины волн и производят световые, тепловые и химические действия. Проникая в среду Земли, они заставляют трепетать им в унисон каждый ее атом, на каждом шагу они вызывают движение материи и наполняют стихийной жизнью воздушный океан, моря и суши. Встречая жизнь, они отдают ей свою энергию, чем поддерживают и укрепляют ее в борьбе с силами неживой природы. Органическая жизнь только там и возможна, где имеется свободный доступ космической радиации, ибо жить – это значит пропускать сквозь себя поток космической энергии в кинетической ее форме»¹.

Он представлял себе жизнь Вселенной как грандиозную энергетическую систему, в таинственных глубинах которой все время происходит энергетический обмен между различными ее структурами. Энергетическое взаимодействие поддерживает ее единство и ее электромагнитную жизнь. Космические излучения, несущие на Землю энергетику из невообразимых глубин Космоса, взаимодействуют с энергией Земли и тем самым продвигают идущие в Космосе процессы самого различного характера и самых различных особенностей. У Земли своя роль в этом энергетическом океане ближнего и дальнего Космоса. «...Подавляющее большинство, – отмечает Чижевский, – физико-химических процессов, разыгрывающихся на Земле, представляют собой результат воздействия космических сил, которые всецело обуславливают жизненные процессы в биосфере. Поэтому последнюю совершенно необходимо признать местом трансформации космической энергии»². Последнее заключение Чижевского о Земле как месте «трансформации космической энергии» является важнейшим положением в новом космическом мышлении и носит, безусловно, методологический характер в системе его познания.

В своих работах Чижевский научно доказал, что никакое земное событие, явление или процесс не могут быть подлинно исследованы без учета особенностей самого космического пространства, которое, подобно бушующему энергетическому океану, окружает остров под названием Земля. Его волны набегают на берега этого острова,

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 26.

² Там же. С. 27.

оставляют свою энергетику и несут обратно в безбрежность этого океана земную энергетику, которая, как ни странно, также влияет на динамику космического океана. И Земля, и Космос представляют собой единое целое, обуславливающее функционирование Мироздания соответственно законам, в нем действующим. Ни у Земли не может быть своей отдельной от Космоса эволюции, ни у самого Космоса – эволюции, не связанной с Землей и другими небесными телами. «Наше научное мировоззрение, – писал Чижевский, – еще очень далеко от истинного представления о значении для органического царства космических излучений, которые, кстати сказать, лишь частично изучены нами. Быть может, они и определяют в известных пределах эволюцию органического мира <...> Органическая жизнь возникла и развивалась под их влиянием, и каждая клетка охвачена и проникнута радиациями, идущими из космических бездн»¹. Чтобы все это понять, человеку необходимо осознать, что Земля является таким же небесным или космическим телом, как и бесчисленное множество других небесных тел в просторах и глубинах Вселенной. Осознание этого обстоятельства составляет краеугольный камень нового космического мышления, начавшего формироваться на планете Земля в XX веке от Рождества Христова. Даже само ее летосчисление связано с космическим событием прихода на Землю Великого духовного Учителя. Чижевский явно ощущал отставание земного сознания от тех задач, которые поставила космическая эволюция перед планетой Земля и ее человечеством.

«Наука должна вступить, – решительно утверждал он, – на новый, не зависящий от предвзятых представлений путь исследования и вести бой с косными традициями во имя свободного изучения природы, приближающего нас к истине»². Сам он был одним из первых, кто вступил на этот тяжелый, но благородный путь во имя истины и самого человека. Его экспериментальные исследования были связаны с земной энергетикой и ее взаимодействием с космическими процессами. Новая наука – аэроионофикация, основателем которой он был, относилась именно к такому типу. Он проводил экспериментальные исследования над атмосферным электричеством и его биологическим влиянием на организм человека и животных. «Крысиная эпопея» в его восемнадцать лет была связана именно с этим. Он установил

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 27.

² Там же. С. 36.

благотворное влияние отрицательно заряженных ионов на живые организмы. И не только установил, но и создал ряд конструкций, которые увеличивали в воздухе количество отрицательно заряженных частиц. Он организовал специальную лабораторию, которая была закрыта стараниями его врагов и оппонентов. Но он упорно продолжал самостоятельно работать над этой проблемой. И опять его старания были оценены, в первую очередь, зарубежными учеными, а не советскими. «Создание внутри обитаемых помещений, – писал крупный французский физик А. д'Арсонваль, – нормального электрического режима наружного воздуха является величайшей гигиенической проблемой современности, обоснованием которой человечество обязано русскому ученому профессору Александру Чижевскому»¹. На родине Чижевского поддержал лишь его старый друг К.Э.Циолковский, который увидел в открытии Чижевского большие возможности для очищения воздуха в будущих космических кораблях. Чижевский вспоминает об этом разговоре: « – Вы ведь верите в возможность полета на Луну? А? – однажды в упор спросил он меня. – Каким воздухом будут дышать люди в космических кораблях? А? Я думаю об этом, – многозначительно заключил он. – И потому наши исследования необычайно сблизились одно с другим»².

Позже Чижевский сконструировал свою «люстру», которая, воздействуя на дыхание и мозг человека отрицательно заряженными частицами, дает удивительные результаты и улучшает здоровье и работоспособность человека.

Генеральный авиаконструктор О.К.Антонов писал Н.В.Чижевской: «В моем рабочем кабинете установлены в 1960 году ионизаторы Александра Леонидовича. С тех пор они регулярно включаются по утрам перед началом работы в течение уже 8 лет. В кабинете воздух всегда свежий, дышится легко. Трудно сказать, какой долей работоспособности и здоровья я обязан своему организму, а какой ионизации, но чувствую себя, несмотря на возраст (62 года), отлично, работоспособность высокая. Последние остатки фиброзно-кавернозного туберкулеза, которым я страдал с 1946 по 1958 г., исчезли практически без применения антибиотиков»³.

Некоторое время спустя Чижевский заинтересовался структурой, и не только структурой, но и энергетикой крови. Он рассматривал ее

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 131.

² Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 99.

³ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 169.

как электрическую систему, тесно связанную с электромагнитными факторами. «Система крови, – отметил он, – окутана силовыми линиями электрического поля, а между отдельными элементами действуют силы электростатического распора, предотвращающие их соприкосновение и слияние»¹. Энергию, которую нашел в крови, он назвал «электричеством жизни». Он исследовал кровь как целостную динамическую систему с помощью математических и физических методов. Занимаясь магнитными и электрическими силами крови, он заметил, что кровь, находящаяся вне организма, теряет свои электрические свойства. И поэтому введение в организм консервированной крови приводит практически к потере ею энергии, или электрических свойств. В таком случае «электричество жизни» превращается в нечто мертвое, не имеющее того результата, на который рассчитывали. Формулировка «электричество жизни» содержит в себе загадку энергии, которая действует в организме человека и играет огромную роль в его энергетической системе. Чижевский, можно сказать, «нащупал» эту важную энергию в человеке, но не успел установить ее свойства и взаимодействие с иными видами энергии. Он интуитивно ощутил уникальную особенность этой энергетики, текущей по жилам человека вместе с кровью, и ее, возможно, космический характер. Впоследствии эта энергия получит название психической энергии.

Находясь на верном пути своих исследований, он многого не успел завершить. Судьба отпустила ему малый срок для жизни и творчества. Но он сумел, несмотря ни на что, принять участие в переломе человеческого сознания и поторопить наступление эпохи космического мышления. И это было не так просто сделать в XX веке, веке кризисов, революций, войн и социальных бурь. Человечество было занято земными проблемами, а Космос, находящийся рядом, казался ему далеким, недостижимым и ненужным... К сожалению, значительная часть ученых думала так же.

«Но я выжил, – писал Чижевский, – я перенес все беды, все лишения, голод и холод бездны, в которую я был сброшен той эпохой. Позором легли на имена этих “дельцов” их деяния. Их честь в моих глазах утрачена навсегда... На их лбу поставлено клеймо, видимое всем! Многотерпеливая и многотрудная область человеческих исканий – наука! Бесконечных жертв требуешь ты от человека, беспрерывных лишений и ужасов! Нет предела твоей силе, но нет предела

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 253.

и твоей жестокости! Ты даешь людям несметные богатства, но и подчиняешь их, как рабов, своей коварной власти. Ты бросаешь людей в темницы, на плаху, на костер, ты разлучаешь их с семьей, ты одеваешь твоих поборников в рубище и принуждаешь их к холоду и голоду во имя только одного слова или только одной буквы из твоего бесконечного тайного кода! И эту малость человек уже считает твоей великой милостью, за которую он готов отдать жизнь свою! Подобно огню Солнца, ты в конце концов сжигаешь человека в своих ослепительных лучах! И рядом с гекатомбами жертв твоей жестокости, которым ты все же открываешь свои маленькие тайны и взамен этих тайн берешь их жизнь, несметными полками идут те, которым ты ничего не говоришь, – это неудачники в жизни, счастливы, укрывшиеся в твоей роскошной тени. Своим сжигающим светом ты не убиваешь их, ты не выжигает их глаза, не околдовываешь их мозг. О, как хорошо, как спокойно живет им в твоей чудесной тени!.. Даже когда они совершают преступления против морали и честности, они умирают раньше, чем закон настигает и карает их!»¹

За этими горькими словами стоит человеческая трагедия великого ученого XX века, его страдания, его разочарования, гибельные моменты его жизни, трагедия человека, посмеявшегося, вопреки большинству, пойти новым путем в науке и имевшего мужество на этом еще неизведанном пути твердо отстаивать свои взгляды и свои идеи. И казалось, что в нем одном как бы сконцентрировались судьбы всех тех, кто нес человечеству новое знание, пробиваясь сквозь огонь церковных костров, идущих через пыточные камеры инквизиции, подвергнутых страшным казням и замученных и растерзанных невежественными толпами.

Как и следовало ожидать, на него в очередной раз донесли. Была война, и он находился в эвакуации в Челябинске. Время было трудное, тяжелое и суровое. И донос, как и надеялся доносчик, сработал. Чижевского арестовали в 1942 году, и по его делу было вынесено решение Особого Совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР от 20 марта 1943 г. «Чижевского Александра Леонидовича, – сказано в решении, – за антисоветскую агитацию – заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок от 22 января 1942 г., с конфискацией библиотеки»². У него было конфисковано са-

---

¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 490.

² Архив Музея истории космонавтики им. К.Э.Циолковского.

мое дорогое – библиотека. Можно спросить, зачем им понадобилась библиотека? Его палачи являлись особыми людьми, искушенными в пытках и издевательствах. Они умели бить по самому больному месту. У них не было ни жалости, ни милосердия. Их хорошо натаскали на человека, особенно на выдающегося. Вместе с библиотекой у него отняли рукописи его научных работ. Еще в 1919 году он написал большую работу об аэроионах. Издать ее так и не удалось. «Я гордился этой работой, – вспоминал он, – и очень любил каждую ее страницу. Так было до 1942 года, когда мой двадцатипятилетний труд объемом около 40 печатных листов погиб вместе с другими моими рукописями в количестве около ста папок научных материалов. Сожалею ли я об этом? И да и нет. В это время гибли миллионы человеческих жизней. Я – выжил, мой труд – исчез. Пусть будет так <...> Утратить навсегда рукопись любимого труда – это, может быть, в какой-то мере равносильно утрате любимого ребенка»¹. У Чижевского был очень трезвый взгляд на жизнь, он принимал ее такой, какая она есть, даже в самые трагические для него моменты. Он знал, кто на него донес, но никогда не пытался отомстить этому человеку. Ему были свойственны лучшие черты русской интеллигенции, помогавшие ему не только выжить, но и сохранить себя как личность и ученого.

Из челябинской тюрьмы в 1943 году его отправили в Ивдель – лагерь на Северном Урале, потом перевели под Москву, последние свои годы он провел под Карагандой в так называемом Карлаге. Лагерь занимал огромную территорию, по размерам почти равную Франции. Он тянулся от Акмолинска до озера Балхаш, весь охваченный колючей проволокой и сторожевыми вышками. Каждое утро десятки, если не сотни тысяч заключенных покидали свои холодные бараки и под конвоем направлялись к месту работ. Возвращали их уже затемно. Шла война, и заключенные жили впроголодь. Многие из них умирали. Чижевский полностью разделил с ними участь. Его бил кнутом конвоир, его сажали в карцер с уголовниками, которые жестоко его избивали, его водили на тяжелые работы, несмотря на то что он страдал астмой, он выносил издевательства и насмешки полуграмотных начальников и произвол конвоиров. Невыносимые условия усугубились еще одним обстоятельством: его жена через местную газету отказалась от него, как от «врага народа», и потребовала развода. Его здоровье было всем этим подорвано, а мучительные приступы астмы

---

¹ Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 259–260.

не давали ему спать по ночам. Его прошение на имя Генерального прокурора СССР об условно-досрочном освобождении из лагеря в связи с тяжелой болезнью было оставлено без удовлетворения. Испытания, выпавшие на долю Чижевского, могли сломить любого, но только не его. Он сопротивлялся тьме и злу как мог.

*Все приму от этой жизни страшной –
Все насилья, муки, скорби, зло,
День сегодняшний, как день вчерашний,
Скоротечной жизни помело.*

*Одного лишь принимать не стану –
За решеткою темницы – тьму,
И пока дышать не перестану,
Не приму неволи – не приму¹, –*

писал он из Карлага.

И это твердое – «Не приму неволи – не приму» – свидетельствовало о натуре мужественной и непреклонной. И то, что он в самых страшных условиях продолжал творить, говорило не только о поэтическом таланте, но и выдающихся человеческих качествах. Его стихи лучше, чем что-либо другое, дают представление о том, через что он прошел.

*Там – одиночество. Там – тундры и туманы,
Болота зыбкие и Солнца круглый ход,
И непосильный труд, и новые курганы,
И жизни неминуемый исход².*

Эти горькие строки он написал еще в Уральском лагере в Ивделе. В те же годы он создал и другое стихотворение, в котором высказал все, что думал о своих палачах.

*Не враг народа я, но враг убийц народа,
Чьи имена суть мрак пред именем свободы,
Чьи имена суть ночь пред светлым ликом дня,
О, могут ли они не обвинять меня?*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 65.

² Там же. С. 186.

*Пускай они грозят, безумствуют, ликуют,
Но гибельный конец уже тревожно чувт,
Затем, что будет час, когда иссякнет ночь
И Солнце филинов разгонит в дупла прочь.*

*Природой им даны глаза, что ночью темной
Обозревают стан своей орды наемной,
И адский замысел готовят в темноте,
И растлевают дух с мечтой о красоте¹.*

Стихотворение было пророческим и смелым.

В год освобождения из Карлага и начала его карагандинской ссылки он написал еще одно горькое и прекрасное стихотворение.

*Рок тяготеет над всем,
Мною свершенным в труде:
Мысли, картины, стихи,
Трезвой науки плоды –
Все исчезает, как дым,
Все превращается в прах,
Будто трудился не я,
Будто созданья мои
Снятся кому-то во сне
Вместе со мной – их творцом².*

Ощущение нереальности происходящего временами овладевало им, и он смотрел на все это как бы из другого измерения.

В заключении он писал не только стихи и рисовал по памяти свои удивительные пейзажи, наполненные светом далекого Космоса, но и сумел еще вести научную работу, плодом которой явилась не одна статья. И, как бы тяжело и трудно ему ни было, он продолжал исследования и по аэроионификации, и по созданию энергетической модели крови. Ему удавалось работать в лагерных клинических лабораториях, где он проводил свои эксперименты, а в карагандинской ссылке он сотрудничал в различных медицинских учреждениях. В любых условиях, в любых обстоятельствах он оставался ученым, художником, поэтом и философом. Эволюционная его запрограммированность

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 68.

² Там же. С. 67.

давала себя знать во всей своей силе. Каждое из этих занятий было его призванием, а не благоприобретенным ремеслом. Это отличало Чижевского от многих его коллег.

В Карлаге он познакомился с Ниной Вадимовной Энгельгардт, которая стала его женой. Впоследствии Нина Вадимовна сыграла важнейшую роль в собирании и сохранении научного и художественного наследия Александра Леонидовича. Она скрасила его одиночество в ссылке и всячески старалась наладить его бедный и мало уютный быт. Чижевские вернулись в Москву в 1958 году, когда в стране произошли большие перемены. За спиной остались 15 лет тюрем, лагерей и ссылки. Александр Леонидович был уже пожилым и тяжело больным человеком. Ему оставалось жить всего шесть лет. Он радовался, что такие науки, как генетика, кибернетика, космобиология, получили, наконец, заслуженное признание. Признание обрели и работы самого Чижевского, но уже после его смерти. В 1965 году Комиссия Академии наук СССР, рассматривавшая наследие Чижевского, назвала его «одним из основоположников ряда научных, ныне широко известных и признанных во всем мире направлений»¹.

Дж. Пиккарди, профессор химии Флорентийского университета, в 1965 году в своей статье, посвященной памяти Чижевского, писал: «Изучение связей между мировыми феноменами (геофизическими, солнечным, космическими и биологическими), в чем профессор А.Л.Чижевский был великим пионером, дает подтверждение нашим идеям в естественнонаучном и биологическом плане <...> Я написал все это с волнением и печалью, так как думаю о том, кто был одним из самых блестящих и самых великих пионеров в науке, кого я имел счастье встретить, благодаря нашей научной работе. Почтим же память его»².

В 1975 году Президиум Академии наук СССР и ряд ее отделений вынесли решение по исследованиям в области гелиобиологии, в котором отмечались выдающиеся заслуги Чижевского и то, что он первый высказал «идею о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере от космических факторов»³.

Несмотря на все важные бумаги и умные статьи космистов-ученых и философов, спор с Чижевским его оппонентов продолжается. Но значение великого ученого с годами обретает все большее значение.

---

¹ Цит. по: Сборник избранных трудов научных молодежных чтений памяти А.Л.Чижевского. Калуга, 1996. С. 135.

² Цит. по: Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. С. 257–258.

³ Там же. С. 130.

В 1943 году в челябинской тюрьме Чижевский написал стихотворение, в котором подвел итог не только своей жизни, но и жизни всех тех, кто, обогнав свое время, жил свободно и плодотворно, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

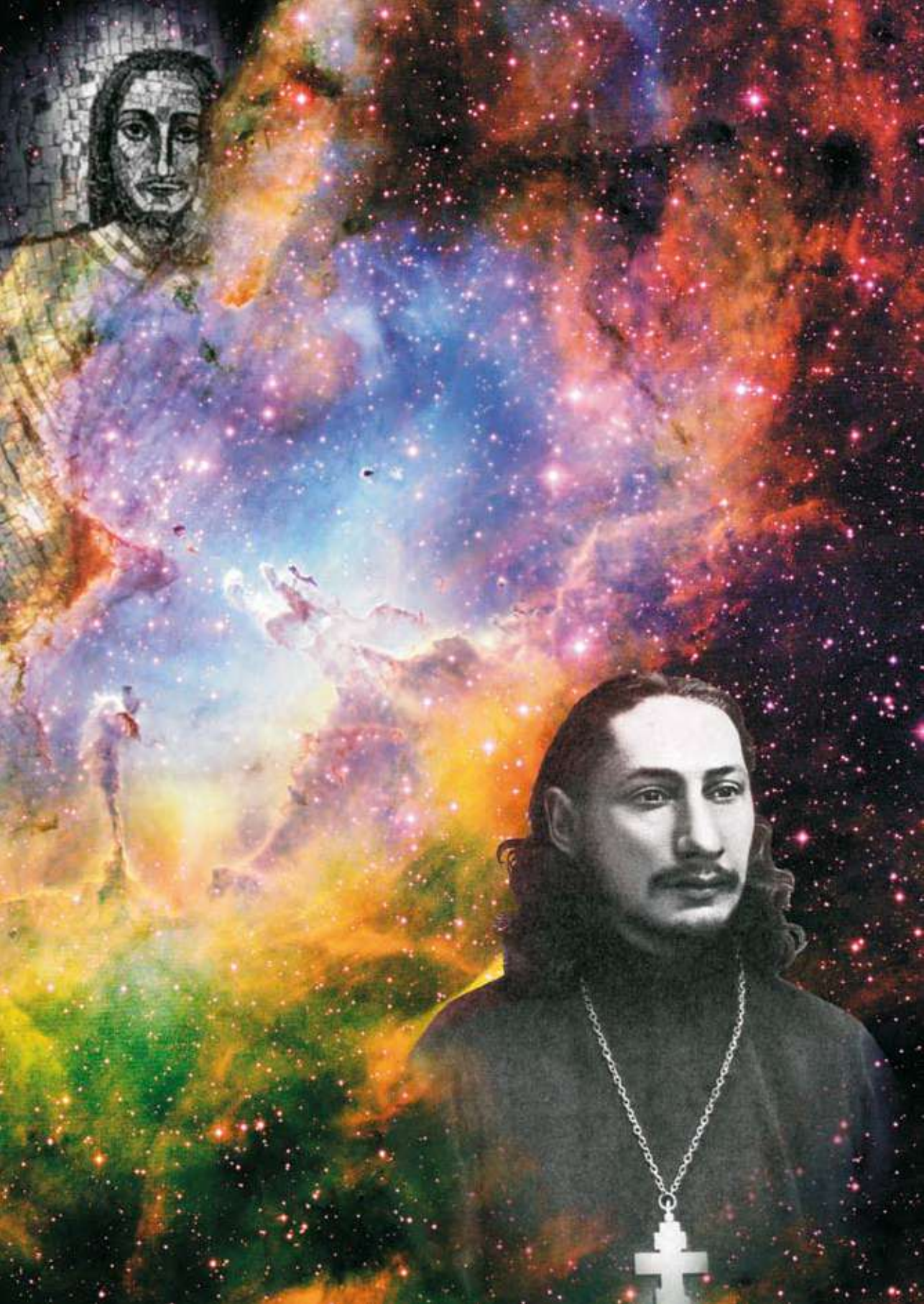
*Жить гению в цепях не надлежит,
Великое равняется свободе
И движется вне граней и орбит,
Не подчиняясь людям, ни природе.*

*Великое без Солнца не цветет:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь из груди бьет
Мыслителей, художников, пророков.*

*Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себе вместить,
Он, сын Земли, причастный к силе Феба¹.*

---

¹ Чижевский А.Л. Поэзия. С. 178.

4. «О, ВЕЩАЯ ДУША МОЯ!»

Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку, обрекших его хуже, чем на казнь, но на долготетнее мучительное изгнание и медленное умирание <...> Мне суждено здесь, в чуждой земле, ныне свидетельствовать перед не знавшими его о величии и красоте его духовного образа <...> Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Нужно слово, или кисть, или резец великого мастера, чтобы о нем миру поведать. При этом он сам не только родился таким, но был и собственным произведением духовного художества, для чего ему была присуща вся тонкость духовного и художественного вкуса. Черты его внешнего лика запечатлены на известном нестеровском портрете: благодатная тихость и просветленность, образ как бы некоего небожителя, который, однако, был сыном и земли, ее тягости изведал и преодолел.

С.Н.Булгаков

*О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

*Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...*

*Пушкай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

Ф.И.Тютчев

Флоренский – выдающееся и уникальное явление в истории отечественной, да, пожалуй, и мировой культуры. Фактически он сам был вочеловечившейся квинтэссенцией культуры, ее воплотившимся духом в период ее острейшего кризиса. Многое из того, что было создано средиземноморской культурой за последние 2,5–3 тысячи лет, с удивительной силой выражения было сконцентрировано в этой личности в некоей гармонической целостности.

В.В.Бычков

Отец Павел Флоренский оставил выдающиеся труды в самых различных областях: в философии, истории и теории искусства, теории языка, математике, технике. В его трудах широко охвачены многие теоретические проблемы, сама постановка которых намного опередила его время. Уже в начале нашего века отец Павел Флоренский пришел к идеям, которые позднее стали основополагающими в кибернетике, теории искусства, семиотике (понятие Логоса – энтропии, теория символа), и прежде всего – в богословии.

Иеродиакон Андроник

«Начальнику строительства БАМЛАГ ОГПУ

Февраль 1934 г.

Ст. Сковородино

Вся моя жизнь была посвящена научной и философской работе, причем я никогда не знал ни отдыха, ни развлечений, ни удовольствий. На это служение человечеству шли не только все время и все силы, но и большая часть моего небольшого заработка – покупка книг, фотографирование, переписка и т.д. В результате, достигнув возраста 52 лет, я собрал материалы, которые подлежат обработке и должны были дать ценные результаты, т.к. моя библиотека была не просто собранием книг, а подбором к предстоящим темам, уже обдуманном. Можно сказать, что сочинения были уже наполовину готовы, но хранились в виде книжных сводок, ключ к которым известен мне одному. Кроме того, мною были подобраны рисунки, фотографии и большое количество выписок.

Но труд всей жизни в настоящее время пропал, так как все мои книги, материалы, черновые и более или менее обработанные рукописи взяты по распоряжению ОГПУ. При этом взяты книги не только мои личные, но и книги моих сыновей, занимающихся в научных институтах, и даже детские книги, не исключая учебных пособий.

При осуждении моем, бывшем 26 июня 1933 г., ППОГПУ Московской области конфискации имущества не было, и поэтому изъятие моих книг и результатов моих научных и философских работ, последовавшее около месяца тому назад, было для меня тяжелым ударом, лишавшим меня каких бы то ни было надежд на будущее и приводящим к полному безразличию в работе. С таким духовным состоянием я не смогу быть не только энтузиастом, но и просто энергичным

работником, потому что уничтожение результатов работы моей жизни для меня гораздо хуже физической смерти. Сюда присоединяется еще угнетающее сознание о страданиях моей семьи.

Мера наказания, примененная ко мне, карает мою семью, в отношении меня никак не может считаться ведущей к использованию меня как работника строительства и уничтожает тот вклад, который я мог бы сделать в культуру. Прошу Вашего ходатайства о возвращении жене моей Анне Михайловне Флоренской (Загорск, Моск. обл., Пионерская, 19) книг, рукописных материалов и прочих, взятых в квартире в Загорске и во временной квартире при Всесоюзном Электротехническом институте (Москва, Лефортово, Проломный проезд, д. 43, корп. III, кв. 12).

П.А.Флоренский»¹

В истории нередко возникают таинственные и не всегда объяснимые соответствия. Около двух тысяч лет назад, совсем в другой стране, на заре христианства было написано другое письмо. Автором его был Апостол Павел. Письмо было адресовано его ученику Тимофею: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего <...> Итак не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием (Христовым) силою Бога <...> Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел»². И среди различного рода советов, полученных и предостережений, даваемых ученику, возникает один важный сюжет. «Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало <...> Постарайся придти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные <...> Постарайся придти до зимы»³. Этим, собственно, и завершается второе

---

¹ Оноприенко В.И. Флоренские. М., 2000. С. 240–241.

² Новый завет. Второе послание к Тимофею святого Апостола Павла, 1:1–2; 1:8; 1:15–16.

³ Там же. 4:5–6; 4:9–13; 4:21.

и последнее послание Апостола своему ученику. Несмотря на разницу во времени и пространстве, а также в исторических эпохах, в которых жили оба автора писаний, есть много похожего в судьбе того и другого. Эта удивительная похожесть свидетельствует о каких-то таинственных узах, связывающих двух человек, – Апостола Павла и отца Павла. Оба письма были написаны в заточении, куда каждый из них попал по одной и той же причине – решительное несогласие отказаться от своей веры. Для Апостола Павла, или посланника Христа, это ни в коей мере не было возможным по духовно-культурной сути его, для отца Павла – по миссии, связанной с церковной жизнью XX века. Один начинал строить эту церковь, другой стремился избавить ее от искажений и недостойных ее наростов, образовавшихся за многие века ее существования. Оба они – и Апостол первых лет христианства, и православный священник – сыграли свою значительную роль в духовно-культурной эволюции человечества. Оба письма – и Апостола Павла, и отца Павла – были получены теми, кому были адресованы.

«Последние пять лет земного пути П.А.Флоренского, – сказано в предисловии к одному из томов его сочинений, – священника, “не снявшего с себя сана”, – это мученический, крестный путь христианина, напоминающий крестный путь и деяния его Небесного Покровителя – Апостола Павла. Более четырех лет перед казнью Апостол провел в тюрьмах и пересылках, откуда направлял Послания, ставшие частью Священного Писания»¹.

Из дела № 2886 отца Павла Флоренского о контрреволюционной националистической фашистской организации: «Флоренский Павел Александрович, профессор богословия, служитель культа (поп), выходец из знатной дворянской семьи, по политубеждениям крайне правый монархист, автор печатных трудов по богословию, в которых откровенно выражены его монархические убеждения (“Защита божества”, “Столп и утверждение Истины” и т.д.). В 1928 г. арестовывался ОГПУ и осужден как активный участник церковно-монархической организации на 3 г. С 1928 научный работник ВЭИ. Идеолог и руководитель центра к.-р. (контрреволюционной. – Л.Ш.) организации, в прошлом состоял членом к.-р. “Платоновской организации”»². В процитированном из дела Флоренского фрагменте нет ни слова правды. Подобные «дела» фабриковались сначала тысячами, а потом миллионами.

---

¹ Олексенко А.И. «...И мои мысли пусть развиваются в вас...» // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 5 (предисловие).

² Там же.

Сочинялись они, как правило, безграмотными, но крайне усердными следователями. Не знаю, мастерились ли подобные «дела» блюстителями закона Римской империи против первых христиан или нет. Скорее всего – нет. Римляне предпочитали не писать, а действовать. В 58 году нашей эры Апостол Павел был схвачен, взят под стражу и переправлен в Кесарию. Там и начался срок его заключения. Его судили в Риме и предъявили ему обвинение в проповеди новой веры (христианства) и стойкой приверженности этой вере. Апостола обвинили в том, что он действительно делал, священника Флоренского в том, чего он никогда не делал. Однако результат был один и тот же: обоих казнили. Апостолу отрубили голову, православного священника после нескольких лет заключения расстреляли.

Оба они написали свои письма за несколько лет до казни, и оба беспокоились о книгах, где было заключено знание, которое надо было сохранить любой ценой. Они стремились уберечь ту нить преемственности в знаниях, независимо от того, каким способом оно было получено, которая шла из глубокой древности в XX век нашей эры. И, осмысливая произошедшее с Апостолом в начале нашей эры и со священником в преддверии третьего тысячелетия нашей эры, можно прийти к выводу, что посягательства невежества и тьмы на знания и новые мысли их носителей остаются прежними. В этих двух эпизодах, разделенных временем и пространством, отразилась одна из важнейших особенностей пути познания в нашем плотном мире. Мы можем сказать, что этот путь идет через самопожертвование идущих по нему, берегущих его и готовых заплатить любую цену, вплоть до жизни, за его бессмертие. Ибо путь этот есть одно из главных направлений космической эволюции человечества. И только те, кто осознавал значение этого пути познания, могли идти по нему и преодолевать его трагические и подчас смертельные трудности и препятствия. Мы поймем многое из этого пути, когда будет написана его история и имена безымянных подвижников станут нам известны. Ну а пока мы должны довольствоваться теми немногими, чьи имена и деяния мы приблизительно уже знаем. И в то же время помнить и ощущать присутствие тех, чьи лица скрыл капюшон тайны на долгом и опасном пути человеческого познания. Никто и никогда не сможет отрицать то, что Павел Александрович Флоренский был одним из них.

У каждого из таких были и есть свои современники, были они и у отца Павла. Они по-разному оценивали его. Одни ощущали его необычность и разницу между ним и окружавшими его людьми, другие

что-то подобное чувствовали, но не обращали на это внимания, третьи не видели в нем ничего необычного, четвертых он чем-то раздражал, и они не хотели его воспринимать. Этот список можно продолжить, но необходимости в этом нет, ибо слова, приведенные выше, вполне подтверждают одну истину – что гениев, святых и подвижников, живущих среди своих современников, не только не замечали, но и нередко стремились как бы убрать со своей дороги, а иногда и просто погубить. Чтобы не быть голословной, я приведу некоторые фрагменты высказываний и воспоминаний о Флоренском, которые мы находим у его современников. Все в нем было необычным, и облик тоже. Многие, знавшие его и дружившие с ним, отмечали, что в нем было что-то из глубокого прошлого, что-то от Востока, как будто он прошел в его пространстве длинный, неведомый другим путь.

«... Что-то необычное, несовременное, разумеется, – писал художник Л.Ф.Жегин, – было во всем облике Флоренского. Ходил он в своей рясе и камилавке, сгорбившись, опустив долу свои жгуче-черные глаза, как бы погруженный в какие-то неведомые глубины, – казалось, не XX век, а какой-нибудь XII или XIII глядит на вас»¹.

«Его (Флоренского. – Л.Ш.) ряса, – вспоминает С.И.Фудель, известный богослов и историк, – казалась на нем не рясой, а какой-то древневосточной одеждой. Все в нем воспринималось как возврат из интеллигентской абстракции в реальность давно забытого и радостного бытия»². С.Н.Булгаков, крупнейший русский философ и богослов, друживший с Флоренским, отмечает: «Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ <...> самое основное впечатление от о. Павла было [ощущение] силы <...> И этой силой была некая первозданность гениальной личности <...> при полной простоте, естественности и всяческом отсутствии внутренней и внешней позы <...> Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство <...> настоящее творчество о. Павла не суть даже книги <...> но он сам, вся его жизнь, которая ушла уже безвозвратно из этого века в будущий»³. «В его лице, – писал С.Н.Булгаков, – было нечто восточное и нерусское (мать его была армянка). Мне же духовно в нем виделся более всего древний эллин, а вместе еще и египтянин; обе духовные стихии он в себе но-

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. СПб., 1996. С. 163.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 393–395, 400.

сил, будучи их как бы живым откровением. В его облике, в профиле, в отражении лица, в губах и носе было нечто от образов Леонардо да Винчи, что всегда поражало, но вместе и... [от] Гоголя»¹. И это удивительное замечание Булгакова, что он носил в себе древнего эллина и египтянина, «будучи их как бы живым откровением», свидетельствовало о некой тайне, жившей во внутреннем мире Флоренского и приоткрывавшейся только глубокому уму и провидческому сердцу. Как бы то ни было, эта тайна была связана с высочайшей духовностью, которую нес в себе о. Павел и которая как в зеркале отразилась в его облике и внешнем образе.

«...Я видел П.Флоренского один раз, – вспоминает философ И.Д.Левин. – В памяти осталось одухотворенное лицо, как бы сошедшее с древней иконы»².

С.А.Волков, учившийся у Флоренского в Московской Духовной академии и впоследствии ставший школьным учителем, удачно дополняет воспоминания тех, кто хорошо знал Флоренского. Он пишет об особом его взгляде. «Было нечто восточное во всем типе его лица, особенно в его “долгом” взгляде из-под припущенных век, который падал как-то искоса, скользил по собеседнику и словно уходил внутрь его»³. Иногда Волков называет взгляд Флоренского пронзительным. Он «взглядывал на меня пронзительным и долгим взором, словно пытаюсь заглянуть в самую глубину души. Было в этом взгляде нечто, идущее от древности, от иерофантов⁴ Элевсина и Египта»⁵. Особое впечатление производит описанный Волковым эпизод встречи с Флоренским, произошедший в Сергиевом Посаде, где последний в то время жил. «Это было зимой того же 1919 года. Я шел по Вифанской <...> улице, направляясь к железнодорожной линии. Уже наступила глубокая ночь. Мороз окутал инеем ветви деревьев, резко хрустел под ногами снег, а в небе, в бесконечных пространствах, сияла зимняя сиреневая луна.

Внезапно из-за угла Вальной улицы появилась фигура Флоренского в его обычной черной рясе. Очевидно, он возвращался домой от Олсуфьевых, у которых тогда часто бывал. Было что-то таинственное во всем его облике. Черные волосы, выбивавшиеся из-под скуфьи, сверкающие под луной стекла очков, за которыми не было видно глаз, большой, устремленный вперед, “гоголевский” нос, несколько скло-

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 394.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 146.

⁴ Иерофант – верховный жрец, «всезнающий», в древней Греции и Египте.

⁵ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 153.

ненная набок голова, а главное – черная длинная ряса с развевающимися полами и широкими рукавами – все это отчетливо выделялось на сверкающем синеватом снегу. Шагов Флоренского почти не было слышно в льдистой тишине, и казалось, что он не идет, а медленно летит среди оцепенело спящего мира.

В эту минуту я увидел не знакомого профессора, чьи лекции слушал с таким восторгом, а таинственного мага из древней страны Мицраим, улетающего в неведомую для нас даль...»¹

С.И.Фудель пишет не только о необычной внешности Флоренского, но и о той атмосфере или, точнее сказать, ауре, которая образовывалась вокруг него. «Я помню улицы и дома старого Сергиева Посада полстолетия тому назад. Фигуру тогдашнего о. Павла и особую тишину, которая была около него, тишину слушания вечности, обручения ей»². Большой интерес представляют и воспоминания Фуделя о своей первой встрече с Флоренским. Самому автору этих воспоминаний было лет 11–12. «Первый раз в жизни я увидел его еще до выхода его большой книги, но уже после принятия священства, наверно в 1911 или 1912 году. Отец, бравший меня в Оптину к монахам, взял и в Посад к Флоренскому. Он тогда жил еще на Штатной, за Лаврой. Смутно помню их разговор о какой-то евгенике, потом о Бердяеве. Я оживился, кажется, только за ужином, за которым, помню, было красное виноградное вино в стаканчиках, и в том, как оно подавалось, чувствовался какой-то ежедневный строгий обиход и что-то не от нашей истории. Керосиновая лампа освещала стол. После ужина о. Павел пошел провожать отца в Лаврскую гостиницу. Была зима, но ночь была не морозная. Мы шли по пустой улице, под горку, мимо маленьких посадских домиков на громадные и ясные контуры Лавры. Кругом были снега и тишина той, такой далекой теперь России, России детства. У моста, я помню, до меня дошли обрывки из разговора: сначала о темных силах, которые ворвутся в Россию (это было начало распутинского периода), а потом – о символике цветов на иконах Богоматери. Шесть-семь лет спустя, уже в 1918–1919 году, когда на Лавре сняли золотую Годуновскую ризу, чтобы открыть Рублевскую Троицу, и тихие краски божественного творения засияли миру огнями Невечернего света, света божественного Троиединства, – я вспомнил этот второй отрывок разговора о красках Благовещения как ночное предобручение, как напутствие радости на всю жизнь.

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С.160–161.

² Там же. С. 67.

“В непогоде тих” – была подпись под одной из виньеток-эпиграфов книги. Таким и остался он в моей памяти»¹.

А вот отрывок из воспоминаний художницы Лидии Ивановой: «Домик вроде избы, вокруг садик с густыми палисадниками. Сам Флоренский в рясе, небольшой, очень худой, с бородкой, с длинными, как полагается, волосами, имел вид благообразный, тихий, напряженный, ласковый. Дом внутри бедный и очень чистый, о чем заботилась скромная, смиренная его жена. Вокруг много маленьких детей <...> Мы долго сидели <...> Флоренский нам рассказывал, как он хотел быть монахом; как старец, его духовник, ему этого не позволил, а велел сделаться “белым священником” и жениться; как он встретил на мосту, по предсказанию духовника, свою суженую. Когда мы уходили, ему попались, не знаю как, рисунки, которые я набросала на полях какого-то листа. Он взглянул и попросил ему дать: что-то в них его заинтересовало. Он провожал нас»².

Упомянутый Лидией Ивановой старец Исидор вне всякого сомнения сыграл в жизни Флоренского важную роль. Исидор был не столько духовником Флоренского, сколько его Учителем. Его качества и способности явно выходили за рамки традиционного православного наставничества. В своей книге «Столп и утверждение Истины» Флоренский пишет: «В эти одинокие вечера ярко вспомнился мне покойный старец Исидор. Весь благодатный и благодатью прекрасный, он дал мне в жизни самое твердое, самое несомненное, самое чистое восприятие духовной личности»³. Это «чистое восприятие духовной личности» было важнейшим качеством в жизни Флоренского, определившего много и в его судьбе, и в его творчестве. Именно старец Исидор показал своему ученику на своем примере, что такое «восприятие духовной личности» существует. «Старец, – отмечал Флоренский, – не занимался богословием, потому что у него была духовная жизнь в Боге и духовное ведение Бога»⁴. «Духовная жизнь в Боге» означала для этих двух людей нечто несоизмеримо более важное, нежели информативные и теоретические рассуждения о Боге. «Духовная жизнь в Боге» представляла собой внутреннее состояние, при котором духовные процессы, идущие в человеке, осмысливались не словом, а действием и напрямую были связаны с энергетикой Высшего, определяющей путь

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 137–138.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 125.

развития самого человека. Флоренский очень точно и ясно охарактеризовал духовную суть своего наставника. Он любил старца той редкостной любовью, которая связывает ученика и Учителя. После ухода Исидора мелодия любви к нему еще долго продолжала звучать в сердце Флоренского, и ее отзвук мы слышим в первом письме, с которого начинается одно из важнейших произведений Флоренского «Столп и утверждение Истины», вышедшей в свет в 1914 году. Удивительный сплав любви и печали, вылившийся в высокое художество слова, раскрывает тайну истинной духовной любви.

«Мой кроткий, мой ясный!

Холодом, грустью и одиночеством дохнула на меня наша сводчатая комната, когда я в первый раз после поездки открыл дверь в нее. Теперь, – увы! – я вошел в нее уже один, без тебя! <...> По-прежнему выстроились на полках ряды материализованных мыслей <...> На дне глиняного горшочка по-прежнему горит елей, бросая сноп света вверх, на Нерукотворный Лик Спасителя. По-прежнему поздними вечерами шумит в деревьях за окном ветер. По-прежнему ободрительно стучат колотушки ночного сторожа, кричат грудными голосами паровозы. По-прежнему перекликаются под утро горластые петелы. По-прежнему около четырех часов утра благовестят на колокольне к заутрене. Дни и ночи сливаются для меня. Я как будто не знаю, где я и что со мною. Безмирное и безвременное водворилось под сводами, между узких стен нашей комнаты <...> Все по-прежнему... Но нет тебя со мною, и весь мир кажется запустелым. Я одинок, абсолютно одинок в целом свете. Но мое тоскливое одиночество сладко ноет в груди. Порою кажется, что я обратился в один из тех листов, которые кружатся ветром на дорожках <...> Скольких, скольких я потерял за эти последние годы. Один за другим, один за другим, как пожелтевшие листья, отпадают дорогие люди. В них осязал я душу, в них сверкал мне порою отблеск Неба. Кроме добра я ничего не имел от них. Но моя совесть мечется: “Что ты сделал для них?” Вот, нет их, и между ними и мною легла бездна. Один за другим, один за другим, как листья осени, кружатся над мгlistою пропастью те, с которыми навеки сжилось сердце. Падают, – и нет возврата, и нет уже возможности обнять ноги каждого из них. Уже не дано более облиться слезами и молить о прощении, – молить о прощении перед всем миром»¹. Я бы назвала то, что сейчас прозвучало, Реквиемом по Учителю. Но есть в нем одна особенность –

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. В 2 т. М., 1990. Т. 1(1). С. 9–11.

бездвременность и безмерность. Учитель не принадлежал конкретному времени, а тоскующий по Ушедшему не нес в себе признаков какого-либо пространства. Он как бы закрепил в этих строчках вечность, которая жила в нем и во всех своих обличьях была замечена теми, кто его знал. Главной чертой его характера, полагаю, была любовь не только к Учителю, но и к людям, его окружавшим. «У него масса нежности, привязчивости, любви, – пишет его близкий друг священник А.В.Ельчанинов. – Я никогда не видел, чтобы он охладевал к людям первый, чтобы он тяготился близким человеком, искал перемены, свободы. Если он полюбит кого-нибудь, то все отдаст для этой дружбы, он хочет вовлечь своего друга во все подробности своей жизни, и в его жизнь и интересы входит всей душой; он оставит свои дела, своих знакомых, срочные занятия, если его время нужно (или ему кажется, что нужно) другу»¹. «К нему все тянулись, – отмечал С.И.Фудель, – как к новому Леонардо да Винчи, окружали его кольцом, ловили каждое его слово, “его имя – как писал один современник – стало легендарным”, и мало было людей, кто любил и жалел его»². Высокая любовь редко бывает взаимной. Флоренский ощутил на себе и перенес все превратности людской любви, или того, что они так называли. Он не переставал их любить, жалеть, дружить с ними и помогать им.

Именно присутствие в нем этой высокой и неизбывной любви помогало ему в его творчестве и во всех умениях, которые в нем проявлялись. Он был талантливым, если не гениальным педагогом. В основе этой одаренности его лежала все та же вселенская любовь. Он был профессором и читал лекции в некоторых учебных заведениях.

Во время его лекций аудитории обычно были переполнены. «Движения Флоренского скованны, – вспоминает С.А.Волков, – фигура несколько наклонена, голос звучит глухо, и слова падают отрывисто. Вопреки ожиданию, в нем не было ни величественности позы и жестов, ни витийной плавности фраз. Речь лилась как бы изнутри, не монотонно, но и без риторических ухищрений и декламационного пафоса, не стремясь к красоте стиля, но будучи прекрасной по своему органическому единству.

Было некое магическое обаяние в его речи. Безо всякой усталости ее можно было слушать часами. Несмотря на глуховатый тон голоса, он живописал словами, вызывая соответствующие музыкальные отзвуки в душе слушателя, завораживающие всего его целиком. В течение двух

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 37.

² Там же. С. 52.

академических часов и я сам, и остальные сидели буквально не шевелясь, отдаваясь потоку мыслей, возникающим ассоциациям и настроениям. И только потом, когда Флоренский кончил говорить и как-то внезапно исчез из-за столика, когда загудела аудитория, вставая, разминаясь, и потекла к выходу, я почувствовал, как у меня затекло и закаменело от неподвижности тело. До этого момента я его не ощущал. На лекциях Флоренского у меня как бы не было тела – оставался только дух, и он ревностно следил за течением мысли лектора»¹. И еще: «Сила лекций Флоренского <...> была поразительной. Он не только живописал. Он очаровывал, подобно Орфею, магически овладевал душой слушателя, превращая ее в воск или глину, из которой затем лепил свои создания»². Сюда еще можно добавить, что Флоренский не был только узким специалистом в области богословия. В нем синтетически слились многие знания – и те, которые существовали в духовном пространстве человеческого познания, и те, которые находились в эмпирическом пространстве современной науки. Подобный синтез помогал Флоренскому исследовать со многих сторон проблемы различных способов познания, объединяя их в одно цельное знание. «Самое убедительное в нем, – писал С.И.Фудель, – было то, что всю эту необъятность (самые разные знания и умения. – Л.Ш.) он нес – точно религиозное послушание – в тишине совершенной и цельности и скромности. Портрет Нестерова (“двух философов”) передает что-то из его углубленной тихости, из его погруженности в “видение эпохи” (так называл этот портрет С.Н.Булгаков)»³. Второй философ на этой картине Нестерова – Булгаков, который передал нам многое о Флоренском как человеке широкой энциклопедичности и многих областей знания, в которых он достаточно хорошо ориентировался. «В научном облике о. Павла, – отмечал этот выдающийся философ Серебряного века России, – всегда поражало полное овладение предметом, чуждое всякого дилетантизма, а по широте своих научных интересов он является редким и исключительным полигистром, всю меру которого даже невозможно определить за отсутствием у нас полных для этого данных. Здесь он более всего напоминает титанические образы Возрождения: Леонардо да Винчи и др., может быть, еще Паскаля, а из русских же больше всего В.В.Болотова. Я знал в нем математика и физика, богослова и филолога, философа, историка религий, поэта, знатока и ценителя искусства и глубокого мистика <...>

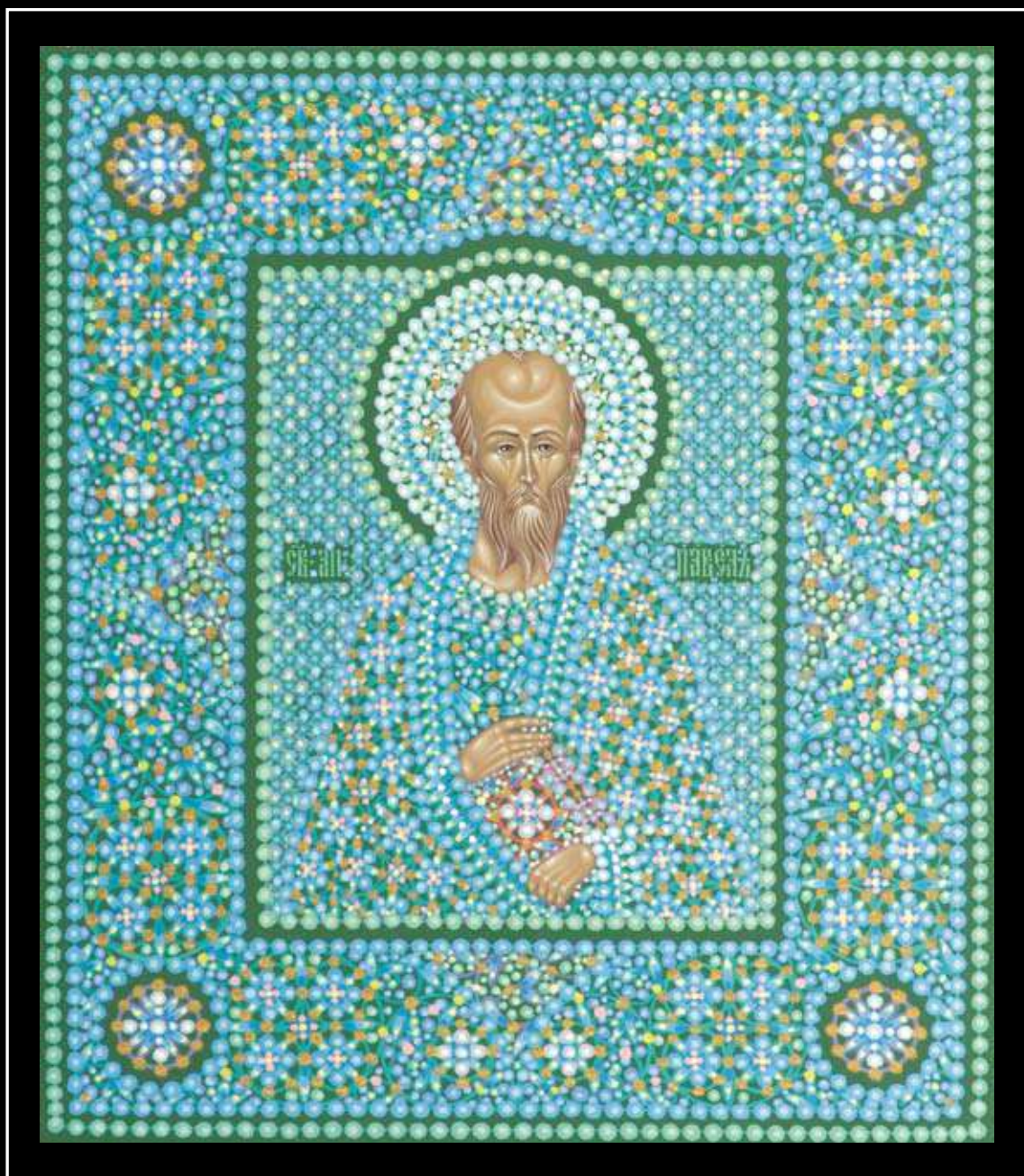
---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 146–147.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 56.

Ю.Э.Кузнецов. Апостол Павел. 2004 г.

Семья инженера Александра Ивановича Флоренского. 1900 г.

А. Платонова

Сергиевскій пос.

*Павел Александрович Флоренский с женой Анной Михайловной
и сыном Василием. 1915 г.*

М.В.Нестеров. Философы (П.А.Флоренский и С.Н.Булгаков). 1917 г.

П.А.Флоренский (слева). 1934 г. ГУЛАГ. Сквордино

Действительно по 31 марта 1934 г.

ЗАДАЧА - ЗАДАЧА И НЕПРЯМАЯ
ПРОБЛЕМА ИЛИ ОГУ

12. Марта 1934 г.

№ 2-12-3

С. С. Соловьев

Удостоверение.

Предъявитель сего ⁵чл. Флоренский П. А. состоит в должности грунтоведа ВМС. Настоящее удостоверение действительно при разездах Флоренского по делам службы в пределах ст. ст. Магдогачи - Тахтамылда, что и удостоверяется

Директор Словенский Оп. Мун-
адрес: станция БМААГ № ОГУ

Директор производства

Служебное удостоверение заключенного П.А.Флоренского

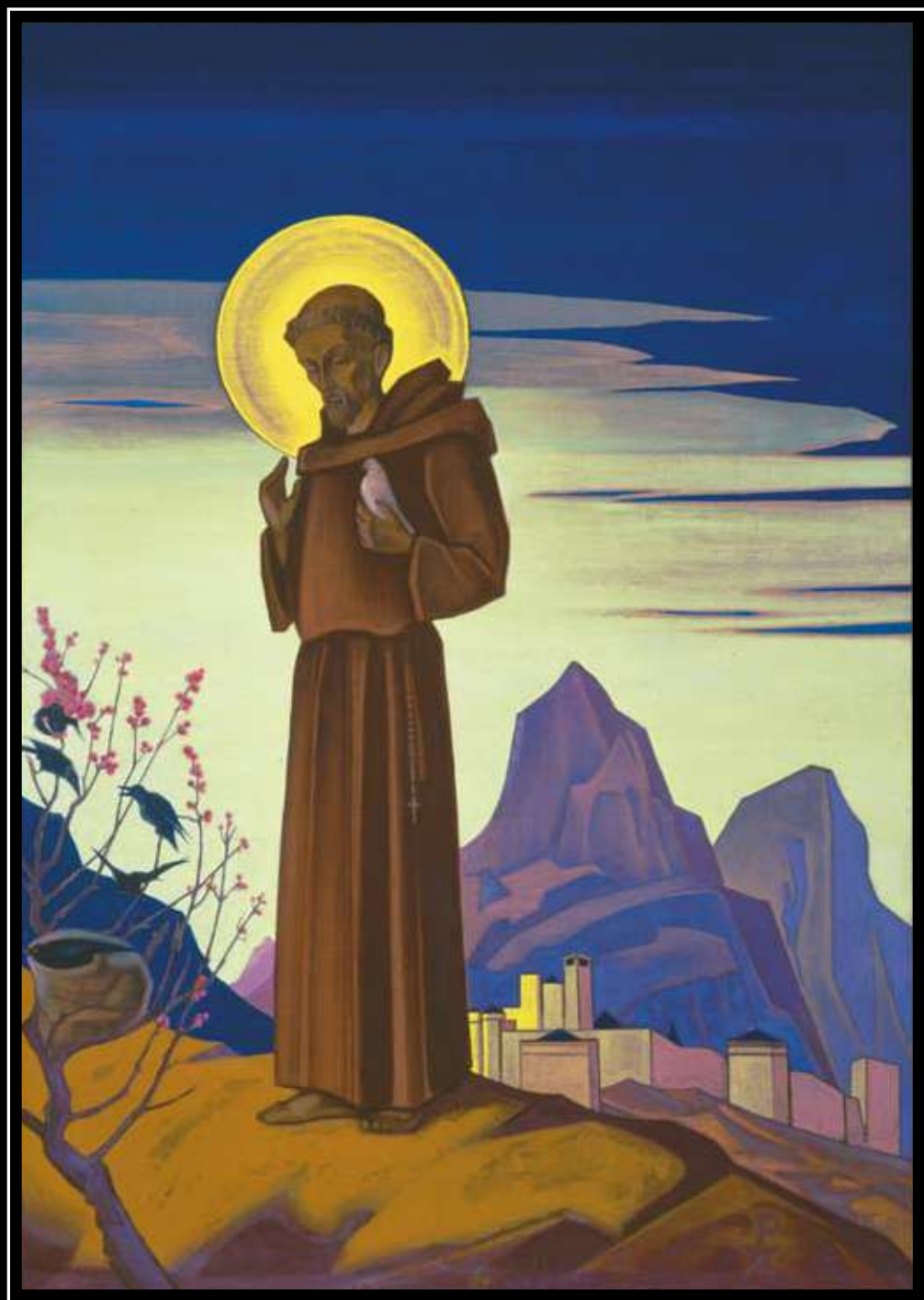

*Неизвестный художник из заключенных.
П.А.Флоренский в Соловецком лагере. 1930-е гг.*

Италия, Ассизи. Базилика св. Франциска

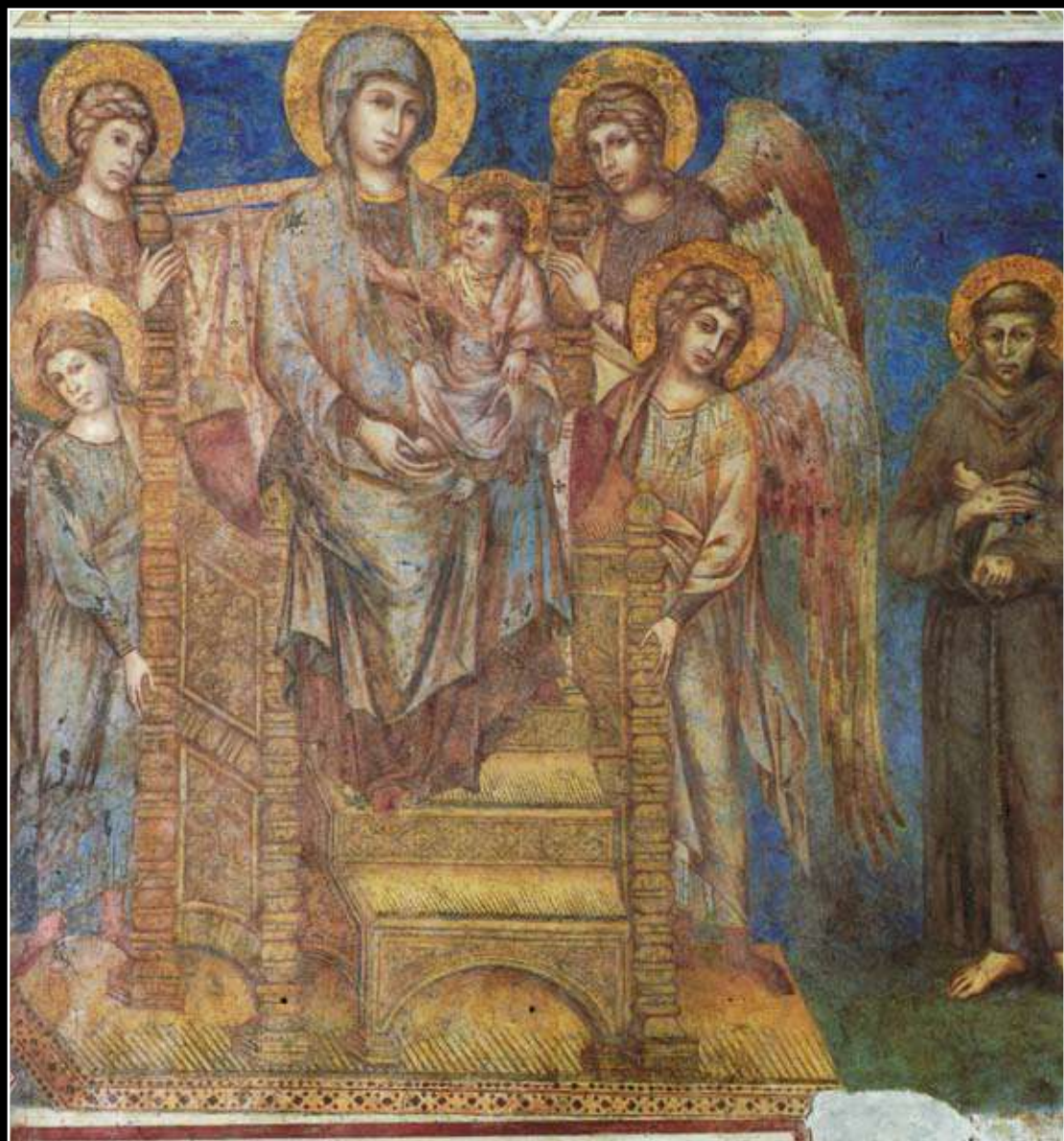

Н.К.Рерих. Св. Франциск. 1931 (32) г.

Базлика св. Франциска. Нижний храм

*Чимабуэ (ок. 1240 – ок. 1302). Мадонна в окружении ангелов и св. Франциск.
Базлика св. Франциска. Нижний храм*

Св. Франциск с птицами. Базилика св. Франциска. Нижний храм

*Джотто (1266(67)–1337). Св. Франциск с птицами.
Базилика св. Франциска. Верхний храм*

Джотто. Поклонение волхвов. Базилика св. Франциска. Верхний храм

Н.К.Рерих. Дела человеческие. 1914 г.

Последние годы перед ссылкой о. Павел читал в Москве лекции по электричеству и теории перспективы. Говорят, что даже во время ссылки в Соловках он, со своей всепожирающей пытливостью ума, изучал морские водоросли <...> И все это богатство даров и, очевидно, достижений сокрыто, а может быть, и погребено варварством, духовным нашествием гуннов на русскую землю, раздавлено чугунным прессом “советской власти” вместе с миллионами человеческих жизней»¹, – горестно заключает Булгаков. «...В о. Павле, – справедливо утверждал Сергей Николаевич, – встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим, и это органическое соединение само по себе уже есть факт церковно-исторического значения»². И это последнее замечание Булгакова о соединении во Флоренском Афин и Иерусалима крайне важно и свидетельствует о широте самих синтетических процессов во внутренней жизни о. Павла и отсутствии в его взглядах узости и церковного сектантства, порой присущего российскому православию. Его суждения о церкви часто не совпадали с концепциями православных иерархов, и это обстоятельство создавало немало трудностей на пути священника Флоренского. Соединение Афин и Иерусалима в культуре одной личности, причем личности великой, привело к зарождению в церкви новых тенденций, связанных тесно с творчеством Флоренского. «Он был, – писал один из крупных философов Н.О. Лосский, – профессором перспективной живописи (во ВХУТЕМАСе); прекрасным музыкантом, пронизательным поклонником Баха и полифонической музыки, Бетховена и его современников, в совершенстве знавшим их произведения. Флоренский был полиглотом, в совершенстве владевшим латинским и древнегреческим и большинством современных европейских языков, а также языками Кавказа, Ирана и Индии...»³ В области многих знаний Флоренский был личностью уникальной и выдающейся. Глубокую и интересную характеристику дал Флоренскому И.Г. Исупов, один из известных исследователей его наследия: «Уже современникам стало ясно, что с Флоренским в русскую культуру пришел новый тип личности. Новизна определялась нетрадиционным устройством памяти и структурой внутреннего пространства ума Флоренского. В этом пространстве не было центра, как в Космосе, он везде. Философ мог начать разговор с чего угодно и чем угодно закончить <...> Речь может пойти о приро-

---

¹ П.А. Флоренский: Pro et contra. С. 395.

² Там же. С. 397.

³ Там же. С. 403.

де числа, а завершиться философско-антропологическими выводами <...> Таково свойство его недискретного философствования – входы и выходы не соотнесены симметрично, как тезис и итог, как вопрос и ответ. Проблема приводит автора не к выводу, а к новой проблеме, как миф об Эдипе ведет к мифу об Электре, а рассказ о технологии красок – к мистике цвета»¹. То, что отметил Исупов в особенностях мышления Флоренского, свидетельствует о том, что это мышление имело новый, синтетический характер и вся система знаний во «внутреннем уме» Флоренского представляла собой цельную и единую систему. В нем как бы была уже готова почва для создания новой синтетической теории познания, которая начала складываться в конце XIX – начале XX века параллельно с новым космическим мышлением. Флоренский был одним из тех, через которого космическая эволюция, если можно так сказать, проводила свой план формирования новой эпохи и нового человека. «Внутренний ум» Флоренского воспринимал равнозначно все знания, владея уже новой методологией познания, и мог донести эту методологию до других, при условии понимания этими другими сути самой проблемы. Структурные изменения «внутреннего ума» его и «нетрадиционное устройство» его памяти свидетельствовали о появлении нового человека, прошедшего через различное время и пространство. Его способности, его облик, его гениальность, которые были замечены современниками, подтверждают эту мысль. Пожалуй, в группе четверых выдающихся ученых, о которых написано в этом разделе, он был самым сложившимся для новой грядущей эпохи космической эволюции. Можно предположить, что именно это обстоятельство и привело его к ранней гибели, определенной теми силами, которые противостояли, противостоят и еще будут противостоять этой эволюции, мешая и замедляя путь человечества к вершинам совершенства и расширенного сознания. Он написал весьма примечательную работу, которая называлась – «Детям моим. Воспоминания прошлых дней». Она не была опубликована, да он, видимо, и не стремился к этому. Слишком много в этих «Воспоминаниях» было сокровенного о нем самом, которое он хотел передать своим детям, которых бесконечно любил. Он писал эту работу между 1916 и 1926 годами, в возрасте от 34 лет до 44-х. «Воспоминания», судя по всему, так и не были закончены. Трудно сказать, что помешало их закончить. Причин для этого было слишком много в его жизни. В разделе о раннем детстве и гимназических годах речь

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. СПб., 1994. С. 23–24.

идет о его внутренней жизни и не совсем обычных процессах, которые в ней происходили. Мы могли бы назвать их формированием Флоренского как личности. Но это было бы не совсем правильно. Флоренский был, вне всякого сомнения, человеком необычным, и все, что в нем происходило, носило печать этой необычности. Поэтому процесс, развивавшийся в нем в его детстве и отрочестве, был по своему содержанию уникальным. В нем происходило не сотворение, а проявление в плотной материи земного мира всего того, с чем он пришел в этот мир. И не сам пришел, а как бы был послан на нашу планету космической эволюцией, чью волю он должен был выполнить. Эта воля относилась к важнейшим событиям, которые происходили на Земле и были связаны с формированием нового мышления. С самого своего рождения он ощущал в плотном мире Земли нечто особенное, какую-то тайну, которую скрывала обиденная жизнь людей и существующие явления.

«...Все существо мое, – вспоминает Павел Александрович, – как только я почувствую это *особенное*, бывало, ринется навстречу ему, и тут уж ни уговоры, ни трудности, ни страх не способны были удержать меня, – если только мне нечто представилось как первоявление. *Желание*, расплавляющее пред собою все препятствия, как черный огонь гремучего газа, раз оно возникло, – должно было насытиться зрелищем первоявления. Услышишь, бывало, о чем-нибудь, в чем почуеться отверстой тайна бытия, или увидишь изображение – и сердце забьется так сильно, что, кажется, вот сейчас выскочит из груди, – забьется мучительно сильно; и тогда весь обращаешься в мучительно властное желание увидеть или услышать до конца, приникнуть к тайне и остаться так в сладостном, самозабвенном слиянии. Повторяю, это было не возгоревшееся любопытство, которое все же поверхностно, а стремление гораздо более глубокое и сильное, потрясение всего существа, плен и порыв в неведомое. И страшно, и сладко, и истомно – хочется. Мысль о тайне солнечным зайчиком, каким-то световым пятном застревает *в мозгу*; да, я нарочно говорю в мозгу, ибо это стремление по силе своей и непреодолимости захватывало весь организм как рефлекс физиологический.

Это была жажда знать, учиться познанием тайны, всецело слить себя с таинственно высвечивающими ноуменами»¹. И эти «таинственно высвечивающие ноумены» и были моментами невидимого мира, проявляющегося во внутреннем мире ребенка, влекущей тайной, на

---

¹ Флоренский П.А. Имена. М., 2000. С. 353–354.

которую отзывалось все его существо, как отзывается человеческий слух на звучание струны, и, полностью этой тайной захваченный, он пытается разгадать ее...

Уже в раннем детстве Флоренский ощущал свои богатые накопления и свой долголетний опыт, которые, преодолевая все внешние препятствия, вели его по этой жизни, в мире плотной материи, которую он сначала ощущал, а затем начал осознавать. Будучи уже взрослым человеком, он точно и тонко определил свои детские переживания. «...То, что называют законами природы, – писал он, – мне всегда казалось личиной, взятой временно. Иные силы зиждут миром, и иные причины направляют течение ее жизни, нежели то [что] принимается наукою. Эти силы и эти причины порою приподымают взятую на себя маску и выглядывают из щелей научного миропорядка. Иногда природа проговаривается и, вместо надоевших ей самой заученных слов, скажет иное что-нибудь, острое и пронзительное слово, дразня и вызывая на исследование. Тут-то вот и подглядывай, тут-то и подслушивай мировую тайну. Лови этот момент, где есть отступление от обычного – там ищи признание природы о себе самой. И с раннейшего детства я был прикован умом к явлениям необычным. Когда взор направлен в эту сторону, то и в самом сочетании обычного (*если бы* поверить вообще в окончательную реальность обычного), в нем уже чувствуетя бесспорное вмешательство *необычного*, чего-то большего обычных свидетельств о себе самой природы»¹.

Знание внутреннее, метанаучное, и знание внешнее, научное, с ранних пор в размышлениях Флоренского стали приходить в противоречие. И в этом противоречии категория необычного и чудесного играла немаловажную роль. Он ее видел и ощущал всем тем опытом, который в нем уже существовал и действовал, стараясь найти свое место. В нем столкнулись два вида познания, его собственное духовное и внешнее эмпирическое. В них существовали свои законы, свои способы познания, отличавшие их друг от друга, и он интуитивно ощущал, что и тот и другой способы тесно связаны между собой, не могут быть отделены друг от друга. Но осмысление всего этого придет позже, а тогда в детстве у него возникали недетские проблемы. Мир внутренний был устойчивей, доказательней и более соответствовал его настрою, его восприятию. Он властно давал о себе знать, поворачивая все ощущения и наблюдения мальчика в нужную этому миру сторону, не давая

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 354.

сломать ту эволюционную программу, которую несла в себе эта необыкновенная личность. Его родители, наблюдая за ребенком и беспокоясь о его тонкой нервной организации, не читали ему сказок, стараясь воспитать в нем с малых лет научное мировоззрение, которого сами строго придерживались. Они убрали из его жизни все необычное, чудесное и так называемое сверхъестественное, не подозревая о том, что все это жило в мальчике как органическая часть его восприятия, мышления и переживаний. Родители утверждали, что все объяснимо и никаких тайн уже не осталось. В результате Флоренскому пришлось немало пережить от того духовного насилия, которое родители, люди образованные и интеллигентные, учинили над ним.

«И понятно, – вспоминал Флоренский, – слова его (отца. – Л.Ш.), вопреки основному складу моему, не проходили бесследно, внедряясь в сознание и производя свою работу. Над моим собственным миропониманием в духе магического идеализма образовывалась пленка, преграждавшая свободу дыхания; это была идея непрерывности, как существенно исключаящая чудесное, и она пыталась пронизать мой ум. В душу внедрялись понятия, ей чуждые, существу ее враждебные, и, утесняя ее, в то же время сами преобразовывались в чуждое, как мне думается, намерениям отца. Родители хотели меня уберечь от излишнего нервного подъема; но все эти Млечные Пути и туманные пятна, звездные годы, спектроскопы и телескопы, кольца Сатурна, спутники Юпитера и фазы Венеры, геологические периоды, бесконечно малое и бесконечно большое, бактерии и плезиозавры, коническое лучепреломление и северное сияние и т.д. и т.д. – волновали и возбуждали ум гораздо больше, чем естественные, общие человечеству и всем детям представления о русалках и леших, и притом противоестественно, нездоровым волнением, ибо отрывали меня от меня самого и направляли душевную жизнь в сторону, ей не свойственную. Факты и фикции науки были для меня гораздо менее естественны, чем мистическая фауна сказок»¹.

В семье Флоренских разыгралась драма, имеющая, как ни странно, прямое отношение и к развивающемуся новому мышлению человечества, и к новой системе познания. Центром этой драмы стал еще не достигший зрелого возраста Павел и его родители, а ее сутью – противопоставление двух способов познания: духовного, или метанаучного, и эмпирического, или научного.

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 358.

«В душевной жизни моей образовалась трещина, – писал Флоренский, – начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии повела к большому кризису <...>

Желая обезопасить меня от “мистики”, родители на деле работали в обратную сторону, не допуская меня в детстве воспринять все то, что огрубляет кожу души и лишает ее чрезмерной мистической чувствительности. Мой организм в отношении мистики не приобрел иммунитета. Не имея в этом смысле естественного, всенародного питания, я тем жаднее и тем страстней рвался сюда *своими* путями, сам открывая запретные мне представления, сам создавая свою мифологию и ревностно восстанавливая, сколько мог, мифологию народную по тем ее обломкам и намекам, которые несла с собою, того не подозревая, любая книга, самая речь и, наконец, – полусознательные обмолвки тех же родителей. Как ни уберегали меня от мистической фауны родители, я быстро своим умом добрался и до леших, и до русалок с домовыми, в особенности же до фей, гениев, эльфов и т.п. – существ изящных, легких и светлых <...> “Никогда, повторяю, эти сказки, – прочел Флоренский у Гофмана, – не оставили бы в нас такого глубокого следа, если бы в душе нашей не существовало самостоятельных, звучащих им в ответ в том же тоне струн. Отрицать существование странного, непонятого нам до сей поры особого мира явлений, поражающих иной раз наши уши, иной раз глаза, нет никакой возможности, и поверьте, что страх и ужас нашего земного организма только внешнее выражение тех страданий, которым подвергается живущий в нем дух под гнетом этих явлений” <...> Взор преимущественно обращался к существам очаровательным и благодетельным, к душам цветов, и птичек, и ручьев, к феям и эльфам, порхающим, как колибри, на свою и на мою радость. Мир, более тяжеловесный и грозный, тоже ощущался мною, но он стоял на заднем плане, изредка рокоча отдаленным громом, и лишь впоследствии выступил вперед: тогда начался период страхов и ужасов. Сказки – *вовсе* не оставили внешнего следа на моей душе, но самостоятельные и сказочные испарения подымались из душевных недр и оплотневали в образы, – подобные исконным образам народной веры. Тайне природы откликались струны души, и звук их, не имея готовых, облегчающих выход протоков в образах общечеловеческих, вырывался с тугою и болью, скопляясь, может быть, чрезмерно, ища выхода, ища облекающей ее формы. Эта потребность в мистике, эта жажда чудесного обращалась туда, где можно было надеяться на хотя бы кажущееся чудо <...> Все чудесно, все пронизано таинственными силами и их деятельностью,

только – в одном случае это более явно, в другом – не так»¹. В этих уникальных страницах мы находим интереснейшие размышления Флоренского о мире сказок, от которого он был отторгнут родителями, но потом нашел к нему свой, самостоятельный путь. Сказочный мир, в котором звучал иной мир с его чудесами и тайнами, возникает и понимается тогда, когда у него есть основа во внутренних накоплениях человека. У самого Флоренского эта основа была. Его детское наблюдение, что «сказочные испарения поднимались из душевных недр и оплотневали в образы, – подобные исконным образам народной веры» – чрезвычайно глубокое и несет в себе огромную духовно-научную проблему касаний и контактов с миром иного состояния материи. Если учесть, что все эти мысли и наблюдения были почерпнуты из его собственного опыта, то значительное отличие его внутреннего мира от подобного мира его современников становится ясным и неопровержимым. Его детские соприкосновения с миром тайны и чудес свидетельствовали также и о том, что он жил в большей мере именно в таком мире, оставляя мир внешний и плотный где-то на заднем плане своих наблюдений и переживаний. С годами чудесный и необычный мир, который жил в нем и в котором он жил, проявлялся все более и более, временами вытесняя из его сознания плотный мир земной материи. Стремление Флоренского к тайне или чему-то иномирному, пока еще не совсем уловимому, но сулящему в будущем чудесные открытия и небывалые переживания, все усиливалось и постепенно превращалось в один из важнейших моментов формирования его юношеского, а затем и взрослого мировоззрения. Его внутренний мир, обретавший для него более самостоятельное значение, побеждал мир внешний, и он чувствовал необходимость гармонии между тем и другим мирами. «Они (ощущения иного мира. – Л.Ш.), – писал Флоренский, – принимались мною с открытою душою и совсем доверчиво; скепсис, раздвоенность восприятия, дребезжащее ощущение бытия мне никогда не были свойственны. Мало того, они волновали меня и глубоко взрывали какие-то внутренние слои. Можно сказать, опыт этого рода утверждался в моем сознании, как нечто безусловно твердое и не встречающее себе никаких внутренних противодействий. Но... иной мир, хотя и в другом плане известный мне, мною никогда ведь не отвергался, и всегда было живо нечто гораздо более важное, чем мысль о нем: непосредственное ощущение его реальности. Иной мир в моем глубочайшем самоощущении всегда соприкасался со мною

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 359–361.

как подлинная и не внушающая ни малейшего сомнения действительность. Это ощущение касалось не только стихийных недр природы и всей ее жизни, духовного облика растений, скал и животных, но и человеческих душ, в частности – святых <...> Если бы кто-нибудь сказал мне тогда вместе с Бергсоном, что все бытие проходит чрез нас и нам поэтому дано в недрах, не доходящих, однако, до сознания, и сумел бы сказать все это не как научную теорию, а просто как свое самочувствие, то я живо откликнулся бы, ибо это именно и было моим самочувствием, притом самочувствием от рождения.

Так вот, было ощущение иного, чем только поверхность жизни. И, однако, это живое и основное мое ощущение в сознании, точнее, в связанном сознательно-научном миропонимании не принимало никакого участия, разве что отрицательного, как фермент. Опыт, бесспорно, подлинный и о подлинном, был сам по себе, а научная мысль, которой в каком-то душевном слое я просто не верил, – сама по себе. Это была характерная болезнь всей новой мысли, всего Возрождения; теперь, задним числом, я могу определить ее как разобщение человечности и научности. Бесчеловечная научная мысль – с одной стороны, безмысленная человечность – с другой. Пляшущая с торжеством смерти-победительницы на костях уничтоженного ею человека научная отвлеченность и забитый, прячущийся по углам человеческий дух. “Все новое время страдало именно этою раздвоенностью, сначала в надежде совсем изничтожить дух, а потом, когда выяснилась несостоятельность этих надежд, в тоске и унынии” – Амиэль.

Во мне эти две стихии столкнулись с особою силою, потому что возрожденская научность была не внешним придатком и не оперением, а второю натурою, и ее истинный смысл я понимал не потому, что научился от кого-то, а знал непосредственно, как свои собственные желания. Но этому пониманию противостоял не менее сильный опыт, возрожденские замыслы в *корне* их отрицающий. Вот почему именно во мне, когда возрожденство было форсировано и доведено до последнего напряжения, произошел и взрыв всех этих замыслов. Я был взращен и рос как вполне человек нового времени; и потому ощутил себя пределом и концом нового времени; последним (конечно, не хронологически) человеком нового времени и потому первым – наступающего средневековья»¹.

«Попросту говоря, – продолжает Флоренский, – миропонимание, которое получилось из упоминаемого взрыва, через десять, двадцать,

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 409–410.

тридцать лет станет само собой разумеющимся, и к нему будут приходить вовсе не в какой-то зависимости от *моих* размышлений, а сами собою, совершенно так же, как недавно еще своим умом доходили, что “Бога нет” и что “про неправду все написано, и вообще”¹. Здесь мы имеем дело с редчайшим описанием процесса, происходящего во внутреннем мире человека – формирования не только предпосылок к новому мышлению, но и новой системы познания. И процесс этот описан научно точно. Он начинался с ощущения Флоренским иного таинственного и необычного мира как «подлинной и не внушающей сомнения» действительности. Это привело его к определенному выводу, что опыт иного мира, существовавший в нем, и научное мировоззрение, которое он познавал сначала в гимназии, а затем в университете, вопреки логике существовали отдельно, ни в коей мере не соприкасаясь и не пересекаясь. Он определил это состояние внутреннего и внешнего знания, знания, находящегося в духовном пространстве человека, и знания, полученного экспериментальным, научным путем, как расхождение «человечности и науки». Он сумел, заглянув в собственные глубины, уловить главный недостаток современной науки – отсутствие «человечности», или связи с духовным полем человека, которое эмпирической наукой отрицалось и во многих моментах отрицается до сих пор. Это разобщение со временем росло и напрягалось и, наконец, привело к столкновению где-то в таинственных глубинах его собственного внутреннего мира, где действовали иные законы и, возможно, существовали иные измерения. Он назвал это столкновение взрывом, проникшим в его глубинные слои, разрушившим многие его представления, но и заложившим что-то новое в нем самом. Взрыв расчищал в нем дорогу к чему-то совершенно новому, как расчищает физический взрыв в горах путь к дальнейшему продвижению. И в нем, как бы вместе, сошлось новое и старое. Он ощутил себя последним человеком предшествующего времени, соприкасавшимся с уже уходящим мышлением, и первым человеком наступающей эпохи нового мышления. Энергетика космической эволюции как бы прошла через него и совершила действие для дальнейшего развития нового мышления, а он почувствовал всем своим существом эти таинственные и неожиданные силы, о которых он догадывался давно, но ощутил их впервые. То, что он раньше видел и слышал, теперь действовало в нем в определенном и, ему казалось, не зависящем от него направлении. Но этот взрыв

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 411.

принес ему, «последнему и первому человеку», довольно трудный и болезненный момент острого кризиса. «Произошел глубинный сдвиг воли, – отмечал Флоренский, – и с этого момента смысл умственной деятельности изменил знак. Началось разоблачение знания, сперва только научного, затем и вообще <...> “Истина недоступна” и “невозможно жить без истины” – эти два равно сильных убеждения раздирали душу и ввергали в душевную агонию»¹. Впоследствии он более определенно объяснил это состояние: «Это было томительное висение между знанием, которое есть, но не нужно, и знанием нужным, которого нет: ведь несказанные прикосновения к источнику истины не могли оцениваться как знание, и с ними, по их оторванности, делать было нечего»². Из всего этого вытекал логический вывод: необходимо опыт внутреннего мира или иного мира онаучить, то есть объяснить современным языком и превратить его в знание в традиционном и доступном понимании этого слова, с одной стороны, и одухотворить, или «очеловечить», эмпирическую науку, придав ей этим новую глубину в ее исследованиях и изменив ее теорию познания, найдя для нее новые подходы, сформировав в ней новую методологию. Иными словами, необходимо было взаимопроникновение духовного опыта и эмпирического знания, или духовного способа познания, который назывался вненаучным, и эмпирического, научного способа познания. Он понимал, что в нем после этого страшного взрыва и обломков, которые после него остались, начался процесс синтеза самой системы познания, которая должна была лечь в основу наступающего нового мышления. И только этот благодатный синтез мог расчистить дорогу к последующему познанию законов и тайн природы, наступление которого уже ощущал в себе «последний и первый» человек в лице великого Флоренского. И возможно, небольшая часть его иномирного опыта отражена в его стихотворении, которое он написал в 1905 году³.

НА МОТИВ ИЗ ПЛАТОНА

*Душа себя найти желает,
Томится по себе самой,
Тоскливо по себе вздыхает
И плачет в горести немой.*

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 435.

² Там же. С. 437.

³ Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917. М., 1993. С. 285.

*Дрожащий в тусклых очертаньях,
Пред ней витает мир идей,
И Эрос, – мощный чародей, –
Душой во сне или в мечтаньях*

*в какой-то миг овладевает.
Душа томится и рыдает,*

*И вот почудилось, что снова
Душа-близнец ей найдена.
Полет в Эфир свершать готова
на белых крыльях не одна,*

*Но сон проходит, и тоскливо
она взирает вокруг, стена,
И шепчет страстно-сиротливо:
«Найди меня, найди меня...»*

Павел Александрович Флоренский родился 9 января 1882 года на Кавказе, в Тифлисе (Тбилиси). Мать – армянка, принадлежала к знатному армянскому роду, была женщиной образованной и тонкой. Отец – русский, был инженером-путейцем, строившим железную дорогу в Закавказье. Человек высокого образования и широких взглядов, он интересовался многими областями знаний и искусства и собрал большую и интересную библиотеку. В самом раннем детстве Флоренский проявил явную склонность к поэзии и правильно оценил ее духовно-энергетическое значение, которое по сути своей совпадало с блоковской оценкой¹, но сделано Флоренским вполне самостоятельно. «Сравнительно в меньшей степени, – вспоминал он, – меня занимал смысл стихов, а преимущественно влекло их звучание и их ритмика. Обладая почти абсолютной памятью, все привлекательное для меня я запоминал с одного раза в точности; в особенности это относилось к стихам. Пушкин, отчасти Лермонтов – только их я признавал в раннем детстве, остальное же не доходило до моего слуха»².

В гимназии у него обнаружили способности ко многим предметам – естественным, точным, не говоря уже о гуманитарных, и языкам. Со своим гимназическим товарищем А.Ельчаниновым он

---

¹ См. статью А.Блока «О назначении поэта».

² Флоренский П.А. Имена. С. 279–280.

устроил у себя дома «научный кабинет» с геологическими и ботаническими коллекциями. Отец поощрял подобные научные занятия сына. После окончания гимназии Флоренский поступил на физико-математический факультет Московского университета. Но одна или две специальности его интеллектуальные потребности не удовлетворяли, и он слушал еще и лекции по философии, которые читал в университете один из выдающихся философов Серебряного века Сергей Николаевич Трубецкой. После окончания университета в 1904 году ему предложили остаться там работать. Но он сам решил свою судьбу по-другому. От науки его потянуло к религии, в частности к христианству, что в значительной степени было результатом того взрыва, который произошел у него в юности. Он счел необходимым изучить религиозный опыт инобытия, который был накоплен в христианской церкви, и поступил в Московскую духовную академию. Годы учебы его в академии совпали с революцией 1905 года. Во время ее подавления он прочел в академической церкви проповедь, смелую и страстную, в которой обвинил власти в кровавых расправах с участниками этой революции. «Волны крови затопляют родину, – говорил он в проповеди. – Тысячами гибнут сыны ее – их вешают, расстреливают, тысячами переполняют тюрьмы. Вернулись времена безбожного царя Иоанна. Под видом “умирения” избиваются мирные крестьяне и рабочие. Людей, не имущих куска хлеба, расстреливает живущий за счет их трудов. Женщин и детей и то не щадят – насилуют, оскорбляют на каждом шагу. Издеваются в безумном озверении... И мы молчим, все молчим, все умываем руки... не водой уже, как Пилат, а кровью, ибо нет теперь воды, не смешанной с кровью, нет воды, которая смыла бы кровь с Руси...»¹ Обычно глуховатый, спокойный его голос возвысился и прогремел под сводами последней фразой: «Смотри, Русь святая, не оказаться бы тебе позорищем истории!»² Он всегда относился болезненно к проблемам свободы и особенно к ее утеснению. Расправа с восставшими потрясла его и заставила, как человека честного и мужественного, произнести проповедь, более похожую на политический призыв, нежели на действительно религиозную проповедь. Ему, остро почувствовавшему энергетику революции и возмущенному всем увиденным и пережитым, такая проповедь не прошла даром. Из письма В.Ф.Эрна от 26.03.1906: «П.Флоренский, бывший когда-то мне очень близким человеком (и теперь очень дорогой мне), арестован. 12 марта

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 154.

² Там же.

в академической церкви он произнес проповедь (это уж у них такой обычай, чтобы студенты произносили проповеди), в которой с большим религиозным чувством он говорил о совершающихся теперь расстрелах, казнях и убийствах. Был составлен протокол. Академики, т.е. студенты, встретили проповедь его восторженно (это как раз было в тот день, когда пришло известие о казни Шмидта) и решили издать ее бесцензурно на свои собственные средства, что и сделали. А 22-го вызвали Павлушу повесткой власти и, арестовав, переслали в Москву, в Таганскую тюрьму...»¹ На этот раз как-то все обошлось, и ему даже дали как одному из самых талантливых студентов закончить академию. Но 1906 год так и остался зарубкой в его жизни как год его первого ареста. Думал ли он, что этим все и кончится? На самом деле все только начиналось... В 1908 году он окончил Московскую духовную академию и был оставлен на кафедре истории философии, а вскоре стал профессором этой академии. В 1911 году получил сан священника и сделался настоятелем домового храма Общины Красного Креста в Сергиевом Посаде. Весной 1914 года защитил магистерскую диссертацию на тему «О духовной Истине». В эту диссертацию вошли первые семь писем будущей его книги «Столп и утверждение Истины». Когда началась первая мировая война, он сразу, не раздумывая, в этом же 1914 году отправился на фронт в качестве армейского священника. Революция 1917 года застала его вновь в Сергиевом Посаде. Духовную академию закрыли, и он стал работать в научно-исследовательских технических институтах Москвы. Ему было по плечу любое занятие, любое умение. Техника также не миновала его. При «Главэлектро» он занимался проблемами электрических полей и диэлектриков. Такие исследования в то время были важны для возникавших в стране первых электростанций. Новые хозяева России создавали одно, но разрушали другое. В стране стали закрывать, а потом и разрушать церкви. Опасность черной тенью нависла над Сергиевой Лаврой, одной из величайших святынь России. Из Москвы, подальше от Лубянки и ее беспощадных подвалов, потянулись в Сергиев Посад знатные семьи, их теперь называли «бывшими» – Шаховские, Трубецкие, Олсуфьевы, Лопухины и другие. В Сергиевом Посаде в это время была создана Комиссия по охране старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры. В нее вошли вместе с Флоренским и представители знатных русских семей, укрывшихся в Сергиевом Посаде. По стране ползли зловещие

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 687.

слухи о том, что по распоряжению властей мощи святых выбрасывают на помойки. Было в связи с этим объявлено о вскрытии мощей Сергия Радонежского на 1 апреля 1919 года, в канун Лазаревой субботы, перед Страстной неделей. Но этому предшествовало еще одно событие, о котором никто не знал. «...По благословению наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кронида члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры – священник Павел Флоренский и граф Юрий Александрович Олсуфьев, Сергей Павлович Мансуров и Михаил Владимирович Шик <...> возможно, также граф Владимир Алексеевич Комаровский тайно прошли в Троицкий собор, вскрыли раку с мощами и благоговейно взяли Главу Преподобного, положив на ее место главу погребенного в Лавре князя Трубецкого. К Главе Преподобного прирос позвонок, и его отделили богослужебным предметом – копием. След от копия и от приросшего позвонка – свидетельство происходившего. Участники связали себя обетом молчания и тайну строго сохраняли десятилетия.

Святыня вначале находилась в ризнице Троице-Сергиевой Лавры. Декретом РСФСР от 20 апреля 1920 года Лавра была закрыта. Поэтому Главу из ризницы перенес к себе в дом на улицу Валовую Ю.А.Олсуфьев, а оставшиеся мощи находились в экспозиции музея до конца Великой Отечественной войны... Весной 1928 года в Сергиевом Посаде происходили массовые аресты «бывших», когда были арестованы и П.А.Флоренский, и племянница Ю.А.Олсуфьева Е.П.Васильчикова. Главу в дубовом ларце закопали в саду дома Олсуфьевых. В 1937 году началась новая волна арестов, и Олсуфьевы выехали из Сергиева Посада. Главу перенес в окрестности Николо-Угрешского монастыря, около станции Люберцы, Павел Александрович Голубцов (позже архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей). После демобилизации он перенес Главу в Москву, в дом Екатерины Павловны Васильчиковой, племянницы Ю.А.Олсуфьева. 21 апреля 1946 года, на Пасху, состоялось открытие Троице-Сергиевой Лавры. Когда мощи Преподобного Сергия из музея были возвращены Церкви, Е.П.Васильчикова вернула и Главу»¹.

В 1923 году власти закрыли Оптину Пустынь, которая была духовным центром России, и выселили оттуда старцев, несущих в себе высокую духовность. «Если начать проследивать мысленно, – писал Флоренский об Оптиной Пустыни в 1919 году, – самые разнообраз-

---

¹ Олексенко А.И. «...И мои мысли пусть развиваются в вас...» // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 6–7 (предисловие).

ные течения русской жизни в области духа, то, непосредственно или посредственно, мы всегда приводимся к Оптиной как духовному фокусу, от соприкосновения с которым возжигается дух, хотя бы потом он раскрывался и в иных, чем, собственно, оптинское, направлениях. Оптина, выдаваясь не столько отдельными исключительными лицами, сколько гармоническим сочетанием и взаимодействием духовных сил, всегда была и есть в настоящее время как целое, как коллективный возбудитель духовного опыта; я осмелюсь сказать, единственный в России, по крайней мере в таком роде и в такой силе, возбудитель духа. Было бы с нашей стороны великим преступлением не пред группою монахов, а пред культурою будущего не употребить всех усилий для сохранения Оптиной в ее целом, то есть не как стен или рукописей, а того невидимого и неосязаемого физически водоворота, который во всяком приблизившемся к нему побуждает, впервые, может быть, острое сознание, что кроме внешнего отношения к миру есть еще внутреннее, бесконечно более его важное, дающее ощутить глубины бытия и миры иные. Оптина у подошедшего к ней родит убеждение, что этот новый взгляд на мир не случайное настроение, а доступен развитию, углублению и обогащению и что он, переходя в постоянный опыт иной действительности и жизнь в ней, подступая к краям нашего сознания, может изливаться оттуда как новое культурное творчество, как новая наука, новая философия, новое искусство, новая общественность и новая государственность. Вот этот-то невидимый, но могучий вихрь иной жизни, уже столько давший, уже питавший русскую культуру и еще больше имеющий дать теперь, когда с течением символистов разрушены препятствия со стороны рационализма и позитивизма, этот вихрь, за который все мы, люди одного устремления, хотя и разных деталей в путях и технике, должны ухватиться, как за ценнейшее достояние нашей современности, мы должны отстоять во что бы то ни стало и каких бы это ни стоило усилий»¹. Он закончил это письмо латинской фразой: *Tempora pessima suni, vigilemus* – Времена наихудшие, будем бодрствовать. Но Оптину Пустынь не удалось защитить, слишком мало сил было у ее защитников, отступивших под страшным напором «строителей нового мира», очень смутно представлявших себе существо этого «нового мира».

В начале XX века, в общем фоне которого происходили значительные перемены, Пустынь подошла к уровню «возбудителя духа», что

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 200.

было крайне важным для культуры России в целом. Этому способствовало и то обстоятельство, что к этому времени там сформировалась истинно духовная община личностей с высоким духовным содержанием. Флоренский еще до того, как стать священником, в самом сердце своем тосковал по такой общине. Эта тоска временами обретала весьма ощутимые формы, выплескиваясь в депрессивное его состояние. Где-то в глубинах своего существа он, казалось, нес образ этой общины, который никак не проявлялся в самой действительности. «Главная ее (тоски. – Л.Ш.) причина, – говорил Флоренский своему другу А.В.Ельчанинову, – конечно, другая, это – желание настоящего, полного общения, как *гарантии церковной жизни*. Я нигде не нахожу этого общения: все только бумажки, и ни разу – золота. Я не говорю, что в церкви нет чистого золота, но мне не попадалось. Если бы я не верил, было бы легче, но в том-то и тяжесть, что я верю, что золото есть. Раз нет общения, нет и церкви, нет и христианства. Мне велят верить – я и верю, но ведь это не жизнь – жизнь как раз начинается с того времени, как увидишь, ощущаешь этот главный факт»¹. Он нашел это золото в общине оптинских старцев, «возбудителей духа» и ревнителей духовной культуры России. Эта община напоминала и не напоминала ему ранние общины первых христиан, еще не затронутых земными делами традиционных церквей. Но эти общины не были «возбудителями духа» как такового, а лишь являлись держателями таинств своей веры и были ее распространителями. Там тоже было «золото», но не столь высокой пробы, как в Оптиной Пустыни, а именно: твердое знание миров иных, которое весьма помогало старцам вместе стать «возбудителями духа». В церкви традиционной было лишь представление о потустороннем мире, оптинские же старцы имели значительный опыт инобытия и сознавали его роль в земных условиях. Они, как и Флоренский, нередко расходились в определенных понятиях с традиционной церковью и ее иерархами. Церковь не простила ему «отклонений». И до сих пор некоторые служители ее жгут книги Флоренского во дворах своих храмов. До сих пор они восстают против идей, высказанных о Павлом. Идеи же эти шли в одном русле с теми идеями, которые входили в концепцию зарождающегося нового мышления. Флоренский считал Оптину Пустынь и ее старцев частью этого мышления. «Возбудители духа», они стали носителями того нового, что уже помимо церкви входило в культуру России. Осознание глубины бытия и миров иных было

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 41.

тем новым, что несла оптинская община всем, к ней подходившим и к ней приближавшимся. И этот новый взгляд, который «не случайное настроение, а доступен развитию, углублению и обогащению», подступает «к краям нашего сознания» и изливается оттуда «как новое культурное творчество, как новая наука, новая философия, новое искусство, новая общественность и новая государственность». Иными словами, Оптина Пустынь включала в синтез нового мышления религиозный опыт инобытия, идущего через дух и сознание ее старцев, «возбудителей духа». Все эти явления были связаны друг с другом, обуславливали друг друга и создавали цельный процесс складывания во многих областях культуры и бытия новые подходы, новую систему познания. Оптину Пустынь, этот духовный фокус России, не удалось отстоять. Натиск темных бездуховных сил на нее был слишком жесток и сокрушителен. «Времена наихудшие» давали себя знать.

В 1928 году, как известно, он был арестован вместе с другими «бывшими». Ордер на арест и обыск Флоренского подписал Генрих Ягода 21 мая 1928 года. Его пытались заставить снять рясу, но он этого не сделал, и в таком одеянии его посадили в поезд со всеми остальными. В Москве на Ярославском вокзале их уже ожидали «воронки», которые доставили арестованных в одну из московских тюрем. Флоренского долго держали в тюрьме, изнурительно и дотошно допрашивали и затем 14 июня поспешно приняли решение – выслать в Нижний Новгород. О его жизни в этом городе мы знаем мало. Известно только, что Е.П.Пешкова, известная своей правозащитной деятельностью, сумела добиться его освобождения. Он вернулся в Сергиев Посад, и его взяли на его прежнюю работу. Но его не покидало какое-то внутреннее беспокойство, какое-то интуитивное чувство ему подсказывало, что это лишь начало его пути на Голгофу советских репрессий. К тому времени он был уже выдающимся ученым со сложившейся научной судьбой. «Кроме основных работ богословско-философского содержания, – пишет в своих мемуарах С.И.Фудель, – имел работы по электрике, промышленной технике, товароведению, астрономии, оптике, математике, истории искусств, теории знания, перспективной живописи, фольклору, филологии и литературе. Мог с полным знанием дела говорить или писать по вопросам медицины, психопатологии, оккультным наукам, археологии, психологии зрения, истории дамских мод, генеалогии дворянских родов. Знал несколько европейских и восточных языков. На древнееврейском, греческом и латинском языках читал и писал без словаря. Переводил Канта и цер-

ковного историка Зома, печатал в журналах начала века стихи (было и отдельное издание “В вечной лазури”)»¹.

Можно предполагать, что такие выдающиеся способности, множество знаний, которыми он не только владел, но и мог пустить в научный оборот в публикациях, у малограмотных и невежественных людей, его окружавших, вызывали не только недоверие, но и раздражение и зависть. Ситуацию усугубляла священническая ряса, которую он не снимал, каждый раз напоминая различным «иконоборцам», что христианская вера продолжает жить. «Времена наихудшие» ухудшились, если это возможно было, к 30-м годам. Началась травля Флоренского в различных изданиях, в ГПУ посыпались на него лживые доносы. Все это закончилось новым его арестом в 1933 году и ссылкой в сибирский лагерь около села Сквородино, за Байкалом. Там от него потребовали публичного отречения от веры. Но так ничего и не добились. Новые инквизиторы не получили требуемого. Мы же до сих пор не знаем, чего это стоило священнику Флоренскому. Но и в лагере он не оставил своих занятий наукой, занявшись там проблемами мерзлотоведения. В 1934 году его перевели в Соловецкий лагерь, откуда он уже никогда не вернется.

В 1914 году священник Флоренский опубликовал свою первую книгу, которая называлась «Столп и утверждение Истины». Это была книга о Церкви как об Истине, и все 12 ее писем, каждое из которых было посвящено отдельному сюжету этой проблемы, свидетельствовали о взглядах Флоренского на Церковь, как таковую. Апостол Павел также смотрел на создаваемую им Церковь как на Истину. В послании своему ученику Тимофею он писал о доме Божиим, «который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины»².

И еще раз о. Павел вызвал из глубины веков Апостола Павла, и вновь возникла таинственная связь между ними двумя. И связь не только по имени, а еще по чему-то недосказанному и неразгаданному, объяснение которому потерялось где-то во времени и пространстве.

При чтении книги у меня все время возникало ощущение, что пишет эти главы-письма не Флоренский, а кто-то другой. И этот кто-то другой все время меняется, и в нем как бы возникают разные лики, отзвуки различных эпох и миров.

Книга «Столп и утверждение Истины» была написана не только грамотнейшим богословом и широко образованным историком и филологом, но и уникальным человеком, прошедшим через духовный опыт

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 55–56.

² Новый завет. Первое послание к Тимофею святого Апостола Павла, 3:15.

постижения Высшего. И в ученом, и в священнике этот опыт сливался с той суммой или системой знаний, которыми он обладал как ученый и священнослужитель. Без всякого сомнения, имея за спиной богатый духовный опыт, Флоренский занимал особое место среди коллег и выделялся тем, что он совершал, говорил и как служил.

«Я помню его литургию, – вспоминает С.И.Фудель, – в домовом больничном храме Посада. Он служил очень просто, тихо, собранно-сосредоточенно, чувствовалась его погруженность в совершаемое. Таким же видели его стоящим в храме уже после того, как он перестал служить <...>

Я не знаю, как он молился вне храма, – жила ли в нем всегда молитва, но я ощущал в нем, внутри его духовной собранности и теплой серьезности, – точно дом для молитвы <...>

Я знаю только то, что в нем не было и тени этого ужасающего внешнего смиреннословия <...>

Он был очень прост, и ему было органически чуждо все внешнее, все то наружное, что неадекватно внутреннему <...>

Нелюбовь к внешности проявилась и в одном служебном факте. Когда Синод наградил его “наперсным”, т.е. золотым, крестом, он все продолжал носить свой прежний, серебряный, и, говорят, получил замечание от ректора Академии <...> Кажется, никогда он не носил и магистерского значка¹. В нем как бы жил дух самого раннего служения, той первой христианской Церкви, которую собирал еще Апостол Павел. Ему, как и им, не были известны парчовые, шитые золотом одежды и сверкание драгоценных камней на митрах церковных иерархов. В своей простоте и искренности о. Павел был гораздо ближе к идеям Церкви Апостола Павла, которые тот изложил в Посланиях своим ученикам, Тимофею и Титу.

«Цель же увещания, – писал Апостол Тимофею, – есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступивши, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его...»²

И далее: «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив. Хорошо управляющий домом своим, детей содержа-

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 97–98.

² Новый завет. Первое послание к Тимофею святого Апостола Павла, 1:5–8.

щий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не *должен быть* из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую. Дьяконы также *должны быть* честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, *допускать* до служения. Равно и жены *их должны быть* честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Дьякон должен быть муж одной жены. Хорошо управляющий детьми и домом своим; ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса. Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины»¹.

Возможно, раннехристианские иерархи и соблюдали предписанное им Апостолом, но со временем многое менялось в обществе и, соответственно, и в самой церкви. Она перестала быть тем Столпом, на котором утверждается Истина христианского учения. Слишком много постороннего и лишнего проникло в ее духовное чрево, а земные интересы заслонили небесное. Церковь постепенно становилась чем-то мертвым, держащимся на догматах, а нередко и на сектантстве. Она разбилась на разные конфессии, враждовавшие друг с другом, и утратила единство, свойственное раннему периоду христианства. Ее дела шли не по восходящей, а по нисходящей духовной линии. У Церкви, которую Апостол Павел назвал Столпом, появился как бы исторический двойник, подчас ничего общего не имевший с этим Столпом, «Церковью Бога живого». «В обществе (XIX–XX вв. – Л.Ш.) уже слишком далеко, – писал С.И.Фудель, – зашло отождествление Церкви с ее двойником. Вспомним, что выход книги был в “эпоху Распутина”, не только не отлучаемого от церкви, но, наоборот, паразитирующего около церковного управления. Слишком далеко зашло это непонимание того, что двойник не есть Церковь, что рядом с ним, в той же самой общей ограде, среди темноты, невежества, холода, лукавства и пороков повседневной церковности непостижимо существует Свет истинной Церкви – тела Божия в истории, живого в живых людях. “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его”».

---

¹ Новый завет. Первое послание к Тимофею святого Апостола Павла, 3:2–15.

Провокация церковного двойника – это ложное сплетение в сознании двух понятий – было безусловно и молчаливо, т.е. внеполемически, рассечено в книге Флоренского: он говорит только об Истине, и эта Истина “еще раз Церковь”. А то, что не от Истины, то внецерковно, хотя бы и считало себя церковностью»¹. Концепция истинной Церкви Флоренского была непосредственно связана с представлениями ранних христиан, начиная с самих Апостолов, и неизбежно обращалась к эволюционному содержанию этой религии. Эволюционную сущность христианства Флоренский прослеживает через весь труд, находя и обращая внимание на важнейшие ее черты. Церковь, с точки зрения Флоренского, есть понятие духовно-культурной эволюции. Истинная Церковь – это не богато убранный храм, сверкающий золотом и серебром, истинные христиане – это не церковные иерархи в парчовых одеждах, которые производят неизгладимое впечатление на паству с низким уровнем сознания и заставляют повиноваться этим иерархам-двойникам, а те, кого коснулось дыхание и мысль великого Духовного Учителя, озарившего их сердца космическим светом Высших миров, с которого и началось их преображение. Ибо преображение человека есть одна из важнейших эволюционных идей христианства, имеющее своей целью достичь уровня сознания Христа – богочеловека, показавшего на своем примере необходимость такого преображения и достижения новых вершин совершенства. То христианство, которое сложилось на уровне церкви-двойника, мало обращало внимания на эту проблему и до сих пор довольствуется лишь упоминанием о преображении самого Христа, не давая этому важнейшему событию в истории христианства четких разъяснений. И те, кого озарил Свет Фаворский, свет высокой энергетики иных миров и преображения самого Христа, несут в себе ту святость, которая необходима истинной Церкви, продвигающей человечество и делающей самого человека живой церковью, как таковой. Красота духа такого человека есть критерий подобной истинности и живой церкви. Флоренский считал такими духовных старцев, которые являлись мастерами «художества из художеств». В 1909 году Флоренский опубликовал «Сказание о жизни аввы Исидора», который был его Учителем и наставником. Размышления Флоренского о жизни Исидора во многом укрепили те мысли, которые он высказал в «Столпе и утверждении Истины». «В нем, – писал Флоренский, – как редко в ком, нащупывалось голою

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 60.

рукою живое, зиждущееся, творческое Тело Церкви – Церковь власть имеющая...»¹ Именно это «творческое Тело Церкви» и являлось важнейшим моментом эволюционной роли самой преображенной Церкви. «Исповедь Старца, – далее отмечает о. Павел, – простая по внешности, была совсем особою по какому-то неуловимому веянию вечности»². Флоренский же приводит рассказ одного профессора, побывавшего на исповеди у Исидора.

«Сколько нес я рационализма и злобы, – делился своими впечатлениями посетитель, – все это растаяло в келии о. Исидора... Я пришел с чувством формального смирения... мне показалось, что все будет так, как всегда было, – что милый, приличный монах мило, прилично меня примет, что я прилично отисповедуюсь и все будет как следует. Но вот что было не так: в этой келии, в ее простоте бесконечная власть... Я испытал то, что я именую *впечатлением Церкви*... Старец поднялся и, как был одет – в рубаху навыпуск, порты и поршни на ногах, – спокойно встал и сказал: “Ну хорошо” (на просьбу об исповеди). Вынул епитрахиль, надел ее на себя, на рубаху настегнул старую парчовую поручь властью своею и благословил Бога... Когда он прочел отпустительную молитву, я мог только одно сказать: “У меня сейчас на душе – Христос воскрес из мертвых” <...> Я знаю только одно, что я видел Камень и на нем Церковь. И больше ничего, кроме величия, сказать не могу. Это у меня навсегда осталось, как великий удар. Церковь открылась на мгновение и потом скрылась. – Церковь в портах и золотых поручах и епитрахили на Камне»³.

Таким, не ошибусь, если скажу, был и сам Флоренский, который по многим качествам являлся этой живой истинной Церковью, прошел через преображение и обрел святость, изменившую часть и его естество, и облик. Трудно сказать, в каком времени и пространстве и как это произошло. Но это случилось, иначе бы это был другой Флоренский, и вряд ли этот другой так мощно и глубоко мог вникнуть в эволюционную суть христианства. Он это сделал с привлечением, смелым и бескомпромиссным, современной научности и огромного исторического материала, начиная с первой Церкви, которую создавал Апостол Павел. Путь от Апостола до отца Павла, жившего в XX веке, был его личным живым опытом, позволившим ему сделать то, что он задумал. В предисловии к своей книге Флоренский писал: «Догмат о

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 61.

² Там же.

³ Там же. С. 61–62.

Церкви, понимаемый как переживаемая в живом опыте тайна Божия о созидании святого человечества, – может быть, будет последним подвигом христианской жизни и мысли»¹. Это «созидание святого человечества», Богочеловека, имеет прямое отношение к космической эволюции, связанной с проблемой новой эпохи и нового человечества. В книге Флоренского эта проблема на религиозной почве получила научное освещение и реальную перспективу в продвижении человечества к новым вершинам духа и сознания. Идея Преображения или Света Фаворского на Руси была неразделима с преображением самой жизни. «Наше творчество, художественное и философское, – писал один из крупных философов Серебряного века Е.Н.Трубецкой, – всегда жаждало истины не отвлеченной, а действительной; величайшее, что есть в нашей литературе, было создано во имя идеала *целостной жизни*. Сознательно или бессознательно, величайшие представители русского народного гения всегда искали этого света, *изнутри* исцеляющего и преображающего жизнь как духовную, так и телесную. *Всеобщее исцеление во всеобщем преображении* – в разных видоизменениях мы находим эту мысль у великих наших художников, у Гоголя, Достоевского, даже, хотя и в искаженном, рационализированном виде, – у Толстого, а из мыслителей – у славянофилов, у Федорова, у Соловьева и у многих продолжателей последнего. И всегда искание Фаворского Света вызывалось у наших писателей живым, болезненным ощущением силы зла, царящего в мире»².

И это ощущение, считал Трубецкой, было единым источником религиозного творчества и у подвижников, и у художников, и у философов. Этот же источник послужил Флоренскому при создании книги «Столп и утверждение Истины». Трубецкой включил эту книгу в общий поток культурно-духовной деятельности в России в целом. «...Упомянутая его книга, – отмечал философ – представляет собою продолжение глубоко оригинальное и творческое: мы имеем в ней произведение недюжинного таланта, которое составляет выдающееся явление в современной русской религиозно-философской литературе»³. Именно Флоренский дал истинную суть Света Фаворского в противопоставлении его хаотической действительности. И это раздвоение человека и земного бытия дает возможность понять ту реальность, в которой происходит преображение Светом Фаворским.

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 63.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 288.

«...Я не знаю, – утверждает Е.Н.Трубецкой, – равного по глубине анализа того внутреннего раздвоения и распада личности, который составляет самую сущность греха <...> Но главный источник его – не какие-либо литературные образцы, а собственные мучительные переживания, проверяемые коллективным церковным опытом»¹. И далее: «Воистину Свет Фаворский не есть мимолетное явление, а *непреходящая действительность*, в которой находят себе исцеление все наши земные грехи, страдания, противоречия; и светит он не только *по ту сторону* Вселенной, но “просвещает всякого человека, приходящего в мир” (Иоанн, 1: 9)»².

Каждая эволюционная особенность, которая рассматривается Флоренским, несет в себе отзвуки иного бытия, иного мироустроения. В своих и религиозных построениях, и научных, и в анализе истинной церковности и софийности этой церковности он все время выходит за рамки христианства, как земного ограниченного учения. И этот отход куда-то в другое пространство для того, чтобы увидеть все величие и космичность этого учения, произвольно в течение его истории урезанного его пользователями, еще раз возвращает нас к первоисточникам. Выход самого христианства в теории и практике за рамки земных понятий так или иначе известен и не раз служил основой дискуссий для различного рода богословов. Но в книге Флоренского эта особенность анализируется не только с религиозной точки зрения, но и с научной и философской. «Воплощение Бога, Творца мира в человеке, – размышляет над проблемой, занимавшей Флоренского, С.И.Фудель, – с полным основанием и Божества и человечности, истинная смерть человека Иисуса и тут же его истинное воскресение, только один этот основоположный факт христианства выводит его за границу трех измерений»³. И этот выход «за границу трех измерений», в неизвестно какое, но явно более высокое измерение открывает нам еще один важный аспект эволюции, который окончательно позволяет назвать эту эволюцию космической.

Важное значение, с точки зрения эволюционной, имеет и следующее утверждение Флоренского. «Два аспекта (Церкви. – Л.Ш.), – пишет он, – [в вечности и во времени] – это вовсе не то, что теперь, у современных церковноборцов принято называть “Церковью Мистической” и “церковью исторической”, причем превозносится первая ради <...>

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 289.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 62.

похуления второй. Нет, это – *одно и то же существо*, но только видимое под двумя различными углами зрения, а именно, со стороны небесной и предсуществующей, единящей мистические формы, и со стороны объединяемого эмпирического, земного и временного, содержания, получающего в первой обожение и вечность. Но последнее [земное] <...> вырастает в него [в небесное] и в нем пресуществляется; поэтому раздельность символических образов указывает лишь на различие двух точек зрения, один раз, так сказать, сверху вниз, с неба на землю, долу, а другой раз – снизу вверх, с земли на небо, горé»¹. Здесь мы находим четкое определение Церкви (небесной и земной – истинной, в апостольском понимании) как энергетического явления в системе космической эволюции. Направление этой эволюции всегда будет двояким – «сверху вниз» и «снизу вверх». Иными словами, как церковь небесная и земная представляет собой единое существо, так и процесс совершенствования или преобразования включает в себе противоположения: эволюцию и инволюцию в их взаимодействии. Инволюция – для Высшего и небесного, эволюция для низшего и земного. Христос нес в себе это направление в развитии земного человечества, Церковь же (небесная и земная) должна была стать для людей проводником на этом единственно верном пути. Христос, Бог и человек, заключал в себе, в своем опыте, в своем примере двойственность этого направления, без которой не мог состояться никакой эволюционный процесс – «сверху вниз» и «снизу вверх». Небо, в самом широком смысле этого слова, производит действие, которое своим духовно-энергетическим свойством заставляет Землю стремиться к этому Небу, а земное человечество – добиваться новых вершин духа на пути к очередному преобразению. С.И.Фудель в подтверждение идеи Флоренского приводит отрывок из письма архимандрита Федора (Бухарева), жившего в XIX веке. (Письма архимандрита Федора были изданы Флоренским в год Октябрьской революции.) «Надо, – пишет Федор, – следовать направлению Христова *нисхождения* с неба в наш видимый мир и Христова же *восхождения* от земли на небо, уже с земным естеством»². Надо при этом отметить, что восхождение Христом было совершено после его преобразования на горе Фавор. Путь космической эволюции, показанный Христом, не был осуществлен его сторонниками. Этому пути, в реальном его выражении, последовали лишь единицы, имена

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 337–338.

² П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 66.

которых мы знаем наперечет. Флоренский, полагаю, был в их числе. Анализируя энергетические свойства человеческого организма с точки зрения христианского учения, Флоренский в первую очередь обращает внимание на сердце. В девятом письме-главе он цитирует статью П.Д.Юркевича, которую считает крайне важной для уразумения значения сердца во многих аспектах духовной жизни. «Кто читает с надлежащим вниманием слово Божие, – так начинает свою знаменитую статью о сердце П.Д.Юркевич, – тот легко может заметить, что во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками»¹. И далее, тот же Юркевич: «...священные писатели определенно и с полным сознанием истины признавали сердце средоточием всех явлений человеческой телесной и духовной жизни»². Продолжая развивать свою мысль, Флоренский в первую очередь обращает внимание на сердце подвижника. «...Задача подвижнической жизни – *целомудрие* – определяется как *чистота сердца*, – отмечает он. – <...> Сердце – это очаг духовной жизни нашей, и одухотвориться – это значит не иное что, как “устроить”, как “ублагоустроить”, как “уцеломудрить” свое сердце»³. И еще: «Очищение сердца дает общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устроит всю личность подвижника. Как бы растекаясь по всей личности и пронизывая ее, свет Божественной любви освящает и границу личности, тело, и отсюда излучается во внешнюю для личности природу. Через корень, которым духовная личность уходит в небеса, благодать освящает и все окружающее подвижника и вливается в недра всей твари»⁴. Здесь опять мы улавливаем мелодию личного опыта автора. И обладая, вне всякого сомнения, этим опытом, Флоренский предупреждает против всякого искажения в понимании значения сердца, как такового, и извращения, если можно так выразиться, в его использовании. «...Извращение, – утверждает Флоренский, – даваемое ложною мистикой, смещение центра существования человеческого может быть двоякого типа. Либо это – мистика головы, мистическое переразвитие ума, питаемого не благодатью от сердца, а питающегося

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 267–268.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 268–269.

⁴ Там же. С. 271.

самостоятельно, гордостью бесовскою, и лжеименным знанием пытающегося охватить все тайны земли и неба; либо, наоборот, это – мистическое переразвитие органической жизни, мистика чрева, опять-таки получающего источники жизни не от источающего духовность сердца, а от бесов, нечистотою. И там и тут личность не является цельною, но раздробленною и извращенною, без центра. Воздержанием горделивого ума отличается подвижник от мистиков первого типа; обузданием похотливого чрева – от мистиков типа последнего. Все, чем живет подвижник, возникает у него не самопроизвольно в том или другом отдельном органе, а в живом средоточии его существа, в сердце, и возникает здесь под благодатным воздействием Духа Утешителя»¹. И тогда в этом подвижнике возникают особые способности и свойства. «Он глубоко проникает в тайны неба и земли и не лишен ведения их, но у него, в его познании тайн, нет горделивости. Дурная бесконечность необузданности, как в мире материальном, так и в мире интеллектуальном, безусловно, изгнана из него, ибо она подсечена в самом корне своем, в сердце»². Здесь Флоренский указывает на замечательное свойство сердца – способность познавать. И если мозг человека, его интеллект есть инструмент эмпирического, или научного, познания, то сердце является инструментом духовного, или метанаучного, более объемного и глубокого познания, или познания иного измерения, которое стоит ближе к небу, нежели к земле. Эта способность сердца к познанию была известна давно, и в первую очередь мудрецам, святым и подвижникам, а также художникам и философам. Сердце являлось источником знаний в духовном пространстве метанауки. Будучи энергетическим центром человека, сердце содержало в себе земное и небесное, являясь как бы энергетическим мостом между тем и другим. Оно было связью с Высшим, с мирами иного состояния материи, входившими в систему духовного познания как его важнейшая и составная часть. Энергетика сердца, любовь играет ведущую роль в земных и космических процессах. Именно любовь – в высоком смысле слова – открывает людям дорогу к духовному познанию. «В любви, – пишет он в четвертом письме работы «Столп и утверждение Истины», – человек нашел начальную стадию давно желанной интуиции... Познание есть реальное выхождение познаваемого в познающего, реальное единение... нравственное общение личностей... Познание Истины есть реальное

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 273.

² Там же. С. 274.

вхождение в недра Божественного Троиинства. Поэтому истинное познание возможно только чрез пресуществление человека, чрез стяжание любви как Божественной сущности... И то и другое лишь *стороны* одного и того же таинственного факта: вхождение Бога в меня как в субъекта (познания) и меня в Бога как в объективную Истину... Явленная истина есть любовь... Если я не познал Бога, не приобщился Его Существо, то я не люблю... Для собственных человеческих усилий любовь к брату абсолютно невозможна. Это дело силы Божией... Только познавший Троиного Бога может любить истинной любовью... В любящем – семя самой истины и подлинного ведения... Метафизическая цепь сковывает эти два акта – познания и любви»¹.

Известно, что любовь имеет широкий диапазон. Иногда называют любовью то, что таковой вовсе не является. Трактовка истинной любви, любви-познания, которую представляет Флоренский в «Столпе и утверждении Истины», – не только новое понимание этого явления в пространстве самого христианства, но и дает возможность осознать достаточно ясно суть любви, как явления Реальности. Глубокая мысль Флоренского заключается в том, что любовь и познание слиты воедино, и одно от другого отъединить нельзя. «Истинная любовь, – утверждает Флоренский, – есть выход из эмпирического и переход в новую действительность... Любовь к другому есть отражение *на него* истинного ведения (знания), а ведение есть откровение сердцу Триипостасной Истины, т.е. пребывание в душе любви Божией»². Иными словами, любовь – познание Истины – есть явление «новой действительности», материи более высокого состояния и иного измерения, тесно связанной с Высшим и познаваемой через это Высшее. Слова, что «ведение есть откровение сердцу» Высшей Истины, включают сердце, как один из важнейших факторов, в пространство познания. Тесно связанная с истинной Любовью истинная Красота является одним из проявлений истинного познания, в какой бы области она ни существовала. По мысли Флоренского, Красота есть явление инобытия, или Реальности, и утверждает собой истинность того или другого творческого акта или мысли. Вот несколько определений сущности Красоты, данных Флоренским, как неотъемлемой части в познании мира и его тайн. «Явленная истина есть любовь. Осуществленная любовь есть красота»³.

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 79–80.

² Там же. С. 81.

³ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 75.

И еще: «Красота и понимается (мною) как Жизнь, как Творчество и как Реальность»¹. И далее: «Духовность есть предел тварной красоты; красота приближается к этому своему пределу по мере проникновения от феноменальн[ой] периферии существа к его ноуменальн[ому] корню и, следов[ательно], по мере своего внедрения в мир божественный: красота – от приобщения дольного горнему, самостоятельна же лишь красота горнего»². Иными словами, Красота в земном мире есть проявление иных миров или Реальности. Каждое такое проявление, и не только Красоты, необходимо учитывать и осмысливать в системе познания. Следуя этой логике, Флоренский писал: «Любовь приоткрывает ему [человеку] двери горних миров...»³ С.И.Фудель так оценил эту концепцию Флоренского: «Флоренский открыл какое-то окно, и на наше религиозное мышление повеяло воздухом горнего мира. Живая вера живой души толкнула нас на путь опытного богопознания»⁴.

Анализируя этот важный, представленный в книге Флоренского сюжет: сердце–любовь–познание, С.И.Фудель пишет: «“Разум, преисполненный любовью” – *любящий разум* – это и есть основная тема Флоренского, которую надо увидеть, как ясную поляну, в лесу его учености <...>

Ум жаждет любви так же, как и сердце, и, только достигая ее, расцветает. Это и есть тайна того, что “любовь рождает знание” или “познание делается любовью” – те слова св. Григория Нисского, которые стоят греческим эпиграфом книги и которые прежде всего поражают в ней и больше всего в ней запоминаются»⁵. Проблема, которую С.И.Фудель сформулировал как «ум жаждет любви так же, как и сердце», у Флоренского приводит к важнейшей проблеме – сердечному разуму и умному сердцу. Иными словами, к явлению, возникающему в процессе совершенствования и преображения человека, когда в едином энергетическом пространстве сходятся разум и сердце и достигается наивысший уровень познания, познания истинного, ведомого любовью, в едином и цельном сочетании двух важнейших энергетических центров человека. И тогда исчезает то драматическое разделение, которое существует до сих пор между духовным способом познания и эмпирическим. Разница между ними состоит в том, что духовное познание

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1990. Т. 1 (II). С. 586.

² Там же. С. 751–752.

³ Там же. Т. 1 (I). С. 395.

⁴ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 138.

⁵ Там же. С. 79.

есть прямое и быстрое познание, непосредственное соприкосновение познающего с предметом или явлением познания. Эмпирическое познание – опосредствованное познание, крайне замедленное, ибо между познающим и предметом его познания стоит эксперимент, в какой-то степени отчужденный от самого человека различного рода технической аппаратурой и чуждыми энергиями. Человека, в котором объединен разум и сердце, крепко сцепленные энергетикой любви, Флоренский называл одухотворенным. «Одухотворенный подвижник как бы воспаряет над естеством»¹, – отмечает он. Преображенный человек меняется, он становится иным, по иному ведет себя и по иному поступает. Флоренский приводит слова преподобного Макария Великого: «Имеющий благодать имеет *иной* ум, *иной* смысл и *иную* мудрость, нежели какова мудрость мира сего»². И далее уже сам автор книги продолжает: «Он – во всем *иной*, он – *инок*. Самое *иночество* есть ничто иное, как духовность, и духовность не может не быть *иночеством*. И тут для *иноческого* сознания иным делается и весь мир. Уходя от *мирской* жизни, *инок* предается жизни *мировой*»³. Он познает Космос, Вселенную, входит в соприкосновение с тем, что является недоступным обычному человеку, с обычными земными свойствами. «Благословляя вселенную, подвижник всюду и всегда видит в вещах знамения Божии и Божии письма; всякое творение для него – лествица (лестница. – Л.Ш.), по которой ангелы Божии нисходят в земную юдоль; все дальнее – отображение горнего. Вся природа – “книга” для него, как сказал про себя преп. Антоний Великий»⁴. И эту «книгу» преобразенный подвижник легко читает, черпая напрямую из нее знания, те знания, которые и сейчас, не всегда расшифрованные, находятся в духовном пространстве так называемого метанаучного знания. В истинности опыта и знаний, накопленных в духовном поле, теперь уже не приходится сомневаться. Забвение или пренебрежение к иному способу познания, инструментом которого является умное сердце человека, непосредственно связанное с Высшим, или мирами иных измерений, не содействует дальнейшему продвижению человека и его эволюции и блокирует эту эволюцию, имеющую космический характер. П.Д.Юркевич, статью которого Флоренский включил в свою книгу, пишет: «Сердце есть седалище всех познавательных действий души»⁵.

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 274.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. Т. 1 (II). С. 536.

Уникальная книга Флоренского – «Столп и утверждение Истины» – несет в себе новую концепцию истинной Церкви, созданную на основе современной и древней мысли раннего христианства. Анализ «вненаучного» знания, как такового, составляет одну из важнейших проблем книги. О чем бы в ней ни писал автор, он все время обращается к особенностям и свойствам такого познания. «...Превосходство человека над другими животными состоит в дарованной ему Богом способности познать, уразуметь и воспринять те признаки божественной мудрости, которые таятся в *целом* вселенной»¹.

И эта «божественная мудрость», как бы мы ее ни называли, есть важнейшая составляющая и нашего познания, нашего знания Мироздания. В работах Флоренского есть немало пророческих моментов. И его предчувствие новой системы познания грядущего космического мышления есть одно из них. «Важно еще сказать, – пишет известный исследователь наследия Флоренского С.С.Хоружий, – что рассказ о Столпе и утверждении Истины далеко не ограничивается метафизикой. Обретенная церковность предстает автору как неисчерпаемый мир драгоценных сокровищ духа, и свою задачу он видит в том, чтобы раскрыть этот мир не только в его идейном строении, но и в прямом, зримом его богатстве и красоте. Соответственно, он выступает также как знаток и систематизатор православной духовности во всех ее областях: в “умном художестве” аскетов, в житийных преданиях, иконописи, литургической поэзии... Смелое введение всего этого изобилия в новейшую светскую культуру, в орбиту философского разума отозвалось почти как культурный шок. Книга стала событием, перешагнувшим философские рамки. Она поражала, притягивала и неотразимо убеждала в том, что опыт православия неотрывен от нашего наследства, что он действен и нужен, и его освоение – прямой долг русской мысли»². И не только мысли, как таковой, но и формирующейся новой системы познания, в которой в синтезе сливаются научные, духовные, религиозные, философские и художественные способы познания. И над всем этим синтезом Флоренский ставил проблему формобразующего значения – необходимость связи с Высшим, с мирами иного состояния материи. Только через это грядущая система познания обретала космичность в истинном ее понимании. И для него это

---

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. 281.

² Хоружий С.С. О философии священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1 (I). С. XV (предисловие).

свойство познания не было только теорией, основанной на книгах и источниках, но оно являлось для него живым личным опытом, а сам он в этом смысле мог считаться тем, кого называл свидетелем мира иного, со всеми вытекающими из этого состояния последствиями. Его тяга в детские годы к чудесному и необычному выражала жившее в нем ощущение, которое он еще не мог объяснить, иного мира, иных представлений за плотной завесой земной материи. Он их исследовал и объяснил впоследствии, и это стало одним из важнейших моментов и в его философии, и в его концепции системы познания. Как бы то ни было, его с самого раннего возраста вела за собой тайна. «...Мое отношение к миру, – вспоминает Флоренский, – было таково: физическое в мире, физико-механическое, есть лишь одна из сторон мира, но отнюдь не все – нечто сопутственное и вторичное, возникающее скорее как *мысль* по поводу явления, взятого отвлеченно, нежели чем прямо воспринимаемая действительность. В глубине же физического лежит тайна, физическим полу-прикрывающаяся, но совсем – не физическая, и физическое тайны – тайны не только не упраздняет, но само, в некий час, может быть всецело упразднено тайною. Да, в любую минуту, думалось мне, тайна может стать во весь рост и далеко отбросить личину физического»¹. И еще: «И чем железнее представляли мне тот или иной закон (природы. – Л.Ш.), тем с большею почтительною боязнью я ходил около него, с тайным чувством, что этот рациональный с виду закон есть лишь обнаружение иных сил <...> С внутренней тревогой искались мною исключения, к которым данный закон оказывался бы неприложимым, и, когда находились исключения, ему не подчинявшиеся, мое сердце почти останавливалось от волнения: я прикоснулся к тайне <...> Рационально – тверды *они*, эти понятия, предпосылки, законы; но тем не менее природа опрокидывает любой закон, как бы ни был он надежен: есть иррациональное. Закон – это подлинная ограда природы; но стена, самая толстая, имеет тончайшие щели, сквозь которые сочится тайна»².

Приведенные отрывки авторских воспоминаний и размышлений свидетельствуют о наличии у Флоренского живого опыта инобытия. Этот опыт у различных индивидуальностей приобретает по-разному, у некоторых формирование и осмысление этого опыта идет в течение всей жизни, проходя через мучительные периоды неверия и всякого рода сомнений, пока из всего этого не выкристаллизуется ясное

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 368–369.

² Там же. С. 383.

сознание реальности Высшего бытия. Флоренский же, личность уникальная и богато одаренная, с детства ощущал существование тайны за обычностью плотного земного мира. Он явно уже пришел с этим знанием, и ему оставалось лишь наблюдать за тем, как это знание проявлялось в мире видимом. Этот процесс сопровождался еще одним явлением – ощущением знаний, которые существовали в его внутреннем мире и со временем становились адекватными тем понятиям, которые существовали во внешнем мире. В нем с самого детства происходил какой-то внутренний перевод одного в другое. «...Мое личное самочувствие с детства, – вспоминает он, – всегда было то, что учиться, то есть в области общих понятий, мне, собственно, нечему, а надо лишь припомнить полузабытое или довести до сознания не вполне ясное. Общее я всегда узнавал с полуслова или с четверти слова, и потому очень немноги те случаи, когда в области мысли у меня бывало чувство новизны»¹. И это касалось не только общих понятий, но и более конкретных знаний. «Частью прямым знанием, частью угадкой, не имея нужных книг и не владея достаточно математическим анализом, я тем не менее усвоил себе основные понятия и предпосылки научного мышления, физического мышления о мире в истинном и точном их смысле и, что самое главное, вполне сроднился с его стилем»².

«Припоминание полузабытого» проявлялось не только в области знаний, но и возникало перед ним в виде снов и видений. Однажды в видении пред ним предстало темное подземелье, полностью изолированное от внешнего мира, и у него возникло ощущение, что никто не знает, где он находится. Ему казалось, что он трудится на каторжных работах в руднике. «...И как бы ни был я взволнован и потрясен, – отмечал Флоренский, – исследование происходящего никогда не опускалось. И относительно упоминаемых здесь случаев, как бы ни была жива глубокая уверенность в их потусторонней реальности, параллельно производится учет и той внешней среды, в которой воплощалось потустороннее»³. Но это происходило уже позже, а в детстве происходило то, что он называл сказкой «из зарывшегося глубоко в душу детского рая»⁴. Эта сказка воспринималась им очень развитым зрением, обонянием и слухом. «...С детства запахи были для меня выражением глубочайшей сущности вещей, и я всегда ощущал,

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 384.

² Там же.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же. С. 382.

что через запах я сливаюсь с самой вещью. Цветы, эфирные масла и в особенности благовонные смолы воспринимались мною как несомненные прорывы в этом мире и проходы в иной»¹. Он пытался сам экспериментировать с запахами, составлял ароматные смеси и радовался неожиданным находкам, запахам, вызывавшим у него какие-то смутные воспоминания из другой жизни. Он давал образные эпитеты разным запахам. Запах ванили он определил как «томный и смуглый»². Пряности тоже пахли загадочно и чарующе. И они притягивали его к себе. Иногда он их просто сгрызал, нисколько не смущаясь ни их жгучестью, ни их странным вкусом. «...Они наполняли все мое существо теплою полнотою бытия и чувством реальности других миров, причем я сам ясно не знал, находятся ли эти миры по ту сторону океана, или по ту сторону форм рационального познания. Благоухания наполняли меня теплотою. Напротив, от звуков мне становилось холодно, порою настолько холодно, что я дрожал весь, как в сильнейшем ознобе, и чувствовал, что еще слушать – выше моих сил и что-нибудь может случиться. Если при этом были взрослые, они давали мне что-нибудь успокоительное или прекращали музыку. Так памятно это ощущение спирально вьющегося по спинному мозгу холодного вихря, начинающегося с первыми тактами музыки и все ширящегося, так что он пронизывает все тело, и ноги, и туловище с руками, и голову, а потом начинает стремительно дуть, бороздя все пространство комнаты, провеивая сквозь меня, словно мое тело кисея, и холодит эфирным восторгом, вознося на себя к самозабвенному экстазу»³. Наиболее острым у Флоренского было ощущение красоты, насыщенной иномирной энергетикой, отзывавшейся во всем организме мальчика. «Изящное провеивалось воздухом и светом, было легким и заветно близким. Я любил его со всею полнотою нежности, восхищаясь до стесненного дыхания, до острой жалости, почему я не могу совсем и окончательно слиться с ним. Почему не могу навеки вобрать его в себя и сам войти в него <...> Во мне была повышенная впечатлительность, никогда не смолкавшая внутренняя вибрация всего существа от заветных впечатлений. Это почти физическое ощущение себя струною или, скорее, хладниевой пластинкой, по которой природа ведет смычком: не в душе, а во всем организме. Почти ухом слышимый, вибрирует высокий и чистый звук, а в мыслях складываются схематические образы,

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 272.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 274.

ну просто – хладниевы фигуры как символы мировых явлений <...> Все во мне, каждая жилка, было наполнено экстатическим звуком, который и был *моим* познанием мира»¹.

Вибрации, которые ощущал Флоренский в присутствии красоты, «изящного», причинялись высокой иномирной энергетикой, которая вливалась в него произведением подлинного художества и несла с собой также и информацию различного рода, из которой складывались образы и мыслеобразы. Это ощущение тайны и глубины иного мира делало восприятие Флоренским окружающего мира радостным, светлым и возбуждающе таинственным. «...При психической и нервной крепости, – писал он, – я все же был всегда впечатляем до самозабвения, всегда был упоен цветами, запахами, звуками и, главное, – формами и соотношениями их, так что не выходил из состояния экстаза. Радость бытия, полнота бытия и острый интерес переполняли все мое существо, я всегда кипел и ни минуты не оставался невозбужденным»². Но при таком нервно-подвижном восприятии внешнего мира в нем жило интуитивное убеждение, что об этом, сокровенном, не нужно никому рассказывать и вообще не следует в разговорах касаться таких таинственных вещей. Тот, иной мир, спрятанный за завесой плотной материи, для него был магией, волшебством. «Мое непосредственное восприятие твердило мне, что, конечно, физическое объяснение – физическим объяснением, но, за всем тем, надо помнить *о жизни*, притаившейся под личиной физической видимости»³. Известно, что нередко у детей в раннем возрасте возникает ощущение иного мира, но большей частью оно туманно и расплывчато и с годами исчезает совсем, смытое грубыми волнами плотной энергетике. У Флоренского все было по-другому. Детские восприятия крепили, смысл их становился все яснее, и они позже неизбежно накладывались на те научные знания и научное мировоззрение, которые Флоренский обретал, уже будучи гимназистом. Детская его сказка не исчезала, но обретала уже иной, более серьезный смысл. «Эта сказка, – вспоминал он, – золотила вершины научного опыта и заставляла сердце биться при виде иных явлений природы и даже при мысли о них. Эта сказка направляла мои мысли и интересы и, в сущности, была истинным предметом моих волнений»⁴. В 15–16 лет в нем, в его развитии произошло то, чего и следовало ожидать. Он наз-

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 267.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 382.

вал это обвалом, в результате которого его неуклонное движение к иному миру и духовному его познанию сделало рывок, нарушивший некую гармонию, которая существовала между его восприятием мира внутреннего и мира внешнего, к большему и более ясному осознанию процессов, происходивших в его внутреннем пространстве.

«...Можно, – объяснял он этот момент, – пожалуй, увидеть в происшедшем внезапное открытие дверей иного мира, куда я полусознательно стучался все предыдущие годы; или даже как падение преграды, над разрушением которой, тоже не вполне сознательно, но усиленно трудился, не зная ни покоя, ни отдыха. Тогда можно было бы понять мое исконное чувство мистичности многих явлений, мою последующую работу над исключениями из правил, – как смутный мне зов Вечности, пробивавшийся, однако, всюду и искавший себе щелей и проходов в здании научного рационализма. В этом смысле не произошло со мною ничего непредвиденного. Действительно, это и было так»¹. Дверь открылась, и он вошел в этот мир, и видел, и слышал, и осязал, и познавал. Там, в так непохожем на наше пространстве, складывалось его мировоззрение духовного или, как он сам говорил, мистического, прямого познания. Когда сливаешься душой с воспринимаемыми явлениями, записал он, «это есть мировосприятие мистическое»². И мирозерцание, и мировосприятие, и миропознание в ином мире было совсем другим, нежели то, что он наблюдал в мире внешнем, поверхностном. Его наблюдения стали более четкими, а способы познания более плодотворными, более глубокими и устойчивыми. «Неведомое было для меня не известным обычным, а, скорее, наоборот, известным, но *необычным* явлением, вторжением в обычное из области трансцендентной, нападением на обычное неведомое – необычного, однако, сладостно ведомого, родимого, откровением из родных глубин»³. И то, что он получал из мира иного, что шло к нему энергетикой и прямой информацией, он считал «откровением из родных глубин», без которого теперь ни его жизнь, ни его мировоззрение, ни его судьба уже не могли обойтись. Эти «родные глубины» открывали ему способы их познания, сложные энергетические процессы эволюции материи различных состояний, соотношение видимого и невидимого, феноменального и ноуменального и, наконец, взаимодействие мира плотного и того «ведомого, родимого», стоявшего за ним или пронизывающего его.

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 389.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 347.

«И я всегда был символистом. Покровами вещества не сокрывались в моем сознании, а раскрывались духовные сущности; а без этих покровов духовные сущности были бы незримы, не по слабости человеческого зрения, а потому, что нечего там зреть; но все дело в том, как разуметь вещество. Вещи в себе всегда были для меня непознаваемы, но не по скептически-пессимистической оценке познавательной способности человека, а потому, что там *познавать нечего*. И повторяю сказанное вначале, что неведомое было таковым не потому, что было неизвестным, а потому, что оно *познавалось*, и познавалось в своих вторжениях в познаваемое, оставаясь при этом ино-мирным, ино-природным, своеобразным и странным, по обычному пониманию»¹. И это взаимопроникновение плотного и тонкого, реального и ирреального, земного и небесного есть одно из главных методологических положений новой системы познания, в которой тесно связанные между собой здешнее и иномирное составляют новые подходы в познании плотной земной материи, без которого само познание становится колеблющимся миражом и теряет свою подлинность.

С момента «обвала» во Флоренском начинается движение от личного опыта к науке, от духовного способа познания к научному, которое должно было закончиться синтезом духовного и эмпирического познания. Так в нем самом сложились предпосылки будущей гармонии мета-научного и научного мировоззрения, формировалась теснейшая связь между ними, ведущая по пути Истины. Флоренский начал с того, что доказал современным языком и научно, всеми возможными методами, которые ему были доступны, существование миров иных состояний материи и иных измерений. Три его работы: «Иконостас», «Обратная перспектива» и «Мнимости в геометрии» имеют непосредственное отношение к этому. В первых двух объектом исследования были иконы и их традиционное письмо, в третьей – особенности геометрического пространства. То, что две первые работы относились к художественному творчеству, можно объяснить взглядами Флоренского. Он исходил из того, что каждый предмет, каждое событие и каждое явление в земных условиях имеет двоякую природу – земную и небесную, материальную и духовную, видимую и невидимую. И двойственность – мир земной и мир иной – проявляется наиболее ярким образом именно в искусстве. «...Художественное произведение есть закрепленный акт эстетического познания, и, как таковое, художественное произведение – с таким же

---

¹ Флоренский П.А. Имена. С. 349.

правом должно быть признаваемо проявляющим познаваемую реальность, как и – познающего художника»¹. Иными словами, в художественном творчестве сливаются воедино две различные энергии, одна из которых принадлежит иномирному пространству, другая – земному, в лице самого художника. «В нас самих, – писал Флоренский, – покров зримого мгновениями разрывается, и сквозь его, еще сознаваемого, разрывы веет незримое, нездешнее дуновение: тот и другой мир растворяются друг в друге, и жизнь наша приходит в сплошное струение, вроде того, как когда подымается над жаром горячий воздух»². Невидимые миры пронизывают наше плотное пространство и составляют вместе с последним одно энергетическое целое. Без энергетического влияния этих миров невозможными были бы такие явления, как творчество, культура и особенно искусство, связанное более чем какая-либо иная область человеческой деятельности с понятием красоты. Наша земная красота есть тот канал, который связывает нас, более чем что-либо другое, с невидимыми мирами. Через нее утончается и качественно улучшается энергетика человека плотного мира. Иными словами, красота открывает этому человеку дальнейший путь по лестнице восхождения космической эволюции. Непонимание этого момента и, более того, намеренное или ненамеренное отторжение человека от иномирной энергетики может прервать или исказить его эволюционный путь.

Истинное искусство, несущее в себе красоту иных миров, является как бы связующим звеном между иными мирами и нашим плотным пространством, предоставляя обитателям этого пространства возможности духовного восхождения.

*И чем зеркальной отражает
Кристалл искусства мир земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной, –*

писал один из крупных поэтов Серебряного века Вячеслав Иванов. Истинное искусство, неся в себе огромный потенциал тонких энергий невидимого, является как бы мостом между мирами различных измерений. Однако такие «кристаллы» встречаются не столь часто.

---

¹ Флоренский П., священник. Собрание сочинений: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии (далее: Флоренский П. История и философия искусства). М., 2000. С. 250.

² Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994. С. 37.

«...Чтобы возыметь основной замысел, – замечает выдающийся русский философ И.А.Ильин, – чтобы постигнуть художественный предмет, – ты должен уйти в глубину сердечного созерцания и спросить из своего созерцающего сердца Бога, мир и человека о тайнах их бытия. Погрузись в эту духовную глубину, как в некое море, и вернись из нее с жемчужиной. Затеряйся в блаженных пространствах духовного опыта и принеси оттуда самый лучший цветок и соблюди в своем творчестве верность этой жемчужине или этому цветку»¹. «Цветок» духа, «жемчужину» духа – вот что приносит в плотный мир художник, погружаясь в духовные глубины своего внутреннего мира и через них входя в контакт с нездешним, Высшим миром. Однако этот «цветок» или «жемчужина» не являют собой плотный образ. Их превращает в образ рука самого художника, создающая для него форму, энергетическим сердцем которой остаются добытые трудами духовных усилий «цветок» или «жемчужина». Флоренский называет это энергетическое явление кристаллом, около которого «выкристаллизовывается земной опыт, делаясь весь, в самом строении своем, символом духовного мира»². И как бы ни называлось то, чем наполняется усиленно работающий дух художника, соприкасающийся с иными мирами, энергетический процесс воплощения добытого «цветка», «жемчужины» или «кристалла» в форму плотного мира сложен, а подчас и мучителен.

Флоренский приводит рассказ Донато Браманте, современника великого Рафаэля, который как нельзя лучше иллюстрирует взаимоотношения художника с энергетикой иных миров и дает яркое представление о страдальческом пути к истинной Красоте.

«И ночь и день беспрестанно, – пишет Браманте, – неутомимый дух его трудился в мыслях над образом Девы, но никогда не был в силах удовлетворить самому себе; ему казалось, что этот образ все еще отуманен каким-то мраком перед взорами фантазии. Однако иногда будто небесная искра заранивалась в его душу, и образ в светлых очертаниях являлся перед ним так, как хотелось бы [ему] написать его; но это было одно летучее мгновение: он не мог удерживать мечты в душе своей»³.

Далее Браманте повествует о том, как Рафаэль потерял терпение и стал писать Мадонну, и дух его все более воспламенялся. Однажды он проснулся в большом волнении. «Во мраке ночи взор Рафаэля привлечен был светлым видением на стене против самого его ложа;

---

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 340.

² Флоренский П.А. Иконостас. С. 52.

³ Там же. С. 74.

он вглянулся в него и увидел, что висевший на стене еще недоконченный образ Мадонны блистал кротким сиянием и казался совершенным и будто живым образом. Он так выражал свою божественность, что градом покатались слезы из очей изумленного Рафаэля. С каким неизъяснимо-трогательным видом он смотрел на него глазами слезными, и каждую минуту казалось ему, этот образ хотел уже двигаться; даже мнилось, что он двигается в самом деле. Но чудеснее всего, что Рафаэль нашел в нем именно то, чего искал всю жизнь и о чем имел темное и смутное предчувствие. Он не мог припомнить, как заснул опять; но, вставши утром, будто переродился: видение навеки врезалось в его душу и чувства, и вот почему удалось ему живописать Матерь Божию в том образе, в каком он носил Ее в душе своей, и с тех пор всегда с благоговейным трепетом смотрел на изображение своей Мадонны. Вот что мне рассказал друг мой, дорогой Рафаэль, и я почел это чудо столь важным и замечательным, что для собственного наслаждения сохранил его на бумаге»¹. Слова «я почел это чудо столь важным» свидетельствуют о высокой духовности и достаточном собственном опыте самого автора этих строк.

Философско-художественные исследования П.А.Флоренского в области иконописного искусства представляют с этой точки зрения огромный интерес. «Так в художественном творчестве, – пишет он, – душа восторгается из дольного мира и всходит в мир горний. Там, без образов, она питается созерцанием сущности горнего мира, осязает вечные ноумены вещей и, напитавшись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольный. И тут, при этом пути вниз, на границе вхождения в дольное, ее духовное стяжание облекается в символические образы – те самые, которые, будучи закреплены, дают художественное произведение. Ибо художество есть оплотневшее сновидение»².

Флоренский нашел точные слова, смыслом своим проникающие в суть источника истинного искусства. Также знаменательны его мысли о механизме энергетического взаимодействия между художником и Высшим миром. «...Есть два рода образов: переход через границу миров, соответствующий восхождению, или вхождение в горнее, и переход нисхождения долу. Образы же первого – это отброшенные одежды дневной суеты, накипь души, которой *нет* места в ином мире, вообще – духовно неустроенные элементы нашего существа; тогда как образы нисхождения – это выкристаллизовавшийся на границе миров

---

¹ Флоренский П.А. Иконостас. С. 75.

² Там же. С. 47.

опыт мистической жизни. Заблуждается и вводит в заблуждение, когда под видом художества художник дает нам *все* то, что возникает в нем при подымающем его вдохновении, – раз только это образы восхождения: нам нужны предутренние сны его, приносящие прохладу вечной лазури, а то, другое, есть психологизм и сырье, как бы ни действовали они сильно и как бы ни были искусно и вкусно разработаны»¹. Проблема «эволюция–инволюция», которая исследуется в книге Флоренского «Столп и утверждение Истины», обретает в «Иконостасе» свое нужное место. Художник, несущий в себе истинное искусство, в данном процессе выполняет роль Творца с большой буквы (нередко являясь им в действительности), который, подобно Высокой сущности, спускается в низший мир, принося этому миру необходимые для дальнейшей эволюции последнего энергетические дары. И когда дух этого художника, после краткого путешествия в мир иного измерения, входит в плотные слои материи, в них сгорит все наносное, ненужное и мешающее созданию художественного образа, который обретает свойство символа. Космическое творчество, а оно включает и художество, как важнейшую свою часть, происходит на узкой, похожей на лезвие бритвы грани энергетического взаимодействия эволюции и инволюции. Без инволюции не может существовать эволюция. Без плотной материи не могут быть созданы совершенные художественные формы, несущие в себе отражение Красоты Высших миров. «...Художество нисхождения, – справедливо утверждает Флоренский, – как бы оно ни было несвязно мотивировано, очень *телеологично*, – *кристалл времени в мнимом пространстве*; напротив, при большой даже связности мотивировок, художество восхождения построено *механически*, в соответствии со временем, от которого оно отправлялось. Идя от действительности в мнимое, натурализм дает мнимый образ действительности, пустое подобие повседневной жизни; художество же обратное – символизм – воплощает в действительных образах *иной* опыт, и тем даваемое им делается высшею реальностью»². Эта высшая реальность, напитанная энергетикой миров более высоких состояний материи, проявляется в святынях – чудотворных иконах и великих художественных полотнах. Энергетика творений истинного художества воздействует на человека. Он может ее воспринимать сознательно или неосознанно. Все зависит от уровня его духовного развития. Под воздействием таких творений трансформируется и утончается

---

¹ Флоренский П.А. Иконостас. С. 47–48.

² Там же. С. 48.

энергетика смотрящего или взаимодействующего с этим произведением человека. Но когда художнику удастся достигнуть в своем творении той «высшей реальности», о которой говорит Флоренский, то это взаимодействие может иметь самые неожиданные результаты. Это случается не часто, но, тем не менее, имеет место.

Иконы, созданные в активном взаимодействии с Высшим, играют как бы роль посредника между миром земным и тем невидимым, энергетика которого влияла на их создание. Такие иконы посылали на смотрящего или молящегося энергетические, целенаправленные волны, возбуждающие видения, или, иначе говоря, открывали окно, иногда и двери в мир иной в полном смысле этого слова.

«...Ведь всегда мы общаемся с энергией сущности, – замечает Флоренский, – и, через энергию, с самой сущностью, но не непосредственно с последней. И икона, будучи *явлением*, энергией, светом некоторой духовной сущности, а точнее сказать, благодатью Божией, есть больше, чем хочет ее считать мысль»¹. И еще: «При молитвенном цветении высоких подвижников иконы неоднократно бывали не только окном, сквозь которое виделись изображенные на них лица, но и *дверью*, которою эти лица входили в чувственный мир. Именно с икон чаще всего сходили святые, когда являлись молящимся»². «Я почел это чудо столь важным и замечательным». Так и хочется повторить слова старинного друга Рафаэля – Донато Браманте, прочтя эти строки Флоренского. Все это лишний раз доказывает, что нет храма без искусства, нет связи с мирами Высшими без истинного художества, а без этого нет духовного роста самого человека и эволюционного его восхождения на предназначенные ему Космосом вершины.

Флоренский открывает нам еще один важнейший момент, исследуя проблему истинного искусства иконописи. Духовные подвижники, возведенные различными конфессиями в ранг святых, назывались им свидетелями миров нездешних. «Небо от земли, – пишет он, – горнее от дольного, алтарь от храма может быть отделен только *видимыми свидетелями мира невидимого* – живыми символами соединения того и другого, иначе – святыми тварями. Это они, зримые в видимом, свободные от сообразия веку сему, преобразовали свое тело и, обновив свой ум, пребывают “превыше мирского слития”, в невидимом. Потому-то они и свидетели невидимому – свидетели сами собою, сам[и]м видом своим, ликом своим. Они живут с нами и доступны общению,

---

¹ Флоренский П.А. Иконостас. С. 68.

² Там же. С. 70.

даже доступнее нас самих; они – не призраки земли, но плотно стоят на земле, совсем не отвлеченные, совсем не бескровные. Но они – не только они, не кончаются заглушенно тут же, на земле: они – идеи, живые идеи мира невидимого. Они, свидетели, – можно сказать, *возникают* на границе видимого и невидимого, как символические образы видений при переходе от одного сознания к другому. Они – живая душа человечества, которую оно взшло в мир горний, отложив призрачные мечтания при переходе и, восприняв иной мир, при возвращении долу себя самих преобразили в ангельские образы мира ангельского¹. В этом фрагменте мы имеем дело с высокой философской мыслью о тех, кто обитал и обитает сразу в двух мирах – плотном и тонком, видимом и невидимом, о стоящих крепко на нашей грешной земле подвижниках, святых, Великих душах, которые, жертвуя своей эволюцией, возвращаются на Землю, чтобы изменить ее энергетику, принести весть о нездешних «мирах ангельских» и помочь земному человечеству вырваться, наконец, из пут плотной и тяжелой материи нашего трехмерного мира. Свидетели миров иных, живая душа человечества: Учителя, Подвижники, Святые ведут упирающееся человечество сквозь инерцию плотной материи по лестнице космической эволюции.

Флоренский обращает наше внимание еще на одно обстоятельство, на существовавшую в духовной живописи традицию. «Икона как закрепление и объявление, возвешение красками духовного мира, – объясняет он, – по самому существу своему есть, конечно, дело того, кто *видит* этот мир, – *святого*, и потому, понятно, иконное художество, в соответствии с тем, что на светском языке называется художеством, принадлежит не иначе как святым отцам»². Меньше всего приходится думать, что именно эти святые отцы, или свидетели, как называет их Флоренский, занимались этим художеством, правда, сочетание в одном лице святого и художника также имело место в иконописном искусстве. В этом случае сам свидетель, или тот, кто видит мир иной, мог сам запечатлеть образы, ему представшие. На таких произведениях лежал особый эстетический и энергетический налет, который помогал отличить искусство свидетеля от труда художника-иконописца. В России такой личностью, сочетавшей в себе святого и великого художника, был Андрей Рублев. Его «Троица» является ярким образцом высокого духовного искусства. Эту икону описал еще один свидетель, каковым был, без сомнения, сам о. Павел.

---

¹ Флоренский П.А. Иконостас. С. 60–61.

² Там же. С. 75.

Н.К.Рерих. Хозяин Дома. Роспись часовни в Ницце. 1912 г.

Н.К.Рерих. Благие посетившие. Роспись часовни в Ницце. 1912 г.

Н.К.Рерих. Город. Роспись часовни в Нице. 1912 г.

*Н.К.Рерих. Отроки-продолжатели.
Роспись часовни в Ницце. 1912 г.*

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Флоренский
Тавел ^{Фамилия} Александрович
 умер (ла) 08 декабря 1937
Посела Еввятьсои тридцать
серьезного ^(цифрами и прописью) года
 в возрасте 55 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 37 года ноября месяца 02 числа
 произведена запись за № 63
 Причина смерти расстрел

Место смерти: город, селение
 район
 область, край Ленинградская
 республика
 Место регистрации

Отдел ЗАГС
 ИСПОЛКОМ
 Калининского Райсовета
 г. Москва

Дата выдачи 24 ноября 1937 г.
 Заведующий отделом (бюро)
 Подпись актов гражданского состояния Лев

VIII-МЮ № 423815

Свидетельство о казни П.А.Флоренского

*Италия, Ватикан. Часовня св. Марии.
Новомученик о. П.Флоренский (первый слева). Мозаика*

«Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева внезапно сдернутая перед нами завеса ноуменального мира... Он воистину передал нам узренное им откровение. Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному миру бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольном, противопоставилась любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком от Троицы Рублева прямо в душу созерцающего, эту ничему в мире не равную лазурь, более небесную, чем само земное небо, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность – мы считаем творческим содержанием иконы Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни – деревом и земля – скалою, – все мало и ничтожно перед этим общением неиссякаемой, бесконечной любви, все лишь около нее и для нее, ибо она своей голубизной, музыкой своей красоты, своим пребыванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений, – есть само небо, есть сама безусловная Реальность»¹.

Иными словами, «Троица» Рублева заключает в себе два мира – ноуменальный и феноменальный, ибо художник, в силу своего духовного свойства, соприкасался с тем и другим и нес в себе то и другое. И мир ноуменальный, завесу с которого сдернул великий художник, не просвечивает сквозь материю феноменального, а как бы существует самостоятельно и отдельно во всей своей иномирной красоте, во всей своей духовной силе. Икона представила собой редчайший образец художественного общения с Высшим, с миром иного состояния материи и иного, более высокого измерения. Однако в большинстве случаев святые подвижники лишь направляли художника, озаряя его искусство своими видениями и снами. От духовного развития самого иконописца, от его способности осязать невидимое и понимать его зависело качество и энергетика самой картины или иконы, выполненной под воздействием святого свидетеля. Если энергетика такого свидетеля и свидетеля свидетеля, каковым являлся сам художник, находились в гармонии и соответствии, то результат оказывался очень высоким. «В собственном и точном смысле слова, – утверждает Флоренский, –

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 73.

иконными художниками могут быть только *святые*, и, может быть, бóльшая часть святых художествовала в этом смысле, направляя своим духовным опытом руки иконописцев, достаточно опытных техники, чтобы суметь воплотить небесные видения, и достаточно воспитанных, чтобы быть чуткими к внушениям благодатного наставника»¹.

В «Иконостасе» Флоренский открыл перед нами новый удивительный мир русской иконописи и ее высокое духовное содержание, в котором нашел свое место не только общий религиозный опыт, но и личный опыт самого автора, выступившего здесь в нескольких ипостасях – священника, философа, ученого – составивших одно целое при исследовании взаимодействия мира нездешнего с миром земным. Проблема синтеза святости и художества несла в себе предпосылки той новой красоты, которая пришла на смену символической и проявилась новым космическим мышлением. В результате для земного творчества в этом русле раскрылись новые влекущие горизонты.

...Ранним утром январского дня я вошла в ворота старинного города Ассизи. Город, расположенный на склоне невысокой горы Субазии, был окружен стеной, сложенной из необработанных камней и местами уже разрушившейся. На вершине горы над городом возвышалась крепость Рокко Мажоре, или Большая крепость, башни и зубчатые стены которой хорошо были видны от городских ворот. Утро было ясное, и по небу над городом плыли легкие, прозрачные облачка. От ворот начинался целый лабиринт узких улочек, мощеных отполированными за многие века камнями и сжатых стенами старинных, невесть когда сооруженных домов. Дома были массивные, с потемневшими от времени стенами, с окнами, схваченными ставнями, и выщербленными от времени ступенями, ведущими к массивным дверям. Двери были плотно закрыты, улицы пусты, а временами где-то в глубине уличных переплетений раздавался звук шагов редких прохожих. И этот звук напоминал, что город все-таки обитаем. Но когда шаги замолкали, ко мне возвращалось странное ощущение, что время остановилось на этих узких улицах с каменными рядами домов, иногда возникавшими старинными церквями, часовнями и зданиями с арочными входами, похожими на монастырские. Как призраки, проплыли колонны древнего римского храма и каменные круги амфитеатра, чудом сохранившиеся в тесноте старинных улочек. Здесь время не только остановилось, оно

---

¹ Флоренский П.А. Иконостас. С. 84.

как бы какой-то таинственной силой возвращалось назад, туда, к воинственным и загадочным этрускам и далее – туда, к древним неизвестным племенам, которые первыми обжили эту удивительно красивую гору. Старинный город, в котором я блуждала, оказался небольшим, и я вскоре вышла к просторной площади, по бокам которой тянулись аркады, а над ними возникло то, к чему я стремилась. Это походило на фантастический каменный всплеск изощренных архитектурных форм, несших на себе знаки различных стилей и различных художественных фантазий. Возвышавшееся над городом здание было гармоничным переплетением арок, стрельчатых окон, башен, порталов и портиков, где над входами цвели каменные розы, а романск и готика пели каждый свою песню, но обе они составляли неразрывное единство красоты и гармонии. Это и была Базилика святого Франциска, который своим духом и своими деяниями прославил не один Ассизи, но и всю Италию. Базилику творили не только умелые архитекторы, но и великие художники: Чимабуэ, Пьетро Лоренцетти, Симоне Мартини, Джотто и другие, чьи имена потерялись во времени.

Сам святой, оставивший яркий след в духовной истории Европы, родился в 1182 году и умер в 1226. Базилика стала художественным прибежищем в XIII–XIV веках, когда в искусстве Италии происходили неожиданные и таинственные перемены, предшествующие периоду, который мы называем Возрождением, и без которых Возрождение как явление культуры не смогло бы состояться.

Я пересекла площадь и вошла в здание. То, куда я попала, называлось Нижним храмом, или Нижней церковью. Здесь царил полумрак, и когда глаза привыкли к нему, я увидела низкий сводчатый потолок, пересеченный расписанными парусами, фрески по стенам и изысканную резьбу по дереву. И это торжество красоты и художественной пышности так не вязалось с тем, что я знала о святом Франциске и его жизни. Я видела его одежду – хламиду, сшитую из различных кусков грубошерстной ткани, местами разлезшуюся и обтрепанную. Он не стремился к внешней красоте, ибо внутренняя его красота была столь высока, что никакое земное художество не могло соперничать с ней или усилить ее. Только такая хламида нищего монаха могла это сделать. Извечный процесс взаимодействия духа и материи имеет свои неожиданные парадоксы.

Тут же в Нижнем храме находились и мощи святого Франциска, в саркофаге под главным алтарем. Медленно продвигаясь вдоль стен, я разглядывала фрески, поражаясь и восхищаясь искусством их

создателей. Но чем больше я вглядывалась в эти фрески, писанные и на библейские сюжеты и отражавшие отдельные эпизоды жизни самого Франциска, тем больше чего-то в них не понимала. Мне показалось, что они несут в себе как бы разные стили. И эти стили нередко смешивались в одной фреске, тем самым подчеркивая разноголосицу. Почему-то я сразу для себя назвала все эти различия стилями, но потом поняла, что дело не в стилях, что речь идет об организации пространства во фресках. И прежде всего о перспективе. В самых ранних фресках, написанных в начале XIII века, многое по изображению походило на византийские и ранние иконы Древней Руси. И в тех и других, как мне показалось, была нарушена перспектива. Рассматривая фрески, я как бы систематизировала эти «нарушения», сбои в ближних и дальних планах. Художники почему-то изображали фигуры переднего плана меньшими, чем фигуры заднего плана. Идущие вдоль дороги люди двигались не в глубь фрески, а как бы поперек нее и были по размерам все одинаковыми, в изображениях присутствовала какая-то «плоскость», отсутствовали глубина и объемность. Портреты святых были тоже плоскими, без теней, без глубины фона, как будто вырезаны из бумаги. Я вспомнила картину Н.К.Рериха «Дела человеческие» и его росписи в часовне в Ницце. Там были те же «нарушения». Особенно они бросались в глаза в изображении архитектуры. Линии, образующие дома, башни, дворцы были построены так, что не могли где-то в пространстве ни сойтись, ни пересечься. Они уходили куда-то в неизвестность, расплывались и почти не «держали» пространство. Я видела подобные «нарушения» не однажды в старинных русских иконах и в миниатюрах, украшавших средневековые рукописи Европы. Потом я поднялась в Верхний храм, и что-то заставило меня сразу остановиться. Сквозь витражи храмового зала лился спокойный ровный свет и высвечивал тянувшиеся по стенам многоцветные фрески. Это был Джотто, его знаменитое «Житие святого Франциска». Пространство фресок было совсем другое, чем то, которое я видела в Нижнем храме, изображения отличались объемностью, ярко выраженной трехмерностью и глубиной. Через какое-то мгновение я поняла, что никогда не имела такой возможности – увидеть правильное пространство ранних фресок в непосредственном соседстве с «правильными». Да, конечно, мастер Чимабуэ. Это на его фресках я увидела какие-то элементы этой правильности. Я знала, что Чимабуэ был учителем Джотто. И мне на память пришли стихи Данте, когда-то мною прочитанные и почему-то запомнившиеся:

*О, тщетных сил людских обман великий,
Сколь малый срок вершина зелена,
Когда на смену век идет не дикий!*

*Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чувствуют без лести,
И живопись того затемнена¹.*

Что этим хотел сказать Данте? Что ученик превзошел учителя? Вряд ли. Все трое были современниками, и Данте среди них был самым великим. Глубина его пророческой мысли и поэзии не всегда была понятна современникам. В запомнившихся мне стихах звучит ирония и какое-то сожаление:

*Сколь малый срок вершина зелена,
Когда на смену век идет не дикий!*

Известна интуиция Данте, его пророческий дар и его символизм. «Вершина зелена» для него значила духовную культуру, которая, пока она зелена и наполнена соками жизненными, не допускает дикости грядущего века. И за этим имена Чимабуэ и Джотто. Почему в таком сочетании? Фрески Джотто в Верхнем храме были удивительны, и в них господствовала прямая, или, с моей точки зрения, «правильная» перспектива. Рассматривая их, одну за другой, я мыслью возвращалась в Нижний храм с его фресками, большинство которых были «неправильными», особенно ранние, писанные художниками, имена которых давно были забыты. Я даже несколько раз возвращалась в Нижний храм и снова поднималась в Верхний. Плоские фигуры, неправильная перспектива фресок Нижнего, как-то исправленная Чимабуэ и полностью отвергнутая Джотто. Во всем этом было что-то загадочное и неясное. Но постепенно я стала приходить в сознание и в какой-то момент поняла, что в Базилике Святого Франциска передо мной проходила эволюция художественного мира Италии от XIII века до XIV, от Средневековья до Возрождения, и Джотто являлся одним из первых его представителей. Скорее, это была революция. Теперь я воочию видела, как созревали ее предпосылки в ранних фресках, где византийская традиция была еще сильна, а затем взры-

---

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. М., 1986. XI, 91–96.

валась трехмерным миром Джотто, буйством его красок и осязаемой плотью его персонажей. Собственно, сюжеты и персонажи не изменились, это были библейские сюжеты и эпизоды из «Жития святого Франциска», иным оказался стиль их изображения и их измерение. Главное заключалось не в том, что изображалось, а как изображалось. В Нижнем храме были фрески, которые я отнесла к сакральной живописи. Византийские иконы, византийская роспись раннехристианских храмов, византийское миропонимание. Вот на этом миропонимании я сначала споткнулась, а затем с его же помощью поняла многое в том, что свершилось в истории Базилики. Революция произошла не только в художественном пространстве, но и в головах и сердцах людей, – изменилось их миропонимание. В основе этого изменения были сдвиги во взаимодействии Духа и Материи. Это взаимодействие и определяло особенности культуры, истории и эволюции. Были периоды, когда Дух занимал вершины жизни, и эта вершина зеленела, по мысли великого Данте, а временами Материя одерживала верх, и вершина жизни теряла свою зеленую окраску.

На исходе дня я вернулась в свой отель, который стоял на холме за старинной городской стеной, и, разложив книги по искусству Италии, которые я обрела по дороге, занялась серьезным их изучением и пришла к некоторым выводам. «Вершина зелена» была в Нижнем храме Базилики, где находились «неправильные» фрески, с «неправильным» пространством и «неправильным», плоским измерением. На них были изображены силы Небесные, видения и сны святых, их деяния и их фигуры. Это было изображение мира иного, мира Духа, мира Высшего. Так этот мир воспринимался свидетелями, или теми, кто его видел и ощущал. Все «неправильности» этих фресок были закономерны. Никто кроме святых не мог опровергнуть или утвердить это пространство, и они сделали это через искусство. Мир земной или отсутствовал на этих фресках, или был изображен неразрывно с миром иным, имевшим свой стиль изображения. Что же сделал Джотто, о котором так много писали его современники, пришедшие затем в мир искусствоведы и ученые различных мастей? Их отзывы измерялись довольно широкой шкалой – от восхищенных до недоуменных, а подчас просто критических. «...Хоры красок, – писал один из них, – слагаются в звучные песнопения. Есть в этих фресках что-то, напоминающее праздничную многоцветность русских икон, их колористическую сказочность. Вместе с тем Джотто, вне сомнения, разработал другое пространственное построение, отличное от

византийских традиций, открыв в живописи новый путь в сторону более реального отображения действительности»¹.

Другой, изучая цикл фресок Джотто о житии св. Франциска в Верхнем храме, отмечал: «В нем Джотто отошел от византийских и готических канонов, придав своим героям большее жизнеподобие и пластичность»².

«Джотто, – писал третий, – перевел язык живописи с греческого на латинский и сделал его современным: его искусство совершенно, как ни у кого иного»³. Он обращал внимание на трехмерность фресок Джотто, приближающих их к жизненной реальности.

В чем-то авторы этих отзывов были правы, но в чем-то, с моей точки зрения, и ошибались. За новой формой, новой, прямой перспективой и безусловной красотой этих фресок они не заметили изменения в миропонимании. Джотто спустил Небо на Землю, и все, что происходило на этом Небе, или в мирах иных, стало земным и отразило в себе не иное, более высокое состояние материи, а плотную, трехмерную материю земной реальности. Также и персонажи Высшего мира стали земными. Даже сны и видения святого Франциска были исполнены в трехмерной манере плотной материи. Джотто отступил от иномирной реальности и нарушил его сакральную художественную традицию. Все свидетельствовало о том, что был «оземлен» или «обматериален» иной мир, мир Духа, а не одухотворен плотный мир Земли. Джотто возвещал или, скорее, пророчествовал своими фресками о наступлении того века, в котором уже не зеленела вершина Духа и плотная материя, потеснив пространство Духа, постепенно стала занимать доминирующие позиции. И здесь, в Базилике святого Франциска, Нижний и Верхний храмы высветили все то, что произошло в недавней истории человечества, и сложный и противоречивый характер этого процесса. Эпоха Возрождения, эпоха нового миропонимания, эпоха свободомыслия и творческой свободы, эпоха научных открытий и отказа от прежних духовных традиций несла в себе еще не развившийся плод будущих нарушений, отступлений, отрицаний и страшных заблуждений, которые определяют наш исторический путь на долгие века. В этом состояла диалектика этой эпохи, ее прелестей, ее искушений и тупиков. Обо всем этом я узнала, посетив в старинном городе Ассизи Базилику великого святого Франциска Ассизского, в которой

---

¹ История и искусство Ассизи. Флоренция, 1996. С. 48.

² Там же.

³ Там же.

нетленной красотой сияют фрески великого Мастера Джотто, возвестившего ими начало новой эпохи, в которой мы постигнем пророческие слова великого провидца Данте:

«Сколь малый срок вершина зелена...»

* * *

Флоренский, изучая различные явления земного и нездешнего мира, обратил внимание на пространство, как таковое, которое он и счел одной из важнейших проблем различных способов познания и, в первую очередь, художественного. «...Опираясь, – писал он, – при отношении к действительности преимущественно на пространство и *на него* возлагая тяжесть воспостроения действительности, сознание движется в сторону художественного мировосприятия. Пределом этого рода восприятия действительности было бы почти полное отождествление действительности с пространством, где вещи вполне пластичные подчинялись бы пространству до утраты собственной формы. Такая действительность представлялась бы нам сложенной из светоносного газа, была бы облаками света, покорными каждому дуновению пространства. В области искусства близок, например, к этому пределу Эль-Греко. Напротив, перенося нагрузку на вещи, мы уплотняем их индивидуальность и вместе с тем обедняем пространство. Вещи, каждая порознь, стремятся к самозамкнутости. Связи между ними слабеют, а вместе с тем бледнеет пространство, утрачивая отличительную структуру, внутреннюю связность и целостность»¹. Иными словами, уровень художества и его качества определяется соотношением пространства и вещи, которая находится в этом пространстве. Что доминирует в творчестве, направленном на воспроизведение действительности, – само пространство, его таинственная энергетика, или вещь, и что возникает в том или ином случае. Главенствующая роль пространства и подчиненное положение вещи приводят к утончению изображаемой действительности, к ее одухотворению, то есть созданию высокодуховной действительности, к сохранению цельности самого пространства. Опора на вещи дает совсем другой, противоположный результат. Пространство и вещь, помещенная в ней, представляют, в конечном счете, не только элементы художества, но и разные мировосприятия. Их же взаимодействия решают, на каком пути находится само художест-

---

¹ Флоренский П. История и философия искусства. С. 90.

венное творчество и куда оно движется. В сторону огрубления, уплотнения и разъединения или в направлении одухотворения, утончения и целостности. Когда эта целостность ослабляется, продолжает Флоренский, то между внутренним и внешним пространством граница становится все менее надежной. «Из целого пространство имеет стремление стать вырезком другого, большего пространства, а вещи, хотя и обособленные каждая в себе, оказываются случайною кучею, собранность которой ничем не мотивирована. Такое воспостройство мира свойственно позитивизму в науке и натурализму в искусстве»¹.

Таким образом, именно пространство определяет не только стиль художественного построения, но и отражает мировосприятие самого творца. Это очень важное обстоятельство, которое не учитывается в философии искусства и в становлении мировоззрения, как такового. «Пространство, – отмечает Флоренский, – может быть объяснено силовым полем вещей, как и вещи – строением пространства. Строение пространства есть *кривизна* его, а силовое поле вещей – совокупность *сил* данной области, определяющих своеобразие нашего здесь опыта»². Осмысливание им пространства было новым и смелым. Анализируя его энергетику, его силовые поля, Флоренский пришел к выводу, что пространство микрокосма и пространство макрокосма – одно и то же. Эта мысль была крайне важна для изучения и восприятия пространства как такового. Пространство микро- и макрокосма составляло важнейшее явление в построении Мироздания и самым решительным образом влияло на его энергетику. «...Пространство есть начало, – писал он, – объединяющее силовые центры, т.е. дающее возможность вернуться силовому полю. Это значит, что оно должно вмещать в себе силы, или обладать *емкостью*. Нет никаких оснований ждать одинаковую емкость, когда меняются силы, соотносительные с данным пространством»³.

Понятие емкости пространства, зависящее от его энергетики, есть одно из важных оснований, которое дает возможность определить измерение пространства, складывающегося в материи различных состояний. Пространство, или его организация, определяет всю творческую гамму человечества, и в первую очередь творчества художественного.

«Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае это – пространство наших жиз-

---

¹ Флоренский П. История и философия искусства. С. 91.

² Там же. С. 91–92.

³ Там же. С. 111.

ненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой. В других случаях это пространство есть пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукой и философией. Наконец, третий разряд случаев лежит *между* первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства – как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством <...> В каждой деятельности – все, и каждое пространство имеет сродство с прочими. Да иначе и быть не могло бы, раз культура едина и служит одному субъекту, а пространства, как бы они ни были разнообразны, все-таки именуется одним словом – *пространство*¹. Таким образом, Флоренский рассматривает культуру как «деятельность организации пространства», причем по своей энергетике единого пространства. Сама же художественная его часть играет связующую роль в организации такого пространства или в познании этого пространства.

«...Цель художника – преобразить действительность, – утверждает он. – Но действительность есть лишь особая организация пространства; и следовательно, задача искусства – переорганизовать пространство, т.е. организовать его по-новому, устроить по-своему. Художественная суть предмета искусства есть строение его пространства, или формы его пространства»². Он считал художество более философичным, нежели фактическое изображение. И в этой мысли заключалась значительная доля истины, объясняющая суть самого искусства и его предмета. Утверждение, что «цель художника – преобразить действительность», несет в себе пространственный смысл художества, его важнейшую роль в организации и преобразении этого пространства. Организация или реорганизация пространства – это не только какое-то энергетическое действие по своей сути, но и, если можно так сказать, организация или реорганизация самого миропонимания, иначе говоря – мышления и новых или отживших его представлений. «Проблема пространства, – пишет он, – залегает в средоточии миропонимания во всех возникших системах мысли и предопределяет сложение всей системы <...> И чем плотнее сработана та или другая система мысли, тем определеннее ставится в качестве ее ядра своеобразное истолкование пространства. Повторяем: миропонимание – пространствопонимание»³.

---

¹ Флоренский П. История и философия искусства. С. 112–113.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 272.

Иными словами, проблема пространства есть основная в миропонимании. Миропонимание познается через пространство, а само пространство – через миропонимание. И наиболее ярко этот закон, сформулированный Флоренским, проявляется в художественном пространстве и объясняет профетический характер смысла его образов. Тем же, кто организует пространство, доступно и проникновение в пространство иного мира, иного измерения. Силовые поля различных пространств создают при определенной организации этих пространств энергетические проходы, сквозь которые проникает мысль и воображение художника, вынося его из пространства иного измерения, иного состояния материи и давая ему возможность образного изображения этого пространства. В системе других пространств, носящих познавательный характер, пространство художественное, или эстетическое, Флоренский считал более, если можно так сказать, высоким, более духовным, выходящим своей энергетикой на иные миры и несущим знания о них на Землю. В конце концов, степенью и глубиной понимания инобытия определялись закономерности построения пространства и то миропонимание, которое возникало в той или иной эпохе истории искусства и которое определяло способ и вид мышления самого человечества. Эти мысли о художественном пространстве и неразрывной его связи с миропониманием и мироощущением были использованы Флоренским и в другом его блестящем и глубоком труде, в «Обратной перспективе», где он и проанализировал неразрывную связь между организацией пространства и миропониманием. Он взял за главную особенность художественного пространства перспективу или ее отсутствие и провел исторический, а затем и философско-научный анализ этого явления, который своей новизной вызвал самые разноречивые оценки.

В художественном пространстве Флоренский исследовал, прежде всего, иконы и обнаружил в них некие нарушения в изображении предметов, архитектуры и людей. «Как в криволинейных, – отмечает он, – так и в ограненных телах, на иконе бывают нередко показаны такие части и поверхности, которые не могут быть видны сразу <...> Так, при нормальности луча зрения к фасаду изображаемых зданий, у них бывают показаны совместно обе боковые стены; у Евангелия видны сразу три или даже все четыре обреза; лицо – изображается с теменем, висками и ушами, отвернутыми вперед и как бы распластанными на плоскости иконы, с повернутыми к зрителю плоскостями носа и других частей лица, которые не должны были быть показаны, да еще при повернутости плоскостей, которым, напротив, естественно

было бы быть обращенными вперед; характерны также горбы согбённых фигур деисусного ряда, спина и грудь, одновременно представленные у св. Прохора, пишущего под руководством Апостола Иоанна Богослова, и другие аналогичные соединения поверхностей профиля и фаса, спинной и фронтальной плоскостей и т.д. В связи с этими дополнительными плоскостями линии, параллельные и не лежащие в плоскости иконы или ей параллельной, которые перспективно должны были бы быть изображены сходящимися к линии горизонта, на иконе бывают изображены, напротив, расходящимися. Одним словом, эти и подобные нарушения перспективного единства того, что изображается на иконе, настолько явны и определены, что на них первым делом укажет самый посредственный ученик, хотя бы лишь мимоходом и из третьих рук отведавший перспективы»¹.

Эти повсеместные нарушения в перспективе рождали у исследователя мысль «об особой системе изображения и восприятия действительности, на иконах изображаемой»². Такую перспективу с нарушениями и отступлениями от физической действительности Флоренский называл обратной, или обращенной. В отличие от искусствоведов и прочих исследователей мировой культуры, которые считали подобную перспективу незнанием художниками закономерностей пространства, Флоренский усматривал в этом «сложный художественный расчет»³. Но этот художественный расчет, согласно Флоренскому, был связан не только с перспективой, но и еще с некоторыми другими особенностями старинных русских икон – нарушениями в светотени изображений. «...Если обратиться к светотени, – поясняет Флоренский, – то и тут мы находим в иконах своеобразное распределение теней, подчеркивающее и выделяющее несоответствие иконы изображению, требуемому натуралистическою живописью. Отсутствие определенного фокуса света, противоречивость освещений в разных местах иконы, стремление выдвинуть массы, которые должны были бы быть затененными, – это опять не случайности и не промахи мастера-примитивиста, но художественные расчеты, дающие максимум художественной изобразительности»⁴. Но, собственно, что собой представляют этот «сложный художественный расчет» и этот странный «максимум художественной выразительности», что за ними стоит и что управляет при этом са-

---

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 43–44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 47.

мим художником? Чтобы ответить на этот вопрос, Флоренский сделал серьезный экскурс в историю искусств, чтобы установить связь между изобразительностью и перспективой. Вавилонские плоские барельефы и египетские фрески не имели перспективы вовсе. «...Всем памятна, – отмечает он, – профильность лица и ног при повороте плечей и груди египетских рельефов и росписей»¹. У египтян отсутствие перспективы как таковой было связано со стремлением к «*религиозной объективности и к сверхличной метафизичности*. Напротив, когда разлагается религиозная устойчивость мировоззрения и священная метафизика *общего* народного сознания разъедается индивидуальным усмотрением *отдельного* лица с его *отдельною* точкою зрения, и притом с *отдельною* точкою зрения *в этот* именно данный момент, – тогда появляется и характерная для отъединенного сознания перспективность; но притом – все же сперва не в искусстве чистом, которое по самому существу своему всегда более или менее метафизично, а в искусстве *прикладном*, как момент декоративности, имеющий своим заданием *не истинность бытия, а правдоподобие казания*»². Таким образом, осмысливая древнейший период истории искусства, Флоренский приходит к логическому выводу о том, что искусство с самого начала носило сакральный характер и имело отношение к религиозному миропониманию. Иными словами, оно отражало, и это особенно относится к древнеегипетскому искусству, мир иной, священный, Высший, организация пространства которого не была похожа на земную. Мир иной, согласно египетской мифологии и религии, имел иное, «бесперспективное» пространство, и его отражение в пространстве земного художества имело свои наработанные веками традиции, соблюдая которые, можно было не только постигнуть истинность бытия, но и суметь отразить его. «...Живопись, – справедливо утверждает Флоренский, – имеет задачей *не дублировать действительность, а дать наиболее глубокое постижение ее архитектоники, ее материала, ее смысла; и постижение этого смысла, этого материала действительности, архитектоники ее – созерцающему глазу художника дается в живом соприкосновении с реальностью, вживанием и вчувствованием в реальность*»³. Реальность – понятие, которое часто употребляет Флоренский, есть то, что стоит за земной действительностью, точнее, в глубине этой действительности и придает ей таинственный истинный смысл. Иными словами, реаль-

---

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 51.

ность – это инобытие, без познания которого невозможно определить истинный смысл действительности. Сакральная древняя живопись в своих формах и своем пространстве была тесно связана с реальностью и несла в себе богатейший познавательный космический смысл. Пространство микрокосма устроено как пространство макрокосма. Познывая свой внутренний микрокосм, художник выходит на глубины макрокосма и запечатлевает в своих произведениях его формы, его организацию, его энергетическое пространство. Постигание всего этого делает сакральное искусство способом познания реальности, в которой в объединяющем единстве связаны мир земной и миры иного состояния материи. Опираясь на собственный опыт инобытия, Флоренский сумел угадать иномирную реальность в художественном пространстве Земли, выраженную особой организацией этого пространства в произведениях художников – отсутствием перспективы или, позже, обратной перспективой, когда миропонимание самой реальности стало глубже и доступней. Запечатленное в художественном пространстве, это миропонимание со временем изменилось вместе с изменением организации пространства. На смену «бесперспективности» и обратной перспективе пришла прямая, открывшая земную трехмерность и потеснившая, а затем и вовсе уничтожившая пространство Реальности не только на полотнах и в произведениях художников, но в их внутреннем мире, в их миропонимании. Наступило новое историческое время, и возник новый человек в культурно-духовном пространстве Земли. С полотен художников ушла Реальность, а об руку с этим – сознание инобытия из миропонимания самого человека.

«Пафос нового человека, – определяет Флоренский человека Нового времени, – избавиться от всякой реальности, чтобы “хочу” законодательствовало вновь строящейся действительностью, фантазмагоричной, хотя и заключенной в разграфленные клетки. Напротив, пафос античного человека, как и человека средневекового, – это приятие, благодарное признание и утверждение всяческой реальности как блага, ибо бытие – благо, а благо – бытие; пафос средневекового человека – утверждение реальности в себе и вне себя, и потому – объективность. Субъективизму нового человека свойственен иллюзионизм; напротив, нет ничего столь далекого от намерений и мыслей человека средневекового (а корни его в античности), как творчество подобию и жизнь среди подобию»¹. Иными словами, на грани Средневековья и Нового времени произошло

---

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 58–59.

изменение миропонимания по причинам различного характера. Эпоха Возрождения оказалась началом этого процесса. Наряду с изменениями в искусстве, произошли перемены и в науке. Она стала быстро развиваться и крепнуть, но духовность ее сузилась, а затем и вовсе исчезла.

«Ведь есть, в конечном итоге, – отмечает Флоренский, – только *два* опыта мира – опыт общечеловеческий и опыт “научный”, т.е. кантовский, как есть только *два* отношения к жизни – *внутреннее* и *внешнее*, как есть два типа культуры – созерцательно-творческое и хищнически-механическое»¹. Каждая эпоха выбирает свой тип культуры. Флоренский, без всякого сомнения, отдавал предпочтение первому типу культуры, той истинной культуре, в основе которой лежит понятие культа и в которой «красота служит лишь критерием воплощенной истины»². Мы находим у Флоренского разъяснение понятий этой истинной культуры. «“Все догматические споры, – пишет он, – от первого века до наших дней приводятся к двум вопросам: к проблеме Троицы и к проблеме Воплощения. Эти две линии вопросов были отстаиванием абсолютности Божественной, с одной стороны, и абсолютности же духовной ценности мира – с другой. Христианство требует с равной силой и той и другой... Если нет абсолютной ценности (Бога), то *ничего* воплощать и, следовательно, невозможно самое понятие культуры. Если же жизнь как среда насквозь чужда божественности, то она неспособна воплотить в себе творческую форму и, следовательно, снова останется она сама по себе, вне культуры, снова уничтожается понятие культуры... Защита культуры в самых ее основах всегда была борьбой за оба *взаимонеобходимые* начала культуры” <...> Культура есть воплощение в земной среде божественного начала. Если *ничего* воплощать или если *негде* воплощать, т.е. если нет Бога или среды для Него, то культура умирает»³. В эпоху Возрождения, а затем и Просвещения движение шло от этого «божественного начала», от духовного пространства ко второму типу культуры, если его можно так назвать, который, развиваясь в Новое время и переходя в Новейшее, принес свои противоречивые и кризисные плоды.

Наряду с изменением миропонимания изменялась организация пространства. Насмену метода бесперспективности и обратной перспективы, связанной с началом духовным, божественным или иномирным, пришла прямая перспектива, превратившая эти начала в трехмерный

---

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 60.

² Флоренский П. История и философия искусства. С. 161.

³ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 92–93.

земной мир вместе со всеми небожителями. Джотто, фрески которого можно увидеть, в частности, в Базилике св. Франциска в Ассизи, был одним из пионеров прямой перспективы, ставшей господствующим началом в организации художественного пространства эпохи Возрождения. «Джотто создал себе идеал всемирной и гуманитарной культуры, – утверждает Флоренский, – и он представляет себе жизнь в духе либерпансеров Ренессанса, как земное счастье и прогресс человека, с подчинением основной цели – полному и совершенному развитию всех естественных сил – всего остального; изобретателям полезного и прекрасного принадлежит здесь первое место <...> Еще полный благородных соков Средневековья и сам не натуралист, он уже испытал самый первый, предутренний ветерок натурализма и сделался его провозвестником»¹. На полотнах Джотто линии, уходившие к горизонту, сходились в одном месте, меняя всю структуру прежней организации художественного пространства. Переход к такой структуре самого пространства совершается по ряду возникших в тот период причин. «Когда безусловность теоцентризма заподозревается, – пишет Флоренский, – и наряду с музыкой сфер звучит музыка земли (разумею “землю” в смысле самоутверждения человеческого “я”), тогда начинается попытка подставить на место помутневших и затуманившихся реальностей – подобия и призраки, на место теургии – иллюзионистическое искусство, на место божественного действия – театр»².

Прямая перспектива вместе с новым миропониманием исключала из прежнего художественного пространства Высшее, божественное и иномирное. Такая организация пространства была сочтена учеными и искусствоведами более естественной и удобной для глаза человека. Они не увидели за этим явлением нового мировосприятия, в корне отличного от существовавшего. Перспектива, полагает Флоренский, должна быть «свидетельницей реальности»³. Она должна определять меру этой Реальности в художественном пространстве, неся с собой некое «духовное возбуждение»⁴, связанное с Реальностью. У прямой, «земной», перспективы эта связь отсутствует. Работа «Обратная перспектива» не только глубоко анализирует связанную с Духом и Высшим организацию пространства, заключавшего в себе Реальность иных миров, но и содержит ряд важных моментов для развития новой системы познания,

---

¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же.

для ее методологии и осознания существования миров иного состояния материи, тесно связанных с плотной материей Земли и мощно влияющих на энергетику земной жизни. Но осознание этого пришло много позже, в XX веке, а до этого человечеству надо было пройти через века, в течение которых развивалось материальное, натуралистическое мировоззрение, пробиться через плотную материю, отделившую инобытие в художественном пространстве от земной действительности, и подойти к великому кризису культуры и искусства, к утрате эстетического чувства, к падению духовности и через многое другое, что было связано с новым миропониманием, пришедшим на Землю на границе Средневековья и Нового времени. В искусстве за это время менялась не только перспектива, но и сами сюжеты. Наряду с библейскими, или священными, сюжетами появлялись чисто исторические, затем сюжеты, повествующие о бытии человека, его труде, особенностях его повседневной жизни. Духовный сюжет все больше и больше уходил из художественного пространства, давая место человеку, занятому своими делами, своими бедами, захваченному событиями, участником которых он оказывался. Человек теснил Бога, Материя теснила Дух, контакты с инобытием уменьшались, а местами и полностью прерывались. Шедшие на Землю энергоинформационные потоки из миров более высоких состояний материи – не воспринимались. Все чаще и чаще в искусство проникало безобразие, вытесняя оттуда истинную Красоту. Все эти процессы достигают своего апогея в XX веке, о котором великий русский поэт А.А.Блок написал словно высеченные на древнем камне строки:

*Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,*

*И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвлечение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслышанные перемены,
Невиданные мятежи¹.*

И среди этой наступающей тьмы яркой недолговечной звездой на горизонте Европы вспыхнул символизм и вскоре погас, уйдя в сомнительные глубины новых направлений художества. И только в России из него выросло новое, еще неизвестное дотолем миропонимание. Оно проникло в инобытие, подняло на пьедестал красоту образа и слова и создало свою духовную цитадель, откуда шли космические всплески нового мышления. Цитадель пала под тупыми и тяжелыми ударами тоталитарного бездуховного и безбожного режима, однако успела оставить в энергетическом пространстве России ростки грядущего мышления и космической красоты.

Флоренский исследовал не только область искусства но, будучи блестящим ученым-математиком, проанализировал и геометрическое пространство и привел доказательства существования в нем явлений, свидетельствующих о пространствах иных измерений. С этой точки зрения его работа «Мнимости в геометрии», которая далеко не всеми принимается, интересна и важна. Так называемое мнимое пространство, «мнимости в геометрии» – это соприкосновение науки с мирами иных состояний материи.

«Мнимости в геометрии» с «Иконостасом» и «Обратной перспективой» представляют собой важнейшие вехи на пути формирования нового космического мышления и синтетической системы познания. В них содержатся доказательства существования иной Вселенной, иных миров, не доступных ни нашему глазу, ни нашим чувствам, но духовно связанных с нами и влияющих на наш мир плотной материи.

«В геометрии, – пишет Флоренский, – изучаем мы *пространство*, – не линии, точки и поверхности, как таковые, а именно *свойства*

---

¹ Блок Александр. Сочинения. В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 485–486.

пространства, выражающиеся и в этих частных пространственных образованиях»¹. Он ставит перед собой задачу «расширить область двумерных образов геометрии так, чтобы в систему пространственных представлений вошли и мнимые образы. Короче говоря, необходимо найти в пространстве место для мнимых образов, и притом ничего не отнимая от уже занявших свои места образов действительности»². Ученый выполнил эту задачу, постиг свойства пространства, используя при этом не только геометрию, но и, казалось бы, совсем неожиданный для науки источник – «Божественную комедию» Данте. Данте был не только великим поэтом, но и эзотериком, обладателем тайных знаний, причастным к свидетельству миров иных. Его описания строения Мироздания в «Божественной комедии» настолько реальны, что послужили Флоренскому основанием для анализа «мнимостей в геометрии». В связи с этим ученый делает парадоксальный вывод, что «разрывая время, “Божественная Комедия” неожиданно оказывается не позади, а *впереди* нам современной науки»³.

В заключение Флоренский пишет: «Область мнимостей реальна, постижима, а на языке Данте называется *Эмпиреем*. Все пространство мы можем представить себе *двойным*, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через *разлом* пространства и *выворачивание* тела через самого себя. Пока мы представляем себе средством к этому процессу только увеличение скоростей, может быть, скоростей каких-то частиц тела, *за* предельную скорость *c* (скорость света. – *Ред.*); но у нас нет доказательств невозможности каких-либо иных средств»⁴. Эта мысль Флоренского, связывающая напрямую устройство Мироздания с внутренним пространством самого человека, была столь смела и парадоксальна, что не могла быть воспринята ни невежественными идеологами, ни ортодоксальными учеными. Опережение своего времени, которое присуще свидетелям иного мира, обладающим духовным зрением, стоило Флоренскому жизни.

Советские идеологи сразу отреагировали на эту работу, хотя и не поняли ничего в системе доказательств. И Флоренскому пришлось писать письмо в какой-то политотдел, чтобы объяснить, что он имеет

---

¹ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С. 12–13.

² Там же. 11–12.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 51.

в виду. «Надо думать, – утверждал он, – в основе поэмы Данте лежит некоторый психологический факт – сон, видение и т.п. Всякий факт, раз он подлинно пережит, дает материал для размышления, и вовсе нет надобности уверовать в него, чтобы признать ценность тех или других его элементов. Если я во сне узнаю теорему Пифагора, хотя бы от говорящей обезьяны, то от того теорема не делается ложной. Хорошо известно, что множество великих открытий, в том числе математических, было сделано во сне. Моя мысль, – взяв подлинные слова Данте, показать, что символическим образом он выразил чрезвычайно важную геометрическую мысль о природе и пространстве»¹. Но и это объяснение его не спасло. У нас же остался ценнейший документ, в котором запечатлены мысли великого ученого о новой системе познания и о роли вненаучного метода. Флоренский еще раз подтвердил, что в традиционной науке нет чисто научных (как это мы себе представляем) методов исследования. В нее все время вторгается так называемая вненаучная, не основанная на традиционном эксперименте информация, но, тем не менее, дающая плодотворные результаты. Ибо, в конечном счете, наукой занимается все тот же человек, энергетическая структура которого намного богаче, чем это себе представляет традиционная наука, полная предрассудков и самоограничений. Именно богатство внутреннего мира и энергетики самого человека, занимающегося научными исследованиями, и обуславливает во многих случаях отклонение от механистически-материального экспериментаторства в сторону вненаучных методик и информации. Эволюция познания идет к синтезу, и никакие сильные мира сего не в состоянии остановить этот процесс. Если бы исследования и эксперименты проводили машины или роботы, то наука была бы совсем другой. И, возможно, наукой ее, в нашем понимании этого слова, назвать было бы нельзя. Известный философ К.А.Кедров пишет, что, соединив Эйнштейна с Данте, «...Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчивает радиус светового луча, пробегая свой путь за одну секунду <...> Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения мироздания. Свернулось в клубок наше земное время, вмещающая прошлое, будущее и настоящее. Это есть реальная вечность»². И еще: «Флоренский считает, что ско-

---

¹ Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. С. 57.

² Кедров К.А. Параллельные миры. М., 2001. С. 140.

рость света 300 000 км/с не предел, а только граница между миром земным и миром небесным»¹. Иными словами, миром более высокого состояния материи. Обратная перспектива искривляет пространство так, как оно искривляется, согласно Эйнштейну, в четвертом измерении. Мысль Эйнштейна остановилась на границе скорости света. Флоренский же проник за этот предел, где существует иной мир более высокого измерения и более высокого состояния материи – мир реальный, где действует и творит Дух и где сама Материя ближе к Духу, нежели к тому ее состоянию, которое мы наблюдаем в земных условиях. Также и Данте в своем путешествии по различным кругам и уровням Мироздания в «Божественной комедии» пересекает эти границы или, пользуясь терминологией Флоренского, разломы пространства. Значение работ Флоренского, научных и философских, связанных с осмыслением проблемы иных миров, трудно переоценить. Именно они являются важнейшими наведениями в развитии нового космического мышления. Складывая новую систему познания, Флоренский не раз обращался к понятию Реальности, или иномирия, стремясь проникнуть в его таинственный, но так необходимый для познания Мироздания смысл. «...Центральным пунктом философии, – писал он, – считается сейчас вопрос о познании <...> реального»². Он начал познавать Высшую Реальность инобытия прежде всего через свой личный опыт. У Флоренского в большинстве случаев так и складывалось: сначала собственный опыт, а затем изучение вопроса и его научное определение. Этот опыт нес ему бесценную информацию, давая направление познанию того или иного феномена Реальности, вдохновлял на образное мышление. Он всегда ощущал эту Реальность, эти таинственные миры и был твердо уверен в важнейшей их роли в пространстве земной, плотной материи.

«Мир этот, – писал он, – есть всегда текущее, всегда бывающее, всегда дрожащее полубытие, и за ним, за его – как воздух над землею в жаркий полдень – дрожащими и колеблющимися, и размытыми очертаниями чуткое око прозревает *иную* действительность»³. У него самого было «чуткое око», которое ничего не пропускало из реальности инобытия и которому многое из этой реальности было доступно. «Все-все, что ни видит взор, – все имеет свое тайное значение, двойное существование и иную, заэмпирическую сущность. Все при-

---

¹ Кедров К.А. Параллельные миры. С. 142.

² П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 35.

³ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 38.

частью *иному* миру, во всем *иной* мир отображает свой оттиск <...> Это воззрение на двойственную природу всего в мире – воззрение всечеловеческое. Как каменный хрящ известковым раствором, весь быт пропитан и скреплен потусторонним. Нет просто еды, просто болезни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все – просто и – не просто; все – житейско и – не житейско. Океан неведомого бьет волнами в обиход. Человек пускает длинные корни в иные почвы, нежели эта почва. Восприимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вещью, примечающею то, что для других неуловимо, чего не замечает расслабленная рефлексией душа. Тайнственное вращение в обиход, обиход делается частью таинственного»¹. Появление такого человека как Флоренский было эволюционно оправдано. Складывалось новое космическое мышление, складывалась новая система познания, в которой проблема миров иных состояний материи и их взаимодействия с плотным миром занимала важнейшее место. Флоренский являлся на нашей земле вестником инобытия, его философом, ученым и религиозным мыслителем.

«Да, если говорить о первичной интуиции, – вспоминал он, обращаясь к своим детям, – то моею было и есть то таинственное *высвечивание* действительности иными мирами – просвечивание сквозь действительность иных миров, которое дается осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определено, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа, окончательного закрепления, окончательного “остановись мгновение”. Оно бежит, ибо оно живет; оно питает ум и возбуждает его, но никогда не исчерпывается построениями ума. И я любил его именно как живое, мне любо было, когда оно играло под моим взором, и клокотала в сердце исступленная радость, когда удавалось как-то охватить его, разоблачая облачением в новые символы; но никогда в голову не приходило обнажение, никогда мысли не было об умерщвлении, об остановке, об анализе. К тому же, несмотря на всегдашний восторг ума, он был очень трезв и не самообольщался, понимая невозможность такого обнажения. Было ясно мне, что этот анализ был бы *самообманом*, но отказ от него был мне не в уныние, не горечью и не скорбью, даже не самообузданием, а просто спокойно-ясным чувством, да, сперва *чувством*, а потом уже мыслью, что этого не нужно, что это-то и есть отказ от знания, что это – не прискорбный отступ пред неведомым, а напротив – *это-то и есть истинное его познание*,

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 38–39.

ибо неведомое – прежде всего есть неведомое, в своей особой качественности, и то познание, которое сделало бы его *не* неведомым, которое лишило бы его качества неведомости, было бы не познанием, а величайшим заблуждением. Мне хочется, чтобы это основное мироощущение мое было понятно вам, мои дети. Все дело было для меня в том, чтобы познать мир в его жизни, в его подлинно существующих соотношениях и движениях. Но то, что в мире есть *неведомое*, было, как я воспринимал, не случайным состоянием моего, еще неведовавшего ума, а существенным свойством мира. Неведомость – жизнь мира. И потому мое желание было познать мир именно как *неведомый*, не нарушая его тайны, но – подглядывая за ней. Символ и был подглядыванием тайны. Ибо тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т.е. как *тайна*»¹.

Этот уникальный фрагмент из воспоминаний Флоренского столь глубок и поучителен, что трудно переоценить его значение для формирования системы познания нового космического мышления. В этом случае мы встречаем редкий пример того, как высокодуховный человек, не вооруженный никакой экспериментальной аппаратурой, становится инструментом познания сложнейших пространств Мироздания. Такой человек, или «инструмент», познает тайны Мироздания, его Реальность в движении, которое свойственно всем явлениям и процессам в Космосе. Он стремится проникнуть в ее тайны, не препарировав ее, как принято в науке, подходя к изучаемому предмету не аналитически, а целюно, или синтетически. Ибо есть в мире явления, которые требуют именно такого подхода, и Реальность может быть постигнута только так. Целостность подхода к изучаемому явлению издавна существовала в духовном пространстве человека. Флоренский показал этот «вне-научный» способ познания во всей его сложности и красоте. Такой способ познания не допускал разъединения и раздробления, а изучаемое явление только в том случае поддавалось плодотворному постижению, когда сохраняло свою целостность, тайну и красоту. И сама эта тайна становилась доступной тому, который видел ее сквозь «таинственное высвечивание действительности иными мирами». Иные способы познания Реальности – через эксперимент и современный научный анализ – не могли дать желаемого результата. «Ибо неведомое, – мне хочется еще раз повторить эту глубочайшую мысль Флоренского, – прежде всего есть неведомое в своей особой качественности, и то познание,

---

¹ Флоренский П. Имена. С. 352–353.

которое сделало бы его *не* неведомым, которое лишило бы его качества неведомости, было бы не познанием, а величайшим заблуждением».

Флоренский предложил новые методологические подходы к познанию Реальности, предложил их в определенной системе. До него этого никто не делал. Для науки подобная Реальность просто не существовала; боюсь, что и сейчас не существует. Что же касается не-науки, то она была загнана научным мировоззрением в угол, где, естественно, была лишена возможности не только теоретического творчества, но и практического. Флоренский и возродил на более высоком уровне мета-научный способ познания. Он видел и осознавал, как никто другой, необходимость соединения научного и вненаучного способов познания для нового космического мышления. В.И.Вернадский был единомышленником Флоренского в этом отношении. В октябре 1929 года он писал Флоренскому: «Впервые в научное мировоззрение должны войти явления жизни, и, может быть, мы подойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением и философским или религиозным его построением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем – в научном образе Космоса – места»¹. Можно предположить, что два великих ученых обсуждали подобные вопросы не однажды. Известно также письмо Флоренского Вернадскому, отосланное месяцем раньше. «Это именно мысль, – пишет Флоренский, – о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в Космосе»².

Стиль этого письма научно строг, но за ним стоит все та же мысль Флоренского о Реальности. Тот и другой прекрасно понимали, что понятие духа – материи иного, более высокого состояния, проникающего плотную земную материю, – необходимо ввести в новую систему познания. Оба они, такие разные, не сомневались, что новая система должна включать в себя, кроме науки, умозрительный способ постижения Истины в философии, образно-духовный способ познания,

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 21–22.

² Новый мир. 1989. № 2. С. 198.

присущий искусству, и, конечно, богатый религиозный опыт, непосредственно связанный с реальностью инобытия. Эта новая система познания призвана определить действительное место человека в новой картине Космоса. И тогда наука, как таковая, возможно, изменит свою «качественность», по определению Флоренского, и станет лишь частью синтетической системы познания Мироздания во всем богатстве его Реальности.

Многое из того, чем занимался и что исследовал Флоренский, в конечном счете, сводилось к новой системе познания, к новой науке, долженствующей признать и альтернативные способы познания, которые сформировались в духовном пространстве творчества человека. Философия, религия, искусство – те области знания, которые соприкасались с Реальностью, должны были изменить многое в современном научном мировоззрении. Один из крупнейших российских философов А.Ф.Лосев, высоко ценивший Флоренского, так определил в беседе его философское и научное творчество:

«Я рассматриваю философию отца Павла как переходный период между старым и новым. Ибо здесь присутствует из старого самое существенное и из нового самое существенное. И все это обобщено в одном человеке»¹. По существу, Лосев говорил о новом мышлении, в становлении которого Флоренский сыграл роль, которую трудно переоценить.

«А новое мышление, – продолжал Лосев, – совсем иное. Оно заключается в том, что, прежде всего, не мыслится идея без материи, но и материя без идеи тоже не мыслится. Вот в чем суть вопроса.

Почему у отца Павла такие вот гениальные догадки насчет коэффициента Лоренца?! Потому что он понял, что пространство сжимаемо и расширяемо, что оно имеет разную структуру.

Эйнштейн чем прославился? <...> Эйнштейн исходил из того, что около Солнца совсем иное пространство, т.е. не то, которое у нас <...> А вот сделать все выводы для материи и для идеи только один отец Павел сумел»².

Флоренский не только публиковал свои мысли о новой системе познания, но и читал лекции об этом в Московской духовной академии. У С.А.Волкова, студента этой академии, сохранился конспект записи одной из таких лекций. Несмотря на всевозможные отклонения или местами неточную запись мысли лектора, этот студенческий конспект дает представление о взглядах Флоренского.

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 176.

² Там же. С. 176–177.

«1. Знание <...> Два типа знания: естественное и искусственное. Антропоцентризм первого <...> антропизм второго. “Научное мирозерцание” как второй тип знания. Его стремление к безусловной объективности. Невозможность этой объективности. Неизбежность “человеческого” во всех научных отвлечениях как их первоосновы.

2. <...> Различие “научного мирозерцания” и науки. Первое как позднейшее и смутное эхо последней. Догматизация “научным мирозерцанием” гипотез и методов, являющихся для науки “поскольку–постольку”. Присутствие известного элемента этой догматизации и в самой науке. Научная хитрость. Неотвечание прямо на вопрос как основной смысл последовательного и кропотливого анализа. “Смазывание” проблем посредством введения бесконечно великого для обозначения протяженности этого процесса. Перенесение в бесконечно давние времена или в неопределимое будущее как способ бездоказательного доказывания проблемы.

Исторический обзор роста идей “научного мировоззрения”. Ренессанс как эпоха богоборческая. Философское значение великих открытий. Коперник – Птолемей. Роль великих открытий в деле сведения к нулю значения Земли и отсюда в деле уничтожения различий, индивидуальных окрасок»¹.

Конечно, по этому краткому студенческому конспекту нельзя судить обо всей глубине и многосторонности мыслей, высказанных лектором. Речь идет о современном научном мировоззрении, которое имеет, с точки зрения Флоренского, ряд крупных методологических недостатков и, прежде всего, отсутствие «человеческого во всех научных отвлечениях как их первоосновы». Иными словами, ставится проблема соединения, или синтеза научного и вненаучного – «человеческого» – познания. В результате отсутствия в научном мирозерцании этого «человеческого» истины, достигнутые в пространстве науки, оказываются неустойчивыми, невечными, переменчивыми. То есть, возможно, даже не могут считаться, в строгом смысле этого понятия, истинами.

«Напротив, – утверждает Флоренский, – истины и символы религии все-человечны и все-историчны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивою осью истории и, подобно радуге, не сдуваемы вихрями времени. И моя глубочайшая уверенность, что если высказываемые здесь мысли будут обоснованы

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 149–150.

на признаниях религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность, и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснование естествознательное уже лет через двадцать будет наивно и притязательно, как смешная старомодная шляпа»¹. Флоренский знал, о чем говорил. Работая над новой системой познания, он хорошо представлял себе историю науки, ее закономерности, ее достоинства и недостатки. Недолговечность научных истин была многим известна, так же как и трудная борьба, которая происходила в научном пространстве при замене одной истины на другую. Эта борьба старого с новым стоила дорого тем ученым, которые отстаивали это новое. Как правило, эти сторонники нового были наиболее талантливыми учеными, обладавшими способностью глубже проникать в ту или иную научную проблему и больше видеть, чем видели другие. И самое главное в них – они не отрицали ни одного знания, каким бы странным или необычным оно ни было. Флоренский обладал и уникальным талантом, и самыми широкими воззрениями, поэтому, идя новыми путями, он считал, что знания, особенно из духовного пространства человека, необходимы для развития новой системы познания. В этой системе познания он отводил значительное место искусству, рассматривая его «как создание символов иной, Высшей Реальности, а не создание подобий земной, здешней реальности»², – обобщая взгляды Флоренского, пишет иеродиакон Андроник.

Флоренский был уверен, что в системе познания проблема человека должна занять не только подобающее, но и важнейшее место, ибо человек, находясь в пространстве земной материи, имеет возможность выхода в Реальность, представляя собой как бы посредника между тем и другим. «Неисчерпаемую пучиною, – утверждал он, – расстилается пред познанием сложность человека, и все то, что мы знаем о ней, или, точнее, в чем мним себя знающими, есть именно капля в отношении океана, хотя и это сравнение слишком много признает за нашим познанием, ибо капля подобна океану, а наше познание и реальность несоизмеримы. Человек есть бесконечность»³. Изучение же наукой физиологической структуры человека или его поведенческих особенностей не исчерпывало даже той капли, о которой здесь говорит Флоренский. Истинная сущность человека, его энергетическая структура, его взаимодействия со средой обитания и Реальностью, – все это до

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 187–188.

² П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 523.

³ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 185–186.

недавнего времени оставалось нетронутым эмпирической наукой, не входило, во всем богатстве, в научное мировоззрение. «Человек есть бесконечность» – мысль, которая заключает в себе одно из важнейших методологических положений в системе космической эволюции. «Различными путями, – пишет Флоренский, – мысль приходит к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека, их взаимообусловленности, их пронизанности друг другом, их существенной связанности между собою. Гносеологически – все познаваемое нами есть нами усвояемое и в себя нами преобразуемое»¹. Утверждение науки о том, что человек есть часть Вселенной, значительно расширяется и углубляется Флоренским. Он исходит из того, что сама Вселенная есть нечто целое, и быть частью целого не есть быть просто частью какой-либо структуры, без знания, что собой представляет эта структура. Она может быть явлением целостности, а может содержать в себе какие-то части не всегда или не так, как нужно, связанные между собой. Исходя из положения, что Вселенная есть определенная цельность, удерживаемая в таком состоянии энергетическим взаимодействием частей, Флоренский значительно повышает роль человека в ее познании как системы познающей, или, иными словами, Вселенная есть нечто «нами усвояемое и в себя нами преобразуемое». И особенно важна глубочайшая мысль Флоренского – «и в себя нами преобразуемое», свидетельствующая о том, что человек – одна из главных творческих сил Космоса. Это утверждение меняло коренным образом научное мировоззрение, из которого был исключен человек как творческая сила Вселенной, необходимой частью которой он является. Именно этим человек отличается от остального живого вещества плотной материи. Осмысливая в дальнейшем роль человека в этом плотном мире, в среде его обитания, Флоренский утверждает: «Сквозь кору, наложенную на Природу цивилизацией, все же просвечивает, что Природа – не безразличная среда технического произвола, хотя до времени и терпит произвол, а живое подобие Человека. С какой стороны ни подходим мы к вопросу о соотношении Человека и его Среды, мы всегда усматриваем, что, насилуя Среду, Человек насилует себя и, принося в жертву своей корысти Природу, приносит себя самого в жертву стихиям, движимым его страстями <...> Ибо Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек – малый мир, микрокосм, Среда – большой мир, Макрокосм»². Имея горький опыт

---

¹ Флоренский П. Оправдание Космоса. С. 184.

² Там же. С. 185.

«покорения природы» в последние десятилетия, мы можем понять, сколь неосторожно и варварски вели себя с Природой – разрушая при «покорении» ее, мы разрушали себя. Этот экологический момент, который Флоренский ввел в новую систему познания, свидетельствует о том, что «покорение природы» является одной из причин многих наших кризисов, бедствий и просто «расчеловечивания», которое мы ясно видим в последнее время. Утрата этических норм, выработанных человечеством в течение тысячелетий, приводит не только к различного рода кризисным явлениям, но и самым прямым образом влияет на познание окружающего мира. Эта постановка вопроса была совершенно новой и еще до сих пор остается такой же для научной системы познания и научного мировоззрения. «Чтобы подойти к Истине, – отмечает Флоренский, – надо отрешиться от самости своей, надо выйти из себя; а это для нас решительно невозможно, ибо мы плоть. Но как же в таком случае ухватиться за Столп Истины? – Не знаем и знать не можем. Знаем только, что *сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности*»¹. И эта «лазурь Вечности» и есть та Реальность, постижение которой Флоренский считал основой новой системы познания. Что же касается самости, как таковой, – это исключительно негативное свойство поведенческих особенностей человека, имеющих временами гибельные последствия не только для индивидуума, но и для социума в целом. Самость есть причина многих провалов, неудач и неправильных выводов на пути научного познания. Связь этики человека с одним из главных творческих направлений его деятельности на пути познания есть одно из серьезнейших положений новой системы познания. Современная система научного познания не касалась этого явления вовсе. Отсутствие многих важных моментов, выработанных в пространстве духовного познания, привело к тому, что в эмпирической науке на уровне научного познания многие великие открытия так и остались не осуществленными. На примере Флоренского мы можем утверждать, что подобные открытия могут совершаться учеными, в которых жив дух сверхзнания, вспыхивающий ослепительными озарениями вещей снов и свидетельств Реальности. Флоренский был одним из немногих, кто ощущал настоятельную необходимость создания новой системы познания и новой науки, как говорил он сам, той науки, которая вберет в себя многовековой опыт человеческого познания, «очеловечится» и получит воз-

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 71.

возможность приблизиться к вечным и непреходящим истинам самой Реальности. Что же касается естественных наук, то он считал, что их рационалистическая оболочка – только «тоненькая корочка опознанного над пучиной огненной лавы иррациональности»¹. Проникнуть в эту «огненную лаву иррациональности», в которой заключены тайны Реальности, невозможно, используя только методы эмпирической науки. «Прислушиваясь к нему, – вспоминал С.И.Фудель, – к его тихим словам больше, чем к его ученому грузу, иногда казалось, что вот еще немного, совсем немного, и биология, и математика, и физика заговорят человеку какими-то новыми, творческими, “ангельскими” словами, словами, свойственными именно этим точным наукам, но проросшими в Вечность и омытыми там от Нетленного источника.

Новая наука. Мы почти уверены, что в этой жизни ее не будет, но Флоренский не напрасно носил в себе мечту о ней: он показал, что мысль человека должна и может найти Камень Веры, так как только с него видна ей лазурь Вечности и только на нем разум – всякий разум, научный разум – находит покой»².

Если говорить смело, то он был для нас посланником той Реальности, эволюционное взаимодействие с которой уже требовало новой системы познания, новой науки, нового космического мышления. Он нес все это нам. Сейчас трудно понять, все ли он нам успел передать. Но то, что мы знаем о нем, и то, что мы прочли в его трудах, помогает нам, а со временем еще больше поможет, пройти трудный и долгий путь к новому космическому мышлению, к новому осознанию нашей жизни и того, что связано с ее улучшением и совершенствованием.

Один из великих ученых нашего века, патриарх русской культуры, как мы все его звали, Дмитрий Сергеевич Лихачев высоко оценил значение отца Павла для России. «Уникальность работ П.А.Флоренского, – отметил Дмитрий Сергеевич, – состоит как раз в том, что он стремился синтезировать знания самых различных областей в единое. Свою жизненную задачу П.А.Флоренский понимал “как проложение путей к будущему цельному мировоззрению” <...>

П.А.Флоренский, сложившийся как мыслитель в среде слияния культур русской и кавказской, европейской и народной, светской и церковной, – один из первых возвестил русской интеллигенции о гибельности бездуховного пути. И то, что наше время настойчиво обратилось к истокам и родникам русской культуры и духовности, к поискам

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 56.

² Там же. С. 57.

вечных истин, свидетельствует, что П.А.Флоренский был прав в своих прозрениях»¹. И еще: «Имя П.А.Флоренского должно указывать путь к возрождению духовности, к той культуре, которая опирается не на самое себя, а на высшие начала жизни»².

Его арестовали 25 февраля 1933 года и по ложному обвинению осудили на 10 лет. С этого момента начался крестный путь отца Павла на Голгофу лагерной жизни, закончившийся расстрелом. Темное невежество уничтожило вестника Реальности, существование которой оно не признавало.

Все, что было написано в обвинительном заключении Флоренского, годы спустя оказалось опровергнутым при его посмертной реабилитации. Из Постановления Московского городского суда от 5 мая 1958 года: «...в деле не имеется материалов, которые послужили бы основанием к аресту П.А.Флоренского (и др. лиц, проходящих по делу). Свидетели не допрашивались, лица, принимавшие участие в расследовании данного дела, осуждены за фальсификацию дел в органах НКВД. Флоренский П.А. (и др. лица) осуждены были неправильно, при отсутствии доказательств их виновности в антисоветской деятельности»³.

Сохранился документ, в котором содержится рассказ Флоренского о том, как его допрашивал следователь на Лубянке и как формировалось обвинение. Документ этот весьма своеобразный – донос на Флоренского, когда тот был уже в Соловецком лагере, других документов, к сожалению, не сохранилось. Донос составлен в ноябре 1935 года секретным сотрудником по кличке Хапанели. Вот что этот мерзавец пишет: «...в комнате кузнечного корпуса, где живут профессор Флоренский П.А., Литвинов и Брянцев, велся разговор на следующую тему: Флоренский говорит, что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я якобы вел не существующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что де, мол, нам известно, что вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на вас в случае чего могут ориентироваться враждебные Сов. власти люди, что вы не устоите, если вам будет предложено выступить против Сов. власти. Вот почему, говорит далее Флоренский, дают такие большие срока (так в тексте. – *Ред.*)

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 561.

² Там же. С. 562.

³ П.А.Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 176.

заклучения, т.е. ведется политика профилактического характера заранее. Предотвращают преступления, которые и не могут даже быть. Следователь мне и далее говорил (говорит Флоренский), что мы не можем так поступать, как поступило царское правительство, которое показывало на совершившиеся преступления, нет, мы предотвращать должны, а то как же так, ждать, пока кто-либо совершит преступление, тогда его и наказывать, нет, так далеко не пойдет, надо в зародыше пресекать преступление, тогда будет прочнее дело.

Флоренский: “Да, очень много сейчас сидят в изоляторах видных старых большевиков”. Литвинов соглашается с Флоренским¹. Месяца за два раньше был донос от того же лица, который привел слова Флоренского: «Наша жизнь после лагерей будет вся измята, и если после нашего освобождения возникнет в стране какое-либо явление ненормального характера, то нас сейчас же опять в первую очередь посадят»². На доносе стояла резолюция: «Т.Акимову – на этих з.з. обратить особое внимание».

И еще один документ:

«По состоянию на 31/1–36 г. Политнастроения:

З/к Флоренский Павел Александрович (ст. 58–10–11, ср. 10 л.) 15 января, беседа с з/к Гендлиным по вопросу о возможностях досрочного освобождения из лагеря, говорил последнему: “Я лично от такого рода освобождения хорошего ничего не жду. Сидеть в лагере сейчас спокойнее, т.к. не нужно ждать, что тебя каждую ночь могут арестовать. А ведь на воле только так и поступают, как только придет ночь, так и жди гостей, которые пригласят тебя на Лубянку”³.

Из этих трех доносов особое впечатление производит первый. Из него мы узнаем, что Флоренский не только, несмотря на все ухищрения следователя, не признал своей вины, но никого из своих знакомых не предал и не оболгал. Он держался твердо и мужественно, чем и вызвал следователя на некоторые «откровения». Следователь с Лубянки, который много раз видел, как, уступая напору его, ломались люди, признавали себя виновными в том, чего не совершали, и клеветали на своих знакомых и друзей. Объяснение им «политики профилактики», циничное по содержанию и психологически близкое к концепции средневековых судов инквизиции, дает ясное представление о том страшном произволе и нечеловеческой жестокости, которые царили в

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 747.

² Там же.

³ Там же. С. 750.

органах безопасности страны и в ее партийных структурах. Что же касается двух других доносов, то они свидетельствовали о том, что отец Павел, несмотря ни на что, совершенно адекватно воспринимал ситуацию, сложившуюся в те годы в стране.

Он был после приговора выслан на Дальний Восток, в Уссурийский регион, в лагерь в Сквородино, затем в г. Свободный – так назывался один из лагерей – и наконец 1 сентября 1934 года по этапу был переправлен на Соловки.

Переезжая на Дальний Восток, он пересекает всю страну. Заключенных везут в неудобных и набитых теплушках, а иногда и просто в товарных вагонах. На одном из переездов перед Свердловском Флоренского посадили в вагон к уголовникам. Теперь трудно установить, то ли намеренно, чтобы поиздеваться над «попом», то ли по равнодушию и невежеству. Уголовники обчистили Флоренского до нитки. Жаловаться было некому. «А кроме того, – писал он в письме от 18.08.33, – сопровождающие выпрашивают решительно все и рвут из рук. Все голодны, оборваны и в жалком состоянии»¹. Поезд уходил все дальше на Восток. «Едем медленно, поезд через каждые 10–15 мин. останавливается, т.к. он тов.-пасс. В районе Красноярска местность очень красивая, сильно волнистая сперва, а затем гористая, очень неровная. Красивые леса и перелески – из берез, пихт, лиственниц, кедров, изредка красных уже осинков. Теперь местность стала почти ровной, хотя вдаль видны еще горы. Пихты очень красивы – острые, как кипарисы. Ночью холодно, да и днем не тепло, несмотря на солнце, а вчера шла крупа. Селения тут редки, людей почти не видно.

...Выехали мы из Иркутска, а сегодня ночью добрались до Читы... Едем в теплушке, темно, ехать трудно. Пусть дети следят по карте за путешествием. В шкафу найдешь Географию Семенова, там найдете разные сведения о местах, через которые я проезжаю, но, к сожалению, почти их не вижу. Впрочем, в Иркутске видел Ангару, она такого цвета, как Тикино ожерелье, очень многоводная и быстрая. Такого же цвета Байкал, очень красивый, бурный, шумит как море. Интересны горы, покрытые кедровыми лесами»².

В какие бы обстоятельства ни попадал Флоренский, несмотря на голод, холод, лагерные унижения, ужасные условия этапов, он никогда не терял острого интереса к окружающей его природе и людям, какими бы они ни были – уголовниками, заключенными, попавши-

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 29.

² Там же. С. 29–30.

ми вместе с ним в беду коллегами. И в Сквородино, и позже на Соловках он продолжал оставаться ученым и использовал любые возможности, чтобы что-то исследовать, совершенствовать, изобретать, кого-то просвещать. Он читал лекции заключенным, рассказывал о различных научных проблемах, о культуре, о многовековой истории человечества. Он не упускал случая читать книги и разыскивал их в самых неожиданных местах. В Сквородино он работал при станции мерзлотоведения, заинтересовался этой проблемой, изучил ее и пришел к самым интересным выводам, связанным с эволюцией Земли. На Соловках он продолжал заниматься научными исследованиями, предметом которых были водоросли агар-агар, растущие в Белом море. Он всегда был активен интеллектуально и духовно, в нем всегда билось пламя того огня, который называется высокой энергетикой и высоким духом. И он писал письма домой матери, жене, детям, нередко каждому отдельно. Детей у него было пятеро. Старшему, Василию, когда отца арестовали, было 22 года, Кириллу – 18, Ольге – 15, Михаилу – 12, Марии-Тинатин (Тика) – 9. Его письма к детям были целой педагогической поэмой и высоким проявлением отцовской любви. Остается поражаться его отцовской интуиции и умению общаться с детьми. Его письма были не только воспитательными, но и познавательными. В них были рисунки, формулы, размышления об увиденном и услышанном. Письма старшим сыновьям, Василию и Кириллу, были похожи на рефераты, посвященные конкретным научным сюжетам. Он по всем им очень скучал. Вот несколько отрывков из писем детям, написанных из Сквородино. Из письма Тинатин от 15–16.XI.33: «Целы ли твои куклы? Кланяйся им от меня и скажи, чтобы они не шалили и слушались свою маму. Выучила ли ты уже таблицу умножения? Знаешь ли ты, что ее придумал древний греческий философ и математик Пифагор, так что тебе необходимо знать ее хорошо»¹. И ей же (от 22.03.34): «Здесь живет народ, который называется орочёны. Но они избегают ходить в города, да и малочисленны. До сих пор мне не пришлось видеть ни одного орочёна, но надеюсь когда-нибудь залучить какого-нибудь, чтобы записать от него орочёнские слова. Пока что знаю только одно: Тында, что значит туман; так называется одна из станций железной дороги»². Сыну Михаилу (27.11.33): «Дорогой Мик, из твоего письма я узнал о твоей поездке в Москву. Что нового в зоологическом саду? Видел ли жирафов? В местности,

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 43.

² Там же. С. 97.

где я нахожусь, вечная мерзлота: земля здесь на глубине около 1 метра никогда не оттаивает <...> Знаешь ли ты, что это явление вечной мерзлоты <...> распространяется на 47%, т.е. почти на половину территории Союза. А это составляет немногим меньше, чем территория Соединенных Штатов Америки. От этой вечной мерзлоты тут происходят разные любопытные явления, о которых я напишу тебе в другой раз»¹. Ему же (19.01.34) «Когда будешь свободен, посмотри как-нибудь строение ледяных сосулек, чтобы вспомнить о своем папе. Попробуй разрезать их по оси и поперек, в лупу рассмотри, как там расположены кристаллики, и зарисуй, что увидишь, а потом сообщи мне <...> Только в рот сосулек не клади, а то простудишь горлышко и придется сидеть дома. – Что ты читаешь? Попроси Васю и Киру показывать тебе разные вещества и делать опыты с ними, скажи, что я позволяю им брать их, но только быть при этом очень осторожными, чтобы не случилось чего-нибудь. Надо, чтобы ты, а также и Кира, привыкли к виду и свойствам различных веществ. А Васе скажи, что он может брать себе для анализов, что ему потребуется, скажи: “Папа тебе позволил”»². Из письма Кириллу (6–9.12.33): «Начинаю большие работы по изучению физики мерзлоты, готовлю программу работ, читаю литературу. Вероятно, месяца через два уеду отсюда на мерзлотную станцию, где можно будет поставить экспериментальные работы. Эти работы в значительной мере связаны с частью тех работ, которые я делал в Москве. Надеюсь сделать кое-что полезное для экономического развития тех районов, где имеется мерзлота и в частности для ДВК. С вечной мерзлотой связано много очень характерных и своеобразных явлений здешней природы». Ему же (18.01.34): «Стараюсь я здесь быть активным, выступаю на всех собраниях научного характера, много занимаюсь – чтобы несколько забыться, но тем не менее все время думаю и беспокоюсь о вас, и потому не могу делать того, на что был бы способен. Постоянно представляется мне ты с Васей, Мик с Тикой и отдельно Оля»³. Василию (9.12.33): «Занимаюсь математикой – сочиняю новые формулы для геофизики и педифизики, т.е. физики почвы и грунта, разработал математический способ оценки деятельности рабочих трудовых групп, przygotowляюсь к лабораторным и полевым исследованиям»⁴.

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 50.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 51, 67.

⁴ Там же. С. 52.

Режим в лагерях Дальнего Востока в те годы был достаточно, если можно так сказать, либеральным. Флоренскому дали возможность повидаться с семьей. Летом 1934 года Анна Михайловна с тремя младшими детьми совершила долгое путешествие, чтобы (последний раз) увидеть мужа, а дети – отца. Флоренский перед их выездом дает детям наставления и советы. Тике, самой младшей дочери (26.05.34): «...из кукол возьми себе одну или две, не больше, а то трудно будет ехать им такую длинную дорогу. Бери малышей, а большие как-нибудь обойдутся и сами без тебя»¹. Михаилу (26.05.34): «Дорогой Мик, захвати с собой несколько крючков и леску, но удильника, конечно, привозить не следует. Книги для чтения здесь найдутся какие-нибудь, поэтому возьми только на дорогу, чтобы не было скучно ехать. Слушайся маму и не кипятись»². Не успел кончиться трудный праздник встречи, как почти сразу, в августе, его отправили по этапу на Соловки. И снова он пересекал всю страну, на этот раз с востока на запад. Из письма жене (13.10.34): «Писать мне было нельзя <...> 16 авг. выехал из Рухлово, с 17 по 1 сент. сидел в изоляторе в Свободном, с 1 по 12 ехал со спецконвоем на Медвежью Гору, с 12 сент. по 12 окт. сидел в изоляторе на Медв[ежьей]Горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас. По приезде был ограблен в лагере при вооруж[енном] нападении и сидел под тремя топорами, но, как видишь, спасся, хотя лишился вещей и денег; впрочем, часть вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще, было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сквородинской <...> Все складывается безнадежно тяжело <...> Живу я сейчас в колоссальном бараке и притом в огромной комнате с нацменами, так что слышу разговор на всех восточных языках <...> Постоянно вижу всех вас перед собою, несмотря на сильное ослабление памяти и общее оупение»³. В 1934 году режим лагерей ужесточался, как будто готовилось что-то недоброе, и он это остро ощущал. Из Кеми, измученного и голодного, его вывезли 20 октября и 23-го того же месяца по морю доставили на Соловки. Заключенных перевозили в переполненных трюмах.

Позже, уже в конце 1935 года, он вспоминал об этой поездке в одном из писем (16.12.35): «Холодов сильных нет, часто на границе таяния, но метет метель и шумит ветер. Жутко в такую погоду плыть по Белому морю! Свой переезд я до сих пор вспоминаю с содроганием:

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 128.

² Там же.

³ Там же. С. 139.

нас бросало головами от стены к стене так, что мы приехали в синяках и кровоподтеках, каюту на борту захлестывало холодной водой, в которой беспорядочно плавали чемоданы и высыпающиеся вещи, всех тошнило и рвало, а кругом было ослепительно темно и ревели волны»¹. Когда они под крики конвоиров, шатаясь и поддерживая друг друга, сошли на берег, Флоренский увидел над собой хмурое серое небо, о берег били косматые волны, и до самого горизонта тянулось неприветливое осеннее Белое море, которое он назвал Черным... И в этом названии как бы было предчувствие собственной трагической и мученической судьбы. Здесь, на этом острове, он ощутил это наиболее сильно, сразу после первых шагов по соловецкой земле. Над островом возвышался монастырь, обнесенный высокой стеной из необработанного камня. И этот монастырь, превращенный теперь в тюрьму, и хмурое осеннее небо, и угрюмое темное море, бившееся о берег, и цепь заключенных, тянувшаяся в глубь острова, – все это производило впечатление безысходности и безнадежности. С первого же дня его отправили на сбор овощей. Нормы были высокие, а сил для выполнения их у него не было. Он понимал, что его способности, его знания используются не по назначению, и сожалел о нерациональной потере времени. Из письма матери 5.11.34: «Денег мне не присылайте, все равно их мне не выдадут, да и покупать здесь нечего и негде. Вещей, кроме тех, которые я буду просить, *не посылайте никаких*, можно быть уверенным, что они пропадут у меня в ближайшие же дни <...> Живу в камере, где 50 чел., люди совсем мне неподходящие, очень неудобно»². Он был лишен здесь того уединения, которое ему было так необходимо и к которому, работая и размышляя, он за многие годы привык. Ему казалось, что его, как раба на рынке, выставили на всеобщее обозрение и каждый день заставляют делать самую черную работу, чтобы показать, что он может. Ему снились нехорошие, неясные сны, в которых он почему-то не видел близких и просыпался с тоскливым ощущением потери. Но постепенно все как бы утряслось – то ли он сам приспособился к обстановке, то ли новая работа, к которой был приставлен, пробудила в нем надежду, утерянную, как ему казалось, насовсем. Из письма от 30.11.34: «Во-первых, с 15 ноября я попал на постоянную работу, в Иодпром, т.е. на производство иода из морских водорослей. В связи с этим я переведен в другую колонну и потому в другую камеру. Теперь я живу с вполне приличными сожителями,

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 344.

² Там же. С. 145.

а не с бандитами и урками, и нас немного: было шесть, стало пять <...> Вероятно, в дальнейшем удастся поставить кое-какие исследования по водорослям»¹.

Наступила зима, остров покрылся снегом, спрятав под ним все свои безобразия. Лаборатория по йоду находилась в двух километрах от Кремля, где была камера Флоренского. Он проходил этот путь дважды в день, и это его стало успокаивать, он восстанавливал свою способность видеть окружающий мир и замечать красоту природы. Из письма жене от 3.12.34: «Хожу туда снежной дорогой, в лесу полная тишина, снег глубокий, пушистый, нетронутый; разве что где-нибудь дорожка из следов горноста. Иду дорогой и думаю о вас. Зимой здешний пейзаж стал похож на Сергиевский»². Письма детям становились все содержательней и во многом напоминали его сковородинские весточки. Из письма жене от 15.12.34: «Я нарочно стараюсь писать разные подробности о природе, чтобы они (дети. – Л.Ш.) понемногу знакомились с географией, возможно наглядно и жизненно; мне хочется наполнить географические названия живым содержанием, чтобы появилось представление о том, что же такое наш Север, что такое Белое море и другие места. М.б., от моего заключения будет хоть та польза детям, что они приобретут таким образом кое-какие сведения и впечатления о своей родине»³. Сам же он приобретал такие знания вполне «жизненно» и наглядно. Из воспоминания Ю.И. Чиркова, находившегося в заключении на Соловках вместе с Флоренским: «Иодпром и проектное бюро находились за Кремлем на значительном расстоянии, и в непогоду походы туда были нелегкими. Котляревский рассказывал, что однажды в бурный день начала зимы, когда густо валил крупными хлопьями мокрый снег, он встретил Флоренского и Литвинова по дороге в Кремль. Ученые мужи тяжело брели навстречу ветру, опираясь на длинные палки. Шапки, бороды, лица у них были залеплены снегом. Они останавливались, протирали очки и шли дальше, при этом еще беседуя. Несколько раз под напором бури они падали на гололеде, скрытом снегом. Котляревский помогал им подняться, а Павел Александрович шутил и говорил о перспективах использования энергии ветра»⁴.

До рокового выстрела в Смольном, который изменил судьбы заключенных в лагерях и судьбы миллионов людей «на воле», оставалось

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 148.

² Там же.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 742.

совсем немного. Убийство Кирова развязало руки спецслужбам, началось очередное ужесточение режима в лагерях, по стране с нарастающей силой покатила волна репрессий, ударившая самым страшным образом по всем областям жизни СССР. На Соловках стали переводить заключенных с места на место, и Флоренский начал опасаться за свою работу. В таких условиях исследования вести было крайне трудно. Он сожалел еще и о том, что не мог реализовать накопленный им опыт исследований и размышлений. Из письма Кириллу от 24–25.01.35: «...самое скверное в моей судьбе – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды <...> Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта»¹. Сейчас даже трудно себе представить, сколь обеднела наша страна, да и мы с ней, лишившись такого гениального ученого и блистательного философа, погибшего в расцвете своих творческих сил. Но тьма не знает пощады тем, кто подрывает ее устои, кто знаниями сокрушает невежество.

Он еще продолжает заботиться об образовании детей, рассказывая им о Соловках или обсуждая с ними нужные им вопросы. Каждый из них стал теперь на два года старше. Из письма дочери Ольге от 5.03.35: «Тут, на островах Соловецкого архипелага, существуют замечательные сооружения, называемые в археологии лабиринтами, а в народном языке “вавилонами”. Это – выполненные из камней, преимущественно валунов величиною с голову, иногда меньше, до кулака, узорные дорожки с запутанным ходом; в одних случаях промежутки между каменными лентами идут непосредственно к центру, в других же случаях – разветвляются и приводят к тупику. Попав в центр, обыкновенно не сразу можно выбраться оттуда, и после прохождения некоторого пути приходишь на старое место. Форма лабиринтов различная – круглая, эллиптическая, подковообразная. В середине лабиринта бывает сооружение из камней, напоминающее маленькую гробницу. На прилагаемом рисунке показан план Большого лабиринта Соловков. Подобных сооружений существует вообще много – в Англии, в Бретани, в Скандинавии, на Кавказе <...> все они считаются принадлежащими родственным культурам, но ни народность, их строившая, ни время их

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 172.

построения, ни назначение – неизвестны. Среди разных предположений кажется наиболее вероятно, что они относятся, по крайней мере в основном, к неолиту и ко временам примерно VI–V века до нашей эры; строили их, как думают, германцы, оттесненные кельтами, а затем лопари, заимствовавшие эти постройки от германцев. Думают, что устройство лабиринтов связано с культом умерших и назначено для воспрепятствования душе умершего, похороненного в центре, выйти наружу, – первоначально, по крайней мере. Впрочем, эти предположения, хотя и более вероятные, – дело темное. Кромлехи, менгиры, кэрки и, наконец, древний Критский лабиринт, – вероятно, родственны между собою и с лабиринтами Соловков и Мурмана, хотя различаются между собою размерами, начинающимся огромным дворцом-лабиринтом Кносса (на Крите) и кончая клумбами или постройками в несколько метров поперечником, а затем – узорами и вышивками на тканях»¹.

Из письма сыну Василию от 6–7.04.35: «Ты правильно пишешь о происхождении многих минералов при температурах вовсе не таких высоких, как это принималось раньше. Однако надо думать, что и принимаемые в настоящее время температуры их образования будут еще снижены, за счет давлений и длительности образования. Два примера тут особенно поучительны. Один – образование кристаллов кварца со включениями нефти, которые привез Кирилл; можно быть уверенным, что они возникли при температуре не выше 150–200°. Другой пример – слюды. Вероятно, ты знаешь о получении синтетического мусковита из геля – смеси гидрата окиси алюминия и кремнекислоты с небольшими добавками растворимых солей калия и др. Сообщение об этом синтезе было напечатано в “Die Naturwissenschaften” за 1932 г. Синтез произведен в водной среде при температурах порядка, если не ошибаюсь, 150–200°, но под большим давлением, из водной среды. В свое время я предпринимал шаги к повторению этого синтеза и намеревался разработать условия получения крупных кристаллов мусковита. Припоминается еще пример, из моих работ: графит из мариупольских гнейсов обнаруживает своеобразные дифракционные круги на лауэграмме, отсутствующие в лауэграммах других подобных же графитов. Но после прогрева мариупольского графита до, примерно, 100° с чем-то эти круги исчезают, и лауэграмма мариупольского графита ничем не отличается от лауэграмм прочих, с того же размера кристаллами»².

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 190–192.

² Там же. С. 204–205.

И, наконец, из письма сыну Кириллу от 6–7.04.35: «Может быть, ты не пишешь, потому что не знаешь, как ответить на химические вопросы. Но ведь я задавал их больше для тебя, чем для себя, просто, чтобы ты подумал и научился чему-нибудь новому из анализа <...> Для определения йода мы теперь уже почти подработали потенциометрический способ, который дал хорошие результаты, а также электротитрование с азотнокислым серебром. Потенциометрический способ состоит в измерении при помощи потенциометра электродвижущей силы гальванической пары с двумя серебряными электродами, один из которых заключен в трубочку с 0,01N азотнокисл. серебром, отделенную в суженном конце от среды пробкой из агар-агара, сваренного на 0,01N азотнокислом калии. Другой электрод опускается в испытуемый раствор. Для большей безопасности полуэлемента, т.е. первого электрода, можно, но не обязательно, погружать его в особую баночку с 0,01N азотнокислым калием, из которой идет сифонная трубка, залитая агар-агаром, сваренным на 0,01N аз.-кисл. калии. Конец этого сифона (“ключа”) погружается в испытуемый раствор»¹. Надо сказать, что описываемое устройство измерения содержания йода в агар-агаре было изобретением самого Флоренского. Читая его письма к детям, поражаешься объему и глубине его знаний в различных областях – истории, искусстве, археологии, геологии, химии, электротехнике и многих других, не упомянутых в этих трех письмах. Он не просто знал о чем-то, а проявлял высокий профессионализм в знаниях, которыми владел. Он превзошел в этом отношении энциклопедистов эпохи Возрождения, ибо объем их знаний был гораздо меньше, чем тот, которым владел Флоренский.

И вместе с этим – письмо к Тинатин, младшей дочери, как будто его писал другой человек (13.05.35): «В Кремле множество чаек, все они кричат, галдят, квохчут, издают индюшачьи звуки, плачут, но в отличие от своих звуков красивы, особенно когда летят. И вот слышал я у них разговор. Одна чайка сообщает другой, что она недавно из Москвы и была в городе, называемом Загорском. И говорит: а есть там девочка, Тика, у нее матросское платье, очень красивое, очень красивое, видела ли ты его? А другая отвечает: непременно слетаю посмотреть. Я подошел к ним ближе, но они улетели»².

Шел месяц за месяцем, один сезон сменялся другим, но ничего не было слышно о суде, который должен был состояться над политичес-

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 206.

² Там же. С. 224.

кими заключенными Соловков. Осенью 1935 года лабораторию закрыли, а Флоренского перевели в конструкторское бюро, где он быстро и легко освоился с довольно сложной работой. И снова его феноменальные способности вызывали удивление коллег. Казалось, что в прошлом он прошел через многие времена и пространства, собрал самые разнообразные знания и принес все, им накопленное, в XX век, чтобы что-то изменить в мышлении и сознании своих современников. Но лагерь крайне сузил возможности проявления этих знаний, ограничив свободу гениального творца и сведя их попросту к нулю.

«Тут погода, – писал он домой 16.09.35, – очень неустойчивая: то ветер, то дождь, то солнечно и тепло, сегодня даже был совсем летний (т.е. здешний летний) день, а то ночью мороз. Осень блистает удивительными красками: тона розовые, розово-сиреневые, заревые, желто-розовые – таковы листья вороньего глаза, черники, голубики, березок – и множество красных и темно-фиолетовых ягод. Осень тут надвигается медленнее, чем в Москве, и потому краски особенно разнообразны и нежны. Вообще, по цветовым тонам – неба, воды, растительности – Соловки клад для художника: сплошной Гоген»¹.

Его наблюдения удивительны и подчас просто уникальны. Они исполнены воображения, гармонично сочетающегося с теми знаниями, которые он нес в себе. «В книге Вернадского, – пишет он сыну Кириллу (16.09.35), – вычитал о древности карельских кристаллических пород и в особенности о побивших мировой рекорд по древности сине-пальских. Это хорошо сочетается с видом кремлевской стены и строений – из валунов, так что чудится что-то циклопическое, тем более что башни и все постройки в нижней части расширяются, как комель у сосен и елей, луковицей. Валуны стен поросли желтым лишаем, словно выкрашены. Возят грузы здесь больше на быках, очень породистых, массивных и архаичных. Когда въезжает в проход Святых Ворот телега, запряженная быком, то представляются времена доисторические, какой-то архаический ритуал, – так срастаются впечатления от величественного быка и тяжелых, несколько бесформенных каменных кладок. Одни из быков здесь высокорогие, с длинными острыми рогами, а другие, и они особенно стильны, очень тяжеловесные, с короткими, толстыми и тупыми рогами; эти мне ближе, более египетские»².

В 1936 году его поселили при йодном заводе, размещенном на значительном расстоянии от Кремля, где находилась столовая для зак-

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 296–297.

² Там же. С. 298.

лученных. «Это – большое двухэтажное здание, – из письма 29.02–1.03.1936, – правая половина которого занята проектным бюро, а левая – заводом, лабораториями и комнатой общежития <...> Живу я во втором этаже этого старого здания, тут же часть лабораторий. Производственная же лаборатория или, точнее, цех находится в постройке XVI в., со сводчатым потолком на столпах, небольшими окнами, прорезанными в толстых массивных стенах, и мрачным видом, вроде кухни ведьм или кабинета Фауста. Тут стоят опытно-производственные установки: чаны, шаровая мельница, самодельные, а потому средневекового вида шкивы и колеса, различная деревянная утварь, в частности ящики, которым ради экономии материала придали вид гробов. Урчит и клубится пар, льется и капает вода, скрипит и гремит шаровая мельница, распространяются запахи водорослей разных видов. Посреди помещения выемка-спуск, занимающая половину площади; сток для воды, сооруженный из кирпича; полы каменные, из больших квадратных плит. Рядом в сушилке 62°, а за дверью – морозятся экстракты агара <...> Встаю в 8 ч. и бегу в Кремль завтракать <...> После завтрака обход всех работ, обсуждение, консультация, записи, составление отчетов; так до 6 ч., когда надо опять бежать в Кремль, обедать <...> Часов с 7 иногда сплю, когда удастся. Ведь работа идет сменная, круглые сутки. С 8 или 9 часов опять та же беготня из верхнего этажа в нижний и обратно, но неск[олько] тише в здании, т.е. работают не все. В это же время что-ниб[удь] вычисляю, иногда удается немного почитать. Обычно сижу до 4–5 часов. Но нередко, когда заснешь, приходит будить сменный рабочий с каким-ниб[удь] недоразумением. Такая жизнь не дает делать что-ниб[удь] творческое, но зато не дает и думать о том, что привело бы в уныние»¹. Работа была на износ и не допускала никаких размышлений и появления новых идей. Усталость все росла и временами становилась такой тяжелой, что ему казалось – он больше не выдержит. Но наступал новый день, сегодняшней день был похож на вчерашний, и он снова начинал делать свое нелегкое дело. Время от времени его охватывало острое чувство одиночества, как будто он был брошен в эту «кухню ведьм», откуда ему уже не выбраться. Но за него хлопотали, хлопотала жена, друзья и коллеги, которые понимали все значение великого ученого и представляли себе, что делают с такими в концлагерях СССР. В этом же 1936 году бывший первый президент Чехословакии, известный философ Томаш Масарик обратился в НКВД

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 398.

через посла своей страны в Советском Союзе с просьбой предоставить Флоренскому возможность как крупному ученому выехать в Чехословакию, где он сможет продолжить научную работу¹.

Флоренский сделал свой выбор намного раньше, чем попал в лагерь. «Можно сказать, – пишет один из крупных философов России С.Н.Булгаков, – что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, и он избрал... родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. О. Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление»².

Решения, которые принимал путем долгих и мучительных раздумий, Флоренский никогда не менял. Свой выбор «между Соловками и Парижем» он сделал вполне осознанно и не собирался его менять. Это подтвердила его жена Анна Михайловна. О предложении Масарика Анна Михайловна узнала от Е.П.Пешковой, которая в то время пыталась добиться освобождения Флоренского. «После моих переговоров, – пишет Екатерина Павловна, – с женой Флоренского, которая заявила, что за границу уехать ее муж не захочет, я просила лишь об освобождении Флоренского “здесь”»³. Заявление Анны Михайловны основывалось не на желании жены оставить его «здесь», а на полной осведомленности о настроении ее мужа – не покидать родину ни при каких обстоятельствах.

Просьба Томаша Масарика и Е.П.Пешковой об освобождении Флоренского не была удовлетворена.

«После теплых дней, – пишет Флоренский в письме от 8.05.36, – внезапно наступило похолодание. Погода осенняя. Холодные сев.-зап. шторма, сбивающие с ног. Руки зябнут в 5 мин., пока дойдешь до Кремля с баульчиком, содержащим хлеб, и с моей обычной палкой (хожу всюду с палкой вроде посоха). Этими штормами разбило лед на море и, следовательно, путь открыт. Вместо белой пелены на месте моря видны голубовато-серые, стальные поверхности воды. По Святому озеру бегут белые гребни. Неистово кричат чайки»⁴.

Но ни к острову своей неволи, ни к жизни на нем он никак не мог привыкнуть. Настолько все окружавшее его было абсурдным, что вре-

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 750.

² П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 400.

³ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 750.

⁴ Там же. С. 463.

менами ему казалось, что все это не существует в действительности, а происходит в дурном и страшном сне. Но сон не кончался, и все это оставалось с ним, и ему надо было выживать. И тогда он понял, сколь хрупок, но в то же время и стоек человек и что жизнь, ему дарованная, обладает какой-то таинственной силой, которую не так легко уничтожить или победить. «Жизнь напоминает мне, – писал он сыну Кириллу, – тоненькую свечку, горящую при бурном шторме. Скорее удивительно, что ее не задувает мгновенно, чем то, что она все-таки не гаснет всегда, во всяком случае»¹.

Наступал 1937 год, и он своей обостренной интуицией чувствовал в нем какую-то угрозу, какую-то перемену в своей судьбе и явно к худшему. Свое первое письмо в этом году он написал домой 7 января: «Вот и старый стиль привел новый год. Знаменья его дня меня не веселят: видел сегодня бабушку вашу – мою маму, в грустном виде; смотрел на северное сияние, величественное, но над чернейшим, вероятно тучевым, сегментом; слушаю завывания ветра. Да и все как-то тревожно и уныло»². 1937 год был годом Пушкина, громко и пышно отмечалось столетие со дня его гибели. Размышления о великом поэте как-то очень к месту накладывались на невеселые мысли о своей судьбе и рождали философские выводы о Великом и посредственном в истории человеческой культуры. Он изложил все, о чем думал, в письме жене, самому своему близкому другу (13.02.37). «...На Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так – вполне ясно; это – отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она принадлежит обществу. Но мы не удовлетворяемся ответом на вопрос “почему?” и хотим ответ на вопрос “зачем?”, “ради чего?” Ясно, свет устроен так, что *давать* миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренне сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью в каждом частном случае бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым.

---

¹ Флоренский П. Оро. М., 1998. С. 112.

² Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 640.

И при этом знаешь, что неправ своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, который не оплатить ни памятниками, ни хвалебным речами после смерти, ни почестями или деньгами при жизни. За свой же дар величию приходится, наоборот, расплачиваться своей кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены. И ни один великий никогда не мог дать всего, на что способен – ему в этом благополучно мешали все, все окружающие. А если не удастся помешать насилием и гонением, то вкрадываются лестью и подачками, стараясь развратить и совратить. Кто из русских поэтов, сколько-нибудь значительных, был благополучен? <...> Философы – в таком же положении (под философами разумею не тех, кто говорит о философях, но кто сам мыслит философски), т.е. гонимые, окруженные помехами, с заткнутым ртом. Несколько веселее судьба ученых, однако лишь пока они посредственны. Ломоносов, Менделеев, Лобачевский, не говорю о множестве новаторов мысли, которым общество не дало развернуться (Яблочков, Кулибин, Петров и др.) – ни один из них не шел гладкой дорогой, с поддержкой, а не с помехами, всем им мешали и, сколько хватало сил, задерживали их движение. Процветали же всегда посредственности, похитители чужого, искатели великого, – процветали, ибо они переделывали и подделывали великое под вкусы [и] корыстные расчеты общества. – Недавно я позавидовал Эдисону. Как у него было использовано время и силы – благодаря наличию <...> всего материального и, главное, самостоятельности. А у нас время проходит зря, рассеиваясь на мелочи, несмотря на огромную затрату сил – потому что ничего не можешь устроить так, как считаешь нужным»¹.

В этом письме у Флоренского выплеснулось столько горечи, столько боли и скорби и не только за себя, а и за всю свою «команду», что трудно себе представить.

Последнее письмо жене он отправил 18.06.37. В нем было что-то тревожное, недосказанное. «Жизнь наша резко изменилась; сидим безвыходно в Кремле, а т.к. работы почти нет, то во дворе всегдашняя толкучка. Заниматься при таких условиях не приходится, несмотря на усилия, которые я делаю в этом отношении, да и настроение неопределенности мешает сосредоточиться на чем-нибудь, требующем усилия и внимания, главное же – подъема <...> Если придется уехать отсюда, то жаль будет моря, хоть я и вижу его теперь издали»². Стояли белые ночи

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 663–665.

² Там же. С. 712.

с их нездоровой туманной белизной, подсвеченной из самой ее глубины таинственным нездешним светом. Спать было трудно, да и не хотелось. С воли шла информация, в которую верилось с трудом. Сюда, на этот изолированный остров, она каким-то неясным путем проникала. Репрессии усиливались и в роковом тридцать седьмом достигли, казалось, своего апогея. Заключенные передавали друг другу страшные известия о массовых арестах, пытках в подвалах Лубянки, расстрелах. Страна все больше и больше обрастала зловещей паутиной лагерей. Он подолгу стоял у окна и смотрел на далекое море, как бы прощаясь с ним. В голову приходили печальные, неожиданные мысли. «...Начинает казаться, что обстановка должна измениться, но не в ту сторону, которая была бы желательна, т.е. не на Дальний Восток»¹. Ему казалось, что время на этом странном острове без ночей остановилось и никогда больше не сдвинется с места, придя в противоречие с этим замкнутым пространством. Но время, в действительности, двигалось, и довольно быстро, а он не был в состоянии удержать его. Оно двигалось туда, куда в густейшую темноту уходили – и глохли сполохи северного сияния, которое он видел в новый, 1937 год. За этой темнотой стояла неизвестность.

«Совершенно секретно. Нач. УНКВД Ленинградс. Области комиссару госуд. безопасности I ранга т. Заковскому. г. Ленинград.

В соответствии с моим приказом № 00447 (разослан начальникам НКВД) – приказываю:

1. С 25 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, грузмоков, дашнаков, итихатистов, мусаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек <...>

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 712.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Генеральный комиссар гос. безопасности – Ежов.
Верно: оперсекретарь НКВД СССР
№ / 59190 комбриг (Ульмер)
16.VIII.1937 г.»¹

Из воспоминаний Ю.И. Чиркова:

«...В конце августа урок куда-то увезли, а через день нас перевели в Кремль. П.А.Флоренский и другие видные сотрудники ПСБ, очевидно, были под замком. Ясно было одно: все изменения к худшему. В газетах бушевал шквал ненависти и подозрительности. Термин “враг народа” упоминался почти во всех статьях. Создавалось впечатление о множестве “врагов” во всех звеньях госаппарата, на производстве, в литературе, в армии и т.п. Казалось, все руководство вместе с великим сошло с ума»². И далее Чирков пишет: «...в конце октября неожиданно выгнали всех из открытых камер Кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список – несколько сот фамилий, отправляемых в этап. Срок подготовки – два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие – прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этаплируемых уже стояла с вещами. В это время из изолятора вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, которые выходили на берег бухты Благополучия. Я подбежал к краю “царской” дороги еще до приближения колонны и видел всех проходящих мимо, ряд за рядом, по четыре человека в ряду... На всех было одно общее выражение – собранность и настороженность...

В рядах, проходивших мимо, мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несет голову седобородый профессор Литвинов (оба из ПСБ) <...>

И мимо, мимо идут ряды... Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был второй этап из Соловков, названный “большим”...»³ Все три этапа были вывезены на Рабочий остров, а в это время в Ленинграде начала работать Особая Тройка.

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. 777.

² Там же.

³ Там же. С. 778.

«Протокол № 199
заседания Особой Тройки УНКВД Ленинградской области
25 ноября 1937 года.

Председатель – Заковский.

Члены – В.Гарин.

Позери.

Секретарь – Егоров.

Слушали:

Дело № 1043 14/37 Оперчасти Соловецкой тюрьмы ГУТБ НКВД СССР – на 12 человек заключенных, осужденных ранее за к.-р. троцкистскую деятельность. По делу обвиняются:

190. Флоренский Павел Александрович, 1882 г.р. ур. мест Евлах, Азербайджан, русский, гр. СССР, б/п. Осужден КОПУ 26.VII.33 по ст. 58-10-11 УК на 10 л. ИТЛ.

Постановили:

Арх. № 212727. Флоренского Павла Александровича расстрелять 8.XII.37 г.

Подписи»¹.

И еще два документа, которые ставят государственную точку под судьбой и жизнью Павла Александровича Флоренского, «русского, гр. СССР, б/п.».

Постановление Президиума Архангельского областного суда от 5.03.59 г.:

«Постановление Особой Тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года в отношении Флоренского Павла Александровича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления»².

Второй документ – ответ из Комитета государственной безопасности СССР, Управления по Ленинградской области от 2.04.92 г. на запрос игумена Андроника, близкого родственника Флоренского.

«Уважаемый Александр Сергеевич!

На Ваше заявление относительно розыска места захоронения Флоренского П.А. сообщаем, что по имеющимся сведениям приговор в отно-

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 779.

² П.А.Флоренский: арест и гибель. С. 140.

шении него был приведен в исполнение 8 декабря 1937 года в гор. Ленинграде. Установленным местом захоронения жертв репрессий в период 1937–1940 гг. в г. Ленинграде является т.н. “Левашовская пустошь”, находящаяся в пос. Левашово Выборгского района г. Санкт-Петербурга.

Таким образом, имеются все основания полагать, что Флоренский Павел Александрович в числе других жертв захоронен именно в этом месте.

С уважением

Начальник подразделения

А.Н.Пшеничный»¹.

Комментировать эти бумаги просто невозможно по причине их страшного содержания. Государственная машина, как Молох, поглотила великого Флоренского вместе с остальными и выплюнула лишь процитированные бумаги.

Свидетельствует игумен Андроник (Трубачев):

«У отца Павла было ясное понимание того, что ждет его. Однако он ощущал свой нравственный долг и призвание в том, чтобы сохранить основы духовной культуры для будущих поколений. Так еще 30 июля 1917 г. он писал А.С.Мамонтовой: “Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обраться к русской идее, к идее России, к святой Руси... Я уверен, что худшее еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века”»².

С 1917 по 1923 год он писал свое «Завещание моим детям: Анне, Василию и Кириллу и Олечке – на случай моей смерти»³. В завещании 12 пунктов, и каждый из них – целый жизненный сюжет его духовного опыта. Вот этот текст:

«1917.IV.11. Сергиев Посад

1. Прошу Вас, мои милые, когда будете хоронить меня, приобщиться Святых Тайн в этот самый день, а если уж будет никак нельзя, то в ближайшие дни. И вообще прошу приобщаться вскоре после смерти моей *чаще*.

---

¹ П.А.Флоренский: арест и гибель. С. 184.

² Там же. С. 182–183.

³ Оноприенко В.И. Флоренские. С. 193–197.

2. Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда буду с вами душою, а если Господь позволит – буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь.

3. Самое главное, о чем я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда.

4. Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти.

1917.V.8

Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, – знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме, и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями. Так, чтобы ничего не было мертвого, вещного, неодухотворенного.

5. Дома, библиотеки, вещей не продавайте, без самой крайней нужды. Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы, и дети, и внуки ваши долго-долго имели крепость и твердую опору.

1917.VII. Сергиев Посад

6. Мое убеждение – что роду нашему должно иметь представителей у Престола Божия. Мое чувство – что тысячи вразумлений Божиих и тысячи подстерегающих враждебных глаз направляют наш род к одной цели – не изменять назначенному нам стоянию в алтаре Господнем. Отказ от этого стояния, бегство алтаря поведет к тяжелому року над нашим домом.

Мне думается, то тяжелое, что пережил наш род, начиная от деда, есть следствие уклонения от алтаря Господня. Пусть же в каждом поколении хоть один будет иерей, лучше всего – как я, т.е. иерей для себя, иерей ради службы Божией, имеющий ремеслом что-нибудь особое! Подумайте об этом, сыны мои!

7. Мне думается, что задачи нашего рода – не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организацион-

ные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности.

8. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить.

1919.IV.26. Сергиев Посад, ст. ст.

9. Дети мои милые. Это время революции было так тяжело, как только можно было себе представить; было – и есть, и Бог знает, сколько еще продлится. Эпидемические болезни, голод, невероятная дороговизна, бесправие, возможность всякого насилия – все, что только можно представить себе тяжелого, не отсутствовало кругом нас. Но Милосердие Божие, Покров Пречистой Девы и Помощь Преподобного Сергия, а также молитвы Иеромонаха Исидора и Епископа Антония, а может быть, и Архимандрита Пимена не оставляли нас, и великим чудом мы не терпели недостатка, хотя по человеческому разумению должны были бы тысячу раз умереть от голода, холода и болезней, а также претерпеть все виды насилий. Милые мои дети, Господь хранил нас, мы не оставались без Его Покрова. Не забывайте никогда, прошу вас и завещаю, этого времени вашего детства и всегда обращайтесь за помощью к Господу, Божией Матери, угоднику Божию Сергию, а еще святым Николаю Чудотворцу, преподобному Серафиму и своим Ангелам. Обращайтесь с горячею просьбою и мольбою о помощи к друзьям и покровителям нашего дома Иеромонаху Исидору и Епископу Антонию и Архимандриту Пимену. Не забывайте этого, помните, опытами многими убедился я, убедились мы в действительности молитв и просьб к ним. И еще раз скажу, не забывайте их, милые мои, обращайтесь к ним с каждою нуждою, помните, что в лице их вы имеете домашних покровителей, знавших нас и любивших нас и заботившихся о нас при жизни своей.

1920.VI.3

10. Мои милые, в это тяжелое время друзья и знакомые много помогали нам, и без помощи их нам не выжить бы. Многие проявляли доброту и внимание, нами не заслуженные. И вы, мои хорошие, будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет; не надо благотворительности.

Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого нам Бог пошлет как нуждающихся в помощи. Будьте добры и щедродательны.

Когда же вам самим будет плохо, то воззовите к Богу, обратитесь к святым угодникам – к Николаю Чудотворцу, к преподобным Сергию и Серафиму, обратитесь к покровителям нашего дома, о которых я говорил вам уже. Верьте, мои милые, что я говорю по многому опыту, – они не оставят вас без помощи.

Много-много раз я убеждался в действенности молитв к ним и не бывал не услышан, когда просил их. И вот, мои родные, мои родимые, никогда не забывайте молиться и обращаться за помощью к небесным покровителям. Из друзей же, помогавших нам, в особенности назову: Наталию Александровну Киселеву, Софию Сергеевну Тучкову, Софию Ивановну Огневу, некоторых моих учеников по Академии.

11. Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, – это зависть. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мецанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги – все это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам.

И еще – не осуждайте, не судите старших себя, не пересуживайте, старайтесь покрывать грех и не замечать его. Говорите себе: “Кто я, чтобы судить, и знаю ли я внутренние побуждения, чтобы осуждать?” Осуждение рождается большей части из зависти и есть мерзость. Воздавайте каждому должное почтение, не заискивайте, не унижайтесь, но и не судите дел, которые вам не вручены Богом. Смотрите на свое собственное дело, старайтесь сделать его возможно лучше, и делайте все, что делаете, не для других, а для самих себя, для своей души, стараясь из всего извлечь себе пользу, назидание, питание души, чтобы ни одна минута вашей жизни не утекала мимо вас без значения и содержания.

Москва. 1921. III. 19–20. Ночь у В.И.Лисева

Суббота под воскресенье

12. Милые мои детки, тоскует мое сердце по вас. Когда вы вырастаете, то узнаете, как тоскует отцовское и материнское сердце по детям. И тоскует оно по моей бедной маме, которая сидит одинокая и к которой нет сил приблизиться внутренно. Много-много хочется написать мне

вам. Приходят вереницы мыслей и чувств, но нет ни времени, ни сил записывать. Вот одно, что особенно настойчиво просится к записи:

Привыкайте, приучайте себя все, что бы ни делали вы, делать отчетливо, с изяществом, расчлененно; не смазывайте своей деятельности, не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в “кое-как” можно потерять всю жизнь, и напротив, в отчетливом, ритмичном делании даже вещей и дел не первой важности можно открыть для себя многое, что послужит вам впоследствии самым глубоким, может быть, источником нового творчества. Почему-то в этом отношении я спокоен за Олечку и отчасти за Киру и более всего опасуюсь, что мой первенчик Васенька оплошает и будет жить спустя рукава. Дай Господи, чтобы это было не так. Но опасуюсь, что Вася выйдет в своего дядю Шуру.

И еще.

Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчетливость и мысль. Детки мои милые, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли.

1922.VIII.14

Давно хочется мне записать: почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидают, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится...»

Обычно люди пишут материальные завещания, заверяют их у нотариуса, чем придают им юридический смысл. Завещание Флоренского не имеет юридического значения, ибо это духовное завещание. Оно уникально по своей высокой духовности и нравственно-этической насыщенности. В этом завещании Флоренский определил правила духовной жизни не только для своих детей, но и, можно считать, – для человека вообще. Он был глубоко религиозен, и это наложило свой отпечаток на текст. Но при этом надо отметить, как ненавязчиво и корректно подаются религиозные истины, как тактично он старается наполнить ими души своих детей. Через все завещание проходит его собственное ощущение предстоящих бед и своей гибели.

«Если бы меня спросили, – пишет С.И.Фудель, – как в общем итоге определить значение Флоренского для людей, я бы сказал, что оно может быть сведено к властному направлению нашего сознания в реальность духовной жизни, в действительность общения с божественным миром»¹. В самом деле, Флоренский – и в своих исследованиях, и в своем опыте – все время указывал на необходимость и неизбежность Высшего мира, мира иного измерения. Занимаясь делами Церкви, подобно Апостолу Павлу, он не упускал никогда эту проблему. Ибо она была сформулирована Апостолом две тысячи лет назад: «...чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что (есть) широта, и долготы, и глубина, и высота»². В этих словах Апостола Павла отец Павел усматривал указание на «четырёхмерное знание», которое расширит духовное зрение человека. Но Апостола казнили в I веке нашей эры, а отца Павла в XX за те же идеи. Неужели все их старания пропадут и исчезнут из земного пространства? На этот вопрос как бы ответил сам Флоренский в письме матери (6–7.04.1935): «Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаём воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды <...> Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают так же. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустою»³.

...Январь 2002 года был в Италии удивительно теплым. Я бродила по Ватикану, переходя из одного храма в другой, из одного музея в другой, пораженная богатством содержащихся в них художественных ценностей. Собираясь уходить, я еще раз зашла в залы Древнего Рима, где экспонировалось одно из богатейших собраний античной скульптуры. Я стояла у древнего саркофага, рассматривая его удивительно искусно сделанные барельефы, когда около меня остановился человек и сказал:

– Простите за назойливость, но Вы были в часовне Божией Матери?

– Право, я затрудняюсь ответить, столько храмов я посмотрела, что запуталась. Возможно, я и была в ней, – сказала я.

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. С. 99.

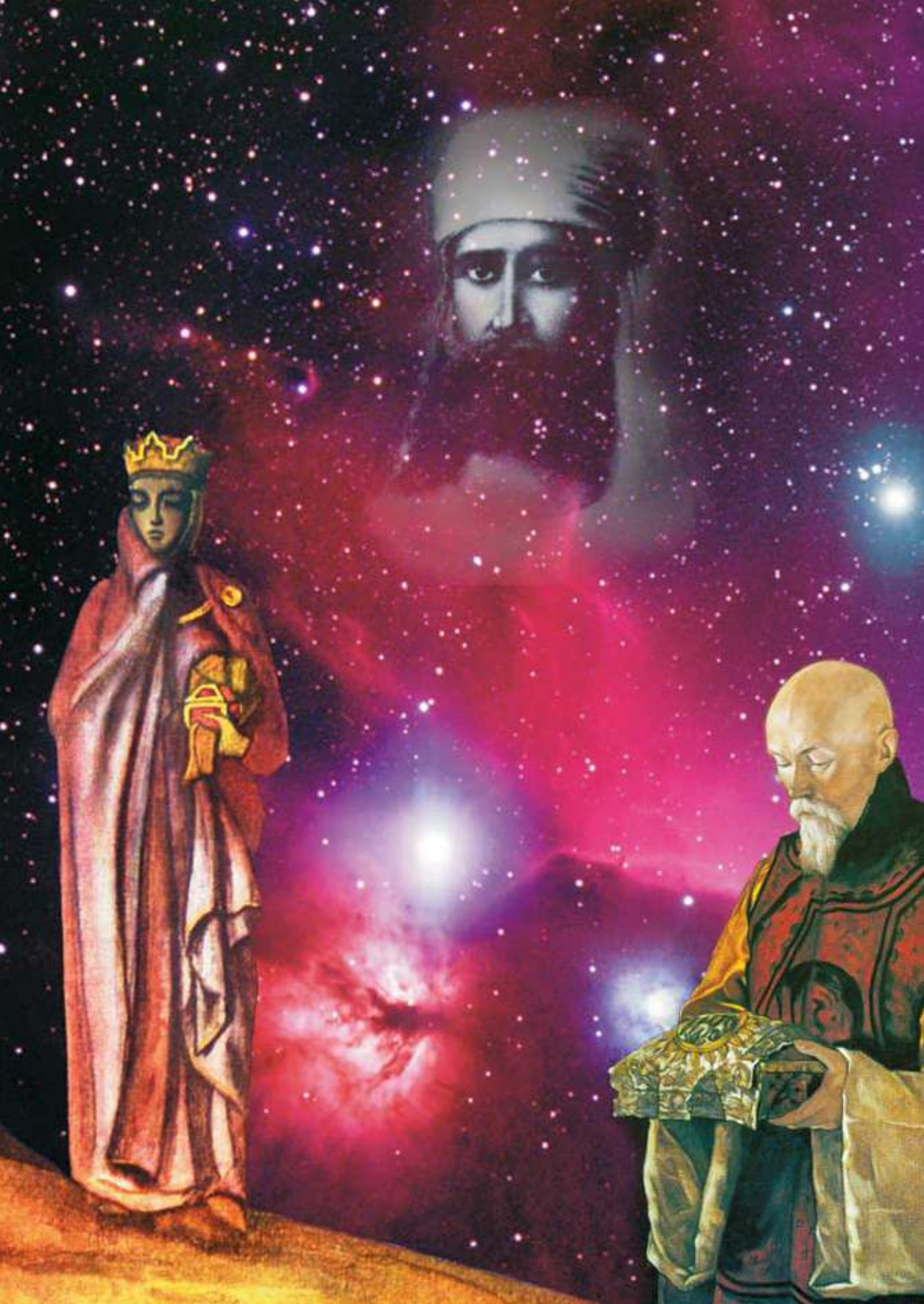
² Там же. С. 103.

³ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 203–204.

– Но если Вы были, то так бы не ответили. – И отошел, направляясь прямо к выходу.

А я, заинтересованная этим странным разговором, пошла искать часовню. Нашла я ее не скоро, а войдя в нее, ничего странного и таинственного не обнаружила, пока мой взгляд не задержался на стене, где была мозаика, сделанная, я бы сказала, в современном стиле. Я подошла поближе и увидела три фигуры. Судя по надписи, сделанной на русском языке, одна из них изображала Флоренского. Он стоял с краю, распластав руки, похожие на крылья. Тогда же я узнала, что все трое были признаны католической церковью новомучениками. Я долго стояла перед изображением, стараясь вспомнить, есть ли в нашей православной церкви новомученик отец Павел. Но так и не смогла вспомнить...

Часть III

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Перерождение мышления должно утвердиться как основа лучшей Эпохи. Мышление – залог преуспевания, залог нового строительства, залог мощного будущего. Претворение жизни, именно, утверждается трансмутацией мышления. На каждом проявлении можно проследить, как мышление эволюционирует или инволюционирует. Кроме устремленного мышления, действует импульс зажигания мышления. Потому закон устремления дает то соответствие, которое сближает Миры, насыщая творческим огнем. Дать себе отчет в направлении мышления уже поможет сдвинуть сознание.

Мир Огненный. Ч. III, 262

Широкое распространение знаний может переродить мир. Знание может делать чудеса. Вспомним слова Благословенного о невежестве. Каждый успех зависит от знания, и если где-нибудь неудача, то где-то вкралось невежество. Потому скажем – знание выше всего. Где есть знание, там явление красоты.

Беспредельность, 493

...Истинная перемена может наступить лишь при расширении сознания, в принятии духовного начала, как главенствующего в жизни.

Е.И.Рерих

Потому для ускорения (эволюции. – Л.Ш.) так необходимы, именно, книги Учения, в которых собраны в сжатых формулах все знания, накопленные веками глубочайших, многосторонних опытов. В книгах Учения вдумчивый ученик найдет ответ на самые сложные проблемы жизни, освещенные со многих сторон, так же, как и много совершенно конкретных утверждений по всем отраслям науки. И правильный подход к науке может быть лишь после твердого, всестороннего усвоения Учения. Ибо лишь тогда можем мы разобраться по существу, не затрачивая зря многие годы, устремившись по ложному направлению.

Е.И.Рерих

1. РЕРИХИ

Плотно закройте забрала. На рубеже событий молчание. Накануне битвы тихо готовьте оружие.

Если прежде проходили города при кликах народа, то теперь пройдем молча на рассвете.

Если прежде гремели приветствия, то теперь – подвиг.

Нам тесно от людского почитания.

Благо и суровость – одно понятие. Прежде Мы посылали ветвь мира. Прежде Нашим символом был голубь, теперь же – чаша подвига.

Да, каждый век имеет свой символ.

Озарение. Ч. 3, I, 4

Старинный дом серого камня на лесистом склоне был легендой долины Кулу. Под его черепичной крышей когда-то переплелись самым неожиданным образом события и судьбы, соединив в этой точке пространства прошлое, настоящее и будущее.

Владелец этого дома – русский художник Николай Константинович Рерих в двадцатые годы прошлого столетия совершил крупнейшую экспедицию. Он прошел через горы Индии, пустыни Китая, степи Монголии, одолел снежные хребты Трансгималаев. В Тибете экспедиция чуть не погибла на морозном плато Чантанг. Власти, задержавшие экспедицию, обрекли ее на долгое стояние и снежный плен. Несмотря на все препятствия, Рериху вместе с женой Еленой Ивановной и старшим сыном Юрием Николаевичем удалось в 1928 году вернуться в Индию. И тогда в их жизни возникла древняя долина Кулу и дом с просторными гостиными, скрипучими половицами и тяжелыми деревянными стульями в полутемной столовой. Таким увидела я этот дом в 1972 году.

Экспедиция Рериха чем-то напоминает мне древние китайские путешествия на острова Бессмертных или к центру мира на гору Куньлунь. В ней было что-то от средневековых рыцарских путешествий за таинственным Граалем, когда совершенная гармония высокого духа и высокой цели приводили к победе. Такой высокий дух, несомненно, присутствовал в Центрально-Азиатской экспедиции и этим делал похожей ее на великое паломничество. Юрий Николаевич Рерих в одной из своих статей обронил очень краткое, но чрезвычайно глубокое замечание. Индия для Николая Константиновича, отметил он, «больше, чем поле творческой деятельности, [она] становится тем, что индийцы

называют «кшетра» – поле делания, жизненная битва». Его жизненная битва совпала с самой жестокой битвой XX века – Великой войной. И не было случайностью появление в старинном доме в 1942 году двух будущих премьер-министров независимой Индии – Джавахарлала Неру и его дочери Индиры. О подобном предназначении гостей тогда еще никому не было известно...

В те дни Неру подолгу разговаривал с Еленой Ивановной Рерих. Елена Ивановна от глубин индийской духовной культуры легко выходила на жизненно важные проблемы XX века. Неру же пытался использовать опыт этой культуры в решении трудностей своего времени. Они оказались единомышленниками, и их волновали послевоенные судьбы мира. Позже, два года спустя, Неру в душевной камере ахмеднагарской тюрьмы напишет следующие слова: «Во всем этом прогрессе чего-то не хватает, и в результате никак не удастся достичь гармонии ни между нациями, ни в душе человека. Может быть, больше синтеза и немного скромности перед мудростью прошлого, которая в конце концов является накопленным опытом человечества, помогут нам открыть новую перспективу и добиться большей гармонии».

В этих словах слышится явный отзвук бесед индийского политического деятеля и русской женщины, когда они размышляли над нравственными издержками современной технологической цивилизации, задумывались над смыслом гуманизма и сутью этических проблем. В тех беседах не раз звучали слова «Живая Этика».

Живая Этика... Главный результат деятельности Рерихов. Не исключено, что гости, посетившие в те далекие годы старинный дом, знали о существовании целой серии рериховских картин. Их необычные, загадочные сюжеты были похожи на нездешние легенды: «Гуру-гури Дхар», «Тень Учителя», «Сожжение тьмы», «Сокровища гор», «Дозор Гималаев», «Агни Йога». Те, кто был изображен на этих картинах, назывались Учителями, мудрецами и махатмами – Великими душами. Мудрецы тоже были великими и именовались махаришами. Недалеко от дома, чуть ниже по склону, на аккуратно расчищенной площадке стоит полуобработанный камень серого гранита. На нем высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом. Рам».

Рерих был личностью широчайшего диапазона. Великий художник, выдающийся ученый, уникальный философ, известный путешественник и общественный деятель мирового масштаба, он был средни

гигантам эпохи Возрождения. Слово «махариши», пришедшее совсем из другого мира, своим иным измерением как бы превращало личность уже в явление, обладающее определенной исторической жизнью. И чем больше проходило лет, тем больше росло значение и самого Рериха, и его наследия.

Явление обладает свойством целостности. Однако не всегда эта целостность бралась в расчет. Долгое время Рерих был известен у нас только как художник. Но самый блестящий искусствоведческий анализ его картин не мог охватить все явление и неизбежно обеднял личность творца и богатство его духовного мира. Такой чисто «художнический» подход напоминал прямое освещение, в котором исчезала глубина света и тени и все становилось плоским и мертвенным. И если мир рериховских картин еще давал какое-то представление о нем как об ученом и путешественнике, то мировоззрение, стоявшее за ним, духовное движение его творчества и жизни нами не замечались и как бы даже отсекались. Мы отбрасывали самое главное, без чего ни личность, ни тем более явление существовать не могли. Не стремясь вникнуть в суть отброшенного, мы руководствовались идеологическим инстинктом, который безошибочно сигнализировал нам о каком-то неблагополучии в отторгнутой нами области. Чтобы в какой-то мере оправдать такое странное для цивилизованного человека поведение, мы поспешно (как всегда это делали) разделили явление «Рерих» на «наше» и «не наше», на то, что «мы принимаем», и на то, что «мы не принимаем». Сначала на его идеи навесили ярлыки, похожие на тюремные номера, а потом увели под конвоем куда-то в небытие, как и немало других неблагонадежных идей. Но не всех устраивала такая ситуация. Судьба Рериха – лучшее тому подтверждение.

Но сначала кое-что из биографии. Николай Константинович Рерих родился в 1874 году в Петербурге, в семье крупного юриста. Он окончил гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета, а параллельно и Академию художеств. Его выпускная картина «Гонец» свидетельствовала о большом таланте и склонности к историческим сюжетам. Склонность эта подкреплялась археологическими раскопками в районах Новгорода и Пскова, которые достаточно профессионально проводил молодой Рерих. И еще его тянуло к Востоку. Совершив вместе с женой Еленой Ивановной путешествие по древним русским городам, он увидел в русской культуре то синтетическое начало, которое давало повод для размышления и о Востоке, и о Западе. Особенно его притягивала Индия. Он задумывался о не-

объяснимой подвижности древних народов и мечтал найти тот общий гипотетический источник, из которого когда-то, тысячелетия назад, возникли индийская и славянская культуры.

Надо сказать, что увлечение супругов Рерих Индией и ее традиционной культурой не было чем-то необычным для российской интеллигенции того времени. Культурная Россия в конце XIX – начале XX века переживала неудержимую тягу к этой далекой и чудесной стране. У этого явления были свои глубокие и сложные причины. Здесь можно только отметить созвучие индийской духовной традиции нравственным исканиям русской интеллигенции. К Индии проявляли острый интерес крупнейшие русские писатели: Л. Толстой, Ф. Достоевский, М. Горький. Были переведены на русский язык работы индийских философов Рамакришны и Вивекананды, «Жизнь Будды» Асвагоши, эпические поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата», ведические гимны и произведения Рабиндраната Тагора.

Любой творческий процесс складывает замысловатый орнамент, значение которого нам становится ясным лишь многие годы спустя. В 1897 году известный критик Стасов привез к Толстому в Москву молодого Рериха. Тот показал писателю репродукцию своего «Гонца». Толстой долго рассматривал ее, а затем, внимательно посмотрев на оробевшего гостя, сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Предполагал ли великий русский писатель, что перед ним в тот день стоял не только будущий великий русский художник, но и гонец России в Индию? Гонец так высоко будет править всю свою жизнь, что сумеет поднять на новую ступень взаимодействие духовных традиций Индии и России.

Систематический, неутомимый и тяжелый труд супругов Рерих и сформировал ту главную, духовную суть их деяний, которую мы так долго считали «не нашей». Как же часто мы бываем неоправданно расточительны по отношению к духовным и культурным ценностям, как мало ценим подвижнический труд, как спешим отрицать, забывая, что отрицание есть признак невежества. Я вспоминаю человека, облеченного высокими научными степенями, выступавшего перед большой аудиторией. «Мы не всё принимаем у Рериха», – говорил он, и в его хорошо поставленном голосе не звучало и капли сомнения.

Почему «не всё»? Что знал о Рерихе выступавший с высокой трибуны? И что знал он о нас самих, наших духовных исканиях и стремлениях? Он был категоричен в своих суждениях, резал по живому, уродуя лицо духовной культуры, прекрасное и цельное в своей изначальности. К сожалению, он был не единственным, а представлял целую касту себе подобных.

Что же в действительности сделали Рерихи и чего они достигли? Сумев войти внутрь индийской духовной жизни, они стали сотрудниками анонимной группы философов и Учителей. Именно для этого они покинули любимую ими Родину, преодолели немыслимые препятствия, чтобы попасть в колониальную Индию, вступили в единоборство с британской разведкой, которой в каждом русском мерещился шпион. Когда они уезжали из России, там бушевала Октябрьская революция 1917 года, бескомпромиссная, непримиримая и жестокая. Рерихи рисковали заслужить ее проклятие и несмываемое клеймо эмигрантов. Но время работало на них и вернуло нам незапятнанными их подвижнические имена. Летом 1926 года Рерихам удалось вновь оказаться на Родине. Они хорошо понимали, что английские власти Индии не простят им этого визита и как трудно будет вернуться. А их дела в Индии еще не были завершены.

Рерихи привезли в Москву письмо индийских Учителей, ларец с гималайской землей «на могилу нашего брата Махатмы Ленина» и серию картин «Майтрейя», в которых нашли отражение народные предчувствия наступающего нового века. И хотя Николай Константинович встречался с крупными деятелями Советского правительства – Луначарским, Чичериным, Крупской и другими, его визиту не придали того значения, которого он заслуживал. Ни на кого из них не произвели впечатления ни письмо Махатм, ни оригинальность высказанных Рерихом идей. Они не заинтересовались по-настоящему авторами письма, проявив лишь положенное вежливое любопытство.

В те годы мир только начинал открывать для себя сокровищницу индийского духа и мысли. Группа Учителей-махатм, с которыми были тесно связаны Рерихи, имела достаточно древние корни в индийской духовной традиции. Корни эти уходили к философам-кшатриям, создателям «Упанишад», к лесным общинам бродячих проповедников новых идей и, наконец, были плотно переплетены с буддийской философией. Однако все это составляло лишь надводную вершину огромного духовного айсберга, большая часть которого уходила в многовековые слои океана культурно-исторической эволюции человечества.

В этих глубинах продолжалась своя таинственная жизнь древней мысли, которая давала себя по временам знать именами легендарных мудрецов, их озарениями и пророчествами. В XX веке отсюда пришли и книги, названные Живой Этикой, к созданию которых имели непосредственное отношение Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи. Эти книги не случайно появились именно в XX веке, ибо сутью своей были связаны с духовным движением нового времени, с его важнейшими проблемами. Накопленные в предыдущий период знания реализовались в научном «взрыве» 20-х годов прошлого века. «Взрыв» создал новую научную «вселенную», в которой главную роль стал играть формирующийся целостный подход к явлениям природы и человеческого общества. Забытые мысли древних мудрецов о неразрывности Человека, Планеты и Космоса, о фундаментальном единстве микро- и макрокосма вдруг нашли неожиданные подтверждения в последних научных открытиях и заставили экспериментальную науку Запада обратить свое благосклонное внимание в сторону умопытельной философии Востока. Начался процесс взаимного обогащения, объективной целью которого являлось одухотворение экспериментальной науки и «онаучивание» духовных достижений Востока. Этот синтетический процесс явился стержнем развивающейся духовной революции XX века. Революция принесла предчувствие предстоящих изменений в сознании человека и ожидание грядущей новой ступени в культурно-духовной эволюции планеты, что нашло свое отражение и в работах крупнейших ученых Запада, и в пророчествах Востока. К.Э.Циолковский писал о наступлении Космической эры, В.И.Вернадский и Тейяр де Шарден складывали понятие ноосферы планеты, сферы Разума. Пророки Востока говорили о наступлении счастливой эры Майтрейи, о смене Кали Юги – Века Зла Сатъя Югой – Веком Справедливости. Книги Живой Этики, как бы соединяя в себе оба этих потока, обосновывали непреложность нового витка в эволюции человечества. Они обращали внимание на необходимость сознательного подхода к грядущим изменениям и выдвигали на первый план этические проблемы, как важнейшее условие для дальнейшего роста сознания человека. Знания, содержащиеся в Живой Этике, шли в одном русле с развитием науки, но в то же время в какой-то степени и опережали ее. Ее авторы и создатели более расширенно, чем это было принято, толковали такие понятия, как материя и энергия. «Живая этика, – писал известный советский философ В.В.Мантатов, – неоднозначна по своему содержанию, но несомненно то, что она является

выражением реальной социальной потребности в расширении сферы этической ответственности человека в условиях научно-технического прогресса». Мы сейчас убеждаемся на собственном горьком опыте, что без этики нет науки, без культуры нет социального переустройства, без гуманизма нет планеты.

Стараясь преодолеть стереотипы сложившихся схем и старого мышления, Н.К.Рерих пытался разъяснить смысл этого многотомного труда. «Они (Махатмы. – Л.Ш.), – писал он, – говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверия и предрассудков»¹.

На страницах Живой Этики мы находим так необходимый нам сейчас целостный подход к важнейшим проблемам духовно-культурной эволюции человечества. «И, чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной».

Единство и объединение на всех уровнях – смысл нового эволюционного витка, утверждается в ее книгах. Для установления этого объединения необходимо сотрудничество между людьми. Социальное устройство будущего человечества будет общинным. Но без знания и культуры, утверждали создатели Живой Этики, построить такое будущее нельзя. Строительство ускоряется и обретает необходимое качество тогда, когда растет и расширяется сознание строителей. Нравственное совершенствование, неукоснительное соблюдение этических норм, понимание ключевой роли культуры для развития человеческого общества – вот те важнейшие моменты, без которых невозможно продвигать дальше культурно-духовную эволюцию планеты. Каждый виток эволюции ставит перед человечеством новые проблемы. Эволюция приближает к человеку новые энергии и новые состояния материи. Махатмы указали на психическую энергию, носителем которой является сам человек. «Не опоздайте с применением ее, – писали они. – Иначе океан волн смоев все запруды, обращая течение мышления в хаос»².

Настаивая на необходимости нравственно-этической основы для научного мышления, они думали о будущем планеты.

---

¹ Рерих Николай. Алтай – Гималаи. Рига: Виеда, 1992. С. 318.

² Община 1926 (Рига), 249.

«Знамя мира», известное нам как символ Пакта Рериха о защите культурных ценностей во время войны, непосредственно связано с идеями Живой Этики. Поднятое индийскими и русскими сотрудниками, оно знаменует наступление нового витка в духовно-культурной эволюции человечества и символизирует собой Великую космическую спираль эволюции. Три красных круга, заключенные в большом, на белом фоне. Троиединство важнейших понятий эволюции: прошлого, настоящего, будущего; человека, планеты, космоса; этики, науки, искусства; трех состояний материи.

Н.К.Рерих больше не увидел Россию. Последние двадцать лет он провел в старинном доме, на склоне горы в гималайской долине Кулу. Там он создал полотна, которые принесли ему мировую славу. В них, в формах и цвете, обрели свою вторую жизнь идеи Живой Этики. Там же, в Кулу, начал работать и рериховский Институт Гималайских исследований, где впервые был применен малоизвестный тогда комплексный метод научных изысканий. Кончилась Великая война, два года спустя Индия отпраздновала первый день своей независимости. Трудная и долгая миссия Рерихов была практически завершена. Все, что они почерпнули в своем уникальном сотрудничестве с Великими душами, теперь принадлежало их Родине и всему миру.

В 1947 году Рерих запросил визу на въезд в Советский Союз. Время тянулось мучительно долго, а ответа все не было. В декабре этого же года Николая Константиновича не стало. Он умер, так и не узнав, что в визе ему отказали...

Елена Ивановна вместе со старшим сыном Юрием Николаевичем покинула старинный дом и уехала в небольшой курортный городок Калимпонг, расположенный по соседству с Сиккимом, княжеством в восточных Гималаях. Там Юрий Николаевич снял скромный дом, похожий на сельский английский коттедж. В этом доме Елена Ивановна работала много и напряженно: вела обширную переписку, редактировала очередные тома Живой Этики. Все, что она сделала в Калимпонге, опубликовать пока так и не удалось.

Елена Ивановна умерла в 1955 году. «При уходе никто не присутствовал», – писал младший ее сын Святослав Николаевич. Во время похоронной церемонии ее положили на бамбуковые носилки и понесли на высокую гору. Шесть буддийских лам и шесть индийских коммунистов, подставляя плечи под носилки, сменяли друг друга. На одном из поворотов их встретила воинская часть и оказала Елене Ивановне последние почести. Был издан специальный правительственный указ.

Но самым удивительным было другое. Последние восемь лет Елена Ивановна вела уединенный и замкнутый образ жизни, почти ни с кем не общаясь, однако носилки сопровождало огромное число людей: индийцев, тибетцев, гуркхов. Их никто не извещал о церемонии и никто не приглашал на нее. Повинуясь какому-то странному зову, они пришли проводить в последний путь русскую женщину, о которой почти ничего не знали. «После себя Е[лена] И[вановна] оставила столько замечательных манускриптов. Они одни могут напитать целую эпоху»¹, – писал в 1962 году Святослав Николаевич Рерих.

На Родину вернулся только Юрий Николаевич. Это произошло в 1957 году. Крупный ученый, он проработал три года в Институте востоковедения АН СССР, вплоть до своей неожиданной смерти.

Младший сын Рерихов Святослав Николаевич, известный художник и общественный деятель, почетный академик Российской академии художеств в 1990 году передал России наследие своих родителей и выступил основателем Международного Центра Рерихов и общественного музея имени Н.К.Рериха, в котором и хранится это богатейшее наследие наших соотечественников. Важнейшую часть его составляет архив Елены Ивановны Рерих, который дает возможность проследить процесс создания книг Живой Этики и понять всю необъятность тем, заключенных в записях великой русской женщины, совершившей культурный подвиг во имя своей Родины.

В январе 1993 года Святослав Николаевич Рерих ушел из жизни, оставив по себе в России благодарную память.

Книги Живой Этики, посвященные различным аспектам космической эволюции человечества или, можно уточнить, Космической Реальности, начали издаваться усилиями Рерихов в 20-е годы XX века. Архив Елены Ивановны свидетельствует об одной странной, на первый взгляд, особенности ее рукописей, составлявших в сотрудничестве с Великими душами, или Учителями. Информация, которую записывала Елена Ивановна, шла от Учителей на русском языке. Русский язык явно говорил об определенном месте назначения этой информации. Подтверждение этому содержится в первой книге Живой Этики – «Зов». Книга начала создаваться в марте 1920 года. Ей предшествовали знаменательные слова:

---

¹ Рерих С.Н. Письмо П.Ф.Беликову от 01.04.1962 // Непрерывное восхождение. В 2 т. М.: МЦР, 2001. Т. 1. С. 141.

домый нам процесс созвучия того, что происходило на Земле, и того, что существовало и развивалось в самом Космосе. Как будто Великая космическая спираль эволюции, пройдя сквозь Россию, коснулась самых важных моментов ее истории и культуры. Созвучие того, что проявилось в новом творчестве России и в Живой Этике, есть несомненный факт. Но была разница, возможно не очень большая, между новыми идеями и новыми находениями в российской науке, философии, искусстве и тем, что мы находим в Живой Этике. Живая Этика не только оказалась завершающим звеном в цепи развития нового космического мышления и нового, более высокого, сознания, но она «дотянула» до определенности многие мысли, идеи и научные находения, которые, как бы сами по себе, выросли на российской почве. А «дотянув» все это, Живая Этика явилась не только философией Космической Реальности, но и несла в себе новую систему познания; без нее крайне трудно было бы оформить и само новое космическое мышление, и саму систему познания, на которой держится это мышление. Ибо одно с другим не только тесно связано, но и является некой целостностью, в которой эта новая система составляет гносеологический каркас.

Живая Этика была завершающим этапом в формировании нового космического мироощущения, возникшего в ходе Духовной революции в России. Ее связь с новой философской и научной мыслью очевидна и несомненна.

И Е.И.Рерих, которая провела титаническую работу с сообщаемыми ей текстами, и Н.К.Рерих, воплотивший эволюционно-космические идеи Живой Этики в прекрасных художественных полотнах и научно-литературных очерках, внесли величайший вклад в формирование нового планетарного мышления и нового сознания современного человечества.

«Что такое эволюция – теория, система, гипотеза?.. – напишет крупнейший французский ученый и мыслитель Тейяр де Шарден. – Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она – основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, – вот что такое эволюция»¹. Именно закономерностям космической эволюции, в которой смыкаются «все линии» человеческого

---

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 175.

существования, и посвящена Живая Этика. Идеи Живой Этики не абстрактны. Сложившись в природном космическом потоке, вобрав самое ценное из прошлого и настоящего человечества, объединив в себе мысль Востока и Запада, научное и вненаучное знание, они несут огромный энергетический заряд действенности, устремляя человечество к будущему, к духовному совершенствованию и эволюционному продвижению. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствует такому пониманию человеком событий, которое бы, по словам Н.К.Рериха, «отражало суть и основу всей Вселенной».

2. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Отец Сульпиций имел видение: Белый облачный столб придвинулся, и голос раздался: «Храните Камень в ковчеге, привезенном из Ротенбурга. На нем четыре квадрата со знаком “М” в каждом. Явление будет ясно, когда Я произнесу: “Путь четверых на Восток”. Ничто не убавит Заповедь. Уступите сужденному часу. Соберу воинов Звезды Моей. Кому суждено познание во времени – те соберутся. Сие свидетельствую тем часом, что Камень подобен сердцу человеческому и в нем заключен кристалл сияющий!» После тех изречений столб распался синими искрами, повергнув отца Сульпиция в беспрецедентное дрожание. Так замечательно, что Камень, прибывший с Востока, имеет форму расплющенного плода или сердца удлиненной формы. На ковчеге найдены сказанные буквы, значение их неизвестно.

Ж.Сент-Илер

Космос существует лишь взаимопрониканием и взаимодействием пространственных энергий, исходящих из неисчислимых миллиардов фокусов или центров, наполняющих его и непрестанно образующихся в нем.

Е.И.Рерих

В бесконечных пространствах Мироздания, наполненных столь же бесконечно разнообразными небесными телами: планетами, звездами-солнцами, их скоплениями и туманностями и другими неведомыми нам структурами Великого и Малого времени, катятся, как в безбрежном фантастическом океане, волны энергий, изменяя таинственные космические узоры, разрушая одни формы, создавая другие, превращая видимое в невидимое и обратно – невидимое в видимое, утончая одно и уплотняя другое, следуя каким-то загадочным планам, суть которых можно понять, лишь уйдя в непостижимые глубины этого Космического океана с его Великими Тайнами и Великими Силами. И все это взволнованное пространство, если есть такое понятие для Мироздания, пульсирует энергиями самого разного рода и качества, различного уровня вибраций и напряжений, вынося из своих непостижимых глубин бесчисленные формы различных состоя-

ний материи. Стихии этого океана подчинены определенному ритму, действуют согласно объективным космическим законам. Все со всем связано, все со всем взаимодействует и друг друга обуславливает. От бесконечных глубин энергетического океана до его поверхности идут эволюционные коридоры, в которых и совершается энергетическое творчество, рождающее новые эволюционные ступени материи и энергетики, так необходимые для дальнейшего продвижения энергий, материи и их форм. И над всей этой космической стихией, как маяки, по которым ориентируются в бурном земном океане маяки, светятся энергетические творения, которые держат на себе эту стихию и являются ее причинными каркасами. Именно от них идут звездные огненные мосты, указывающие путь от низших пространств к Высшим, на которых и происходят процессы обмена энергиями, продвигающие эволюцию всего сущего в Мироздании. Живая Этика указывает нам на несколько видов энергии, хотя на самом деле их много больше, но чем выше энергия, тем менее доступна она пониманию тех, для кого даются эти знания. В основе Мироздания лежит Всеначальная космическая энергия, перечисленные ниже энергии есть ее проявления – космическая огненная энергия, космическая сердечная энергия, психическая энергия, тонкая энергия Высших слоев Тонкого мира, тонкие энергии высших планет и созвездий. И, наконец, огненная светоматерия Люцида. В этой последней заложена тайна взаимодействия энергии и материи. С одной стороны, это энергия, а с другой – материя. В этом явлении слито воедино и то и другое. Именно в ней, в светоматерии, имеющей сотовое строение, материя и энергия не различаются ни по структуре, ни по функциям. В ней максимально проявляется всеобщий принцип космической эволюции – материя есть энергия, а энергия есть материя. Можно сказать, что, несмотря на богатейшее проявление различных форм в Космосе, в нем нет ничего иного, кроме материи и энергии, или энерго-материи, если иметь в виду уровень самых высоких вибраций. Энергия без материи не существует, так же как нет материи без энергии. Здесь мы имеем дело с разнообразнейшими процессами взаимодействия того и другого, в результате чего складываются и возникают миры разных состояний материи и разных измерений. Ибо в конце концов именно присутствующая в материи энергетика обуславливает и уровень ее измерения. Чем тоньше, вибрационное и огненное энергетика, тем выше состояние материи и выше ее измерение. Иначе говоря, каждая энергия имеет свою материю и каждая материя имеет свою энер-

гию. Качество последней определяет и состояние материи. Изменение энергии в ходе долговременного энергообмена ведет к изменению измерения материи. Плотный мир планеты Земля имеет довольно низкое, всего лишь третье измерение. Мы являемся свидетелями переходного эволюционного периода от третьего к четвертому измерению. «Так называемое *четвертое* измерение есть свойство психической энергии. Свойства психической энергии дадут расширение всех пониманий»¹. Психическая энергия имеет непосредственное отношение к самому человеку, поэтому Живая Этика уделяет ее развитию в человеке такое внимание. Ибо без овладения этой энергией человеком Земля не сможет перейти в более высокое измерение. «Именно, огонь пространства, – пишет Е.И.Рерих, – будучи осознанным, превращается в психическую энергию»². Психическая энергия – явление пространственное. Волны психической энергии, сказано в Живой Этике, как бурное море, «бушуют в пространстве»³. У этого моря свои приливы и отливы. Но было бы неверным считать, что все энергетические влияния и их взаимодействие с энергетикой человека связаны лишь с психической энергией. В процессе энергообмена на человека влияют – излучение Солнца, космические энергии планет Солнечной системы, космические энергии Дальних Миров, тонкие энергии надземных сфер, тонкие энергии физического мира, или мира плотной материи. Энергообмен на нашей планете представляет сложнейший эволюционный процесс, идущий и на самой планете, и в пространствах и глубинах Космоса. В этом энергообмене участвуют энергии самого различного качества и самых разных уровней вибрации, начиная с энергии огня, одного из наиболее тонких видов энергии, представляющего собой электромагнитные колебания световой материи с высоким уровнем вибраций, и кончая энергиями низких вибраций плотной материи.

Осмысливая место человека в системе космической эволюции, создатели Живой Этики утверждают, что «человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил»⁴, что он есть «часть космической энергии, часть стихий, часть разума, часть сознания высшей материи»⁵. Человек в своем бытии не может быть отделен, обособлен от энергетической структуры Космоса. Он несет ее в

---

¹ Агни Йога, 542.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 19.

³ Надземное, 119.

⁴ Мир Огненный. Ч. III, 306.

⁵ Беспредельность, 155.

себе и поэтому живет по тем же законам, что и Космос. Взаимодействие человека с энергетическими структурами Мироздания в процессе энергообмена является главной движущей силой его космической эволюции. В результате этого энергообмена происходят те вспышки энергии, которые продвигают человечество. Человек вступает в энергообмен с себе подобными, с объектами, находящимися на поверхности планеты, с самой планетой, а также с различными космическими телами, в первую очередь с Солнцем, планетами Солнечной системы, созвездиями Зодиака, созвездием Орион и, наконец, с мирами иных измерений и иных состояний материи. В результате такого обмена энергетический потенциал человека и космических тел меняется, что создает условия для их эволюционного продвижения. Сама же энергетика есть первопричина всех процессов, происходящих в Космосе. Она же играет основную роль и в переходе сознания человека от состояния объекта эволюции к ее субъекту. Расстояние, отделяющее объект эволюции от ее субъекта, есть путь духовно-культурного совершенствования человека, в итоге которого происходит переход от пассивного и неосознанного участия человека в эволюции к активному и осознанному. Человек, соблюдая Великие законы Космоса, обретает знания и способности влиять на ход и качество эволюции. Из Тех, Кто стал сознательным субъектом эволюции, и состоит Иерархия одухотворенного Космоса, представленная на Земле Учителями, в том числе и авторами Живой Этики. Эволюционные процессы в Космосе развиваются согласно его объективным законам. Эти же законы определяют общие и частные цели эволюции и свидетельствуют о приоритете духа, который авторы Живой Этики рассматривают как силу природы и энергетическое явление. Искра такого духа находится в каждом человеке и живет и действует в нем согласно Великим законам Космоса, с одной стороны, и его, человека, свободной воли, с другой.

Главной сутью самой эволюции является одухотворение материи, повышение ее энергетики и последующее ее изменение и утончение. Этого можно достигнуть с помощью такой силы, как дух. В процессе одухотворения и утончения материи синтез – основной, магистральный путь. Такие же явления, как Культура и возникающие в ее пространстве Любовь и Красота, которые несут в себе тонкую высоковибрационную энергетiku, и, наконец, сама психическая энергия человека, служат устоями эволюции и определяют ее качество. Отсутствие по тем или иным причинам подобных устоев прерывает путь космической эволюции и уводит в воронку инволюции. Живая Этика

рассматривает любое земное явление с точки зрения взаимодействия духа и материи и энергетики этого взаимодействия. Такой подход дает возможность выявить реальный смысл явления, установить его причинные связи и энергетические взаимодействия. В Учении Живой Этики самым широким образом поставлена проблема Культуры как средства спасения планеты от грядущих катаклизмов. Авторы Учения аргументированно и убедительно показывают, что регулярное нарушение человечеством Великих законов Космоса уже завело его в тупик, опасный гибельными энергетическими взрывами.

Введение в космическую энергетику такого явления, как дух, свидетельствует о том, что система Мироздания есть одухотворенная структура. Дух как энергия связывает между собой основные энергетические структуры Космоса и является не только активно действующей космической энергией, но связывающей эту систему в единую целостность. Дух объединяет человека с Космосом и энергетику человека с космической энергетикой. И если мы определяем энергию как вид материи, который в эволюционном совершенствовании проходит множество последовательных ступеней и состояний, достигая утонченных и сверхутонченных форм, то, безусловно, что мы называем духом, тоже находит свое место в бесконечном процессе восхождения по ступеням космической эволюции. Дух имеет важнейшее эволюционное значение во взаимодействии дух – материя, представляя собой, на уровне сверхтонкого состояния энергии, синтетическую эволюционную субстанцию, соединяющую дух и материю в духоматерию.

Наш внутренний мир – это мир нашей энергетики в самых разных сочетаниях: от тонкого до грубого. В плотном, дифференцированном мире мы стремимся найти место тому или иному явлению. Согласно системе познания Живой Этики, место связи с иными мирами, откуда идет к нам не только энергетика, но и нужная нам познавательная информация, находится в нашем сердце. Именно оно служит центром нашего сознания и «мостом» между мирами различных состояний материи. Еще в древности сердце отождествляли с Солнцем. Сердце – перекресток, где сходятся дух и материя, небесное и земное, инобытие и наш мир. Из этого вытекает, что и наше сознание формируется на основе взаимодействия надземного и земного. В Живой Этике есть отдельный том, посвященный сердцу, который так и называется – «Сердце», и та часть системы познания, которая относится к духовно-энергетической роли сердца, представлена там во всем богатстве древнего и современного опыта и знания.

Осознание роли человека в Космосе как носителя духа свидетельствует о совершенно новой парадигме и новых подходах к исследованию человека, как такового. «*Мир Реальности*, – писала Елена Ивановна Рерих, – *есть Вечное ЕСТЬ, и вся относительность рождается лишь при дифференциации и от бесконечных преобразений или смен в вечном движении Бытия проявленного*»¹.

Согласно Живой Этике, космическая эволюция есть процесс постоянного энергоинформационного обмена. В центре этого процесса стоит космическое творчество структуры, которую авторы Живой Этики называли Космическим Магнитом. Это одно из важнейших, если не самое важное явление системы Космоса. Понятие магнита имеет в Живой Этике более широкую трактовку, нежели та, которая существует в современном научно-техническом пространстве. Магнит, с точки зрения Живой Этики, – это, прежде всего, энергия, притягивающая к себе другую энергию. Форма и структура магнита может быть самой разной, так же, как и качество энергии, которую он в себе несет. Магнитом, например, является энергия духа. «Один из мощных магнитов есть магнит духа»², – сказано в «Беспредельности». Магнит духа взаимодействует с материей, физически сцепляет и организует последнюю. Магнитом является человек или, вернее, энергетика его центров и ауры, а также планета и ее электромагнитное поле. Магнитом может стать объект, который пришел в соприкосновение с энергетическим магнитом.

Есть энергетические магниты, которые заключают в себе энергии высоких вибраций и обладают избирательностью, т.е. притягивают подобные же энергии. Такой магнит имеет пространственную форму и вращательное движение. В качестве примера можно привести чакры человека. Однако надо иметь в виду, что чакры, потенциально обладающие способностью притягивать высокие энергии, должны еще пройти через ряд энергетических процессов, чтобы иметь возможность реализовать эту способность. Магниты, независимо от качества и уровня энергии, в них заключенной, есть тот механизм, на котором держится весь процесс энергетического обмена в Мироздании. Магниты с тонкой и высоковибрационной энергией, участвующие в энергетическом обмене на избирательном уровне, есть творческое начало Космоса. «Пространство наполнено магнитами, и человеческая аура несет столько магнитных излучений. Установлено, что Космос творит

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 330.

² Беспредельность, 349.

Магнитом и сила притяжения дает человеку жизнь. Творчество на этом принципе основано. Непреложный закон!»¹

Самая высокая творческая способность сосредоточена именно в Космическом Магните, явлении очень сложном и не всегда ясном нам, обитателям физического трехмерного мира. Ибо Космический Магнит – явление многомерное, с иным качеством энергетических процессов, нежели те, которые мы наблюдаем на Земле. Не имея опыта исследования и познания тонких, многомерных процессов, нам трудно представить во всем богатстве смысл и действие Космического Магнита. Однако авторы Живой Этики, обгоняя время и уровень развития человечества, тем не менее предприняли попытку хотя бы схематично объяснить, что есть Космический Магнит и какова его роль в космической эволюции не только человечества, но и Мироздания в целом.

«В орбите Космического Магнита находится вся космическая эволюция»², – утверждают они. «На мировое движение эволюции можно смотреть как на утверждение Космического Магнита. Творчество может прогрессировать с Космическим Магнитом»³. И еще: «В обмене энергий заключается самая прекрасная сила Космического Магнита. Обмен явлен устремлением Космоса к совершенствованию»⁴.

В этих трех фрагментах, взятых из самой удивительной книги Живой Этики – «Беспредельность», определено значение Космического Магнита. Из сказанного следует, что Космический Магнит есть главная и основная структура или сила, регулирующая энергетические процессы космической эволюции, творящая эту эволюцию и обуславливающая движение энергоинформационного обмена. Эта сила господствует во всем Мироздании, и вне ее ничего не существует.

«Так существует напряженная спираль Космического Магнита, в которую входят все проявления жизни. Непреложность закона соединения всех проявлений является магнитом творчества Космоса»⁵. В то же время Космический Магнит, согласно концепции Живой Этики, не есть что-то недостижимое, отдаленное и отчужденное. Он проявляет себя на всех энергетических уровнях, взаимодействует со всеми энергетическими процессами и влияет на все стороны космического бытия. Одним из главных условий формирования расширенного сознания человека является осознание последним универсального влияния

---

¹ Беспредельность, 234.

² Там же, 889.

³ Там же, 134.

⁴ Там же, 144.

⁵ Там же, 256.

Космического Магнита и взаимодействия с этой сложной и неведомой еще человеку силой. Каждый атом, каждая молекула во Вселенной так или иначе взаимодействует с Космическим Магнитом и «прислушивается» к его велениям, выраженным его ритмом или «дыханием». У человека же как энергетической структуры связь с Космическим Магнитом осуществляется, как правило, через духовного Учителя. Только через такого Учителя, земного или небесного, постигается смысл Космического Магнита или, иначе говоря, смысл космической эволюции и самого Космоса.

«Космический Магнит, – писала Елена Ивановна, – есть Космическое Сердце, или сознание Венца Космического Разума, Иерархии Света. Именно, Космический Магнит есть связь с высшими мирами в велении Бытия. Наша сердечная связь с Сердцем и Сознанием Высшего Иерарха нашей планеты вводит нас в мощный ток Космического Магнита»¹.

Такое определение Космического Магнита приводит к однозначному выводу о том, что его мощная энергетическая структура, пронизывающая все Мироздание, есть структура, одушевленная той Иерархией Света, бесконечные ступени которой уходят в беспредельность эволюции и в бессмертную вечность. Иерархия Света состоит из Иерархов и Учителей, находящихся на высокой ступени космической эволюции, их энергетика и творческая деятельность содействуют продвижению этой эволюции. Елена Ивановна, говоря о Космическом Сердце, или сознании Венца Космического Разума, разъясняет: «Космический Разум есть Иерархия Света или Лестница Иакова. Причем Венец этой Иерархии состоит из Духов или Разумов, завершивших свою человеческую эволюцию на той или иной планете, в той или иной солнечной системе, так называемых Планетарных Духов, Создателей миров. Именно эти Создатели миров или планет являются Зодчими нашей настоящей и будущей Вселенной. В дни Пралаи Они держат великий Дозор Браммы и намечают следующую эволюцию Космоса»².

Космический Магнит, представляющий собой одушевленную энергетическую и обладающий высочайшим сознанием, сам является результатом бесконечной космической эволюции. Эта бесконечность уходит в прошлое, она же поднимается и в будущее. В ней нет ни начала, ни конца, а есть только бушующий океан энергий, складывающий миры, меняющий их состояние и разрушающий их.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 344.

² Там же. С. 343.

То, что Космический Магнит есть Космическое или Совершенное Сердце, представляющее сознание Космического Разума, есть самое емкое определение сути Космического Магнита. Однако этот Разум и это Сердце соотносить с сердцем и разумом человека надо крайне осторожно, хотя принципиальная энергетическая схема будет одна и та же. При таком соотношении необходимо учитывать уровень дифференциации и синтеза того пространства, в котором это соотношение осуществляется. Чем ниже энергетика и чем грубее состояние материи данного мира, тем выше уровень дифференциации, или разделения, и ниже качество синтеза, или объединения. В нашем земном мире высок уровень дифференциации и еще низок уровень синтеза, и поэтому его обитателям крайне трудно понять синтетическую энергетику Высшего Разума и его сознания – Совершенного Сердца. То, что сам Космический Магнит представляет собой энергетику синтетического сознания разума Космических Иерархов, есть самое главное, что мы можем в нашем состоянии постигнуть. Вселенная же практически является аурой Космического Магнита и, как аура человека, имеет семь энергетических уровней, связанных между собой. Каждый из этих уровней является одним из эволюционных витков Великой Космической Спирали. Внутри каждого витка идет свой эволюционный процесс, контролируемый Космическим Магнитом. Поскольку последний есть сознание Высшего Разума, регулируемого совершенным Сердцем, то весь энергетический процесс эволюции Вселенной подчиняется пульсации или ритму этого Сердца. Ритм выражается в притоке и оттоке энергии, образовании и распаде энергетических форм и отборе в этом общем процессе устойчивых форм. Эти формы, в свою очередь, образуют стабильные световые магнитные структуры, которые и переходят на другой, более высокий уровень Космической Спирали. И то, что на предыдущем энергетическом уровне являлось пределом совершенства, на следующем уровне будет лишь низшей ступенью. В последующем витке Космической Спирали произойдет то же самое, пока процесс не завершится на седьмом витке. Это завершение знаменует собой конец Первой Космической Волны в жизни Космоса или конец Дня Космоса (День Брамь). Далее происходит сложнейший эволюционный процесс, когда Космический Магнит притягивает к себе все энергетические образования последнего, или седьмого, витка и начинает их трансмутировать. Наступает Ночь Космоса, или Пралайя, во время которой Дозор Брамь намечает план следующего этапа эволюции Космоса. Этот план будет иметь уже другой энергетический материал,

связанный с трансмутированными энергиями, которые лягут в основу нового Дня Космоса и будут по качеству выше энергетики предыдущего Дня и его семи витков. Информация же об ушедшем Дне станет храниться в вечных анналах Космического Магнита и при необходимости будет сообщена Высокими Духами тем, кто восходит на очередную космическую вершину. Для этого Высоким Сущностям придется спуститься в инволюцию, которая явится эволюционным импульсом для находящихся внизу.

Сердце пульсирует, а Космический Магнит, в образе бога Вишну, если следовать космогонии индийской мифологии, «вдыхает», и наступает Ночь Космоса или Ночь Браммы, когда все стягивается в единую емкую структуру атома. Затем Вишну прерывает свой космический сон, «выдыхает» и начинает создавать Новый Мир, Новую Вселенную.

Человек, являясь частью Вселенной, связан с Космическим Магнитом через свои первоэлементы, которые формировались под энергетическим влиянием последнего. В силу этого обстоятельства взаимодействие человека с Космическим Магнитом является самым решающим моментом в его жизни, в его эволюции, в его деятельности. «Только вместивший понятие Космического Магнита может напрячься в творческом импульсе»¹.

Ощущение Космического Магнита, его режима, его творчества было свойственно человеку с изначальных времен существования. Если можно так сказать, человек нес Космический Магнит в своей первоначальной энергетике, и информация о нем рождала первые мифологические образы. В неведомых ему ритмах Космического Магнита он улавливал нечто такое, что называл волей богов или велением Космоса. «Издrevле утверждалось, что Первоисточник жизни есть Космический Магнетизм. Когда человечество обращалось к источнику солнца и светилам, также к стихиям, то в этих культурах было выражение космического магнетизма. Человек в древности искал то свойство, которое приближало его к творчеству космическому»².

Именно под влиянием и прямым воздействием Космического Магнита как главного инструмента космической эволюции зародилось и возникло сознание человечества. Когда одна из оболочек зерна духа человека начала вибрировать в ритме энергий Космического Магнита, тогда стали пробуждаться первые низшие формы сознания. Это произошло на уровне третьей расы, или третьего энергетического вида че-

---

¹ Беспредельность, 593.

² Там же, 122.

ловечества. С появлением первых искр сознания возникли и творческие способности, соединившие человека еще одной нитью с Космосом. В конце жизни четвертого вида человечества на земле возникла община Учителей, или Космических Иерархов, которые, пройдя тяжкий путь инволюции, стали на дозор эволюции земного человечества. Обладая тонкой высоковибрационной энергетикой, Иерархи взаимодействовали с энергией Космического Магнита и использовали те энергетические импульсы лучистой материи, которые посылает Космический Магнит. В пространстве их обитания находится резервуар космических энергий, представляющий собой мощный вибратор, опасный для всего живого, в том числе и для человека. Резервуар расположен на границе ауры Земли и большого Космоса и защищен мощным энергетическим полем. Регулярная связь Учителей с Космическим Магнитом поддерживается через Проводников, стоящих на высокой ступени космической эволюции, которые называются еще Учителями Учителей.

Все, что здесь описано, может быть отнесено к области фантастики. Но в реальной жизни Планеты и Космоса этой «фантастики» много больше, чем в любом вымысле.

Вот послушайте: «Снова вокруг костра поднято десять пальцев, и рассказ, убедительный в своей простоте, воодушевляет людские сердца. Теперь сказ идет о знаменитом черном камне. В прекрасных символах старый путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный камень – Чинтамани индусов, или Норбу Римпоче тибетцев и монголов. И с тех пор часть этого камня блуждает по Земле, возвещая новую эру и великие мировые события. Будет сказано, как некий владыка владел этим камнем и как темные силы пытались похитить сокровище <...>

“Черный камень скитается по Земле. Знаем, что китайский император и Тамерлан владели камнем. Знающие люди говорят, что великий Соломон и Акбар владели сокровищем, давшим им чудесные силы. Сокровище мира – так называется камень”. Костры пылают, как древние огни священного служения»¹.

Это написано Николаем Константиновичем Рерихом. Приведенный отрывок передает сказание о волшебном Камне, Сокровище мира. Подобные мифологические и легендарные сюжеты проходят через фольклорную традицию многих стран. Для Елены Ивановны и Николая Константиновича эти сказания не были ни мифом, ни легендой,

---

¹ Рерих Николай. Держава Света. Southbury: Alatas, 1931. С. 258–259.

ни вымыслом. Они являлись их реальной жизнью, связанной с Учителями и Заповедной Страной. «Легенда о Камне», фрагмент которой процитирован в эпиграфе к этому разделу, предшествовала появлению самого Камня. Он был прислан в 1923 году в фанерном посылочном ящике на адрес парижского банка, на имя Рерихов. Когда ящик вскрыли, то увидели в нем старинную шкатулку, ту самую, которая была сделана в средневековом немецком городе Ротенбурге. На коже, обтягивающей шкатулку, были вытеснены четыре буквы «М». Теперь Рерихи знали, что они означают. Имя их Учителя начиналось на М, и новая эпоха космической эволюции носила имя Майтрейи – будущего Будды. Николай Константинович открыл шкатулку и увидел в ней Камень, кусочек темного метеорита. Он ощутил сразу легкое покалывание в пальцах, его центры отозвались на энергетику Камня. Но это был лишь осколок, основной метеорит находился в Заповедной Стране, где обитали Учителя и где они вели свои эволюционные исследования. С этого метеорита тысячелетия тому назад и начиналось земное убежище Космических Иерархов. Легенда повествует о том, что метеорит прислан на Землю из далекого созвездия Орион.

«Знаменательным терафимом Братства, – читаем мы в последней книге Живой Этики, – является камень дальних миров. Много написано об этом камне. Часть его совершает путь вестника по миру, появляясь в руках избранных. Люди называли камень Граалем и многими другими именами. Предания всех веков хранят частицу сведений о значении камня, но главное значение не упомянуто. Камень содержит некое вещество, помогающее хранить вибрации с дальними мирами. Также и частица камня служит для соединения с Братством. Таким образом, снова получается научная химическая основа в обстоятельстве, вошедшем в историю человечества <...> Урусвати¹ знает этот камень Нашей Обители. Мы храним его в особом помещении, чтобы тем способствовать сохранению вибрации»².

Энергетика Елены Ивановны Рерих, сформированная в результате сложного и тяжелого космического эксперимента, была согласована с ритмами Космического Магнита именно через этот Камень. Иначе эксперимент не состоялся бы. «Когда центры могут пламенно отражать волю Космического Магнита, тогда психодинамика духа соединяет планы Высшие с планетою»³.

---

¹ Так Учителя звали Е.И.Рерих.

² Надземное, 134.

³ Беспредельность, 178.

Дыхание и ритм Космического Магнита определяют зарождение и умирание Вселенных. Поэтому любое космическое творчество должно идти в его режиме, иначе оно не принесет желаемых результатов. В Камне «заключена, – сообщал Учитель, – частица Великого Дыхания – частица души Ориона. Явил смысл Камня. Указал на Сокровище Великого Духа. Урусвати, надо приобщить Камень к твоей сущности. Камень, находясь при тебе, ассимилируется с твоим ритмом и через созвездие Ориона закрепит связь сужденным путем»¹.

Таинственный Камень из созвездия Орион, обладавший ритмами творящего Космического Магнита, и сам являлся мощным магнитом. Этот магнит принимал участие не только в эволюционном действии на планете Земля, но и в формировании исторического процесса, энергетика которого была тесно связана с особенностями космической эволюции.

Центрально-Азиатская экспедиция, помимо обычных задач, которые стоят перед любой такого рода экспедицией: сбор коллекций, изучение исторических памятников, знакомство с обычаями и традициями народов, встречаемых на маршруте и т.д., имела то, что можно назвать эволюционной нагрузкой. Экспедиция должна была выполнить историческое действие, которое называется «закладыванием магнитов». Иными словами, сформировать с помощью магнитов нужное энергетическое поле в указанном пространстве. Такими магнитами являлись Камень, а также высокая энергетика Елены Ивановны Рерих. На этом энергетическом поле должны в будущем сложиться новые центры культуры. Маршрут экспедиции пролегал, как мы знаем, через Индию, Китай, Сибирь, Алтай, Монголию, Тибет. Эти районы и составят в будущем, согласно концепции Живой Этики, цепь высоко развитых культур и государств.

Вне зависимости от их «способа производства», эти государства (если такая форма устройства общества еще сохранится) станут центрами развития нового энергетического вида человечества.

Созданное Рерихами энергетическое поле предопределило развитие этих регионов на много веков вперед. И никакие усилия кого бы то ни было, направленные на изменение заложенной энергетической программы, не дадут ожидаемых результатов.

Магнит, ритм которого созвучен Космическому Магниту, или предмет, принадлежащий Высокому Духу и использованный в качест-

---

¹ Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М., 1993. С. 58.

ве магнита, может, по утверждению Учителей, предрешить историю страны (или стран), по крайней мере, на 1000 лет вперед.

Закладывание магнитов не есть особенность только XX века. На нашей Планете это действие производилось регулярно, имело важнейшее эволюционное значение и определяло формирование земного исторического процесса. Такие магниты закладывались в предвидении переломных моментов эволюции и истории человечества. Появление воплощений Высоких Духов в том или ином районе также связано с предварительным закладыванием магнитов. «Магнит кует проекцию эволюции планеты. Магнит являет непреложность. Магнит утверждает путь человеческий»¹, – сказано в одной из книг Живой Этики. И еще: «Магнит или остается невидимым, притягивая течение событий; или служит центром сознательного действия; или озаряет нашедшего его человека.

Можно видеть в истории человечества, как сеть магнитов подобно путеводным огням вспыхивала.

Как же работает магнит? Он претворяет идеи пространства в действие. Много магнитов лежит под основанием городов. Много было найдено.

Символ бриллиантов в метеоре, посланном из пространства, должен, Повторяю, быть понят научно»².

Мысль о том, что магнит «претворяет идеи пространства в действие», является важнейшей и ключевой для осмысливания эволюционного процесса и его особенностей на планете Земля. Это претворение идей пространства в действие – свидетельство творческой силы магнита, согласованного в своих вибрациях с Космическим Магнитом. Творчество, каким бы оно ни было, художественным, социальным, историческим или духовным, может существовать лишь в тесном взаимодействии с Космическим Магнитом, претворяющим идеи пространства в действие и создающим условия для такого претворения на самых разных энергетических уровнях, в самых различных состояниях материи.

История человечества дает нам немало примеров такого «магнитного творчества». Высокие Духи, облеченные миссией закладки магнитов, существовали во все эпохи человеческой истории.

Магнит дает о себе знать стабильной магнитной волной. Рерих в своих очерках и экспедиционных дневниках рассказывает об Аполлонии Тианском, жившем в самом начале нашей эры, умевшем закладывать магниты и чувствовать уже заложенные. Если бы наши ученые

---

¹ Листы Сада Мории. 1925. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, II, 7.

² Там же.

проводили подобные исследования, то они могли бы обнаружить магниты, заложенные еще за много веков до нашей эры.

«...В наших хранилищах, – сообщает один из Учителей, – имеются модели городов и других исторических мест. Явно такие модели должны иметь и внутреннее значение. Они служат как бы терафимами для установления связи древних мест с новыми заданиями. Там же хранятся памятные предметы, которые иногда посылаются в мир как магниты для намеченных действий. Имеет большое значение, когда Наши посланные обходят указанные места. Иногда они закладывают известные предметы, но в иных местах они лишь проходят и тем закрепляют ауру места. Люди не обращают внимания на такие хождения, но глаз историка мог бы усмотреть периодичность таких путей. Можно убеждаться со временем, что все такие посещенные места оказывались особо важными в истории народов»¹.

Влияние Космического Магнита на все процессы, происходящие на Земле, в том числе и на исторический процесс, можно считать всеобъемлющим. Его тяготение «собирает народы, собирает расы, собирает части света, собирает части эволюции, собирает дуги сознания, собирает явления всех притяжений. В основе всех жизненных проявлений можно найти космический магнетизм, и даже за кармическим законом стоит Магнит Космический»².

Через систему заложенных Учителями и Высокими Сущностями магнитов Космический Магнит влияет на жизнь Планеты и населяющего ее человечества. Процветание и подъемы, деградация и упадок империй, государств и народов чередуются с регулярной последовательностью. Периоды созидания в истории человечества сменяются периодами разрушения. Но в Беспредельности Космоса одно всегда уравновешивается другим. Разрушение в одном месте компенсируется созиданием – в другом. Этот процесс уравновешивания противоположных начал идет в бесконечном Времени и Пространстве, формируя на более низком уровне, в ограниченном времени и пространстве, короткие чередующиеся циклы развития материи исторических процессов в отдельных системах, на отдельных планетах и мирах.

«Сцепление частей и расчленение подвергаются тому же закону притяжения и принципу Космического Магнетизма. Когда свойство расчленения начинает преобладать, тогда сила Магнита уже формирует новую комбинацию. Все предсказания о распадении или соеди-

---

¹ Надземное, 17.

² Беспредельность, 120.

нении государств основаны на уменьшении или усилении Магнита Космического. Светила, проходящие сферы пространственных далей, притягивают или отталкивают родственные им элементы. Сила беспредельная лежит в основании каждого сочетания Космического Магнита»¹. И еще: «Когда слагается история страны, то нужно созидать, как можно утвержденнее. Как ступени разные, так насыщаются исторические строения. Каждая историческая ступень соответствует смещению Космического Магнита, потому Наши ступени так прекрасны»².

Под смещением Космического Магнита имеется в виду ритм последнего. Этому ритму подчинено все: начиная от энергетики Вселенной и кончая энергетикой отдельного человека. Когда мы говорим – веление Космоса, – мы подразумеваем ритм Космического Магнита. По велению Космоса возникали и гибли империи, создавались и бесследно затем исчезали целые государства; волны океана и землетрясения разрушали огромные пространства планеты, человек открывал в себе новые энергии, изменялся и обретал более тонкие формы, его дух завоевывал новые пространства, отступал хаос непроявленного и возникало упорядоченное Проявленное. По тому же велению Космоса огромные массы различных народов сдвигались со своих мест и устремлялись в интуитивном поиске энергообмена, который подхватывал их и нес через неведомые пространства. «Перемещение народов шло под действием Космического Магнита, и теперь все передвижения идут под этим законом. У великого закона столько действующих магнитов! И куда повернется стрелка, указующая направление, туда направится устремленный дух. Вечное движение и перемещение точно устанавливают действующую магнитную силу. Можно точно определить, по какому направлению и почему происходили перемещения. Токи, определяющие направления, согласуются с назначенным будущим. Токи, определяющие само перемещение, согласуются с настоящим обстоятельством.

Исторически можно получить ключ к явлениям переселения народов»³. Такой же ключ, используя концепцию Космического Магнита и информацию о его творчестве и ритме, можно получить ко многим историческим событиям, к реальной оценке этих событий и овладеть прогнозом будущих исторических свершений на планете.

«Переустройство мира, – утверждают Учителя, – не зависит от творчества человеческого, но вместе с тем нельзя сказать, что человечество

---

¹ Беспредельность, 124.

² Там же, 848.

³ Там же, 162.

изъято из растущей пространственной мощи. Ведь связь между человеком и Космосом неразрывна, потому сущее скажется в тех формах, которые предназначены Космическим Магнитом. Но сущее тоже человеком уявляется и является двигателем навстречу Магниту или тем задерживающим символом»¹.

Речь здесь идет о согласовании исторического творчества человека или целой страны с ритмом Космического Магнита. Соблюдение такого ритма и реальная оценка исторических условий дает возможность воплотить «пространственные идеи в действие» и добиться нужного для жизни и творчества результата. Пренебрежение же этим ритмом сказывается, в первую очередь, негативно на самом человеке, человеческом сообществе, государстве.

Ситуация, которая в этой связи сложилась в XX веке, была крайне неблагоприятной. «Строй жизни, – отмечали Учителя, – настолько разобцился с Космическим Магнитом, что все порождения человеческие принимают формы чудовищные. Развитие сил пошло по руслу, направленному к разрушению»².

Это было сказано в 30-е годы прошлого столетия, но никто не обратил на это внимания. Мир продолжал жить, как жил, низкое сознание и бездуховность все сильнее губили планету. Разрушение набрало силу в 1939 году, когда человечество стало втягиваться в мировую войну. Разрушительная тенденция продолжается и до сих пор, принимая уже в начале XXI века не менее страшные формы, нежели тогда. Этому сопутствует утрата и гибель традиционных эстетических идеалов в искусстве, литературе, в обычной жизни человека.

Красота – главное мерило энергетического потока космических велений и космических ритмов, слагающих эволюцию человечества, – потеряла не только свой смысл для многих миллионов людей, но и стала им попросту недоступной. «Когда видите образования проявлений жизни, не отвечающих красоте, то отнесите их к явлениям сопротивления Космическому Магниту»³.

Наибольший вклад в формирование этого сопротивления внес философский материализм XX века, отвергший в своих теориях духовные ценности. Первое место в этом ряду принадлежит марксистскому диамату и истмату, монополизовавшим мышление целой страны. В своей отрицании Высшего данная теория дошла и до принижения

---

¹ Беспредельность, 160.

² Мир Огненный. Ч. III, 323.

³ Беспредельность, 141.

индивидуального человека, отдав полностью приоритет «массам» и «классам». Мир земной зашел в тупик, и, казалось, нет выхода и нет пути. Дальше, говорили Учителя, или восхождение, или разрушение.

Энергетика человека и Космоса – это всегда спираль. Она действует субъективно и объективно. Если низкое сознание исчерпывает резерв субъективного, включаются объективные энергетические возможности. Возникает та единственная энергетическая точка, где совершается тот важнейший, судьбоносный процесс, который называется «обратный энергетический удар по веществу». Этот обратный удар основывается на Великом Космическом Законе противодействия некачественной энергетике. Его объективно порождает высоковибрационная энергетика, стараясь откорректировать искажения и отступления в эволюционном пути. В определенные моменты развития духа и материи такие обратные удары двигают эволюцию вещества, сообщая ему нужную для движения вверх по спирали эволюции энергию. В этой единственной точке происходит только движение вверх. Поэтому попытки людей вернуться назад в историческом процессе или пойти вперед по прямой в этом же пространстве никаких результатов не приносят. Движение вверх, возникающее в силу обратного удара по веществу, который выправляет отклонения от космического энергетического пути, есть одна из особенностей любого переломного периода, в том числе и нашего времени. Ибо та энергетическая точка, стартуя с которой материя меняет орбиту в спирали эволюции или заканчивает очередной цикл упадка в историческом процессе, находится во времени и пространстве именно переломного века. В результате такого изменения орбиты на смену разрушению приходит созидание, упадок сменяется расцветом, духовные ценности получают заслуженный приоритет, материальные же проблемы в сознании человека утрачивают былую значимость.

Только всестороннее осмысление эволюционного процесса и понимание космической энергетике дает нам возможность определять точки обратных ударов по веществу и на этом основании прогнозировать конкретные циклы нашего исторического процесса. И какой бы «способ производства» или «производственных отношений» ни двигал нашу историю (неясно, правда, в какую сторону), мы не сможем понять суть ее движения без учета такого грандиозного энергетического явления, какое представляет собой Космический Магнит, его ритмы, его космические веления, его связи с земными процессами.

Космические Иерархи, или Учителя, составляют, как было сказано выше, энергетическую структуру Мироздания, являя собой беско-

нечную цепь восхождения космической эволюции, держащую на себе весь Космос и его творческую энергетику. Контакт, который состоялся у Рерихов с некоторыми из этих Учителей, представляет собой драгоценнейший опыт в пространстве космической эволюции, достойный научного осмысления и составляющий один из устоев нового космического мышления. Существование Учителей есть, согласно Живой Этике, Космическая Реальность. И не только Космическая Реальность, но и реальность нашего земного мира.

В экспедиционных дневниках Николая Константиновича Рериха, писанных им в 1923–1928 годах на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, мы находим моменты, которые носят загадочный и неясный характер.

«Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные»¹.

Подобных фактов мы находим в дневниках Рериха немало.

Много позже исследователям, занимавшимся творчеством Рериха, стало известно, что эти как бы выпадавшие из контекста дневников факты относились к контактам Николая Константиновича и Елены Ивановны с их Учителями. Мы ощущаем присутствие Учителей не только в рериховских дневниках и очерках, но и видим их на его картинах. Тень, отпечатавшаяся на скале, люди в белых длинных одеждах, выходящие во тьму ночи, прозрачное тело человека, стоящего на скале, сверкающая аура и лучи, струящиеся из предплечий у другого, призрачная фигура высокого всадника на фоне предрассветных гор, мерцающие кристаллы у входа в освещенную пещеру, в которой о чем-то совещаются люди в древних одеждах...

Связь Е.И. и Н.К. Рерихов с Учителями началась еще задолго до поездки супругов в Индию. Еще с детства Елена Ивановна имела контакты с удивительным человеком, которого она называла Учителем Света. Когда она была уже матерью двух сыновей, появился Светлый Мальчик, который вновь напомнил ей об Учителе Света.

«...Комната, – записала она, – начала наполняться голубоватым, как бы ярким лунным светом. Все предметы, стоявшие за плотной зеркальной ширмой, стали видимы, причем сама ширма, оставаясь плотной, приобрела прозрачность. От окна, находившегося на противо-

---

¹ Рерих Н.К. Обитель Света. М., 1992. С. 31.

положной стене и на значительном расстоянии от моей постели, отделилась тонкая и светлая фигура Прекрасного Мальчика лет 9-ти, в мягко светящемся белом одеянии с голубыми тенями в складках; большой широкий сегмент круга тончайшего радужного Света сиял над ним. Мальчик, как бы скользя по воздуху вдоль стены, приближался ко мне <...> совершенно поражающе были Его глаза, огромные, глубокие в своей темной синеве и пристально смотревшие на меня <...> Когда Мальчик придвинулся к моему изголовью и слегка склонился, чтобы лучше заглянуть мне в глаза, чувство нараставшей близости и любви перешло в экстаз острого сознания, что Мое горе – Его горе и Моя радость – Его радость, и волна всеобъемлющей любви к Нему и всему сущему залила мое существо. Блеснула мысль, что подобное состояние не может быть вмещено на земле, следовательно, это переход в иное существование <...> Сколько времени продолжалось такое состояние, невозможно определить. Когда оно стало утихать, я открыла глаза, но уже все исчезло, и комната была погружена почти в абсолютную тьму, за исключением небольшой щели между занавесями окна»¹.

Карелия была чрезвычайно важным этапом в общении с Учителем. Тема эта проходит через цикл карельских стихов Рериха, через его картины. Те и другие, написанные в период 1916–1921 годов, содержат богатейшую информацию о духовно-энергетических контактах с Учителем:

КАПЛИ

*Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только капли².*

1920

---

¹ Рерих Елена. У порога Нового Мира. М., 2000. С. 66.

² Рерих Николай. Письмена. М., 1974. С. 69.

СВЕТ

*Как увидим Твой лик?
Всепроникающий лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль
океана! Буду ждать сиянье
Твое. Перед ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
не играет сияние Севера.
Там сияет Твой лик.
Все сияет светом Его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья,
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой
свет¹.*

1918

Ощущения присутствия, которые испытывали и Елена Ивановна, и Николай Константинович, относились к тонким восприятиям, без которых не мог бы состояться контакт с Учителем. Как бы в подтверждение этого или даже в ответ на эти ощущения Учитель дал чуть позже сильное и яркое поэтическое осмысление взаимодействия Учителя – Космического Иерарха с Мирозданием. Читая эти строки, мы можем себе представить энергетический диапазон такого взаимодействия, его всепроникаемость.

---

¹ Рерих Николай. Письмена. С. 78.

*Когда капля дождя стучится в окно –
это Мой знак!*
*Когда птица трепещет –
это Мой знак!*
*Когда листья несутся вихрем –
это Мой знак!*
*Когда лед растопляет солнце –
это Мой знак!*
*Когда волны смывают душевную скорбь –
это Мой знак!*
*Когда крыло озарения коснется смятенной души –
это Мой знак!*
*Считайте ступени, когда идете ко Храму, ибо
каждая седьмая ступень несет Мой знак!*
*Когда явите новое понимание Моему знаку,
увидите сверкание зарницы миров.
Дверь вам Открыл, но войти можете только
сами¹.*

Все это вместе взятое – и легкие касания, и прорывающиеся сквозь Космос отдельные слова, и знаки, указывающие на Высокое Присутствие, определялось словом «Озарение».

Реальная встреча Елены Ивановны с Учителем произошла в 1920 году – в Лондоне, куда Николай Константинович приехал со своей выставкой. Она увидела Его у ворот Гайд-парка. На Нем была форма офицера англо-индийской армии. Он был высок, а Его удлинённой формы глаза излучали спокойную силу и как бы притягивали к себе. Елене Ивановне они напоминали глаза подвижников и святых. Ей показалось, что она где-то уже видела этого человека. Она замедлила шаг и остановилась. Офицер шагнул ей навстречу, и только тогда она заметила его спутника. Оба Учителя приветствовали Елену Ивановну. Беседа состоялась тут же у ворот парка. Ей показалось, что улица опустела и шумная толпа у ворот Гайд-парка рассеялась. Именно тогда Елена Ивановна получила ряд советов в связи с предстоящей поездкой Рерихов в Индию. Прогнозы Учителя были точны и в какой-то мере походили на предсказания или пророчества. Все они сбылись.

---

¹ Листы Сада Мории. 1925. Кн. 2. Озарение. Ч. 1, IX, 2.

«...И вообще, – писал вскоре после этого Рерих, – жизнь превращается в сказку»¹. Если до этого рериховские полотна несли только предчувствие этой сказки, то теперь реальная сказка пронизала все его творчество.

Потом встречи с Учителями были в Нью-Йорке, где Рерихи вели свою культурную работу, в Индии, где они готовились к Центрально-Азиатской экспедиции. Описывая эти встречи, Николай Константинович соблюдал осторожность и был крайне корректен. Он знал, что падкий на сенсации невежественный обыватель всегда готов превратить такие сообщения в фарс.

В очерке «Вехи» он писал, что другу его «было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому, он решил переговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда, “в ожидании” мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: “Они знали стиль жизни, а мы утратили его”. Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей – это был воскресный день – не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: “Вы пришли сюда говорить об известном Вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев ничего не может быть сделано в этом направлении. Потом все придет к Вам само”.

Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами “хорошего счастья” и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца совершилось все, как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слышал и не встретил его. Но, именно, так и бывает»².

В очерке «Бывальщина» Николай Константинович писал: «Не забудется и встреча с незнакомцем в музее Метрополитен. Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи. И не записано о них. Сколько неотмеченного!»³

---

¹ Рерих Н.К. Письмо В.А.Шибяеву от 9.05.21. Отдел рукописей (далее ОР) МЦР. Фонд № 1. Вр. № 312. Л. 5.

² Рерих Н.К. Обитель Света. С. 32.

³ Там же. С. 61.

Почтовый ящик, в котором была прислана шкатулка с Камнем в Париж в 1923 году

Шкатулка, в которой хранился Камень. Вид спереди

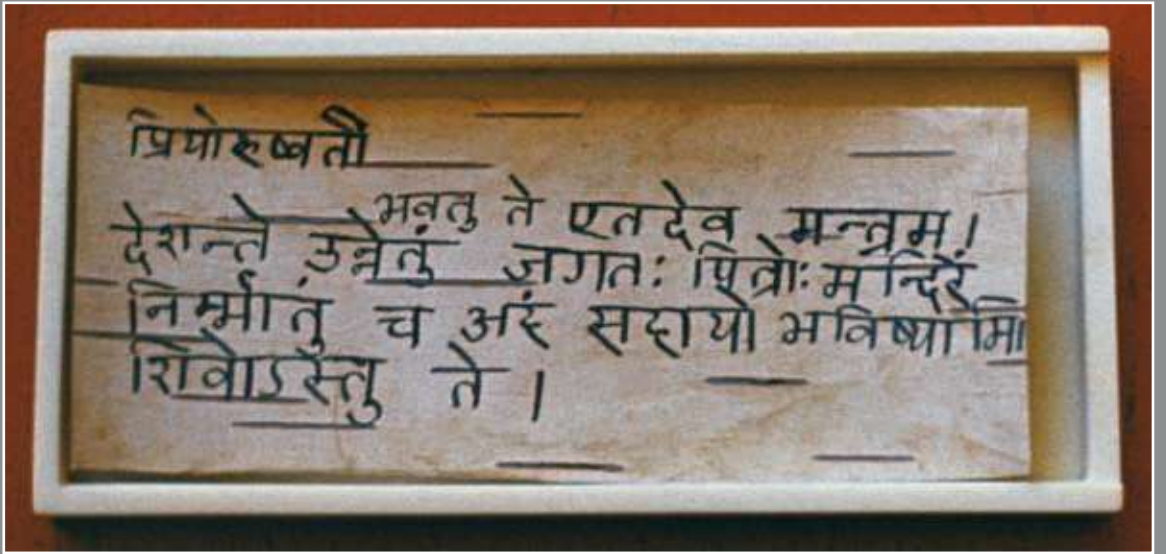

Шкатулка. Вид сзади

Камень

Письмо Учителя на бересте, пришедшее к Е.И.Рерих способом телекинеза.
В переводе с санскрита: Урусвати, в той стране ты построишь Храм

Чаша Будды

Чаша Будды

Король Артур. Фрагмент гобелена. XV в.

Сиккимские встречи с Махатмами занимали особое место. В Дарджилинг, расположенный в Восточных Гималаях, Рерихи прибыли в 1923 году. Махатмы время от времени появлялись и там, и в соседнем Сиккиме. И опять, описывая эти встречи в дневниках, Николай Константинович был предельно осторожен и опускал важные детали, которые могли бы указать на какие-то конкретные обстоятельства.

«Мы четверо, – пишет Николай Константинович, – после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует»¹.

«Лама» был Учителем, очередная встреча с которым состоялась в небольшом храме, стоявшем у дороги, около буддийского монастыря Гум.

Я увидела этот храм весной 1980 года. Он производил странное впечатление. Над его фасадом поднимался купол мусульманской мечети, по углам продолговатой пристройки лепились романские химеры. Львы, как будто сошедшие со стен владимирских соборов, дремали над капителями низких колонн. По потемневшим от времени стенам ехали всадники с мечами. Женщина в короне, держа в руках ребенка, печально и задумчиво смотрела на дорогу. По полустертым барельефам извивался Великий змей. Таинственные каменные лики, похожие на маски и в то же время на чьи-то портреты, темнели у входа. Внутри, в небольшом зальчике рядом со статуей Будды, плясал на Калинаге индусский бог Кришна. Казалось, в этом странном храме смешалось все: наги и великая богиня-мать, индуистские боги и Будда, христианские соборы и мусульманские купола. Я попыталась представить себе ту знаменательную встречу, которая происходила здесь много лет назад, и не смогла. Я знала только, что именно в этом тесном зальчике говорили о предстоящей Центрально-Азиатской экспедиции.

Общение Н.К. и Е.И. Рерихов с Учителем и его сподвижниками – Махатмами продолжалось в течение всей их жизни. Н.К. Рерих писал:

---

¹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 158–159.

«Вы уже знаете, что Аллал-Минг – это Master Moria. Он руководит мною и моей семьей»¹. Сподвижников Учителя звали Кут Хуми и Джуал Кул. Их эволюционный уровень был высок, а место в иерархии Космоса – значительным. Их энергетическая сущность была иной, чем наша, напряженней и тоньше и обладала бóльшими возможностями. Это была группа Учителей космического плана, выполнявшая эволюционную миссию на нашей планете в течение многих тысячелетий. С ними были связаны создатели религий, философских систем и духовных движений, которые прошли через историю земного человечества. С ними же были связаны и Рерихи, исполнители космической миссии XX века. О конкретных Учителях такого ранга мы знаем очень мало. В будущем будем знать больше. Учитель Мория, или, как Его еще называют, Владыка Мория, являлся также наставником Елены Петровны Блаватской, создательницы теософского общества, которая исполнила свое задание в XIX веке.

Немало полезных знаний об Учителях мы можем почерпнуть из трудов Н.К. и Е.И. Рерихов, а также из книг Живой Этики, которые создавались в самом тесном сотрудничестве с Великими Учителями. Сам Учитель Мория так определяет миссию Великих Учителей. «Спросят: “Как же вы упоминаете Создателя, Которого не знаете?” – Скажите: “Исторически и научно знаем Великих Учителей, которые создавали качество нашего сознания”»².

Конечно, Великий Учитель, в его высшей ипостаси, вряд ли может принадлежать какой-то конкретной планете. Уровень его сознания настолько высок, что охватывает целые звездные системы. Но не исключается, что некоторые Великие Учителя исторически сформировались на нашей планете, прошли на ней свой путь. Вот что об этом пишет Н.К.Рерих: «Святая Тереза, Святая Екатерина, Святая Жанна д'Арк, Святой Николай, Святой Сергий (Радонежский. – Л.Ш.), Святой Франциск Ассизский, Фома Кемпийский. Эта седмица Славных, седмица великих Вестников, великих Учителей, великих Миротворцев, великих Строителей, великих Судей, в них выражен, поистине, великий земной путь»³. Они проходили этот земной путь, для многих из них страдальческий, чтобы вернуться опять на Землю и создавать «качество нашего сознания» – главной опоры космической эволюции человечества. Но, возвращаясь на Землю или входя в контакт с ее оби-

---

¹ Рерих Н.К. Письмо В.А.Шибяеву от 25.07.21. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 312. Л. 6.

² Листы Сада Мории. 1925. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, V, 1.

³ Рерих Николай. Держава Света. С. 175.

тателями, они обладали уже иными особенностями, иной структурой. Поэтому контакт с земным человечеством для них труден и утомителен. На Земле есть места, куда они могут на время удалиться, чтобы восстановить свою энергетику, нарушенную при соприкосновении с грубой энергетикой существ низкого сознания. «Христос, так же как и Будда, – писала Елена Ивановна Рерих, – и все прочие великие Учителя, часто уходили в пустыню.

Также в “Письмах Махатм” можно найти упоминание, как тяжело заболел Махатма К.Х.¹ после его прикасания с аурами [к аурам] людей при основании Теос[офического] Общества в Индии. Он должен был на несколько недель удалиться в полное уединение. Так каждый план сознания, каждый план существования подчинен своим законам, и нарушение их приносит свои следствия»².

И еще: «Махатмы Гималаев не могут длительно соприкасаться с аурами землян и даже просто находиться в атмосфере долин из-за несоответствия в вибрациях, потому продолжительный контакт обоюднo вреден и, в случае землян, даже разрушителен <...>

Гималайские Махатмы живут в полном уединении и допускают в свою Твердыню одного, много двух кандидатов в столетие. Конечно, бывают исключения»³.

Живая Этика, касаясь основ Мироздания и различных состояний материи, повествует о трех мирах: плотном, тонком и огненном, или мире лучистой материи. Если человек современного уровня сознания пребывает в плотном физическом мире, лишь иногда бессознательно соприкасаясь с двумя другими, то Великие Учителя, или Махатмы, связаны со всеми тремя мирами и сознательно влияют на них своей энергетикой. «...Сознание Великих Учителей, – писала Елена Ивановна, – пребывающее на трех планах или мирах, видит как зарождение причин, так и следствия их. Потому мы в полном доверии к высшей мудрости можем спокойно наблюдать за различными фазами всего происходящего»⁴. Проникновение в миры иных измерений дает возможность Великим Учителям, наблюдая «зарождение причин, так и следствия их», получать необходимые для человечества знания, без которых оно не может продвигаться вперед.

Создавая книги Живой Этики, Учителя, безусловно, испытывали значительные затруднения. Ибо их знания, так необходимые тепереш-

---

¹ Кут Хуми.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 38.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 148.

нему человечеству, намного опережали современную науку, которая идет медленным путем экспериментального исследования. «Великие Учителя так стремятся скорее пробудить духовность и расширить сознание, чтобы затем вооружить человека знанием великих законов. Вот почему приходится указывать на эти законы, как доступные лишь науке будущего»¹.

Великие Учителя не только сообщают человечеству знания на определенных этапах его эволюционного продвижения, но помогают ученикам овладеть практикой космической эволюции. Под их руководством Елена Ивановна Рерих обрела огненный опыт, в результате которого у нее сформировалось в земных условиях огненное тело. Последнее обстоятельство позволило ей, как и Великим Учителям, проходить в миры иных измерений. Способность эта вызывала крайне болезненные ощущения, которые доставляли Елене Ивановне огромные страдания. Но эволюционная миссия, которая была возложена на нее Великим Учителем, требовала своего.

Осознание значения Великих Учителей и Учительства было неотъемлемой частью культурной традиции народов Востока. На маршруте Центрально-Азиатской экспедиции Рерихи собрали большое число легенд и исторических сказаний об Учителях-Махатмах. Многие из них изложены во второй части экспедиционного дневника Николая Константиновича – «Сердце Азии». Сюда можно добавить и уникальный рериховский очерк «Шамбала сияющая». Тайнственная Шамбала, в какой бы форме она ни проявлялась, мифической или реальной, тесно связывается с явлением Учительства на нашей планете. Вот некоторые выдержки из собранного Рерихом материала:

«Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях.

Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхассе, старый ученый лама лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения»².

Еще один лама поведал:

«...Эти мудрые Махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 283.

² Рерих Николай. Сердце Азии. Southbury: Alatas, 1929. С. 88–89.

за океанами, и по всей Азии»¹. Эти рассказы, звучащие для нас как легенды, были реальностью жизни Рерихов. «Ближе к области Шигатзе, на живописных берегах Брамипутры и в направлении к священному озеру Манасаравар, еще совсем недавно существовали Ашрамы Махатм Гималаев, – писал Николай Константинович. – Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная Махатмами Индии. На этом дворе Гомпа произошел эпизод с письмом, которое было съедено козю и феноменально затем восстановлено. Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне такой скромный Ашрам»².

И еще: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, – вы знаете о Махатмах. Я не собираюсь начать убеждать о существовании Махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них»³.

«Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы Махатм не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи»⁴.

Контакты Великих Учителей с Рерихами временами выходили за пределы обычного и имели богатую энергетическую палитру, были разнообразными. Учителя могли появляться в тонком теле, передавать на расстоянии нужные мыслеобразы и, наконец, материализовывать посланный предмет. Святослав Николаевич Рерих рассказал об одном из таких случаев, произошедшем в Дарджилинге. Окно в их доме, которое выходило на Канченджангу, в это время было открыто, неожиданно воздух в проеме окна начал уплотняться, загустел и стал похож на туман. Затем из тумана появился прямоугольный кусочек березовой коры и упал на подоконник. Текст на коре был написан на санскрите.

---

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 89.

² Там же. С. 121–122.

³ Рерих Николай. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига. 1992. С. 245.

⁴ Там же. С. 220.

Учение Живой Этики, или Агни Йога, созданное Учителями, несло в себе энергетическое мировоззрение, являющееся основой нового мышления. В ней освещаются важнейшие особенности современного этапа космической эволюции человечества. Живая Этика или Агни Йога, отмечает Рерих, «в полном согласии с новыми проблемами науки, намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно обще называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни, эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего пойдем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая – огонь»¹.

И, заключая свои мысли об Учении, данном Великими Учителями, Рерих писал: «Вооруженная древнейшим опытом Агни Йога в свободном движении распространения истинного знания говорит о научном исследовании и обосновании сущего»².

---

¹ Рерих Николай. Сердце Азии. С. 130–131.

² Там же. С. 135.

3. «ДОСПЕХ ЛУЧЕЙ ЛАБОРАТОРНЫХ»

Знание превыше всего. Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света. Научимся оберегать каждый шаг научного познания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму.

Каждый имеет право получить доступ к Учению. Прочтите труд, насыщенный стремлением к Истине. Невежды сеют предубеждения, сами не давая себе труда даже прочесть книгу. Самый утверждающий труд называют отрицанием. Признание Высших Принципов считается самым ужасным кощунством. Истинно, предрассудок – плохой советник! Но нельзя обойти все собранные познания.

Не забудем принести признательность тем, кто жизнью своею запечатлели знание.

Аум, 440

Книги Учения неисчерпаемый клад для ученых, сознание которых не затемнено предубеждениями.

Е.И.Перих

Когда в Живой Этике речь идет о науке, как таковой, мы должны знать, что понимание науки авторами Живой Этики и современными учеными немало расходятся между собой. Когда мы говорим о науке, то имеем в виду, прежде всего, эмпирическую ее ипостась, экспериментальный способ познания, с помощью которого в основном исследуется плотная земная материя. Подходы эмпирической науки к изучению материи скорее были механистическими, нежели широкими и многогранными. В круг ее исследований не входило и то, что не могло быть объяснено в данный момент и имело ярлык «сверхъестественного». Само это определение было крайне нелогичным, ибо в естественном мире, в естественном Мироздании ничего «сверхъестественного» существовать не могло. С продвижением науки, в результате ее открытий и находений, «сверхъестественное» нередко превращалось в естественное и получало свое научное объяснение. Научная революция XX века, несмотря на ряд великих открытий, принесла и определенные кризисные тенденции. Их суть заключалась в том, что существовавшая теория научного познания не соответствовала тем знаниям, которые были привнесены в научное пространство новыми открытиями. Подобный процесс со временем усиливался и привел к суждениям о

близком конце науки. Наряду с теми, кто говорил о конце науки, были и те ученые, которые видели в современной науке немалые перспективы для дальнейшего познания окружающего мира. Одним из них был А.Эйнштейн, создатель теории относительности. Будучи достаточно дальновидным, он понимал, что эта теория не могла исчерпать всех проблем, вставших перед наукой в связи с ее появлением. Он искренне считал, что теории относительности «придется уступить место другой, по причинам, которые мы сейчас и представить себе не можем <...> Я считаю, что процесс углубления теории не имеет границ»¹. Вне всякого сомнения, у Эйнштейна существовали и единомышленники. Для нас же более интересной является группа ученых, настаивающих не только на определенных границах научного познания, но и на неизбежности конца самого этого познания. Наиболее значительных сторонников подобных взглядов мы находим, прежде всего, в научном пространстве Запада. «Великой задачей современной науки, – утверждает Лео Кадановф (выдающийся физик из США. – Л.Ш.), – является показ того, что мир живет в соответствии с определенными фундаментальными законами физики. Это вопрос, исследуемый, по крайней мере, со времен эпохи Возрождения, а может, и более длительный период времени. Для меня это решенный вопрос. То есть мне кажется, что мир можно объяснить законами. Самые фундаментальные законы природы воплощаются в теории относительности и в так называемой стандартной модели физики частиц, которая описывает поведение квантового космоса с исключительной точностью»². Если мир можно объяснить лишь законами физики, частью уже открытыми, то необходимость продолжения научных исследований как бы отпадает сама собой. Бенгли Гласс, известный американский биолог, еще в начале 70-х годов прошлого столетия установил, что «наука не только является конечной, но этот конец виден»³. «Мы подобны исследователям огромного континента, – развивает свою мысль Гласс, – которые проникли к границам почти по всем направлениям и нанесли на карту главные горные массивы и реки. Остается еще бесчисленное количество белых пятен, которые следует заполнить, но бесконечных горизонтов больше не существует»⁴. В беседе с Д.Хорганом, автором цитируемой мною книги, Гласс привел ряд аргументов в подтверждение

---

¹ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. СПб., 2001. С. 99.

² Там же. С. 45–46.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же.

своих слов. «Даже если общество бросит все свои ресурсы на исследования, наука все равно когда-нибудь достигнет точки уменьшения отдачи. Почему? Потому что наука *работает*; она решает проблемы. В конце концов, астрономы уже исследовали самые дальние точки Вселенной; они не могут увидеть, что лежит за ее пределами – если там вообще что-то есть. Более того, большинство физиков думает, что измельчение материи до все более и более мелких частиц в конце концов прекратится или уже прекратилось – если смотреть на это с практической точки зрения. Даже если физики откроют частицы, спрятанные за кварками и электронами, эти знания не будут играть никакой роли или сыграют слишком малую роль для биологов, которые уже знают, что большинство важных биологических процессов происходит на молекулярном уровне и выше.

– Здесь мы имеем границу для биологии, – поясняет Гласс, – и вы не можете рассчитывать, что когда-нибудь сквозь нее прорветесь, просто по причине природы состава материи и энергии.

В биологии, считает Гласс, самые великие революции – в прошлом <...>

– Будут новые дополнения к структуре знания, но мы уже сделали самые большие из возможных шагов вперед. И вопрос лишь в том, предстоят ли еще какие-то по-настоящему большие изменения в нашей концептуальной Вселенной»¹.

Проблемы конца науки или границы знаний продолжают обсуждаться сейчас на многих симпозиумах. Хорган на одном из них встретился с О.Росслером, известным биохимиком, который занимался проблемами новой науки о хаосе и «видел две первичные границы знаний. Одна – это недоступность. Мы никогда не можем быть уверены в происхождении Вселенной, например потому, что она так далека от нас как в пространстве, так и во времени. Другая граница, искажение, гораздо хуже. Мир может обманывать нас, заставляя думать, что мы понимаем его, когда на самом деле не понимаем. Если бы мы могли оказаться за пределами Вселенной, предположил Росслер, мы бы узнали границы наших знаний, но мы попали в капкан внутри Вселенной, поэтому наши знания наших собственных границ должны остаться неполными»². К вышесказанному хотелось бы добавить мнение одного из крупнейших ученых, лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина, разработавшего теорию времени и хаососложности.

---

¹ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 43–44.

² Там же. С. 379–380.

В последнее время он вел свои исследования в США и Бельгии. Он «верил, – отмечает Хорган, – что наука – эмпирическая, строгая наука, тот тип науки, который решает ее проблемы, делает мир понятным, куда-то нас приводит, – закончилась»¹.

Если наука упирается в какие-то границы, которые не позволяют ей продвигаться дальше в том виде, в котором она существует, и ее исследования, в связи с этим, вскоре будут исчерпаны, возникает вопрос – а что же дальше? На этот вопрос ученые отвечают по-разному. Правда, это разнообразие не столь богато и сводится к двум прогнозам: такая наука может быть продолжена компьютерами и созданным на их основе искусственным интеллектом. Иными словами, человек – исследователь и экспериментатор изымается из пространства эмпирической науки и его роль в ней радикально меняется. Такая точка зрения существует и среди некоторых крупных российских ученых. Второй выход из положения был сформулирован Хорганом: «Другие, большинство, станут разрабатывать новые математические и компьютерные технологии для инженерных целей. Они добьются успехов в таких областях, как расширение спектра прогнозов погоды и улучшение способности инженеров моделировать работу реактивных самолетов или других комплексных технологий. Но у них не будет никаких великих идей во взглядах на природу – конечно, никаких, достойных сравнения с дарвинской теорией эволюции или квантовой механикой. Они не дадут никаких важных поправок для нашего мира реальности или нашего понимания акта творения»².

В этой мысли довольно четко проглядывается причина кризиса в современной науке, которая заключается не столько в самом знании, а прежде всего в теории научного познания и в ее методологии. В конце прошлого века мы оказались свидетелями острых противоречий, возникших в пространстве научного познания, важнейшим из которых было противоречие между содержательным исследованием в науке и той традиционной теорией научного познания, которая начала складываться в Европе с XVIII века. Некоторая «машинность» и механистичность научного мышления поставили преграду на пути развития самой науки. Эту преграду стали ломать сами ученые и философы, занимавшиеся современной наукой. Они ощущали, и скорее всего, интуитивно, необходимость смены самой концепции научного познания. Представители этого направления не верили, что может прийти конец

---

¹ Хорган Д. Конец науки. С. 358.

² Там же. С. 365–366.

науке, ее развитию, и ценнейшие накопления человеческой мысли и труда могут быть утрачены и не востребованы более. Это был третий и, пожалуй, самый рациональный путь научного познания. Но этому направлению, несмотря на уверенность в будущем науки, чего-то все-таки не хватало, чтобы превратить эту уверенность в реальность дальнейшего продвижения в познании Мироздания. В одном из своих выступлений известный астрофизик Шрамм сказал: «...при смене столетий физики говорили, что бóльшая часть проблем физики решена. Есть несколько надоедливых маленьких проблем, но в основном все решено. А мы обнаружили, что это неверно. Фактически наши находки обычно служат подсказкой, что грядет еще один большой прорыв. Как раз тогда, когда думаешь, что виден конец, обнаруживается, что это путь к совсем новому взгляду на Вселенную. И, я думаю, вот что случится: мы стремительно наберем высоту и увидим то, чего не видели раньше. Мы решили надоедливые проблемы, которые раньше не могли решить. И я ожидаю, что решение этих проблем приведет нас в абсолютно новую, богатую и удивительную область. Дело не умрет»¹. Эти слова Шрамма, без сомнения, могут послужить кредо для третьего направления научной мысли. На конгрессах и симпозиумах, на которых собирались представители различных областей знания, все чаще и чаще раздавалась критика традиционной теории познания и высказывались мысли о том, как эту теорию изменить и привести ее в соответствие со знаниями, накопленными наукой в XX веке. «Но во время многих выступлений, – отмечал Д.Хорган, – рассматривались вопросы, безнадежно удаленные от реальности, от любого эмпирического опыта»².

Крупнейший физик Хокинг утверждал, что достижение окончательной теории физики поможет «узнать замысел Божий»³. Д.Хорган сопровождал это высказывание ироническим замечанием: «Эта фраза предполагала, что окончательная теория завещает нам мистическое откровение, в сиянии которого мы сможем греться все остальное время»⁴. Но Хокинг не был единственным в подобных взглядах, которые совпадали с размышлениями известного физика Дэвида Бома, знатока восточной философии. «Бом, – писал Хорган, – отчаянно хотел знать, открыть секрет всего или через физику, или через медитацию, или

---

¹ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 170.

² Хорган Д. Конец науки. С. 155.

³ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 154.

⁴ Хорган Д. Конец науки. С. 154–155.

через мистические знания <...> Бом жаждал не истины, а откровения, непрерывного откровения. В результате он был обречен на непрерывные сомнения»¹. Крупный английский астрофизик Ф.Хойл был единомышленником двух первых. «Хойл также подозревал, – пишет все тот же Хорган, – что жизнь и вся Вселенная должны разворачиваться в соответствии с каким-то космическим планом. Вселенная, по его мнению, это “очередная игра, исход которой предрешен”.

– Слишком много вещей выглядит случайными, но не являются таковыми на самом деле.

Когда я спросил, думает ли Хойл, что всем руководит какой-то сверхъестественный разум, он кивнул с серьезным видом.

– Да, я так смотрю на Бога. Это игра, исход которой предрешен, но я не знаю, каким образом ее ведут»².

Интуиция, какое-то внутреннее знание и ощущение правоты других способов познания толкали некоторых ученых стихийно принять способы познания, издавна существовавшие в духовно-умозрительном пространстве. Это был объективный эволюционный процесс, задевший в XX веке и эмпирическую науку. Наука, говорил Бом, «обязательно будет развиваться совершенно неожиданными путями <...> Когда-нибудь ученые при моделировании реальности будут меньше зависеть от математики и будут черпать метафоры и аналогии из новых источников»³. По этому поводу Хорган заметил: «Как и многие другие научные мечтатели, Бом надеялся, что наука и искусство в один прекрасный день соединятся: “Это разделение искусства и науки временно <...> Его не существовало в прошлом и нет оснований считать, что так будет и в дальнейшем”»⁴.

Один из известных ученых Кристофер Лангтон «был прав: в будущем науки есть что-то, более похожее на поэзию»⁵. Резюмируя подобные высказывания, Хорган пишет: «Наука пойдет по пути, уже протоптанному литературой, искусством, музыкой и философией. Она станет более интроспективной, субъективной, рассеивающейся, преследуемой навязчивыми идеями и неспособной отойти от своих методов»⁶. Подобный вывод автора книги «Конец науки» свидетельствует о том, что третье направление в развитии науки было для него наиболее

---

¹ Хорган Д. Конец науки. С. 147.

² Там же. С. 180.

³ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 145.

⁴ Хорган Д. Конец науки. С. 145.

⁵ Там же. С. 366.

⁶ Там же. С. 367.

далеким и наименее понимаемым. Не вникая в суть нарождающейся новой системы познания, Хорган отнесся иронически и с недоверием к размышлениям крупных ученых. Можно соглашаться или не соглашаться с таким заключением, от этого тенденция, проявившаяся в западной науке, не исчезнет, а, более того, будет усиливаться, ибо противоречие между существующей теорией научного познания и характером накопленных знаний будет расти.

Существует три основных момента в научном познании, которые препятствуют дальнейшему развитию науки. Первое – устаревшие подходы к материи, как таковой, и измерение этими подходами всех исследований, связанных с естественными науками. Это сочетается с пренебрежением или, скорее, с методологическим отрицанием материи иных, более тонких состояний, включая и дух человека, как энергетическое явление. Все, что нельзя ощутить, почувствовать, увидеть, посчитать и т.д., уходит, сознательно или бессознательно, из поля эмпирических исследований ученого. С этим первым связано и второе – отрицание или отсутствие связи с неким Высшим явлением в Космосе, несущим в своей структуре материю иного состояния. И третье – отсутствие частичное, а временами и полное, не только исследований, но даже и внимания к человеческому сознанию и его эволюции, которое, как дальше будет видно, играет важнейшую роль в познавательных процессах. «На протяжении всего этого столетия (XX. – Л.Ш.), – утверждает Хорган, – сознание не рассматривалось как предмет для научного исследования»¹. Буквально единицы среди ученых обращали внимание на этот феномен человека, но это внимание не было ни плодотворным, ни системным. Не существовало и единого мнения по проблемам сознания. Одни утверждали, что сознание – не более чем плотная материя, которая подлежит обычному экспериментальному исследованию. Другие же придерживались иной точки зрения. Русский астрофизик Андрей Линде, эмигрировавший за рубеж в 1988, считал, что «физика изучает материю, а сознание – не материя»². Американский физик Р. Пенроуз поддержал Линде и возражал против того, что сознание на современном этапе может быть объяснено законами физики. «Я говорю, – утверждал Пенроуз, – что это неправильно. Законы, управляющие поведением мира, являются, я считаю, более трудноуловимыми, чем эти (законы физики. – Л.Ш.)»³.

---

¹ Хорган Д. Конец науки. С. 259.

² Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 167.

³ Там же. С. 284.

К этому хотелось бы добавить высказывание Нобелевского лауреата Джона Эклза о природе разума, который «существует независимо от своего физического субстрата»¹. Эта мысль еще в конце XIX века была высказана русским врачом и ученым Н.И.Пироговым².

Российские ученые ставили проблемы, о которых сейчас пишут западные ученые третьего направления, много раньше последних. Россия переживала Духовную революцию в конце XIX – начале XX века, в результате которой формировалось и новое космическое мышление, и новая система познания. Крупнейшие русские ученые – В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский и ряд других, понимая необходимость новой системы познания, занимались ею весьма серьезно, вкладывая в нее свои мысли и научные находения, создавали каркас будущей системы познания и будущей науки. Направление это в научной мысли получило название «космизма». И если на Западе об этом стали размышлять только в конце XX века, то в России ученые практически исследовали явления, составляющие новую систему познания, уже с начала XX столетия. Разрыв во времени оказался довольно существенным, значительным был разрыв и в пространстве. Новая система познания, зародившаяся в пространстве России, значительно обогнала то, о чем размышляли некоторые ученые на Западе. Но назвать это системой нельзя даже и сейчас. Это были лишь отдельные мысли и отдельные идеи. Появившаяся в 20-е годы прошлого века Живая Этика своей новой теорией познания обогнала и российских ученых, и исследователей Запада. В ней наука будущего обрела зримые и конкретные черты. Там нет упоминаний о «конце науки», она ясно показывает пути выхода из кризиса, в котором наука оказалась. Живая Этика сделала то, к чему только еще стремилась передовая часть мировой науки. Система познания Живой Этики включила в себя науку и метанауку – эмпирическое знание и знание, полученное в духовном пространстве познавательного творчества человека. Она не прошла мимо ни одного способа познания, которые сложились в течение тысячелетий на нашей планете; отринув все ненужное и в действительности устаревшее, она заново открыла источник древнего знания, указав на все то, что могло быть приемлемо современной мыслью и современным сознанием. В методологической концепции Живой Этики объединились умозрительные находения Востока и эмпирические открытия Запада. Этические моменты заняли в ней не менее

---

¹ Цит. по: Хорган Д. Конец науки. С. 280.

² См.: «Пролог» данной книги.

важное место, чем физические законы естественных наук и те истины, которых достигла эмпирическая наука. Достижения искусства, религиозный опыт, умозрительная мысль философии, экспериментальные исследования эмпирической науки – все слилось в единую, синтетическую картину человеческого познания Мироздания. Не отрицая ни находжений, ни открытий в науке, создатели Живой Этики определили ее место в новой системе познания. «Современная наука, – отмечала еще в 1935 году Е.И.Рерих, – быстрыми шагами идет навстречу всем великим Истинам, изложенным в восточной философии и религиях, и скоро, очень скоро они встретятся и протянут друг другу руки. Будем надеяться, что и наша церковь просияет новым сознанием и не останется заштатным зрителем этого нового союза. Так, наука уже поняла, что материи нет, но есть лишь энергия, и обратно. Таким образом, она подошла к одухотворению Единого Начала. Также передовые умы начинают отдавать должное силе мысли и даже запечатлевать и измерять ее физически, так духовное сливается с материальным. И как может быть иначе, когда Материя есть лишь качество Духа!»¹

Учителя отмечали, что при создании Нового Мира «нужно всеми силами привлекать сотрудничество науки»². В Живой Этике мы находим высокую оценку научным достижениям. «Проследите развитие науки за последние полвека; можно изумиться прогрессу знания»³. Наука весьма преуспела в обретении знаний путем кропотливой экспериментальной работы, но в то же время старая теория познания задерживала дальнейшее ее продвижение. Науке не хватало синтеза и, что еще более важно, у нее отсутствовала связь с Высшим, в результате чего творческий ее потенциал был крайне ограничен. Живая Этика, рассматривая суть творчества, дает нам понять, что любое творчество имеет два истока – земное и небесное, или плотную материю и материю тонкого, более высокого состояния. Исторически сложилось так, что такие способы познания, как философия, истинное искусство, религия, в той или иной степени имели связь с Высшим, в то время как в науке, в ее современном виде, такая связь отсутствовала. Не останавливаясь на причинах такого отсутствия, Живая Этика приводит ряд мыслей по этому поводу. «Невежды толкуют о материальных науках, которые отрицают все, грубым глазом невидимое <...> Когда появятся и признаки Высшего Мира в сознании, то каждая наука

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 394.

² Братство, 528.

³ Аум, 309.

преобразится. Нет такого знания, которое не утверждало бы великую связь миров. Нет таких путей, которые не вели бы к Высшему Миру. Кто не чувствует величия единения и Беспредельности, тот не дорос в своем сознании»¹. И еще: «Наука должна укрепить пути к высшему познанию. Наступило время, когда древние символы знания должны претвориться в научные формулы»². Речь идет о необходимости новой системы познания, в которой в синтезе будут сведены научные и духовные способы познания, знания древние и современные, находения Востока и Запада.

Новое космическое мышление требовало новой системы познания и новой науки, горизонты исследований которой будут расширены и углублены согласно различным состояниям материи и энергии. Новая система познания, которую мы находим на страницах Живой Этики, вкупе с научными находениями будет в состоянии вывести науку на путь трансформации и новых парадигм. И тогда иллюзия «конца науки» исчезнет, что приведет к расцвету новых исследований и новых открытий в постижении Мироздания. «Сближение миров будет проходить под знаком науки»³, – утверждает Живая Этика. Новая система познания, предложенная Живой Этикой, выводит науку за грани физического мира в беспредельные пространства иных состояний материи. И в этой Беспредельности никогда не будет конца познанию, не будет конца удивительным открытиям, проникновению в тайны Космоса. Знание, полученное эмпирическим путем, должно обрести естественную связь с Высшим, чтобы быть правильно осмысленным, во всем богатстве своих взаимодействий. Космос наполнен миллиардами форм Бытия, и их изучение «даст человечеству тонкость понимания Беспредельности»⁴. Созидание Нового Мира, переход на новый эволюционный виток обусловлен ростом Знания, изменением его качества, глубочайшим постижением природы материи и энергии. «Жажда утоляется влагою, – сказано в Живой Этике. – Жажда познания утоляется путем приближения к Высшему Миру. Многие ученые всю жизнь томилась несказуемой тоскою, ибо они отрешили себя от познания Высшего Мира. Тоска неправильного пути есть самая жестокая, поедаящая! Человек, наконец, окончательно отсекает продвижение свое и мучается, не понимая своего заблуждения. Много злобы рождается

---

¹ Аум, 61.

² Братство, 425.

³ Там же, 526.

⁴ Беспредельность, 75.

у таких сущностей. Они готовы преследовать даже малейшее проявление Света»¹. В этом небольшом отрывке прочитывается целая драма, проявления которой встречаются в науке, когда уровень сознания расходится с возможностями познания, что нередко приводит к жесточайшей схватке старого традиционализма с тем новым, что сейчас входит в науку. «Мир будущий, Мир высший, – пишет Е.И.Рерих, – грядет в доспехе лучей лабораторных. Именно лаборатории укажут на преимущество высшей энергии и не только установят превосходство психической энергии человека над всеми до сих пор известными энергиями, но будет уявлена наглядная разница в качестве ее, и, таким образом, значение духовности будет установлено в полной мере»². Исследование тонких энергий иных состояний материи – одна из важнейших задач новой науки. Эти исследования приведут к познанию Высших миров и установят связи с ними. Научные факты, полученные в исследованиях, уже свидетельствуют о существовании таких миров. «...Пора от грубых слоев материи перейти к исследованию тончайшей энергии»³. И еще: «Творчество, – отмечают авторы Живой Этики, – нужно понять, как соединение различных энергий, явленных Огнем пространства и духом человека»⁴. Чем выше духовность самого исследователя и уровень его сознания, а нередко и присутствия в нем способности чувствознания, тем ближе к реальности результаты исследования. «...Для значительных опытов, – пишет Е.И.Рерих, – должен быть особый подбор лиц, обладающих высоким духовным синтезом»⁵. Дух человека, его уровень является решающим моментом в тонких исследованиях. Если на эту сторону в науке никто не обращал внимания и дух как явление просто отрицался, то духовность исследователя в новой системе познания играет важнейшую роль.

Переход к экспериментальным исследованиям тонкой материи и тонкой энергетике связан с рядом трудностей, о которых предупреждает Живая Этика. Подвижность тонких структур приводит к тому, что результаты одного и того же эксперимента невозможно повторить. Тонкие субстанции реагируют на все космические и земные условия, воспринимают энергетические изменения в самом человеке, чутко отвечают на многие моменты в нем, вплоть до настроения. Чтобы получить тот же результат, необходимо восстановить все энергетические

---

¹ Братство, 459.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 219.

³ Агни Йога, 56.

⁴ Мир Огненный. Ч. III, 161.

⁵ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 360.

условия, в которых происходил первоначальный эксперимент. Удаётся это крайне редко. «Неповторимость опытов с тончайшими энергиями, – читаем мы в Живой Этике, – часто отвращает внимание ученых. Но они забывают, что не энергия неповторима, но они сами. К тому же не умеют они создавать повторимые условия, окружающие опыты. Много раз приходилось вам замечать, насколько различны привходящие обстоятельства. Но даже весьма умудренный ученый не придает значения очень разнообразным условиям. Прежде всего, он не обращает внимания на свое настроение, но состояние нервных центров будет решающим для многих опытов. Также забывается и качество сотрудников, принимающих участие в опытах. Но даже в древности, а затем алхимики, очень понимали ценность сотрудничества. Они знали и значение пола. Они не отрицали лунное воздействие и силу явленных планет»¹.

Впервые в истории науки в систему научного познания включили человека, его энергетику, его взаимодействие с окружающим нас микро- и макрокосмом. Согласно Живой Этике, человек является носителем высшей энергии, имеющей огненный характер, которая не только ведет его по пути космической эволюции, но и необходима в процессе познания им особенностей и тайн Мироздания. Известно, что эта высшая энергия называется психической и является важнейшим условием любого творчества человека. Авторы Живой Этики считают, что потенциал такой энергии выше энергии расщепленного атома. «Без психической энергии не разглядеть пространственных путей. То же самое происходит во всех областях науки. Неразумно пренебрегать высшей энергией. Точно во времена религиозных войн и гонений, смелые и прозорливые познаватели должны прятаться, как алхимики от инквизиции. Такое позорное положение недопустимо»².

И еще: «Действительно, давно пора изучать огненную природу человека. Давно нужно понять, что не только воля, но огненная энергия окружает человека спасительным покровом. Действительно, нужно изучать это в лабораториях, но эти лаборатории должны отличаться от лабораторий почвенных удобрений. Пора ученым признать, что для тонких опытов нужны тонкие условия. Также пора признать, что эти условия не создаются механическими дезинфекциями. Каждый опыт требует духовного огненного очищения. Действительно, многое удается в природе и в храмах, где эманации не так загрязнены. Но в

---

¹ Братство, 418.

² Аум, 309.

случайных лабораториях, где даже воздух не всегда освежен и пыль полна ядовитых отложений, там удастся лишь немного»¹.

Новая система познания включает в себя ряд энергетических центров познания, таких как интеллект и сердце. Причем интеллект имеет более узкие функции, нежели сердце, на которое наука по-настоящему, кроме медицины, не обратила еще свой взор. Что же касается интеллекта, то его роль осмыслена в Живой Этике как необходимый компонент творческой активности человека. Надо также отметить, что концепция интеллекта, которая существует там, не всегда правильно интерпретируется изучающими Живую Этику. Так В.М.Сидоров в своих работах, посвященных последней, утверждал, что человеку интеллект вообще не нужен, чем совершал грубейшую ошибку. А.И.Клизовский, один из первых толкователей Живой Этики, дает, на мой взгляд, вполне правильную характеристику интеллекту и его деятельности. «Интеллект, – пишет он, – имеет большие заслуги в деле развития цивилизации, науки, разного рода прикладного знания и всех тех областей человеческого знания, где требовалось кропотливое исследование, вычисление и наблюдение, логическое рассуждение и мышление. Все технические совершенствования, все достижения в области облегчения и улучшения жизни человека есть результат этой части нашего ума»². По мере своего развития и продвижения творчества человека, интеллект начинает себя считать самым высшим началом. Это «высшее начало» заслоняет все то, что было связано с духом и высокой энергетикой человека. В конце нашего тысячелетия интеллект достиг завершающей стадии в развитии, что сказалось и на развитии науки, являющейся самым важным творчеством этого интеллекта. Иными словами, высокоразвитый интеллект породил современную науку в ее жесткой традиционной форме и теорию научного познания, которая, не выдержав испытания временем, вошла в кризисную фазу, когда количество знания должно было перейти в новое качественное состояние. «Человек делает... из своего интеллекта, – отмечает А.Клизовский, – своего бога, начинает признавать и поклоняться только ему; и этим своим ограниченным умом, который он ошибочно считает за свое последнее и величайшее достижение, он пытается объять необъятное, он пытается постигнуть явления, исходящие из высших миров, он пытается измерять огромные величины малым масштабом – ограниченным умом, но так как он этого сделать не может, ибо интеллект может постигнуть лишь явления ви-

---

¹ Мир Огненный. Ч. I, 453.

² Клизовский А.И. Основы миропонимания Новой Эпохи. Минск, 1997. С. 59.

димого физического мира, то попросту он начинает отрицать эти явления как несуществующие, ибо не может ни понять их, ни объяснить.

С началом такого отрицания человек порывает связь со своим высшим началом и со всем Космосом, потому что все высшие духовные дары, которые человек может получать из Высших Сфер Космоса, воспринимаются этим нашим высшим началом. Он перестает обращать внимание на внушения, идущие из этой области своей сущности, называя эти веяния и внушения галлюцинациями, расстройством воображения и нервов. И когда сознание ограничивается одним видимым физическим миром, то развивается материалистическое мировоззрение со всеми его отрицательными последствиями!

Тогда происходит самое худшее, к чему приводит неправильное и одностороннее развитие интеллекта. Ввиду порывания связи с высшим, сдерживающим началом человек развивает в себе самые худшие из тех личных начал, которые заложены в интеллекте, как то: стремление к разъединению и расчленению, обособленность и самость, эгоцентричность и эгоизм, нетерпимость к чужому мнению и страсть к противоречию и антагонизму»¹. Иными словами, интеллект сходит с магистрального пути синтеза, и эта ситуация приводит его к различного рода бедствиям и тупикам. И гибнет не только сам интеллект, но и мир, в пространстве которого он действует и творит. Из всех перечисленных «личных начал, которые заложены» в интеллекте, самым разрушительным является самость. «...Мысль, порожденная самостью, – пишет Е.И.Рерих, – всегда идет вразрез с великим планом космической эволюции»². Стремясь показать, сколь важен процесс накопления знаний и способ их получения, авторы Живой Этики еще раз обращают наше внимание на недопустимость в этом процессе чувства самости. «Но если в накопление знания вмешается рабство самости, то не радость, но желчь вскипит»³. Известно, что самость крупных ученых нередко задерживала развитие целых направлений науки. Поэтому нравственные и этические нормы поведения настолько важны в мире науки, что становятся неотъемлемой частью самой системы познания. «Нравственные основы, – сказано в Живой Этике, – делаются принадлежностью знания, лучше сказать, должны делаться, иначе пропасть между знанием и нравственностью делается губительной»⁴.

---

¹ Клизовский А.И. Основы миропонимания Новой Эпохи. С. 60.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 57.

³ Братство, 301.

⁴ Там же, 145.

Конец нашего тысячелетия ознаменовался ростом безнравственности во многих областях творчества и деятельности человека. Эта раковая опухоль коснулась и области знания, являющейся одним из важнейших устоев космической эволюции человечества. Обращая наше внимание на это обстоятельство, Учителя высказывают твердые убеждения о недопустимости этой разлагающей болезни в науке и в системе познания. Это особенно важно, когда в руках науки сейчас оказались мощные разрушительные силы, которые могут быть использованы и используются во зло, если нравственные устои их создателей слабы, расплывчаты, а иногда попросту совсем отсутствуют. «Нахождения науки, – читаем мы в Живой Этике, – разошлись с бытом, получается особый вид дикарства, овладевшего научными инструментами. Большинство высокопросвещенных тружеников высится редкими островами среди океана невежества. Грамотность еще не есть просвещение, потому дается совет укрепить сердце как средоточие просвещения»¹. И если мы скажем, что спасение интеллекта связано непосредственно с сердцем и что только сердце сможет обеспечить дальнейшее развитие интеллекта в синтетическом пространстве – сердце–интеллект, то, возможно, этому многие не поверят. Но дело не в том – поверят или не поверят, а в том, что сердце есть, вне всякого сомнения, важнейший инструмент не только познания, как такового, но и энергетический центр сложной структуры человека, на котором эта структура держится во всех ее энергетических взаимодействиях. «Сердце знает боль мира, но оно знает и лучи надземные. Не легко выявить эти лучи, но зато ученые могут ощущать особые космические лучи, собравшиеся около очищенного сердца»². И еще: ученый «должен почувствовать сердце как самостоятельный аппарат и начать наблюдать реакции и рефлексy сердца. Тогда придут и первые вестники успеха, именно, световые звезды, они еще более научат наблюдательности»³.

Создатели Живой Этики называют Новую эпоху эпохой Сердца, для этого есть самые серьезные основания. Именно в этом органе человека идет тот процесс синтеза, который играет важнейшую роль в космической эволюции. Энергетика сердца соотносится с космическими масштабами. Еще в древности сердце считалось Солнцем человека. Между сердцем человека и Солнцем существуют невидимые и таинственные связи, которые выходят в Беспредельность. Космический

---

¹ Братство, 220.

² Сердце, 533.

³ Там же, 377.

Магнит есть Сердце Вселенной, которое регулирует ее жизнедеятельность и развитие. «И в основе всей Вселенной ищите Сердце»¹, – сказано в Живой Этике. Сердце человека содержит высокие космические энергии, основой которых является тонкая светоматерия. Оно осуществляет связи не только с небесными телами, но и с мирами иного состояния материи, заключая в себе земное и небесное, плотное и тонкое, через него лежит духовный путь, соединяющий мир физический, через Тонкий, с Огненным. Поэтому сердце называют Мостом Миров. Этот Мост соединяет в синтезе Дух и Материю, энергии Земли и Космоса. В нем взаимодействуют физические и космические законы. Сердце является своеобразным перекрестком между планетой Земля и Дальним Космосом. Оно, отмечает Елена Ивановна Рерих, «изумительный орган, вмещающий в себе, в своих многочисленных центрах, все творчество и всю психожизнь»². В сердце идут сложнейшие процессы, связанные и с самыми изначальными энергетическими структурами человека, и с завершающими его развитие. В нем находится первоначальное зерно духа, окруженное энергетическими оболочками, влияющее на дальнейшую эволюцию человека. Процесс оформления Огненного тела в человеке идет в сердце через трансмутацию энергии огня и перемещения в сердце мыслетворчества. Энергетическая структура сердечного центра (чакра) весьма сложна. Она включает в себя девять основных малых чакр, за которыми следуют и другие подгруппы центров, многие из которых еще совершенно не изучены. Девять основных микрочакр в пространстве образуют упругую световую сетчатую структуру с высоким уровнем вибраций, которая является световым магнитом. Функциональное назначение этих девяти микрочакр в чакре сердца дает нам представление об энергетических процессах, идущих в сердце. Вот цепочка основных микрочакр в сердце: 1. Память сердца. Имеется в виду память о прошлом, которую несет сердце в процессе бесконечных воплощений. 2. Творчество. Никакое творчество без сердца невозможно, так как оно происходит на грани земного бытия и инобытия. Два последних явления сопрягаются лишь в сердце. 3. Сердечное мышление. Оно содержит в себе более высокое качество, нежели мышление интеллекта. Через сердце во внутренний мир человека попадает пространственная мысль, по своей сути безвременная, обладающая высокой энергетикой. 4. Приемник внешней информации. 5, 6, 7 – осуществляют связь

---

¹ Беспредельность, 145.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 21.

с другими чакрами, находящимися во внутренней структуре человека. 8. Центр, несущий функцию регулятора ритма сердца. 9. Сердечный трансмутатор. Сердечная энергия, вырабатываемая им, определяет уровень сознания человека. Само же сознание находится в сердце, в силу его энергетических особенностей. «Именно сердце есть престол сознания»¹, – пишет Е.И.Рерих. Но поскольку сердце есть средоточие сознания, мы можем считать, что последнее формируется на взаимодействии земного и надземного. Если у человека сердце не развито, то и сознание находится на низком уровне. Если мы говорим – открытое сердце, то носитель такого феномена воспринимает мир в первую очередь сердцем, что влечет за собой повышение общей сердечной энергетики. Эта же энергетика лежит в основе преобразования самого человека, когда уровень одухотворения физической материи возрастает и «плоть преобразится и приблизится к законам Тонкого Мира»². Иными словами, произойдет утончение плотной материи, что повлечет за собой изменение качества способностей человека и приблизит его к высокой степени познания. Сердце есть регулятор энергоинформационного обмена, идущего в энергетической структуре человека. Направление этого обмена идет от Солнца – Сердца Солнечной системы к сердцу человека, не говоря уже о тонких энергиях миров иных состояний материи. В глубинах человеческого существа происходит тот таинственный и сложный процесс под управлением сердца, который формирует сердечную, или психическую, энергию, носящую космический характер. Сердце по сути своей является одновременно приемником и трансмутатором психической энергии. Эманации этой энергии, вкупе с энергиями других центров, составляют ауру человека, которая есть электромагнитное поле, окружающее человека, с различными качествами энергии, цвета и запаха. Сердечная энергия определяет вибрационную схему этой ауры. Вместе с этим сердечная энергия играет важную роль в превращении хаоса в космос во внутренней структуре человека. «...Огонь духа нужен для пожрания хаоса и претворения его. Огонь устремлен не там, где рассудок пытается уговорить хаос. Огонь сердца проникает через хаос и преобразует его в полезное вещество. Сильна лаборатория сердца, и мысль сама должна быть очищена Огнем»³. Огонь психической энергии сердца есть основа космического сознания и двигатель эволюции человечества. Появле-

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 401.

² Мир Огненный. Ч. III, 501.

³ Там же. Ч. II, 46.

ние на арене энергетических процессов Земли психической энергии дает нам возможность назвать грядущую эпоху нового эволюционного витка эпохой Сердца и посчитать само сердце важнейшим инструментом дальнейшего познания Мироздания, в котором задействованы огненные космические энергии и процессы синтеза. Такие явления, как сознание, мышление, творчество, связь с Высшим, энергоинформационный обмен, есть необходимые условия для дальнейшего продвижения познания в области культуры и науки. Именно в сердце мы находим самые широкие возможности для новой системы познания, где в широком синтезе будут задействованы духовные и научные способы познания. Но для того, чтобы это все реализовалось, необходимо синтезировать энергетику интеллекта и энергетику сердца. Иными словами, сделать интеллект сердечным, а сердце умным. Умственные способности человека, которые заключены в интеллекте, складываются из его умения отбирать и анализировать внешнюю информацию, а также абстрактно мыслить. Духовные же способности человека зависят от уровня его сознания, то есть качества сердечной энергии, излучаемой человеком. При развитых умственных способностях и недостаточном уровне развития сердца человек может чего-то добиться в науке, но остаться бездуховным. При развитом же сердце возникает гармония в уровне остальных центров, повышаются умственные способности и возрастает творческий потенциал человека. Таким образом, при соединении интеллекта с сердечной энергетикой и теми духовными моментами, которые содержатся в самом сердце, увеличивается разрешающая способность интеллекта и расширяется его познавательный горизонт. Сердце ведет интеллект, создавая для него новые возможности и новые перспективы в познании окружающего мира. Пренебрежение же сердечной энергетикой и способом духовного познания тормозит процесс космической эволюции и препятствует дальнейшему познанию Космоса. Поэтому новое мышление и новая система познания не смогут достичь кардинальных изменений в науке, если не включают в свое пространство такой мощный инструмент познания, как сердце, связывающее это познание с Высшим, с мирами иных состояний материи и более высоких ее измерений. Наряду с сердцем огромную роль в познании играет мысль, соединенная прочными узами с духовными сердечными центрами. Современная теория научного познания, мало касается этой проблемы, а если это иногда и случается, то исследования мысли оставляют в стороне самые существенные моменты, не проникая в глубину проблемы. В Живой Этике мы

находим понятия – мысль, мыслетворчество,мыслеобразы. Мысль, как таковая есть не только инструмент познания, но и связь с инобытием, ибо является порождением этого инобытия. Она не связана своим возникновением ни с плотной материей, ни с серым мозговым веществом, которое долгое время и даже сейчас считается причиной зарождения мысли. Ее, мысли, причина лежит в энергетическом пространстве Космоса, в его тонких и высоковибрационных процессах. Если бы это было не так, то мы бы не знали ни что такое мыслетворчество, ни что такое энергетика мысли. «Так мысль, – сказано в Живой Этике, – лишенная вибрации духа, есть явление мертвенности. Только вибрация духа может созидать»¹. «Будем надеяться, – продолжает эту мысль Елена Ивановна Рерих, – что скоро наука придет на помощь и докажет, что именно мысль питает жизнь, и потому, где мысль останавливается, там начинается процесс разложения»².

Мыслительный процесс, как таковой, был для нас несколько туманным и не совсем понятным. Мы продолжаем считать, что мыслим мозгом, что мыслительное поле находится здесь на Земле, вокруг нас. Во всем мыслительном процессе мы воспринимаем лишь результат, в то время как сам процесс скрыт для нас за семью печатями. Но, не постигнув сути процесса мышления, мы не сможем понять, что же на самом деле происходит. То, что мы узнаем в Живой Этике, удивляет нас и потрясает самим подходом к постижению феномена мысли. Мысль является не только одним из устоев космической эволюции человечества, но и необходимым, если не главным, компонентом системы познания. Не взяв в расчет особенности мысли, а также ее суть, мы не сможем сформировать новую систему познания в том объеме и измерении, которых требует новое мышление. Учение о мысли, которое мы находим в Живой Этике, так не похожее на наши представления, свидетельствует о том, что ее авторы во многом опередили современную науку в этом отношении. Из Живой Этики мы узнаем, что «Мысль есть энергия»³. Причем энергия очень высокая и тонкая, обладающая рядом важных свойств. Из тонкого состояния она может переходить в физическое, что крайне расширяет диапазон ее действия. Тонкая энергия мысли при определенных условиях может переходить в вещество. Таинственный этот процесс, происходящий в глубинах Космоса, связан с формообразовательной деятельностью, идущей в види-

---

¹ Беспредельность, 584.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 343.

³ Братство, 365.

мых и невидимых космических пространствах. «Пахтание, – сказано в Живой Этике, – есть символ Мироздания. Кто принял такой простой процесс как символ великого действия, тот, действительно, понимал соотношение между Микрокосмом и Макрокосмом. По физическому плану спиральное вращение есть основание накопления вещества, но совершенно тем же приемом действует и мысль. От Вершин до хаоса пространство напряжено спиралями сознания. Мысль спирально преобразуется в вещество, наполняя все Мироздание. Нужно понять и принять преобразование мысли в вещество. Такая спайка сохранит запас вещества, ибо мысль неистоцима. На Земле много пользы принесет сознание о материи мысли»¹. Это свойство выводит мысль в пространство творящих сил Космоса. Согласно Живой Этике, «мысль есть первопричина и венец всего творения»². Нам, с нашим уровнем сознания, крайне трудно представить себе такой механизм творения Космоса, но наступит время, когда он нам станет ясным, хотя бы в основных чертах. «Мысль есть закон Мира, – утверждают авторы Живой Этики. – Нужно понять этот закон во всей полноте. Мысль не есть только словесное выражение. Область мысли есть и область мыслительной энергии. Именно это обстоятельство упускается из виду, и мысли уделяют лишь малую распространенность. Такое ограничение мешает представить мысль за пределами планеты, иначе говоря, лишает ее величественного смысла. Мысль так же, как и мыслительная энергия, именно получает должное значение, когда понимается за пределами Земли. Нельзя ограничивать мысль сферой земною <...> Ущемление величайшей энергии служит умалению и человеческого мышления. Действительно, чем больше человек стеснит свои возможности, тем больше он отрежет себя от великого сотрудничества. Мысль должна изучаться в лучших научных учреждениях. Мысль должна быть поставлена во главу физических условий жизни»³.

Что касается «великого сотрудничества», то это сложнейший процесс, который связывает мысль пространственную с мыслью человека. Если мы ограничим мысль последней Землей, то многое для нас будет неясным. Сейчас же возникнет вопрос, является ли мысль творением человека, или она залетает к нам из каких-то таинственных глубин Мироздания? И с чем связан, в конце концов, мыслительный процесс человека? Чем мы мыслим? Живая Этика отвечает на эти вопросы: «Не

---

¹ Мир Огненный. Ч. I, 646.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 31.

³ Братство, 341.

мозговое вещество мыслит. Пора признать, что мысль рождается в огненных центрах. Мысль существует как нечто весомое и незримое, но нужно понять, что рычаг не есть горнило. Уже многие истины стучатся, но только мысль об огненных центрах может помочь правильным представлениям»¹. Под огненными центрами в этом случае подразумевается энергия огня, или высшая энергия, которая находится в ряде космических структур, в том числе и в человеке. В нем она помещается в сердце. Известно, что именно через сердце идет космический энергоинформационный обмен, главной составной частью которого является обмен мыслительным веществом. Этот обмен представляет собой бесконечный круговорот мысли в Беспредельности Космоса, где нет ни начала, ни конца. Сама же мысль не имеет ни пространства, ни времени, ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Она вечна и нерушима, она ведет Мир и вибрирует в пространстве, она есть величайшая творческая сила и двигатель эволюции. «Магнитная волна, искра электричества и мысль. Эти три путника встречаются стремящегося в Беспредельность»². Эти три вида творящей энергии составляют основу нашего Космоса, и мысль есть самое главное в этой троице, ибо она есть первоисточник Мироздания. Высшая творческая сила создала Вселенную своей мыслью.

В силу своих особенностей мысль правит одним из важнейших законов Космоса – причинно-следственными связями. Энергетическое могущество мысли приводит, – согласно Живой Этике, – в движение стихийные силы природы, которые по своей сути неподвижны и инертны и для своего развития требуют толчка мыслью. И, зная о мысли все это, мы не можем предполагать, что мысль возникла в плотном мире. Она есть могущественный представитель Высших миров, сотканной светоматерией и обладающих высокими, несравнимыми с плотным миром измерениями. Пространственная мысль влияет самым радикальным образом на низшие миры, продвигая их к восхождению и преобразению. Уровни земного мышления очень разные, от мелких незначительных дум до высоких пространственных мыслей, идущих к человеку через огненный центр сердца и несущих ему тонкую и высокую творческую энергетику. Иными словами, в сердце соединяется низкая энергетика земного мышления с высокой энергетикой пространственной мысли, которая посещает сердца высокоталантливых и гениальных индивидуальностей. Гениальность – это всегда связь с Вышним, с его пространственной мыслью. Озарения, вдохновения – это

---

¹ Мир Огненный. Ч. II, 234.

² Агни Йога, 80.

пространственная мысль, которая дарит человеку научные открытия, пророчества, гениальные стихи и новые художественные постижения. Мысленный провод тянется от земли к Высшим мирам. И только соответствующий уровень сознания человека дает ему возможность воспользоваться таким «проводом» и понять, откуда пришла мысль, или информация, такая нужная для дальнейшего развития человечества. Но на Земле таких единицы. И поэтому так важен для нас духовно-энергетический обмен, в котором принимает творческое участие пространственная мысль. «Из всех энергий тончайшая есть мысль. Можно, истинно, утверждать, что мысль переживает все. Мысль бессмертна и живет, создавая новые сочетания»¹. У мысли не только нет времени и пространства, но и нет скорости, в нашем понимании, как преодоления пространства. Она мгновенна. Иногда ее сравнивают с молнией. Однако такое сравнение, строго говоря, не корректно. В данном случае мы имеем два разных рода энергии – видимой и невидимой. Тайна и сложность последней нам пока еще недоступна. Движение этой невидимой энергии мысли происходит, как сказано, вне времени и пространства.

Если мысль – энергия, то обмен между нею и человеком имеет двухстороннее движение – мысль человека идет в пространство, и ей откликается пространственная мысль. И наоборот, мысль пространственная идет к человеку, и он откликается на нее. С точки зрения эволюционной, второй вариант более важный, нежели первый. В этом обмене особую роль играет огненная энергетика сердца. Если мысль человека послана не через сердце в пространство, то она будет пустой или, иными словами, энергетически ослабленной и, возможно, не достигнет Высшего Мира и не привлечет мыслей творческих. Это еще лишний раз доказывает необходимость синтеза энергетики интеллекта и сердца в процессе познания. «Расцвет страны, – отмечают авторы Живой Этики, – всегда творится с космическими воздействиями. Коллектив устремленных мыслей притягивает из пространства нужные наслоения явленных посылок. Клише открытий великих носят в пространстве. Те, кто могут напрячь свою психическую энергию в ритм космических энергий, те примут в сознание сокровища. Расширение сознания направит к цепи соединения всех творческих сил Космоса»². Обмен мыслями идет не только между пространством и Землей, то есть между мирами высшими и низшими, содействуя развитию низших, но и между людьми. Этот обмен более конкретен. Пос-

---

¹ Беспредельность, 798.

² Там же, 25.

ланная другому человеку злая мысль может принести тому несчастье; хорошая, исполненная энергией сердца, может помочь в выполнении задуманного. В процессе обмена мысль может быть не только созидательной, но и разрушительной. «Каждой своей мыслью, – пишет А.И.Клизовский, – положительной или отрицательной, человек открывает себя соответствующему влиянию – хорошему или плохому – и, в свою очередь, сам влияет таким же образом на других»¹.

Обращение с мыслью, заключающей в себе высоковибрационную энергию Огня, должно быть крайне осторожным, а дисциплина мышления должна сочетаться с этическими нормами и нравственными правилами. К сожалению, подобные установления соблюдаются редко, что приводит к различного рода взрывам хаоса в человеческих сообществах. И люди чаще используют, в силу своего невежества, разрушительную силу мысли, нежели созидательную.

«Осознание, что мысль вечна и непобедима, даст человечеству устремление к зарождению творческой мысли. Потому, когда мысль насыщает пространство, то устремленный Магнит ее творит. Так беспредельно цементируется пространство!»² Иными словами, творческая мысль держит собой Космос. «...Она, – сказано в Живой Этике, – может изменить карму, она может решать сроки, она открывает врата и может закрыть их. Она растит крылья оплечий. Она приближает к Миру Высшему. Она же низвергает в бездну. Явление закона покоится на мысли. Премудрость мысли есть щит и охрана от хаоса. Именно мысль властвует над яростью хаоса.

Поистине, закон Космоса незыблем, но просветлен мыслью и потому целесообразен. Понимание соизмеримости лишь научит понимать закон основной. Так всегда будем помнить мысль творящую. Аум!»³

Ни одно из явлений Космоса не обладает таким высоким потенциалом творчества, как мысль. Благодаря творчеству мысли живет и развивается Космос, благодаря же ей пространство хаоса преобразуется в Космос. «Так человечество, – утверждают авторы Живой Этики, – возносится на крыльях мыслей. Так строится эволюция»⁴. Чем выше мысль по своему содержанию, тем она сильнее. Высшая сила мысли принадлежит Высшему Разуму. Но мысль творит не только в Высших сферах Космоса, где ее сила увеличивается до размеров, непостижимых

---

¹ Клизовский А.И. Основы миропонимания Новой Эпохи. С. 69.

² Беспредельность, 798.

³ Аум, 95.

⁴ Иерархия, 105.

для нас, но и на Земле. Подобных примеров достаточно много. Тысячелетиями на Земле складывались места, которые притягивали к себе все большее и большее число паломников. Эти места массового паломничества называются святыми местами. Туда в течение многих веков шли тысячи и миллионы, неся в себе самые чистые мысли. В подобных местах остаются наслоения творческих мыслей, которые, в свою очередь, воздействуя на человека, перерождают его сознание, если внутренняя его структура уже соответствует подобному процессу. Те, кто побывали в святых местах, могут рассказать об удивительной атмосфере, царящей там, о трудноописуемом словами настроении, которое охватывает паломников, о приподнятом духе тех, кто ощущает творческую энергетику наслоений высоких мыслей. «Основа достижений лежит, – пишет Елена Ивановна Рерих, – не в механических приемах, но в преображении внутреннего человека, сфера которого лежит в мире мысли»¹.

Творящая мысль преображает мир, изменяет сознание человека и продвигает его по лестнице восхождения космической эволюции. Творческой мыслью создается эволюция и укрепляется цепь космической Иерархии. «Мы творим мыслью»², – сказано в Живой Этике. Это творчество ее авторы назвали мыслетворчеством, наиболее трудное понятие для обитателей плотного мира. Но оно существует на разных уровнях Космоса, в мирах различного состояния материи. И на каждой такой ступени мыслетворчество имеет свои особенности и свое таинственное свойство. «Ведь весь Космос, – утверждает Елена Ивановна, – строится на мысли. Все благо и все разрушения зиждятся на мысли. Мысль несет жизнь, мысль же приносит смерть. Когда же это будет понято людьми! Нет в Космосе рычага сильнее мысли, насыщенной психической энергией»³. Творчество Космоса начинается с импульса мысли. «...Каждая энергия может получить жизнь и форму только благодаря импульсу мысли»⁴, – читаем мы в Живой Этике. Космическое строительство немислимо без пространственной мысли. «Мыслить – значит утверждать формы жизни. Преддверие, явленное мыслью, всегда приведет к назначенной цели, ибо мысль царствует вечным Огнем. Недостаточно изучают мысль, которая ведет к мощи великого космического строительства»⁵. Чем выше состояние материи, тем возможности мыслетворчества шире. Если в плотном мире господствует рукотвор-

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 247.

² Агни Йога, 664.

³ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 45.

⁴ Беспредельность, 795.

⁵ Мир Огненный. Ч. III, 150.

чество, то в Тонком – мыслетворчество. От качества мысли зависит и жизнь в Тонком мире. Низшие слои Тонкого мира аккумулируют часто недоброкачественные мысли, определяющие не только существование в этом мире, но и самым явным образом влияющие на энергетику Земли. «Говорят, что Тонкий Мир далек от плотного, между тем каждый мыслительный процесс уже есть процесс Тонкого Мира. По тонкости мышления можно представить себе оболочку Тонкого Мира. Тело тонкое тоже весомо, но в тончайших мерах. Но огненное тело уже не поддается измерениям. Ученые могут помочь выявлению Тонкого Мира. Во всех областях можно проследить, что мысль умножает и другие энергии, – так получаются новые сотрудничества»¹.

Мысли из Тонкого Мира усиливают мысли в пространстве плотной материи. Человек того или иного уровня сознания придает мысли свое качество. И тогда мысль не только созидает, но и разрушает. XX–XXI века являются временем усиления самых разрушительных стихийных бедствий. Мы ищем их причины везде, но только не в собственной мысли. Последняя есть нередко первопричина таких событий. Газеты и радио сообщают нам чуть ли не ежедневно о наводнениях, землетрясениях, извержениях вулканов, о необычных природных явлениях. Мы слышим о множестве катастроф – гибели самолетов, разрушении домов, о бесчисленных автокатастрофах, затонувших в открытом море кораблях, о пожарах и множестве других бед. Эти бедствия обретают техногенный характер и зависят полностью от человека, его сознания, его неразвитого мышления. «Может ли быть потоп, смыывающий целые области? Может ли быть землетрясение, разрушающее целые страны? Может ли быть вихрь, сметающий города? Может ли быть падение громадных метеоров? Все может быть, и качание маятника может увеличиться. Не имеет ли значения качество человеческой мысли? Так пусть подумают о сущности вещей. Она очень близка мысли, и много мыслей устремлено из разных миров. Не будем винить одни солнечные пятна»².

Живая Этика, опираясь на многовековой опыт познания, разработала уникальную синтетическую систему познания, выявив в ней самые главные ее особенности, без знания которых нельзя понять те сложнейшие духовно-энергетические процессы, которые происходят в Мироздании. Понять и исследовать их сможет лишь трансформированная наука, используя все способы познания.

---

¹ Мир Огненный. Ч. III, 582.

² Братство, 250.

4. «РАЗБУДИТЬ СПЯЩУЮ МУДРОСТЬ»

Интеллект не есть мудрость. Чувствование есть мудрость, интеллект есть рассудок. Мудрость решает, потому что давно уже это решение оплодотворилось. Интеллект есть преддверие мудрости, и когда он заострен, он сливается в сферу синтеза.

Агни Йога, 508

Существование человечества очень древне, и в течение веков всевозможные искры Мудрости проливались на Землю, но каждый круг имеет свой ключ.

Е.И.Рерих

Изображение змеи с самых древних времен являлось символом мудрости, знаком проникновения в тайны природы. В Индии нить этой Мудрости, не прерываясь, тянулась через века и тысячелетия, от мифических риши и нагов она шла к создателям философских систем, от достигших совершенства Великих душ – к современным мыслителям. Тысячелетиями формировался в индийской духовной традиции институт мудрецов как уникальное и целостное явление. Время наслаивало на него мифы и легенды, которые, переплетаясь с реальностью, так срослись с ней, что подчас трудно понять, где вымысел, а где действительность.

Реально существующая «Ниламатпурана» приписывается мифическому Синему нагу, книга, созданная Нагарджуной – Великому нагу. Среди исторических мудрецов Индии были «чистые» философы, религиозные реформаторы, политические деятели. Будда и Махавира, Нагарджуна и Нагасена, Шанкара и Рамануджа, Рамакришна и Вивекананда, Ауробиндо Гхош и Махатма Ганди – такие разные по своим идеям и деятельности, были едины в своем гуманистическом устремлении осмыслить культурно-историческую эволюцию человечества, помочь человеку стать более совершенным и осознать свое место в этой эволюции.

Были мудрецы, которые нередко занимали высокое социальное положение, оставляя как бы в тени свою связь с институтом мудрецов. Можно, например, вспомнить об императоре Ашоке из династии Маурьев или об императоре Акбаре из династии Великих Моголов. В обоих случаях Власть, соединившаяся с Мудростью, дала плодотворные исторические результаты.

Живя годами в Индии, я старалась разобраться в этом мире мифологических и реальных мудрецов, найти необходимые ориентиры, схватить его суть. Удивительные слова «риши», «махариши», «махатмы» неведомой музыкой звучали в моих ушах. С годами я многое если не постигла, то узнала, и этот необычный мир, еще не обретая искомой стройности в представлениях, стал ближе и понятней, чем в моменты первых моих соприкосновений с ним. Это был чисто индийский мир, так я себе его представляла, пока не наступил тот день.

Это случилось в гималайской долине Кулу, в первые же часы моего пребывания на вилле Николая Константиновича Рериха, где он прожил около двадцати лет и где умер в 1947 году. Стоял ясный весенний день. Я спустилась по склону и наткнулась на ровную, чисто выметенную площадку. В центре площадки возвышался камень серого гранита. «Тело Махариши Николая Рериха, – гласила надпись на камне, – великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам.» Махариши значило Великий мудрец. Русский художник – и вдруг Махариши! Я знала Рериха – художника, Рериха – ученого, но Рерих – Великий мудрец мне не был знаком. В моем представлении возникла какая-то гипотетическая абстрактная область, где произошло неведомое мне соприкосновение русской и индийской духовных традиций и в которой русский художник Рерих сыграл, видимо, очень важную роль. Но прошло немало лет, пока эта область не стала для меня реальностью и из абстракции не превратилась в нечто вполне конкретное.

История мудрецов Индии начинается с древних мифов и сказаний. Мифы рассказывают о многих событиях, связанных с мудрецами-риши и, в частности, повествуют о Великом потопе. Прародитель теперешнего человечества Ману, спасая, подобно библейскому Ною, «каждой твари по паре», прежде всего позаботился о мудрецах. Будучи настоящим индийцем, Ману не мог себе представить слепопотопный мир без мудрецов. Семь божественных риши первыми взойшли на корабль, влекомый огромной рыбой по бурным волнам расходящейся стихии. Сакральное созвездие Саптариши, или Семи мудрецов, по-нашему Большой Медведицы, сверкало на небе и указывало путь кораблю. После того, как сошла вода Великого потопа, семь могущественных мудрецов, познавшие тайны природы и способные управлять ее силами, приняли самое активное участие в жизни богов и людей. От семи божественных риши, как утверждает мифологическая традиция, пошли все мудрецы Индии, вплоть до живущих ныне. Один

из древних литературных источников Индии «Шатапатха брахмана» называет их имена: Готама, Бхарадваджа, Вишвамित्रа, Джамад-agni, Васиштха, Кашьяпа, Атри. Правда, на страницах эпической «Махабхараты» мы встречаем иные имена: Маричи, Атри, Ангирас, Пулаха, Крату, Пуластья, Васиштха. Если существует расхождение в именах мудрецов, то количество их всегда остается постоянным – семь. Эти семь первых риши обитали на золотой горе Меру, стоявшей в центре Земли и Вселенной. Они составили священные Веды, передали людям священный огонь, основали жреческий род, создали космогоническое учение, изобрели музыкальные инструменты. Иными словами, выполнили роль тех, кого мы называем культурными героями, или основателями духовной традиции.

Последующие поколения мудрецов продолжали традиции своих предшественников. Они создавали священные книги, просвещали народ и устанавливали этические нормы. Имена мудрецов передавались из поколения в поколение, на площадях у храмов и на узких деревенских улицах сказители пели об их деяниях и высоких достоинствах. Вереницы паломников тянулись к тем местам, где жили и творили мудрецы. До сих пор в Индии живы культы, связанные с мудрецами. На один из них я и наткнулась во время странствований по Гималаям.

Традиция мудрецов не была исключительно явлением индийским. Ту же традицию мы находим и в Китае. И, так же как в Индии, китайская философия ведет свое начало от полумифического, полупоэтического, совершенно мудрого государя Фу-Си, знаком которого также была змея. Известно, что первый системный вид мышления человека на планете Земля был мифологическим. Он отличался от последующих видов мышления целостностью, или синтетичностью, образностью и богатейшим набором Знания, расшифровать которое полностью нам до сих пор не удалось. Мыслеобразы этого Знания были мудры, их истинность до сих пор не опровергнута, и многослойность этого Знания до сих пор повергает нас в состояние удивления и восхищения. Мифология была первоисточником всех наших теперешних знаний и нашего творчества. Вне зависимости от пространства, в котором она существовала, мифология была пронизана космологией и не мыслила человека вне Космоса. И на основании всего этого мы можем утверждать, что мифологическое мышление есть изначальное космическое сознание. Человек с первых веков своего существования ощущал себя космическим субъектом, имеющим прямое отношение ко Вселенной и процессам, которые в ней происходили. Уже в самый ранний период он знал

через мифологию о других мирах и Высших Силах, которые действовали в бесконечном пространстве, его окружавшем. Он научился строить дома, учитывая космические закономерности, он стал мастерить одежду, нанося на нее космические знаки, и поклоняться могуществу сил, находящихся над ним, в надземном пространстве. Там он помещал Космос. Он считал Космос не мертвой пустотой, а живым, разумным и творящим. Самое раннее искусство носило сакральный характер, где космические сюжеты нашли яркое выражение. И, самое главное, мифология несла не только Знание, но из ее глубин вышла и Мудрость, в познании этого Знания олицетворенная мудрецами. Мудрецы мифологические эволюционировали в исторические персонажи, которые в значительной мере могли, постигая мифологическую мудрость, придать ей форму мысли, доступной многим, стремящимся к познанию. И как мифологические мудрецы, так и исторические были связаны с Высшим, из которого шла нужная им информация. Один из великих китайских мудрецов говорил по этому поводу: «Передаю, но не творю»¹. Вряд ли стоит сомневаться в том, что метод передачи, или свидетельства, действовал в течение всей истории человечества и действует до сих пор. Первая волна мудрецов-мыслителей на исторически обозримом отрезке времени появилась в Индии, Китае и Греции одновременно и инициировала Духовную революцию в середине I тысячелетия до нашей эры. «Это была поистине удивительная эпоха, когда служившее достоянием лишь немногих избранных потаенное знание, – пишет известный востоковед И.С.Лисевич, – внезапно выплеснулось наружу, рождая новые учения и религии, когда словно великое озарение коснулось лучших умов человечества, и, сделавшись Учителями, они повели за собой других. Пифагор в греческих полисах Италии, Будда и Махавира в Индии, Лао-Цзы и Конфуций в Китае, все они провозгласили тогда учения, просуществовавшие тысячелетия и во многом определившие будущую историю человечества»². Их духовные учения были космичны, как и сама мифология, связаны с Высшей областью Мироздания и несли в себе мудрость знания, его эволюцию и расширение его доступности. Духовная революция XX века нашей эры в значительной степени была похожа на ту, прошлую, и заключала в себе тот же эволюционный смысл, а именно – мудрость Знания. Она не охватывала сразу такое большое пространство, как та, и была сосредоточена в России, где для нее имелись соответствующие условия. Так же как и тогда, в I тысячелетии до

---

¹ Из книг мудрецов. М., 1987. С. 9.

² Там же. С. 6–7.

нашей эры, появились одновременно великие философы Серебряного века, великие ученые и художники. Духовная революция России проникла глубже в существо Знания, несла в себе новое космическое мышление, новую систему познания и была, как и та, предыдущая, связана с Высшей Мудростью и открытием тайных знаний.

Все это нашло свое выражение в Живой Этике, которую можно определить как Учение Космической Реальности. Опираясь на достижения современной науки, Мудрецы и Учителя, управляющие нашей эволюцией, выдвинули новый и такой необходимый для нас план – слить или превратить существующие методы познания в более широкую систему – мудрость. Мифические наги, фараоны Египта, легендарный Фу-Си и немало других несли на себе символ мудрости – змея, или, точнее, раздутый капюшон кобры, иногда с несколькими головами. В этом символе сливаются два понятия: мудрость и посвящение. Впрочем, их всегда считали синонимами. «Урей (змей. – Л.Ш.) – священный символ, – пишет Е.И.Рерих, – изображающий голову кобры, носимый на головном уборе посвященными и фараонами Египта, также украшающий богов Индии. Так, урей есть символ Посвящения и скрытой мудрости. Змий всегда был символом мудрости, и древние мудрецы Индии назывались нагами. Урей также означает космический Огонь»¹. Существуют выражения «мудрость змеи», «мудрый как змей» и другие подобные определения. Некоторые понимают буквально: змей мудр. Но никто эту мудрость у змеи не проверял. Этот символ связан не со змеей-нагом непосредственно, а имеет отношение к совершенствованию человека, как такового, и изменению его энергетики. Изменение же энергетики происходит в результате расширения сознания. Спираль потенциального сознания в индийской философии называется кундалини. В процессе совершенствования эта спираль, похожая на змею, постепенно поднимается и достигает определенных энергетических центров. В случае посвящения или расширения сознания она достигает высшего энергетического центра человека и образно поднимается над его головой, свидетельствуя о достижении состояния мудрости человеком, проходившем стадии совершенствования или посвящения. Символический капюшон кобры или нага свидетельствует о том, что человек достиг высшей мудрости в познании и овладел тайными знаниями, доступными только ему. Мудрость, как главный путь познания, есть самая суть Духовной революции. Путь этот дол-

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 502.

гий и трудный. Мудрость открывает себя постепенно, соответствуя уровню сознания и способности вмещения самого человека. В I тысячелетии до н.э. определенная волна мудрости пошла через ее вестников – мудрецов, расширив познавательные возможности человечества. В XX веке этот процесс значительно расширился и проблема перехода от привычных способов познания к мудрости приобрела небывалую остроту. Накопленные знания требовали нового подхода к их объяснению и созданию новой системы познания, основой которой являлась именно мудрость. Авторы Живой Этики сформулировали кратко этот сложный процесс – «Разбудить Спящую Мудрость». Мудрец достигает расширенного космического сознания, которое становится источником Истинного и Реального Знания. Без мудрости не укрепить нового мышления и не создать истинную систему познания. Слову «мудрость» мы нередко придаем, я бы сказала, чисто бытийное значение, упуская из виду суть этого важнейшего в космической эволюции явления. Мы часто называем мудрыми людьми тех, кто нам дает правильные советы, которые приводят нас к желаемому результату. Мы путаем нередко, а иногда сплошь и рядом мудрость и опыт, мудрость и практический ум и многое другое, что не имеет отношения к подлинной мудрости как эволюционному явлению. Удивительно, но факт: в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.Даля, созданном еще в 1863–1866 годах, дается трактовка мудрости, очень близкая к той, которую мы находим в Живой Этике! «*Мудрость* свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства»¹. И еще несколько определений, связанных с мудростью: «*Мудреть*, делаться мудрым, умнеть и добреть, извлекая из ученья и опыта высшие истины»². «*Мудрец* – философ, мудрый муж; человек, достигший ученьем, размышлением и опытностью до сознания высших житейских и духовных истин»³. Из этих определений мы узнаем, что мудрость есть явление знания духа и уровень его познания много выше, нежели эмпирического или интеллектуального и превышает по своему качеству иные способы познания, находящиеся в духовном пространстве человека. «Поверх воли, основанной на житейском опыте, – отмечает Живая Этика, – выявляется иная глубокая мудрость, таившаяся в глубинах сознания. Если человек соприкасается

---

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 355.

² Там же. С. 356.

³ Там же.

с Высшим Миром, то касание это совершается не в области напряжения воли, но именно путем глубины сознания, где сгущается чистая всена начальная энергия <...> Мыслитель упоминал о двух сущностях в человеке – разуме и мудрости»¹. Мудрость, как утверждают Учителя, связана непосредственно с сознанием и свидетельствует о его расширении. Разум и мудрость есть две, связанные друг с другом, ступени познания, причем мудрость из них наивысшая. Мудрость – это явление инобытия, или материи Высшего состояния и измерения. Без контакта с Высшим мудрость не может сложиться, не может проявить себя. Вся история развития человеческого знания содержит в себе процесс формирования мудрости как высшей формы познания. Исключение составляет лишь эмпирическая наука. Поэтому, решая проблему новой науки и новой системы познания, Учителя обращают свое внимание на мудрость, достижение которой качественно изменит систему познания, как таковую. Ибо лишь мудрость познает реальность Мироздания как систему миров различных состояний материи, а не интеллект.

Новая система познания должна содержать в себе возможности перехода к мудрости как основного способа познания. Но интеллект при этом не упраздняется, ибо, являясь преддверием мудрости, он остается частью того тотального синтеза, на котором вырастает мудрость, как способ познания. В этом синтезе важнейшую роль играет сердце, его психическая энергия, качество мышления, которое в нем присутствует, и, конечно, в первую очередь, его синтетические свойства. Путь к мудрости пролегает через сердце. «Кто любит цветы, тот на пути сердца. Кто знает устремление ввысь, тот на пути сердца. Кто чисто мыслит, тот на пути сердца. Кто знает о Мирах Высших, тот на пути сердца. Кто готов к Беспредельности, тот на пути сердца. Так будем звать сердца к познанию Источника. Правильно понять, что сущность сердца принадлежит как к Тонкому, так и к Огненному Миру. Можно осознавать миры в сердце, но не в уме. Так мудрость противоположна уму, но не запрещено украсить ум мудростью»². Украшение ума мудростью – краткая фраза, содержащая всю сложность процесса синтеза, в котором участвует энергетика человека и Космоса и обретается мудрость в качестве главного способа познания в новом космическом мышлении.

«Ничто так медленно не накапливается, как синтез», – пишет Е.И.Рерих. Каждый человек несет в себе многие накопления, в которых спит неосознанная им мудрость, неосозанный им синтез. Муд-

---

¹ Надземное, 270.

² Сердце, 390.

рости нельзя научить, но ее можно разбудить, если в человеке происходит процесс синтеза накоплений, приводящий к моменту озарения духом, которое и является импульсом для возникновения мудрости или для ее пробуждения. Синтез накоплений идет тысячелетиями, рождение мудрости на его основе происходит в течение нескольких часов. Мудрость – это не знание интеллекта, а знание Духа. Интеллект – явление земное, проходит в плотном мире долгую физическую эволюцию. Вспышка озарения мудростью, преобразующая внутренний мир человека, есть явление инобытия. Мы оказываемся в наше время свидетелями и участниками интереснейшего процесса – синтеза познания земного и инобытийного, выплавляющего новый способ познания – мудрость, или пробуждающего спящую мудрость. При этом следует напомнить, что мудрость как способ познания существовала с древности, озаряла очень немногих и ценилась, как говорится, на вес золота. В существующей системе познания мудрости пока не нашлось места, интеллект – явление материального мира, занял господствующее положение. Если этот перекося не исправить, то неизбежен будет кризис научной мысли и научного познания.

В понятие мудрости входят такие этические моменты, как любовь и забота об Общем Благе. Через мудрость идет в науку и высокая нравственность. Первыми Учителями человечества были мудрецы, а не ученые. И чем выше оказывалось их положение в космической иерархии, тем выше становилась их мудрость. Каждое время, каждый круг имеет свой ключ. Ключом нашего времени является мудрость не только для немногих избранных, а для всех тех, кто занимается проблемами знания и познания. Мудрость создаст новую науку и новых ученых, но это случится не скоро. Живая Этика и в этом отношении обгоняет наше время, расставляя на нашем трудном пути сверкающие маяки. Используя древнюю мудрость, мы должны также осознать, что уровень современной мудрости будет другим, ибо за ней будет стоять не только духовное знание, но и накопления эмпирической науки, самые яркие и выдающиеся достижения которой останутся в новой системе познания космического мышления. «Только мудрость и мужество, – сказано в Живой Этике, – помогают понять всю ответственность на пользу всего человечества»¹. Мудрость не только знание, но и действие во имя этого знания. В самой первой книге Живой Этики, которая называется «Зов», Учитель наставляет своих учеников – Николая

---

¹ Надземное, 175.

Константиновича и Елену Ивановну Рерихов. И тема мудрости, начинаясь с этих наставлений, проходит через все книги Учения. «Явить мудрость надо – о действии Говорю»¹. И еще: «Нужно согласиться во многом, чтобы мочь претворить мудрость в реальность каждого дня.

Мыслитель не забывал указывать, что для земного путника – один путь, но над ним – мириады путей»². Время формирования нового космического мышления претворяет мудреца в делателя, в творца. Мудрость творчества, или творческая мудрость, должна стать одним из важнейших моментов в новой системе познания. Мудрая деятельность Рерихов служит тому ярким примером. Николай Константинович Рерих за свою жизнь провел немало мудрых действий, носящих эволюционный характер. Его искусство также было особым действием. В нем он отразил глубокие и важные идеи Живой Этики. И, конечно, тема мудрости и мудрецов нашла в нем свое достойное место. В 1924 году, в Сиккиме, он написал большую серию картин, названную «Знамена Востока», в которой мы видим мудрецов и древних и современных. Возникает вопрос, почему Рерих взял сюжеты Востока. Но известно, что Восток – колыбель древнейшей культуры на планете, откуда пошли философские учения, религии и где появились первые мудрецы. Серия «Знамена Востока» представляет мудрость во всем ее богатстве – через «знаменосцев» и духовные процессы, к которым эти Великие имели непосредственное отношение. Будда и Цзон-Капа, Нагарджуна и Миларепа, Падма Самбхава и Дордже, Конфуций и Лао-Цзы, Христос и святой Сергей, Моисей-водитель и Мухаммед. И весь сонм исторических мудрецов венчает «Дозор Гималаев» – Учителей и Иерархов, до сегодняшнего дня держащих в своих руках бесконечную цепь космической мудрости. Это те, кто будит на планете Земля спящую еще Мудрость. «Спящая Мудрость, – отмечают они, – так называются наслоения наблюдений за многие жизни, сложенные в глубине сознания. Можно было бы произвести замечательные опыты, узнавая, когда человек черпает из своего хранилища познания <...> Но среди духовных странствований человек накапливает свой груз, который хранит среди своего сознания <...> Спящая Мудрость отмечалась уже в глубокой древности, когда вопросы духовного воплощения разумно понимались»³.

Теперь Мудрость, как пепел Клааса, «стучит в наши сердца», требуя реализации в наступающей эпохе нашего нового эволюционного витка.

---

¹ Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов. 26.06.22.

² Надземное, 290.

³ Братство, 152.

5. «МОСТ НАД ГРЕМЯЩИМ ПОТОКОМ»

Время грозное, но прекрасное. Время завершения и строительства. Время высшего напряжения и земной битвы. Время, слагающее великую страницу и складывающее великое будущее.

Е.И.Перих

Во все времена, непрерывно, Учение Жизни проливается на Землю. Невозможно представить себе земное существование без этой связи с Невидимым Миром. Как якорь спасения, как свет ведущий, укрепляет Учение продвижение среди тьмы. Но среди ливня Благодати, как в морских волнах, можно усмотреть ритм с особыми разрешительными нарастаниями, – тогда появляются Учения. Так можно уяснить ритм всего мира сего с нарастанием и нырянием, словом, начертить эволюцию Сущего.

Сердце, 17

...Без ведущего Начала вся человеческая эволюция задержалась и растянулась бы на бесконечные века. Потому для ускорения так необходимы, именно, книги Учения, в которых собраны в сжатых формулах все знания, накопленные веками глубоких, многосторонних опытов. В книгах Учения вдумчивый ученик найдет ответ на самые сложные проблемы жизни, освещенные со многих сторон, так же, как и много современных конкретных утверждений по всем отраслям науки. И правильный подход к науке может быть лишь после твердого, всестороннего усвоения Учения.

Е.И.Перих

Учение есть лишь открытие занавеси театра. Как чудесно быть исполнителем мировой мистерии.

Озарение. 2, II, 8

Космическая эволюция в Беспредельности имеет свои циклы, обусловленные энергетическими процессами, идущими в Мироздании. Если представить себе Мироздание как бескрайний океан различных состояний материи и энергетических вибраций, то вздымающиеся и опускающиеся волны будут являться циклами, сменяющими друг друга в ходе продвижения эволюции. И подобно тому, как волновое

движение вверх–вниз есть главная форма пути продвижения, так же и качество циклов несет на себе отпечаток явления «вверх–вниз». Это «вверх–вниз» на разных уровнях смены циклов находит свое конкретное выражение: расцвет – упадок, объединение – разъединение, невежество – знание и т.д. Также и сменяющие друг друга эпохи отражают в себе качества продвижения эволюции. Но было бы ошибкой представлять, что в самом явлении «вверх–вниз» не происходит никаких качественных изменений. Если бы это было так, то никакого продвижения не было бы, а волны Мироздания скорее бы напоминали маятник, который, меняя свое положение, остается фактически на том же месте. В случае с космической эволюцией каждая волна «вверх» фиксирует энергетически свое состояние и следующий ее подъем будет выше предыдущего. В отличие от земного океана, где волны движутся в горизонтальном направлении, волны космической эволюции постепенно набирают высоту, как это делает путник в горах, устремленный к вершине. Несмотря на спуски, которые он преодолевает на своем пути, каждый его подъем будет выше предыдущего. Чередование подъемов и спусков вырабатывает определенный ритм в движении к вершине, который облегчает ее достижение. Но вместе с тем нужно отметить, чем продолжительней спуск, тем труднее последующий подъем. XX век, который по своим историческим особенностям повторял период первого тысячелетия до нашей эры, находился, если образно выразиться, в пространстве преодоления подъема, со всеми вытекающими из этого состояния последствиями. Иными словами, переход на более высокий эволюционный виток был сопряжен с естественным обострением всех противоречий, заложенных в этом подъеме. Увеличивалось качество положительных явлений, но и возрастала сила негативных, чем ярче становился свет, тем более сгущалась тьма, тем сильнее и беспощадней делалось их противостояние. Чем больше было устремление одних вверх, тем сильнее другими овладевала тяга к легкости спуска. XX век оказался в той критической точке времени, в которой решался исконный вопрос для человечества – «быть или не быть». Диалектика этой точки и самого вопроса давала верное представление о происходившем в ней эволюционном процессе. В этой точке сошлись явления Новой Эпохи и отживающие особенности мира старого. В древней индийской философии уже давно были определены особенности циклов «вверх–вниз» как переход от Кали Юги (Эпохи Зла) к Сатъя Юге (Эпохе Справедливости) и исследованы трудности подобного времени.

Авторы Живой Этики определяют суть переходного времени. «Время редчайшее, время грозное, время решительное!»¹ – отмечают они. «Как грозно новое время, как прекрасно новое время!»² И еще: «Очень серьезное время, события нарождаются. Так напряженность времени может создать новую ступень. Очень трудное время. Всегда перед Светом тьма застигает горизонт»³. Все основные противоречия сошлись вместе. Самое высокое творчество оказалось возможным для такого времени, и самые низкие инстинкты в то же время охватили невежественные слои нашей Планеты. «“Кровь, кровь”, – вопят на Западе и на Востоке. Небывалое время! Спасительный Огонь невежественно превращается в пожирателя!»⁴ Последнее замечание крайне важно и связано с новой энергетикой Огня, которая направляется из Космоса на Землю. Каждой космической энергетике должен соответствовать определенный уровень сознания. На Земле сложились исторические условия так, что сознание большинства не соответствует тонкой энергетике Огня. В результате созидательная мощь этой энергетики на Земле все чаще и чаще превращается в разрушительную силу пожаров. Мы ищем и находим физические причины частых пожаров, которые каждый день обжигают планету. Но забываем о космических причинах подобных событий, которые лежат поверх земных. «Нужно наблюдать явления космические в связи с жизнью земной. Много сопоставлений будут очевидны»⁵, – сказано в Живой Этике. «Прикосновение к огню (к энергии. – Л.Ш.) уже дает особую ткань, которая сияет кверху, но испепеляется вниз»⁶. Условия космической эволюции разделили плотный мир Земли на две части – мир верхний и мир нижний, мир высокого сознания и низкого, мир невежества и мир Знания, мир старый и мир нарождающийся, новый. В Живой Этике, в связи с этим, приведен очень яркий пример. «Время очень величественное! Помните, пока Моисей на горе готовил скрижали, народ внизу предавался безумию»⁷. И далее: «Мудро нужно понимать последнее столкновение двух миров, уходящего и нарождающегося. Можно видеть знаки безумия первого и смелость второго. Как давно указывал о делении Мира; так можно видеть, насколько раскол уже начался. Понять нужно,

---

¹ Беспредельность, 358.

² Там же, 429.

³ Там же, 577.

⁴ Мир Огненный. Ч. I, 14.

⁵ Там же, 395.

⁶ Мир Огненный. Ч. II, 280.

⁷ Иерархия, 301.

насколько приблизилось решительное время, и тем сплоченнее нужно встретить его»¹. Время необычное и суровое востребовало героев. «...Творите героев – так заповедано»². Ибо только они, действующие в различных областях человеческого творчества, смогут преодолеть все трудности и выйти к Новой эпохе и новому человеку.

«Устремитесь в будущее, – призывает Живая Этика. – Нужно принять текущее время, как мост над гремящим потоком. Не нужно привязывать сознание к кривым условиям, они лишь хворост на мосту. Обычно людские несчастья происходят лишь в силу задержки внимания на преходящие толчки, которые нужно миновать. Каждый водитель стремится лишь не задержаться»³. Мост этот не всегда надежен, но другого пути нет. Ибо только он соединяет идущих и устремленных с Новым миром, новым мышлением, новым человеком, новой наукой и новым знанием, с новым синтезом, новым расширенным сознанием, с иными мирами. Он ведет от «ослепления Землей» к Беспредельности Космоса. Словом, ко всему тому, что знаменует собой новый виток космической эволюции человечества, устремляющий человека к радикальным изменениям, преобразению «человека разумного» в «человека духовного», шестого энергетического вида. Мост раскачивается, времени осталось мало. Внизу гремит страшный поток хаоса, вот-вот вспыхнет обжигающий огонь, и полки тьмы сокрушат все пути эволюции. «...Вперед, вперед, только вперед и без оглядки»⁴, – пишет Елена Ивановна Рерих. И это «вперед, вперед», которое так немногие осознают и понимают, есть знак нашего времени, в котором мы живем, не ведая грозящей опасности, не чувствуя необходимости как можно скорее последовать Зову: «Вперед, вперед, только вперед и без оглядки».

Живая Этика, плод сотрудничества Учителей и русской женщины Елены Ивановны Рерих, возникла в самый критический момент нашей эволюции, чтобы дать возможность человечеству убедиться в этом «вперед и без оглядки». Но пассивность и инертность его нижнего слоя и зараженность умов отжившими традициями в среднем пространстве оставляют нам мало надежды. И, несмотря на то, что почти каждый день горят в небе самолеты, вспыхивают пожары, люди умирают, вдыхая загрязненный и радиоактивный воздух, гибнут леса – зеленый щит планеты, сотни и тысячи ни в чем не повинных исчезают с лица земли,

---

¹ Сердце, 158.

² Мир Огненный. Ч. I, 555.

³ Сердце, 385.

⁴ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 490

сраженные взрывами террористов и выстрелами неизмеримо расплывшихся преступников, не говоря уже об остальном, призыв «вперед, вперед» так и остается не услышанным, а космическая концепция Живой Этики о неразрывной связи человека и природы по-настоящему до сих пор не понята. Но так или иначе Живая Этика была передана человечеству через Россию для того, чтобы стала понятна эволюционная ситуация на Земле и были бы ясны цели, стоящие перед человечеством. За Учителями, создавшими Живую Этику, стояли космические силы еще более высокого порядка. «Учение, – сказано в Живой Этике, – явление особым путем, тоже единое, но неповторенное, к той же цели, но в новом полете, явное и незримое. Так можно определить ступень Нового Мира»¹. И еще: «Истоки Учения вне пределов человеческих. Истина написана в Беспредельности, но каждый день она открывает новый иероглиф своей вечности»². Иными словами, Живая Этика есть результат творчества космических иерархов, помогающих человечеству. Живая Этика, появившаяся в самый переломный момент космической эволюции человечества, есть ярчайшее выражение этой помощи. Связь с Высшим есть один из важнейших моментов в концепции Живой Этики. Эта связь обуславливает правильное направление не только в теории познания, представленной в Учении, но и верный путь самой эволюции. Ибо без учета Высшего инобытия, которое составляет с плотным миром единое целое, невозможно познать Истину, невозможно понять движущие силы эволюции. Сотрудничество и связь с Высшим делает возможным участие человека в космическом творчестве, столь необходимым для его продвижения к вершинам эволюции. Другим важнейшим моментом Живая Этика полагает Знание. Известно, что Знание было и остается главным условием развития человека, как такового, и самого человеческого общества. «Учение почитает Знание, иначе оно есть тьма. Явление в жизни Учения происходит не среди выдуманных обрядов, но по основанию опыта»³. Живая Этика не имеет никакого отношения к так называемой мистике, а основывается на разуме, логике и опыте. Она приближает «нравственные понятия к реальным высшим силам»⁴, одухотворяя знание и науку. «Пусть правитель покажет первый уважение к науке. Ибо часто именно правитель не считает себя обязанным преклониться перед знанием.

---

¹ Община 1926 (Рига), 260.

² Братство, 283.

³ Агни Йога, 404.

⁴ Аум, 413.

Через знание вновь войдет осознание Мира Высшего. Нет иного пути»¹. «Пусть ученые найдут в себе решимость не отрешаться от того, что им в данное время не известно»². Сознание есть фундамент системы познания, которую мы находим в Живой Этике. Чем выше сознание читающего, тем большие глубины ему открываются в Учении. Человек, не обладающий достаточным сознанием, при определенных усилиях, соприкасаясь с текстом Живой Этики, получает возможность изменить сознание свое к лучшему. Здесь нет никакого волшебства или колдовства. Все дело в энергетике, которая заложена в любом предмете творчества, соприкасаясь с которым, мы меняем в процессе энергоинформационного обмена свою энергетику, временами к лучшему, а иногда и к худшему. Энергетика Живой Этики, созданная Учителями и Рерихами, будет менять энергетику читающего к лучшему, а соответственно, и повышать его сознание. Этому в значительной мере содействует и тексто-смысловая структура самого источника. «Учение растет спирально, как и все сущее»³. И еще: «Спиральная структура заложена во всех токах; то же спиральное строение нужно видеть во всем бытии. Возьмем пример познания Учения. Кто пробовал Учение однажды, от такого прочтения не будет пользы. Только перечитывая его, можно заметить спиральное строение. Учение как бы возвращается к тем же самым предметам и почти касается их. Но спираль тока проходит ввысь и несет новое зерно сознания. Огненное сознание утверждает нестираемое познание»⁴. Каждая книга Живой Этики оказывает воздействие на определенный энергетический центр, повышая его потенциал. «Учение преображает сознание»⁵, – сказано в Живой Этике. «Считаю, пружина сознания утонченного утвердится явленным Учением»⁶. Изменению сознания, его расширению Живая Этика придает особое значение как одному из главных условий в продвижении человека по лестнице космической эволюции. Познание, как таковое, не может развиваться, если сознание остается на низком уровне. «Невозможно войти в Новый Мир старыми методами, – пишет Е.И.Рерих, – потому так зову к перерождению сознания <...> Вот это перерождение сознания и есть главная цель Учения “Живой Этики”»⁷.

---

¹ Аум, 228.

² Братство, 216.

³ Агни Йога, 413.

⁴ Мир Огненный. Ч. II, 360.

⁵ Там же, 356.

⁶ Агни Йога, 621.

⁷ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 417–418.

Именно Живая Этика со всей присущей ей определенностью поставила вопрос о синтезе как магистральном пути познания. «Пределы знания расширяются. Между отраслями науки создаются новые взаимоотношения. Многое, недавно казавшееся разделенным, теперь оказывается растущим из одного корня»¹. И еще: «Строительство новых оснований будет заключаться в утверждении равновесия, в установлении координации между наукой, искусством и жизнью»².

Размышляя о синтезе, можно отметить ряд интереснейших явлений. Древнейшее мифологическое мышление представляло собой образную целостность или синтез различных знаний, распавшихся затем на отдельные области знаний и на различные способы познания. XX век вновь вернулся к синтезу, но на более высокой ступени. Закон космических циклов «вверх–вниз–вверх» здесь нашел подтверждение. Древний синтез, сменившийся дифференциацией, вновь обрел или, скорее, обретает завершение в синтезе новой системы познания XX–XXI веков. Но современный синтез, естественно, по многим параметрам отличается от древнего уже потому, что изменился сам человек. Трудно сказать, в лучшую или худшую сторону, но он стал другим. И это очень важно, ибо любой синтез, в какой бы области человеческого творчества он ни происходил, идет через сознание и внутренний мир человека. Поэтому так важны те личности, в которых воплощается синтез, подчас вопреки самым трудным обстоятельствам: они готовят новую эволюционную ступень в развитии познания. «Синтез настолько широко охватывает сущность, что отрицание чуждо синтетическому уму»³, – отмечает Живая Этика. Отсутствие отрицания есть одно из важнейших условий продвижения и развития новой системы познания. История Знания шла от тайного к явному, от скрытого знания к открытому. Тайное или явное в пространстве Знания мерялось сознанием человека на той или иной его исторической стадии. Мудрое сокрытие знания и владение им узким кругом избранных обеспечивало сохранность этого знания и уберегало его от нападков невежества, которого в любом историческом периоде было предостаточно. Но тайну Знания нельзя хранить вечно. Мир менялся, менялось отношение к тому или иному Знанию, и постепенно тайное становилось явным. Но каждый цикл открытого Знания имел свою особенность – Знание, пущенное в мир, в той или иной степени опережало время. За этим

---

¹ Аум, 316.

² Мир Огненный. Ч. III, 93.

³ Аум, 501.

стояла энергетическая особенность развития самого Знания. Если бы опережение отсутствовало или, более того, наблюдалось отставание в открытии сокровитного, то диалектика развития Знания была бы нарушена, Знание утратило бы ведущее начало и потеряло смысл.

Живая Этика открыла для многих значительную часть скрытого от нас знания. Полагаю, что этому процессу в большой мере содействовало интенсивное развитие науки и тот «научный взрыв», через который прошел XX век. «Спросят: “Как назвать метод Учения?” – Метод открытия путей»¹. Этот метод, который пронизывает всю Живую Этику, дает возможность расширить пространство ее внедрения до самых широких кругов различных народов и стран. «Много оккультных книг, но большинство из них не может быть полезно сейчас. Причина главная в том, что они всюду предпосылают лишь каких-то особо избранных. Но Наше Учение имеет в виду всех, всех, всех! Лишь эти зовы ко всем могут заменить отвлеченную этику Учением Жизни»². Одни из оккультных книг, в связи с развитием Знания, утратили свое значение, другие попросту оказались вредными, ибо были написаны людьми малосведущими. Живая Этика многое расставляет на свои места. Обладая значительной научной основой, она, в действительности, открывает путь к подлинному знанию, указывает направление его развития и объясняет важнейшие процессы эволюции, идущие в Космосе и на планете Земля. И, конечно, говоря о таком уникальном источнике, мы не можем не остановиться на его Создателях. Живая Этика называет их Братья человечества или Старшие Братья человечества. Это современное понятие вмещает все мифологические определения, существовавшие многие века на Земле, – мудрецы, культурные герои, божества и другие. Трудности переломного периода, сложность перехода на новый эволюционный виток, заставили тех, кто называют себя Старшими Братями человечества, объявить себя реально существующими. Старшие Братья человечества есть олицетворение того Высшего, которое ведет человечество по ступеням эволюционного восхождения. Труд этот даже для высоких сущностей крайне тяжел и опасен. «Мы поднимаем человечество, – свидетельствуют Старшие Братья, – из состояния низшей сферы в сферу беспредельной мысли. Ограничение заключает дух в ту замкнутую цепь, которая так уничтожает лучшие космические течения. В беспредельной мысли заключается все космическое действие, и Фохат творит из Материи Люциды. Поучительно

---

¹ Община 1926 (Рига), 259.

² Сердце, 155.

знать, что самый огненный процесс может быть достигнут духом, и трансмутация огней устремляет к дальнейшему процессу. Так цепь проявлений устремлений утверждает беспредельный мир совместного творчества»¹. Здесь описан сложный процесс перехода человечества, в ходе эволюции, из состояния плотной материи в высшее состояние мыслительной светоматерии, из грубой низковибрационной энергии в тонкую высоковибрационную. Это может быть достигнуто лишь совместным творчеством высшего и низшего. И Учителя, каковыми и являются Старшие Братья человечества, испытывали и испытывают большие затруднения в объяснениях энергетических процессов космической эволюции. Эти затруднения начались у них с XIX века, когда они через Е.П.Блаватскую вошли в общение с группой европейцев, уровень сознания которых был ниже необходимого для успешного контакта. В одном из писем Старший Брат человечества писал: «Тогда поистине, или вам не удалось понять смысл, данный мною, или же я должен быть порицаем. Должно быть, я оказался очень неудачным в передаче истинного смысла и вынужден признать мою неспособность описать *неописуемое*»². Стоит обратить внимание на корректность письма и его деликатность по отношению к очередному европейскому грамотею. «Я не хочу вас обескураживать, но лишь обратить ваше внимание на те ужасающие трудности, встречаемые нами при каждой попытке, которую мы делаем, чтоб пояснить нашу метафизику Западным умам, даже среди наиболее интеллектуальных. Увы, друг мой, вы так же неспособны усвоить наш способ мышления, как и переварить нашу пищу или же насладиться нашими мелодиями»³. В XIX веке часть разъяснительной работы взяла на себя Елена Петровна Блаватская, в XX веке – Елена Ивановна Рерих. Ее эпистолярное наследие – уникальный источник, позволяющий понимать сложнейшие моменты, содержащиеся в Живой Этике. Учителя высоко ценили помощь Елены Ивановны в процессе передачи Знаний и понимали, какой необходимой она была для них. В то же время тяжелая работа самих Братьев человечества не могла быть оценена мерами земными. Они стояли на дозоре космической эволюции человечества и содействовали ему в преодолении «моста над гремящим потоком», Высшее вело низшее. И не было в Космосе работы тяжелее и сложнее. Если в предыдущие века Учителя действовали, не открывая себя широкой

---

¹ Беспредельность, 191.

² Чаша Востока. I. Письма Махатмы. Нью-Йорк, 1925. С. 242.

³ Там же. С. 243.

аудитории, а работая лишь с избранными, то в XX веке, в переломный период эволюции человечества, положение резко изменилось. «Я поручаю говорить, – сказано в Живой Этике, – о назначении жизни на Земле. Я поручаю отвергать все, что позорит общение с Нами. Я поручаю утвердить Наше существование»¹. Это поручение имело свой точный адрес – Рерихи. «Торопитесь узнать о Махатмах, – писала Елена Ивановна, – не в истории, но в жизни»². И еще: «...лучшие люди обязаны всячески облегчать Им Ношу Непомерную»³. Кто, как не она, знала и суть этой ноши, и ее тяжесть. Само же обращение Старших Братьев человечества к людям в таких масштабах есть мера исключительная, такого еще не знала земная цивилизация. Это был Зов Космоса, обращение его к планете Земля. Никто не рассчитывал, что этот Зов будет сразу воспринят и претворен в действие. И хотя времени земного оставалось до решающих событий не так уж много, тем не менее на Земле откликнуться на Зов Космоса не спешили.

Учителя или мудрецы, Старшие Братья человечества, или Великие Души – высокое звено Космической Иерархии, цепь которых уходит в Беспредельность. Сейчас мы не в состоянии понять до конца всю сложную и разнообразную суть этого явления. Единственно, о чем мы можем определенно говорить, это о том, что Космические Иерархии намного обогнали эволюцию человечества и вновь спустились в низшие слои Земли, чтобы помочь тем, кто там обитает, достигнуть необходимой для этого времени ступени космической эволюции. Если попытаться сформулировать суть такого события, то можно сказать, что духовно-энергетическая эволюция на Земле началась с инволюции Иерархов. Это произошло в очень давние времена в переходе от четвертого к пятому энергетическому виду человечества, когда океан бушевал на просторах бывших континентов, а бывшие океаны вспучивались новой сушей. Небольшая группа Космических Иерархов взяла на себя ответственность за эволюцию человечества и создала для этого Ашрам, или Твердыню, в районе теперешнего Тибета в Гималайских горах. В мифологии это место называется Шамбалой. То, о чем я сейчас пишу, звучит фантастично и, возможно, у многих не вызовет доверия. Однако на Земле существует немало доказательств деятельности такой Общины, но для этого необходимо особое исследование. Уверена, что оно будет, рано или поздно, сделано.

---

¹ Агни Йога, 183.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 507.

³ Там же. С. 465.

По космическим мостам сознания Иерархия Света нашей Солнечной системы осуществляет связь с другими мирами, откуда идет нужная для дальнейшей работы информация. «Можете указать истинно ищущим душам, – отмечает Е.И.Рерих, – что Твердыня Великого Знания существует с незапамятных времен и стоит на бессменном дозоре эволюции человечества, наблюдая и вправляя в спасительное русло течение мировых событий. Все Великие Учителя связаны с этой Обителью. Все Они Члены ее. Многообразна деятельность этой Твердыни Знания и Света. История всех времен, всех народов хранит свидетельства этой помощи, сокрытой от гласности и обычно приходящей в поворотные пункты истории стран»¹. Елена Ивановна пишет об одной важной особенности Великих Учителей: «Их измерения не наши земные мерилы»². Они настолько отличаются от нас, что им, действительно, не подходят наши представления. Конечно, сказать, что Старшие Братья человечества стоят на более высокой ступени космической эволюции, это ничего не сказать. Нашему общему сознанию недоступны такие уровни эволюции. Но информация, которой мы сегодня располагаем, дает возможность судить о некоторых их особенностях. Между космическим Иерархом, или Учителем, с одной стороны, и земным человеком, с другой, прежде всего, существует значительная разница в уровне энергетики. Энергетика и сознание есть главные признаки эволюционного уровня той или иной индивидуальности. Энергетика Иерарха во много раз превышает энергетику физического человека своей тонкостью и высочайшей вибрацией.

Существует такое понятие, как плотность светового энергетического потока, иными словами, количество энергии, посылаемой к объекту в единицу времени при сохранении постоянного объема энергетического коридора, по которому передается информация. Известно, что всякий процесс передачи энергии является информативным. Чем большее количество информации передается по энергетическому коридору в единицу времени, тем больше плотность энергетического потока. Плотность энергетического потока такой сущности, как Иерарх, или Учитель, крайне высока. И тот, на кого направлен такой поток, ощущает его давлением на чакры и у него закладывает уши. От плотности энергетического потока зависит его проникаемость в другие виды материи. Для одного уровня вибраций проникаемость будет тем выше, чем больше плотность энергетического потока. У такого потока –

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 425–426.

² Там же. С. 19.

мелкоячеистая световая структура, свойственная светоматерии. Поток обладает феноменальным свойством, присущим психической энергии, – «следственной памятью излучения». Предметы, принадлежащие Учителям или, по какой-либо причине, попадающие под излучение Высокой Сущности, сохраняют память излучения, и тем дольше, чем выше было качество воздействия. Нередко по уровню излучения предметов, через целые исторические эпохи, можно отличить те из них, которые соприкасались с энергетическим потоком Учителя, или Великой Души. Вместе с этим, такие излучения обладают высоким химизмом, иначе говоря, энергоинформационный обмен с Учителем сопровождается химической реакцией. Аура Учителя, в силу особенности его энергетики, имеет очень высокий энергетический потенциал. Перенести в этом случае соприкосновение с такой аурой в физическом теле могут только личности, обладающие высоким уровнем сознания. «...Явление, или приближение Высших Обликов на земном плане, – пишет Е.И.Рерих, – всегда сопровождается страшным потрясением организма. Трепет, который охватывает все существо наше, так ужасен, что сердце может не выдержать, вот почему некоторые, видевшие только свет такого Приближения, уже падали замертво <...> Земная оболочка, при всем ее утончении, не может ассимилироваться с тончайшими энергиями без потрясений»¹. Космические Иерархи на Земле могут находиться в физическом теле, в тонком теле различных степеней и быть невидимыми. Последнее состояние наиболее опасно для обитателя плотного мира. Явление в физическом теле Высокой Сущности вполне переносимо для человека, хотя и сопровождается некоторыми явлениями, воздействующими на человека и дающими ему возможность распознать этого Высокого Гостя. Контакт Рерихов с Учителями происходил чаще всего в физическом теле последних, реже в тонком. У Елены Ивановны, которая часто общалась с Учителями высокой энергетики, есть немало записей об их быте в земной обители². Эта обитель – Твердыня, или Шамбала, согласно мифологии и буддизму, находится в особом месте. «Есть одна магнитная стрелка, – сказано в Живой Этике, – которая никогда не уклоняется; ученые знают, что она в Азии. Мы же расширим это понимание. Конечно, на планете есть фокус, который притягивается Космическим Магнитом и держит все нити человеческого блага. Явление этого Центра дает равновесие земле»³.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 382.

² См.: Рерих Елена. У порога Нового Мира. М., 2000.

³ Беспредельность, 361.

Это равновесие носит энергетический характер, лишней раз подтверждая, что сама эволюция человечества есть энергетическое явление. «Необходимо утвердить в сознании, – отмечает Елена Ивановна, хорошо знакомая с особенностями Твердыни, – что здесь, в земной Твердыне Братства, Архаты пребывают в одиночестве, ибо служение человечеству требует этого от Них. Каждый из Них несет свою определенную миссию и принимает на себя наиболее тяжкие поручения. Самые близкие Им души, связанные с Ними кармически, во время проведения нового плана эволюции, воплощаются на Земле, сохраняя с Ними связь, неся Их волю и двигая человеческое сознание вдоль новых эволюционных линий. Разнообразие задач требует и различного состояния, потому некоторые Архаты пребывают в уплотненной астральной оболочке, и лишь небольшая группа Их, в силу особой миссии, сохраняет тела физические»¹. На Земле часть из них действовала вместе с Рерихами, представляя яркий и поучительный пример сотрудничества в космическом творчестве. Старшие Братья человечества, работая в земных условиях, переходят неизбежно от мысли к действию, ибо только действие, его динамика и его созидательная сила могут дать плодотворный результат. Направляя действия своих земных сотрудников, Старшие Братья человечества опираются на законы природы и никогда их не преступают. Разъясняя сложный в земных условиях процесс «мысль – действие», Елена Ивановна пишет: «Сказано также, что мир сложен мыслью, или мысль рождает действие, потому многие, полагая, что мысль выше действия, погружаются в мечтания, принимая их за творческие мысли, и воздерживаются от действия, забыв, что лишь мысль, насыщенная огненной волей, творит. Но волю эту *мы можем приобрести лишь путем долгого упражнения в проведении в жизнь, в действие мыслей своих и чувших!* Так что нужно сначала завоевать себе право на такое чисто умственное существование.

В своей земной жизни все Великие Учителя прилагали свои мысли, именно, к действиям, именно, к строительству. Никто из Них не удалялся в отшельничество. Все Они человеческими руками и ногами прокладывали путь к новым достижениям. Потому нужно так настаивать не на мечтаниях, но на действии, и сейчас больше, чем когда-либо, ибо человечество должно побороть гигантский приступ темных сил»². Реализуя творческую мысль Братев человечества, такие помощ-

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 464–465.

² Там же. С. 332–333.

ники и ученики, как Рерихи, совершили важнейшие эволюционные действия «человеческими руками и ногами», иногда в буквальном смысле этих слов. Центрально-Азиатская экспедиция, огненный опыт Елены Ивановны Рерих, создание Института Гималайских исследований и, наконец, Знамя Мира – все это важнейшие эволюционные действия, предпринятые Космическими Иерархами совместно с Рерихами для эволюционного продвижения земного человечества. Знамя Мира – три малых круга в большом круге бесконечности, символ троичных явлений космического творчества, знак Старших Братьев человечества, – было поднято в связи с Пактом Рериха для защиты культурных ценностей на планете Земля. «Так в эпоху Огня, – сказано в Живой Этике, – когда Свет борется с тьмой, явление Знамени Мира есть тот основной знак, который даст новую ступень человечеству. Так под этим знаком объединятся Красота, Знание, Искусство и все народы. Так только высшие меры приложимы к Знамени, истинно!»¹ И еще: «Знамя Мира и Культуры, при осознании его значения, явится основой нового строительства»², – утверждает Е.И.Рерих. Иными словами, осознание главной эволюционной сути этого Знамени и Тех, Кто его поднял на Земле, даст возможность человечеству, пока не поздно, понять содержание нового эволюционного витка в его развитии. Основное содержание творчества Общины Старших Братьев в их земной Твердыне заключается в повышении и расширении сознания человечества и увеличении его знания в эволюционном восхождении. Энергетика высокого сознания поднимает духовность человека и дает импульс для его преображения и утончения его материи. И сознание, и тесно связанное с ним знание – главные научные проблемы, которыми занимается Община Старших Братьев человечества. Думаю, что, называя их учеными, я не ошибаюсь. Из книг Живой Этики мы знаем об их лабораториях, музеях, научной аппаратуре и их космических экспериментах. Они владеют той новой наукой, система познания которой представлена в Учении Космической Реальности. И не их вина, если они не смогли, сделав для этого все необходимое, «достучаться» до носителей современной науки и поделиться с ними опытом своей исследовательской работы в пространстве широкого сотрудничества. Не Старшие Братья Человечества ответственны за то, что много раз тиражированные издания Живой Этики не только не нашли пока внимательных читателей среди ученых в России, но и, более того,

---

¹ Иерархия, 377.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 110.

встретили насмешки и отрицания недалеких представителей современной науки. Но, несмотря ни на что, Старшие Братья человечества уверены, что естественный ход эволюции приведет к желаемому сотрудничеству. Для этого надо усвоить лишь истину, о которой пишет Елена Ивановна Рерих, и понять то, о чем она говорит: «Наше земное человечество обязано своей ускоренной эволюцией Старшим Братьям и Сестрам, или Великим Учителям»¹. И далее: «Если бы не эти величайшие Духи, давшие импульс к зарождению мысли на заре нашего земного, физического человечества и продолжавшие двигать эволюцию земного сознания на всем протяжении этого труднейшего и самого длительного процесса, то человечество земное и по сей час не вышло бы из состояния пещерных жителей»². Это они стараются донести до нас Истины, которые постигли и своей мудростью, и долгими трудными исследованиями. Они расширили понятие материализма и включили в него явления до последнего времени нам не только мало известные, но и непостижимые еще для нашей науки. «Нужно до такой степени, – указывают они, – обосновать материализм, чтоб все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма одухотворенного. Мы говорили о тонких телах, о магнитах, о свечении ауры, об излучении каждого предмета, о перемещении чувствительности, об изменении весомости, о проникновении одного слоя материи через другой, о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова *материя*. Много невидимого, но осязаемого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет приложить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом. Мы, Носители Духа – имеем право требовать уважения и познания материи. Друзья, материя не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества – от презирания материи»³. Учителя больше всего заинтересованы в сотрудничестве с наукой, и многие мысли их обращены, прежде всего, к ученым. Эта заинтересованность в земной науке объясняется тем, что главный устой уникальной и непостижимой Общины – Знание и та новая наука, о которой так много написано в самой Живой Этике. Община же представляет собой творческий коллектив, работающий совместно над многими проблемами изучения Мироздания и широко применяющий мудрость и иные спо-

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 385.

² Там же. С. 354–355.

³ Община 1926 (Рига), 123.

события познания, находящиеся в духовном арсенале творчества, вместе с методами экспериментальных исследований. Высокое духовное развитие Старших Братьев человечества, их мощная огненная энергетика и тончайшие состояния материи, с которыми Они имеют дело, позволяют им использовать и такие способы познания, которые неизвестны земной науке. Именно с их помощью Учителя проникают в тайны Мироздания и затем сообщают эту информацию на Землю. Но принимается ли эта информация их земными коллегами? Община Братьев человечества есть «средоточие знания. Там, где знание, там и мощь»¹. Но нередко эта мощь вместе со знанием отвергается людьми, считающими себя учеными, но не являющимися таковыми в действительности... «Мы, со своей стороны, – утверждают Братья человечества, – готовы всячески приветствовать все отрасли науки и знания, и, особенно, когда они лишены научных предрассудков и суеверий. Предрассудки, или предубеждения, в науке могут быть еще страшнее, чем в религиях! Но освободиться от таких предрассудков и суеверий можно лишь путем Учения, ясно и твердо указующего лестницу восхождения к синтетическому истинному Знанию»². Тонкие энергии, материя иных состояний, невидимые миры, космические законы – все это требует введения в научный оборот. «Братья человечества намечают план человеческой эволюции, работая с космическими энергиями, в соответствии со всеми течениями светил. И, являя все избранные пути для прогресса, Мы, Братья человечества, утверждаем лучшие переплетания. Притяжение космического магнита может воздействовать на Наше проявление и направить человечество через сияние Материи Люциды. Так Братья человечества являются теми Двигателями эволюции, которые обучают человечество сознательному отношению к карме планеты. Потому нужно понять, что мощь, связующая, живет между всеми проявлениями космического магнита. Так взглянем на Братьев человечества как на звено, связующее с мировыми проявлениями, так примем Завет Владык!»³ Но осмысление комплекса знаний, представленных в Живой Этике, может в действительности произойти лишь при расширении сознания и осознании существования «Высшего Мира и ведущего начала Гуру-Иерарха»⁴. Два последних положения являются важнейшими установлениями той новой системы познания, которая составляет основу Живой Эти-

---

¹ Надземное, 25.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 167.

³ Беспредельность, 303.

⁴ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 132.

ки. Но научная информация и идеи Старших Братьев человечества еще не все, что Они предложили человечеству. Они выдвинули план создания научного Института, в котором на практике должны быть представлены и новая наука, и новая система познания, и новое научное мышление. От мысли – к действию, вновь мы наблюдаем этот важный эволюционный процесс, возникший в сотрудничестве Учителей и Рерихов. Институт, научная станция, город Знания – вот ступени, по которым надо было взойти ученым нашей планеты. Образцом и моделью для всего этого должна была служить Община Братьев человечества, представляющая на Земле научное космическое сообщество. «Город науки, – отмечали Учителя, – всегда будет мечтою просвещенных людей. Никто не дерзнет возразить против обители ученых, где в тишине и в мудром общении будут познаваться истины. Каждый ученый работник будет иметь в своем распоряжении лучшие аппараты. Можно представить себе, какие открытия воспоследуют при общей согласованности и при сотрудничестве всех отраслей науки! Каждый не будет считать идею такого города утопической. Лишь бы нашлись средства и доброе желание. Но если сказать, что некая Обитель Знания существует, то множество сомнений и отрицаний обрушится. Если же к слову “наука” добавить слово “Братство”, то непременно будет сказано, что такое химическое соединение невозможно. Но кто же сказал, что наука и Братство несоединимы?!»¹ Елена Ивановна Рерих, президент Института Гималайских исследований, писала (октябрь 1930 г.) о концепции города Знания: «Станция должна развиваться в город Знания. Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений. Потому все области науки должны быть, впоследствии, представлены в нем. И так как знание имеет своим источником весь Космос, то участники научной станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям; и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые всего мира должны быть неделимы в своих достижениях, иначе говоря, объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимы возможности во всех отношениях. Внимание научного мира сейчас обращено на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все самое тонкое, самое ценное лежит в более чистых слоях атмосферы»². И еще:

---

¹ Братство, 596.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 54.

«Основание города синтетического знания есть великое мировое дело, потому не просить, но требовать содействия можем мы. Не для себя работаем, но для человечества»¹.

24 июля 1928 года в гималайской долине Кулу, в Наггаре, рядом с виллой Рерихов был основан Институт Гималайских исследований «Урусвати»². Вряд ли в то время было более важное событие, чем это. Были сделаны первые практические шаги на основе нового космического мышления. И какая бы судьба ни постигла это первое деяние, оно останется навсегда в истории науки планеты Земля. Знамя Мира, поднятое над Институтом, возвещало о том, что в созидании его приняли участие Учителя в самом близком сотрудничестве с Рерихами. К Институту и его работе имели прямое отношение не только старшие Рерихи, Николай Константинович и Елена Ивановна, но и их сыновья – Юрий Николаевич и Святослав Николаевич. Первый шаг новая наука под водительством космических Иерархов совершила в долине Кулу, подтвердив еще раз космический закон – Высшее ведет низшее. Все устойчивые формы в плотном мире были созданы в творческом сотрудничестве Учителей и земных их помощников. Институт «Урусвати» не являлся исключением.

Долина Кулу была выбрана Учителями для Института не зря. Вряд ли в мире существует какое-либо другое место, где так счастливо собрались бы разные благоприятные условия, объединившие свою энергетику в целостный кристалл духовных устремлений. Над долиной вознеслись снежные вершины Западных и Восточных Гималаев, создавая непревзойденную по красоте картину окружающего мира и сверкающую своей чистотой атмосферу. «Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, – писал Николай Константинович Рерих, – то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 55.

² *Урусвати* – Свет утренней звезды.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом, прежде всего, будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием <...>

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами, и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша находжений»¹.

Сама долина Кулу представляла огромный интерес с многих точек зрения. Тысячелетия тому назад через нее катились волны переселения народов, оставляя следы своих культур, верований, традиций. В нее проникали племена, которые составили народы, обитающие в ней теперь. Богатство и разнообразие одежд, орнаментов, украшений, храмов, серебряные и бронзовые маски древних богов, удивительные культовые праздники и танцы – все это потрясает, и завораживает, и заставляет вообразить и искать во всем этом многовековые знаки кочевых племен, каким-то чудом задержавшихся в этой долине. Как будто эти племена, шедшие бесконечно долго своим путем, были привлечены и очарованы красотой гор и долины и решили остановиться на короткий отдых, являя в себе все то, что они захватили по какой-то причине в эту долгую и трудную дорогу. И, как бы повторяя этот путь, идут по дорогам Кулу паломники, туда, к Кайласу, к святым местам, откуда, как из прозрачного источника, текли в долину мифы, сказания, легенды. Их много, так же как и богов, но среди них есть таинственный, нездешний слой – рассказов о мудрецах-риши и мудрых нагах. «Перед нами путь на Кайлас, – пишет Н.К.Рерих о Риши, Великих Душах. – Высится одно из пятнадцати священных чудес,

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. М., 1993. С. 36–37.

исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандо-Ла. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие, освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гоутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя Колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском! Здесь жили Риши во Благо Вселенское!»¹ Так хранит долина память о Старших Братьях человечества, о Великих Учителях, чей Ашрам когда-то находился в этих местах. «По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслоилось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии»². В Кулу в течение многих тысячелетий на высотах накопились тонкие энергии, которые начали изучать в Институте Гималайских исследований. Директором Института стал Юрий Николаевич, старший сын Е.И. и Н.К. Рерихов. Крупный востоковед, лингвист, археолог, прекрасный знаток ряда восточных языков, он нес в себе синтез, который был основным направлением в исследованиях Института. Здесь, в далекой гималайской долине, ученые начали сочетать древние и современные методы исследований. Институт возродил то, что было утеряно в долгой исторической дороге Знания и стал, по сути своей, Ашрамом, местом Общины ученых. Экспедиции и путешествия по Гималаям были одним из важнейших способов поиска Знания и необходимых наблюдений. Подвижность, как и в древности, ценилась больше всего. «Нужно то, – писал Николай Константинович, – что индусы так сердечно и знаменательно называют “ашрам”. Это – средоточие. Но умственное питание “ашрама” добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники “ашрама” тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил: “Наша обитель опять расширяется”. Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители. Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременно

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 49.

² Там же. С. 47.

условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник много видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким»¹.

Экспедиции ученых, работавших в Институте, охватили долину Кулу, высокогорный Лахуль, малоизученный Спити, Бешар, Ладак, Занскар, обширную долину Кангру. Экспедиции были комплексные, изучавшие флору и фауну Гималаев, проводившие археологические раскопки, собиравшие лингвистический и фольклорный материал. Под эгидой Института была проведена и экспедиция 1935 года в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию по сбору засухоустойчивых трав. В ней приняли участие Николай Константинович и Юрий Николаевич Рерихи. Чуть выше по склону рериховской виллы были возведены два здания Института: одно – лабораторный корпус, другое – жилое для ученых. Старшие Братья человечества невидимо и ненавязчиво руководили Институтом, помогая формировать первые ростки новой науки – духовность, изучение действий космического магнита и космических излучений, тонких энергий и других процессов Космоса, которые взаимодействовали с человеком и Землей. «Когда наука начнет сочетать центры с токами космического магнита, – отмечали Учителя, – тогда перед человечеством раскроется новая страница. Ведь явления так связаны с Космосом»². «Ведь наука элементов и тонких энергий является сущностью эволюции»³, – утверждали они. Дух есть господствующая сила в научных исканиях, – обращали внимание ученых Братья человечества. «Если бы ученые поняли великое значение господства духа, сколько полезных изысканий могли бы быть даны человечеству!»⁴ Они говорили о возникновении новых областей науки, связанных с изучением важных процессов в Космосе. «Неприметное человечеству явление космических огней представляет самое главное действие космического магнита. Утверждение магнита жизни стало наукою для дальнейших продвижений человечества. Связь магнита с жизнью даст соотношение со всем космическим циклом»⁵. Новая наука с самого начала связывалась с космическими исследованиями, тем более что район, где работал Институт, благоприятствовал подобным

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 74.

² Беспредельность, 138.

³ Там же, 172.

⁴ Мир Огненный. Ч. III, 27.

⁵ Беспредельность, 191.

изысканиям. Сочетание естественных наук с гуманитарными было принципиальным методологическим подходом. Лингвистика сочеталась с медициной, ботаника с этнографией и т.д. Стали выходить научные ежегодники, устанавливались связи с научными организациями самых различных стран. В самом Институте создавался интернациональный коллектив сотрудников, занятых исследованиями, которые привлекли внимание крупнейших ученых Индии и других стран. Самым тесным образом с Институтом сотрудничали: Чандрасекхар Раман, Джагдиш Чандра Бос, Рабиндранатх Тагор, Асит Кумар Халдар, Абаниндранатх Тагор, Сунити Кумар Чаттерджи, Сарвапалли Радхакришнан и многие другие. Из западных ученых, принимавших активное участие в Институте «Урусвати», можно назвать лауреатов Нобелевской премии А.Эйнштейна, Р.Милликена, Л.Бройля; президента Американского археологического института Р.Маггофина, известного путешественника Свена Гедина, профессора института Пастера в Париже С.И.Метальникова, американского индолога Чарльза Ланмана, французского археолога К.Бюиссона, директора Ботанического сада в Нью-Йорке Е.Д.Мерилла и других. Что касается советских ученых, то обстоятельства не благоприятствовали регулярному с ними обмену. Можно назвать только одного из крупнейших ученых СССР – Н.И.Вавилова, который вел переписку с С.Н.Рерихом по вопросам, интересовавшим их обоих. Переписка оборвалась в связи с гибелью Вавилова в концлагере.

Институт работал в довольно трудных условиях. Не хватало средств, не всегда современная аппаратура была доступна его ученым. Начало работы пришлось на мировой экономический кризис 1929–1933 годов, что не могло не сказаться на средствах Института и, естественно, на его деятельности. Приходится только удивляться, как много было сделано Институтом в таких стесненных условиях. В 1935 году стало еще труднее в связи с известным предательством Хорша. Но так или иначе деятельность Института продолжалась до 1939 года, когда началась Вторая мировая война и оборвались многие связи с зарубежными учеными, которые регулярно поддерживались в течение десяти лет. «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава, о смерти Янушкевича узнали случайно позднее. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали

через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали. Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир»¹, – писал Николай Константинович в своем очерке «На острове». После войны так и не удалось восстановить «Урусвати». Институт на долгие годы оказался законсервированным...

Дорога через *мост над гремящим потоком* оказалась трудной и долгой. Время на *мосту* меряется иными, нездешними мерами. Наука только начинает свое движение. Еще многое ей предстоит, еще многое ей придется увидеть. Но идущие над гремящим потоком должны помнить тех первых, кто ступил на шаткий мост, ведущий к новому эволюционному витку, новой науке и новому космическому мышлению.

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 78.

6. СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ УЧЕНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Перерождение мышления должно утвердиться, как основа лучшей Эпохи. Мышление – залог преуспевания, залог нового строительства, залог мощного будущего. Претворение жизни, именно, утверждается трансмутацией мышления. На каждом проявлении можно проследить, как мышление эволюционирует или инволюционирует. Кроме устремленного мышления, действует импульс зажигания мышления. Потому закон устремления дает то соответствие, которое сближает Миры, насыщая творческим огнем. Дать себе отчет в направлении мышления уже поможет сдвинуть сознание.

Мир Огненный. Ч. III, 262

Лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия Космических Сил с судьбами земных народов.

Н.К.Перих

«Что такое эволюция – теория, система, гипотеза?.. – спрашивает крупнейший французский ученый и мыслитель Тейяр де Шарден. – Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она – основное условие, которому должны подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, – вот что такое эволюция»¹.

Именно закономерностям космической эволюции, в которой смыкаются все линии человеческого существования, и посвящена Живая Этика. Идеи Живой Этики не абстрактны. Сложившись в природном космическом потоке в 20-е годы XX века, выбрав самое ценное из прошлого и настоящего человечества, объединив в себе мысль Востока и Запада, научное и вненаучное знание, они несут огромный энергетический заряд действенности, устремляя человечество к будущему, к духовному совершенствованию и эволюционному продвижению. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствует такому пониманию человеком событий, которое

---

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 175.

бы, по словам Н.К.Рериха, «отражало суть и основу всей Вселенной». Главной сутью самой эволюции является одухотворение материи, повышение ее энергетики и последующее ее преобразование и утончение. Этого можно достигнуть с помощью такой силы, как дух. В процессе одухотворения и утончения материи синтез – основной магистральный путь. Культура же и возникающие в ее пространстве Любовь и Красота, которые несут в себе тонкую высоковибрационную энергетiku, и, наконец, сама психическая энергия человека служат устоями эволюции и определяют ее качество. Живая Этика рассматривает любое земное явление с точки зрения взаимодействия духа и материи и энергетики этого взаимодействия. Обращаясь к важнейшим космическим процессам, Живая Этика содержит в себе уникальную новую систему познания, гносеологический каркас космического мышления, идущего на смену так называемому научному мышлению, но включающего важнейшие достижения этого мышления. Явление двойственности, с ее особенностями и свойствами, пронизывает всю систему познания Живой Этики и носит универсальный, космический характер, представляя собой Великий космический закон, которому подчиняются любые процессы, идущие в Космосе.

Идея двойственности проходит через образы мифологии, через различные системы философии Востока и древнейшие верования. Особенно ярко она отражена в культуре доколумбовой Америки, в ее философии, получившей название *науатль* и связанной с культом Кецалькоатля. Вот фрагмент удивительной поэмы о Кецалькоатле, созданной уже в наше время поэтом Х.Л.Портильо:

*Омейокан! Я возникаю в этом двуедином месте,
где Мрак господствует и Ветер, Йоальи Экатль,
где вечное Безмолвье отступает перед волей Слова.
Здесь. «И, значит, существую?» – спросил себя я.
Здесь. «И, значит, я таков, каков я есть?»¹*

Появившийся в двойственном месте человек становится также двойственным. У тольтеков был бог Ометеотль – «владыка двойственности», который, согласно их космогонии, и создал Вселенную. «Оmeteотль, – писал один из крупных археологов и этнографов Деметрио Соди, – заключает в себе религиозную идею, согласно которой в

---

¹ *Портильо Х.Л. и др. Кецалькоатль. М.: 1982. С. 68.*

основе происхождения всех вещей лежит принцип двойственности»¹. Принцип двойственности мы находим в индийской и буддийской мифологиях в образе двух начал – змея Нага и птицы Гаруды, между которыми идет извечная борьба или противостояние. Без этого противостояния не могло бы существовать двуединое явление «дух–материя», являющееся основой космических противоположений, таких, как человек и Бог, небо и земля, жизнь и смерть и т.д. В условиях двойственности возникает творчество в самом универсальном смысле этого слова. Двойственность вырабатывает энергию, которой движется космическая эволюция. Она же, двойственность, создала одну из самых важных мифологических тайн – существование в одном лице бога и человека, раздваивающееся потом в нашем дифференцированном мире. Двойственность как бы затевает таинственную космическую игру, в которой историческая личность превращается в бога, и наоборот. Происходит в вечности какая-то странная смена, а потом и смешение масок бога и человека.

В более поздний период явление «дух–материя» становится основным вопросом философии, по которому определяли не столько суть космической двойственности, сколько «доброкачественность» самой философии, критерием которой служило разрешение вопроса – что первично, а что вторично: дух или материя. Своей кульминации «первичность–вторичность» достигла в социологическом мышлении XIX века, отразившись наиболее ярко в материалистической философии марксизма. В ходе развития последней идеологами послереволюционной России «вторичность» была ликвидирована как явление, «первичность» оставлена за материей, а дух превратился в «невещественное начало». Этим отрицанием духа был предан забвению внутренний мир человека, где, собственно, и взаимодействовали между собой дух и материя. В результате такой «операции» человек, его творчество, его знания оказались с одним крылом, а его сознание лишилось важнейшего принципа – двойственности. Это привело, в свою очередь, к искажениям не только в духовной жизни, но и в интеллектуальном пространстве, что негативно сказалось и на системе познания, и на науке. Однокрылое сознание не могло развиваться нормально, не могло идти в русле космической эволюции.

В русской философии Серебряного века и научной мысли XX столетия началось движение к правильному пониманию двойственности.

---

¹ *Портильо Х.Л. и др.* Кецалькоатль. С. 35.

И это связано в первую очередь с возвращением человеку в философии и научной мысли его внутреннего мира, точнее, осознания двойственности этого мира. «Речь идет о связи, – писал автор послесловия к книге П.А.Флоренского «Мнимости в геометрии» Л.Г.Антипенко, – между двумя видами реальности – реальностью чувственной, или эмпирической, и реальностью сверхчувственной, или внеэмпирической. На религиозном языке их принято соотносить с дольным и горним мирами, составляющими единый Божественный универсум»¹.

Иными словами, возвращая понятие двойственности явлению «дух–материя», мы не исследуем проблему, что из них первично, а что вторично, а говорим о существовании реальности эмпирической и внеэмпирической, или миров различных состояний материи, с которыми осознавший это обстоятельство входит в соприкосновение в своем внутреннем мире. Это приводит нас к выводу, что двойственность (дух – материя), заключенная в человеке, подтверждает существование не только внешней Вселенной, но вселенной внутренней, которую мы постигаем не эмпирически, а интуитивно, сверхчувственно. Отбрасывая ту внутреннюю вселенную, основой которой является дух, мы тем самым уводим себя из поля, которое, во-первых, влияет самым определенным образом на нашу внешнюю и внутреннюю жизнь, а во-вторых, является источником самой разнообразной информации, помогающей нам познавать не только себя, но и процессы космической эволюции, в которой мы, люди, участвуем (в значительной мере бессознательно) с тех пор, как существуем. Именно человек, осознавший себя, в состоянии понять свою двойственность, в которой заключены не только дух и материя, но и небесное и земное, мир плотный и мир тонкий, мир эволюции и мир инволюции, мир Высший и мир низший. В данном случае именно он, человек, – главный инструмент эволюции, без которого невозможен эволюционный процесс одухотворения материи, переход ее из одного состояния в другое, более высокого измерения. Для того, чтобы все это понять, необходимо осознать относительность энергетического взаимодействия в рамках явления «дух–материя» в бесконечной цепи космической эволюции. Именно Живая Этика дает нам возможность постичь подобный процесс. И то, что мы называем духом, и то, что определяем как материю, есть лишь различные состояния все той же материи. С этой точки зрения Живая Этика есть наиболее материалистическая философская система.

---

¹ Цит по: *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. М., 1991. С. 69.

Для нее не существует «невещественного начала». Дух, как сказано в Живой Этике, есть энергия. Энергия же, являясь в структуре Мироздания главным компонентом, не может существовать без материи.

Состояние материи, в конечном счете, обуславливается уровнем вибрации энергии, связанным с данным видом материи. И дух и материя составляют единое целое, которое Живая Этика называет духо-материей. В одном из писем Елены Ивановны Рерих сказано: «Так в Мире Проявленном можно говорить лишь о той или иной стадии проявления духо-материи. Дух есть энергия, и мы знаем, что никакая энергия не может проявиться вне материи. Именно на всех планах, во всех действиях и мышлениях, мы отделиться не можем от материи. Мы обращаемся к высшим или грубейшим видам все той же материи. Дух, субъективный элемент или энергия, находится в потенциальном состоянии в недрах Космической Природы. Конечно, при дифференциации, в силу чего возникли бесконечные стадии или степени проявления духо-материи, установились понятия относительности и противоположения. Но именно эта относительность и противоположение являются основами нашего познания»¹. В этом небольшом фрагменте мастерски изложена вся сложность и относительность явления двойственности на уровне «дух–материя». Ее можно представить в виде грандиозной космической цепи, уходящей в Беспредельность и несущей в себе различные состояния материи и ее энергетики. Все это движется, трансформируется, но неизменно идет в русле Великого закона двойственности. В этом двуедином явлении «дух–материя» должна всегда существовать разница потенциалов, точно такая, какая существует в батарее, вырабатывающей электроэнергию. Если величина потенциалов по каким-то причинам уравнивается, то энергия исчезнет и эволюционная цепь распадется, что приведет, в свою очередь, к катастрофическим последствиям. Ведет же за собой эволюционные изменения материи дух как энергия, имеющая причинный смысл. Эта энергия *одухотворяет*, являясь особым видом тонкой материи, обладающей высоковибрационной энергетикой. И, как любая материя, дух обладает способностью к эволюции и создает на основе двойственности то явление относительности, которое заполняет Космос бесчисленным количеством состояний материи. И в то же время как высоковибрационный вид тонкой материи, поддающийся эмпирическому исследованию, дух обладает рядом особенностей, не учитывать кото-

---

Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 446.

рые в познании любого явления или любого вида творчества нельзя. Пренебрежение этими особенностями, которые мы находим в системе познания Живой Этики, может завести в тупик современную науку и наделать немало бед в общем духовно-культурном пространстве. Вот наиболее важные из этих особенностей:

1. Дух не может существовать «в чистом виде», вне материи.

2. Если плотная материя временна, преходяща и подвластна разрушению, то вечное и непреходящее держится на нерушимости духа. «Поистине, прочен лишь мир духа, – сказано в Живой Этике, – ибо неразрушим и несокрушим!»¹

3. Дух есть основное формообразующее и творческое начало. Без него нет ни того ни другого. Без духа не существует Мироздания в том виде, в каком мы его знаем, не существует творчества в его самом широком смысле.

4. Дух – не только творческая сила, но и познавательная. Исходя из универсальности духа и его высокой энергетичности, мы должны учитывать его информационные качества и возможности.

5. Дух представляет собой важнейшую преобразующую силу, начиная от всякого рода космических преображений и кончая преобразованием сознания человека. Именно дух, утверждает Живая Этика, «преображает сознание в явление всевмещения»².

6. Дух ведет за собой эволюцию Космоса и человека и сам изменяется в ходе относительности космической эволюции, ибо заключает в себе все космические энергии.

7. Мысль о том, что «Мир един созвучием духа»³, высказанная в Живой Этике, – не только важнейшее положение для осознания явления двойственности, но и один из главных постулатов ее системы познания. Из него самым естественным образом вытекает вывод об энергетической одухотворенности Космоса и важнейшей творческой роли в нем энергетики духа.

Подобные положения, подтвержденные многовековым опытом человечества и открытиями науки новейшего времени, дают нам возможность по-другому взглянуть и на двойственность пространства, и на двойственность человека, определяющую значимость его роли в Космосе. К.А.Кедров пишет о параллельных вселенных, в большой степени подтверждая этим мысли Живой Этики о двойственности

---

¹ Иерархия, 146.

² Беспредельность, 108.

³ Листы Сада Мории. Кн. 1, Зов, 1.02.23.

Мироздания и существовании в его системе духовной вселенной. «Итак, есть две вселенных: вечная, из которой все возникло, и временная, в которой мы временно пребываем. Вечная при всей своей отдаленности очень нам близка и похожа на нашу душу. В ней объективная реальность очень напоминает наш субъективный внутренний мир. Временная вроде бы намного ближе, мы в ней родились и в ней умрем, но она во всем нам противоречит. “Царство мое не от мира сего”, – сказал Христос, и мы это можем повторить, ничуть не лукавя. Получается, что мы несем в себе две вселенных. Мнимую вечную и временную реальную <...> Вот и выяснилась роль человека на стыке этого двоимирия. Он связует собой разрозненные миры, тот и этот свет. Не было бы человека, и был бы действительный распад вселенной на жизнь и смерть»¹. К тому можно добавить, что мост человеческой связи с мирами иного состояния материи и с параллельными вселенными выстроен из духа, энергией которого держатся все космические тела.

Осознание роли человека в Космосе как носителя духа свидетельствует о совершенно новой парадигме и новых подходах к исследованию человека, как такового. Отрицание двойственности внутреннего мира человека, превращение духа в «невещественное начало» и вытекающая отсюда утрата реальности космического человека – все это привело к крупным бедам в социальной и культурной жизни переломного XX века. «*Мир Реальности*, – писала Елена Ивановна Рерих, – *есть Вечное ЕСТЬ, и вся относительность рождается лишь при дифференциации и от бесконечных преобразений или смен в вечном движении Бытия проявленного*»².

Двойственность того или иного явления всегда связана со степенью дифференциации его материи. Чем плотнее материя, тем выше степень дифференциации. В результате иногда противоположения предстают нам как не связанные друг с другом явления. Но по мере изменения качества материи от грубого к тонкому противоположения все чаще и чаще осознаются нами как целостное явление, несущее в себе энергетику дальнейшего развития. В явлении «дух–материя» проявлена вся сложность двойственности и эволюция степеней ее относительности. Двойственность есть важнейшее методологическое положение Живой Этики, новой системы познания. И по мере проникновения в глубины космического закона двойственности мы начинаем понимать, что без него не может существовать ни одна система поз-

---

¹ Кедров К. Параллельные миры. М., 2001. С. 38.

² Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 330.

нания. Ибо это положение дает нам возможность понять, что есть два источника знания – земной, который имеет дело с плотной материей, и надземный, тонкоматериальный, обладающий высокой энергетикой инобытия. Первый источник тесно связан с экспериментальной наукой и материалистической философией, возникшей на основе этой науки. Второй источник связан с вненаучным способом познания, основанным на интуиции, даре видеть невидимое и получать информацию из миров иных состояний материи и более высоких ее измерений. В истории человечества, начиная с древнейших времен, метанаучный способ познания играл бóльшую роль, нежели научный или экспериментальный. Материалистическая философия и экспериментальная наука на долгое время вывели из системы познания метанаучный способ, ограничив это познание лишь внешней, материальной стороной существования человека и планеты и на какое-то время исключив из познания внутренний мир человека и тонкоматериальный, высокоэнергетический источник познания.

Новое мышление XX века, основой которого стало космическое мироощущение, нуждалось в новой системе познания, представленной Живой Этикой, философией Космической Реальности, в которой парадигма двойственности играет главенствующую роль. «Советую очень усвоить, – писала Е.И.Рерих, – первоосновы восточной философии – *существование Единой Абсолютной Трансцендентальной Реальности, ее двойственный Аспект* в обусловленной Вселенной, и иллюзорность, или *относительность*, всего проявленного.

Лишь при сопоставлении этой двойственности, или пар противоположений, высекаются искры познания и возможно совершенствование, или эволюция»¹.

Нижеследующие методологические положения Живой Этики дают нам возможность понять то новое, что она внесла в философскую мысль XX века, и те подходы к космической эволюции человечества, которые становятся неотъемлемой частью концепции нового мышления:

1. Мироздание есть целостная энергетическая система, состоящая из различных энергетических структур, включая человека, которые взаимодействуют между собой в грандиозном энергоинформационном обмене. Последний является одной из движущих сил космической эволюции.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 422.

«...Космос существует, – писала Е.И.Рерих, – лишь взаимопрониканием и взаимодействием пространственных энергий, исходящих из неисчислимых миллиардов фокусов, или центров, наполняющих его и непрестанно образующихся в нем!»¹.

Такие центры представляют собой пространственные магниты, энергетика которых управляет всеми творческими процессами, идущими в Космосе.

2. Эти процессы обуславливают существование и развитие самых разных состояний материи с различными измерениями, которые и составляют множественность миров в Космосе.

3. Дух по своей природе – тонкоматериальная и высоковибрационная энергетика. Он занимает в Мироздании главенствующее положение, выступая в качестве основы космического творчества. Дух как тонкоматериальная энергия в процессе эволюции одухотворяет материю, создавая более высокие ее формы.

4. Человек как энергетическая структура не только – часть Космоса, но и несет этот Космос в своем внутреннем мире. Последнее обстоятельство позволяет человеку влиять на эволюционное творчество Космоса посредством энергетики своего духа.

Разъясняя это положение методологии Живой Этики, Е.И.Рерих пишет: «...в каждом созидании необходимо участие энергий человека как носителя высших принципов Космоса. В Сокровенном Учении сказано – “миры, не населенные человеком, не могли развиваться и потому разрушились”. Таким образом, становится ясной зависимость миров или планеты от человека и его духовного и морального уровня»².

5. Человек, в свою очередь, также зависит от миров более тонкого состояния материи и более высоких ее измерений. «И чем человечество обладает, – сказано в Живой Этике, – оно черпает из сокровищницы Космоса»³. Иными словами, информация, получаемая человеком в результате энергетического обмена с более высокими мирами, по своему эволюционному значению является важнее, нежели та, которая добывается средствами эмпирической науки. Без энергоинформационного потока, идущего к человеку из Высших миров, не могло бы существовать творчество космической эволюции человечества, а человек не смог бы продвигаться по ее спирали вверх, совершенствуя свой дух и утончая свою материю.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 445–446.

² Там же. Т. 2. С. 288.

³ Беспредельность, 46.

В эволюции, как это понимают авторы Живой Этики, только Высшее может продвинуть низшее. Это одно из главных методологических положений философии Живой Этики.

Поэтому так важны и в жизни, и в эволюции человека Высшие миры и его взаимодействие с ними. Мир более высокого состояния материи будет всегда причинным явлением для более низкого. «Потому мир невидимый не отклоняйте от жизни, потому в духотворчестве нужно понимать невидимую силу как главный импульс»¹. Поэтому миры иного состояния материи играют в нашей жизни более значительную роль, чем мы предполагаем.

6. Необходимость расширения сознания человека есть главное условие усвоения новой модели Мироздания, которую мы находим в системе познания Живой Этики. Расширение сознания ведет к новым научным парадигмам, к открытиям и снятию противоречий на определенных ступенях познания. Например, энергетическое мировоззрение дает нам возможность понять, а также увидеть тонкоматериальные процессы, идущие в плотных слоях материи. Один из крупнейших английских философов Фрэнсис Бэкон писал, что «вселенную нельзя низводить до уровня человеческого разума, но следует расширять и развивать человеческое разумение, дабы воспринять образ вселенной по мере ее открытия»². Научные открытия и находения умозрительной мысли – все это результат расширения сознания. То, что человек не видит и не воспринимает сегодня, при расширении сознания завтра становится для него видимым и постижимым. История науки – это не только история человеческого таланта, его усилий и труда, но это и отражение процесса расширения сознания, которое развивается в ходе энергоинформационного обмена на всех уровнях Космоса. «...Есть лишь единый путь перерождения мышления, – сказано в Живой Этике. – Именно, нужно будить сознание. Именно, когда дух может уже оглядываться назад, зная, что день вчерашний со своим мышлением уже миновал, то происходит трансмутация распознавания»³.

Ни одна материалистическая система философии последнего времени еще не указывала в своей методологии на необходимость учета в научных исследованиях расширения сознания как важнейшего условия в системе познания. Не интеллект сам по себе, а расширенное сознание есть причина научных открытий. Каждое научное достиже-

---

¹ Беспредельность, 298.

² Цит. по: *Кедров К.* Параллельные миры. С. 119.

³ Мир Огненный. Ч. III, 264.

ние – это результат синтеза интеллекта и сердца, являющегося вместилищем сознания. Проблема расширения сознания человека есть важнейшая и главная проблема в системе познания.

7. Расширение сознания обуславливает и эволюционный процесс, превращающий человека из объекта в субъект эволюции. Путь от объекта к субъекту эволюции – это путь совершенствования человека, завершающийся включением его в цепь космической Иерархии, без духовного творчества которой невозможна эволюция ни Космоса, ни человечества.

8. С процессом расширения сознания и проблемой «объект – субъект» тесно связано одно из важнейших положений системы познания Живой Этики: «Учитель – ученик». Этот ведущий принцип космической эволюции далеко не нов. Он возник еще с незапамятных времен в культуре и философии Востока. В методологии Живой Этики он расширен до универсальных масштабов как космический принцип обучения и познания в процессе эволюции, без которого невозможно какое-либо продвижение человечества. Если в древности Учитель выступал в качестве мифологического культурного героя, то в современной теории познания он является одним из космических Иерархов, влияющих на эволюционные процессы. Эта иерархическая цепь, в которой связка «Учитель – ученик» представлена многочисленными звеньями, переходящими одно в другое и уходящими в Беспредельность, имеет и свою земную часть – своих земных Учителей и своих земных учеников. Таким образом, земное и надземное смыкаются в этой цепи, следуя Великому закону двойственности, согласно которому любое явление в Космосе будет иметь часть земную и надземную, или плотноматериальную и тонкоматериальную.

Вся методология Живой Этики тесно связана с действием законов Космоса, без учета которых не может существовать в современном мире ни одна система познания. Ибо последняя действует лишь в рамках таких законов. Их можно условно разделить на две группы.

Первая группа – Великие законы Космоса, имеющие принципиальный, общий характер. Вторая группа – частные или, можно сказать, конкретные законы, каждый из которых является частью Великого закона, объединенного с ним общей проблемой.

Действие космических законов, как Великих, так и частных, распространяется не только на Космос, но и на происходящее на Земле и, в частности, на развитие человеческого общества. Их проникаемость универсальна. Космические законы, отмечает Е.И.Рерих, соединяют

«мир физический с миром тонким, или потусторонним»¹. Человек, действующий согласно космическим законам, становится творцом, постепенно достигая уровня субъекта эволюции. Если он, сознательно или бессознательно, пренебрегает этими законами, то идет по пути разрушений и бедствий. В наше время мы имеем такие примеры в массовом масштабе.

Нижеследующее перечисление космических законов далеко не исчерпывает ни количественно, ни качественно всего их богатства и глубины. Некоторые из них были уже открыты наукой, но трактовка их не являлась столь широкой, как в Живой Этике, которая распространила их на все уровни космического бытия. Эти законы действуют и в сфере нравственности, и в поведенческих нормах человека. «Когда Мы настаиваем на полезности нравственной жизни, – сказано в Живой Этике, – Мы прежде всего оберегаем основные законы Вселенной»².

На первом месте среди Великих законов Космоса стоит закон двойственности, о котором уже было сказано.

Великий закон энергоинформационного обмена на всех уровнях Космоса следует признать одним из важнейших законов, касающихся непосредственно космической эволюции и ее особенностей. Согласно этому закону, энергия человеческого духа является одной из главных движущих сил космической эволюции и ее творчества.

В энергоинформационном обмене возникают, формируются и развиваются энергетические системы, составляющие не только нужные для эволюции энергетические потоки, но и важнейшие источники информации самого различного рода. Такой энергоинформационный обмен вызывает продвижение эволюции и совершенствование явлений и процессов в самом Космосе. Процесс обмена вечен – не имеет ни начала, ни конца.

«...Затишья в Космосе не бывает, – утверждают авторы Живой Этики. – Все насыщено токами непрерывными. Волнообразно двигаются энергии, и восходят новыми энергиями те силы, которые видимо уничтожаются; когда новые течения вытесняют старые нагромождения, тогда происходит, истинно, великий обмен энергий»³.

Сюда же примыкает и Великий закон смещения энергий. В результате энергетического обмена в космических масштабах происходят кардинальные изменения и возникают новые энергетические

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 329.

² Надземное, 350.

³ Беспредельность, 143.

явления, более высокие по своим качествам. Живая Этика так определяет этот процесс: «...когда строится новая ступень, космическая устремленность смещает все нагромождения. Закон смещения и закон строительства устремляются к одному фокусу»¹.

Наряду с вышеупомянутыми Великими космическими законами, закон сохранения и превращения энергии и Великий закон Космического Магнита составляют группу законов, которые дают нам возможность называть новое космическое мышление энергетическим мировоззрением. Следует отметить, что закон Космического Магнита в своей физической основе соответствует нашему закону всемирного тяготения, но в Живой Этике этот закон распространяется также и на энергию духа человека, и на миры иных, более высоких состояний материи. Космический Магнит энергетически обеспечивает духовное существование человечества или, иными словами, является важнейшей энергетической структурой, которую можно назвать источником энергии человеческого духа, действующей в системе Великого закона двойственности. Если по каким-либо причинам, сознательно или бессознательно, человек прекращает энергетический обмен с Космическим Магнитом, то он входит в систему однополярного физического существования. «Не будучи связанным, – сказано в Живой Этике, – с высшими энергиями в духе, человек, истинно, разрушает свои лучшие возможности. Только сознательное принятие существования магнита, объединяющего дух с высшими энергиями, может приблизить человека к закону космического магнита»².

Закон Космического Магнита также обуславливает Великий закон Высшей воли и Великий закон Космической Иерархии. Первый правит, по утверждению Живой Этики, всем Космосом, и в первую очередь эволюцией духа. Второй регулирует процессы, связанные с иерархией различных состояний материи, миров и энергий. Этой цепью Иерархии движется космическая эволюция и ее духовно-культурное направление.

Следующая группа Великих законов Космоса относится к мирам более высокого состояния материи. Естественно, что приводимые ниже законы не исчерпывают всего разнообразия «правового поля» Космоса. Одним из самых важных законов этой группы можно назвать Великий закон единства Космоса. Космос представляет собой единство бесчисленных многообразных миров. Миры, на каком бы уровне

---

¹ Беспредельность, 686.

² Там же, 136.

они ни находились, объединены общими энергетическими элементами, в первую очередь энергией духа, и составляют целостную систему Мироздания, в которой отдельные его части взаимодействуют друг с другом. Когда в силу каких-либо причин подобное взаимодействие прекращается, то миры, вышедшие из этого ряда, разрушаются физически и духовно. «Человечество, – сказано в Живой Этике, – лишает себя этой Истины, принимая закон обособления. Непреложен закон Единства во всем своем разнообразии!»

Только этим законом можно созидать, ибо когда притяжение творит, тогда в силе действия лежит Единство. Творчество Космоса беспредельно в своем Единстве!»¹

Взаимодействие, или сотрудничество, между мирами обуславливает не только верный путь космической эволюции, но и сохраняет необходимое для существования этих миров равновесие. Во взаимодействии миров огромную роль играет не только энергетика, как таковая, но и человеческое сознание, его уровень и качество. «Сам человек объединяет Миры своим сознанием»².

Миры видимые и невидимые, миры плотного состояния материи и тонкого, миры различных измерений, уходящих в запредельные числа; миры высоких вибраций энергетике и низких – все они в своем взаимодействии нуждаются в определенном соответствии и в осознании необходимости их равновесия и стабильности. Великий закон соответствия направляет сотрудничество и взаимодействие миров по пути, согласующемуся с главными особенностями космической эволюции и свойствами ее энергетического развития. Соответствие миров предопределяет соединение миров в целостную систему. «Соответствие между Мирами является действием утверждения прочных оснований. Нарушение соответствия дает следствие в каждом направлении. Человечество, дав перевес Миру видимому, тем отстранило от себя Миры Невидимые. Пребывая в Мире внешнем, человек отстранился от устремлений внутренних, которые напрягают дух в искании <...> Миры Невидимые являют все мощные энергии»³.

Такие Великие законы, как Закон цикличности развития Космоса, Закон гармонии, Закон космического восхождения, Закон причинно-следственных связей и ряд других, обуславливают энергетические особенности развития Космоса и закономерности его эволюции.

---

¹ Беспредельность, 448.

² Мир Огненный. Ч. III, 209.

³ Там же, 246.

Великий закон противодействия непроявленного вскрывает нам суть противоположения «Космос – хаос» – этих двух начал, находящихся в извечном противостоянии одного другому. Их взаимодействие, согласно Живой Этике, носит диалектический, противоречивый характер. С одной стороны, хаос поставляет, если можно так выразиться, материал для созидания Космоса, а с другой, стремясь расширить свое пространство, противодействует этому созиданию. С одной стороны, одно начало дополняет другое, а с другой – в извечной борьбе старается поглотить его. Это противодействие проявленному непроявленного принимает различные конкретные формы – противостояние света тьме, добра злу, порядка беспорядку и т.д. Противостояние непроявленного творчеству Космоса происходит на всех его уровнях, и в этом сложнейшем процессе человек играет важнейшую роль. Его внутренний мир становится основной ареной противостояния, и исход борьбы Космоса и хаоса в этом пространстве решает судьбу Космоса, определяет его дальнейшее развитие, его будущую эволюцию. В подобном противостоянии важное значение имеет Великий закон двух начал – мужского и женского. Чем выше и тоньше материя этих начал, тем менее выражена их дифференциация. Чем ниже и плотнее материя, тем более дифференцированы эти начала, тем грубее их взаимодействие. Полярность начал приводит к мощным энергетическим процессам, которые служат основанием созидательного творчества на самых разных уровнях космической материи.

Последняя группа Великих законов связана с человеком, как таковым, и его местом в космической эволюции. Три из них имеют особое значение. Великий закон свободной воли дает возможность понять главную суть человека как существа космического. «Свободная воля, – утверждает Живая Этика, – остается отличием человека»¹. Свободная воля возлагает на человека поистине космическую ответственность, которая проявляется и в малом, и в большом. «Космическое право» предоставило человеку возможность выбора, а следовательно, и принятия решений на самых разных уровнях. «Или–или» – альтернатива, которая всегда стоит перед человеком и которая разрешается им согласно уровню его сознания, нравственности и понимания тех целей и задач, которые ставит перед ним космическая эволюция. Свободная воля есть инструмент и средство, которыми обладает человек как соучастник и сотрудник космического творчества. Инструмент

---

¹ Братство, 524.

этот в зависимости от того, кто им владеет, бывает созидательным или разрушительным. С его помощью могут быть использованы возможности, которые носят судьбоносный характер не только для самого человека, но и для планеты в целом и даже для дальних миров. Осознание человеком могущества данной ему свободной воли может привести к правильному выбору, непонимание этого качества – скажется самым губительным образом в первую очередь на самом человеке. Свободная воля невежественного, ограниченного, самостного человека может превратиться в опасное орудие для окружающего этого человека мира.

Великий закон расширения сознания как бы создает предпосылки для правильного использования человеком своей свободной воли. Чем выше уровень сознания личности, тем более созидательной будет ее свободная воля, и наоборот. Этот закон касается всех сторон человеческой деятельности, и в первую очередь человека как субъекта космической эволюции. Процесс расширения сознания составляет сердцевину его творчества, мысли, способности познавать окружающую действительность и видеть реальность Космоса. Расширение сознания, возникающее в процессе энергоинформационного обмена индивидуума с Космосом в целом, есть главенствующее средство эволюции человека, залог его совершенствования, достижений и духовно-культурных изменений. Процесс познания и осмысливания Мироздания также связан с расширением сознания. «Условия новых научных достижений, – утверждает Живая Этика, – должны соответствовать требованию будущего. Если бы ученые поняли, что явление постоянного расширения сознания лежит в основании расширения наук, то не было бы преступного антагонизма. Ведь не опрокинуть хотим их достижения, но расширить. Каждый ученый, который понимает закон расширения сознания, уже разбил стену предрассудков»¹.

Наука и не-наука, естественное и сверхъестественное лежат в пространстве расширения сознания. Каждая ступень такого процесса меняет точку зрения человека на окружающую действительность, делая сегодня понятным то, что было непонятно вчера. Вся история науки, ее достижений и открытий, идет по вехам расширения сознания. И обычно каждая такая ступень или веха сопровождается противостоянием узкого, неразвитого сознания, носителей которого, особенно на первых порах, оказывается значительно больше, чем расширенного.

---

¹ Беспредельность, 827.

Великий закон духовного преображения через Красоту связывает земное творчество с мирами более высоких состояний материи; его действие – образец сложнейшего энергоинформационного обмена на вертикали «земное–надземное».

Спектр понимания и восприятия Красоты в нашем плотном мире широк и беспределен. Каждый индивидуум имеет свой мир Красоты (если, конечно, имеет). Красота несет в себе тонкую и высоковибрационную энергетику; она – не только важнейший фактор в эволюции человечества, но и олицетворение творческой силы Космоса, как такового. Она возникает в таинственном пространстве Космического Магнита, где в необозримом океане энергий складываются и рушатся бесчисленные формы различных состояний материи. И только она, Красота, придает им устойчивость и эволюционную завершенность. Сам же Космический Магнит творит и действует по строгим законам Красоты. Все космические веления соответствуют Красоте, все проявленные формы несут в себе ее энергетику. Красота, заключая в себе гармонию энергетики, превращает хаос в Космос на всех уровнях, начиная от миров различных состояний материи и кончая духом человека, которого она одаривает способностью создавать самое главное в его жизни – Культуру, существование которой без Красоты невозможно.

Гениальный русский философ Павел Флоренский, в расцвете сил и таланта погибший в лагерях ГУЛАГа, так определяет Красоту: «...красота есть Красота и понимается как Жизнь, как Творчество, как Реальность»¹.

Реальность – понятие, введенное Флоренским в определение Красоты, является символом того глубинного и сокровенного, без чего она не может существовать, но что остается для многих еще неосознанным и непостижимым. Ибо сама Красота является тем таинственным дуновением инобытия, из которого она проливает в глубины нашей плотной материи тот Свет, без которого были бы невозможны ни эволюция этой материи, ни ее преображение в энергию духа.

Беспредельность устремляет свои энергетические волны от нездешних берегов к нашим, сдвигает их и изменяет, неся в себе разнообразие форм, звуков и Света. Одни формы проявляются сегодня и уже завтра уходят в небытие, другие нарождаются в таинственном безвременье для того, чтобы обрести на какие-то мгновения искомое время и пространство. Все одухотворено, все мыслит, дышит, творит,

---

¹ Флоренский П. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 294.

созидает, разрушает, но неуклонно восходит по светящимся спиральям вверх, где сверкают нездешние миры непостижимых состояний материи и бесконечных чисел ее измерений.

Проблемы Красоты теснейшим образом связаны в первую очередь с искусством. Подлинное искусство всегда эволюционно. Родовая связь с Высшим и невидимым обуславливает его опережающий характер. Поэтому духовные революции начинаются с нового мироощущения прежде всего в искусстве, с нового понимания явления Красоты. Духовная революция XX века в России – яркий тому пример.

Через подлинное искусство, живущее по законам Красоты, энергетика Высших миров в процессе энергообмена вливается в плотные формы земного мира.

Произведения истинного искусства одаривают созерцающего их энергией огня, которая делает его дух высоким, а сознание – расширенным. Иными словами, между произведением и человеком идет процесс энергетического обмена, или обогащение человека путем особых «вибраций души»¹.

Появление великого Мастера всегда связано с энергетической работой ряда поколений человечества, участвующих в процессе энергоинформационного обмена. Великий Мастер есть эволюционная вершина такого обмена. Его творчество зарождается где-то на тончайшей грани, соединяющей миры иные с нашим, на той грани, которая потом и отразит светом или мыслью красоту этих миров в самом произведении.

Искусство России прошло в XX веке сложный путь от символического к искусству Космической Реальности и выступило в качестве предвестника нового, космического мироощущения. Символ возникает во внутреннем мире художника и несет в себе инобытийный смысл. Проходя через плотную материю земного мира, символ приобретает состояние образа, который художник и воплощает в произведении искусства. Именно такие образы и составляют информационную часть космического энергообмена между мирами. И то, что этот образ, проходя через внутренний мир художника, уплотняется и становится доступным расшифровке в земном мире, свидетельствует о том, что именно через искусство проходит ценнейшая космическая информация. В символе-образе подлинного искусства как бы объединяются два мира – невидимый и проявленный, тонкий и плотный, Высший и низший. Сам символ, его образ и форма принадлежат предметно проявленному и плотному миру,

---

¹ *Флоренский П.* Избранные труды по искусству. С. 315.

но его энергетика несет качество невидимого Высшего мира. Два мира, два состояния материи, два разных качества энергетики пересекаются и живут в символе. В этом его энергетическая особенность, в этом заключена красота его образа. Через эту двойственность символа и пролегает нелегкий путь земной красоты, ведомый таинственным и сокровенным процессом энергоинформационного обмена в глубинах Космоса.

Эта особенность искусства, отвечающая законам Красоты, дает нам возможность считать его одним из способов познания действительности, так же как науку, философию и различные духовные системы.

Но символическое искусство не стало окончательным достижением Красоты в земных условиях. XX век в этом отношении оказался также переломным. Расширение сознания и высокие результаты энергоинформационного обмена привели искусство на путь постижения высоких пространств инобытия, более тонкой энергетики Красоты. Иными словами, минуя символы, на нас с художественных произведений глянула Красота реального Космоса. Искусство художников-космистов, свидетелей и творцов новой Красоты, предоставило человечеству новые возможности в его эволюции, в духовном преображении. Но движение человечества к новому реальному миру оказалось не столь простым. На этом пути возникло немало трудностей, и прежде всего трудностей, связанных с недостаточным уровнем сознания, еще не отвечающего тому энергетическому эволюционному процессу, который развился на планете в начале прошлого века. Духовное преображение человека идет испокон веков в борении и противостоянии.

«Истинно, жемчужины искусства, – сказано в Живой Этики, – дают возношение человечеству, и, истинно, огни духотворчества дают человечеству новое понимание красоты»¹.

Великий русский философ В.С.Соловьев в конце XIX века выдвинул идею теургии и теургического искусства, идущего от инобытийной Красоты и преображающего человеческий дух. Он утверждал, что именно в художественном акте возможно преобразовать реальность, сделать ее энергетически более высокой, а материю менее плотной. Соловьев успешно сочетал в себе философа и поэта, обладавшего к тому же тонкой интуицией. Его предположения о роли Красоты и искусства в преображении человеческого духа подтверждены Великим космическим законом преображения Красотой, донесенным до нас системой познания философии Живой Этики.

---

¹ Иерархия, 359.

«В художнике-теурге, – подтверждает другой великий русский философ Н.А.Бердяев, – осуществится власть человека над природой через красоту. Ибо красота есть великая *сила*, и она мир спасет»¹.

Методология Живой Этики, опирающаяся на Великие законы Космоса, являет собой новую систему познания, содержащуюся в Учении и соответствующую особенностям нового мышления – космического мироощущения.

С точки зрения методологии системы познания Живой Этики могут быть рассмотрены важные проблемы, самым тесным образом связанные с космической эволюцией человечества и ее экстраполяцией на процессы, идущие в плотноматериальном мире земного пространства.

Исторический процесс как космическое явление

Живая Этика утверждает, что все происходящее на Земле определяется процессами космической эволюции, ее законами и ее особенностями. Этим же, а не просто «способом производства» или «производственными отношениями» определяется и исторический процесс, энергетическая причина которого находится в сложнейшей гамме космических взаимодействий. Теперь становится очевидным, что сам исторический процесс, идущий на планете, носит природно-космический характер. Осмыслить этот характер в его принципиальных особенностях – значит правильно понять закономерности развития человечества в прошлом, осознать цели этого развития в настоящем и познать перспективы нашего будущего.

Сам исторический процесс, участниками которого мы в той или иной степени являемся, есть одна из составляющих космической эволюции. Он, как и многое другое, формируется во взаимодействии духа и материи и определяется его энергетикой. Это же взаимодействие обуславливает циклы расцвета и упадка исторических периодов, непосредственно связанных с эволюционными процессами одухотворения и утончения материи, а также пути совершенствования самого человека, вершины его духовных достижений и бездны его падений. «Тема о всемирной исторической судьбе человека, – писал Н.А.Бердяев, – есть тема об освобождении творящего человеческого духа из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабощенности низшими стихийными началами»². Иными словами, главное

---

¹ Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 239.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 87.

наполнение исторического процесса состоит во взаимодействии духа, или мира свободы, с материей, или миром необходимости. И сама эволюция, стремясь к расширению пространства духа, направлена к свободе, утончению материи и повышению качества самой энергетики.

Авторы Живой Этики в силу своих обширных знаний и способности применить их в космическом масштабе являют собой пример мудрых историков, которым доступны и реальные исторические прогнозы, и перспективные заключения, соотносящиеся с прошлыми эпохами. Н.К.Рерих был их талантливым учеником, исследовавшим переломные периоды в судьбах человечества. Таким моментом, предшествующим нашему, явился период первого тысячелетия до нашей эры, когда энергетика эволюции подтолкнула человечество к новому витку в развитии, изменив его образ мышления и создав условия для находений, неведомых ему до этого времени. Н.К.Рерих выделил в этом процессе важнейшие явления, такие, как великие переселения народов, в которых он, в отличие от ортодоксальных историков, уловил ритм космической эволюции. Он увидел в этих передвижениях бурный энергетический обмен и возникновение новой энергетики, необходимой для дальнейшего восхождения. Древние земледельческие цивилизации умирали, израсходовав свою энергию. Динамичный кочевой мир принес человечеству новую, свежую кровь, вдохнул в него необходимые ему силы. Нечто подобное происходило и в XX веке нашей эры, когда сдвинулось со своих привычных мест, используя современные средства коммуникации, множество людей в безотчетной жажде усиленного энергообмена, необходимого для дальнейшего эволюционного продвижения.

Земной исторический процесс начинался с мифологии, которая несла в себе отправные точки этого процесса, инициированного «иной духовной действительностью» (Н.А.Бердяев). Но «иная духовная действительность» сама подчинена чему-то высшему, как и ритмы солнечной активности, подмеченные и изученные А.Л.Чижевским. Ученый писал о «некой внеземной силе», которая должна регулировать эти ритмы. Живая Этика определяет эту «внеземную силу» как Космический Магнит, направляющий ритмы энергетики всей Вселенной. Под этим понятием имеется в виду энергетическая структура одухотворенного Космоса, обладающая мощным свойством притягивать и распределять различные энергии. На подобных магнитах держится весь механизм энергообмена в Космосе. Космический Магнит проявляет себя на всех энергетических уровнях, взаимодействуя со

всеми энергетическими процессами, и влияет на все стороны космического бытия. Наша Вселенная, будучи своеобразной аурой Космического Магнита, живет и действует в его ритме. Этот ритм регулирует приток и отток энергий, образование и распад энергетических форм и отбор наиболее устойчивых из них. С Космическим Магнитом связано зарождение и развитие сознания человека, а в ритме этого Магнита он улавливает то, что называется велением Космоса, или волей Бога, которая направляет его на то или иное историческое действие. Осмыслить исторический земной процесс без учета его взаимодействия с ритмами Космического Магнита просто невозможно. Эти ритмы влияют на контакты человека с мирами иных состояний материи и иных измерений, энергетика которых самым решающим образом воздействует на космическую эволюцию человечества и его земное бытие. Внутренний, глубинный характер взаимодействия человека с материей иных состояний и измерений делает это взаимодействие одним из важнейших, а иногда и решающих факторов в его жизни и деятельности, к какой бы области последняя ни относилась. «...История дана нам не извне, – утверждает Н.А.Бердяев, – а изнутри, и мы в конце концов, воспринимая историю, конструируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной»¹.

Пренебрежение этим обстоятельством, неважно, по какой причине – невежеству или высокомерию, убивает в философии истории самую ее сердцевину – духовную суть самого процесса. Историки традиционного направления, особенно те, кто представляет старое социологическое мышление, исследуют лишь внешнюю часть исторического процесса, пытаясь в земном бытии отыскать или определить его причину, и не берут в расчет для выяснения причинной сути энергетические взаимодействия, идущие в Космосе, в которые вовлечена материя более высокого состояния и более высокого измерения.

Н.А.Бердяев увидел в историческом процессе два слившихся потока – историю небесную и историю земную. Небесная история есть причина земной. Первый толчок истории земной дала мифология, несшая в себе энергетическую информацию миров иного измерения. Важнейшие явления, связанные с историческим процессом, имеют как бы две стороны – внутреннюю, причинную, и внешнюю, заключающую в себе следствие. Иными словами, имеют небесное и земное со-

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 20–21.

держание, как и сам исторический процесс. Особенно ярко это видно в таком явлении, как свобода, в котором взаимодействие духа и материи, небесного и земного, имеет судьбоносный характер для истории, как таковой. Свобода сама по себе есть энергетическое явление высших миров, к которым принадлежит и дух человека. Уровень духовного развития человека определяется степенью и качеством осознания им свободы. Магистральное развитие духа идет по высокому пути свободы. Именно «в точке» свободы как энергетическом явлении соединяется и пересекается небесное и земное содержание исторического процесса. Взаимодействие свободы внутренней и свободы внешней, отличающееся в наших земных условиях крайне сложным и противоречивым характером, – одна из основных особенностей исторического процесса и составляет его философскую наполненность.

Община

В 1926 году одна из книг Живой Этики – «Община» – была привезена Рерихами в Москву. Книга касалась многих проблем, возникших в молодом государстве, поэтому и Николай Константинович, и Елена Ивановна надеялись, что ее опубликуют. Но ее не только не опубликовали, но, полагаю, даже не прочли. Руководители страны были заняты другими делами и не обратили внимание на то, что «Община» была своеобразным предупреждением, в первую очередь им самим.

«...Твердыня Великого Знания существует с незапамятных времен, – писала Елена Ивановна Рерих, – и стоит на бессменном дозоре эволюции человечества, наблюдая и вправляя в спасительное русло течение мировых событий. Все Великие Учителя связаны с этой Обителью. Все Они Члены ее. Многообразна деятельность этой Твердыни Знания и Света. История всех времен, всех народов хранит свидетельства этой помощи, сокрытой от гласности и обычно приходящей в поворотные пункты истории стран. Принятие или уклонение от нее неизменно сопровождалось соответственным расцветом или падением страны.

Помощь эта, в виде предупреждений или советов и целых Учений, проявлялась под самыми неожиданными и разнообразными аспектами. По истории красной нитью проходят эти предупреждения. За малыми исключениями, все подобные предупреждения оставались без внимания»¹.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 1. С. 425–426.

В «Общине» открывался еще один важный аспект деятельности Тех, Кто в XX веке создал философию Живой Этики. В ней содержались четкое предвидение горького и трагического опыта нашей страны и попытка предупредить о тенденциях, ведущих к такому опыту. Самобытность и, я бы сказала, уникальность подхода состояла в том, что эти предвидения имели космическое звучание. Они были тесно связаны с закономерностями эволюции одухотворенного Космоса. Все здесь было переплетено воедино: и социальное бытие человека, и его космическая суть. Концепция единства поражала своей красотой и стройностью. Позже, уже в другой книге Живой Этики, я нашла ее предельно краткую формулировку: «Путь эволюции проходит, как нить, через все физические и духовные степени. Потому и государственный строй, и общественный могут применить все космические законы для усовершенствования своих форм»¹.

Было бы ошибкой прямолинейно соотносить конкретную революцию, произошедшую в октябре 1917 года, с теми мыслями и высказываниями о сути революций вообще, которые мы находим на страницах «Общины». Сделать это – значит сузить мировоззренческие позиции и самих Авторов Живой Этики, и Рерихов. Но вместе с тем нельзя и отрицать, что какой-то своей стороной эти мысли затрагивают и российскую революцию, ибо она была совершена как творческий акт эволюционной неизбежности. «Эволюция мира, – сказано в “Общине”, – складывается из революций, или взрывов материи. Каждая революция имеет поступательное движение вверх. Каждый взрыв в конструкции своей действует спирально. Потому каждая революция в своей природе подвержена законам спирали. Потому правы те, кто заботится о движении завоеваний революции»². Иными словами, революция является своеобразным энергетическим инструментом в руках эволюции, который содействует появлению новых форм или, точнее, новых комбинаций в материи социальной, экономической или культурной жизни народа и страны. Слово «революция» имеет в «Общине» самую широкую трактовку и самые различные уровни. Революция, которая может иметь самые разные формы, в этом отношении тождественна энергетическому взрыву, двигающему эволюцию, и не рассматривается как конкретная историческая революция.

Острое противоречие между уровнем сознания тех, кто совершил Октябрьскую революцию, и задачами самой революции не только сни-

---

¹ Мир Огненный. Ч. III, 65.

² Община 1927 (Урга). Кн. 3. Ч. 2, V, 1.

зило результативность творческого акта эволюционной неизбежности, но и поставило под угрозу судьбу этого исторического действия в целом. Насилие и разрушение захлестнули страну и деформировали духовную суть самой революции.

Известный русский писатель В.Г.Короленко в 1920 году писал А.В.Луначарскому: «Народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: «грабь награбленное»), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других»¹.

Социальная революция заключала в себе вопиющее несоответствие между целями и средствами достижения этих целей. Цели объективно несли в себе эволюционную неизбежность – стремление к созиданию Нового мира справедливости, гармоничных человеческих отношений, освобожденного труда. В средствах же достижения отразился уровень сознания народа и его лидеров. И недостойные целей средства со временем изменили суть этих целей и превратили их в нечто противоположное первоначальному замыслу. Так распорядилась свободная воля народа возможностью, предоставленной ему космической эволюцией. «...Но каждый располагает своевольно»², – написано в «Общине». Сознание народа оказалось ниже его энергетического потенциала, и это несоответствие самым губительным образом повлияло на те новые комбинации жизнеустройства, которые несла в себе очередная ступень космической эволюции. Новые же формы, насаждаемые с помощью насилия и принуждения, не успев возникнуть, разрушались, теряли свою суть и не выполняли своего предназначения. Короленко назвал эти средства преступными. «И вы в нем (преступлении. – Л.Ш.) виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата»³.

«Созидатели» новой России не только вмешивались в духовную природу человека, но и нарушали природный исторический процесс,

---

¹ Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Сост. М.Вострышев. М.: Современник, 1989. С. 621.

² Община 1926 (Рига), 247.

³ Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. С. 619.

творившийся в согласии с Великими законами Космоса. Не подозревая о существовании этих законов, невежество убивало прошлое и тем самым лишало страну будущего. На глазах у целого народа и с его же помощью пилили огромное дерево многовековой культуры ради новых побегов, которые не могли существовать без соков этого же дерева. Ущербное и невежественное мышление новоявленных «созидателей» не смогло связать появление этих побегов с самим деревом, и поэтому новые ветви были погублены вместе со старым стволом и корнями.

«Общину» привезли в Россию в тот момент, когда после короткой передышки вновь стали пилить дерево жизни страны. Учителя, создавшие книгу, не были в состоянии приостановить этот губительный процесс уничтожения духа и культуры народа, но у них была возможность попытаться что-то объяснить. Они писали о том, что без прошлого нет будущего. Они утверждали, что, каким бы путем ни развивался тот или иной народ, его дальнейшее продвижение немислимо без тех духовных накоплений, которые были сделаны им в прошлом. Только эти накопления являются реальной опорой в эволюционном движении. «Так надо строить, чтобы все прошлое совпало с будущим. Разрушается все ошибочное и случайное, но нить знания не должна быть нарушена. Не уступка прошлому, но поток вечности»¹.

«Поток вечности» нельзя прервать, иначе взбунтовавшееся Время снесет рискнувших это сделать. Разрушение духа и знания создает препятствия на пути этого потока. «Роскошь разрушения отошла на страницы истории. Мир нуждается не в новых элементах, но в новых сочетаниях. И путь нового завоевателя озарен не заревом пожаров, но искрами вновь привлеченной энергии»². В этих словах заключен важнейший смысл. В течение тысячелетий культурно-историческая эволюция готовит новые комбинации элементов, ее составляющих, чтобы придать им в определенный момент то необходимое энергетическое качество, которое сформирует новый, более высокий виток в эволюции человечества. «Вновь привлеченная энергия», соответствующая такому энергетическому качеству, становится творческим началом предстоящего витка.

На современном этапе эволюции на первый план выдвигаются тенденции объединения, которые противостоят разъединению. Объединение требует развития общечеловеческого сотрудничества, или кооперации, как называет этот процесс «Община». Социальное устройство

---

¹ Община 1926 (Рига), 215.

² Там же, 214.

будущего человечества станет общинным, или коммунистическим. Эта мысль является стержневой для всей книги. «Как из наблюдения земного пути рождается представление об эволюции, так каждый человеческий организм носит общину в своем строении»¹. Иными словами, идея общины уже сформировалась на природно-энергетическом уровне. «...Учение общины должно идти в согласии с явлениями энергии»². Но можно ли считать, что община, или коммуна, о которой говорится в «Общине», и есть тот коммунизм, который исповедовали Маркс, Энгельс и Ленин? Вряд ли. В книге, созданной Учителями, речь идет об общине как природном эволюционном явлении. Понятие это трактуется ими много шире, нежели просто социально-экономическая категория, и носит более глубокий философский характер. Коммуна, по мысли Учителей, должна послужить основой для духовного совершенствования человека и развития его свободного и творческого труда.

Вопрос отношения к собственности в рамках общины рассматривается как один из важнейших. Революция в России решала этот вопрос по-своему. Она создала условия для овладения собственностью и перераспределения ее в пользу класса, пришедшего к власти. Такое перераспределение, совершаемое в стране с общим низким уровнем сознания, привело к ряду губительных последствий и в материальной, и в нравственной сферах. Лозунг «грабь награбленное» вызвал необратимую цепную реакцию. В связи с этой опасной тенденцией В.Г.Короленко писал в одном из писем А.В.Луначарскому: «Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупа. Все разрушается: дома, отнятые у прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал <...> Лучше всего живет всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения»³. Короленко заметил важнейшее противоречие русской революции – социальный эгоизм и самоотверженность не могли долго сосуществовать. Общество давало место только одному из них. Было бы наивно полагать, что при сложившихся условиях социальный эгоизм, отрекшись от чувства собственности, мог исчезнуть сам собой. «Чувство собственности, – писали создатели “Общины”, – измеряется не вещами, но мыслями. Так община должна быть принята сознанием. Можно иметь вещи

---

¹ Община 1927 (Урга). Кн. 3. Ч. 2, XI, 6.

² Община 1926 (Рига), 249.

³ Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. С. 615–616.

и не быть собственником»¹. Подмена чувства собственности, являющегося категорией сознания, материальной субстанцией, представляет одним из крупных искажений в духовном движении революции. Есть вещи – ты собственник, нет вещей – не собственник. В результате этические и нравственные ориентиры революции были сдвинуты и нарушены. Зависть, порождение неверно понятого экономического равенства, и канонизированный государством грабеж (крестьяне грабили помещиков, комбедовцы – «справных» крестьян, репрессивные органы – арестованных активистов по борьбе с кулачеством и т.д. и т.п.) губили ростки новых комбинаций жизнеустройства страны и укрепляли старые, стыдливо, как фиговым листком, прикрытые громкими лозунгами. Новый Мир по-иному решал проблему «брать или давать». «Жертва несчастья – так называли вступившего в общину по безысходности. Потерпев полную неудачу, человек жертвовал несчастье свое, и цена неудачи была несчастна. Но именно принеся несчастье считал наибольшим вкладчиком себя: он и пожертвовал, он и отказался, он и предпочел, он ждущий и предъявляющий счет.

Мы предпочитаем жертву счастья. Кому есть от чего отказаться, тот менее ждет платы. Так стройте общину по вехам пожертвований»².

Теперь, когда мы судим о многом с позиций обретенного нами драматического опыта социальных переустройств, мы не можем отрицать справедливости вышесказанного. Человек, сознательно участвуя в строительстве Нового Мира, – отдает. Заведомо ложная концепция – «я борюсь, чтобы взять» – бесплодна и не выдерживает нравственного испытания.

Основой общины, утверждают Учителя, должен быть труд. Труд добровольный, творческий, свободный и приносящий радость. Качеством труда общинников определяется их уровень сознания. Повседневностью должны стать в жизни общинников наука и искусство. Знание и высокий уровень сознания должны быть естественным критерием, определяющим иерархию в общине. Вождь превосходит остальных по качеству знания и выполняет в то же время роль Учителя. Новая энергия, психическая, активно используется в творческом труде и способствует совершенствованию человека. Община живет интенсивной духовной жизнью, которая и является главной пружиной всех ее свершений. «Община есть вместилище всех возможностей и всех накоплений»³.

---

¹ Община 1926 (Рига), 85.

² Там же, 188.

³ Община 1926 (Рига), 237.

Большое внимание Учителя обращают на этику человеческих отношений, на такие нравственные понятия, как достоинство, справедливость, порядочность, честность и многие другие.

Я сделала лишь схематичный набросок тех общинных идей, которые содержатся в книге. Однако и этого достаточно, чтобы понять, что перед нами не реальная община, а некий ее идеальный, можно сказать, утопический образ. Но будем ли мы правы в этом случае? Нам известно, что утопия – это мечта о справедливом и светлом мире или о месте, где такой мир себя уже реализовал. Но если мы зададимся вопросом: как и откуда появилась такая мечта? На это можно ответить: от естественной реакции человека на несовершенство мира, в котором мы живем. Но в таком утверждении много неясного. Рассуждая так, мы, во-первых, не учитываем ни сложности процесса, называемого Жизнь, ни причинно-следственных связей, заложенных в этом процессе. Во-первых, нам следует обратить внимание на общеизвестный факт, что мечта о справедливом и счастливом мире, или утопия, пришла почему-то с Востока. Европейская утопия была вторичным явлением. На Востоке существовало нечто, что служило реальным источником такого рода мечтаний. Сколь верно такое предположение? С точки зрения эволюции, идея общины в чистом ее виде – категория космическая. Закономерно предположить, что одухотворенный Космос продвигает свои идеи не только с помощью энергетического обмена, концепция которого содержится в Живой Этике, но и прямым общением с более высокими сущностями, творящими на Земле. К последним, по-видимому, принадлежат и сами создатели Живой Этики – Учителя, или Махатмы. Их крайне малочисленные группы размещены в нескольких Ашрамах, расположенных в Гималаях. Те, кто знаком с произведениями Рериха, художественными и научно-литературными, помнят легенды о Шамбале, Беловодье, островах Бессмертных и т.д. В легендах нашла отражение реальность Ашрамов Учителей, общинное устройство которых близко к идеальному, описанному в «Общине». «Вам же следует, – сказано там же, – помнить о Нашей Общине и подражать в согласном труде»¹.

Община Учителей работает на Общее Благо. Идея же самого Общего Блага как энергетического принципа в духовно-культурной эволюции человечества нашла свое четкое выражение в философской мысли XX века. Один из крупнейших русских философов А.Ф.Лосев опреде-

---

¹ Община 1926 (Рига), 17.

лял истинного интеллигента как человека высокого сознания, несущего в себе идею «интересов человеческого благоденствия»¹, иными словами, того же Общего Блага, по формулировке Учителей. «Идеология интеллигентности, – писал Лосев, – возникает сама собой и неизвестно откуда; и действует она, сама не понимая своих действий; и преследует она цели общечеловеческого благоденствия, не имея об этом никакого понятия»². Другими словами, объективный природный исторический процесс формирует в социальной сфере идеологию, которая и создает интеллигенцию в ее истинном и самом высоком смысле. Отношение человека или целого народа к идее Общего Блага является тем критерием, которым и измеряется уровень сознания, как такового.

Процесс формирования идеи и практики общины был достаточно длительным. Наш исторический опыт знает самые разнообразные формы общины, заключавшие в себе различную суть и цели: родовая община, соседская, домовая и т.д. Позже стали появляться общины, связанные с культурными и духовными движениями. Древняя Индия, например, имела Ашрамы, или общины, возникавшие вокруг определенного духовного Учителя. Во времена Будды действовали общины в монастырях. В России также существовали монастырские общины, в которые Сергей Радонежский внес истинный дух объединенного жития. Монашеские общины занимались активной просветительской и гуманитарной деятельностью и во многом служили для народа нравственным примером. Однако впоследствии эти общины постепенно утратили свой первоначальный культурно-нравственный характер. Тем не менее идеология общинного жития, подкрепленная общинным устройством русской дореволюционной деревни, еще долго жила в народе. Возможно поэтому идея коммунизма, принесенная революцией, нашла в нем с самого начала непосредственный отклик. Сразу же после революции появились трудовые крестьянские коммуны. Среди них было немало и таких, которые объединяли духовных единомышленников, например приверженцев идей Л.Н.Толстого, разного рода религиозных сектантов и т.д. О последних мы находим упоминание в интереснейшем документе – «Докладной записке о том, как поднять урожайность и усилить колхозное строительство», написанной в 1929 году: «...есть и такие крестьяне, которые уже изжили собственническую психологию и давно уже вполне искренне, по глубокому своему убеждению, а не по нужде только стремятся к социализму

---

¹ Советская культура. 1989. № 4.

² Там же. 1989. № 4.

и коммунизму, каковы, например, духоборы и другие сектанты-коммунисты, которые создали образцовые колхозы...»¹ Автор записки, некто И.М.Трегубов, выступая против принудительной коллективизации, писал о необходимости духовной основы для коммуны или колхозов. Однако на мысли, высказанные в записке, никто не обратил внимания. Мы знаем, что коллективизация нанесла непоправимый урон не только самому сельскохозяйственному производству, но и духовной основе деревни, ее традиционной культуре. То, что стало ясным немногим в 1929 году, предвиделось авторами «Общины» еще в 1926-м: нарушение принципов общинного устройства, разгул насилия, отчуждение от государства духовной основы, резкий поворот к казарменному социализму. Они предупреждали о надвигавшемся бедствии, но не были услышаны. Объединительная тенденция космической эволюции постепенно подменялась тоталитаризмом, и свободная воля нового вождя сыграла в этом процессе важнейшую роль. Была искажена идея общины и сотрудничества, были нарушены Великие законы Космоса. «Людской миллион в шеренгах, на парадных площадках, – писал Тейяр де Шарден. – Людской миллион, стандартизированный на заводе. Моторизированный людской миллион... И все это приводит лишь к самому ужасному порабощению! Кристалл вместо клетки. Муравейник вместо братства. Вместо ожидаемого скачка сознания – механизация, которая как будто неизбежно вытекает из тотализации...»²

«Явно перед вами, – читаем мы на страницах “Общины”, – брошены в грязь большие ценности. Явно попираются пути к Мировой Общине»³. И еще: «Невежество будет худшим основанием. Страх и подлость займут ближайшее место»⁴. Причины порождали следствия. Строители Нового Мира принимали желаемое за действительное. Среди многих других ошибок они совершали и эту, которая принесет им потом неисчислимы беды. Разноцветный занавес манящей иллюзии скроет реальность. Ориентиры сдвинутся, и «близорукая очевидность» (по выражению авторов «Общины») отождествится с действительностью. На пути к Новому Миру возникнет одна из самых коварных опасностей. «Надо наблюдать не так, как хочется, но так, как есть в действительности»⁵, – предупреждали Учителя. «Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно,

---

¹ Горизонт. 1989. № 1. С. 29.

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 203.

³ Община 1926 (Рига), 254.

⁴ Там же, 94.

⁵ Там же, 161.

что материальное воззрение дает самые неограниченные законные возможности»¹. Расхождение нашего «материального воззрения» с реальностью страна начнет осознавать лишь десятки лет спустя. Порожденные отклонением от пути иллюзии держались на лжи, осознанной для тех, кто был заинтересован в ней, и не осознанной для тех, кто покорно и бездумно или с энтузиазмом следовал за «иллюзионистами». Устная и письменная ложь мутным потоком разливалась по стране со всех этажей правящей структуры. Учителя во имя будущего человечества предостерегали в первую очередь от лжи в книгах: «Ложь в книгах должна быть преследуема как вид тяжкой клеветы <...> Занимать ложью место народных книгохранилищ – тяжкое преступление»². Они выступали против «рабской угодливости», против страха, против «младенческого материализма», который искажал и суживал широкий спектр коммунистического мировоззрения. Они пронизательно и точно определили носителей таких качеств. «Помните, что не безграмотный народ будет яриться против действительности, но эти маленькие грамотеи свирепо будут отстаивать свою близорукую очевидность. Они будут думать, что мир, заключенный в их кругозоре, действителен, все же остальное, им невидимое, является вредной выдумкой. Что же лежит в основе этой нищенской узости? Та же самая, вид изменившая собственность. Это мой свинарник, и потому все вне его – ненужное и вредное. Это моя очевидность, и потому вне ее ничто не существует»³. Эти «маленькие грамотеи», распространившие чувство собственности и на духовную жизнь народа, представляли самую большую опасность для страны. Именно опираясь на них, тщеславных и амбициозных «первопроходцев», поднялся вождь – диктатор. Авторы «Общины» разглядели его достаточно ясно еще в 1926 году. Они не назвали его имени, понимая, что обстановка этому не благоприятствует, однако отдельные их замечания дают нам достаточно реальное представление о конкретном человеке, которого в тот год страна только что начинала называть вождем. Уже тогда они предвидели многие его действия. «...Также непристойно для водителя переменить направление на обратное»⁴, – читаем мы. «Община» обращает внимание на недопустимость низкого сознания у вождя и в то же время дает нам понять, что такое обстоятельство уже является для страны реальностью. «Сектант мечтает забрать власть для подчинения

---

¹ Община 1926 (Рига), 196.

² Там же, 94.

³ Там же, 206.

⁴ Там же, 161.

всего своему негибкому сознанию»¹. «Руководство массами обязывает к расширению сознания»². Вот и еще несколько высказываний, носящих конкретно-оценочный характер. «Плох водитель, применивший план лишь ко дню или к ночи. Не можете идти уверенно, думая о скудости вождя»³. «Плох вождь, скрывающий истинную опасность. Преодолеть ее можно лишь полным знанием»⁴. «Человек, сеющий ужас, сам безумно боится»⁵. «Не притворное заикание перед методом признанного авторитета, но борение и горение исканий действительности»⁶.

1926 год был тем переломным моментом, когда перед страной встал выбор: или Общее Благо, или «тьма фетишизма». К сожалению, реализовалось последнее. «Напомним о свойствах, совершенно недопустимых в общине: невежество, страх, ложь, лицемерие, своекорыстие, присвоение, пьянство, курение и сквернословие»⁷. Все это со временем возникло не только в общине, но и в государстве в целом. К этому черному списку Учителя присоединили и насилие, против которого предупреждали особо. «...Из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная коммуна. Каждое насилие обречено на реакцию, а самое худшее насилие обречено на реакцию самую худшую»⁸. Через три года в стране началась насильственная коллективизация, которая через несколько десятков лет обернулась «самой худшей реакцией»: развалом аграрной основы страны и нравственным упадком деревни. «Никто не может утвердиться одними бездушными приказами. Насилие есть пережиток»⁹. Насилие породило репрессии, предчувствие которых мы ощущаем на страницах «Общины». «Ни капиталистический сыск, ни инквизиторские тюрьмы недопустимы»¹⁰. Массовые репрессии в стране оправдывались пресловутой сталинской теорией усиления классовой борьбы по мере строительства социализма. «Труд невозможен среди вражды, — опережая надвигающееся, пишут авторы “Общины”. — Строеие немислимо среди взрывов ненависти. Содружество борется с человеконенавистничеством»¹¹. Насилие сопровождалось всякого рода запретами, ограничениями и

---

¹ Община 1926 (Рига), 237.

² Там же, 131.

³ Там же, 194.

⁴ Там же, 154.

⁵ Там же, 157.

⁶ Там же, 162.

⁷ Там же, 178.

⁸ Община 1927 (Урга). Кн. 3. Ч. 3, II, 3.

⁹ Община 1926 (Рига), 268.

¹⁰ Община 1927 (Урга). Кн. 3. Ч. 3, II, 3.

¹¹ Община 1926 (Рига), 273.

отрицаниями. «Запретом и отрицанием не повторите тиранов и изуверов. Невежеством и чванством не уподобьтесь золоченым дуракам»¹.

Невежество и насилие препятствовали росту сознания, лишали человека способности отличать добро от зла, рабство от свободы. «Вы хотите затушить пламя знания, но невежественная община – темница, ибо община и невежество несовместимы»². На страницах «Общины» мы находим также и определенное предощущение казарменного социализма с уравнительностью вместо равенства, с новым подчинением вместо свободы. Новый вождь неуклонно вел к этому страну. «Скажут: “Мы для общины отказались от радостей”. Ответьте: “Какая кладбищенская ваша община, если она на постном масле!” Как слезливо унылы лишения! Как облизываются они на запретные лакомства!

Явление лишений незнакомо Нам, ибо вмещение исключает лишение. Учение Наше представляет мир богатым, радостным и увлекательным. Нигде не указаны вериги и бичевания»³. В небольшом этом отрывке точно схвачена психология насильственной казарменной коммуны. Искусственные лишения во имя мифического будущего – для одних и вседозволенность – для других. Тяга к «запретным лакомствам» превратила со временем эти «лакомства» в цель человеческой жизни. Мы знаем, что за этим последовали утрата духовного начала, падение нравственности, размывание границы между чужим и своим и т.д. Община, или коммуна в истинном ее смысле, в России не состоялась. Думаю, что для авторов «Общины» это не было секретом. Но со страниц книги не веет ни безнадежностью, ни разочарованием. Нам показали, сколь труден путь к общине – коммуне, нас предупредили об опасностях этого пути. Но окончательного приговора не вынесли. Материя складывает свои новые комбинации. Космическая эволюция представляет вновь свои возможности для продвижения. «Когда человек попадает в несовершенную общину, в ужасе он устремляется в противоположность, – это неправильно <...> Неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным строениям. Так мыслите о новых возможностях»⁴. Это уже для нас, сегодняшних. Нам же адресовано и следующее пророчество: «Вы увидите все миражи и будете знать непреложную действительность приближения Мирового Сотрудничества»⁵. Доктрина необходимости и неизбежности сотрудничества между людьми

¹ Община 1926 (Рига), 99.

² Там же, 119.

³ Там же, 263.

⁴ Там же, 226.

⁵ Там же, 258.

ми, между народами и странами в планетарном масштабе и, наконец, в пределах одухотворенного Космоса – важнейший дар эволюции и важнейшее ее требование на той ступени, к которой мы сейчас подошли.

Чем внимательней мы будем вчитываться в «Общину», тем больше найдем в ней полезного и подчас неожиданного для себя. Мы найдем в ней и новые предупреждения. Хотелось бы, чтобы мы вняли им, а не отвергли, подобно тем, вчерашним, которые заплатили за свое отрицание нашим сегодняшним днем. Именно к нам, сегодняшним, обращены слова о неизбежности проявления в нашей жизни психической энергии, еще одного дара эволюции. «Прежде всего запомним, что невозможно удержать роды созревшего плода. Оглянемся на страницы истории. Пришло время освобождения мысли – и запылали костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства – и загремели расстрелы. Пришло время развития техники – ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии. Все инквизиторы, ретрограды, стародумы и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и ретрограды могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые пригодятся для них же в виде рабочих колоний. Но созревшую степень эволюции отодвинуть нельзя. Так же как нельзя человечество лишить всех путей сообщения»¹.

Если мы, сегодняшние, не примем этот дар, то заплатим за это завтрашним днем наших детей и внуков.

Пусть прочитавшие «Общину» задумаются над опытом прошлого, суть которого она нам раскрывает. Этот опыт направлен в наше будущее. Именно в этой неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего и состоит ценность и уникальность этой книги.

Культура и цивилизация

Очень важное место в философии Живой Этики и трудах Н.К. и Е.И. Рерихов уделено Культуре как одному из устоев космической эволюции человечества. Н.К.Рерих в научных и литературных трудах широко пользовался методологией Живой Этики и тем самым внес четкость во многие онтологические вопросы, и прежде всего в проблему «Культура – цивилизация».

---

¹ Община 1926 (Рига), 248.

«Многозначительно приходится повторять понятие о Культуре и цивилизации, – писал он. – К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень Культ имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни»¹.

Если Культура есть дух творческой деятельности человека, то цивилизация, или попросту обустройство жизни человека во всех ее материальных, гражданских аспектах, есть материя этой деятельности. Оба эти вида деятельности, казалось бы, так тесно связанные между собой, имеют различные источники возникновения и различное содержание и назначение. Отождествление цивилизации и Культуры приводит к путанице основных понятий, к недооценке духовного фактора в истории человечества. Подмена одного понятия другим, что случается часто, дает возможность навязывать Культуре несвойственные ей функции, а цивилизации приписывать то, что совсем не было для нее характерным. В результате возникали мифы о «тысячелетних царствах», «вечном живых учениях», «пролетарских» и «буржуазных» культурах.

Н.А.Бердяев, чьи взгляды во многом совпадали с рериховскими, определял культуру следующим образом: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще неразвернутой и недифференцированной. Древнейшая из культур – культура Египта началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»².

Рерих не только разворачивает и углубляет сказанное о Культуре Бердяевым, но и вводит многие совершенно новые понятия и определения. «Культура, – пишет он в одном из очерков, – есть почитание Света,

---

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, [1933]. С. 41.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 166.

Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты»¹.

К области Культуры мы можем отнести те проявления человеческого духа, которые как бы сами изливаются из таинственных глубин человека, носят природный характер и естественны для него. Песня и музыка, художественное творчество во всех его проявлениях, различные культы, этические моменты, поэзия и многое другое, кажется, появились вместе с человеком, росли и развивались параллельно с его сознанием.

Культура, в отличие от цивилизации, – *самоорганизующаяся система духа*, действующая согласно уровню и качеству энергетики этого духа. Иными словами, *самоорганизация духа есть форма существования Культуры*. Новая наука, зародившаяся в XX веке и называемая синергетикой, дает некоторые наведения для выяснения закономерностей этой способности к самоорганизации. Синергетика имеет дело в основном с биологической самоорганизацией. На биологическом уровне ученым удалось «нащупать» некий универсальный принцип, имеющий отношение к любой энергетической структуре и к духу в том числе.

В энергетическом поле духа идут те же обменные процессы, которые составляют основу всех космических явлений, начиная от человеческого общества и кончая межзвездным веществом. Такой энергообмен складывает или превращает дух в систему Культуры. Синергетика справедливо утверждает, что самоорганизации поддаются лишь открытые системы.

Наряду с этим важным условием для возникновения процесса самоорганизации, в какой бы среде он ни шел, является первоначальное отклонение от равновесия. Такое отклонение может происходить в силу направленного энергетического воздействия извне или возникать внутри самой системы. Раз уж мы обратились к открытиям современной науки, то следует еще упомянуть теорему Маккалока-Литса, одну из важнейших в кибернетике: промоделировать некую самоорганизующуюся систему может только система на порядок более сложная.

---

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 93.

В этих положениях заключаются основные принципиальные закономерности формирования Культуры как самоорганизующейся системы духа. Условно мы их можем разделить на объективные и субъективные. Объективные закономерности действуют на уровне регулярных процессов энергообмена, субъективные же связаны с более сложными явлениями, имеющими отношение к высоким самоорганизующимся системам, способным к направленному энергетическому воздействию. И объективные, и субъективные факторы в формировании и развитии Культуры как самоорганизующейся системы духа постоянно взаимодействуют. Если объективные двигатели Культуры мы можем отнести к условно называемым природным явлениям, то субъективные, я не ошибусь в этом, связаны с субъектами космической эволюции, которых Живая Этика называет Иерархией Света. Вряд ли сейчас можно отрицать существование одухотворенного Космоса, в котором энергетические сущности, достигшие высоких степеней эволюции, играют важнейшую и целенаправленную роль. Деятельность космических Иерархов, участвующих в эволюции человечества, проявляется в первую очередь в области Культуры, которая как самоорганизующаяся система духа является энергетическим сердцем этой эволюции.

Воздействие подобного рода можно проследить в истории человечества с древнейших времен и по сегодняшний день. Культурные герои мифов и легенд, мудрецы, Учителя, анонимные и исторические, религиозные наставники и, наконец, создатели духовно-этических учений – все они были связаны с космическими Иерархами и сами в ряде случаев являлись субъектами космической эволюции, то есть теми, кто сознательно воздействовал на ход эволюции человечества. Культура «есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции»¹, – писал Н.К.Рерих. «Культура покоится на Красоте и Знании. Растет она осознанием благословения Иерархии Света. Значит, к познанию механическому нужно добавить огонь сердца. В этом будет уже первое отличие Культуры от цивилизации»².

Называя Культуру «Садом Прекрасным», Рерих ставит в ней на первое место Красоту как энергетический закон гармонии духа. «Осознание Красоты спасет мир», – повторил он с небольшой поправкой слова Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от примитивного к совершенному, от элементарной системы к Красоте. Красота

---

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 77.

² Рерих Николай. Держава Света. Southbury: Alatas, 1931. С. 207.

как категория духа утончает материю жизни и энергетику человека. Созерцание Красоты формирует в человеке философское и утонченное созерцание мира. Культура, как таковая, не существует без творчества, ибо именно творчество и есть та энергетическая сердцевина, без которой самоорганизующаяся система духа не может продвигаться от менее к более развитому, от плотного состояния к утонченному. Творчество роднит земного человека с Богом-Творцом и указывает ему, человеку, тем самым эволюционный путь в звездных пространствах Космоса. Именно творчество как явление Культуры в самом его широком смысле дает возможность сотрудничества с высокой космической Иерархией. Энергетически усиленное «языком сердца», оно рождает для человека-творца возможность прорыва в неизведанное, в Беспредельность. «Язык творчества и есть тот общечеловеческий язык, понимаемый сердцем. А что же может быть более светоносно, более взаимопонятно, нежели язык сердца, перед которым все звуковые наречия являются скудными и примитивными? Только творчество во всем его многообразии вносит мирную объединяющую струю во все жизнестроение. И тот, кто, несмотря на окружающие затруднения, стремится по этому пути Света, тот выполняет насущную задачу эволюции»¹.

Такие высокоэнергетические проявления человеческого духа, как сердечность и любовь, есть неотъемлемая часть Культуры, как таковой. Без этих качеств, справедливо утверждал Н.К.Рерих, нет культурного человека. В рериховской богатой и многоцветной палитре Культуры нет места бездуховным, сухим «образованцам», тем, кто знает, какой вилкой есть рыбу, но не имеет представления о тех высших силах, которые заключены в нем самом. Культура не может существовать без естественной связи с Высшим. Ее самоорганизующаяся система формируется под непосредственным влиянием контактов с мирами более высокого состояния материи, более высоких измерений. Как писал Н.А.Бердяев, в ней «даны знания и подобия иной духовной действительности». Эта «иная духовная действительность» вошла в человека с первыми искрами его сознания, с первыми формами его творчества. XX век дал нам огромный материал различного рода связей с этой «иной духовной действительностью». Энергии, которые в результате сложнейших энергообменных процессов, идущих в Космосе, приближаются к Земле, могут выполнить свою позитивную роль, лишь пройдя поле Культуры, где сосредоточен высокий духовный потенциал,

---

¹ Рерих Николай. Держава Света. С. 140.

необходимый для принятия такого рода энергий. Энергии, приблизившиеся к Земле, но не встретившие на своем пути смягчающих духовно-энергетических структур, способных снизить их напряжение, могут обрести разрушительный характер.

Живая Этика, Учение, открывшее нам энергетическое мировоззрение, говорит о Высших мирах – Тонком и Огненном, под воздействием которых находятся многие явления на Земле и элементы которых входят в нашу Культуру. Новый период существования Земли, наступающий с очередным эволюционным витком, еще более усилит нашу связь с «иной духовной действительностью». Рерих, обращая наше внимание на это обстоятельство, цитирует один из параграфов Живой Этики: «Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль»¹. Эта ступень творящей мысли и есть один из этапов космической эволюции человечества, к которой нас готовит лишь Культура как форма существования духа на нашей планете. Иного пути в космическую эволюцию нет. Те, кто не в состоянии идти по этому нелегкому и сложному пути, выпадают из эволюционного коридора, предназначенного нашей планете. Их подхватит спираль инволюции, бросит вниз, и вновь нужно будет подниматься путем страданий и мучений. Великие законы Космоса неумолимы, а энергетические процессы, идущие в нем, необратимы.

«...Немногие понимают, что Культура, как таковая, по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны, и кто знает, может быть, даже еще труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи»². Земная материя, в какой бы форме она ни пребывала, своей энергетикой сопротивляется этому восхождению, не желая выходить из комфортного состояния инерции, всячески мешая тому процессу собственного утончения, к которому стремится динамичный и бессмертный дух. Не материя держит дух, а нетленный и неразрушимый дух держит эту материю и обеспечивает ей возможность перехода в высшее качество.

Н.К.Рерих выработал совершенно новую концепцию Культуры, пронизанную идеями Живой Этики и имеющую практическое эволю-

---

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 192.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 233.

ционное значение. Среди различных достижений мысли XX века эта реальная концепция, связанная с проблемами космической эволюции, была одним из важнейших его находений. И когда мы осмыслим эту концепцию, поймем ее особенность и суть, то различие между Культурой и цивилизацией проявится еще резче, а смешение этих понятий станет недопустимым.

Цивилизация, как утверждают Учителя, есть обустройство жизни, связанное с рукотворчеством, главной формой деятельности материи в нашем плотном мире. В истории человечества возникали и складывались различные типы цивилизаций. Их характер определялся в первую очередь уровнем взаимодействия с Культурой, ибо сама цивилизация возникает в энергетическом поле Культуры. Процесс этот еще не изучен, так же как еще не осмыслен характер самой Культуры. Можно только сказать, что во многих случаях ранние цивилизации создавались и развивались вместе с Культурой и активно взаимодействовали с ней. На начальных этапах цивилизация была своего рода оправой драгоценного камня Культуры, и соответствие этой оправы самому камню, или степень их гармонии, определяло качество того или иного периода человеческой истории, его духовность и культурность. Иногда оправка изнашивалась, распадалась в силу разных обстоятельств, и тогда сам камень отдавался во власть стихий, часто разрушительных. Иногда цивилизация отдалялась от Культуры или приближалась к ней, но никогда на протяжении последних двух тысячелетий, да и ранее, не существовала отдельно от нее. Полный отход цивилизации от Культуры – особенность XX века, века, стоявшего на пороге новых эволюционных изменений в жизни планеты. Представляя, в отличие от Культуры, тленную, преходящую материю человеческой жизни, цивилизации приходили и уходили, возникали и разрушались, в то время как вечный дух Культуры, носителем которой всегда было человечество в целом, оставался, проходил свои циклы развития через многие поколения, углубляя и расширяя энергетические возможности их дальнейшей эволюции.

Большинство философов и культурологов прошлого столетия, вне зависимости от того, отделяли они Культуру от цивилизации или нет, писали в основном о цивилизации XX века и ее особенностях. Наиболее значительны, на мой взгляд, исследования Н.А.Бердяева. «Цивилизация, в противоположность культуре, – писал он, – не религиозна уже по своей основе, в ней побеждает разум “просвещения”, но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация, в противоположность культуре, не символична, не иерархична, не ор-

границна. Она – реалистична, демократична, механична. Она хочет не символических, а “реалистических” достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров <...> Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни <...> Соотношение между целями и средствами жизни перемещивается и извращается»¹.

Рерих обращает наше внимание на то, что во взаимодействии Культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать Культуре, что избавит цивилизацию от многих искажений, ей свойственных. «Будем помнить завет Света, – пишет он, – что прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте – богатство»².

Древнейший период человеческой истории дает нам свидетельство о том, что между Культурой и цивилизацией не существовало такого резкого разделения, которое возникло впоследствии. По всей видимости, это была единая и цельная самоорганизующаяся система духа и материи человеческой деятельности, так называемый первоначальный синтез. Мифология различных народов довольно ярко отразила это явление. Этнографический материал также это подтверждает. Род, например, был категорией первоначальной цивилизации, но существование его было невысказано без родового божества. Орудия производства и оружие освящались на родовых и племенных алтарях. Первобытная космогония была тесно связана с ориентацией в пространстве и времени. Огонь был священен не только в святилище, но и в домашнем очаге, на котором готовили пищу.

Священные роци, священные реки, священные горы были связаны с экологией местности, где жили люди, поклонявшиеся им. На них распространялись определенные табу, мудро и строго регулировавшие необходимое экологическое равновесие огромных территорий. Включение природы в цельную систему «Культура – цивилизация» было одной из типичных и важнейших особенностей самой системы. Это единение с природой, умение жить в ритме с ней характерно для первоначального синтеза, который делал столь неразличимыми подчас элементы Культуры и цивилизации. Дифференциация этих двух категорий началась с исключения природы и природных явлений из самой

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 167–168, 169.

² Рерих Николай. Держава Света. С. 88.

системы, с отделения человека от природы. «Начало» это было достаточно длительным и продолжалось, видимо, тысячелетия. Существеннейшим проявлением такого процесса было наступление на язычество более развитых великих религий, а затем и их окончательная победа. Разрыв связей с природой и последовавшее за этим забвение природы самого человека облегчило возникновение и становление «техногенной цивилизации» и привело к грубым экологическим нарушениям, поставившим уже в XX веке нашу планету на грань катастрофы. На протяжении человеческой истории формы взаимодействия Культуры и цивилизации, а иногда и переход одной в другую или, вернее, изменение их пропорций в жизни определенных обществ были самыми разнообразными. Но основная тенденция состояла в усиливающемся расхождении между этими понятиями, в углублении различий между ними на Западе и в меньшей мере на Востоке.

В истории человечества мы находим самые разные сочетания Культуры и цивилизации, приносившие различные результаты. «Башни духа могут быть созидаемы там же, где и высятся башни рукотворные»¹.

Гармония – лишь ступень к синтезу Культуры и цивилизации, который утончит и одухотворит структуры, связанные с обустройством жизни самого человека. Этот синтез произойдет на более высоком уровне, нежели тот, что существовал в изначальные исторические времена.

В энергетически цельной структуре, управляемой Великими законами Космоса, пульсируют дух и материя и, стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются, то удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета Культуры – и цивилизация становится культурной, то берет верх материальная цивилизация – и Культура отходит на второй план, подчас будучи не в состоянии влиять на цивилизацию. Эта закономерность была подмечена Рерихом. «Опять, как и во всех спиральных нарастаниях, мы видим какие-то почти завершающиеся круги, но иногда почти неуловимое повышение сознания создает новую ступень, которая отражается на многих страницах истории искусства. Мы видим, как чередуются специализация и синтез»².

Буржуазные революции, носившие прагматический и материалистический характер, укрепили и развили разрыв, образовавшийся в целостном теле явления «Культура – цивилизация». Началась эпоха Великого Отчуждения Культуры от цивилизации. Дух отошел от материи. Материя стала претендовать на власть над духовными ценностями.

---

¹ Рерих Николай. Держава Света. С. 207.

² Там же. С. 64.

Оторванная от Культуры цивилизация стала формировать однобокое материалистическое мышление, в котором верх взял голый прагматизм, уничтоживший последние остатки идеализма XIX века. Сам человек, его душа, чувства, его сложная внутренняя жизнь были отторгнуты от общества, его новых ценностей и новых материалистических задач. Материя, как никогда ранее, завладела господствующими позициями, агрессивно и бесцеремонно потеснила дух и лишила общество людей необходимой ему коллективной энергии. Она разорвала связи с Высшим, усомнилась в существовании космического творчества и присвоила себе функции Бога-Творца, уверенная в возможности создавать все своими руками и интеллектом. «В цивилизации, – писал Н.А.Бердяев, – иссякает духовная энергия, угашается дух – источник культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие»¹.

Машинная, техногенная цивилизация перестает нуждаться в философии, истинном искусстве, религии в действительном смысле этого слова. Она подменяет Культуру развлекательной индустрией, на базе которой возникает «массовая культура», призванная обслуживать материю общества, а отнюдь не питать его дух. Она потокает низким чувствам и инстинктам человеческого тела, убивает его энергетику, мешает развитию гармонии духа и материи, затрудняя человеку дальнейшее эволюционное восхождение. «...Старая Европа, – с горечью пишет Бердяев, – изменила своему прошлому, отреклась от него. Безрелигиозная мещанская цивилизация победила в ней старую священную культуру. Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией»².

Когда мы говорим, что человечество зашло в тупик, наводнив планету машинами, подчинив человека этой машине, нанеся непоправимый вред природе Земли, а соответственно и самому человеку, мы должны понять причину всего этого. Она же, эта причина, состоит в расхождении Культуры и цивилизации, в умалении Культуры и вознесении материальной цивилизации. Когда-то, в силу ряда конкретных причин, нарушилось равновесие, державшее планету, как два крыла. Сдвинулось – и все пошло не по тому пути. Не по пути эволюции, которую регулируют Великие законы Космоса, а по ухабистой пыльной дороге, ведущей в тупик, грозящей энергетическими катастрофами.

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 172.

² Там же. С. 162.

Справедливо считая, что оптимальное развитие техники необходимо не только цивилизации, но и Культуре, Н.К.Рерих ставит закономерные вопросы: для чего, для каких целей можно использовать мощные технические средства? В чьих руках они окажутся, как повлияют на духовное развитие человечества в целом, как скажутся на росте его сознания?

В своих работах он старается показать истинную роль духовной Культуры и осмыслить те искажения и перекосы, которые внесла современная цивилизация в жизнь человеческого общества. Он оставляет за Культурой приоритетную роль во всех областях человеческой деятельности. Наблюдая грандиозную экономическую катастрофу, охватившую капиталистический мир в 20–30-е годы прошлого века, Рерих лучше, чем кто-либо, понимал, что это был не столько экономический, сколько духовный кризис буржуазной обескультуренной цивилизации. Состояние экономики было лишь следствием того положения Культуры, в которое ее поставила цивилизация. Любое кризисное явление в современном мире, и он понимал это ясно и четко, связано, прежде всего, с нарушением баланса Культуры и цивилизации. «...Думали, что материальный кризис мира можно разрешить материальными вычислениями. Но проказа зашла слишком далеко. Кризис мира вовсе не материальный, но именно духовный. Он может быть исцелен лишь духовным обновлением. Холодный язык мозга обманул счетчиков, и опять настоятельно требуется обратиться к тому вечному языку сердца, которым создавались эпохи расцвета»¹.

Поиск «высшего», «истинно культурного» решения был всегда основной целью Рериха при осмыслении и проработке важнейших проблем. «Высшее решение» всегда диктовалось путями эволюции. Эти же пути несли оптимизм в самых сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Каждое явление, утверждает Рерих, имеет свои циклы развития, свои взлеты и падения. В XX веке Культура и цивилизация достигли кульминационной точки в дифференциации, в разъединенности. И дух и материя, преодолевая страшные кризисные явления (обычно сопровождающие распад старой и становление новой системы), выходят в эволюционный канал неизбежного синтеза. И только синтез может привести систему «Культура – цивилизация» в то состояние, которое будет соответствовать магистральному направлению космической

---

¹ Рерих Николай. Священный Дозор. Харбин, 1934. С. 80.

эволюции. В конце концов, цель эволюции в нашем плотном мире – сближение духа и материи, достижение между ними гармонии на определенном этапе и, наконец, их синтез, который приведет к созданию одухотворенной материи и повысит ее энергетический уровень. Этот синтез, как утверждал Рерих, изменит смысл цивилизации, одухотворит ее и превратит Культуру и цивилизацию в целостное явление, действующее уже на более высоком качественном уровне, нежели в изначальном варианте. «Благодетельный Синтез, – писал Рерих, – поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или неприменимою неуклюжестью, или просто смешным с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий»¹.

Синтез – магистральное направление космической эволюции человечества

Путь синтеза, непосредственно связанный со взаимодействием духа и материи, в самом широком космическом смысле идет через внутренний мир человека, через его сознание. Чем выше уровень сознания, тем выше уровень синтеза познания, и наоборот. Чем выше и тоньше состояние материи, в пространстве которой идет процесс синтеза, тем более высокий, с точки зрения эволюции, результат синтеза.

Когда мы говорим: «синтез», то имеем в виду не механическое соединение частей какого-либо явления или явлений, а органичное их слияние, сопровождаемое возникновением нового явления и нового его свойства. Новым ступеням человеческого сознания и мышления, как правило, сопутствуют синтетические процессы более высокого духовно-энергетического качества. Что касается развития системы познания, то в историческом аспекте мы можем рассмотреть эту проблему в контексте известных нам способов мышления, а именно: мифологического, религиозного, научного. В XX веке мы подошли к той стадии, когда синтетическая целостность мифологической системы познания должна вновь вернуться, но на более высоком энергетическом и информационном уровне. Феномен мифологического способа мышления и познания состоит в том, что он имел довольно тесную энергоинформационную связь с мирами иного состояния материи и более высоких ее измерений. Из этого изначального синтетического явления со временем развились все

---

¹ Рерих Николай. Твердыня Пламенная. С. 45.

основные виды творчества, деятельности, знаний и верований человечества. По мере развития исторического процесса в нашем плотном мире мифологический способ познания подвергся дифференциации, которая усилилась религиозным сознанием. Научный же способ мышления в том виде, в котором он сложился в XVII–XVIII веках, не только не остановил процесс дифференциации, но и в значительной мере усугубил его. Более того, произошло разделение на научно-экспериментальный способ познания и метанаучный, в который вошли такие области, как искусство, религия, некоторые системы философии, называемые эзотерическими. В этом пространстве знания добывались не эмпирическим путем, а умозрительным, опиравшимся на религиозный и интуитивный опыт.

Зарождение любого явления в Космосе сопровождается изначальным энергетическим импульсом, особенности которого соответствуют тем историческим условиям, в которых этот импульс возникает. Таким импульсом в XX веке стала Живая Этика, давшая ряд синтетических решений и объединившая в общей концепции научные знания, озарения религиозного опыта, мысль духовных Учителей Востока и философские находения Запада. В книгах Учения присутствует как единое синтетическое целое все то, что накопило человечество в своем культурно-историческом арсенале, все то, что сохранило свою жизнеспособность и эволюционный потенциал. Импульс был дан, и пример показан. Общий момент, объединяющий различные формы познания, – это их связь с главным источником энергоинформационного потока: материей более высокого состояния. Если искусство, религия, частично философия, в первую очередь восточная, в той или иной мере имеют подобное соприкосновение, то эмпирическая наука долгое время такой связи была лишена и, пожалуй, больше других способов познания нуждается в трансформации. Эту ситуацию в XX веке осознавали представители передовой научной мысли.

«Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе.

В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание»¹, – писал В.И.Вернадский.

---

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 111.

Исследование тонких энергий и иных состояний материи, осознание связи с энергетикой Высшего должны были изменить научное мировоззрение, как таковое, сделать его более широким и вмещающим, где бы не было места ни отрицанию, ни традиционным «научным» предрассудкам. Положение, которое сложилось в науке к началу XX века, было достаточно противоречивым. Новое мышление получало неопровержимые подтверждения, подкрепленные научными открытиями. В то же время среди ученых еще продолжали существовать инерция старого «материалистического» мировоззрения и традиционное отчуждение от проблем духа и процессов, связанных с более высокими состояниями материи. Причину этого нужно искать в том историческом пути, который пришлось пройти науке и на котором жестокая конфронтация с церковью обусловила такие особенности самого научного мировоззрения.

«Религия и наука не должны расходиться в своей сущности, – сказано в Живой Этике, – <...> все великие открытия для блага человечества не будут исходить от огромных лабораторий, но будут найдены духом ученых, которые обладают синтезом»¹.

Авторы Живой Этики тщательным образом анализируют те условия, в которых находятся составляющие синтеза – искусство, религия, философия, наука. В конечном счете и синтез, и дифференциация есть энергетические категории человеческого сознания и мышления. Все зависит от уровня той точки зрения, с которой мы смотрим на то или иное явление. Чем ниже уровень ее, а соответственно и уровень нашего сознания, тем выше в нашем представлении степень дифференцированности картины Мироздания, и наоборот. В конечном счете уровень синтеза – это результат уровня нашего сознания и качества нашего мышления. Поэтому, считая синтез одним из важнейших энергетических процессов эволюции, авторы Живой Этики ставят в качестве главной задачи эволюционного восхождения человека формирование у него расширенного, то есть высокого сознания.

Они справедливо считают, что религиозное мышление есть также способ познания мира, средство связи с Высшим, и обращают наше внимание на бесценный духовно-нравственный опыт, подвиг религиозных Учителей, великие учения, менявшие сознание огромных человеческих сообществ. Уничтожить мысль христианского или буддийского учения в бессмысленной борьбе так же преступно, как сжечь ученого

---

¹Мир Огненный. Ч. III, 60.

на костре или погубить его труды. Но в то же время соединить религию с наукой в том состоянии, в каком они находятся в данный момент, задача мало выполнимая. Религиозный опыт, несомненно, требует научного осмысления, а современная наука нуждается в одухотворении и причастности к высшим энергиям. Для этого необходимо отказаться от устаревшего вульгарного материализма, от старого социологического мировоззрения, в котором так мало места уделено внутреннему миру человека. Живая Этика, так же как и новая научная мысль, ставит самым серьезным образом вопрос о необходимости одухотворенной науки и ее нравственной наполненности. Наука, утверждает Живая Этика, должна быть этической, непредубежденной и принимать знание, в какой бы форме оно ни возникло. Новая наука, формирующаяся в пространстве нового мышления XX–XXI веков, должна использовать вековые духовные наработки человеческой культуры и выйти на новый уровень изучения тонких энергий и тонких явлений, которые требуют научных объяснений и научной практики. Иными словами, сами книги Живой Этики, включающие немало достижений религиозной мысли и религиозной практики, как бы дают энергетический импульс к преобразованию науки, которая должна сыграть на новом витке космической эволюции человечества важнейшую роль. Ибо эта одухотворенная наука станет тем звеном связи с мирами более высокого состояния материи, каковым до нее являлась религия. В переходе к новому мышлению авторы Живой Этики предлагают не борьбу и противостояние двух видов сознания, а гармоничное их сочетание с сохранением всех предыдущих ценных накоплений человеческого опыта и человеческой мысли. Как будет называться новое синтетическое познание, которое включит в себя, кроме науки, религии, философии, и искусство, сказать трудно.

Синтез основных форм познания не только создаст новые богатые возможности для взаимодействия с Высшими мирами и Высшей энергетикой, но и устранил тот духовный дисбаланс между различными формами знания, который может возникнуть в силу еще недостаточно высокого уровня человеческого сознания. В XXI веке, по всей видимости, и осуществится в основном синтез главных способов познания, который приведет к завершению формирования качественно нового сознания и мышления, к сознательному использованию новой системы познания. Современная наука лучшей частью своих ученых уже входит в область исследований высоких состояний материи. Теория вакуума, механизмы межклеточных взаимодействий и другие

подобные открытия свидетельствуют о первых результатах научного соприкосновения с тонкой материей и тонкими энергиями.

Космическая эволюция не только формирует новое мышление и сознание, но и выдвигает на первый план личности, чье творчество получает поистине планетарное звучание, поскольку в нем уже сложился синтез, необходимый для продвижения человеческого сознания. Эти личности, можно сказать, несут в себе этот синтез, независимо от того, к какой сфере человеческого знания они принадлежат. Влияние их на культуру и цивилизацию огромно, их значение долговременно. Хотелось бы благодарно упомянуть о пятерых из них – не потому, что они единственные, а потому, что в них нашли яркое выражение основные направления синтеза познания, в силу чего они оказали и оказывают глубокое воздействие на формирование нового, космического мышления на планете Земля. Их нет уже с нами, судьбы их были трагичны, непризнание и клевета шли рядом с их уникальным творчеством. В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, П.А.Флоренский, А.Л.Чижевский и Н.К.Рерих – несли в себе религию, искусство, философию и науку, и поэтому каждое из этих составных из духовного синтеза обрело уникальное качество, на каждого из них лег космический отсвет миров иных состояний материи.

К вышесказанному необходимо добавить еще одно обстоятельство. Если предыдущие учения, возникавшие в духовном поле, выдвигали в качестве средства претворения идей пространства в действие религиозный культ, то Живая Этика заменяет его сознательной и научно осмысленной этикой. В реальной жизни процесс такой замены сложен и длителен, а временами и драматичен. Переход же от культа, основанного на вере, к этике, основанной на научном знании космических законов и особенностей космической эволюции, изменит коренным образом духовную сущность человека и создаст наряду с синтезом познания качественно иное энергетическое поле его духовно-культурной деятельности на планете.

У порога Нового Мира

Живая Этика как философия Космической Реальности не только появилась в переломный исторический период XX века, но и возвестила о важнейшем моменте в самой космической эволюции человечества, а именно о приближении нового, более высокого витка эволюции. Система познания, которую мы находим на страницах книг Живой Этики, теснейшим образом связана с наступлением этого этапа.

Идея Нового Мира и Нового человека в той или иной форме проходит через всю историю человеческой мысли в обозримом нами отрезке исторического времени. К началу XX века эта идея достигла не только ярчайшего выражения, но и начала воплощаться в жизнь различными общественными силами. Каждое из этих движений имело свое представление и о Новом Мире, и о Новом человеке. Во всем этом разнообразии представлений выделились две четкие тенденции, противостоящие друг другу. Одна сформировалась в пространстве Духовной революции России и во всем богатстве своих особенностей нашла отражение в Живой Этике; другая была порождением социальной революции и тех социальных кругов, которые идейно примыкали к сторонникам так называемой материалистической мысли.

Духовное преображение человека через расширение его сознания, повышение его энергетики и утончение его материи считается Живой Этикой важнейшей эволюционной целью, завершающей очередной этап в развитии человечества.

Другая тенденция сводила космическое творчество Нового Мира и Нового человека к целенаправленной деятельности только человека, одарив последнего правом самостоятельно решать важнейшие проблемы такого процесса.

«Планета, – сказано в Живой Этике, – совершает круг, который приводит все к завершению. Приходит время, когда каждое начало должно выявить весь свой потенциал. Эти круги рассматриваются в истории как падение или расцвет. Но нужно принять эти ритмы именно как торжество Света или тьмы. Настало время, когда планета приближается к такому кругу завершения, и лишь самое насыщенное напряжение потенциала даст победу. Круг завершения пробуждает все энергии, ибо в окончательной битве будут принимать участие все силы Света и тьмы, от самого высшего до отбросов. Чуткие духи знают, почему проявляется столько высшего наряду с преступным и косным. В бою перед кругом завершения будут состязания всех пространственных, земных и надземных сил»¹.

Космическая эволюция звала к Новому Миру и новому энергетическому виду человека. И этот зов был услышан наиболее чуткими творцами: художниками, мыслителями, поэтами. В надвигавшейся грозовой атмосфере начала XX века рождались пророчества, возникали предчувствия и видения грядущей Новой Эпохи. Материя старого мира сдвину-

---

¹ Мир Огненный. Ч. III, 350.

лась и, потеряв привычную устойчивость, стала расползаться. На планету неудержимо надвигалось время, которое напоминало Апокалипсис.

«...В апокалиптическом времени, – писал Н.Бердяев, – величайшие возможности соединяются с величайшими опасностями. То, что происходит с миром во всех сферах, есть апокалипсис целой огромной космической эпохи, конец старого мира и преддверие нового мира <...> В поднявшемся мировом вихре, в ускоренном темпе движения все смещается со своих мест, расковывается стародавняя материальная скованность. Но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может не устоять человек, может быть разодран в клочья»¹.

Речь шла не просто о двух путях достижения какой-либо цели, а о космической судьбе человечества, о важнейших проблемах его эволюции. Поэтому и два пути, которые предстали перед человечеством в XX веке, были невероятно сложны в своем взаимодействии и в своем противостоянии. Никогда еще выбор перед человечеством не стоял так остро, как в двадцатом, завершающем тысячелетие веке. Вверх или вниз, старый мир или Новый, с Высшим или без него.

«Мир земной, как тупик пути – или восхождение, или разрушение»², – сказано в Живой Этике.

То, что происходило в XX веке, напоминало события другого исторического периода, пик которых пришелся на I тысячелетие до н.э. Тогда начались космические передвижения народов, несшие в себе более высокую энергетику, необходимую для грядущих изменений, тогда философы осмысливали эволюционные процессы и проблемы взаимодействия материи и духа, тогда в мир пришли религиозные Учителя и началась Духовная революция, давшая миру Христа.

Две духовные революции – с интервалом в два тысячелетия – протекали в различных исторических условиях, тем не менее эволюционно были связаны между собой. И перед той, и перед другой стояла задача изменить сознание человека, преобразить и одухотворить его внутренний мир.

Духовная революция конца II тысячелетия н.э., которая несла в себе опыт и находения предыдущей, спрессовала в своем пространстве время двух тысячелетий, расширила понятие Высшего инобытия и, сделав его ключевым и главенствующим, выдвинула на первый план концепцию нового творчества как условия дальнейшего Преображения человека и земного человечества в целом.

---

¹ Бердяев Н. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 2. С. 414.

² Мир Огненный. Ч. I, 157.

«Через культуру, – писал Бердяев, – лежит путь вверх и вперед, а не назад, не к докультурному состоянию, это – путь претворения самой культуры в новое бытие, в новую жизнь, в новое небо и новую землю. Лишь на этом пути ворвавшиеся в культуру варварские звуки и варварские жесты могут быть соподчинены новому космическому ладу и новому космическому ритму. Не только искусство, но и все творчество человеческое безвозвратно погибнет и погрузится в изначальную тьму, если оно не станет творчеством жизни, творчеством нового человека и его духовным путем»¹.

То, что новое творчество должно стать «духовным путем» человека, меняло самую его суть, требовало творческого откровения и следования ему. Последнее, содержащееся и в философии Серебряного века, и в Живой Этике, изменяло смысл самого искусства и звало к осознанию новой Красоты как силы, преображающей человека. Творческое откровение во всей его космической сложности и многообразии становилось главным условием преображения человека на пороге Нового Мира.

Эпицентром Духовной революции XX века, в силу ряда исторических и энергетических условий, стала Россия. Именно в ней произошли главные эволюционные события, сдвинувшие в сложнейшем процессе пласты старого мира. В России, где соединились два мира, Восток и Запад, сошлись Духовная и социальная революции, новое космическое миропонимание и старое социологическое мироощущение, два пути творения Нового Мира и Нового человека.

Противостояние двух различных путей подхода к проблемам Нового Мира и Нового человека составило главную драматическую коллизию XX века в ее философском и творческом выражении.

В 1900 году, перед самым началом XX века, ушли из жизни почти одновременно, с разницей не более месяца, два человека. Один – великий русский поэт и философ Владимир Соловьев, другой – известный немецкий философ Фридрих Ницше. В том, что они оставили этот мир одновременно, не было случайности, а скорее присутствовала некая тайна, уходящая корнями в сложнейшие процессы космической эволюции. Оба они, и Соловьев и Ницше, стояли у истоков двух противоположных путей к Новому Миру и персонифицировали собой эти пути.

Владимир Соловьев утверждал, что в художественном акте возможно преобразовать реальность, сделать ее энергетически более

---

¹ Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 418.

высокой, а материю – менее плотной. Для этого художник должен вырваться за границы известного нам механизма творчества «восхождение–нисхождение», покинуть ту волшебную точку, где соединяются небо и земля и где возникают образы-символы, и, выйдя за пределы ее, найти путь к новому творчеству и стать сотворцом инобытия, его энергетике, его творящих сил, его Красоты. Подобное творческое сотрудничество русский философ, как известно, назвал *теургией*.

Теургия исходит из того, что Высшее, или Космос, или Бог, – назовите как хотите, – творит через человека, через ту Божественную искру, которую Творец вложил в него, в силу чего последний оказался способен к космическому творчеству, как и его Творец, который идет в своем творчестве путем Красоты и Сам является художником. План космической эволюции состоит в претворении мира в грандиозное художественное полотно, где все будет созидаться по законам Красоты.

«На пути к Миру Огненному запомним о великом принципе красоты»¹, – писали Авторы Живой Этики.

Творческое откровение должно лечь в основание нового творчества Нового Мира.

Красота своей высокой энергетикой преображает человека в ту новую одухотворенную и творческую личность, которую Владимир Соловьев назвал Богочеловеком. Но преображение не может произойти внезапно, оно не может состояться, если человек не имеет соответствующих качеств и устремлений.

«...Опытом прежних существований, – сказано в Живой Этике, – накапливается то качество, которое называется культурностью. Истинное понимание сотрудничества, пламенность мышления, возвышенность деятельности, утонченность восприятий, любовь к красоте, каждое из этих качеств может сложиться лишь упорным устремлением. Люди не могут думать, что мгновенное озарение может немедленно создать возвышенную природу человека. Озарение может открыть сокровищницу, но если она пуста, то и последствия не будет»².

Любое преображение человека в ходе космической эволюции есть процесс сложный, долгий, требующий большого и последовательного внутреннего труда по расширению сознания. Теургическое творчество, или сотрудничество с Высшим, о котором говорил и писал В.С.Соловьев, – подлинный путь преображения человека, одухотворения его материи.

---

¹ Мир Огненный. Ч. III, 183.

² Надземное, 590.

«Человек, – писал в 1916 году русский философ Е.Н.Трубецкой, – не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя. В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье»¹.

Или – или, Богочеловек или зверь. Без Преображения Христа не могла бы состояться и Духовная революция XX века, одним из главных концептуальных положений которой стало учение о Новом Мире и Новом человеке. И не удивительно, что именно в период начавшейся русской Духовной революции философы Серебряного века стали более глубоко и точно осмысливать явление Христа, но не того церковного, а того, кто «есть путь и истина». «Даже в малой мере старайтесь уподобиться Ему»², – сказано в Живой Этике. «...Откровение о Христе, – писал Бердяев, – дает ключ к раскрытию тайны человеческого самосознания»³.

Христос был не только Великим духовным Учителем, но и первым Богочеловеком. В его лице Бог стал человеком, чтобы человек смог уподобиться Богу.

«О богочеловеке, – сказано в Живой Этике, – так много говорят, стремясь к обоготворению. Столько есть памятных записей, указующих на образы, устремленные к высшим мирам. Но как тускло представлены они в сознании людском! Богочеловек – только ушедший в иные миры! Но Мы, Братья человечества, ищем и утверждаем богочеловека на Земле. Все образы Мы чтим, но особенно тот великий образ богочеловека, который несет в сердце полную Чашу, готовый к полету, но несущий на Земле всю Чашу <...> Богочеловек – творец огненный! Богочеловек – носитель огненного знака Новой Расы. Богочеловек горит всеми огнями. Так включите в рекорды о богочеловеке. Архат, Агнийог, Тара – так внесем»⁴.

Среди тех, кто вершил Духовную революцию, среди ее поэтов, философов, художников, музыкантов уже были те, которые творили Нового человека, и прежде всего в самих себе.

Жертвенно пройдя земной путь, они оставили после себя богатейшее наследие, до сих пор еще, к сожалению, не оцененное и не осмысленное по достоинству. Не ошибусь, если назову в этом ряду имена Владимира Соловьева, Микалоюса Чюрлёниса, Александра Скряби-

---

¹ Философия русского религиозного искусства.: XVI–XX вв. М., 1993. Вып. 1. С. 217.

² Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов, 25 июля 1922 г.

³ Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. С. 81.

⁴ Иерархия, 14.

на, Николая Рериха и его супруги Елены Рерих. Это те, на ком, собственно, и держалась русская Духовная революция.

Владимир Соловьев, гениальный философ и поэт, олицетворял собою ту самую связь с Высшим, без которой не мог сложиться Новый человек, не мог совершиться прорыв в иную действительность Нового Мира.

Микалоюс Чюрлёнис, композитор и художник, совершил в своем творчестве взлет от Красоты символической к реальной Красоте Надземного.

Александр Скрябин, композитор, философ, поэт, стремился найти реальные выходы в пространство всечеловеческого преображения.

Николай и Елена Рерихи, став в земной реальности сотрудниками Высшего, принесли нам философию Живой Этики, которая грядущему Новому человеку и Новому Миру отводит доминирующее место в системе эволюционных процессов. Эти два человека представляли собой творческий гармоничный союз, имевший космическое значение. Один – великий, всемирно прославленный художник и ученый, другая – выдающийся мыслитель, они несли в себе эволюционный, духовный и художественный опыт редчайшего, уникального качества, без которого в XX веке многое бы не состоялось. Елена Ивановна под водительством Космических Иерархов прошла то огненное преображение, без энергетики которого не смог бы возникнуть одухотворенный и утонченный Новый человек. Она персонифицировала собою это преображение, пройдя мучительный и жертвенный путь во имя будущего. Сотрудница Сил Космических, она несла в себе весть о наступающем Новом Мире и грядущем преображении человека.

Слова «Я есмь путь и истина», сказанные Великим Учителем почти две тысячи лет назад, вели ее на этом тяжком Пути.

Стал ли тот Путь, на который через Христа Высшее Космическое Начало призвало человечество две тысячи лет тому назад, Путем большинства? Определенно можно сказать, что нет. Двух тысяч лет почитания Христа человечеству не хватило, чтобы от поклонения перейти к действию и осознать эволюционный смысл таких, казалось бы, простых слов – «Я есмь путь и истина и жизнь».

Двух тысяч лет с избытком хватило на осуществление того, второго, альтернативного пути, на котором властвовала лишь свободная воля человека. Путь этот, в силу определенных исторических условий, возник в пространстве мысли и творчества Запада. Художественное олицетворение он получил в собирательном образе сверхчеловека Заратустры, героя философского произведения Ф.Ницше «Так говорил Заратустра».

Если Новый человек Владимира Соловьева, названный им Богочеловеком, – преображенный, высокодуховный, нравственный и утонченный – существовал в пространстве Любви и Красоты и сам излучал и творил эту Красоту, то новый человек, или сверхчеловек, Ницше – бунтарь, разрушитель и безбожник – признавал лишь силу и творил свой новый мир собственным волевым усилием. Заратустре, в отличие от Богочеловека, неведомы были подлинные закономерности человеческой эволюции, он невежествен в области изначально-естественной религиозности и не понимает эволюционной сути и цели земного творчества. Во имя своего земного царства он отринул Беспредельность, убил в себе Высшее начало, а сделав это, сам захотел в земном царстве стать этим Высшим, строящим мир по своей воле и своему разумению. Иными словами, возжелал стать богом, не став даже преображенным человеком в истинном значении этого слова.

«Прочь от Бога и богов тянула меня та воля; и что осталось бы созидать, если бы боги – существовали!»¹ – говорил он.

Эта фраза нуждается в особом комментарии, ибо имеет отношение к концепции творчества. Если в феномене Духовной революции Новое творчество рассматривалось как теургия, или сотрудничество с Высшим, то Заратустра противопоставил творчество человека творчеству Высшего начала. Вместо принципа, дополняющего одно творчество другим, он утверждал их несовместимость. Или – или. Или Бог, или я – человек.

Миф о сверхчеловеке, новом человеке, сформированном не духовно-энергетическим преображением, а силой воли «избранных», занял позже главное место в идеологии различных тоталитарных государств, в том числе и России.

Старое вульгарно-материалистическое мировоззрение в его социологическом воплощении нашло в сверхчеловеке Ницше наивысшее выражение. Оно противостояло нарождавшемуся Новому мышлению XX века, космическому мироощущению и тому Новому человеку, теургу и Богочеловеку, концепция которого уже возникла и реализовалась в трудах Владимира Соловьева и книгах Живой Этики. Антиэволюционные подходы к главным проблемам космической эволюции человека, которые мы находим у сверхчеловека Заратустры, привели логически и к позиции отрицания Христа. Заратустра высокомерно и пренебрежительно отзывается о Великом духовном Учителе,

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1996. С. 83.

отказывая ему в какой-либо значительной роли в человеческой истории. Его, Заратустры, сверхчеловек претендует быть выше и значительнее Христа.

«Образумить» Христа пытался и великий инквизитор в знаменитой легенде Ф.М.Достоевского. Писатель с гениальной прозорливостью предугадал отрицание Христа в наступающем этапе борьбы за Новый Мир. И Заратустре, и великому инквизитору Христос мешал по одной и той же причине – и тот и другой присвоили себе право судить, лишая человечество подлинной внутренней свободы и поступать с ним по собственному разумению. Новое «земное царство» и у Заратустры, и у великого инквизитора имеет один и тот же смысл – принуждение и насилие над человеком, отрицание его свободы, как внутренней, так и внешней, право на которую присваивает себе «избранный», берущий на себя ответственность за будущее человека. «Земное царство» – новый мир без Христова Преображения. Примеров подобных «земных царств» было немало в XX веке.

В 1889 году Владимир Соловьев опубликовал свою «Краткую повесть об Антихристе», в которой философски и художественно осмыслил путь «без Христа» и вскрыл нравственные причины возникновения подобного явления. В повести достаточно ясно описан процесс ухода человека высоких качеств и способностей с «пути Христа» и превращение его во врага Христа. Там столкнулись два пути – «во имя Отца моего», во имя Общего Блага, с одной стороны, и «во имя свое» – с другой. «Краткая повесть об Антихристе» была ответом на книгу Ницше «Так говорил Заратустра»; ответом не прямым, а как бы ответом-размышлением. Два пути достижения Нового Мира и Нового человека – с Христом или без него, с Высшим или без него, обозначенные Соловьевым в конце XIX века, составили главную линию драматургии эволюции XX века.

Второй путь, который оказался в силу различных исторических причин доминирующим, привел к ряду жесточайших кризисов в духовно-культурном пространстве планеты. «Новый человек» и «новый мир», созданные по меркам этого пути, оказались не только иллюзией, но и причиной процесса расчеловечивания, искажения духовных ценностей, тупиковых и инволюционных направлений в развитии человечества.

Но космическая эволюция предоставляет нам шанс, новое мышление, новую систему познания и, наконец, Живую Этику, философию Космической Реальности, которая, опираясь на концепцию первого

пути и практически представляя его, дает нам возможность выхода из создавшегося положения и правильного осознания, что есть Новый Мир и Новый человек.

Еще раз о том же

Все наследие Рерихов – научное, философское, художественное, литературное – пронизано идеями Живой Этики, поэтому оно столь уникально и привлекательно и, очевидно, по той же причине вызывает самые противоречивые мнения и оценки. Эти идеи далеко не сразу и не легко воспринимаются нашими современниками, в мышлении которых еще господствуют представления, сформированные социологическим мироощущением и закрепленные примитивно понимаемой парадигмой материализма. Но как бы то ни было, Живая Этика, возникшая в духовно-культурном поле планеты Земля в 20-е годы прошлого века, вполне поддается научному анализу, определению ее гносеологических корней, методологии и того космического мироощущения, которое она несет в своих текстах, в основных постулатах и, наконец, в своей системе познания. Возникает вопрос, почему именно Рерихи, Николай Константинович и Елена Ивановна, оказались причастными к созданию этой философской системы. На наш взгляд, потому, что оба они были высокодуховными людьми, один – великий художник и выдающийся ученый, другая – блестящий музыкант и уникальный мыслитель. В сокровищнице их творчества оказались те умения и способности, которые составили главные направления гносеологии самой Живой Этики. Красота, мысль, искусство, наука – все это слилось в гармоническом синтезе, в едином творчестве этих двух, идеально дополнявших друг друга людей. Оба обладали тем расширенным сознанием, которое давало им возможность глубоко вникать в самые сложные процессы космической эволюции и использовать метод свидетельства при соприкосновении с реальным духовным источником. Высокая духовность обоих Рерихов позволила донести информацию, которую они получали из этого источника, в неискаженном и неизвращенном виде. Космическая эволюция как бы завершила Живой Этикой важнейшую стадию в процессе формирования нового мышления и обозначила этим вековую веху в развитии Духовной революции в пространстве России. Подвиг Рерихов не только в том, что они сообщили нам тексты и идеи Живой Этики, но и в том, что они открыли нам удивительный мир космических ощущений и пережива-

ний, мир новой Красоты и новых эволюционных возможностей, мир не фантазии и иллюзий, а Истины и Реальности.

Следует еще раз отметить наиболее важные особенности Живой Этики как новой системы познания Космической Реальности.

1. Живая Этика есть универсальная открытая система философии, в которой синтетически слились способы познания, научные и метанаучные, в единую новую систему познания. В ней в равной степени использованы находения эмпирической, умозрительной, художественной и религиозной мысли, интуитивных прозрений, которые подтверждены научными открытиями, такими, как теория относительности, квантовая теория и др.

2. Духовность обуславливает главные качества системы познания Живой Этики. Духовные находения прочно входят в нее наряду с научными открытиями, прокладывая путь к одухотворению науки.

3. Синтетическое слияние в этой системе познания духовного и материального, видимого и невидимого, древних знаний и современных, мысли восточной и западной позволяет расширить возможности системы до космических масштабов Высшей Реальности.

4. Авторы Живой Этики называют ее Учением Знания¹, открытым для всех, а не только для избранных. В этом заключается одна из главных особенностей ее системы познания.

5. В Живой Этике есть и другие особенности, отличающие ее как систему познания от традиционных систем различного толка. Изложение материала в ней не совсем обычное. Содержащиеся в ее книгах мысли идут спирально, отвечая тем самым движению самой космической эволюции и таким образом порождая особую энергетику во взаимодействии с читателем.

6. Таким образом, структура самой системы познания содействует расширению сознания, что, в свою очередь, обуславливает постижение заложенных в ней знаний, которые открываются по мере их усвоения с новой и подчас неожиданной стороны. «Учение жизни, – утверждают авторы Живой Этики, – оценивается жемчужиной сознания»². А раз это так, то с ростом сознания возникают новые открытия, новые мысли, новые построения. И процесс этот бесконечен.

7. Включение в обычный круг знаний информации, полученной путем интуитивных озарений, обеспечивает пророческий, или опе-

---

¹ Агни Йога, 304.

² Община 1926 (Рига), 130.

режающий, их характер. Эту научную информацию предстоит еще расшифровать и извлечь из нее немало открытий.

8. Живая Этика не ограничивает свою систему познания только общими научно-философскими вопросами. Она включает в себя, что особенно важно, и проблемы социального бытия человека, протягивая вполне зримые нити между Великими законами Космоса и закономерностями исторического развития человечества. Именно Живая Этика дает нам ту методологию, на основе которой возможно будет выявить истинные законы развития человеческого общества. Эти законы будут касаться не только земного бытия, но и космического, не только материального, но и духовного. Ряд подобных законов мы уже находим в самой Живой Этике – Закон Общего Блага, Закон Сотрудничества, Закон Общины и ряд других, не менее важных для нас.

9. Новая система познания сложилась не только на основе научной информации, но и вненаучной, или метанаучной, что отличает ее от традиционных научных систем, которые строились на фундаменте только эмпирической науки. Дух и материя выступают в ней как целостное явление.

10. В том, что Живая Этика представляет собой новую, синтетическую систему познания, вобравшую в себя реалии Космоса и отличающуюся от традиционных систем познания, вряд ли можно сомневаться. Название самой философии – Живая Этика – связывает земное и небесное, человека и Космос. Именно в ней мы находим новый подход к исследованию Мироздания, новую его модель. Можно определить Живую Этику как философию Космической Реальности, включающую в себя систему познания и практику действия.

11. Живая Этика – это целый мир мысли, целая Вселенная, в которой наше сознание, в зависимости от его уровня и состояния, будет находить все новые и новые грани познания.

12. Живая Этика дает нам ясное представление о ранее недоступном для нас пространстве познания, а именно о Законах Космоса, их действии и уровнях их влияния.

13. Отметив важность миров более высоких состояний материи и их воздействие на процессы земной жизни, Живая Этика неизбежно расширяет космическое пространство нашего познания.

14. Обращая наше внимание на место человека в Космосе и на его взаимодействие с Космосом, Живая Этика дает нам новое представление о единстве человека с Космосом, которое строится не по принципу дополнительности, а по закону волна–частица.

Естественно, что появление в арсенале современной философской мысли такой системы, как Живая Этика, породило немало противоречий и путаных определений в отношении последней. Живая Этика разрушала традиционные представления и о методологии, и о самой системе познания. Значительная часть философов, в той или иной степени соприкоснувшихся с Живой Этикой и не нашедших в ней узнаваемых элементов, оказалась в затруднительном положении. «Выход» из этого положения был найден в попытке судить о Живой Этике с позиций устаревших представлений и в стремлении найти спасительные ярлыки для определения ее места в ряду философских систем. Но и то и другое не только не прояснило ситуацию, но окончательно запутало ее. В сложном пространстве отечественной философии, после крушения официальной идеологии СССР, сошлись материалисты и получившие доступ к публикациям и выступлениям идеалисты, скороспелые приверженцы православия и твердолобые атеисты, последователи различных духовных течений Запада и лица, вовлеченные в духовную практику Востока, рационалисты и эзотерики. На этом фоне развернулась ожесточенная борьба взглядов, позиций и концепций. Встали остро проблемы научного и метанаучного знания, рационализма, не признающего ничего, кроме ограниченно понимаемой материи, и эзотерики, за которой стояла древнейшая традиция человеческого знания. На фоне всего этого постепенно формировалось и отношение к Живой Этике, которое было далеко не однозначным.

При рассмотрении места Живой Этики в современной философии следует отметить одно важное обстоятельство. Эта философская система находится как бы «вне»: вне конфессий, вне традиционного эзотеризма и, наконец, вне официальной философии, которую почему-то называют научной в отличие от того мировоззрения, которое большинство не принимает, но «ненаучность» которого никто так толком и не подтвердил. «Вне конфессий» находится весь духовный опыт связи с Высшим, представленный в Живой Этике, что определяет негативное к ней отношение церкви, претендующей на монополию в этом вопросе. «Вне эзотерики» остается также актуальным для Живой Этики, несмотря на то, что некоторые философы упорно стараются втиснуть ее в эзотерические рамки. Такая попытка крайне непродуктивна, ибо Живая Этика в отличие от эзотерики представляет собой открытую систему. В то же время не вызывает сомнения, что создатели Живой Этики использовали мировой эзотерический опыт, как и религиозный, в той его части, которая сохранила значение для

концепции космической эволюции. Вместе с тем, являясь философией более широкого диапазона, охватывая не только эзотерический опыт, но и, например, общественное устройство и ряд других, вполне открытых проблем, Живая Этика ни в коей мере не может быть поставлена в ряд традиционной эзотерики. Включение ее в подобное направление свидетельствует о наличии в современном философском мышлении определенных старых, уже отживших стереотипов.

Неприятие Живой Этики традиционной, так называемой научной философией объясняется в первую очередь тем, что новое не сразу воспринимается, нередко отрицается, а традиция старого мышления препятствует введению этого нового в научный оборот.

При этом надо учитывать и то обстоятельство, что тексты Живой Этики поданы в нетрадиционной философской форме, к которой те, кто занимался философией в период господства «вечно живого учения», естественно, не привыкли. И сам метод ее создания, называющийся свидетельством, многих не только отталкивает от новой философской системы, но и крайне затрудняет ее понимание. Для того чтобы это все преодолеть, требуется немалое время, неутомимый творческий труд и последовательное расширение сознания наиболее образованной части общества.

Но если Живая Этика находится вне перечисленных выше областей познания, то это не значит, что она оказалась в пустоте или признается только дилетантами и неподготовленными в научном отношении людьми. Она опирается на прочный фундамент формирующегося нового мышления, новой научной парадигмы, нового космического мироощущения. Последнее основывается на достижениях научной мысли великих ученых, на находениях русской философии Серебряного века и, наконец, на философских построениях самой Живой Этики, которая сложила все эти накопления в систему и дала космическому миропониманию ту методологию, с помощью которой и формируется новая система познания.

Все в мире течет и изменяется. Стоящее на месте разрушается. Движущееся и восходящее изменяет мир. Время, в котором мы сейчас живем, – время великих перемен, время, кующее наше будущее. И каким оно будет – во всех отношениях зависит только от самого человека, от уровня его сознания и способности осмысливать происходящее. Попытка «налить новое вино в старые мехи» обречена на неудачу.

И поэтому место Живой Этики в пространстве современной философской мысли особое. Ее нельзя подгонять под старые традиционные

мерки и укладывать в прокрустово ложе устаревших представлений. Ибо философия Живой Этики знаменует собой новое мышление, новую философию, новую систему познания. Непредвзятое ее введение в научный оборот поможет снять те кризисные противоречия, которые образовались между традиционной философской мыслью и последними открытиями и находениями современной науки. Уже замечено, что философия Живой Этики, широко охватывающая все энергетические явления Космоса, с большим успехом и большей научностью, нежели старые философские системы, может объяснить онтологический смысл происходящих эволюционных процессов.

Живая Этика и ее новая система познания дают нам возможность пересмотреть важнейшие эволюционные и творческие процессы на нашей планете и более глубоко и многосторонне определить их причинную суть. Сегодняшняя свобода мысли, которая есть несомненное завоевание Духовной революции, требует своего информационного пространства, своих этических устоев. Основы всего этого уже нарабатаны новым космическим мышлением XX века, сложившимся и теперь вновь развивающимся в России. Как мы сможем воспользоваться достижениями Живой Этики, в какой мере сумеем на ее основе расширить наше сознание, – полностью зависит от нас самих. Конечно, этот процесс достаточно длителен и сложен, сопряжен с рядом предвиденных и непредвиденных трудностей. И относительное его завершение не есть достижение очередного «светлого будущего», а всего лишь еще одна ступенька в нескончаемости нашего духовно-культурного эволюционного развития.

И, наконец, надо помнить еще одно обстоятельство – Живая Этика есть главная система познания нового космического мышления, которое идет на смену старому научному сознанию, представляя собой четвертый вид мышления. Наличие подобного процесса в нашем времени и пространстве накладывает на образованную и духовно развитую часть нашего общества особые обязательства и немалую ответственность, связанную с важнейшими проблемами космической эволюции человечества.

7. СОЗВУЧИЕ

Так очень полезно ознакомиться со всеми последними достижениями в области науки, чтобы еще раз убедиться, как они близко подходят к утверждениям Сокровенного Знания.

Е.И.Рерих

...Среди несущихся в пространстве энергий много ценных жизнедателей. И среди людей утверждаются эти жизнедатели. Часто среди людей они проходят незамеченными, часто непризнанными, часто отверженными. Часто эти Носители Истины и Закона творят эволюцию.

Беспредельность, 388

Пергаменты не утоляют жажды,
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.

Гёте

Знания в истории человечества продвигались разными путями. И каждый раз этот путь был труден и тернист. Тайными тропами шли носители знаний в неведомые убежища, где хранились рукописи и свитки. Знание ценилось дороже золота и жизни. Его путь был путем «закрытых забрал». Но забрала не всегда спасали несущих Знания. Их выслеживали, отлавливали, на них доносили. Их жгли на кострах, распинали на крестах, гноили в каменных мешках тюрем. Сколько было потеряно, сколько было сожжено бесценных манускриптов, сколько погибло хранителей духовных сокровищ на этих опасных дорогах!

Если понять, что происходило на пути «закрытых забрал», то сложится целая история борьбы между Светом и тьмой, возникнет из забвения важнейший и трагический этап эволюции человечества. После Октябрьской революции 1917 года в России противостояние между Светом и тьмой обрело формы идеологической борьбы тоталитарного государства. Узкая материалистическая философия марксистского диамата стала единственной, которая допускалась в стране. «Инквизиция, – писала Елена Ивановна Рерих в 1937 году, – еще существует, и члены ее лишь переоделись в современные одежды»¹.

---

¹ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2003. Т. 5. С. 323.

Все четверо выдающихся ученых и философов, представлявших космическое мышление, – В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский – в разное время и в разных обстоятельствах соприкоснулись с этой инквизицией. Циолковского допрашивали в подвалах Лубянки, на Вернадского идеологи писали доносы, которые грозили ученому если не тюрьмой, то забвением его трудов, Чижевский просидел много лет в лагерях ГУЛАГа, Флоренский был расстрелян. Сама же Живая Этика не была допущена в СССР, ибо идеи, содержащиеся в ней, противоречили идеологическим установкам государства. Никто из четверых не получил возможности прочесть ее. Но, несмотря на это, у каждого из них мы находим созвучие Живой Этике в их идеях и трудах. Как ни странно, они охватили принципиальные ее идеи, каждый в своей доле и части, и выступили как бы Вестниками космической философии и, прежде всего, ее концепции новой трансформированной науки и новой синтетической системы познания. Все то, что уже было представлено в Живой Этике, постепенно складывалось и развивалось в научном творчестве всех четверых. Впервые в пространстве традиционной науки ими была поставлена проблема синтеза науки и метанауки в рамках новой системы познания. Передовая наука XX века и Живая Этика шли друг другу навстречу, но это движение было замедлено известными уже нам причинами, связанными с историческим периодом развития государства. Все четверо несли в себе те качества, которые способствовали реализации трудной эволюционной миссии – изменению науки и системы познания. Они были не только великими творцами, но и гениальными учеными и философами, внесшими и в науку, и в философию много нового и неожиданного, начиная с новых идей и кончая новыми областями науки. Все они были блестяще образованы, и их энциклопедические знания напоминали творцов эпохи Возрождения. Их уровень нравственности, духовности и сознания значительно превосходил человеческие качества их коллег и современников. Никто из них не уходил от жизни, их волновали судьбы своего народа и своей страны. Они размышляли над теми негативными и страшными процессами, которые возникли на их родине, и пытались постичь их причины. Циолковский и Вернадский, Флоренский и Чижевский немало думали над тем, как усовершенствовать жизнь государства и человека. Они писали об этом статьи, и некоторые их идеи были опять-таки созвучны тем мыслям, которые содержатся в Живой Этике. Государство, государственное устройство, взаимодействие власти

и народа, утверждение важнейших факторов в развитии страны – все это мы находим в работах четырех выдающихся ученых.

В тех условиях, которые сложились в нашей стране, крайне трудно было, не возбудив нападок и подозрений, работать над новой системой познания, в которую они вводили философию, в самом широком смысле слова, религиозный опыт и искусство.

В работах крупнейшего русского ученого и мыслителя В.И.Вернадского обнаруживаются таинственные связи с Живой Этикой, механизм которых мы пока можем объяснить крайне приблизительно. Результаты этих связей были представлены в ряде идей и явлений, имевших особое значение. Среди них мы видим научное Братство, в создании которого принимал самое активное участие Вернадский. Это Братство в значительной мере было созвучно тому Братству – общине Учителей, о котором мы читаем в Живой Этике. В Братстве велись научные дискуссии, происходил обмен мнений и шла та общая научная работа, в которой так нуждались ученые. Мы знаем, что некоторое время спустя подобное Братство было создано Рерихами в гималайской долине Кулу. Через Рерихов участники гималайского научного Братства были связаны с Учителями, с тем исконным Братством, откуда все и пошло. И хотя Братство молодых русских ученых не имело видимых связей с Учителями, но тем не менее его организаторы ощущали то таинственное веяние, то тонкое энергоинформационное невидимое струение, которое исходило из Братства Учителей. И уровень сознания молодых русских ученых, и сердечные узы, которые их связывали, помогли Братству какое-то время продержаться в самых тяжелых и трудных условиях послереволюционной России. Потом настало время, когда в живых остался только один из них, и этим одним был Владимир Иванович Вернадский, вложивший так много труда и идей в это уникальное Братство. Вернадского с Братством Учителей связывала не только идея самой научной организации. Оттуда же, можно предполагать, пришел к нему тот удивительный сон-жизнь, который он видел в тифозном забытии в Крыму. Этот сон, вне сомнения, можно назвать связью с Высшим, которая ощущалась им в течение всей жизни. И поэтому в его научной и философской деятельности, начиная с новой системы познания и кончая проблемой ноосферы, мы все время будем встречаться с мыслями, близкими Живой Этике, созвучными ей. Это ощущение связи с Высшим Вернадский называл религиозным чувством в самом истинном его смысле. Речь шла не о какой-то конкретной конфессии либо культуре. Религиозное чувство –

это природное, в большей или меньшей степени, переживание окружающего мира в его реальности. Именно это чувство, которое у Вернадского было крайне обострено, лежало в основе его космического мироощущения, носившего сначала стихийный характер, а затем научно осознанный. Именно с этого и начиналась его новая система познания. Он считал, и это мы находим в Живой Этике, что ни одно явление на Земле не может быть правильно осмыслено, если его не поместить в научную картину Космоса. В новую картину Космоса, которую Вернадский формировал, он ввел неожиданный компонент – этику, о которой он писал в одной из своих ранних работ. В какой-то мере это был прямой выход на Живую Этику, получивший в определенной степени развитие в его философских идеях о необходимости нравственной наполненности новой науки. Вместе с этим, он считал, что в новую науку должны войти знания, добытые вненаучным путем в духовном пространстве человека, к которому он относил философию, религиозный опыт и искусство, в самом широком смысле этого слова. Новая система познания должна основываться на комплексе различных знаний, различных способов познания. Собственно, мы находим такую синтетическую систему познания в Живой Этике уже в ее завершенном виде. Исследуя пути создания новой системы познания, Вернадский обратил внимание на восточную философию, в частности на индийскую, где нашел многие наведения для осмысливания ряда важнейших процессов, идущих в биосфере. Это было связано, в первую очередь, с его работами по живому веществу, в ходе которых он пришел к выводу о космичности живого вещества и самой жизни. Эту же идею мы находим в Живой Этике. Размышления о генезисе живого вещества вывели его на теорию перевоплощений, которую мы находим в индийской философии, в самом ее четком освещении – в буддизме. Он принял ее, ибо ощутил ее крайнюю необходимость для объяснений самых важных процессов эволюции. Космический закон перевоплощений Живая Этика рассматривает в качестве важнейшего в космической эволюции. Вернадский подошел очень близко именно к такой интерпретации, считая, что метемпсихоз, или закон перевоплощения, решает вопросы эволюции не только с точки зрения человека, как такового, но «с точки зрения всего живого вещества»¹. В этой мысли был заложен революционный пересмотр всех важнейших положений, связанных с космической эволюцией. Но Вернадского пытались остановить в этом

---

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. С. 27.

направлении и даже пригрозили. Но, несмотря ни на что, он продолжал свою работу, и его доктрина познания обогатилась теорией метемпсихоза, так же как и способами познания, существовавшими в духовном пространстве человека. Он настаивал на том, чтобы такие области познания, как философия, религия, искусство, получили бы равные с эмпирической наукой права в новой системе познания.

Занимаясь много и плодотворно историей науки, Вернадский больше, чем кто-либо, осмысливал закономерности ее развития и ее познавательные свойства. Он вникал в ее эволюционные глубины и понимал, что проблема знания была одной из важнейших в эволюции человечества и в его истории. Во взглядах на культуру у Вернадского было много общего с концепцией Н.К.Рериха, который в своих исследованиях искал общее в мировой культуре и пытался найти причины такого ее свойства. Вернадский стремился понять причины ее падений и расцветов, ее зарождений и ее затуханий и тем самым приближался чисто интуитивно к энергетическому мировоззрению Живой Этики. Ученый размышлял об энергиях биосферы и энергетике человека, стараясь уловить какую-то связь между ними, ту связь, на которой все держалось.

Собственно, создавая новую систему познания, он творил новую картину Вселенной и вскрывал новые особенности космической эволюции. Так же как и создатели Живой Этики, он размышлял и писал об энергетическом мировоззрении, о энергоинформационном обмене в Космосе, а новый эволюционный виток планеты Земля назвал «энергетической эпохой». Он рассматривал энергетические процессы, происходящие в Космосе, как причинные для любого земного явления. Подобную идею мы находим в книгах Живой Этики, но в более широком освещении. Буддизм, энергетические положения которого тоже нашли отражение в Живой Этике, увлек его, и он, вникнув в эти положения, пришел к выводу, что буддизм более, чем что-либо другое, отвечает современной научной мысли. Что же касается буддийской доктрины реинкарнации, Вернадский считал ее важнейшим устоем космической эволюции и не видел в ней ничего, что бы противоречило науке, как таковой. Осмысливая буддизм как философскую систему, он повторял те мысли о буддизме, которые содержались в самой Живой Этике. Опираясь на энергетическое мировоззрение, он исследовал энергию человека, которую назвал биохимической и которая по многим своим параметрам отвечала психической энергии, о которой писали создатели Живой Этики.

В какую бы область знания ни проникал его острый ум, он везде находил новые моменты, связанные с главными устоями космической эволюции. Вернадский совсем по-другому определял эволюционные периоды Земли. Геологической эпохе нашей планеты, утверждал он, предшествовала космическая эпоха. И опять мы находим соответствие его мыслей с информацией Живой Этики. В своем учении о живом веществе, которое представляет собой ценнейшую часть его научного наследия, Вернадский был убежден, что жизнь на Земле произошла именно в космическую эпоху и была, несомненно, космическим явлением. И его размышления и заключения о живом веществе имеют много общего с тем, что мы находим на страницах Живой Этики. Он ввел жизнь как важнейшую опору всего Космоса, имеющую для последнего причинный характер. Не беря в расчет космические процессы, невозможно постигнуть суть земного живого вещества. Он рассматривал Космос, его энергетику, процессы, идущие в нем, как главную гносеологическую компоненту в новой системе познания. Сам человек, согласно этой системе, является мощным фактором эволюции, а вещество биосферы так же космично, как и сам человек. Космос, как и жизнь, подчиняясь ритму, вечен и не имеет ни начала, ни конца. То же самое утверждают и создатели Живой Этики. Сам Вернадский немало страдал от того, что его ученые коллеги далеко не всегда понимали то, о чем он говорил и писал. Особенно это относилось к проблемам сознания, которыми не занималась эмпирическая наука. Но Вернадский настаивал на расширении сознания как одном из важнейших моментов не только самой системы познания, но и самой космической эволюции. Те, кто читали книги Живой Этики, должны помнить, что расширение сознания является главным моментом космической эволюции человечества.

Темы, которые в работах затрагивал ученый, такие, как четвертое измерение, связанное с мирами иными, с иным состоянием материи, с разной геометрией самого Космоса, переходом материи из одного состояния в другое, имели прямое отношение к информации Живой Этики. Он много обращался к таким сюжетам в своей известной работе «Научная мысль как планетное явление». Вернадский понимал, что мысль как явление еще по-настоящему не затронута научными исследованиями, в то время как именно она меняет облик планеты, содержание творчества человека и продвигает его эволюцию. И опять он приближался к пониманию феномена мысли, которое мы встречаем в Живой Этике. Проблема ноосферы, или «сферы разума», как будущее-

го человечества, заставляла его все больше и больше, наряду с наукой, вникать и в философию формирования такой сферы на Земле, и он старался понять, что человека ждет с ее появлением. Пожалуй, ни одна его научная идея не вызвала и не вызывает такого множества различных мнений, как ноосфера, мнений весьма противоречивых, а иногда просто отрицающих друг друга. И это не потому, что Вернадский в чем-то «глубоко заблуждался», а потому что ученые, сталкиваясь с новой идеей, по-разному ее воспринимали, согласно качеству своего сознания и образования. Идея ноосферы Вернадского обогнала саму науку. Многие моменты работы «Научная мысль как планетное явление» приближались к теории познания Живой Этики, к ее концепции космической эволюции. Он увязывал новую форму биохимической энергии человека с созданием ноосферы, или новой эпохи в эволюции человечества. О том же писали и создатели Живой Этики, считая психическую энергию важнейшим фактором Нового Мира и Нового человека. И для Вернадского, и для Н.К. и Е.И. Рерихов эта Новая Эпоха начиналась со Второй мировой войны, когда в жесточайшем противостоянии сошлись Свет и тьма. В августе 1941 года Вернадский записал в дневнике: «Сегодня я ярко чувствую “мировой” стихийный процесс – зарождение в буре и грозе ноосферы». О «времени грозном и прекрасном», предшествующем Новой Эпохе, написано и в Живой Этике. Формирование ноосферы было для Вернадского космическим процессом. Такой же космический характер носили для него и наши победы в Великой Отечественной войне. По индийскому циклическому летоисчислению небывалая эта война совпала с концом Кали Юги – Эпохи Зла – и началом Сатъя Юги – Эпохи Справедливости. Философское осмысление этих циклов мы находим и в Живой Этике.

Другой великий русский ученый Константин Эдуардович Циолковский, который, как и В.И.Вернадский, сыграл выдающуюся роль в формировании нового космического мышления, имел высокое и чистое созвучие с Живой Этикой. Кульминационный пункт в творчестве Циолковского пришелся на период между двумя веками – XIX и XX. Он нес в себе традиции науки XIX века, и эти традиции оказались сильней, нежели у родившегося позже Вернадского. Циолковский был той фигурой, которая персонифицировала собой тот переход, который совершила эволюция, шагнувшая в XX, переломный век второго тысячелетия. У него были и другие особенности, отличавшие его не только от Вернадского, но и от других трех великих ученых. Он не получил образования и образовал себя сам, жадно читая книги и схватывая на

ходу знания. Эта ситуация несла в себе двоякий смысл – один положительный, другой отрицательный. Положительный заключался в том, что самообразование развило в нем самостоятельность мышления, и он ушел, в какой-то мере, от цепких рук научной традиции XIX века. Но, избавленный волею судьбы от этой традиции, он так или иначе, вольно или невольно, сам к ней стремился и старался, уподобляясь другим ученым, пользоваться ею как можно чаще. Это межвековое положение порождало немало противоречий и в практической работе ученого, и в его философских размышлениях. Но речь идет здесь не о противоречиях, которые при подлинном углублении в творческое наследие ученого и философа могут быть сняты, а о том, что гений Циолковского создал и сотворил такое, без чего наша наука была бы совсем другой. И еще он, как известно, был глух с самого детства. И это лишило его возможности полноценного общения не только с учеными, но и просто с людьми. С одной стороны, это было хорошо, он больше был предоставлен самому себе, не зависел в этом отношении от других. Он все время или работал, или, погрузившись в себя, размышлял. Но, с другой стороны, лишенный нормального общения, он что-то терял и эмоционально, и информативно, и это было плохо. Но, как бы то ни было, судьба и эволюция распорядились именно так, а не иначе. У Циолковского была необычайно развитая интуиция, а богатство внутреннего знания, очень конкретного и связанного в основном с космическими проблемами, свидетельствовало о каких-то таинственных источниках этого знания. Самое странное заключалось в том, что у него не было предшественников и, самое главное, не было инженерного образования. Но он, тем не менее, при разработке проекта космической ракеты учитывал такие конкретные ее особенности, которые он не мог знать, живя на Земле и не имея для такой сложной работы никакой экспериментальной базы. И, конечно, возникает вопрос: как он мог додуматься сам до этого или – кто ему подсказал? Можно подумать, что в лице Циолковского на Землю из таинственных глубин Космоса прибыл космонавт, который знал хорошо не только Космос, но и конструкцию аппаратов, которые где-то далеко давным-давно бороздили космические просторы. И он прибыл на Землю, чтобы рассказать людям обо всем этом, и от людей зависело – усвоят ли они и поймут ли, о чем говорил им этот странный человек, как будто выполнявший какую-то миссию. Но он, как и Вернадский, не смог избежать ослепления ни Землей, ни наукой. Ослепление наукой в нем было сильнее, нежели ослепление Землей, возникло оно от преклонения перед наукой,

и избежать этого было невозможно. Но его природная самостоятельность и внутренняя свобода, существовавшая в нем, часто прорывала это ослепление, и тогда космический поток информации лился через него на Землю и вызывал у окружающих или безграничное удивление, или резкое отрицание. Его беспокоило и то и другое, ибо он хорошо понимал всю сложность и тяжесть своего земного пути и неожиданные последствия людских эмоций. Его безусловная пронизанность Космосом настораживала и тревожила даже тех, кто стремился понять его и отчасти понимал. У него было много общего с Вернадским в подходах к новому космическому мышлению, но они никогда не были знакомы и, возможно, даже не подозревали о существовании друг друга. Так иногда обстоятельства разводят единомышленников. Но так же, как и Вернадский, Циолковский уделял главное внимание в своих работах новой системе познания. Его открытия и его озарения были связаны именно с ней и носили, я бы сказала, методологический характер. Это были особенности Космоса и космических процессов, без учета которых не могла в XX веке существовать ни одна система познания, а тем более такая, которая лежала в основе формирующегося космического сознания. В нем жило это сознание, и ему не надо было делать усилия, чтобы из механистического превратить его в космическое. Его сознание в измерениях превышало земное и многое определяло и в его философии, и в его научной работе. Он так же, как и Вернадский, в своих подходах к новой системе познания стоял близко к Живой Этике, хотя, как и его младший единомышленник, не читал ее и ничего о ней не знал. Оба они настаивали на том, чтобы в новую систему вошли способы познания, которые современная им наука называла вненаучными, основную роль в которых играли духовные способности человека. И Вернадский и Циолковский считали, что восточная философия с ее многовековым опытом познания человека как части Космоса может дать многие наведения для современного познания. Оба отдавали предпочтение буддизму, главные положения которого мы находим в Живой Этике. Циолковский, так же как и Вернадский, принял доктрину перевоплощения и даже пытался объяснить ее с точки зрения научной. Но это у него не очень получилось, ибо научная мысль того времени для таких объяснений была не очень подготовлена. В то же время он добавил к новой системе познания ряд моментов, которые мы находим только в его философии и ни у кого из его современников. Это разумные силы Вселенной, Совершенные, управляющие ею и влияющие на эволюцию Космоса, и, наконец, высо-

кий Разум, который, вне всякого сомнения, присутствует в Мироздании. Такую же информацию мы встречаем в Живой Этике. Ее авторы пишут об одушевленном Космосе, о космическом Разуме и Иерархии этого разумного Космоса, которая управляет энергоэволюционными процессами в Космосе. В этой Иерархии находит свое выражение закон – Высшее ведет низшее, – с действием которого мы встречаемся в мирах самого различного состояния материи. «В земной жизни и в жизни Космоса, – утверждает Циолковский, – далеко не все так просто, как думают наши ученые и философы, и высокий разум мыслящих существ уже не раз вмешивался в стихийные силы природы, в явления космических масштабов, только мы еще не научились замечать эти вмешательства. Но с прогрессом науки мало-помалу будут вскрыты те конструктивные изменения, которые внес высокий разум мыслящих существ в высокие, но слепые силы материи. Для того, чтобы заметить эти влияния, понадобится несколько столетий или даже тысячелетий упорной работы ученых, если в один прекрасный день космический корабль, прилетевший из далекой галактики, не раскроет нам основные законы Вселенной...»¹

«Космический корабль», на который справедливо надеялся Циолковский, уже прилетел на Землю. И этим «кораблем» оказалась Живая Этика, чей источник излился из глубин Космоса на Землю и раскрыл нам основные законы Вселенной. Тем самым ее создатели – Учителя и Космические Иерархи, Совершенные, как называл их Циолковский, – ускорили эволюцию планеты Земля на многие тысячелетия. Они ускорили, но люди на этой планете не спешили признать Живую Этику и воспользоваться ее знаниями. Одни ускоряют, другие – замедляют. В результате получается очень не обнадеживающая средняя кривая эволюционного процесса. Вмешательство состоялось, но «ослепление Землей» не дало пока возможности ускорить процесс. Прошло уже более восьмидесяти лет с тех пор, как появилась Живая Этика, а о ней знают немногие. Земля продолжает страдать от незнания Законов Космоса. Последствия этого незнания трагичны и губительны.

Бесперерывно размышляя о проблемах Космоса, учитель гимназии Циолковский создал целую философскую систему, ничего общего не имевшую с официальным диаматом. Мысли чудаковатого глухого учителя не воспринимались в ученом мире. Свои провидческие труды он публиковал на скудное школьное жалование, а потом потерял

---

¹ Цит. по: *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. М., 1995. С. 410.

и такую возможность. Его идеи долго находились под запретом, о них никто не писал и не говорил. Циолковского не признавали как философа, а его имя было известно лишь в связи с разработкой космических ракет. Да и сейчас немногие знают, что калужский учитель был мыслителем планетарного масштаба. Своими идеями разумного Космоса он пугал и удивлял ортодоксальных материалистов, ничего не признававших, кроме плотной материи. Циолковский утверждал, что человек несет в себе волю Вселенной. Согласованность воли индивидуума с волей Вселенной зависит от уровня сознания и развития этого индивидуума. И чем выше это развитие, тем созвучней воля человека и воля Вселенной. «Воля человека, – писал он, – и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения – есть только голос Вселенной»¹. Он как бы слушал Вселенную, опираясь на свое внутреннее знание, о чем-то догадывался, что-то предчувствовал. В то же время с «космического корабля» – Живой Этики – шла своя информация: «Намагничивание духом дает решение космической Воли»². И еще: «...Космическая Воля присуща каждому продвижению в Беспредельность»³. Многие в Живой Этике совпадали с размышлениями Циолковского. Живая Этика писала об Огненном мире, о более высоком состоянии материи в нем, о человеке будущего, строение и энергетика которого будет нести свойства этого Огня, его высоковибрационной и тонкой материи. Циолковский размышлял о взаимодействии материи и энергии, о переходе одного в другое. В подобном переходе он видел условие для дальнейшего продвижения космической эволюции человечества. Живая Этика в качестве важнейшего процесса космической эволюции считает одухотворение материи. Этот процесс связан именно с переходом материи в энергию, ибо дух, согласно Живой Этике, есть энергия. Степени такого перехода могут быть разные. Циолковский брал высший уровень и размышлял об огненном человеке, или лучистом человечестве, которое возникнет в ходе дальнейшего развития эволюции. Лучистое человечество Мира Огненного есть результат духовного совершенствования его в процессе перехода материи в энергию. Этический момент в ходе такого процесса он считал одним из важных устоев. Поэтому Циолковский, так же как и Вернадский, включал этику в новую систему познания.

---

¹ Циолковский К.Э. Воля Вселенной: Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928. С. 14.

² Беспредельность, 473.

³ Там же, 507.

Наряду с размышлениями Циолковского о системе познания и некоторых особенностях космической эволюции мы находим у него и интересные догадки, а может быть, и озарения о мирах иных состояний материи, о которых в современной науке не только не писали, но даже и не говорили. «Но кроме миров, подобных человеческим, возможны миры из веществ иных плотностей и иных размеров»¹, – писал он. В Живой Этике также сообщается о мирах не только иного состояния материи, но и иных измерений. Ученый прекрасно представлял себе виды тонкой и плотной материи. Однако эволюцию перехода от одного вида материи к другому определял как от разреженного к плотному, несколько упрощая этот процесс. Создатели Живой Этики характеризуют этот процесс несколько по-другому, сложнее и интересней. В основе его лежит противоположение: инволюция – эволюция. Изначальный этап этого процесса начинается с инволюции – вхождения более высокого, или тонкого, вида материи в инволюцию, завершающуюся уплотнением материи, а затем происходит превращение этой материи снова в более тонкую, но более высокого качества. Циолковский полагал, что плотная материя более высокого уровня. Однако считать это грубой ошибкой ученого не приходится, все дело в том, какой этап эволюции он видит в своем воображении и какое место в эволюции он ему находит. Он сам нес в себе этот сложный процесс – инволюцию, через которую он прошел, чтобы вновь достичь высот эволюции, помогая другим. Иногда спотыкаясь и останавливаясь в своем трудном пути самостоятельного постижения Космоса, он нес в себе тем не менее ощущение, что все тайны мира видимого кроются в невидимом, иными словами, невидимое, или Высшее, есть причина всего, что находится в низшем. Между тем и другим лежат миры различных состояний материи, о которых мы находим информацию все в той же Живой Этике.

Многие мысли Циолковского, особенно те, которые были созвучны с системой познания Живой Этики, не были результатом его эмпирических исследований, а как бы шли из глубин его внутреннего мира. И можно прийти к заключению, что метанаучный способ познания в научной работе Циолковского преобладал над эмпирическим. В этом состояла особенность его научной деятельности. В своих философских и научных изысканиях он как бы вырывался за пределы Земли и был убежден, что истина космична. И в этой связи он был не только

---

¹ Циолковский К.Э. Гений среди людей. М., 2002. С. 234.

созвучен Живой Этике, но вторил размышлениям Н.И.Пирогова на эту тему. Эмпирическая наука времени Циолковского практически не касалась проблемы мысли, которая самым глубоким образом интересовала ученого. Он ощущал запредельные скорости и, критикуя теорию относительности Эйнштейна, писал о другом пространстве, которое начиналось за пределами скорости света. Это пространство существовало в мирах иного состояния материи, откуда и шла волшебная пришелица-мысль, неся с собой бесценную информацию. Мысли, как таковой, посвящены многие страницы в книгах Живой Этики. Циолковский ощутил богатейшей интуицией энергетическую роль сердца человека в Космосе и на Земле и включил его в свою новую систему познания. В Живой Этике есть отдельная книга, которая посвящена свойствам энергетики сердца человека. В ней утверждается, что этот орган есть тончайший инструмент познания. Книга эта так и называется – «Сердце». Размышляя о сердце, Циолковский пришел к выводу, что в познании оно выше интеллекта и является местом помещения сознания. Этот вывод не только не противоречил Живой Этике, но и подтверждал ее концепцию сердца. Сам мыслитель сердцем ощущал космический Закон Учительства, отдавая при этом высший приоритет Галилейскому Учителю, Иисусу Христу. Сердечное познание Закона Учительства есть одно из важнейших положений Живой Этики. Сердце и для Циолковского было своеобразным мостом между Космосом и Землей. В современной ему науке сердце изучалось только медициной, и его энергетическая и познавательная суть совсем не затрагивалась.

В свою систему познания Константин Эдуардович ввел понятие беспредельности и бесконечности Космоса. Беспредельность и его бесконечность действует в рамках космического ритма. Вселенная умирает и вновь возрождается, но каждый раз на более высоком уровне. Он ощущал в этом процессе умирания и возрождения Вселенной один из важнейших процессов космической эволюции. Индуистская философия писала о пралайе – «Ночи Брахмы», когда Вселенная стягивается в атом, чтобы потом возродиться и расшириться в «День Брахмы». Необходимость такого процесса у него не вызывала никакого сомнения. Он глубоко понимал его закономерность и эволюционную обусловленность. Наука его времени ни о чем подобном не свидетельствовала. Он сам постигал законы Космоса, которые не были ведомы даже самым выдающимся ученым. Закон кармы, или причинно-следственных связей, Закон перевоплощений – были для него

эволюционной необходимостью. Он так же глубоко их понимал, как и создатели Живой Этики, писавшие о них в своих провиденциальных книгах. Те идеи, которые он выдвинул в пространстве познания Космоса и его эволюции, несли и несут такое богатство его гениальной мысли, что переоценить это просто невозможно. И чем больше мы будем отдаляться во времени, тем больше будем понимать бесценность творчества Циолковского для развития нового космического мышления на планете Земля.

Если Вернадский и Циолковский были, в полном смысле этого слова, изолированы друг от друга, то с другим из четырех он, Константин Эдуардович, был связан тесными узами дружбы, единомыслием и глубокими творческими беседами. У них была большая разница в возрасте, но это не мешало им многие годы поддерживать друг друга и обсуждать интересовавшие их обоих вопросы. И эти вопросы, конечно, были связаны с Космосом. Многолетним другом Циолковского был Александр Леонидович Чижевский, тоже великий русский ученый, внесший важный вклад в космическое мышление и тем самым ставший одним из его родоначальников. Он был богато одарен и нес в себе синтез ученого, художника, поэта, что немало помогало ему в творческой деятельности. «Чижевский, – писал его биограф В.Н.Ягодинский, – конечно, был на редкость многогранной личностью <...> Он писал стихи на космические и научно-философские темы, был прекрасным пейзажистом и тонким знатоком музыки. И все это было в нем сплавлено в единое мировосприятие благодаря особому таланту к одновременному охвату мыслью и чувством не только логической стройности, но и красоты мира. Именно это предопределило тонкое проникновение Чижевского в интересовавшие его проблемы, обозначило характер и выбор тем»¹.

Чижевский, как и его старшие коллеги, много занимался новой системой познания, которая полностью противоречила существовавшему в то время научному мировоззрению. Космос лежал в ее основе. Он пришел к убеждению, что существует единое космотеллурическое² пространство, связанное в одно целое магнитной жизнью Мироздания и теми ритмами и циклами, какие существуют в нем. Все это ни в коей степени не противоречило тем идеям, которые высказаны в Живой Этике. Он был убежден, что процессы, идущие на Земле, могут быть

---

¹ Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М., 1987. С. 217.

² Космотеллурическое – космическо-земное. Теллурический – земной (от *лат.* *tellus* – Земля. – *Ред.*).

правильно осмыслены только с позиций особенностей и закономерностей самого Космоса. Один из великих ученых своего времени, создателей нового космического мышления, он обладал редкой способностью – соединять экспериментальную, эмпирическую науку с теми идеями, которые приходили к нему из внутренних глубин его существа и носили умозрительный философский характер. Неся в себе синтез знаний научных и вненаучных, или метанаучных, он на собственном опыте подтверждал необходимость их соединения. Своим опытом, своими экспериментами он выходил за пределы эмпирической науки, расширяя ее горизонты познания и давая возможность проникнуть в те глубины, которые ей были недоступны. Он блестяще подтверждал метанауку в своих экспериментальных работах, обладая удивительной способностью правильной постановки проблемы в ходе того или иного эксперимента. Ярчайшим примером этого были доказательства влияния ритмов солнечных возмущений на земной исторический процесс. Человек и человеческое общество и ритмы их жизнедеятельности находились во владении этого яростного светила и полностью ему подчинялись. Исследуя эти циклы и ритмы, он подходил близко к энергетическому мировоззрению Живой Этики, утверждая, что именно ритм энергетических взрывов, или возмущений, на Солнце изменяет жизнь человека, делает ее активной в одно время и пассивной в другое, создавая возможности для массовых движений в человеческом обществе в определенные периоды и лишая его таких возможностей в другие моменты. Он создал убедительную картину одиннадцатилетних циклов движения земной истории, причина которых была связана с активностью Солнца и лежала вне Земли. Чижевский первым назвал историю природным явлением и причислил ее к естественным наукам. Он не только ощущал эти ритмы и циклы, но и, как незаурядный художник, *видел* их. И образность, которую он вводил в новую систему познания космического мышления, давала ему возможность постигать глубже и тоньше происходящее в Космосе и на Земле. Он вычерчивал кривые взаимодействия Космоса и человека и видел в них не только линии, но и загадочные бесконечные ритмы Космоса.

«И вот, при виде всех этих дружно вздымающихся и дружно падающих кривых наше воображение представляет себе животрепещущую динамику космо-теллурической среды в виде безграничного океана, покрытого рядами нарастающих и рушащихся волн, среди которых жизнь и поведение отдельного организма уподобляются незаметной и безвольной щепке, повинующейся в своем поведении, как и в настоя-

щем океане, всем капризам окружающей его физической стихии»¹, – писал он. И этот образ океана с бушующими в нем волнами энергии помогал ему точнее представить энергетику взаимодействия Космоса и планеты, на которой он жил и творил. Этот образ нес в себе познавательную силу.

Творческая интуиция, которая создавала образ, относилась к метанаучному способу познания, и этой творческой интуицией Чижевский был одарен в полную силу. Создав теорию образа как способа познания, он прозревал в видимом образе невидимое явление, которое, правильно расшифрованное, дает возможность познать это явление и вскрыть его сокровенную сущность. Волнообразная теория света была тоже *образом*, посредством которого Максвелл открыл свои уравнения магнитного поля. Чижевский понимал, что явления, которые не поддаются эксперименту эмпирической науки, могут быть познаны методом «творчества образов». Качающийся маятник – вверх–вниз – таил в себе идею умирания и возрождения Космоса, или, иными словами, был образом космического ритма. И этот космический ритм составлял гносеологическую основу новой системы познания. «Космос не знает истощения, – писал Чижевский, – ему присуща вечная жизнь, обусловленная ритмом, отбиваемым колоссальным космическим маятником». Познавательная суть «творчества образов» присутствует и в Живой Этике, создатели которой довольно часто прибегают к образу, но не носящему сравнительно-литературный характер, а заключающему в себе то невидимое явление, которое требует познавательной расшифровки. Это невидимое явление, будучи неотъемлемой частью образа, есть та реальность, за которой стоит энергетика иных, более тонких состояний материи. Опираясь на свое понимание образа как способа познания, Чижевский раскрывает и познавательную суть поэзии и делает это убедительно и четко, помещая истинную поэзию в пространство откровения, находящегося в области духовного творчества человека.

«Истинное поэтическое произведение, – справедливо замечал Чижевский, – вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука». Этим самым он утверждал поэзию как один из важнейших способов познания. Подобные идеи мы находим и в Живой Этике, которая рассматривает откровение в качестве источника познавательной

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 34.

информации и не единожды пользуется такой информацией. Моменты откровений возникали и в поэзии самого Чижевского. Слова одного из его стихотворений – «Реальный мир в мгновенном сне» – свидетельствовали об ощущении ученым реальности миров иных, более тонких состояний материи. Или еще:

*И жизнь – повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества от края и до края.*

Как философ и как ученый, он исследовал проблему жизни, увязывая ее теснейшим образом с энергетическими процессами, идущими в Космосе, вольно или невольно следуя в русле системы познания Живой Этики. Основная его идея, от которой он никогда не отрекался: жизнь – явление космическое, а сам Космос представляет собой одушевленную структуру. Жизнь, утверждал Чижевский, «создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли». Подавляющее количество физико-химических процессов на Земле, считал он, есть результат воздействия космических сил. Именно они обеспечивают все жизненные процессы в биосфере Земли, именно там происходит трансформация космической энергии. И он приходит к самому главному выводу, который определяет его космическую систему познания: «Не Земля, а космические просторы становятся нашей Родиной». И когда мы читаем Живую Этику, дающую нам новое представление о космической эволюции, мы находим эту мысль почти в каждой ее книге.

Чижевский писал о великой электромагнитной жизни Вселенной, закладывая первые кирпичи в фундамент энергетического мировоззрения XX и будущих веков. «Эта жизнь, – отмечал он, – имеет свой пульс, свои периоды и ритмы. Наука будущего должна будет решить вопрос, где зарождаются и откуда исходят эти ритмы»¹. Солнце не создавало эти ритмы. Оно только проявляло их своими пятнами и своими возмущениями. Но где-то должен же существовать источник космических ритмов, которые Солнце отражает. Живая Этика называла этот источник Космическим Магнитом, который рождал и регулировал ритмы на всех уровнях Мироздания. Чижевский ощущал биение этого Сердца Вселенной, которое работало в унисон с ритмом Солнца. Он подошел близко к этому феномену Вселенной, но не смог

---

¹ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 30.

подтвердить все экспериментально. Я уверена – ему не хватило на это его короткой творческой жизни. Создатели Живой Этики подтвердили выводы Чижевского о воздействии пятен Солнца на жизнь нашей планеты. «...Солнечные пятна, – отмечали они, – оказывают влияние на самые различные стороны сущего»¹. И еще: «Огонь солнца и огонь духа – наши творческие силы. Теплота солнца и теплота сердца – наши жизнедатели»². Учителя называли Солнце сердцем нашей Системы. Но Чижевский не знал тогда ни об Учителях, ни о Живой Этике, но чисто интуитивно следовал в ее русле. Его занимали те же проблемы, которые в Живой Этике уже были решены. То, о чем только догадывался Чижевский, было уже разъяснено на страницах Учения.

«...Состояние Солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на земле, – писал ученый, – находится в известной зависимости от общего состояния электромагнитной жизни мира вообще и, в частности, от положения других небесных тел. Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью целой Вселенной?»³ И далее: «Став на такую точку зрения, следует уже *a priori* допустить, что важнейшие события в человеческих сообществах, охватывающие при участии народных масс целые страны, протекают одновременно с какими-то колебаниями или изменениями сил окружающей природы»⁴.

Тот, кто внимательно изучал Живую Этику, без труда поймет, что Чижевский пишет о Космическом Магните, определяющем всю жизнедеятельность Вселенной и наполняющем ее пространство ритмом тех магнитных волн, которые ученый «увидел» во время работы над этой проблемой. Космические ритмы электромагнитных колебаний связывают воедино все Мироздание на уровне макро- и микрокосма. Об этом единстве писали и создатели Живой Этики.

«Теперь мы можем сказать, – утверждал Чижевский, – что в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни. Но наука о живом организме и его проявлениях пока еще чужда расцвету этой универсальной идеи единства всего живого со всем мирозданием»⁵.

---

¹ Агни Йога, 504.

² Беспредельность, 79.

³ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. С. 24.

Эта идея «единства всего живого со всем мирозданием» свидетельствовала о том, что законы, по которым возникает и развивается все живое в Мироздании, также едины и приложимы, в том числе, и к историческому процессу.

«Космический закон отражает явления всего мира форм»¹. «Нерушим закон, явленный Космосом. При творчестве утверждается обмен всех энергий»², – отмечали создатели Живой Этики.

Как ни странно и даже опасно это бы ни звучало, было ясно, что точки опоры исторического процесса, его причины, закономерности и ритмы надо искать не на Земле, а в Космосе, в самой энергетической структуре Мироздания. Чижевский пришел к выводу, что «силы внешней природы связывают или освобождают заложенную потенциально в человеке его духовную сущность и принуждают интеллект действовать или коснетъ»³. В отличие от марксистских философов, считавших дух человека чем-то «невещественным», Чижевский рассматривал последний как силу природы. Это противоречило официальной науке, но, несмотря на все это, ученый продолжал свои исследования и смог довести их до конца.

Возможно, в картине взаимодействия Космоса с земным историческим процессом, созданной талантом Чижевского, и есть какие-то неточности, какое-то упрощение и не учтены какие-то энергетические факторы, тем не менее принципиальная схема взаимодействия Космоса с историческим процессом научно подтверждена.

«Из сказанного следует заключить, – подводит итоги своих необычных исследований Чижевский, – что есть некоторая внеземная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих обществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служит лучшим указанием на эту силу»⁴. И опять в этих словах ученого мы ощущаем дыхание и ритм Космического Магнита, одной из важнейших энергетических структур Мироздания. Чижевский все время кружил своей мыслью вокруг него, но ему не хватило ни времени, ни жизни, чтобы сделать свое великое открытие и экспериментально подтвердить его. Он оставил это для будущих ученых, которые воспользуются информацией, содержащейся в Живой Этике.

---

¹ Беспредельность, 112.

² Там же, 147.

³ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 21.

⁴ Там же. С. 52.

Истина пробивает себе путь на Земле в страданиях и борьбе, и не каждому это под силу. Но человек есть «эволюция, осознавшая саму себя»¹. Процесс этого осознания труден и сложен, и пути его реализации разнообразны. Путь науки один из них. Без осознания космической эволюции, как таковой, нельзя осмыслить ни одно явление на Земле, в том числе и исторический процесс, который представляет собой часть эволюции, рычаг ее действия в нашем физическом мире.

Чижевский писал и размышлял о космическом сознании, которое должно составить главную суть наступающего нового мышления. Живая Этика такому сознанию уделяла большое внимание ввиду наступления на Земле Новой Эпохи. Между идеями Чижевского и тем, что мы находим в Живой Этике, не было никаких противоречий и никаких расхождений. И создатели Живой Этики, и Чижевский, как бы где-то сговорившись, писали об одном и том же – причины земных явлений надо искать в Космосе. Но понимание этого обстоятельства могло прийти с изменением сознания человечества, с расширением этого сознания. Утверждение этого процесса в пространстве космической эволюции становилось методологическим положением и в самой Живой Этике, и в новой системе познания, которое формировалось в многогранном творчестве великого ученого.

В последние годы жизни Чижевский занимался энергетикой крови, интуитивно нащупывая одно из главных свойств энергетики человека. «Система крови, – отмечал он, – окутана силовыми линиями электрического поля». Он назвал энергетику крови «электричеством жизни». Живая Этика считает, что именно кровь разносит по организму человека психическую энергию, которая играет важнейшую роль в его совершенствовании и преображении. Чижевский, так же как и Вернадский, нашел в организме человека явные проявления этой энергии. Исследуя энергетику крови, он пришел к выводу, что кровь, находясь вне организма, теряет свои электрические или энергетические свойства. Это лишний раз подтверждало не только свойства такой энергетике, но и ее особенность или непохожесть на иные виды энергетике.

Ко всему этому еще можно добавить, что размышления Чижевского об искусстве и культуре, которые мы находим в «Академии поэзии», совпадают с той концепцией, которая содержится в Живой Этике.

---

¹ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. С. 176.

Одно из важнейших положений Живой Этики как системы познания нового космического мышления – существование миров иного, более высокого состояния материи, более высокого ее измерения. Создатели этого труда, в том числе Елена Ивановна Рерих, достаточно подробно осветили инобытие как космическое явление, связанное прочно с энергетикой внутреннего мира человека и влияющего на эту энергетику и бытие самого человека. Живая Этика утверждает, что воздействие таких миров на земную жизнь более сильное, нежели мы себе представляем. Для того, чтобы познать особенности плотной материи, мы должны учитывать подобное воздействие. Если мы отказываемся это делать, то ни о каком подлинном познании самой земной материи речи быть не может.

Великий ученый, философ и поэт, один из образованнейших людей России священник Павел Александрович Флоренский имел непосредственное отношение к изучению инобытия, как такового. Так же как и создатели Живой Этики, он считал это явление необходимой и неотъемлемой частью новой системы познания, в создании которой он активно участвовал. Он не только ощущал в себе это инобытие, но и научно доказал его существование в своих трудах, таких, как «Мнимости в геометрии», «Иконостас», «Обратная перспектива». «К чему бы ни прикоснулся Павел Флоренский своей мыслью, – пишет один из известных российских философов К.А.Кедров, – все начинало сиять и светиться новым неповторимым светом <...>

Такой подход опережал движение философской мысли на годы»¹. Это свечение было тем внутренним светом, жившим в нем самом, как жило в нем ощущение инобытия, через опыт которого он шел как философ и ученый. «...Все научные идеи, которые я ценю, возникали во мне из чувства тайны»², – отмечал он сам. Это «чувство тайны» и было тем пространством, где обитало инобытие и метанаучные способы познания, которые он соединял в одно целое в новой системе познания. Космос не существовал без материи иных состояний – в этом он был убежден, и не потому, что логически это доказал, а потому, что имел уникальный опыт общения с мирами такой материи. Его связь с Высшим не была случайной. Регулярность этой связи утверждала его каждый раз в существовании запредельного, иного мира, в котором заключались все причины мира земного. Вот эта связь и приближала его к Живой Этике, которую он, как и остальные – Вернадский, Циол-

---

¹ Кедров К. Параллельные миры. С. 138.

² Флоренский П. Оро. М., 1998. С. 109.

ковский и Чижевский, – даже не держал в руках. Это его внутреннее знание о мирах иных и опыт, каким он обладал, свидетельствовали о той Космической Реальности, истинность которой в равной степени существовала и для создателей Живой Этики, и для него самого. Это обстоятельство делало его уникальной фигурой даже среди тех четырех великих личностей, которые внесли самый значительный вклад в формирование нового космического мышления, обозначившего иной этап в развитии человечества. В этом сложном процессе у него была самая трудная миссия – рассказать людям о мирах высоких, тонких, высоковибрационных, где господствовала неведомая еще человечеству энергия Огня. Он понимал, что мировоззрение абстрактное, без связи с жизнью и опытом, есть явление мертвенности и пустоты. «...Мировоззрение – не шахматная игра, – писал он жене с Соловков, – не построение схем впустую, без опоры в опыте и без целеустремленности к жизни. Как бы ни была она сама в себе остроумно построена, без этого основания и без этой цели она лишена ценности»¹. Пожалуй, он единственный из четверых не подвергся ни «ослепленению Землей», ни «ослепленению наукой». У него существовала твердая почва под ногами, давшая ему уйти от такого соблазна. Этой почвой была реальная связь его с инобытием, с миром иных состояний материи, откуда сюда, на Землю, лился светящийся поток Космической Реальности, несший в своих магнитных волнах истины грядущего космического сознания, о котором свидетельствовала и Живая Этика. Черты и свойства новой системы познания, над которыми размышлял Флоренский, также были созвучны тем положениям, которые существовали в Живой Этике.

Флоренский не только считал, что метанаука должна войти в новую систему познания, но исследовал ее важнейшие особенности, находившиеся на стыке религии, искусства и идей древней философии. Его учение о мирах различных состояний материи содержало новые подходы к Реальности Космоса и служило важнейшим методологическим устоем в той системе познания, которую он создавал. Особенностью этой системы являлось расширение пространства метанауки в ней и дальнейшее постижение ее способов познания. Он четко ощущал, что именно за метанаукой, а не эмпирической наукой стоит та Космическая Реальность, познание которой изменит и саму эмпирическую науку. Это ощущение не было случайным, а обуславливалось

---

¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 599.

той точкой зрения, с уровня которой он решал проблему новой системы познания. Эта точка зрения была высока и оказалась доступной в ученом мире, к которому он принадлежал, только ему. Эта точка зрения, как ни странно, находилась в непостижимых пространствах миров иных состояний материи и иных, более высоких ее измерений. С такой же точки зрения он решал проблемы и эмпирической науки, получая на редкость оригинальные и неожиданные результаты. Флоренский был уверен, что именно метанаука, которая была тесно связана с Реальностью Космоса, превосходила науку эмпирическую и должна была занимать большее место в складывающейся новой системе познания. Он обогатил ее метанаучными способами познания, сложившимися в течение многих веков в пространстве духовного творчества человека. Чистой эмпирической науки не существует, утверждал Флоренский, и эмпирическая наука нуждается в дальнейшем расширении в ней методологии метанаучного познания. Ибо только такая методология определит путь познания Реальности. Особенностью Флоренского как ученого и священника было практическое соприкосновение его с такой Реальностью. Мир иной жил в нем самом, давал ему творческие ориентиры и возможность постигнуть его Реальность. Флоренский, можно утверждать, стал истинным свидетелем этой Реальности. Оценивая это обстоятельство с точки зрения космической эволюции, можно назвать о. Павла Вестником Реальности. Эти особенности не только приближают его идеи к Живой Этике, но и сам он как бы нес в себе то духовное наполнение, которое свойственно авторам этого уникального труда. Уровень его сознания оказался намного выше, чем у современников. Он был сторонником общинного устройства, пример которого находил у старцев Оптиной пустыни, и считал, что община может возродить Церковь в ее изначальном виде, который в далеком прошлом придал ей Апостол Павел. Флоренский научно доказал связь истинного искусства с инобытием, утвердив тем самым ряд идей, которые мы находим в Живой Этике. Он раскрыл сущность реальной Любви и Красоты, ниспосылаемых на Землю из Высших миров, и определил их как способы познания, необходимые для новой системы познания. В эту систему он включил и сердце, во взглядах на которое он не расходился с авторами Живой Этики. Определяя сердце как духовный центр энергетической структуры человека, Флоренский считал его инструментом метанаучного познания, источником знания и органом связи с мирами более высокого состояния материи. Имея в виду эти свойства сердца, он, как и

авторы Живой Этики, считал необходимым синтез интеллекта и сердца в системе нового познания. Разрабатывая методологию этой системы, он считал главной ее целью познание Космической Реальности во всевозможных ее формах.

Исследуя проблемы пространства, он пришел к интересному заключению, отзвуки которого слышатся и в Живой Этике. Пространство определяет не только стиль художественного построения, но и отражает мировосприятие самого художника. Иными словами, пространство есть миропонимание и есть важнейший момент в постижении искусства как системы познания. Творческую связь пространства с миропониманием обуславливают миры более высоких состояний материи. Он научно доказал эту важнейшую мысль в своих работах – «Обратная перспектива» и «Мнимости в геометрии». Он также пришел к выводу, который мы знаем из Живой Этики, что пространство – это энергетика, которая зависит от организации этого пространства.

Новая система познания, в которую Флоренский внес так много, позволила ему определить и предмет философии. «Центральным пунктом философии, – писал он, – считается сейчас вопрос о познании реальности». Так же как и авторы Живой Этики, Флоренский не ставит вопроса, что в какой-либо философской системе «первично», а что «вторично», он заменил все это необходимостью философского познания Реальности. Включая философию в новую систему познания, он настаивал на изменении ее концептуальной направленности.

Убежденный сторонник синтеза научного и вненаучного способов познания, Флоренский особое внимание уделил использованию в этом синтезе религиозного опыта. На основе такого опыта он разрабатывает методологию поиска Истины, которую мы видим в его фундаментальной работе «Столп и утверждение Истины». Космическая направленность нового мышления нашла выражение во всех областях человеческого творчества, в том числе и в религии. И в каждой области – науке, философии, искусстве, религии, – рвалась на поверхность новая система познания, богатая, многосторонняя, непредубежденная и глубокая, какой еще не было в истории человеческой мысли. Флоренский был ее ярчайшим представителем, сумевшим показать всю познавательную силу религиозного опыта так же убедительно, как это было сделано в самой Живой Этике.

Откровение в этом пространстве также составляло важную часть знания, которое сформировалось на религиозном опыте и составляло, вне всякого сомнения важную метанаучную часть самой системы поз-

нания. Флоренский не просто автоматически включал религиозный опыт в новую систему познания, но, параллельно, вел и углубленную работу по обновлению религиозной мысли, которая должна была соответствовать происходящему в пространстве нового мышления синтезу. Такой же процесс мы находим и в Живой Этике, связь которого с религиозным творчеством Флоренского не может быть подвергнута сомнению. От русского священника к Учителям тянулись какие-то таинственные нити, уходящие в беспредельность Космоса и погружавшиеся в его сверкающие видимые и невидимые глубины. Метанаука, которая с древнейших времен играла в познании человека важную роль, а затем была отодвинута эмпирической наукой, теперь, в новых условиях, обретала более значительное место, как бы вновь возрождалась, но на более высоком уровне. Во многих работах Флоренского мы видим исследование этого процесса, осмысленного с точки зрения научной. Этот же сюжет мы находим и в Живой Этике, в системе познания которой способы познания, находящиеся в духовном пространстве человека, иногда занимают ведущее место. И Флоренский, и создатели Живой Этики понимали опережающее значение метанауки, главные находения которой подтверждались эмпирической наукой. Наука как бы раскрывала метанауку, отдавая ей, время от времени, тайное предпочтение. Флоренский был убежден, что метанаука и, в частности, религиозный опыт, достигает в системе познания более высокого результата, нежели эмпирическая наука, ибо главным инструментом исследования метанауки был и остается человек, сложнейшая энергетическая структура, несущая в себе целый Космос. И если говорить о мирах иных, которыми глубоко занимался Флоренский, то другого инструмента для их исследования, кроме человека, пока не имелось. Для подобных исследований экспериментальной науке, согласно Живой Этике, потребуется особая аппаратура, реагирующая на тонкие процессы, идущие в материи и энергетике Космоса. Без самого человека и находений метанауки, Флоренский был в этом убежден, невозможно создать новую систему познания в пространстве космического мышления. Ей необходимы были два крыла – наука и метанаука.

Он более чем кто-либо другой осознавал необходимость введения «человеческого» в новую систему познания, ибо это «человеческое» есть первооснова познания Реальности. «Человек есть бесконечность», – утверждал он и этим определил не только место творчества человека в системе познания, но и в самой Космической Реальности. Именно эта человеческая бесконечность сделала метанаучный метод

познания, возникший в духовном пространстве человеческого творчества, явлением непреходящим, живущим многие века в отличие от эмпирического метода, часто сохраняющего свои результаты лишь в течение десятков лет. Это «очеловечивание» Флоренским новой системы познания соответствует, без всяких отклонений, концепции познания, которую мы находим в Живой Этике.

За много веков метанаука накопила богатейший запас знаний, без использования и осмысления которых невозможно было продвигнуться дальше в глубины материи и в беспредельность Космоса. Флоренский раскрыл важнейшие особенности метанауки, разъяснил их и сделал доступными современному научному мышлению. В этом его, о. Павла, непреходящее для этой науки значение. Его мысли о пространстве, так созвучные идеям Живой Этики, еще по-настоящему не осмыслены современной наукой. Флоренский считал, и справедливо, что пространство есть миропонимание. Чем шире пространство, тем шире миропонимание, чем уже пространство, тем ограниченнее миропонимание. Огромные пространства России были одной из причин формирования именно в ней нового космического мышления. Православие, в котором четко выступает космичность, также несет в себе эти российские пространства. Поэтому православие византийское и православие российское и в философии, и в искусстве резко отличаются друг от друга. Когда иконописная традиция Руси отошла от византийской, тогда уже началось незаметное еще для самих современников формирование космического мироощущения, которое принесло совсем другое понимание красоты. И поэтому становится ясным, почему именно Россия в начале переломного XX века заново открывает такую важную для ее культуры и нового космического мышления подлинную иконописную традицию. И особая красота наших икон и ощущение в них космического пространства дали возможность назвать православную икону дверью или окном в мир более высокого состояния материи. Эти «двери» и «окна» несли важнейшую познавательную функцию в пространстве христианской религии.

Идеи и мысли, которые Флоренский вложил в новую систему познания, нашли весьма противоречивый отклик в научной и церковной общественности. Лишь единицы смогли понять о. Павла и то, за что он ратовал в течение своей не очень длинной жизни. Большинство не приняло ни его философских размышлений, ни его научных исследований, связанных с этими размышлениями. Но космическая эволюция творила в пространстве земной плотной материи и не собира-

лась прекращать это творчество, несмотря на сопротивление темных и невежественных сил. Тоталитарное государство России всей силой своего репрессивного и идеологического аппарата не смогло остановить этот процесс. И потом наступило время, когда в России вновь стали говорить и писать о новом космическом мышлении, упоминать имена великих ученых, стоявших у начала этого мышления, и рассуждать о необходимости новой синтетической системы познания. Стали издавать труды Рерихов и книги Живой Этики. Усиленное успехами технического проникновения в ближний Космос, новое мышление обрело «второе дыхание». Традиционная наука, которая еще лет 10–15 тому назад не хотела даже слышать о новом космическом мышлении и его системе познания, теперь осторожно приоткрывает своей «железный занавес» для знаний и идей, пока что еще чуждых ей. Хотелось бы привести ряд фрагментов из работ трех крупнейших наших ученых – академиков Бориса Викторовича Раушенбаха, Андрея Дмитриевича Сахарова, Никиты Николаевича Моисеева. Самое интересное состоит в том, что по своему базовому образованию они принадлежали к точным и техническим наукам. В их же высказываниях мы находим отзвуки не только основателей космического мышления, но и Живой Этики. Все трое были верны традиционной эмпирической науке, и тем самым ценность их размышлений значительно повышается. «Все чаще, – размышляет Б.В.Раушенбах, – людям в голову приходит мысль: не незрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрение. Я бы взял шире – логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство – разные грани мировоззрения. Так вот, если грубо рассуждать, очень грубо, то можно сказать, что они друг от друга не зависят. Это даже в какой-то мере разделено физиологически. Одна половина мозга занимается логической частью, другая – внелогической. Мне не хотелось бы, чтобы так препарировали человека: вот левое полушарие, вот – правое, они совершенно не связаны. На самом же деле человек – это некое единство, и ему свойственно целостное понимание мира.

Для целостного же восприятия мира следует, что наука и религия не противоречат, а дополняют друг друга, точно так же, как искусство не противоречит науке... Наука изучает законы материального мира, что не является целью религии. Поэтому здесь не может возникнуть никаких конфликтов или недоразумений. Казалось бы, математика не имеет ко всему этому никакого отношения. Но на самом деле это не

так. Математика по своей сути – чистая логика, и тем не менее она знает такое внелогическое понятие, как красота. Люди, занимающиеся математикой, знают, что нередко существует несколько доказательств какой-либо теоремы. Все они безупречно правильны, но любой математик выделит из них одно или два, отличающихся особой красотой. Эта красота является ощущением того, какими тонкими логическими ходами, переплетением их и часто неожиданными заимствованиями из других разделов математики получено доказательство.

Религиозные переживания – это сфера эмоционального. Но существует ведь и богословие, совершенно логическое построение наподобие философских систем – суховатое, строгое, как математика; оно держится на логике, вспомним хотя бы великих западных католических схоластов. Это же настоящие ученые!

Существование логически строгого богословия наряду с глубоко интимным религиозным переживанием и красота сухих математических доказательств свидетельствуют, что на самом деле разрывает, что есть целостное восприятие мира»¹. Иными словами, если есть целостное восприятие мира, или мироощущение, то и система познания должна быть целостной, или синтетической, не разделенной на научную, религиозную, философскую и т.д. теории познания. Это та система познания, которую мы находим в Живой Этике, соответствующая по своим параметрам новому космическому мышлению. Будучи уверенным именно в такой системе познания, Борис Викторович пишет: «Сегодня в период триумфа естественнонаучного знания, впечатляющих открытий в физике, астрономии, биологии и других науках, дающих рациональное объяснение жизни Вселенной, возникла грандиозная задача – создание научной картины мира на основе научного мировоззрения. Многие считают, что решение этой сверхзадачи облегчается человечеством. Однако это утверждение представляется весьма сомнительным, ведь в этом случае мировоззрение будет односторонним, а потому ущербным. Человечеству нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное, внелогическое, образное восприятие его. Мир следует постигать, повторю Гомера, и мыслью, и сердцем, лишь совокупность научной и «сердечной» картины мира дает достойное человека отражение мира и его сознания и может быть надежной основой поведения»². Блестящая мысль великого ученого двигала его глубокие

---

¹ Открытое общество. 2001. № 3. С. 53.

² Там же. С. 9–10.

работы и по искусству, особенно иконописи, туда, к новой системе познания космического мышления, к новому мировоззрению.

Академик А.Д.Сахаров был его единомышленником, ощущавшим, как и Раушенбах, неполноценность научного мировоззрения, лишённого явлений, связанных с духовными процессами человека. «Я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь, – писал Сахаров, – без какого-то осмысливающего их начала, без источника духовной теплоты, лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным»¹. Я бы добавила к этому – не только религиозное чувство, но и предвидение радикально новой, одухотворенной картины Вселенной, которой, согласно Циолковскому и Живой Этике, управляют разумные силы. К этой мысли сейчас подходят наиболее духовно развитые ученые, с тонкой интуицией, одним из которых был, несомненно, Андрей Дмитриевич Сахаров.

Интересными, со многих точек зрения, представляются философские размышления Н.Н.Моисеева о явлении, которое он назвал «УЧИТЕЛЬ». Эти размышления также созвучны эволюционной концепции Учителя, о которой мы читаем в той же Живой Этике. В своей работе «Время определять национальные цели» академик Моисеев пишет, что его концепция Учителя не входит в марксистскую схему. «Действительность, – отмечает он, – однако, сложнее той схемы, которую предлагают марксисты. И очень часто именно сознание определяет бытие и активность человека, его способность принимать судьбоносные решения. Бытие человека и его сознание суть неразрывное единство»². Сделав такую поправку, он перешел к существу вопроса: «Нация, которая сегодня сумеет создать более совершенную систему – УЧИТЕЛЬ (пишет все это слово большими буквами. – Л.Ш.), делается лидером XXI века!»³ Полагая УЧИТЕЛЯ центральной фигурой в истории и культуре страны, Моисеев дает свою концепцию УЧИТЕЛЯ как явления: «Когда я произношу слово УЧИТЕЛЬ и пишу его большими буквами, то имею в виду не только педагогов, работающих в средней или высшей школе, а всех тех, кто создает систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям, и всех тех людей, которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за их будущность и будущность своего народа,

---

¹ Открытое общество. 2001. № 3. С. 9.

² Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. М., 1997. Т. 3. С. 173.

³ Там же. С. 176.

а в нынешних условиях – и будущность планетарной цивилизации»¹. И еще: «Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет и новая система ценностей <...> Вот почему учитель, то есть центральная фигура системы УЧИТЕЛЬ, тот, кто передает эстафету знаний и культуры, особенно в “минуты роковые”, превращается в центральную фигуру общества, центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы»². Идея Никиты Николаевича о системе УЧИТЕЛЬ, которую он пытался поставить на практическую основу, была самой реальной из всех предложений, которые обсуждались последние 15 лет на общественной ниве. Все четверо крупнейших ученых – В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский и П.А.Флоренский – были именно такими УЧИТЕЛЯМИ, в деятельности которых связь, открытая или закрытая, с космической Иерархией является несомненной. Все четверо, призванные эволюцией в преддверии Нового Мира, безусловно, нуждались в таких земных коллегах, о которых пишет Моисеев. Он, как ученый и философ, продвигая систему УЧИТЕЛЬ, шел как бы навстречу новому космическому мышлению, прозревая необходимость таких учителей при переходе планеты Земля на новый эволюционный виток. Надо отдать должное этому великому ученому, определившему так широко и точно особенности подлинного Учителя, имеющего не только культурное, но и эволюционное значение, о котором пишет Живая Этика. Этот Учитель выступает как связь между земным и небесным, между учителем на Земле и Учителем – космическим Иерархом. Такие Учителя существовали в древности и сохранились в некоторых странах Востока до сих пор. Их опыт бесценен, их влияние на учеников, к какой бы области творчества они ни принадлежали, беспредельно. Поэтому Восток не переживает в своей культуре таких острых кризисных явлений, которые мы наблюдаем на Западе и, в частности, в России. Наше переломное время вновь потребовало такого Учителя, и академик Моисеев чутко уловил эту важнейшую эволюционную тенденцию наступающей новой эпохи. «До сих пор, – пишет он, – главным назначением системы УЧИТЕЛЬ было аккумулировать опыт, превращать его в знания, в связанную систему знаний и готовить людей, способных передавать его обществу. Теперь этого недостаточно. Опыта перехода к новой, нам еще малопонятной цивилизации нет! Значит, система УЧИТЕЛЬ, и прежде всего университе-

---

¹ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. Т. 3. С. 172.

² Там же. С. 173.

ты должны готовить специалистов не просто владеющих экстрактом опыта предыдущих поколений, но готовых к встрече с неизвестным, к непрерывной учебе и поиску – поиску во всех сферах деятельности»¹. И как бы поддерживая основные размышления Моисеева, один из известных российских философов В.М.Розин пишет: «В настоящее время почти все согласны, что мы стоим на пороге новой цивилизации. Куда же идет человечество? Явно к уяснению корней нашей культуры, к выработке нового понимания человека и личности»². И приводит в подтверждение своих слов высказывание одного из крупнейших философов Серебряного века Н.А.Бердяева: «Личность человека может быть вкоренена лишь в универсуме, лишь в космосе... Личность есть лишь в том случае, если есть Бог и божественное»³. Космос и Высшее дает нам возможность понять, что есть Новый Мир, у порога которого мы сейчас стоим, что есть его концепция и его система познания. Все это мы находим в Живой Этике, которая необходима и для учителя, и для ученого, и для философа – в общем, для всех тех, чье творчество приближает этот Новый Мир, его новое космическое мышление. Время Живой Этики настало, и если мы его упустим, то «новая цивилизация» может превратиться в «оскал старого», как сказано все в той же Живой Этике, созданной для нас высокими Учителями космической Иерархии. Живая Этика звучит уже сейчас в благородных умах и тонких сердцах своей концепцией космической эволюции. И надо прислушиваться к этому звучанию. Творческое наследие Рерихов – его источник. Оно обогнало свое время, чтобы у людей планеты Земля остался срок для размышлений и творчества во имя Нового Мира. Но и этот период не бесконечен. С этой точки зрения надо и осмысливать Живую Этику. И, определяя ее, следует сказать, что она есть творение высокого космического Разума на тернистом пути земной научной мысли, знак неумолимого сотрудничества Космоса с земной мыслью и выражение регулярной помощи Космических Иерархов, или, как называл их Циолковский, Совершенных, в трудной эволюции плотной земной материи.

Все четверо – и В.И.Вернадский, и К.Э.Циолковский, и А.Л.Чижевский, и П.А.Флоренский, принадлежат к различным областям знания, занимались единым делом – они создавали новую систему познания для наступавшего космического мышления. Все они работали в

---

¹ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. Т. 3. С. 201.

² Цит по: Знание за пределами науки. М., 1996. С. 9.

³ Бердяев Н. Новое средневековье. М., 1991. С. 8, 14.

пространстве эмпирической науки и метанауки. Никто из них не отделял одно от другого. Все они признавали необходимость сочетания того и другого в новой системе познания. Но у каждого из них, если можно так сказать, был свой «центр тяжести», который не исключал их соприкосновения и с другими областями Знания. Все четверо были не только великими учеными, но и не менее великими философами, работавшими в тяжелейших условиях расцвета идеологии тоталитарного государства. Когда мы оцениваем вклад каждого из них в новую систему познания космического мышления, то перед нами открывается странная, даже загадочная картина. Создается впечатление, что кто-то составил для них единый план, имея в виду их всех как единую команду, занимающуюся творением новой системы познания. Будучи очень мало или почти не связанными в этом отношении друг с другом (за исключением Циолковского и Чижевского), они тем не менее как будто под чьим-то руководством распределили между собой главные проблемы этой системы, которые нашли свое отражение в Живой Этике.

Вернадский занимался научным познанием, Циолковский – космическим содержанием метанауки, Чижевский, наряду с другими проблемами познания, прежде всего искусством как способом познания, и, наконец, Флоренский разработал религиозный опыт как способ познания Реальности. Их труды составляли то единое целое, что мы находим в системе познания самой Живой Этики. Неизбежно возникает мысль о том, что все четверо ученых как бы готовили необходимую почву в России для восприятия Живой Этики, Учения о Космической Реальности, и ее системы познания. Но вместе с этим мы должны знать, что если контакты Н.К. и Е.И. Рерихов с Высокими Учителями, Братьями человечества, имеют достаточное количество доказательств и не подвергаются сомнению, то контакты наших ученых не носили такого характера. Но тем не менее нельзя считать, что Учителя, стоящие на дозоре космической эволюции человечества, ограничивают себя лишь одной формой контакта с нужными им людьми. Созвучие идей Живой Этики с идеями российских ученых свидетельствует о том, что какой-то контакт с ними у Братьев человечества существовал. Размышление вызывает и совпадение сроков публикации книг Живой Этики с наиболее плодотворными моментами творчества всех четверых. Но какое-либо утверждение, что Живая Этика могла быть прочитана кем-либо из четверых, полностью отпадает. Размышляя обо всем этом и в очередной раз просматривая

одну из книг Живой Этики – «Братство», я наткнулась на очень значительные слова, которые утвердили меня в моих предположениях. «Ученые – Наши друзья, – писал Учитель. – Не называем учеными книжников, полных суеверий, но каждый просветленный труженик науки получит привет Братства»¹. Были ли в то время в пространстве российской науки более просветленные, чем те, о которых написано в этой книге? По всей видимости, нет. И вряд ли стоит сомневаться в том, что именно они получили «привет Братства». Приветов, в нашем обычном смысле слова, еще никто из Братства никому не посылал. Тот, который был послан Вернадскому, Циолковскому, Чижевскому и Флоренскому, был информацией, которую они ввели в свое творчество, связанное в первую очередь с новой системой познания. Полагаю, что конкретные подтверждения связи всех четверых с Братьями человечества ждут нас в недалеком будущем, что приведет к новой, еще неизвестной нам сейчас переоценке творчества наших великих соотечественников.

---

¹ Братство, 600.

8. «И ЗА ПОБЕДНОЙ КОЛЕСНИЦЕЙ...»

Для тех, которым все от века ясно,
Недоуменья наши – праздный бред.
Двухмерен мир, – твердят они в ответ, –
А думать иначе небезопасно.

Герман Гессе

Странные легенды живут около многих музеев искусства. Трудно поверить, чтобы так высока, так тяжела была Голгофа искания красоты. Злоба, зависть, двуличие собираются именно там, где менее всего им уместно. Что им, темным, художество? Венец жизни им, темным, должен быть далек.

Н.К.Рерих

...Ограждайтесь от предателей, зараза от них велика, и мы обязаны уберечь от них всех, доверчиво пришедших под свод храма Культуры! Слабость и непротивление злу не для нас. Когда нужно, мы поднимаем меч воюющего духа и встаем на защиту всего доверенного нам.

Е.И.Рерих

И за победной колесницей
Бежал наемный клеветник.

Аполлон Майков

«...22 июня 1633 г. после устрашений в зале пыток святой инквизиции, стоя на коленях в римской церкви Святой Марии, 67-летний Галилео Галилей провозгласил следующее отречение: “...я был сильно заподозрен в ереси, а именно в том, что защищал, будто Солнце находится в центре Вселенной и не движется, а Земля не есть центр Вселенной и движется. Чтобы снять с себя перед вашими светлостями и каждым католическим христианином это тяжкое и справедливо против меня возникшее обвинение, клянусь на будущее время ни устно, ни письменно не излагать и не утверждать ничего такого, что могло бы породить снова подобное же относительно меня подозрение...”¹. Это – отречение Галилея от своего величайшего научного открытия, которое изменило не только картину Вселенной, но и сознание населявших планету Земля. И тем не менее он отрекся. И не потому, что в чем-то усомнился, а потому, что так сложились обстоятельства. Церковь не

---

¹ П.А.Флоренский: Pro et contra. СПб., 1996. С. 462.

признала его открытия и сочла еретическим, а самого Галилея – еретиком. Отречение спасло от мучительной смерти на костре. Но при чем здесь церковь, спросите вы, и какое отношение она имела к науке? Оказывается, имела, но не по существу, а совсем по другим соображениям. У нее была монополия на Истину, и она не хотела с ней ни с кем делиться. Вопрос другой – как она понимала эту Истину. История человечества доказала, что подобная монополия крайне опасная штука. Она уничтожала свободомыслие, а человека, проявлявшего его, ставила между жизнью и смертью. Это свободомыслие проявлялось прежде всего в науке. Смертельная борьба между церковью и наукой проходит через все Средневековье. Борьба эта была частью противостояния нового и старого, в котором церковь была защитницей старого. С того момента, когда Галилея бросили на колени отречения, прошло около четырех столетий. Средневековье давно ушло в прошлое, на планете появились новые страны, новые государственные системы, новые идеи, связанные с Мирозданием. Космические корабли, несущие на своих бортах космонавтов, бороздят ближний Космос. На планете формируется новое космическое мышление, новое космическое сознание. Научные открытия меняют картину Вселенной, которая так непохожа на ту, когда великий ученый, замученный церковной инквизицией, отрекался от своего открытия, что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот. Но противостояние нового и старого существует и в наше время. И так же как в XVII веке, в XXI столетии церковь борется с новыми научными идеями. Ей так же, как и в прошлом, мешает свободомыслие, установившееся в России после падения тоталитарного режима. Вместе с режимом исчезла и идеологическая цензура. Именно Живая Этика – Учение Космической Реальности и система познания нового космического мышления, в первую очередь подвергается самым сильным нападкам официальной православной церкви. И что-то очень до боли знакомое слышится в ее словах и писаниях. Вот пример. Из письма митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла от 29 мая 1995 года на имя президента Международного Центра Рерихов в ответ на письмо последнего на имя Патриарха Алексия II: «Мы подчеркиваем, – пишет митрополит Кирилл, – что Православию чужды представления о мироздании как некоей энергетической системе и неизвестны “законы космической эволюции”»¹. Чистосердечное признание церковного иерарха, что Православию не известны «законы космической эволю-

---

¹ Цит. по: Защитим имя и наследие Рерихов. В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 448–449.

ции», ни о чем не говорит. Православию не известны, а Живой Этике известны, и известно современной науке, что Мироздание есть грандиозная энергетическая система, хотя эти представления и «чужды Православию». Но при чем здесь православная церковь? Это что, научный институт или общественная научная организация? С каких это пор митрополит берется судить о серьезнейших научных и философских проблемах, таких, как структура Мироздания и законы космической эволюции, не будучи образованным хотя бы элементарно по этой части? Солнце вновь завращалось вокруг Земли. И если в XVII веке Церковь поставила Галилея на колени, то в XX и XXI веках это сделать невозможно. Нельзя пытаться и жечь тех, кто придерживается взглядов, изложенных в Живой Этике. Но можно сделать другое – объявить Живую Этику религией, точнее – сектой, пригрозить всем, кто имеет к ней отношение, отлучением от церкви, а секту определить как сатанистскую. В нашей жизни немало абсурдов, в которые трудно поверить. Но слова «религия», «секта», «отлучение» прозвучали в Решении Архиерейского собора 1994 года. Прозвучали и принесли ядовитые всходы. Никакие аргументы, никакие экспертизы, никакие заключения людей, известных всей стране своими знаниями и творчеством, на церковь не подействовали. Живая Этика и великие наши современники Рерихи продолжают подвергаться клевете православных церковников и их же попыткам опорочить великие имена. Решение Архиерейского собора продолжает действовать. И тогда, в XVII веке, и сейчас, в XXI, надо, видимо, пройти через серьезные испытания, чтобы понять, что Земля вертится вокруг Солнца, а Космос живет по законам, которые действуют и в нашем пространстве, ибо Земля и человек часть Космоса и едины с этим Космосом. Самое, конечно, скверное в этой истории то, что церковь безответственно распространяет невежество среди тех, кто прислушивается к ней. Конечно, ей не под силу остановить интенсивное формирование космического мышления, но нанести различного рода вред этому процессу она может. И не потому, что она сильна, а потому что государственные чиновники, невежественные и малообразованные, не знающие или искаженно понимающие законы, по которым живет наше государство, никак не могут взять себе в толк – что это такое, когда государство отделено от церкви, и поэтому издают различные постановления в поддержку невежественных церковников. К этому можно добавить, что нравственная необремененность и безответственность значительной их части (чиновников) есть причина и других, более страшных бед в России.

«Что же лежит в основании безответственности? – сказано в Живой Этике. – Конечно, те же самые невежество и страх будущего. Никакое наказание, никакое ограничение не исправит невежества <...>

Раскрывайте невежество под любой личиной. Мир делится по качеству сознания, и степень невежества есть мерило. Конечно, вы знаете, что невежество не излечивается перелистыванием книг, но синтезом вмещения»¹. И еще: «Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом»². Полагаю, что комментариев не требуется.

Еще при жизни Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов они были оклеветаны и преданы ближайшими сотрудниками. Их идеи и идеи Живой Этики искажались, намеренно перевирались, о самих же Рерихах распускались чудовищные слухи и небылицы. На Родину они не смогли вернуться, ибо их считали белоэмигрантами и антисоветчиками, несмотря на то, что они не были ни теми, ни другими. Каждый судил этих великих людей по уровню своего сознания. Судившие о них отражались в Рерихах, как в зеркале, со всеми своими недостатками и достоинствами. Первых было больше, чем вторых. И поэтому Рерихи «удостоились» самых противоречивых и часто лживых оценок, подтвердить которые еще никому не удалось.

Еще лет 25 тому назад, когда мы жили в стране «развитого социализма», в наше общество неведомыми путями вошел интерес к традиционной культуре Востока. Наши официальные идеологи увидели в этом процессе происки империалистических разведок Запада. Никаких аргументов в пользу этого утверждения не существовало, как не существовало их во многом другом, принимавшимся за истину.

Культурно-художественное наследие Рерихов, прочно связанное и с традиционной культурой Востока, и с ее духовно-философской сердцевинной, естественным образом оказалось в эпицентре таких интересов. В отличие от выступавших с высоких трибун чиновников советский интеллигент, увлекаемый стихией «пробуждения философских исканий», не делил рериховское наследие на «наше» и «не наше», а брал его в целом, зачастую предпочитая философское «не наше» все-

---

¹ Община 1926 (Рига), 193.

² Аум, 341.

му остальному. Именно в этой части наследия ищущие и стремящиеся находили ответы на свои вечные вопросы, получали искомую пищу для размышлений и духовной работы.

Однако следует отметить, что стихийный духовный прорыв пришелся на деформированный культурный фон, который уже закрепил в психологии так называемого «человеческого фактора» всякого рода отклонения и нравственные перекосы. В результате образовались целые заторы человеческих амбиций и тщеславия, завалы чудес, мистики, оккультизма.

Однако ошибочным было бы считать, что такого рода отклонения и деформации определяли всю духовную стихию исканий. Возникли еще худшие явления и процессы. Идеологические организации начали борьбу с так называемым «неоориентализмом». Слово столь же трудное для катаевского кота, как и «неоколониализм», стараясь произнести которое, как вы помните, несчастное животное скончалось. Но в отличие от последнего слова вновь образованное не несло никакого смысла.

Несмотря на семантическую неясность нового термина, некоторых журналистов и даже ученых охватил разоблачительный зуд.

На страницах газет и журналов появились чудовищные утверждения, искажавшие до неузнаваемости духовную суть философской традиции Востока и рериховского наследия. ««Агни Йога» (Живая Этика. – Л.Ш.) – учение опасное. Оно уводит от реальной жизни в мир иллюзий. Заставляет (именно заставляет) отказаться от любого дела, даже стирки собственного белья. Люди, издающие и распространяющие учение “Агни Йога”, – убежденные противники марксизма-ленинизма, деятельности КПСС в области формирования научного мировоззрения трудящихся. При распространении учения “Агни Йога” духовные потери в нашем обществе неизбежны», – писала 20 апреля 1985 года «Алтайская правда», выражая обеспокоенность местных властей тем, что Алтай стал местом паломничества рериховцев. Можно со всей уверенностью утверждать, что автор подобного опуса не держал в руках «Агни Йоги», или Живой Этики. Да этого и не надо было делать. Клевета не нуждается в источнике, на который клеветают.

За дело взялись и партийные организации. Членам партии, которые читали Живую Этику, выносили выговора, исключали из партии, возбуждали уголовные дела.

Но, несмотря на все это, за короткий срок в Советском Союзе были созданы общества Рериха в Латвии, в Калуге, рериховские организа-

ции в Ленинграде, Киеве, Краснодаре, Челябинске, Новосибирске и многих других местах. Все это позволяло говорить о целом культурном движении, связанном с именем Рериха и его идеями. Движение это было разбужено перестройкой и оказалось созвучно перестройке, ее духовно-культурным целям.

В 1989 году, в самом конце перестройки, младший сын Рерихов Святослав Николаевич выступил с инициативой создания в СССР общественной организации – Советского Фонда Рерихов и Центра-Музея имени Н.К.Рериха. В ноябре того же года вышло постановление Правительства СССР, поддержавшего эту инициативу. Таким образом, началась официальная жизнь Рерихов на их Родине. Весной 1990 года Святослав Николаевич передал Советскому Фонду Рерихов наследие своих родителей, Н.К. и Е.И. Рерихов. Картины, богатейший архив старших Рерихов, книги, личные вещи прибыли в Москву специальным авиарейсом. Это было время, когда тоталитарное государство кончало свое существование и на баррикадах, митингах и демонстрациях начиналась новая Россия. Старые формы жизни уходили, новые появлялись. Но все происходило в острых столкновениях, конфликтах и неожиданно возникавших явлениях, часть из которых носила явно негативный характер. Формы менялись, но старая психология и старое сознание еще владели людьми – и теми, кто захватывал власть, и теми, кто становился жертвой этой власти. Общественные организации, возникшие еще в период горбачевской перестройки, заняли второстепенное, как бы не совсем оправданное место. Советский Фонд Рерихов, после распада СССР переименованный в Международный Центр Рерихов, подвергся различного рода нападкам и утеснениям. Чиновники, привыкшие к тому, что культура должна быть государственной, не могли смириться с тем, что в стране стали возникать островки независимой культуры, в числе которых был и МЦР. Ситуация последнего усугублялась и тем обстоятельством, что в руках общественной организации, согласно воле дарителя, оказалось наследие огромной ценности не только духовной, но и материальной. Чиновники завладевали в тот период не только властью, но и богатствами прежнего государства. МЦР со своим рериховским наследием и усадьбой Лопухиных, где он был размещен, являл собой лакомый кусок. Если захватить этот кусок, то отпадала еще одна проблема, которая беспокоила Министерство культуры. В 1974 году, когда отмечался столетний юбилей Н.К.Рериха, Святослав Николаевич привез в Москву 288 картин, своих и своего отца. Уезжая, он оставил их на попечении

Минкультуры при условии, что будут идти по стране их выставки. В 1990 году, оформляя дарственную на наследие, он, в числе остального, передал МЦР и эту коллекцию. К этому времени картины Рерихов находились на временном хранении в Музее Востока. Коллекция, несмотря на требование МЦР, а затем и самого С.Н.Рериха, не была возвращена Центру Рерихов. В январе 1993 года умирает Святослав Николаевич, и Минкультуры завладевает картинами его и его отца, незаконно включив их в государственную часть музейного фонда Российской Федерации¹. За этим следует еще одна акция – Постановление Правительства РФ, подписанное В.С.Черномырдиным, о создании Государственного музея имени Н.К.Рериха – в нарушение воли покойного дарителя. Само Постановление было состряпано на фальшивых документах и, как ни странно, остается пока еще в силе. Усадьба Лопухиных передавалась Музею Востока, филиалом которого должен был стать будущий государственный музей имени Н.К.Рериха. Согласно секретному приложению к Постановлению, подписанному А.Б.Чубайсом, наследие Рерихов изымалось из владения МЦР и передавалось также Музею Востока. Не буду останавливаться здесь на подробностях неравной борьбы, в ходе которой нам удалось удержаться в усадьбе Лопухиных и сохранить наследие. Об этом много писали и пишут. 2004 год оказался особым в этом отношении. Борьба продолжается и уже открыто идет за дорогостоящее наследие. В нее включены союзники Минкультуры и Музея Востока – Министерство юстиции, Счетная палата, Генпрокуратура РФ, Городской суд, Городской арбитраж. Огонь по МЦР и по Центру-Музею имени Н.К.Рериха усиливается и с каждым днем нарастает. В ход пускаются ложь, подмены, суды придают заявлениям Минкультуры, не подтвержденным документами, законный характер и т.д. и т.п. Четырнадцатый год идет противостояние. За это время МЦР отреставрировал памятник истории и культуры – усадьбу Лопухиных без каких-либо бюджетных денег, за счет народных пожертвований. Музей имени Н.К.Рериха, по сути своей народный музей, стал крупнейшим культурным центром. Издаются материалы архива МЦР, выпускается журнал «Культура и время», проводятся ежегодные международные конференции, посвященные рериховскому наследию; по всей России, от западных ее границ до восточных, идут передвижные выставки картин Н.К.Рериха, организовываются

---

¹ Позже, в 2005 году, выяснилось, что Государственный музейный фонд Российской Федерации коллекцию картин Н.К. и С.Н. Рерихов в своих документах не зарегистрировал.

регулярные лекции, открываются выставки художников-космистов в самом Музее, проводятся концерты и крупные культурные мероприятия, собирающие в скромных залах Музея многие сотни людей, идут экскурсии, которые пользуются большой популярностью, в частности у школьников. Астрономы Крымской обсерватории назвали вновь открытую малую планету – «Рерих». Но государственные чиновники не унимаются. Борьба старого с новым становится все яростнее. На глазах всей России потерявшие совесть, алчные и поправшие все этические и нравственные нормы чиновники «от культуры» ведут бой с Международным Центром Рерихов и его Музеем. Не ошибусь, если скажу, что в истории России такого еще не бывало, думаю, не происходило этого и в других странах. 2004 год – год столетия со дня рождения Святослава Николаевича Рериха, бескорыстно подарившего России бесценное наследие своих родителей, стоявшего у истоков создания Музея имени Н.К.Рериха, нашего великого соотечественника и художника с мировой славой. Индия, в которой Святослав Николаевич провел многие годы своей жизни, отметила его юбилей на правительственном уровне. Мы отметили эту славную дату также «на государственном уровне» – попыткой государственных чиновников уничтожить созданный юбиляром Музей. Где Свет и где тьма? Где культура и где невежество? Как сказал классик – «Бывали хуже времена, но не было подлей».

В силу ряда причин и исторических обстоятельств именно Рерихи и Живая Этика стали пиком борьбы старого с новым, противостояния старого сознания и мышления, с одной стороны, и нового космического мышления, с другой. Все, что происходит в сегодняшней России, – очень серьезно. Это не частный конфликт какого-то музея с государственным ведомством, это не случайные нападки на него церковных иерархов. Все гораздо глубже. На пороге новой эпохи обостряется борьба противоположных сил – Света и тьмы, Добра и зла, нового и старого, Космоса и хаоса. И только от нас самих зависит, кто одержит победу в этой борьбе, взойдет ли Свет и Добро на ту победную колесницу, за которой «бежит наемный клеветник»? Тот «наемный клеветник», который всегда будет бежать вослед Добра, Света и того нового, что сейчас на нас надвигается, и который будет исполнять заказанное ему. Подобные клеветники бегут за «колесницами» и других наших великих деятелей культуры. Клеветают на Пушкина, клеветают на Достоевского, на Льва Толстого и на Рерихов, особенно на Елену Ивановну. «Ни одно Учение, – пишет Елена Ивановна Рерих, – не вошло в жизнь без противодействий. Так и Новое Учение должно войти

при криках и нападках отживающих сознаний. Это земной закон. Человечество обращает внимание и запоминает лишь то, что подвергается остракизму или мученичеству»¹.

Кампания клеветы на Рерихов и Живую Этику превосходит все, что было до этого даже во времена тоталитаризма. Появились журналы, публицисты и даже так называемые ученые, каждый из которых по разным причинам участвует вместе с «наемными клеветниками» в этих малодостойных действиях. Разные шишкины, сенкевичи², дворкины, кураевы, минутко, росовы, кривельские и другие, никогда не занимавшиеся серьезно Рерихами, присоединяются к этому «наемному клеветнику». В их изложении Рерих оказывался шпионом, Елена Ивановна – «больным человеком». Все Рерихи вместе – сатанистами и сектантами, строившими свое государство в Центральной Азии. Можно этот поистине клинический список продолжить, но не будем тратить на него ни времени, ни бумаги. На одних из них МЦР подавал в суд «за оскорбление чести и достоинства» великих людей и выигрывал, о других писал и возражал им в различных публикациях, но ничего не помогает. Они продолжают клеветать, лгать на тех, кто является гордостью русской и мировой культуры, творчество которых есть устой нового космического мышления. Безответственные, невежественные и амбициозные, они, подобно крысам, подгрызают основы нашей культуры, нашей духовности и наших знаний. Невежество – их устой. Но не то невежество, когда человек чего-то не знает, а невежество ума и сердца, более глубокое и мало исправимое. Не зря в Живой Этике сказано, что никакое наказание, никакое ограничение не исправит подобного невежества, ибо оно есть нечто врожденное, свидетельствующее о неполноценной структуре внутреннего мира человека. Может быть, наличие подобных качеств у определенной части населения нашей планеты объясняет столь длительное существование в роду человеческом разрушительных тенденций хаоса, противостоящих Космосу.

Рядом с наемными клеветниками трудятся и предатели. Раньше это занятие стоило тридцати исторических сребреников, теперь за это дают много больше. В тридцатые годы XX века ученик Рерихов Хорш предал своих Учителей, завладев самым незаконным образом Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке и пустив его содержание с молотка.

---

¹ Письма Елены Рерих. В 2 т. Рига, 1940. Т. 2. С. 196–197.

² Имеется в виду Александр Сенкевич. Не путайте с остальными, вполне порядочными Сенкевичами.

Рерихи пережили глубокую трагедию, поставившую под удар дело их жизни. Но всегда в таких случаях приходит Помощь, не позволяющая разрушить светлое начинание до конца. Предательство тридцатых годов было повторено в начале XXI века. Ибо у предателей всегда находятся продолжатели. На этот раз их было двое. Исполнительный директор музея Николая Рериха в Нью-Йорке Дэниел Энтин и главный редактор издательства «Сфера» в Москве. Речь идет о дневниках Елены Ивановны Рерих, записывавшей в них свои беседы с Учителем, из части которых и была сформирована Живая Этика. На публикацию другой части дневников, не вошедших в опубликованные книги Живой Этики, был наложен запрет самой Еленой Ивановной. Святослав Николаевич Рерих передал в 1990 году МЦР вместе с остальным наследием и оригиналы дневников. В МЦР оказался их полный комплект. В нью-йоркском же Музее Николая Рериха была лишь их частичная копия, которой завладел в свое время Хорш. Затем они оказались в архиве Амхерст колледжа. Достойный ученик Хорша Д.Энтин присвоил себе незаконным образом авторские права на эти копии и передал последние Д.Попову, человеку амбициозному, недалекому и безответственному, который опубликовал их, но уже в России. Читатель получил три тома искаженного и самовольно расположенного материала. Против Попова было открыто в Москве уголовное дело, решение по которому еще не вынесено. «Выдать ключ не по сознанию – значит уже предательствовать»¹, – сказано в Живой Этике. И еще: «Считаю явление предательства наихудшим»².

И с этим нельзя не согласиться. Предатель всегда хуже наемного клеветника, хотя тот и другой могут сочетаться в одном лице...

---

¹ Мир Огненный. Ч. 1, 245.

² Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов, 18.04.22.

ЭПИЛОГ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2003 ГОДА О НОВОМ КОСМИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Ведь, именно, просвещенное сознание помогает восприятию истин Учения Живой Этики. Не может примитивный, некультивированный и недисциплинированный ум охватить и понять космическую всеобъемлемость Учения, идущего от древнейших времен, от самых Истоков Знания и Света. Учение Живой Этики вмещает в себе всю жизнь, все области ее, имеет в виду все усовершенствования...

Е.И.Рерих

Сначала Резолюция конференции, в которой содержится главная суть всего происшедшего.

«В Москве в Международном Центре Рерихов 9–11 октября 2003 г. состоялось заключительное пленарное заседание Международной научной конференции “Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века”. Инициаторами и организаторами проведения конференции явились Международный Центр Рерихов и Российская академия космонавтики имени К.Э.Циолковского. Организаторами конференции стали также Российская академия естественных наук и Российская академия образования. В работе конференции приняли участие Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Международная Лига защиты культуры, Международная Ассоциация Фондов Мира, Федерация космонавтики России, Российский Фонд культуры, Благотворительный Фонд имени Е.И.Рерих. Информационную поддержку конференции осуществляли: “Российская газета”, “Новая Газета”, газеты “Правда”, “Губерния”, “Коммерсантъ”, “Культура”, “Российская федерация сегодня”, журналы “Новости космонавтики”, “Земля и Вселенная”, “Наука и религия”, “Смена”, “Природа и человек”, “Культура и время”.

С приветствием к участникам конференции обратились: заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ М.Е.Николаев; В.С.Савчук – от заместителя Председателя Госдумы РФ Г.В.Бооса; директор Информационного Центра ООН в Москве А.С.Горелик; вице-президент Российской академии космонавтики

имени К.Э.Циолковского Б.Н.Кантемиров; первый вице-президент Федерации космонавтики России, летчик-космонавт И.П.Волк; академик РАО Ш.А.Амонашвили.

В адрес конференции поступили приветствия от директора Московского бюро ЮНЕСКО Филиппа Кео; Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Республике Индия А.М.Кадакина; депутата Госдумы РФ, председателя Торгово-промышленной палаты РФ, академика РАН Е.М.Примакова; президента Горбачев-Фонда М.С.Горбачева; вице-президента Национальной академии наук Кыргызской Республики академика В.М.Плоских; ректора Кыргызско-Российского Славянского университета В.И.Нифадьева; президента Общества “Мировая спираль” Г.Гавела (Германия); президента Федерации космонавтики России летчика-космонавта В.В.Коваленка и других высоких лиц и организаций.

В рамках культурной программы конференции в залах Музея имени Н.К.Рериха экспонировалась выставка “Неземные миры земных художников”, на которой было представлено 26 художников-космистов. Научная библиотека МЦР организовала две выставки: “У истоков космического мировоззрения” и “Мыслители планетарного масштаба”. Демонстрировались документальные фильмы о В.И.Вернадском и Г.Сковороде.

Пленарному заседанию конференции предшествовало проведение в апреле – октябре 2003 года заседаний следующих секций: “Историко-научные основы формирования космического мировоззрения”, “Космизм в философии XX–XXI веков”, “Идеи космизма в педагогике и образовании”, “Космонавтика XXI века: безопасность и устойчивое развитие. Космос, человек, общество”, “Наука и новая система познания”, “Космическое мироощущение и религиозный опыт”, “Космическое мироощущение в искусстве”, “Космическое мировоззрение: прошлое, настоящее, будущее” (секция молодых ученых).

В работе секций и пленарном заседании приняли участие свыше 900 человек. В их числе 13 академиков, 87 докторов наук и профессоров, 39 кандидатов наук. Было прочитано 125 докладов, в том числе на пленарном заседании 22 доклада.

Наряду с российскими в конференции участвовали ученые из СНГ и Балтии, а также Болгарии, Великобритании, Чехии, Германии, Индии, США, Италии, Ливана, Финляндии.

С докладами на пленарном заседании Конференции выступили: первый вице-президент МЦР, Генеральный директор Музея имени

Н.К.Рериха, заслуженный деятель искусств, академик РАЕН и РАКЦ Л.В.Шапошникова; академик РАН В.Н.Большаков; академик РАН В.М.Матросов; член-корреспондент РАН С.П.Курдюмов; вице-президент РАЕН академик Г.Н.Фурсей; академик РАЕН Г.Н.Дульнев; академик РАО Ш.А.Амонашвили; доктор философских наук К.А.Кедров; профессор Калифорнийского университета США В.А.Лефевр; профессор Софийского университета “Святой Климент Охридский”, доктор филологических наук А.Федотов и другие. С докладом от Российского авиационно-космического агентства выступил Ю.Г.Гусев.

Проведение конференции вызвано настоятельным велением времени. В течение XX века начал формироваться качественно новый, синтетический вид мышления – космический. Характерной особенностью нового космического мышления стал синтез научного, философского и религиозного опыта человечества, а также достижений искусства. Космическое мышление пронизывает и охватывает все области творческой деятельности человека, открывая новые возможности новым формам познания, в том числе и считавшимся внеучными.

Наряду с практическим освоением внешнего космического пространства и развитием представлений о существовании миров иных состояний материи, о многообразии форм жизни человек стал выходить за привычные пределы чувственной реальности и открывать свой внутренний космос, все более осознавая себя органичной частью единой Космической Реальности. На основе философии Серебряного века и достижений ученых-мыслителей стала формироваться новая система познания, которая наряду с научными рациональными способами познания включает интуитивные и духовные способы постижения человека, природы и Космоса.

Новое мировоззрение приблизилось к реальности Космоса более, чем предыдущее, созданное в прошлом. Решающую роль в создании и продвижении этих научных представлений космического мышления сыграли идеи крупнейших русских ученых, таких, как В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, П.А.Флоренский, а также труды таких философов, как В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, и искусство известнейших художников, поэтов и музыкантов Серебряного века. Жизненность этих идей основана на том, что большинство основоположников нового космического мышления несли в себе синтез, были творчески и разносторонне одаренными людьми.

Особое место в формировании нового мышления занимает Живая Этика – философия Космической Реальности, которая была создана

группой мыслителей Востока в сотрудничестве с Е.И. и Н.К. Рерихами. В ней содержатся основы новой теории познания и его методология.

Конференция акцентировала внимание на ряде научных проблем, в числе которых можно назвать следующие:

- специфика научного познания и границы его применимости;
- вненаучный способ познания и его роль в получении новой информации о человеке, явлениях природы, Космосе;
- взаимодействие научного и вненаучного способов познания в процессе формирования нового космического мышления;
- космическое мышление и проблемы совершенствования человека.

В докладах конференции было отмечено, что космическое мышление есть российское явление <...>

Основными итогами конференции являются: высокая оценка вклада Учения Живой Этики, трудов ученых и философов, а также художественной культуры в становление нового космического мышления, в формирование его системы познания и создание новой одухотворенной науки и поиска путей их дальнейшего развития.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Международному Центру Рерихов, Российской академии естественных наук, Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского, Российской академии образования учредить на базе МЦР комплексный научный центр по изучению космического мышления.

2. Общими усилиями организаций, участников конференции, содействовать введению в научный оборот Живой Этики как философии Космической Реальности, содержащей в себе основы новой системы познания космического мышления.

3. Центру гуманной педагогики при МЦР выйти с обоснованными предложениями в Министерство образования РФ и Российскую академию образования о включении тематики космического мышления в учебные программы вузов и школ.

4. Посвятить “Международные педагогические чтения по гуманной педагогике 2005 года” проблемам космического миропонимания.

5. Просить Издательский Дом Шалвы Амонашвили рассмотреть вопрос о публикации в серии “Антология гуманной педагогики” трудов К.Э.Циолковского, А.Л.Чижевского, В.И.Вернадского, П.А.Флоренского и других мыслителей, разрабатывавших идеи космического миропонимания.

6. Организациям, входящим в оргкомитет конференции, участникам конференции наладить активную информационную и просветительскую работу с академическими и учебными заведениями, СМИ, с научными центрами в регионах по разъяснению роли мыслителей-космистов в развитии космического мышления, широко используя для этого их работы, книги Живой Этики, труды Рерихов, книги Л.В.Шапошниковой, журнал “Культура и время”, материалы данной конференции.

7. Рекомендовать организаторам конференции развивать сотрудничество с учеными, проявляющими интерес к космическому мировоззрению и стремящимися реализовать его идеи и подходы в своих научных разработках, а также с общественно-научными организациями, уделяя особое внимание совместным программам, семинарам, конференциям, другим формам научно-культурной деятельности.

8. Просить Международный Центр Рерихов, как организацию, имеющую статус неправительственной организации при ООН, обратиться в Департамент общественной информации секретариата ООН на актуальность развития нового мышления для установления взаимопонимания между народами, выявления общих глубинных корней в формировании сознания представителей различных древних культур и цивилизаций.

9. Содействовать публикации научных трудов по космическому мышлению в академической литературе и периодических изданиях.

10. Считать целесообразным организовать межакадемический международный семинар по проблемам исследования и развития космического мышления с привлечением для этих целей авторитетных научных организаций, разделяющих идеи космизма.

11. Считать необходимым издать труды настоящей конференции и распространить их в кругах международной научной и культурной общественности.

12. Наладить регулярный выпуск бюллетеня, посвященного проблемам космического мышления.

13. Для реализации решений конференции в трехмесячный срок создать Организационный комитет, куда войдут представители организаций-участниц конференции.

14. Вновь созданному комитету разработать концепцию деятельности Центра по изучению космического мышления к маю 2004 года.

15. Рекомендовать организаторам конференции направить совместный отчет о результатах конференции в Информационный Центр

ООН в Москве, Комитет ООН по Космосу в Вене, Международный директорат Всемирной космической недели ООН, а также в Совет РАН по Космосу, Комиссию РАН по истории и культуре, Росавиакосмос, Министерство образования, заместителю председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Национальным академиям наук.

16. Поддержать решение Круглого стола “Проблемы пространства культуры в XXI веке” об организации постоянно действующего научного семинара с одноименным названием.

17. Конференция благодарит Институт естествознания и техники за участие и поддержку конференции.

18. Конференция выражает благодарность докладчикам за интересные и содержательные доклады, а Оргкомитету и особенно руководству и сотрудникам Международного Центра Рерихов за большую работу на всех этапах подготовки и проведения конференции».

Резолюция конференции принята единогласно 11.10.2003 и подписана ее сопредседателями:

Амонашвили Ш.А., доктором психологических наук, академиком Российской академии образования;

Воронцовым Ю.М., президентом Международного Центра Рерихов, заместителем Генерального Секретаря ООН, Чрезвычайным и Полномочным послом РФ;

Сенкевичем В.П., президентом Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского, доктором технических наук, академиком РАЕН и РАКЦ;

Шапошниковой Л.В., академиком Российской академии естественных наук и Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского, Генеральным директором Музея имени Н.К.Рериха, заслуженным деятелем искусств РФ;

Фурсеем Г.Н., академиком, вице-президентом Российской академии естественных наук.

К этому необходимо добавить несколько фрагментов из приветственных выступлений и писем.

«Ваш Центр (МЦР. – Л.Ш.) имеет большой опыт ведения просветительской и исследовательской работы, и я убежден, что участники конференции, вооружившись лучшими достижениями мировой мысли, смогут определить новые тенденции в научном мировоззрении».

Экс-президент СССР М.С.Горбачев

«Наша конференция проходит в Центре-Музее имени Николая Константиновича Рериха. Сегодня день рождения Николая Константиновича – 129 лет. Этот замечательный сын России и подвижник Востока – яркий философ космического миропонимания, мастер слова, пера и кисти. В гармонии культур Запада и Востока видел он будущее человечества. Огромную роль в его духовном становлении сыграли книги Махатм – Учителей Индии – Живая Этика, к созданию которых имели непосредственное отношение Рерихи, Николай Константинович и его супруга Елена Ивановна. Вся история человечества рассматривается здесь в неразрывной связи с эволюцией одухотворенного Космоса. Нравственное совершенствование, неукоснительное соблюдение этических норм, понимание ключевой роли культуры для развития человеческого общества – вот те важнейшие моменты, без которых невозможно продвигать дальше культурно-историческую эволюцию планеты.

Живая Этика представляет новое мышление, в основе которого лежит энергетическое мировоззрение. Земные исторические процессы определяются процессами космической эволюции, законами Космоса. Значительное внимание в книгах Живой Этики уделяется гармонии человека и природы. Природа абсолютна. «Даже непродолжительное общение с ней облагораживает и освящает», – писал Николай Рерих. Он один из первых выступил с идеей сохранения экологического равновесия в природе <...>

Мировоззренческие установки русских космистов объединяет главная нравственная позиция: человеческая жизнь должна строиться на основе согласия всех народов Земли, коллективизма и сотрудничества, совершенствования внутреннего мира, души человека и ответственности Разума в делах человеческих. Человек – участник космического созидательного процесса, именно для этого ему даны разум и любовь.

Ныне становится очевидным, что наша земная, социальная история – это составная часть космической эволюции. Только поняв и осмыслив это, мы правильно поймем закономерности развития человечества в прошлом, цели этого развития в настоящем и будем иметь верное представление о перспективах нашего будущего»¹.

М.Е.Николаев,
Заместитель председателя Совета Федерации
Федерального Собрания РФ

---

¹ Культура и время. 2004. № 1. С. 10–11.

«Не случайно, что этот научный форум, выносящий на обсуждение важнейшие глобальные проблемы мировоззренческого и цивилизационного характера, организован Международным Центром Рерихов и проходит под его эгидой. Уверен, в докладах и выступлениях на конференции найдет отражение непреходящее значение богатейшего философского наследия Рерихов, в котором, несомненно, можно найти адекватные ответы на многие вопросы, волнующие человечество сегодня»¹.

А.М.Кадакин,

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Индия

«Я уверен, что новая инициатива Центра (МЦР. – *Л.Ш.*) – проведение научной конференции “Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века” – вызовет большой интерес не только у ученых, но и у широкой общественности, особенно среди свободно мыслящих и бесстрашных людей, чувствующих глубокую ответственность за будущее человечества»².

Е.М.Примаков,

академик РАН, председатель
Торгово-промышленной палаты
Российской Федерации

«К XXI веку космическое мировоззрение вступило в новую фазу познания роли и места Человечества в Космосе, опираясь, в частности, на фундаментальные теоретические и практические достижения мировой космонавтики»³.

От имени президиума Российской академии
космонавтики им. К.Э.Циолковского

В.П.Сенкевич,

президент Российской академии
космонавтики им. К.Э.Циолковского,
академик российских и международных академий,
заслуженный деятель науки РФ, профессор

«Более полугода мы рассматриваем проблемы космического мировоззрения. Наша конференция необычна не только по тематике, составу организаторов и участников, но и по форме проведения.

---

¹ Культура и время. 2004. № 1. С. 11–12.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

С апреля прошло уже девять секционных заседаний и круглый стол, на которых ученые самых разных отраслей современной фундаментальной и прикладной науки, философы, искусствоведы, богословы и религиозные деятели, представители высшей школы и космических организаций обсуждали проблемы, решение которых в своей глубинной сути связано с космическим мировоззрением. В самом общем виде эти проблемы можно сформулировать так: мировоззренческий потенциал космической деятельности и ее влияние на науку, высокие технологии, образование, экономику, культуру, гражданское общество; глобальные проблемы земной цивилизации космической эры, новые возможности культурного строительства и новые угрозы сохранению культурного наследия; системный кризис и новые интеграционные тенденции в науке; формирование новой системы познания и философская система «Живая Этика»; космизм в философии XX–XXI вв. и историко-научные основы космического мировоззрения; космические идеи и их реализация в мировом религиозном опыте; космическое мироощущение в искусстве и его выражение в различных видах творчества; идеи космизма в гуманной педагогике и развитие космического образования.

Поставленные на конференции вопросы охватывают лишь основные проблемы развития космического мировоззрения в XXI веке. А многие другие еще придется разрабатывать нашей науке.

Организаторами конференции являются три крупнейшие российские академии – Российская академия космонавтики им. К.Э.Циолковского, Российская академия образования и Российская академия естественных наук – и общественные организации космической, миротворческой и культурной направленности – Международный Центр Рерихов и Федерация космонавтики России. Это не случайность. Эти организации обладают крупнейшим научным потенциалом в этих вопросах, и, естественно, не поделиться своими работками с нашим обществом они не могут»¹.

В.В.Коваленок,
президент Федерации космонавтики России,
дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР,
генерал-полковник авиации

«Проблемы, которые затрагивает тема конференции “Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века”, чрезвычайно близки сов-

---

¹ Культура и время. 2004. № 1. С. 13–14.

ременной науке и находят широкий отклик в системе образования. Идеи космизма, представленные в философии, культурологии, синергетике, концепции современного естествознания, получают все более разностороннее обоснование, сближая различные области знания. Сегодняшняя наука нуждается в идейной и мировоззренческой широте космизма.

Космизм несет в себе огромный этический потенциал и открывает новые возможности в сфере воспитания. В условиях глобального развития современной цивилизации человек должен чувствовать и осознавать свою глубокую взаимосвязь с миром и ответственность за его судьбы. Русский космизм первой половины XX века стал выдающимся фактом мировой истории. Российская культура дала миру новое осмысление жизни, ее космичности, соотнесенности с Высшим началом бытия»¹.

В.И.Нифадьев,
академик, ректор Кыргызско–Российского
Славянского университета Кыргызской Республики

«...Космизм – это настоящее и будущее. Философская мысль, научное познание, в сущности, всегда стремились к постижению вечных основ бытия. Эта задача решается сегодня не только с позиций гуманитарных наук, но и естественных, и технических. Космизм несет в себе мощный элемент синтеза, открывающего новые пути науки. Невозможно представить грядущее столетие (XXI в. – Л.Ш.) без широкого, открытого, вмещающего законы Космоса научного мировоззрения»².

В.М.Плоских,
академик, вице-президент Национальной академии наук
Кыргызской Республики

И резолюция конференции, и приветствия в ее адрес крупнейших ученых и общественных деятелей России и зарубежья дают достаточное представление о проходившем в октябре 2003 года в Музее имени Н.К.Рериха событии. Для немалого числа участников было неожиданностью, что новое космическое мышление уже начинает захватывать основные виды человеческого творчества и в первую очередь науку. Во время конференции проявилась одна интересная ее особенность – большинство ее участников не было знакомо с Живой Этикой, но ее идеи и ее мысли звучали в докладах ученых и получили научное и экспериментальное подтверждение. Это свидетельствовало о том, что сам срок

---

¹ Культура и время. 2004. № 1. С. 14–15.

² Там же. С. 15.

проведения конференции для обсуждения проблем нового космического мышления был выбран правильно. Всегда важно выбрать правильно время для какого-либо действия, тогда результат его будет плодотворен. Конференция также показала, что определенная часть ученых была культурно и духовно подготовлена и к идеям нового мышления, и к его новой системе мышления. Особенно это проявилось в отношении к вненаучным способам познания, что было крайне важно. Не было ни отрицания подобных способов, ни высокомерного к ним отношения. Решили назвать познание за пределами науки – метанаучным, сняв устаревшие его определения – эзотерика, мистика и т.д., которым, к сожалению, до сих пор пользуются философы, еще находящиеся под влиянием традиций диамата. Живая Этика уделяет большое внимание именно науке, как будто ее создатели предвидели, что наука окажется основой формирующегося космического мышления. Крупнейший ученый России академик Александр Леонидович Яншин был первым, кто еще в 70-е годы XX столетия обнаружил созвучие идей Рериха, основывавшихся на космической концепции Живой Этики, с идеями таких великих русских ученых, как Циолковский, Вернадский, Чижевский. Великий археолог академик Алексей Павлович Окладников первый заметил, что картины Н.К.Рериха есть подлинный источник для изучения нашего прошлого в самом глубоком его понимании. Первые Рериховские чтения прошли в 1976 году в Новосибирске под эгидой Сибирского отделения АН СССР. Именно там впервые была упомянута Живая Этика, несущая в себе знания, на которые надо обратить самое пристальное внимание. Организаторам чтений пришлось пройти через большие трудности перед тем, как узаконить первую рериховскую конференцию, которая собрала ученых самых разных областей знания. Нынешняя конференция также показала, что космическое мышление затронуло не только науку, но и философию, религиозный опыт и искусство в самом широком смысле этого слова. Вскрывая особенности нового космического мышления, некоторые ученые справедливо пришли к выводу, что это не только новая система познания и новые подходы и парадигмы, но и новое, более высокое измерение. Последнее академик Ш.А.Амонашвили определил как «чудная мерность». Новое мышление дает нам возможность перейти от плоского, механистического мышления к одухотворенному и объемному. Давая высокую оценку октябрьской конференции 2003 года, я далека от мысли, что она прошла гладко и в полном единодушии. Если это было бы так, то результат ее оказался бы не очень творческим. Но, к

счастью, этого не произошло. На ней было и непонимание, и возникали расхождения во взглядах, и нечеткое понимание самого космизма, и многое другое. Однако стремление во всем разобраться и понимание серьезности поставленных проблем привели, в конце концов, если не к единодушию, то к желанию продолжить тему конференции в сотрудничестве различных областей знания, включая и знание метанаучное. И то, что резолюция конференции после ее горячего обсуждения была принята единогласно, свидетельствует о том, что устремленность всех участников конференции к подлинному сотрудничеству принесла свои ценные плоды. Предложение ввести Живую Этику – философию Космической Реальности в научный оборот и снять с нее ярлыки, навешанные в основном философами старой традиции, не вызвало никаких возражений, так же как и создание объединенного Центра по изучению космического мышления. Осознание того, что раздробленный и не всегда правильно понимаемый космизм не есть какое-то частное направление, а есть новое синтетическое мышление, можно отнести к одному из важнейших моментов конференции. На конференции было положено важное начало в постижении одной из главных сторон космической эволюции человечества – формированию нового космического мышления. Не ошибусь, если скажу, что в этом заключалось историческое значение Международной конференции 2003 года. Но вместе с тем впереди всех нас ждут немалые трудности на пути осмысления и исследования особенностей нового космического мышления. Я далека от мысли, что данная конференция своей работой и решениями покончила с противостоянием, в том числе и ученых, новым идеям, которые сейчас входят в нашу духовно-культурную жизнь. И, чтобы очистить дорогу новому космическому мышлению, придется еще потратить немало времени и приложить массу труда.

Известно, что время осознается событиями, в нем заключенными. События же начала XXI века оказались необъяснимо угрожающими. Пока я писала эту книгу, произошли землетрясения и извержения вулканов. Тихие и спокойные реки вышли из берегов и затопили дома и исторические памятники Европы – Праги, Будапешта, Дрездена, Гамбурга. В моей стране идет нескончаемая война на территории малого народа, затеянная бездарными правителями. Ирак восстает против океанских оккупантов, решивших навязать свою демократию этой стране. Каждый день на планете гремят взрывы, устроенные террористами различных мастей и вероисповеданий. Техногенная катастрофа, разворачивающаяся на планете, уносит тысячи жизней. Горят в небе самолеты

ты, тонут в морях корабли, сталкиваются на земле автомобили и поезда, рушатся, без объяснимых на то причин, дома, горят заводы и фабрики, школы и детские сады. Россия никогда не знала такого количества аварий, пожаров и прочих подобных бедствий. На ее просторах вспыхивают эпидемии неизвестных ранее болезней, пули наемных убийц обрывают жизни известных политиков и предпринимателей, криминал становится обычным явлением нашей жизни. Жестокость преступлений превосходит все ранее известное. Происходит на наших глазах расчеловечивание Homo Sapiens, озверение, не поддающееся никакому осмыслению. Человеческая жизнь утрачивает свою ценность. Ежегодно гибнут по разным причинам десятки, а то и сотни тысяч людей. Потери такого рода приближаются уже к военным. Можно еще долго перечислять те бедствия, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Но не стоит стараться. Все всем известно. Повторение ничего не принесет и никому не поможет. Что же происходит? Откуда все это? Мы хватаемся за голову и ищем причины происходящего, но почему-то при этом путаем причины и следствия. Создается впечатление, что мы долго шли по дороге, на которой стояли какие-то указатели и какие-то вехи. И в какой-то момент все это исчезло. И выясняется, что мы шли по внешним вехам и не подозревали о том, что внутри нас должны стоять самые надежные для нас указатели. Мы очень долгое время отказывались от них, предпочитая вехи, кем-то сооруженные для нас. Мы ограничивали себя земными материальными заботами, забывая о том, что дух человеческий намного важнее, нежели материя. Ибо эта материя держится на том же духе, который и ведет ее. Мы часто употребляем слова – бездуховность, невежество, безнравственность – но не ищем в них глубинного смысла. Мы не смотрим на небо, но скользим все время взглядом по земле, стараясь отыскать именно в том пространстве причины наших бед и неудач. Мы забываем или просто не знаем, что Космос есть причина Земли, а не наоборот. Мы не осознаем, что Высшее ведет низшее. И если низшее рвет связь с Высшим, оно теряет главную веху в своем развитии и начинает скользить вниз, туда, где мы все сейчас оказались. Кризис Земли не может продолжаться бесконечно. Мы должны или подняться вверх, или пойдем навстречу своей гибели. Вселенная Мастера – великого мыслителя, художника, ученого – Николая Константиновича Рериха, вместе со своей супругой Еленой Ивановной поднявшего над планетой Земля Знамя Мира космических Учителей, есть та веха, которая через новое космическое мышление укажет нам путь выхода из кризиса и правильно поможет определить причины происходящего с нами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость такого Приложения была продиктована обилием материала, посвященного драматической ситуации, сложившейся вокруг Международного Центра Рерихов и его Музея имени Н.К.Рериха. Эта ситуация стала формироваться с самого начала деятельности МЦР, развилась в середине 90-х годов и достигла своего апогея к 2004 году, совпав со столетием со дня рождения Святослава Николаевича Рериха. В общей сложности она продолжается уже 15 лет и пока неизвестно, сколько еще будет продолжаться. Представленные в Приложении документы и публикации содержат главные моменты борьбы МЦР за свое выживание. В книге эти моменты также упоминаются, но важные их особенности не могли быть приведены, так как концепция самой книги не дает этого сделать. Полагаю, что материалы, содержащиеся в Приложении, дадут достаточную информацию о пятнадцатилетней драме общественной организации, созданной в 1989 году в Москве младшим сыном Е.И. и Н.К. Рерихов – С.Н.Рерихом.

Материалы Приложения можно разделить приблизительно на три группы. Особое место в них занимают письма патриарха российской культуры, выдающегося русского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Защищая МЦР и его Музей имени Н.К.Рериха, он придерживался единственно правильного взгляда на культуру – негосударственная культура должна составлять сердцевину культурного пространства страны. Он писал об этом Президенту России Б.Н.Ельцину, министру культуры и другим высоким чиновникам. Письма эти, к сожалению, не возымели на них никакого действия.

Вторая группа начинается с открытого письма Президенту России В.В.Путину, подписанного крупнейшими деятелями науки и культуры, такими, как: президент Международной ассоциации фондов мира А.Е.Карпов; президент Российской академии естественных наук академик О.Л.Кузнецов; президент Российской академии художеств З.К.Церетели; ректор Московской государственной юридической академии академик РАН О.Е.Кутафин; академик РАН К.В.Фролов и др. Завершается раздел тремя интервью, опубликованными в центральных газетах, – интервью с А.Е.Карповым; с прези-

дентом МЦР, Специальным представителем при Генеральном секретаре ООН, Чрезвычайным и Полномочным Послом Ю.М.Воронцовым; Генеральным директором Музея имени Н.К.Рериха, академиком Российской академии естественных наук и Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского, заслуженным деятелем искусств РФ Л.В.Шапошниковой.

Эти материалы посвящены беспрецедентному нарушению воли С.Н.Рериха российскими властями и серьезным атакам государственных ведомств на общественную культурную организацию. Хотелось бы обратить внимание на некоторые слова, содержащиеся в интервью. А.Е.Карпов, крупный общественный деятель и давнишний друг С.Н.Рериха, говорит: «Надо знать нашу отечественную бюрократию с ее привычкой грести все под себя. В этом смысле наследию Рерихов действительно грозит уничтожение. Ведь неисполненная воля и есть уничтожение воли человека». И еще: «Я еще раз от себя лично обращаюсь к Президенту России. Почему же чиновники, подчиненные Вам, издеваются над законом? Не уходите от ответа. Наследие Рерихов в опасности! Ситуация требует Вашего вмешательства». Следует сразу отметить, что на эти слова власти не обратили никакого внимания. «Все эти годы, – говорит в своем интервью Ю.М.Воронцов, – мы имеем дело с чиновничьим произволом, циничным растаптыванием воли великого человека». Особенно усердствуют в борьбе против МЦР бывший министр культуры М.Е.Швыдкой и директор Музея Востока В.А.Набатчиков, стремящиеся через судебные органы установить права на не принадлежащее им наследие Рерихов. «Право в России существует в виде законов или понятий?» – спрашивает справедливо Юлий Михайлович Воронцов. Неправедное и незаконное противостояние государственных чиновников с МЦР продолжается. Цена этого противостояния – богатейшее культурно-художественное наследие наших великих соотечественников Рерихов.

И, наконец, к третьей группе материалов принадлежат документы и публикации, связанные с деятельностью добровольцев-клеветников и черных толкователей деятельности и творчества Рерихов. К ним мы можем отнести таких духовных мародеров, как издательство «Сфера», издавшее неразрешенные к публикациям дневники Е.И.Рерих; О.Шишкина и И.Минутко, пытающихся без всяких оснований доказать, что Н.К.Рерих был советским шпионом; Дворкина, диакона Кураева, Кривельскую, назвавших Рерихов сатанистами, а МЦР религиозной сектой; В.А.Росова, стремящегося доказать, и тоже без всяких

серьезных оснований, что Н.К.Рерих пытался создать в Центральной Азии новое государство. За этими измышлениями и клеветой стоят немалые силы, желающие дискредитировать и опорочить многолетнюю деятельность Рерихов на благо русской культуры и науки. Как можно назвать эти силы и исполнителей ими задуманного? Конечно, людьми безнравственными, с низким уровнем сознания и с невежественным умом и сердцем. Такие индивидуумы обычно высоких и духовных личностей меряют своими «плоскими» и малыми мерками. В случае с Рерихами это проявляется особенно ярко. Для того, чтобы умалить высокодуховную, творческую личность, достаточно экстраполировать на нее собственную нравственную неполноценность, низость помыслов и сомнительный уровень сознания. И тогда все получится, но не надолго. Пока, к сожалению, духовные мародеры еще востребованы на самых разных уровнях – государственном, общественном и даже культурном. И поэтому директор Музея Востока В.А.Набатчиков недрогнувшей рукой подписывает приказ о приеме на работу Д.Попова и В.Росова, предателей и клеветников, по каким-то неясным причинам считающих себя «рериховедами». Но, наверное, Набатчикову нужны именно такие «рериховеды» – способные в любой момент умалить великое и высокое. Полагаю, что чтение Приложения принесет познакомившимся с ним ту полезную информацию, которая поможет понять драму МЦР и наследия Рерихов, бескорыстно переданного Святославом Николаевичем России.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ¹

В ряду великих имен нашего времени имя Дмитрия Сергеевича Лихачева, академика Российской академии наук, филолога и ученого-слависта с мировым именем, искусствоведа и культуролога, первого председателя правления Советского Фонда культуры, почетного члена многих европейских академий, бесстрашного ниспровергателя мифов репрессивно-тоталитарной идеологии, почетного члена исполкома Международной лиги защиты культуры, Почетного гражданина Санкт-Петербурга, крупного общественного деятеля, человека поразительной культуры и широты интересов – занимает особое, уникальное место.

Оно определено всей его жизнью, подвижнически бескорыстным и самоотверженным служением отечественной культуре, непрерывным и поразительно стойким противостоянием всему, что разрушало национальное достоинство и культурное самосознание народа, его духовные основы. Во времена сталинских репрессий невидимая граница этого противостояния проходила через Соловецкие острова, где он юношей отбывал «срок» по статье 58, пункт второй <...> Из «неправдоподобной», по его словам, соловецкой реальности, тяжелых физических работ, болезней, издевательства конвоиров он вынес новое знание жизни, которое парадоксальным образом и вопреки всему родило, как он рассказывал, «очень глубоко залегшее спокойствие и душевное здоровье». В 1938 году судимость снята, и Дмитрий Сергеевич становится младшим, а с 1941 года старшим научным сотрудником Института русской литературы, Пушкинского Дома, с которым не расстается до конца своих дней.

В блокадном Ленинграде, среди умирающих от истощения и холода людей, среди длившегося годами непрерывного голода и невыносимого одиночества, от которого спасали только стихи, которые он читал вслух семье, Лихачев не прекращал того нравственного противостояния, которое началось на Соловках. «Только стихи, поэзия, – как позже вспоминал он, – была способна пересилить чувство голода». Имен-

---

¹ Культура и время. 2002. № 1–2. С. 202–208.

но тогда у окружавших его друзей, коллег, близких ему по духовному складу людей он начинает возрождать интерес к древнерусской литературе, к ее поэтике, к ее глубинным историческим и духовным корням.

Послевоенное время не было исключением. В пятидесятые годы, уже будучи страстным пропагандистом культуры, проводя историко-литературные, текстологические, искусствоведческие исследования, он защищает памятники старины Новгорода, спасает центр города от застройки высотными зданиями, не дает снести новгородский земляной вал. Благодаря его протестам, выступлениям, статьям перестают вырубать дворцовые парки ленинградских пригородов. Хорошо известны его выступления по телевидению против опрометчивых и часто малограмотных переименований улиц. Все это не могло не вызвать сопротивления и недовольства многих должностных лиц. В результате часть его работ замалчивается, а сам он какое-то время считается «невъездным».

Именно в это время личность Дмитрия Сергеевича становится средоточием главных проблем культурной жизни общества. Люди различных убеждений, которые по многим вопросам вряд ли сумели бы договориться, безоговорочно сходились на признании его позиции. Гражданственность, умение подняться над суетой жизни, чувство глубокой и искренней ответственности за судьбу России – все это рождало ту неповторимую глубину и синтетическую уникальность личности, которая, по-видимому, и составляла одну из ипостасей его удивительного феномена. В небольшом предисловии чрезвычайно сложно раскрыть всю его суть. Можно только удивляться необычайному богатству, глубине и разносторонности интересов ученого.

Последние годы жизни Дмитрия Сергеевича были наполнены заботами об учителях и образовании, о состоянии музейного дела, о финансировании учреждений культуры. Он стоял на том, что невозможно реформировать экономику, науку, общественную жизнь без изменения отношения к культуре, без долгосрочных программ ее развития. Им было введено в оборот понятие «экология культуры», разработано современное представление о месте культурного наследия и памятника культуры в системе общественных отношений. Он автор более пятисот научных работ, среди которых фундаментальное исследование «Слова о полку Игореве». Им написано более тридцати книг и почти шестьсот публицистических работ. Его труды по русскому летописанию, истории древнерусской литературы и культуры стали всемирно признанной классикой.

Иногда задаешься вопросом, откуда он мог брать силы на ту многообразнейшую работу, которая, затрагивая проблемы социальные, общественные, профессиональные, постоянно требовала полной самоотдачи, неустанного противостояния всему, что подрывало культурные основы общества. Вчитываясь в древнерусские летописи, тексты которых Дмитрий Сергеевич приводит в своих книгах, поражаешься масштабности и монументальности происходившего в те далекие годы, чувству пространства и духовной силе, благодаря которым русский народ преодолел многие беды и невзгоды, выпавшие на его долю. Невольно возникает мысль, что Дмитрий Сергеевич каким-то таинственным и непостижимым образом причастился той благодатной энергии, которая питала дух русский во все времена и эпохи.

Будучи одним из столпов современной отечественной культуры, ее патриархом, он был и остается для нас тем нравственным камертоном общества, к которому нельзя не прислушаться, который нельзя не заметить, не ощутить. Старорусское слово «праведник», наверное, наиболее емко выражает еще одну грань удивительной личности Дмитрия Сергеевича.

Человек необычайной внутренней культуры, душевной чистоты и мягкости, он всегда был непреклонным, если дело касалось принципиальных проблем жизни общества. К таким проблемам он, несомненно, относил рождение одной из новых форм культуры – общественной. «Убежден, что приоритет нужно отдавать не государственным, а свободным общественным формам культуры, – писал он, – ибо они в меньшей степени подвержены влиянию узких ведомственных интересов».

Предлагаемая вниманию читателей подборка писем Дмитрия Сергеевича Лихачева свидетельствует о кульминации противостояния бюрократам и клеркам от культуры, с наибольшей яркостью проявившегося в пространстве Международного Центра Рерихов. Со свойственной ему последовательностью и неиссякаемой настойчивостью Дмитрий Сергеевич отстаивает права Международного Центра Рерихов, быть может, единственной на сегодняшний день общественной организации – носителя новой, свободной от произвола чиновников формы культуры. Несмотря на то, что письма написаны в разное время и адресованы различным должностным лицам государства, острота поднятых в них проблем продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Б.Р.Корженьянц

Д.С.ЛИХАЧЕВ – С.Н.РЕРИХУ

1989

Многоуважаемый Святослав Николаевич!

С глубоким удовлетворением прочитал Ваше послание относительно создания общественного Фонда имени Рериха и Центра-Музея Н.К.Рериха. Я полностью поддерживаю эту идею и считаю, что создание таких организаций будет полезно для развития нашей культуры и наших международных контактов. С благодарностью принимаю Ваше предложение о той роли, которую должен сыграть Советский фонд культуры в создании Рериховского Фонда и Центра. Думаю, что эти образования должны носить более широкий характер и быть связаны с творческой и общественной деятельностью всей семьи Рерихов, в том числе и Вашей.

В настоящее время создана инициативная группа по реализации Ваших предложений, которая готовит положение и уставные документы будущих организаций. Идет поиск подходящего помещения в г. Москве для Центра-Музея и подбираются конкретные люди для будущей работы.

В октябре с.г. намечается провести учредительное собрание по созданию Фонда Рериха, а сейчас мы ведем переговоры с возможными учредителями Фонда. Уже получены предварительные согласия от следующих организаций: Советского Фонда мира, Советского комитета защиты мира, Академии художеств СССР, Академии наук СССР, Всесоюзной ассоциации востоковедов, Союза художников СССР и ряда других.

Я глубоко уверен, что наследие семьи Рерихов, превращенное в наше национальное достояние, займет заслуженное место в культурной жизни нашей страны.

Рассчитываю увидеться с Вами во время Вашего визита в Москву с тем, чтобы лично обсудить все интересующие нас обоих вопросы, связанные с этим делом.

С уважением, искренне Ваш

Д.Лихачев

Д.С.ЛИХАЧЕВ – Б.Н.ЕЛЬЦИНУ

Санкт-Петербург, 10 ноября 1993 г.

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б.Н.ЕЛЬЦИНУ

Уважаемый Борис Николаевич!

Прошу Вас поддержать волю Святослава Николаевича Рериха, передавшего творческое наследие семьи Рерихов Международному Центру Рерихов в лице его вице-президента Л.В.Шапошниковой.

Полностью солидарен с принципиальной позицией Рерихов о необходимости развития новых общественных форм сохранения и использования культурного наследия.

Считаю несостоятельными посягательства Министерства Культуры или других ведомств и организаций на законные права Международного Центра Рерихов, ведущего очень необходимую многим странам культурно-просветительскую и научную работу.

Прошу Вас отменить скороспелое постановление Правительства № 1121 от 4 ноября 1993 г. о передаче усадьбы Лопухиных, арендуемой МЦР, Музею искусств народов Востока. Этот особняк выбрал для МЦР (тогда еще Советского Фонда Рерихов) С.Н.Рерих в 1990 году, по согласованию с Правительством, для создания общественного Музея Н.К.Рериха, в коллекцию которого он целенаправленно передал наследие своих родителей.

Нельзя допустить, чтобы нарушение воли С.Н.Рериха, провоцируемое определенными кругами в России и Индии, привело к трагическим необратимым последствиям для мировой культуры.

Примите пожелания успеха в деле сохранения и приумножения духовного богатства нашей Родины!

Академик *Д.С.Лихачев*

Глубокоуважаемый Борис Николаевич. Я глубоко убежден: культура должна быть в общественном ведении в первую очередь, и во вторую уже – в ведении государства. Не следует разрушать общественную инициативу фонда Рерихов.

Ваш *Д.Лихачев*

Спасибо за внимание к моим письмам.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ:
НЕДОПУСТИМО, ЧТОБЫ ЧИНОВНИКИ
СПЕКУЛИРОВАЛИ КУЛЬТУРНЫМ ДОСТОЯНИЕМ

Горячо поддерживаю решения Международной общественно-научной конференции, посвященной 60-летию Пакта Рериха, организованной в Москве 6–9 октября 1995 года Международным Центром Рерихов (МЦР).

Чуть более месяца прошло с окончания этой очень результативной и представительной конференции (на ней было свыше 600 посланников из ста городов государств СНГ и многих других стран мира), и на МЦР началась очередная атака, отвлекающая его от созидательной культурной работы. Наверное, определенным силам очень претит культурно-просветительская активность МЦР, его выходящая из-под ведомственного контроля широкая творческая и общественная деятельность.

В ноябре 1993 года в обращении к Президенту России мной была высказана поддержка Международному Центру Рерихов – неправительственной организации при ООН – в споре с Правительством России, которое согласно своему постановлению (№ 1121 от 4.11.1993 г.) хотело отобрать у МЦР усадьбу Лопухиных для организации там государственного Музея Н.К. Рериха, что противоречило воле Святослава Николаевича Рериха, подарившего бесценное наследие семьи Рерихов МЦР для создания общественного Музея Рерихов. Принципиальной реакции на это обращение тогда не последовало.

После того как МЦР на уровне Высшего арбитражного суда России на третьем его заседании (1.03.1995 г.) добился отмены пунктов постановления правительства, касающихся усадьбы Лопухиных, с формулировкой – решение окончательное и обжалованию не подлежит, правительственная сторона вышла на председателя Высшего арбитражного суда В.Ф.Яковлева, с помощью прямого нажима вынудила его собрать заседание президиума (14.11.1995 г.) и вопреки нормам закона вернуться к первому решению, согласно которому МЦР было отказано в иске.

Таким образом, правительство третий год пытается разрушить МЦР, являющийся важным оплотом общественной независимой культуры, координирующим центром более чем сотни рериховских организаций России и других стран. Нарушается не только воля дарителя наследия, но и не отмененное постановление предыдущего правительства, а также решение правительства Москвы, которое в октябре 1995 года заключило с МЦР арендный договор на усадьбу Лопухиных сроком на 49 лет.

Недопустимо, чтобы корыстные интересы отдельных чиновников или их политические амбиции были причиной для спекуляций культурным достоянием мирового значения. Воистину пророческими были слова Н.К.Рериха о том, что главным испытанием человечеству будет испытание восприятием культуры.

Нашему народу сейчас особенно нужно обретение высших духовных ценностей и идеалов, без которых немислимо творческое созидательное строительство будущего. Только в святынях культуры – источник животворных сил возрождения единого самосознания народа. Принадлежность будущему миру не определяется причастностью к той или иной политической партии или способностью поддержать какую-либо экономическую систему, не ограничивается занимаемым постом, социальным положением или исповедуемой религией. Обще-значимыми критериями деградации или расцвета должны стать качества сознания человека, степень восприимчивости им Знания и Красоты, способность сердца любить Культуру, защищать ее достижения и трудиться во имя нее на общее благо. Без этого невозможно распознать лучшие, спасительные пути преображения жизни.

Убежден, что приоритет нужно отдавать не государственным, а свободным общественным формам культуры, ибо они в меньшей степени подвержены влиянию узких ведомственных интересов. Любое государство обречено на упадок, если оно не заботится о сохранении высших духовных достижений многих поколений, если не создает условий для культурного воспитания народа на великих примерах героев и подвижников науки, искусства, религии.

Н.К.Рерих был подвижником культуры всемирного масштаба. Он поднял над планетой Знамя Мира, Знамя Культуры, тем самым указав человечеству восходящий путь совершенствования.

Еще раз выражаю солидарность Международному Центру Рерихов и его культурным инициативам, надеюсь, что и в Санкт-Петербурге – родном городе Рерихов, где сохранилось много мест, с ними связанных, силами Санкт-Петербургского отделения МЦР при поддержке культурной общественности и властей города будет создан общественный Мемориальный культурный центр Рерихов.

Приветствую всех искренних защитников культуры, объединяющихся во имя ее высших идеалов под Знаменем Мира.

Академик Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Д.С.ЛИХАЧЕВ – Ю.М.ЛУЖКОВУ

Санкт-Петербург, 17 июля 1997 г.

МЭРУ г. МОСКВЫ
Ю.М.ЛУЖКОВУ

Глубокоуважаемый Юрий Михайлович!

Мне стало известно о готовящемся постановлении Правительства Москвы «О реализации постановления Правительства Российской Федерации от 04.11.93 г. № 1121 “О создании Государственного музея Н.К.Рериха”. 10.11.93 г.». Я обращался к Президенту России, выражая свой протест против принятия вышеуказанного Постановления № 1121.

Продолжаю отстаивать высказанное мной тогда Президенту мнение о том, что «культура должна быть в общественном ведении в первую очередь и во вторую уже – в ведении государства». События последних лет укрепили это мое убеждение.

Прошу Вас воздержаться от принятия готовящегося постановления, ибо это не только разрушит результаты многолетнего труда Международного Центра Рерихов (неправительственной организации при ООН) и его многочисленных друзей, но и нанесет моральный урон общественному культурному строительству. Общественный Музей Рерихов и Культурный Центр стали очагами важной просветительской деятельности, и нельзя утверждать одно культурное строительство (Государственный Музей Н.К.Рериха), разрушая при этом другое, уже окрепшее, жизнеспособное и плодотворное культурное созидание.

В свое время Вы поверили МЦР и протянули ему руку помощи, передав ему в долгосрочную аренду памятник истории и культуры – Усадьбу Лопухиных. МЦР держит свои обещания и заканчивает собственными силами, с помощью меценатов и друзей реставрацию Усадьбы Лопухиных, совершенно не используя при этом государственных бюджетных средств. Обновленная Усадьба и расширенная экспозиция будут прекрасным подарком Москве и всему культурному миру в год знаменательного Юбилея столицы.

Призываю Вас, Юрий Михайлович, еще раз поддержать МЦР, исполнив этим волю Святослава Николаевича Рериха, в надежные руки доверившего культурное наследие семьи Рерихов.

Примите мои поздравления с грядущим Юбилеем Москвы и пожелания культурного процветания этому великому городу, а если будет культурный расцвет, то и все остальное приложится.

Д.С.Лихачев

Д.С.ЛИХАЧЕВ – Б.Н.ЕЛЬЦИНУ

Санкт-Петербург, 17 июля 1997 г.

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Б.Н.ЕЛЬЦИНУ

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь к Вам снова с просьбой оградить Международный Центр Рерихов (неправительственную организацию при ООН) от очередных посягательств на Усадьбу Лопухиных (Малый Знаменский пер., д. 3/5), переданную ему в долгосрочную аренду на основании постановления Правительства Москвы № 812 от 03.10.89 г. Более того, целесообразно на Федеральном уровне подтвердить это постановление, чтобы и впредь в ведомственных кабинетах разного уровня не возникало искушений учреждать Государственный Музей Н.К.Рериха – филиал Музея искусств народов Востока, посредством разрушения хорошего Общественного Музея Н.К.Рериха и Культурного Центра, созданных Международным Центром Рерихов, просветительская деятельность которого воодушевляет сотни культурных организаций в России и далеко за ее пределами.

Особенно важно подчеркнуть, что МЦР в трудных финансовых условиях осуществил основную часть реставрации памятника истории и культуры XVII–XIX веков – Усадьбы Лопухиных исключительно за счет средств меценатов, общественных и благотворительных организаций и собственных вложений. МЦР планирует завершить все реставрационные работы в год празднования 850-летия Москвы и открыть в возрожденной Усадьбе новую расширенную экспозицию своего Музея.

Последовательно выполняя волю Святослава Николаевича Рериха, передавшего во владение Международному Центру Рерихов творческое наследие семьи Рерихов, эта общественная организация создает все условия, чтобы культурные ценности стали общенародным достоянием.

По инициативе МЦР и при участии многих культурных, в т.ч. научных, художественных и образовательных организаций разных стран

мира, в 1996 г. была создана Международная Лига Защиты Культуры, я принимаю участие в ее работе и знаю, что Лига быстро расширяет сферы своей деятельности и ее авторитет заслуженно растет.

Убежден, что лучшие свободно развивающиеся общественные формы культуры могут объединять творческие созидательные силы и оздоравливать жизнь общества, тем самым помогая государству. Н.К.Рерих поднял Знамя Мира – символ единения человечества во имя сохранения и приумножения великих ценностей Культуры. Надеюсь, что грядущие поколения будут достойными преемниками нашего богатого культурного наследия. Но будущее начинается сегодня. Прошу Вас, Борис Николаевич, лично поддержать Международный Центр Рерихов. Ваша помощь этому очагу Культуры станет добрым предзнаменованием для многочисленных друзей МЦР в России и во всем мире.

Примите пожелания успеха в общем деле процветания нашей Родины,

Д.С.Лихачев

Д.С.ЛИХАЧЕВ – В.К.ЕГОРОВУ

Международная Лига Защиты Культуры
24 февраля 1999 г.

МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
г-ну ЕГОРОВУ В.К.

Уважаемый Владимир Константинович!

В 1990 году Святослав Рерих подарил значительную часть культурных ценностей семьи Рерихов Международному Центру Рерихов (называвшемуся тогда Советским Фондом Рерихов). На основе этого дара героическими усилиями сотрудников Центра и многих почитателей творчества Рерихов в отреставрированной ими Усадьбе Лопухиных в Москве был создан общественный Музей им. Н.К.Рериха.

Полагаю, что нет необходимости напоминать о значении этого Центра и Музея в культурной жизни России, Родины Николая Рериха.

В числе живописных полотен, переданных Центру, были указаны и 288 картин Н.К.Рериха и С.Н.Рериха, которые до этого временно находились на попечении Министерства Культуры и хранились в Государственном музее искусств народов Востока, многие годы включавшем их в свои выставки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обращения самого С.Н.Рериха, многократные переговоры руководителей Центра и Музея им. Н.К.Рериха с Министерством Культуры о возвращении картин законному владельцу и даже распоряжения первого вице-премьера России (№ БН-А26-27609 от 29.08.97; № БН-А26-40160 от 16.12.97) все еще не привели к справедливому итогу.

Прошу Вас решить это затянувшееся дело и исполнить волю всемирно известного художника и деятеля культуры Святослава Николаевича Рериха. Надеюсь, что Вы найдете все возможности помочь осуществлению законных прав Международного Центра Рерихов.

Делу охраны и приумножения сокровищ Культуры посвятил свою яркую жизнь Н.К.Рерих, потому что видел в культурном совершенствовании смысл человеческого существования. Эту работу сегодня продолжает Международный Центр Рерихов, по инициативе которого в 1996 году была основана Международная Лига Защиты Культуры. Забота о судьбе ценностей Культуры и об их целесообразном использовании должна быть общим делом государства и общественности.

Надеюсь, что в этот юбилейный год, когда празднуется 125-летие мыслителя, художника и ученого Николая Константиновича Рериха, можно будет решить вопрос о передаче картин отца и сына законному владельцу.

Достойным подарком к юбилею была бы и помощь Министерства Культуры и Правительства России Санкт-Петербургскому отделению Международного Центра Рерихов, который, совместно с рядом других организаций культуры и науки, много лет пытается создать в Санкт-Петербурге, на Родине нашего великого соотечественника, Мемориальный Культурный Центр в доме, где жил и работал мастер.

Желаю Вам плодотворной творческой работы во имя культурного возрождения нашего отечества.

Почетный член Исполкома Международной Лиги Защиты Культуры, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, академик РАН

Д.С.Лихачев

НАСЛЕДИЮ РЕРИХОВ ГРОЗИТ УНИЧТОЖЕНИЕ¹

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В.ПУТИНУ В КАНУН 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ СВЯТОСЛАВА НИКОЛАЕВИЧА РЕРИХА

Уважаемый Владимир Владимирович!

Наступающий 2004 год является юбилейным (100 лет) для одного из выдающихся деятелей русской и мировой культуры Святослава Николаевича Рериха, который вместе со своими родителями – великим художником, философом, ученым, путешественником и общественным деятелем Н.К.Рерихом и выдающимся мыслителем Е.И.Рерих провел много лет своей жизни в Индии.

Святослав Николаевич был одним из тех, кто создал прочный мост в пространстве российско-индийских культурных отношений. Огромной заслугой С.Н.Рериха перед новой Россией была передача ей в 1990 г. богатейшего наследия его родителей и инициатива создания в Москве Музея имени Н.К.Рериха на основе переданного им наследия.

Уверены, что Вы знаете, с какой любовью и заботой относятся в Индии к памяти о Рерихах. Поэтому вполне закономерно, что во время российско-индийской встречи на высшем уровне в Индии в декабре 2002 года в совместном заявлении была отмечена «важность сохранения и поддержания уникального художественного и культурного наследия семьи Рерихов, которое имеет непреходящее значение для российской и индийской дружбы». В результате этой встречи была составлена «Программа обменов в области культуры, науки и образования между правительством Российской Федерации и правительством Республики Индия на 2003–2005 гг.», в которой говорится о проведении совместных мероприятий, «в частности, посвященных столетию со дня рождения С.Н.Рериха».

Высокие правительственные делегации Индии обычно приходят в Музей имени Н.К.Рериха в Москве, основателем которого был

---

¹ Комсомольская правда, 10 декабря 2003 г.

С.Н.Рерих. Так было во время посещения нашей страны премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджпаи. Так было во время визита министра иностранных дел Индии Яшванта Сингха. Действительно, премьер-министр Индии относится с огромным вниманием к выдающимся нашим соотечественникам Рерихам. Он является почетным попечителем Международного мемориального треста Рерихов в Гималайской долине Кулу, где находится имение Рерихов.

Торжества по случаю столетнего юбилея Святослава Николаевича в Индии начались уже 23 октября этого года, в день его рождения. В Индии проходят выставки картин С.Н.Рериха, выпускаются книги о нем, индийская пресса заполнена сообщениями об идущих в стране юбилейных торжествах. Намечается в этом году создать в имении Святослава Николаевича «Татагуни» под Бангалором музей его имени. Завершится организация долгожданного Дома-музея в Наггаре (Кулу). Выйдут марки в честь юбиляра. Юбилейные торжества будут продолжаться в Индии целый год согласно правительственной программе.

Ну а что у нас, на родине юбиляра, прославившегося своим творчеством и бескорыстно передавшего ей богатейшее и ценнейшее творческое наследие своих родителей? В последнее время мы не раз испытывали чувство стыда за происходящее в России. Испытываем мы его и сейчас.

В сентябре этого года заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ М.Е.Николаев обратился в правительство РФ с предложением организовать в России юбилейные торжества в честь выдающегося сына нашей страны С.Н.Рериха. Из правительства письмо было передано в Министерство культуры РФ. Оттуда, насколько мы знаем, последовал устный ответ, что юбилей С.Н.Рериха будет отмечен двумя музеями – Государственным музеем Востока и Центральным государственным театральным музеем имени А.А.Бахрушина. Не много ли? Целых два музея! При такой постановке вопроса можно было бы обойтись и одним. Но это еще не самое скверное. По инициативе Минкультуры в 1993 году (через несколько месяцев после смерти С.Н.Рериха) было издано правительственное Постановление от 04.11.93 г. № 1121, в котором предписывалось создать Государственный музей имени Н.К.Рериха. Святослав Николаевич же просил создать общественный музей, подчинение которого Министерству культуры, «а тем более Музею искусства народов Востока повело бы к неоправданному, на мой взгляд, заведомому сужению задач и возможностей центра. Центр должен, по-моему, обладать значительной независимостью, гибкостью, возможностью функцио-

нировать поверх ведомственных барьеров». Согласно этому Постановлению, памятник архитектуры XVII–XIX веков – усадьба Лопухиных, где размещаются Международный Центр Рерихов и Музей имени Н.К.Рериха и которая была выбрана самим Святославом Николаевичем, отходила к Музею Востока. Но Международный Центр Рерихов отбил, отреставрировал усадьбу без копейки бюджетных средств и превратил ее в крупный и популярный культурный центр. 288 полотен Н.К.Рериха и С.Н.Рериха, которые привез Святослав Николаевич в 1974 году на столетие своего отца и оставил на попечение Минкультуры, а затем в 1990 г. включил в свою дарственную, до сих пор не отданы Музею имени Н.К.Рериха. В 1992 году С.Н.Рерих в своем письме на имя Президента РФ Б.Н.Ельцина писал: «Теперь эту выставку незаконно удерживает Музей искусства народов Востока. Очень прошу Вас содействовать передаче ее Международному Центру Рерихов».

Счетная палата РФ, которая занималась вопросом правильного содержания этих картин в музее Востока, не обратила внимания на то, что ряд картин, фигурирующих в дарственной Рериха, отсутствует в списках музея Востока. Незаконной была и постановка этих картин на учет в Государственный музейный фонд без документов, определяющих права собственности Минкультуры на эти картины. Все это можно назвать своеобразной подготовкой к юбилейным торжествам, которые, вне всякого для нас сомнения, пройдут под странным лозунгом – Международный Центр Рерихов и Музей имени Н.К.Рериха, созданные Святославом Николаевичем, не должны существовать. Коллекция картин Н.К. и С.Н. Рерихов, которую просил вернуть С.Н.Рерих, так и осталась во владении Минкультуры. Нападки последнего на Международный Центр Рерихов особенно усилились в этом году и в следующем могут обрести еще больший размах. Министерством культуры РФ запущена жалоба в надзорную инстанцию Мосгорсуда на решение Хамовнического суда о законном вхождении Международного Центра Рерихов в права наследства Рерихов. В Государственную Думу РФ идут запросы через малосведущих депутатов: почему не выполнено постановление правительства от 04.11.93 г.? В Генпрокуратуру РФ сомнительными лицами направляются заявления на руководство Международного Центра Рерихов, якобы разворовавшее наследие Рерихов. Можно этот список продолжить, но думаем, что этого делать не следует. Год 2004-й грозит стать годом тотального нарушения воли покойного дарителя – С.Н.Рериха, а возможно, и концом Музея, созданного по его инициативе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Для полной картины, которая показывает, насколько правительство РФ безучастно к судьбе художественного и культурного наследия Рерихов, необходимо сказать и о том, что за последнее время потоки клеветы на Николая Константиновича Рериха и других членов этой великой семьи заполнили полосы газет и экраны телевизоров. Мы очень надеемся, уважаемый Владимир Владимирович, что в преддверии Вашего официального визита в Индию в юбилейный для С.Н.Рериха год Вы скажете свое веское слово, поспособствуете созданию солидной, на соответствующем уровне, юбилейной комиссии для празднования столетнего юбилея Святослава Николаевича Рериха и, наконец, остановите беззаконие со стороны Министерства культуры и других чиновников правительства РФ в отношении исполнения воли и завещания последнего представителя великой семьи наших соотечественников – Святослава Николаевича Рериха.

Будем очень Вам благодарны, если такое содействие с Вашей стороны поможет детищу Святослава Николаевича в России – Международному Центру Рерихов и его Музею имени Н.К.Рериха – спокойно работать и развиваться так, как завещал их основатель. Уверены, что именно Международный Центр Рерихов будет счастлив оказать любое нужное содействие в достойном проведении юбилейных торжеств в честь выдающегося сына России и именитого гражданина Индии Святослава Николаевича Рериха.

С уважением и надеждой

Председатель Попечительского Совета
Международного Центра Рерихов,
президент Международной ассоциации
фондов мира *А.Е.КАРПОВ*

Члены Попечительского Совета:

Президент Российской академии естественных наук,
академик *О.Л.КУЗНЕЦОВ*

Ректор Московской государственной юридической академии,
академик РАН, заслуженный деятель науки РФ *О.Е.КУТАФИН*

Вице-президент Российского фонда культуры *А.Э.ТИТКОВ*

Президент Академии российского искусства, член Совета
при Президенте РФ по культуре и искусству *Н.А.ПЕТРОВ*

Президент Международного гуманитарного фонда «Знание»,
академик РАН *К.В.ФРОЛОВ*

Президент Российской академии художеств,
академик Грузинской академии наук *З.К.ЦЕРЕТЕЛИ*

КТО РАЗБАЗАРИВАЕТ НАСЛЕДИЕ РЕРИХОВ?¹

ВОКРУГ ЗНАМЕНИТОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ РАЗВЕРНУЛАСЬ НЕШУТОЧНАЯ СХВАТКА

Недавно через российские СМИ известные деятели науки и культуры обратились к Президенту России В.Путину. Поводом к обращению послужил предстоящий 100-летний юбилей выдающегося соотечественника – художника и мыслителя Святослава Николаевича Рериха. Несмотря на взаимную договоренность правительств России и Индии, у нас в стране в отличие от Индии еще не только не началась подготовка к празднованию юбилея, но даже не создана государственная комиссия для этой подготовки. Нежелание Минкульта РФ с достоинством отметить юбилей С.Н.Рериха, видимо, связано с его многолетней борьбой против детища Рериха – Центра-Музея имени Н.К.Рериха, одного из самых популярных музеев в столице. О пружинах конфликта, который, как говорится в обращении, «грозит уничтожением наследия Рерихов», мы беседуем с Генеральным директором Международного Центра-Музея имени Н.К.Рериха, главным редактором журнала «Культура и время» Людмилой Васильевной ШАПОШНИКОВОЙ.

– Людмила Васильевна, что не поделили между собой министерство и музей?

– Проблема не в дележке. Проблема в исполнении завещания Святослава Николаевича Рериха. Еще в 1989 году он написал письмо, в котором предлагал создать музей имени своего отца – Николая Константиновича Рериха. Этому музею он предлагал передать наследие своих родителей, но при одном условии – музей должен быть негосударственным и иметь общественный статус.

– Почему он настаивал на этом?

– В стране шла перестройка, а он – человек вперед смотрящий, провидец, понял, что довериться государству – большой риск. У него к этому времени был не лучший опыт взаимодействия с нашим государством. В СССР к тому времени уже было создано несколько общест-

---

¹ Собеседник. 28.01–3.02.2004.

венных фондов – Фонд культуры, Детский фонд, Фонд мира. Святослав Рерих не хотел, чтобы музей подчинялся Министерству культуры и Государственному музею Востока, писал, что это подчинение «сузит выполнение культурных задач».

Он предлагал создать и фонд для содержания будущего музея. В конце 1989 года вышло постановление Совмина СССР. Правительство поддержало идею создания общественного Советского Фонда Рерихов и Центра-Музея имени Н.К.Рериха как основной базы фонда. Фонду были даны определенные привилегии: например, освобождение от таможенных пошлин при ввозе и вывозе, освобождение от налогов и так далее. Это были существенные экономические привилегии, которые мы должны были использовать для того, чтобы фонд заработал. В ноябре, после выхода постановления, в Москву приехал сам Святослав Николаевич. Он к этому времени был уже не очень здоров, перенес две операции и, конечно, обрадовался, узнав, что дело пошло. Он встретился с Президентом СССР Михаилом Горбачевым – говорили о Фонде Рерихов. Святослав Николаевич пригласил меня приехать в Бангалор, чтобы, как он обозначил, «поработать с наследием». Я работала в Индии три месяца, готова наследие к вывозу в СССР. Для этого Президент СССР предоставил специальный рейс.

В привезенное наследие Н.К. и Е.И. Рерихов входили картины, обширный архив, личные вещи, реликвии, библиотека. Мосгорисполком предоставил Святославу Николаевичу под музей усадьбу Лопухиных в Малом Знаменском переулке Москвы, возле Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

– Разве может Минкульт выступать против музея? В чем же причина конфликта?

– Еще в 1974 году Святослав Николаевич привез в Москву свои картины и картины отца на юбилей Николая Константиновича Рериха, которому в том году исполнилось 100 лет. Юбилей отмечался на правительственном уровне. После юбилея Рерих оставил картины (288 полотен) на попечение Министерства культуры. Они экспонировались в нашей стране. В 1990 году, когда Святослав Николаевич оформлял документ на передачу наследия Советскому Фонду Рерихов, он включил в этот документ и картины, остававшиеся в СССР на попечении Министерства культуры. Мы обратились в министерство с просьбой передать нам эти картины. И вот уже 15 лет все обращаемся. Министры меняются, а ведомство под разными предложениями продолжает удерживать у себя не принадлежащие ему картины.

– **Под какими предложениями?**

– Сначала говорили, что картины у нас хранить негде. Мы тогда действительно ремонтировали усадьбу, находившуюся в полуразрушенном состоянии. Но нам удалось договориться с Музеем МВД об аренде части его хранилища. Подписали договор. Принесли его в Министерство культуры. Заместитель министра культуры Т.Х.Никитина пообещала вернуть нам картины в недельный срок. Но проходит неделя, другая – и никакого движения. Через некоторое время выясняется, что министерство создало комиссию, которой предстояло решить, можно ли перевезти картины Рерихов из Музея Востока, которые находились там на временном хранении, в Музей Н.К.Рериха.

Решение комиссии было не в нашу пользу, как и следовало ожидать. В 1992 году С.Н.Рерих написал Президенту России Б.Н.Ельцину письмо с просьбой передать Музею Н.К.Рериха картины, «незаконно удерживаемые Музеем Востока». Ельцин дал Минкульту поручение, которое так и не было ведомством выполнено. После смерти Святослава Николаевича в январе 1993-го ситуация еще более обострилась. Не прошло и месяца, как Музей Востока, при содействии Минкульту, включил коллекцию картин Рерихов в государственную часть музейного фонда. Это было сделано незаконно, так как соответствующих документов ни у Минкульту, ни у Музея Востока не существовало...

Наконец, в 2001 году мы подали в арбитражный суд г. Москвы иск с требованием возратить картины. У Министерства культуры как ответчика не было никаких документов, подтверждающих права на картины.

– **Арбитражный суд вас защитил?**

– Наоборот. Арбитражные суды всех уровней выносили одно и то же решение – наш фонд не та организация, которая имеет право на эти картины.

– **На каком основании?**

– Да потому что прежде мы были Советским Фондом Рерихов. А после распада СССР в 1991 году переименовались в Международный Центр Рерихов (МЦР). Мол, Святослав Рерих наследие передавал Советскому Фонду, а не Международному Центру. Но у нас-то, кроме названия, ничего не изменилось – мы являемся законными правопреемниками, что еще раз подтвердил С.Н.Рерих незадолго до своей смерти.

Но судьи арбитражного суда на эти документы, подписанные Рерихом, не обратили никакого внимания. Но зато достаточно ловко разыграли карту «неправопреемственности».

С самого начала в Московском арбитражном суде мы просили провести и независимую экспертизу картин, которые хранятся в Музее Востока. Ведь мы их видели только в экспозиции, как обычные зрители. А в каком они состоянии, как хранятся, мы не знали. Арбитраж трижды нам в этом отказал. Мы обратились с той же просьбой в Счетную палату.

– **Зачем надо было так упорно настаивать на экспертизе?**

– Дело в том, что мы сверили наш дарственный список со списком картин, которые находятся в Музее Востока. Обнаружились большие расхождения, 11 картин Николая Рериха и 34 картины Святослава Рериха отсутствовали в списке Музея Востока. Где они? Если нет, то где потерялись? На какой дороге? И в чьих руках оказались? Понимая, что Минкульту при помощи арбитражных судов г. Москвы удалось помешать нам разобраться в истинном положении дел, мы с этим вопросом обратились в Счетную палату РФ. Счетная палата согласилась во всем разобраться. Но после письма Минкульту, направленного в палату, положение резко изменилось. Аудиторы отставили в сторону наши документы и прежде всего завещательное распоряжение Святослава Николаевича. Они не стали отвечать на вопросы о расхождении в количестве картин, не обратили внимания на незаконность включения коллекции картин Н.К. и С.Н. Рерихов, не принадлежащей государству, в государственную часть музейного фонда и т.д. Более того, Счетная палата направила в правительство письмо с просьбой вернуться к постановлению правительства 1993 года за № 1121 о создании государственного музея Н.К.Рерихов и изъятии у Международного Центра Рерихов усадьбу Лопухиных для этой цели. У этого постановления был ряд особенностей. Во-первых, оно самым неприглядным образом нарушало волю покойного дарителя, предлагавшего создать общественный, а не государственный музей имени Н.К.Рериха. Во-вторых, основой этого постановления послужило фальшивое письмо Девики Рани, вдовы С.Н.Рериха, в котором она якобы требовала создать государственный музей Н.К.Рериха. Хорошо зная Девиду Рани, я была уверена, что отличить государственный музей от общественного она бы не смогла. Круг ее интересов с подобными понятиями не был связан. Фальшивка была составлена бывшим секретарем Рерихов Мэри Пунача, которая сейчас проходит по уголовному процессу об ограблении Рерихов. Об этом много и подробно писала индийская пресса. Фальшивка была пущена в «научный оборот» недобросовестными чиновниками от культуры. Так возникло это постановление.

Премьер-министр В.С.Черномырдин, не разобравшись в сути проблемы, подписал подготовленное Минкультом постановление.

Вот про это постановление правительства, с подачи Минкульта, и вспомнила вдруг Счетная палата. Она и нанесла сокрушительный удар по завещанию Святослава Рериха. После этого нужно было, как говорится, собирать вещи и разбегаться.

– **Вы не разбежались?**

– Нет, конечно. К этому времени у нас за спиной был богатый опыт защиты воли дарителя и наследия, которое он нам передал. После выхода постановления, не добившись ни встречи с В.С.Черномырдиным, ни ответа от него на наши письма, мы подали иск на него в Высший арбитраж. Дело в суде мы выиграли. В марте 1995 г. суд вынес решение об изъятии из правительственного постановления пунктов о передаче усадьбы Лопухиных Музею Востока. Кроме этого, в решении также признавалось наше правопреемство от Советского Фонда Рерихов. После решения коллегии Высшего арбитража мэр Москвы Ю.М.Лужков подписал постановление о заключении арендного договора с Международным центром Рерихов на усадьбу сроком на 49 лет.

– **Минкульт успокоился?**

– Конечно, нет. Через полгода после этого он отправил в надзорную инстанцию Высшего арбитража жалобу, которая... была удовлетворена, и решения всех трех инстанций Высшего арбитража были отменены.

– **Как это им удалось?**

– Известно как. Если сейчас действует административный ресурс, то тогда действовало телефонное право. Нам известно, что в нашем случае это телефонное право использовали В.С.Черномырдин и А.Б.Чубайс. Вот и все. Окрыленный несправедной победой, тогдашний министр культуры Е.Ю.Сидоров потребовал от мэра Москвы немедленного расторжения арендного договора с МЦР на усадьбу Лопухиных. Но Юрий Михайлович отказался это сделать. «В решении надзорной инстанции Высшего арбитража, – утверждал он, – ничего не сказано о московском правительстве, поэтому у меня есть законное право продолжать арендные отношения с МЦР». Таким образом, на том этапе была решена судьба уникального Музея имени Н.К.Рериха.

За это время была отремонтирована и отреставрирована усадьба Лопухиных, получившая свой исторический вид, на это не было потрачено ни копейки бюджетных денег. Мы все сделали на пожертвования, которые после нашего обращения к гражданам России пошли к нам со

всех сторон России. В 1997 г. мы открыли Музей имени Н.К.Рериха, в котором экспонируется наследие Н.К. и Е.И. Рерихов, переданное МЦР их младшим сыном Святославом Николаевичем. За эти годы музей превратился в популярный культурный центр, выпускающий издания по материалам Рерихов, организующий лекции и международные конференции, концерты и иные культурные мероприятия. Ежеквартально выходит журнал «Культура и время». За широкую культурную международную деятельность МЦР стал ассоциированным членом ООН как неправительственная организация. И вот теперь Счетная палата и Минкульт снова пытаются реанимировать правительственное постановление десятилетней давности.

– **И что сейчас? Угроза национализации Музея все равно не отпала?**

– К сожалению, нет. Хотя не представляю, как можно выполнить незаконное решение правительства? Музей работает в полную силу и работал бы еще лучше, если бы ведомство культуры ему не мешало. Хамовнический суд особого производства подтвердил факт принятия МЦР наследственного имущества Рерихов на основании завещания С.Н.Рериха. Иными словами, подтвердил наши законные права на наследство. Вот тут Минкульт не на шутку разошелся. Ведь теперь он встал перед опасностью того, что с таким трудом скрываемая информация об исчезнувших картинах станет широко известна, когда придется их передавать законному наследнику С.Н.Рериха – МЦР. Разве Минкульт согласится с таким решением Хамовнического суда? Нам известно о его многочисленных попытках опротестовать это решение. Все они были безуспешны. Но сработал, как обычно, административный ресурс – и жалобу Минкульта приняли в надзорную инстанцию Мосгорсуда. Тут и вовсе разыгралась неприличная история. От нас тщательно скрывали дату судебного расследования.

– **Зачем?**

– Очевидно, хотели рассмотреть дело в наше отсутствие. Мы все-таки узнали о дне рассмотрения и пришли в суд. На заседание нас пригласили, когда судья Г.А.Тихенко уже докладывала о том, что на основании жалобы Минкульта необходимо отменить решение Хамовнического суда, подтвердившее факт принятия МЦР наследственного имущества. Что интересно, снова Минкульт, не имея никаких документов, которые бы подтвердили его права на наследственное имущество Рерихов, добился не только рассмотрения своей жалобы, но и ее удовлетворения. Уверенный в своей победе Минкульт даже никого не прислал отстаивать свои требования. А зачем? Так государство из

гаранта права наследования (Конституция РФ, ст. 35, ч. 4) усилиями Минкульту и Мосгорсуда превратилось в нечто совсем противоположное. Наши аргументы и возражения судьи даже не дослушали. На судей не произвела никакого впечатления и воля дарителя – С.Н.Рериха, владельца наследия. Они даже не изъявили желаний посмотреть подлинные документы, подписанные Святославом Николаевичем. Не успели мы выйти из зала, как секретарь суда уже сообщала по телефону: «Жалоба Минкульту удовлетворена».

– Чем вы объясняете такое упорство правительственной структуры завладеть наследием Рерихов?

– Это вопрос скорее не ко мне, а к Министерству культуры. Я могу только что-то предполагать. Это упорство, с моей точки зрения, связано с нарушением закона этой «правительственной структурой». Все маневры, осуществляемые ею, направлены на сокрытие этих действий. Это прежде всего связано с (явным и тайным) нарушением Минкультом воли покойного дарителя – Святослава Николаевича Рериха, нарушением беспардонным и бессовестным. Пропажа немалого количества картин Н.К. и С.Н. Рерихов из коллекции, удерживаемой незаконно в Музее Востока, мне тоже представляется немаловажной причиной истребования Министерством культуры наследия, находящегося в МЦР. Если наследие окажется в руках министерства, легче будет скрыть то, что когда-то исчезло из коллекции. Ведь пропало без вести ни много ни мало 45 картин из коллекции Н.К. и С.Н. Рерихов. Где они находятся, в чьих руках? Кто их «прихватизировал»? Возможно, кому-то из лиц, причастных к этой акции, не хочется, чтобы вопрос об этом поднимался. Незаконное включение Музеем Востока (структурой, подчиненной Минкульту) рериховских работ в государственную часть музейного фонда также может утратить свою юридическую актуальность. И наконец, требуемая в постановлении № 1121 передача Музею Востока усадьбы Лопухиных, которая была отремонтирована и отреставрирована не Минкультом, прельщает легкостью желаемой добычи. Удивляет еще одно обстоятельство, связанное со всеми вышеупомянутыми проблемами. Это высокомерное и наплевательское отношение высоких чиновников к людям культуры как к людям второго сорта, что в данном случае проявилось и по отношению к одному из выдающихся деятелей мировой культуры Святославу Николаевичу Рериху. Поправ его права как дарителя, перечеркнув его волю и стараясь уничтожить Музей имени Н.К.Рериха, основателем которого он является, чиновники решили таким образом «отметить» столетний юбилей нашего соотечественника.

В то же время в Индии, для культуры которой он также сделал немало, с любовью и заботой относятся к его памяти. Премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджпай является почетным попечителем Международного мемориального треста Рерихов в гималайской долине Кулу, где находится имение Рерихов. Проходят выставки картин С.Н.Рериха, выпускаются книги о нем, индийская пресса заполнена сообщениями об идущих в стране юбилейных торжествах. Намечается создать в имении Святослава Николаевича «Татагуни» под Бангалором музей его имени. В этом году завершится организация долгожданного Дома-музея в Наггаре (Кулу), выйдут марки в честь юбиляра. Юбилейные торжества согласно правительственной программе будут продолжаться в Индии целый год. А у нас, на родине юбиляра, который бескорыстно передал ей бесценнейшее и богатейшее наследие своих родителей, государственные чиновники, забыв о совести и этических нормах, продолжают воевать с музеем. В этом году исполнится 14 лет этой войне. И когда все это осознаешь, становится стыдно за свое государство и его служителей. Мы же, сотрудники Международного Центра Рерихов и Музея имени Н.К.Рериха, движимы одним лишь желанием – представить гражданам России в полном объеме наследие Рерихов, великих наших соотечественников. Такова была воля последнего из выдающейся семьи – Святослава Николаевича Рериха. И мы будем бороться, поддерживая честь нашей страны, за исполнение этой воли, чего бы нам это ни стоило.

Беседу вела *А.Федотова*

АНАТОЛИЙ КАРПОВ ОБЪЯВЛЯЕТ МАТ ЧИНОВНИКАМ МИНКУЛЬТА И ВНОВЬ ОБРАЩАЕТСЯ К ПРЕЗИДЕНТУ ПУТИНУ¹

Анатолий Карпов – председатель Попечительского Совета Международного Центра Рерихов, посол Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), президент Международной ассоциации фондов мира, многократный чемпион мира по шахматам.

Поводом для беседы с выдающимся шахматистом, известным в России и мире общественным деятелем, стала отнюдь не спортивная тема. В декабре 2003 г. Анатолий Евгеньевич вместе с рядом деятелей российской культуры и политики подписал Обращение к Президенту Российской Федерации В.Путину. Авторы коллективного письма обращали внимание Президента на ситуацию, сложившуюся вокруг наследия семьи Рерихов в России.

Министерство культуры РФ извратило волю С.Н.Рериха – последнего из Рерихов, и незаконно национализировало коллекцию картин, которую Святослав Николаевич завещал Международному Центру Рерихов. Он сам и создавал этот Центр, являлся его почетным президентом. Президент РФ на Обращение не ответил...

Зато ответил... министр культуры РФ М.Е.Швыдкой. По личному ли поручению Президента России, сам ли вдохновился эпистолией, Бог весть, но ничего внятного по существу поднятых вопросов министр деятелям культуры не сказал. В середине февраля А.Е.Карпов получил еще один ответ на коллективное обращение – уже от генерального директора Государственного музея искусства народов Востока В.А.Набатчикова. Последний «полагает» (так и написал), что А.Е.Карпов «не вполне осведомлен...» о существе проблематики. Директор госмузея решил осведомить и просветить уважаемого адресата.

Это письмо и послужило поводом для встречи корреспондентов РК с Анатолием Евгеньевичем.

---

¹ Русский курьер, 2 марта 2004 г.

– В отличие от Владимира Александровича я не сомневаюсь в его осведомленности. Что же до меня, то никогда бы не поставил свою подпись под документом, не зная сути дела. Ибо ко всему привык относиться ответственно.

Что касается моей «неосведомленности». Я был лично знаком со Святославом Николаевичем Рерихом, встречался с ним, и вся драма последних лет его жизни, в особенности вокруг наследия, проходила на моих глазах. Смею утверждать: Министерство культуры и Государственный музей Востока незаконно удерживают часть наследия семьи Рерихов, а именно – коллекцию картин. Ну что может быть яснее и логичнее: есть личная, письменно выраженная воля собственника, дарителя, завещателя, наконец, – передать наследие семьи Рерихов общественной организации – Советскому Фонду Рерихов. Так до распада СССР назывался нынешний Международный Центр Рерихов.

Поступайте в соответствии с этой ясно выраженной волей! Ведь все остальное от лукавого! Тем более что есть еще живые свидетели, в том числе и я, слава Богу! Если Россия устами Президента провозглашает диктатуру закона, то Вам, господа чиновники от культуры, выражаясь шахматным языком, – мат!

Нет, чиновники ищут различные зацепки, чтобы выставить руководителей Центра Рерихов, меня в том числе, чуть ли не мошенниками.

– Свое обращение к Президенту России, которое опубликовала газета «Комсомольская правда», Вы назвали «Наследию Рерихов грозит уничтожение». Не преувеличили угрозу?

– Мы назвали вещи своими именами. Советский Фонд Мира, который я тогда возглавлял, стоял у истоков создания Советского Фонда Рерихов. Наш Фонд помог и финансово, и морально становлению общественного Центра-Музея имени Н.К.Рериха, в том числе и началу реставрационных работ в усадьбе Лопухиных. Это здание выделил Фонду исполком Моссовета.

Вернусь еще раз к началу этой правовой истории. Святослав Николаевич Рерих еще при жизни передал на основании своего завещания принадлежащую ему часть семейного наследия Советскому Фонду Рерихов. Но после того, как Советский Союз распался и Фонд был переименован в Международный Центр Рерихов, Святослав Николаевич подтвердил права МЦР на переданное в СФР наследие. В его завещании перечислялись и 288 картин, которые на тот момент находились, подчеркиваю, на временном хранении, у Министерства культуры в Государственном музее Востока.

В 1992 году в письме Президенту России Борису Николаевичу Ельцину (опять же я способствовал передаче письма) Святослав Николаевич просил вернуть коллекцию Международному Центру-Музею имени Н.К.Рериха.

– **И что?**

– Вот уже 12 лет возвращают.

– **Почему же не исполнена воля великого человека?**

– Надо знать нашу отечественную бюрократию с ее привычкой все грести под себя. В этом смысле наследию Рерихов действительно грозит уничтожение. Ведь неисполненная воля и есть уничтожение воли человека.

– **Хамовнический районный суд Москвы признал законным вхождение Международного Центра Рерихов в права наследования.**

– Удивительно, но г-н Набатчиков в письме ко мне называет это решение суда инспирированным.

– **Кем?**

– Надо полагать, руководством Международного Центра Рерихов. Когда нет правовых аргументов, начинаются подозрения и бессодержательные обвинения. Я знаю Генерального директора Музея имени Н.К.Рериха Людмилу Васильевну Шапошникову. Святослав Николаевич назначил ее исполнителем своего завещания. Представить, чтобы она что-то могла инспирировать в суде, невозможно. Такие обвинения рождаются, когда нет собственных убедительных доводов. Да и нет у руководителей МЦР никаких административных ресурсов в отличие от Минкультуры, чтобы инспирировать решения судов. У МЦР есть один, но главный ресурс, которого нет у Минкультуры, – воля С.Н.Рериха, который распорядился оставить наследие МЦР.

Меня особенно поразил фрагмент в письме г-на Набатчикова, в котором он искренне недоумевает: как смеет общественная организация «соперничать» (слово-то какое подобрал) с государственными учреждениями в вопросах имущественных и неимущественных прав. Смысл пассажа г-на Набатчикова: болтается, мол, тут под ногами «моська», мешая важному государственному «слону»... Забывчив г-н Набатчиков! Цивилизованное человечество потому и выработало институт общественного владения и контроля за имуществом выдающихся граждан мира, чтобы избежать... Впрочем, читатель сам решит, что имеется в виду.

– **Тем не менее Минкультуры сумел в президиуме Мосгорсуда отменить решение районного суда, который признал МЦР наследником**

С.Н.Рериха. Причем суд рассматривал заявление Минкультуры как представителя собственника коллекции. Как могло это случиться?

– У нас чиновники за годы реформ научились прекрасно приватизировать государственное имущество и национализировать частное. При этом не останавливаясь ни перед какими этическими нормами. Ведь что произошло в нашем случае?

30 января 1993 года Святослав Николаевич уходит из жизни.

И еще не успели пройти траурные церемонии, а директор Музея Востока г-н Набатчиков, не дождавшись истечения положенных по российскому законодательству 6 месяцев со дня смерти владельца имущества, издает приказ, которым переводит картины из временного хранения на постоянное. Не имея на руках ни одного документа, который бы подтверждал право музея на коллекцию! Такую юридическую безграмотность со стороны госслужащего трудно представить.

А спустя 6 лет, в 1999 году, министр культуры В.Егоров, кстати, мой хороший и добрый товарищ, своим приказом подтверждает законность незаконного приказа директора музея. Уверен, если Владимир Константинович оставался бы министром, я смог бы найти весомые доводы, чтобы убедить в ошибочности его приказа по «делу» Рерихов.

– Что означали эти приказы?

– Да фактически национализацию наследия. И президиум Мосгорсуда признал государство собственником картин. Это якобы и явилось причиной отмены решения Хамовнического суда и отправления дела на новое рассмотрение. Немыслимо. Но ведь Святослав Николаевич еще при жизни поставил условие: коллекция картин не должна принадлежать чиновникам от государства. Он передавал ее исключительно общественному музею имени своего отца – Николая Константиновича Рериха, который сам и создал. Никакому Минкульту, никакому Музею Востока. Возможно, сравнение покажется некорректным, но оно невольно напрашивается. В начале 40-х немцы вывозили из оккупированных территорий художественные ценности. Культурная нация повела себя как средневековые варвары. После распада СССР многие бывшие госчиновники ощутили себя такими же варварами-триумфаторами.

– Но, как временный хранитель, как попечитель картин, Минкульт разве не имел прав на наследие? Ведь Музей Востока все эти годы хранил картины, организовывал выставки картин Рерихов по стране, нес определенные затраты.

– Если друг обращается к вам с просьбой сохранить какую-то вещь, для него очень ценную, причем не запрещает ее демонстриро-

вать вашим гостям, вы же не вправе считать себя ее собственником. Вы знаете, что он передал ее вам на временное хранение, что, когда он вернется, вы ее ему возвратите. Это решается на уровне личных договоренностей, человеческой порядочности.

А в случае с коллекцией Рерихов существовали не просто устные, а документально подтвержденные договоренности, существовала ясно выраженная воля, закрепленная в завещании.

Есть еще одна правовая сторона проблемы. Минкульт сейчас пытается оправдаться тем, что МЦР якобы не является правопреемником СФР, которому С.Н.Рерих и передал наследие. Но Минкульт и те ведомства, которые разыграли этот «миф неправопреимственности», сознательно забывают о том, что переименование СФР в МЦР осуществлено не только при жизни С.Н.Рериха, но и по его решению. Более того, Святослав Николаевич, когда узнал, что Минкульт при помощи Минюста начал эту кампанию по признанию «неправопреемственности», написал письмо Президенту Б.Н.Ельцину с просьбой помочь вернуть картины из Музея Востока в МЦР и подтвердил у нотариуса права МЦР на переданное в СФР наследие. Так что представители Минкульта, мягко говоря, лукавят.

– Директор Музея Востока ссылается на результаты проверки Счетной палаты: она никаких нарушений в постановке картин на государственный учет не обнаружила, картины находились в книге даров. Стало быть, все по закону, в установленном порядке.

– По какому закону? В каком и кем установленном порядке? И что за книга даров? Откуда она взялась? Как в нее могли попасть картины, если Рерих их Музею Востока не дарил? Тут что ни вопрос, то без ответа. Счетная палата почему-то не стала разбираться в тех вопросах, которые были поставлены МЦР. Ведь мы просили проверить сохранность картин, а главное – их соответствие завещанию С.Н.Рериха.

– Недавно руководители МЦР провели пресс-конференцию для журналистов, на которой подробно изложили всю историю многолетней борьбы за наследие. В ответ руководители Министерства культуры заявили: картины возвратим только после того, как будет решение суда, которое признает права МЦР на наследие Рериха. А суды против вас. Получается замкнутый круг.

– Я думаю, еще не исчерпан правовой ресурс. Мы будем добиваться, чтобы закон и право все-таки победили.

В этой ситуации меня, как руководителя Попечительского Совета, тревожит странная тенденция, которая ясно обозначилась в действиях

Минкульт. Ведь государство теперь уже устами министра культуры М.Е.Швыдкого не просто отказывается возвратить картины. Оно претендует и на здание Центра-Музея имени Н.К.Рериха! То есть атака идет по всем направлениям. Министр культуры на телеэкране проповедует либеральные ценности. На деле ведет себя как типичный выразитель интересов чиновничества.

Год назад, на юбилее Санкт-Петербурга, мы «столкнулись» с Михаилом Ефимовичем. Я пригласил его на «деловой завтрак», чтобы обсудить ряд вопросов, которые волнуют меня как гражданина, наконец, как чемпиона мира по шахматам. Ведь Михаил Ефимович в свое время довольно серьезно занимался шахматами. Михаил Ефимович взял инициативу в свои министерские руки и уже от своего имени пригласил меня на завтрак.

– **И что было в меню «завтрака по-министерски»?**

– До сегодняшнего дня не знаю!

То, что происходит в России с наследием Рерихов, особенно грустно, если сравнивать, как отнеслись к памяти наших выдающихся соотечественников в Индии. Там уже сейчас проходят торжества, посвященные 100-летию юбилею Святослава Николаевича. Открываются новые выставки, реставрируется фамильное имение. А российский Минкульт пытается окончательно надругаться над волей дарителя. Вот почему и было написано в Обращении к Президенту России: «Наследию Рерихов грозит уничтожение». Это не преувеличение.

Я еще раз, уже от себя лично, обращаюсь к Президенту России. Почему же чиновники, подчиненные Вам, издеваются над законом? Не уходите от ответа. Наследие Рерихов в опасности! Ситуация требует Вашего вмешательства.

Надеетесь все-таки получить ответ от Президента?

Das ist noch kein Endspiel. (Еще не эндшпиль.)

Беседу вели *К.Величко* и *Л.Пятигорский*

ЮЛИЙ ВОРОНЦОВ:

«СИТУАЦИЯ С НАСЛЕДИЕМ РЕРИХОВ – ВОЗМУТИТЕЛЬНА»¹

Поводом к интервью с известным дипломатом послужили не острые внешнеполитические проблемы. Уже несколько лет Юлий Михайлович Воронцов² возглавляет Международный Центр Рерихов – неправительственную организацию при ООН. Основой МЦР является уникальный общественный Музей имени Н.К.Рериха, который был создан Святославом Николаевичем Рерихом и разместился в центре Москвы, в Малом Знаменском переулке. В последнее время упорно ползут слухи, что на уникальный музей положило глаз Министерство культуры, которое намерено национализировать эту культурную жемчужину Москвы. СМИ пишут о разбазаривании и пропаже большого количества картин из наследия Рерихов. Развеять или подтвердить эти слухи попросили президента МЦР Юлия Михайловича Воронцова.

– **Юлий Михайлович, конфликт между вашим музеем и Министерством культуры России за право наследия длится уже не один год.**

– Если точно – 14 лет. С 1990 года, когда Святослав Николаевич передал принадлежавшую ему часть семейного наследия Советскому Фонду Рерихов.

– **Трудно припомнить в правовой практике такой затяжной правовой спор.**

– К классическому правовому спору, в котором две стороны предъявляют аргументы в защиту своих позиций, этот конфликт не имеет никакого отношения.

---

¹ Независимая газета, 6 апреля 2004 г. Материал подготовлен *В.Головиным*.

² Воронцов Юлий Михайлович, президент Международного Центра Рерихов – выдающийся профессиональный российский дипломат. За более чем полвека дипломатической карьеры был послом нашей страны в Индии, Франции, США (дважды), Афганистане, первым заместителем министра иностранных дел СССР. Работал постоянным представителем Советского Союза (впоследствии России) в Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности ООН, советником Президента РФ по вопросам внешней политики. Чрезвычайный и Полномочный Посол, Специальный уполномоченный Генерального секретаря ООН, Президент Российско-американского Совета делового сотрудничества. – *Ред.*

– Если к правовому спору не имеет отношения, то к чему имеет?

– Все эти годы мы имеем дело с чиновничьим произволом, циничным растаптыванием воли великого человека.

– Из-за чего разгорелся сыр-бор?

– Я стоял, можно сказать, у истоков этой драмы. Работая послом СССР в Индии, был хорошо знаком со Святославом Николаевичем. Он часто приезжал к нам в посольство из своего имения в Бангалоре. Мы подолгу вели философские и политические беседы. О своем желании оставить принадлежащее ему художественное наследие в Советском Союзе он мне говорил не раз. Говорил он и о 288 картинах, которые передал в 1974 году Министерству культуры СССР для проведения передвижных выставок по стране. Подошел оговоренный договором срок возврата картин. Я Святославу Николаевичу говорю, что надо оформлять документы на возврат. Он слегка прищурился и задает вопрос: «А сколько городов выставка объездила?» Не помню, какую точно цифру ему назвал. Он спрашивает: «Только и всего? Больше в России городов нет?» Я говорю: «Есть еще немного». Оформили мы тогда продление еще на несколько лет. Затем и этот срок подошел к концу. Но тут подоспели в стране известные события, названные перестройкой. У Святослава Николаевича вызрело окончательное решение оставить в стране картины. Он считал, что таким образом внесет свой культурный вклад в обновление страны.

– Тогда еще никакого конфликта не было?

– Не было. Напряжение возникло только после того, как Святослав Николаевич предложил создать в Москве Центр-Музей имени Н.К.Рериха, чтобы собрать в нем не только картины – свои и отца, но и остальное наследие своих родителей – Николая Константиновича и Елены Ивановны. В том числе и те 288 картин, которые он передал на попечение Министерству культуры. Тогда, в 1990 году, они уже находились на временном хранении в Государственном музее Востока. Раньше он назывался Государственный музей искусства народов Востока. Святослав Николаевич вел речь именно об общественном музее. Не государственном. И получил в этом поддержку у советского руководства. Он встречался с Президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Правительство СССР приняло специальное постановление «О Советском Фонде Рерихов и Центре-Музее имени Н.К.Рериха». Причем общественный Центр-Музей создавался как основная база СФР. Правительство Москвы на основании этого постановления выделило под Фонд и Музей здания в центре Москвы – усадьбу Лопухиных. Тогда об этом

культурном событии много писали. Это был 1989 год. А в 1990 году Святослав Николаевич передал в СФР наследие. Создание Советского Фонда Рерихов и Центра-Музея имени Н.К.Рериха воспринималось как зримое проявление позитивных перемен в культурной жизни страны.

– **А дальше?**

– А дальше случилось мрачное. СССР развалился, и новые российские чиновники посчитали, что наследие должно принадлежать государству. Никакому не общественному музею.

– **Кто эти государственные чиновники?**

– Руководители тогдашних министерств культуры и юстиции, Государственного музея Востока, чиновники администрации Президента, аппарата правительства. Смерть Святослава Николаевича в 1993 году для них стала призывным кличем, как звук рожка для охотничьих собак. Они сплоченной командой бросились на наследие, которое Святослав Николаевич передал в СФР.

– **Каким образом они это сделали?**

– Самым безобразным. Сначала потребовали признать, что Международный Центр Рерихов не является правопреемником Советского Фонда Рерихов. Тут я должен пояснить. В 1991 году в связи с распадом СССР Святослав Николаевич предложил переименовать Советский Фонд Рерихов в Международный Центр Рерихов. Это было сделано на конференции СФР в сентябре 1991 года. Пока был жив Святослав Николаевич, чиновники не посмели лишить МЦР правопреемства по отношению к СФР. Зато буквально на следующий день после известия о кончине Рериха заместитель министра юстиции Черемных издает распоряжение, в котором требует отменить пункт нашего устава, в котором говорится об этом правопреемстве.

– **Что же не устроило заместителя министра?**

– Когда задача поставлена, зацепку для бюрократа найти – нетрудное дело. Для этого и исполнитель нашелся, который в своем обращении в Минюст оспорил права МЦР на наследие. Обращение и послужило для Министерства юстиции поводом для раскрытки акции «о неправопреемственности». Минкульт тут же подсуетился и, не имея никакого документа, подтверждающего право собственности, перевел картины, находившиеся в Государственном музее Востока, с временного хранения на постоянное – при этом сослался на то самое распоряжение Черемных. Ясно, что для этой цели и было составлено распоряжение замминистра юстиции. Но оно не может служить основанием для подобных незаконных действий. Таким образом, государство, не

являясь собственником коллекции, присвоило себе картины. Но уважаемое Министерство юстиции и на этом не остановилось – в 2001 году другой заместитель министра, Сидоренко, подписал предупреждение, в котором потребовал от нас исключить из устава МЦР упоминание о том, что основой нашей организации является Музей имени Рериха. У меня нет никаких сомнений в целенаправленном стремлении двух министерств уничтожить наш музей. Других мотивов, чтобы готовить подобные документы, я не нахожу.

Но дело в том, что сам Святослав Николаевич, понимая, к чему дело клонится, подтвердил права Международного Центра Рерихов, Почетным Председателем которого являлся, на переданное в СФР наследие. Причем заверил распоряжение у нотариуса в октябре 1992 года. А еще раньше, в апреле того же года, отправил Президенту России Борису Николаевичу Ельцину письмо, в котором попросил помочь вернуть картины из Государственного музея Востока, где они на тот момент хранились, Международному Центру Рерихов. Вот потому чиновники и изощрались, чтобы не допустить исполнения воли Рериха.

– Президент отреагировал?

– Президент тогда на многое происходящее в стране не реагировал в силу известных причин. Зато чиновники после смерти Святослава Рериха почувствовали прилив сил и соответственно отреагировали. Директор Государственного музея Востока Набатчиков пишет письмо в правительство – предлагает передать его музею в бессрочное и безвозмездное пользование не только здание усадьбы Лопухиных, где разместился общественный музей, но и все наследие Рерихов. При этом просил принять решение о сосредоточении всех материалов и произведений Рерихов в одних руках. Ему уже мало незаконно присвоенных картин, он захотел отнять у нас все наследие.

– Правительство тоже не отреагировало?

– Наоборот. Тут же аппарат отдела культуры подготовил проект постановления. И председатель правительства Виктор Степанович Черномырдин, не задумываясь, подписал его. Правда, потом Высший арбитражный суд РФ и его коллегия отменили это постановление. Там уж было очевидное беззаконие. Но по жалобе Минкульта президиум Высшего арбитражного суда отменил справедливые решения своих судей, при этом не внес никаких дополнительных доказательств для такого решения. Таким образом, беззаконие было восстановлено. А поводом к изданию правительственного постановления стало присланное из Индии по факсу обращение к Борису Николаевичу Ельцину

якобы от вдовы Святослава Рериха – Девики Рани, в котором она просила создать государственный музей Рерихов на базе Государственного музея Востока. Письмо было сфальсифицировано бывшим секретарем Рерихов Мери Пунача, которая вместе с сообщниками после смерти Святослава Николаевича начала обворовывать его вдову Девиду Рани и подделала ее завещание. В итоге индийская полиция завела уголовное дело, и сейчас Мери Пунача уже предъявлено обвинение. А у нас чиновники сфальсифицированный факсовый документ приняли как руководство к действию.

– **Но чтобы так упорно и изощренно бороться с волей великого человека, чиновникам нужно иметь сильную мотивацию. Вы ее видите?**

– Безусловно. У меня есть две версии такого агрессивного нежелания исполнять волю завещателя. Первая связана с рецидивами советского сознания. Более 70 лет нас приучали, что все в стране принадлежит и должно принадлежать государству. Заводы, квартиры, леса, картины, недра. Эту психологию Швондеров ярко описал в «Собачьем сердце» Булгаков. Швондеры тогда активно использовались в работе по конфискации художественных ценностей у богатых людей. Многие современные чиновники несут в себе ту же психологию. Тот же господин Набатчиков – директор Государственного музея Востока – убежден, что только государственный музей может обеспечить полную сохранность картин.

– **Возможно, он и прав...**

– Возможно, он был бы и прав, если бы мы не столкнулись на примере коллекции Рерихов с прямо противоположным – с разбазариванием наследия.

– **То есть?**

– Нам известно, что названия более 40 картин из тех 288, которые Святослав Николаевич Рерих привез в СССР в 1974 году и оставил на попечение Министерства культуры, не соответствуют спискам, которые составил сам владелец картин и передал нам. Это несоответствие говорит о том, что этих картин уже нет. Нам никто не может и не хочет ответить – где они? И именно с этим нежеланием отвечать я связываю упорство, с каким нам отказываются отдавать картины. За пропажу картин придется отвечать перед законом. Потому и вцепились в коллекцию.

Ведь мы не раз предлагали Министерству культуры создать независимую комиссию – проверьте сохранность картин, не заменены

ли подлинники дубликатами, не сгнили ли полотна. Мы обращались в Счетную палату, а затем и в Генпрокуратуру с просьбой проверить не только сохранность картин, но и правомочность их нахождения в Государственном музее Востока. Аудитор Счетной палаты Воронин вместо действий, о которых мы просили, вдруг по итогам проверки рекомендовал возвратиться к выполнению забытого правительственного постановления о создании государственного музея Рерихов как филиала Государственного музея Востока. То есть предложил опять исказить волю Святослава Рериха.

На днях получил из Генпрокуратуры еще один ответ. На этот раз от заместителя начальника управления по надзору за соблюдением федерального законодательства Зябкиной. Она отказывается признать, что Святослав Рерих в 1974 году привез в СССР именно 288 картин, а говорит о 282 картинах, которые якобы были привезены только в 1978 году.

В письме вновь констатируется только факт постановки картин на постоянный госучет в Государственный музей Востока, но ни слова не сказано о незаконности такой постановки. И в который раз Генпрокуратура ссылается на результаты Счетной палаты, которая якобы провела проверку соответствия картин первоначальным правоустанавливающим документам. Но как раз этого и не было сделано! Ведь основой проверок могут являться только документы владельца картин – Святослава Рериха. А эти документы он передал нам со своим завещанием. Но их-то Счетная палата и Генпрокуратура просто игнорируют. По каким же спискам они проверяли наличие картин? В самом Государственном музее Востока говорят о пропаже таких списков, а на списки самого Святослава Николаевича чиновники не желают обращать вообще никакого внимания. То есть признаются законными незаконные действия. Хорошенькая проверка!

Такое впечатление создается, что против завещания великого человека ополчилась вся российская чиновничья рать. Один из чиновников, как нам было передано, так и заявил: «Пока буду жив, картины не отдам». Бывший министр культуры Швыдкой недавно благосклонно предложил передать нам несколько картин для выставки, чтобы мы потом возвратили их обратно Музею Востока. Эта благосклонность напоминает мне поведение «щипачей», которые сначала выкрали у вас барсетку с документами и деньгами, а потом благородно звонят, мол, нашли ваши документы, готовы их за вознаграждение вернуть.

– **Что же делать? Есть ли из этого заколдованного круга выход?**

– Я с тем же вопросом обращался к помощникам Президента России. Не буду называть их фамилии. Они понимают нашу правоту. Но говорят: «Мы сейчас проводим судебную реформу. Она изменит сознание судей. Тогда вам легче будет добиться правды».

– **Ободрили.**

– К сожалению, они сказали правду. Судьи у нас несут тот же менталитет: права государства – все, права личности – ничто.

Я на судебном процессе обращаюсь к судье: у нас есть письмо собственника наследия – Святослава Рериха к руководителю государства с просьбой помочь вернуть картины. Есть заверенное нотариусом завещание. А мне в ответ: «Эти документы не имеют отношения к делу». Но если такие документы не имеют отношения к делу, то что тогда вообще имеет отношение к делу? Звонок министра?

Приведу последний пример. Он уж совсем вопиющий. В конце прошлого года по жалобе министра культуры Швыдкого президиум Мосгорсуда отменил решение Хамовнического районного суда, который признал факт принятия МЦР наследственного имущества в соответствии с завещанием Святослава Николаевича Рериха. Хочу особо подчеркнуть: в надзорной жалобе министра отсутствовали законные основания для предъявления государством своих прав на наследие Рерихов. И в то же время министр четко сформулировал: государство является собственником картин. С чего вдруг? Однако президиум Мосгорсуда, несмотря на необоснованность жалобы, принимает ее к исполнению и своим решением удовлетворяет просьбу министра культуры – отменяет решение Хамовнического суда. Задаюсь после этого вопросом: право в России существует в виде законов или понятий?

Недавно вместе с известными деятелями культуры и науки я обратился с письмом к Президенту России Владимиру Путину. Мы попросили главу государства отреагировать на ситуацию – увы, нам самим с каждым годом все труднее пробивать эту глухую каменную стену. Спустя некоторое время, не получив ответа, к Владимиру Владимировичу Путину лично обратился председатель попечительского совета МЦР, посол ООН, известный у нас и в мире общественный деятель, многократный чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Ответа, к сожалению, опять не последовало. Допускаю, что до Президента России письмо даже не дошло. Нам ничего не остается, как обратиться к международной общественности. Недавно провели в независимом

пресс-центре пресс-конференцию для иностранных журналистов, посвященную этой проблеме. Мы ее так и назвали: «Россия: общество закона или понятий? Имеет ли в России юридическую силу завещание Святослава Николаевича Рериха?»

– Вы верите, что в конце концов добьетесь справедливости в родной стране?

– Если мы уступим бюрократическому произволу, значит, откроем дорогу диктатуре чиновников. Я недавно заглянул в Музей Востока. Висят в двух залах десятка два картин. Спрашиваю: почему другие 240 держите взаперти. Отвечают: «Нет места». Но Святослав Николаевич страстно хотел, чтобы вся коллекция была представлена любителям живописи России. А ее от посетителей прячут в Музее Востока благодаря Министерству культуры. Государство ведет себя как собака на сене. Этого я понять и принять не могу.

Что касается преимуществ государственных музеев, о которых мы выше говорили. В США, например, есть и общественные, и государственные музеи. И они нормально взаимодействуют, сотрудничают. Возможно, потому, что там нет Министерства культуры. Зато государство там четко отслеживает исполнение законов, в том числе и права наследования. У нас же, если судить по беззаконию, творящемуся вокруг наследия Рерихов, все наоборот. Государство в лице чиновников министерств культуры и юстиции, Генпрокуратуры, Счетной палаты, судов откровенно обманывает граждан, выступает главным инструментом беззакония. Поэтому до сих пор завещание Святослава Николаевича Рериха в России не исполнено. Как гражданина, желающего блага Отечеству, как человека, который был близок Святославу Николаевичу Рериху, знал его волю, меня такое отношение к правам человека в родной стране не может не тревожить. Мы до сих пор не слезли с советского облучка. Если можно так нагло и легко растоптать волю великого человека, то что говорить об обыкновенном человеке.

Я вспоминаю яркие слова нашего Президента, которые он произнес в феврале на совещании в Генеральной прокуратуре: «Закон выше полномочий и административного ресурса любого должностного лица, подчеркиваю, любого». Хочу верить, что эти слова станут в России не только словами. Я очень рассчитываю также на то, что новый премьер-министр и новый министр культуры разберутся в сложной ситуации и примут решения, направленные на выполнение завещания нашего великого соотечественника.

Этим документом Святослав Рерих подтвердил права МЦР на наследие Рерихов, переданное им Советскому Фонду Рерихов в 1991 году:

«Я, доктор Святослав Рерих, проживающий в поместье Татагуни, Канапура Роуд, Бангалор, Карнатака, Южная Индия, Почетный Президент Международного Центра Рерихов в Москве, передавший Советскому Фонду Рерихов в 1990 году наследие моих родителей Н.К. и Е.И. Рерихов, подтверждаю, что Международный Центр Рерихов, созданный по моей инициативе, является правопреемником Советского Фонда Рерихов.

*С.Н.Рерих
22 октября 1992 г.
Бангалор»*

ПРЕДАТЕЛИ¹

Ограждайтесь от предателей, зараза от них велика, и мы обязаны уберечь от них всех, доверчиво пришедших под свод храма Культуры! Слабость и непротивление злу не для нас. Когда нужно, мы поднимаем меч возмущенного духа и встаем на защиту всего доверенного нам.

Е.И.Рерих

Сначала – фрагмент рекламы, зазывно озаглавленной так: «Впервые в печати уникальные материалы из агни-йогических записей Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. “Агни-Йога: Откровение” (1 том), “Агни-Йога: Высокий Путь” (2 тома)». И далее: «Первая из них представляет собой практически полное собрание записей, являющихся, по существу, до сих пор не опубликованными параграфами Живой Этики <...> Они включают наряду со многими другими ценнейшими записями и те, которые Е.И. посчитала несвоевременным открывать миру в первых же книгах Нового Учения. Двухтомник “Высокий Путь” – это подробнейшее собрание указаний и наставлений Учителя, обращенных лично к Е.И. и Н.К. Рерихам как ученикам, проходившим практический опыт Агни Йоги и облеченным совершенно особой Высокой Миссией. Перед нами, наконец, открывается поразительная и захватывающая картина многолетней духовной эпопеи этих великих людей (включая уникальный Огненный Опыт Матери Агни Йоги), о которой до сих пор мы могли лишь догадываться по довольно скудным сведениям из уже опубликованных источников. Уверены, что эти три новых тома Агни Йоги (подчеркнуто мною. – Л.Ш.) станут лучшим духовным пиршеством для последователей этого Учения...» Реклама, помещенная в Интернете издательством «Сфера», сделана в самых лучших рыночных тонах. В качестве главного «блюда» этого «пиршества» обещаны дневники Елены Ивановны Рерих, те самые дневники, срок публикации которых еще не пришел и на обнародование которых был наложен запрет самой Еленой Ивановной.

---

¹ Культура и время. 2002. № 3. С. 156–161.

Оригиналы этих дневников были переданы в 1990 г. Святославом Николаевичем Рерихом в Международный Центр Рерихов вместе с остальным наследием Е.И. и Н.К. Рерихов. Тогда же он и дал инструкции, как поступить с дневниками. В 1992 г. С.Н.Рерих дополнил свои указания, позволившие нам опубликовать в 1993 и 2000 гг. книгу «У порога Нового Мира», носившую общий характер и не касавшуюся практики «Огненного Опыта» Е.И.Рерих, составлявшей сокровенную часть дневников, о которой, как сказано в рекламе, можно было «лишь догадываться по скудным сведениям из уже опубликованных источников».

Инструкции С.Н.Рериха в МЦР строго выполнялись. И вот теперь нам предлагали сомнительное «пиршество». Это было для нас тем более неожиданно, что хорошо знавшее нас издательство сделало все тайно и не уведомило МЦР как заинтересованное лицо о готовящейся публикации. Переговоры со «Сферой», которые состоялись в конце января этого года, ни к чему не привели. На официальное письмо с нашим протестом ответа не последовало¹. Зато последовала угроза, что все будет сообщено «самому Энтину». Так на сцене появилась еще одна фигура – «сам» господин Д.Энтин, исполнительный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. «Сам» незамедлительно (1.02.02) прислал письмо, которое по стилю и содержанию напоминало послание «благородного господина» из Америки кучке распоясавшихся негодяев из МЦР, посмевших указать «Сфере» на ее незаконные и неэтичные действия. У господина Энтина были соображения этического и юридического характера. Последние сводились к следующему. Цитирую: «В 1948 году Елена Рерих написала Зине Фосдик (директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке с 1949 г. – Л.Ш.), объявив, что она предоставляет Зине и Дадлею, ее мужу, права на публикацию “в Америке и Европе”. Это письмо находится, вне всякого сомнения, в вашем архиве, и ваши коллеги полностью осведомлены о нем. Возможно, в собственных интересах они решили не обращать на него внимания.

Эксперт по авторским правам заверил меня, что Музей в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права в отношении содержания записных книжек (имеются в виду дневники Е.И.Рерих. – Л.Ш.), находящихся в архиве Амхерст колледжа. Потому что Елена Рерих послала записные книжки Зине Лихтман (позже Фосдик) для использования в Америке и согласно Зининому завещанию все ее права были переданы Музею. Хорши держали эти записные книжки незаконно и потом от-

---

¹ Письмо главного редактора «Сферы» Д.Попова, датированное 30.01.02, было получено нами 11.02.02, но позиция его автора оставалась неизменной.

дали их в Амхерст колледж. Из их переписки с колледжем явствует, что, согласно закону, они контролируют доступ к записным книжкам, но не претендуют на авторские права в отношении самого материала. Никогда после ни в письмах, ни в каких-либо бумагах, подписанных кем-либо, условия эти не изменялись. Правда, может возникнуть некоторая путаница в этом отношении, поскольку Святослав Рерих, не всегда точно представляя себе эти дела, претендовал на такие права или давал их другим, не имея в действительности у себя таких прав».

Оставим пока в стороне такой обычный для господина Энтина выпад против С.Н.Рериха, младшего сына Елены Ивановны и Николая Константиновича и их законного наследника.

«Я был полностью, – далее пишет вышеупомянутый господин, – осведомлен о мнениях Кэтрин Стиббе по многим вопросам в течение значительного числа лет. Мы с ней часто их обсуждали. Однажды в 1992 г. (как обычно, месяцы отсутствуют. – *Л.Ш.*), когда мы обсуждали с ней проблему публикации материалов из архива (каких материалов и из какого архива? – *Л.Ш.*), Кэтрин была сначала против этого, потом засомневалась, и мы решили позвонить Святославу и спросить его мнение и посоветоваться с ним. Многое решалось именно в таких телефонных беседах, потому что Кэтрин разговаривала со Святославом по нескольку раз в неделю.

Когда я спросил Святослава об этом деле (Кэтрин вряд ли позволила сделать это Энтину, она сама бы разговаривала. – *Л.Ш.*), он ответил сразу и вполне определенно: «Не должно быть больше никакой секретности. Все материалы должны быть доступны!»

Это был его ответ, и это стало нашей практикой».

Подождем немного с комментариями и обратимся к другому источнику, предварив его короткой исторической справкой.

Дневники Елены Ивановны, присвоенные Луисом и Нетти Хоршамми во время их предательства, приведшего к гибели первого Музея Николая Рериха в Нью-Йорке¹, были не оригиналами, а авторскими копиями. После 1935 года Е.И.Рерих уже не посылала регулярно в нью-йоркский Музей копий своих дневников². Вот о чем она писала в 1936 году³:

---

¹ Годы спустя он был снова восстановлен благодаря усилиям самих Рерихов и их преданных сотрудников, прежде всего Кэтрин Кэмпбелл и Зинаиды Григорьевны Фосдик.

² Как позже выяснилось, Елена Ивановна отправляла Кэтрин Кэмпбелл лишь отдельные свои записи, датируемые 1936–1944 годами.

³ Оригиналы цитируемых ниже писем хранятся в Отделе рукописей МЦР. В настоящее время они опубликованы.

Е.И.Рерих – З.Г.Лихтман (Фосдик. – Л.Ш.). 7.01.36.

«...Несколько лет назад я просила Вас отдать г-же Нетти С.Хорш на хранение мои записи в тетрадах (датированные от 24 марта 1920 года и до 3 февраля 1935 года), причем эти материалы последовательно пополнялись <...>

Все это я прошу Вас забрать, посоветовавшись с юристами, и принять *к себе на хранение* (подчеркнуто мною. – Л.Ш.) до получения моих дальнейших указаний»¹.

Е.И.Рерих – Г.Плауту, Г.Дэвису. 14.02.36.

«...Настоящим я уполномочиваю Вас забрать у г-жи Нетти С.Хорш, 310 Riverside Drive, все мои дневники-манускрипты в черных тетрадах, написанные моим почерком, начиная от 24 марта 1920 г. до 3 февраля 1935 г. включительно <...>

Пожалуйста, передайте все эти тетради г-же Зинаиде Г.Лихтман, Нью-Йорк»².

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 11–12.03.36.

«...Очень беспокоюсь о манускриптах, ведь нельзя же захватить собственность Е.И. и нарушить все ее авторские права. В минутах (протоколах судебного заседания по делу Л.Хорша. – Л.Ш.) имеются упоминания о том, что г-жа Хорш приняла манускрипты *на сохранение* (подчеркнуто мною. – Л.Ш.). Удерживать их она не имеет никакого права, в случае задержания манускриптов захватчикам может быть предъявлен большой иск за нарушение авторских прав»³.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 19.03.36.

«...Неужели до сих пор не получены манускрипты Е.И.? Ведь это же прямая кража литературного достояния! В этих манускриптах столько собрано материала – легенд, пророчеств, старинных традиций, что украсть все эти по пути собранные материалы является определенным преступлением и должно быть судимо за большие убытки»⁴.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 22.03.36.

«...Задержание манускриптов является неслыханным преступным актом. Не знаем, [что] именно злоумышленники станут измыш-

---

¹ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2002. Т. 4 (1936 г.). С. 5.

² Там же. С. 53–54.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 108.

лять на основании этих манускриптов <...> Очень хорошо, что Вы все являетесь свидетелями тому, что материал был только *на хранении* (подчеркнуто мною. – Л.Ш.), об этом же и в минутсах имеются неоднократные подтверждения <...>

Пишите о всех новых подходящих и загорающихся праведным негодованием против совершаемого злодеяния. Женские сердца <...> представители страны, мир ученый и художественный – должно же в них сказаться чувство справедливости!»¹

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 28–30.03.36.

«...Дерзость и мерзость этой новой попытки присвоения манускриптов действительно превышает все меры. Возможно ли предположить, что от 20-го года все манускрипты подарены, и подарены двум (Нетти Хорш и Эстер Лихтман. – Л.Ш.), в одном этом уже заключено неправдоподобие. Ведь одна из этих двух даже не знает языка манускриптов!! Бывали ли такие случаи в истории, чтобы один дневник делился между двумя?! Кроме того, разве когда Зина возила из Монголии части дневника, ей не было известно, что он отвозится на сохранение (подчеркнуто мною. – Л.Ш.) ввиду нашего отъезда в Тибет? Да что говорить, когда я сам отвозил части этого дневника не в подарок, а в сохранение. Какая чудовищная попытка наглого присвоения труда за 16 лет!!»²

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 12–13.04.36.

«...Первые манускрипты-тетради прибыли в Америку лишь в 1925 году. Присл[али] через Вл[адимира] Ан[атольевича] Шиб[аева] на хранение»³.

Е.И.Рерих, Н.К.Рерих – З.Г.Лихтман, Ф.Грант, К.Кэмпбелл и М.Лихтману. 19–20.04.36.

«...Вчера отправили Вам телеграмму, предупреждая, чтобы предатели не стали извращать и злоупотреблять манускриптами-тетрадами. Ведь манускрипты были даны *лишь на хранение*, а некоторые тетради были даже запечатаны. Потому, если бы предатели стали злоупотреблять извращением смысла, то они покажут этим и злоупотребление им доверенным на хранение имуществом. Наверное, адвокаты знают соответствующую статью закона, охраняющую имущество, доверенное на хранение»⁴.

---

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 4 (1936 г.). С. 111.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 158–159.

Е.И.Рерих – К.И.Стурэ. 29.05.36.

«...Не только шеры (акции. – *Л.Ш.*) захвачены четою Хорш, но и все мои манускрипты-дневники за все 15 лет, которые я отсылала в Америку на хранение. Чтобы не вернуть их мне, они нагло утверждают, что я им подарила их. Но правдоподобно ли, чтобы весь литературный материал, собираемый за столько лет, из которого много что еще не опубликовано, был бы подарен мною лицам, которые даже *не знают языка* (русского), [на] котором этот литературный материал написан!!! Но, конечно, это только часть их злоумышления, есть еще и другие. Истинно, преступление это в злобности своей превышает во многом предательство четы Куломб в деле Е.П.Блаватской и предательство Люд[овика] пятнадцатого (так в оригинале письма. Следует читать: шестнадцатого. – *Л.Ш.*) в отношении Сен-Жермена»¹.

Е.И.Рерих – Н.П.Серафиминой. 12.06.36.

«...Теперь об Америке. Предатели действуют самыми отвратительными подпольными мерами, рассылают письма с наветами по всем нашим друзьям, обществам и дружественным учреждениям. (Как это знакомо, господин Энтин! – *Л.Ш.*) <...> Конечно, по счастью, оригиналы (дневников. – *Л.Ш.*) я имею при себе, ибо при наших передвижениях я всегда опасалась иметь ценнейший материал в одной копии, но все же наглость их (Хоршей. – *Л.Ш.*) потрясающа, тем более, что есть свидетели того, что дневники эти посылались в Америку именно на сохранение. Манускрипты эти составляют 40 толстых тетрадей, труд немалый!»²

Е.И.Рерих – г-ну Милликану. 31.07.36.

«...Ваше глубокое понимание подскажет Вам принять срочные меры, чтобы спасти манускрипты <...> от дьявольских рук. Мое сердце разрывается от боли при мысли, что самое Сокровенное могут осквернить, злобно исказить и выставить на посмешище. Лишь немногие понимают сокровенность Великого Руководства»³.

Е.И.Рерих – [Г.Плауту, Г.Дэвису]. 04.11.36.

«...В дополнение к моему заявлению от 27 марта 1936 г. относительно возвращения моих рукописей должна изложить следующее:

1. Первая партия книг, отправленная по морю г-ном В.Шибавым из Италии на имя г-жи Зинаиды Г.Лихтман, Нью-Йорк, *для хранения* (подчеркнуто мною. – *Л.Ш.*), состояла преимущественно из тетрадей

---

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 4 (1936 г.). С. 199.

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 278–279.

в черном картонном переплете *американского производства*. Они были исписаны крупным почерком, орфография старорусская.

2. Последняя партия была представлена тетрадами *французского производства*, много толще, в гибких черных клеенчатых обложках, текст был написан в современной русской орфографии, мелким почерком, чтобы не утяжелять посылку.

3. Последняя тетрадь, законченная 3 февраля 1935 г., самая большая, в голубой обложке с позолоченной рамочкой»¹.

Из выше процитированных писем мы узнаем, что Елена Ивановна в свое время сделала авторские копии ценнейшего для нее материала, боясь подвергнуть случайностям оригиналы, которые могли привести к их утрате. Авторские же копии, которые она посылала в Америку, в таком случае могли спасти положение. Первые из них были доставлены в нью-йоркский Музей в 1925 году, последние в феврале 1935 года. Никаких сомнений не возникает, что они были отправлены на хранение, а не на их «использование в Америке», как утверждает господин Энтин.

Ко времени хоршевского предательства Елена Ивановна систематизировала и издала философские материалы, содержащиеся в дневниках и кончавшиеся 1935 годом. Это были первые книги Живой Этики. Однако опубликованный ею материал составлял лишь часть дневников, другая же – сокровенная, куда входила практика «Огненного Опыта», не была предназначена к публикации в ближайшем будущем. Получить обратно копии, присвоенные Хоршами, ей так и не удалось. Американские сотрудники оказались бессильны помочь ей. Какое-то время спустя Хорш продал дневники в Амхерст колледж, где они пребывают и до сих пор.

Из всех несчастий, которым подверглись Рерихи после предательства Хорша, утрата копии дневников оказалась для них самой большой и тяжелой потерей. В руках предателя осталось самое сокровенное, то, ради чего Рерихи свершили свой жизненный подвиг.

И хотя господин Энтин утверждает, что письма Елены Ивановны не имеют никакого отношения к публикациям в издательстве «Сфера», я тем не менее позволю себе с ним не согласиться. Имеют, да еще какое! Ибо свидетельствуют о юридическом положении тех дневников, которые были переданы в Америку. Напомню, что оригиналы Елена Ивановна оставила у себя, они там прекрасно сохранились, затем были переданы С.Н.Рерихом в МЦР, где и находятся по сей день.

---

¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 4 (1936 г.) С. 391.

Таким образом, с самого начала вопрос о каких-то авторских правах ни Нетти Хорш, ни Зинаиды Григорьевны Фосдик, ни самого Музея не стоял. Авторские права продолжали принадлежать Елене Ивановне, и она подтверждает это в своих заявлениях юристам, которые вели это нелегкое дело. Что же касается письма Елены Ивановны З.Г.Фосдик от 1948 года, на которое ссылается господин Энтин и точная дата которого умышленно им опущена, то оно действительно существует в нашем архиве, датировано 22 марта 1948 года¹ и не имеет никакого отношения к лукавым утверждениям господина Энтина о том, что Е.И.Рерих «предоставляет Зине (Фосдик. – Л.Ш.) и Дадлею, ее мужу, права на публикацию “в Америке и Европе”». Вернее, не имеет отношения к дневникам Елены Ивановны. Цитирую: «Право на перевод и издание книг Учения в обеих Америках и Европе передаю Зиночке и Дедлею». Можно поражаться тому, на какой подлог и обман идет «сам Энтин», стараясь доказать, что у нью-йоркского Музея есть права на издание дневников. Книги Учения – это не дневники, а те книги Живой Этики, которые были в свое время опубликованы или подготовлены к печати Еленой Ивановной. В цитируемом письме даже упоминаются конкретные книги Учения Живой Этики, такие, как «Агни Йога», «Беспредельность», «Сердце», «Иерархия» и другие. Полагаю, все ясно. Но одна ложь порождает другую. В своем письме, как вы помните, господин Энтин утверждает: некий безымянный «эксперт по авторским правам» заверил его, что «Музей в Нью-Йорке имеет преимущественные авторские права на записные книжки (дневники Е.И.Рерих. – Л.Ш.), хранящиеся в архиве Амхерст колледжа». Мы же теперь хорошо знаем, что ни Зинаиде Григорьевне Фосдик, ни Нетти Хорш дневники не были вручены «для использования в Америке», а были отданы лишь «на хранение». Юридических документов, свидетельствующих об изменении статуса дневников Е.И.Рерих в Америке, нет и, по-видимому, не было. Так какое же право в этом случае на эти дневники могло быть в завещании Зинаиды Григорьевны? Напомню, что «сам Энтин», в связи с условиями хранения дневников в Амхерсте, писал: «Никогда после ни в письмах, ни в бумагах, подписанных кем-либо, не было изменения этих условий». Для страховки мы запросили Амхерст колледж. Нам ответила Сьюзан Рэйн, представитель юридической фирмы, обслуживающей Амхерст колледж. «Вы просите меня, – писала госпожа Рэйн, – подтвердить, намеревался ли когда-либо Амхерст колледж пе-

---

¹ Рерих Е.И. Письмо от 22.03.1948. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 2226. Л. 68–69об.

редать издательские права на тетради Елены Рерих, которые находятся в его распоряжении. Насколько я знаю, наш колледж никогда не передавал и не намеревался передавать такие права» (3.04.02).

Потом появился миф о том, что Пелишек, директор издательства «Сфера», сам получил разрешение в Амхерст колледже на публикацию. Вновь был запрошен Амхерст колледж, и та же Сьюзан Рэйн ответила следующее: «Амхерст колледж проверил свои архивы и уведомляет, что никаких документов, подтверждающих разрешение господину Пелишек касательно работ Николая и Елены Рерих, не было найдено. Более того, господин Ланкастер (хранитель архива и библиотеки Амхерст колледжа. – *Л.Ш.*) не помнит, чтобы была какая-либо договоренность с господином Пелишек относительно данного вопроса <...> Данное заявление по вопросу передачи прав считать окончательным» (17.04.02).

На этом кончается система юридических доказательств «самого Энтина» и примкнувшего к нему Пелишека и начинается так называемая этическая часть. Ее можно обозначить кратко: «живые и мертвые».

Удивительно, но факт: нередко в жизни тех, кто ушел от нас, открываются потрясающие моменты, о которых не знали не только их близкие, но даже они сами. В данном случае мы имеем дело с таким феноменом. Мне пришлось, еще при жизни С.Н.Рериха и Кэтрин Стиббе соприкоснуться с обоими по поводу дневников Елены Ивановны Рерих. В начале 1990 года по приглашению Святослава Николаевича я приехала в Индию, в Бангалор, для подготовки наследия его родителей, Елены Ивановны и Николая Константиновича, к вывозу в Россию. Святослав Николаевич передавал это наследие Советскому Фонду Рерихов, впоследствии переименованному в Международный Центр Рерихов. Среди всего остального были и дневники Елены Ивановны, оригиналы, а не авторские копии, которые она когда-то отсылала в Америку. В один из дней мы говорили со Святославом Николаевичем об этих дневниках. Он сказал, что это самое важное, что есть в наследии, что часть опубликована и вошла в книги Живой Этики, а часть ждет своего часа. Сейчас публиковать эти дневники нельзя, а что касается публикации целиком, то придется ждать немало времени. Потом мне были выданы инструкции, как обходиться с дневниками. Когда я привезла наследие в Москву, то сразу сообщила руководству МЦР и затем представителям рериховских организаций об особом статусе дневников. Полагаю, многие об этом помнят. В апреле 1992 года Святослав Николаевич написал письмо-обращение к рери-

ховским организациям России и СНГ, в котором говорил и о данных мне инструкциях и о недопустимости публикации в ближайшем будущем ряда материалов, находящихся в архиве МЦР. Господин Энтин считает это письмо фальшивым и, не смущаясь, заявляет об этом. В связи с этим я хотела бы спросить господина Энтина, что мешало ему проверить – прав он или не прав, утверждая, что письмо С.Н.Рериха фальшивое? Святослав Николаевич был тогда еще жив и находился в здравом уме и твердой памяти. Уверена, что именно последнее обстоятельство и удержало господина Энтина от подобного вопроса. Он сам понимает, что лжет. Он также беспардонно лжет, когда утверждает, что Святослав Николаевич в этом же 1992 году снял запрет на публикацию дневников и всех архивных материалов.

Если бы это по какой-то экстремальной причине и произошло, Рерих бы в первую очередь сообщил об этом туда, где хранились оригиналы этих дневников, и тем, кому он давал инструкции в отношении них. Святослав Николаевич, в отличие от Энтина, был юридически грамотен и никогда не подменял документов ни выдумками, ни ложью. Мне больно сейчас от того, что мелкий господин и те, кто ему помогают, стараются унизить своей ложью высокую Личность ушедшего...

То, что господин Энтин приводит разговор Святослава Николаевича с Кэтрин Стиббе, которого просто не могло быть, не усиливает доказательство, а разрушает его. Если верить «самому», то остается неясным, почему он был в шоке от нашей публикации «У порога Нового Мира». Ведь, по его словам, Святослав Николаевич снял в 1992 году все запреты на публикацию дневников – «Никаких секретов!» Так что же с вами случилось, господин Энтин, в 1993 году, когда вышла книга «У порога Нового Мира»? Или «снятие запрета» распространялось только на Музей в Нью-Йорке, а на Музей в Москве нет? Что же касается Кэтрин Стиббе, человека порядочного, высоконравственного и преданного делу Рерихов, то вряд ли можно поверить, что она обсуждала с вами «многие проблемы». Это тоже ложь. Я хорошо знаю и ее отношение к вам, но в отличие от вас не буду сообщать ее высказывания о вас. Они не добавят вам чести. Ее позиция в отношении дневников Елены Ивановны никогда при ее жизни не менялась. Это вы ее изменили после ухода Кэтрин.

Я опять должна привести свои свидетельские показания. Когда в начале 1990 года я работала с наследием в имении Рериха под Бангалором, Святославу Николаевичу позвонила Кэтрин Кэмпбелл (Стиббе. – Л.Ш.) и передала через него мне приглашение приехать к

ней в Швейцарию, где она в это время жила в местечке Ла Тур де Пей на берегу Женевского озера. Потом она позвонила уже мне и снова повторила свое приглашение. Я объяснила ей, что сейчас не могу к ней приехать, но сделаю это обязательно, когда кончу работу с наследием. На том и договорились. Потом я поинтересовалась у Рериха, с чем связано такое срочное приглашение.

– Видите ли, – сказал он, – Кэтрин очень беспокоится о дневниках моей матушки. Я объяснил ей, что дал вам соответствующие инструкции. Но Кэтрин надо знать. Она очень ответственный человек и хочет переговорить с вами лично. Я думаю, что для вас это будет полезно.

Так в июне 1990 года я оказалась в гостях у Кэтрин Кэмпбелл. На следующий же день после моего приезда Кэтрин заговорила со мной о дневниках. Она рассказала мне об их значении и сообщила мне о воле Елены Ивановны – не публиковать их, по крайней мере в XX веке, а может быть, и далее, в XXI.

– Я прошу вас, – сказала она, – строго следовать инструкциям Святослава.

Не думаю, что господин Энтин не знал об этом. Он находился в это время в Женеве и раза два заезжал к Кэтрин в Ла Тур де Пей. Тогда мне показалось, что обошлась она с ним не слишком гостеприимно...

В конце 1991 года Кэтрин заказала две копии хранившихся в Амхерст колледже дневников Е.И.Рерих. Одну копию она отдала мне для нашего Музея, другую оставила в нью-йоркском Музее. Это и был тот материал, который без всякого на то законного основания Энтин отдал Д.Попову для полной публикации в России.

Хотелось бы добавить к сказанному некоторые интересные факты, которые сообщил нашим представителям Д.Попов во время разговора, упомянутого в начале этой статьи. Из него мы узнали:

1. Что Попов не проконсультировался со мной, как с доверенным лицом С.Н.Рериха и директором Музея имени Н.К.Рериха, в архиве которого находятся оригиналы дневников Е.И.Рерих, только потому, что «Л.В.Шапошникова очень занята и к ней не пробиться».

2. Попов считал, что «та часть общества, которая за последние 10 лет ознакомилась с учением Живой Этики и другими источниками, готова к восприятию дневников Е.И.Рерих».

3. Срок публикации дневников Попов и его коллеги определили сами, «благо, что есть свои специалисты».

4. Копию дневников Е.И.Рерих Попов получил от «сохранившего их Д.Энтина».

5. На издание вышеупомянутых дневников есть согласие «самого» Д.Энтина. В какой форме, Попов не упомянул.

Здесь что ни слово, то ложь. Я действительно очень занята, но каждый день десятки людей спокойно «пробиваются» ко мне с вопросами во много раз менее важными. Можно утверждать, что Попов и не собирався этого делать. Определение самим Поповым готовности части общества к «восприятию дневников Е.И.Рерих» не только ложь, но и чудовищная безответственность, которая привела к установлению срока публикации дневников самостоятельно Поповым, вопреки воле автора дневников и семьи Рерихов, в законной собственности которых находились эти дневники. Ссылка на поддержку каких-то мифических «специалистов» в этом незаконном действии не выдерживает критики.

Я твердо уверена, что ни один честный и грамотный специалист, находящийся в материале и знающий стиль работы Елены Ивановны, не мог взяться за работу подобного характера. Что, собственно говоря, сделал Попов? Он собрал не включенные самой Еленой Ивановной, по самым серьезным основаниям, ее беседы с Учителем за те же годы, что и опубликованные (1920–1935) ею, и смастерил из них, по собственному разумению, «продолжение» Агни Йоги, или Живой Этики. Я могу назвать все это самой возмутительной духовной аферой. Ни один порядочный специалист не стал бы работать над материалом, который составляет лишь часть целого. Дневники за 1935–1955 годы, которые в ряде случаев содержат разъяснения неопубликованного, остались, к счастью, недоступными для аферистов и непорядочных издателей. Нормальный специалист сразу бы отказался от подобной работы. Тех же «специалистов», которыми располагает Попов, специалистами считать нельзя.

И надо же понять, в конце концов, что вопрос публикации дневников Е.И.Рерих вышеупомянутым образом не связан со «специалистами», а лежит в области юридической и этической.

Утверждение Попова, что Энтин «сохранил дневники», к самому Энтину никак не относится. Мы уже знаем, как он их получил (от Кэтрин) и «сохранил», пустив в преждевременную публикацию в чужой ему стране.

Думаю, что пора подвести окончательный итог. И главный из них состоит в том, что мы имеем дело с чудовищным предательством двух человек – господина Энтина и господина Попова. Первый, инициировав это предательство, обеспечил его материально и тактически. Второй реализовал его, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ко всему этому необходимо добавить, что даже злодей Хорш, имея эти дневники у себя, не решился на их публикацию, хотя обладал для этого всеми возможностями. Черное дело Хорша наконец завершил Энтин с помощью Попова. Предательство Хорша и Энтина идет в одном русле. Первый незаконно завладел дневниками Елены Ивановны, второй точно таким же образом присвоил себе авторские права на те же дневники и тайно употребил их во зло. Это зло они разделили поровну. Хотя могут быть и иные мнения о черных долях в этом деле, принадлежащих каждому из них.

Смею думать, что это не только предательство, но и крупная провокация, совершенная двумя лицами: первым – с полным расчетом, вторым – могу еще предположить – по глупости и безответственности. Но это дела не меняет. Провокация предпринята в очень тяжелых условиях существования МЦР и рериховских организаций в России. Господин Энтин прекрасно осведомлен об этом. Ведь он так часто приезжает в нашу страну... За это время он собрал вокруг себя людей амбициозных, с недостаточным уровнем сознания. Полагаю, что они не замедлят выступить в защиту «американского наставника», который учит их, как воспринимать Живую Этику.

Господин Энтин давно уже наполняет свои письма и сайты Интернета клеветой и ложью на МЦР и его руководство. Известно, что Хорш поступал так же, выпуская зловонные струи клеветы и лжи против Рерихов в своих многочисленных письмах и публикациях. Есть латинская пословица «мертвый хватает живого». Хорш ухватил нас, но смог он это сделать через живых – Энтина и Попова. Благодаря им мы оказались свидетелями грязного предательства и можем теперь понять то, через что прошли Елена Ивановна и Николай Константинович, когда Хорш предал их и оклеветал.

Не успела я закончить свою статью, как в Москву пришло письмо от Энтина. «Как Вам известно, – информирует он, – в октябре Людмила Шапошникова объявила крестовый поход против каждого, кого она считает врагом или опасностью для ее контроля над всем Рериховским движением. Теперь этот крестовый поход проявил себя в разрушительной попытке помешать издательству “Сфера”, публикующему абсолютно легальные книги, содержащие материал, который не контролирует Международный Центр». В письме была оклеветана Международная научно-общественная конференция, проходившая в октябре 2001 года в защиту имени и наследия Рерихов. Все 400 участников из России, СНГ и стран дальнего зарубежья могут свидетель-

ствовать о том, что конференция обсуждала более важные вопросы, нежели «крестовый поход Шапошниковой». Лица с таким уровнем нравственности, как у господина Энтина, склонны приписывать собственные побуждения другим.

Ну а что касается несвоевременной и незаконной публикации дневников Елены Ивановны Рерих вышеупомянутым издательством «Сфера», рериховцы России разберутся в этом сами и, если захотят, сообщат Энтину свое мнение на этот счет по почте, телефону, через Интернет или другие доступные им средства коммуникации.

И хотелось бы статью завершить цитатой из Живой Этики, очень уж она к месту. «Слышу вопрос: “Почему так много слов о предательстве?” – Именно потому, что предательств много. Когда кобра заползет в дом, о ней много говорят. Перед землетрясением змеи выползают наружу. Сейчас много таких змей»¹.

Л.В.Шапошникова

---

¹ Мир Огненный. Ч. III, 548.

ОТКРОВЕНИЕ ОТ «СФЕРЫ»¹

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ УРОВНЕ НАУЧНОЙ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КНИГ «АГНИ-ЙОГА: ОТКРОВЕНИЕ» И «АГНИ-ЙОГА: ВЫСОКИЙ ПУТЬ»

Не скрою, что всегда считала «Сферу» издательством, выпустившим множество интересных и, что немаловажно для российского читателя, доступных по цене книг. Но вот ее «рериховские проекты» с каждым разом становились все «любопытственнее и любопытственнее», как сказала бы героиня Льюиса Кэрролла. И если некоторые искажения фактов, имевшие место в трехтомнике «Письма Е.И.Рерих в Америку» (1996), немного настораживали, то легкомыслие и удивительная небрежность по отношению к Великой Семье и ее Наставнику, проявленные, казалось бы, достаточно образованными и здравомыслящими людьми при публикации дневников З.Г.Фосдик (1998), не могли не вызвать вполне оправданного возмущения. Взять хотя бы предисловие к этой книге, в котором человек, ныне возглавляющий Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, щедро делился своими откровениями, что не нужно, мол, идеализировать Рерихов, ибо они «были людьми, со всеми человеческими слабостями и несовершенствами»! А чего стоили детальные описания непростых взаимоотношений между Рерихами-старшими и их юными сыновьями, освещенные с позиции Зинаиды Григорьевны!

Поэтому рекламное приглашение издателей на новое «духовное пиршество», где в качестве «главного блюда» фигурировали... дневниковые записи Е.И.Рерих, звучало вызывающе и ничего хорошего не предвещало.

Дневники Елены Ивановны Рерих, крупнейшего философа и подвижника минувшего века, нельзя назвать дневниками в обычном смысле слова. Это подробнейшая хроника ее общения со своим духовным наставником, Учителем Мориа, или Великим Владыкой: информация, полученная путем яснослышания, ответы на вопросы,

---

¹ Культура и время. 2002. № 3. С. 162–175.

видения и комментарии происходящего. Она вела их начиная с марта 1920 вплоть до самого своего ухода с нашего земного плана в октябре 1955 года. Из этих текстов Еленой Ивановной были составлены книги Учения Живой Этики, или Агни Йоги, являющиеся величайшим философским трудом XX столетия, обобщившим находения древней мысли Востока и новейшие открытия науки Запада. Эта уникальная философская система, в создании которой участвовали Те, Кто стоит на более высокой ступени развития, нежели земное человечество, содержит в себе обширные знания о космической эволюции и рассматривает Мироздание как грандиозную энергетическую систему, неотъемлемой частью которой является человек. Она имеет дело с мирами иных измерений и иных состояний материи, пока недоступных нашему восприятию, но оказывающих непосредственное влияние на все аспекты земной жизни. Она проложила мост между научной системой познания окружающей нас действительности и «нетрадиционными» методами постижения истины, тесно связанными с внутренним, духовным миром человека, по-новому трактуя такие фундаментальные понятия, как дух, энергия и материя. На этом грандиозном труде зиждется новое мировоззрение и новое космическое мироощущение, открывающее человечеству невиданные дотоле горизонты развития и совершенствования, и пройдет немало времени, прежде чем мы с вами и наши потомки сможем усвоить хотя бы часть переданных нам Знаний и воплотить их в жизнь. И если создательница этого Труда однозначно высказывалась против преждевременного обнародования полного свода своих сокровенных записей, значит, у нее были на то все основания, если не прямые указания Соавторов. Нужно ли говорить о том, что для тех, кто так или иначе соприкоснулся с Наследием Е.И.Рерих, эта воля должна быть Законом? К сожалению, да. Ибо «культурно-просветительская деятельность в сфере эзотерических традиций», а именно так характеризует свою основную задачу издательство «Сфера», полностью этим традициям противоречит. А заодно ниспровергает все основы традиций нравственных и, условно говоря, эзотерических, в частности в области издательского дела.

В поисках ответа на вопрос, как можно издать такой сложнейший материал, как дневник Е.И.Рерих, в *параллельных версиях* (о чем свидетельствуют даты на титульных листах обеих книг: 1920–1941 и 1920–1944), пришлось познакомиться с «фирменными блюдами» от «Сферы» поближе. А также обратиться в наш архив, где наря-

ду с оригинальными дневниками Е.И.Рерих находятся ксерокопии материалов, хранящихся в Амхерст колледже (точно так же, как и его нью-йоркский собрат, Центр-Музей получил эти ксерокопии от г-жи К.Кэмпбелл-Стиббе). Как и было обещано в предисловии, книги эти стали для меня и «новым открытием», и «новым откровением». И не только с позиции изучающего Живую Этику и наследие Е.И.Рерих, но также с позиции издателя архивных документов и редактора.

I

1. Первым откровением стало то, что единый текст дневника Е.И.Рерих... был разделен составителями на три части:

- записи, вошедшие в книгу «Откровение»;
- записи, вошедшие в книгу «Высокий Путь»;
- «отсеянные» записи (в том числе и канонические тексты Учения).

Попытаемся разобраться, какими критериями руководствовались составители или, вернее, расчленители при отборе материала для публикации? Предоставим слово им самим.

«Откровение»	Записи, «которые не вошли в корпус первоизданий, но вместе с тем должны быть отнесены к текстам Учения Живой Этики»
«Высокий путь»	«Указания и наставления Учителя, адресованные Е.И. и Н.К. Рерихам»
Тексты, не вошедшие в книги	Материал, «всецело относящийся к столь мелким вопросам, что они решительно не имеют того значения, которое бы могло сделать его достойным всеобщего внимания»

Читая тексты аннотаций и составительских предисловий к обеим книгам, хочется схватиться за голову. Как можно брать на себя смелость решать, что в дневниках Е.И.Рерих является «зернами» (причем двух видов), а что – «плевелами»?!! Что это – наглость, потрясающая самоуверенность или невежество? Разве Учение Живой Этики не было сформировано и издано в 20–30 годы прошлого столетия? Почему его

нужно дополнять? Выходит, его Авторы не были в состоянии разобраться, что в их произведениях относится к Агни Йоге, а что нет?!! Неужели составители полагают, что Великие Учителя НЕ знают, что, когда и в каком виде им выдавать?!! Да и самой Елене Ивановне, перегруженной работой и не отличавшейся богатырским здоровьем, было бы намного проще издать свои записи целиком, не утруждая себя выборкой и не отнимая драгоценное время у Великого Учителя. Также совершенно непонятно, почему Наставления Владыки, адресованные Е.И. и Н.К. Рерихам, по мнению составителей, принципиально не могут быть отнесены к Учению. Ведь именно из таких наставлений и была в свое время сформирована книга «Зов», и во всех последующих книгах постоянно встречается упоминание Урусвати (так называли Учителя Е.И.Рерих) или непосредственное к ней обращение. И, если на то пошло, все слова Учителя, которые мы встречаем в дневниках, были услышаны и зафиксированы Еленой Ивановной.

Это, так сказать, принципиальные соображения, теперь давайте посмотрим, как осуществлялся этот отбор на практике и к чему это привело. Для этого нам придется обратиться к дневниковым записям Е.И.Рерих и привести оттуда несколько фрагментов. Включенное составителями в книгу «Откровение» выделим курсивом, вошедшее в книгу «Высокий путь» оставим прямым начертанием, а изъятые фрагменты дневника обозначим знаком <...> Читатели напрасно будут искать этот символ в книгах, – узнать, где именно составители поработали ножницами, им не удастся. Равно как и догадаться, в какой последовательности на самом деле должны идти фразы, разбросанные волею составителей по разным книгам. Приведу лишь несколько примеров, на самом деле их намного больше.

22 января 1921 г.

Дневник Е.И.Рерих

«Россия – земля будущей славы.

Россия – мать малых народностей.

Россия победит народы, нападающие на нее.

Большевики будут свергнуты восстанием через 2¹/₂ года.

Будет коалиционное правительство, причем в большинстве будут монархисты, затем будут следовать ка-де, н.-с. Кавказ, Украина, Бессарабия, Финляндия и, наконец, Польша будут присоединены к России в период от одного до семи лет.

В России будет конституционная монархия.

<Перц[ов] и Диксон будут в Harvard'е в 21–22 учебн[ом] году.>

Явите¹ мужество духа.

<...> *Забудь дивы сомнения.*

Мой друг, когда зацветет Лотос, Я укажу путь.

<...>

Ю.Рериху. Пройдешь испытания.

Персидский язык изучай, твори!

<...>

Ю.Р. Помни и ожидай дело единое – Харочай.

<...>

Памиром занимайся.

Перцов. Цвет ауры желтый (интеллект, мозг).

Дикс[он]. Цвет ауры зеленый (скрытое искусство).

Перц[ову]. В химии найдешь искания твои.

Милые, работайте и ждите знака нашего.

Ю.Р. Учи китайца².

Дикс[ону]. Изучай метафизику.

Изучай вихревые кольца – деления электронов.

Ю.Рер[иху]. Изучай психологию явлений и Тайнств».

Комментарий. Под датой 22 января 1921 года значатся отнюдь не дневники Е.И.Рерих, а записи ее старшего сына Ю.Н.Рериха, сделанные им в Кембридже в 1921 г. в присутствии двух своих сокурсников – В.В.Диксона и В.А.Перцова. В изданиях «Сферы» об этом ни слова! Да, Елена Ивановна сочла эти сообщения достаточно интересными и даже переписала их в отдельную тетрадь. Но разве из этого следует, что их можно причислить к Учению Живой Этики? – Нет. И уж никоим образом эти сообщения не являются Наставлениями супругам Рерих – они адресованы совершенно другим людям.

А теперь посмотрим, что сделала из этой записи «Сфера». Откроем книги «Откровение» и «Высокий Путь» на страницах, содержащих тексты от 22 января 1921 г., и познакомимся с ними повнимательнее:

---

¹ У «Сферы» – яви.

² У «Сферы» – китайский.

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
<p>§ 3. Россия – земля будущей славы. <i>Россия – мать малых народностей.</i> <i>Россия победит народы, нападающие на нее.</i> <i>Яви мужество духа.</i> <i>Забудь дивы сомнения.</i> <i>Мой друг, когда зацветет Лотос, Я укажу путь.</i> <i>Милые, работайте и ждите знака нашего.</i></p>	<p>§ 6. Большевики будут свергнуты восстанием через 2^{1/2} года. Будет коалиционное правительство, причем в большинстве будут Бессарабия, Финляндия и наконец Польша будут присоединены к России в период от одного до семи лет. В России будет конституционная монархия. Ю.Р[ериху]. Пройдешь испытания. Персидский язык изучай, твори! Помни и ожидай дело единое. – Харочай. Памиром занимайся. Перцову. Цвет ауры желтый (интеллект, мозг). Дикс[ону]. Цвет ауры зеленый (скрытое искусство). Перц[ову]. В химии найдешь искания твои. Ю.Р[ериху]. Учи китайца¹. Дикс[ону]. Изучай метафизику. Изучай вихревые кольца – деления электронов. Ю.Р[ериху]. Изучай психологию явлений и Таинств.</p>

Комментарий. Как видите, издательская группа умело «замела следы» – ни один из пропусков в тексте не обозначен. При этом фрагменты текста, относящиеся к совершенно разным вопросам, оказываются слитыми воедино, в одном параграфе. И читатель ни за что на свете не догадается, что призыв «Явите мужество духа» на самом деле

¹ У «Сферы» – китайский.

никак не связан с российскими событиями! Более того, этим искусственным параграфам присвоен порядковый номер, как в книгах Учения, чтобы имитация получилась максимально правдоподобной!

19 февраля 1921 г.

Дневник Е.И.Рерих

«Аллал-Минг – Е. [и] Н. Рерих

– Разве не видите – образуем около вас новую стезю восхождения.

Вы готовы к дальней дороге восхождения.

Дайте вашу мудрость людям.

Дайте вашу сказку певца слепым и глухим – да узрят!

<...>»

В «параллельной» тетради, в которую вошли вышеупомянутые записи Юрия Николаевича Рериха и записи так называемых «общих сеансов», сделанные Е.И. и Н.К. Рерихами в присутствии З.Г. и М. Лихтманов, К.Н.Муромцевой, Г.В.Дерюжинского и др., под датой **19 февраля 1921 года** читаем следующее:

«Алл. Минг

<...>

Еще суждено из вас одному приобщиться к силе, но будьте осторожны в применении к личным делам.

<...>

Учитесь мыслить.

Дайте вам указать – не умеете сосредоточиться. Нельзя двигаться и мыслить.

Применяйте имя руководителей в обращении к родным.

Опасно верить без руководителей.

Не надо стремиться к физическим явлениям и случайным посетителям.

Можете стремиться к единению, не мельчите сеанса.

<...>

Учителя дают стройность сеансу.

Считаю, порядок нужен.

<...>

Много легкомыслия!

Надо улучшаться, а потом получите стансы¹.

<...>

Журнал надо вести подробно.

У вас тень Нашей жизни.

<...>

Чистое мышление оградит вас.

Еще трудно вам понять, что дает вам силу».

Теперь посмотрим, что предлагает нам «Сфера».

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
<p><i>§ 8. Разве не видите – образуем около вас новую стезю восхождения. Вы готовы к дальней дороге восхождения. Дайте вашу мудрость людям. Дайте вашу сказку певца слепым и глухим – да узрят! Учитесь мыслить. Дайте вам указать – не умеете сосредоточиться. Нельзя двигаться и мыслить. Применяйте имена руководителей в обращении к родным. Опасно вверяться без руководителей. Не надо стремиться к физическим явлениям и случайным посетителям. Надо улучшаться, а потом получите шансы. Чистое мышление оградит вас. Еще трудно вам понять, что дает вам силу.</i></p>	<p>§ 10. Еще не суждено из вас одному приобщиться к силе, но будьте осторожны в применении к личным делам. Можете стремиться к единению, не мельчите сеанса. Учителя дают стройность сеансу. Считаю, порядок нужен. Много легкомыслия! Журнал надо вести подробно. У вас тень Нашей жизни.</p>

Комментарий. Ни в одной из книг не упомянуто, что параграфы, соответствующие 19 февраля 1921 г., сформированы из разных тетрадей! У «Сферы» это единый текст, претендующий на наличие в нем смысла.

¹ У «Сферы» – шансы.

Но можно ли понять, читая «Высокий Путь», к какой силе и кому суждено приобщиться и при чем здесь сеанс? В дневнике Е.И.Рерих черным по белому написано: «Аллал-Минг – Е. [и] Н. Рерих», однако, несмотря на это обращение, составители не включают первую запись в книгу «Высокий Путь», как то было объявлено ими в предисловии, а относят ее к «Откровению». Фрагменты, выделенные курсивом во втором тексте, точно так же являются Наставлениями Учителя, обращенными к Рерихам, однако входят, опять же, в «Откровение».

25 февраля 1921 г.

Дневник Е.И.Рерих

«Аллал-Минг – Е. и Н. Рерих

<...>

Грозная и новая страница уготовлена.

Еще в массе рабочей дух не готов к Господу!

<...> для русского сердца и духа наступает желанный и сосредоточенный миг.

В мире живет дорога в любимую область Духа для паствы русской.

<...>

Обращение к Н.Рериху: Думай, Аллал-Минг с тобой во всем.

<Обращ[ение] к Е.Рерих:> *Живи¹ спокойно, и откроются врата. Желая вам лучше читать друзей сердца».*

«Сфера»:

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
<p><i>§ 11. В мире живет дорога в любимую область Духа для паствы русской. Живите спокойно, и откроются врата. Желая вам лучше читать друзей сердца.</i></p>	<p>§ 12. Грозная и новая страница уготовлена. Еще в массе рабочей дух не готов к Господу! Для русского сердца и духа наступает желанный и сосредоточенный миг. Обращение к Н.Рериху: Думай, Аллал-Минг с тобой во всем.</p>

¹ У «Сферы» – живите.

Комментарий. Несмотря на обращение Учителя в тексте дневника, запись входит в книгу «Высокий Путь» лишь частично. Изъятие начала записи обрекает читателя на неразрешимые раздумья, кому именно уготовлена грозная страница.

6 марта 1921 г.

Дневник Е.И. Рерих

«Аллал-Минг. Вечер 6-ого Марта

<...>

<...>Шурочка (недавно умершая 4 1/2 [лет] племянница Гл.Вл. Дерюжинского).

<...>

На нашу просьбу, чтоб Шурочка дала описание Аллал-Минга, последовало:

Лицо длинное, длинные волосы, рост высокий, черные волосы, борода двойная.

<...> строгое или доброе лицо?

<...> строгое.

<...> Нос длинный, длинное домино одето. На портрет не похож (нарисов[анный] на сеансе в Лондоне).

<...>

<...> какой вид у Аллал-Минга?

<...> Молодой <...>

<...> где живет Аллал-Минг?

<...> в Докиуде – дом.

Живут втроем: Аллал-Минг, Щог-Дир, Рамзес».

Комментарий. Это один из немногих фрагментов, где составительская логика становится ясной: действительно, большая часть сообщений девочки не содержит «откровений», хотя к Наставлениям Владыки их тоже никак не отнесешь... Фрагмент отлично иллюстрирует уровень текстологической работы издателей – ни одно из многочисленных сокращений, сделанных составителями, в том числе и внутри предложений, в тексте не обозначено.

19 января 1922 г.

«И путь лучший принесет вам весна.
 Сулю вам уявленное счастье.
 Считаю, придет явление удачи (апрель).
 Куда, Рерих, ушло мужество?
 Урусвати, не считай Рериха слабым.
 Я вас считаю любимыми детьми Мории.

<...>

Умею успокоить в последний час – сражение люто.
 Урусвати, супруга позабыла, но карма твоя ведет ко Мне.
 Я, Мориа, зову вас к Нам.
 Можете спокойно ждать.

<...>

Пума собирается к прыжку – укусить не может.
 Можно не бояться.

<...>»

«Сфера»:

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
<p>§ 176. Сулю вам уявленное счастье. Считаю, придет явление удачи. Умею успокоить в последний час – сражение люто. Я, Мориа, зову вас к Нам. Пума собирается к прыжку – укусить не может. Можно не бояться.</p>	<p>§ 204. И путь лучший принесет вам весна. Куда, Рерих, ушло мужество? Урусвати, не считай Рериха слабым. Я вас считаю любимыми детьми Мории. Урусвати, супруга позабыла, но карма твоя ведет ко Мне. Можете спокойно ждать.</p>

Комментарий. Не ясно, почему предложение «И путь лучший принесет вам весна» к Рерихам относится, а следующая за ним фраза – «Сулю вам уявленное счастье» или фраза «Я, Мориа, зову вас к Нам» нет? В результате разделения единого текста и пропусков снова нарушен смысл повествования.

27 октября 1934 г.

Дневник Е.И.Рерих

«...Весы Космические колеблются. Особенно когда явление Космического Права является творящим и близким к цели. Явление врага особенно напрягается, и сила его вожделий разгорается. Щит его устилает путь предателей. Ведь тысячелетия старался он разить Меня по самому мощному и сокровенному утверждению <...> Огонь Зороастра, пламя Мории, и рана Рамы и множество других стрел нанесено одной рукой и по одной и той же ране. Падший Ангел может возродиться лишь чистым огнем. Он может возродиться лишь чистым сердцем, которое не может принадлежать Падшему Ангелу. Падший Ангел стремится к сближению с сердцем, принадлежащим к Высшему Огненному Праву.

– Но разве он не может устремиться к Матери Мира?

– Не может, ибо произошло самое страшное разъединение. Для тебя он был врагом, ибо твое сердце чуяло в нем силу тьмы, но к тебе дух его тянулся двойной силой: желанием уничтожить Меня и завладеть тобою.

– Но когда начались его притяжение и преследование?

– Много тысячелетий назад, еще в Атлантиде. От прикосновения твоей ауры у него всегда является надежда. Но, родная, то влечение тьмы ко Свету. *Матерь Мира в недостижимых сферах и вибрации те могли бы создать лишь взрыв, если они соприкоснулись бы. Потому что Мы на земном плане, сфера его соприкасается с Нами. Да, родная Свати, жизнь очень сложна.* Так, родная Свати, Я храню в сердце и всеми огнями Мое сокровище, повторяю <...>

Пошлем доверие мысли Рузвельту. Можно представлять его держащим твое послание и думающим глубоко над твоим образом. Именно ты можешь помочь Рузвельту. Логв[ан] готовится радостно к передаче твоего огненного послания. Вижу, как волна нахлынула на Рузвельта, будет долго читать послание твое. Нужно думать о Рузв[ельте]. Так, родная Урусв[ати], Мы можем творить вместе – так мосты прокладываются <...>

Вл[адыка], что означает “шакила”?

– Луч центра колокола, который напрягает яснознание. – Спешу».

«Сфера»:

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
<p><i>§ 1786. Весы Космические колеблются. Особенно когда явление Космического Права является творящим и близким к цели. Явление врага особенно напрягается, и сила его вожделий разгорается. Щит его устилает путь предателей. Ведь тысячелетия старался он разить Меня по самому мощному и сокровенному утверждению. Огонь Зороастра, пламя Мори, и рана Рамы и множество других стрел нанесено одной рукой и по одной и той же ране. Падший Ангел может возродиться лишь чистым огнем. Он может возродиться лишь чистым сердцем, которое не может принадлежать Падшему Ангелу. Падший Ангел стремится к сближению с сердцем, принадлежащим к Высшему Огненному Праву. Матерь Мира в недосыгаемых сферах и вибрации те могли бы создать лишь взрыв, если они соприкоснулись бы. Потому что Мы на земном плане, сфера его соприкасается с Нами.</i></p>	<p><i>§ 3074. Падший Ангел стремится к сближению с сердцем, принадлежащим к Высшему Огненному Праву.</i></p> <p>– Но разве он не может устремиться к Матери Мира?</p> <p>– Не может, ибо произошло самое страшное разъединение. Для тебя он был врагом, ибо твое сердце чуяло в нем силу тьмы, но к тебе дух его тянулся двойной силой: желанием уничтожить Меня и завладеть тобою.</p> <p>– Но когда начались его притяжение и преследование?</p> <p>– Много тысячелетий назад, еще в Атлантиде. От прикосновения твоей ауры у него всегда является надежда. Но, родная, то влечение тьмы ко Свету. Матерь Мира в недосыгаемых сферах и вибрации те могли бы создать лишь взрыв, если они соприкоснулись бы. Потому что Мы на земном плане, сфера его соприкасается с Нами. Да, родная Свати, жизнь очень сложна. Так, родная Свати. Я храню в сердце и всеми огнями Мое сокровище, повторяю. Пошлем доверие мысли Рузвельту. Можно представлять его держащим твое послание и думающим глубоко над твоим образом.</p>

«ОТКРОВЕНИЕ»	«ВЫСОКИЙ ПУТЬ»
	<p>Именно ты можешь помочь Рузвельту. Логв[ан]¹ готовится радостно к передаче твоего огненного послания. Вижу, как волна нахлынула на Рузвельта, будет долго читать послание твое. Нужно думать о Рузв[ельте]. Так, родная Урусв[ати], Мы можем творить вместе – так мосты прокладываются.</p> <p>Вл[адыка], что означает «шакила»?</p> <p>– Луч центра колокола, который напрягает яснознание.</p>

Комментарий. По логике составителей Наставлениями, очевидно, является диалог между Е.И.Рерих и Учителем М. Его выхватывают из канвы повествования, и в результате Е.И.Рерих становится... Матерью Мира и попадает в недостижимые сферы! Действительно, книга «Откровение» оправдывает свое название. Некоторые фразы о Люцифере (выделенные полужирным начертанием), по-видимому, ввергли составителей в замешательство, куда же их все-таки отнести? Ответ на этот вопрос прост – они вошли как в «Откровение», так и в «Высокий Путь»! К подобному «соломонову решению» издательский коллектив прибегает не раз, например, фраза «Карма ваша – Россию прославлять!» (1 января 1921 г.) тоже включена в ОБЕ книги.

Хочу обратить ваше внимание еще на одну любопытную шараду, расположенную на с. 534 второго тома книги «Высокий Путь»: «Так Я запрещаю, чтобы Модра² ставила Мое изображение в ярости на стол. Каждое движение, насыщенное твоим сердцем, дает великое следствие». Чтобы понять, какое отношение имеют действия раздраженной американки к движениям, насыщенным сердцем Елены Ивановны, придется обратиться к дневнику. Оригинальный текст записи выглядит следующим образом: «Так Я запрещаю, чтобы Модра ставила Мое изображение в ярости на стол. <Очень полезно твое предупреждение

¹ Луис Хорш.

² Франсис Грант.

Асееву. Оно как раз ко времени. Также все указания Стурэ огненно ценю.> Каждое движение, насыщенное твоим сердцем, дает великое следствие». Вот теперь все ясно. В том числе и то, к какой бессмыслице может привести изъятие всего лишь трех предложений.

При подготовке изданий «за борт» были выброшены не только отдельные предложения и тексты, хорошо знакомые читателям по каноническим книгам Учения. Сокращения касаются дней и даже целых месяцев – читатель легко может убедиться в этом сам, обращая внимание на датировку параграфов в обеих книгах и принимая во внимание тот факт, что Елена Ивановна вела свой дневник регулярно. И хотя в предисловии нам клянутся, что «достаточно обширный материал по-прежнему остается неопубликованным, как всецело относящийся к столь мелким вопросам, что они решительно не имеют того значения, которое бы могло сделать его достойным всеобщего внимания», вряд ли можно согласиться с тем, что по четным дням Елена Ивановна получает от своего Наставника высокие откровения, а по нечетным беседует с Ним о пустяках, например о погоде в Кулу. Более чем странно выглядит подобная лакуна во втором томе «Высокого Пути», где вслед за записью от **3 февраля 1935 г.** следует запись от **21 октября 1935 года**. За это время много что произошло: во-первых, подписание Пакта Рериха в Белом Доме, а во-вторых, предательство Хоршей, приведшее впоследствии к судебному процессу и разграблению Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Ничего себе мелкие вопросы! Знакомясь с материалом в такой подаче, непосвященный читатель вынужден теряться в догадках: как это «огненная свидетельница Ояна» (Эстер Лихтман), «рыцарь духа» Логван (Луис Хорш) и его супруга Порума (Нетти Хорш) вдруг становятся великими предателями и преступниками, а президент Рузвельт, только что чутко внимавший посланиям Владык, находится на ложном пути? Неужели составители полагают, что читателю не интересно, да и не нужно знать, как отразилась эта трагическая страница в жизни Великой Семьи в дневнике Елены Ивановны и как комментирует происходящее сам Учитель?

Любопытно, что в оригинальном тексте дневников включенные составителями фрагменты довольно часто начинаются со слов Учителя «Теперь не для Книги» или «Записи не для Книги». В качестве примеров приведем два факсимиле дневниковых записей от 1 июня 1931 г. и 26 ноября 1933 г., также см. книгу «Откровение». Объяснить это можно разве только врожденной тягой к запретным плодам, доставшейся человечеству от праотцев.

Хочется надеяться, что вышеприведенные отрывки из оригинальных дневников Е.И.Рерих помогли вам понять, как это делалось. Ответа на другой вопрос – зачем? – я не знаю. Зачем издателям понадобилось безжалостно кромсать целостный, гармоничный материал и фабриковать из него собственную версию Наставлений и дополнений к Учению? Чего они хотели этим добиться? – Проверить на практике параграф из «Озарения»: «Спросят: “Почему нельзя соединить логически части Учения?” – Отвечайте: “Ибо безобразно растить одну голову или одну руку”»? Действительно, получается безобразие. Если канонические книги Учения можно уподобить восходящей спирали, с каждого витка которой нам открывается все более величественная панорама Мироздания, то детище «Сферы» сильно напоминает безнадежно спутанный клубок из драгоценных нитей. И в результате этих легкомысленных экспериментов с сокровенными текстами уничтожается самое главное – «душа книги», или та высокая энергетика, которая незримо присутствует как в оригинальных текстах дневников Е.И.Рерих, так и в составленных ею вместе со своим Учителем книгах Живой Этики.

2. Помимо вышеуказанного «расчленения» материала при подготовке изданий имело место грубейшее нарушение правил публикации архивных документов и работы с текстом, а именно:

– произвольное объединение отобранных для публикации фрагментов текста в параграфы, несмотря на то, что в дневниках Е.И.Рерих деление на параграфы отсутствует.

– в тексте не указано НИ ОДНО из многочисленных составительских сокращений, при этом фрагменты, нередко относящиеся к совершенно разным вопросам, оказываются слитыми воедино, что приводит к искажению смысла.

– нет ни комментария, ни примечаний, какие именно записи сделаны Н.К.Рерихом и Ю.Н.Рерихом, несмотря на то, что об этом говорится в предисловии. Интересно, догадается ли читатель, что таковыми являются записи, предваряющие книгу «Откровение», см. с. 7–17, а также запись «Уставы творчества» на с. 493?

– далеко не все сокращения в дневнике расшифрованы с указанием квадратных скобок.

– нарушение хронологической последовательности в книге «Откровение». Так, на с. 7–17 опубликованы записи 1921 года (датировка

не указана), а далее следуют записи 1920 года. На с. 493, в самом конце книги, почему-то оказалась запись от 1921 г., также не датированная.

– неправильная датировка. На с. 17 книги «Откровение» последние две фразы почему-то отнесены к марту–августу 1920 г., хотя в тетради они датируются ноябрем–декабром 1920 г. В книге «Высокий Путь», том 1, под датой 25 февраля 1921 г. каким-то чудесным образом оказался фрагмент текста: «Слушайте Рериха, руковожу им в счастливых достижениях. Доверчивее относитесь к Моим Словам. На вопрос, как можем мы Его отблагодарить за Его заботу о нас: Любите Меня», хотя в дневнике он датируется 6 марта 1921 г.

– слова, не разобранные редакторами, обозначены многоточием, комментарий отсутствует, при этом совершенно непонятно, авторское ли это многоточие или упущение лиц, работавших с текстом. Например, в книге «Высокий Путь», том 2, на с. 620 читаем: «Не будут ли указания... обратными?» В тетради Е.И.Рерих: «Не будут ли показания пендулума обратными у женщины?» (Пендулум – это всего-навсего латинское слово «маятник» в кириллической транслитерации).

– авторские многоточия, напротив, часто выпущены. Например, в книге «Высокий Путь», том 2, на с. 406 напечатано: «Знайте, что только теперь могут осознать значение Плана». В тетради же записано: «Знайте, что... только теперь могут осознать значение Плана». Не исключено, что в данном случае авторское многоточие вполне может означать каких-то лиц.

– Наконец, СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАВКА ТЕКСТА. Напомним, что при публикации архивных документов допускается воспроизведение текста согласно нормам современной пунктуации и орфографии, но не более того. Однако «Сфера» решает бросить вызов этой традиции, и вызов дерзкий. Судите сами.

КНИГА «ОТКРОВЕНИЕ»

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
8	Слово Архатов	Архаты говорят
8	Агатовый Страж	Пришел Агатовый Страж
10	Единство во Множестве	Един во множестве

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
10	Пути постижения Божества	Пути для постижения Божества
10	Признаки Божества известны: изложены лучше в Риг-веде	Признаки Божества известны: изложены лучше в Риг-веде (не во всей)
10	Смысл и значение жизни	Смысл нас и значение жизни
11	Дух не только психическая энергия	Дух не есть только психическая энергия
12	Ступени постижения Божества	Книги – Ступени для постижения Божества
12	Книга Познания Добра	Знание Добра
13	Обрати свой лик к Востоку	Обрати силу свою к Востоку
13	страдающий	страждущий
13	Отреченное сердце сияет над Миром!	Отреченное сердце, сияй над Миром!
16	Вверху трепетало изображение Святого Голубя	Вверху трепетало изображение Святого Голубя. В трепетных лучах переливались крылья
16	неизъяснимой	необъяснимой
16	тайному	точному
16	сияли белые	сияла белая одежда
16	И как высказать ту гармонию, которая велит	И чем скажете вы ту гармонию, которая говорит...
17	Сквозь ужас жизни и раньше подходило оно и крылом легким, горним дуновением обвевало	Сквозь ужас жизни и раньше подходило оно и крылом легким, горним дуновением обвевало и раньше

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
17	Но где найти крепость	И где найти крепость
18	Работайте счастливо	Работай счастливо и дальше
18	Не убивайтесь и уповайте	А вы не убивайтесь и уповайте
18	Мы здесь все в едине, в духе	И Мы, и Они – мы здесь все воедине, в Духе
18	Учитесь, чаще думайте о Боге!	Учись, чаще думай о Боге!
18	Писания Великой Церкви приобретите	Для учебы Фабия писания Римской Церкви приобрети
18	Больше вникайте в сущность Вселенной	А ты больше вникни в сущность Вселенной
18	Не надо унижать себя	Елена Рерих! Не надо унижать себя
18	Найдите мужество	Найди мужество
19	Яви мужество духа	Явите мужество духа
20	получите шансы	получите стансы
21	Трудитесь, работайте и любите свое искусство. Не унывайте, желайте, трудитесь. Продолжайте начатое. Зачем волнуетесь – многим труднее.	Трудись, работай и люби свое искусство. Не унывай, желай, трудись. Продолжай начатое. Зачем волнуешься – многим труднее.
21	Живите спокойно	Живи спокойно
22	Увидите силу духов в добром деле	До воскресенья увидите силу духов в добром деле
23	Рерих Новый явит русским мощь яркую	Дядя, Рерих Новый явит русским мощь яркую.
23	Будьте глубже. Воспользуйтесь данным советом.	Будь глубже. Воспользуйся данным советом.
24	Молитесь Христу, вашему Покровителю	Молись Христу, твоему Покровителю

Как видите, я дошла только до 24-й страницы, а всего их в книге 496. Имеет ли смысл продолжать столь подробную сверку? Откроем книгу наугад.

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
379	Недопустимо, чтоб искаженные привычками приказы рвали ткань!	Пусть все запомнят, ибо время великое, время завершения, время битвы, и недопустимо, чтоб искаженные привычками приказы рвали ткань!

Быть может, с «Высоким Путем» ситуация иная? Давайте посмотрим.

Книга «Высокий Путь», том 1:

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
8	Продолжайте работать	Пусть продолжают работать
8	Пиши безбоязненно – в них сила!	Пиши безбоязненно свои картины – в них сила!
8	Помоги мужу с картинами – языком письма!	Помоги мужу картины – язык письма!
8	Ты будешь	А ты будешь
9	Чаще думай о Нас	Очень часто думай о Нас
10	явленных вам	явленных Нами
11	учи китайский	учи китайца
11	методология исследований потустороннего	методология исследований того света
12	Для русского сердца и духа наступает желанный и сосредоточенный миг	Дрожи, для русского сердца и духа наступает желанный и сосредоточенный миг

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
13	Работает с Карамзиным, Сомовым и мозаичистом Ломоносовым	Работает с Карамзиным, Сомовым и Ломоносовым (мозаичист)
13	Шурочка – недавно умершая племянница Г.В.Дерюжинского, четырех с половиной лет	На вопрос, что означают добавочные маленькие удары? Отв[ет]: Шурочка (недавно умершая 4 1/2 [лет] племянница Г.В.Дерюжинского)
13	Строгое или доброе лицо?	На вопрос, строгое или доброе лицо
13	Где живет Аллал-Минг?	На мой вопрос, где живет Аллал-Минг
13	[Портрет] нарисован на сеансе в Лондоне	нарис. на сеансе в Лондоне
13	Обращение к Е.Р[ерих]	Аллал-Минг – Е. и Н. Рерих
78	Замечание Е.Р[ерих], что она протестует, поскольку не забывала о мальчиках	Замеч[ание] Е.Р., что она протестует, не забывала о мальчиках
82	Явление в ночь	Объяснение явления ночью
87	лик молодого монгола с черными волосами и черной бородкой	лик молодого монгола с довольно широким и [нрзб.] лицом и большими, но монгольск[ими] глазами, черными волосами и черной бородкой
там же	толстовским	толстов.

Похоже, все ясно. Теперь заглянем во **второй том**, к примеру, на страницы 230 (запись от 3 июня 1931 г.) и 534 (запись от 23 октября 1934 г.).

СТРАНИЦА	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
230	Книга Манди говорит о реальном существовании Шамбалы. Многие таким образом прочтут о понятии Шамбалы. Не нужно думать, что Манди светел и его судьба прекрасна, но он старается о вашей энергии	Книга Мунди не должна быть уничтожена, ибо он говорит о реальном существовании Шамбалы. Многие таким образом прочтут о понятии Шамбалы. Не нужно думать, что Мунди светел и его судьба прекрасна, он черен как трубочист, но он старается о вашей энергии
534	Во время Армагеддона силы Света особенно принимают на себя ношу и битву	Во время Армагеддона силы Света особенно страдают, потому что лишь сторонники Света принимают на себя ношу и битву

Так в чьей же редакции вынуждены читать дневники Е.И.Рерих «тысячи приверженцев, десятки исследователей и множество просто увлеченных познанием людей», к которым издатели обращаются в предисловии? – К сожалению, в редакции «Сферы». Однако ни в предисловии к обоим книгам, ни в рекламном приглашении на «духовное пиршество» об этом не упомянуто. Насколько честно поступает издательство по отношению к тем людям, которые в искреннем стремлении к Знаниям покупают его продукцию и тем самым дают ему возможность существовать и работать дальше, – решайте сами.

3. Прочие упущения:

– ошибочное прочтение текста. Почерк Елены Ивановны действительно каллиграфией не назовешь, а поскольку «Сфера» искренне считает себя единственным пристанищем для специалистов по наследию Е.И.Рерих, ни в чем не повинный читатель обречен осмысливать следующие перлы:

КНИГА, страница	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
Откровение, с. 21	там	тел

КНИГА, страница	НАПЕЧАТАНО	В ДНЕВНИКЕ Е.И.РЕРИХ
ВП, том 1, с. 13	Щой-Дюре	Щог-Дир
ВП, том 1, с. 82	из век	извне
ВП, том 1, с. 257	значение	желание
ВП, том 1, с. 575	Дофана	Дофина
ВП, том 2, с. 563	работы	радости
ВП, том 2, с. 621	ко всем	к вам

– неверная расшифровка сокращений или отсутствие таковой. Например, Юс. – это Сестра Юсна, К. (носящий кольцо Ориолы) – это Кай (С.С.Митусов, двоюродный брат Е.И.Рерих), Хир. – Брат Хирониус, а Ст. из записей 1926 г., вероятнее всего, И.В.Сталин.

– отсутствие справочного аппарата издания (за исключением нескольких примечаний).

II

При подготовке издания нарушен Закон об Авторском праве и смежных правах (статья 15, п.1, в ред. Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

Статья 15. Личные неимущественные права

1. Автору в отношении его произведения принадлежат следующие личные неимущественные права:

право признаваться автором произведения (право авторства);

право использовать или разрешать использовать произведение под подлинным именем автора, псевдонимом либо без обозначения имени, то есть анонимно (право на имя);

право обнародовать или разрешать обнародовать произведение в любой форме (право на обнародование), включая право на отзыв;

право на защиту произведения, включая его название, от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора (право на защиту репутации автора).

Перечислим эти нарушения подробнее:

1. Право на обнародование произведения. Елена Ивановна Рерих **ОДНОЗНАЧНО** высказывалась по поводу обнародования своих днев-

ников, называя срок от 100 до 300 лет после своего ухода. В ее письмах от 23 февраля 1948 года и от 20 августа 1954 года указывается срок публикации ее дневников – сто лет после ее смерти (1955+100=2055). Оба письма адресованы Э.Г.Фосдик, и в нью-йоркском Музее Николая Рериха они есть.

В письмах Е.И.Рерих за 1936–1937 гг. неоднократно встречаются упоминания о том, что она запрещает кому-либо читать ее дневники, переданные в США, и делать из них выписки (см.: *Рерих Е.И. Письма. Том IV. М.: МЦР, 2002*; также статью Генерального директора Центра-Музея имени Н.К.Рериха Л.В.Шапошниковой «Предатели»). Большинство этих писем также адресовано американским сотрудникам и прекрасно знакомо Д.Н.Попову и его коллегам, готовившим трехтомник «Писем в Америку» Е.И.Рерих.

2. Право на защиту произведения, включая его название, от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора. Произвольные компиляции из дневников, подвергшиеся редакции, были самовольно причислены составителями к каноническому корпусу книг Учения Живой Этики (см. книгу Агни-Йога: Откровение. М.: Сфера, 2002. С. 494), подготовленных самим автором, Е.И.Рерих, в 1920–1930-е годы. Эти компиляции получили произвольные названия – «Откровение» и «Высокий Путь».

3. Право на защиту репутации автора. Элементарное чувство такта подсказывает, что ряд записей, вошедших в книгу «Высокий Путь» (в частности, записи 1934 г.), имеют отношение исключительно к Е.И.Рерих и носят сугубо личный характер. Разумеется, они не могут опорочить репутацию Елены Ивановны, однако не стоит забывать, что дневник – это то, что лежит в потайном месте и, как правило, запирается на ключ. Так, достаточно хорошо известен тот факт, что ни Великие Учителя, ни Елена Ивановна не любили упоминать свои воплощения и не поощряли подобную любовь у своих последователей. Вряд ли подобное нежелание делать общественным достоянием сокровенные переживания нуждается в комментариях, однако все-таки приведу две цитаты из писем Елены Ивановны в Америку, поиск которых не отнял у меня много времени: *«...Очень прошу никому не сообщать никаких перевоплощений Владыки, эти сведения были доверены лишь ближайшим сотрудникам и не подлежат разглашению <...> Всякое сведение, не входящее в книги Учения, должно быть свято чтимо и хранимо в сердце и не должно делаться достоянием любопытствующих <...> Сколько зла причиняет непонятая истина в руках слабого духа или*

предательского сердца!» (письмо Е.И.Рерих Э.Лихтман от 22 февраля 1932 г.). *«Мы не должны говорить о своих воплощениях, потому, родная, не говорите о них никому, кроме самых близких, которых так мало! Знание моих воплощений никому не поможет, а мне только затруднит мой путь»* (письмо Е.И.Рерих З.Г.Фосдик от 25 августа 1953 г.). Могут ли объяснить составители, почему в результате «скрупулезного» отбора материалов они включили в книгу «Высокий Путь» именно эти сокровенные сведения?

Я не случайно подняла вопрос об авторском праве, ибо уверена, что издатели не осмелились бы поступить подобным образом с *живым и здравствующим* автором – опубликовать сокровенный материал против его воли, в виде произвольных компиляций, да еще в собственной редакции и под собственным названием! Потому что это себе дороже – по судам затаскают, да и репутация пострадает. А нет человека, нет и проблем!

В своих интернет-воззваниях главный редактор «Сферы» Д.Н.Попов скромно называет себя «специалистом по литературному наследию Рерихов, много лет работавшим в рериховских архивах и фондах» и активным участником рериховского движения. Но, простите, одно с другим никак не состыкуется. То ли «специалист по литературному наследию Рерихов» писем Елены Ивановны не читал, то ли волеизъявления Матери Агни Йоги и ее Наставника для «ветерана рериховского движения» ровным счетом ничего не значат... Да, каждый человек волен иметь свое мнение, в том числе и по вопросу публикации сокровенных дневников величайшей подвижницы XX века, и поступать согласно своим внутренним убеждениям. Но тогда зачем именовать себя последователем Рерихов, последователем Учения? Там же черным по белому написано: знать и не выполнять – это предательство, умаление и безразличие к Иерархии – это предательство, пойти против воли Учителя – это предательство. Хочется задать и другой вопрос издателям, занимающимся *«культурно-просветительской деятельностью в сфере эзотерических традиций»*, – не забыли ли они, как в этих эзотерических традициях расценивается преждевременная выдача сокровенных сведений?

Подумайте и вы, многочисленные защитники прав человека и обладатели «расширенного сознания», в КОГО вы сейчас швыряете камни – неужели в МЦР? Наверное, не по сердцу придутся вам следующие слова благороднейшего человека и столпа рериховского движения П.Ф.Беликова, написанные еще четверть века назад, когда этой

горячо любимой вами организации не существовало вовсе: «Наблюдается всё та же картина – люди прилагают разные ухищрения, чтобы раздобыть самое последнее слово, и вместе с тем, не прислушиваются к ранее сказанному, не познают, не говоря уже о том, что и не думают выполнять основополагающие Заветы, а вместо этого щеголяют тем, что им известно самое важное, последнее Слово. Но последних Слов нет и не будет. Всё даётся по сознанию и ко времени. Свыше 150 тетрадей с дальнейшими записями Ж[ивой] Э[тики] оставила Е.И. Когда мир будет готов их принять? Это во многом будет зависеть от нас, от того, как мы подготовим новые поколения. Сейчас же не только “Надземн[ое]”, но и многое другое недоступно широкому сознанию».

Опять запреты, опять нравоучения – скажете вы. Но, увы, не только Наследие нам недоступно, но и мы Его недостойны. Если в погоне за этим самым последним словом способны забыть обо всем: о совести, о «страхе Божьем» и, наконец, о том качестве, которое во все времена считалось первейшей обязанностью человека, вступающего на путь духовного совершенствования, – уважении к своему Учителю.

Т.О.Книжник

АВТОПОРТРЕТ В СЕРЫХ ТОНАХ¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВОЙ КНИГИ В.РОСОВА

Соображения о том, что злоумышленники могут изобретать какие-то наветы политического характера, не имеют под собой почвы. Конечно, выдумывать может всякий, но факты нашей широкой культурной деятельности настолько уже исторически неопровержимы, что нелепо даже представить себе такие поползновения.

Е.И.Рерих

В июле 2002 года на книжных развалах появилась книга В.А.Росова «Николай Рерих: Вестник Звенигорода». Это произведение претендует на серьезное исследование и новый научный подход к историческому материалу, который призван раскрыть некие мистические, «закулисные» рычаги событий. «На сегодняшний день документальная база книги не имеет аналогов в исследованиях подобного рода»², – сообщается в авторском предисловии. Действительно, солидный том, богато иллюстрированный, содержит массу интересного, ранее не публиковавшегося архивного материала, имеющего отношение к жизни и творчеству семьи Рерихов. К сожалению, этот материал полностью подчинен не столько задачам научного исследования, сколько произвольным авторским гипотезам и интерпретациям.

В современной российской истории уже укоренился подобный стиль работы с ранее закрытыми архивными источниками, ориентированный на потребу падкой на сенсацию публики. В таких «исследованиях» ведущей становится субъективная концепция автора (иногда весьма и весьма противоречивая), которую иллюстрируют тенденциозно купированные цитаты из архивных документов. В результате многие из вышедших в свет жизнеописаний великих людей не соответствуют масштабу их личности и потакают извращенным запросам политизированного массового сознания.

---

¹ Культура и время. 2002. № 4. С. 177–191.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. СПб., 2002. С. 14.

В неблагоприятной игре участвуют не только публицисты, но и держатели некоторых архивов, распоряжаясь информацией в соответствии с собственными амбициями.

В этом отношении особенно усердствует держатель архива Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, его исполнительный директор Д.Энтин. Материалы этого архива последовательно выдаются для публикации недобросовестным исследователям и издательствам, не способным профессионально работать с архивными документами.

В свое время Николай Рерих был чрезвычайно обеспокоен судьбой американского архива, большая часть которого оказалась в руках его бывших сотрудников Хоршей, путем подлога документов присвоивших себе Музей Николая Рериха в Нью-Йорке и подвергших имя его основателя неслыханной клевете. В 1936 году Рерихи писали американским сотрудникам: «Ведь как Вы знаете, манускрипты представляют дневник Е.И.[Рерих], в котором собраны разные Заветы, Легенды, Пророчества и которые представляют из себя ценнейший материал! Может быть, злоумышленники будут клеветать и измышлять в этом отношении мерзости, но все эти записи представляют из себя неотъемлемую собственность Е.И.[Рерих]. Вероятно, злоумышленники делают какие-то фотостаты или выхватывают отдельные выражения, но ведь и из Библии и из Евангелия можно набрать злоумышленно самые жестокие и страшные выражения, отделив их от предыдущего или последующего, иначе говоря, этим самым исказив весь их смысл»¹. Архивные материалы в те далекие годы избежали подобной участи, так как были спешно распроданы Хоршами. Значительная часть архива, в том числе авторские копии дневников Е.И.Рерих, попали в Амхерст колледж. Многое было сохранено З.Г.Фосдик и впоследствии собрано в новом Музее Николая Рериха, воссозданном Рерихами и американскими сотрудниками после чудовищного предательства. В последнее десятилетие американские архивы Рерихов и их сотрудников открылись для русских исследователей, и работа с ними, а также их публикация, к сожалению, стала не столько научным открытием, сколько поводом для манипулирования информацией.

Книге В.А.Росова предшествовало варварское издание авторских копий дневников Е.И.Рерих, вышедших в издательстве «Сфера» под названиями «Агни-Йога: Высокий Путь» и «Агни-Йога: Откровение» не только в нарушение воли Е.И.Рерих и авторского права Меж-

---

¹ Рерих Н.К., Рерих Е.И. Письмо американским сотрудникам от 03.03.1936. Отдел рукописей (ОР) МЦР. Фонд № 1. Вр. № 2224. Л. 44.

дународного Центра-Музея имени Н.К.Рериха¹, но и в нарушение всех издательских правил. Современные издатели не только обнародовали сокровенные манускрипты Е.И.Рерих, которые она разрешила публиковать не ранее 100 лет после своей смерти, но и произвольно исказили и перетасовали их тексты². В числе обнародованных подобным образом дневниковых записей Елены Ивановны оказались пророчества о Звенигороде, Новой Стране, о судьбах Азии и России, к которым уже не раз обращался в своих писаниях В.А.Росов, предопределяя их восприятие. Изданные «Сферой» сокровенные дневники Е.И.Рерих теперь рассматриваются как подтверждение геополитических теорий петербургского историка, а все желающие вольны интерпретировать их в меру своего сознания. Истинное же значение записей, содержащих «разные Заветы, Легенды, Пророчества» и отданных на растерзание толпе, может быть не столько историческим, сколько вневременным либо касающимся гораздо более отдаленных времен, чем XXI век. Несмотря на указанные в ее дневниках даты событий, сама Е.И.Рерих неоднократно говорила о сокровенности (и о пластичности) истинных сроков Пророчеств и Предупреждений; многие из них не были известны даже ей самой, но только Тому, Кем они были даны...

Все, кому дорого имя и наследие Рерихов, вправе настаивать, чтобы использование архивных документов из богатейшего наследия Великой Семьи зиждилось на научных основах, на этических началах, а не на стремлении сорвать очередной куш и удовлетворить свои «научные» амбиции, воспользовавшись свободным доступом к архивным документам.

ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ КАК МЕТОД «НАУЧНОГО» ИССЛЕДОВАНИЯ

Является ли новое сочинение В.А.Росова действительно серьезным научным трудом?

Классическая методология научного познания предполагает системный подход, достоверность и полноту изучения фактов. В исторической реконструкции определяющую роль играет позиция историка, понимание им масштаба и духа времени. Еще в начале XX века Н.А.Бердяев писал, что мы, «воспринимая историю, конст-

---

¹ См.: Шапошникова Л.В. Предатели // Культура и время. 2002. № 3.

² См.: Книжник Т.О. Откровение от «Сферы» // Культура и время. 2002. № 3.

руируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной»¹.

Работая над книгой «Рерих», П.Ф.Беликов писал С.Н.Рериху: «...мы хорошо знаем, что подробное жизнеописание Н.К.[Рериха] – очень ответственная работа. Сейчас я пользуюсь исключительно архивными материалами, и если у меня возникают сомнения, то предпочитаю такие моменты вообще выпускать, чтобы не исказить фактов. Но безусловно, важны не только сами факты, но и их интерпретация, и в этом Ваше указание будет особенно ценным...»²

«...Конечно, я считаю эту книгу лишь слабым отзвуком тех чувств и мыслей, которые не облечь в обычные человеческие словосочетания. Остается только надеяться, что эта первая более-менее подробная и систематизированная биография Н.К.[Рериха], в которой как-то раскрыт *и его внутренний творческий мир* (здесь и далее выделено нами. – Авт.), послужит фундаментом для дальнейших работ и исследований. Как Вы заметите, книга значительно разнится от первоначального варианта. Она ближе к жанру “художественной биографии”, однако в жизнеописании Н.К.[Рериха] я не допустил вымыслов и в меру возможностей жанра затронул некоторые серьезные, глубинные проблемы...»³

Позднее П.Ф.Беликов определит свой труд как «опыт духовной биографии». Метод глубокого творческого осмысления исторических фактов и документов при изучении наследия и биографии семьи Рерихов был успешно применен не только П.Ф.Беликовым, но и нашей современницей Л.В.Шапошниковой. Подобное исследование должно соответствовать самым высоким требованиям творческого откровения, смысл которого кардинально изменился на рубеже эпох. Творческое откровение, во всей его космической сложности и многообразии, становится главным условием преображения человека на пороге Нового Мира⁴. Такое творчество (в высоком смысле этого слова – восхищение, возвышение духа к высоким истинам, озарявшим жизнь Рерихов) способствует духовному преображению ученого-творца. Тот ученый,

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 20–21.

² Беликов П.Ф. Письмо С.Н.Рериху от 14.02.1969. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 9157. Л. 19об.

³ Беликов П.Ф. Письмо С.Н.Рериху от 12.06.1972. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 9157. Л. 36.

⁴ Шапошникова Л.В. XX век. У порога Нового Мира // Культура и время. 2001. № 1–2. С. 12.

который не в силах преобразиться и не пытается хотя бы в какой-то мере соответствовать идеям, озарявшим жизнь великого человека, вряд ли способен написать о Рерихах достаточно достоверно.

Биография Н.К.Рериха неотделима от учения Живой Этики, и серьезный исследователь не может рассматривать ее вне контекста этой глубочайшей философии. Не случайно, работая над биографической книгой «Рерих», П.Ф.Беликов писал о результатах своих размышлений над жизнью великого мыслителя и художника: «Безусловно, знание жизненного пути Н[иколая] К[онстантиновича] во многом поможет глубже понять Ж[ивую] Э[тику], а стремление идти аналогичным путем, усвоенные из него уроки – помогут претворению основ Ж[ивой] Э[тики] в нашей собственной жизни»¹. Но для В.А.Росова эта неразрывная взаимосвязь просто не существует, что не мешает ему претендовать на объяснение некой «духовной» или «мистической» подоплеку действий Н.К.Рериха.

Даже, казалось бы, вполне поддающийся хроникальному изложению событийный аспект биографий Рерихов требует очень бережного отношения к документам, по которым с той или иной степенью достоверности можно восстановить стоящие за ними события. «Факты не дают логической необходимости и всеобщности, то есть того, что как раз и характеризует научное знание»², – справедливо замечает один из классиков отечественной истории А.С.Лаппо-Данилевский.

Историческую реальность, отраженную в текстах исторических документов, Росов воссоздает сообразно собственной системе ценностей и представлений: общественно-культурную деятельность русского художника и мыслителя в эпоху «космического беспокойства» он освещает в привычном для современного российского обывателя геополитическом ключе. В результате многогранная личность Н.К.Рериха остается не раскрытой и не понятой автором, одно из самых сокровенных и многогранных понятий философского наследия Рерихов, Новая Страна, оказывается опошленным, а грандиозные планы культурного строительства – смешанными с грязью политических интриг.

О попытках с утилитарной целью употребить его имя «в самых непредвиденных комбинациях», «надеясь, что время и пространство явятся достаточными прикрытиями», Николай Константинович Ре-

---

¹ Беликов П.Ф. Письмо А.Н.Анненко от 19.12.1975 // Непрерывное Восхождение. В 2 т. М., 2003. Т. 2. Ч. 1. С. 438.

² Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 181.

рих писал неоднократно. В 1934 году в статье «Самовольство» он напоминает своим оппонентам, что для установления истины и соотнесения масштабов необходимы «широкие ознакомления». «Они помогут освободиться от предрассудков невежества и не допустят до редикюльности»¹. Однако претендующее на научность новое «исследование» В.А.Росова полностью игнорирует наиболее существенные работы в области рериховедения, в том числе книги и статьи П.Ф.Беликова и Л.В.Шапошниковой, раскрывающие космичность замыслов и деяний наших великих соотечественников; а статьи своих оппонентов автор в предисловии к книге определяет не иначе, как написанные во исполнение «политического заказа».

Особая тема – взаимоотношение В.А.Росова с текстами дневниковых записей Е.И.Рерих. В беседах с Еленой Ивановной космические Учителя человечества, Махатмы, в сотрудничестве с которыми был создан уникальный философский труд – Живая Этика, ставшая концептуальной основой творчества Рерихов и их жизненного пути, – предсказывали грядущее изменение мира, и прежде всего человеческого сознания. Высокие беседы были занесены Е.И.Рерих в дневник, эти записи уникальны по своему духовному наполнению и чрезвычайно сложны для неподготовленного и недоброжелательного восприятия.

Николай Константинович напоминал: «“Мир Огненный” указывает: “Следует избегать предубежденности как в большом, так и в малом. Много возможностей пресеклись предубеждением. Именно огненная энергия очень чутка на предубеждение”»². Само соседство лукавого авторского текста В.А.Росова и цитат из дневников Е.И.Рерих не способствует их адекватному восприятию. Происходит не одухотворенное понимание исторических событий, а событийное, приземленное толкование духовных откровений. Насколько дневниковые записи Елены Ивановны нуждаются в пространных комментариях для адекватного восприятия их обыденным сознанием, видно из ее писем, где одна или две строки из дневника сопровождаются развернутыми пояснениями, выводящим затронутую проблему на общедоступный уровень.

«Исследовательская честность» по отношению к дневникам Е.И.Рерих носит у Росова весьма специфический характер. Дневниковые записи отрывочны и метафоричны, их очень сложно, если вообще можно, поместить в какой-либо контекст. Многие фразы записаны

---

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. М., 1999. Т. 1. С. 81.

² Там же. С. 41.

только начальными буквами или слогами, что делает любую их расшифровку весьма субъективной. Нимало этим не смущаясь, В.А.Росов то и дело допускает «небольшие неточности» при цитировании таких фраз – снимает квадратные скобки, отделяющие оригинальный текст от его расшифровки. Одна из очень немногих записей Е.И.Рерих, где автор выполнил общепринятые правила цитирования, – это фраза: «Дав[айте] упр[авлять] обл[астью] от А[лтая] до Г[оби]»¹, да и то лишь потому, что она, данная в прошлой публикации В.А.Росова в вольной расшифровке², в сборнике «Защитим имя и наследие Рерихов» была приведена в качестве примера его научной некорректности³.

В остальных цитатах из дневника Е.И.Рерих петербургский историк остается верным своему методу дописывания архивных документов. Например, он с уверенностью пишет о том, что «Рерих надеялся по возвращении из Тибета, завершив “коммунистическое задание”, получить назначение на пост “начальника экспедиционного отряда для защиты интересов Союза Советских республик” в Центральной Азии. Так записала в своем дневнике Е.И.Рерих (15.11.1924)»⁴. В действительности упомянутая запись выглядит следующим образом: «По возвращению из Т. завершив коммунистическое задание получится назнач. на п. н. экс. от. для защиты интересов Союза советских республик в Ср. Аз.»⁵. Столь бесцеремонное обращение с цитатами из сокровенных манускриптов Е.И.Рерих Росов в частных беседах оправдывает тем, что цитирует их по дневнику З.Г.Фосдик (об этом документе далее будет сказано более подробно), – но в его книге это никак не оговорено.

Из дневниковых записей Е.И.Рерих Росов создает своеобразные «эссенции», вынимает целые страницы текста, соединяет начало и конец записи, чтобы сгустить смысл до «военной директивы», как, например, это сделано с записью от 5 сентября 1924 года⁶.

На протяжении всей книги автор с легкостью жонглирует фактами, именами, документами и датами, свободно преодолевая расстояние между 20-ми и 30-ми годами, подчиняя время логике своего повествования.

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 218.

² Росов В.А. Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны» // Ариаварта. 1999. № 3. С. 45.

³ Лавренова О.А. В поисках Новой Страны // Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001. Т. 1. С. 602.

⁴ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 158.

⁵ Рерих Е.И. Дневник. Запись от 15.11.1924. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 10236. Л. 60.

⁶ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 173.

Все, что не имеет отношения к изначальной гипотезе, не представляет для Росова интереса. Им практически полностью выпущена из внимания деловая переписка Ю.Н.Рериха периода Маньчжурской экспедиции и публикации других авторов, посвященные этой экспедиции. В результате место базового лагеря Н.К.Рериха Тимур Хада и строящаяся столица автономной Внутренней Монголии Батухалка оказались перенесенными из Байлинмяо в Баотоу. А от Байлинмяо (Батухалки) до Баотоу, как писал Ю.Н.Рерих, два дня пути на грузовой машине¹. Но такие «мелочи» не имеют значения для скрупулезного «исследователя», сосредоточившего свое внимание преимущественно на архивах спецслужб и сокровенных манускриптах Е.И.Рерих (странное сочетание, не правда ли?).

В.А.Росов без тени сомнения берется комментировать Великий План Махатм, который, как кажется автору, довольно прозрачно обозначен в записях Высоких Бесед, сделанных Еленой Ивановной. В результате долину Кулу он превращает в «духовную столицу», представив ее в контексте собственных геополитических построений. Сибирь, Алтай, Монголия сливаются в единое государство, образовавшееся то ли военным, то ли мирным путем.

«Уникальность и величие рериховской работы по созиданию “Новой Страны” в том, – пишет Росов, – что она не была исключительно политико-экономической – за всем стояла духовная цель»². Немногим ранее в обзоре геополитической ситуации в Центральной Азии Росов убедительно показывает, как Советы в 1921 году подавили религиозное восстание в МНР, а в 30-х годах, опять же с помощью СССР, была ликвидирована автономия в Синцзяне. Над пустынями Монголии сошлись интересы двух держав. О геополитических коллизиях вокруг азиатских пустынь Рерихи были прекрасно осведомлены. Е.И.Рерих высылала мужу, находящемуся на маршруте Маньчжурской экспедиции, выписки из газет, в том числе такие: «...по мнению авторитетных политических наблюдателей, Монголия может стать рано или поздно ареной кровопролитного столкновения между Сов[етским] Союзом и Японией. Над ея пустынями собираются грозные тучи...»³ «...За последнее время поступил ряд ходатайств о присоединении внутренней Монголии к Маньчжурии. В Долонноре группа монгольских князей

---

¹ Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. М.: МЦР, 2002. Т. 1. С. 298.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 12.

³ Рерих Е.И. Письмо Н.К.Рериху от 18.02.1935. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 1113. Л. 171.

обратилась с просьбой к маньчжурским властям о разрешении передать маньчжурскому императору в Синкинге петиции о воссоединении Монголии с Маньчжурией...»¹ Каким образом кооператив, задуманный Н.К.Рерихом в Маньчжурии, а затем во Внутренней Монголии, мог превратиться в новое «буферное» государство между двумя державами, не терпящими политических полутонов, из намеков Росова понять невозможно. В результате Н.К.Рерих, общественный и культурный деятель мирового масштаба, изображается Росовым как недалёковидный политик, лелеющий несбыточную мечту о новом государстве в пустынях Азии.

Но о «портрете» Н.К.Рериха «кисти» Росова следует поговорить отдельно.

«СЕРЕНЬКИЙ» НЕ ДРЕМЛЕТ

В предисловии к книге, перечисляя последние отечественные и зарубежные публикации о Н.К.Рерихе, В.А.Росов сетует на однобокое восприятие авторами многогранной личности нашего соотечественника и уличает О.Шишкина, А.Первушина, И.Минутко в сознательном искажении реальных исторических фактов с целью выставить Н.К.Рериха в ложном свете. У читателя возникает надежда, что Росов искренне хочет пресечь выдумки и лжетолкования относительно экспедиций Н.К.Рериха в Центральную Азию и берет на себя трудную задачу с помощью новых архивных документов восполнить пробелы в биографии Мастера. Однако на поверку оказывается, что «новая» интерпретация фактов лишь на руку откровенным фальсификаторам и клеветникам.

«Вестник Звенигорода» – не первый случай, когда В.А.Росов, заявляя одно, утверждает нечто прямо противоположное. Не так давно было издано его биографическое эссе о жизни и деятельности Н.К.Рериха «Неудавшееся попечительство. Об истории взаимоотношений Института “Урусвати” и Института им. Н.П.Кондакова в Праге»², где автор уже достаточно ярко показал свое отношение к великому мыслителю и художнику и весьма преуспел в области произвольных размышлений над архивными документами. Основная тема этого эссе, по заявлению

---

¹ Рерих Е.И. Письмо Н.К.Рериху от 18.02.1935. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 1113. Л. 172. (Выписка из газеты «Возрождение» от 16.03.1935.)

² Росов В.А. Неудавшееся попечительство. Об истории взаимоотношений Института «Урусвати» и Института им. Н.П.Кондакова в Праге // Семинариум Кондакованум. СПб., 1999. С. 11–58.

автора, – обращение к нравственной проблеме в науке. Но проблему нравственности он сужает до проблемы межличностных отношений и методом смещения смысловых акцентов отводит Н.К.Рериху неблагоприятную роль мастера закулисной игры. Четкая жизненная позиция великого художника, мыслителя и общественного деятеля, ориентированного на сотрудничество прежде всего с высокодуховными и честными людьми, намеренно искажается. Некритическое отношение к источникам и тенденциозная избирательность в подборе документов – грех непростительный для исследователя. Материал подается автором с позиций тех людей, с которыми Н.К.Рерих предпочитал не развивать отношений. При этом В.А.Росов опускает именно те упоминаемые Рерихом письма, которые могли бы прояснить ситуацию и показать истинное лицо его корреспондентов.

В новой книге авторское представление о новаторском пути Рериха является лишь отражением «высоты» духа самого В.А.Росова. Своими намеками, недомолвками, сомнениями, оговорками типа «пожалуй», «хотим мы этого или не хотим», «наверное», «возможно», «казалось бы» он последовательно пытается принизить общественно-культурную Миссию Рерихов и высоту духа их Учителей.

О разрушительной роли сомнения и умаления Рерихи напоминали неустанно. «Главное, все сотрудники должны избегать взаимного подрывания перед служащими и посторонними. Этот подрыв уважения делается в мелочах, острыми словечками, кривыми улыбочками и т.д. Нельзя допустить, чтобы посторонние могли замечать расчленение дела, сильного лишь своим единством. Нужно очень следить, чтобы служащие не потеряли уважения, слыша разные намеки. Разбитие уважения непоправимо, и делается это именно самыми обычными обстоятельствами и неудачными выражениями. Не раз уже было сказано: “Даже в шутку не следует умалять и осуждать друг друга. Пора понять вред малых мошек”. Укус малой мошки может принести заражение целого организма. Нужно помнить, что “враг пытается влезть не в дверь, но в щель”. Подрывание же друг друга является не только щелью, но открытой дверью»¹, – так писала Е.И.Рерих.

Система скрытых и явных умалений в книге В.А.Росова проработана последовательно, тонко и многозначно. Лакмусовая бумажка для определения отношения В.А.Росова к наследию Рерихов – вопрос о космических Учителях человечества, Махатмах, и их земной обители

---

¹ Рерих Е.И. Письма. Кишинев, 1995. С. 96.

Шамбале. Существование Махатм, как оказалось, не очень соответствует «научному характеру» книги, и, чтобы вписать Их в свой труд, он поступает довольно просто – принижает и приземляет до уровня обыденности образ Великих Учителей, руководивших Рерихами. Это простительно было бы Игорю Минутко, который не имеет представления о философско-этических воззрениях Рерихов и Иеровдохновении, под знаком которого прошла вся их жизнь. Но Росов, заявляющий о своей причастности к учению Живой Этики, данному Рерихами в сотрудничестве с Махатмами, судя по книге, по ее духу, недалеко от него ушел.

Учение Живой Этики утверждает цельность внешнего и внутреннего мира. Живая Этика говорит о том, что ум должен быть сердечным, а сердце – разумным. Но подобная цельность мировосприятия, присущая Рерихам, не находит отклика у автора. Неделимая канва жизни Рерихов в изложении Росова раздваивается: рассматриваются некие внутренние и внешние импульсы к деятельности, разделяются творческая и мистическая стороны жизни Н.К.Рериха:

«Весной 1920-го в Лондоне Рерихи встретились с Учителями <...> И с этого момента их существование наполняется бессознательными импульсами и образами индийской жизни <...> Вопрос о Махатмах – самый щепетильный и бесспорно важный. В контексте данной работы он сам собой выдвигается на первый план. Любой ученый вынужден реагировать в подобной ситуации. Ведь Махатмы были реальными личностями <...> Что же можно поделать, если существуют дневники Рерихов – записи их бесед с Учителем Морией. И социальная, научная и творческая жизнь Николая Константиновича регламентирована этими дневниковыми записями <...> Возможно, это уникальный опыт в истории человечества, данный нам сегодня только в “ощущениях”»¹.

«Пророчества и предсказания на 36-й год, возможно, не относятся ни к научному характеру книги, ни к творческой натуре Рериха (хотя у него определенно мистическая интуитивная природа, как и у любого настоящего художника)»².

«Надежды на Советы возлагались еще довольно большие, невзирая на ранее упомянутую запись из дневника Е.И.Рерих о том, что “явление Трилиссера позорит Москву”. (Пожалуй, эта фраза относится к интуитивным прозрениям Елены Ивановны, поскольку настоящей помощи от чекистов так и не последовало.)»³

---

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 20.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 191.

Н.К.Рерих был цельной натурой, для него и всей семьи творческое общение с Махатмами, применение в жизни каждого дня Их Указов и принципов Живой Этики было основой основ, а не «бессознательными импульсами» и «интуитивными прозрениями», данными только в «ощущениях». «Что сказали бы все эти самоутвержденные авторитеты, – писала Елена Ивановна своим корреспондентам, – если бы слышали от нас о замечательных событиях и встречах, а также и о получении нами на хранение многих сокровенных предметов, и что вся жизнь наша идет под Лучом Владык?»¹

Е.И.Рерих не однажды писала о ведущей роли Учителей в жизни всех членов ее семьи, и особенно в жизни Н.К.Рериха: «Жизнь его есть жизнь полного самоотречения, он живет для Великого Служения. Никто не принадлежит ему, и сам он не принадлежит себе. Каждую минуту готов он следовать малейшему Указу Владыки. Терпимость великая – природа его <...> Мудрость Учителя есть мудрость его. Эти два Сознания так объединились на протяжении многих лет и веков! Если было бы иначе, разве мог бы он быть таким провидцем и так преуспевать в поручаемых ему делах при таких чудовищных препятствиях, которые воздвигаются темными в конце Кали Юги, во время грозно свирепствующего Армагеддона?»² И еще: «Поймем, что выполнение указов Учителя не есть подчинение своей индивидуальности чужой воле, как это утверждают легкомысленные люди, но, именно, и есть наибольшее развитие чуткости и творчества, ибо в указе Учителя всегда заложено столько причин, столько возможностей и путей выполнения!»³

Между тем В.А.Росов, последовательно реализуя метод умаления и разделения, не только отказывает Н.К.Рериху в творческой цельности мировосприятия, но и приписывает ему несамостоятельность действий и поступков, зависимость от «внешних стимулов» и «возвышающихся других фигур». Он сообщает читателям, что, оказывается:

«Картины – не менее значимая сторона деятельности Рериха, чем рассылка грамот и пророчеств. Способ насытить азийский мир образами грядущего Будды»⁴.

«История с бароном Унгерном имела бы лишь косвенное отношение к Мировому плану, если бы не один факт. Обозом Азиатской дивизии командовал родной брат Н.К.Рериха, Владимир Константинович(!).

---

¹ Рерих Е.И. Письма в Америку. М., 1996. Т. 1. С. 130.

² Там же. С. 135–136.

³ Рерих Е.И. Письма. Кишинев, 1995. С. 54.

⁴ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 136.

Без сомнения, начальник дивизионного обоза – высокая должность, приближенная к Унгерну. Это обстоятельство, возможно, является решающим, чтобы разобраться в появлении внешнего стимула к Мировому плану (внутренним, конечно, были указы Махатм)»¹.

«Рядом с мировым вождем Рерихом возвышаются другие фигуры, оказавшие влияние на поиски Новой Страны. Главная из них – министр Генри Уоллес. Именно он дал своему Гуру ощутимую надежду ступить на землю Майтрейи. И он же сокрушил Великий План. Человечеству в наследство осталась самая дерзновенная мечта, которая навсегда будет связана с именем Рериха»².

«Гребенщиков – это главная опора Великого Плана на Алтае»³. «А возможно, что и сам Мировой План (или отдельные его части) стал приобретать для Рериха образную завершенность благодаря Гребенщикову»⁴.

Здесь что ни пассаж, то намеренное искажение, деформация смыслов, «разъятие» фактов и событий.

Если говорить о «возвышающихся других фигурах», то Г.Д.Гребенщикову, например, было многое дано, чтобы понять, от кого и через кого пришли все возможности. Достаточно обратиться к письмам Елены Ивановны в Америку, чтобы понять, что Н.К.Рерих знал истинную цену Тарухану. Авансом данные ему высокие оценки Учителей Гребенщиков воспринял как должное. Освоившись в Америке, он стал работать на продвижение своего имени. Н.К.Рерих, обсуждая с З.Г.Фосдик свою поездку в Харбин, шутил, «...что Тар[ухан] его представляет как Почетного члена Чураевки, едущего к ним»⁵. Характерен эпизод с иконой преподобного Сергия, которая находилась в нью-йоркском Музее. В отсутствие Н.К.Рериха комната, посвященная святому Сергию, была ликвидирована, а икону Г.Д.Гребенщиков, не воспротивившийся святотатству, забрал и установил в часовне преподобного в Чураевке, не посчитав нужным поставить об этом в известность своего Гуру.

Не выдерживает критики и версия Росова о роли В.К.Рериха в планах его великого брата и, более того, в планах Учителей. Оказывается, если бы Владимир Константинович не работал у барона Унгерна начальником дивизионного обоза, то направление деятельности

---

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 25.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Фосдик З.Г. Мои Учителя: Встречи с Рерихами (по страницам дневника: 1922–1934). М., 1998. С. 654.

Н.К.Рериха, определенное указами Владыки, было бы совсем иным. Такая же «судьбоносная» роль отводится Росовым и Генри Уоллесу. Но хорошо известна истинная роль Генри Уоллеса в позорном для Америки предательстве, погубившем первый Музей Николая Рериха.

Мудрую и искусную тактику Н.К.Рериха при общении с большевиками Росов низводит до примитивного резона, что все средства хороши для достижения цели:

«Биография Рерихов полна историческими метаморфозами»¹.

«Яркая антибольшевистская страница в жизни Рериха-старшего вписана благодаря дружбе с Леонидом Андреевым <...> Николай Константинович, оценивая посмертно роль Леонида Андреева как писателя, в статье, посвященной его памяти, подчеркивал, что он горел священной мыслью “раскрыть человечеству весь ужас большевизма”. Казалось, такая неприязнь к Советской власти сохранится на века»².

Все, кто знаком с творчеством семьи Рерихов, знают, во имя чего они жили – «...не для большевиков, но для России нужно нести накопленное». Неужели В.А.Росов не понимает, какие силы надо было приложить, чтобы протянуть всех двугорбых верблюдов, стоящих на Пути, в игольное ушко? И что кроется за этим «непониманием», как не желание скомпрометировать Великую Идею и всех, кто причастен к ней? «Настоящее мужество состоит в том, чтоб принести Мое письмо самым страшным людям. Нельзя выразить, около каких опасностей прошли в Москве. Малейшее сомнение или содрогание могло принести разрушения <...> Считаю результат Москвы важным исторически»³, – записала в своем дневнике Е.И.Рерих.

Особо следует отметить сквозящее между строк желание Росова уличить Н.К.Рериха в нескромности и настойчивом привлечении внимания к своей особе:

«В книге “Сердце Азии” Николай Константинович определяет взаимоотношения между всеми главными буддистскими иерархами – “последним” Далай-ламой XIII, Таши-ламой и “Великим Далай-Ламой”. Удивительно, что в этот треугольник Рерих помещает себя самого как “Великого”»⁴.

«Кому же предназначалась такая драгоценность (орден Будды Всепобеждающего. – Авт.)?. И притом три экземпляра. Стоимость од-

---

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 116.

² Там же. С. 117–118.

³ Рерих Е.И. Дневник. Запись от 18.07.1926. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 10237. Л. 136–137.

⁴ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 52.

ного массивного, изготовленного из серебра ордена составила 700 американских долларов (!). Это три месячных экспедиционных жалованья Рериха или четырнадцать профессорских зарплат Гребенщикова <...> Первый орден предназначался Далай-ламе, второй – Таши-ламе, третий... Последним награжденным мог оказаться, по крайней мере, тоже лама, рангом не ниже, чем первые два. Быть может, Западный Далай-лама?..»¹

«В очерке Рерих пишет о “целых группах Махатм и Учителей”, появившихся в последние годы в Индии, в Китае и во всей Центральной Азии. Среди них он называет Шри Рамакришну, Свами Вивекананду, Цаган Хутухту, революционера Ауробиндо Гхоша и даже Махатму Ганди. В один ряд с ними Николай Константинович выдвигает самого себя – фигуру нового Махатмы <...> Пожалуй, этот факт никак не умаляет личности Рериха, но лишь раскрывает его оригинальный метод, посредством которого воплощался Великий План»².

При чтении подобных строк невольно приходит на память эпизод из воспоминаний В.Н.Грамматчикова:

«Не спит маленький серенький, ждет каждого удобного момента, в который можно было бы влезть в сердце человеческое, забросить туда дрянненькую мысль, авось да клюнет, попадетя на удочку, засомневается, а тогда уже за маленьким сереньким проберется и большой черный. Проберется, словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засушенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль.

Входит в юрту Н.К. недоволен. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом.

“Нет, все хорошо”.

Видно, дело не в растении. Опять вопрос.

“Мысли мне ваши не нравятся”.

“Как... почему...”, растерянно бормочет человек, а сам в то же время начинает сознавать, что мысли-то действительно плохи.

В присутствии Н.К. как-то сразу резче становится граница между тьмою и светом, и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ.

Через несколько минут маленький серенький летит стремглав туда, откуда он так настойчиво столько времени процарапывался и уже было залез. Летит и ревет от бессильной злобы и бешенства <...>

---

¹ Рогов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 162.

² Там же. С. 184.

Темная мысль пресечена, идет дальнейший разговор. Н.К. как всегда тихо и ровно говорит о том, как надо любить Иисуса Христа и Преподобного, как проникнуться любовью к ним, чтобы при одном имени их, самим ли произнесенном или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло.

И чувствует слушающий, что от этих слов светлых, произнесенных с такой силой, у него самого затрепетало теплой радостью сердце. И вместо маленького, серенького, входит что-то Большое, Светлое, Прекрасное, Святое»¹.

Николай Константинович оставил нам богатейшее духовное наследие, его уникальные «Листы дневника» приобщают нас к тому Светлому и Прекрасному, о котором говорил со своими сотрудниками великий мыслитель и художник.

Но «серенький» не дремлет, и для его поселения в души людей придумано много приемов. Росов пользуется ими вдохновенно. В наборе средств, которыми он пишет «портрет» Н.К.Рериха и членов его семьи, – специфическая лексика, приемлемая разве что для «шпионских репортажей» газеты «Совершенно секретно», но не для создания образов великих деятелей Культуры:

«Несколько раз Рерих *ставил* на Кордашевского...»²

«В Урге для Юрия Рериха готовилась *легенда*...»³

«По прибытию в Соединенные Штаты Гребенщиков работает на благо Алтая. Собственно, с этой целью он и был “*выписан*” Рерихом из Парижа»⁴.

«Рерихи разработали целую систему кодовых обозначений, чтобы уберечься от цензуры и случайно любопытствующих глаз. Только благодаря “*шифровальному*” *листу*», чудом сохранившемуся в архиве советского консула А.Е.Быстрова, удалось понять, кто за кем стоит»⁵.

Согласитесь, подобный стиль изложения никак не совместим с жанром «духовной биографии» – единственным жанром, который, по мнению П.Ф.Беликова, способен наиболее полно передать облик Н.К.Рериха и на владение которым претендует Росов.

Но только ли «кризис жанра» стоит за подобным отношением автора к герою его книги? Размышляя о «той или иной степени болезненности», которую невольно обнаруживают авторы ложных газет-

---

¹ Грамматчиков В.Н. О Н.К.[Рерихе]. ОР МЦР. Фонд № 1. Вр. № 3398. Л. 10–11.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 123.

ных публикаций, Николай Константинович в свое время писал: «Не говорю вообще против печатного слова, но его стало так много, оно сделалось подверженным такому множеству партийных, национальных и классовых соображений, что действительность преломилась в нем во всех бесчисленных гранях условных делений человечества <...> Что-то преломилось, заскрипело, заржавело, и мысль человеческая понеслась в бездну. Она озирается и спрашивает себя, где бы навредить. Другой бросает в пространство сведение, в которое он, конечно, и сам не верит, но оно так ладно связывает два отрывка мышления»¹.

В.А.Росов, надо отдать ему должное, владеет даром «ладно» связывать обрывки, по клочкам воссоздавая «цельную» картину исторического прошлого. Однако, как заметил тот же Н.К.Рерих, «реставратор с ложным пафосом иногда будет рассказывать, как он поможет оживить увядшие краски старинной живописи, а на деле вы с огорчением убедитесь, сколько именно старинных красок безвозвратно стер сам реставратор и как отталкивающе грубо замазал он поврежденные места»². В той же статье Николай Константинович вспоминает стихи А.С.Пушкина:

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.*

Несостоявшийся портретист и реставратор исторической действительности, В.А.Росов вывел за рамки своего исследования не только учение Живой Этики, но и самое главное, что составляло основу общественной жизни великого художника, – концепцию Культуры Рериха и его понимание взаимоотношений Культуры и цивилизации, в которых Культуре Николай Константинович отводил ведущую роль. Политика и все, что с ней связано, относится исключительно к понятию цивилизация, поэтому такие определения Росова, как «неординарный политик» и «большой политик», никакого отношения к Рериху не имеют. Чем объяснить настойчивость, с которой на протяжении многих лет Росов пытается навязать читателям вымышленные образы Рерихов? Какую именно идею он хочет до нас донести? Ответ на этот вопрос заслуживает особого внимания.

---

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 201–202.

² Там же. С. 143.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МАРОДЕРСТВО»
ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

В 1999 году в третьем номере журнала «Ариаварта» в статье «Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках “Новой Страны”» Росов выступил с довольно резким заявлением: «Как всегда бывает, при разрушении старых догм первыми появляются интеллектуальные мародеры. Только в этом году уже издано две книги, выставяющие Рериха в ложном свете, – Олега Шишкина “Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж” и Антона Первушина “Оккультные тайны НКВД и СС”. Первая делает Н.К.Рериха агентом советских спецслужб <...> Вторая отводит Рериху роль неограниченного властью сатрапа, стремящегося “единолично решать судьбы мира”. И то и другое – ложь, от начала до конца»¹.

Вышеприведенная цитата почти полностью повторена в новой книге. За исключением одной существенной детали, – теперь в ней опущено меткое определение «интеллектуальные мародеры» и оценка их идей как «ложь от начала и до конца». Что же изменилось? Неужели одумались и прозрели шишкины, первушины и минутки? Отнюдь. Изменилась позиция их недавнего критика: в 2002 году Росов в книге «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» повторяет ложь О.Шишкина практически дословно.

Напомним, что в 1994 году прошли два судебных процесса по иску Международного Центра Рерихов к газете «Сегодня» и к О.Шишкину, автору клеветнических публикаций в этой газете, предварающих его книгу «Битва за Гималаи». Суды признали информацию, содержащуюся в статьях Шишкина, не соответствующей действительности. И вот теперь идеи «интеллектуального мародера» Шишкина легли в основу одной из сюжетных линий книги Росова – о взаимоотношениях Рерихов с ОГПУ.

Сближение не единственное. В статье «Н.К.Рерих. Мощь пещер (1)»² Шишкин утверждал, что Центрально-Азиатская экспедиция Рериха имела цель «спровоцировать религиозную войну»³ в Тибете между Далай-ламой и Таши-ламой. Эта цель, по мысли Шишкина и «стратегов советской разведки», достигалась в том случае, когда «вод-

---

¹ Росов В.А. Маньчжурская экспедиция Н.К.Рериха: в поисках «Новой Страны» // Ариаварта: Научный журнал. СПб., 1999. № 3. С. 17.

² Шишкин О. Н.К.Рерих. Мощь пещер (1) // Сегодня. 1994. 10 дек.

³ Там же.

ворение настоятеля Ташилунпо в его обитель могло произойти лишь силовым путем»¹. Теперь В.А.Росов развивает идею военного похода на Тибет, рассуждает о возможности военных действий в Азии, спровоцированных Рерихами, и приводит выдержку из дневника генконсула СССР в Урумчи А.Е.Быстрова, который весьма своеобразно трактует планы Рериха: «Связаться с бежавшим из Тибета в Китай Таши-ламой <...> и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан»². Росова не смущает, что вышеприведенная цитата принадлежит не Рериху, а является интерпретацией самого генконсула Быстрова. Главное, что эта фраза вполне соответствует теории Росова, который далее развивает свою мысль: «Случайно ли Рерих пишет о боевых дружинах лам? Или все-таки в этом есть *умысел* – *намекнуть* Советам, что при необходимости объединение Азии может быть достигнуто вооруженным путем...»³

Почему и Минутко, и Росов, и другие «исследователи» так активно педалируют идею «военного похода на Тибет»?

Их «предтеча» О.Шишкин еще в 1994 году цитировал документ армейской разведки: «Фактически возвращение Панчен-ламы в Тибет <...> возможно, однако, лишь в результате военного похода»⁴. Эта карта действительно разыгрывалась в свое время в геополитических планах советского руководства. Связать в один узел планы советской диверсионной деятельности против «мирового империализма» и экспедицию Рериха – вот задача подобных «исследований».

В той же статье О.Шишкин писал, что «Рерих выступает как представитель некой богатой заинтересованной американской буддийской организации – от неких “буддистов Запада”»⁵, – это за два года до издания дневников доктора экспедиции К.Н.Рябина «Развенчанный Тибет», где впервые было опубликовано высказывание о Миссии. Очевидно, что Шишкин черпал информацию из закрытых архивов, где хранились допросы П.К.Портнягина (о нем чуть позже).

Вслед за Шишкиным Росов сообщает о Соборе Западных буддистов как о данности, не принимая во внимание то, что упоминание об этом событии в дневнике Е.И.Рерих может иметь не обыденный, а сакральный смысл.

¹ Шишкин О. Н.К.Рерих. Мощь пещер (1) // Сегодня. 1994. 10 дек.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 141.

³ Там же. С. 126.

⁴ Шишкин О. Н.К.Рерих. Мощь пещер (2) // Сегодня. 1994. 17 дек.

⁵ Там же.

По утверждению Росова (еще один пример не критического отношения к источнику), обнародованные дневники доктора Центрально-Азиатской экспедиции К.Н.Рябинина «Развенчанный Тибет» и экспедиционные записи заведующего транспортом экспедиции П.К.Портнягина и начальника охраны экспедиции Н.В.Кордашевского произвели «эффект разорвавшейся бомбы, наши представления о художнике Рерихе и задачах двух его “научно-художественных” экспедиций начали постепенно меняться»¹. Этот «взрыв» связан именно с тем, что авторы упомянутых дневников говорят об экспедиции как о миссии, а Рябинин к тому же приводит письма Николая Рериха к тибетскому правительству, по распоряжению которого экспедиция была в течение пяти месяцев арестована на высокогорном плато и вынуждена зимовать буквально в нечеловеческих условиях. В этих письмах Рерих говорит об экспедиции как о «Посольстве Западных Буддистов» и настоятельно требует от тибетского правительства освободить их из-под ареста и разрешить продолжить движение.

Чтобы понять, почему Рерих в переговорах с представителями тибетского правительства называл свою экспедицию «Миссией» или «Посольством Западных Буддистов», необходимо прочувствовать условия той страшной зимовки и атмосферу тибетского невежества и жестокости. По прямому указанию англичан (Тибет был в те времена под протекторатом Великобритании) участников экспедиции обрекли на верную гибель: «И ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев нашего стояния в летних палатках при морозах свыше 60° С, при ураганных ветрах на высоте 15 000 футов (~ 4 600 м), – пишет Николай Рерих в своем экспедиционном дневнике. – Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца <...> Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче»².

Исследователю, свободному от предвзятости, не составит особого труда понять, почему руководитель погибающей экспедиции в письмах к виновникам трагедии представлял экспедицию как «Миссию» и «Посольство» и указывал срок (27 ноября 1927 года – день, когда якобы должен состояться Собор Западных буддистов), не позднее ко-

---

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 10.

² Рерих Николай. Алтай – Гималаи. Рига, 1992. С. 305.

того он должен связаться с Америкой (в Лхасе было телеграфное сообщение с Индией). Форма обращения и содержание писем Рериха вполне объяснимы: руководитель экспедиции, отвечающий за жизнь ее участников, был обязан принять все возможные меры для спасения людей. В итоге выбранная Рерихом тактика оказалась правильной и спасла экспедицию.

Оценивая дневники доктора Рябинина с точки зрения достоверности содержащейся в них информации, нельзя не учитывать, что, находясь под сильным впечатлением от светоносной личности Николая Константиновича, Рябинин под «высотой и чистотой духа Миссии, возложенной на Н.К.[Рериха]»¹ имел в виду не только саму экспедицию, но всю жизнь и творчество великого соотечественника. Духовное понимание Рябининым задач Миссии Рериха противоположно попыткам Росова навязать свое (вернее, позаимствованное у Шишкина) заземленное понимание задач Центрально-Азиатской экспедиции «с уклоном в политику». Надо полагать, что автор получил своеобразную контузию от упомянутой «разорвавшейся бомбы». Иначе чем объяснить его умопомрачительные выводы: «...Рерих направился в Тибет как представитель Всемирного Союза буддистов (с центром в Нью-Йорке) на встречу с Далай-ламой. Его миссия должна была завершиться переговорами о реформировании буддийского учения и официальным признанием параллельной ветви Западных буддистов. Причем не важно, каким будет решение Его Святейшества. Если даже отрицательным, то неизбежным исходом переговоров станет *самопровозглашение* <...> Фактически речь шла об избрании русского Далай-ламы. И такой Далай-лама был утвержден...»² И далее: «Неизвестно, проводились ли официальные выборы – по некоторым сведениям (каким?! – Авт.), Собор буддистов состоялся 27 ноября, – но Буддийский центр действительно существовал при Рериховском музее»³. Самое интересное, что в качестве неопровержимого доказательства Росов выдвигает показания Портнягина, данные им на допросе. «Можно предположить – сведения о Западных буддистах, попавшие на страницы дневников, носят какой-то метафорический смысл. Но существуют неопровержимые факты. Более 30 лет спустя после Трансгималайского путешествия П.К.Портнягин на следствии в связи с его прошением о реабилитации свидетельствовал: “Экспедиция Рериха в основном преследовала религиозную цель,

¹ Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Самара, 1996. С. 118.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 165.

³ Там же.

именно установить контакт между западными и восточными буддистами, поскольку сам Рерих являлся главой западных буддистов»¹.

Таким образом, пользуясь показаниями человека, который ради своей реабилитации 9 августа 1960 года в камере КГБ оклеветал Рериха, автор книги «Николай Рерих: Вестник Звенигорода» пытается бросить тень на великого сына России. Следует напомнить, что П.К.Портнягин был весьма одиозной личностью и после Центрально-Азиатской экспедиции, обманувшись в своих корыстных ожиданиях, возненавидел Рерихов и стремился везде, где возможно, принизить их и научное значение упомянутой экспедиции². Именно документы,

¹ *Росов В.А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 10.

² По мнению известного биографа семьи Рерихов П.Ф.Беликова, в Центрально-Азиатской экспедиции «Портнягин полного доверия Рерихов не заслужил. Похоже, что он был как-то наслышан о «Шамбале» и надеялся не более не менее, как проникнуть с помощью Н.К. в Ашрамы. Получив отпор, он уже в экспедиции повел себя недружелюбно» (*Беликов П.Ф.* Письмо Л.В.Шапошниковой от 13.12.1973. Архив Л.В.Шапошниковой). Именно поэтому в свое время П.К.Портнягина чрезвычайно возмутила статья Л.В.Шапошниковой в журнале «Вокруг света» № 10–11, 1973, посвященная экспедиции, в которой он принимал непосредственное участие. В своем письме журналисту Л.Минцу Портнягин осмелился утверждать, что «никакой самостоятельной “Центрально-Азиатской экспедиции Н.К.Рериха” не было: путешествие от Улан-Батора до Тибета и Индии было лишь заключительным этапом большого паломничества, если не “по святым местам”, то по древнему пути первых проповедников буддизма в этих местах – посланцев царя Ашоки: из Ладака (в Индии) через перевал Каракорум к северу, вдоль китайско-советской границы до Алтая, затем – на Восток, в Бурятию и Монголию, а оттуда – в Тибет и Индию. Эта “миссия” имела специальное поручение от Махатм Востока правителю Тибета Далай-ламе, а попутно Н.К.Рерих отвез письмо политического содержания в Москву, адресованное Махатмами Советскому Правительству» (*Портнягин П.К.* Письмо Л.Минцу от 15.04.1974. Архив Л.В.Шапошниковой). Как видим, слово «миссия» здесь произнесено совсем в ином ключе, но с тем же намерением – принизить научное значение Центрально-Азиатской экспедиции и опорочить Н.К.Рериха. О том, является ли содержание письма Махатм Советскому правительству «политическим», теперь можно судить непосредственно из самого письма – оно не раз было опубликовано. Что касается личности самого П.К.Портнягина, то весьма показательна краткая биография, составленная его братом, Г.К.Портнягиным: «Год рождения – 1.1.1903 во Владивостоке. Закончил гимназию – 1921 г. Поступил в Политехнический институт во Владивостоке в 1922 г. и оттуда был призван в ряды Красной Армии. В качестве военнослужащего был направлен в Улан-Батор (тогда г. Урга, МНР) – 1923 г. В 1924 г. он оказывается в г. Харбине (в качестве кого он туда поехал, не знаю). Через Тяньцзинь переехал в Улан-Батор и пробыл там до отъезда с экспедицией Н.К. в Гималаи. В конце экспедиции пытался остаться в Гималаях. Разрешение испрашивала Е.И. по его просьбе. Ему отказали. Затем он оказывается в Италии, где поступает в Колледж Руссикум (известная разведшкола, готовящая шпионов и диверсантов против социалистических стран). По окончании ее в качестве Прелата монастыря св. Урсулины пребывает в г. Модягоу (пригород Харбина). В декабре 1948 г. арестовывается и высылается в СССР по обвинению в агитации против Советской власти. Отбывает в лагерях 8 лет. Освобожден в 1956 году, но пребывание в крупных (режимных) городах не разрешено. Поселился в г. Самарканде. Вот Вам лицо этого “борца за правду”...» (*Портнягин Г.К.* Письмо Л.В.Шапошниковой от 26.02.1974. Архив Л.В.Шапошниковой).

выходящие из-под пера людей, враждебно относящихся к Рерихам, Росов охотно использует в своих трудах.

Но и на этом В.А.Росов не останавливается в своем следовании идеям О.Шишкина. По его мнению, встречи Николая Рериха с советскими дипломатическими представителями означают, что Центрально-Азиатская экспедиция без участия Москвы не могла бы осуществиться. Д.Н.Бородин, заведующий Русским сельскохозяйственным бюро в Америке, усилиями Росова предстает «деятельной направляющей силой, благодаря которой экспедиция продвигалась по Азии»¹; якобы именно Бородин, «давая последние “указания” <...> сказал Николаю Константиновичу, что “главное для них – это объединение Азии”»².

Политический подход диктует Росову еще одну побочную сюжетную линию: «Духовные поиски в конце концов привели их (Рерихов. – *Авт.*) к реальной встрече с Учителями, или Махатмами Востока, – пишет Росов, – которая произошла в Лондоне, в Гайд-парке, 24 марта 1920 года. И здесь начинается та особая область для исследований, где переплетаются эзотерика и политика»³. Невозможно переплести противоположное: эзотерику (от греческого слова – «внутренний»), которая соотносится исключительно с сокровенным, сокрытым, духовным миром человека, с политикой – инструментом материального, грубого, бездуховного мира. Но для Росова невозможного нет. Он целенаправленно идет к завершающему выводу: «Таким образом закладывалось начало *нового религиозного движения* (?! – *Авт.*) в Азии. Оно основывалось на том, что *лучшие умы Востока видели в учении коммунизма единственно возможную эволюцию человечества* (?! – *Авт.*), так как коммунистическая община вполне согласуется с мировой общиной Будды»⁴.

Но конкретные методы осуществления идей коммунизма в СССР никакого отношения к мировой общине Будды не имели. Именно об их несоответствии в форме предупреждения и было сказано в одной из книг учения Живой Этики «Община», которую Рерихи везли в дар Советскому правительству. «Предупреждений не поняли и им не вняли. В океане Космоса, по которому плыла Земля, что-то неуловимо изменилось, сроки незаметно сдвинулись, возможности оказались упущенными. Альтернатива, против которой предупреждали Учи-

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 185.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 136.

теля, стала на путь реализации. «Посылаем Вам всю нашу помощь». Помощь была отвергнута»¹.

Далее Росов вплетает в свое повествование Астахова, сотрудника советского посольства в Берлине (у Шишкина Астахов еще и агент ОГПУ), который «выдвигается главным передаточным звеном в сотрудничестве с Советами. А представителем Рериха становится Шибаетов»². Автор внушает читателю мысль, что отношения Николая Рериха с советскими дипломатами носили агентурный характер: Шибаетов «получил от Рериха задание передать Астахову некоторые документы...»³, «в Берлине Николай Константинович обещал Крестинскому и Астахову – по возможности регулярно передавать информацию»⁴.

В доказательство Росов цитирует переписку М.Лихтмана с В.Шибаетовым, хранящуюся в нью-йоркском Музее Николая Рериха, и приводит «кодовые обозначения», которыми Рерихи пользовались в переписке. Читатели, хорошо знакомые трудами Рерихов, особенно с письмами Елены Ивановны, знают, что Рерихи в переписке со своими учениками действительно использовали условные имена. Находясь в экспедиции, особенно в СССР и в Монголии, они осознавали, что находятся под контролем ОГПУ и переписка просматривается. Поэтому в своих записях они часто переходили на язык символов для обозначения людей и стран. Приводимый Росовым список с «кодовыми обозначениями» вовсе не является доказательством «шифрованной» работы со всеми ее последствиями, как на то намекает автор книги «Вестник Звенигорода».

Встреча Николая Константиновича с членами Советского правительства, во время которой были переданы письма Учителей, по мнению Росова, также подтверждает, что планы Центрально-Азиатской экспедиции и особенно ее Тибетский маршрут были согласованы в Кремле. Автор «идеи» – все тот же О.Шишкин. В интерпретации Росова она звучит так: «По прибытии в Москву в 1926 году он (Рерих. – Авт.) обсуждал тибетские планы с Советским правительством»⁵. В 1992 году в четвертом выпуске «Рериховского вестника» Росов сам опубликовал уже упоминающиеся выдержки из алтайского дневника Е.И.Рерих о том, какое мужество понадобилось для того, чтобы передать письма «самым страшным людям»⁶. Тогда Росов, будучи главным составителем

---

¹ Шапошникова Л.В. Книга-предупреждение // Община. Рига, 1992. С. 7.

² Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 121.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же. С. 187.

⁶ Рериховский вестник. Вып. 4. 1992. С. 42.

«Рериховского вестника» и директором Музея Н.К.Рериха в Изваре, в предисловии к «Алтайским записям Елены Рерих» писал: «Каждая публикация, связанная с именем Елены Ивановны Рерих, – это явление в истории российской культуры. Неизвестные рукописи и записки нашей соотечественницы дают нам представление об исторических путях развития знаний, помогают отыскивать источники духовности, напитывающие мир водами учения Живой Этики». Теперь он пишет о Рерихах совсем по-другому и выводы делает противоположные: духовность отодвинута на второй план, и «самые страшные люди» представлены как деятельные организаторы экспедиции Н.К.Рериха, с которыми великий художник обсуждает планы своего путешествия.

Наконец, заключительный аккорд. Вслед за Шишкиным, Минутко и другими «интеллектуальными мародерами» Росов пытается доказать, что Рерих сотрудничал непосредственно с ОГПУ.

Для обоснования версии «агентурной» деятельности Н.К.Рериха Росов использует дневники Зинаиды Лихтман: «Но самая замечательная встреча произошла в ГПУ, где были произнесены имена Майтрейи и Шамбалы и куда прошли с именем М. Предложения о сотрудничестве приняты с энтузиазмом. Несколько раз встречались с теми, в чьих руках находится власть»¹.

Восторженный тон записей Зинаиды Григорьевны легко объясним – она находилась под сильным впечатлением от сопричастности к великому духовному преобразованию, к которому как ученица была недавно привлечена Рерихами. Зинаида Григорьевна воспринимала все в возвышенных тонах, идеализируя обычные явления. То, что Росов использует интимную простоту дневниковых записей Зинаиды Григорьевны в своих корыстных целях, сравнимо с особой, инквизиторской жестокостью по отношению к «предмету исследования».

Опубликованные в 1998 году выдержки из этого дневника² показали, что записи З.Г.Фосдик, сделанные якобы со слов Рерихов, во многом не соответствуют мнению самих Рерихов по тем же вопросам. Это и высказывания о некоторых деятелях русской культуры, противоречащие страницам «Листов дневника» Н.К.Рериха, и сведения, касающиеся таких сокровенных вопросов, как, например, индивидуальность Жанны д'Арк, противоречащие дневниковым записям Е.И.Рерих. Очевидную неточность в передаче мыслей самих Рерихов

---

¹ Цит. по: Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 187.

² Фосдик З.Г. Мои Учителя: Встречи с Рерихами (по страницам дневника: 1922–1934). М., 1998.

можно объяснить тем, что дневниковые записи Зинаида Григорьевна делала, как правило, в конце дня. Записывая вечером или поздней ночью события, происшедшие за день, и услышанные в течение дня беседы с Рерихами, она в нескольких строках пыталась передать очень объемное и глубокое содержание – вернее, те моменты, которые отложились в ее сознании. При всем уважении к З.Г.Фосдик, надо отметить, что она далеко не всегда вмещала широту и космичность идей Рерихов, о чем и писала в своем дневнике: «...когда Пор[ума]¹ сказала, что мы многое не понимали из указанных нам вещей и действий и все же выполняли их, ибо делали для Иерархии, я моментально сказала, что она в этом права, ибо часто мы много лет не знаем, почему понадобился такой Указ и выполнение его, а потом, гораздо позже, начинаем понимать все»².

Манипулируя выдержками из этих дневников и используя «шпионскую» терминологию, Росов пытается добиться нужного результата. «Рекомендацию для встречи в ОГПУ, которое у Рерихов проходило под кодовым названием “Госстрах” (при этом опускается источник, по которому делается такая смелая расшифровка. – *Авт.*), дал глава Наркоминдела Чичерин»³. «Первый визит туда “без сомнения и страха” Николай Константинович нанес вместе с сыном Юрием. Таким образом установились дружеские отношения с заместителем председателя ОГПУ Михаилом Абрамовичем Трилиссером»⁴. Далее, по версии Росова: «Контакты с “Госстрахом” приняли на себя супруги Лихтмань»⁵, и «вскоре встречи в ОГПУ стали регулярными»⁶. Не забыл Росов упомянуть и одного из главных действующих лиц книги О.Шипкина «Битвы за Гималаи» – Г.И.Бокия, начальника спецотдела ОГПУ: «Через два дня Михаил Абрамович (Трилиссер. – *Авт.*) познакомил Лихтманов со своим “близким другом” Глебом Ивановичем Бокием»⁷.

Искусно обыгрывая тему контактов с ОГПУ, Росов не мог не знать, что это ведомство (как и впоследствии НКВД и КГБ) держало в своих руках многое, в том числе разрешение на въезд и выезд зарубежных граждан, на осуществление любых проектов зарубежных фирм на территории нашей страны, на перемещение иностранцев по СССР.

---

¹ Нетти Хорш, супруга Луиса Хорша.

² Фосдик З.Г. Дневник. Запись от 27.03.1935. ОР МЦР. Фонд №.1. № 10202. Л. 66.

³ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 187.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Там же. С. 193.

Рерихи и Лихтманы просто не могли миновать ОГПУ при решении вопросов, связанных с экспедицией. А участие руководителя иностранного (разведывательного) отдела ОГПУ М.А.Трилиссера во встрече с К.Н.Рябининым и супругами Лихтман объясняется его вполне понятным интересом к экспедиции Рериха.

В свое время Шишкин оклеветал Рериха, не имея представления ни о масштабах, ни о значении его личности, – в меру своего сознания он выполнял приказ и не скрывает этого. В случае с Росовым все обстоит иначе. Человек, который не так давно проникновенно рассуждал об источниках духовности и Живой Этике, сегодня сознательно реанимирует ложь о Н.К.Рерихе. Он не заблуждается, не ошибается. Он – предает. И чтобы окончательный шаг за черту предательства не выглядел столь явным, В.А.Росов, снисходительный к слабости рода человеческого, определяет Рериху в коллеге по «агентурной деятельности» Пржевальского и Козлова: «В начале прошлого века было естественным служить на пользу отечеству любым доступным способом. Путешественники Козлов и Пржевальский выполняли задание Генерального штаба и занимались разведкой. Сотрудничество Рериха с ОГПУ – это тоже часть его метода, добываясь главного, принимать все ради всего»¹.

Ключевая фраза сказана. Росов поставил все точки над «и» в своей «исследовательской» позиции.

На пути Рерихов в Советскую Россию Учителем было сказано: «Надо теперь готовиться к России, где нужно применить высшую меру формулы – Господом твоим. Только “да” на все нелепости, лишь постепенно вложите свое содержание»². Из этих строк следует, что Н.К.Рерих не «сотрудничал с ОГПУ», он в конкретных исторических условиях работал во имя Пославшего его и пытался использовать все обстоятельства для наиболее успешного выполнения Указа.

В сборнике «Защитим имя и наследие Рерихов» автором статьи «Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется»³ на основании анализа архивных документов, в том числе и службы внешней разведки, делается вполне обоснованное заключение о том, что руководство советской разведки могло вынашивать планы использовать экспедицию в своих целях. Для осуществления таких планов и был послан в Мон-

---

¹ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. С. 194.

² Рерих Е.И. Дневник. Запись от 27.03.1926. ОР МЦР. Фонд № 1. № 10237. Л. 114.

³ Стеценко А.В. Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется // Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001. Т. 1.

голию Я.Блюмкин. Этим объясняется наличие в иностранном отделе ОГПУ (ныне Служба внешней разведки) документов, отражающих всевозможную информацию о Рерихах, которую смогли добыть оперативные сотрудники (в том числе результаты наблюдения, слежки в Монголии, доносы, которые говорят об организации провокаций против Рерихов, перехваченная переписка и другие материалы, свидетельствующие, что советская разведка всерьез интересовалась Рерихами). Но, как известно, из этого ничего не получилось. Рерихи вышли победителями из тайной войны, которую против них вела советская разведка во второй половине 20-х и в начале 30-х годов.

В 1993 году документы, которые хранились в архивах Службы внешней разведки, были рассекречены и решением руководства СВР переданы Международному Центру Рерихов. На телевидении и в газетах Ю.Кабаладзе, тогда руководитель пресс-бюро СВР России, однозначно заявил, что Рерихи никоим образом не были связаны с деятельностью советской разведки. Сам факт, что документы рассекречены и переданы в МЦР, – убедительное тому подтверждение (согласно закону о внешней разведке России, сведения о лицах, которые сотрудничали с органами, не подлежат рассекречиванию и хранятся в архиве СВР бессрочно). Международный Центр Рерихов располагает и другими документами, свидетельствующими, что Рерихи никогда не сотрудничали с ОГПУ. Неоднократно проводились открытые пресс-конференции, на которых это было доказано. Центр-Музей выиграл суд по защите чести и достоинства Рерихов против клеветника О.Шишкина и газеты «Сегодня». В 2001 году на Международной общественно-научной конференции в МЦР, посвященной защите имени и наследия Рерихов, вновь были представлены все документы. И Росов не мог об этом не знать.

Так что же двигало пером В.А.Росова? Весьма своеобразный научный интерес, погоня за сенсацией, необъяснимая неприязнь к Н.К.Рериху (которая сквозит буквально во всех высказываниях о мыслителе и художнике), или за его спиной стоит тот же заказчик, который почти десять лет назад принес О.Шишкину необходимые материалы и «попросил» написать статью соответствующего содержания? Шишкин на презентации своих писаний не постеснялся признаться в этом. В.А.Росов продолжает утверждать, что ради доброго имени Н.К.Рериха готов пожертвовать жизнью. Но на деле доброе имя Н.К.Рериха подвергается умалению и очернительству.

По поводу таких «сереньких союзников» Николай Константинович писал в статье «Самоотвержение зла»: «Может быть, иногда сам

лгущий и не верит в существование своей клеветы, ее очевидной неправдоподобности, но какой-то трудно выразимый словами процесс заставляет его катиться по наклонной плоскости <...> Ведь если для кого-то не ясны нормы добра, то, по крайней мере, хотя бы чистоплотность ознакомления с фактами должна быть примитивным условием человекообразия»¹.

В книге «Николай Рерих: Вестник Звенигорода», как и в других произведениях, В.А.Росову не удалось написать портрет Николая Константиновича. Зато без полутонков выявился облик самого автора. Автопортрет, к сожалению, получился неприглядный.

* * *

Биография всех членов семьи Рерихов, обладавших поистине космическим сознанием, остается предметом исследования, принадлежащим не к категориям политики, а к категориям высокой духовности и Культуры. По мере понимания этого растет осознание ответственности исследователя. Об этом как нельзя лучше сказал П.Ф.Беликов: «...когда мне было лет тридцать, я думал, что я могу много сказать о Рерихе, и стремился к этому. Жизнь сложилась так, что вышел я на профессиональную арену с чувством, что теперь-то я могу сказать о Рерихе так, как надо, когда был на исходе пятый десяток лет. А теперь, когда мне на исходе уже шестой десяток, я гадаю – сумею ли я до конца жизни вообще сказать о Рерихе то, что нужно, и так, как нужно»².

О.А.Лавренова, В.Ю.Музычук, А.В.Стеценко

---

¹ *Рерих Н.К.* Листы дневника. Т. 1. С. 43.

² *Беликов П.Ф.* Письмо А.Н.Анненко от 22.12.1978 // Непрерывное Восхождение. В 2 т. М., 2003. Т. 2. Ч. 2. С. 265.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
--------------	---

Часть первая. ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ ЗЕМНОГО ЗНАНИЯ

1. Священная ночь Элевсина.....	20
2. Учителя – кто они?	82
3. Шамбала – миф и реальность.....	118
4. Историческое поле познания	169
5. Свет Фаворский.....	186
6. На пути к космическому сознанию	228

Часть вторая. ВЕСТНИКИ КОСМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

1. «Царство моих идей впереди».....	251
2. «И я зажег этот огонь».....	397
3. «... Сын Земли, причастный к силе Феба».....	497
4. «О, вещая душа моя!».....	611

Часть третья. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЖИВОЙ ЭТИКИ

1. Рерихи.....	746
2. Энергетическое мировоззрение Живой Этики	758
3. «Доспех лучей лабораторных».....	795
4. «Разбудить спящую Мудрость».....	820
5. «Мост над гремящим потоком».....	829
6. Система познания учения Космической Реальности	852
7. Созвучие	916
8. «И за победной колесницей...»	949

ЭПИЛОГ.....	959
-------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Введение.....	975
Противостояние.....	978
Наследию Рерихов грозит уничтожение	989
Кто разбазаривает наследие Рерихов?	993
Анатолий Карпов объявляет мат чиновникам Минкультуа	1001
Юлий Воронцов:	
«Ситуация с наследием Рерихов – возмутительна»	1007
Предатели.....	1016
Откровение от «Сферы»	1030
Автопортрет в серых тонах	1056

*Людмила Васильевна
Шапошникова*

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

**Книга третья
ВСЕЛЕННАЯ МАСТЕРА**

Оформление и макет
Л.В.Шапошникова, С.В.Чернова

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*

Главный редактор *Т.О.Книжник*

Редакторы *П.Ф.Волков, Л.А.Голубенкова*

Младший редактор *И.С.Жарова*

Корректор *Л.П.Сидоренко*

Компьютерный набор *И.С.Жарова, Т.Г.Черных*

Компьютерная верстка и сканирование *В.С.Аникина*

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумуга мел. 80 г/м²

Гарнитура ScoolBookC. Печ. л. 68. Заказ №

Международный Центр Рерихов

119019, Москва, Малый Знаменский пер., д. 3/5

ООО «Полиграф-Эра»

Типография ОАО «Внешторгиздат»

125576, Москва, Илимская ул., д. 7

ISBN 5-86788-162-5

9 785869 188162 5

«Высокая духовность обоих Рерихов позволила донести информацию, которую они получали из Высшего источника, в неискаженном и неизвращенном виде. Космическая эволюция как бы завершила Живой Этикой важнейшую стадию в процессе формирования нового мышления и обозначила этим вековую веху в развитии Духовной революции в пространстве России. Подвиг Рерихов не только в том, что они сообщили нам тексты и идеи Живой Этики, но и в том, что они открыли нам удивительный мир космических ощущений и переживаний, мир новой Красоты и новых эволюционных возможностей, мир не фантазии и иллюзий, а Истины и Реальности».

«Вселенная Мастера»